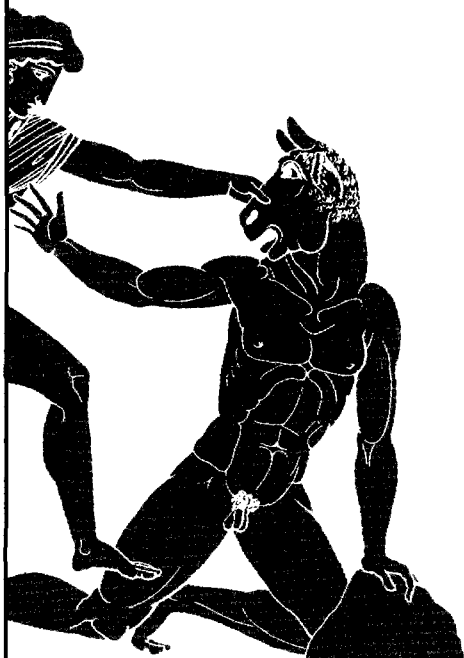

Роберт Грейвс

Мифы Древней Греции

bibliotheca mythologica

Екатеринбург
У-Фактория
2005

The Greek Myths by Robert Graves

This edition published by arrangement
with AP Watt Limited and Synopsis Literary Agency

Copyright © 1960 by the Trustees
of the Robert Graves Copyright Fund

Серия «Bibliotheca mythologica»

Составитель В. Харитонов

Перевод с английского

К. Лукьяненко

Грейвс Р.

Г79 Мифы Древней Греции / Пер. с англ. К. Лукьяненко. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005. — 1008 с. (Серия «Bibliotheca mythologica»).

ISBN 5-9709-0136-9

Книга Роберта Грейвса, знаменитого английского поэта, романиста, переводчика, автора исследований, посвященных истории и мифологии Древнего Востока («Иудейские мифы», совместно с Р. Патаем), «Белая богиня» и многих других, представляет собой изложение древнегреческих мифов, которое сопровождается ссылками на античных писателей, историков и философов и обширными комментариями самого автора, обладавшего незаурядной эрудицией. В его увлекательном поэтическом пересказе представлена эволюция жестоких и мрачных архаических богов и героев в прекрасные очеловеченные образы.

ББК 82.3(0)

ISBN 5-9709-0136-9

- © К. П. Лукьяненко,
перевод на русский язык, 1992
- © К. Прокофьев, А. Касьяненко,
обложка, макет, 2005
- © ООО «Агентство прав
«У-Фактория», 2005

В дополнение к целому корпусу «священных» историй средневековые эмиссары католической церкви принесли в Великобританию утвердившуюся на Европейском континенте университетскую систему, основанную на греко-латинской классике. В широких народных массах еще продолжали жить исконно английские легенды о короле Артуре, Ги Варвикском, Робине Гуде и короле Лире, однако уже накануне тюдоровской эпохи священники и вообще образованные люди все чаще стали обращаться к мифам из произведений Овидия и Вергилия, а также к сведениям о Троянской войне, почерпнутым из учебников классической школы. Хотя профессиональную английскую литературу XVI—XIX вв. трудно понять без знания греческой мифологии, классические дисциплины так стремительно теряют под собой почву в школах и университетах, что образованному человеку сегодня вряд ли что-нибудь говорят имена Девкалиона, Пелопа, Дедала, Эноны, Лаокоона или Антигоны. Современные знания об этих мифах чаще всего черпаются из таких книг, как «Герои Древней Греции» Кингсли или «Тангвудские предания» Готорна^{1*}. На первый взгляд, это

^{1*} Кингсли Чарльз (1819—1875) — английский писатель и религиозный деятель, известна его книга «Герои» (1856), посвященная греческим мифам; Готорн Натаниэль (1804—1864) — американский писатель-романтик, использовал в своих произведениях сюжеты мифов. Полное название упоминаемого Р.Грейвсом произведения «Тангвудские предания для девочек и мальчиков» (1853). Популярная книга с изложением греческих мифов на русском языке: Куп Н. Легенды и мифы Древней Греции. — *Здесь и далее в сносках со звездочкой примечания редактора.*

явление может показаться не заслуживающим внимания, тем более что два последних тысячелетия мифы упорно рассматривались как причуды химерической фантазии, этакое милое наследие пребывавшего в младенчестве греческого интеллекта, значение которого по понятным причинам принижалось церковью, стремившейся возвеличить духовную ценность Библии. Однако для древней европейской истории, религиоведения и социологии значение мифов трудно переоценить.

«Химерический» — прилагательное, образованное от слова *chimaira*, что значит «коза». Четыре тысячи лет назад Химера воспринималась так же естественно, как сегодня нами воспринимается любая религиозная, геральдическая или коммерческая эмблема. Это было общепринятое изображение «составного» зверя ^{2*}, имевшего (по свидетельству Гомера ^{3*}) голову льва, туловище козы и хвост змея. На стенах хеттского храма в Кархемише найдено одно из изображений Химеры, которая, как и другие составные существа, например Сфинкс и Единорог, первоначально являлась календарным символом: каждая составная часть соответствовала определенному времени года в священном году небесной царицы. Аналогичным образом, согласно Диодору Сицилийскому ^{4*}, временам года соответствовали и три струны ее черепаховой лиры. Древний год, состоявший из трех сезонов, рассмотрен Нильссоном в его работе «Архаическое восприятие времени» (1920) ^{5*}.

Однако только небольшая часть огромного, разнородного корпуса греческой мифологии, содержащего критские, египетские, палестинские, фригийские, вавилонские и другие заимствования, может быть классифицирована как собственно миф, восходящий к Химере. Собственно миф можно определить как стенографическую запись ритуального мифа,

^{2*} «Составной» зверь — тератоморфные мифологические существа (греч. *teras* — «чудовище», *tophē* — «вид»).

^{3*} Гомер (ок. 900 до н. э.) — легендарный греческий эпический поэт, предполагаемый автор «Илиады», «Одиссеи» и других произведений. Место рождения неизвестно, но 7 городов еще в древности оспаривали честь называться его родиной. Его представляли странствующим певцом-рапсодом, наказанным слепотой за клевету на Елену Троянскую. Проблема реальности Гомера и авторства приписываемых ему эпических поэмам остается дискуссионной до сих пор.

^{4*} Диодор Сицилийский (ок. 90—21 до н.э.) — историк эпохи эллинизма, автор «Исторической библиотеки» в 40 книгах. Хронологически не всегда точное повествование представляет собой изложение истории ряда государств Африки, Азии и Средиземноморья от мифологических времен до Юлия Цезаря.

^{5*} Нильссон М. П. (1874—1967) — шведский ученый, специалист по мифологии и классической литературе, историк религии.

исполнявшегося на народных празднествах. В большинстве случаев мы находим такую запись на храмовых стенах, вазах, печатях, чашах, зеркалах, ларцах, щитах, гобеленах и других предметах подобного рода. Химера и аналогичные ей календарные животные не могли не играть важной роли в таких театрализованных представлениях, которые в виде иконографической и устной передачи превратились в высшую инстанцию или устав религиозных институтов каждого племени, клана или города. В их основе лежали архаические магические действия, призванные обеспечить богатство и непоколебимость священных царств, во главе которых стояли царицы или цари, причем похоже, что первый тип царств появился раньше на всей территории распространения греческого языка. При необходимости в такие представления вводились поправки. В своем трактате «О пляске» Лукиан ^{6*} перечисляет впечатляющее количество ритуальных мифов, сохранившихся вплоть до II в. н. э. Данное Павсанием ^{7*} описание храмовых росписей в Дельфах (X.25.2—31,4) и украшавшая ларец Кипсела (Павсаний. V.17,4) резьба говорят о том, что в те времена еще существовало огромное количество указаний на мифы, от которых ныне не осталось даже следа.

Собственно миф следует отличать от таких жанров, как:

- 1) философская аллегория, обнаруживаемая нами, например, в гесиодовской космогонии;
- 2) этиологическое объяснение мифов, которые перестают быть понятными (запрягание Адметом льва и кабана в колесницу);
- 3) сатира или пародия (описание Атлантиды у Силены);
- 4) сентиментальная притча (история Нарцисса и Эхо);
- 5) беллетризация истории (приключение Ариона с дельфином);
- 6) любовная история (история Кефала и Прокриды);

^{6*} Лукиан (120—185) греческий писатель. Прославился своими сатирическими диалогами — высмеивал и традиционный культ олимпийских богов («Разговоры богов», «Разговоры в царстве мертвых», «Зевс уличаемый» и др.), и последователей всех известных философских школ, и новое для того времени христианское учение. Автор нескольких фантастических произведений. Оказал большое влияние на творчество многих писателей начиная с эпохи Возрождения.

^{7*} Павсаний (ок.150—ок.180) — греческий путешественник и писатель, автор «Описания Эллады», содержащего краткие характеристики различных достопримечательностей, приводятся легенды и предания. Имя Павсаний переводится с греческого как «путешественник» и, скорее всего, является прозвищем, а не именем этого замечательного автора.

- 7) политическая пропаганда (объединение Аттики Тесеем);
- 8) нравоучение (повесть об ожерелье Эрифилы);
- 9) веселые анекдоты («альковный фарс» с участием Геракла, Омфалы и Пана);
- 10) театральная мелодрама (повесть о Фесторе и его дочерях);
- 11) героическое сказание, составляющее, например, основное содержание «Илиады»;
- 12) реалистическая проза (описание посещения феаков Одиссеем).

Подлинные мифические элементы, однако, могут встретиться даже там, где их меньше всего ожидаешь. Тем не менее у одного автора очень редко удастся обнаружить достаточно полную и хорошо иллюстрированную версию отдельного мифа. Более того, при поиске первоначальной формы мифа не следует полагать, что чем древнее источник, тем он авторитетнее. Очень часто веселый Каллимах^{8*}, чья жизнь пришлась на александрийскую эпоху, фривольный поэт эпохи Августа Овидий^{9*} или педантичный Цец^{10*}, живший в поздневизантийскую эпоху, дают, бесспорно, более ранний вариант мифа, чем Гесиод или греческие трагики, а датируемое XIII в. «*Exci; dium Troiaie*» («Разрушение Трои») местами более логично в изложении мифа, чем «Илиада». При попытке выделить смысл мифологического или псевдомифологического повествования особое внимание следует уделять именам, а также тому, у какого народа возник данный миф и какова судьба интересующих исследователя героев. Только после восстановления формы драматического ритуала по содержанию свойственные мифу элементы подскажут аналогию с другим мифом, которому раньше давалась совершенно иная, порой неправильная трактовка, и в результате оба мифа получат новое освещение.

^{8*} Каллимах (310—240 до н. э.) — греческий поэт из Кирены, автор каталога Александрийской библиотеки «Таблицы тех, кто прославился во всех областях знаний». Ему приписывается более 800 сочинений. В сборнике элегий «Причины» он описывает происхождение различных обычаев, праздников, географических названий.

^{9*} Овидий (Публий Овидий Назон; 43—18 до н. э.) — римский поэт, оказавший сильнейшее воздействие на европейскую литературу от Средних веков до наших дней. Учился в Риме и Афинах, путешествовал, был видной фигурой в римском обществе. Автор множества произведений — пьес, элегий, поэм («Медея», «Любовные элегии», «Героини», «Фасты», «Метаморфозы» и др.). Поэма «Искусство любви» («Наука любви») считается вероятной причиной ссылки в Томы на западном берегу Черного моря, откуда ему не суждено было вернуться.

^{10*} Цец Иоани — византийский поэт и ученый XII в., написавший поэму о Троянской войне в трех частях.

Изучение греческой мифологии (как того давно требовали Бахофен и Бриффо^{11*}) нужно начинать, имея хорошее представление о матриархальной и тотемной системе, сложившейся в Европе ко времени появления патриархальных пришельцев с востока и севера. Это дает возможность проследить, как существовавшая система постепенно уступала место матрилинейной, а затем патрилинейной жреческой монархии, которая в конечном счете была полностью заменена патриархальной системой на фоне превращения племен-мигрантов с их фратриями^{12*} и кланами в региональные государства с городами и деревнями. Знание примитивных итальянских, ирландских, валлийских и скандинавских мифов помогает выявить такую последовательность, поскольку в этих районах она претерпела меньше изменений, чем в Греции, и, несмотря на имеющиеся антропологические и климатические различия, религиозная система в Европе эпохи неолита и бронзы, вероятнее всего, была исключительно однородной и основывалась на той же мистической связи между богиней-луной и ее сыновьями, первоначально объединенными в ее различные тотемные фратрии. Я разработал в чем-то неортодоксальную и допускающую дальнейшие уточнения историческую гипотезу, которая тем не менее не противоречит современным археологическим и антропологическим сведениям и, надеюсь, хорошо объясняет вариации мифического образа.

В древней Европе не было богов. Великая богиня считалась бессмертной, неизменной и всемогущей. Религиозное мировоззрение пока еще обходилось без идеи отцовства. У богини были супруги-соправители, однако брала она их для удовольствия, а не для того, чтобы дать отца своим детям. Мужчины боялись своего матриарха, поклонялись и подчинялись ей; очаг, за которым она следила в пещере или хижине, являлся самым древним социальным центром, а материнство считалось главным таинством. Вот почему греческое публичное жертвоприношение предусматривало принесение первой жертвы Гестии — покровительнице очага. Белое аниконическое^{13*} изображение богини было, пожалуй, ее самой распространенной эмблемой, которая в Дельфах имела вид *omphalos* («пуп земли»)^{14*}.

^{11*} Бахофен И.-Я. (1818—1887) — швейцарский ученый, профессор римского права в Базеле, автор книги «Материнское право» (1861); Бриффо Р. — историк культуры, автор книги «Мужчина, женщина и творческий дух».

^{12*} Фратрия (греч. *phratría* — «братство») — объединение нескольких родов.

^{13*} Аниконический (греч. *eikon* — «икона, изображение» + отрицание *a*) — символическое, небуквальное изображение образа.

^{14*} Омфалос, омфал (греч. «камень»), «пуп земли» — согласно греческой мифологии, центр обитаемого мира.

Первоначально он мог являть собой горку тлеющих углей, покрытых белой золой. Это был самый простой способ бездымного хранения огня. Позднее внешние признаки этого символа перешли на побеленную известью насыпь, под которой прятали урожайную «хлебную бабу», чтобы извлечь ее весной, когда она прорастет, а также на курганы из морских ракушек, кварца или белого мрамора, под которыми хоронили умерших царей. Небесным символом богини была не только луна, но (судя по Гемере в Греции и Греине в Ирландии) и солнце. В древнем греческом мифе солнце, однако, уступает первенство луне; она внушает больший суеверный страх, не теряет своей яркости к концу года и, кроме того, наделяется правом решать: давать ли воду полям.

Три фазы луны — молодая, полная и убывающая — напоминали три фазы матриарха: девственница, нимфа (женщина в брачном возрасте) и старуха. Далее, поскольку ежегодный бег солнца аналогичным образом напоминал рост и упадок физических сил богини (весна была девственницей, лето — нимфой, а зима — старухой), ее стали идентифицировать с сезонными изменениями в растительной и животной жизни, а следовательно, и с матерью-землей, которая в начале вегетативного года производит только листья и бутоны, затем — цветы и плоды и, наконец, перестает плодоносить. Ее можно представить в виде еще одной триады: девушка верхнего мира, нимфа земли или моря и старуха подземного мира, персонифицированные соответственно в Селене, Афродите и Гекате. Эти мистические аналогии объясняют священность числа три, а количество ипостасей богини-луны доходит до девяти, когда каждая из ее персонификаций — девственница, нимфа и старуха — представлена триадой, чтобы еще больше подчеркнуть ее божественность. Однако поклонявшиеся богине-луне ни на миг не забывали, что имеются в виду не три богини, а всего одна, хотя к классическому времени Стимфал в Аркадии был одним из немногих мест, где все три ипостаси носили одно и то же имя: Гера.

По мере того как соитие становилось общепризнанной причиной деторождения — об этом поворотном пункте в религии свидетельствует хеттский миф о простодушном Аппу (Х. Г. Гютербок. Кумарби, 1946^{15*}), — религиозный статус мужчины постепенно повышался, а ответственность за беременность женщин больше не возлагалась на ветры

^{15*} См.: Гютербок Х. Г. Хеттская мифология // Мифология древнего мира: Пер. с англ. М., 1977.

и реки. Нимфа, или царица племени, выбирала себе на год возлюбленного из числа юношей, состоявших в ее свите, и в середине зимы, когда кончался год, он приносился в жертву. Возлюбленный был скорее символом плодородия, чем объектом ее эротических наслаждений. Его кровь разбрызгивали, чтобы плодоносили деревья, росли хлеба и давали приплод стада, а тело, вероятно, поедалось в сыром виде женским окружением царицы — жрицами в масках кобыл, сук и свиней. Затем эта практика изменилась: царь стал умирать, когда сила солнца, с которым его идентифицировали, летом шла на убыль, а другой юноша, его близнец или мнимый близнец — это понятие можно выразить древнеирландским термином танист (*tanist*), — становился новым возлюбленным царицы, чтобы в положенное время, посреди зимы, быть принесенным в жертву и в качестве вознаграждения за это возродиться в змее-оракуле. Такие консорты обретали исполнительную власть только тогда, когда им разрешалось подменять царицу, нося ее магическое одеяние. Так возникли цари-жрецы, и, несмотря на то что солнце стало символом мужской плодовитости, как только возникла связь между жизнью царя и годичным циклом, луна не теряла своего главенства над солнцем, а царица — над царем, по крайней мере внешне, даже тогда, когда матриархат уже полностью выродился. В Фессалии колдуньи продолжали пугать солнце луной, говоря, что его поглотит вечная ночь (Апулей. *Метаморфозы*. III.16).

Ничто тем не менее не свидетельствует о том, что даже в те времена, когда женщины безраздельно властвовали в делах религии, для мужчин не оставалось поля деятельности, где они могли бы прилагать свои усилия без оглядки на женщин. Более того, как показывает исследование Маргарет Мид^{16*}, посвященное охотникам за головами из племени чамбули, живущего в Новой Гвинее, мужчины даже могли перенять ряд характеристик «слабого пола», которые ныне считаются функциональной особенностью мужчин. Им могли доверять охоту, рыбную ловлю, сбор отдельных продуктов питания, уход за стадами и участие в защите племенной территории от пришельцев, но, однако, лишь в той мере, в какой это не нарушало законов матриархата. Избирались вожди тотемных кланов, которым давалась определенная власть, особенно во время переселений и войн. Оказалось, что в разных матриархальных системах

^{16*} Мид Маргарет (1901—1960) — американский археолог и антрополог, известна своими исследованиями в области возрастной (детской) антропологии.

существовали различные правила, согласно которым выбирался верховный вождь: обычно им становился дядя царицы по материнской линии, ее брат или сын тетки — опять же по материнской линии. Верховный вождь племени также выступал в роли судьи при решении личных споров между мужчинами, если при этом не наносился ущерб культовому авторитету царицы. Примером самой примитивной из доживших до сегодняшнего дня матрилинейных общин являются нага, живущие на юге Индии. У них существует обычай, по которому принцессы должны выходить замуж за малолетних мужей только для того, чтобы тут же с ними развестись. В дальнейшем у принцесс появлялись дети, отцами которых могли быть мужчины, не отличавшиеся особым положением в племени. Аналогичный обычай сохранился также у матрилинейного племени ком в Камеруне. Если только «сто семейств» Локриды не являлись исключением, то женщины из царских семей в доэллинской Греции не считали зазорным иметь любовников из числа своих слуг. Для отсчета времени первоначально служили смены фаз луны, и всякая важная церемония происходила тогда, когда луна находилась в пущной фазе. Периоды солнцестояния и равноденствия еще не умели определять точно и рассчитывали их с привязкой к ближайшему новолунию или полнолунию. Особое значение приобрела цифра семь, поскольку царь умирал на седьмое полнолуние после самого короткого дня. Даже когда после тщательных астрономических наблюдений удалось определить, что сидерический год^{17*} состоит из 364 дней и нескольких часов, его все равно делили не на части солнечного цикла, а на месяцы, т. е. лунные циклы. Позднее в англоязычных странах эти отрезки времени стали называть «обычными месяцами». Каждый такой месяц насчитывал двадцать восемь дней, причем это число считалось священным, поскольку луну можно было почитать как женщину, у которой менструальный цикл обычно составляет двадцать восемь дней. Кроме того, этот период охватывает полный цикл лунных превращений. Семидневная неделя, таким образом, является единицей «обычного месяца», причем значение каждого дня, очевидно, определялось в зависимости от соответствующего месяца жизни царя-жреца. Эта система привела к тому, что между женщиной и луной установилась еще более устойчивая ассоциация, причем количество дней в году — 364 — без остатка делилось на 28. В связи с этим всю последовательность народных празднеств в году можно было

^{17*} Сидерический (лат. sidus — «звезда») — звездный.

рассчитать, пользуясь «обычными месяцами». Религиозная традиция сохранила среди крестьян Европы воспоминания о годе, состоявшем из 13 месяцев, несмотря на то, что с момента принятия юлианского календаря прошло уже более тысячи лет. Так, Робин Гуд, живший во времена Эдуарда II, в балладе, посвященной весеннему празднику, восклицает:

Сколько месяцев веселых получается в году?

Я отвечу вам: тринадцать... —

что заставило редактора тюдоровской эпохи изменить строку: «Я отвечу вам: двенадцать...». Число тринадцать — порядковый номер месяца, в котором умирало солнце, — так и не потеряло своей дурной репутации среди суеверных. Днями недели заведовали титаны — властители солнца, луны и пяти известных к тому времени планет. За своих подопечных они держали ответ перед богиней творения. Не исключено, что эта система возникла в матриархальном Шумере.

Таким образом, солнце проходило через тринадцать месячных этапов, начиная с зимнего солнцестояния, после которого дни, уменьшавшиеся с самой осени, начинали вновь увеличиваться. Дополнительный день земного года, возникающий из-за несовпадения сидерического года и вращения земли вокруг солнца, вставлялся между тринадцатым и первым месяцем и был самым важным из 365 дней, поскольку именно в этот день племенная нимфа выбирала себе царя-жреца, который, как правило, был победителем соревнований в беге, борьбе или стрельбе из лука. Однако этот примитивный календарь претерпел ряд изменений. В некоторых районах дополнительный день вводился не в период зимнего солнцестояния, а в какой-нибудь другой новогодний период: когда появлялись первые приметы весны, или во время весеннего равноденствия, когда считалось, что солнце набирает силу; в середине лета, или когда всходила звезда Сириус и разливался Нил; во время осеннего равноденствия, когда начинались первые дожди.

Помимо прочего, древнегреческая мифология отражает менявшиеся отношения между царицей и ее возлюбленными. Эти отношения начались ежегодными или двухгодичными жертвоприношениями, а закончились — к тому моменту, когда сочинялась «Илиада» и цари хвастались: «Мы намного лучше, чем наши отцы!» — полным поражением царицы и возникновением неограниченной мужской монархии. Многочисленные африканские аналогии иллюстрируют последовательные этапы такого

изменения, начиная с уже упоминавшегося племени ком и восточноафриканских баганда, чей вождь до сих пор делит трон со своей сестрой и ест то, что ему даст царица-мать, и кончая североафриканскими монархиями, где царские жены заточались в гаремы.

Значительная часть греческого мифа представляет собой политико-религиозную историю. Беллерофонт, например, садится на Пегаса и убивает Химеру. Персей (в одном из вариантов той же легенды) летит по воздуху и обезглавливает мать Пегаса — Медузу Горгону. Очень похоже вавилонский герой Мардук убивает морскую богиню — чудовище Тиамат. Имя *Персей* правильнее было бы писать *Птерсей*, т. е. «разрушитель»; он не был, как предполагает проф. Кереньи^{18*}, архетипическим воплощением смерти, а, пожалуй, представлял патриархальных эллинов, которые вторглись в Грецию и Малую Азию в начале II тысячелетия до н. э. и бросили вызов власти триады богинь. Пегас считался священным конем женской триады, потому что конь, чьи подковы напоминают по форме луну, фигурировал в церемониях, связанных с вызыванием дождя и возведением на престол царя-жреца. Его крылья символизировали скорее не быстроту, а его небесную природу. Дж. Харрисон^{19*} указывала, что Медуза некогда сама была богиней и прятала лицо за устрашающей маской горгоны, этой отвратительной личины, которая должна была удержать непосвященного от проникновения в ее таинства. Персей обезглавливает Медузу, и это означает, что эллины подчинили себе основные святилища этой богини, лишили ее жриц масок горгоны и овладели священными конями, в Беотии было найдено древнее изображение богини с головой горгоны и туловищем кобылицы. Двойник Персея Беллерофонт убивает ликийскую Химеру, символизируя тем самым отказ эллинов от календаря Медузы и замену его другим календарем.

Еще пример. Уничтожение Пифона Аполлоном в Дельфах, вероятно, указывает на захват ахейцами святилища критской богини-земли; о том же говорит преследование Аполлоном Дафны, которую Гера превратила в лавровое дерево. Этот миф цитировался психологами фрейдистского толка как символизирующий инстинктивный страх девушки перед половым актом. Однако Дафна меньше всего была испуганной девственницей. Ее имя происходит от *Daphnoie*, т. е. «красная»,

^{18*} Кереньи К. (1850—1973) — венгерский исследователь мифологии и религии. Совместно с К. Юнгом написал книгу «Введение в сущность мифологии».

^{19*} Харрисон Дж. (1850—1928) — английская исследовательница древнегреческой религии и мифологии, автор книги «Введение в изучение греческой религии».

«обагренная», — оргнастическая ипостась богини, чьи жрицы — менады — жевали дурмящие лавровые листья (лавр содержит цианид калия) и резвились при полной луне, нападая на незадачливых прохожих и разрывая на куски детей или молодых животных. Эллины ликвидировали институт менад, и только лавровая роща свидетельствовала о том, что в этом святилище некогда пребывала *Daphne*. В Греции вплоть до римской эпохи существовало табу на жевание лаврового листа всеми, кроме пифийской жрицы-пророчицы, которую Аполлон оставил у себя на службе в Дельфах.

Эллинское нашествие в начале II тысячелетия до н. э., обычно называемое эолийским или ионийским, вероятнее всего, было менее разрушительным, чем более поздние нашествия ахейцев и дорийцев. Небольшие вооруженные группы пастухов, поклонявшихся арийской триаде богов — Индре, Митре и Варуне, — преодолели естественную преграду в виде *Офрийской горной цепи* и относительно мирно смешались с доэллинским населением Фессалии и Центральной Греции. Они были приняты как дети местной богини и давали ей из своей среды царей-жрецов. Так мужская военная аристократия оказалась примиренной с женской теократией, причем не только в Греции, но и на Крите, где также возникли эллинские поселения, через которые впоследствии критская цивилизация была экспортирована в Афины и на Пелопоннес. К определенному времени на греческом языке уже говорило все побережье Эгейского моря, а во времена Геродота только один оракул вещал на доэллинском языке (Геродот. VIII.134—135). Царь считался заместителем Зевса, Посейдона или Аполлона и звался одним из их многочисленных имен. Но, несмотря на это, даже Зевс в течение нескольких столетий оставался всего лишь полубогом, а не бессмертным олимпийским божеством. Все наиболее древние мифы, повествующие о том, как боги соблазняли нимф, говорят, очевидно, о браках между эллинскими вождями и местными жрицами богини луны, чему всячески препятствовала Гера, т. е. консервативное религиозное чувство.

Когда кратковременность царского правления превратилась в помеху, было решено продлить тринадцатимесячный год и перейти к счету по «великим годам», состоящим из ста лунных месяцев, что давало почти точное совпадение солнечного и лунного календарей. Но поскольку поля и хлеба требовали оплодотворения, царь соглашался ежегодно переживать фиктивную смерть, передавая на один день — интеркаларий, находящийся как бы вне священного звездного года, — всю власть

своему заместителю — мальчику-царю (*interrex*), который умирал на закате этого дня, а кровь его использовалась в церемонии окропления. Теперь царь-жрец либо правил в течение всего «великого» года, имея таниста в качестве своего помощника, либо оба правили попеременно через год. Иногда царица разрешала им делить свое царство между собой и править одновременно. Во многих культовых вопросах царь подменял царицу. Он носил ее одежды, накладывал фиктивные груди, брал на время ее лунный топор, являвшийся символом власти, и даже перенял от нее магическое искусство вызывания дождя. Его ритуальная смерть принимала различные формы: его разрывали на части разъяренные женщины, пронзали разящим копьем, рубили топором, кололи в пятку отравленной стрелой, сжигали на костре, топили в озере, сбрасывали с обрыва или делали его жертвой подстроенного крушения колесницы. Единственное, чего он не смел, это избежать смерти. Когда на жертвенном алтаре мальчиков стали заменять животными, а конец даже более длительного правления перестал означать для царя смерть, наступил новый этап. Разделив царство на три части и отдав по части каждому из своих преемников, он мог править в течение еще одного срока. Объяснить это можно тем, что было найдено более точное совпадение между лунным и солнечным календарем, а именно: девятнадцать лет и семь месяцев. «Великий» год превращается в «большой великий» год.

На всех этих последовательных этапах, нашедших отражение в мифах, царь-жрец приобретал свое привилегированное положение благодаря браку с племенной нимфой, которой становилась победительница в беге среди женщин царского дома или младшая дочь младшей ветви, достигшая брачного возраста. Наследование трона оставалось матрилинейным (теоретически такая практика существовала даже в Египте), поэтому царь-жрец и его танист всегда выбирались из числа мужчин, не принадлежавших женскому царскому дому. Так продолжалось до тех пор, пока царь не решался совершить инцест со своей наследной дочерью и тем самым вновь получал право на трон.

Многочисленные нашествия ахейцев в XIII в. до н. э. значительно ослабили матрилинейную традицию. Вероятно, в это время царь стал пожизненным правителем, а когда в конце II тысячелетия пришли дорийцы, патриархальное правление уже было общепринятым. Принц больше не покидал отцовского дома, чтобы жениться на чужой принцессе; она сама приходила к нему. Именно так Одиссей заставил поступить Пенелопу. Генеалогия стала патрилинейной, хотя рассказанная

Псевдо-Геродотом ^{20*} в «Жизнеописании Гомера» самосская история показывает, что еще какое-то время после возникновения *анаторий*, т. е. праздника мужского родства, заменившего аналогичный праздник женского родства, существовала практика жертвоприношений матери-богине, при которых мужчины не имели права присутствовать.

Знакомая олимпийская система возникла как компромисс между эллинскими и доэллинскими представлениями: появилось божественное семейство из шести богов и шести богинь, возглавляемых Зевсом и Герой в качестве соправителей и образующих совет богов вавилонского типа. Однако после восстания доэллинического населения, фигурирующего в «Илиаде» как заговор против Зевса, Гера оказалась в подчиненном положении, Афина полностью признала над собой отцовскую волю, и, наконец, Дионис обеспечил мужское большинство в совете, заменив там Гестию. Хотя богини остались в меньшинстве, их полного изгнания, как, например, в Иерусалиме, не произошло, — ведь известные поэты Гомер и Гесиод ^{21*} «разделили между ними [богами] почести и круг деятельности и описали их образы» (Геродот. II.53), от которых не так-то легко избавиться. Более того, хотя система, при которой все женщины царской крови держались вместе под контролем царя, чтобы тем самым не дать возможности чужаку овладеть матрилинейным тронном, была принята в Риме с возникновением института весталок и в Палестине, когда царь Давид создал царский гарем, не достигла Греции. Установление патриархата завершает период собственно мифа. За ним следует период исторической легенды, которая рассматривается в свете исторической практики.

Жизнь таких персонажей, как Геракл, Дедал, Тиресий или Финей, длится несколько поколений, поскольку это не имена конкретных персонажей, а их названия. Тем не менее хотя мифы и плохо согласуются с хронологией, они не лишены практического смысла, подчеркивая определенную черту традиции, каким бы искаженным ни оказалось ее значение в пересказе. Возьмем, например, странную историю со сном Эака, в котором муравьи падали с дуба-оракула, превращались в людей и заселяли остров Эгину, обезлюдевший по воле Геры. Здесь основными

^{20*} Немало произведений античной литературы дошло до нас под именами авторов, которым они на самом деле не принадлежали.

^{21*} Гесиод (ок. 700 до н. э.) — первый исторически достоверно установленный греческий, а следовательно, и свроейский поэт. Вел жизнь крестьянина. Важнейшие из приписываемых Гесиоду произведений — поэмы «Теогония» («Происхождение богов») и «Труды и дни».

моментами, представляющими интерес, являются факты, что дуб вырос из желудя, взятого в городе Додона, что муравьи были фессалийскими муравьями и что Эак приходился внуком богу реки Асоп. Вместе взятые, эти элементы представляют собой краткую историю переселения людей в Египту в конце II тысячелетия до н. э.

Несмотря на схожесть сюжетов греческих мифов, любая конкретная интерпретация отдельных легенд невозможна до тех пор, пока археология не воссоздаст хронологию перемещения племен по Греции. Исторический и антропологический подходы — единственно разумны в данном вопросе; абсолютно беспочвенными являются утверждения, будто Химера, Сфинкс, горгона, кентавры, сатиры и т. п. — слепые проявления коллективного подсознательного, по К. Юнгу, которые не могли и не могут иметь определенного значения. Эпоха бронзы и раннего железа в Греции не была детством человечества, как это утверждает Юнг. Когда Зевс, например, проглатывает Метиду, а затем порождает Афины из своей головы, — это не безудержная фантазия, а оригинальная теологическая догма, в которой нашли отражение как минимум три конфликтных момента.

1. Афина — партеногенная^{22*} дочь Метиды, т. е. младшая ипостась триады, возглавляемой Метидой — богиней мудрости.

2. Зевс проглотил Метиду, т. е. ахейцы уничтожили ее культ и объявили носителем мудрости Зевса — своего патриархального бога.

3. Афина — дочь Зевса, т. е. поклоняющиеся Зевсу ахейцы пощадили храмы Афины на том условии, что ее приверженцы признают главенство Зевса.

Поглощающий Метиду Зевс и последующие события становятся сюжетом храмовых росписей; и так же как эротический Дионис, некогда партеногенный сын Семелы, переживает повторное рождение из бедра Зевса, так и мудрая Афина вновь рождается из его головы.

То, что некоторые мифы оказываются на первый взгляд непонятными, — часто результат случайно или сознательно неверной интерпретации мифографом священных изображений или драматических ритуалов. Я назвал этот процесс иконотропией. Примеры ее можно найти в любой религиозной литературе, старающейся скрыть радикальные изменения в древних верованиях. Случаи иконотропии обнаруживаются в греческой мифологии сплошь и рядом. Треножки, которые «сами собою» могли

^{22*} Партеногенный (от *партеногенез*, греч. *παρθενος* — «девственница» + *...генез*) — здесь: рожденная в непорочном зачатии.

приходить на собрание богов и возвращаться домой (*Илиада*. XVIII.368 и след.), это не предвосхищение автомобилей, как не без лукавства предполагает Ч. Селтман в книге «Двенадцать олимпийских богов», а золотые солнечные диски с тремя ногами, наподобие герба острова Мэн. Они, очевидно, символизируют количество лет, состоящих из трех времен года, в течение которых «сын Гефеста» имел право царствовать на острове Лемнос. Далее, так называемый «суд Париса», где герой приглашен решить спор о том, кто из трех богинь прекрасней, и вручить яблоко достойнейшей, — всего лишь свидетельство древнего ритуала, который ко времени Гомера и Гесиода уже не существовал. Вся троица — одна богиня в трех ипостасях: девственница Афина, нимфа Афродита и старуха Гера, причем Афродита не получает яблоко от Париса, а дарит его герою. Яблоко, символизирующее любовь богини, купленную ценой жизни, является для Париса своего рода пропуском на Острова Блаженных, т. е. яблоневого сад потустороннего мира, куда допускаются только души героев. Аналогичный подарок часто фигурирует в ирландских и валлийских мифах. Его же вручают Гераклу три геспериды, а Адаму — «матерь рода человеческого» Ева. Так, Немесида, богиня священной рощи, которая в более поздних мифах становится символом божественного возмездия гордым царям, держит в руке ветвь со свисающими яблоками — дар героям. Любой рай неолита или эпохи бронзы — это сад-остров; даже слово *paradise* означает не что-нибудь, а «сад».

Наука о мифах должна начинаться с изучения археологии, истории и сравнительного религиоведения, а не в приемной психиатра. Хотя юнгианцы утверждают, что «мифы — это оригинальные откровения еще не осознающей себя психэ, произвольные свидетельства неосознанных психических событий», греческая мифология не более загадочна по содержанию, чем предвыборные карикатуры сегодня, и большей частью сложилась на территории, поддерживавшей тесные политические связи с минойским Критом — страной, достаточно развитой, чтобы вести архивы, строить четырехэтажные дома с канализацией, делать двери с замками, похожими на современные, иметь торговые знаки, единую систему мер и весов, а также календарь, основанный на длительных астрономических наблюдениях.

Как ни странно, но такая общепризнанная работа на английском языке, как «Словарь классической мифологии и биографии» Смита, впервые изданная в период, когда и археология, и антропология еще не вышли из своей колыбели, до сих пор оставалась неисправленной. Редакторы в ту пору еще полагали, что Троя и Кносс — это фантазии певцов,

и не подозревали о матриархальных основах греческого общества, счастливо заблуждаясь, что мир был создан в 4004 г. до н. э. Издательство попросило меня подготовить мифологический словарь на основе современных знаний, достаточно широкий по охвату как с точки зрения специалистов, так и неподготовленного читателя. И вот эта работа перед вами. Поскольку она выполнена одним человеком и во многом нова, то вряд ли сравнение с более основательными работами, которые появятся, если университеты объединят свои усилия в изучении мифологии и будут развивать направления, подсказанные такими учеными-подвижниками, как Дж. Фрэзер, А. Б. Кук, Ф. М. Корнфорд, Дж. Харрисон, Э. Р. Доддс^{23*} и другие, окажется в ее пользу.

Мой метод состоит в том, чтобы объединить в гармоничное целое разрозненные элементы каждого мифа с привлечением малоизвестных вариантов, проясняющих смысл мифа, и попутно ответить, в силу моих возможностей, на все возникающие в связи с этим вопросы. Я хорошо отдаю себе отчет в том, что такая задача не под силу одному мифологу, как бы долго и усердно он ни работал. Уже не в первый раз мне придется испытать на себе дружную критику ученых по частностям, которые каждый из них считает своей специальностью, однако недостаточно дружную, чтобы выдвинуть общую альтернативную гипотезу или познакомиться с успехами в смежных областях, даже если это необходимо, чтобы лучше понять свою специальность. Современная наука, пожалуй, испытывает недостаток не в центробежности, а в центростремительности.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что моя теория относится только к тем районам, где возникли цитируемые мной мифы, и не распространяется, скажем, на Китай, Центральную Америку или долину Инда. Кроме того, все сказанное мной о религии и ритуалах Средиземноморья, относящихся к дописьменному периоду, — это, прежде всего, предположение, а свою интуицию я считаю далеко не безошибочной, и поэтому первым буду приветствовать того, чья догадка окажется более близкой к истине.

Р. Г.

*Дея, Майорка,
Испания*

^{23*} Фрэзер Дж. (1854—1941) — английский исследователь истории религии, автор книги «Золотая ветвь»; Кук А. Б. (1868—1952) — английский филолог и археолог, автор трехтомного труда «Зевс»; Корнфорд Ф. М. (1874—1943) — английский философ, филолог, автор книги «От религии к философии»; Доддс Э. Р. (1893—1979) — английский филолог, историк философии, автор книги «Греки и иррациональное».

Мифы творения

[a] Вначале Эвринома, богиня всего сущего, восстала обнаженной из Хаоса и обнаружила, что ей не на что опереться. Поэтому она отделила небо от моря и начала свой одинокий танец над его волнами. В своем танце она продвигалась к югу, и за ее спиной возникал ветер, который ей показался вполне пригодным, чтобы начать творение. Обернувшись, она поймала этот северный ветер, сжала его в своих ладонях — и перед ее глазами предстал великий змей Офион. Чтобы согреться, Эвринома плясала все неистовей, пока не пробудилось в Офионе желание, и он обвинил ее божественные чресла, чтобы обладать ею. Вот почему северный ветер, который также зовется *Бореем*, оплодотворяет: вот почему кобылы, поворачиваясь задом к этому ветру, рожают жеребят без помощи жеребца¹. Таким же способом и Эвринома зачала дитя.

[b] Затем превратилась она в голубку, села, подобно наседке, на волны и по прошествии положенного времени снесла Мировое яйцо. По ее просьбе Офион обернулся семь раз вокруг этого яйца и высиживал его до тех пор, пока оно не расколосось надвое. И появилось из него все то, что только существует на свете: солнце, луна, планеты, звезды, земля и ее горы, реки, деревья, травы и живые существа.

[c] Эвринома и Офион обосновались на Олимпе, но он обидел ее, объявив себя творцом Вселенной. За это ударила она его пяткой по голове, выбила ему все зубы и изгнала в мрачные подземные пещеры².

[d] После этого богиня создала семь планетных сил, поставив во главе каждой титаниду и титана. Тейя и Гиперион владели Солнцем; Феба и Атлант — Луной; Диона и Крий — планетой Марс; Метидя и Кой —

планетой Меркурий; Фемида и Эвримедонт — планетой Юпитер; Тефия и Океан — планетой Венера; Рея и Кронос — планетой Сатурн³. Но первым человеком стал Пеласг, предок всех пеласгов; он вышел из земли Аркадии, а за ним пришли другие, которых он научил делать хижины и питаться желудями, а также делать одежды из свиных шкур, в которых до сих пор еще ходят бедняки Эвбеи и Фокиды⁴.

¹ Плиний. Естественная история. VIII.67; Гомер. Илиада. XX.223—224.

² В греческой литературе сохранились только разрозненные фрагменты этого доэллинистического мифа. Наиболее крупные из них можно найти у Аполлония Родосского (*Аргонавтика*. I.496—505) и Цецца (*Схолии к Ликофрону*. 1191); однако этот миф нельзя не заметить в орфических мистериях. Приведенный выше вариант можно восстановить на основе беросского фрагмента и финикийских космогоний, которые цитируют Филон из Библоса и Дамаский; на основе ханаанейских элементов в древнееврейском варианте мифа творения, на основе Гигина (*Мифы*. 197; см. 62,а); на основе беотийской легенды о зубах дракона (см. 58,5); а также на основе древнего ритуального искусства. Свидетельством тому, что все пеласги считали своим прародителем Офиона, являются их коллективные жертвоприношения, пелории (Атений. XIV.45.639—640), т. е. Офион в их представлении — это Пелор, или «большой змей».

³ Аполлодор. I.3; Гесиод. Теогония. 133 и след.; Стефан Византийский под словом *Αδαπα*; Аристофан. Птицы. 692 и след.; Климент Римский. Проповеди. VI.4.72; Прокл. Комментарий к «Тимею» Платона. III.183.26—189, 12 Dieh I.

⁴ Павсаний. VIII.1.2.

1) В этой архаичной религиозной системе еще не было ни богов, ни жрецов, а были универсальные богини и их жрицы, причем женщины являлись главенствующим полом, а мужчины — их запуганными жертвами. Отцовство не признавалось, причинами зачатия считались ветер, съеденные бобы или случайно проглоченное насекомое; наследование шло по материнской линии, а змеи считались воплощением умерших.

2) Офион, или Борей, — это змей-демиург из древнееврейских и египетских мифов; в предметах древнего средиземноморского искусства богиня постоянно изображалась вместе с ним. Пеласги^{24*}, рожденные

^{24*} Пеласги — собирательное название древнейшего, догреческого населения Греции.

из земли и претендующие на то, что они возникли из зубов Офiona, вероятно, были неолитическими людьми, носителями культуры «раскрашенной керамики». Они пришли в материковую Грецию примерно в середине четвертого тысячелетия до н. э. Население раннеэладской культуры, мигрировавшее из Малой Азии через Киклады, обнаружило их на Пелопоннесе семью столетиями позже. Однако пеласгами с легкостью стали именовать вообще всех доэллинических обитателей Греции. Так, Еврипид^{25*} (по свидетельству Страбона. V. II. 4) указывает, что пеласги приняли имя данайцев по пришествии в Аргос Даная и его пятидесяти дочерей. Критика их распушенности (Геродот. VI. 137), вероятно, касается доэллинического обычая группового брака. Страбон^{26*} в том же отрывке сообщает, что люди, жившие в Афинах, были известны под именем *пеларгов* («аисты»; не исключено, что это была их птица-тотем).

3) Титаны и титаниды имели своих аналогов в древней вавилонской и палестинской астрологии в виде божеств, управляющих семью днями священной планетной недели. В Грецию они могли попасть через хананейскую или хеттскую колонию, существовавшую на Коринфском перешейке в начале II тысячелетия до н. э. (см. 67,2), или даже через древних эладцев. Но когда Греция отказалась от культа титанов и семидневная неделя перестала фигурировать в официальном календаре, число титанов, по свидетельству отдельных авторов, достигло двенадцати — возможно, по числу знаков зодиака. Гесиод, Аполлодор^{27*}, Стефан Византийский, Павсаний и другие дают противоречивые перечни их имен. В вавилонской мифе все планетарные правители недели, а именно: Шамаш, Син, Нергал, Бел, Белтида и Ниниб, были мужского пола, за исключением Белтиды, богини любви. Однако в германской неделе,

^{25*} Еврипид (ок. 480—406 до н. э.) — последний из трех великих афинских трагиков, названный Аристотелем «самым трагическим поэтом». Автор 92 пьес, из которых до нас дошли 19 («Медея», «Ипполит», «Троянки», «Электра», «Орест», «Ифигения в Авлиде» и др.). Его герои, несмотря на вмешательство богов, сами вершат свою судьбу в соответствии с чертами своего характера. Имел множество последователей, оказал сильное влияние на всю мировую драматургию.

^{26*} Страбон (ок. 64/63 до н. э. — ок. 20 н. э.) — греческий географ, историк. Автор «Географии» (в 17 книгах), в основном составленной по многочисленным письменным источникам, а также «Исторических комментарий» (в 47 книгах), из которых дошли фрагменты.

^{27*} Аполлодор (II в. до н. э.) — греческий грамматик из Афин, автор «Мифологической библиотеки» (в 3 книгах и эпитома — указатель), содержащей родословные древа богов и героев и их деяния.

которую кельты заимствовали в восточном Средиземноморье, воскресенье, вторник и пятница находились в ведении титанид, а не титанов. На основе божественного статуса пар дочерей и сыновей Эола (см. 43,4), а также мифа о Ниобе (см. 77,1) можно предположить, что когда эта система впервые достигла доэллинической Греции, было решено титанид и титанов объединить в пары, чтобы таким образом защитить интересы богини. Однако очень скоро от четырнадцати титанов осталось всего семь, причем обоего пола. За планетами закреплялись следующие функции: Солнце — для освещения, Луна — для колдовства, Марс — для роста, Меркурий — для мудрости, Юпитер — для законов, Венера — для любви, Сатурн — для мира. Астрологи классической Греции, как и вавилоняне, посвятили планеты Гелиосу, Селене, Аресу, Гермесу (или Аполлону), Зевсу, Афродите и Крону, чьи латинские имена, приведенные выше, легли в основу названий дней недели на французском, итальянском и испанском языках.

4) В конце концов, следуя логике мифа, Зевс поглотил всех титанов, включая и более древнюю ипостась себя самого (ср. о поклонении евреев в Иерусалиме трансцендентному богу, состоявшему из всех планетных властителей недели, что нашло свое отражение в создании семисвечника, а также семи столпов мудрости). Семь планетных столпов, установленных в Спарте рядом с памятником коно, по свидетельству Павсания (III.20.9), украшались на древний манер и могли быть связаны с египетскими обрядами, введенными пеласгами (Геродот. II.57.) Нельзя с уверенностью утверждать, кто именно — евреи или египтяне — переняли друг у друга эту теорию, однако статуя так называемого гелиополитанского Зевса, которую А. Б. Кук рассматривает в своей работе «Зевс» (1.570—576), была по своей природе египетской. Ее переднюю часть украшали бюсты семи властителей планет, а бюсты остальных олимпийцев украшали статую сзади. Бронзовая статуэтка этого бога была найдена в испанской Тортосе, а вторая такая же — в финикийском Библосе. На мраморной стеле, обнаруженной в Марселе, изображены семь планетных бюстов, а также статуя Гермеса размером с человеческую фигуру, значение которого как создателя астрономии, вероятно, всячески подчеркивалось. В Риме, по утверждению Квинта Валерия Сорана, Юпитер считался трансцендентным богом, хотя в этом городе, в отличие от Марселя, Библоса и, вероятно, Тортосы, неделя не соблюдалась. Однако Властителям планет никогда не разрешалось влиять на официальный олимпийский культ, поскольку

их природа всегда воспринималась как негреческая (Геродот. I.131), а приверженность им считалась непатриотичной: Аристофан (*Мир*. 403 и след.) вкладывает в уста Тригея слова о том, что луна и «мошенник Гелиос» готовили заговор, чтобы предательски отдать Грецию в руки варваров персов.

5) Утверждение Павсания о том, что Пеласг был первым человеком, свидетельствует о преемственности традиции неолитической культуры в Аркадии вплоть до классического периода.

Гомеровский и орфический мифы творения

[а] Говорят, что все боги и все живые существа возникли в потоке Океана, омывающего весь мир, и что матерью всех его детей была Тефида ¹.

[б] Однако орфики утверждают, что чернокрылая Ночь, богиня, перед которой трепетал даже Зевс ², ответила на ухаживания Ветра и снесла в чрево Темноты серебряное яйцо; и что Эрос, которого иногда называют Фанетом, был высижен из этого яйца и привел Вселенную в движение. Эрос был двуполом, за спиной его были золотые крылья, а из четырех голов иногда раздавались бычий рев или львиное рычание, шипение змеи или бляение барана. Ночь, которая назвала его Эрикеепом и Фаэтоном—Протогоном ³, поселилась с ним в пещере, проявляясь в виде триады: Ночь, Порядок и Справедливость. Перед пещерой неотвратимо восседала мать Рея и била в бронзовый бубен, приковывая внимание людей к оракулам богини. Фанет создал землю, небо, солнце и луну, но Вселенной продолжала править триада богинь, пока их скипетр не перешел к Урану ⁴.

¹ Гомер. Илиада. XIV.201.

² Там же. XIV.261.

³ Орфические фрагменты. 60,61,70.

⁴ Там же. 86.

1) Гомеровский миф является вариантом мифа творения пеласгов (см. 1, 2), поскольку Тефида вознеслась над морем, как Эвринома, а Океан обвил Вселенную, как Офион.

2) Орфический миф представляет собой другую версию, на которой сказались влияние более позднего мистического учения о любви (Эрос) и теорий, касающихся действительных отношений между полами. Серебряное яйцо ночи — это луна, поскольку серебро считалось лунным металлом. Как и Эрикeпай, бог любви Фанет — это громко жужжащая небесная пчела, сын Великой богини (см. 18,4). Улей считался идеальной республикой; он же подтверждал миф о Золотом веке, когда мед капал прямо с деревьев (см. 5,6). Рея била в бронзовый бубен, чтобы помешать роению пчел в неполюженном месте и отпугнуть злые силы. В мистериях отпугиванию злых сил служила имитация рева быка. Подобно Фазтону—Протогону («первородный сияющий»), Фанет был солнцем, которое орфики сделали символом света (см. 28,d), а его четыре головы соответствовали существам, символизировавшим четыре времени года. Согласно Макробию^{28*}, колофонский оракул идентифицировал Фанета с трансцендентным богом Яо: Зевс (овен) — Весна; Гелиос (лев) — Лето; Гадес (змея) — Зима; Дионис (бык) — Новый год.

С установлением патриархата скипетр Ночи перешел к Урану.

^{28*} Макробий Амвросий Феодосий (конец IV — 1-я пол. V в.) — римский грамматик и философ, один из последних посетителей языческой культурной традиции, когда христианство уже стало господствующей религией. Его перу принадлежат «Сатурналии» (в 7 книгах) — компиляция, содержащая всевозможные сведения о мифах и обычаях Древнего Рима.

[а] В начале всех вещей из Хаоса возникла мать-Земля и во сне родила сына Урана. С нежностью глядя на спящую мать с высоты горных вершин, он пролил на ее промежности оплодотворяющий дождь, и она породила травы, цветы и деревья, а также соответствующих им зверей и птиц. От того же дождя начали течь реки, а все впадины заполнились водой, образовав озера и реки.

[b] Ее первыми детьми были получеловеки — сторукие гиганты Бриарей, Гиес и Котт. Потом появились три диких одноглазых киклопа — строители гигантских стен и кузниц вначале во Фракии, а затем на Крите и в Ликии¹, чьих сыновей Одиссей встретил в Сицилии². Звали их Бронт, Стероп и Арг. Когда Аполлон убил их в отместку за смерть Асклепия, тени их поселились в мрачных пещерах вулкана Этна.

[с] Ливийцы, однако, утверждают, что Гарамант родился раньше сторуких и что, когда он вырос из долины, он принес матери-Земле жертву в виде сладкого желудя³.

¹ Аполлодор. I.1—2; Еврипид. Хрисипп. Цит. по: Секст Эмпирик. Против физиков. II.315; Лукреций. I.250, II.991 и след.

² Гомер. Одиссея. IX.106—566 и след.

³ Аполлоний Родосский. IV.1493 и след.

1) Патриархальный миф об Уране получил официальное признание в рамках олимпийской религиозной системы. Уран, чье имя стало означать «небо», похоже, сумел завоевать положение первоотца, поскольку

его идентифицировали с пастушеским богом Варуной, принадлежащим к мужской триаде арьев; греческое имя бога происходит от формы мужского рода слова Урана (царица гор, царица лета, царица ветров или царица диких быков) — это богиня в ее оргиастической ипостаси солнцеворота. Брак Урана с матерью-Землей указывает на раннее нашествие эллинов в северную Грецию, что позволило людям, поклонявшимся Варуне, утверждать, что их бог был отцом местных племен, признавая при этом, что он сын матери-Земли. Упоминание о том, что земля и небо расстались друг с другом из-за смертельной вражды, но затем полюбовно соединились, можно найти у Еврипида (*Мудрая Меланиппа*. Фрагмент 484) и у Аполлония Родосского (*Аргонавтика*. I.496—498). Смертельная вражда должна быть указанием на столкновение патриархальных и матриархальных принципов в результате нашествия эллинов. Гигес («землей рожденный») имел другую форму имени — *gigas* («гигант»), а гиганты в мифе ассоциируются с горами северной Греции. Бриарей («сильный») также именовался Эгеопом (*Илиада*. I.403), и народом, поклонявшимся ему, могли быть ливийско-фракийцы, коза-богиня которых Эгида (см. 8,1) дала имя Эгейскому морю. Котт, возможно, был эпонимом коттов, которые поклонялись оргиастической Котитто, культ которой из Фракии распространился по всей северо-восточной Европе.

2) Киклопы, вероятно, напоминают о сообществе древнеэладских бронзо-кузнецов. *Cyclops* означает «круглоглазый»; вполне возможно, что на лбу у них была татуировка в виде концентрических окружностей в честь солнца — источника огня в их печах; фракийцы продолжали делать татуировки вплоть до классической эпохи (см. 28,1). Концентрические окружности являются частью кузнечных таинств: чтобы выковать чашу, шлем или ритуальную маску, кузнецы размечали обрабатываемый ими плоский металлический диск, проводя расходящиеся от центра круги. Киклопы могли быть одноглазыми еще и в том смысле, что кузнецы часто прикрывают чем-нибудь один глаз, чтобы уберечь его от летящих искр. Позже эти связи были забыты, и мифографы, проявив достаточно фантазии, сделали киклопов обитателями пещер вулкана Этна, возможно с тем, чтобы объяснить появление над кратером огня и дыма (см. 35,1). Между Фракией, Критом и Ликией существовали тесные культурные связи, и всюду в этих районах киклопы были хорошо известны. Раннеэладская культура распространилась даже на Сицилию, однако не исключено, что наличие киклопов в Сицилии (как это впервые

предположил С. Батлер^{29*}) объясняется сицилийским происхождением «Одиссеи» (см. 170,b). Имена Бронт, Стероп и Арг («гром», «молния» и «перун») появились позднее.

3) Гарамант — это эпоним-предок ливийских гарамантов, населявших оазис Джадо к югу от Феззана и в 19 г. до н. э. завоеванных римским военачальником Л. Бальбом. Они предположительно относились к кушито-берберам. Во II в. н. э. они были покорены берберским племенем лемта, имевшим матрилинейную организацию, и позднее смешались с чернокожим населением южного берега верхнего Нигера, усвоив их язык. Сейчас потомки гарамантов живут только в одной деревне под названием Короманце. *Garamante* происходит от слов *gara*, *man* и *te*, означающих «люди страны Тара». Не исключено, что Тара восходит к имени богини Кер, К'ре или Кар (см. 82,6; 86,2), в честь которой, в частности, называли себя карийцы и которая традиционно связывалась с пчеловодством. Съедобные желуди (традиционная пища населения древнего мира до появления зерновых культур) росли в Ливии. Гарамантское поселение под названием Аммон объединилось с северо-греческим поселением Додона в религиозную лигу, которая, по мнению Ф. Питри^{30*}, могла существовать уже в III тысячелетии до н. э. Оба поселения имели древние дубы-оракулы (см. 57,a). Геродот характеризует гарамантов как мирный, но могущественный народ, который выращивал хлеб и пас скот (IV.174, 183).

^{29*} Батлер Сэмюэл (1835—1902) — английский писатель, переводчик «Одиссеи» и «Илиады» Гомера и «Трудов и дней» Гесиода. Создатель теории, согласно которой автор «Одиссеи» — женщина, а именно героиня эпоса Навсикая.

^{30*} Питри Ф. (1853—1942) — английский археолог.

[а] Говорят, что первой была Темнота, а из Темноты возник Хаос. От союза Темноты с Хаосом возникли Ночь, День, Эреб и Воздух.

От союза Ночи с Эребом возникли Рок, Старость, Смерть, Убийства, Сладострастие, Сон, Сновидения, Ссора, Печаль, Досада, Немесиды, Радость, Дружба, Сострадание, мойры и геспериды.

От союза Воздуха и Дня возникли Гея-Земля, Небо и Море.

От союза Воздуха и Геи-Земли возникли Страх, Труд утомительный, Ярость, Вражда, Обман, Клятвы. Ослепление души, Несдержанность, Словопрения, Забвение, Скорби, Гордость, Битвы, а также Океан, Метида и титаны, Тартар и три эринии, или фурии.

От союза Земли и Тартара возникли гиганты.

[b] От союза Моря и его рек возникли nereиды. Однако смертных людей не было до тех пор, пока с позволения богини Афины Прометей, сын Напета, не слепил их по образу богов. Для этой цели он взял в Панопе (Фокида) землю и воду, а Афина вдохнула в них жизнь¹.

[с] Говорят также, что бог всего сущего — кем бы он ни был, поскольку некоторые называют его *Природа*, — неожиданно появившись из Хаоса, отделил землю от небес, воду от земли и верхний воздух от нижнего. Он привел стихии в тот порядок, который мы видим сейчас. Он поделил землю на пояса: очень жаркие, очень холодные и умеренные; создал на ней долины и горы и одел их травой и деревьями. Над землей он установил вращающуюся твердь, усыпал ее звездами и назначил обители четырем ветрам. Он также населил воды рыбой, землю — зверями, а на небо пустил солнце, луну и пять планет. Наконец,

он создал человека, который — один из всех зверей — обратил свой взор на небеса и увидел солнце, луну и звезды, если только неправда то, что Прометей, сын Иапета, сам вылепил первых людей из земли и воды, а душа в них появилась благодаря блуждающим божественным стихиям, сохранившимся со времени первотворения².

¹ Гесиод. Теогония. 211—232; Аполлодор. I.7.1; Лукиан. Прометей, или Кавказ 13; Павсаний. X.4.3.

² Овидий. Метаморфозы. I.1—88.

1) В «Теогонии» Гесиода, на которой основывается первый из этих философских мифов, перечень абстракций содержит нереид, титанов и гигантов, которых автор посчитал нужным почему-то сюда включить.

2) Второй миф, который встречается только у Овидия, был заимствован позднейшими греками из вавилонского эпоса о Гильгамеше, в вводной части которого говорится о том, как богиня Аруру создала первого человека Забани из куска глины. Однако, хотя Зевс многие века был мировым богом, мифографы вынуждены были признавать, что творцом всего сущего вполне могло быть существо женского рода. Древние евреи, унаследовавшие миф творения от «пеласгов», или ханаанеев, ощущали аналогичное недоумение: в Книге Бытия женского рода «дух Божий» сидит, как наследка, на поверхности вод, хотя Мировое яйцо и не упоминается. Ева, «матерь всего живущего», должна ударить змея по голове, хотя его и не отсылают в преисподнюю до скончания мира.

3) Аналогичным образом в талмудической версии мифа творения архангел Михаил — аналог Прометея — создаст Адама из праха не по распоряжению матери всего живущего, а по распоряжению Яхве, который затем вдыхает в человека жизнь и отдает его Еве; та, как Пандора, становится причиной всех несчастий человечества (см. 39, j).

4) Греческие философы отличали человека, созданного Прометеем, от земных несовершенных созданий, частично уничтоженных Зевсом, а частично смытых Девкалионовым потопом (см. 38, c). Такое же различие можно встретить в Библии (Быт. 6:2—4), где «сыны Божьи» противопоставляются «дочерям человеческим», на которых они женятся.

5) Таблички с эпосом о Гильгамеше имеют довольно позднюю датировку и весьма неопределенны. В них *Сияющая мать пустоты* объявляется создательницей всего, причем Аруру — это всего лишь один

из многих титулов богини. Основная тема мифа — это приведшее к замешательству восстание против матриархального порядка богини, поднятое богами нового патриархального порядка. Мардук — главный бог города Вавилона — в конце концов побеждает богиню, морскую гидру в образе Тиамат, после чего довольно нагло заявляет, что именно он, и никто другой, создал травы, земли, реки, зверей, птиц и человечество. Мардук, этот божок-выскочка, не был первым, заявившим о своей победе над Тиамат и сотворении мира. До него аналогичное заявление сделал бог Бел, имя которого представляет собой форму мужского рода от имени Белили — шумерской матери-богини. Переход от матриархата к патриархату в Месопотамии, как и в ряде других мест, вероятно, имел форму переворота, произведенного соправителем-супругом царицы, которому та передала исполнительную власть, разрешив ему взять ее имя, одежды и священные предметы (см. 136,4).

[a] Некоторые отрицают, что Прометей создал людей или что люди выросли из зубов дракона. Они говорят, что земля родила людей как лучшие из ее плодов именно в Аттике¹ и что первым человеком был Алалкоменей, который вырос у Копандского озера в Беотии еще до того, как появилась луна. Он давал советы Зевсу, когда тот ссорился с Герой, и воспитывал Афины, когда та была еще совсем девочкой².

[b] Эти люди звались Золотым поколением и поклонялись Крону. Жили они без забот и трудов, питаясь желудями, дикими фруктами и медом, который капал прямо с деревьев, пили овечье и козье молоко, никогда не старели, танцевали и много смеялись. Смерть для них была не более страшна, чем сон. Из них уже никого не осталось, но их духи еще существуют: они стали благостными демонами, дарителями удачи и защитниками справедливости.

[c] Затем были люди Серебряного века, которые питались хлебом, тоже имеющим божественное происхождение. Эти люди во всем подчинялись своим матерям и не смели ослушаться их, хотя и жили до ста лет. Они были сварливы и невежественны и никогда не приносили жертвы богам, но хороши уже тем, что не воевали друг с другом. Зевс уничтожил их всех.

[d] Затем пришли люди Медного века, ни в чем не схожие с прежними; все они были вооружены медным оружием. Ели мясо и хлеб, любили воевать, были грубы и жестоки. Черная смерть взяла их всех.

[e] Четвертыми людьми были тоже люди меди, но от своих предшественников они отличались благородством и добротой, поскольку являлись

детьми богов и смертных матерей. Они покрыли себя славой при осаде Фив, во время путешествия аргонавтов и во время Троянской войны. Стали они героями, и «Острова населяют Блаженных».

[f] Пятыми стали нынешние железные люди, недостойные потомки четвертого поколения. Они ожесточились, стали несправедливыми, злобными, нечестивыми к родителям и живыми³.

¹ Платон. Менексен. 237d—238a.

² Ипполит. Опровержение всех ересей. V.6.3.; Евсевий. О Евангельском предуготовлении. III.1.3.

³ Гесиод. Труды и дни. 109—201, схолии.

1) Хотя миф о Золотом веке восходит в результате к традиции племенного поклонения пчело-богине, дикость этого периода, предшествовавшего возникновению сельского хозяйства, ко времени Гесиода была уже забыта, осталась лишь одна идеалистическая убежденность, что когда-то люди жили в согласии, как пчелы (см. 2,2). Гесиод был крестьянином и имел небольшой надел, а трудная жизнь сделала его мрачным и пессимистичным. Миф о Серебряном веке несет на себе следы матриархата, наподобие тех, которые еще в классическую эпоху существовали среди пиктов и черноморских моссиников (см. 151,е), а также среди отдельных племен на Балеарских островах и на побережье залива Сирт. Мужчины все еще считались презренным полом, однако сельское хозяйство уже появилось, и войны велись нечасто. Третьим народом были древнейшие эллины: пастухи бронзового века, которые отправляли культ богини и ее сына Посейдона, причем их культовым деревом был ясень (см. 6,4; 57,1). Четвертыми людьми были воины-цари эпохи Микен. Пятыми людьми были дорийцы XII в. до н. э., которые пользовались железными орудиями и уничтожили микенскую цивилизацию.

Алалкоменей — фиктивный персонаж, чье имя является формой мужского рода от *Алалкомена* — эпитета Афины (*Илиада*. IV.8) как покровительницы Беотии. Он насаждал патриархальную догму, будто ни одна женщина, даже богиня, не способна на разумные действия без мужских советов.

Старшие боги

[а] После того как Уран низверг своих восставших сыновей киклопов в Тартар, — мрачное пространство в подземном мире, находящееся на таком же расстоянии от земли, как земля от неба; если сбросить туда медную наковальню, то она достигла бы его дна за девять дней, — мать-Земля родила ему титанов. В отместку за киклопов мать-Земля убедила титанов напасть на своего отца. Они послушались и, возглавляемые самым младшим из семёрки — Кроном, вооруженным серпом из «седого железа», напали на спящего Урана, и безжалостный Крон оскопил его своим серпом. Схватив отрезанные гениталии левой рукой (с которой с тех пор связаны плохие предзнаменования), он зашвырнул их вместе с серпом в море близ мыса Дрепан. Однако из капель крови Урана, пролившихся на мать-Землю, она родила трех эриний — Алекто, Тисифону и Мегеру, мстящих отцеубийцам и клятвопреступникам. Нимфы Мелии («ясеневые») также родились из этой крови.

[б] Затем Титаны освободили из Тартара киклопов и вручили Крону власть над землей.

Однако, как только Крон почувствовал свое главенство, он вновь заточил киклопов в Тартар вместе со сторукими и, взяв в жены свою сестру Рею, стал править в Элиде ¹.

¹ Гесиод. Теогония. 133—187, 616—626; Аполлодор. I.1.4—5; Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. V.801.

1) Оскопление Урана не нужно понимать только метафорически: если среди победителей были выходцы из восточной Африки, то даже в наше

время войны племени галла берут с собой в битву крохотные серпы, чтобы оскотить своих врагов. Известно, что между религиозными обрядами восточной Африки и Древней Греции было много общего.

2) Позднее греки стали толковать имя Крон как *Chronos* — «отец-время» с его неумолимым серпом. Однако он изображался вместе с вороной, подобно, например, Аполлону, Асклепию, Сатурну и древнему бриттскому богу Брану; поэтому *cronos* может означать «ворона», как и латинское слово *cornix* или греческое *corone*. Ворона считалась вещью птицей, в которую вселялась душа царя-жреца после его принесения в жертву (см. 50,1).

3) В данном случае три эринии, возникшие из капель крови Урана, — это не что иное, как триада женского божества, чьи жрицы во время приношения в жертву царя (чтобы обеспечить урожайность полей и садов) носили ужасные маски горгоны, призванные отпугнуть непосвященных. Гениталии царя, похоже, выбрасывались в море для того, чтобы водилась рыба. Мстительных эриний мифограф толковал как предупреждение Зевсу не оскотлять Крона тем же серпом. Однако первоначально они должны были мстить за обиды, нанесенные матерям или тем, кто искал убежища у богини очага (см. 105,k; 107,d; 113,a), а не отцам.

4) Ясневые нимфы — это три эринии в их менее отвратительной ипостаси; принесение в жертву царя-жреца посвящалось ясеню, который первоначально использовался в церемониях вызывания дождя (см. 57,1). В Скандинавии ясень становится деревом, используемым во всех магических ритуалах: три норны, или парки, отправляют правосудие под ясенем, которого Один превратил в волшебного коня, когда заявил о том, что он будто бы является отцом человечества. Вероятнее всего, первыми вызывателями дождя в Греции были женщины.

5) Неолитические серпы из кости с кремневыми или обсидиановыми зубцами, вероятно в ритуальных целях, применялись даже тогда, когда в сельском хозяйстве уже длительное время пользовались бронзовыми и железными серпами.

6) У хеттов Кумарби (Крон) откусывает гениталии бога неба Ану (Уран), проглатывает часть семени, а остальное выплевывает на гору Канзуру, где из оставшегося семени вырастает богиня. Зачатый таким образом бог любви был вырезан из бока Кумарби братом Ану Эа. Эти два рождения греки объединили в один рассказ о том, как Афродита возникла из моря, оплодотворенного отрезанными гениталиями Урана

(см. 10,b). Кумарби впоследствии производит на свет из своего бедра еще одного ребенка — таким же способом Дионис повторно рождается из Зевса (см. 27,b). Рожденный из бедра сын Кумарби правит колесницей бурь, в которую запряжен бык, и приходит на помощь Ану. В этом же повествовании «резак, которым в минувшие времена земля была отделена от неба», становится оружием, от которого погибает сын Кумарби — рожденный из земли гигант Улликумми (см. 35,4).

Свержение Крона

[а] Крон женился на своей сестре Рее, священным деревом которой считался дуб¹. Однако, по предсказанию матери-Земли и умирающего Урана, Крона должен был свергнуть один из сыновей. Поэтому он каждый год проглатывал всех детей, которых рожала ему Рея: сначала он проглотил Гестию, потом Деметру и Геру, затем Гадеса, а потом Посейдона².

[б] Рея была вне себя от происходящего. Третьего своего сына — Зевса — она родила в глухую ночь на горе Ликей в Аркадии, где не падала тень еще ни от одного существа³. Она обмыла его в реке Неда и передала Гес-Земле, которая отнесла его в Ликт на острове Крит и спрятала в Диктейской пещере, что на Козьем холме, оставив на попечение нимфы Адрастеи и ее сестры Ио, которые были дочерьми Мелиссея и козы-нимфы Амалфеи. Зевс питался медом и пил молоко Амалфен вместе со своим молочным братом Паном. Он был признателен этим трем нимфам за их доброту и, когда стал владыкой Вселенной, вознес Амалфею на небо в виде созвездия Козерога⁴. Он также взял один из ее рогов, напоминавший по форме коровий, и отдал его дочерям Мелиссея. Этот рог превратился в знаменитый Рог изобилия, в котором всегда по желанию его владельца появляется любая еда и питье. Но говорят также, что Зевса вскормила свинья, возившая его на спине, и что он потерял свою пуповину у Омфалиона, неподалеку от Кносса⁵.

[с] Вокруг золотой колыбельки младенца Зевса, висевшей на дереве (чтобы Крон не мог найти его ни в небесах, ни на земле, ни в море), стояли вооруженные куреты — дети Реи. Они били мечами по щитам, чтобы заглушить плач младенца и не дать Крону услышать его. Дело

в том, что в свое время на горе Тавмасий, что в Аркадии, Рея запеленала камень и отдала его Крону, и тот проглотил его, будучи уверенным, что проглотил младенца Зевса. Однако Крон прослышал об обмане и стал преследовать Зевса, который вынужден был превратиться в змея, а своих нянь превратить в медведиц. Так и появились на небе созвездия Змея и Медведиц⁶.

[d] Зевс возмужал среди пастухов Иды, живя в другой пещере. Потом он стал домогаться титаниды Метиды, жившей у потока Океана. По ее совету он посетил свою мать Рею и попросил сделать его виночерпием Крона. Рея изъявила готовность помочь ему в деле отмщения. Она достала горчицу и соль, которые Метида посоветовала подмешать в медовый напиток Крона. Хлебнув напиток, Крон сначала изрыгнул из уст камень, а потом и всех старших братьев и сестер Зевса. Все были целы и невредимы и в благодарность предложили Зевсу возглавить их в борьбе с титанами, которые избрали своим предводителем огромного Атланта; Крон к этому времени миновал пору своего расцвета⁷.

[e] Война длилась десять лет, пока Гея-Земля не предсказала победу своему внуку Зевсу при условии, что тот возьмет себе в союзники тех, кого Крон заточил в Тартар. Поэтому он тайно пришел к Кампе, престарелой хранительнице Тартара, убил ее и, взяв ключи, освободил киклопов и сторуких, подкрепив их силы божественной едой и питьем. За это киклопы вручили Зевсу молнию как оружие нападения, Гадес дал ему шлем, делающий его невидимым, а Посейдон трезубец. Когда военный совет трех братьев закончился, Гадес незаметно проник в обитель Крона, чтобы похитить его оружие, а пока Посейдон размахивал своим трезубцем и отвлекал внимание Крона, Зевс поразил его молнией. Тогда трое сторуких схватили камни и стали ими забрасывать оставшихся титанов, которые обратились в беспорядочное бегство после неожиданного крика козлоногого Пана. Боги бросились их преследовать. Крон и все побежденные титаны, кроме Атланта, были изгнаны на самый западный из Британских островов (другие, правда, говорят, что их заключили в Тартар) и оставлены там под охраной сторуких. Больше титаны никогда Элладу не тревожили. Атланту, как военачальнику, было назначено примерное наказание: держать на своих плечах небо. Всех титанид, благодаря вмешательству Метиды и Реи, пощадили⁸.

[f] Камень, изрыгнутый из уст Крона, Зевс установил в Дельфах. Он и по сей день там, его часто умащают маслами и украшают шерстяной куделью⁹.

[g] Некоторые утверждают, что Посейдон никогда проглоченным и изрыгнутым не был, а вместо него Рея дала Крону проглотить жеребенка, спрятав сына среди пасущихся коней¹⁰. Жители Крита, которые, конечно, лгуны, говорят, что каждый год Зевс рождается в одной и той же пещере в блеске огня и потоках крови, и каждый год он умирает и его хоронят¹¹.

¹ Схолии к Аполлонию Родосскому. I.1124.

² Аполлодор. I.1.5; Гесиод. Теогония. 453—467.

³ Полибий. XVI.12.6 и след., ср. Плутарх. Греческие вопросы. 39; Павсаний. VIII.38.5.

⁴ Аполлодор. Поэтическая астрономия. II.13; Арат. Небесные явления. 156—163; Гесиод. Теогония. 477—487,

⁵ Филемон. Pterygium. Фрагмент I.1 и след.; Аполлодор. I.1.6; Атеней. 375 и след., 376а; Каллимах. Гимн к Зевсу. 42—45.

⁶ Гесиод. Там же. 485 и след.; Аполлодор. I.1.7. Ватиканские мифографы. I.104; Каллимах. Гимн к Зевсу. 52 и след.; Лукреций. II.633—639; Схолии к Арату. V.46; Аполлодор. 139.

⁷ Аполлодор. Там же; Аполлодор. I.21; Гесиод. Там же. 495—506.

⁸ Гесиод. Там же. 665—820; Аполлодор. I.2.1; Диодор Сицилийский. V.70; Эратосфен. Превращения в звезды. 27.

⁹ Павсаний. X.24—25.

¹⁰ Там же. VIII.8.2.

¹¹ Антонин Либерал. Превращения. 19; Каллимах. Гимн к Зевсу. 8.

1) Рею, составившую пару Крону в качестве титаниды седьмого дня, можно сравнить с Дионой, или Дианой, — трехликой богиней, относящейся к культуре голубки и дуба (см. 11,3). Топорик, который носил Сатурн, римский эквивалент Крона, имел форму вороньего клюва и, вероятно, использовался в седьмой месяц священного тринадцатимесячного года для «оскопления» дуба путем отрезания омелы (см. 50,2), аналогично тому, как ритуальным серпом срезался первый хлебный колос. Это было сигналом к принесению в жертву царя-жреца Зевса. В Афинах Крону, который почитался в одном храме с Реей, поклонялись как богу ячменя Сабазию, которого ежегодно срезали в поле и оплакивали как Осириса, Литиэrsa или Манера (см. 136, е). Однако в период, к которому относятся эти мифы, царям уже разрешалось царствовать в течение великого года, равного ста лунным циклам, а вместо них в жертву

ежегодно приносился мальчик; вот почему Крон изображается пожирающим своих детей, чтобы избежать низложения. Порфирий^{31*} (*О воздержании*. II.56) сообщает, что в давние времена критские куреты практиковали принесение детей в жертву Крону.

2) На Крите в древности вместо человека в жертву приносили козленка; во Фракии — бычка; в Эолии в жертву Посейдону приносили жеребенка, однако в отсталых местностях Аркадии принесенных в жертву мальчиков съедали даже после возникновения христианства. Тем не менее непонятно, был ли элейский ритуал каннибалистским или же мясом жертв кормили священных ворон, поскольку Крон был вороной-титаном.

3) Амалфея, вероятно, была девственница-богиня; Ио — оргиастическая нимфа-богиня (см. 56,1), а Адрастея, что значит «неотвратимая», — пророчица Крона в своей осенней ипостаси. Все вместе они образуют обычную лунную триаду. Позже греки считали Адрастею пастушеской богиней Немесидой, священным деревом которой был ясень, используемый в церемониях вызывания дождя, и которая впоследствии превращается в богиню возмездия (см. 32,2), Ио изображалась в Аргосе в виде разъяренной белоснежной коровы. На некоторых критских монетах из Преса изображен вскармливаемый ею Зевс. Однако Амалфея, жившая на Козьем холме, всегда изображалась в виде козы. Мелиссея — «медовый человек», отец Адрастеи и Ио, на самом деле их мать Мелисса, богиня в образе царицы-пчелы, которая ежегодно убивала своего супруга-соправителя. Диодор Сицилийский (V.70) и Каллимах (*Гимн к Зевсу*. 50) изображают пчел, кормящих Зевса-младенца. Но его приемная мать иногда представляется в виде свиньи, поскольку это была одна из эмблем богини Кроны (см. 74,4; 96,2); на кидонских монетах она изображается в виде суки, похожей на ту, которая вскормила Нелея (см. 68,d). Медведицы — это животные Артемиды (см. 22,4; 80,c), куреты присутствовали при сжигании жертв этой богини, а Зевс в виде змеи — это Зевс Ктесий^{32*}, хранитель амбаров, потому что змеи помогают избавиться от мышей.

^{31*} Порфирий (Порфирий Финикийский) (232—305) — греческий философ, ученик Лонгина и Плотина, издатель их трудов. Сочинения: комментарии к Гомеру, «Введение» к «Категориям» Аристотеля. Трактат против христиан был публично сожжен на костре в 448 г.

^{32*} Ктесий — торжественное наименование Зевса, хранителя и умножателя имущества.

4) Куреты — это вооруженные спутники царя-жреца; их бряцание оружием должно было отгонять злых духов во время исполнения ритуалов (см. 30,а). Геракл получил рог изобилия от Ахелоя-быка (см. 142,d), а огромные рога диких критских коз у не знакомых с Критом мифографов превратились в чрезвычайно большие коровьи рога Амалфеи.

5) Вторгшиеся элины, вероятно, предложили свою дружбу доэллинскому населению, у которого существовал культ титанов, но постепенно дружба уступила место вражде, и пришельцы захватили Пелопоннес. Победу Зевса в союзе со сторуками над фессалийскими титанами Талл, историк I в. н. э.^{33*}, на которого ссылается Татиан^{34*} в своей «Речи к элинам», относит к «322 году до осады Трои», т. е. примерно к 1550 г. до н. э. — вполне приемлемая дата для распространения власти элинов в Фессалии. Передача верховной власти Зевсу напоминает аналогичное событие в вавилонском эпосе о сотворении мира, когда старшие братья Мардука Лахму и Лахаму доверили младшему брату сразиться с Тиамат.

6) Братство Гадеса, Посейдона и Зевса напоминает ведическую триаду мужского божества — Митра, Варуна и Индра (см. 3,1), которая появляется в хеттском договоре, датированном примерно 1380 г. до н. э. Однако в рассматриваемом мифе они, вероятно, представляют три последовательных нашествия элинов, известных как ионийское, эолийское и ахейское. Доэллинское население, поклонявшееся Гее-богине, ассимилировало ионийцев, которые стали детьми Ио, затем укротило эолийцев, но потерпело поражение от ахейцев. Древние вожди элинов, ставшие царями-жрецами в культах ясеня и дуба, получили титулы Зевс и Посейдон и должны были умирать в конце установленного для них срока царствования (см. 45,2). Поскольку оба дерева часто поражает молния, они повсеместно в Европе фигурируют в народных церемониях вызывания дождя и получения огня.

7) Победа ахейцев покончила с традицией принесения царей в жертву. Они возвели Зевса и Посейдона в ранг бессмертных и стали изображать обоих вооруженными молнией, заменившей кремневый двойной топор, некогда принадлежавший Рее. В минойской и микенской религиях

^{33*} Талл — греческий историк I в. н. э., автор «Всемирной истории», сохранившейся во фрагментах.

^{34*} Татиан — христианин, живший во II веке, происходил из Сирии, проповедовал в Риме. Сохранилось его «Послание к грекам», в котором он критиковал греческую философию.

мужчинам таким топором пользоваться не разрешалось (см. 131,6). Позднее молния Посейдона превратилась в трезубец, а среди основных его почитателей оказались люди, живущие дарами моря. У Зевса молния сохранилась как символ его верховной власти.

8) Имя *Рейя*, возможно, является эпитетом земли; ее основной птицей считалась голубка, а главным зверем — барс. Имя Деметра — эквивалент матери-Земли; Гестия (см. 20,с) — это богиня домашнего очага. Камень в Дельфах, который использовался в церемониях вызывания дождя, был, вероятно, большим метеоритом.

9) Горы Дикта и Ликей — древние центры культа Зевса. Жертвенный костер разводили, вероятно, на горе Ликей, когда ни одно существо не отбрасывает тени, т. е. в полдень, во время летнего солнцестояния. Павсаний, правда, добавляет, что если в Эфиопии люди не отбрасывают тени, когда солнце проходит созвездие Рака, то на горе Ликей такое происходит всегда. Возможно, здесь мы сталкиваемся с игрой слов: человек, нарушавший границы этого священного места, должен был умереть, но хорошо известно, что мертвые не отбрасывают тени (Плутарх. *Греческие вопросы*. 39.300a—d). Пещера Психро, которую обычно ассоциируют с пещерой горы Дикта, пока не обнаружена и не может рассматриваться как реальная пещера. Омфалион («пупок») указывает на местоположение оракула (см. 20,2).

10) Неожиданный крик Пана, который привел в ужас титанов, вошел в поговорку и породил слово *паника* (см. 26,с).

Зевс и его родичи

|

[а] По мнению пеласгов, богиня Афина родилась н берегу озера Тритон в Ливии, где ее нашли и вскормили три ливийские нимфы, носившие козьи шкуры¹. Будучи девочкой, она нечаянно убила своего товарища по играм Паланта, когда они сошлись в шутовой схватке, вооруженные мечом и щитом. В знак скорби она добавила к своему имени имя Паллада. Когда она, побывав на Крите, появилась в Греции, то сначала выбрала для жительства город Афины, что расположен на беотийской реке Тритон².

¹ *Аполлоний Родосский*. IV.1310—1314.

² *Аполлотор*. III.12.3. О Палладе-девушке; *Павсаний*. IX.33.5.

1) Платон^{35*} отождествлял Афины — покровительницу города Афин с ливийской богиней Нейт, которая относится к той эпохе, когда отцовство еще не признавалось (см. 1,1). Храм Нейт находился в городе Саисе, где Солон принимали хорошо лишь за то, что он был афинянином (Платон. *Тимей*. 21e). Девственницы — жрицы Нейт — ежегодно проводили вооруженные поединки (Геродот. IV.180), очевидно, за право называться верховной жрицей. По словам *Аполлотора*, Афина, рожденная

^{35*} Платон (настоящее имя Аристокл; 427—347 до н. э.) — древнегреческий философ из Афин, выдающийся мыслитель. Был учеником Сократа, путешествовал, основал в Афинах Академию, где до конца жизни преподавал философию. Дошли 36 его сочинений, в том числе «Апология Сократа», 25 диалогов и письма. Разработанное им учение об идеях оказало огромное влияние на развитие мировой философской мысли.

от Зевса и воспитанная богом реки Тритоном, нечаянно убила свою молочную сестру Палладу, дочь реки Тритон: когда Паллада уже собиралась нанести удар Афине, эгида Зевса оказалась между ними и отвлекла ее внимание. Эгида — это магический мешок из козьей шкуры с головой змеевласой горгоны; он принадлежал Афине задолго до того, как Зевс стал называться ее отцом (см. 9,d). Передники из козьих шкур были обычным элементом костюма ливийских девушек, а *Pallas* означает всего лишь «девушка» или «юноша». Геродот^{36*} пишет (IV.189): «Одевание и эгиду на изображениях Афины эллины заимствовали у этих ливиянок. Только одежда ливиянок — кожаная, а подвески на эгиде не змеи, а ремни, в остальном же одеяние того же покроя». Эфиопские девушки до сих пор носят такие одежды, иногда украшенные раковинами, — как символ плодородия. Геродот добавляет, что громкие вопли *ololy, ololy*, издаваемые в честь Афины (см. также: *Илиада*. VI.297—302), имеют ливийское происхождение.

2) На основе обнаруженной керамики можно предположить, что переселенцы из Ливии появились на Крите на рубеже V—IV тысячелетий до н. э., причем большое количество беженцев-ливийцев из западной Дельты появились после насильственного объединения Верхнего и Нижнего Египта фараонами Первой династии около 3000 г. до н. э. Вскоре после этого началась Первая минойская эпоха и критская культура достигла Фракии и раннеэллинской Греции.

3) Среди других мифологических персонажей, носивших имя Палант, был титан, женившийся на реке Стикс и имевший от нее детей: Зелос («рвение»), Кратос («мощь»), Биа («сила») и Нике («победа») (Гесиод. Теогония. 376, 383; Павсаний. VII.26.5; *Аполлодор*. II.2—4).

^{36*} Геродот (ок. 484—ок. 424) — древнегреческий историк, известный также как Геликарнаец (по городу, в котором родился) и как «отец истории». Моноументальный труд «Изложение событий» («История») охватывает, включая мифическую эпоху, весь исторический период (греческо-персидские войны 500—478 гг., историю государств Ахменидов, Египта и др., систематическое описание жизни и быта скифов). В XV в. были изданы в латинском переводе, а затем и на греческом языке.

[a] Некоторые эллины говорят, что отцом Афины был Паллант — крылатый козлоподобный гигант, который позднее хотел совершить над ней насилие. Его имя она добавила к своему после того, как содрала с него кожу, чтобы сделать себе эгиду, и приставила его крылья к своим плечам¹ (если, конечно, эгида не была сделана из кожи, содранной Афиной с горгоны Медузы после того, как Персей отрубил ей голову²).

[b] Другие говорят, что ее отцом был человек по имени Итон, царь города Итон, что во Фтиотиде, погубивший свою дочь Иодаму: когда Иодама ночью проникла в святилище, ничего не подозревающий отец показал ей голову горгоны³, от взгляда которой дочь окаменела.

[c] Есть и такие, кто говорит, что ее отцом был Посейдон, но она отказалась от него и «предалась Зевсу, и тот принял ее как свою дочь»⁴.

[d] Однако жрецы самой Афины рассказывают вот какую историю ее рождения. Зевс воспылал страстью к титаниде Метиде, которая принимала различные образы, чтобы скрыться от своего обожателя, но однажды Зевс все-таки настиг ее и оставил с ребенком. Оракул Геи-Земли объявил, что родится девочка и что если Метида понесет вновь, то родится сын, которому предначертано судьбой свергнуть Зевса, подобно тому, как Зевс сверг Крона, а Крон сверг Урана. Поэтому, заманив медоточивыми речами Метиду на ложе, Зевс неожиданно проглотил ее. Так пришел конец Метиде, хотя Зевс впоследствии утверждал, что, находясь в его утробе, она иногда давала ему советы. По прошествии определенного времени, прохаживаясь вдоль берега озера Тритон, он вдруг почувствовал ужасную головную боль. Ему показалось, что еще мгновение —

и голова его расколется от боли; тогда он неистово зарычал и небесный свод ответил ему эхом. На крик выскочил Гермес и тут же понял, что случилось с Зевсом. Он упросил Гефеста (а некоторые говорят Прометея) взять клин и расколоть голову Зевсу. Оттуда-то и появилась Афина с воинственным кличем и в полном боевом снаряжении⁵.

¹ Цец. Схолии к Ликофрону. 355.

² Еврипид. Ион. 995.

³ Павсаний. IX.34.1.

⁴ Геродот. IV. 80.

⁵ Гесиод. Теогония. 886—900; Пиндар. Олимпийские оды. VII. 34 и след.; Аполлодор. I.3,6.

1) Дж. Харрисон правильно охарактеризовала историю рождения Афины из головы Зевса как «отчаянную теологическую уловку избавиться ее от матриархальных черт». Кроме того, это попытка догматического утверждения мудрости как прерогативы мужского пола. До этого только богиня считалась мудрой. Гесиод, по сути, сумел в своем повествовании примирить три противоречащих друг другу взгляда:

Афина, богиня-покровительница афинян, была партеногенной дочерью бессмертной Метиды — титаниды, в ведении которой находилась вся мудрость и знания;

Зевс, проглотив Метиду, не утратил мудрости, т. е. ахейцы уничтожили культ титанов и приписали всю мудрость своему богу Зевсу;

Афина была дочерью Зевса, т. е. ахейцы настаивали на том, чтобы афиняне признали главенство патриархального бога Зевса.

Он заимствовал механизм своего мифа из похожих примеров: Зевс преследует Немесиду (см. 32,6); Кронос глотает своих сыновей и дочерей (см. 7,а); Дионис повторно рождается из бедра Зевса (см. 14,с); на чернофигурной амфоре, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже, изображены два человека, вскрывающие топором голову Геи-Земли, очевидно, для того, чтобы высвободить Кору (см. 24,3). После этого Афина превращается в послушный рупор Зевса и сознательно лишается своего прошлого. Ей теперь прислуживают не жрицы, а жрецы.

2) Паллада, что значит «девушка», — неподходящее имя для крылатого гиганта, покушавшегося на целомудрие Афины. Последний мотив, вероятно, взят из изображения ее ритуального брака как Афины Лафрии с козлом-царем (см. 89,3) после вооруженного поединка с соперницей

(см. 8,1). Этот ливийский обычай ритуального брака с козлом был известен в кельтской Германии, Скандинавии и Англии, где он стал частью веселого весеннего праздника.

3) Отказ Афины от отца Посейдона указывает на происшедшую в древности смену верховного божества в Афинах (см. 16,3).

4) Миф об Итоне («человек-ива») говорит о том, что итоняне, по их утверждениям, начали поклоняться Афине задолго до афинян. Само имя указывает на то, что во Фтиотиде с Афиной был связан культ ивы. Аналогичный культ существовал в связи с богиней Анат в Иерусалиме до тех пор, пока жрецы бога Яхве не уничтожили культ богини и не стали утверждать на празднике *кущей*, что ива, фигурировавшая в церемониях вызывания дождя, является священным деревом Яхве.

5) Мужчине грозила смерть за снятую без согласия владелицы эгиду — одеяние из козьей шкуры, символ целомудрия ливийских девушек. Вот почему на ней была изображена горгона, а в кожаном кошелье или мешочке скрывалась змея. Но поскольку эгида Афины характеризуется как щит, в «Белой Богине»^{37*} я высказал предположение, что эгида — это мешок для священного диска, похожего на диск с алфавитным письмом Паламеда, которое, как говорят, он сам изобрел (см. 52,а; 162,5). Кипрские статуэтки с дисками, размеры которых пропорциональны знаменитому диску из Феста, на котором по спирали нанесена священная надпись, по мнению проф. Рихтер^{38*}, предвосхищают эгиду Афины. Щиты героев, с такой тщательностью описанные Гомером и Гесиодом, похоже, также имели пиктограммы, выгравированные по спиралевидной полосе.

6) Иодама, чье имя, возможно, означает «телка Ио», могла быть древним каменным изображением луны-богини (см. 56,1), а рассказ о том, как она превратилась в камень, звучит как предупреждение любопытным девушкам не нарушать тайны мистерий (см. 25,д).

7) Не следует думать, что Афина была только или главным образом богиней Афин. Ей были посвящены несколько древних акрополей, включая Аргос (Павсаний. II.24.2), Спарту (Там же. III.17.3), Трою (*Илиада*. VI.88), Трезен (Павсаний. II.32.4), Эпидавр-Лимеру (Павсаний. III.23.6) и Феней (Павсаний. VIII.14.4). Все эти святилища возникли еще до прихода эллинов.

^{37*} См. на рус. яз.: *Грейвс Р.* Белая богиня / Пер. Л. Володарской. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. (Серия «Bibliotheca mythologica»).

^{38*} Рихтер Г. (1882—1972) — американский археолог, специалистка по греческому искусству.

[a] Существуют три одетые в белое неразлучные мойры, которых Эребу родила Ночь. Звали их Лахесис, Клото и Атропос — самая младшая по чину и самая ужасная из трех ¹.

[b] Зевс, который взвешивает человеческие жизни и сообщает мойрам о своих решениях, мог потом передумать и спасти по своему желанию тех, кому Атропос готовилась отрезать нить жизни, отмеренную Лахесис и спряденную Клото на своем веретене. Да, люди утверждают, что в какой-то мере они могут сами управлять своей судьбой, избегая опасностей. Поэтому молодые боги смеялись над мойрами, а некоторые говорят, что Аполлон однажды даже споил их, чтобы спасти от смерти своего друга Адмета ².

[c] Другие, напротив, утверждают, что сам Зевс подвластен мойрам. В этом однажды призналась, пророчествуя, пифийская жрица, поскольку мойры являются не детьми Зевса, а детьми великой богини Необходимости (Ананке), с которой не спорят даже боги и которая зовется Могучей судьбой ³.

[d] В Дельфах поклонялись только двум богиням судьбы: богине Рождения и богине Смерти. В Афинах старшей из трех богинь считалась Афродита Урания ⁴.

¹ Гомер. Илиада. XXIV.49; Орфический гимн. LIX; Гесиод. Теогония. 217 и след.; 904.

² Гомер. Илиада. VIII.9, XXII.209; XVI.434,441—443; Вергилий. Энеида. X.814—815; Гомер. Одиссея. I.34; Илиада. IX.411.

³ Эсхил. Прометей. 511—518; Геродот. I.91; Платон. Государство. X.617 b—e.

⁴ Павсаний. X.24.4.

1) Клото — «прядущая», Лахесис — «отмеряющая жребий», а Атропос — «та, которую нельзя избежать или отворотить». Мойра означает «часть» или «доля».

2) Зевс называл себя «водителем судеб», став верховным божеством и получив право отмерять жребий человеческой жизни. Вероятно, поэтому в Дельфах исчезает Лахесис — «отмеряющая». Однако требование Зевса считаться отцом мойр не воспринималось серьезно ни Эсхилом, ни Геродотом, ни Платоном.

[а] Афродита, богиня любви, возникла обнаженной из морской пены и на раковине добралась до берега. Первой сушей на ее пути оказался остров Кифера, но, обнаружив, что он очень мал, она перебралась на Пелопоннес, а затем окончательно обосновалась в Пафосе на Кипре, который до сих пор остается ее главным святилищем. Там, где ступала Афродита, вырастали травы и цветы. В Пафосе Времена Года, дочери Фемиды, поспешили одеть и украсить ее.

[б] Некоторые утверждают, что она возникла из пены, которую образовали гениталии Урана после того, как Крон зашвырнул их в море. Говорят также, что она дочь Зевса и Дионы, которая, в свою очередь, была дочерью либо Оксана и Тефии — морской нимфы, либо Воздуха и Земли. Однако все соглашаются с тем, что, когда она прогуливалась, ее сопровождали голубки и воробьи¹.

¹ *Гесиод*. Теогония. 188—200; Гомеровский гимн Афродите. VI.3—5; *Аполлодор*. I.1.3, I.3.1.

1) Афродита («рожденная из пены») — это та же повсеместно встречающаяся богиня, которая возникает из Хаоса и танцует на поверхности моря и которая в Сирии и Палестине известна под именем Иштар, или Аштарот (см. 1,1). Самое известное посвященное ей святилище находилось в городе Пафос, где первоначальный апиконический белый образ богини до сих пор показывают среди руин грандиозного римского храма. Местные жрицы Афродиты каждую весну купаются в море и выходят из него обновленными.

2) Кифера был важным центром критской торговли с Пелопоннесом, и именно через этот остров культ Афродиты мог достичь Греции. Эта критская богиня имела много ассоциаций с морем. Пол Кносского дворца-святилища был выложен раковинами. На украшении, найденном в Идейской пещере, Афродита изображена дующей в раковину тритона с морским анемоном, лежащим у ее алтаря. Морские ежи и каракалты считались ее священными животными (см. 81,1). В ее святилище в Фесте была найдена раковина тритона. В раннеминойских захоронениях таких раковин было множество, причем некоторые из них были повторены в терракоте.

[а] Гера, дочь Крона и Реи, родилась на острове Самос или, как утверждают некоторые, в Аргосе. Воспитывал же ее сын пеласга Темен в Аркадии. Времена Года были ее няньками¹. После свержения Крона ее брат-близнец Зевс стал домогаться ее любви в Кноссе на Крите или, как говорят некоторые, на горе Форнакс, которую теперь называют Кукушкиной горой в Арголиде, где он поначалу безуспешно за ней ухаживал. Гера сжалась над Зевсом только тогда, когда тот принял вид пестрой кукушки, которую Гера нежно прижала к своей груди. Но как только она это сделала, Зевс принял свое истинное обличье и овладел ею. Униженная Гера была вынуждена выйти за него замуж².

[б] На их свадьбу все боги прислали свои дары. Мать-Земля подарила Гере дерево с золотыми яблоками, которое позднее охраняли геспериды в саду Геры на горе Атлас. Свою брачную ночь с Зевсом они провели на острове Самос, и длилась она целых триста лет. Гера часто купалась в ручье Кана около Аргоса и таким образом возвращала себе девственность³.

[с] У Геры и Зевса родились дети — боги Арес, Гефест и Геба, хотя некоторые говорят, что Арес и его сестра Эрида были зачаты, когда Гера коснулась какого-то цветка, а Геба — когда она коснулась листьев салата⁴, и что Гефест был также ее партеногенным ребенком, причем Гефест не верил в такое чудо до тех пор, пока Гера не оказалась хитроумно прикованной к трону и была вынуждена поклясться рекой Стикс, что она не лжет. Другие говорят, что Гефест был ее сыном от Талоса, племянника Дедала⁵.

¹ Павсаний. VII.4.4, VIII.22.2; Страбон. IX.2.36; Олен. Цит. по: Павсаний. II.13.3.

² Диодор Сицилийский. V.72; Павсаний. II.36.2, 17.4.

³ Схолии к «Илиаде» Гомера. I.609; Павсаний. II.38.2.

⁴ Овидий. Фасты. V.255.

⁵ Сервий. Комментарии к «Буколикам». IV.62; Кинсфон. Цит по: Павсаний. VIII.53.2.

1) Гера была доэллинской великой богиней. В Греции ее основные святилища находились на острове Самос и в городе Аргос, однако аркадцы утверждали, что их культ Геры самый древний и относили его ко времени появления из земли их предка Пеласга. Вынужденное замужество Геры запечатлело захват крито-микенской Греции и свержение Геры как верховного божества в обеих странах. Кносс был захвачен эллинами, по-видимому, дважды: примерно в 1700 г. до н. э. и в 1400 г. до н. э. Веком позже попали под власть ахейцев Микены. Зевса могли изображать в виде кукушки потому, что он как бы выбросил всех остальных божеств из гнезда, а также потому, что он присвоил скипетр Геры, на вершине которого было выполнено в виде кукушки. Позолоченные фигурки обнаженной богини-аргивянки с кукушкой были найдены в Микенах; там же была обнаружена позолоченная модель храма, увенчанного кукушкой. На знаменитом критском саркофаге из Агия-Триады изображен двойной топор, на котором сидит кукушка.

2) Геба, богиня юности, в олимпийском культе на пирах богов выполняет обязанности виночерпия. В конце концов она выходит замуж за Геракла (см. 145, i; 5) после того, как ее должность присвоил себе Ганимед (см. 29, c). *Гест*, вероятно, являлся титулом царя-жреца; *Арес* — это титул его военачальника или таниста, эмблемой которого был дикий вепрь. С утверждением олимпийского культа оба слова становятся именами богов, за которыми утверждается роль бога-кузнеца и бога войны. «Каким-то» цветком мог оказаться ландыш; у Овидия богиня Флора, с культом которой отождествляется ландыш, показывает этот цветок Гере. В народной европейской мифологии чудесное зачатие связывают с боярышником; в кельтской литературе аналогичная роль отводится терновнику — символу вражды, олицетворением которой была Эрида, сестра Ареса.

3) Талос-кузнец — это критский герой, матерью которого была сестра Дедала Пердикс («куропатка»), которую мифограф отождествляет с Герой. Куропатки считались священными птицами Великой богини

и фигурировали по всему восточному Средиземноморью в оргиях, устраиваемых по случаю весеннего равноденствия. Танец, который при этом исполнялся, имитировал хромающую походку петушков куропаток. У Аристотеля, Плиния и Элиана есть сообщения, что куропатки несутся лишь оттого, что слышат голос петушков. Хромающий Гефест и Талос, вероятно, являются одним и тем же партеногенным персонажем; и того, и другого сбрасывали с высоты разъяренные противники (см. 23,b; 92,b), причем первоначально это делалось в честь их богини-матери.

4) В Аргосе знаменитая статуя Геры изображает богиню сидящей на троне из золота и слоновой кости. История о том, как ее приковали к трону, могла возникнуть в связи с греческим обычаем приковывать статуи богов, «чтобы те не сбежали». Если город потеряет древнюю статую покровительствующего ему бога или богини, он может вообще остаться без божественного покровительства. Вот почему римляне практиковали то, что всжливо называлось «сманиванием» богов в Рим, и к эпохе империи этот город напоминал галочье гнездо, заставленное украденными в разных городах статуями богов и богинь. «Времена Года были ее няньками» — это один из способов охарактеризовать Геру как богиню календарного года. Вот почему на ее скипетре изображена кукушка, символизирующая весну, а в левой руке она держит спелый гранат, вызревающий поздней осенью и символизирующий смерть года.

5) Герой, как подсказывает само слово, — это царь-жрец, которого приносили в жертву Гере. Тело его покоилось в земле, а душа воспаряла на спине северного ветра, чтобы насладиться райским садом богини. Ее золотые яблоки, фигурирующие в греческих и кельтских мифах, были пропуском в такой сад (см. 53,7; 133,4; 159,2).

6) Ежегодные купания, благодаря которым Гера возвращала себе девственность, совершала также и Афродита в Пафосе. Как богиня растительного года, весны, лета и осени (символом которой также была молодая, полная и убывающая луна) в Стимфале Гера почиталась соответственно как дитя, невеста и вдова (Павсаний. VIII.22.2; см. 128,d).

7) Брачная ночь Геры и Зевса на острове Самос длилась триста лет, возможно, потому, что священный год самосцев (так же, как и этрусков) состоял из десяти тридцатидневных месяцев, поскольку январь и февраль отсутствовали (Макробий. I.12.2, I.13.21), а в мифе каждый день вырос до года. Не исключено, что в этом месте мифограф намекает на то, что элинам понадобилось триста лет, чтобы утвердить моногамию среди племен, поклонявшихся Гере.

[а] Только Зевсу — отцу небес — была подвластна молния, и лишь страх перед ее смертоносной силой делал послушным его сварливое и вздорное семейство, расположившееся на горе Олимп. Зевс определял пути небесных тел, устанавливал законы, приводил к присяге и пророчествовал. Когда его мать Рея, предвидя беды, которые могут возникнуть из-за его похотливости, запретила ему жениться, Зевс, рассердившись, пригрозил овладеть ею. И хотя она тут же превратилась в ужасную змею, Зевс не испугался и, сам превратившись в змея и образовав с ней один тугой узел, исполнил свою угрозу¹. Именно с этого начались его бесконечные любовные похождения. От Фемиды у него родились Времена Года и три богини судьбы, от Эвриномы — хариты, от Мнемозины — три музы, причем с Мнемозиной он провел на ложе девять ночей; некоторые даже утверждают, что нимфа Стикс родила ему Персефону, царицу подземного мира, на которой силой женился брат Зевса Гадес². Поэтому он не страдал от недостатка власти ни над, ни под землей, причем его жена Гера не уступала ему только в одном: любого человека или зверя она при желании могла наградить даром пророчества³.

[b] Зевс и Гера постоянно ссорились. В отместку за его частые супружеские измены Гера нередко унижала Зевса, прибегая к коварству. И хотя он мог поведать ей свои секреты и иногда даже пользовался ее советами, полного доверия к Гере у Зевса так и не появилось. Гера хорошо знала, что, нанеся она мужу слишком серьезную обиду, тот не преминет запустить в нее молнией, поэтому она предпочитала злые

интриги в связи, например, с появлением на свет Геракла, а порой заимствовала у Афродиты пояс, чтобы разжечь в муже страсть и тем самым ослабить его волю⁴.

[с] Однако настал день, когда высокомерие и капризность Зевса стали настолько несносны, что Гера, Посейдон, Аполлон и другие олимпийцы, кроме Гестии, внезапно окружили его, спящего, и «оковали» сыромятными ремнями сотней узлов так, что он не мог пошевелиться. Он грозил им немедленной смертью, однако в ответ боги, которые предусмотрительно припрятали подальше его молнию, только оскорбительно смеялись. Когда они уже праздновали свою победу и рьяно обсуждали, кому стать преемником Зевса, nereида по имени Фетида, предвидя междоусобицу на Олимпе, бросилась на поиски сторукого Бриарея, который, действуя всеми руками сразу, быстро развязал ремни и освободил своего хозяина. Поскольку во главе заговора стояла Гера, Зевс с помощью золотых браслетов подвесил ее за запястья к небу, а к ногам привязал наковальни. Хотя все боги были до глубины души возмущены таким поступком Зевса, никто из них не осмелился прийти на помощь Гере, несмотря на ее жалобные вопли. В конце концов Зевс пообещал освободить ее, если все боги дадут клятву больше не восставать против него. С большой неохотой каждый из богов дал такую клятву. Зевс наказал Посейдона и Аполлона, отослав их рабами к царю Лаомедонту, для которого они построили город Троию. Остальные боги были помилованы как действовавшие по принуждению⁵.

¹ Орфический фрагмент. 58; *Гесиод*. Теогония. 56.

² *Аполлодор*. I.3.1.

³ *Гомер*. Илиада. XIX.407.

⁴ Там же. I.547, XVI.458, VIII.407—408, XV.17, VIII.397—404, XIV.197—223.

⁵ Схолии к «Илиаде» Гомера. XXI.444; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 34; *Гомер*. Илиада. I.396, XV.18—22.

1) Супружеские отношения между Зевсом и Герой отражают реальные отношения, характерные для варварской дорийской эпохи, когда женщины потеряли былую роль в магических обрядах, за исключением пророчеств, и постепенно на них начинают смотреть как на вещь.

2) Насилие, совершенное Зевсом над Землей-богиней Реей, означает, что поклонявшиеся Зевсу эллины восприняли от своих предшественников

сельскохозяйственные и погребальные обряды. То, что Рея запретила Зевсу жениться, может означать, что моногамия ранее не была известна, а брак носил в основном групповую форму. Рождение Фемидой Времен Года от Зевса означает, что эллины подчинили себе календарную систему: Фемида («порядок») была Великой богиней, которая управляла тринадцатимесячным годом, разделенным на два сезона летним и зимним солнцестоянием. В Афинах олицетворением этих Времен Года были Талло и Карпо (первоначально Карфо, связано с цветением), что соответственно означает божества «цветения» и «зрелого плода». В храме этих божеств имелся алтарь, посвященный фаллическому Дионису (см. 27,5). Их изображения обнаружены на наскальных рисунках в Хаттусасе, или Птерии, где они являются двумя ипостасями львицы-богини Гепты, которая летает на солнечном двуглавом орле.

3) Харита («грация») была богиней в самой благодетельной из своих ипостасей и появлялась тогда, когда верховная жрица избирала царя-жреца в качестве своего возлюбленного. Гомер упоминает двух харит — Пасифею и Кале. Две хариты — Ауксо («приумножающая») и Гегемона («руководительница»), — которых почитали афиняне, соответствовали двум Временам Года. Позднее харит стали почитать в виде триады, как и богинь судьбы, т. е. женскую триаду в ее самой непреклонной ипостаси (см. 106,3). Тот факт, что они представлены как дети Зевса, рожденные океанидой Эвриномой, означает, что верховный вождь эллинов мог распоряжаться всеми девушками, достигшими брачного возраста.

4) Музы, первоначально представленные триадой (Павсаний. IX.29.2), являются ее оргиастической ипостасью. Претензии Зевса на звание их отца являются более поздними, поскольку Гесиод еще называет их дочерьми Геи-Земли и Воздуха.

Рождение Гермеса, Аполлона, Артемиды и Диониса

[а] Любвособильный Зевс соблазнил множество нимф, ведущих свой род от титанов и богов, а после сотворения человека — и смертных женщин. Вне брака от него родились, по крайней мере, четыре великих олимпийских божества. Прежде всего к ним относится Гермес, которого Зевсу родила Майя, дочь Атланта. Произошло это в пещере на горе Киллена в Аркадии. Затем дочь титанов Коя и Фебы по имени Лето родила ему Аполлона и Артемиду. Причем во время их любовной связи Зевс превратился в перепела, а Лето — в перепелку; однако ревнивая Гера послала змея Пифона, чтобы он преследовал Лето по всему миру, и заявила, что Лето не сможет родить там, где сияет солнце¹. Перенесенная на крыльях южного ветра, Лето оказалась наконец в Ортигии, близ Делоса, где произвела на свет Артемиду, которая сразу же, только родившись, помогла матери перебраться через узкий пролив, и там, на Делосе, между оливой и финиковой пальмой, что росли на северном склоне горы Кинф, после девяти дней родовых схваток Лето произвела на свет Аполлона. Делос, который до этого был плавающим островом, неподвижно закрепился в море, и никто теперь не имел права ни родиться, ни умереть на этом острове: все больные, а также беременные женщины вынуждены были отправляться в Ортигию².

[б] Когда говорят о матери сына Зевса Диониса, называют разные имена. Одни считают, что его матерью была Деметра или Ио³; другие называют Диону, Персефону, с которой Зевс совокупился в обличье змея, и даже Лето⁴.

[с] Однако основной миф звучит следующим образом. Зевс, приняв вид смертного, имел тайную любовную связь с Семелой («земля»), дочерью фиванского царя Кадма. Охваченная ревностью, Гера, превратившись в старушку соседку, посоветовала Семеле, которая уже была на шестом месяце беременности, поставить своему таинственному возлюбленному условие: пусть он перестанет обманывать ее и предстанет в своем истинном обличье. Иначе откуда ей знать, что он не урод? Семела послушалась этого совета и, когда Зевс отказал ей в этой просьбе, не разрешила ему больше делить с ней ложе. Тогда в ярости он предстал перед ней в грохоте грома и сверкании молний и испепелил ее. Гермесу, однако, удалось спасти ее недоношенного шестимесячного сына. Гермес зашил ребенка в бедро Зевса, и тот, по истечении трех месяцев, в положенный срок произвел его на свет. Вот почему Диониса называют «дважды рожденный», или «дитя двойных дверей»⁵.

¹ Гесиод. Теогония. 918; Аполлодор. I.4.1; Аристофан. Птицы. 870; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. III.73.

² Гомеровский гимн к Аполлону Делосскому. 14 и след.; Аполлодор. Мифы. 140; Элиан. Пестрые рассказы. V.4; Фукидид. III.104; Страбон. X.5.5.

³ Диодор Сицилийский. III.62,74; IV.4.

⁴ Орфический фрагмент. 59; Плутарх. Застольные вопросы. VII.5.705b.

⁵ Аполлодор. III.4.3; Аполлоний Родосский. IV.1133—1138.

1) Любовные похождения Зевса указывают на захват элинами древних святилищ богини на горе Киллена, например, Гермес, сын Зевса и Майи, первоначально был не богом, а тотемной силой фаллического каменного столба или пирамиды. Такие столбы отмечали центр, вокруг которого исполнялись оргиастические танцы в честь богини.

2) Вероятно, одним из компонентов божественности Аполлона была мышь-прорицательница — Аполлон Сминфей (Мышиный Аполлон) является одним из его самых ранних эпитетов (см. 158,2), — к которой обращались за прорицанием в святилище Великой богини. Этим, возможно, объясняется тот факт, что он родился там, где никогда не светило солнце, а именно под землей. С мышами связывали болезни и излечение от болезней, поэтому элины поклонялись Аполлону как богу-врачевателю и прорицателю, и лишь позднее стали говорить о том, что он родился под оливой и финиковой пальмой на северном склоне горы. Его называли братом-близнецом Артемиды, богини деторождения,

и сделали его матерью Лето — дочь титанов Фебы и Коя. В Египте и Палестине Лето знали под именем Лат — богини плодородия, священными деревьями которой были финиковая пальма и олива. Вот почему в Грецию ее перенес южный ветер. В Италии она получила имя Латона.

3) Артемида, первоначально бывшая оргиастической богиней, имела в качестве священной птицы похотливую перепелку. Во время весеннего перелета перепелиные стаи могли выбрать для отдыха Ортигию.

У Гомера (*Илиада*. IV.101) Аполлон называется *Lycegenes*, т. е. «ликийский», рожденный в Ликии; эфесцы похвалялись, что он родился в соседней с Эфесом Ортигии (Тацит. *Анналы*. III.61). Своим земляком его также считали жители Тегире в Беотии и Зостера в Аттике (Стефан Византийский под словом *Тегира*).

4) Плутарх^{39*}, называя Диониса «сыном Лето» («забвение») (*За столные вопросы*. VII.5.705b), имеет в виду его более позднюю ипостась — бога виноградной лозы.

5) Рассказ о дочери Кадма Семеле, вероятно, свидетельствует о действиях беотийских эллинов, направленных на искоренение традиционного принесения в жертву членов царской семьи: Зевс-Олимпиец становится верховным богом, берет обреченного царя под свою защиту и уничтожает богиню своим собственным перуном. Дионис становится бессмертным после того, как его повторно производит на свет его бессмертный отец. Семеле в Афинах поклонялись во время праздника неистовых женщин на Ленеях, когда призванный символизировать Диониса годовалый бычок разрезался на девять частей и приносился ей в жертву, причем один кусок зажаривался, а остальные поедались участниками ритуала в сыром виде.

^{39*} Плутарх (ок. 46 — ок. 126) — греческий писатель, автор более 300 сочинений, из которых сохранилось 154. Учился в Афинах, был жрецом Аполлона Пифийского в Дельфах, путешествовал в Египет и Италию, подолгу жил в Риме. Обучал наукам своих детей и детей знатных сограждан; используя свое влияние на правителей, старался облегчить участь соотечественников. Сочинения — «Этика» (80 текстов: «Греческие вопросы», «Римские вопросы», «О лике на лушном диске», «Пир семи мудрецов» и др.) и «Сравнительные жизнеописания» (сопоставляются видные греческие и римские деятели) — носят дидактический характер.

[a] Некоторые утверждают, что Эрот, высиженный из Мирового яйца, был первым из богов, поскольку без него никто не может родиться. Поэтому его приравнивают к Гее-Земле и Тартару, отрицая у него наличие каких бы то ни было отца и матери, если только матерью его не была Илифия, богиня — покровительница рожениц¹.

[b] Другие утверждают, что он был сыном Афродиты и Гермеса или Ареса, или ее собственного отца Зевса; его еще считают сыном Ириды и Зефира («западный ветер»). Он был довольно своенравным мальчиком, который не выказывал никакого уважения к возрасту или положению и лишь порхал на золотых крыльях, пуская во все стороны острые стрелы и бездумно поджигая сердца своими ужасными факелами².

¹ Орфический гимн. LVIII; *Аристотель*. *Метафизика*. I.4.984b, 23—30. *Гесиод*. *Теогония*. 120; *Олен*. Цит. по: *Павсаний*. IX.27.2.

² *Цицерон*. *О природе богов*. III.23, 59—60; *Вергилий*. *Кирис*. 134; *Алкей*. Цит. по: *Плутарх*. *Об Эроте*. 20.

1) Эрот был для Гесиода только абстракцией. Древние греки изображали его в виде Керы или крылатой Злобы, точно так же, как Старость или Чуму, в том смысле, что неуправляемое половое влечение может быть опасным для упорядоченного общества. Более поздние поэты, однако, упрямо находили удовольствие в его шалостях, и ко времени Праксителя уже сформировался сентиментальный образ Эрота в виде прекрасного юноши. Самое известное святилище Эрота находилось

в Феспиях, где беотийцы поклонялись ему как простому фаллическому столбу — своего рода пастушескому Гермесу или Приапу, но под другим именем (см. 150,а). Повествования о его родителях не требуют объяснений. Гермес был фаллическим богом, а Арес, будучи богом войны, возбуждал желание в женах воинов. В том, что Афродита была матерью Эрота, а Зевс — его отцом, есть намек на половое влечение, которое может не остановиться даже перед incestом. Его рождение от Радуги и Западного ветра — это лирический образ. *Илифия*, или «покровительница рожениц», — это титул Артемиды. Обращение к Илифии должно символизировать силу материнской любви.

2) Эрот никогда не считался столь важным божеством, чтобы оказаться среди двенадцати олимпийских богов.

Происхождение и деяния Посейдона

[а] Когда Зевс, Посейдон и Гадес, свергнув своего отца Крона, бросили в шлеме жребий, кому быть владыкой неба, моря и мрачного подземного мира, оставив землю в общее пользование, то Зевсу досталось небо, Гадесу — подземный мир, а Посейдону — море. Угрюмый и сварливый Посейдон — столь же важное божество, как и Зевс, хотя и уступающее ему в силе, — сразу начал строительство своего подводного дворца недалеко от города Эги (Евбея). В своих огромных конюшнях он держал белых коней с медными копытами и золотыми гривами, а также золотую колесницу, с приближением которой мгновенно утихали штормы; колесницу, резвясь, сопровождали поднявшиеся со дна морские чудища¹.

[б] Желая получить супругу, которой бы нравились морские глубины, он стал ухаживать за нереидой Фетидой, однако после того, как Фемида предсказала, что если у Фетиды родится сын, то он своим величием превзойдет отца, отказался от своих намерений и позволил ей выйти замуж за смертного Пелея. Амфитрита, другая приглянувшаяся ему нереида, испугалась его ухаживаний и сбежала от него в Атласские горы. За ней отправились посланцы Посейдона, среди которых был дельфин, так искусно поведший дело, что беглянка не смогла ответить отказом и попросила его позаботиться о свадьбе. В благодарность Посейдон поместил изображение дельфина среди звезд в виде созвездия Дельфина².

Амфитрита родила Посейдону троих детей: Тритона, Роду и Бенфесикиму, но причин для ревности у нее было не меньше, чем у Геры, чей

супруг, Зевс, известен своими любовными похождениями с богинями, нимфами и смертными женщинами. Особенно возмутила Амфитриту связь Посейдона со Скиллой, дочь Фюркиа, которую она превратила в чудовище с шестью собачьими головами и двенадцатью ногами, подбросив в тот водоем, где она купалась, волшебные травы³.

[с] Посейдон жаждал овладеть земными царствами и однажды объявил о своей власти над Аттикой, ударив трезубцем по афинскому акрополю. В том месте, где трезубец коснулся земли, тут же забил родник, из которого потекла морская вода. Этот источник еще и сейчас можно видеть. Позднее, в царствование Кекропа, о своем владении Аттикой более спокойно объявила Афина — она посадила первую маслину около этого источника. Разгневанный Посейдон вызвал ее на поединок. Афина уже готова была принять вызов, но вставший между ними Зевс потребовал, чтобы спор был решен мирным путем. Спорящим ничего не оставалось делать, кроме как предстать перед судом верховных божеств, которые вызвали Кекропа для дачи показаний. Зевс не стал вмешиваться в этот спор, но все боги поддержали Посейдона, а все богини — Афины. Таким образом, большинством в один голос Афина получила право на владение Аттикой как принесшая ей лучший дар.

[d] Раздосадованный Посейдон послал огромные волны, чтобы затопить Фриасийскую равнину, где расположены Афины — город богини Афины. Богиня нашла убежище в аттических Афинах, которые также назвала своим именем. Однако, чтобы как-то унять гнев Посейдона, женщины в Афинах были лишены права голоса, а мужчинам отныне запрещалось носить имена своих матерей⁴.

[e] Посейдон также оспаривал власть Афины над городом Трезен. На сей раз Зевс повелел разделить город между спорщиками, однако это решение оказалось неприемлемым для обеих сторон. Затем Посейдон безуспешно пытался отнять остров Эгину у Зевса и Наксос у Диониса, а в споре с Гелиосом за Коринф получил только перешеек Истм, тогда как Гелиос оставил за собой местный акрополь. В еще большей ярости Посейдон попытался отнять Арголиду у Геры и вновь был готов драться, отказавшись предстать перед судом богов из-за предвзятого, по его мнению, к нему отношения. В связи с этим Зевс решил передать дело речным богам Инаху, Кефису и Астериону, которые вынесли решение в пользу Геры. Поскольку Посейдону было запрещено мстить, как прежде, наводнением, он сделал как раз противоположное: он так высушил потоки своих судей-рек, что те совсем пересыхали летом.

Однако, уступив Амимоне, одной из данаид, опечаленной такой засухой, он сделал так, что Лерна — река в Арголиде — текла постоянно⁵.

[f] Посейдон хвалился тем, что создал коня, однако некоторые говорят, что при его рождении Рея отдала это животное на съедение Крону. Он также хвалился тем, что придумал уздечку, хотя до него уздечку придумала Афина, однако никто не оспаривает его первенство во введении скачек. Бесспорно также то, что кони были его священными животными, возможно, потому, что он пытался добиться взаимности от Деметры, когда та, безутешная, искала свою дочь Персефону. Говорят, что Деметра, уставшая и отчаявшаяся от бесплодных поисков, менее всего была расположена к любовным утехам с любимым богом или титаном; она превратилась в кобылицу и стала пастись в табуна некоего Онка (сын Аполлона), царствовавшего в Аркадии. Однако ей не удалось обмануть Посейдона, который, превратившись в жеребца, покрыв ее. От этого возмутительного союза появилась нимфа Деспойна и дикий конь Арейон. Ярость Деметры была столь велика, что до сих пор существует местный культ «мстящей Деметры»⁶.

¹ Гомер. Илиада. XV.187—193, VIII.210—211, XII.21—30; Одиссея. V.381; Аполлоний Родосский. III.1240.

² Аполлодор. III.13.5; Аполлодор. Поэтическая астрономия. II.17.

³ Цец. Схолии к Ликофрону. 45,50.

⁴ Геродот. VIII.55; Аполлодор. III.14.1; Августин. О граде божием. XVIII.9; Аполлодор. Мифы. 164.

⁵ Павсаний. II.30.6; Плутарх. Застольные вопросы. IX.6; Павсаний. II.1.5, 15.5, 22.5.

⁶ Пиндар. Пифийские оды. VI.50; Павсаний. VIII.25.3 и след.; Аполлодор. III.6.8.

1) Фетида, Амфитрита и Нереида — это различные местные наименования морской владычицы, и поскольку Посейдон был богом-отцом эолийцев-мореплавателей, он претендовал на звание ее супруга везде, где существовал культ этой богини. Пелей женился на Фетиде на горе Пелион (см. 81,1). Нереида, дочь Нерея, означает «текучая». В гомеровских поэмах Амфитрита означает просто «море», причем там она не является женой Посейдона. Ее нежелание выйти замуж за Посейдона совпадет с нежеланием Геры стать женой Зевса, а Персефоны — женой Гадеса. Рассказ о дельфине — это сентиментальная аллегория:

дельфины появляются, когда море успокаивается. Эги расположены на мелководной беотийской стороне Эвбеи и были портом Орхомена, и именно здесь собиралась морская экспедиция против Трои.

2) Рассказ о том, как Амфитрита отомстила Скилле, напоминает мечь Пасифаи другой Скилле (см. 91,2). Скилла («рвущая» или «щенок») — это всего лишь отвратительная ипостась Амфитриты: собако-головая богиня смерти Геката (см. 31,f), которая имеет губительную власть на земле и море. На обнаруженной в Кноссе печати она изображена угрожающей человеку, сидящему в лодке. Она также угрожала Одиссею в Мессинском проливе (см. 170,t).

3) Попытки Посейдона захватить определенные города — это политические мифы. Его тяжба из-за Афин отражает неудачную попытку стать богом-хранителем этого города вместо богини Афины. Ее победа была сопряжена с уступками патриархату: афиняне отказались от критского обычая, сохранявшегося в Карию вплоть до классической эпохи (Геродот. II.73), и перестали носить имена своих матерей. Варрон^{40*}, сообщивший об этом, представляет эту тяжбу как плебесцит всех мужчин и женщин Афин.

Совершенно ясно, что ионийские пеласги в Афинах потерпели поражение от эолийцев, и Афина сохранила свою власть над городом благодаря союзу с поклонявшимися Зевсу ахейцами, которые впоследствии отказали ей в происхождении от Посейдона и представили ее повторно рожденной из головы Зевса.

4) Культурные оливы первоначально ввозились из Ливии, что подтверждает ливийское происхождение мифа об Афине, однако принести она могла только ветвь, поскольку культурные оливы не плодоносят и для получения урожая их нужно привить к диким оливковым деревьям. Оливу Афины показывали даже во II в. н. э. Затопление Фриасийской долины, скорее всего, было событием историческим, однако датировать его невозможно. Не исключено, что в начале XIV в. до н. э., с которым метеорологи соотносят максимум осадков, реки в Аркадии никогда не пересыхали и их последующее обмеление объяснялось мезью Посейдона. Хорошо известно, что до прихода эллинов в Коринфе существовал культ солнца (Павсаний. II.4.7; см. 67,2).

^{40*} Варрон Марк Теренций (116—28 до н. э.) — виднейший энциклопедист Древнего Рима, руководил созданием первой публичной библиотеки в Риме. Главным из 620 произведений (большинство из которых не сохранилось) считается «Человеческие и божественные древности».

5) Миф о Деметре и Посейдоне свидетельствует о приходе эллинов в Аркадию. В Фигалии Деметра изображалась как богиня-покровительница с головой кобылы, давшая начало еще до прихода эллинов культу лошади. Древние эллины доставили в Грецию из-за Каспия новую породу более крупных лошадей. Местная порода лошадей по размерам не превышала шотландских пони и не годилась для использования в колесницах. Похоже, что эллины захватили центры культа лошади, где их цари-воины насильно женились на местных жрицах, тем самым получая право на землю. В результате этого исчезли оргии, в которых фигурировала дикая кобылица (см. 72,4). Священные кони, Арсийон и Деспойна (эти имена были эпитетами самой Деметры), стали называться детьми Посейдона. Имя Амимона могло быть одним из имен богини в Лерне, которая была известна как центр водяного культа данайд (см. 60,g; 60,4).

6) Неистовая Деметра, как и неистовая Немесида (см. 32,3), — это ежегодное состояние богини, приносящее смерть, и история Посейдона и Деметры, рассказываемая в Тельпусе (Павсаний. VIII.42), как и Посейдона и безмянной фурии, случившаяся у источника в Тильфусе (Беотия) (Схолии к «Илиаде» Гомера. XXIII.346), была уже достаточно древней к приходу эллинов. Этот сюжет можно найти в священных древнеиндийских книгах, где Саранью превращается в кобылицу, а Бивасват становится жеребцом и покрывает ее; от этого союза рождаются два героических ашвина. Деметра—Эриния могла означать не Деметру неистовую, а Деметру—Саранью, в чем видна попытка примирить две чуждые культуры; однако для обиженных пеласгов Деметра была и оставалась разъяренной.

Происхождение и деяния Гермеса

[а] Когда в пещере Киллены родился Гермес, его мать Майя запеленала его и оставила лежать в колыбели. Однако он рос невероятно быстро, и не успела она отвернуться от него, как он вскочил и отправился на поиски приключений. Прибыв в Пиерию, где паслось прекрасное стадо коров Аполлона, он решил украсть их. Однако испугавшись, что по следам коров их легко можно найти, он ободрал кору упавшего дуба, привязал ее сплетенной травой к копытам коров и поздно вечером погнал их по дороге. Аполлон обнаружил пропажу, но хитрый Гермес обманул его. В поисках коров Аполлон дошел на западе до Пилоса и на востоке до Онхеста, но безрезультатно. В конце концов он был вынужден объявить о награде тому, кто задержит вора. Жадные до награды Силен и сатиры разбрелись в разные стороны и провели много времени в бесплодных поисках. Наконец, блуждая по дорогам Аркадии, они услышали приглушенные звуки музыки, никогда не слышанной ими ранее. Нимфа сообщила им из пещеры Киллены, что недавно здесь родился на редкость способный ребенок, к которому она взята в няни. Недавно он смастерил необыкновенную музыкальную игрушку, используя панцирь черепахи и натянув на него струны из коровьих кишок, да так хорошо стал играть на ней, что даже усыпил свою мать.

[б] «А кто дал ему коровьи кишки?» — насторожившись, спросили сатиры, заметив две коровьи кишки, растянутые у входа в пещеру. «Неужели вы хотите обвинить бедного ребенка в краже?» — вопросом на вопрос ответила нимфа, и началась перебранка.

[с] В этот момент появился Аполлон и распознал вора по подозрительному поведению вещей длиннокрылой птицы. Войдя в пещеру, он разбудил Майю и сердито заявил ей, что Гермес должен вернуть украденных коров. Майя указала на лежащего в пеленках и мирно спящего ребенка и воскликнула: «Какое нелепое обвинение!» Но Аполлон уже признал висящие шкуры. Зевс и мысли не допускал, что его только что родившийся сын оказался вором; он даже пытался намекнуть Гермесу, чтобы тот не признавал своей вины. Но Аполлон не унимался, и испугавшийся Гермес в конце концов рассказал все, как было.

«Ладно, пойдем со мной, — сказал он Аполлону, — и я верну тебе стадо. Я зарезал только двух коров, разделив их на двенадцать равных частей для жертвоприношения двенадцати богам». — «Двенадцати богам? — переспросил Аполлон, — Кто же, интересно, двенадцатый?» — «Ваш покорный слуга, господин, — скромно ответил Гермес. — Хотя я был очень голоден, но съел всего лишь двенадцатую часть, а остальные должным образом сжег».

Так впервые мясо было принесено в жертву богам.

[d] Оба бога вернулись в пещеру Киллены, где Гермес, поздоровавшись с матерью, извлек из-под овечьей шкуры какой-то предмет.

«Что это у тебя?» — спросил Аполлон.

Вместо ответа Гермес показал сделанную им недавно лиру и, пользуясь им же изобретенным плектром, сыграл на ней столь чарующую мелодию, восхваляя в песне благородство, ум и щедрость Аполлона, что тот сразу же его простил. Играя всю дорогу, Гермес проводил восхищенного и довольного Аполлона до Пилоса, где и вручил ему оставшихся коров, спрятанных в пещере. «Давай меняться! — воскликнул Аполлон. — Ты берешь коров, а я — лиру». — «Согласен», — ответил Гермес. И они ударили по рукам.

[e] Пока голодные коровы паслись, Гермес срезал камышинку, сделал из нее пастушью свирель и заиграл новую мелодию. Аполлону она опять так понравилась, что он воскликнул: «Меняю! За твою свирель я отдам тебе свой золотой жезл, с которым пасу мое стадо, а в будущем ты станешь богом всех скотоводов и пастухов». — «Твой жезл не стоит моей свирели, — ответил Гермес, — но я согласен меняться, если ты обучишь меня гаданию, поскольку, сдастся мне, это очень полезное искусство». — «Ничем не могу тебе помочь, — сказал Аполлон, — но если ты обратишься к моим старым няням фриям, которые живут на Парнасе, они обучат тебя гаданию на камешках».

[f] И они опять ударили по рукам. Аполлон, вновь отнеся дитя на Олимп, рассказал Зевсу обо всем, что произошло. Зевс предупредил Гермеса, что отныне тот должен уважать право собственности и воздерживаться от откровенной лжи. Однако вся эта история его очень позабавила: «Да, ты весьма изобретателен, говоришь красноречиво и убедительно, крошка бог», — сказал он. — «Тогда сделай меня своим глашатаем, отец, — ответил Гермес, — и я буду отвечать за сохранность всей собственности богов и никогда не солгу, хотя и не обещаю всегда говорить всю правду». — «Этого от тебя никто и не требует, — сказал с улыбкой Зевс. — Но в твои обязанности будет входить заключение договоров, развитие торговли, соблюдение права свободного прохода для путешественников по всем дорогам мира».

Гермес принял эти условия, и Зевс вручил ему жезл-кадуцей с белыми лентами, который каждый обязан был уважать, а также дал сыну широкополую шляпу от дождя и крылатые золотые сандалии, которые могли переносить его со скоростью ветра. Тут же он был принят в семью олимпийских богов, которых научил искусству получения огня с помощью быстрого вращения специальной палочки.

[g] После этого фрии показали Гермесу, как предсказывать будущее по полету камня, брошенного над гладью воды, а потом он сам изобрел игру в кости и способ гадания по ним. Своим глашатаем сделал его и Гадес: теперь Гермес должен был ласковой и успокоительной речью провожать души умерших в Аид, возлагая свой золотой жезл на их очи¹.

[h] Затем Гермес помог трем богиням судьбы в составлении алфавита, изобрел астрономию, музыку, искусство кулачного боя и гимнастики, единицы меры и веса, которые, однако, некоторыми приписываются Паламеду, а также научил, как выращивать оливковые деревья².

[i] Некоторые утверждают, что у изобретенной Гермесом лиры было семь струн, другие говорят, что струн было только три или четыре — по числу времен года и что Аполлон довел количество струн до семи³.

[j] У Гермеса было множество сыновей, включая глашатая аргонавтов Эхиона, разбойника Автолика и изобретателя буколической поэзии Дафниса. Дафнис был прекрасным сицилийским юношей, которого его мать-нимфа родила в лавровой роще на Герейских горах. Вот почему он носит такое имя, данное его присмными родителями-пастухами. Пан научил его игре на свирели, он пользовался расположением Аполлона и частенько охотился с Артемидой, которой нравилась его музыка. Он любовно ухаживал за своими многочисленными стадами, в которых были

животные той же породы, что и у Гелиоса. Любившая Дафниса нимфа по имени Номия заставила его поклясться в том, что он никогда не будет ей изменять, в противном случае она ослепит его. Однако ее соперница Химера ухитрилась соблазнить Дафниса, когда тот был пьян, и Номия, в исполнение своей угрозы, выколола ему глаза. Какое-то время Дафнис утешал себя слаганием грустных стихов о потерянном зрении, но прожил он недолго. Гермес обратил его в камень, который до сих пор показывают в городе Кефаленитане, и сделал так, что в Сиракузах забил источник, названный Дафнис, у которого ежегодно устраиваются жертвоприношения богам⁴.

¹ Гомеровский гимн к Гермесу. 1—543; *Софокл.* Фрагменты из «Следопытов»; *Аполлодор.* III.10.2.

² *Диодор Сицилийский.* V.75; *Аполлодор.* Мифы. 277; *Плутарх.* Застольные вопросы. IX.3.

³ Гомеровский гимн к Гермесу. 51; *Диодор Сицилийский.* I.6; *Макробий.* Сатурналии. I.19; *Каллимах.* Гимн Делосу. 250 и след.

⁴ *Диодор Сицилийский.* IV.84; *Сервий.* Комментарий к «Буколикам» Вергилия. V.20, VIII.68, X.26; *Филаргирий.* Комментарий к «Буколикам» Вергилия. V.20; *Элиан.* Пестрые рассказы. X.18.

1) Миф о детстве Гермеса сохранился только в поздней литературной форме. Набеги на соседей с целью угона скота, совершавшиеся ловкими жителями Мессены (см. 74, g; 171, h), а также договор, положивший конец этим набегам, вероятно, мифологически объединились с повествованием о том, как варвары эллины, действуя от имени заимствованного ими бога Аполлона, восприняли достижения крито-элладской цивилизации (с которой они столкнулись в центральной и южной Греции) и переняли у местных племен культуру поведения. Кулачный бой, единицы меры и веса, музыка, астрономия, культура выращивания оливковых деревьев — все это относится к доэллинской эпохе (см. 162, 6).

2) История бога Гермеса восходит к каменным фаллосам, вокруг которых отпращивались местные доэллинические культы плодородия (см. 15, 1), а его быстрый рост можно объяснить игривой непристойностью Гомера. В нем также прослеживаются черты Божественного Дитя, фигурировавшего в доэллинском календаре (см. 24, 6; 44, 1; 105, 1; 171, 4; и т. д.), египетского бога мудрости Тота, а также Анубиса — проводника душ в потусторонний мир.

3) Геральдические белые ленты на жезле Гермеса позднее ошибочно толковались как змеи, поскольку он был глашатаем Гадеса; отсюда имя Эхион. Фрии — это мусическая триада горы Парнас, а их гадание по полету брошенного камня практиковалось даже в Дельфах. Изобретение гадательной кости, изготовленной из бабки, приписывалось Афине (Зенобий. *Пословицы*. V.75). «Длиннокрылой птицей» Аполлона, возможно, был журавль, посвященный Гермесу. Гермес, который в древности считался покровителем гаданий, литературы, часто испытывал «набеги на свою территорию» со стороны аполлонического жречества. Аналогичным образом его собственные жрецы приписывали ему то, что традиционно относилось к Пану, музам и Афине. Добывание огня трением также приписывается Гермесу, поскольку трение палочки о доску воспринималось сквозь призму мужского и женского начала и предполагало фаллическую магию.

4) Силен и его сыновья сатиры были общепринятыми комическими персонажами аттической драмы (см. 83,5); они восходят к грубым горцам Северной Греции. Одна из нимф называет Силена автохтоном, или сыном Пана (Нонн. *Деяния Диониса*. XIV.97, XXIX.262).

5) Романтическая история Дафниса сложилась вокруг фаллического столба в Кефаленитане и источника в Сиракузах; возможно, в каждом из этих мест была лавровая роща, в которой пели песни в честь покойного слепца. Дафнис, естественно, был возлюбленным Аполлона, который заимствовал лавр у оргиастической Темпейской богини (см. 21,5).

Происхождение и деяния Афродиты

[а] Афродита с большой неохотой давала богиням свой волшебный пояс, который делал любого влюбленным в его хозяйку, и вела себя так потому, что слишком дорожила своим особым положением. Зевс отдал ее в жены хромому богу-кузнецу Гефесту, однако истинным отцом троих детей, которых она ему родила, — Фобоса, Деймоса и Гармонии — был Арес, стройный, неистовый, вечно пьяный и драчливый бог войны. Гефест ничего не знал об измене до тех пор, пока влюбленные однажды не задержались в постели слишком долго во дворце Ареса во Фракии, и поднявшийся Гелиос, застав их за приятным занятием, не рассказал обо всем Гефесту.

[б] Рассерженный Гефест, уединившись в своей кузнице, выковал тонкую, как паутина, но удивительно прочную бронзовую сеть, которую незаметно прикрепил к подножью кровати, опустив с потолка тонкой паутиной. Когда улыбающаяся Афродита вернулась из Фракии, объяснив мужу свою отлучку делами в Коринфе, тот сказал: «Извини, дорогая женушка, но я хочу немного отдохнуть на моем любимом острове Лемнос». Афродита не изъявила ни малейшего желания следовать за ним, и стоило только мужу скрыться из виду, как она послала за Аресом, который не заставил себя долго ждать, Оба с радостью возлегли на ложе, а наутро обнаружили, что лежат опутанные сетью — голые и беспомощные. В сети и нашел их вернувшийся Гефест и решил показать всем богам, как его бесчестят. Он заявил, что не освободит жену до тех пор, пока ее приемный отец Зевс не вернет всех богатых свадебных даров, полученных им за Афродиту.

[с] Боги бросились поглазеть на оконфузившуюся Афродиту, а богини из деликатности остались дома. «Сдается мне, — сказал Аполлон, легонько толкнув локтем Гермеса, — ты сам не прочь оказаться под такой сетью на месте Ареса».

Гермес с горячностью поклялся собственной головой, что, окажись сетей хоть втрое больше, и пусть все богини ругают его, он не отказался бы от такого удовольствия. И оба бога громко рассмеялись. Однако Зевсу их беседа показалась столь отвратительной, что он отказался вернуть свадебные дары и вмешиваться в эту семейную ссору, заявив, что Гефест сглупил, выставив напоказ неверность жены. Посейдон, который при виде обнаженного тела Афродиты тут же влюбился в нее, еле скрыл свою зависть к Аресу и притворился сочувствующим Гефесту. «Раз Зевс не желает тебе помочь, — заявил он, — я берусь устроить так, что за свое освобождение Арес вернет тебе стоимость твоих свадебных даров». — «Хорошо, — мрачно отозвался Гефест, — но если Арес обманет, тебе придется занять его место в сети». — «Рядом с Афродитой?» — смеясь, спросил Аполлон.

«Не думаю, чтобы Арес обманул, — произнес Посейдон, пытаясь скрыть собственную заинтересованность, — но если все-таки такое случится, я готов сам заплатить нужную сумму и жениться на Афродите».

Так Арес получил свободу и вернулся во Фракию, а Афродита уехала в Пафос на Кипре, где вернула себе девственность, искупавшись в море ¹.

[d] Польщенная столь явным признанием Гермеса в любви, Афродита некоторое время спустя провела с ним ночь, плодом которой стал двуполой Гермафродит, а в благодарность за участие Посейдона в ее судьбе родила ему двух сыновей — Рода и Герофила ². Стоит ли говорить, что Арес обманул, заявив, что если не платит Зевс, то почему должен платить он? В конце концов Гефест остался без выкупа, на котором он, правда, и не настаивал, поскольку безумно любил Афродиту и не имел ни малейшего желания с ней разводиться.

[e] Позднее Афродита уступила Дионису и родила ему Приапа — уродливого ребенка с огромными гениталиями, который своим непристойным видом был обязан тому, что Гера наказала Афродиту за ее неразборчивость в любовных связях. Приап — садовник, не расстающийся с садовым ножом ³.

[f] Хотя Зевс никогда не делил ложа со своей приемной дочерью Афродитой (правда, некоторые утверждают это), он неизменно испытывал

такой соблазн под влиянием ее волшебного пояса. Поэтому однажды он решил унижить ее, возбудив в ней безоглядную любовь к смертному. Им стал прекрасный Анхис, царь дарданов и внук Ила. Однажды ночью, когда он спал в пастушьем шалаше на горе Иде в Трое, Афродита посетила его в обличе фригийской принцессы, облаченной в ярко-красное одеяние, и возлегла с ним на ложе, усталном шкурами медведей и львов. Все время над ними убаюкивающе жужжали пчелы. На рассвете, когда они расставались, она открыла ему свое имя и взяла обещание никому не рассказывать о том, что было между ними. Анхис, напуганный тем, что увидел богиню обнаженной, стал просить о пощаде. Богиня заверила его, что ему нечего бояться и что их будущий сын станет знаменитым⁴. Спустя несколько дней, когда Анхис веселился в кругу друзей, один из них спросил: «Неужто ты предпочел бы разделить ложе с этой дочерью смертного, чем с самой Афродитой?» «Я спал с обеими, — беспечно ответил тот, — тут и спрашивать нечего».

[g] Услышав такую похвалу, Зевс ударил в Анхиса молнией, и не избежать бы тому смерти, если бы Афродита не отклонила молнию своим поясом. Молния ушла в землю у ног Анхиса, однако потрясение его было столь велико, что он уже никогда не смог встать на ноги, а Афродита, родив ему сына Энея, вскоре утратила к нему всякий интерес⁵.

[h] Однажды жена кипрского царя Кинира (а некоторые утверждают, что царя Феникса из Библоса или ассирийского царя Тианта) похвасталась, что ее дочь Смирна прекрасней самой Афродиты. Богиня не стерпела такого оскорбления и внушила Смирне страсть к родному отцу. Однажды ночью, когда ее кормилица так напоила Кинира, что тот уже ничего не соображал, Смирна забралась к нему в постель. Кинир, обнаружив, что стал и отцом и дедом пока еще не родившегося ребенка, так разъярился, что выхватил меч, и испуганная Смирна бросилась прочь из дворца. Когда отец настиг ее у обрыва, Афродита спешно превратила ее в мировое дерево, и родительский меч расколол его ствол пополам. Из трещины выпал крошечный Адонис. Афродита, уже сокрушаясь о содеянном, заключила Адониса в ларец и передала его Персефоне — царице мертвых, попросив припрятать в укромном месте.

[i] Сгоравшая от любопытства Персефона открыла ларец и обнаружила в нем Адониса. Он был так мил, что она взяла его на руки и отнесла в свой дворец, где и воспитала его. Весть об этом дошла до Афродиты, и она не замедлила явиться в Тартар, чтобы потребовать Адониса назад. Персефона отказалась подняться наверх, поскольку

Адонис к тому времени уже стал ее возлюбленным. Афродите пришлось обратиться к Зевсу. Зевс, хорошо зная, что Афродита тоже не прочь возлечь с Адонисом, отказался решать этот неприглядный спор, передав его на рассмотрение суду под председательством музы Каллиопы. Та признала за Афродитой и Персефоной равные права на владение Адонисом, поскольку первая способствовала его рождению, а вторая спасла из ларца, но потребовала, чтобы каждый год Адонис имел краткий отдых от посягательств любвеобильных богинь. Соответственно Каллиопа разделила год на три равные части, одну из которых Адонис должен был проводить с Персефоной, вторую — с Афродитой, а третью — по своему усмотрению.

Однако Афродита повела дело нечестно: постоянно пользуясь своим волшебным поясом, она заставила Адониса отдать в ее пользу принадлежавшую ему часть года, а также присвоила часть года Персефоны, отказавшись, таким образом, выполнить решение суда⁶.

[j] Справедливо вознегодовавшая Персефона отправилась во Фракию и заявила своему благодетелю Аресу, что Афродита предпочитает ему Адониса. «Какого-то смертного, да еще такого женственного!» — шумела она. Воспылав ревностью, Арес обернулся диким вепрем, набросился на Адониса, который в то время охотился в горах Ливана, и задрал его насмерть на глазах у Афродиты. Из капель его крови выросли анемоны, а душа опустилась в Тартар. Отчаявшаяся Афродита отправилась к Зевсу и стала вымаливать у него разрешение, чтобы Адонис проводил с Персефоной лишь наиболее суровую часть года, а на все летние месяцы оставался ее спутником, на что Зевс великодушно согласился. Некоторые, правда, утверждают, что этим вепрем был Аполлон, который таким образом хотел отомстить за обиду, нанесенную ему Афродитой⁷.

[k] Однажды, желая пробудить в Адонисе ревность, Афродита несколько ночей провела в Лилибее с аргонавтом Бутом, родив от него сына — царя сицилийского города Эрика. Ее детьми от Адониса были сын Голг, основатель Голгов на Кипре, и дочь Бероя, основательница фракийской Берои. Некоторые утверждают, что отцом ее сына Приапа был не Дионис, а тоже Адонис⁸.

[l] Богини судьбы наделили Афродиту лишь одной божественной обязанностью — творить любовь, но однажды Афина застала ее тайком сидевшей за прялкой. Посчитав это вмешательством в свои дела, Афина пригрозила вообще бросить свои обязанности. Афродита извинилась и с тех пор больше не прикасалась ни к какой работе⁹.

¹ Гомер. Одиссея. VIII.266—367.

² Диодор Сицилийский. IV.6; Схолии к «Пифийским одам» Пиндара. VIII.24.

³ Павсаний. IX.31.2; Схолии к Аполлонию Родосскому. I.932.

⁴ Гомеровский гимн к Афродите. 45—200; Феокрит. Идиллии. I.105—107; Аполлодор. Мифы. 94.

⁵ Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. II.649.

⁶ Аполлодор. III.14.3—4; Аполлодор. Поэтическая астрономия. II.7; Аполлодор. Мифы. 58.

⁷ Сервий. Комментарий к «Буколикам» Вергилия. X.19. Птолемей Гестатион. I.

⁸ Аполлоний Родосский. IV.914—919; Диодор Сицилийский. IV.83; Схолии к «Идиллиям» Феокрита. XV.100; Цец. Схолии к Ликофрону. 831.

⁹ Гесиод. Теогония. 203—204; Ионн. Деяния Диониса. XXIV.274—281.

1) Поздние эллины принижали значение Великой средиземноморской богини, которая долгое время почиталась как верховное божество в Коринфе, Спарте, Феспиях и Афинах. Они подчинили ее мужским божествам и рассматривали священные оргии как половую распущенность. Сеть, в которой Гомер изобразил пойманную Гестестом Афродиту, ранее принадлежала ей самой как богине моря (см. 89,2), а ее жрицы, вероятно, носили такую сеть во время весеннего праздника. В канун майского праздника так же одевались жрицы скандинавской богини Холле, или Голде.

2) Приап возник из грубых деревянных фаллических изображений, создаваемых для дионисийских оргий. Сыном Адониса он стал потому, что на посвященных ему праздниках приносились жертвы в виде миниатюрных «садов». Груша (*apidio*) считалась священным деревом Геры как верховной богини Пелопоннеса, который поэтому носил название Апия (см. 64,4; 74,6).

3) Анхис был одним из многих царей-жрецов, погибавших от ритуального перуна после ухаживаний за богиней смерти-в-жизни (см. 24,а). В раннем варианте мифа он погибает, а в более поздних ему удается избежать смерти, чтобы объяснить появление истории о благочестивом Энее, доставившем священный палладий в Рим и вынесшем отца из горящей Трои (см. 168,с). Его имя отождествляет Афродиту с Исидой, чей супруг, Осирис, был оскоплен Сетом, принявшим образ всеря. Анхис — это, по сути, синоним Адониса. У него было святилище неподалеку

от горы Эрик в Эгесте, но Вергилий^{41*} упоминает о том, что Анхис умер в соседнем с Эгестой городе Дрепане и погребен на вершине горы (*Энеида*. III.710,759 и след.). Другие святилища Анхиса находились в Аркадии и Троаде. В святилище Афродиты на горе Эрик показывали золотой улей, который якобы был жертвоприношением Дедала, бежавшего в Сицилию (см. 92, h).

4) В качестве богини смерти-в-жизни Афродита приобрела много эпитетов, кажущихся несовместимыми с ее красотой и привлекательностью. В Афинах ее называли старшей из богинь судьбы и сестрой эриний, а в других местах — Меланидой («черная»), — Павсаний остроумно объяснял этот эпитет тем, что любви обычно предаются ночью (VIII.6.5.), — Скотией («темная»), Андрофонос («мужеубийца») и даже, согласно Плутарху, Эпитимбией («могильная»).

5) Миф о Кинире и Смирне, очевидно, свидетельствует о таком периоде в истории, когда царь-жрец в матрилинейном обществе решил продлить свое правление, выйдя за установленный обычаем срок и вступив в брак с младшей жрицей (номинально его дочерью), которая становилась царицей на следующий срок, не давая тем самым жениться на ней молодому наследнику и получить ему право на царство (см. 65, 1).

6) Адонис (от финикийского *adon* — «владыка») — это греческий вариант сирийского полубога Таммуза, духа ежегодного пробуждения природы. В Сирии, Малой Азии и Греции священный год богини был в свое время разделен на три части, которыми правили Лев, Коза и Змей (см. 75, 2). Коза, символизировавшая среднюю часть года, принадлежала богине любви Афродите; символ последней части — Змей — принадлежал богине смерти Персефоне, а олицетворявший первую часть года Лев был священным животным богини рождения, фигурирующей здесь под именем Смирны, которая не претендовала на Адониса. В Греции этот календарь сменился другим, состоящим из двух сезонов, который либо, по восточной традиции, делился от равноденствия до равноденствия (как, например, в Спарте и Дельфах), либо, согласно северной традиции, от солнцестояния до солнцестояния

^{41*} Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.) — один из величайших поэтов античного Рима. Близкий друг Горация. Наиболее крупные произведения: «Буколики», «Георгики» и героический эпос «Энеида» — вершины римской классической поэзии. В Средние века считался магом и чародеем, владеющим многими тайнами познания. Данте, для которого Вергилий был олицетворением человеческого гения, сделал его в «Божественной комедии» (1307 — 1321) своим проводником по аду.

(как в Афинах и Фивах). Этот факт объясняет различие в решениях, принятых Каллиопой и Зевсом.

7) Таммуз гибнет от вепря, как и множество других мифических персонажей, — Осирис, критский Зевс, Анкей из Аркадии (см. 157,с), Карманор в Лидии (см. 136,б) и ирландский герой Диармайт. Вероятно, раньше вепрь был свиньей с клыками в форме лунного серпа, самой богиней в ипостаси Персефоны. Однако когда год был разделен на две части, более светлая часть года оказалась под властью царя-жреца, а более темная — под властью таниста, или соперника, который и получает обличье дикого вепря. Именно в этом обличье Сет убивает Осириса, а Финн-Мак-Коол убивает Диармайта. Кровь Таммуза — это аллегорический образ анемонов, от которых рдели склоны ливанских гор после зимних дождей. Адонии, праздник траура по Таммузу, проводился в Библосе каждую весну. Рождение Адониса из мирового дерева, которое было известно в качестве возбуждающего средства, указывает на оргиастический характер культа Адониса. Капли смолы, которые роняет мировое дерево, воспринимались как слезы по Адонису (Овидий. *Метаморфозы*. X.500 и след.). У Гигина^{42*} Кинир становится царем Ассирии (*Мифы*. 58), возможно, потому, что именно там возник культ Таммуза.

8) Сын Афродиты Гермафродит имел женские груди и длинные волосы. Как и андрогин, т. е. бородатая женщина, Гермафродит, бесспорно, имел свой причудливый физический прообраз, но как религиозная идея они оба возникли в период перехода от матриархата к патриархату.

9) На первый взгляд может показаться странным, что дочь Афродиты и Ареса зовут Гармония, однако и в те времена, и сегодня более сильные любовь и гармония преобладают в государстве, находящемся в состоянии войны.

^{42*} Гигин Гай Юлий (64—17 до н.э.) — римский ученый и писатель, вольноотпущенник императора Августа, друг Овидия. Труды по истории, философии, сельскому хозяйству и др., комментарий к Вергилию. Под именем Гигина дошли труд о легендах, связанных со звездами, и справочник по мифам «Генеалогия».

[а] Фракийский Арес получал истинное наслаждение от сражений, и его сестра Эрида всегда старалась разжечь вражду, распространяя ложные слухи и внушая зависть. Они оба никогда не отдавали предпочтения ни одной из враждующих сторон, а Арес по настроению сражался то за одних, то за других, испытывая радость при виде убивающих друг друга людей и разграбленных городов. Среди бессмертных никто, начиная с Зевса и Геры, не любил его, кроме Эриды и Афродиты, испытывавшей к нему неодолимую страсть, да жадного Гадеса, которому нравилось, когда отважные молодые воины убивали друг друга в жестоких битвах.

[б] Арес не всегда одерживал верх. Будучи очень искусной в военном деле, Афина дважды побеждала его в битве, а однажды гигантские сыновья Алося полонили его и целых тринадцать месяцев держали в бронзовом сосуде, откуда его полумертвого вызволил Гермес. В другом случае Геракл заставил его в страхе бежать на Олимп. Ему претило появляться в суде в роли истца, но однажды его призвали в суд в качестве ответчика: боги обвинили его в преднамеренном убийстве сына Посейдона Галлирофия. Арес просил оправдать его на том основании, что спасал свою дочь Алкипию из дома Кекропа, которую пытался обесчестить названный Галлирофий. Поскольку, кроме Ареса, свидетелей происшедшего не оказалось, суд оправдал его. Это было первое решение суда, вынесенное по делу об убийстве, а холм, на котором слушалось дело, стал известен под названием Ареопаг, которое сохранилось за ним и по сей день ¹.

¹ *Аполлодор*. III.14.2; *Павсаний*. I.21.7.

1) Афиняне не любили войну, если она не велась в защиту свободы или по другой не менее важной причине, и презирали фракийцев как варваров, для которых война была обычным делом.

2) Согласно Павсанию, повествующему об убийстве (I.24.1), Галлирофий все-таки успел обесчестить Алкиппу. Однако Галлирофий может оказаться синонимом Посейдона, а Алкиппа — синонимом богини с лошадиной головой. Этот миф похож на миф о Посейдоне и Деметре и относится к завоеванию Афин народом, поклонявшимся Посейдону, и унижению, которое претерпела богиня от них (см. 16,3). Однако из патриотических соображений миф был изменен и объединен с легендой о каком-то более раннем деле об убийстве.

[а] Гестия славилась тем, что была единственной из великих олимпийцев, кто ни разу не воевал и не участвовал в ссорах. Более того, она, как Артемида и Афина, никогда не отвечала на ухаживания богов, титанов или кого-либо другого, поскольку после свержения Крона, — когда Посейдон и Аполлон выступили в качестве ее женихов-соперников — она поклялась головой Зевса, что навсегда останется девственницей. За это благодарный Зевс дал ей в награду первую жертву, приносимую на всех публичных жертвоприношениях¹, поскольку она сохранила мир на Олимпе.

[b] Однажды пьяный Приап попробовал обесчестить ее, спящую, на сельском празднике, где присутствовали все боги и уже так пресытились угощением, что повалились спать. Однако в тот момент, когда Приап уже готовился совершить свое черное дело, громко закричал осел, Гестия пробудилась, призвала на помощь богов, и Приап вынужден был в страхе бежать².

[с] Она является богиней домашнего очага, и каждый от ее имени может найти защиту в частном доме или общественном здании. Гестия пользовалась всеобщим почитанием не только потому, что была самой доброй, самой справедливой и самой сердобольной из всех олимпийских богов, но еще и потому, что ей все обязаны искусством строить здания. Ее огонь был столь священ, что стоило ему погаснуть в знак траура или случайно, как его тут же вновь разводили с помощью кресала³.

¹ Гомеровский гимн к Афродите. 21—30.

² Овидий. Фасты. VI.319 и след.

³ Диодор Сицилийский. V.68.

1) Центром жизни Греции, даже Спарты, где семья находилась в подчиненном по отношению к государству положении, был домашний очаг, который также рассматривался как жертвенный алтарь. Гестия, будучи его богиней, олицетворяла личную безопасность и счастье, а также священный долг гостеприимства. Рассказ о сватовстве к ней Посейдона и Аполлона, возможно, возник из совместного поклонения этим трем божествам в Дельфах. Попытка обесчестить ее Приапом — это притча-предупреждение против плохого обращения с женщинами, просящими защиты у домашнего или общественного очага (что рассматривалось не иначе как святотатство). Даже осел как символ похотливости (см. 35,4) — и тот предупреждает о преступном безрассудстве Приапа.

2) Архаичный белый аниконический образ Великой богини, который существовал повсюду в восточном Средиземноморье, возможно, идет от горки тлеющих углей, покрытых белой золой, чтобы не дать им погаснуть. Это был самый удобный и экономный способ обогрева жилищ в древние времена: он не давал ни дыма, ни пламени и в то же время становился естественным центром семейных или племенных сборищ. В Дельфах горка угля переходит из-под крыши на улицу и превращается в холмик известняка и наконец становится омфалом — или каменным пупом, который часто фигурирует в греческой вазописи и обозначает предполагаемый центр Земли. Этот священный предмет, переживший само святилище, до сих пор еще хранит надпись с именем матери-Земли и имеет 11,25 дюйма в высоту и 15,5 дюйма в поперечнике, т. е. соответствует по размерам очагу, необходимому для обогрева древесным углем большого помещения. В классическую эпоху пифия имела прислуживавшего ей жреца, который приводил ее в экстатическое состояние, сжигая в пламени помещенной в замкнутое пространство масляной лампы зерна ячменя, коноплю и листья лавра, а затем толковал ее прорицания. Однако более вероятно, что коноплю, лавр и ячмень некогда клали просто на горячую золу, оставшуюся от сгоревшего древесного угля, что и проще и эффективней для получения наркотического дыма (см. 51,b). На месте крито-микенских святилищ не раз находили площадки из камня или глины в виде треугольников или листьев, которые хранили на себе следы сильного обжига.

Вполне вероятно, что они использовались для поддержания священного огня. Горка углей иногда выкладывалась на круглом глиняном треножнике, выкрашенном в красный, белый и черный цвета, которые считались цветами луны (см. 90,2). Такие предметы неоднократно находили на Пелопоннесе, Крите и в Делосе, причем на одном таком треножнике, найденном неподалеку от Кносса, так и лежала горка древесного угля.

Происхождение и деяния Аполлона

[a] Аполлон — сын Зевса и Лето, родился семимесячным, однако боги растут быстро. Фемида кормила его нектаром и амбросией, и на закате четвертого дня он потребовал лук и стрелы, которые незамедлительно получил от Гефеста. Покинув Делос, Аполлон направился прямо на гору Парнас, где прятался враг его матери змей Пифон, и сумел изранить его стрелами. Пифон сбежал к оракулу матери-Земли в Дельфах, названных так по имени чудовищной Дельфины, подруги Пифона. Однако Аполлон осмелился войти в святилище и расправился с ним на краю священной бездны ¹.

[b] Об этом возмутительном поступке мать-Земля тут же сообщила Зевсу, который приказал Аполлону не только отправляться в Темпейскую долину, чтобы получить очищение от убийства, но и учредить Пифийские игры в честь Пифона, на которых должен был председательствовать раскаивающийся Аполлон. Однако, несколько не испугавшись, Аполлон не послушался Зевса и не пошел в Темпейскую долину, а в сопровождении Артемиды отправился за очищением в Эгиалею. Место ему не понравилось, и он отплыл на остров Крит, в Тарру, где царь Карманор выполнил надлежащую церемонию ².

[c] Вернувшись в Грецию, Аполлон разыскал Пана — козлоногого аркадского бога, пользовавшегося дурной репутацией, и уговорил его научить искусству прорицания. После чего он захватил Дельфийский оракул, оставив у себя на службе его жрицу пифию.

[d] Услышав об этом, Лето и Артемида пришли в Дельфы. Там Лето уединилась в священной роде для выполнения обряда. Гигант Титий

нарушил ее уединение и попытался овладеть ею, однако, заслышав крики, Аполлон и Артемида прибежали на помощь и убили насильника, осыпав его градом стрел. Отец Тития Зевс посчитал кару справедливой. В Тартаре Тития обрекли на муки, пригвоздив к земле за руки и за ноги так, что тело великана распростерлось на девять десятин, а два коршуна рвали его печень³.

[e] После этого Аполлон убил спутника богини Кибелы Марсия. Вот как это случилось. Однажды Афина сделала из костей оленя двойную флейту — авлос и решила на пиру богов сыграть на ней. Сначала она не могла понять, почему Гера и Афродита беззвучно смеются, прикрыв лица руками, в то время как другим богам ее музыка как будто нравится. В одиночестве она отправилась во фригийский лес, села над ручьем, достала флейту и стала играть, наблюдая за своим отражением в воде. Тут-то ей сразу стало понятно, как смешно она выглядела с напряженным лицом и с безобразно раздутыми щеками. Она отбросила флейту прочь, наложив проклятье на каждого, кто осмелится поднять ее.

[f] Невинной жертвой этого проклятья и стал Марсий. Он наткнулся на флейту, и не успел поднести ее к губам, как она сама заиграла мелодии, которые наигрывала на ней Афина. Довольный Марсий, входивший в свиту Кибелы, стал веселить сельских жителей — фригийцев. В восторге те стали уверять его, что даже сам Аполлон не сыграл бы лучше на своей лире, и Марсий по глупости не стал им перечить. Это не могло не вызвать гнев Аполлона, и тот вызвал Марсия на состязание, победитель которого мог по своему усмотрению наказать побежденного. Марсий согласился; в качестве судей Аполлон пригласил муз. Состязание не выявило победителя, поскольку муз покорили оба инструмента. Тогда Аполлон воскликнул: «А ну попробуй на своем инструменте сделать то же, что и я. Перевернем свои инструменты и будем играть и петь сразу».

[g] Марсию нечем было ответить на вызов, поскольку с флейтой такое сделать невозможно. А Аполлон, перевернув лиру, запел такие прекрасные гимны в честь олимпийских богов, что музы не могли не отдать ему предпочтения. После этого Аполлон, несмотря на свою кажущуюся нежность, избрал для Марсия самую жестокую месть, содрал с несчастного кожу и прибив ее к осне, а некоторые утверждают, что к платану, растущему у истока реки, которая сейчас носит его имя⁴.

[h] После этого Аполлон выиграл еще один музыкальный спор, рас судить который взялся царь Мидас. На этот раз ему удалось победить

Пана. Став общепризнанным богом музыки, он играл с тех пор на семи-струнной лире на всех пирах богов. Одно время в его обязанности входило охранять стада и отары, которые боги держали в Пиерии, однако со временем эта работа была возложена на Гермеса⁵.

[i] Хотя Аполлон решил не связывать себя брачными узами, у него были дети и от нимф, и от смертных женщин; среди них Фтия, родившая ему Дора и его братьев, муза Талия, у которой от него родились корибанты, а также Коронида, родившая ему Асклепия, и Ария, сыном которой был Милет, и Кирина — мать Аристея⁶.

[j] Он также соблазнил нимфу Дриопу, пасшую отцовские стада на склоне горы Эты в обществе своих подруг гамадриад. Аполлон превратился в черепаху, которой все они забавлялись, но как только Дриопа положила ее за пазуху, Аполлон превратился в шипящего змея, испугавшего гамадриад, и познал Дриопу. Она родила ему Амфиса, основавшего город Эта и построившего храм в честь своего отца, в котором Дриопа оставалась жрицей, пока гамадриады не выкрали ее, оставив вместо нее тополь⁷.

[k] Это не значит, однако, что Аполлон не знал поражений в любви. Однажды он попытался украсть Марпессу у ее мужа Идаса, но она осталась верна мужу. В другой раз он погнался за горной нимфой Дафной, которая была жрицей Геи-Земли и дочерью бога реки Пеней в Фессалии. Однако, когда он настиг ее, она взмолилась о помощи к Гее-Земле, и та в мгновение ока перенесла ее на Крит, где Дафна стала известна под именем Пасифаи. На ее месте мать-Земля оставила лавровое дерево, из листьев которого Аполлон в поисках утешений сделал венок⁸.

[l] Нужно добавить, что чувство Аполлона к Дафне не было случайным. Он давно любил ее и стал причиной гибели своего соперника Левкиппа, сына Эномая, который, переодевшись девушкой, присоединился к веселой компании Дафны в горах. Аполлон, узнав об этом из гадания, посоветовал горным нимфам искупаться обнаженными и тем самым убедиться, что среди них нет мужчин. Обман Левкиппа был тут же раскрыт, и нимфы разорвали его на куски⁹.

[m] Был также случай с прекрасным юношей Гиакинфом. В этого спартанского принца влюбился не только певец Фамирид — первый из людей, воспылавший страстью к представителю одного с ним пола, но и сам Аполлон, оказавшийся первым из богов, обуянным такой же страстью. В лице Фамирида Аполлон не встретил серьезного соперника. Подслушав, как тот хвастается, что в песнопениях может превзойти муз,

Аполлон не без умысла сообщил им об этом, и музы в тот же час лишили Фамирида зрения, голоса и умения играть на кифаре. Однако влечение к Гиакинфу вдруг почувствовал Зефир, и в нем возникла такая ревность к Аполлону, обучавшему юношу метанию диска, что он перехватил диск в полете и направил его в голову Гиакинфа, отчего тот упал замертво. Из его крови вырос цветок гиацинт, на котором до сих пор различимы его инициалы ¹⁰.

[п] После известного заговора богов против Зевса Аполлон лишь однажды разгневал громовержца. Случилось это тогда, когда его сын, врачеватель Асклепий, необдуманно оживил мертвого, тем самым лишив Гадеса нового подданного. От Гадеса на Олимп поступила жалоба, и Зевс убил Асклепия перуном. В отместку Аполлон убил киклопов. Разгневанный потерей своих оружейников, Зевс уже был готов изгнать Аполлона навечно в Тартар, но тут за него вступилась Лето и пообещала, что он исправится. Наказание было смягчено: Аполлон должен был год прослужить пастухом у Адмета, царя города Фер. Прислушавшись к совету Лето, Аполлон не только смиренно снес наказание, но и сделал много полезного для Адмета ¹¹.

[о] Получив такой урок, Аполлон стал во всем проповедовать умеренность, и изречения «Познай самого себя!» и «Ничего сверх меры!» с тех пор всегда были на его устах. Он забрал муз из их дома на горе Геликон и поселил в Дельфах; ему удалось укротить их неистовство, и они пели под звуки его прекрасной лиры, а он вел их в строгом и пристойном танце ¹².

¹ *Аполлодор*. Мифы. 140; *Аполлодор*. I.4.1; Гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому. 162—174; Схолии к Аполлонию Родосскому. II.706.

² *Элиан*. Пестрые рассказы. III.1; *Плутарх*. Греческие вопросы. 12, Почему оракулы молчат. 15; *Павсаний*. II.7.7, X.16.3.

³ *Аполлодор*. I.4; *Павсаний*. II.30.3, X.6.5; *Плутарх*. Греческие вопросы. 12; *Аполлодор*. Мифы. 55; *Гомер*. Одиссея. XI.576 и след; *Пиндар*. Пифийские оды. IV.90.

⁴ *Диодор Сицилийский*. III.58—59; *Аполлодор*. Мифы. 165; *Аполлодор*. I.4.2; *Плиний*. Естественная история. XVI.89.

⁵ *Аполлодор*. Мифы. 191; *Гомер*. Илиада. I.603.

⁶ *Аполлодор*. I.7.6, I.3.4, III.10,12; *Павсаний*. X.17.3.

⁷ *Антонин Либерал*. 32; *Стефан Византийский* под словом *Другоре*; *Овидий*. Метаморфозы. IX.325 и след.

⁸ *Аполлодор*. I.7.9; *Плутарх*. Агид. 9; *Аполлодор*. Мифы. 203.

⁹ *Павсаний*. VIII.20.2; *Парфений*. Любовные истории. 15; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 6.

¹⁰ *Гомер*. Илиада. II.595—600; *Лукиан*. Разговоры богов. 14; *Аполлодор*. I.3.3; *Павсаний*. III.13.

¹¹ *Аполлодор*. III.10.4; *Диодор Сицилийский*. IV.71.

¹² *Гомер*. Илиада. I.603—604.

1) В истории Аполлона много неясного. Греки его сделали сыном Лето — богини, которая в южной Палестине известна под именем Лат (см. 14,2), однако он был также богом гипербореев — народа, живущего «за Бореем» — Северным ветром, которых Гекатей (Диодор Сицилийский. II.47) определил как жителей острова напротив земли кельтов в Океане (может быть, Британских островов), однако Пиндар^{43*} (*Пифийские оды*. X.72) приводит мнение о их пребывании у границ Ливии. Делос был центром культа Аполлона, почитаемого гиперборейцами, этот культ в юго-восточном направлении распространялся вплоть до Набатей и Палестины, а в северо-западном — до Британии, а кроме того, существовал в Афинах. Страны, исповедовавшие этот культ, поддерживали между собой оживленные связи (Диодор Сицилийский).

2) В жертву Аполлону гиперборейцам приносили ослов (Пиндар. X.30—35), что роднит Аполлона с Гором, победу которого над Сетом египтяне ежегодно отмечали тем, что сталкивали в пропасть диких ослов (Плутарх. *Об Исиде и Осирисе*. 30). Гор мстит Сету за убийство его отца Осириса — царя-жреца и возлюбленного лунной триады Исиды, или Латы, которого его танист приносит в жертву в день летнего или зимнего солнцестояния и который возрождается в образе Гора. Миф о том, как Пифон преследовал Лето, соответствует мифу о преследовании Исиды Сетом (в течение 72 самых жарких дней в году). Более того, Пифон, возможно, отождествляется с Тифоном в гомеровском гимне Аполлону Пифийскому и в схолиях к Аполлонию Родосскому и с греческим Сетом (см. 36,1). Гиперборейский Аполлон — это, по сути, греческий Гор.

3) Однако этот миф приобретает политическую окраску: Гера, родившая Пифона без супруга (ударив о землю рукой) назло Зевсу

^{43*} Пиндар (518—438 до н. э.) — греческий поэт-аристократ. Учился в Афинах у Агафокла и Аполлодора. Из 17 книг дошли 4 книги гимнов, многочисленные фрагменты песен, молитв, плачей, которые изобилуют мифологическими ассоциациями.

(Гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому. 162—174,305), направляет его против Лето. После убийства Пифона и, очевидно, его сотоварища дельфина Аполлон захватывает прорицалище матери-Земли в Дельфах — ведь Гера была матерью-Землей, или Дельфиной в ее пророческой ипостаси. Вероятно, часть северных эллинов в союзе с фрако-ливийцами вторглись в центральную Грецию и Пелопоннес, где им противостояли доэллинские племена, поклонявшиеся богине-земле. Однако им не удалось сохранить основные святилища с оракулом. В Дельфах пришельцы разрушили святилище змея-прорицателя, аналогичное тому, которое имелось в афинском Эрехтейоне (см. 25,2), и захватили оракул от имени своего бога — Мышиного Аполлона, или Сминфея. Сминфей, первоначально дух-прорицатель, принимавший образ мыши, возник как бог врачевания и разрушения, но теперь эллины решили отождествить его с Аполлоном, которому поклонялись их союзники. Чтобы задобрить местных жителей, были учреждены поминальные игры в честь погибшего героя Пифона, а его жрица осталась исполнять свои обязанности.

4) Победы Аполлона над Марсием и Паном увековечили завоевание эллинами Фригии и Аркадии и последующее вытеснение в этих районах духовых инструментов струнными везде, кроме сельской местности. Наказание Марсия может относиться к ритуальному обдиранию священного козла — Афина также сдирает с Паланта кожу для волшебной эгиды (см. 9,а) — или сдиранию коры с молодой ольхи для изготовления пастушьей свирели. В этом случае ольха персонифицируется в виде бога или полубога (см. 57,1). Аполлон считался предком дорийских греков и милетян, которые воздавали ему особые почести. Корибанты, плясавшие на празднике зимнего солнцестояния, считались его детьми от музы Талии, поскольку он был богом музыки.

5) Преследование Аполлоном Дафны, горной нимфы, которая была дочерью царя реки Пеней и жрицей матери-земли, вероятно, соотносится с завоеванием эллинами Темпейской долины, где богине Дафойне (*Daphne* — «лавр») служили оргиастические, жующие лавр менады (см. 46,2; 51,2). После искоренения этого культа — по свидетельству Плутарха, жрицы бежали на остров Крит, где богиней луны была Пасифая (см. 88,е), — лавр переходит к Аполлону, и с тех пор его имеет право жевать только пифия. Как и в Фигалии, в Темпейской долине Дафойна, вероятно, имела голову кобылы (см. 16,5); Левкипп («белая лошадь») был царем-жрецом местного культа лошади,

которого ежегодно разрывали на куски разъяренные женщины, устраивавшие очистительные купания после убийства, а не перед ним (см. 22,1; 150,1).

6) Соединение Аполлона с Дриопой на горе Эта, возможно, свидетельствует о вытеснении культа дуба культом Аполлона, священным деревом которого был тополь (см. 42,d); этим же можно объяснить его соблазнение Арии. Его появление в образе черепахи — это указание на лиру, выменянную им у Гермеса (см. 17,d). Служение Аполлона у Адмета в Фере может быть указанием на историческое событие: унижение жрецов Аполлона в наказание за избиение доэллинского сообщества кузнецов, пользовавшихся покровительством Зевса.

7) Миф о Гиакинфе, который, на первый взгляд, кажется не более чем сентиментальной сказкой, пытающейся объяснить знаки на цветке греческого гиацинта (см. 165,j; 165,2), повествует о критском фитоморфном герое Гиакинфе (см. 159,3), который, очевидно, назывался также Нарциссом (см. 85,2). Его культ распространился по микенской Греции, а именем его назывался поздний летний месяц Гиакинфий на Крите, Родосе, Косе, Фере и в Спарте. Дорийский Аполлон узурпировал имя Гиакинфа в Таренте, где была его гробница (Полибий. VIII.30), а также в микенском городе Амиклы, где еще одна «гробница Гиакинфа» образовывала основание трона Аполлона. Аполлон к этому времени был уже бессмертным, в то время как Гиакинфу власть вручалась только на один сезон. Его смерть от брошенного в его голову диска напоминает смерть его племянника Акрисия.

8) Коронида («ворона»), мать сына Аполлона Асклепия, возможно, не что иное, как имя Афины; однако афиняне всегда отрицали, что у Афины есть дети, поэтому миф мог принять такую замаскированную форму (см. 50,b).

9) В классическую эпоху музыка, поэзия, философия, астрономия, математика, медицина и естественные науки попадают под покровительство Аполлона. Будучи врагом варварства, он отстаивал умеренность во всем. Семь струн его лиры связывались с семью гласными греческого алфавита, возникшего позднее (см. 52,8); струны приобрели мистическую значимость, а лира использовалась в музыкотерапии. Наконец, в связи с отождествлением Аполлона с Гором первый приобретает солярный аспект, и ему поклоняются как солнцу. В Коринфе культ солнца переходит к солярному Зевсу. Сестра Аполлона совершенно справедливо отождествляется с луной.

10) Цицерон в трактате «О природе богов» (III.23)^{44*} хронологически делает сына Лето Аполлона всего лишь четвертым, ставя перед ним Аполлона — хранителя Афин, Аполлона — сына критского Корибанта и Аполлона, давшего Аркадии законы.

11) Убийство Аполлоном Пифона — не столь простой миф, как может показаться, поскольку камень омфал, на котором сидела пифия, традиционно считался гробницей героя в образе змея, предсказания которого она и должна была произносить (Гесихий под словом *Archus* — «могильный холм»; Варрон. *О латинском языке*. VII.17). Эллинский жрец Аполлона присвоил себе функции царя-жреца, который по закону и в соответствии с ритуалом убивал своего предшественника-героя. Это подтверждается ритуалом *стентерий*, о котором пишет Плутарх в труде «Почему оракулы молчат?» (15). Раз в девять лет хижина, представляющая собой жилище царя, строилась на току в Дельфах. Ночью на хижину совершалось нападение: переворачивался стол с первыми плодами, хижина поджигалась, и факельщики, не оборачиваясь, убегали из святилища. После этого юноша, принимавший участие в ночном набеге, отправлялся в Темпейскую долину для принятия очищения и ему устраивался пышный прием, в течение которого на него надевалась корона, а в руки давалась лавровая ветвь.

12) Неожиданное и намеренное нападение на хозяина этой хижины напоминает таинственное убийство Ромула его приближенными, а также ежегодные буфонии в Афинах, во время которых жрецы, убившие быка-Зевса двусторонним топором, убегали от него, не оглядываясь (53,7), а затем поедали его мясо на общинном пиру, устраивали пантомиму с оживлением быка, а топор предавали суду за святотатство.

13) В Дельфах, как и в Кноссе, царь-жрец должен был править до начала девятого года (см. 88,6). Юноша отправлялся в Темпейскую долину, потому что, бесспорно, культ Аполлона возник именно там.

^{44*} Цицерон Марк Туллий (родился в 106 г. до н. э., убит в 43 г. до н. э.) — римский оратор, политический деятель и писатель. Литературное наследие охватывает риторические, философские сочинения, речи и письма («Об ораторе», «Брут», «О государстве», «О законах», «О пределах Добра и Зла», «Тускуланские беседы», «О природе богов» и др.).

Происхождение и деяния Артемиды

[a] Артемида, сестра Аполлона, носила лук и стрелы и, как ее брат, могла насылать чуму и быструю смерть на людей, а также лечить их. Она — защитница младенцев и всех животных, сосущих молоко. Это не мешало ей любить охоту, особенно на оленей.

[b] Однажды, когда еще трехлетней девочкой Артемида сидела на коленях у Зевса и растроганный родитель спросил, какие бы подарки она желала получить, Артемида ответила не задумываясь: «Обещай дать мне вечную девственность, столько же имен, сколько у моего брата Аполлона, лук и стрелы, как у него, обязанность приносить свет, охотничью, до колен, тунику, шафрановую с красной каймой, шестьдесят юных нимф-океанид, всех одного возраста, в качестве моей почетной свиты, двадцать речных нимф из Амниса на Крите, чтобы ухаживали за моими сандалиями (эндромиды) и кормили моих охотничьих собак, когда я не занята охотой, а также все горы в мире; а еще выбери мне город, какой пожелаешь, — мне и одного будет достаточно, поскольку большую часть времени я собираюсь проводить в горах. К сожалению, роженицы будут часто обращаться ко мне с мольбами, поскольку мать моя Лето выносила и произвела меня на свет без боли, и богини судьбы сделали меня покровительницей родов»¹.

[c] Потом она коснулась бороды Зевса, и тот, улыбаясь, с гордостью сказал: «С такими детьми, как ты, мне нечего бояться ревности Геры! Ты получишь все, и даже больше — не один город, а целых тридцать и, сверх того, свою долю во многих городах на материке и островах. А еще я назначаю тебя хранительницей их дорог и бухт»².

[d] Артемида, поблагодарив, спрыгнула с колен отца и направилась сначала на гору Левка на Крите, а затем к океану, где отобрала себе в спутницы множество девятилетних нимф, с радостью отпущенных матерями³. По приглашению Гефеста она посетила киклопов на Липарских островах, застав их за работой: они ковали ясли для коней Посейдона. Бронт, которому было поручено сделать все, что ни пожелает Артемида, посадил ее на колени, однако ей такое обращение не понравилось, и она вырвала клочок волос у него на груди, да так, что у него до самой смерти на этом месте осталась проплешина, и любой мог подумать, что у него чесотка. Страшными показались нимфам неприглядный вид киклопов и грохот их кузницы, даром всех маленьких непослушных девочек матери пугают Бронтом, Аргом и Стеропом. Артемида смело приказала братьям отложить в сторону Посейдоновы ясли и выковать ей серебряный лук и целый колчан стрел, а за это она отдаст им первую убитую ею дичь⁴. Получив оружие, она отправилась в Аркадию, где застала Пана за разделкой рыси, мясом которой он хотел накормить сук и щенят. Пан дал ей трех лопухих гончих — двух пестрых и одну пятнистую, да таких, что они одни могли загнать львов назад в их логова, — и еще семь быстроногих гончих из Спарты⁵.

[e] Изловив две пары рогатых ланей, Артемида взяла золотую упряжь и впрягла их в золотую колесницу, после чего поехала на север, за фракийскую гору Гем. На Мисийском Олимпе она срубила сосну и сделала свой первый факел, который зажгла от головни сраженного молнией дерева. Серебряный лук она испытала четырежды: первые две стрелы она пустила в деревья, третью — в дичь, а четвертую — в город несправедливых⁶.

[f] После этого Артемида вернулась в Грецию, где амнисийские нимфы выпрягли ланей, почистили их и накормили тем же быстрорастущим трилистником с пастбища Геры, что и тот, которым кормили коней Зевса, а затем напоили их из золотых корыт⁷.

[g] Однажды речной бог Алфей, сын Тефиды, отважился влюбиться в Артемиду и гонялся за ней по всей Греции. Тогда она пришла в Летрини, что в Элиде (а некоторые говорят, что это был даже далекий остров Ортигия у Сиракуз), где она и все ее спутницы-нимфы измазали лица белой глиной и стали похожими друг на друга. Сконфуженный Алфей был вынужден убраться восвояси под торжествующий девичий смех⁸.

[h] Артемида требовала, чтобы все ее спутницы были так же целомудренны, как и она. Когда Зевс соблазнил одну из нимф — дочь Ликаона

по имени Каллисто, — Артемида заметила, что та ждет ребенка. Превратив нимфу в медведицу, она натравила на нее свору собак. Они заправили бы ее насмерть, если бы Зевс не вознес ее на небо и не превратил в созвездие Большой Медведицы. Однако другие говорят, что это Зевс обратил Каллисто в медведицу, а ревнивая Гера подстроила так, что Артемида по ошибке устроила на нее охоту. Ребенок Каллисто Аркад спасся, и от него повели свой род аркадцы⁹.

[i] В другой раз сын Аристея Актеон стоял, прислонясь к скале, когда его глазам предстала купавшаяся неподалеку Артемида. Ничего бы не случилось, если бы он не похвастался своим спутникам, что видел обнаженную Артемиду. Услышав это, она превратила Актеона в оленя, и его же свора из пятидесяти собак разорвала его на куски¹⁰.

¹ *Каллимах*. Гимн к Артемиде. I и след.

² Там же. 26 и след.

³ Там же. 40 и след.

⁴ Там же. 47 и след., 80 и след.

⁵ Там же. 87 и след.

⁶ Там же. 110 и след.

⁷ Там же. 162 и след.

⁸ *Павсаний*. VI.22.5.

⁹ *Аполлодор*. III.8.2.

¹⁰ *Аполлодор*. Мифы. 181; *Павсаний*. IX.2.3.

1) Дева с серебряным луком, которую греки ввели в семью олимпийских богов, была младшим членом триады Артемиды, причем *Артемида* — это один из эпитетов триады лунной богини, а право кормить своих ланей трилистником возникло потому, что эта трава была символом триады. Ее серебряный лук соответствовал молодой луне. Однако девственность не единственная отличительная черта Артемиды Олимпийской. В других местах, например в Эфесе, ей поклонялись в ее второй ипостаси — как нимфе, т. е. оргиастической Афродите с мужским консортом, а ее главными символами были финиковая пальма (см. 14,а), олень и пчела (см. 18,3). Ее повивальные функции принадлежат скорее Кроне; то же можно сказать о ее стрелах смерти. Девятилетний возраст ее жриц напоминает о том, что число трижды три символизировало смерть луны. Артемида напоминает «владычицу зверей» — очевидно, верховную богиню-нимфу архаических тотемных обществ. Ритуальное

купание, во время которого за ней подглядывал Актеон, рогатые лани, впряженные в ее колесницу (см. 125,а), и перепелки Ортигии (см. 14,3) скорее определяют ее как нимфу, чем как девственницу. Актеон, вероятно, был царем-жрецом доэллинического культа оленя, и его разрывают на куски после пятидесятимесячного правления, что составляет как раз половину Великого года. Оставшуюся часть года правил его соправитель, или танист. Нимфа совершала омовение не перед убийством, а после него. Существует много параллелей этого ритуального обряда в ирландских и валлийских мифах, и еще в I в. н. э. человека, обряженного в шкуру оленя, регулярно травил собаками и убивали на горе Ликей в Аркадии (Плутарх. *Греческие вопросы*. 39). Собаки для этого обряда обычно выбирались белые с рыжими ушами, как и «гончие ада» в кельтской мифологии. Нужно отметить, что была еще пятнистая лань, которой удалось сбежать от Артемиды (см. 125,а).

2) Миф о преследовании Артемиды Алфеем, вероятно, возник на основе повествования о его безуспешном преследовании Аретусы, превращенной в источник, сливший с влюбленным Алфеем свои воды (Павсаний. V.7.2), и должен был объяснить, почему жрицы Артемиды Алфеи в Летрины и Ортигии красили свои лица гипсом или белой глиной в честь Белой богини. *Alph* обозначает одновременно и «близну» и «зерновые»; *alphos* — это «белое пятно на теле» (может быть, проказа); *alphe* — «выигрыш» (белая отметина); *alphiton* — «ячмень, ячменная (перловая) крупа»; *Alphito* называлась Белая зерновая богиня в образе свиньи. Самая знаменитая статуя Артемиды в Афинах называлась «белобровой» (Павсаний. I.26.4). Этимология слова Артемида затемнена.

3) Ортигия, «остров перепелок», близ Делоса, также считался священным островом Артемиды (см. 14,а).

4) Миф о Каллисто рассказывался для того, чтобы объяснить появление двух одетых медведицами девочек на празднике Артемиды Бавронии в Аттике и традиционную связь между Артемидой и Великим медведем. Однако можно предположить, что существовал более ранний вариант мифа, в котором Зевс совращал Артемиду, хотя, чтобы скрыться от него, она сначала превращалась в медведицу, а затем красила лицо гипсом. Первоначально Артемида считалась повелительницей звезд, но со временем эта функция перешла Зевсу.

5) Непонятно, почему Артемида вырывает клоч волос на груди у Бронта; не исключено, что Каллимах обыграл хорошо известную картину,

изображавшую это событие, на которой слой краски на груди у киклопа по какой-либо причине был поврежден.

6) Как «владычица зверей» или покровительница всех тотемных кланов Артемида ежегодно получала жертвоприношения в виде сжигаемых живо тотемных животных, птиц и растений; вплоть до классической эпохи обычай приносить такие жертвы просуществовал в калидонском городе Патры (Павсаний. IV.32.6), где богиню звали Артемида Лафрия. В Мессене жертвы, посвященные ей, сжигали куреты, т. е. представители тотемных кланов (Там же. IV.32.9). Сходный обычай существовал в Гиераполе, где во дворе храма этой богини жертвы подвешивались живьем на срубленные и сложенные в костер деревья (Лукиан. *О сирийской богине*. 41).

7) Олива была священным деревом Афины, финиковая пальма посвящалась Исиде и Лат. Бусина — печать среднеминойского периода, имеющаяся в моей коллекции, изображает богиню, стоящую у пальмы и одетую в юбку из пальмовых листьев. В руках она держит пальмочку и наблюдает, как из грозди фиников нарождается бычок нового года. По другую сторону от дерева виден умирающий бык — очевидно, царский бык старого года.

Происхождение и деяния Гефеста

[а] Бог-кузнец Гефест уродился таким хилым, что его мать Гера, чтобы не мучать себя жалким зрелищем, какое являл собой ее сын, решила сбросить его с вершины Олимпа. Но падение закончилось для него довольно благополучно: он упал в море, где к нему на помощь тут же поспешили Фетида и Эвринома. Богини были настолько добры, что поселили его в глубокой пещере, где он построил свою первую кузницу и в благодарность за доброту изготовил для своих спасительниц множество украшений и более полезных вещей¹.

Однажды девять лет спустя Гера встретила Фетиду, грудь которой украшала сделанная Гефестом брошь, и спросила ее: «Дорогая, где тебе удалось достать такое сокровище?»

Увидев замешательство Фетиды, Гера настояла на том, чтобы та рассказала ей всю правду. В тот же миг она вернула Гефеста на Олимп и построила для него кузницу лучше прежней, где ни на миг не затухали двадцать горнов, старалась сделать для него все и даже устроила его свадьбу с Афродитой.

[б] Гефест настолько успел проникнуться к Гере доверием, что даже осмелился выговорить Зевсу за то, что тот подвесил Геру к небесам за запястья в наказание за ее бунт против него. Однако язык еще никого не доводил до добра, и разъяренный Зевс сбросил Гефеста с Олимпа во второй раз. Падение продолжалось целый день. Упал он на остров Лемнос и от удара сломал обе ноги. Несмотря на свою бессмертную природу, когда островитяне нашли его, он был еле жив. Прощенный и вновь возвращенный на Олимп, отныне он мог передвигаться только на золотых костылях².

[с] Был Гефест некрасив и скверен характером, однако его плечи и руки свидетельствовали о большой силе, а все, что он делал, отличалось непревзойденным мастерством. Однажды он даже сделал для себя золотых механических служанок, которые помогали ему в кузнице; они были говорящими и могли выполнять самые трудные поручения, которые он им давал. Ему также принадлежали треножки на золотых колесах, которые находились в его доме и могли даже сами катиться туда, где заседали боги, и возвращаться назад³.

¹ Гомер. Илиада. XVIII.394—409.

² Там же. I. 86—594.

³ Там же. XVIII.368 и след.

1) Гефесту и Афине в Афинах принадлежал один и тот же храм. Традиция изображать бога-кузнеца хромым прослеживается на обширной территории от Западной Африки до Скандинавии. В эпоху первобытной культуры кузнецам могли нарочно повреждать ноги, чтобы они не смогли убежать и присоединиться к чужому племени. Однако прихрамывающие движения входят также в танец куропаток, исполняющийся во время эротических оргий, связанных с кузнечными мистериями (см. 92,2), и поскольку Гефест берет в жены Афродиту, его хромота могла проявляться только раз в году: во время праздника весны.

Обработка металлов пришла в Грецию с островов Эгейского моря. Ввоз прекрасных эладских золотых и бронзовых предметов, возможно, явился причиной возникновения мифа о том, что Фетида и Эвринома держали Гефеста в пещере у острова Лемнос. Его падение с Олимпа, так же как падение Кефала (см. 89,j), Талоса (см. 92,b), Скирона (см. 96,f), Ифита (см. 135,b) и других, — это общая судьба царей-жрецов во многих районах Греции, когда кончалось их правление.

2) Двадцать треножников Гефеста, возможно, имеют ту же природу, что и «брюхоруки» (кормящиеся своим ремеслом), построившие Тиринф. Они изображались в виде золотых солнечных дисков с тремя ногами, похожих на геральдическую эмблему острова Мэн, и, бесспорно, являлись обрамлением какого-то древнего священного изображения брака между Гефестом и Афродитой. Треножки символизировали год, состоящий из трех сезонов, и указывали на продолжительность правления царя-кузнеца, которого предавали смерти во время двадцатого года правления, когда примерно совпадали солнечный и лунный годы. Такой цикл

был официально признан в Афинах только в конце V в. до н. э., однако открытие этого совпадения было сделано несколькими веками раньше (см. «Белая богиня»). Между кузнецом Вулканом (вулканические Липарские острова) и Гефестом установилась связь, потому что Лемнос, где сложился культ Гефеста, тоже имеет вулканическую природу, а над вершиной горы Мосихл веками наблюдался факел горящих природных газов (Цец. *Схолии к Ликофрону*. 227; Гесихий под словом *Мосихл*). Аналогичную струю горящего газа над горой Лемнос в Ликии наблюдал епископ Мефодий в IV в. н. э., причем исходящие горящие газы видели там еще в 1801 г. На обеих горах были святилища Гефеста. Лемнос, возможно, имя Великой богини этого матриархального острова (Гекатей, цитируемый Стефаном Византийским под словом *Лемнос*; см. 149,1).

Происхождение и деяния Деметры

[а] Хотя жрицы богини плодородия Деметры посвящали жениха и невесту в тайны брачной ночи, у самой богини мужа не было. В пору молодости и веселия она вне брака родила от своего брата Зевса Кору и могучего Иакха¹. Плутоса она родила от Иасия, или Иасиона, потомка титана, в которого влюбилась на свадьбе Кадма и Гармонии. Разгоряченные выпитым нектаром, лившимся на свадьбе рекой, влюбленные незаметно выскользнули из дома и, не стесняясь, предались любви на трижды вспаханном поле. Когда они вернулись, Зевс по их поведению и грязи на руках и ногах догадался о том, что между ними было, и, возмущенный тем, что Иасион осмелился прикоснуться к Деметре, убил его перуном. Однако некоторые утверждают, что Иасиона убил его собственный брат Дардан или что его разорвали на части собственные лошади².

[b] Деметра была очень добродушна, но сын Триона Эрисихтон стал одним из немногих, с кем она обошлась сурово. Во главе двадцати сотоварищей Эрисихтон осмелился войти в рощу, посаженную пеласгами в честь Деметры в Дотии, и стал там валить священные деревья, чтобы возвести новое помещение для пиров. В образе жрицы рощи Нисиппы Деметра вежливо попросила Эрисихтона удалиться. И лишь когда вместо ответа он замахнулся на нее топором, богиня явила себя во всем величии и обрела его на вечные муки голода, сколько бы он ни ел. Вернувшись к обеду домой, он стал жадно поглощать все, что ставили перед ним родители, и не мог остановиться. Но чем больше он ел, тем голоднее становился и все больше худел. Наконец, когда дома не осталось

уже ни крошки, он стал уличным попрошайкой и ел даже отбросы. Критянина Пандарея, укравшего у Зевса золотого пса и тем самым отомстившего за убийство Иасиона, Деметра наградила по-царски, навсегда избавив его от болей в животе³.

[с] Веселость Деметры прошла, когда она потеряла юную Кору. В нее влюбился Гадес и отправился к Зевсу просить ее руки. Боясь решительным отказом обидеть своего старшего брата и зная, что Деметра не простит ему, если Кора окажется в Тартаре, Зевс поступил довольно дипломатично. Он заявил, что хоть и не дает согласия, но и не отказывает. Услышав такой ответ, Гадес решил украсть девушку, когда она собирала полевые цветы, — кто говорит, что в Энне в Сицилии, кто называет Колон в Аттике, кто Гермioniу, кто разные места на Крите, кто говорит, что это случилось недалеко от Пизы или Лерны, а кто говорит, что за Фенсем в Аркадии или у Нисы в Бсотии. Называют и другие далеко расположенные друг от друга места, которые посетила Деметра в поисках Кору. Однако ее собственные жрицы считают, что это произошло у Элевсины. Девять дней и ночей без еды и питья искала Кору Деметра, тщетно взывая к ней. Только от старой Гекаты ей удалось узнать, что та однажды утром слышала, как Кора кричала: «Похищают!» — но, поспешив на помощь, не обнаружила даже следов Кору⁴.

[d] На десятый день, пережив неприятную встречу с Посейдоном среди табунов Онка, Деметра, изменив обличье, явилась в Элевсин, где ее гостеприимно встретили царь Келей и его жена Метанира и предложили стать кормилицей их новорожденного сына Демофонта. Их хромая дочь Ямба пыталась утешить Деметру смешными непристойными стихами, а старая няня Баубо заставила ее с шуткой выпить ячменного отвара: она застонала, словно в родовых муках, и неожиданно достала из-под юбки родного сына Деметры Иакха, который бросился на руки матери и поцеловал ее.

[e] «О, как жадно ты пьешь!» — воскликнул Абант, старший сын Келея, увидев, как Деметра залпом выпила целый кувшин сдобренного мятой ячменного отвара. Деметра мрачно взглянула на него, и он превратился в ящерицу. Устыдившись случившегося, Деметра решила сослужить Келею службу и сделать Демофонта бессмертным. Той же ночью она вознесла его над огнем, чтобы сжечь его смертную природу. Но не успела Деметра завершить все необходимое, чтобы сделать человека бессмертным, как вошла Метанира, которая была дочерью

Амфиктиона, чары исчезли, и Демофонт скончался. «Несчастье пришло в мой дом!» — причитал Келей, оплакивая двух своих сыновей, после чего его стали звать Дисавл. «Осуши слезы свои, Дисавл, — сказала Деметра. — У тебя еще осталось три сына, среди которых Триптолем, которого я решила одарить так, что ты забудешь о своей двойной утрате».

[f] Случилось так, что Триптолем, пасший отцовский скот, узнал Деметру и сообщил ей то, что ей так хотелось узнать. По его словам, десятью днями раньше его братья Эвмолп-пастух и Эвбулей-свинопас пасли свои стада, когда земля неожиданно разверзлась, и на глазах у Эвбулея все его свиньи полетели вниз, затем раздался тяжелый конский топот, появилась запряженная черными лошадьми колесница и исчезла в образовавшемся провале. Лица возничего было не разглядеть, но пастух заметил, как правой рукой он крепко обхватил громко кричавшую девушку. Обо всем увиденном Эвбулей рассказал Эвмолпу, который сочинил об этом горестную песнь.

[g] Имея такое свидетельство, Деметра призвала Гекату, и они отправились к всевидящему Гелиосу и заставили его признаться, что злодеем был Гадес, бесспорно похитивший девушку с молчаливого согласия своего брата Зевса. Деметру это возмутило настолько, что, вместо того чтобы вернуться на Олимп, она продолжила свои странствия по земле, запрещая деревьям плодоносить, травам расти. И так продолжалось до тех пор, пока племя людей не оказалось перед угрозой вымирания. Зевс, не решаясь лично встретиться с Деметрой в Элевсине, вначале направил ей послание с Иридой, которое осталось без ответа, а затем к Деметре отправилась целая депутация олимпийских богов с примирительными дарами, умоляя ее подчиниться воле Зевса. Однако она не вернулась на Олимп и поклялась, что земля останется бесплодной до тех пор, пока ей не вернут Кору.

[h] Зевсу ничего не оставалось, как послать Гермеса с посланием к Гадесу: «Если ты не вернешь Кору, то нам всем придется худо!» Деметре он отправил второе послание, в котором говорилось: «Ты получишь свою дочь назад, если за это время она не попробовала пищи мертвых».

[i] Поскольку с момента своего похищения Кора съела только корочку хлеба, Гадесу ничего не оставалось, как скрыть досаду и притворно ласково сказать ей: «Дитя мое, вижу, тебе здесь не нравится, да и мать не перестает плакать по тебе. Поэтому я решил отправить тебя домой».

[j] Из глаз Кору перестали литься слезы, и Гермес помог ей взойти на колесницу. Но не успела она направиться в Элевсин, как один из садовников Гадеса, по имени Аскалаф, завопил: «А я видел, как госпожа Кора сорвала гранат с дерева в вашем саду и съела семь зерен, и готов где угодно подтвердить, что она вкусила пищу мертвых!» Гадес ухмыльнулся и приказал Аскалафу сесть сзади на колесницу Гермеса.

[к] В Элевсине Деметра радостно обняла Кору, однако, узнав о гранате, стала грустней, чем прежде, и вновь пригрозила: «Я никогда не вернусь на Олимп и не освобожу землю от моего проклятия». Услышав эти слова, Зевс убедил Рею, мать Гадеса, Деметры и его самого, поговорить с Деметрой; с ее помощью соглашение было достигнуто. В соответствии с ним Кора три месяца в году должна была проводить в обществе Гадеса в качестве царицы Тартара, которой присваивался титул Персефоны, а остальные девять месяцев она могла быть с Деметрой. Геката обязалась следить, чтобы этот договор не нарушался, и не спускать глаз с Кору.

[l] Деметра наконец согласилась вернуться домой. Но прежде чем покинуть Элевсин, она обучила Триптолема, Эвмолпа и Келея, а также царя Фер Диокла, который все это время неутомимо искал Кору, тайнам своего культа и мистерий. Аскалаф за свой длинный язык был наказан: богиня бросила его в яму и закрыла ее огромной скалой; впоследствии его освободил оттуда Геракл, но и тогда Деметра не забыла его поступка и обратила его в короткоухую сову⁵. Она также наградила феаатов в Аркадии, в доме которых она отдыхала после того, как ею овладел Посейдон. От нее они получили зерна различных злаков, но она же запретила им сеять бобы. Некто Киамит первым решился нарушить этот запрет; на берегу реки Кефис существовало его святилище⁶.

[m] Триптолему она дала посевное зерно, деревянную соху и колесницу, запряженную змеями, и послала его учить людей во всем мире искусству земледелия. Но прежде она преподавала ему несколько уроков на Рарийской равнине, и поэтому некоторые его называют сыном царя Рара. Фиталу, который оказал ей гостепримство на берегах Кефиса, она дала фиговое дерево, которого до этого никто в Аттике не видел, и научила его, как обращаться с ним⁷.

¹ Аристофан. Лягушки. 338.

² Гомер. Одиссея. V.125—128; Диодор Сицилийский. V.49; Гесиод. Теогония. 969 и след.

³ *Сервий*. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. III.167; *Каллимах*. Гимн к Деметре. 30 и след.; *Антонин Либерал*. Превращения. II; *Павсаний*. X.30.1.

⁴ *Гигин*. Мифы. 146; *Диодор Сицилийский*. V.3; *Аполлодор*. I.5.1; *Схолии* к «Теогонии» Гесиода. 914; *Павсаний*. VI.21.1, I.38.5; Гомеровский гимн к Деметре. 20—27,47.

⁵ *Аполлодор*. I.5.1—3, 12; Гомеровский гимн к Деметре. 398,445 и след.

⁶ *Павсаний*. VIII.15.1, I.37.3.

⁷ Гомеровский гимн к Деметре. 449 и след.; *Аполлодор*. I.5.2; Орфический фрагмент. 50; *Аполлодор*. Мифы. 147; *Овидий*. Метаморфозы. V.644 и след.; *Павсаний*. I.14.2, 37.2.

1) Миф о любовном приключении Деметры на трижды вспаханном поле указывает на обряд плодородия, который существовал на Балканах: для того чтобы обеспечить хороший урожай, жрица зерна на глазах у всех совокуплялась с царем-жрецом перед севом озимых. В Аттике поле в первый раз пахали весной, второй раз пахали после летней жатвы, используя для этого более легкий сошник, причем направление пахоты выбиралось поперек весенней борозды. Наконец, после принесения жертв богам земледелия, поле вновь пахали по весенней борозде. Происходило это в осенний месяц пианепсион в качестве подготовки к севу (*Гесиод*. *Труды и дни*. 432—433,460,462; *Плутарх*. *Об Исиде и Осирисе*. 69; *Против Колота*. 22).

2) Персефона в Афинах называлась также Персефаттой, а в Риме — Прозерпиной; похоже, это были эпитеты нимфы, приносящей в жертву царя-жреца в первобытной Греции.

3) Похищение Коры Гадесом составляет часть мифа, в котором триада богов элинов насильно брала в жены доэллинскую женскую триаду. Зевс женится на Гере; Зевс или Посейдон на Деметре, а Гадес на Коре так же, как в ирландских мифах Бриан, Иухар и Иухарба женятся на женской триаде в образе Ейре, Фодлы и Банбы (см. 7,6; 16,1). Это указывает на переход во власть мужчин женских земледельческих мистерий, происшедший в первобытную эпоху. Так желание Деметры оставить человечество без зерна — это всего лишь один из вариантов мифа, в котором Ино затевает заговор, чтобы уничтожить потомство Афананта (см. 70,с). Далее, миф о Коре свидетельствует о зимнем погребении «соломенной бабы» с зерном, которую отрывали ранней весной и обнаруживали, что она дала ростки. Этот доэллинский обычай просуществовал в сельской местности вплоть

до классического времени и нашел свое отражение в вазописи, изображавшей мужчин, освобождавших Кору из земляного кургана с помощью мотыг или вскрывавших голову матери-Земли топорами.

4) Рассказ о сыне Триопа Эрисихтоне — это нравоучение: среди греков, латинян и древних ирландцев бытовал обычай, в соответствии с которым рубка деревьев в священной роще каралась смертью. Однако наказание ненасытным голодом, который в елизаветинские времена получил название «волчьего аппетита», — это несправедливое наказание за рубку деревьев, и имя Эрисихтон, которое также носил сын Кекропа, установившего патриархат и введшего обычай печь ячменные пироги (см. 25, d), означает «бороздящий землю» и говорит о том, что его действительным преступлением, как и преступлением Афаманта, была пахота без согласия Деметры. Кража золотой собаки Пандареем говорит о появлении критян в Греции, когда ахейцы пытались изменить земледельческий ритуал. Взятая у Земли-богини собака, вероятно, должна была стать наглядным доказательством независимости верховного царя ахейцев от этой богини (см. 134, 1).

5) Мифы о Гиласе («лесной»; см. 150, 1), Адонисе (см. 18, 7), Литиэрсе (см. 136, e) и Лине (см. 147, 1) описывают ежегодный траур по царю-жрецу или по заменявшему его мальчику, которые приносились в жертву, чтобы умиловить богиню растительности. О таком же заместителе повествует легенда о Триптолеме, который правит колесницей с крылатыми драконами, везущей мешки с зерном пшеницы, и смерть его воспринималась как несущая богатство. Он же Плутос («богатство»), зачатый на вспаханном поле, от которого Гадес получает эвфемический эпитет *Плутон*. *Триптолем* (*triptolmaios* — «трижды дерзнувший») может быть титулом, который получал царь-жрец, трижды дерзнувший вспахать поле и совокупиться со жрицей зерна. Колей, Диокл и Эвмолп, которых Деметра учила искусству земледелия, представляют собой жреческую верхушку амфиктионий, почитавших Деметру в Элевсине, поскольку Метанира называется дочерью Амфиктиона.

6) Именно в микенском городе Элевсине в месяц боэдромион праздновались великие Элевсинские мистерии. В экстатическом состоянии посвященные в таинство Деметры символически представляли ее любовное приключение с Иасионом, Триптолемом или Зевсом. Участники мистерий выходили с радостными криками и несли на веялке дитя по имени Бримон, сына Бримо и непосредственный плод ритуального

союза. *Бримо* — это был эпитет Деметры, а *Бримон* — синоним Плутона. Однако участники праздника знали его как *Иакха* — по ритуальному гимну *iacchus*, который исполнялся на шестой день мистерий, когда процессия факельщиков отправлялась из храма Деметры.

7) Эвмолп соответствует поющим пастухам, которые вносили ребенка; Триптолем — скотник, служащий Ио или луне-богине в образе коровы (см. 56,1), который окроплял посевное зерно; Эвбулей — свинопас, служащий богине Марпессе (см. 74,4; 96,2), Форкис, Хойре или Кердо — свиные-богине, способствовавшей прорастанию зерна. Эвбулей был первым, кто узнал об участии Кору, потому что «свинопас» в древнеевропейских мифах означал прорицателя или чародея. Так, Эвмей, свинопас Одиссея (см. 171,а), называется *dios* («богоподобный»); и хотя к классическому времени свинопасы уже давно не занимались предсказаниями, свиной все еще приносили в жертву Деметре и Персефоне, при этом жертвенных животных бросали в естественные пропасти. Эвбулей не называется среди тех, кого наставляла Деметра, возможно потому, что ее культ в образе свиной-богини уже не существовал в Элевсине.

8) Ямба и Баубо персонифицируют непристойные песни, сложенные ямбическим метром, которые пелись для снятия эмоционального накала во время Элевсинских мистерий; в то же время Ямба, Деметра и Баубо образуют известную женскую триаду: девушка, нимфа и старуха. Старые кормилицы в греческих мифах почти всегда соответствуют женской богине в образе Кроны. Абант превращен в ящерицу потому, что ящериц находили в самых жарких и сухих местах, а также потому, что они могут долго обходиться без воды. Это правоучение, призванное привить детям уважение к старшим и почтение к богам.

9) История о том, как Деметра попыталась сделать Демофонта бессмертным, имеет параллели в мифах о Мееде (см. 156,а) и Фетиде (см. 81,г). Частично она свидетельствует о первобытном обычае «осенять» детей, спасая их от злых духов. В этих случаях вокруг новорожденного проносили священный огонь или ставили под ним раскаленную сковороду. Частично — это отголосок обычая сжигать мальчиков, принося их в жертву вместо царя-жреца (см. 92,6) и тем самым даровать им бессмертие.

10) В первобытных сообществах существовало табу на пищу красного цвета, которая предназначалась только мертвым (см. 170,5); считалось, что гранат, как и восьмилепестковый алый анемон, возник из крови

Адониса или Таммуза (см. 18,7). Семь зерен граната, возможно, соответствуют семи фазам луны, которые проходят с момента сева до появления первых ростков. Однако вкусившая от граната Персефона восходит к Шеол, богине преисподней, пожирающей Таммуза, тогда как Ишгар, вторая ипостась Шеол, плачет, чтобы умиловать его дух. Гера, прежняя богиня смерти, также держит гранат.

11) *Ascalaphos*, или «короткоухая сова», была признаком несчастья, а притча о сплетнике Аскалафе рассказывается, чтобы объяснить шумное поведение сов в ноябре, накануне трехмесячного отсутствия Кору. Аскалафа освободил Геракл (см. 134,d).

12) Фиговое дерево, подаренное Деметрой Фиталу, семья которого считалась одной из самых могущественных в Аттике (см. 97,a), означает лишь то, что опыление одомашненного фигового дерева веткой дикого перестало, как и земледелие, быть чисто женской обязанностью. Табу на выращивание бобов мужчинами, вероятно, просуществовало дольше, чем на выращивание ими же зерновых, скорее всего потому, что бобы устойчиво связывались с духами. В Риме на празднике духов предков бобы бросали в духов. Если один из брошенных бобов прорастет и женщина съест бобы с такого растения, то считалось, что она зачнет от духа. Поэтому и пифагорейцы не ели бобов, чтобы не лишиться своего предка возможности родиться в ком-то вновь.

13) Считается, что Деметра пришла в Грецию с Крита, высадившись в аттическом городе Форики (*Гимн к Деметре*. 123). Это вполне возможно: критяне обосновались в Лаврионе (Аттика), где они первоначально добывали серебро. Более того, Элевсин — это микенское поселение, и Диодор Сицилийский (V.77) говорит, что обряды, подобные элевсинским, исполнялись в Кноссе с участием всех желающих.

14) Цветы, которые, по свидетельству Овидия, собирала Кора, были маками. На Крите найдено изображение богини с головками мака в волосах. На другом изображении, найденном при раскопках могильника в Палекастро, богиня держит маки в руке, а на золотом кольце из клада, найденного в акрополе Микен, сидящая Деметра передает головки маков стоящей Коре. Маковое семя добавляли в хлеб, и маки совершенно естественным образом символизировали Деметру, поскольку они росли на нивах. Однако Кора собирает или принимает маки из-за их снотворного действия и алого цвета лепестков, который считался символом возрождения после смерти (см. 27,11). Она вот-вот должна удалиться на свой ежегодный сон.

[а] Афина изобрела флейту, трубу, керамический горшок, плуг, грабли, ярмо для волов, уздечки для лошадей, колесницу и корабль. Она первой стала обучать искусству счета и всем женским рукоделиям, включая кулинарное искусство, ткачество и прядение. Будучи богиней войны, она тем не менее не испытывала радости в битвах, подобно Аресу или Эриде, а предпочитала решать споры и утверждать закон мирным путем. В мирные дни она не носила оружия, а когда нуждалась в нем, то брала его у Зевса. Она славилась своей добротой: когда в Ареопаге во время суда над обвиняемым судьи расходились во мнении, она всегда отдавала свой голос в пользу освобождения обвиняемого. Однако, вступив в бой, она никогда не оказывалась побежденной даже в сражении с самим Аресом, превосходя его в тактике и стратегии. Поэтому мудрые предводители всегда обращались к ней за советом¹.

[b] Многие боги, титаны и гиганты были бы счастливы взять ее в жены, но она отвергала все ухаживания. Однажды во время Троянской войны, не желая просить оружия у Зевса, который объявил себя в этой войне нейтральным, она попросила Гефеста сделать ей собственные доспехи. Гефест отказался взять плату и, смущаясь, сказал, что выполнит работу за любовь. И когда, не поняв смысла сказанного, Афина вошла в кузницу понаблюдать, как Гефест управляется с раскаленным металлом, тот вдруг бросился к ней и попытался овладеть ею. Гефест, который редко вел себя так грубо, оказался жертвой коварной шутки: как раз перед этим Посейдон сообщил ему, что в кузницу идет Афина, которая с согласия Зевса хочет, чтобы кто-нибудь силой овладел ею.

Когда она вырвалась, семя Гефеста пролилось на нее чуть выше колена. Она вытерлась клоком шерсти, бросила его подле себя, и семя оплодотворило случайно оказавшуюся здесь мать-Землю. Придя в негодование оттого, что она может родить ребенка, которого чуть не зачала от Гефеста Афина, мать-Земля объявила, что не будет отвечать за его воспитание.

[с] «Очень хорошо, — сказала Афина, — я сама о нем позабочусь». И с самого рождения окружила ребенка заботой, назвала его Эрихтонием и, чтобы не дать Посейдону возможности посмеяться над своей шуткой, спрятала его в священный ларец. Ларец же передала Аглавре, старшей дочери афинского царя Кекропа, наказав хорошо охранять его².

[d] Кекроп, сын Геи-Земли, как и Эрихтоний, которого некоторые называют его отцом, был получеловеком-полузмеем. Он первым из царей признал патернализм. Он женился на дочери Актея, древнейшего царя Аттики, утвердив моногамию. Разделил Аттику на двенадцать частей, построил храмы в Афинах, заменил кровавые жертвоприношения пресными ячменными лепешками³. Его жену звали Аглавра, а трех его дочерей — Аглавра, Герса и Пандроса. Жили они в трехкомнатном доме на Акрополе. Однажды вечером, когда девушки возвращались с праздника, неся на голове священные ларцы Афины, Гермес подкупил Аглавру с тем, чтобы она позволила ему увидеться с Герсой, самой младшей из сестер, в которую он без ума влюбился. Аглавра взяла золото Гермеса, однако отрабатывать его не собиралась, потому что Афина разожгла в ней зависть к судьбе Герсы. Разозлившийся Гермес пришел к ним домой, превратил Аглавру в камень и удовлетворил свою страсть к Герсе. После того как Герса родила Гермесу двух сыновей — Кефала, ставшего возлюбленным Эос, и Керика, первого глашатая Элевсинских мистерий, — она с Пандросой и их матерью Аглаврой, горя от любопытства, заглянули в ларец, который раньше носила Аглавра. Увидев ребенка, у которого вместо ног были змеиные хвосты, они завизжали от ужаса и во главе с Аглаврой бросились вниз с Акрополя⁴.

[e] Услышав эту печальную весть, Афина так расстроилась, что даже уронила огромную скалу, которую несла на Акрополь, чтобы дополнительно укрепить его. Теперь эту скалу называют *Ликабеттской горой*. Белую ворону, которая принесла ей эту новость, она сделала черной и запретила всем воронам появляться на акрополе. Эрихтоний спрятался в эгиде Афины, и она проявляла о нем такую заботу, что многие думали, будто она его мать. Со временем он стал царем Афин, ввел в своем

городе культ Афины и научил своих сограждан, как пользоваться серебром. Его изображение было помещено среди звезд в виде созвездия Возничего, потому что он был первым, кто стал пользоваться колесницей, запряженной четверкой лошадей⁵.

[f] Вот как звучит другой рассказ о смерти Аглавры: именно в тот момент, когда на Афины напали враги, она во исполнение предсказаний оракула бросилась с Акрополя и тем самым принесла афинянам победу. Вот почему юные афиняне, впервые берущие в руки оружие, приходят в храм Аглавры и посвящают свою жизнь процветанию города⁶.

[g] Будучи такой же скромной, как и Артемида, Афина, однако, была добрее. Когда Тиресий однажды подглядел, как она купалась, богиня возложила свои ладони на его глаза, и он ослеп, но взамен она наделила его даром провидения⁷.

[h] Рассказывают, что только раз ее обуяла зависть. Вот как это было. Арахна, царская дочь из лидийского города Колофона, славящаяся своими пурпурными красителями, была такой искусной ткачихой, что сама Афина не могла состязаться с ней. Рассматривая полотно, на котором Арахна выткала картины любовных походов олимпийцев, богиня так и не смогла найти в них ни одной ошибки и с досады и в отместку разорвала полотно на части. Арахна в горе повесилась на стропилах. Афина превратила ее в паука, самое ненавистное для нее насекомое, а веревку превратила в паутину, по которой Арахна поднимается к безопасному месту⁸.

¹ Цец. Схолии к Ликофрону. 520; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. IV.402; Пиндар. Олимпийские оды. XIII.79; Ливий. VI.3; Павсаний. I.24.3; Гомер. Илиада. I.199 и след., V.736,840—863, XXI.391—422; Эсхил. Эвмениды. 753.

² Аполлодор. III.14.6; Аполлодор. Мифы. 166.

³ Павсаний. I.5.3, VIII.2.1; Аполлодор. III. 4.1; Страбон. IX.1.20; Аристофан. Плутос. 773; Атений. 555d; Евстафий. О Гомере. 1156.

⁴ Аполлодор. III.14.3. Аполлодор. Мифы. 166.

⁵ Антигон из Кариста. 12; Каллимах. Гекала. I.2.3; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. VII.24; Аполлодор. Мифы. 274; Аполлодор. III.14.6.

⁶ Суда и Гесихий под словом *Agraulos*; Плутарх. Алкивиад. 15.

⁷ Каллимах. Гимн «На омовение Паллады». 73 и след.

⁸ Овидий. Метаморфозы. VI.5—145; Вергилий. Георгики. IV.246.

1) Для афинян девственность их богини была символом неприступности их города, и поэтому они меняли древние мифы, повествовавшие о насилии над ней Посейдона (см. 19,2) и Борея (см. 48,1); они отрицали также, что Эрихтоний, Аполлон и Лихнос («светильник») были ее сыновьями от Гефеста. Посейдон первоначально мог играть более простую и непосредственную роль в рождении Эрихтония, иначе непонятно, почему Эрихтоний вводит в Афинах квадригу Посейдона.

2) Афиняне изображали Эрихтония в виде змея с человеческой головой, потому что он был героем или духом принесенного в жертву царя, через которого объявляла свои желания Крона. Именно в ипостаси Кроны Афина изображается в компании с совой и вороной. Древний афинский царский род претендовал на происхождение от Эрихтония, или Эрехфея, и называл себя Эрехтейды. В качестве амулета они носили золотую змейку и держали священную змею в Эрехтейоне. Однако Эрихтоний был еще и оплодотворяющим ветром, дувшим с покрытых вереском гор, а эгида Афины или ее копия предьявлялась всем молодоженам в Афинах, чтобы обеспечить им продолжение рода (Суда под словом *Aegis*).

3) Известно, что среди прекрасных критских глиняных сосудов есть и такие, которые сделали женщины, и, бесспорно, обо всех созданных Афиной предметах можно сказать, что первоначально их изготавливали женщины, однако уже в классическую эпоху в Греции ремесленник должен был обязательно быть мужчиной. Серебро первоначально считалось дороже золота, поскольку в чистом виде получить этот металл было труднее, и его посвящали луне. Афины времен Перикла в значительной мере обязаны своим процветанием богатым серебряным рудникам в Лаврионе, разработку которых начали еще критяне. Добываемое там серебро позволяло городу ввозить необходимое продовольствие и приобретать союзников.

4) Причиной, по которой дочери Кекропа бросились вниз с Акрополя, вполне мог быть захват эллинами Афин, после которого была сделана попытка насадить моногамию среди жриц Афины, как в мифе о Галлирофии (см. 19,b). Они предпочли смерть бесчестью. Вот почему афинские юноши приносили клятву в святилище Аглавры. Второй рассказ о смерти Аглавры — это всего лишь нравоучение, предупреждающее о каре за разглашение тайн Афины. *Agraulos* и его транслитерация *aglauros* означают практически одно и то же: у Гомера

agraulos — это эпитет пастухов, а *aglauros* (подобно *herse* и *pandrosos*) относится к луне, считавшейся источником росы, освежавшей пастбища. В Афинах девушки выходили собирать росу в полнолуние, приходившееся на середину лета, причем сбор росы имел священное значение. Аналогичный обычай существовал в Англии еще в прошлом веке. Этот праздник назывался *герсефория*, или «рососбор». *Аглавра*, или *Аглавре*, на самом деле эпитет самой Афины, причем на Кипре Аглавре поклонялись в довольно позднюю эпоху (Порфирий. *О воздержании*. II.54), принося ей человеческие жертвы. Золотое кольцо из Микен изображает трех жриц, направляющихся в храм: первые две окропляют все вокруг себя росой, а у третьей (очевидно, это Аглавра) к локтю подвязана веточка. Эта церемония, возможно, возникла на Крите. Соблазнение Гермесом Герсы, за что он заплатил золотом Аглавре, вероятно, указывает на бытовавшую ритуальную проституцию жриц перед образом богини, т. е. обращенной в камень Аглавры. Священные корзины, которые носили по этому случаю, наполнялись фаллическими змеями и другими предметами оргиастического характера. Ритуальная проституция жриц луны-богини существовала на Крите, Кипре, в Сирии, Малой Азии и Палестине.

5) Мечь Арахне может быть чем-то большим, чем милая притча, особенно если в этом повествовании нашло отражение торговое соперничество между афинянами и лидио-карийскими талассократами, или «владыками морей», критского происхождения. В критском Милете, выходцы из которого основали карийский Милет, который считался крупнейшим экспортером крашенных шерстяных тканей в древнем мире, были обнаружены многочисленные печати с эмблемой в виде паука. Это предполагает наличие в этом городе развитой текстильной промышленности в начале II тысячелетия до н. э. Некоторое время милетцы контролировали прибыльную понтийскую торговлю и имели склады в Навкратисе (Египет). У Афин были веские основания испытывать зависть к пауку.

6) Явное противоречие обнаруживается у Гомера. В соответствии с «перечнем кораблей» (*Илиада*. II.547 и след.) Афина утверждает Эрехфея в своем блестящем храме в Афинах, а в «Одиссее» (VII.8) она идет в Афины и вступает в его «дом крепкозданный». Дело в том, что у царя-жреца была своя половина во дворце царицы, где хранилось изображение богини. На Крите и в микенской Греции не было храмов, а были лишь домашние святилища и священные пещеры.

[а] Несколько могущественных богов и богинь Греции никогда не включались в состав двенадцати олимпийцев. Например, Пан — скромное существо — влачил свои дни вдали от городов в Аркадии. Среди тех, кто знал, что их присутствие нежелательно на Олимпе, были Гадес, Персефона и Геката, а мать-Земля считала, что она слишком стара, чтобы отказаться от своих привычек и жить так, как живут ее внуки и правнуки.

[b] Некоторые утверждают, что Пан родился от Гермеса и Дриопы, дочери Дриопа; другие называют его матерью нимфу Ойною или жену Одиссея Пенелопу, которую Гермес посетил в образе барана, или козу Амалфею¹. Говорят, он родился таким уродливым — с рожками, бородой, хвостом и козлиными копытцами, — что его мать убежала от него в страхе, и Гермес взял его с собой на Олимп на потеху богам. Однако Пан был сводным братом Зевса и потому значительно старше Гермеса или Пенелопы, родившей Пана, как говорят некоторые, от всех женихов сразу, которые ухаживали за ней в отсутствие Одиссея. Есть и такие, которые считают его сыном Крона и Реи или Зевса и Гибрис, и это звучит более правдоподобно².

[с] Он жил в Аркадии, опекая стада и пасеки, принимал участие в забавах горных нимф и помогал охотникам в поисках добычи. В целом он был добродушен и ленив, больше всего на свете любил послесобеденный сон и мстил всем, кто мешал ему спать. При этом он издавал такой крик из глубины пещеры или грота, что на головах у слышавших волосы вставали дыбом. Однако аркадцы совсем его не уважали, а возвращаясь с охоты с пустыми руками, даже могли отстегать его морским луком³.

[d] Пан соблазнил несколько нимф: Эхо родила ему вертишейку Иинкс, но позднее плохо кончила от неразделенной любви к Нарциссу; кормилица муз Эвфема родила ему Кротоса, ставшего созвездием Стрельца. Он также хвастался, что сочетался со всеми пьяными менадами из свиты Диониса⁴.

[e] Однажды он попытался овладеть целомудренной Питис, которой удалось скрыться от него, только превратившись в ель, ветвь которой он всегда носил на голове наподобие венка. В другой раз он преследовал целомудренную Сирингу от самой горы Ликей до реки Ладон, где Сиринга превратилась в тростник; не сумев отличить ее от остальных, Пан наугад срезал несколько тростинки и сделал себе свирель. Его самой большой любовной удачей было соблазнение Селены, когда ему удалось скрыть черную шерсть и козлоподобное обличье под отмытым белым руном. Не узнав его, Селена согласилась прокатиться у него на спине и позволила ему удовлетворить все его желания⁵.

[f] Хотя олимпийские боги и презирали Пана за простодушие и буйство, они охотно пользовались его талантом. Аполлон лестью выманил у него тайны прорицания, а Гермес скопировал потерянную им свирель, объявив ее своим собственным изобретением и продав Аполлону.

[g] Пан — единственный бог, который умер в наше время. Весть о его смерти принес некто Тамус, корабельщик, плывший в Италию мимо острова Паксы. Божественный голос прокричал через море: «Тамус, ты здесь? Когда ты прибудешь в Палодес, не забудь объявить, что великий бог Пан умер!» Так Тамус и сделал, и весть эта на берегу была встречена всеобщим плачем⁶.

¹ Гомеровский гимн к Пану. 34 и след.; Схолии к «Идиллиям» Феокрита. I.3; Эратосфен. Превращения в звезды. 27.

² Гомеровский гимн к Пану. Там же; Геродот. II.145; Сервий. Комментарий к «Георгикам» Вергилия. I.16; Аполлодор. I.4.1; Схолии к драме Еврипида «Рес». 30.

³ Феокрит. Идиллии. I.16; Еврипид. Рес. 36; Гесихий под словом *Agreus*; Феокрит. Идиллии. VII.107.

⁴ Овидий. Метаморфозы. III.356—401; Аполлодор. Мифы. 224; Поэтическая астрономия. II.21.

⁵ Лукиан. Разговоры богов. 22.4; Овидий. Метаморфозы. I.89—712; Филаргирий. Комментарии к «Георгикам» Вергилия. III. 91—393.

⁶ Плутарх. Почему оракулы молчат? 17.

1) Пан относился к аркадскому культу плодородия и во многом напоминал культ ведьм, распространенный в северо-западной Европе. Этот человек, наряженный в козью шкуру, был избранником менад во время их пьяных оргий, происходивших высоко в горах, и в конце концов заплатил за эту привилегию жизнью.

2) Истории о рождении Пана звучат по-разному. Поскольку Гермес был силой, обитавшей в фаллическом камне, отмечавшем центр таких оргий (см. 14,1), пастухи называли своего бога Пана его сыном, рожденным птицей-дятлом, чей веселый перестук возвещает о долгожданном летнем дожде. Миф о том, что Пан родился от Гермеса и Ойнои, вполне понятен, следует только добавить, что первоначально менады в качестве средства возбуждения использовали не вино (см. 27,2), а что-то другое. Имя его предполагаемой матери — Пенелопа — говорит о том, что менады во время оргий практиковали раскрашивание лица рисунком, наподобие полосок на пенелопе (вид утки). Плутарх говорит (*Почему божество медлит с воздаянием*. 12), что менады, убившие Орфея, были в наказание татуированы своими мужьями (см. 28,f); менада с татуировкой в виде паутины на руках и ногах изображена на вазе, хранящейся в Британском музее. Посещение Пенелопы Гермесом, принявшим облик барана (баран-дьявол появляется столь же часто в культе ведьм на северо-западе Европы, как и козел), утверждение, что она зачала от всех ее женихов (см. 171,1), а также то, что Пан сочетался со всеми менадами, свидетельствуют о соответствующей стороне празднеств в честь ели-богини Питис, или Элаты (см. 78,1). Горцы Аркадии были наименее цивилизованным народом Греции (см. 1,5), к которому соседние племена не скрывали своего презрения.

3) Дочь Пана — вертишейка или змеешейка была прилетающей весной птицей, фигурировавшей в эротических чародействах (см. 56,1; 152,2). Морской лук содержит яд-раздражитель, использовавшийся для борьбы с мышами и крысами, а также как очистительное и мочегонное средство, принимавшееся перед ритуальным актом. Поэтому морской лук стал символизировать освобождение от влияния злых сил (Плиний. *Естественная история*. XX.39), бичевание изваяния Пана морским луком в случае неудачной охоты имело тот же смысл (см. 108,10).

4) Соблазнение Паном Селены, вероятнее всего, относится к майским оргиям при луне, во время которых юная царица мая ехала на спине

своего избранника, чтобы вступить с ним в брак и тем самым отпраздновать пробуждение природы. К тому времени в Аркадии культ барана уже вытеснил культ козла (см. 27,2).

5) В Египте слово Тамус, очевидно, было неверно истолковано в церемониальном оплакивании: *Thamus Pan-megas tethnese* («всевеликий Таммуз умер»!) как «Тамус, великий Пан умер» (*De defectu oraculorum*). Как бы там ни было, а Плутарх, который был жрецом в Дельфах во второй половине I в. н. э., поверил этому рассказу и написал о нем. Однако, когда веком позже Павсаний (VIII.24.7, 26.2, 30.2—3, 36.7—8, 37.11, 38.5, 11, 53.11) путешествовал по Греции, он встречал довольно часто посвященные Пану святилища, алтари, священные пещеры и священные горы.

Происхождение и деяния Диониса

[а] По приказу Геры титаны утащили новорожденного сына Зевса Диониса — рогатого дитя, увенчанного змеями, — и, несмотря на его превращения, разорвали на куски. Куски его тела они сварили в котле, а из пролитой на землю крови выросло гранатовое дерево. Однако его бабка Рея разыскала внука, вновь составила из кусков его тело и вернула к жизни. Персефона, которой Зевс отныне поручил присматривать за ребенком, передала его царю Орхомена Афаманту и его жене Инио, внушив ей, что ребенка следует растить на женской половине дома, переодетым в девочку. Однако Геру не удалось обмануть, и она наказала эту царскую чету, наслав на них безумие. В припадке безумия Афамант убил своего сына Леарха, приняв его за оленя¹.

[б] Тогда, по просьбе Зевса, Гермес временно превратил Диониса в козленка или барашка и передал его нимфам Макриде, Нисе, Эрато, Бромии и Вакхе, обитавшим на геликонской горе Ниса. Они поселили Диониса в пещере, холили и лелеяли его, кормили медом. За эту службу Зевс впоследствии поместил их изображения среди звезд под именем Гиад (в семизвездии созвездия Тельца). Именно на горе Ниса Дионис изобрел вино, за что его в основном и перевозносят².

Когда Дионис стал взрослым, Гера признала в нем сына Зевса, несмотря на отпечаток женственности, который наложило на него воспитание, и также вселила в него безумие. Он отправился странствовать по всему свету, сопровождаемый Силеном и дикой толпой сатиров и менад, оружием которых были увитые плющом жезлы с наверху в виде соновой шишки, называвшейся тирсом, а также мечи, змси и наводившие

ужас трещотки. Он отправился в Египет, взяв с собой виноградную лозу, а на острове Фарос его гостеприимно принял царь Протей. Среди ливийцев, населявших дельту Нила напротив острова Фарос, было несколько цариц амазонок, которых Дионис пригласил выступить вместе с ним против титанов и вернуть царю Аммону царство, из которого он был изгнан. Поражение Дионисом титанов и возвращение трона царю Аммону — одна из первых его военных побед³.

[с] После этого он отправился на восток в Индию. Достигнув Евфрата, он встретил сопротивление царя города Дамаска и содрал с него живого кожу. Потом из плюща и виноградной лозы он построил мост через реку. Через Тигр ему помог перебраться тигр, посланный его отцом Зевсом. На пути в Индию он всюду встречал сопротивление и покорила целую страну, научив ее народ искусству виноградарства, дав ему законы и основав большие города⁴.

[d] На пути из Индии он встретил сопротивление со стороны амазонок, чьи орды он преследовал вплоть до Эфеса. Только немногим из них удалось укрыться в храме Артемиды, где до сих пор живут их потомки. Бежавших на Самос Дионис стал преследовать на лодках, и на поле битвы их полегло так много, что поле стали называть *Сангема* («кровавое»). Около Флоя часть слонов, которых он привел из Индии, погибла, а кости их показывают до сих пор⁵.

[e] Затем через Фригию Дионис вернулся в Европу. Во Фригии приходившаяся ему бабкой Рея подвергла его очищению от всех убийств, которые он совершил в безумии, а затем посвятила его в свои мистерии. После этого Дионис напал на Фракию, но не успели его люди высадиться в устье реки Стримон, как царь эдонов Ликург, вооруженный палкой, которой погоняют быков, оказал им такое решительное сопротивление, что высадившаяся армия оказалась в плену, за исключением самого Диониса, который бросился в море и нашел спасение в гроте Фетиды. Раздосадованная такой неудачей Рея помогла пленникам бежать, а самого Ликурга лишила рассудка. В безумстве он ударил своего сына Дрианта топором, уверенный, что рубит лозу, и сын скончался. Еще не придя в себя, он отрезал у трупа нос, уши, пальцы на руках и ногах, и вся фракийская земля стала бесплодной, придя в ужас от такого злодеяния. Когда Дионис, выйдя из моря, объявил, что земля не будет родить, пока Ликурга не предадут смерти, эдонцы отвели царя на гору Пангей, где дикие лошади разорвали его на части⁶.

[f] Больше Дионису никто не противился во Фракии, и он продолжил путь в свою любимую Беотию, где посетил Фивы, пригласив всех женщин принять участие в пирах на горе Киферон. Пенфей, царь Фив, невзлюбив распутство Диониса, захватил его вместе со всеми менадами, но, потеряв рассудок, вместо того чтобы заковать Диониса, заковал быка. Менадам вновь удалось бежать, и они отправились бродить по горам, разрывая на куски молодых оленей. Пенфей попытался остановить их, но, возбужденные вином и религиозным экстазом, они разорвали царя пополам. Причем бунт против него подняла его собственная мать Агава, и она же оторвала ему голову⁷.

[g] В Орхомене три дочери Миния, которых звали Алкифоя, Левкиппа и Арсиппа, а может быть, Аристиппа или Арсиноя, отказались участвовать в вакхических шествиях, несмотря на то что Дионис сам пригласил их, явившись в образе девушки. Услышав отказ, он превратился сначала во льва, затем в быка и пантеру и лишил их рассудка. Левкиппа принесла в жертву собственного сына Гиппаса, когда на него пал жребий, и три сестры разорвали его на куски и пожрали, после чего стали неистово носиться по горам, пока, наконец, Гермес не превратил их в птиц, хотя некоторые утверждают, что Дионис превратил их в летучих мышей⁸. В искупление смерти Гиппаса в Орхомене ежегодно празднуют праздник под названием *агриония* («побуждение к дикости»), на котором избранницы сначала делают вид, что разыскивают Диониса, а затем, сойдясь на том, что он пребывает где-то в обществе муз, садятся в кружок и загадывают друг другу загадки до тех пор, пока из храма Диониса не выбежит жрец с мечом и не убьет ту из них, которую поймает первой⁹.

[h] После того как вся Беотия признала божественность Диониса, он стал посещать острова Эгейского моря, неся везде веселье и разрушение. Придя в Икарию, он обнаружил, что его корабль не годится для дальнейшего плавания, и нанял другой — с тирренскими моряками, которые заявили, что плывут в Наксос. Однако на самом деле это были пираты, которые, не подозревая о божественной природе Диониса, отправились в Азию, чтобы продать его в рабство. Дионис сделал так, что из палубы стала расти виноградная лоза, вскоре опутавшая всю мачту, а оснастка оказалась вся оплетенной плющом. Весла он превратил в змей, сам обернулся львом, а весь корабль наполнился привидениями в образе диких зверей, и зазвучали флейты. С испугу пираты попрыгали в воду и превратились в дельфинов¹⁰.

[i] В Наксосу Дионис встретил любимую им Ариадну, покинутую Тесеем, и без промедления женился на ней. Она родила ему Энопиона,

Фоанта, Стафила, Латромиду, Эванта и Тавропола. Позднее он поместил ее свадебный венок среди звезд¹¹.

[j] Из Наксоса Дионис отправился в Аргос, где Персей вначале воспротивился ему и убил множество его приверженцев. За это Персей понес наказание: Дионис наслал на аргивянок безумие, и те стали пожирать своих младенцев живьем. Персей поспешил признать свою ошибку и умилостивить Диониса, построив храм в его честь.

[k] Наконец, установив свой культ во всем мире, Дионис вознесся на небеса, чтобы занять свое место по правую руку от Зевса как один из двенадцати великих богов. В порыве уничтожения Гестия уступила ему свое место за столом богов, обрадовавшись возможности расстаться с распрями в ее семействе и зная, что она всегда может рассчитывать на гостеприимство в любом греческом городе, который только ей захочется посетить. После этого через Лерну Дионис спустился в Тартар, где подкупил Персефону, подарив ей мирт за разрешение забрать с собой его покойную мать Семелу. Мать поднялась с ним в храм Артемиды в Трезене, но, чтобы остальные духи умерших не стали ей завидовать и не обиделись, он изменил ее имя и представил богам-олимпийцам как Тиону¹². Зевс предоставил в ее распоряжение жилище, на что Гера, скрыв злобу, смолчала.

¹ Еврипид. Вакханки. 99—102; Ономакрит. Цит. по: Павсаний. VIII.37.3; Диодор Сицилийский. III.62; Орфический гимн. XIV.6; Климент Александрийский. Послание к грекам. II.15 и след.

² Аполлодор. III.4.3; Аполлодор. Мифы. 182; Теон. Схолии к «О небесных явлениях» Арата. 177; Диодор Сицилийский. III.68—69; Аполлоний Родосский. IV.1133; Сервий. Комментарии к «Буколикам» Вергилия. VII.15.

³ Аполлодор. III.5.1; Эсхил. Эдонцы, фрагмент; Диодор Сицилийский. III.70—71.

⁴ Еврипид. Вакханки. 73; Теофил. Цит. по: Плутарх. О реках. 24; Павсаний. X.29.2; Диодор Сицилийский. II. 8; Страбон. XI.5.5; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. II.8—9; Арриан. Соч. об Индии. 5.

⁵ Павсаний. VII.2.4—5; Плутарх. Греческие вопросы. 56.

⁶ Аполлодор. III.5.1; Гомер. Илиада. VI.130—140.

⁷ Феокрит. Идиллии. XXVI; Овидий. Метаморфозы. III.70 и след.; Еврипид. Вакханки.

⁸ Овидий. Метаморфозы. IV.1—40; 390—415; Антонин Либерал. 10; Элиан. Пестрые рассказы. III.42; Плутарх. Греческие вопросы. 38.

⁹ Плутарх. Там же.

¹⁰ Гомеровский гимн к Дионису. 6 и след.; *Аполлодор*. III.5.3; *Овидий*. *Метаморфозы*. III.577—699.

¹¹ Схолии к Аполлонию Родосскому. III.996; *Гесиод*. Теогония. 947; *Аполлодор*. Поэтическая астрономия. II.5.

¹² *Аполлодор*. III.5.3; *Павсаний*. II.31.2.

1) Основным ключом к мистической истории Диониса является распространение культа лозы в Европе, Азии и Северной Африке. Вино было изобретено не греками: похоже, что первоначально оно ввозилось в сосудах с Крита. Дикий виноград рос вдоль южного побережья Черного моря, откуда он, как культурное растение, постепенно достиг горы Ниса в Ливии и тем же путем, через Палестину, — Крита. В Индию он пришел через Персию в эпоху бронзы и по «янтарному пути» достиг Британских островов. Винные оргии в Малой Азии и Палестине — праздник куцдей первоначально был не чем иным, как вакханалией, — характеризовались теми же экстатическими танцами, что и пивные оргии во Фракии и Фригии. Триумф Диониса заключался в том, что вино повсеместно вытеснило другие опьяняющие напитки (см. 38,3). Ферекид сообщает, что *Nysa* означает «дерево».

2) Некогда Дионис подчинялся луне-богине Семеле (см. 14,5), которую также называли Тиона и Котитто (см. 3,1), и был обречен на гибель во время ее оргий. То, что его, как и Ахилла, воспитывали как девочку, напоминает критский обычай держать мальчиков «в темноте» (*scolioi*), т. е. на женской половине до достижения половой зрелости. Один из его эпитетов был *Дендрит* (*Dendrites* — «юноша-дерево»), и на празднике весны, когда все деревья неожиданно покрывались листвой и весь мир охватывала любовная страсть, праздновалось его освобождение. Диониса изображали как рогатого ребенка, не указывая, были ли это рога козла, оленя, быка или барана — все зависело от конкретного места поклонения. Когда *Аполлодор* говорит, что Дионис был обращен в козленка, чтобы избежать гнева Геры, — одним из его эпитетов был «эрифос» («козленок») (Гесихий под словом *Эрифос*), — то это относится к критскому культу Диониса—Загрея, т. е. дикого козла с огромными рогами. Вергилий (*Георгики*. II.380—384) не прав, когда говорит, что чаще всего в жертву Дионису приносили козлов, потому что они «пирам оставляют на них [лозах] — прокушенных стволиков метку». Дионис в образе оленя — это Леарх, которого Лфамант убивает, когда Гера лишает его рассудка. Во Фракии ему поклонялись как

белому быку. Однако в Аркадии Гермес превратил его в барана, поскольку аркадцы были пастухами, а солнце вступает в созвездие Овена во время их праздника весны. Тот факт, что Макрида кормила Диониса медом, а у менад были тирсы (сосновые ветви, увитые плющом), указывает на то, что прежде использовался другой опьяняющий напиток: еловое пиво, приправленное плющом и подслащенное медом. Медовый напиток и был тем «нектаром», который варили из забродившего пчелиного меда и который боги продолжали пить на гомеровском Олимпе.

3) Дж. Е. Харрисон была первой, кто указал (*Прологомены*. VIII), что бог вина Дионис — это более поздняя подмена пивного бога Диониса, которого также звали Сабазисем. Она же высказала предположение, что слово «трагедия» могло возникнуть не от *tragos*, что значит «козел», как считал Вергилий (Там же), а от *tragos*, означавшего полбу, из которой в Афинах варили пиво. Она добавляет, что в ранней вазописи в качестве спутников Диониса изображались люди, одетые лошадьми, а не козлами, и что его корзина для винограда изначально была всеялкой. И действительно: ливийский и критский козел ассоциировался с вином, а эладский конь — с пивом и нектаром. Отсюда Ликург, воспротивившийся более позднему Дионису, оказывается растерзанным на части дикими лошадьми, т. е. жрицами богини с головой кобылы, и его постигает та же участь, которая прежде постигла Диониса. В историю Ликурга ошибочно попало повествование о проклятии земли после убийства Дрианта («дуб»), который был дубом-царем, ритуально убиваемым каждый год. Конечности Дрианта отрезались для того, чтобы не дать возможности его духу блуждать (см. 153, b; 171, l), а за неоправданную рубку дуба выносился смертный приговор. Котитто — это имя богини, в честь которой исполнялись эдонские обряды (Страбон. X.3.16).

4) Дионис являлся в образе льва, быка и змея потому, что эти животные были эмблемами трехсезонного года (см. 31, 7; 75, 2; 123, 1). Он родился зимой в образе змея — отсюда его змеиный венец весной превратился в быка, и в этом обличье его убивают и пожирают как быка, козла или оленя в день летнего солнцеворота. Именно эти превращения он претерпел, когда с ним разделались титаны (см. 30, a). Место змея у орхоменян, вероятно, заняла пантера. Мистерии Диониса напоминают мистерии Осириса, и этим объясняется его появление в Египте.

5) Ненависть Геры к Дионису и винному кубку, а также враждебность со стороны Пенфея и Персея отражают консервативную оппозицию вину как ритуальному напитку, а также вызывающему поведению

менад по мере того, как культ вина распространялся от Фракии к Афинам, Коринфу, Сикиону, Дельфам и другим городам. Но к концу VII — началу VI в. до н. э. Периандр (тиран Коринфа), Клисфен (тиран Сикиона) и Писистрат (тиран Афин) решили признать культ Диониса и установить официальные празднества в его честь. После этого Дионис и виноградная лоза считаются принятыми на небесах. В конце V в. до н. э. Дионис изгоняет Гестию и занимает ее место среди двенадцати олимпийских богов, несмотря на то что некоторые боги продолжали требовать себе «трезвых жертвоприношений». Хотя одна из недавно расшифрованных табличек из дворца Нестора в Пилосе говорит, что у Диониса был статус бога еще в XIII в. до н. э., он никогда не переставал быть полубогом, гробница, из которой он ежегодно возрождался, еще долго оставалась достопримечательностью Дельф (Плутарх. *Об Исиде и Осирисе*. 35), а Аполлона считали его бессмертной частью (см. 28,2). Повторное рождение Диониса из бедра Зевса, как и повторное рождение хеттского бога ветров из бедра Кумарби (см. 6,6), выражает отказ от первоначальных матриархальных представлений. Ритуальное повторное рождение от женщины является хорошо известной древнееврейской церемонией усыновления (Руфь 3:9), заимствованной у хеттов.

6) Фарос, небольшой остров недалеко от дельты Нила, на берегах которого Протей претерпел все те же трансформации, что и Дионис (см. 169,а), имел самый большой порт в Европе эпохи бронзы (см. 39,2; 169,6), Здесь сходились торговые пути из Крита, Малой Азии, Эгейских островов, Греции и Палестины. Отсюда во все стороны распространился, по всей вероятности, культ виноградной лозы. Рассказ о сражениях Диониса в Ливии может свидетельствовать о военной помощи, оказанной гарамантам их греческими союзниками (см. 3,3). Его поход на Индию считался фантастической историей «пьяного» похода Александра к Инду, однако этот поход намного старше и повествует о распространении культа виноградной лозы на восток. Посещение Дионисом Фригии, где Рея подвергла его инициации, говорит в пользу того, что поклонение греков Дионису Сабазию или Бромии имеет фригийское происхождение.

7) Созвездие Северный венец — свадебный венец Ариадны — также называлось «критской короной». Ариадна была критской луной-богиней, и ее «винные» дети от Диониса — Энопион, Фоант, Стафил, Тавропол, Латромида и Эвант — были эпонимами элладских триб, живших на Хиосе, Лемносе, во фракийском Херсонесе и даже дальше (см. 98,о). Поскольку культ виноградной лозы достиг Греции и Эгейского моря

через Крит и *oipos* («вино») — это критское слово, то произошла путаница между Дионисом и критским Загреем, которого при рождении также разрывали на куски (см. 30,а).

8) Разрывание на куски Гипсаса тремя сестрами, представляющими собой женскую триаду в ипостаси нимфы, находит свои параллели в валлийской повести о Пвилле — принце Дифедском, рассказывающей о том, как в майский праздник *рианнон*, чье имя происходит от *Ригантона* («Великая царица»), пожирает жеребенка, который является ее сыном Придери («тревога»). Посейдон был также съеден в образе жеребенка своим отцом Кроном, однако, возможно, была более ранняя версия, в которой его поела собственная мать Рея (см. 7,г). Значение этого мифа сводится к тому, что существовал древний обычай, согласно которому кобыловые менады разрывали на части приносимого ежегодно в жертву мальчика, звавшегося Сабазием, Бромисем или любым другим именем, и пожирали его сырое мясо. Этот обычай уступил место более упорядоченному дионисийскому веселью, причем эта смена произошла за счет того, что вместо мальчика стали приносить в жертву жеребенка.

9) Гранатовое дерево, выросшее из крови Диониса, было также деревом Таммуза — Адониса — Риммона; спелые плоды этого дерева лопаются, нанося открытую рану и обнажая спрятанные внутри семена. Оно символизировало смерть и обещало новую жизнь, когда оказывалось в руках Геры или Персефоны (см. 24,11).

10) Сюжет спасения Дионисом Семелы, переименованной в Тиону, заимствован из изображения церемоний, происходивших в Афинах в честь экстатических женщин. Под звуки песнопений и флейт исполняя танцы, сопровождавшиеся разбрасыванием из корзин цветочных лепестков, жрец призывал Семелу явиться из «омфала» или искусственного кургана в сопровождении «духа весны», т. е. юного Диониса (Пиндар. Фрагмент 75.3). В Дельфах аналогичная церемония, в которой участвовали исключительно женщины, называлась *героиды*, или «праздник героини» (Плутарх. *Греческие вопросы*. 12; Аристофан. *Лягушки*. 373—396 и схолии). Подобный праздник проводился и в храме Артемиды в Трезене. Следует помнить, что луна-богиня имела три разных ипостаси, которые Джон Скелтон охарактеризовал так:

Диана с листьями зелеными,
Луна с лучами просветленными,
И Персефона, что в Аду.

На самом деле Семела — еще одно имя Кору, или Персефоны, чье вознесение из преисподней часто изображалось на греческих вазах, причем на некоторых из них мы видим сатиров, мотыгами помогающих героине появиться. Их присутствие указывает на то, что этот обряд возник у пеласгов. Скорее всего, они откапывали «урожайную бабу», погребенную после сбора урожая и весной дающую зеленые ростки. Кора, разумеется, не возносится на небеса, а бродит по земле вместе с Деметрой, пока не наступит ее срок вернуться в преисподнюю. Однако вскоре после получения Дионисом статуса олимпийского божества, вознесение его девственности-матери становится догмой. В качестве богини она отличается от Кору, продолжавшей свои вознесения и возвращения в преисподнюю, как подобает героине.

11) Лоза была десятым деревом священного древесного года и соответствовала сентябрю, когда отмечался праздник виноделия. Плющ был одиннадцатым деревом, соответствующим октябрю, когда пировали менады и, чтобы опьянеть, жевали листья плюща. Плющ имел особую важность также потому, что, как и четыре других священных дерева: колючий дуб Ила, на котором водится кошениль, ольха Фородея, лоза и гранат Диониса, — использовался при производстве красного красителя (см. 52,3). Феофил, византийский монах (Ругер. *О ремеслах*. 98), говорит, что «поэты и художники любят плющ, потому что в нем сокрыты тайные силы... об одной из которых я скажу. В марте, когда по деревьям поднимаются соки, если проколоть в нескольких местах стебель плюща, из него выделится клейкая жидкость; если ее смешать с мочой и прокипятить, она обретает цвет крови, называемый *lake* и применяемый в живописи и украшении рукописей». Красный краситель использовался также для раскраски лиц мужчин — участников культа плодородия (Павсаний. II.2.5) и царей-жрецов (см. 170,11). В Риме этот обычай сохранился в виде раскрашивания красной краской лица триумфатора. Военачальник в этом случае олицетворял бога Марса, который, прежде чем стать римским богом войны, был весенним Дионисом, и именно в его честь назван весенний месяц март. У английских королей сохраняется традиция накладывать на лицо румяна во время официальных церемоний, чтобы придать лицу здоровый и цветущий вид. Более того, греческий плющ, как и лоза и платан, имеет пятиконечный лист, олицетворяющий творящую длань Земли-богини Реи (см. 53,а). Мирт был деревом смерти (см. 109,4).

Орфей, Ганимед и Загрей

[а] Орфей, сын фракийского царя Загра и музы Каллиопы, был самым известным из когда-либо живших поэтов и музыкантов. Аполлон подарил ему лиру, а музы научили его играть на ней, да так, что он не только очаровывал диких зверей, но и заставлял деревья и скалы двигаться под звуки его музыки. В Зоне, что во Фракии, несколько древних горных дубов так и остались стоять в танце, в том виде, как он их оставил¹.

[б] После посещения Египта Орфей присоединился к аргонавтам и добрался с ними до Колхиды, своей музыкой помогая им преодолевать множество препятствий. По возвращении он женился на Эвридике, которую некоторые называют Агрипой, и поселился среди диких киконов во Фракии².

[с] Однажды неподалеку от Темпы, в долине реки Пеня, Эвридика повстречала Аристея, который захотел овладеть ею силой. Убегая, она наступила на змею и умерла от ее укуса. Но Орфей смело спустился в Тартар в надежде вернуть ее назад. Для своего путешествия он использовал щель, разверзшуюся близ Аорна, что в Феспротиде, и по прибытии в Аид не только очаровал перевозчика Харона, пса Кербера и трех судей мертвых своей горестной музыкой, но и на время прекратил муки осужденных. Пленительная музыка тронула даже грубое сердце Гадеса, и он позволил Эвридике вернуться в мир живых. Гадес поставил лишь одно условие: по пути из Тартара Орфей не должен оборачиваться назад до тех пор, пока Эвридика не выйдет на солнечный свет. Эвридика шла по темному проходу, ведомая звуками лиры, и, уже завидев

солнечный свет, Орфей обернулся, чтобы убедиться, что Эвридика идет за ним, и в тот же миг потерял жену навеки³.

[d] Когда Дионис напал на Фракию, Орфей отказал ему в почестях и проповедовал другие священные таинства, убеждая фракийских мужей в том, что жертвенное убийство — это зло, и находя среди них благодатную почву для своих проповедей. Каждое утро он поднимался на вершину горы Пангей, чтобы приветствовать рассвет, и почитал Гелиоса, которого называл Аполлоном, величайшим среди богов. В македонском Дее Дионис в отместку наслал на него менад. Вначале менады подождали, пока их мужья войдут в храм Аполлона, жрецом которого был Орфей, а затем, захватив оружие мужчин, оставленное у дверей храма, ворвались внутрь, перебили своих мужей и разорвали Орфея надвое. Голову его они швырнули в реку Гебр. В конце концов все еще поющую голову Орфея прибило к острову Лесбос⁴.

[e] Со слезами на глазах музы собрали его останки и погребли в Либетре, у подножья горы Олимп, и соловьи там теперь поют слаще, чем где бы то ни было на свете. Менады попытались смыть с себя кровь Орфея в реке Геликон, но бог реки ушел глубоко под землю, появившись вновь почти через четыре мили и уже под другим названием — Бафира. Так он избежал причастности к убийству⁵.

[f] Говорят, что Орфей осуждал неразборчивость менад и проповедовал любовь к своему же полу, вызвав у Афродиты неменьшую ярость, чем у Диониса. Остальные боги-олимпийцы, однако, не согласились с тем, что убийство Орфея было оправданным, и Дионису удалось сохранить жизнь менадам, только превратив их в дубы, крепко вросшие в землю. Фракийские мужи, избежавшие побоища, решили впредь татуировать своих жен в назидание за убийство жрецов. Этот обычай существует по сей день⁶.

[g] Что касается головы Орфея, то после того, как на нее напал завистливый лемносский змей, которого Аполлон тут же превратил в камень, голову погребли в пещере недалеко от Антиссы, в которой почитали Диониса. В пещере голова пророчествовала и день и ночь до тех пор, пока Аполлон, обнаружив, что никто не приходит к его оракулам в Дельфах, Гринее и Кларе, не пришел и, встав над головой, не закричал: «Перестань вмешиваться в мои дела, ибо довольно я терпел тебя и твои песни!» После этого голова замолчала⁷. Лиру Орфея волны тоже прибили к Лесбосу, где ее возложили на почетное место в храме Аполлона. По просьбе Аполлона и муз лиру поместили на небесах в виде созвездия⁸.

[h] Некоторые рассказывают совсем иначе о смерти Орфея. Они говорят, что Зевс убил его перуном за разглашение божественных секретов. Говорят, что это он ввел мистерии Аполлона во Фракии, Гекаты в Эгине и подземной Деметры в Спарте⁹.

¹ Пиндар. Пифийские оды. IV.176 и схолии; Эсхил. Агамемнон. 1629—1630; Еврипид. Вакханки. 561—564; Аполлоний Родосский. I.28—31.

² Диодор Сицилийский. IV.25; Аполлодор. Мифы. 14,251; Атеней. XIII.7.

³ Аполлодор. Там же; Диодор Сицилийский. Там же; Павсаний. IX.30.3; Еврипид. Алкестида. 357 и схолии.

⁴ Аристофан. Лягушки. 1032; Овидий. Метаморфозы XI.1—85; Конон. Повествования. 45.

⁵ Эсхил. Бассариды. Цит. по: Эратосфен. Превращение в звезды. 24; Павсаний. IX.30.3—4.

⁶ Овидий. Там же; Конон. Там же; Плутарх. Почему божество медлит с воздаянием. 12.

⁷ Лукиан. Против неучей. II; Филострат. Героические деяния. V.704; Жизнь Аполлония Тианского. IV.14.

⁸ Лукиан. Там же; Эратосфен. Там же 24; Аполлодор. Поэтическая астрономия. II.7.

⁹ Павсаний. IX.30.3, II.30.2, III.14.5.

1) Будучи царем-жрецом, Орфей оказывался пораженным перуном, т. е. убитым обоюдоострым топором в дубовой роще в период летнего солнцестояния. Затем его разрывали менады культа быка, как они разрывали Загрея (см. 30,а), или культа оленя, как Актеона (см. 22,і). Менады на самом деле были музами. В классической Греции татуировки сохранились только во Фракии; на вазе, изображающей убийство Орфея менадами, у одной из менад виден маленький олень, вытатуированный на предплечье. Этот Орфей не вступал в конфликт с культом Диониса потому, что сам был Дионисом и играл на простой ольховой дудочке, а не на благородной лире. Так Прокл^{45*} в комментариях к «Государству» Платона пишет: «Являясь основной фигурой дионисийских

^{45*} Прокл (412—485) — греческий философ-неоплатоник родом из Константинополя. Разработал сложную иерархическую систему триад, повлиявшую на систему Псевдо-Дионисия Ареопагита и диалектику Г. В. Ф. Гегеля. Сочинения: «Первоосновы физики», «Первоосновы теологии», комментарии к Гомеру, Гесиоду, Платону, Аристотелю, а также гимны богам.

обрядов, Орфей, как считают, разделял судьбу самого бога». *Аполлодор* (1.3.2) приписывает ему авторство мистерий Диониса.

2) Новый культ солнца как всепорождающего отца, вероятно, пришел на север Эгейского моря вместе с бежавшими жрецами монотеистического культа Эхнатона в XIV в. до н. э. и соединился с местными культами. Вот почему Орфей якобы посещает Египет. Упоминания о таком культе можно найти у Софокла ^{46*} (фрагменты 523, 1017), где к солнцу обращаются как к «древнейшему пламени, дорогому всем фракийским всадникам» и как к «прародителю богов и отцу всех вещей». Вероятно, этот культ встретил довольно энергичное сопротивление со стороны консервативных фракийцев и в некоторых районах страны с жестокостью уничтожался. Однако более поздние орфические жрецы ^{47*}, носившие египетские одежды, называли его полубогом Дионисом и подавали сырое мясо его священного животного — быка. Имя Аполлон они оставляли за бессмертным солнцем, считая, что Дионис — это бог чувств, а Аполлон — бог разума. Это объясняет, почему голова Орфея оказалась в святилище Диониса, а лира — в храме Аполлона. Голова и лира, как сообщается, приплыли к Лесбосу, который славился своей лирической музыкой. Терпандр, древнейший засвидетельствованный исторический музыкант, был родом из Антисса. Нападение змея на голову Орфея либо свидетельствует о противодействии прежнего героя-оракула появлению Орфея в Антиссе, либо о том, что ему противился Пифийский Аполлон, о чем более определенно сказано у Филострата.

3) Смерть Эвридики от укуса змеи и неудача Орфея с возвращением ее в мир солнечного света фигурируют только в более поздних вариантах мифа. Похоже, что они возникли из-за неверного толкования изображений Орфея, которого приветствовали в Аиде, где его музыка настолько очаровала змею-богиню Гекату, или Агриону, что она сделала разные поблажки душам всех посвященных в орфические мистерии; а также из-за ошибочного толкования других изображений, где Дионис,

^{46*} Софокл (496—406 до н. э.) — один из трех великих греческих трагиков. Из 123 драм, написанных им, сохранилось 7 («Трахинянки», «Эдип-царь», «Эдип в Колоне», «Антигона», «Электра» и др.). Показывает трагическое стечение обстоятельств, обусловленное роком; поступки героев психологически мотивирует их характером.

^{47*} Орфические жрецы — служители культа Орфея; философы-орфики — последователи греческого мистического учения, возникшего в 7 в. до н. э. в связи с почитанием Диониса. Легендарным основателем учения считали Орфея. Согласно орфикам, люди возникли из пепла сожженных Зевсом титанов и Диониса—Загрея; спасение дионисийской составляющей, т.е. души, является конечной целью культа.

чьим жрецом был Орфей, спускался в Лид в поисках своей матери Семелы (см. 27,к). От укуса змеи умирает не Эвридика, а ее жертвы (см. 33,1).

4) Месяцем ольхи был четвертый месяц сакрального календаря деревьев, предшествующий месяцу ивы, который связывался с водной магией богини Гелики («ива»; см. 44,1). Ивы дали имя реке Геликон, которая течет вокруг Парнаса и считается священной рекой муз, т. е. триады горной богини вдохновения. Именно поэтому на храмовой росписи в Дельфах Орфей изображен прислонившимся к иве и касающимся ее ветвей (Павсаний. X.30.3). Культ ольхи в Греции выродился очень давно, однако отголоски его сохранились еще в классической литературе: ольхой зарос остров смерти колдуньи-богини Кирки (Гомер. *Одиссея*. V.64,239). В Колхиде ей принадлежит кладбище под сенью ив (Аполлоний Родосский. III.200; см. 152,в). Как указывает Вергилий, сестры Фазтона превратились в заросли ольхи (см. 42,3).

5) Однако это не означает, что обезглавливание Орфея не больше, чем метафора, за которой скрывается обрубленная ветвь ольхи. Царя-жреца обязательно разрубали на куски, и у фракийцев вполне мог иметь место обычай, который до сих пор существует у ибан-даяков Саравака. Когда мужчины возвращаются домой после успешного похода за головами, женщины ибан используют трофеи для заклинаний, призванных повысить урожай риса. Голову заставляют петь, скорбеть, отвечать на вопросы, ей оказывают всяческое внимание, пока она не согласится занять место в прорицалище и давать советы по всем важным проблемам, а также (как и головы Эврисфея, Брана и Адама) отпугивать нападающего врага (см. 146,2).

[а] Ганимед, сын Троса, именем которого названа Троя, был самым прекрасным из когда-либо живших на земле юношей, и поэтому боги оказали ему честь быть виночерпием Зевса. Говорят также, что Зевс, возжелав иметь Ганимеда в своей постели, спрятался под орлиными перьями и похитил юношу, гулявшего по троянским лугам¹.

[б] В уплату за потерянного сына Гермес от имени Зевса подарил Тросу золотую лозу работы Гефеста и двух прекрасных коней и убедил его, что отныне его сын становится бессмертным, его не коснутся невзгоды старости и он будет всегда с улыбкой подносить в золотой чаше игристый нектар отцу небес².

[с] Некоторые утверждают, что вначале Эос похитила Ганимеда, чтобы сделать его своим возлюбленным, но Зевс отнял у нее юношу. Как бы там ни было, Гера посчитала появление Ганимеда в качестве виночерпия как оскорбление для себя и своей дочери Гебы и до тех пор досаждала Зевсу, пока он не поместил изображение Ганимеда среди звезд в виде созвездия Водолея³.

¹ Гомер. *Илиада*. XX.231—235; *Аполлодор*. III.12.2; *Вергилий*. *Энеида*. V.252 и след.; *Овидий*. *Метаморфозы*. X.155 и след.

² *Еврипил*. *Орест*. 1391 и схолии; *Гомер*. *Илиада*. V.266; *Гомеровский гимн к Афродите*. 202—217; *Аполлодор*. II.5.9; *Павсаний*. V.24.1.

³ *Аполлоний Родосский*. III.115 и схолии; *Вергилий*. *Энеида*. I.32 и схолии; *Аполлодор*. *Мифы*. 224; *Вергилий*. *Георгики*. III.304.

1) Обязанности Ганимеда как виночерпия всех богов — а не только Зевса, как об этом сообщается в раннем изложении мифа, — а также пара коней, подаренных царю Тросу в качестве компенсации за его смерть, говорят о том, что произошло неправильное прочтение древнего изображения, на котором новый царь готовился к священному браку. В чаше Ганимеда содержался напиток, которым поминали его царственного предшественника, а руководивший церемонией жрец, которому Ганимед оказывает символическое сопротивление, был неверно воспринят как любвеобильный Зевс. Таким же образом ожидающая невеста превратилась в Эос благодаря мифографу, который знал сюжет, где Эос похищает Титона, сына Лаомедонта, поскольку Еврипид (*Троянки*. 822) называет Лаомедонта еще и отцом Ганимеда. С таким же успехом картина могла изображать брак Пелея с Фетидой, за которой боги наблюдают со своих двенадцати тронов; пара коней — это принадлежность ритуала, во время которого участник сначала переживает свою условную смерть, а затем возрождается в качестве царя (см. 81,4). Пресловутое похищение Ганимеда орлом объясняет одна из найденных в этрусском городе Цере чернофигурных ваз: орел у бедра только что возведенного на трон царя по имени Зевс является олицетворением божественной природы царя, его *ka*, или второе «я», что сближает его с солнечным соколом, который слетает к фараону во время коронации. Однако традиционное упоминание о юности Ганимеда говорит в пользу того, что царь на таком изображении лишь заменяет настоящего царя — это интеррекс, правящий только в течение одного дня, как Фаэтон (см. 42,2), Загрей (см. 30,1), Хрисипп (см. 105,2) и другие. Поэтому орел Зевса — это не только признак воцарения, но и птица, которая доставляет царя на Олимп.

2) Вознесение на небеса на спине орла или в образе орла — это широко распространенный религиозный сюжет. Он пародируется в «Мире» Аристофана (1 и след.), где главный герой отправляется верхом на скарабее. Душа кельтского героя Луга, который в «Мабиногион» фигурирует под именем Лу-Ллау, орлом взлетает на небеса, когда танист убивает его в день летнего солнцеворота. После священного брака в Кише вавилонский герой Этана верхом на орле отправляется в небесные чертоги Иштар, но падает в море и тонет. Его смерть, между прочим, — это не обычное ежегодное жертвоприношение, как, например, смерть Икара (см. 92,3), а наказание за плохой урожай во время его царствования, и отправляется он за волшебной травой плодородия. Эта история вилетена в сюжет

непрекращающейся борьбы между орлом и змеем, которые символизировали новый и старый год или царя и таниста, а в мифе о Ллу-Лау, после последнего вздоха во время зимнего солнцестояния, орел вновь с помощью магии обретает жизнь и прежнюю силу. Недаром в Псалме 103 говорится: «...обновляется подобно орлу юность твоя».

3) Миф о Зевсе и Ганимеде приобрел необычайную популярность в Греции и Риме, поскольку в нем видели религиозное оправдание страсти мужчин к мальчикам. До этого времени сексуальные извращения допускались только как крайняя форма поклонения богине: жрецы Кибелы, желая достичь экстатического единства с ней, подвергали себя оскотлению и носили женские одежды. Практиковавшее эти крайности жречество было узаконено в храмах Великой богини в Тире, Джоппе, Иераполе и Иерусалиме (3 Цар.15:12; 4 Цар. 23:7) вплоть до Вавилонского пленения. Эта новая страсть, виновником которой *Аполлodor* называет Фамирида (см. 21, m), еще больше подчеркивает победу патриархата над матриархатом. Греческая философия превратилась в связи с этим в своего рода интеллектуальную игру, в которой мужчины вполне могли обходиться без женщин, поскольку для них неожиданно открылась область гомосексуального влечения. На эту тему много писал Платон, используя миф о Ганимеде, чтобы объяснить собственные sentimentальные чувства по отношению к своим ученикам (*Федр.* 279a—b). Но в других произведениях он заклеил однополую любовь как противоречащую человеческой природе, и миф о том, что Зевс тоже отдал ей должное, назвал злобной выдумкой критян (*Законы.* I.636d). В этом он нашел поддержку у Стефана Византийского [под словом *Гарпагия*], который пишет, что критский царь Минос похитил Ганимеда, чтобы сделать из него напарника для своих ночных развлечений, «получив на это разрешение от Зевса». С распространением философии Платона женщины, до тех пор занимавшие в интеллектуальном плане ведущие позиции в греческом обществе, превратились в бесплатную рабочую силу, рожаящую вдобавок детей, тогда как Зевс и Аполлон окончательно занимают ведущее положение среди богов.

4) Имя Ганимед, скорее всего, связано с возникающим чувством в преддверии брака, а не со страстью, которую испытывал Зевс, принимая кубок с освежающим нектаром из рук своего любимца. В латинском языке от слова *Ганимед* произошло слово *calamitus*, а из него английское *calamite*, означающее пассивный объект мужского гомосексуального влечения.

5) Созвездие Водолей, которое связывают с Ганимедом, первоначально считалось египетским богом истока Нила, выливающим из сосуда не вино, а воду; замещение же произошло потому, что греки были практически безразличны к Нилу.

6) Нектар Зевса, который позднейшие мифографы описывают как волшебное красное вино, на самом деле был примитивным медовым напитком (см. 27,2), а амброзия, считавшаяся непревзойденной пищей богов, скорее всего, была ячменной кашей, заправленной растительным маслом и измельченными фруктами (см. 98,6), которой баловали себя цари, когда их подданные все еще довольствовались асфоделью (см. 31,2), мальвой и желудями.

[а] Загрея тайно зачала Персефона от Зевса еще до того, как приходившийся ей дядей Гадес унес ее в свое подземное царство. Зевс распорядился, чтобы сыновья Рси — критские куреты или, как утверждают некоторые, корибанты, сторожили колыбель с младенцем в пещере на горе Ида, прыгая вокруг него и бряцая оружием, как делали это раньше, прыгая вокруг самого Зевса на горе Дикта. Однако враги Зевса титаны, чтобы остаться неузнанными, выкрасились белым гипсом и стали ждать, когда куреты заснут. В полночь они выманили Загрея с помощью детских игрушек: шишки, раковины, золотых яблок, зеркала, бабок и клока шерсти. Загрей не выказал слабости перед набросившимися на него титанами и, чтобы обмануть их, начал менять свой облик. Сначала он превратился в Зевса в накидке из козьих шкур, затем — в Крона, творящего дождь, во льва, коня, рогатого змея, тигра и, наконец, в быка. В этот момент титанам удалось крепко схватить его за рога и ноги, разорвать на части и пожрать его сырую плоть.

[б] Афина прервала это ужасное пиршество, когда оно уже подходило к концу. Ей удалось спасти сердце Загрея, вложить его в гипсовую фигуру и вдохнуть в нее жизнь. Так Загрей обрел бессмертие. Кости его были собраны и погребены в Дельфах, а Зевс перунами поразил всех титанов¹.

¹ Диодор Сицилийский. V.75.4; Понн. Деяния Диониса. VI.209 и след., XXVII.228; Цец. Схолии к Ликофрону. 355; Евстафий. Об «Илиаде» Гомера. II.735; Фирмик Матерн. Об ошибочности языческих религий. VI; Еврипид. Критяне. Фрагмент 472.

1) Этот миф повествует о ежегодном принесении в жертву мальчика, имевшем место на Крите, причем мальчик заменял царя-быка Миноса. Мальчик царствовал всего один день, затем участвовал в танце, символизировавшем пять времен года — льва, козы, коня, змея и тельца, после чего его заживо съедали. Все игрушки, с помощью которых титаны выманили Загрея, — это предметы, которыми пользовались философы-орфики, перенявшие обычай такого жертвоприношения, однако вместо мальчика поедали мясо бычка. Раковина была не настоящей, а представляла собой продырявленный камень или особой формы керамический предмет, в который дули, чтобы получить звук, напоминающий сильный порыв ветра, а клочок шерсти вполне был пригоден для того, чтобы наносить на куретов слой мокрого гипса, причем куретами были юноши, которые в знак воздержания приносили прядь волос в жертву богине Кар (см. 95,5). Их также называли корибантами, что значит «украшенные гребешком танцоры». Другие дары, полученные Загреем, призваны объяснить смысл церемонии, во время которой ее участники достигают единения с божеством: шишка была древним символом богини, в честь которой титаны приносят в жертву Загрея (см. 20,2); зеркало должно отражать второе «я» каждого участника церемонии инициации или его дух; золотые яблоки — это пропуск в Элисиум после ритуальной смерти, а бабки символизируют гадательные способности (см. 17,3).

2) Критский гимн, не так давно обнаруженный около Диктейской пещеры, неподалеку от Палекастро, содержит обращение к Кронида, величайшему из юношей, кто танцует и прыгает вместе со своими властителями, чтобы большой урожай приносили поля и стада и чтобы рыбаки возвращались с богатым уловом. Джейн Гаррисон в своей работе «Фемида» высказывает предположение, что одетые в доспехи предводители, о которых упоминает этот гимн и которые «взяли тебя, бессмертное дитя, от Рси», просто делают вид, что хотят убить и съесть жертву, которой является юноша, подвергающийся инициации при вступлении в их тайное общество. Однако все подобные ритуальные смерти во время церемоний инициации, которые бытовали в различных частях света, основываются на традиции реальных человеческих жертвоприношений. От простых членов тотемного братства Загрея отличают только календарные превращения.

3) Несканонический тигр в превращении Загрея указывает на его идентичность Дионису (см. 27,е), о смерти и возрождении которого

повествует такая же история, с той лишь разницей, что на этот раз мясо варится, а не съедается сырым, и в пиршество вмешивается не Афина, а Рея. Дионис также был рогатым змеем — у него при рождении были рога и змеиные кудри (см. 27,а), и поклонявшиеся ему орфики ритуально поедали его в образе быка. Загрей превратился в Зевса в накидке из козьих шкур потому, что Зевс или заменяющий его мальчик вознесся на небеса в накидке, сделанной из шкуры козы Амалфеи (см. 7,б). Крон, *творящий дождь* — указание на то, что в церемониях вызывания дождя использовались трещотки. В этом контексте титаны — это куреты, изменившие свое обличье настолько, чтобы дух жертвы не смог их узнать. Когда человеческие жертвоприношения вышли из употребления, Зевс предстал мечущим молнии в титанов в связи с их враждебным отношением к нему. Ни один из орфиков, вкусив однажды от плоти бога своего, уже никогда больше не прикасался ни к какому мясу.

4) Загрей— Дионис был также известен в южной Палестине. В соответствии с табличками из Рас-Шамры Астар временно оказался на небесном троне, пока бог Ваал томился в подземном мире, вкусив от пищи мертвых. Астар был еще ребенком и, сидя на троне, не доставал ногами даже до подножия; вернувшийся Ваал убил его палицей. Законы Моисея запретили церемонии инициации в честь Астара: «Не вари козленка в молоке матери его» — гласит трижды повторенный приказ (Исх. 23:19; 24:26; Втор.14:21).

Боги подземного мира и судьбы

[а] Когда тени умерших спускаются в Аид, они минуют рошу из черных тополей на берегу Океана. Для каждой из них благочестивыми родственниками припасена монетка, которая, согласно традиции, кладется под язык покойного. Тени таким образом получают возможность заплатить Харону — скупому перевозчику, который должен перевезти их на утлой лодчонке через реку Стикс. Эта ненавистная для всех река ограничивает Аид с запада¹, принимая в себя воды Ахерона, Флегетона, Кокита, Аорнита и Леты, являющихся ее притоками. Если тень умершего окажется без денег, ей так и придется коротать время на берегу или, сбежав от проводника теней Гермеса, спуститься в Лид где-нибудь в другом месте, например через лаконийский Тенар² или феспротийский Аорн. Трехглавый (а некоторые утверждают, что пятидесятиглавый) пес по имени Кербер несет сторожевую службу на противоположном берегу Стикса, одинаково готовый сожрать и живых, стремящихся проникнуть в царство мертвых, и тени мертвых, если они попытаются сбежать из Аида³.

[b] Попавшие в Аид оказываются на безрадостных Асфоделевых лугах, где души героев бесцельно бродят среди бесчисленных толп менее знаменитых мертвых, издающих писк, словно мыши, и только у Ориона есть еще желание охотиться на оленя-призрака⁴. Любо́й из умерших предпочел бы участи правителя всего Аида участь раба безземельного крестьянина. Одна радость для них — напиться живой крови: произведя такие возлияния, они ощущают себя живыми. За этими лугами лежит Эреб с дворцом Гадеса и Персефоны. Все, кто приближается к дворцу,

видят слева от него белый кипарис, отбрасывающий тень в Лету, куда души простых смертных приходят пить. Души прошедших инициацию избегают пить из Леты, предпочитая пить из реки Памяти, куда отбрасывает тень белый тополь [?], что дает им определенные преимущества перед остальными⁵. Неподалеку, у распутия трех дорог, сидят Минос, Радамант и Эак и судят прибывающие тени мертвых. Радамант судит азиатов, Эак — европейцев, а в наиболее сложных случаях им на помощь приходит Минос. После вынесения приговора тени направляются по одной из трех дорог. Если жизнь их нельзя назвать ни праведной, ни неправедной, то такие мертвые отправляются по дороге, которая ведет назад, на Асфоделсы луга. Если же человек прожил жизнь неправедно, его тень отправляется по дороге, ведущей к полю мук. Души праведников направляются по дороге в Элисиум.

[с] Элисиум, где правит Крон, расположен рядом с владениями Гадеса, и, хотя вход в него находится у реки Памяти, он ничего общего с Аидом не имеет. Это счастливая земля незаходящего солнца, где нет ни холода, ни снега и где не прекращаются игры, музыка и пиры, причем обитатели Элисиума, если только пожелают, могут повторно родиться на земле. Неподалеку от Элисиума находятся Острова Блаженных, куда попадают только те, кто трижды испытал перевоплощение в обоих мирах⁶. Некоторые говорят, что счастливый остров — это остров Левка в Понте Эвксинском, расположенный напротив устья Истра. Этот лесистый остров полон диких и прирученных зверей, на нем живут тени Елены и Ахилла, устраивающие пиры и читающие гомеровские стихи героям, которые принимали участие в описываемых им событиях⁷.

[d] Гадес, ревниво оберегающий свои права, поднимается вверх только по делам или же когда он не может побороть в себе очередное любовное увлечение. Однажды его золоченая колесница, запряженная четверкой черных коней, произвела большое впечатление на нимфу Менту. Гадес уже собирался воспользоваться легкой победой, как тут явилась Персефона и обратила Менту в «душистую мяту»⁸. В другой раз Гадес решил силой овладеть нимфой Левкой, но бдительная супруга обратила ее в белый тополь, растущий над рекой Памяти. Никому из своих подданных он не разрешает покидать его владения, и описание Аида известно только по рассказам тех немногих, кому удалось вернуться оттуда живым. Поэтому Гадес стал богом, которого люди не любят более всего.

[е] Гадес никогда не знает, что происходит на земле или на Олимпе⁹, отрывочные сведения доходят до него лишь в тех случаях, когда смертные

стучат по земле кулаками и тревожат его своими клятвами или проклятьями. Из имеющегося у него в наличии имущества более всего он дорожит шлемом-невидимкой, подаренным ему киклопами в знак признательности за то, что он согласился освободить их по приказу Зевса. Ему принадлежат все драгоценные металлы и камни, спрятанные в земле, но наверху ему не принадлежит ничего, кроме нескольких мрачных греческих храмов и, кажется, стада на острове Эритея, хотя некоторые утверждают, что это стадо на самом деле Гелиоса¹⁰.

[f] Царица подземного царства Персефона бывает доброй и милосердной. Она верна Гадесу, но у нее нет от него детей, и поэтому она предпочитает общество Гекаты, богини колдовства¹¹. Даже сам Зевс настолько уважал Гекату, что никогда не оспаривал ее древнего права давать или не давать смертным то, что они пожелают. У нее было три тела и три головы — львиная, собачья и кобылья¹².

[g] Эринии по имени Тисифона, Алекто и Мегера живут в Эрбе. Они старше Зевса и всех остальных олимпийцев. В их обязанности входит выслушивать жалобы смертных о случаях непочитания младшими старших, детьми родителей, хозяевами гостей или унижения владельца имений или городскими властями тех, кто обратился к ним за помощью. Виновных в таком преступлении эринии гнали из города в город, не давая им ни минуты, чтобы перевести дух или отдохнуть. Эти эринии были старухами с извивающимися змеями вместо волос, собачьими головами, черными, как уголь, телами, крыльями, как у летучих мышей, и налитыми кровью глазами. В руках они держали усеянные бронзовыми гвоздями плети, и жертвы их умирали мучительной смертью¹³. Было бы неосмотрительно называть их по имени в разговоре, поэтому их обычно называли эвменидами, т. е. «добрыми», так же как Гадеса называют *Плутоном* — «богатым».

¹ Павсаний. X.28.1.

² Аполлодор. II.512; Страбон. VIII.1.

³ Гомер. Илиада. VIII.368; Гесиод. Теогония. 311; Аполлодор. Там же; Еврипид. Геракл. 24.

⁴ Гомер. Одиссея. XI.487—491, 539, 572—575.

⁵ Орфическая табличка из Петелии.

⁶ Платон. Горгий. 523а и примеч. 82; Пиндар. Олимпийские оды. II.68—80; Гесиод. Труды и дни. 167.

⁷ Павсаний. III.19.11; Филострат. Диалог о героях. X.32—40.

⁸ *Страбон*. VIII.3.14; *Сервий*. Комментарий к «Буколикам» Вергилия. VII.61.

⁹ *Гомер*. Илиада. IX.158—159, XX.61.

¹⁰ *Гомер*. Илиада. IX.567 и след.; *Аполлодор*. II.5.10; Схолии к «Истмийским одам» *Пиндара*. VI.32.

¹¹ *Аполлоний Родосский*. III.529; *Овидий*. *Метаморфозы*. XIV.405; Схолии к «Идиллиям» *Феокрита*. II.12.

¹² *Гесиод*. *Теогония*. 411—452.

¹³ *Аполлодор*. I.1.4; *Гомер*. Илиада. IX.454—457, XV.204, XIX.259; *Одиссея*. II.135, XVII.475; *Эсхил*. *Эвмениды*. 835 и *Хозфоры*. 290, 924; *Еврипил*. *Орест*. 317 и след.; Орфический гимн. LXVIII.5, LXIX.

1) Мифографы проявили недюжинную смелость в попытке объединить противоречивые взгляды на жизнь после смерти, бытовавшие у первобытных людей, населявших Грецию. Согласно одной точке зрения, тени умерших живут в могилах, подземных пещерах или глубоких разломах, где они могут принимать вид змей, мышей, летучих мышей, но никогда не могут вновь превращаться в людей. По другой версии, души царей-жрецов обитали в определенной зримой форме на островах мертвых. Третья точка зрения была такова: тени мертвых снова могут стать людьми, если они войдут в бобы, орехи или рыбу, которые будут съедены их будущими матерями. По четвертому поверью, тени умерших уходят далеко на север, где никогда не светит солнце, и иногда возвращаются в виде оплодотворяющих дождей. По пятой версии тени мертвых уходили далеко на запад, где солнце садится в Океан и существует мир духов, похожий на обычный мир. Шестая точка зрения гласит, что мертвые получают наказание в зависимости от того, как они прожили свою жизнь. К этому варианту орфики в свое время добавили теорию метемпсихоза, или переселения душ, причем сам процесс переселения можно в некоторой степени контролировать, используя соответствующие магические формулы.

2) Персефона и Геката олицетворяли надежду доэллинического населения на возрождение после смерти, однако родившийся среди эллинов образ Гадеса символизировал неминуемость смерти. Крон, несмотря на его кровавые похождения, наслаждается радостями Элисиума, поскольку это всегда считалось привилегией царя-жреца. Те же радости обещаны Менелаю (*Одиссея*. IV.561) не потому, что он отличался необычной добродетелью или храбростью, а потому что женился на Елене — жрице

спартанской луны-богини (см. 159,1). Гомеровское прилагательное *asphodelos* («асфоделевый») относится только к *leimones* («луга»). За исключением Аркадии (где основную пищу составляли желуди), корни и семена асфодели, которые приносили первоначально в жертву теням умерших, приобрели в Греции повсеместное применение и просуществовали вплоть до появления зерновых. Асфодель^{48*} хорошо растет даже на безводных островах, а тени умерших, как и боги, были довольно консервативны в вопросах питания.

3) Кербер — это греческий вариант Анубиса, собакоголового сына ливийской богини смерти Нефтиды, которая провожала души умерших в подземный мир. В европейском фольклоре, который частично имеет ливийские корни, души отверженных изгонялись в северный ад свирепой сворой собак — гончими Аннума, Герне, Артура или Гавриила — миф, рожденный шумным летним перелетом диких гусей к местам кладки яиц за полярным кругом. Кербер был первоначально пятидесятиголовым, как и свора, которая разорвала Актеона (см. 22,1); однако позже он становится трехглавым, как и его хозяйка Геката (см. 134,1).

4) Стикс («ненавистный») — это небольшой ручеек в Аркадии, воды которого считались смертельно ядовитыми. В Аиде его помещали только поздние мифографы. Ахерон («поток печали») и Кокит («стенающий») — это вымышленные имена, призванные показать неприглядность смерти. Лета означает «забыть». Флегетон («пылающий») относится к обычаю кремации или к поверью, согласно которому грешники сгорают в потоках лавы.

5) Черные тополя были священными деревьями богини смерти (см. 51,7; 170,1); белые тополя или осины были посвящены Персефоне как богине возрождения или Гераклу за его деяния в подземном мире (см. 134, f). Следует добавить, что головные золотые украшения в форме осиновых листьев были обнаружены в месопотамских погребениях, датированных IV тысячелетием до н. э. Орфические таблички не называют дерево, росшее у реки Памяти. Возможно, это белый тополь, в который была превращена Левка, но не исключено, что это орешина, являвшаяся символом мудрости (см. 86,1). Древесина белого кипариса считалась неподдающейся порче, и поэтому из нее изготавливали сундуки и гробы.

^{48*} Асфодель — растение семейства лилейных. Загробный луг, по которому блуждают души умерших, считался усеянным цветами асфодели, полевым цветком, распространенным на юге Европы.

6) Храм Гадеса находился у подножья горы Менте в Элиде, и сюжет похищения им Менты («мята»), вероятно, возник в связи с использованием мяты в похоронных обрядах вместе с розмарином и миртом, чтобы заглушить дух разложения. Ячменный напиток, который пила Деметра в Элевсине, также был приправлен мятой (см. 24,е). Хотя Гадес и получил солнечное стадо на острове Эриффея («красная земля»), — поскольку именно там солнце умирало на ночь, — в этом контексте Гадеса чаще называют Кроном или Герионом (см. 132,3).

7) Гесиод говорит о Гекате, правящей на небесах, на земле и в море, однако эллины подчеркивали ее разрушительные силы, приизив созидательное начало, и с некоторых пор она стала фигурировать только в тайных обрядах, связанных с черной магией, особенно в тех местах, где сходились три дороги. Тот факт, что Зевс не отрицал за ней древнего права исполнять самые сокровенные желания смертных, объясняется тем суеверным ужасом, которым были окружены фессалийские колдуньи.

8) Спутницы Гекаты — эринии — олицетворяли муки совести после нарушения табу. Поначалу это был просто запрет, не допускающий нанесения обиды, проявления непослушания или насилия в отношении матери (см. 105,к; 114,1). Путники, ищущие пристанища, а также нашедшие его, находились под защитой Гестии — богини очага (см. 20,с), и плохое к ним отношение означало непослушание богине и ее оскорбление.

9) Левка — крупнейший остров в Понте Эвксинском, что не мешает ему иметь крохотные размеры. Сейчас на нем нет ни одного деревца и размещена румынская исправительная колония (см. 164,3).

[а] Тюхе — дочь Зевса, которой он предоставил право решать судьбу смертных. Одних она осыпает дарами из рога изобилия, других лишает даже того, что у них есть. В своих поступках она крайне безответственна и любит жонглировать шаром, который демонстрирует непредсказуемость случая: раз — вверх, раз — вниз. Но если случалось так, что она начала выказывать свое расположение к кому-либо из людей и тот хвастался несметностью своих богатств, при этом не принося жертвы богам и не стараясь облегчить участь бедных, то появлялась древняя богиня Немесида и заставляла его испытать унижение¹. Немесида считала своим домом Рамнунт в Аттике и носила яблоневою ветвь в одной руке и колесо в другой; ее серебряную корону украшали олени, с пояса свешивалась плеть. Она была дочерью Океана и красотой чем-то походила на Афродиту.

[б] Некоторые говорят, что Зевс однажды воспылил страстью к Немесиде и начал преследовать ее и на земле, и на море. И хотя она постоянно меняла обличье, ему все-таки удалось удовлетворить свою страсть, приняв образ лебедя; из яйца, снесенного Немесидой, родилась Елена, из-за которой началась Троянская война².

¹ Пиндар. Олимпийские оды. XII.1—2; Геродот. I.34, III.40; Аполлоний Родосский. IV.1042—1043; Софокл. Филоктет. 512.

² Павсаний. I.33.3; Киприи цит. Атенеум. 334b; Аполлодор. III.7.

1) Тюхе («удача»), как и Дике и Айдос (персонификация «естественного закона», «справедливости» и «стыда»), была искусственным

божеством, введенным древними философами, тогда как Немесида («неотвратимое возмездие») была нимфой — богиней моральной смерти (см. 18,4), которую философская мысль преобразовала в силу, осуществлявшую нравственный контроль над Тюхе. Когда солнечный круг совершит пол-оборота, царь-жрец, находящийся на вершине своего величия, оказывается перед лицом смерти, о чем извещают олени Актеона на короне богини (см. 22,i). Когда колесо совершает полный оборот, месть царя обрушивается на соперника, который занял его место. Плеть богини раньше использовалась в ритуальном бичевании, совершавшемся с целью получения хорошего урожая фруктов и зерновых, а яблоневая ветвь служила пропуском для царя в Элизиум (см. 53,5; 80,4; 133,4).

2) Преследуемая Зевсом Немесида (см. 62,b) — это не философская концепция божественного возмездия за человеческое высокомерие, а древняя нимфа-богиня, обычно именуемая Ледой. В доэллинической мифе богиня преследовала царя-жреца, и хотя тот претерпевал сезонные трансформации (см. 30,1), богиня соответствующим образом меняла свое обличье и все-таки пожирала царя в день летнего солнцестояния. В эллинической мифе произошла смена ролей: бежала богиня, меняя свое обличье, а царь преследовал ее и в конце концов добивался своего, как в истории с Зевсом и Метидой (см. 9,d) или Пелеем и Фетидой (см. 81,k).

3) Философская Немесида почиталась в Рамнунте, где, как пишет Павсаний (I.33.2—3), предводитель персов решил в ознаменование завоевания Аттики поставить монумент из белого мрамора, но, услышав о поражении персидского флота у острова Саламин, спешно ретировался из города, и местные жители использовали завезенный белый мрамор для создания статуи местной нимфы-богини Немесиды. Не исключено, что именно после этого события Немесида стала олицетворять «божественное возмездие», а не разыгрывание ежегодной драмы со смертельным исходом. По крайней мере, для Гомера *nemesis* было не больше чем простое человеческое чувство, в соответствии с которым плата всегда должна была вноситься, а обещанное исполняться. Однако у нимфы-богини Немесиды имелся эпитет *Адрастея* («неотвратимая», см. Страбон. XIII.1.13), причем так же звали присмную мать Зевса — ясеневую нимфу (см. 7,b). Поскольку ясеневые нимфы и эринии были сестрами, так как и те и другие родились из крови Урана, то становится понятным, почему Немесида стала олицетворением идеи возмездия.

Ясень был одним из сезонных перевоплощений богини, причем очень важным для почитавших ее пастушеских племен, которые связывали его с периодом гроз и с месяцем окота — третьим месяцем священного года (см. 52,3).

4) Немесиду считают одной из дочерей Оксана, поскольку, будучи нимфой-богиней с яблоневой ветвью, она также оказывалась рожденной из моря Афродитой, сестрой эриний (см. 18,4).

Чудовища

[а] Пятьдесят nereid — эти ласковые и благодетельные спутницы морской богини Фетиды — были русалками, дочерьми нимфы Дориды и Нерея — морского старика-прорицателя, который мог менять свое обличье¹.

[b] Форкиды — дети Кето и Форкия, который также был морским кудесником, приходились родственниками nereidам. К их числу относят Ладона, Ехидну, трех обитавших в Ливии горгон и трех грай. Некоторые причисляют к ним еще гесперид. Горгон звали Сфено, Эвриала и Медуза, причем в свое время все они были красавицами. Однажды ночью Медуза возлегла с Посейдоном, и Афина, рассерженная тем, что встреча их происходила в одном из ее храмов, превратила Медузу в крылатое чудовище с горящими глазами, огромными зубами, высывающимся языком, ужасными когтями и змеями вместо волос. Одно ее взгляда было достаточно, чтобы человек превратился в камень. Когда наконец Персей обезглавил Медузу и из ее мертвого тела появились дети Посейдона Хрисаор и Пегас, Афина прикрепила отрубленную голову к своей эгиде; некоторые, правда, утверждают, что эгида была сделана из кожи Медузы, содранной самой Афиной².

[c] Грай имели приятную наружность и напоминали собой лебедиц, но у них от рождения были седые волосы и один глаз и один зуб на троих. Звали их Энио, Пемфредо и Дино³.

[d] Три геспериды по имени Геспера, Эгла и Эрифия жили в далеком саду на Западе, который мать-Земля подарила Гере. Некоторые называют их дочерьми Ночи, другие называли их родителями Атланта и дочь Геспера — геспериду. Были они сладкоголосы⁴.

[e] Ехидна была наполовину прекрасной женщиной, наполовину — пятнистой змеей. Когда-то она жила в глубокой пещере, в горных Аримах, где поедала людей. От своего мужа Тифона она родила несколько чудовищ. Когда она спала, ее убил стоглазый Аргус⁵.

[f] Ладон был настоящим змеем, хотя умел говорить по-человечески. Он сторожил золотые яблоки гесперид, и его настигла стрела Геракла⁶.

[g] Нерей, Форкий, Тавмант, Эврибия и Кето были детьми, рожденными матерью-Землей от Понта, поэтому форкиды и нерсиды считают себя родственниками гарпий. Это были прекраснотелые и быстрокрылые дочери Тавманта и океаниды Электры, которая передает эриниям преступников для наказания. Живет она в пещере на Крите⁷.

¹ Гомер. Илиада. XVIII.36 и след.; Аполлодор. I.2.7.

² Гесиод. Теогония. 270 и след., 333 и след.; Аполлодор. II.4.3; Овидий. Метаморфозы. IV.792—802; Схолии к Аполлонию Родосскому. IV.399; Еврипид. Ион. 989 и след.

³ Гесиод. Теогония. 270—274; Аполлодор. II.4.2.

⁴ Гесиод. Теогония. 215, 518; Диодор Сицилийский. IV.27.2; Еврипид. Геракл. 394.

⁵ Гомер. Илиада. II.783; Гесиод. Теогония. 295 и след.; Аполлодор. II.5.11.

⁶ Гесиод. Теогония. 333—335; Аполлоний Родосский. IV.1397; Аполлодор. II.5.11.

⁷ Аполлодор. I.2.6; Гесиод. Теогония. 265—269; Гомер. Одиссея. XX.77—78; Аполлоний Родосский. II.298—299.

1) Вероятно, именование луны-богини Эвриномой («широкое правление») объявляет ее правительницей неба и земли; она же — Эврибия («широкая сила») — правительница моря; Эвридика («широкая справедливость») — правительница подземного мира. Смерть Ехидны от руки Аргуса, возможно, указывает на подавление культа змеиной богини аргивян. Ее брат Ладон — змей-прорицатель — является атрибутом любого райского сада — он кольцами обвивается вокруг яблони (см. 133,4).

2) Среди прочих морских именовании Эврибии — Фетида или, как вариант, Тефида; Кето — образ морского чудовища, соответствующего древнееврейской Раав и вавилонской Тиамат (см. 73, 5); Нерейда — божество влажной стихии; Электра — «добытчица янтаря», столь высоко

ценимого древними (см. 148,11); Тавмант — «чудесный». Нерей по прозвищу Протей («перворожденный») — это морской чародей-прорицатель. Похоже, что он был прорицающим царем-жрецом, которого хоронили на ближайшем к берегу острове (см. 133,d); на древней вазописи он изображался с рыбьим хвостом в сопровождении льва, оленя и появляющейся из его тела змеи. В «Одиссее», как и в других произведениях, Протей претерпевает превращения, каждое из которых соответствует определенному времени года, в начале которого царь-жрец ритуально рождается, а в конце — ритуально умирает (см. 30,1).

3) Пятьдесят nereид, вероятно, были пятьюдесятью жрицами богини луны, и их магические обряды должны были обеспечить хороший улов рыбы. Горгоны олицетворяли женскую божественную триаду и носили отпугивающие маски — хмурое лицо с горящими глазами и высунутым между оскаленных зубов языком, — чтобы посторонние случайно не увидели мистерий, посвященных триаде (см. 73,7). Для героев Гомера существовала только одна горгона, чья тень обитала в Аиде (*Одиссея*. XI.633—635), а голова, так напугавшая Одиссея (Там же. 634), оказалась на эгиде Афины для того, чтобы не позволить любопытным проникнуть в тайны скрытых за ней божественных мистерий. Греческие пекари рисовали маски горгоны на своих печах, чтобы никто лишний раз не открывал дверцу печи и не нарочно не испортил хлеб сквозняком.

4) Сюжет рождения Пегаса от Медузы и Посейдона напоминает другой сюжет, согласно которому Посейдон покрыл Деметру, принявшую образ кобылицы. Она, негодуя на такое с ней обращение, родила от него жеребца Арейона (см. 16,f). Оба мифа описывают, как поклонявшиеся Посейдону эллины силой брали в жены жриц луны-богини, несмотря на то что те носили маски горгоны. От них эллины переняли обряды вызывания дождя, являвшиеся частью культа коня. Однако в Фенее в каменном сундуке хранилась маска Деметры, которую надевал жрец Деметры во время церемонии побивания палками духов подземного мира (Павсаний. VIII.15.1).

5) Хрисаор был символом Деметры — народившейся луны — золотой серп или изогнутый клинок; этот знак носили consortы Деметры, когда выполняли ее функции. Афина в этой версии — помощница Зевса, повторно рожденная из его головы и изменившая прежней религии (см. 9,1). Три гарпии, которых Гомер считал олицетворением бурь (*Одиссея*. XX.68—78), были на самом деле Афиной в прежней религиозной

традиции, т. е. женской триадой в ее ипостаси неожиданной разрушительницы. Ею же были три седые граи, о чем говорят их имена: Энио («воинственная»), Пемфредо («оса») и Дино («ужасная»). То, что у них на троих был один глаз и один зуб, — это результат неверного толкования священного изображения (см. 73,7), а лебедь в европейской мифологии — это птица смерти (см. 32,2).

6) *Форкий*, чье имя представляет собой форму мужского рода имени *Форкида*, т. е. богиня-свинья (см. 74,4; 96,2), пожирающая трупы, в латинском появляется под именем *Орка* — эпитет Гадеса, или *rogus* — свинья. Горгоны и граи звались форкидами, поскольку за разглашение мистерий богини полагалась смерть. Способность *Форкия* прорицать, вероятно, берет свое начало от образа свиньи-оракула (см. 24,7).

7) Имена гесперид, которых считали детьми Кето и *Форкия* или *Ночи*, или титана *Атланта*, который далеко на Западе поддерживал небесный свод (см. 39,1; 133,t), связаны с солнечным закатом. Тогда небо бывает зеленым, желтым и красным, напоминая яблоню в пору плодоношения, а солнце, разрезанное горизонтом пополам, как красное яблоко, драматично встречает свою смерть в волнах западного моря. Когда солнце садится, появляется *Геспер*. Эта звезда считалась священной звездой богини любви *Афродиты*, а яблоко вручалось жрицей *Афродиты* царю, олицетворявшему солнце и умиравшему под звуки любовных песен. Если яблоко разрезать пополам поперек, то в центре каждой половинки появится пятиконечная звезда.

[а] Ехидна родила от Тифона несколько чудовищ: трехголового пса преисподней Кербера, многоголовую морскую змею Гидру, жившую в Лерне, огнедышащую козу Химеру с головой льва и телом змси, а также Орфра — двуглавого пса Гериона, от которого его собственная мать родила Сфинкс и Немейского льва¹.

¹ Гесиод. Теогония. 306 и след.

1) Кербер (см. 31,а; 134,е), которого дорийцы связывали с собакоголовым египетским богом Анубисом — проводником душ в подземный мир, первоначально, вероятно, был богиней смерти Гекатой, или Гекабой (см. 168,1); она изображалась в виде суки, поскольку собаки едят трупы и воют на луну.

2) Совершенно очевидно, что Химера была календарным символом трехсезонного года (см. 75,2), причем символами времен года были лев, коза и змей.

3) Орфр (см. 132,д), детьми которого от Ехидны были Химера, Сфинкс (см. 105,е), Гидра (см. 60,г; 124,с) и Немейский лев (см. 123,б), — это собака-звезда Сириус, с появлением которого в Афинах начинался новый год. У него было две головы, как у Януса, поскольку у афинян вместо трех времен года было два: сын Орфра — лев символизировал одну половину, а его дочь — змея вторую. Когда в эмблематике года для козы не осталось места, Химера была заменена Сфинкс с телом льва и змеиным хвостом. Поскольку измененный

новый год начинался тогда, когда солнце оказывалось в созвездии Льва и шел отсчет дням собаки, Орфр смотрит в двух направлениях — вперед, к новому году, и назад, к старому, подобно календарной богине Кардее, которую римляне называли по этой причине Постворта и Антеворта. Орфра называли «ранним», возможно, потому, что с ним приходил новый год.

[a] Возмущенные тем, что Зевс заключил их братьев-титанов в Аид, несколько огромных и страшных гигантов с длинными волосами и бородами, а также со змееными хвостами вместо ног решили напасть на небо. Было их двадцать четыре, а родила их мать-Земля во Флегре¹.

[b] Без предупреждения они обрушили на небо с вершин гор, где обитали, огромные камни и горящие поленья, так что олимпийцам пришлось нелегко. Гера мрачно предсказала, что никто из богов не победит гигантов и что это сможет сделать лишь простой смертный, одетый в львиную шкуру, причем только в том случае, если ему удастся найти волшебную траву, которая растет в потаенном месте, раньше своих врагов. Зевс обратился за советом к Афине, отправив ее предупредить Геракла (поскольку именно на этого одетого в львиную шкуру смертного явно намекала Гера) и рассказать ему, как обстоят дела. Кроме того, Зевс временно запретил светить Эос, Селене и Гелиосу. При призрачном свете звезд Геракл отправился туда, куда указала ему Афина, нашел волшебную траву и благополучно доставил ее на небеса.

[c] Олимпийцы теперь могли присоединиться к битве с гигантами. Геракл выпустил свою первую стрелу в Алкионея, предводителя гигантов. Он упал на землю, но тут же ожил и вновь поднялся, потому что это была его родная земля Флегры. «Скорее, благородный Геракл, — вскричала Афина, — перенеси его в другую страну!» Геракл взвалил Алкионея на плечи и перенес его в Беотию, где и убил дубиной.

[d] Тогда Порфирион с огромной кучей камней, которую собрали гиганты, прыгнул на небеса и дал такой бой, что перед ним не смог

устоять никто из богов. Афина приняла оборонительную позу, но Порфирион лишь пробежал мимо нее по направлению к Гере. Он уже был готов связать ее, как вовремя пущенная Эросом стрела ранила его в печень. Гнев его тут же прошел и уступил место страсти. С Геры спали ее сияющие одежды, и, видя, что его жену вот-вот могут обесчестить, Зевс яростно бросился вперед и поразил Порфириона перуном. Порфирион вновь попытался встать на ноги, но вернувшийся в тот момент из Беотии Геракл смертельно ранил его стрелой. Тем временем гигант Эфиал схватился с Аресом и сбил его с ног, но Аполлон попал ему стрелой в левый глаз, а подоспевший Геракл попал в правый, и Эфиал скончался.

[e] И теперь всякий раз, когда кто-нибудь из богов ранил гиганта, — будь то Дионис, повергший Эврита тирсом, Геката, опалившая факелами Клития, Гефест, выливший на Миманта целый ковш раскаленного металла, или Афина, сокрушившая похотливого Палланта камнем, — приходивший на помощь Геракл наносил смертельный удар. Миротлюбивые Гестия и Деметра не принимали участия в сражении, а стояли поодаль и в страхе заламывали руки. Богини судьбы ловко наносили удары медными пестами².

[f] Упавшие духом оставшиеся в живых гиганты бежали на землю, преследуемые олимпийцами. Афина запустила огромный камень вдогонку Энкеладу. Он буквально расплющил гиганта, превратив его в остров, известный теперь под названием Сицилия. Посейдон отколол трезубцем часть острова Коса и швырнул его в Полибута. Брошенный камень стал островком Нисир, погребшим под собой гиганта³.

[g] Оставшиеся в живых гиганты заняли оборону у Бафоса рядом с аркадским Трапезундом. Там и сейчас земля еще горит, и плуг пахаря иногда обнажает кости гигантов. Позаимствовав у Гадеса шлем-невидимку, Гермес поверг Ипполита. Артемида попала стрелой в Гратциона, а богини судьбы размозжили головы Атрию и Тоону. С остальными расправился Арес с помощью копья и Зевс с помощью перунов, всякий раз призывая Геракла покончить с каждым гигантом. Некоторые, правда, утверждают, что битва произошла во Флегрейской долине неподалеку от Кум, что в Италии⁴.

[h] Силен, рожденный землей сатир, утверждает, что также участвовал в этой битве на стороне своего ученика Диониса, убив Энкелада и повергая гигантов в панику криками своего старого осла. Однако Силен всегда пьян и потому не может отличить правды от лжи⁵.

¹ *Аполлодор*. I.6.1; *Гигин*. Мифы. Вступление.

² *Аполлодор*. I.6.2.

³ *Аполлодор*. Там же; *Страбон*. X.5.16.

⁴ *Павсаний*. VIII.29.1—2; *Аполлодор*. Там же; *Диодор Сицилийский*. IV.21.

⁵ *Еврипид*. Киклоп. 5 и след.

1) Это уже послегомеровское повествование с признаками вырождения: Эрос и Дионис, которые принимали участие в сражении, появились на Олимпе значительно позднее других богов (см. 15,1—2; 27,5); Геракл был допущен на Олимп незадолго до апофеоза на горе Эта (см. 147,h). В повествовании также делается попытка объяснить находки костей мамонта в Трапезунде, где они до сих пор выставлены в местном музее, а также вулканическую деятельность в Бафосе, около аркадской и фракийской Паллены, в Кумах и на островах Сицилия и Нисир, под которыми, как считали, Посейдон и Афина погребли двух гигантов.

2) Исторический эпизод, составивший основу мифа о бунте гигантов, а также бунт Алоадов (см. 37,b), который принято считать сюжетным повторением, похоже, представлял собой совместную попытку горных племен Македонии захватить пограничные крепости эллинов, которой воспрепятствовали союзники последних. Однако беспомощность и трусость богов и противостоящая им непобедимость Геракла, а также элементы фарса, присутствующие в описании битвы, более характерны для народного повествования, чем для мифа.

3) В повествовании имеется скрытый религиозный элемент. Гиганты не были созданы из плоти и крови, а были духами, порожденными землей, на что указывают их змеиные хвосты; их можно было уничтожить только с помощью волшебной травы.

4) Как именно Геракл использовал найденную траву, можно восстановить на основе вавилонского мифа о космическом сражении между новыми и старыми богами. В этом мифе прообраз Геракла Мардук вложил траву себе в ноздри, чтобы не слышать отвратительный запах богини Тиамат. Гераклу же следовало нейтрализовать дыхание Алкионея.

[а] В отместку за избиение гигантов мать-Земля, разделив ложе с Аидом, произвела от него в Корикийской пещере в Киликии своего младшего отпрыска Тифона, которого называли самым большим из когда-либо рожденных чудовищ¹. Нижнюю часть его тела составляли свернувшиеся кольцами змеи, а когда он простирал руки, они тянулись в обе стороны на сто верст и заканчивались не ладонями, а несчетным количеством змеиных голов. Его ужасная ослиная голова касалась звезд, огромные крылья затмевали солнце, из глаз полыхало пламя, а из глотки летели огненные камни. Когда он бросился на Олимп, все боги в страхе поспешили спрятаться в Египте, приняв вид различных животных. Зевс превратился в барана, Аполлон — в ворона, Дионис — в козла, Гера — в белую корову, Артемида — в кошку, Афродита — в рыбу, Арес — в вепря, Гермес — в ибиса.

[б] Только Афина не проявила трусости и лишь насмеялась над Зевсом до тех пор, пока тот не принял своего истинного обличья и не ударил перуном в Тифона. Не дав ему опомниться, Зевс тут же пустил в ход кремневый серп, которым когда-то оскопил своего отца Урана. Стеная и истекая кровью, Тифон бежал на гору Касий, которая возвышается на севере Сирии, и там снова сошелся в поединке с Зевсом. Ему удалось обвить Зевса мириадами колец, отнять серп, отрезать им сухожилия на руках и ногах громовержца и оттащить его в Корикийскую пещеру. Хотя Зевс был бессмертным, он лежал и не мог пошевелить даже пальцем. Тифон засунул сухожилия в медвежью шкуру и отдал ее на хранение своей сестре змеехвостой Дельфине.

[с] Страх охватил богов, когда до них дошла весть о поражении Зевса, но Гермес и Пан тайно отправились в пещеру, где Пан чуть не до смерти перепугал Дельфину своим криком, а Гермес ловко похитил сухожилия и не менее ловко приставил их к конечностям Зевса².

[d] Некоторые, однако, говорят, что Кадм лестью выманил сухожилия у Дельфины, сказав, что они ему нужны, чтобы сделать струны для лиры, на которой он собирается исполнять сладостную музыку³.

[e] Зевс вернулся на Олимп и, сев на колесницу, запряженную крылатыми лошадьми, вновь обрушил на Тифона перуны. Тифон бежал на гору Ниса, где три богини судьбы предложили ему нежные фрукты, заявив, будто с их помощью он сможет восстановить свои силы, хотя на самом деле плоды были смертоносными. Он достиг горы Гем во Фракии и стал швырять в Зевса целые горы, тот отвечал ему перунами, и вскоре на теле чудовища образовались ужасные раны. Потоки крови Тифона были так велики, что от них получила свое название гора Гем («кровавая»). Он бежал в сторону Сицилии, где Зевс окончательно расправился с ним, придавив его горой под названием Этна, из кратера которой до сих пор вырывается пламя⁴.

¹ Гесиод. Теогония. 819 и след.; Пиндар. Пифийские оды. I.15 и след.; Гигин. Мифы. 152.

² Аполлодор. I.6.3.

³ Нонн. Деяния Диониса. I.481 и след.

⁴ Аполлодор. Цит. соч.; Пиндар. Цит. соч.

1) Пифон — это персонификация разрушительного Северного ветра, поскольку ветры обычно изображались со змеиными хвостами, причем в Сирии Северным ветром считался такой, который дул с горы Касий, а в Греции — с горы Гем (см. 21,2). Тифон означает «дурманящий дым», а его появление — извержение вулкана. Именно поэтому сообщается, что Зевс похоронил Тифона под горой Этна. Однако имя Тифон также связано с горячим дыханием сирокко, дующего из южной пустыни, опустошающего Ливию и Грецию и несущего с собой вулканический запах. Египтяне изображали его в виде осла пустыни (см. 35,4; 83,2). Бог Сет, чьим дыханием считался Тифон, изувечил Осириса почти так же, как Пифон изувечил Зевса, и оба в конечном счете потерпели поражение. Эта параллель привела к путанице между Пифоном и Тифоном.

2) Бегство богов в Египет, как подметил Лукиан (*О жертвоприношениях*. 14), было придумано, чтобы объяснить поклонение египтян богам в зооморфной форме: Зевс — Аммон в образе барана (см. 133, j), Гермес — Тот в образе ибиса или журавля (см. 52, 6), Гера — Исида в образе коровы (см. 56, 2), Артемида — Пашт в образе кошки и т. п. Однако с таким же успехом этот сюжет может указывать на вполне историческое событие — массовое бегство жрецов и жриц с островов Эгейского моря, напуганных извержением вулкана, охватившим почти половину большого острова Фера накануне II тысячелетия до н. э. Одомашненных кошек в классической Греции еще не было. Еще одним источником этой легенды можно считать вавилонский эпос о сотворении мира «Энума элиш», согласно которому, по ранней версии Дамаския^{49*}, богиня Тиамат, ее возлюбленный Абзу и их сын Мумму напустили Кингу и огромное количество других чудовищ на только что родившуюся триаду богов — Эа, Ану и Бел. Поначалу все три бога бежали, но потом Бел собрал разбежавшихся братьев и, став во главе их, разбил войско Тиамат, а ей самой размозжил голову дубиной и разорвал ее пополам.

3) Миф о Зевсе, Дельфине и медвежьей шкуре — это свидетельство унижения, которому подвергла Зевса Великая богиня. Ей поклонялись в образе медведицы, и ее основное прорицалище находилось в Дельфах. Историческая канва событий неизвестна, однако создается впечатление, что кадмейцы из Беотии прилагали в определенный момент усилия, чтобы сохранить культ Зевса. «Нежные фрукты», которыми угостили Тифона богини судьбы, вероятно, были обычными яблоками смерти (см. 18, 4; 32, 4; 33, 7; и т. д.). В протохеттской версии мифа змей Иллиунка побеждает бога грозы и похищает его глаза и сердце, которые побежденному удастся вернуть хитростью. Совет богов призывает богиню Инару отомстить за бога грозы. Приглашенный ею на пир Иллиунка наедается так, что его начинает рвать. Это позволяет богине связать его, а подоспевший бог грозы окончательно разделяется со своим противником.

4) Гора Касий (сейчас Джебел-аль-Акра) — это гора Хаззи, фигурирующая в хеттской легенде о каменном гиганте Улликумми, который очень быстро рос и которому его отец Кумарби приказал уничтожить

^{49*} Дамаский (ок. 458—538) — греческий философ-неоплатоник, последним возглавлял Афинскую философскую школу (платоновская Академия) до ее закрытия Юстинианом в 529 г.

семьдесят богов неба. Бог грозы, бог солнца, богиня красоты и другие боги не смогли убить Улликумми, тогда бог мудрости Эа взял нож, с помощью которого в свое время земля была отделена от неба, и отрезал чудовищу ноги, а потом швырнул его в море. Элементы этой легенды встречаются в мифе о Тифоне, а также в мифе об Алоадах, которые тоже быстро росли и использовали горы как лестницу на небо (см. 37,b). Вполне возможно, что жители Кадма принесли эту легенду в Грецию из Малой Азии (см. 6,1.)

[а] Эфиальт и От были незаконнорожденными сыновьями Ифимедии, дочери Триопа. Она влюбилась в Посейдона, и ей нравилось, сидя на берегу, черпать ладонями морскую воду и выливать ее себе на подол. Так она зачала. Эфиальта и Ота, однако, назвали Алоадами, поскольку Триопа впоследствии вышла замуж за Алоея, которого его отец Гелиос сделал царем беотийской Асопии. Алоады росли каждый год на локоть в ширину и на сажень в высоту, и, когда им было девять лет и были они девять локтей в ширину и девять саженей в высоту; они объявили войну Олимпу. Эфиальт поклялся рекой Стикс, что овладеет Герой, а От дал такую же клятву, что овладеет Артемидой¹.

[b] Решив, что они прежде всего должны взять в плен бога войны Ареса, братья отправились во Фракию, обезоружили его, связали и заключили в медный сосуд, который спрятали в доме своей приемной матери Эрибеи, поскольку Ифимедия к этому времени была уже мертва. После этого они начали осаждать Олимп: чтобы удобней было нападать, они поставили гору Пелион на гору Осса и пригрозили, что будут бросать горы в море до тех пор, пока оно не станет сушей, хотя море уже вышло из берегов и волны гуляли по равнине. Они были беспредельно уверены в своих силах, поскольку им предрекли, что их не смогут убить ни люди, ни боги.

[c] По совету Аполлона Артемида направила послание Алоадам, в котором говорилось, что, если они снимут осаду, она встретится с ними на острове Наксос и придет в объятия Ота. От был вне себя от радости, а Эфиальт, не получив аналогичного послания от Геры, почувствовал,

что его охватывает зависть и злоба к более удачливому брату. Когда они прибыли на Наксос, между ними произошла ужасная ссора. Эфиальт как старший из братьев настаивал на том, что такие условия следует отвергнуть или пусть Артемида по старшинству вначале принадлежит ему. В самый разгар ссоры Артемида явилась перед ними в образе белой лани. Алоады тут же схватились за свои копья, готовые доказать друг другу свою непревзойденную меткость. Когда Артемида, быстрая как ветер, пронеслась между ними, копья братьев взлетели в воздух, и через мгновение пронзенные насквозь Алоады рухнули наземь. Так сбылось пророчество, что не смогут их убить ни люди, ни боги. Тела их отнесли и погребли в беотийском Анфедоне, а жители Наксоса до сих пор отдают им почести как героям. Их также помнят как основателей беотийской Аскры и как первых смертных, поклонявшихся геликонским музам².

[d] С Олимпа была снята осада, и Гермес отправился на поиски Ареса. Придя к Эрибее, он заставил ее освободить чуть живого бога войны из медного сосуда. Души Алоадов опустились в Тартар, где их крепко привязали к столбу клубками живых змей. Так они и сидят спиной друг к другу, а на вершине столба мрачно восседает нимфа Стикс как напоминание об их неисполненной клятве³.

¹ *Аполлодор*. 1.7.4; *Пиндар*. Пифийские оды. IV.88—92.

² *Гомер*. *Одиссея*. XI.305—320; *Илиада*. V. 385—390; *Павсаний*. IX.29.1—2.

³ *Аполлодор*. I.7.4; *Гигин*. Мифы.

1) Это еще один широко распространенный вариант мифа о бунте гигантов (см. 35, b). Имя Эфиальт, факт нападения на Олимп, угроза в адрес Геры и пророчество о неуязвимости нападавших встречаются в обоих вариантах сюжета. Миф смешивается с историческим эпизодом, рассказанным Диодором Сицилийским (V.50 и след.). Он пишет, что фессалиец Алоей отправил своих сыновей освободить их мать Ифимедию и сестру Панкратиду («всесильная») из фракийского плена. Пленниц содержали на острове Наксос. Поход братьев оказался успешным, но на острове Наксос между ними вспыхнула ссора из-за раздела между собой острова, в которой они и погибли. Несмотря на то что Стефан Византийский пишет, что фессалийский город Алоей назван так в честь Алоадов, более древние мифографы считают их беотийцами.

2) Смерть близнецов от руки друг друга напоминает о вечном соперничестве за любовь Белой богини между царем-жрецом и его танистом, которые попеременно принимают смерть от руки друг друга. Наказание их в Тартаре, как и наказание Тесея и Пирифоя (см. 103,с), вероятно, восходит к календарной символике, в которой сидящие спиной друг к другу близнецы смотрят в противоположные стороны. Близнецы сидят на троне забвения, а вершина столба, на которой сидит богиня смерти-жизни, обозначает разгар лета, когда кончается царствование царя-жреца и начинается царствование таниста. В Италии этот символ превратился в двуликого Януса, однако там новый год отмечался в январе и не совпадал с появлением на небе двуглавого Сириуса (см. 34,3).

3) Пленение Ареса на тринадцать месяцев является чужеродным мифическим фрагментом, относящимся к неопределенному времени. Год пеласгов состоял из тринадцати месяцев, и, возможно, данный фрагмент указывает на годичное перемирие, достигнутое между фессало-беотийцами и фракийцами, когда вся военная атрибутика обеих сторон была сложена в бронзовый сосуд, установленный в храме Геры—Эрибеи. Пелион, Осса и Олимп — это горы, расположенные к востоку от Фессалии, с которых был виден фракийский Херсонес, где могли происходить прерванные перемирием военные действия.

Потоп

[а] Девкалионов потоп, названный так в отличие от огигийского и других потопов, произошел потому, что Зевс разгневался на нечестивость сыновей Ликаона, который был сыном Пеласга. Сам Ликаон был первым, кто цивилизовал Аркадию и ввел культ Зевса Ликейского, но разгневал Зевса тем, что принес ему в жертву мальчика. В наказание Ликаон был превращен в волка, а дом его поразила молния. Одни говорят, что у Ликаона было двадцать два сына, другие называют 50 сыновей¹.

[b] Весть о новых преступлениях, совершенных сыновьями Ликаона, достигла Олимпа, и сам Зевс решил навестить их, приняв вид бедного странника. Их наглость была столь велика, что они поставили перед Зевсом суп из потрохов, в котором внутренности их брата Никтима были смешаны с потрохами овец и коз. Зевс все понял и, отшвырнув стол, на котором стояло это отвратительное кушанье, превратил всех братьев в волков, а Никтима вернул к жизни. Место, где все произошло, стало называться Трапезунд².

[с] Вернувшись на Олимп, Зевс, у которого еще не прошло отвращение к увиденному, обрушил на землю огромное количество воды, намереваясь утопить в ней все человечество. Однако царь Фтии Девкалион, предупрежденный своим отцом, титаном Прометеем, которого он посетил на Кавказе, построил ковчег, погрузил на него провизию, а затем сел на него сам с женой Пиррой, которая была дочерью Эпиметя. После чего подул Южный ветер, пошел дождь и реки с ревом понеслись к морю, которое, поднимаясь все выше и выше, смывало города, расположенные на побережье и в долинах. Наконец, под водой оказался весь мир, кроме

нескольких горных вершин, и все смертные существа, кроме Девкалиона и Пирры, исчезли с лица земли. Ковчег посылало по волнам целых девять дней, после чего вода стала спадать, и ковчег пристал к горе Парнас или, как считают некоторые, к горе Этна. Кроме того, называют гору Афон и Орфийский хребет в Фессалии. Говорят также, что о появлении земли Девкалиону сообщил выпущенный им голубь³.

[d] Сойдя благополучно на землю, они принесли жертву Зевсу — Фиксию («дающий убежище») и отправились на молитву в святилище Фемиды на реке Кефис, крыша которого была покрыта водорослями, а алтарь давно остыл. Они молили о возрождении человечества. Услышав их голоса из своего далека, Зевс отправил к ним Гермеса, чтобы тот заверил, что любая их просьба будет выполнена. Фемида явилась сама и сказала: «Покройте головы ваши и бросайте кости прапаматери через голову!» Поскольку у Девкалиона и Пирры были разные матери и обе к тому времени уже почили, то они решили, что титанида имела в виду мать-Землю, чьи кости — это камни, лежащие на речном берегу. Поэтому, закутав головы и распустив пояса, они стали собирать камни и бросать их через голову; из камней, брошенных Девкалионом, появлялись мужчины, а из камней, брошенных Пиррой, — женщины. Так снова появилось человечество, и с тех пор слова «люди» (*laos*) и «камень» (*laas*) звучат очень похоже в разных языках⁴.

[e] Однако, как оказалось, потоп пережили не только Девкалион и Пирра, но и сын Зевса Мегар, которого разбудили крики журавлей и призвали его на вершину горы Герания, которую не затопили воды потопа. Кроме того, спасся Керамб с Пелиона, которого нимфы превратили в скарабея, и он улетел на вершину Парнаса⁵.

[f] Жители Парнаса, города, основанного сыном Посейдона Парнасом, который изобрел искусство предсказания, были разбужены волчьим воем и следом за волками направились на вершину горы. Новый город, основанный ими, они назвали в честь волков — Ликорея⁶.

[g] Потоп не достиг своей цели, поскольку кое-кто из парнасцев переселился в Аркадию и продолжил там Ликаоновы мерзости. До сего дня Зевсу Ликейскому приносится в жертву мальчик, чьи внутренности перемешивают с внутренностями животных и варят суп из потрохов. Потом этот суп съедает толпа пастухов на берегу ручья. Пастух, который по жребию съедал внутренности мальчика, должен выть по-волчьи, развесить свою одежду на дубе, переплыть ручей и стать оборотнем. Целых восемь лет он должен жить с волками, но если в течение этого

периода не ест человечины, то по истечении назначенного срока может вновь переплыть ручей, взять свою одежду и вернуться к людям. Не так давно житель Парнаса по имени Дамарх провел с волками восемь лет, вернулся к людям и на десятый год упорных занятий в гимнасии победил в кулачном бою на Олимпийских играх⁷.

[h] Этот Девкалион был братом критянки Ариадны и отцом Оресфея, царя озолийских локрийцев, при жизни которого белая сука оцеленасилась палкой, которую Оресфей посадил, и из нее выросла лоза. Другой его сын, Амфиктион, известен тем, что развлекал Диониса и был первым, кто стал смешивать воду и вино. Однако самым знаменитым стал его старший сын Эллин, отец всех греков⁸.

¹ *Аполлодор*. III.8.1; *Павсаний*. VIII.2.1; Схолии к «Аратее» Цезаря Германика. 39; *Овидий*. *Метаморфозы*. I.230 и след.

² *Аполлодор*. Там же; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 481; *Павсаний*. VIII.3.1; *Овидий*. *Метаморфозы*. I.230 и след.

³ *Овидий*. Там же. I.317; Схолии к «Оресту» Еврипида. 1095; *Гигин*. Мифы. 153; *Сервий*. Комментарий к «Буколикам» Вергилия. VI.41; *Пиндар*. Олимпийские оды. IX.46; *Плутарх*. Кто из животных искуснее? 13.

⁴ *Аполлодор*. I.7.2; *Овидий*. *Метаморфозы*. I.260—415.

⁵ *Павсаний*. I.40.1; *Овидий*. *Метаморфозы*. VII.352—356.

⁶ *Павсаний*. X.6.1—2.

⁷ *Павсаний*. VIII.2.3, VI.8.2; *Плиний*. *Естественная история*. VIII.34; *Платон*. *Государство*. VIII.566a.

⁸ *Павсаний*. X.38.1; *Евстафий*. Комментарий к Гомеру. 1815; *Аполлодор*. I.7.2.

1) История о Зевсе и внутренностях мальчика является не столько мифом, сколько притчей, которая выражает то отвращение, которое испытывали жители культурно более развитых областей Греции к древним каннибалистским обрядам, исполнявшимся «именем Зевса» в Аркадии. Такие обряды уже воспринимались как «варварские и неестественные» (*Плутарх*. *Сравнительные жизнеописания*. *Пелопид*. 21). Благочестивый современник Ликонона афинянин Кекроп (см. 25,d) приносил в жертву богам только ячменные лепешки, воздерживаясь даже от заклания животных. Ликононовы обряды, которые, по мнению автора, Зевс не мог одобрять, очевидно, совершались для того, чтобы отпугнуть волков от стад и послать им человеческого царя. *Ликейский* означает «от волчицы» или «относящийся к свету», поэтому молния, фигурирующая

в мифе о Ликаоне, говорит о том, что Зевс в Аркадии возник как царь-жрец в церемониях вызывания дождя. Он считался жрецом божественной волчицы, т. е. луны, на которую воют волки.

2) Великий год, состоявший из ста месяцев или восьми солнечных лет, делился пополам между царем-жрецом и его танистом. Поэтому суп из потрохов едят пятьдесят сыновей Ликаона — по одному на каждый месяц правления царя-жреца. Цифра двадцать два, если только она не возникла от числа семейств, ведущих свое происхождение от Ликаона и поэтому являющихся обязательными участниками пиршества с поеданием супа из потрохов, может указывать на двадцать два пятилетних *lustra*, образующих 110-летний цикл, в течение которого правит определенная линия жриц.

3) Миф о Девкалионовом потопе, очевидно, был принесен из Азии элладцами и имеет тот же источник, что и библейская легенда о Ное. Однако если изобретение Ноем вина является содержанием древнееврейской морализации, в частности, оправдывающей порабощение ханаанеян касситскими и семитскими завоевателями, у греков факт изобретения вина постепенно переходит от Девкалиона к Дионису. Девкалион, между прочим, называется братом Ариадны, которую считали своей матерью (а Диониса отцом) многие племена, поклонявшиеся лозе (см. 27,7). Миф о Девкалионе свидетельствует не только о наводнении, имевшем место в III тысячелетии до н. э. в Месопотамии, но и об осеннем новогоднем празднике, который отмечали в Вавилонии, Сирии и Палестине. На этом празднике Парнапиштим наливал молодое сладкое вино строителям ковчега, на котором, согласно вавилонскому мифу творения, он и его семейство должны были спастись от потопа, насылаемого богиней Иштар. Ковчег — это лунный серп, плавающий в небесах (см. 123,5), а праздник отмечался в полнолуние, ближайшее к дню осеннего равноденствия; во время исполнения церемоний призывались зимние дожди. Иштар в греческих мифах фигурирует под именем Пирра. Так звали богиню-мать народа пуресати, который примерно в XII в. до н. э. появился в Палестине под именем филистимлян, переселившись с Крита через Киликию. В греческом языке *pyrrha* означает «огненно-красный», это прилагательное использовалось в сочетании со словом «вино».

4) Ксисуф — герой армянской легенды о потопе, записанной Беросом^{50*}. Его ковчег пристает к горе Арарат. Во всех легендах ковчег из-

^{50*} Берос из Вавилона — жрец, современник Александра Македонского, автор исторического сочинения «Бабилоника», от которого дошли фрагменты.

готавливают из акации. Из такой же древесины Исида строит барку смерти Осириса.

5) Миф о разозлившемся боге, который решил наказать человека за жестокость, наслав потоп, представляет собой довольно позднее греческое заимствование, имеющее финикийские или древнееврейские корни. Однако упоминание различных гор в Греции, Фракии и на Сицилии, к которым якобы приставал ковчег Девкалиона, говорит о том, что мы имеем дело с наложением более поздней легенды о потопе в северной Греции на миф о всемирном потопе. В наиболее древнем варианте греческого мифа Фемида восстанавливает род человеческий, даже не спрашивая на то позволения Зевса, поэтому не исключено, что не Зевс, а именно эта богиня наслала потоп так же, как это делает богиня в вавилонском мифе.

6) Превращение камней в людей, вероятно, является еще одним заимствованием, принесенным элладцами с Востока. Иоанн Креститель упоминает аналогичную легенду, когда обыгрывает древнееврейские слова *banim* и *abanim*, заявляя, что господь может сотворить *детей Авраамовых из камней* пустынных (Матф. 3: 3—9; Лук. 3: 8).

7) Миф о том, как белая сука, т. е. богиня Геката, оценилась виноградной лозой в царствование сына Девкалиона Оресфея, вероятно, является древнейшим греческим винодельческим мифом. Считается, что имя озолийских локров происходит от слова *ozoï* («побеги лозы») (см. 147,7). Одного из нечестивых сыновей Ликаона также зовут Оресфей, что может быть результатом насильственного объединения позднейшими мифографами мифа о супе из потрохов и Девкалионовом потопе.

8) *Амфиктион* — имя другого сына Девкалиона, представляет собой мужской род от имени *Амфиктионида*. Так звали богиню, в честь которой был назван северогреческий союз Амфиктиония. Согласно Страбону, Каллимаху и схолиям к «Оресту» Еврипида, Амфиктиония возникла благодаря аргосскому царю Акрисию (см. 73,а). В отличие от распущенных фракийцев, культурные греки не пили неразбавленное вино. Разбавление вина на встрече участников союза, которая происходила в сезон виноделия в Анфеле, неподалеку от Фермопил, предпринималось для того, чтобы избежать пьяных драк со смертельным исходом.

9) Сын Девкалиона Эллин был эпонимом и предком всех эллинов (см. 43,б). Его имя говорит о том, что он был царственным заместителем жрицы богини Эле — Элен — Елены — Селены, т. е. луны.

Как указывает Павсаний (VIII.6.6), первое племя, называвшее себя эллинами, пришло из Фессалии, где люди поклонялись богине Элле (см. 70,8).

10) Аристотель^{51*} (*Метеорологика*. I.14.352b) говорит, что Девкалионов потоп произошел в «древней Греции», а именно в округе Додоны и реки Ахелоя. *Graeci* означает «поклоняющиеся Кроне», вероятно, Земле-богине Додоны которая изображается в виде триады, как и граи (см. 33,с). Высказывались предположения относительно того, что ахейцы были вынуждены переселиться на Пелопоннес из-за необычайно сильных дождей, заливших пастбища. Вполне вероятно, что культ Элле (см. 62,3; 70,8; 159,1) вытеснил культ грай.

11) Жук скарабей был символом бессмертия в Нижнем Египте, так как ему не страшны были разливы Нила (фараон, как Осирис, всходил в солнечную ладью в образе скарабея). Из Египта эта сакральная эмблема постепенно распространилась в Палестине, на островах Эгейского моря, в Этрурии и на Балеарских островах. Антонин Либерал^{52*} также упоминает миф о Керамбе или Терамбе, ссылаясь на Никандра.

^{51*} Аристотель (384—322 до н. э.) — один из выдающихся мыслителей в истории, ученик Платона, воспитатель Александра Македонского. Отличался энциклопедическими познаниями; его терминология не утратила своего значения и поныне. Сочинения: «Категории», «Риторика», «Поэтика», «Метафизика», «Никомахова этика», «Политика», «О душе» и др. — оказали огромное влияние на развитие мировой философии, представляют интерес и в наши дни.

^{52*} Антонин Либерал (I или II в. до н. э.) — греческий автор сохранившегося цикла из 41 рассказа о «превращениях» («Метаморфозы»).

Титаны, Атлант и Прометей

[а] Творец человечества Прометей, которого некоторые считают одним из семи титанов, был сыном либо титана Эвримедонта, либо Напета и нимфы Климены. Его братьями были Эпиметей, Атлант и Менетий¹.

[б] Старший из братьев — огромный Атлант — знал все глубины моря, он правил царством с крутыми берегами, и превышало оно по размерам Ливию и Азию, вместе взятые. Земля Атлантида лежала за Геракловыми столпами, и от другого континента, никак не связанного с нашим, ее отделяли покрытые садами острова. Люди Атланта построили каналы и освоили огромную центральную долину, орошаемую водой с гор, окружающих ее со всех сторон и оставляющих только узкий проход к морю. Они построили также дворцы, бани, ипподромы, большие портовые сооружения и храмы. Они ходили войной не только на запад — до другого континента, но и на восток, вплоть до Италии и Египта. Египтяне говорят, что Атлант был сыном Посейдона, от которого родились пять пар братьев-близнецов, поклявшихся в верности своему брату на крови быка, принесенного в жертву на вершине столпа. Поначалу все они были исключительно добродетельны и стойко несли бремя своего богатства в виде несметного количества золота и серебра. Но однажды жадность и жестокость овладела ими, и афиняне с позволения Зевса нанесли им поражение и разрушили их державу. В то же время боги наслали на них потоп, который всего за одни сутки поглотил всю Атлантиду так, что и причалы, и храмы оказались погребенными под слоем грязи, а море вокруг перестало быть судноходным².

[c] Спасшиеся Атлант и Менетий присоединились к Крону и титанам в их безуспешной борьбе с олимпийскими богами. Зевс убил Менетия перуном и отправил его в Тартар. Однако Атланта Зевс пощадил, но обрек навеки держать на своих плечах небесный свод³.

[d] Атлант был отцом плеяд, гиад и гесперид. Лишь однажды, когда его временно подменил Геракл, ему удалось освободиться от тяжелой ноши. Некоторые говорят, что Персей превратил Атланта в камень, показав ему голову горгоны, и так появились Атласские горы. Однако они забывают, что Персей был отдаленным потомком Геракла⁴.

[e] Будучи умнее Атланта и предвидя, чем кончится бунт против Крона, Прометей предпочел воевать на стороне Зевса и убедил Эпиметея поступить так же. Он действительно был самым умным из всех братьев, и Афина, чьему рождению из головы Зевса он помог, научила его архитектуре, астрономии, математике, навигации, медицине, металлургии и другим полезным ремеслам, которые он передал людям. Однако Зевс, решивший уничтожить всех людей до единого (но пожалел их лишь благодаря своевременному заступничеству Прометея), злился при виде роста человеческих талантов и их власти над природой⁵.

[f] Однажды, когда в Сикионе возник спор о том, какую часть быка нужно жертвовать богам, а какую оставлять людям, в судьи пригласили Прометея. Явившийся Прометей содрал с быка шкуру, разделал тушу, а из шкуры сшил два мешка, сложив в них все части животного. В один мешок он положил всю мякоть, прикрыв ее сверху требухой — наименее соблазнительной частью любого животного; во второй сложил все кости, спрятав их под толстым слоем жира. Когда он предложил Зевсу выбрать себе мешок, тот легко разгадал замысел Прометея, но не показал этого, взяв мешок с костями и жиром, которые до сих пор считаются принадлежащими богам; однако он решил проучить хитроумного Прометея, отняв у людей огонь. «Пусть едят свою мякоть сырьем!» — вскричал он⁶.

[g] Прометей тут же отправился к Афине с просьбой разрешить ему входить на Олимп с черного входа и получил от нее разрешение. Он поднялся на Олимп, зажег факел от солнечной огненной колесницы, отколол от него тлеющий уголек и засунул его внутрь стебля огромного фенхеля. После этого он загасил факел, незамеченным вернулся на землю и отдал огонь людям⁷.

[h] Зевс поклялся отомстить. Он приказал Гефесту вылепить из глины женщину, четырем ветрам — вдохнуть в нее жизнь, а олимпийским

богиням украсить ее. Эта женщина, Пандора, была самой прекрасной из когда-либо созданных женщин, и в сопровождении Гермеса Зевс отослал ее Эпиметею. Эпиметей, которого брат предупредил, чтобы тот ничего не брал от Зевса, вежливо отказался. Разозлившись еще больше, Зевс приковал Прометея обнаженным к Кавказским горам, где орел терзал ему печень, ежедневно вырастающую вновь. И не было конца его мучениям.

[i] Однако Зевс, боясь признаться в том, что с его стороны это было не что иное, как месть, чтобы как-то оправдать свой поступок, распустил сплетню, что Афина пригласила Прометея на Олимп для тайного любовного свидания.

[j] Видя судьбу, постигшую брата, Эпиметей поспешил жениться на Пандоре, которую Зевс сделал столь же глупой, злой и ленивой, сколь и красивой; Пандора возглавила таким образом «женщин губительный род». Однажды она открыла ящик, который Прометей запретил открывать Эпиметею и в который он с большим трудом заключил все невзгоды, досаждающие человечеству: старость, родовые муки, болезнь, безумие, порок и страсть. Не успела Пандора открыть ящик, как из него вылетели «тысячи бед» и стали жалить Эпиметея и Пандору, а затем напустились на всех смертных. Несбыточная мечта, которую Прометей также спрятал в ящик, не дала людям покончить с собой⁸.

¹ *Евстафий*. Комментарий к Гомеру. 987; *Гесиод*. Теогония. 507 и след.; *Аполлодор*. I.2.3.

² *Платон*. Тимей. 25b, *Критий*. 108e, 114a и след.

³ *Гомер*. Одиссея. I.2—54; *Гесиод*. Цит. соч.; *Гигин*. Мифы. 150.

⁴ *Диодор Сицилийский*. IV.27; *Аполлодор*. II.5.11; *Овидий*. Метаморфозы. IV.630.

⁵ *Эсхил*. Прометей Прикованный. 218, 252, 445 и след., 478 и след., 228—286.

⁶ *Гесиод*. Теогония. 521—564; *Лукиан*. Разговоры богов. I, Прометей, или Кавказ. 3.

⁷ *Сервий*. Комментарий к «Буколикам» Вергилия. VI.42.

⁸ *Гесиод*. Труды и дни. 42—105, Теогония. 565—616; Схолии к Аполлонию Родосскому. II.1249.

1) Поздние мифографы воспринимали Атланта просто как олицетворение Атласских гор на северо-западе Африки, пики которых словно

бы поддерживали небеса. Однако для Гомера столпы, с помощью которых Атлант поддерживал небесную твердь, располагались далеко в Атлантическом океане, названном так Геродотом в его честь. Первоначально Атлант, вероятно, был титаном второго дня недели, который отделил небесную твердь от вод земных. Почти все дожди приходят в Грецию со стороны Атлантики, особенно тогда, когда на небосводе появляются звездные сестры Атланта — Гиады. Это частично объясняет, почему считалось, что его дом находится на западе. Тот факт, что Геракл снял с плеч Атланта небосвод, имеет два смысла (см. 133,3—4; 123,4).

2) Египетская легенда об Атлантиде, которая также распространена вдоль всего атлантического побережья, от Гибралтара до Гебридских островов, а также среди племени йоруба в Западной Африке, не может быть отброшена как простая выдумка. Похоже, что она восходит к III тысячелетию до н. э. Однако вариант, рассказанный Платоном, который, как он утверждает, Солон узнал от своих друзей — египетских жрецов из Саиса (город в дельте Нила), возник из более древней традиции. Эта традиция говорила о том, что минойский Крит, влияние которого испытывали на себе Египет и Италия, потерпел поражение от союза эллинских племен во главе с Афинами (см. 98,1), или о том, как в результате подводного землетрясения или по другой причине огромные береговые сооружения, построенные кефтиу («люди моря», или жители Крита и их союзники) на острове Фарос (см. 27,6; 169,6), оказались глубоко под водой, где их впоследствии обнаружили ныряльщики. Эти сооружения имели внешнюю и внутреннюю гавань общей площадью около 250 акров. Отождествление Атлантиды с Фаросом могло бы объяснить, почему Атланта иногда называют сыном Иапета, или Яфета, из Книги Бытия. Древние евреи называли его сыном Ноя и прародителем объединившихся в союз «людей моря», а иногда сыном Посейдона — покровителя греческих мореходов. Ной — это Девкалион (см. 38,с), и хотя в греческих мифах Иапет фигурирует как дед Девкалиона, это значит лишь, что он был предком-эпонимом ханаанеян, принесших в Грецию месопотамскую легенду о потопе, а не легенду, связанную с Атлантидой. Некоторые детали, которые сообщаются в варианте, пересказанном Платоном, включая принесение в жертву быка на вершине столпа и систему снабжения горячей и холодной водой во дворце Атланта, говорят в пользу того, что это были критяне, а не какой-то другой народ. Как и Атлант, они «знали все глубины моря». Согласно Диодору (V.3), когда большая часть

населения Греции была истреблена наводнением, афиняне забыли, что это именно они основали город Саис в Египте. Это, похоже, несколько путаное указание на то, что после затопления береговых сооружений на острове Фарос афиняне забыли о своих религиозных связях с городом Саис, где жители поклонялись той же ливийской богине Нейт или Афине.

3) В рассказе Платона есть довольно странное указание на то, что в Атлантиде имелось множество слонов. Такое свидетельство могло возникнуть либо из-за ввоза в Грецию большого количества слоновой кости через Фарос, либо на основе еще более древней легенды. Местонахождение сказочной Атлантиды стало объектом множества теорий, хотя, благодаря Платону, основное внимание в этих теориях уделяется Атлантическому океану. До недавнего времени Атлантический хребет, простирающийся от Исландии до Азорских островов, а затем изгибающийся на юго-восток, к островам Вознесения и Тристан-да-Кунья, считался частью Атлантиды. Однако океанографические исследования показали, что весь хребет, за исключением указанных вершин, находится под водой как минимум последние шестьдесят миллионов лет. В Атлантике известен только один большой, некогда населенный остров, который опустился под воду: плато, которое сейчас называют Банка Доггера. Однако кости и орудия труда, которые периодически попадают в тресковые сети, говорят о том, что катастрофа произошла в эпоху палеолита. Поэтому вероятность того, что спасшиеся принесли в Европу весть об исчезновении острова, предварительно проплыв большое расстояние по воде, мала по сравнению с вероятностью того, что неолитические переселенцы из Ливии, относящиеся к так называемой катакомбной культуре, принесли с собой на побережье Атлантики память о другой подобной катастрофе.

4) Это были земледельцы, достигшие Британских островов в конце III тысячелетия до н. э., однако до сих пор непонятно, почему произошло такое массовое переселение на запад из Туниса и Марокко в южную Испанию, а затем на север — в Португалию и дальше. Согласно валлийской легенде об исчезнувшей стране Дифед (которую вопреки здравому смыслу располагают в заливе Кардиган), море разрушило насыпи и дамбы и уничтожило шестнадцать городов. Хи Брасил в Ирландии, город Ис в Бретани, корнуольский Лионесс (который настойчиво располагают между Корнуолом и островами Силли), французский остров Верт, португальский Илья Верде — это все варианты этой легенды.

Однако если египетские жрецы действительно сказали Солону, что катастрофа произошла далеко на западе и что спасшиеся переселились «за Геракловы столпы», то Атлантиду можно легко обнаружить.

5) Это страна атлантов, о которой упоминает Диодор Сицилийский (см. 131,м), называя ее самой высокоразвитой страной к западу от озера Тритон. Это у них ливийские амазонки, т. е. матриархальные племена, позднее описанные Геродотом, захватили город Керне. Археологически датировать легенду Диодора нельзя, однако он пишет, что эти события предшествовали нашествию ливийцев на острова Эгейского моря и Фракию, что не могло произойти раньше III тысячелетия до н. э. Если Атлантида — это западная Ливия, то затопившие ее наводнения могли быть вызваны либо феноменально большим количеством осадков, как, например, месопотамское и огигийское наводнения (см. 38,3—5), либо обрушившейся на берег волной, возникшей из-за сильного северо-западного ветра, аналогично волнам, которые в XII—XIII вв. затопили значительную часть Нидерландов, образовав Зюйдер Зее, либо оседанием берега. Атлантида могла быть затоплена, когда образовалось озеро Тритон (см. 8,а), которое, очевидно, в какой-то период превышало по площади несколько тысяч квадратных миль и, возможно, простиралось на север до залива Сирта, фигурирующего у географа Скилакса как «залив Тритонис». Обилие опасных рифов в нем указывает на существование здесь некогда целого ряда островов, из которых сохранились только Джерба и Керкинна.

6) Оставшийся в центре озера остров, который упоминается у Диодора (см. 131,1), вполне может быть Чаамбу Бу Руба в Сахаре. Очень похоже, что Диодор имеет в виду именно такую катастрофу, когда пишет об амазонках и атлантах: «Говорят, что в результате землетрясений части Ливии, обращенные к океану, поглотили озеро Тритон, и оно исчезло» (III.55). Поскольку во времена Диодора озеро Тритон еще существовало, ему, скорее всего, могли сказать, что в результате землетрясений, случившихся в западном Средиземноморье, море поглотило часть Ливии и образовалось озеро Тритон. От Зюйдер Зее и Копайдского озера уже ничего не осталось, а озеро Тритон, которое, по словам Скилакса, в классическую эпоху все еще имело площадь, равную девятистам квадратным милям, превратилось в солончаковые болота Шотт-Мельгир и Шотт-эль-Джерид. Если именно здесь была Атлантида, то лишенные земли земледельцы вынуждены были отправиться на запад в Марокко, на юг, в земли, лежащие за Сахарой, на восток, в Египет

и дальше, всюду разнося весть о постигшей их катастрофе. Лишь незначительная часть населения осталась на берегу возникшего озера. На этой территории вполне могли водиться слоны, о которых писал Платон, а гористое побережье Атлантиды могло принадлежать Криту, о котором боявшиеся моря египтяне могли знать только понаслышке.

7) Пять пар сыновей-близнецов Посейдона, поклявшихся в верности Атланту, могли представлять на Фаросе царства «кефтиу», находившиеся в союзе с критянами. В микенскую эпоху двоецарствие было правилом, а не исключением. Так, например, во главе Спарты стояли Кастор и Полидевк, Мессенией правили Идас и Линкей, в Аргосе были Прет и Акрисий, в Тирифе — Геракл и Ификл, в Фивах — Этеокл и Полиник. Жадность и жестокость «сыновья» Посейдона могли проявить только после падения Кносса, когда система торговых отношений распалась, а торговцы превратились в пиратов.

8) Имя Прометей («промыслитель», «предусмотрительный») могло возникнуть в греческом языке из-за неправильного прочтения санскритского слова *pramantha*, т. е. палочка для добывания огня, которую он якобы изобрел. Не случайно Зевс—Прометей в Фуриях изображался с палочкой для добывания огня в руках. Индоевропейского фольклорного героя Прометея стали путать с карийским культурным героем Паламедом, который по воле богини изобрел все искусства и ремесла и научил им людей, а также с вавилонским богом Эа, который хвастался, что создал из крови совершенного человека Кингу (персонаж, напоминающий Крона), тогда как мать-богиня Аруру создала менее совершенного человека из глины. Братья Праматхи и Матхи, персонажи санскритского эпоса «Бхагавата Пурана», могут считаться прототипами Прометея и Эпиметея («запоздалая мысль»). Однако рассказ Гесиода о Прометее, Эпиметее и Пандоре — это не настоящий миф, а антифеминистская притча, причем не исключено, что изобретенная им самим, хотя и на основе истории Демифонта и Филлиды (см. 169, j). Пандора («одаренная всем») была богиней земли Ресей. Под этим именем ей поклонялись в Афинах и других местах (Аристофан. *Птицы*. 971; Филострат. *Жизнь Аполлония Тианского*. VI.39), а пессимистически настроенный Гесиод обвинял ее в том, что из-за нее человек стал смертным, претерпел в жизни столько зол, а жены столь склонны к супружеским изменам. Рассказ о том, как делили быка между богами и людьми, также нельзя назвать мифом, это скорее комический рассказ, придуманный для того, чтобы объяснить, за что был наказан Прометей и почему богам

жертвуют только бедренные кости и жир, срезанный с жертвенного животного. В Книге Бытия священность бедренных костей объясняется хромотой Иакова, которую тот заполучил в борьбе с ангелом.

9) Жители островной Греции до сих пор переносят огонь внутри стебля гигантского фенхеля. То, что Прометей оказался прикованным к Кавказским горам, может быть легендой, с которой эллины познакомились во время своего переселения с берегов Каспийского моря и в которой говорилось о великом Морозе, лежащем на снегах горных пиков в окружении стаи стервятников.

10) Афиняне всячески старались отрицать, что Прометей был любовником их богини. Это указывает на то, что кое-где Прометея отождествляли с Гефестом — другим богом огня и культурным героем, о котором рассказывалась похожая история (см. 25,b), поскольку на Акрополе у них был общий храм с Афиной.

Небесные боги

[а] Проходит ночь, и розовоперстая в шафранном одеянии Эос, дочь титана Гипериона и титаниды Тейи, встает со своего ложа на востоке, восходит на колесницу, запряженную жеребцами Лампом и Фаэтоном, и спешит на Олимп, где извещает о приближении своего брата Гелиоса. Когда появляется Гелиос, она становится Гемерой и сопровождает его на всем пути и, наконец, превратившись в Гесперу, объявляет об их благополучном прибытии на западные берега Океана¹.

[b] Раздосадованная однажды тем, что застала Ареса на ложе Эос, Афродита внушила Эос вечную страсть к смертным юношам, которых она с тех пор стала соблазнять одного за другим, стесняясь и делая все в тайне. Сначала ее возлюбленным стал Орион, затем Кефал, затем внук Мелампа Клит. Причем все это время она была женой титана Астрея, которому родила Северный, Западный и Южный ветры, а также Утреннюю звезду и, по мнению некоторых, все другие звезды на небесах².

[с] Наконец, Эос похитила Ганимеда и Титона, которые были сыновьями Троса или Ила. Когда Зевс отнял у нее Ганимеда, она упростила громовержца даровать Титону бессметрие. Однако она забыла испросить ему вечную юность, как то сделала Селена для Эндимиона. Поэтому Титон стал с каждым днем стареть, седесть и покрываться морщинами. Голос его стал дрожать. Когда Эос надоело ухаживать за ним, она закрыла его в своей спальне, где он превратился в цикаду³.

¹ Гомер. Одиссея. V.1, XXIII.244—246; Феокрит. Идиллии. II.148.

² Аполлодор. I.4.4; Гомер. Одиссея. XV.250; Гесиод. Теогония. 378—382.

³ Схолии к Аполлонию Родосскому. III.115; Гомеровский гимн к Афродите. 218—238; *Гесиод*. Теогония. 984; *Аполлодор*. III.12.4; *Гораций*. Оды. III.20; *Овидий*. Фасты. I.461.

1) Заря-девица — это эллинская фантазия, которую мифографы неохотно признали титанидой второго поколения. Ее запряженная парой лошадей колесница и то, что она объявляла о появлении на небосводе солнца, — скорее аллегории, чем мифы.

2) Бесконечные любовные приключения Эос и смертных юношей тоже являются аллегориями: с рассветом к влюбленным возвращается эротическая страсть, а у мужчин обычно возникает влечение. Аллегория союза Эос и Астрея также довольно проста: на востоке свет звезд сливается со светом зари и, словно бы рожденный ими, возникает предрассветный ветер Астрей. А поскольку ветер считался оплодотворяющим, то Эос рождает от Астрея Утреннюю звезду, одиноко сияющую на небосводе. Астрей — это одно из имен Кефала, который тоже считался отцом Утренней звезды, рожденной Эос. В философском смысле получалось следующее: поскольку Вечерняя звезда отождествлялась с Утренней звездой и поскольку Вечер — это последнее явление утренней зари на небе, следовательно, все звезды родились от Эос, как и все ветры, кроме предрассветного. Такая аллегория, однако, противоречит мифу о том, что Борей сотворила луна-богиня Эвринома (см. 1,1).

3) В греческом искусстве Эос и Гемера представляют собой неразделимое единство. Аллегористы считают, что имя Титон означает «дар протяженности» (от *teino* и *one*), т. е. это как бы указание на продление жизни, которое испросила для него Эос. Однако более вероятно, что это форма мужского рода имени самой Эос — *Титона*, образованного от слова *tito* («день») (*Цец*. *Схолии к Ликофрону*. 941) и слова *one* («царица»). Это имя должно означать «спутника царицы дня». Цикада оживает по мере потепления дня. Кроме того, золотая цикада была эмблемой Аполлона — бога солнца среди греков-колонистов, живших в Малой Азии.

[а] Охотник из беотийской Гирии и самый красивый из когда-либо живших мужчин, Орион был сыном Посейдона и Эвриалы. Придя однажды в хиосскую Гирию, он влюбился в Меропу, дочь сына Диониса Энопиона. Энопион пообещал отдать Меропу в жены Ориону, если тот освободит остров от появившихся там ужасных диких зверей. Орион стал выполнять это условие, принося ежедневно Меропе по шкуре зверя. Когда наконец условие было выполнено, и Орион потребовал Меропу в жены, Энопион стал твердить, что львы, медведи и волки все еще рыщут по холмам, и отказал ему в руке дочери, хотя причина была в том, что он сам был в нее влюблен.

[b] Однажды ночью раздосадованный Орион выпил целый бурдюк энопионова вина, и оно так разгорячило его кровь, что он ворвался в спальню Меропы и силой заставил ее разделить с ним ложе. На рассвете Энопион обратился к своему отцу Дионису, и тот прислал к Ориону сатиров, напоивших его так, что он крепко заснул. Тогда Энопион выколол ему глаза и швырнул их на берег моря. Оракул заявил, что слепой Орион вернет себе зрение, если отправится на восток и обратит свои глазницы к Гелиосу, когда тот начнет подниматься из-за Океана. Орион тут же отправился на утлой лодчонке в море и, плывя на звук молота Киклопа, достиг Лемноса. Там он вошел в кузницу Гефеста, схватил одного из его учеников по имени Кедалион, посадил на плечи и сделал своим поводырем. Кедалион повел Ориона через земли и моря, и наконец они достигли самого дальнего берега Океана, где в него влюбилась Эос и ее брат Гелиос вернул Ориону зрение.

[с] Посетив в сопровождении Эос остров Делос, Орион решил вернуться, чтобы отомстить Энопиону, которого он, однако, на Хиосе найти не смог, потому что тот скрывался в подземном чертоге, построенном для него Гефестом. Отправившись через море на остров Крит, куда, по мнению Ориона, мог сбежать Энопион в надежде найти защиту у своего деда Миноса, он встретился с Артемидой, которая, так же как и он сам, страстно любила охоту. Ей быстро удалось уговорить Ориона отказаться от планов мести и вместо этого отправиться с ней на охоту¹.

[d] К этому времени Аполлон уже узнал, что Орион не отказал Эос и разделил с ней ложе на священном острове Делос; от этого бесстыдства Рассвет залился румянцем, да так и остался пунцовым. Более того, Орион хвалился, что освободит всю землю от диких зверей и чудовищ. Боясь, что его сестра Артемида не устоит, как и Эос, перед красотой Ориона, Аполлон отправился к матери-Земле и, не без умысла повторив похвалбу Ориона, сделал так, что та натравила на него чудовищного скорпиона. Орион встретил скорпиона стрелами, но, видя, что они не причиняют ему вреда, бросился на него с мечом. Однако вскоре он понял, что никаким оружием смертный не сможет одолеть скорпиона, нырнул в море и поплыл в сторону Делоса, где, как он надеялся, Эос сможет его спасти. Аполлон тем временем позвал Артемиду и спросил: «Видишь, далеко в море, ближе к Ортигии, плывет что-то черное? Это голова злодея, который только что совратил Опис, одну из твоих гиперборейских жриц. Его зовут Кандаон. Прошу тебя, пронзи его стрелой!» Надо сказать, что Кандаоном звали в Беотии Ориона, но Артемида этого не знала. Она тщательно прицелилась, выстрелила и поплыла, чтобы поглядеть на свою жертву. Каково же было ее горе, когда она увидела, что поразила в голову Ориона. Тогда она упростила сына Аполлона Асклепия, чтобы тот оживил Ориона. Но не успел Асклепий выполнить ее просьбу, как перун Зевса поразил его самого. Тогда Артемида поместила образ Ориона среди звезд, где его вечно преследовал Скорпион. Дух Ориона к тому времени уже отлетел к Асфоделевым лугам.

[e] Некоторые говорят, что Орион погиб от укуса скорпиона и что Артемида обиделась на него за то, что тот стал преследовать ее девственных спутниц — семерых плеяд, дочерей Атланта и Плейоны. Те вынуждены были бежать от него по лугам Беотии до тех пор, пока боги не превратили их в голубиц и не поместили их образы среди звезд. Однако это неправда, потому что плеяды не были девственницами: две из них

разделили ложе с Зевсом, две — с Посейдоном, одна — с Аресом, а седьмая стала женой Сисифа Коринфского и не оказалась в созвездии потому, что Сисиф был простым смертным².

Другие рассказывают вот какую странную историю о рождении Ориона, чтобы объяснить его имя (иногда оно писалось Урион), а также возникновение предания, в котором его называли сыном матери-Земли. Бедный пасечник и земледелец Гириэй был в тоске оттого, что у него не было детей, а годы шли, и он становился все дряхлей. Когда однажды Зевс и Гермес, изменив обличье, посетили его и встретили радушный прием, они спросили Гириэя о его самом заветном желании. Тяжело вздохнув, Гириэй ответил, что то, что он больше всего хочет, а именно: иметь сына, — уже для него невыполнимо. Боги, однако, сказали, чтобы он не отчаивался, а принес в жертву быка, помочился на его шкуру и закопал ее в могилу своей жены, что Гириэй и проделал. Прошло девять месяцев, и у него родился ребенок, которого он назвал Урион, т. е. «тот, кто мочится». И действительно: когда на небе восходит и заходит созвездие Орион, идут дожди³.

¹ Гомер. Одиссея. XI.310; Аполлодор. I.3—4; Парфений. Любовные истории. 20; Лукиан. О доме. 28; Теон. Схолии к Арату. 638; Гигин. Поэтическая астрономия. II.34.

² Аполлодор. Там же.

³ Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. I.539; Овидий. Фасты. V.37 и след.; Гигин. Поэтическая астрономия. II.34.

1) История Ориона состоит из трех-четырех не связанных между собой мифов. Первый повествует об Энопионе. Это рассказ о нежелании царя-жреца уступить трон по окончании срока царствования даже после того, как новый кандидат на царствование одержал победу во всех ритуальных поединках и устроил пир по случаю женитьбы на царице. Однако новый царь всего лишь интеррекс, который проводит на троне только один день, после чего его умерщвляют и пожирают менады (см. 3,1); прежний царь, который все это время притворяется мертвым и лежит в могиле, повторно женится на царице и продолжает царствовать (см. 123,4).

2) Такая второстепенная деталь, как молот киклопов, объясняет слепоту Ориона: миф о том, как Одиссей выжег глаз пьяному Киклопу (см. 170,d), дополнился эллинской аллегорией, в которой титан-солнце

каждый вечер ослепляется врагами, но к рассвету следующего дня вновь обретает зрение. Похвальба Ориона, что он истребит всех диких зверей, не только относится к его ритуальным поединкам (см. 123,1), но и является притчей о восходящем солнце, при появлении которого все звери прячутся в свои логовища.

3) Рассказ Плутарха о том, как бог Сет послал Скорпиона убить дитя-Гора, сына Исиды и Осириса, в самый жаркий период лета, объясняет смерть Ориона от укуса Скорпиона и обращение Артемиды к Асклепию (Плутарх. *Об Исиде и Осирисе*. 19). Гор умирает, бог-солнце Ра оживляет его, и тогда он мстит за смерть своего отца Осириса. В первоначальной мифе Ориона тоже оживляют. Орион чем-то напоминает вавилонского Геракла — Гильгамеша, о котором в десятой табличке календарного эпоса говорится, что на него нападает человек-скорпион — миф, рассказывающий о том, как царю-жрецу наносится смертельная рана в тот день, когда солнце начинает подниматься в созвездии Скорпиона. Время года, в которое царю-жрецу наносилась смертельная рана, зависит от древности мифа. Когда возник Зодиак, Скорпион, вероятно, был знаком августа, однако в классическую эпоху в результате прецессии он оказался сдвинутым к октябрю.

4) Еще один рассказ о смерти Ориона записан на хеттских табличках, найденных в Рас-Шамра. Богиня войны Анат, или Аната, влюбилась в прекрасного охотника по имени Акхат, и когда он, пользуясь всякими уловками, отказался дать ей свой лук, богиня упростила кровожадного Ятпану украсть лук у Акхата. К ее большому сожалению, неловкий Ятпан не только убил Акхата, но и уронил лук в море. Астрономическое значение этого мифа сводится к тому, что Орион и Лук — это часть созвездия, которое греки называют Гончая и которое каждую весну опускается за южный горизонт на целых два месяца. В Греции, вероятно, этот миф превратился в легенду о том, как оргиастические жрицы Артемиды (поскольку *Опис* — это эпитет самой Артемиды) убивали любвеобильных посетителей их крохотного островка Ортигия. Поскольку в Египте с появлением созвездия Орион устанавливалась летняя жара, его путали с врагом Гора Сетом, а две яркие звезды над ним считались ушами его осла.

[а] Гелиос, которому волоокая Эврифаесса, или Тейя, родила титана Гипериона, — брат Селены и Эос. Он встает с криком петуха, который считается его священной птицей и, приветствуемый Эос, правит свою запряженную четверкой лошадей колесницу к небесам, ежедневно проделывая путь от прекрасного дворца на востоке, недалеко от Колхиды, до не менее великолепного дворца на западе, где он распрягает своих лошадей и отпускает их пастись на Островах Блаженных¹. Он плывет домой по потоку Океана, который омывает весь мир, погрузив колесницу и лошадей на золоченый паром, сделанный для него Гефестом, и всю ночь спит в уютном чертоге².

[b] Гелиос видит все, что происходит на земле, однако он не очень внимателен и однажды даже не заметил, как спутники Одиссея украли у него священный скот. У Гелиоса во владении несколько таких стад, причем в каждом насчитывается по триста пятьдесят голов. На Сицилии за стадом присматривают его дочери Фаэтуса и Лампетия. Но самое лучшее стадо он держит на острове Эритея³. Ему во владение отдан Родос. Случилось так, что когда Зевс распределял города и острова между различными богами, то забыл о Гелиосе. «Какая жалость, — сказал Зевс, — теперь мне придется все начинать сначала». — «Не стоит, — вежливо ответил Гелиос, — сегодня я заметил, что к югу от Малой Азии в море появляется новый остров. Мне его вполне хватит».

[с] Зевс призвал богиню судьбы Лахесис и попросил ее проследить за тем, чтобы любой новый остров принадлежал Гелиосу⁴. Когда Родос поднялся достаточно высоко над волнами, Гелиос объявил его своим владением, и на этом острове нимфа Рода родила ему семь сыновей и одну

дочь. Некоторые утверждают, что Родос существовал и до этого, просто его затопили воды, обрушенные Зевсом на землю. Остров первоначально населяли тельхины и нимфы, и Посейдон влюбился в одну из них — нимфу Галию, которая родила ему Роду и шесть сыновей. Это те шестеро сыновей, которые оскорбили Афродите во время ее перехода с острова Киферы на Пафос и которых она за это лишила разума. Они надругались над своей матерью и совершили множество таких отвратительных преступлений, что Посейдон не вытерпел и загнал их под землю, где они стали восточными демонами. Галия бросилась в море, и ей стали поклоняться как богине Левкофее. Однако такую же историю рассказывают об Ино, матери коринфца Меликерта. Тельхины, предвидя наводнение, поплыли в разные стороны, но больше всего их оказалось в Ликии. Своих прав на Родос они больше не предъявляли. Поэтому Рода осталась единственной наследницей острова, и ее семь сыновей от Гелиоса правили островом после того, как он вновь поднялся из воды. Все они стали знаменитыми астрономами, а их единственная сестра, Электрио, умерла девственницей, и ей поклоняются как полубогине. Один из братьев по имени Актий был изгнан за братоубийство и бежал в Египет, где основал город Гелиополь и был первым, кто обучил египтян астрологии, как того захотел его отец Гелиос. В его честь родосцы построили Колосса высотой семьдесят сажень. Зевс добавил к владениям Гелиоса остров Сицилию, который возник, когда камень, брошенный в битве с гигантами, упал в море.

[d] Однажды утром Гелиос уступил настойчивым просьбам своего сына Фаэтона и доверил ему управлять колесницей. Фаэтон захотел покрасоваться перед своими сестрами Протой и Клименой и, напутствуемый Родой (чье имя нельзя назвать со всей определенностью, поскольку ее называли и Родой и именами обеих ее дочерей), отправился в путь. Однако, не совладав с бегом белых лошадей, запряженных для него сестрами, Фаэтон сначала направил колесницу слишком высоко, и люди на земле стали мерзнуть, а потом опустил ее так близко к земле, что жар стал выжигать поля. Увидев это, Зевс в припадке ярости поразил Фаэтона перуном и тот упал в реку По. Его опечаленные сестры превратились в тополя на берегах этой реки и роняли в нее янтарные слезы. Некоторые говорят, что они превратились в ольху¹.

¹ Гомеровский гимн к Гелиосу. 2.9—16; Гомеровский гимн к Афине. 13; *Гесиод*. Теогония. 371—374; *Павсаний*. V.25.5; *Нонн*. Деяния Диониса.

XII.1; Овидий. *Метаморфозы*. II.1, 106 и след.; *Гигин*. Мифы. 183; *Аттеней*. VII.296.

² *Аполлодор*. II.5.10; *Аттеней*. XI.39.

³ *Гомер*. *Одиссея*. XII.323, 375; *Аполлодор*. I.6.1; *Феокрит*. *Идиллии*. XXV.130.

⁴ *Пиндар*. *Олимпийские оды*. VII.54 и след.

⁵ *Схолии* к «Олимпийским одам» *Пиндара*. VI.78; *Цец*. *Хилиады*. IV.137; *Гигин*. Мифы. 52,152,154; *Еврипид*. *Ипполит*. 737; *Аполлоний Родосский*. IV.598 и след.; *Лукиан*. *Разговоры богов*. 25; *Овидий*. *Метаморфозы*. I.755; *Вергилий*. *Буколики*. VI.62; *Диодор Сицилийский*. V.3; *Аполлодор*. I.4.6.

1) Подчиненность солнца луне вплоть до того момента, когда Аполлон занял место Гелиоса и превратил бога солнца в интеллектуальное божество, является отличительной чертой древнегреческого мифа. Гелиос даже не был олимпийцем, а всего лишь сыном титана. Несмотря на то что со временем Зевс приобретает некоторые солярные характеристики, заимствованные у хеттского и коринфского бога Тесупа (см. 67,1) и других восточных солнечных божеств, они остаются несущественными по сравнению с тем, что ему подчинялись громы и молнии. Количество скота в стадах Гелиоса, который в «Одиссее» предстает под именем Гипериона (см. 170,г), напоминает о его подчиненности Великой богине: соответствует количеству дней, содержащихся в двенадцати полных лунных месяцах, как в календаре Нумы^{53*} (*Цензорин*. XX), минус пять дней, посвященных Осирису, Исиде, Сету, Гору и Нефтиде. Кроме того, это произведение «лунных чисел» — пятидесяти и семи. Так называемые дочери Гелиоса — это жрицы луны, поскольку в древнеевропейской мифологии коровы относились к лунному, а не солярному культу. Мать Гелиоса волоокая Эврифаесса — это не кто иной, как сама луна-богиня. Пересекающая небосвод солнечная колесница является, по сути, эллинской аллегорией, однако Нильссон в книге «Примитивное восприятие времени» (1920) показал, что культ предков даже в классической Греции строился только по лунному календарю, как и все

^{53*} Календарь Нумы — архаический сакральный календарь, сложившийся в период правления второго римского царя Нумы Помпилия (716—672), тесно связан с культом Януса. На протяжении столетий сохранялся в неизменном виде, за исключением нескольких дополнений. Содержал 12-месячный лунный цикл вместо 10-месячного аграрного: 7 месяцев по 29 суток, 4 — по 31, февраль — 28 суток, всего 355 суток.

земледелие в Беотии времен Гесиода. Золотые кольца, найденные в Тиринфе и на микенском акрополе, подтверждают, что богине подчинялись как луна, так и солнце, которое изображалось у нее над головой.

2) В рассказе о Фаэтоне, чье имя — всего лишь одно из имен самого Гелиоса (Гомер. *Илиада*. XI.735, *Одиссея*. V.479), присутствует нравоучение, в котором колесница играет роль аллегии, а суть нравоучения сводится к тому, что отцы не должны портить своих сыновей, позволяя им поступать по советам женщин. Однако притча эта не столь проста, как кажется. Ее мифологическая значимость заключается в указании на ежегодное принесение в жертву юноши царского рода, причем жертвоприношение совершалось в день, который не принадлежал звездному году, а считался частью года земного. Это был день, следующий за самым коротким днем в году. На закате разыгрывалась смерть царя-жреца: мальчик-интеррекс сразу получал все титулы, почести и священные реликвии царя, женился на царице, а сутками позже приносился в жертву. Во Фракии его разрывали на куски женщины в масках кобылиц (см. 27,d; 130,1), а в Коринфе и других местах его привязывали к солнечной колеснице и взбешенные лошади несли ее, пока она не разбивалась и юноша не погибал. После этого прежний царь вновь появлялся из своей могилы, служившей ему все это время укрытием (см. 41,1), и наследовал трон от мальчика-царя. Мифы о Главке (см. 71,a), Пелопе (см. 109,j) и Ипполите (см. 101,g) повествуют именно о таком обычае, который в Вавилон принесли, по всей вероятности, хетты.

3) Черные тополя были священными деревьями Гекаты, а белые тополя символизировали надежду на воскресение (см. 31,5; 134,f). Поэтому превращение сестер Фаэтона в тополя указывает на наличие острова-усыпальницы, где жрицы исполняли обряды у прорицалища родового царя. Такая точка зрения подтверждается еще и тем, что сестры Фаэтона превратились также в заросли ольхи, а ольха росла по берегам принадлежавшего Кирке острова Эя. Это остров-усыпальница, расположенный в Адриатическом море, недалеко от впадения в него реки По (Гомер. *Одиссея*. V.64,239). Тополя были священными деревьями Фородея, героя-прорицателя, открывшего секрет получения огня (см. 57,1). Долина реки По представляла собой южную оконечность существовавшего в эпоху бронзы «янтарного пути», по которому священный солнечный камень янтарь доставляли с Балтики в Средиземноморье (см. 148,9).

4) Родос являлся собственностью луны-богини Данаи, которую также называли Камира, Иалиса и Линда (см. 60,2) до тех пор, пока ее не вытеснил хеттский солнечный бог Тесуп, которому поклонялись в образе быка (см. 93,1). Данаю можно отождествить с Галией («морская»), Левкофеей («белая богиня») и Электрио («янтарь»). Шесть сыновей и одна дочь Посейдона и семь сыновей Посейдона — это указание на семидневную неделю, каждый день которой был посвящен определенной планете или титану (см. 1,3). Актий не основывал Гелиополиса, поскольку Они, или Аун, является одним из древнейших египетских городов. Смешно выглядит утверждение, будто он научил египтян астрологии. Однако после Троянской войны родосцы оставались некоторое время единственными морскими купцами, которых признавали фараоны, и не исключено, что они поддерживали культовые связи с Гелиополем, который был центром культа бога Ра. Гелиопольский Зевс в окружении статуй, олицетворяющих семь планет и установленных в цоколе монумента, возможно, был создан не без родосского влияния, как и аналогичные статуи, найденные в Тортосе (Испания) и Библосе (Финикия) (см. 1,4).

Эллин и его потомство

[а] Сын Девкалиона Эллин женился на Орсеиде и обосновался в Фессалии, которую унаследовал от него его старший сын Эол¹.

[б] Младший сын Эллина Дор переселился к горе Парнас, где основал первую дорийскую общину. Его средний сын Ксуф к тому времени уже бежал в Афины, обвиненный братьями в краже. В Афинах он женился на Креусе, дочери Эреффея, и она родила ему Иона и Ахея. Поэтому четыре самых знаменитых эллинских племени, а именно: ионийцы, золийцы, ахейцы и дорийцы, — ведут свое начало от Эллина. Однако Ксуфу в Афинах не повезло: выбранный после смерти Эреффея третейским судьей, он объявил своего сводного брата Кекропа Второго законным наследником престола; но это решение не нашло поддержки у населения, Ксуфа изгнали из города, и он умер в Эгиалее, которую теперь называют Ахайей².

[с] Эол соблазнил дочь Хирона пророчицу Тею, которую иногда называют Фетидой и которая во время охоты сопровождала Артемиду. Тея боялась, что, когда все откроется, Хирон накажет ее, однако не посмела обратиться к Артемиде за помощью. Тем временем Посейдон, желая помочь Эолу, временно превратил его возлюбленную в кобылицу по имени Эвиппа. Когда Эвиппа ожеребилась Меланиппой, Посейдон превратил ее в маленькую девочку, а образ Теи поместил среди звезд. Теперь ее образ называют созвездием Лошади. Эол взял Меланиппу, переименовал ее в Арну и доверил ее воспитание некоему Десмонту, который, будучи бездетным, был рад взять на воспитание дочь. Хирон ничего об этом не узнал.

[d] Посейдон соблазнил Арну, которая ему приглянулась, как только та достигла брачного возраста. Обнаружив, что она беременна, Десмонт ослепил ее, закрыл в пустой гробнице и оставил ей воды и хлеба ровно столько, чтобы та не умерла с голоду. В этой гробнице Арна родила сыновей-близнецов, которых Десмонт приказал своим слугам отнести на гору Пелион, чтобы их сожрали дикие звери. Однако икарыйский пастух спас близнецов. Один из них был так похож на своего деда по матери, что его называли Эолом, а второй довольствовался именем Беот.

[e] Тем временем царь Икарии Метапонт сказал, что разведется со своей женой Феано, если она не родит ему в течение года наследника. Когда муж уехал, чтобы посоветоваться с оракулом, она обратилась к пастуху за помощью, и тот принес ей найденышей, которых, по возвращении Метапонта, она выдала за своих собственных детей. Позднее, оказавшись вовсе не бесплодной, она родила мужу двойню, однако найденыши, имея божественного родителя, оказались намного красивей ее собственных детей. Поскольку Метапонт даже не подозревал, что Эол и Беот не его дети, они так и оставались его любимцами. Такое положение становилось все невыносимее для Феано и, дождавшись, когда Метапонт вновь уехал из дому, — на этот раз чтобы принести жертву в святилище Артемиды Метапontiны, — Феано приказала своим детям отправиться на охоту вместе со старшими братьями и там якобы по неосторожности убить их. Однако ее планам не суждено было сбыться, поскольку в завязавшейся между братьями схватке Посейдон встал на сторону своих сыновей. Вскоре Эол и Беот оказались перед дворцом, неся мертвые тела напавших на них братьев. При виде этой процессии Феано схватила охотничий нож и зарезалась.

[f] После этого Эол и Беот бежали к своему приемному отцу-пастуху, где явившийся к ним Посейдон рассказал, кто их родители. Он приказал им спасти их мать, которая до сих пор томилась в гробнице, и убить Десмонта. Они без колебания повиновались. Когда Арна была освобождена, Посейдон вернул ей зрение, и все трое отправились в Икарию. Метапонт, узнав, что Феано обманула его, женился на Арне и официально признал ее сыновей как своих наследников³.

[g] Несколько лет все шло хорошо, пока Метапонт не решил избавиться от Арны и вновь жениться. В начавшейся борьбе Эол и Беот приняли сторону матери и убили новую царицу Автолику, однако вынуждены были отказаться от наследства и бежать. Беот и Арна нашли

прибежище во дворце своего деда Эола, который подарил им южную часть своего царства и переименовал ее в Арну, а люди, жившие там, до сих пор называют себя беотийцами. Два фессалийских города, один из которых позднее называли Херонея, также стали именоваться в честь Арны⁴.

[h] Тем временем Эол с несколькими друзьями поплыл на запад и захватил семь Эолийских островов в Тирренском море, где стал известен как доверенный богов и хранитель ветров. Он жил на плавучем острове Липара, где за отвесными скалами были заточены все ветры. Его жена Энарета родила ему шесть сыновей и шесть дочерей. Жили они все в дружбе и согласии во дворце, окруженном медной стеной. Жизнь их протекала как праздник, с песнями и весельем, пока Эол не узнал, что его младший сын Макарей спит со своей сестрой Канакой. В ужасе он бросил плод их кровосмесительной любви собакам, а Канаке отправил меч, который она использовала по назначению. После этого он узнал, что и остальные его сыновья и дочери, не ведая, что инцест среди людей не нравится богам, давно уже жили парами, считая себя мужем и женой. Не желая обидеть Зевса, который считал, что инцест допустим только для олимпийцев, Эол запретил эти союзы и приказал четверем сыновьям уехать. Сыновья отправились в Италию и Сицилию, где основали знаменитые царства, каждое из которых отличалось такой же справедливостью и строгостью нравов, как и царство их отца. При себе Эол оставил только своего старшего сына, который должен был унаследовать от отца трон Липары. Некоторые, правда, говорят, что у Макарея и Канаки была дочь Амфисса, которую потом полюбил Аполлон⁵.

[i] Зевс заточил ветры потому, что боялся, что в противном случае они поднимут на воздух и землю, и море. По желанию Геры за ветрами стал присматривать Эол. Его обязанностью было выпускать ветры по одному по своему желанию или по желанию богов. Когда нужна была буря, Эол бросал в скалу копьё, и из образовавшегося отверстия начинали дуть ветры до тех пор, пока Эол вновь не закрывал его. Эол так хорошо справлялся со своими обязанностями, что, когда настал его смертный час, Зевс не отправил его в Аид, а усадил на трон в Пещере ветров, где его можно видеть до сих пор. Хотя, по мнению Геры, своей добросовестностью Эол заслужил того, чтобы присутствовать на пирах богов, другие олимпийцы, особенно Посейдон, считавший море и воздух над ним своей собственностью

и оспаривавший право любого распоряжаться бурями, полагали, что Эол вмешивается не в свои дела⁶.

¹ Аполлодор. I.7.3.

² Геродот. I.56; Павсаний. VII.1.2.

³ Гигин. Мифы. 186; Поэтическая астрономия. II.18.

⁴ Диодор Сицилийский. IV.67.6; Павсаний. IX.40.3.

⁵ Овидий. Героиды. XI; Гомер. Одиссея. X.1 и след.; Гигин. Мифы. 238; Диодор Сицилийский. V.8; Павсаний. X.38.2.

⁶ Гомер. Одиссея. Там же; Вергилий. Энеида. I.142—145.

1) Ионийцы и эолийцы — первые две волны патриархальных эллинов, пришедших в Грецию, — переняли от живших здесь эладцев культ женской триады и соответствующим образом изменили свой социальный порядок. Позднее ахейцам и дорийцам удалось установить здесь патриархальное правление и патрилинейное наследование, поэтому Ахей и Дор рассматривались ими как сыновья их общего предка Элина, чье имя представляет собой форму мужского рода от имени луны-богини Элле, или Елены. «Паросская хроника» утверждает, что переименование греков в эллинов произошло в 1521 г. до н. э., что представляется вполне правдоподобным^{54*}. Эол и Ион были отнесены ко второму поколению и названы сыновьями вороватого Ксуфа. Таким образом, было выражено отрицательное отношение к практиковавшемуся эолийцами и ионийцами оргиастическому культу луны-богини Афродиты, священной птицей которой был *xuthos*, т. е. воробей, и жрицы которой не признавали патриархального взгляда на женщину, считавшуюся собственностью отца и мужа. Еврипид, будучи верным афинянином и ионийцем, представил Иона как старшего брата Дора и Ахея и одновременно как сына Аполлона (см. 44,а).

2) Совращение Посейдоном Меланиппы и овладение силой кобыло-головой Деметрой (см. 16, f), а также соблазнение Эолом Эвиппы, вероятно, относятся к одному и тому же событию: захват эолийцами доэллинических центров культа лошади. Миф об ослеплении Арны и ее заточении в гробницу, где она родила близнецов Эола и Беота, брошенных на

^{54*} «Паросская хроника» (*Μαρινος Ραριου*) — мраморная доска, найденная в 1627 г. на острове Парос, содержит краткое описание политической и литературной истории эллинов. Хранится в Оксфордском университете.

съедение диким зверям, очевидно, происходит от распространенного живописного сюжета, который также породил мифы о Данае (см. 73,2), Антиопе (см. 76,а) и др. Согласно этому сюжету жрица матери-Земли, распростертая в гробнице (толос), предъявляет пастухам близнецов, которые олицетворяли новый год, что являлось частью мистерий. Гробница имела вход, всегда обращенный к востоку, что символизировало надежду на воскресение. Эти пастухи должны были сообщать остальным, что нашли на горе брошенных кем-то детей, вскормленных определенным священным животным: коровой, свиньей, козой, сукой или волчицей. Дикие звери, от которых якобы спасали близнецов, были сезонными перевоплощениями новорожденного царя-жреца (см. 30,1).

3) Если исключить историю с заключением на острове Липара ветров и историю кровосмесительных браков, то в остальном миф повествует о миграции племен. Мифографы нарочито путают Эола — сына Элина, Эола, которого называют сыном Ксуфа (чтобы представить эолийцев третьим поколением греков), а также еще одного Эола, который был внуком первого.

4) Поскольку боги Гомера не считали кровосмесительные браки между сыновьями и дочерьми Эола предосудительными, можно предположить, что ни Эол, ни Энарета не были смертными и не подчинялись жреческим спискам, выводящим степень родства. Они оба плюс шесть пар их дочерей и сыновей, возможно, были титанами, которые управляли семью небесными телами и семью днями священной недели (см. 1,d). Такое допущение объясняет их особое положение и богоподобное существование в неприступном дворце на плавающем острове, где не нужно заботиться ни о пропитании, ни об одежде. Этот остров напоминает Делос накануне рождения на нем Аполлона (см. 14,3). *Макарей* означает «счастливый», но счастливыми считались только боги. Уже на долю латинских мифографов выпала задача сделать из Эола человека и заставить его критически взглянуть на поведение своих детей.

5) Ветры первоначально принадлежали Гере, и мужчины-боги власти над ними не имели. Так у Диодора Эол только учит островитян тому, как пользоваться парусами, и предсказывает по огненным знакам, какие будут дуть ветры. Управление ветрами, которые считались душами мертвых, являлось той привилегией богини смерти, которой ее представители меньше всего хотели лишиться. Колдуньи в Англии, Шотландии

и Бретани даже в XVI и XVII вв. утверждали, что могут управлять ветрами и продавать их морякам. Однако дорийцы вели себя последовательно: уже в эпоху Гомера Эол — предок-эпоним эолийцев — оказался возведенным в ранг божка и стал распоряжаться ветрами, ранее принадлежавшими Гере. Эолийские острова, названные в его честь, расположены в районе, известном своими сильными ветрами (см. 170, g). Появление нового божка не могло не встретить сопротивления со стороны жрецов Зевса и Посейдона, которые противились созданию новых божеств, и, бесспорно, не встретило энтузиазма со стороны поклонников Геры, для которых ветры всегда казались неотъемлемой собственностью их богини.

[а] Аполлон тайно возлег на ложе с дочерью Эрехтея Креусой, женой Ксуфа. Случилось это в пещере под афинскими Пропилеями. Когда у нее родился сын, Аполлон перенес его в Дельфы, где он стал храмовым слугой, и жрецы называли его Ионом. Ксуф, не имея наследника, после долгих раздумий отправился к дельфийскому оракулу, чтобы узнать, как обрести сына. К своему удивлению, он узнал, что первый, кого он встретит, выйдя из святилища, и есть его сын. Ему повстречался Ион, Ксуф подумал, что это сын одной из менад, зачавшей от него во время дионисийских оргий много лет назад. Иону нечего было возразить, и он признал в Ксуфе своего отца. Однако Креуса была раздосадована тем, что у Ксуфа появился сын, а у нее сына не было, и попыталась умертвить Иона, предложив ему чашу с отравленным вином. Но Ион сначала совершил жертвенное возлияние богам, и прилетевший голубь испил пролитого вина. Голубь упал мертвым, а Креуса бросилась искать спасения у алтаря Аполлона. Когда жаждущий отомстить ей Ион попытался вытащить Креусу из святилища, вмешалась жрица и объяснила ему, что он сын Креусы и Аполлона и что не следует разубеждать Ксуфа в том, что Иона родила ему одна из менад. За это Ксуфу было обещано, что Креуса родит ему Дора и Ахея.

[b] После этих событий Ион женился на Гелике, дочери Селина, царя эгиалеев, от которого он унаследовал трон, а когда умер Эрехфей, он был избран царем Афин. Четыре сословия афинян — земледельцы, ремесленники, жрецы и солдаты — получили свои названия от имен сыновей, которых Иону родила Гелика¹.

¹ Павсаний. VII.1.2; Еврипид. *Ион*; Страбон. VIII.7.1; Конон. Повествования. 27.

1) Этот театральнй миф рассказывали для того, чтобы обосновать старшинство ионийцев над дорийцами и ахейцами (см. 43,1), а также для того, чтобы вывести их божественное происхождение от Аполлона. Креуса в пещере — это, вероятно, богиня, производящая на свет новогоднего младенца или младенцев (см. 43,2) от пастуха, которого ошибочно принимают за Аполлона в пастушеских одеждах. Гелика — это ива, дерево пятого месяца, посвященного триаде муз, жрица которой использовала это дерево в колдовстве и магии вызывания дождя (см. 28,4); не исключено, что ионийцы без сопротивления подчинились этой богине.

Алкиона и Кеик

[а] Алкиона была дочерью Эола — хранителя ветров — и Эгиалы. Она вышла замуж за Кеика из Трахина, сына Утренней звезды, и им было так хорошо друг с другом, что она даже посмела называть себя Герой, а его Зевсом. Вполне понятно, что олимпийцы, Зевс и Гера, почувствовали себя оскорбленными и обрушили молнию на судно, в котором Кеик отправился за советом к оракулу. Кеик утонул, а его дух явился Алкионе, которая вынуждена была против своей воли остаться в Трахине. Горе ее было так велико, что она бросилась в море, а растроганные происшедшим боги превратили их обоих в зимородков.

[б] С тех пор каждую зиму самка зимородка с громким причитанием несет своего спутника жизни к месту погребения, а затем, свив плотное гнездо из колючек морской иглы, спускает его в море, откладывает яйца и высиживает птенцов. Происходит это в Алкионовы дни, т. е. семь дней до зимнего солнцестояния и семь дней после, причем в это время Эол не разрешает ветрам волновать море.

[с] Некоторые утверждают, что Кеик был превращен в чайку¹.

¹ *Аполлодор*. I.7.3; Схолии к «Птицам» Аристофана. 250; *Евстафий*. Комментарий к «Илиаде» Гомера. IX.62; *Плиний*. Естественная история. X.47; *Гигин*. Мифы. 65; *Овидий*. Метаморфозы. XI.410—748; *Лукиан*. Гальциона. I; *Плутарх*. Кто из животных самый ловкий? 35.

1) Легенда о гнезде алкионы, или зимородка (которой, кстати, нет подтверждения в природе, потому что зимородок вообще не строит гнезда, а откладывает яйца в ямки на побережье), может быть объяснена только

рождением нового царя-жреца во время зимнего солнцестояния, после того как царица, олицетворяющая мать царя, т. е. луну-богиню, переправит труп прежнего царя на остров для погребения. Однако в связи с тем, что зимнее солнцестояние не всегда совпадает с одной и той же фазой луны, «каждый год» следует понимать как «каждый Великий год», состоящий из ста лунных месяцев, в конце которого происходило примерное совпадение лунного и солнечного календаря и кончался срок правления царя-жреца.

2) Гомер отождествляет зимородка с *Алкионой* (см. 80,d), т. е. эпитетом жены Мелеагра Клеопатры (*Илиада*. IX.562), а также с дочерью хранителя ветров Эола (см. 43,h). *Зевс*, как пишет Иоанн Цец (*Antehomerica*. 102 и след., *Хилиады*. I.474), был всего лишь титулом царьков (см. 68,1), который со временем сохранился только за Небесным отцом. Однако на Крите даже в эпоху христианства еще продолжала существовать мистическая традиция, согласно которой Зевс рождался и умирал ежегодно, причем могилу Зевса показывали в Кноссе, на горе Дикта и на горе Ида, хотя эти центры принадлежат различным культам. Каллимах был настолько поражен этим, что написал в своем «Гимне к Зевсу»: «„Критяне все-то солгут“; еще бы, и гроб сотворили критяне, боже, тебе — а ты пребываешь живущим!» Этот гимн приводится в «Послании к Титу» (I.12; см. 7,6).

3) Плиний^{55*}, который подробно описывает несуществующее гнездо зимородка, — очевидно, это зоофит, названный Линнеем *halcyonum*, — сообщает также, что зимородка можно увидеть очень редко — только во время двух солнцестояний и при появлении созвездия Плеяд. Это еще одно доказательство того, что птица олицетворяла луну-богиню, которая попеременно была богиней живого начала во время зимнего солнцестояния и богиней жизни-в-смерти во время летнего солнцестояния. Эта же богиня каждый Великий год, когда в начале ноября Плеяды заходили на небе, объявляла царю-жрецу о приходе смерти.

4) Еще одна Алкиона — дочь Пелионы и Атланта, была предводительницей семи Плеяд (см. 39,d). Появление Плеяд на небе в мае означало начало сезона мореплавания, который продолжался до захода Плеяд, с исчезновением которых, как указывал Плиний в разделе,

^{55*} Плиний (Плиний Старший; ок. 23—79 н. э.) — римский писатель-энциклопедист. Из множества сочинений дошла только «Естественная история» (в 37 книгах). Погиб во время извержения Везувия, его смерть описана в письмах Плиния Младшего (его племянник и приемный сын), адресованных Тациту. В Средние века считался одним из авторитетнейших ученых.

посвященном зимородку, начинали дуть очень холодные северные ветры. Обстоятельства смерти Кеика показывают, что эолийцы, которые были хорошими моряками, поклонялись богине как *Алкионе*, защищавшей их от скал и плохой погоды: Зевс ударяет перуном в корабль Кеика, чтобы показать свое неподчинение богине. Однако остается вера в магическую возможность зимородка успокаивать бури, а высушенная тушка этой птицы использовалась как талисман, оберегающий от молний Зевса — вероятно, на том основании, что молния дважды не попадает в одно и то же место. Во время зимнего солнцестояния на Средиземном море, как правило, держится хорошая погода.

Род Афинских царей

[а] Терей — сын Ареса — правил фракийцами, которые тогда жили в фокийской Давлиде. Некоторые, правда, говорят, что он был царем Паг в Мсгариде¹. Говорят также, что он выступал посредником в пограничном споре на стороне царя Афин Пандиона — отца близнецов Бута и Эрехтея, и женился на их сестре Прокне, родившей ему сына Итиса.

[б] К несчастью, Терей, околдованный голосом младшей сестры Пандиона Филомелы, влюбился в нее, а годом позже, спрятав Прокну в сельской хижине неподалеку от своего дворца в Давлиде, сообщил о ее смерти Пандиону. Пандион, проникнувшись сочувствием к Терее, великодушно предложил Филомеле заменить ему Прокну и отправил ее в сопровождении афинских воинов для бракосочетания в Давлиду. Терей перебил сопровождавших, а когда Филомела оказалась в его дворце, совершил над ней насилие. Вскоре весть о происшедшем дошла до Прокны, но Терей из предосторожности отрезал ей язык и стал содержать ее на той половине дома, где жили рабы. Ей удалось связаться с Филомелой, только вплетя тайное послание в узоры брачного одеяния, предназначенного для нее. В послании говорилось: «Прокна среди рабов».

[с] Тем временем оракул предупредил Теря, что Итис погибнет от руки кровного родственника. Терей, заподозрив своего брата Дрианта в том, что это он готовит кровавый заговор с целью овладеть его тронem, застал его врасплох и зарубил топором. В тот же день Филомела прочла вышитое на одеянии послание и поспешила на половину рабов.

Обнаружив, что дверь в одну из комнат заперта, она выломала дверь и освободила Прокну, которая стала бегать вокруг нее, пытаясь что-то сказать.

«Терей не должен остаться неотмщенным за то, что объявил тебя мертвой и овладел мной!» — догадавшись, возопила Филомела.

Лишенная языка Прокна не смогла подтвердить ее догадки, и, выбежав вон, она убила своего сына Итиса, расчленила его тело и сварила в медном котле, так что к возвращению Терейя блюдо было уже готово.

[d] Когда Терей понял, чью плоть он ест, он схватил тот же топор, которым некогда зарубил Дрианта, и бросился в погоню за сбежавшими из дворца женщинами. Вскоре он догнал их и уже было собрался совершить двойное убийство, но боги превратили всех троих в птиц. Прокна стала ласточкой, Филомела — соловьем, а Терей — удодом. Поэтому жители Фокиды говорят, что из-за страха перед Тереем в Давлиде и поблизости от нее не вьют гнезд ласточки и не поют соловьи. Оставшаяся без языка ласточка только пищит и летает кругами в небесах, а ищущий ее удод кричит: «*Рου? Ρου?*» («Где? Где?»). Филомела же в образе соловья нашла убежище в Афинах, где беспрестанно скорбит по Итису, на которого она нечаянно навлекла смерть, и поет: «*Ity! Ity!*»².

[e] Некоторые говорят, что Терей превратился в ястреба³.

¹ *Аполлодор*. III.14. 8; *Фукидид*. II.29.3; *Страбон*. IV.3.13.; *Павсаний*. I.41.8.

² *Аполлодор*. III.14. 8; *Понн. Деяния Диониса*. IV.320; *Павсаний*. I.5.4,41.8, X.4.6; *Гигин*. Мифы. 45; *Фрагменты*. 523—538 из «Терейя» Софокла; *Евстафий*. Об «Одиссее» Гомера. XIX.418; *Овидий*. *Метаморфозы*. VI.426—674.

³ *Гигин*. Мифы. 45.

1) Эта экстравагантная история, вероятно, возникла с целью объяснить фрако-пеласгические настенные росписи, обнаруженные вторгшимися фокидцами в одном из храмов Давлиды, на которых были изображены различные местные методы гаданий.

2) Отрезание языка Прокны — это неправильное прочтение сцены, которая изображает жрицу, впавшую в пророческий транс от жевания лавровых листьев; ее лицо искажено не от боли, а от экстаза, а предмет, напоминающий отрезанный язык, — всего лишь лавровый лист, который подаст ей жрец, объясняющий ее бессвязное бормотание.

Вплетение букв в брачное одеяние — еще одна неправильно понятая сцена, в которой жрица бросает на белую ткань несколько ивовых прутьев так же, как это делали кельты, по свидетельству Тацита (*Германия*. X), и скифы (Геродот. IV.67); прутьики должны принять форму букв, которые читает жрица. В так называемом поедании Итиса Тереем ивовая жрица гадает по внутренностям ребенка, принесенного в жертву для того, чтобы принести удачу царю. В сцене Терей и оракула царь мог быть изображен спящим на овечьей шкуре в храме, где ему снились пророческие сны (см. 51,g). Греки вряд ли могли ошибиться в прочтении этой сцены. В сцене с убийством Дрианта, вероятнее всего, фигурировал дуб, под которым был изображен жрец, пытающийся предсказать будущее по падению умерщвляемого человека, как это делали друиды. Превращение Прокны в ласточку, возможно, было навеяно сценой, в которой жрица в одеянии из перьев гадала по полету ласточки. Превращение Филомелы в соловья, а Терей в удода, вероятно, оказалось результатом того же неправильного прочтения. Имя Терей означает «наблюдатель», что говорит о том, что на картине с удодом был изображен мужчина-авгур.

3) Можно предположить, что были еще две сцены: принесение человеческой жертвы змеихвостому герою-прорицателю и юноша, гадающий по пчеле. Этими персонажами соответственно были Эрехтей и Бут (см. 47,1) — самые знаменитые бортники древности и братья Прокны и Филомелы. Матерью их была Зевксипа («запрягающая лошадей»), т. е. наверняка Деметра в образе кобылицы.

4) Аполлодор и Овидий отмечают, что Прокна стала соловьем, а Филомела — ласточкой, однако это лишь неловкая попытка исправить ошибку одного из греческих мифографов, утверждавшего, что Терей отрезал язык у Филомелы, а не у Прокны. Удод — царственная птица, на голове которой имеется хохолок из перьев. Удод как нельзя лучше подходит для повествования о Терее, поскольку гнездо этой птицы отличается невероятным зловонием. Согласно Корану, удод открыл Соломону тайны предсказаний.

5) Давлида, которая позднее стала называться Фокидой, вероятно, была центром культа птиц. Фок, основатель-эпоним нового государства, считался сыном Орнитиона (см. 81,b), а после него один из царей носил имя Ксуф («воробей») (см. 43,1). Гигин сообщает, что Терей превратился в ястреба, который был царской птицей в Египте, Фракии и северо-западной Европе.

[а] Царь Пандион умер от горя, когда узнал, что случилось с Прокной, Филомелой и Итисом. Все досталось в наследство его сыновьям-близнецам: Эрехфей стал царем Афин, а Бут стал жрецом Афины и Посейдона¹.

[b] Жена Эрехфея Праксифея родила ему четырех сыновей, среди которых был и его наследник Кекроп. Кроме того, у него родилось семеро дочерей: Протогония, Пандора, Прокрида, ставшая женой Кефала, Креуса, Орифия, Хтония, вышедшая замуж за своего дядю Бута, и самая младшая — Отиния².

[с] Случилось так, что Посейдон тайно возлюбил Хиону, дочь Орифии и Борся. Она родила ему сына Эвмолпа и бросила его в море, чтобы Борей ничего не узнал и не рассердился. Посейдон не дал Эвмолпу погибнуть, и ребенка прибило к берегам Эфиопии, где его вскормили в доме Бенфесикимы, которая была дочерью морской богини Амфитриты и приходилась Эвмолпу сводной сестрой. Когда Эвмолп возмужал, Бенфесикима женила его на одной из своих дочерей. Однако он полюбил другую дочь, за что Бенфесикима прогнала его во Фракию, где он стал плести заговор против своего защитника — царя Тегирия и в результате вынужден был искать убежища в Элевсине. Здесь он исправился и стал жрецом, исполнявшим мистерии Деметры и Персефоны, в которые он со временем посвятил Геракла, научил его петь и играть на лире. На лире Эвмолп играл с большим мастерством. Кроме того, он победил в соревновании флейтистов на играх памяти Пелия. В Элевсине жрицами были дочери Келея. Эвмолп жил так благочестиво все эти годы, что перед смертью царь Тегирий простил его и завещал ему фракийский трон³.

[d] Когда между Афинами и Элевсином началась война, Эвмолп на помощь элевсинцам привел большое войско фракийцев и именем отца своего, Посейдона, стал добиваться трона царя Аттики. Афиняне были не на шутку встревожены, и когда Эрехфей обратился к оракулу, тот сказал, что, если Эрехфей хочет победить, он должен принести в жертву Афине свою младшую дочь Отионию. Отиония, не колеблясь, взошла на жертвенный алтарь, после чего две ее старших сестры, Протогония и Пандора, также покончили с собой, поскольку дали клятву, что если кто-нибудь из них умрет насильственной смертью, то и они умрут так же ⁴.

[e] В состоявшейся затем битве Ион привел афинян к победе, а убившего Эвмолпа поразил Эрехфей. Посейдон упросил своего брата Зевса отомстить убийце, и тот поразил Эрехфея перуном. Некоторые, правда, говорят, что Посейдон сам поразил его ударом трезубца неподалеку от Макр, и земля разверзлась, чтобы принять тело.

[f] По условиям заключенного затем мира элевсинцы должны были подчиниться афинянам во всем, кроме мистерий. Жреческое звание унаследовал от Эвмолпа его младший сын Керикс, чьи потомки до сих пор пользуются большими наследственными привилегиями в Элевсине ⁵.

[g] После Эрехфея правил Ион, а в честь дочерей Эрехфея, пожертвовавших собой, до сих пор совершаются жертвенные возлияния без вина ⁶.

¹ Овидий. *Метаморфозы*. VI.675 и след. *Аполлодор*. III.15.1.

² Овидий. *Цит соч.*; *Суда* под словом *Parthenoi*; *Аполлодор*. *Цит. соч.*; *Гигин*. *Мифы*. 46.

³ *Плутарх*. О ссылке. 17; *Аполлодор*. II.5.12; *Феоокрит*. *Идиллия*. XXIV.110; *Гигин*. *Мифы*. 273; *Павсаний*. I.38.3.

⁴ *Аполлодор*. III.15.4. *Гигин*. *Мифы*. 46; *Суда*. *Цит. соч.*

⁵ *Павсаний*. VII.1.2, I.38. 3; *Еврипид*. *Ион*. 277 и след.

⁶ *Схолии* к «*Эдипу в Колоне*» Софокла. 100.

1) Миф об Эрехфее и Эвмолпе рассказывает о подчинении Элевсина Афинам и о фрако-ливийских корнях Элевсинских мистерий. Афинский культ оргиастической пчелы-нимфы летнего солнцеворота также попал в этот рассказ, поскольку Бут ассоциировался в греческих мифах с пчелиным культом на горе Эрик (см. 154, d), а его брат-близнец Эрехфей был мужем богини активного начала — Царицы-пчелы. Имя фракийского

царя Тегирия, царство которого унаследовал внук Эреxfея, еще более укрепляет связь с пчелами; оно значит «покрывающий ульи». Афины были знамениты своим медом.

2) Три благородных дочери Эреxfея, так же, как и три дочери его предка Кекропа, представляют собой женскую триаду пеласгов, в честь которой по торжественным случаям совершались жертвенные возлияния. Отиония, которую, как сообщает миф, принесли в жертву Афине, была, вероятно, сама Афина в образе совы. Протогония была сотворившей мир Эвриномой (см. 1,1), а Пандора — Землей-богиней Реей (см. 39, 8). При переходе от матриархата к патриархату некоторых жриц Афины могли приносить в жертву Посейдону (см. 121,3).

3) Трезубец Посейдона и перун Зевса первоначально были одним и тем же оружием — священным обоюдоострым топором — лабрис; различия между ними стали проводить только тогда, когда Посейдон стал богом моря, а Зевс стал претендовать на монопольное владение перуном (см. 7,7).

4) Бут, который был одним из аргонавтов (см. 148,1), на самом деле не принадлежал роду Эреxfейдов. Однако его потомки, Бутейды в Афинах, сумели пробиться в верхние слои афинского общества, и в VI в. до н. э. из их числа происходили жрецы в афинских храмах Полиея и Посейдона Эреxfея. Так произошло слияние эллинского культа Посейдона с культом героя пеласгов (Павсаний. I.26.6). Они могли внести изменения в этот миф так же, как внесли изменения в миф о Тесее (см. 95,3), соединив в одном лице аттического Бута и своего предка-фракийца, сына Боррея, который основал поселение на Накосе, а во время нападения на Фессалию силой овладел Коронидой (см. 50,5), лапифской принцессой (Диодор Сицилийский. V.50).

[а] Дочь афинского царя Эрехтея Орифия и его жена Праксифея однажды кружились в танце на берегу реки Илис, но тут налетел Борей, сын Астрея и Эос и брат Южного и Западного ветров, и унес Орифию на высокую скалу, стоявшую над рекой Эргин, где завернул ее в черные тучи и овладел ею¹.

[б] Борей давно любил Орифию и неоднократно просил ее руки, но Эрехфей каждый раз выпроваживал его, отделяваясь туманными обещаниями. Терпение Борей лопнуло, и он решил применить силу. Некоторые тем не менее говорят, что однажды во время ежегодного фесмофорийского шествия Орифия несла корзину, которую ветром унесло по склону Акрополя в храм Полиея, а Орифию налетевший Борей спрятал под своими дымчатыми крыльями и незаметно от собравшейся толпы унес прочь.

[с] Он принес ее в город фракийских киконов, где Орифия стала его женой и родила ему двух сыновей — Калаида и Зета, у которых выросли крылья, когда они стали взрослыми, и также двух дочерей — Хиону, у которой от Посейдона родился Эвмолп, и Клеопатру, вышедшую замуж за царя Финея, ставшего жертвой гарпий².

[d] Вместо ног у Борей были змеиные хвосты, а обитал он в пещере на горе Гем, в семи расщелинах которой Арес держал своих лошадей. Борей также чувствовал себя как дома на берегу реки Стримон³.

[е] Однажды, обратившись в темногривого жеребца, он покрыл двенадцать из трех тысяч кобылиц, принадлежавших Эрихтонию, сыну Дардана, и пасшихся на заливных лугах по берегам реки Скамандр. От этого союза родилось двенадцать жеребят, которые смогли скакать по полю, не касаясь колосьев, или резвиться, носясь по гребням волн⁴.

[f] Афиняне считали Борей своим сводным братом, и однажды даже упростили его уничтожить флот царя Ксеркса, после чего построили ему прекрасный храм на берегу реки Илис⁵.

¹ *Аполлодор*. III.15.1—2; *Аполлоний Родосский*. I.212 и след.

² *Овидий*. *Метаморфозы*. VI.677 и след.; *Схолии к «Одиссее» Гомера*. XIV.533; *Аполлодор*. III.15.3.

³ *Павсаний*. V.19.1; *Каллимах*. Гимн к Артемиде. 114 и Гимн к Делосу. 26,63—65.

⁴ *Гомер*. *Илиада*. XX.219 и след.

⁵ *Геродот*. VII.189.

1) Змеехвостый Борей, или Северный ветер, — это одно из имен демиурга Офиона, который плясал с Эвриномой или Орифией, богиней творения (см. 1,а), и оплодотворил ее. Роль Офиона при Эвриноме или Борей при Орифии могла быть такой же, как Эреxfея при Афине в первоначальном культе, а Афина Полися («городская»), для которой плясала Орифия, могла быть Афиной Полиеей, т. е. Афиной-жеребенком, богиней местного культа лошади и возлюбленной Борей—Эреxfея, который таким образом превращается в сводного брата афинян. Культ Борей, вероятно, возник в Ливии. Следует помнить, что Гермес, влюбившийся в предшественницу Орифии Герсу, когда она также несла священную корзину в Акрополь, и овладевший ею, не навлек на себя гнев Афины. Фесмофории, вероятно, некогда были оргиастическим праздником, во время которого жрицы публично занимались проституцией, чтобы повысить урожайность полей (см. 24,1). В священных корзинах находились фаллические предметы (см. 25,4).

2) Представления первобытных людей о том, что ребенок — это воплощение мертвого предка, который вошел в чрево женщины вместе с неожиданным порывом ветра, можно обнаружить в эротическом культе богини-кобылицы, и авторитет Гомера был настолько велик, что образованные римляне, вместе с Плинием, продолжали верить, будто в Испании кобылы оплодотворяются ветром (Плиний. *Естественная история*. IV.35, VIII.67). Варрон и Колумелла^{56*} пишут об этом же явлении,

^{56*} Колумелла Луций Юний Модерат (Iв. н. э.) — римский поэт родом из Испании. Главный труд в 12 книгах «О хозяйстве» — один из наиболее значительных сочинений на эту тему (наряду с сочинениями Катона Старшего и Варрона). Особый интерес представляет 10-я книга — о садоводстве, призванная служить дополнением к «Георгикам» Вергилия. Сочинение Колумеллы было особенно популярно в Средние века, с появлением книгопечатания вышло 65 его изданий.

а в конце III в. н. э. Лактанций^{57*} проводит параллель между этим явлением и непорочным зачатием от *Sanctus Spiritus* — святого духа.

3) Борей дует зимой со стороны хребта Гем и Стримона, а когда приходит цветущая весна, создается впечатление, что этот ветер оплодотворяет всю землю Аттики. Но поскольку ветер не может дуть в обратную сторону, миф о похищении Орифии, очевидно, повествует о распространении культа Северного ветра из Афин во Фракию. Из Фракии или непосредственно из Афин культ пришел в Троаду, где владельцем трех тысяч кобыл стал Эрихтоний, являющийся синонимом Эрехфея (см. 158, g). Двенадцать жеребят могли впрягать в три квадриги: по одной на каждое время года, т. е. весну, лето и осень. Гора Гем была убежищем чудовища Тифона (см. 36, e).

4) Сократ^{58*}, который не понимал мифы, пропускает сюжет с похищением Орифии, и предлагает следующую трактовку этого места: царская дочь, носившая имя Орифии, играла на краю обрыва у реки Илис или же на горе Арея; ветром ее столкнуло в пропасть, и она разбилась (Платон. *Федр.* 229b—d). Культ Борей вновь возродился в Афинах в честь уничтожения этим ветром персидского флота (Геродот. VII.189). Борей также помог мегалополитам в борьбе со спартанцами, чем заслужил ежегодные жертвоприношения (Павсаний. VIII.36.4).

^{57*} Лактанций Луций Цецилий Фирмиан (250—330) — латинский философ и писатель. Прославился как оратор. Принял христианство, был гоним. Сочинения в защиту христианства «О гибели гонителей», «Божественные установления» (попытка изложить основы христианского учения), ему приписывается поэма «О птице Феникс». Выдающийся стилист, «христианский Цицерон».

^{58*} Сократ (470—399 до н. э.) — древнегреческий философ. Жил в Афинах. Письменных трудов не оставил. Большое значение придавал воспитанию граждан, считая, что правильные поступки обусловлены истинным знанием, предпосылкой которого является самопознание. Имел многочисленных учеников, которые его идеализировали. Платон сделал Сократа главным персонажем своих диалогов («Апология», «Крестон», «Федон»).

|
Алопа

|

[а] Была у аркадского царя Керкиона, сына Гефеста, прекрасная дочь Алопа, которую однажды соблазнил Посейдон. В тайне от отца родила она сына и приказала служанке отнести его на гору и там оставить. Шел пастух и нашел ребенка, который в это время сосал кобылицу, и взял его с собой в овчарню. Богатое одяние ребенка привлекло всеобщее внимание. Один из пастухов вызвался вырастить ребенка, настаивая на том, чтобы ему отдали и его богатые одежды, которые он собирался сохранить как доказательство благородного происхождения мальчика. Оба пастуха стали спорить и убили бы друг друга, если бы остальные не схватили их и не привели к царю Керкиону. Керкион потребовал, чтобы ему показали одежду мальчика, из-за которой возник спор, а когда ему принесли пеленки, он увидел, что они вырезаны из одежды его дочери. Служанка перепугалась и призналась во всем. Тогда Керкион приказал заточить Алопу, а ребенка вновь отнести на гору. И вновь его стала кормить кобылица, и вновь его нашел уже другой пастух. Зная о царском происхождении ребенка, он отнес его в свою хижину и назвал Гиппофоем¹.

[b] Когда Тесей убил Керкиона, он посадил на аркадский трон Гиппофоя. Алопа к тому времени умерла в заточении и была похоронена на обочине дороги, ведущей из Элевсина в Мегару, недалеко от того места, где у Керкиона была площадка для борьбы. Однако Посейдон превратил ее тело в источник, получивший название Алопа².

¹ Гигин. Мифы. 38, 187.

² Павсаний. I.39.3; Аристофан. Птицы. 533; Гигин. Мифы. 187.

1) Этот миф отличается от подобных мифов (см. 43,с; 68,ф; 105,а; и т. д.) лишь тем, что Гиппофоя оставляли на горе дважды и что в первый раз дело дошло до драки между пастухами. Такое отклонение, возможно, является результатом неправильного прочтения серии изображений, на которых царских детей-близнецов сначала находят пастухи, а затем показана ссора между уже подростками близнецами, например между Пелием и Нелеем (см. 68,ф), Претом и Акрисисом (см. 73,ф) или Этеоклом и Полиником (см. 106,в).

2) Алопа — это луна-богиня в образе лисы, чьим именем назван фессалийский город Алопа (Ферекид. Цит. по: Стефан Византийский под словом *Алопа*). Лиса была также изображена на гербе Мессении (см. 89,7; 146,6). Мифограф, вероятно, ошибся, записав, что пеленки Гиппофоя были вырезаны из платья Алопы. Более вероятно, что это были свивальники с вытканными на них фамильными знаками (см. 10,1; 60,2).

Асклепий

[а] У царя лапифов Флегия, приходившегося братом Иксиону, была дочь Коронида, которая жила на берегу Бебеидского озера в Фессалии. В этом озере она обычно омывала ноги¹.

[b] Ее возлюбленным стал Аполлон, который, отправившись однажды в Дельфы, оставил ее под присмотром белой вороны. Однако в душе Коронида уже давно хранила тайную страсть к Исхию, сыну аркадца Элата, и в отсутствие Аполлона пригласила его разделить с ней ложе, хотя к тому времени она уже зачала от Аполлона. Не успела еще возмущенная ворона отправиться в Дельфы, чтобы сообщить Аполлону о таком скандальном поведении его возлюбленной и получить награду за бдительность, а Аполлон уже знал из гадания, что Коронида ему неверна. Он проклял ворону за то, что та не выклевала глаза Исхию, когда тот приблизился к Корониде; и стала ворона от того проклятия черной, и потомки ее с тех пор рождаются черными².

[с] Когда Аполлон пожаловался своей сестре Артемиде на нанесенное ему оскорбление, Артемида в отместку выпустила в Корониду целый колчан стрел. Жалость охватила Аполлона при виде трупа Корониды, но оживить ее он уже не мог. Когда он пришел в себя, дух Корониды уже отлетел в Аид, а тело лежало на вершине погребального костра, источая аромат благовоний; снизу по поленьям бежало пламя. Тогда Аполлон обратился к Гермесу, и тот при свете костра изъяс еще живое дитя из чрева Корониды³. Это был мальчик, которого Аполлон назвал Асклепием и отнес в пещеру кентавра Хирона. Там мальчик научился

искусствам медицины и охоты. Что касается Исхия, которого также зовут Хилом, то некоторые говорят, что его Зевс поразил молнией, другие же утверждают, что его убил сам Аполлон⁴.

[d] Жители Эпидавра рассказывают совершенно другую историю. Они говорят, что отец Коронида Флегий, который основал город, названный его именем, собрал там лучших воинов Греции и жил набегами. Однажды он пришел в Эпидавр посмотреть, что это за земля и сколь сильны в ней люди. С ним пришла его дочь Коронида, которая без ведома отца уже зачала от Аполлона. В святилище Аполлона в Эпидавре Коронида с помощью Артемиды и богинь судьбы родила мальчика, которого отнесла на гору Тифион, знаменитую лечебными свойствами произрастающих там трав. Пастух Аресфан, пасший на этой горе коз, вдруг заметил, что с ним нет его собаки и не хватает одной козы. Он отправился на их поиски, а найдя, увидел, как они по очереди кормят своим молоком дитя. Он уже было поднял ребенка на руки, но яркий свет, исходящий от младенца, помешал ему сделать это. Не смея вмешиваться в божественную тайну, он благочестиво отвернулся и решил уйти, оставив Асклепия на попечение его отца Аполлона⁵.

[e] По словам эпидаврян, Асклепий научился искусству врачевания от Аполлона и Хирона и достиг такого мастерства в хирургии и использовании лекарств, что ему стали поклоняться как основателю медицины. Он мог не только лечить больных, но с помощью двух фиалов крови Медузы Горгоны, подаренных ему Афиной, оживлять людей, дав им кровь, взятую из левой части тела горгоны, или мог мгновенно умертвить их, дав им кровь, взятую из правой части тела горгоны. Другие говорят, что Афина и Асклепий поделили кровь горгоны между собой: Асклепий использовал эту кровь для спасения жизни, а Афина — для уничтожения жизни и разжигания войны. Еще до Асклепия Афина дала две капли этой крови Эрихтонию, причем одной каплей можно было убить, а другой — вылечить. Оба фиала она крепко привязала золотыми ремнями к змеинному телу Эрихтония⁶.

[f] Среди тех, кого Асклепий поднял из мертвых, были Ликург, Капаней и Тиндарей. Сейчас неизвестно, по какому случаю Гадес жаловался Зевсу, что у него крадут его подданных, — возможно, это было после оживления Тиндарея, а может быть, после Главка, Ипполита или Ориона, но одно люди знают наверное: Асклепия обвинили в том, что его подкупили золотом и Зевс убил и его, и пациента перуном⁷.

[g] Однако позднее Зевс вернул Асклепия к жизни. Так сбылось неосторожное пророчество дочери Хирона Эвиппы, которая объявила, что Асклепий станет богом, умрет, а затем к нему снова вернется божественность, т. е. он дважды повторит свою судьбу. Образ Асклепия, держащего целительного змея, Зевс поместил среди звезд⁸.

[h] Мессенцы утверждают, что Асклепий родился в мессенском городе Трикке, аркадцы говорят, что он родом из Телпусы, а фессалийцы настаивают на том, что он родом из Трикки фессалийской. Спартанцы называют его Агнитас, потому что они вырезали его статую из ствола ивы. Жители Сикиона почитают его в образе змея, восседающего на запряженной мулом повозке. В Сикионе его изображали с фисташковой шишкой в левой руке, а в Эпидавре он изображен держащим левую руку на голове змея, однако в обоих случаях в правой руке он держал скипетр⁹.

[i] Асклепий был отцом Подалирия и Махаона, которые врачевали греков во время осады Трои, а также блистательной Гигиси. Латиняне называют его Эскулапом, а критяне говорят, что это он, а не Полиид, вернул сына Миноса, Главка, к жизни, дав ему траву, найденную змеем на могиле¹⁰.

¹ Страбон. IV.V. 1, XIV.I.39.

² Павсаний. II.26.5; Пиндар. Пифийские оды. III.25 и след.; Аполлодор. III.10.

³ Пиндар. Пифийские оды. III.8 и след.; Павсаний. Цит. соч.; Гигин. Мифы. 202; Овидий. Метаморфозы. II.612 и след.

⁴ Аполлодор. III.10.3; Гигин. Цит. соч. и Поэтическая астрономия. II.40.

⁵ Павсаний. IX.36.1 и II.26.4; Греческие надписи. 4.1.28.

⁶ Диодор Сицилийский. V.74.6; Аполлодор. III.10.3; Татиан. Послание к грекам. 8; Еврипид. Ион. 999 и след.

⁷ Аполлодор. III.10.3—4; Лукиан. О пляске. 45; Гигин. Мифы. 49; Эратосфен. Цит. по: Гигин. Поэтическая астрономия. II.14; Пиндар. Пифийские оды. III.55 и след. и схолии.

⁸ Германик Цезарь. О небесных явлениях Арата. 77 и след.; Овидий. Метаморфозы. 642 и след.; Гигин. Там же.

⁹ Павсаний. II.26.6, VIII.25.6, III.14.7, II.10.3; Страбон. XIV.39.

¹⁰ Гомер. Илиада. II. 32; Гигин. Поэтическая астрономия. II.14.

1) Этот миф рассказывает о религиозной борьбе в Северной Греции, Аттике и Пелопоннесе, когда именем Аполлона был уничтожен

доэллинский культ врачевания, во главе которого стояли жрицы лунной богини в святилищах-прорицалищах, посвященных местным героям в образах змеи, вороны или ворона. Среди этих героев встречается Фороней, которого можно отождествить с кельтским вороном-богом Браном, или Враном (см. 57,1), змеехвостый Эрихтоний (см. 25,2) и Крон (см. 7,1), имя которого является вариантом имени Корон («ворона» или «ворон»), а также два других лапифских царя (см. 78,а).

2) Покровительница этого культа богиня Афина первоначально не считалась девственницей: умирающий герой был одновременно ее сыном и возлюбленным. Она получила эпитет *Коронида* из-за вещей птиц вороны или ворона, а эпитет *Лигиея* — за приносимое ею исцеление. Ее универсальным целительным средством была омела (*ixias*) — слово, с которым тесно связано имя Исхий («сила») и Иксион. Восточноевропейская омела, или лоранф, — это растение-паразит, произрастающее на дубе, а не на тополе и яблоне, как его западная разновидность. Омела считалась гениталиями дуба, и когда друиды ритуально отрезали ее золотым серпом, то таким образом осуществляли символическое оскопление (см. 7,1). Густой сок ее ягод воспринимался как сперма дуба — жидкость, обладавшая огромными регенеративными возможностями. Дж. Фрэзер в книге «Золотая ветвь» отмечает, что Эней побывал в мире мертвых с омелой в руке и благодаря этому сохранил возможность при желании вернуться в мир живых. Трава, которая позволила поднять Главка из могилы, скорее всего также была омелой. Исхий, Асклeпий, Иксион и Полиид — на самом деле один и тот же мифический персонаж, олицетворявший целительные свойства, которыми якобы обладали отрубленные гениталии принесенного в жертву героя культа дуба.

3) Кровь горгоны, подаренная Афиной Асклeпию и Эрихтонию, говорит о том, что целительные обряды, применявшиеся в этом культе, считались тайной, охранявшейся жрицами, и за проникновение в эту тайну полагалась смерть, о чем предупреждала голова горгоны (см. 73,5). Не исключено, что во время ритуальных церемоний раздавалась кровь принесенного в жертву царя-дуба или заменявшего его ребенка, подобно тому, как раздавался сок омелы.

4) Мифографы Аполлона возложили ответственность за убийство Исхия на Артемиду. И действительно, первоначально она была той же богиней, что и Афина, и в ее честь царь-дуб встречал свою смерть.

В их варианте и Исхий, и Асклепий погибают от перуна Зевса потому, что все цари культа дуба погибали от обоюдоострого топора, который позднее превращался в молнию. Тело приносимого в жертву царя сжигалось на костре.

5) Аполлон проклял ворону, сжег Коронида за ее незаконную любовную связь с Исхием, объявил Асклепия своим сыном, а затем вместе с Хироном научил его искусству врачевания. Другими словами, эллинские жрецы Аполлона при помощи своих магнесийских союзников-кентавров, которые были извечными врагами лапифов, захватили фессалийское прорицалище культа вороны вместе с героем и остальными атрибутами, изгнали жриц лунной богини и запретили ей поклоняться. Аполлон стал пользоваться украденной вороной или вороном как символом гаданий, однако его жрецы посчитали, что толкование снов является более простым и эффективным способом распознавания болезней у пациентов, чем толкование непонятного карканья птиц. Одновременно в Аркадии, Мессении, Фессалии и Афинах перестали использовать омысу в ритуальных целях, и Исхий стал сыном ели, *Элат*, а не дуба. Вот почему в Сикионе Асклепий изображался с фисташковой шишкой. Есть еще одна Коронида — лапифская принцесса, которой силой овладел Бут, предок афинских Бутидов (см. 47,4).

6) Представление Асклепия в образе змея, как и змееподобный вид Эрихтония, которого Афина также наделила способностью оживлять мертвых, дав кровь горгоны, говорит о том, что он был героем-прорицателем, однако несколько прирученных змей жили в его храме в Эпидавре (Павсаний. II.28.1) как символ обновления, поскольку змеи сбрасывают кожу ежегодно (см. 160,9). Сука, кормившая Асклепия молоком, когда пастух приветствовал его как новорожденного царя, вероятнее всего, была Гекатой или Гекабой (см. 31,3; 38,7; 134,1). Возможно, чтобы объяснить, почему Асклепий всюду изображался в сопровождении суки, возник сюжет с Хироном, обучавшим его охотничьему мастерству. Его вторая приемная мать — коза, вероятнее всего, была козой-Афиной, эгида которой стала прибежищем Эрихтония (см. 25,2); и если у Асклепия был брат-близнец, как, например, у вскормленного кобылой Пеллия или вскормленного сукой Нелея (см. 68,d), то им мог быть только Эрихтоний.

7) Афина, повторно родившаяся как верная дочь-девственница Зевса-Олимпийца, должна была, вслед за Аполлоном, проклясть ворону, свою бывшую подругу (см.25,e).

8) Ива считалась в лунной магии деревом, обладающим большой силой (см. 28,4; 44,1; 116,4). Горькое лекарство, которое приготавливали из ивовой коры, до сих пор применяется против ревматизма, которому вполне могли быть подвержены населявшие сырые равнины спартанцы. Ветви одной из разновидностей ивы, с которой отождествлялся спартанский Асклепий, а именно *agnus castus*, стелили на ложе матрон во время афинской *фесмофории*, т. е. праздника плодородия (см. 48,1), якобы для того, чтобы отпугнуть змей (Арриан. *История животных*. IX.26), хотя на самом деле они должны были привлечь к себе духов в форме змей. Поэтому не исключено, что жрецы Асклепия специализировались на лечении бесплодия.

Оракулы

[а] В материковой и островной Греции было много оракулов, но самым древним из них был Додонский Зевс. В стародавние времена из египетских Фив вылетели две черные голубки. Одна полетела к ливийскому Аммону, а другая — в Додону, причем обе голубки сели на дубы, объявив их прорицалищами Зевса. В Додоне жрицы Зевса прислушивались к воркованию голубей, шелесту листвы или к звону бронзовых сосудов, свешивавшихся с ветвей этого дуба. Зевс имел еще одно знаменитое прорицалище — в Олимпии, где его жрецы отвечали на вопросы, предварительно изучив сожженные внутренности жертвенного животного¹.

[b] Дельфийский оракул первоначально принадлежал матери-Земле, назначившей своей пророчицей Дафну, которая восседала на треножнике и пророчествовала, одурманенная парами, как это до сих пор делает пифийская жрица. Некоторые говорят, что мать-земля уступила свои права на оракула титаниде Фебе, или Фемиде, а уже та уступила их Аполлону, который построил себе на этом месте святилище из лавровых ветвей, принесенных с Темпейской долины. Другие же утверждают, что Аполлон захватил оракула у матери-Земли после того, как убил Пифона, и что его гиперборейские жрецы, Пагас и Агисей, утвердили здесь культ Аполлона.

[с] В Дельфах, говорят, первое святилище было сделано из пчелиного воска и перьев; второе сплетено из листьев папоротника; третье — из лавровых ветвей; четвертое Гепест сделал из бронзы и украсил крышу золотыми певчими птицами, но однажды земля поглотила его; пятое,

построенное из тесаного камня, сгорело в год пятьдесят восьмой Олимпиады (489 г. до н. э.), и на его месте было построено нынешнее святилище².

[d] Аполлону принадлежало множество других святилищ-оракулов, например в Ликее и аргосском акрополе, причем в обоих городах святилища возглавляли жрицы. Однако в беотийском Исмене его оракулы объявлялись жрецами после изучения внутренностей сожженных животных. В Кларосе, что около Колофона, его прорицатель пьет воду из тайного источника и произносит оракул в стихах, тогда как в Тельмесе и других местах толкуют сны³.

[e] Жрицы Деметры дают оракулы больным в Патрах, используя для этого зеркало, опускаемое на веревке в колодезь. В Фарах больной, обращающийся к Гермесу, за медную монетку получает оракул в виде первых случайных слов, услышанных больным, когда тот покидает рыночную площадь⁴.

[f] Гера имела древний оракул около Пат. К матери-Земле до сих пор обращаются в ахейской Эгире, которую называют *местом черных топoley*. Там ее жрица пьет бычьей кровью — смертельный яд для всех других смертных⁵.

[g] Кроме этих, есть еще множество оракулов героев: оракул Геракла в ахейской Буре, где ответ дается по бросанию четырех игральных костей⁶. Есть множество оракулов Асклепия, куда больные собираются, чтобы получить совет или излечиться. О лечении им сообщается в снах после поста⁷. Оракулы фиванца Амфиарая и Амфилоха в Малле совместно с самым непогрешимым из нынешних прорицателей — Мопсом, даются так же, как и оракулы Асклепия⁸.

[h] Кроме того, у Пасифаи есть оракул в лаконийских Таламах, ему покровительствуют цари Спарты, а ответы он дает во сне⁹.

[i] Есть оракулы, ответ которых получить много труднее. Например, в Лебадее существует оракул Трофония, сына аргонавта Эргина, где просители накануне должны пройти многодневное очищение, затем разместиться в доме, посвященном Удаче или некоторому Доброму демону, мыться только в реке Теркина и принести жертвы Трофонии, его кормилице Деметре—Европе и другим богам. Здесь просителя кормят священным мясом, особенно мясом барана, принесенного в жертву тени Агамеда, брата Трофония, который помог ему построить храм Аполлона в Дельфах.

[j] Когда проситель подготовлен для обращения к оракулу, двое мальчиков тринадцати лет сопровождают его к реке, купают и умащают

маслами. Он пьет из источника, называемого *Вода Леты*, позволяющего ему забыть свое прошлое; затем он должен испить из соседнего источника, называемого *Вода Памяти*, позволяющего ему лучше запомнить, что он видел и слышал. Надев простую обувь и полотняную тунику, а затем, украсив себя лентами, как человек, приносимый в жертву богам, он подходил к пропасти прорицалища. Она напоминала огромный горшок для выпечки хлеба глубиной восемь локтей. Спустившись в нее по лестнице, он находил внизу на дне узкое отверстие, куда он, усевшись, протягивал ноги, причем в каждой руке у него было по ячменной медовой лепешке. Неведомая сила неожиданно начинала тянуть его за лодыжки, и, словно по воле быстрого течения, он оказывался в темноте и ощущал удар по голове, означавший его мнимую смерть. После чего незримый голос открывал перед ним будущее и множество других тайн. Как только голос смолкал, проситель терял чувство и разум, и он снова оказывался на дне пропасти ногами вперед, но уже без медовых лепешек в руках. Потом просителя водружали на *Трон Памяти* и просили повторить, что он слышал. Наконец, еще не пришедшего в себя, его возвращали в *Дом Доброго демона*, где он окончательно приходил в чувство и вновь обретал способность смеяться.

[к] Невидимый глас принадлежал одному из добрых демонов Золотого века Крона. Он действовал как вездесущий, карающий, бдящий и спасительный дух, а также обращался к духу Трофония, который имел форму змея и прорицал, взямая с просителя в качестве платы медовые лепешки¹⁰.

¹ Геродот. II.55, VIII.134; Дионисий Галикарнасский. I.15; Гомер. Одиссея. XIV.328; Эхил. Прометей Прикованный. 832; Суда под словом *Dodona*; Софокл. Царь Эдип. 885.

² Эхил. Эвмениды. 1—19; Павсаний X.5.3—5.

³ Павсаний. II.24.1; Плутарх. Пирр. XXXI; Геродот. VIII.134, I.78; Тацит. Анналы. II.54.

⁴ Павсаний. VII.21.5, 22.2.

⁵ Страбон. VIII.6.22; Аполлодор. I.9.27.

⁶ Павсаний. VII.25.6.

⁷ Там же. II.27.2.

⁸ Там же. I. 4.2; Геродот. VIII.134.

⁹ Плутарх. Клеомен. VII; Павсаний. III 26.1.

¹⁰ Павсаний. IV.39.1—5; Плутарх. О демоне Сократа. XXII и О лике на диске луны. XXX.

1) Первоначально все оракулы принадлежали матери-Земле, чей авторитет был столь высок, что патриархальные пришельцы взяли за правило захватывать ее святилища и либо назначать своих жрецов, либо оставлять служивших там жриц. Так, Зевс в Додоне и Аммон в оазисе Сивва являлись преемниками культа дуба-оракула, священного дерева богини Диа или Дионы (см. 7,1). Аналогичным образом древнееврейский Яхве стал преемником культа акации — дерева-оракула, священного Иштар (4 Цар.14:15), а Аполлон захватил святилища в Дельфах и Аргосе. В Аргосе пророчище предоставлялась полная свобода, в Дельфах между пророчествовавшей жрицей и просителем в качестве посредника выступал жрец, переводивший ее бессвязные восклицания в написанные гекзаметром стихи. В Додоне пророчествовали и голубка-жрица, и мужчины — пророки Зевса.

2) Святилище матери-Земли в Дельфах было основано критянами, от которых в наследство элинам остались священная музыка, ритуалы, танцы и календарь. От критского скипетра, или двойного топора, лабриса, произошло название жречества в Дельфах — лабриады, — которое существовало еще в классическую эпоху. Храм, построенный из пчелиного воска и перьев, относится к богине в образе пчелы (см. 7,3; 18,3; 47,1) и в образе голубки (см. 1,б; 62,а). Храм из папоротника напоминает о магических свойствах, которые приписывали семенам папоротника во время летнего и зимнего солнцестояния. Дж. Фрэзер посвятил этому вопросу несколько страниц в книге «Золотая ветвь». Святилище из лавра напоминает о жевании лаврового листа пророчествовавшей жрицей и ее подружками во время оргий. Святилище из бронзы, поглощенное землей, могло просто фигурировать как четвертая часть песни, бытовавшей в Дельфах, наподобие песни «Падал в реку Лондон-бридж», и повествовавшей о различных непригодных для строительства материалах, из которых якобы возводился храм. Однако этот сюжет может быть и указанием на подземный толос, т. е. могилу героя, воплотившегося в пифоне. Толос — прибежище души героя, построенное в форме улья, вероятно, имеет африканское происхождение. Обычай строить такие сооружения был занесен в Грецию из Палестины. Таким же святилищем повелевала Эндорская волшебница, а в Геброне прорицание давала и тень Адама. Филострат

(*Жизнь Аполлония Тианского*) упоминает о золотых птицах, называя их вертишейками, чарующими, как сирены; Пиндар называет их соловьями (Фрагмент цит. по: Атеней. 290е). Однако нельзя с уверенностью сказать, были ли это соловьи-оракулы или вертишейки, которых использовали в любовной ворожбе (см. 152,а) или для вызывания дождя (Марино Прокле. 28).

3) Гадание по внутренностям жертвенных животных, вероятно, относится к индоевропейской мантике. Подбрасывание четырех бабок, возможно, ведет свое происхождение от алфавита, поскольку на четырех сторонах бабок стояли не числа, а «знаки», которые могли выпадать при подбрасывании. Двенадцать согласных и четыре гласных (как и в используемом для гадания ирландском огаме, известном как «О'Салливан») — это простейшая форма, к которой можно было свести греческий алфавит. Однако в классическую эпоху на каждой бабке проставляли числа 1, 3, 4 и 6, и каждая выпадавшая комбинация чисел имела свое значение. Толкование снов практиковалось повсеместно.

4) Жрецы Аполлона требовали, чтобы Пифийская жрица была девственницей, поскольку жрицы в Дельфах считались невестами Аполлона. Однако после того, как одну из жриц соблазнил паломник, на должность Пифии стали назначать женщин не моложе пятидесяти лет, которых тем не менее обряжали как невест. Бычья кровь считалась очень ядовитой из-за приписываемых ей магических свойств (см. 155,а); кровь священного быка иногда использовалась для освящения целого народа, как, например, в Библии (Исх. 24:8); в других случаях ее смешивали с большим количеством воды и опрыскивали поля в надежде повысить урожайность. Жрица земли, однако, могла пить все, что пила сама земля.

5) *Гера*, *Пасифая* и *Ино* — это все эпитеты женской триады, и взаимозависимость всех трех ипостасей этой триады олицетворяет треножник, на котором восседала жрица.

6) Процедура получения ответа у оракула Трофония, где побывал Павсаний, напоминает спуск в Аид Энея с омелой в руке, когда он хотел посоветоваться со своим отцом Анхисом, а также предшествовавшее этому событию обращение к Анхису Одиссея. Налицо также связь между этими мифами и общепринятым обрядом инициации, во время которого посвящаемый переживает ритуальную смерть, получает мистические наставления от того, кто играет роль духа, а затем вновь

рождается как член нового клана или тайного общества. Плутарх (*О лике на диске луны*) отмечает, что трофониады, т. е. мистагоги в темной пещере, принадлежат доолимпийской эпохе Крона, и правильно сравнивает их с идейскими дактилями, совершавшими самофракийские мистерии.

7) Черные тополя были священными деревьями богини смерти в Пагах, а Персефоне принадлежала роща черных тополей на западе мира (Павсаний. X.30.3; см. также 170,1).

8) Амфилох и Мопс пали от руки друг друга, но их тени согласились основать общий оракул (см. 169,е).

А л ф а в и т

[а] Три богини судьбы или, как некоторые говорят, сестра Фородея Ио изобрели пять гласных и согласные *В* и *Т*; Паламед, сын Навплия, изобрел остальные одиннадцать согласных, а Гермес перевел эти звуки в буквы, придав им клинообразную форму потому, что журавли летят клином, и именно они принесли клинопись из Греции в Египет. Это был алфавит пеласгов, который Кадм позднее вернул в Беотию, а аркадец Эвандр, из рода пеласгов, распространил его в Италии, где его мать Кармента создала известный всем латинский алфавит из пятнадцати букв.

[b] После этого другие согласные были добавлены самосцем Симонидом и Эпихармом Сицилийским, а две гласные — долгое *О* и краткое *Е* — были введены жрецами Аполлона, вот почему каждой из семи струн его священной лиры соответствует одна гласная.

[с] Первой из восемнадцати букв была «альфа», потому что *alphe* означает «честь», а *alphainein* — «изобретать», и еще потому, что Алфей — самая известная река; более того, хотя Кадм и поменял порядок букв в алфавите, он оставил «альфу» на прежнем месте, так как *aleph* на языке финикийцев означает «бык», а Беотия известна как страна быков¹.

¹ Гигин. Мифы. 277; Исидор Севильский. Начала. VIII.2. 4; Филострат. Диалог о героях. X.3; Плиний. Естественная история. VII.57; Схолии к «Илиаде» Гомера. XIX.593; Плутарх. Застольные вопросы. IX.3.

1) Греческий алфавит создан на базе упрощенных критских иероглифов. По общему мнению ученых, первый письменный алфавит был

создан в Египте в XVIII в. до н. э. и не обошелся без критского влияния^{59*}. Это соответствует традиции, идущей от Аристиды, который, по сообщению Плиния, считал, что некий египтянин по имени Менон («луна») изобрел алфавит «за пятнадцать лет до правления Фородея, царя Аргоса».

2) Однако есть свидетельства того, что до появления в Греции измененного финикийского алфавита там имелся ритуальный алфавит, который держали в тайне жрицы луны-Ио или три богини судьбы, причем этот алфавит был тесно связан с календарем, и буквы в нем не записывались символами, а представлялись в виде прутиков, вырезанных из деревьев различных пород и соответствовавших порядку следования месяцев в году.

3) Древнеирландский алфавит, как и алфавит галльских друидов, о которых писал Цезарь, первоначально мог не предназначаться для записи, а все его буквы носили названия деревьев. Назывался такой алфавит *Beth-luis-nion* («береза—рябина—ясень») — по первым трем согласным. Его канонический вариант, предполагающий фригийское происхождение, соответствует пеласгическому и латинскому алфавитам, состоявшим из тринадцати согласных и пяти гласных. Первоначально буквы в алфавите шли в следующем порядке: *A, B, L, N, O, F, S, H, U, D, T, C, E, M, G, Ng*, или *Gn, R, I*, причем не исключено, что именно в таком порядке их использовал Гермес. Из ирландского алфавита «олла-вес» развился язык глухонемых, на котором с помощью костяшек пальцев можно выразить отдельные буквы и даже целые словосочетания. Каждая согласная соответствует одному из тринадцати 28-дневных месяцев года, начинавшегося вслед за зимним солнцестоянием, а именно:

1. 24 декабря	<i>B</i>	береза или дикая олива
2. 21 января	<i>L</i>	рябина
3. 18 февраля	<i>N</i>	ясень
4. 18 марта	<i>F</i>	ольха или кизил
5. 15 апреля	<i>S</i>	ива; <i>SS (Z)</i> терн
6. 13 мая	<i>H</i>	боярышник или дикая груша
7. 10 июня	<i>D</i>	дуб или терпентин
8. 8 июля	<i>T</i>	падуб или колючий дуб

^{59*} Единого мнения о происхождении алфавита в науке нет. Некоторые исследователи считают, что он произошел от вавилонской клинописи или финикийского письма.

9. 5 августа	С	орех; СС (Q) яблоня, рябина или айва
10. 2 сентября	М	виноградная лоза
11. 30 сентября	С	плющ
12. 28 октября	Ng, или Gл	камыш, калина
13. 5 ноября	R	бузина или мирт

4) Примерно в IV в. до н. э. после изменений в религиозной системе порядок букв был приведен в соответствие с новой календарной системой: *B, L, F, S, N, H, D, T, C, Q, M, G, Ng, Z, R*. Если более древний алфавит ассоциировался с Форонеем, то новый алфавит считался творением Геракла—Огмия, или Огма Солнечноликого.

5) Каждая гласная соответствовала четвертой части года: *O* (дрок) — весеннее равноденствие; *U* (вереск) — летний солнцеворот; *E* (тополь) — осеннее равноденствие, *A* (ель или пальма) — дерево рождения, а *I* (тис) — дерево смерти, которому соответствовало зимнее солнцестояние. Такой порядок деревьев явно прочитывается в греческих и латинских мифах, а также в сакральных традициях всей Европы и, *mutatis mutandis*^{60*}, Сирии и Малой Азии. Богиня Кармента (см. 86,2; 132,4) изобрела *B* и *T*, а также гласные потому, что каждая из этих согласных вводила одно полугодие ее священного года, поделенного между царем и его танистом.

6) Журавли были священными птицами Гермеса (см. 17,3; 36,2), который считался защитником поэтов до тех пор, пока Аполлон не присвоил себе это право. Связь между ними и алфавитом возникает потому, что древнейшие алфавитные символы были клинописными. Паламед («древний разум») со священным журавлем (Марциал. *Эпиграммы*. XIII.75) был карийским аналогом египетского бога Тот, изобретшего буквы; его священной птицей был похожий на журавля ибис. У древних эллинов Гермес отождествлялся с Тотом (см. 162,s). То, что Симонид и Эпихарм добавили новые буквы в алфавит, — это история, а не миф, хотя до сих пор остается непонятным, почему они это сделали. Дополнения «кси» и «пси» были необязательными, а исключение аспирата (*H*) и дигаммы (*F*) обеднили канон.

7) Можно показать, что названия букв, сохранившихся в ирландском алфавите *Beth-luis-nion*, который традиционно считается пришедшим

^{60*} С оговорками (лат.).

в Ирландию из Греции через Испанию, образовывали архаическую греческую магическую формулу, восхвалявшую аркадскую Белую богиню Алфито, которая к классическому времени уже стала колыбельной песней. Кадмейский порядок букв, увековеченный во всех букварях, вероятно, возник в результате перетасовки алфавита финикийскими купцами: в торговле они применяли тайный алфавит, однако скрывали порядок букв в нем из-за боязни обидеть богиню.

Этот сложный и важный вопрос рассмотрен подробно в книге «Белая богиня». Гласные, которые добавили жрецы Аполлона, чтобы установить соответствие между гласными и струнами божественной лиры, — это, вероятно, те, что упоминает Деметрий — александрийский философ I в. до н. э. — в своем труде «О стиле» (71): «А, например, у египтян в гимне, который поют жрецы, прославляя богов, следуют друг за другом семь гласных звуков. И звучание этих гласных в результате создаваемого ими благозвучия воспринимается как звучание флейты или кифары... Но сейчас не время продолжать рассуждение об этом».

На основе этого можно предположить, что распевание гласных в сопровождении лиры использовалось в лечебных целях в святилищах Аполлона.

Демонические существа

[a] Некоторые говорят, что когда Рея рожала Зевса, то, чтобы облегчить муки, она вдавила пальцы в землю, и из нее выросли дактили: пять женщин из ее левой руки и пять мужчин из правой. Однако большинство людей считают, что эти женщины и мужчины жили на фригийской горе Ида задолго до рождения Зевса, а другие говорят, что нимфа Анхиала родила их в Диктейской пещере неподалеку от Оакса. Дактили-мужчины были кузнецами и первыми обнаружили железо на соседней горе Берекинт, а их сестры, осевшие в Самофракии, заставили всех смотреть на них как на великое чудо тем, что произносили магические заклинания и научили Орфея мистериям богини. Имена их — хорошо сохраняемая тайна¹.

[b] Еще говорят, что мужчины были куретами, охранявшими колыбель Зевса на Крите, и что потом они пришли в Элиду и воздвигли храм, чтобы умиловить Крона. Их звали: Геракл, Пеон, Эпимед, Иасий и Акесид. Геракл, принеся дикую оливу от гиперборейцев в Олимпию, устроил между братьями соревнование в беге, положив тем самым начало Олимпийским играм. Еще говорят, что он увенчал победившего Пеона веточкой дикой оливы и что после этого они все спали на ложах, устланных зелеными оливковыми листьями. Однако правда заключается в том, что победителей стали награждать оливковой ветвью только начиная с седьмой Олимпиады, когда дельфийский оракул приказал Ифиту заменить оливой яблоневую ветвь, которую раньше вручали победителю как приз².

[с] Акмон, Дамнаменей и Кельмис — это имена трех старейших дактилей. Некоторые говорят, что Кельмис был превращен в железо за оскорбление Реи³.

¹ Диодор Сицилийский. V.64; Софокл. Глухие сатиры. Цит. по: Страбон. X.3.22; Аполлоний Родосский. I.509,1130.

² Павсаний. V.7.4.

³ Схолии к Аполлонию Родосскому. I.1126; Овидий. Метаморфозы. IV.281.

1) Дактили — это олицетворение пальцев, а устроенные Гераклом соревнования в беге не что иное, как детская попытка проиллюстрировать игру, в которой барабнят пальцами по столу, пропуская большой, при этом в имитируемом беге первым всегда приходит указательный палец. Однако тайные орфические предания основывались на календарной последовательности магических деревьев, каждому из которых соответствовал свой палец, являвшийся частью языка знаков, и своя буква орфического календаря-алфавита, который, вероятно, имеет фригийское происхождение (см. 52,3). Дикая олива соответствует верхнему суставу большого пальца, который считался средоточием мужской силы и потому назывался Гераклом. Считалось, что у этого Геракла из тела росли листья (Палефат. 37). О существовании такой системы напоминают бытующие в Западной Европе названия пальцев, например *палец глупца*, соответствующий Эпимеду, или среднему пальцу, и *лекарственный палец*, соответствующий Иасию, или безымянному пальцу. Аналогичные параллели можно найти между названиями пальцев в хиромантии: Сатурн соответствует Эпимеду, поскольку Сатурн показал себя тугодумом в борьбе с Зевсом; бог врачевания Аполлон соответствует Иасию, а указательный палец отдан Юпитеру, или Зевсу, который и выиграл соревнование в беге. Мизинец, которому соответствовали Меркурий, или Гермес, считался магическим пальцем. Во всей первобытной Европе металлургия связывалась с магическими формулами, поэтому кузнецы считали пальцы своей правой руки дактилями, а левую руку оставляли для чародеек.

2) История с Акмоном, Дамнаменею и Кельмисом, чьи имена указывают на причастность к кузнечному ремеслу, — это еще одна детская притча, показывающая, как указательный палец бьет по большому пальцу, как молот по наковальне, между ними вставляется средний палец, который изображает кусок раскаленного железа. На Крит железо пришло из Фригии, куда оно в свою очередь проникло с южного Причерноморья.

Кельмис, будучи олицетворением выплавленного железа, был отвратителем Великой богине Рее, покровительнице кузнецов, чей религиозный упадок совпал с началом эпохи железа и появлением вооруженных железным оружием дорийцев. Рея признавала только золото, серебро, медь, свинец, которые считались земными рудами. Тем не менее куски метеоритного железа высоко ценились из-за их таинственного происхождения, и один железный метеорит вполне мог упасть на гору Берекинт. Необработанный кусок железа был обнаружен в неолитическом поселении в Фесте рядом с глиняной фигуркой сидящей богини, морскими раковинами и ритуальными чашами. Железо, относящееся к древнему Египту, имеет метеоритное происхождение: оно содержит большой процент никеля и почти не ржавеет. Оскорбление, которое Кельмис нанес Гере, дало название среднему пальцу: *digita impudica* («бесстыдный палец»).

3) Олимпийские игры возникли как результат забега девушек, соревновавшихся за право стать жрицей луны-богини Геры (Павсаний. V.16.2). Поскольку эти соревнования устраивались в месяц парфений («девичий»), можно предположить, что они устраивались ежегодно. Когда Зевс взял в жены Геру, т. е. когда ахейцы принесли в Грецию новую форму культа царя-жреца (см. 12,7), юноши начали устраивать аналогичные соревнования, победитель которых получал опасную привилегию стать консортом жрицы, т. е. солнцем для богини луны, и одновременно царем Элиды. Антей заставил соревноваться в беге и женихов своей дочери (ср.: Пиндар. *Пифийские оды*. IX), взяв пример с Икария (см. 160,d) и Даная (см. 60,m).

4) Позднее игры стали проводиться не ежегодно, а раз в четыре года, а соревнования в беге девушек устраивались во время специального праздника либо за две недели до него, либо через две недели после Олимпийских игр. О звании царя-жреца, которое победитель в беге получал во время свадьбы с новой жрицей, напоминают те великие почести, которые приносила с собой победа даже в классическую эпоху. Победитель получал венок из оливы Зевса или Геракла, его приветствовали, как «царя Геракла», осыпали листьями как «зеленого Джеска», а затем он танцевал во главе триумфального шествия и вкушал мясо жертвенного быка в зале Совета.

5) Первоначально вручаемой наградой было яблоко или яблоневая ветвь, которая обещала бессмертие после того, как в соответствующий день победитель принимал смерть от рук своего преемника. Плутарх (*Застольные вопросы*. V.2) упоминает, что первоначально на Олимпийских

играх было всего одно соревнование — бег, однако устраивался и поединок, который всегда заканчивался смертью побежденного. Мифологическое свидетельство о таком поединке можно найти в рассказе о том, что Олимпийские игры начались с поединка между Зевсом и Кроном за обладание Элидой (Павсаний. V.7). Это было не чем иным, как поединком между царем и его танистом в день летнего солнцеворота, причем его исход был заранее предрешен, так как танист выходил вооруженный копьем.

6) В схолиях к Пиндару (*Олимпийские оды*. III.33) есть ссылка на Комарха, который утверждает, что новый год в Элиде отсчитывался от ближайшего к зимнему солнцестоянию полнолуния и что второй новый год наступал в день летнего солнцеворота. Вероятно, поэтому новый Зевс—Геракл, т. е. победитель в беге, убивал таниста старого года, т. е. Крона—Ификла, во время зимнего солнцеворота. Вот почему Геракл впервые учредил игры и «прозвание Крона дал холму... влажному от многих снегов» (Пиндар. *Олимпийские оды*. X.49).

7) В древности Зевса—Геракла перед смертью от руки таниста посыпали дубовыми листьями и вручали ему яблоневою ветвь в день летнего солнцеворота. В день зимнего солнцеворота ему вручалась ветвь дикой оливы как приз за одержанную победу и признак царской власти. Замена яблонево́й ветви оливковой — олива считалась деревом, отпугивающим злых духов, — свидетельствует о запрещении этого смертельного поединка и переходе от счета по полугодиям к счету по Великим годам. Великий год начинался в день зимнего солнцеворота, когда совпадение солнечного и лунного календарей благоприятствовало браку между солнцем и луной, и делился пополам Олимпийскими играми, проводившимися раз в обычные четыре года, при этом царь и танист царствовали либо поочередно по четыре года каждый либо одновременно. Хотя к классической эпохе гонки «солнечных» колесниц, ведущие свое начало от мифического поединка между Пелопом и Эномаем за руку Дейдами (см. 109,3), стали главным событием игр, посыпание листьями победителя в беге все еще связывалось с несчастьем, и Пифагор советовал своим друзьям участвовать в этом соревновании, но не побеждать в нем. Бык победителя, мясо которого подалось в зале Совета, стал явно подменять собой царя, как, например, на празднике афинской *буфонии* (см. 21,12).

8) Олимпия не принадлежит к микенской культуре, поэтому предшествовавшие ахейцам мифы скорее принадлежат пеласгам, чем заимствованы на Крите.

[а] Девять собакоголовых, ласторуких тельхинов, детей моря, появились на Родосе, основав там города Камир, Иалис и Линд, а затем переселились на Крит, став его первыми обитателями. Рея оставила на их попечение младенца Посейдона, для которого они выковали трезубец, но еще до этого они изготовили Крону зубчатый серп, которым тот оскопил своего отца Урана. Более того, они были первыми, кто стал делать изображения богов.

[b] Однако Зевс решил известить их наводнением за то, что они вмешивались в погоду, создавая колдовством туманы и портя урожай, используя серу и воду из Стикса. Предупрежденные Артемидой, они бежали за море: кто в Беотию, где в Тевмессе они построили храм Афине, кто — в Сикион, кто — в Ликию, а кто — в Орхомен, где они стали псами, растерзавшими на куски Актеона. Тевмесских тельхинов Зевс уничтожил, наслав на них наводнение; Аполлон в волчьем обличе растерзал ликийских тельхинов, невзирая на то, что они хотели задобрить его новым храмом. В Орхомене их тоже больше не видно. Ходят слухи, что кто-то из них еще живет в Сикионе¹.

¹ *Евстафий*. Комментарий к Гомеру. 771—772; *Овидий*. Метаморфозы. VII.365—367; *Страбон*. XIV.2.7; *Каллимах*. Гимн к Делосу. 31; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. IV.377.

1) Тот факт, что девять тельхинов были детьми моря, псами Артемиды, которые колдовством напускали туманы и основали города, названные

в честь трех данаид — Камиры, Иалисы и Линды (см. 60,d), свидетельствует в пользу того, что первоначально они были эманациями луны-богини Данаи, причем соответствовали каждой из ее ипостасей в триаде (см. 60,2). Тельхин греческие грамматики возводили к слову *thelgein* («околдовывать»). Похоже, что им поклонялись древние матриархальные народы Греции, Крита, Лидии и Эгейских островов, но потом патриархальные пришельцы-эллы стали преследовать их и вынудили ассимилировать или бежать на запад. Возникнуть тельхины могли в восточной Африке.

2) Туманы насылались с помощью магических заклинаний, в которых фигурировала ива. Вода Стикса (см. 31,4) почиталась столь священной, что и одной ее капли якобы было достаточно, чтобы умертвить человека. Однако она не производила вреда, если ее пить из чаши, сделанной из лошадиного копыта. Этот факт свидетельствует о том, что река была посвящена кобылоголовой аркадской богине. Про Александра Македонского говорили, что он был отравлен водой из реки Стикс (Павсаний. VIII.18.2). То, что тельхины использовали эту воду в магии, говорит о том, что поклонявшимся им племенам принадлежала гора Нонакрида («девять шиков»), которая одно время считалась главным религиозным центром Греции, и даже олимпийские боги были вынуждены в самых торжественных случаях клясться рекой Стикс.

[а] Звавшиеся эмпусами мерзкие демоны были детьми Гекаты и носили на ослиных ногах бронзовые башмаки, если, разумеется, не правы те, кто утверждает, что у них одна нога была ослиная, а вторая — бронзовая. Они любили пугать путников, но и их самих можно было легко отпугнуть бранным словом, заслышав которое они, визжа, обращались в бегство. Эмпусы могут принимать вид сук, коров или прекрасных девушек, причем именно в образе дев они соблазняли мужчин, делили с ними ложе ночью или во время дневного сна и сосали из них жизненные силы до тех пор, пока те не умирали¹.

¹ *Аристофан*. *Лягушки*. 288 и след., *Женщины в народном собрании*. 1056, 1094; *Филострат*. *Жизнь Аполлония Тианского*. IV.25; *Суда* под словом *Empuse*.

1) Эмпусы, эти ненасытные соблазняющие женщины-демоны, — образ, пришедший в Грецию, вероятно, из Палестины, где аналогичные демоны были известны под именем *лилим* («дети Лилит»), причем считалось также, что у них ослиные ноги, поскольку осел символизировал разврат и жестокость. Лилит была Гекатой ханаанеян, и, чтобы защититься от нее, евреи изготавливали амулеты даже в Средние века. Геката — настоящая правительница Аида (см. 31,f) — носила бронзовые сандалии, в отличие от Афродиты, носившей золотые сандалии, поэтому и у дочерей Гекаты-эмпус сандалии были бронзовыми. Они могли становиться прекрасными девушками, коровами или суками потому, что сука-Геката, будучи одной из богинь лунной триады, представляла ту же богиню, что и Афродита и волоокая Гера.

Старшее поколение героев

[a] Ио, дочь речного бога Инаха, была жрицей аргивской Геры. Зевс, которого околдовала Иинкс, дочь Пана и Эхо, влюбился в Ио, а когда Гера обвинила его в супружеской неверности и в наказание обратила Иинкс в вертишейку, то он стал лгать, будто даже не прикасался к Ио. Затем он обратил Ио в белую корову, которую Гера тут же потребовала себе и передала ее Аргусу Панопту, наказав при этом: «Привяжи тайно это животное в Немейской оливковой роще». Зевс же отправил на выручку Ио Гермеса, а сам в образе дятла полетел в Немею или, как утверждают некоторые, в Микены. Хотя Гермес и слыл искуснейшим вором, он знал, что не сможет украсть Ио незаметно от стоглазого Аргуса, поэтому для начала он усыпил Аргуса игрой на флейте, нанес ему удар огромным камнем, отрезал голову и освободил Ио. В напоминание об этом отвратительном убийстве Гера поместила глаза Аргуса на хвост павлина, а на Ио наслала овода, который жалил ее и гнал по всему миру.

[b] Сначала Ио отправилась в Додону и вскоре достигла моря, которое в ее честь стали называть Ионическим. Но здесь она повернула и отправилась на север, к горе Гем, а оттуда, через дельту Дуная, обежала по солнцу весь Понт Эвксинский, переправившись через Босфор Киммерийский и поднявшись по реке Гибрист до самого ее истока в Кавказских горах, где все еще мучился прикованный к скале Прометей. Чтобы вернуться в Европу, ей пришлось пересечь Колхиду, страну халибов и фракийский Босфор; затем ей снова пришлось бежать через Малую Азию в Таре и Иоппу^{61*},

^{61*} Иоппа — теперь Яффо вблизи Тель-Авива (Израиль).

а оттуда — в Мидию, Бактрию и Индию, а затем, пройдя в юго-западном направлении всю Аравию и переправившись через индийский Босфор (Бабель-Мандебский пролив), она достигла Эфиопии. Там она пошла к северу от истоков Нила, где пигмеи ведут постоянную войну с журавлями и, наконец, нашла покой в Египте. В Египте Зевс вернул ей человеческий облик, и, выйдя замуж за Телегона, она родила Эпафа — ее сына от Зевса, который все-таки *прикоснулся* к ней. Там же она учредила поклонение Исиде, называя этим именем Деметру. Эпаф, который, по слухам, был божественным быком Аписом, правил всем Египтом, а его дочь Ливия родила от Посейдона Агенора и Бела¹.

[с] Однако некоторые считают, что Ио родила Эпафа в Эвбейской пещере, известной под названием Боос Ауле, после чего умерла от укуса овода. Говорят также, что, будучи коровой, она из белой сначала стала фиолетово-красной, а затем черной².

[d] Другие рассказывают совсем иную историю. Они говорят, что сын Иапета Инах правил Аргосом и основал город Иополис, поскольку под именем Ио в Аргосе некогда почитали луну, и назвал свою дочь Ио в честь луны. Западный царь Зевс-Пикус отправил своих слуг украсть Ио и овладел ею, лишь только она оказалась в его дворце. Родив ему дочь по имени Ливия, Ио сбежала в Египет, но оказалось, что там правит сын Зевса Гермес, поэтому ей пришлось бежать на гору Сильпий в Сирии, где она умерла от горя и позора. Тем временем братья и другие родственники Ио, посланные Инахом, искали ее, боясь вернуться с пустыми руками. Взяв в проводники Триптолема, они стучались в Сирии во все двери, крича: «Да упокоится дух Ио!» Наконец, они пришли на гору Сильпий, где призрак в образе коровы сказал им: «Это я, Ио». Они сочли, что на этом месте погребена Ио, и решили основать там второй Иополис, который теперь называют Антиохией. В честь Ио иополитане раз в год стучатся друг другу в двери и выкрикивают те же слова, а аргивяне ежегодно в память о ней погружаются в траур³.

¹ *Каллимах*. О птицах. Фрагмент 100; *Аполлодор*. II.1.3; *Гигин*. Мифы. 145; *Суда* под словом *Ио*; *Лукиан*. Разговоры богов. 3; *Мосх*. Идиллия. II.3; *Геродот*. I.1, II.41; *Гомер*. Илиада. III. 6; *Эсхил*. Прометей Прикованный. 705, Просительницы. 547 и след.; *Еврипил*. Ифигения в Тавриде. 382 и след.; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 835 и след.

² *Страбон*. X.1.3; *Суда* под словом *Isis*.

³ *Иоанн Малала*. Хроники. II.28.

1) Данный миф содержит несколько сюжетных линий. Аргивяне поклонялись луне в образе коровы, поскольку рогатая молодая луна считалась источником любой воды и, следовательно, корма для скота. Три ее цвета — белый для новолуния, красный для полнолуния и черный для убывающей луны — соответствуют трем возрастным ипостасям лунной богини — девственнице, нимфе и старухе (см. 90,2). Ио меняет свой цвет так же, как его меняет луна, а вместо «красного» мифографы вставили «фиолетовый» потому, что *ion* по-гречески — фиалка. Считалось, что дятлы стучат по стволам дубов к дождю, а Ио была луной, приносящей дождь. Пастухам очень нужен был дождь в конце лета, когда оводы нападали на стада и приносили им много мучений. В Африке племена негров-скотоводов до сих пор при появлении оводов торопятся сменить пастбище. Вероятно, аргивские жрицы Ио ежегодно исполняли танец телок, изображая при этом, как их мучают оводы. Наряженные дятлами мужчины стучали в это время в дубовые двери и кричали: «Ио! Ио!», призывая тем самым дождь, чтобы избавить скот от мучений. Не исключено, что так возник миф о превращениях в коров коанских женщин (см. 137,s). Аргивяне, основавшие колонии в Эвбее, на Босфоре, на Понте Эвксинском, в Сирии и Египте, принесли с собой этот танец дождя. Вертишейка, которая считалась основной оргиастической птицей луны-богини, вила гнезда на ивах и поэтому была связана с магией воды (см. 152,2).

2) Легенда, придуманная для того, чтобы объяснить распространение этого ритуала на восток и сходство культа Ио в Греции, Исида в Египте, Астарты в Сирии и Кали в Индии, наслонилась на две не связанные между собой истории. Одна повествовала о священной лункорове, которая блуждала по небесам, охраняемая звездами (она имеет много общего с ирландской легендой о Зеленом Стриппере), а вторая — о жрицах луны, которых предводители вторгшихся эллинов, называвшие себя Зевсами, насильно брали в жены, к ужасу местного населения. Гера, будучи женой Зевса, затем предстает испытывающей ревность к Ио, хотя Ио — всего лишь одно из имен «волоокой» Геры. В аргивском празднике оплакивания Ио многое напоминает оплакивание Деметрой Персефоны, особенно если учесть, что в мифах Ио приравнивалась к Деметре. Более того, раз в три года в Келеях близ Коринфа праздновались мистерии Деметры, которые, как утверждалось, были основаны братом Келея царем Элевсина. Гермеса называют сыном Зевса—Пикуса («дятел»), причем Аристофан в «Птицах» (480) обвиняет Зевса

в том, что он украл скипетр дятла. Пана также считали сыном Гермеса и нимфы Дриопы, а латинского Пана — Фавна полагали сыном Пикуса, которого Кирка превратила в дятла за то, что он отверг ее любовь (Овидий. *Метаморфозы*. XIV.6.). На критской могиле Фавна была эпитафия: «Здесь лежит дятел, который также был Зевсом» (Суда под словом *Picos*). Все трое были пастушескими богами, во власти которых был дождь. Имя Ливии обозначало дождь, и зимние дожди приходили в Грецию из Ливии.

3) То, что Зевс был отцом Эпафа, ставшего предком Ливии, Агенора, Бела, Эгипта и Даная, предюлагает, что поклонявшиеся Зевсу ахейцы пытались распространить свою власть на все «морские народы» юго-восточного Средиземноморья.

4) Миф о пигмеях и журавлях повествует о высокорослых скотоводческих племенах, которые ворвались в верховья Нила из Сомали и оттеснили пигмеев дальше на юг. Их называли «журавлями» потому, что, как раньше, так и сейчас, они часто стоят на одной ноге, поджав другую и поддерживая ее рукой за лодыжку, опершись при этом на копье.

[а] Первым человеком, который основал и населил торговый город, был брат Ио — Фороней, сын речного бога Инаха и нимфы Мелии. Позднее этот город, названный Фороний, был переименован в Аргос. Фороней был также первым, кто научился применять огонь, украденный Прометеем. Он женился на нимфе Кердо, правил всем Пелопоннесом и стал поклоняться Гере. Когда он умер, его сыновья Пеласг, Иас и Агенор разделили Пелопоннес между собой, а его сын Кар основал город Мегару¹.

¹ Гигин. Мифы. 143, 274; Аполлодор. II.1.1.; Павсаний. I.39.4—6, II.15.5.

1) В качестве духа ольхи, символизировавшей четвертый месяц священного года (см. 28,4; 52,3; 170,8), во время которого отмечался праздник весенних костров, Фороней считался сыном Инаха потому, что ольха растет по берегам рек. Его матерью была нимфа-ясень Мелия, поскольку ясень предшествовал ольхе в календаре деревьев и считался «притягивающим огонь», так как зажженные молнией деревья были для первобытного человека первым источником огня. Будучи одновременно героем-оракулом, он ассоциировался с вороной (см. 50,1). То, что Фороней стал первым пользоваться огнем, можно объяснить тем, что древние кузнецы и гончары отдавали предпочтение углю из ольхи, поскольку тот дает больше жару, чем любой другой. Кердо («польза» или «ремесло») — один из эпитетов Деметры, принимавшей образ ласки или

лисы, которые считались животными-оракулами. *Фороней*, возможно, был эпитетом Крона, с которым отождествлялись ворона и ольха (см. 6,2), и поэтому эпитетом титана седьмого дня священной недели. Раздел царства Фороней между его сыновьями Пеласгом, Иасом и Агенором напоминает раздел царства Крона между Зевсом, Посейдоном и Гадесом, однако не исключено, что он соответствует разделу Пелопоннеса до прихода ахейцев.

2) Кар — это К'ре или Карий, или Великий бог Кер. Вероятно, свое имя он получил от своей луны-матери Артемиды Карики, или Кариатиды.

[a] Агенор, сын Ливии и Посейдона и близнец Бела, отправился из Египта и обосновался в стране Ханаан, где женился на Телефассе, которую также называли Аргиопой, родившей ему Кадма, Феникса, Килика, Фасоса, Финея и единственную дочь Европу¹.

[b] Влюбившийся в Европу Зевс приказал Гермесу перегнать скот Агенора поближе к берегу моря у Тира, где Европа любила гулять в сопровождении своих подруг, а сам присоединился к стаду, превратившись в белоснежного быка с огромным подгрудком и крохотными жемчужными рожками, между которыми пролегла одна черная полоска. Европа была поражена красотой быка и, убедившись, что он нежен, как ягненок, подавила страх и стала играть с ним. Она совала ему в пасть цветы, украшала рога венками и, наконец, решилась забраться к нему на спину и не испугалась, когда он пошел с ней в сторону моря. Неожиданно бык быстро поплыл, и ей осталось только с испугом смотреть на тающий вдали берег. Одной рукой она продолжала держаться за правый рог быка, а в другой все еще держала корзину с цветами².

[c] Выйдя на берег около критского города Гортина, Зевс превратился в орла и овладел Европой в ивовых зарослях у ручья. Некоторые утверждают, что это случилось под вечнозеленым платаном. Европа родила ему трех сыновей: Миноса, Радаманта и Сарпедона³.

[d] Агенор отправил своих сыновей на поиски их сестры и запретил им возвращаться без нее. Они тут же сели на корабли, но поскольку никто из них не знал, куда делся бык, то поплыли в разные стороны. Феникс отправился на запад, за Ливию, туда, где сейчас стоит Карфаген,

и там дал свое имя пунийцам. Однако после смерти Агенора он вернулся в Ханаан, переименованный в его честь в Финикию, и стал отцом Адониса, матерью которого была Алфесибей⁴. Килик отправился в землю гипахейн, которая по его имени стала называться Киликией⁵, а Финей поплыл в Тинию — полуостров, отделяющий Мраморное море от Понта Эвксинского, где позднее ему досаждали гарпии. Фасос со своими спутниками вначале отправился в Олимпию, поставил там бронзовую статую, посвященную тирскому Гераклу, — десятиметровый исполин был изображен с палицей и луком, — а затем отправился на остров Фасос, где основал колонию и стал разрабатывать богатые золотые копи. Все это произошло за пять поколений до того, как в Греции родился Геракл, сын Амфитриона⁶.

[e] Кадм поплыл с Телефассой на Родос и там посвятил Афине Линдской бронзовый котел и построил храм Посейдона, оставив для призора за ним наследственных жрецов. Затем они прибыли в Феру; построили там такой же храм и, наконец, достигли земли фракийских эдониев, которые встретили их с радушием. Здесь Телефасса неожиданно умерла, и после ее похорон Кадм со спутниками пешком пошли к Дельфийскому оракулу. Когда они спросили, где можно найти Европу, Пифия посоветовала им оставить поиски, а самим отправиться за коровой и основать город там, где она свалится от усталости.

[f] Выйдя на дорогу, ведущую из Дельф в Фокиду, Кадм повстречал пастухов, служивших царю Пелагону, и те продали ему корову, на боках которой были знаки полной луны. Он погнал животное на восток через всю Беотию, нигде не давая ему отдохнуть. Наконец, обессиленная корова упала там, где сейчас стоят Фивы. Там же Кадм воздвиг статую Афины, которую назвал ее финикийским именем Опка⁷.

[g] Предупредив своих спутников, что корову следует незамедлительно принести в жертву Афине, Кадм отправил их за очистительной водой к источнику Ареса, который ныне называют Касталинским источником. Однако он не знал, что источник охраняет большой дракон. Этот дракон уничтожил большинство спутников Кадма. За это Кадм раскрыл ему голову камнем. Не успел он принести жертву Афине, как она появилась сама и похвалила его за все, что он совершил, приказав при этом посеять зубы убитого им змея. Когда Кадм все исполнил, из земли выскочили вооруженные спарты, или «посеянные люди», и стали греметь оружием. Он швырнул в их ряды камень, чем вызвал ссору: каждый стал обвинять другого, что камень бросил именно он. Бились

они так яростно, что в конце концов в живых осталось только пятеро: Эхион, Удей, Хтоний, Гиперенор и Пелор. Все они в один голос заявили, что готовы служить Кадму. Однако Арес потребовал возмездия за убийство змея, и божественный суд приговорил Кадма к тому, чтобы тот отслужил у Ареса рабом в течение Великого года⁸.

¹ *Аполлодор*. III.1.1; *Гигин*. Мифы. 178,19; *Павсаний*. V.25.7; *Аполлоний Родосский*. II.178.

² *Овидий*. *Метаморфозы*. II.836 и след.; *Мосх*. *Идиллии*. II.37—62.

³ *Феофраст*. *История растений*. I. 9.5; *Гигин*. Мифы. 178.

⁴ *Гигин*. Там же; *Аполлодор*. III.1.1, 14.4.

⁵ *Геродот*. VII.91.

⁶ *Павсаний*. V.25.7; *Геродот*. IV.47, II. 44.

⁷ *Павсаний*. IX.12.1—2.

⁸ *Гигин*. Мифы. 178; *Аполлодор*. III.4.1—2.

1) Этот миф предлагает несколько противоречивых генеалогий: например, Фасос называется то сыном Посейдона, то Килика (*Аполлодор*. III.1.1), то Тития (ср. Пиндар. *Пифийские оды*. IV.46). Агенор — это финикийский герой Хнас, который появляется в Исходе под именем Ханаан. Многие ханаанейские обычаи говорят об их восточноафриканском происхождении, и не исключено, что ханаанеи пришли в Нижний Египет из Уганды. То, что сыновья Агенора разбрелись в разные стороны, возможно, говорит о бегстве на запад во II тысячелетии до н. э. ханаанейских племен, теснимых племенами ариев и семитов.

2) Рассказ о сыновьях Инаха, отправившихся на поиски лунной коровы Ио (см. 56,d), повлиял на историю сыновей Агенора, искавших Европу. *Феникс* — это форма мужского рода от имени *Фенисса* («красная или кровавая»), которое было эпитетом луны как богини смерти-жизни. *Европа* означает «широколикая» — синоним полной луны и эпитет луны-богини Деметры в Лебадее и Астарты в Сидоне. *Ливия*, *Телефасса*, *Аргиопа* и *Алфесибя* — это все эпитеты луны-богини.

3) Похищение Зевсом Европы, свидетельствующее о появлении эллинов на Крите, могло быть навеяно доэллипскими изображениями жрицы луны, торжественно восседающей на солнце-быке, который падет от ее руки. Эта сцена сохранилась на дисках из синего стекла, обнаруженных при раскопках микенского города Мидеи. Похоже, что это было частью обряда плодородия, во время которого торжественно проносили

майскую гирлянду Европы (Атений. 678а—b). Тот факт, как Зевс овладел Европой в образе орла, напоминает о том, как он овладел Герой, обернувшись кукушкой (см. 12,а). Есть еще одна параллель: согласно Гесихию ^{62*}, у Геры был эпитет *Европия*. На Крите и в Коринфе Европу называли Геллотида, что напоминает имя Гелика («ива»). Гелле (см. 43,1; 70,8) и Елена — это тот же божественный персонаж. Каллимах в своем Эпиталамии Елене указывает, что платан также считался священным деревом Елены. Его святость объяснялась пятиконечностью листьев, символизовавших кисть богини (см. 53,а), и тем, что он ежегодно менял кору. Однако к классической эпохе это дерево присвоил себе Аполлон.

4) Не исключено, что история Европы запечатлела один из набегов эллинов-критян на Финикию. Иоанн Малала ^{63*} вряд ли выдумывал, когда писал о «вечере несчастий» в Тире: Тавр («бык»), царь Крита, напал на Тир после морской битвы, когда Агенор и его сыновья отсутствовали. Они взяли город в тот же вечер и увезли много пленных, среди которых была Европа. Это событие до сих пор вспоминают во время «вечера несчастий», отмечаемого в Тире» (Хроники. II). Геродот (I.2) соглашается с Малалой (см. 160,1).

5) Тирский Геракл, которому Тесей поклонялся в Олимпии, — это бог Эшмун, и, вероятно, небольшое племя, говорившее на одном из семитских языков, переселилось из сирийских долин в карийскую Кадмею. *Кадм* — семитское слово, означающее «восточный». Оттуда они переправились в Беотию (это случилось в конце II тысячелетия до н. э.), захватили Фивы и стали владыками всей страны. Миф о «посеянных людях» и о служении Кадма в рабстве у Ареса говорит о том, что вторгшиеся кадмейцы удержали в своей власти Беотию, умело вмешиваясь в междоусобицы пеласгийских племен, считавших себя автохтонами, и что они переняли местный обычай, ограничивающий срок правления царя-жреца восемью годами. Кадм убил змея в том же смысле, в каком Аполлон убил дельфийского Пифона (см. 21,11). Имена «посеянных людей» — Эхион («змея»), Удей («земной»), Хтоний («подземный»), Гиперенор

^{62*} Гесихий (V в.) — греческий лексикограф из Александрии, составивший упорядоченный по алфавиту греческий лексикон с объяснением редких слов. Труд Гесихия дошел в форме плохо сохранившейся рукописи XV в.; особую ценность представляет приложенный словарь греческих диалектов.

^{63*} Малала Иоанн (ок. 491 — ок. 578) — византийский историк и писатель, автор «Всемирной хроники».

(«гордый духом») и Пелор («чудовище») — характерны для героев-оракулов. Однако имя *Пелор* предполагает, что все пеласги, а не только те, что жили в Фивах, считали, будто они возникли подобным образом, поскольку их общим праздником была *пелория* (см. 1,2). Ясон посеял зубы дракона вероятнее всего в Иолке или Коринфе, а не в Колхиде (см. 152,3).

б) Про Трою и Антиохию также говорили, что они были основаны на месте, выбранном священными коровами (см. 158,h; 56,d). Однако вряд ли это стоит понимать буквально. Скорее всего, корову выпускали на заранее выбранное ограниченное пространство и там, где она ложилась, строили храм луны-богини. В корове не следует предполагать наличия стратегической и коммерческой мудрости.

[а] Когда Кадм отслужил восемь лет рабом у Ареса в искупление за убийство Касталийского дракона, Афина вручила ему во владение Беотию. С помощью «посеянных людей» он построил фиванский акрополь, названный в его честь *Кадмея*, и, после того как его посвятили в мистерии, которым Зевс обучил Иасия, женился на Гармонии, дочери Афродиты и Ареса. Другие говорят, что Кадму ее вручила Афина, когда он был в Самофракии¹.

[б] Это была первая свадьба смертного, на которой присутствовали Олимпийцы. В доме Кадма, который стоял на месте нынешнего фиванского рынка, установили для них двенадцать золотых кресел, и все боги явились с подарками. Афродита подарила Гармонии знаменитое золотое ожерелье работы Гефеста, которое первоначально Зевс в знак своей любви подарил сестре Кадма Европе и которое делало его владелицу столь прекрасной, что перед ее красотой нельзя было устоять². Афина дала ей золоченое одеяние, придающее хозяйке божественное достоинство, а также несколько флейт. Гермес подарил лиру. Сам Кадм подарил Гармонии еще одно богатое одеяние. Мать Иасиона Электра обучила ее обрядам Великой богини, а Деметра обеспечила ей хорошие урожаи ячменя тем, что возлегла с Иасионом на трижды вспаханном поле, когда все праздновали свадьбу. Фиванцы до сих пор показывают место, где во время свадьбы играли на флейтах, пели музы, играл на лире Аполлон³.

[с] Уже в старости, чтобы умилостивить Ареса, который так и не смог до конца простить ему убийство змея, Кадм отрекся от фиванского

трона в пользу внука Пенфея, которого его дочь Агава родила от «поселянина человека» Эхиона, и зажил тихой жизнью в городе. Однако когда Пенфей погиб от рук своей матери, Дионис предсказал, что Кадм и Гармония, правя колесницей, запряженной телками, станут во главе варварских орд. Эти варвары, продолжал оракул, будут опустошать греческие города до тех пор, пока не ограбят храм Аполлона и не получат за это заслуженное наказание. Однако Арес спасет Кадма и Гармонию, обратив их в змей, и они будут вечно жить в довольстве на Островах Блаженных⁴.

[d] Узнав о пророчестве, Кадм и Гармония уехали на остров, где жили энхелеи, которые, когда на них напали иллирийцы, по совету Диониса признали своими правителями Кадма и его супругу. К этому времени Агава вышла замуж за иллирийского царя Ликоферса, при дворе которого она нашла убежище после убийства Пенфея. Услышав о том, что ее родители стоят во главе войска энхелеев, Агава убила Ликоферса и отдала царство Кадму⁵.

[e] Уже в старости, когда пророчество полностью сбылось, Кадм и Гармония, как и должно было случиться, превратились в черных змей с синими пятнами и были отправлены Зевсом на Острова Блаженных. Некоторые, правда, говорят, что Арес превратил их во львов. Тела их погребли в Иллирии, где Кадм построил город Бутоя. Его трон унаследовал Иллирий, сын Кадма, родившийся, когда тот был уже немолод⁶.

¹ Павсаний. IX.5.1; Диодор Сицилийский. V.48; Аполлодор. III.4.2.

² Диодор Сицилийский. V.49, IV.65.5; Пиндар. Пифийские оды. III.94; Павсаний. IX.12.3; Ферекид. Цит. по: Аполлодор. III.4.2.

³ Диодор Сицилийский. V.49; Павсаний. IX.12.3.

⁴ Гигин. Мифы. 6; Аполлодор. III 4.2; Еврипид. Вакханки. 43, 1350.

⁵ Гигин. Мифы. 184, 240.

⁶ Овидий. Метаморфозы. IV.562—602; Аполлодор. III.5.4; Аполлоний Родосский. IV.517.

1) Женитьба Кадма на Гармонии в присутствии двенадцати олимпийских богов напоминает свадьбу Пелея и Фетиды (см. 81,1) и, вероятно, свидетельствует о признании всеми эллинами захвативших Фивы кадмейцев, которые получили поддержку афинян и были должным образом посвящены в Самофракийские мистерии. То, что Кадм

основал Бутою, говорит о желании илирийцев считаться с греками и участвовать в Олимпийских играх. Кадму должен был принадлежать оракул в Илирии, поскольку он изображался там в образе змея. Львы, в которых, как утверждают, были превращены Кадм и Гармония, были, возможно, основаниями аниконического изображения Великой богини, как на знаменитых Львиных воротах в Микенах. Мифограф предполагает, что в старости, когда кончался срок его царствования, Кадму разрешили уехать и основать колонию, а не предали его смерти (см. 117,5).

[a] Царь Бел, правивший в Хеммисе, что в Фиванской области, был сыном Ливии и Посейдона и братом-близнецом Агенора. Его жена Анхиноя, дочь Нила, родила ему близнецов Эгипта и Даная и еще одного сына Кефя¹.

[b] Эгипт получил в царство Аравию, но подчинил себе также и страну меламподов, которую назвал в свою честь Египтом. От разных матерей — ливиек, арабов, финикиек и проч. — у него родилось пятьдесят сыновей. Данай, которого отправили управлять Ливией, имел пятьдесят дочерей, называвшихся данаидами, причем все они родились также от разных матерей — наяд, гамадриад, египетских принцесс из Элефантины и Мемфиса, эфиопок и проч.

[c] Когда Бел умер, близнецы поссорились из-за наследства. В качестве жеста примирения Эгипт предложил поженить пятьдесят его сыновей на пятидесяти дочерях Даная. Данай, предчувствуя нехорошее, отказался и, когда оракул подтвердил его опасения, что Эгипт намеревался перебить всех данаид, стал готовиться к бегству из Ливии².

[d] С помощью Афины он построил корабль для себя и своих дочерей — это было первое вышедшее в море судно с высоким носом и кормой, — и они поплыли в Грецию, остановившись на Родосе. Этому острову Данай пожертвовал статую Афины из храма, построенного в честь этой богини данаидами, три из которых умерли во время пребывания на острове. В честь умерших назвали города Линд, Иалис и Камир³.

[e] С Родоса они отправились в Пелопоннес и вышли на берег у Лерны, где Данай объявил, что боги избрали его царем Аргоса. Хотя аргивский

царь Геланор только засмеялся в ответ на такое заявление, его подданные в тот же вечер собрались, чтобы обсудить этот вопрос. Геланор, без сомнения, удержал бы свой трон (хотя Данай заявил, что его поддерживает сама Афина), если бы аргивяне не отложили решение этого вопроса до утра. Ночью же с холмов смело спустился волк, напал на стадо, пасшееся у городских стен, и зарезал быка, который был вожаком стада. Аргивяне посчитали это знаком того, что Данай захватит трон силой, если ему отказать, и потому уговорили Геланора отречься от престола.

[f] Данай, будучи уверенным, что волком был не кто иной, как сам Аполлон, посвятил Волчьему Аполлону самое известное святилище в Аргосе и стал таким могущественным правителем, что все пеласги Греции стали называть себя данайцами. Он также построил цитадель в Аргосе, а его дочери принесли из Египта мистерии Деметры, называемые *фесмофориями*, и обучили им пеласгийских женщин. Однако после дорийского нашествия на Пелопоннес больше никто не справляет фесмофорий, кроме аркадцев ⁴.

[g] Данай обнаружил, что Арголида уже давно страдает от засухи, поскольку Посейдон, обиженный тем, что Инах объявил эту землю принадлежащей Гере, высушил в ней все реки и ручьи. Он отправил своих дочерей на поиски воды, наказав им умиловить Посейдона любим способом. Одна из дочерей по имени Амимона, охотясь в лесу на оленя, нечаянно разбудила сатира. Тот вскочил и захотел овладеть ею, однако Посейдон, которого она призвала на помощь, швырнул в сатира свой трезубец. Убегавший сатир увернулся, и трезубец, дрожа, вонзился в скалу; Посейдон сам возлег с Амимоной, которая была довольна, что таким приятным образом сможет выполнить отцовские наставления. Услышав ее просьбу, Посейдон указал на свой трезубец и попросил ее выдернуть его из скалы. Когда она это исполнила, из трех маленьких отверстий вырвались три струйки воды. Этот источник, называемый теперь Амимоной, дает начало реке Лерна, которая не пересыхает даже в разгар лета ⁵.

[h] У источника Амимоны Ехидна родила под платаном ужасную Гидру, которая поселилась в близлежащем озере Лерна, куда за очищением приходят убийцы. Отсюда пошла поговорка: «Лерна бед» ⁶.

[i] Тем временем Эгипт отправил своих сыновей в Аргос, запретив им возвращаться, не отомстив Данаю и всей его семье. Приплыв в Аргос, они стали упрашивать Данаю изменить свое решение и разрешить им жениться на его дочерях, не отказавшись, однако, от тайной мысли погубить их в брачную ночь. Когда Данай ответил отказом, они осадили

Аргос. В Аргивской цитадели не было источников, и хотя данаиды научились искусству рыть колодцы и уже вырыли в городе несколько, включая четыре священных, во время осады в них воды не оказалось. Понимая, что жажда вынудит их сдаться, Данай пообещал выполнить все, о чем просят сыновья Эгипта, как только осада будет снята⁷.

[j] Стали готовиться к общей свадьбе; Данай объявлял пары. В некоторых случаях он соединял жениха и невесту на том основании, что их матери были одного положения или же потому, что они носили похожие имена. Так, Клит, Сфенел и Хрисипп женились на Клите, Сфенеле и Хрисиппе, однако в большинстве случаев он пользовался жребием, который доставал из шлема⁸.

[k] Во время свадебного пира Данай тайно раздал острые булавки, которые его дочери спрятали в своих прическах, и в полночь каждая вонзила их в сердце своего мужа. В живых остался только один: по совету Артемиды Гипермнестра пощадил Линкея, поскольку тот не посягнул на ее девственность, и помогла ему бежать в город Линкею, находившийся в шестидесяти стадиях от Аргоса. Гипермнестра попросила Линкея, чтобы добравшись до места, он сразу же зажег огонь, а она ответит ему таким же огнем из цитадели. В память об этом договоре аргивяне до сих пор каждый год зажигают огни. Узнав на рассвете, что Гипермнестра не повиновалась ему, Данай решил, что она будет осуждена на смерть, но аргивские судьи оправдали ее, за что она воздвигла статую Афродиты Победительницы в святилище Волчьего Аполлона, а одно из святилищ посвятила Артемиде Преследовательнице⁹.

[l] Головы убитых мужей похоронили на берегу Лерны, а их тела со всеми почестями погребли у стен Аргоса, и, хотя, с позволения Зевса, Афина и Гермес подвергли данаид очищению в Лернейском озере, судьи мертвых обрели их вечно носить воду в кувшинах, дырявых, как решето¹⁰.

[m] Линкей и Гипермнестра вновь соединились, а Данай, решив женить как можно скорее других своих дочерей — до того, как наступит полдень в день их очищения, — призвал женихов. Он предложил провести соревнования в беге, начиная с улицы, которая теперь называется Афета, причем победитель получал право первым выбрать себе невесту, а остальные должны были выбрать себе невест в той очередности, в какой они заканчивали бег. Поскольку Данаю не удалось найти достаточно желающих получить жен-убийц, то в беге участвовали всего несколько человек. Но, увидев, что в первую брачную ночь с новоиспеченными мужьями ничего не случилось, на следующий день пришли

новые женихи, и забег пришлось проводить еще раз. Все потомки этих браков считаются данайцами, а аргивяне до сих пор торжественно проводят соревнования в беге на так называемых Гименейских состязаниях. Позднее Линкей убил Даная и стал править вместо него. Он бы с большим удовольствием перебил и всех его дочерей, чтобы отомстить за своих загубленных братьев, но знал, что аргивяне воспротивятся этому¹¹.

[п] Тем временем Эгипт прибыл в Грецию, но, узнав о постигшей его сыновей судьбе, бежал в Аргос, где и скончался. А погребли его в Патрах, в святилище Сераписа¹².

[о] Сын Амимоны и Посейдона Навплий стал знаменитым мореплавателем и научился искусству навигации, ориентируясь на созвездие Большой Медведицы. Он основал город Навплий, где поселил команду египетского корабля, на котором уплыл его дед. Он был предком Навплия — грабителя судов, который заманивал на скалы вражеские корабли, зажигая ложные маяки¹³.

¹ Геродот. II.91; Еврипид. Цит. по: Аполлодор. II.1.4.

² Аполлодор. II.1.5; Гигин. Мифы. 168; Евстафий. О Гомере. 37.

³ Гигин. Цит. соч.; Аполлодор. II.1.4; Геродот. II.182; Диодор Сицилийский. V.58.1; Страбон. XIV.2.8.

⁴ Павсаний. II.38.4, 19.3; Еврипид. Цит. по: Страбон. VIII.6.9; Страбон. Там же; Геродот. II.171; Плутарх. О злокозненности Геродота. 13.

⁵ Гигин. Мифы. 169; Аполлодор. II.1.4.

⁶ Павсаний. II.37.1, 4; Страбон. VIII.6.8.

⁷ Гигин. Мифы. 168; Аполлодор. II. 1.5; Страбон. VIII.6.9.

⁸ Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Мифы. 170.

⁹ Аполлодор. Цит. соч.; Павсаний. II.25.4, 19.6, 21.1.

¹⁰ Аполлодор. Цит. соч.; Лукиан. Морские разговоры. VI; Гигин. Мифы. 168; Овидий. Героини. XIV; Гораций. Оды. III.11.3 и след.

¹¹ Пиндар. Пифийские оды. IX.117 и след.; Павсаний III.12.2; Гигин. Мифы. 170; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. X.497.

¹² Павсаний. VII.21.6.

¹³ Аполлоний Родосский. I.136—138; Тсон. Схолии «Небесным явлениям» Арата. 27; Павсаний. IV.35.2.

1) Этот миф свидетельствует о первом появлении в Греции элладских переселенцев из Палестины, которые принесли с собой на Пелопоннес культуру земледелия и путь которых пролегал через остров Родос.

Считается, что среди них были и выходцы из Ливии и Эфиопии (см. 6,1; 8,2). Бел — это Ваал Ветхого Завета и Бел апокрифов. Свое имя он получил от шумерской лунной богини *Белили*, которую сверг.

2) Три данаиды, известные также как тельхины, или «колдуньи», именами которых назвали три главных города Родоса, были триадой луны-богини Данаи (см. 54,1; 73,2). Имена Линда, Камира и Иалиса — это, похоже, все, что осталось со временем от слов *linodeoysa* («связывающая льняной нитью»), *catamerizoysa* («отмеряющая») и *ialemistria* («плачущая»), т. е. опять мы встречаемся с известными нам тремя богинями судьбы — мойрами, которых звали Клото, Лахесис и Атропос (см. 10,1), поскольку они выполняли те же функции. В классическую эпоху льняная нить воспринималась как нить, которую, тщательно отмерив, богиня одним концом привязывала к человеку, ежегодно отматывая столько, сколько полагалось, пока не наступало время перерезать нить и предоставить человеческую душу смерти. Однако в более древние времена считали, что богиня свивала льняным свивальником новорожденно-го, причем на узком полотне свивальника проставлялись племенные и родовые знаки, которые определяли социальное положение ребенка.

3) Имя *Даная* у шумеров звучало как *Дамкина*. Древние евреи называли ее *Дина* (Быт. 34), а форма мужского рода от этого имени была *Дин*. Пятьдесят — это обычное количество жриц лунной богини. В их обязанности входило увлажнение почвы с помощью дождевой магии, орошения и копания колодцев. Близнечество Агенора и Бела, так же, как и близнечество Даная и Эгипта, указывает на систему царского правления в Аргосе, при которой каждый из соправителей женился на верховной жрице и правил в течение пятидесяти лунных месяцев или половину Великого года. Верховной жрицей становилась победительница в беге (от этого вида спорта берут свое начало Олимпийские игры), который попеременно проводился то в конце пятидесятого месяца, то в конце сорок девятого лунного месяца (см. 53,4). Новогодние соревнования в беге, проходившие в Олимпии (см. 53,3), Спарте (см. 160,d), Иерусалиме (Хук. Происхождение древнесемитского ритуала^{64*}) и Вавилоне (*Ленгдон*. Эпическая поэма о творении мира^{65*}), устраивались для того, чтобы победитель стал царем-жрецом, как в Аргосе.

^{64*} См.: Hooke S. H. *Origin of Early Semitic Ritual*. Oxford, 1938.

^{65*} См.: Langston S. *The Babylonian Epic of Creation*. London, 1924.

4) Гидра (см. 34,3; 60,h), убитая Гераклом, вероятно, олицетворяла коллегия отвечавших за воду жриц (см. 124,2—4), а миф о данаидах, очевидно, свидетельствует о двух попытках эллинов захватить святилище этих жриц, причем первая попытка явно провалилась. После второй и успешной попытки предводитель эллинов женился на старшей жрице, а остальных жриц раздавал в жены своим вождям. «Улица, которая теперь называется Афета», вероятно, была началом забега девушек, соревновавшихся за звание верховной жрицы, но здесь же проводились и соревнования мужчин за трон царя-жреца (см. 53,3; 160, d). *Линкей* — это царский титул, существовавший также в Мессене (см. 74,1); он означал «рысий» и давался в честь этой дикой кошки, известной своим острым зрением.

5) *Эгипт* и *Данай*, возможно, были древними титулами фиванских царей-соправителей, и поскольку погребение головы царя-жреца на подходе к городу было распространенным обычаем, призванным, как считалось, защитить город от нашествия врагов (см. 146,2), головы сыновей Эгипта, погребенные в Лерне, вероятно, принадлежали последовательно правившим царям-жрецам. Египтян называли меламподами («черноногие»), поскольку в посевную они вынуждены были месить ногами черную нильскую грязь.

6) Позднее моногамное общество представляло данаид с дырявыми горшками, обреченными на вечную муку за мужеубийство. Однако изображение, на основе которого возник этот рассказ, запечатлело жриц за обязательным колдовством, когда они опрыскивали землю водой, чтобы вызвать ливень с помощью симпатической магии (см. 68,1). Похоже, что решето или дырявый горшок оставались отличительными признаками колдуний даже много веков спустя, после исчезновения жриц-данаид. Филострат^{66*} пишет, что «порою к овчарам, а то и к волопасам приходит бабка с решетом, обещая вылечить волхованием заболевшую скотину» (*Жизнь Аполлония Тианского*. VI.11).

7) Огни, зажженные Гипермнестрой и Линкеем, — это, возможно, огни, которые аргивяне зажигали во время праздника весны в честь победы солнца. Не исключено, что в Аргосе царя-жреца умерщвляли, вонзая ему в сердце длинную иглу — надо сказать, относительно легкая смерть.

^{66*} Филострат (Филострат II) (170—244/49) — греческий философ, софист. Известен в Афинах и Риме. Автор жизнеописаний софистов.

8) *Фесмофории* («обязательные жертвоприношения») представляли собой земледельческие оргии, которые праздновались в Афинах (см. 48,b) и во время которых отрезанные гениталии царя-жреца или его заместителя носили в корзине. В более поздние времена в корзине несли фаллообразные хлебы или живых змей. Аполлон Ликийский может означать «Аполлон светоносный», а не «Волчий Аполлон», однако оба смысла пересекаются, поскольку у волков есть привычка выть на луну.

[а] У Бела была прекрасная дочь Ламия, которая правила Ливией и которую Зевс в благодарность за расположение к нему наградил редкостным даром вынимать и вставлять свои глаза, как только она этого пожелает. Она родила ему нескольких детей, однако все они, кроме Скиллы, были из ревности погублены Герой. В отместку Ламия убивала чужих детей и проявляла при этом такую жестокость, что со временем ее лицо превратилось в кошмарную личину.

[б] Позднее она присоединилась к эмпусам, совращала юношей и выпивала их кровь, пока они спали¹.

¹ Диолор Сицилийский. XX.41; Суда под словом *Latia*; Плутарх. О любопытстве. 2; Схолии к «Миру» Аристофана. 757; Страбон. I.11.8; Евстафий. Комментарий к Гомеру. 1714; Аристотель. Этика. VII.5.

1) Ламия — это ливийская Нейт, богиня любви и битвы, которую также называли Анап и Афина (см. 8,1; 25,2; 61,1). Ее культ искоренили ахейцы. Как и аркадской Алфито, ею в конце концов стали пугать детей (см. 52,7). Ее имя *Ламия*, вероятно, сродни слову *lamyros* («прожорливый»), происходящему от слова *laimos* («глотка»), но в смысле «похотливая», а ее ужасающее лицо — это отпугивающая маска горгоны, которую ее жрицы носили во время мистерий (см. 33,3), включавших убийство младенца. Вынимающиеся глаза Ламии, возможно, появились из-за изображения этой богини, на котором она предлагает герою глаз как символ мистического видения (см. 73,6). *Эмпусы* были ночными кошмарами (55,1).

[а] Некоторые говорят, что, когда Зевс влюбился в Немесиду, она спряталась от него в воде, превратившись в рыбу. Тогда Зевс превратился в бобра и стал гоняться за ней по воде. Немесида выпрыгнула на берег и стала превращаться то в одного зверя, то в другого, но Зевс все равно преследовал ее по пятам, принимая облик более лютого или быстроногого зверя. Наконец, она взлетела, превратившись в дикую гусыню, а он стал лебедем, настиг и потоптал ее в Рамнунте, что в Аттике. Смирившись со своей участью, Немесида сбросила перья и пришла в Спарту, где Леда, жена царя Тиндарея, нашла со временем гиацинтового цвета яйцо, лежавшее в болоте. Она принесла находку домой и спрятала в сундук. Из этого яйца, когда пришел срок, родилась Елена Троянская¹. Однако некоторые утверждают, что это яйцо упало с луны, как и то, что в стародавние времена свалилось в реку Евфрат, а потом было вынесено рыбами на берег, высижено голубями, и из него родилась сирийская богиня любви².

[b] Третьи утверждают, что Зевс, обернувшись лебедем, преследуемым орлом, нашел убежище на груди Немесиды, а затем овладел ею. По прошествии положенного времени она снесла яйцо, которое Гермес швырнул между широко расставленных ног Леды, когда та сидела на скамье. Так Леда родила Елену, а Зевс поместил изображения Лебедя и Орла на небесах, чтобы таким образом увековечить свою уловку³.

[с] Однако чаще всего рассказывают, будто Зевс в образе лебедя возлюбил саму Леду на берегу реки Эврот и что потом она снесла яйцо, из которого вылупились Елена, Кастор и Полидевк, а впоследствии Леда была обожествлена под именем Немесиды⁴. В ту же ночь муж Леды

Тиндарей тоже возлег с ней, и хотя одни говорят, что все трое детей Леды были от Зевса, включая и Клитемнестру, которая вместе с Еленой вылупилась из второго яйца, другие считают, что только Елена была дочерью Зевса, а Кастор и Полидевк были сыновьями Тиндарея⁵. Есть и такие, кто утверждает, что Кастор и Клитемнестра — дети Тиндарея, а Елена и Полидевк — дети Зевса⁶.

¹ Гомер. Киприи. Цит. по: Атеней. 334; Аполлодор. III.10.7; Сапфо. Фрагмент 105; Павсаний. I.33.7.

² Атеней. 57 и след.; Плутарх. Застольные вопросы. II.3.3; Гигин. Мифы. 197.

³ Гигин. Поэтическая астрономия. II.8.

⁴ Лактанций. I.21; Гигин. Мифы. 77.

⁵ Гомер. Одиссея. XI.299 и след.; Илиада. III.426; Еврипид. Елена. 254,1497,1680.

⁶ Пиндар. Немейские оды. X.80; Аполлодор. III.10.6—7.

1) Немесида была луной-богиней в ипостаси нимфы (см. 32,2), и в древнейшем мифе, созданном на основе сюжета любовной погони, она преследовала царя-жреца, который претерпевал сезонные перевоплощения, превращаясь в зайца, рыбу, пчелу, мышь — или же так: в зайца, рыбу, птицу и пшеничное зерно, — в конечном счете она пожирала его. С победой патриархальной системы преследуемый и преследователь поменялись местами: теперь богиня бежала от Зевса, как в английской балладе о Смите Черный Уголь (см. 89,2). Богиня превращалась в выдру или бобреху, чтобы преследовать рыбу, и имя Кастор («бобр») есть не что иное, как отголосок этого мифа, тогда как имя Полидевк («приторное вино») свидетельствует о характере празднеств, во время которых совершалась эта погоня.

2) *Lada* считается ликийским, т. е. критским словом, со значением «женщина», и Леда была богиней Латоной, Лето или Лат, которая родила Аполлона и Артемиду в Делосе (см. 14, 2). Гиацинтовый цвет яйца напоминает кроваво-красное яйцо друидских пасхалий, называвшееся *glain*, которое друиды каждый год искали на берегу. В кельтских мифах это яйцо откладывала богиня в образе морского змея. Рассказ о том, как яйцо было брошено между ног Леды, возможно, возник на основе изображения, на котором богиня сидела в кресле для родов, и из ее чрева уже виднелась голова Аполлона.

3) Елена и Гелле, или Селена, — это местные варианты луны-богини (см. 43,10; 70,8; 159,1), тождественность которой сирийской богине подчеркивал Гигин. Однако Гигин путает: у него якобы сама богиня снесла мировое яйцо, совокупившись со змеем Офионом, который высидел это яйцо на водах, приняв образ голубки. Богиня же возникла из бездны (см. 1,а). Елене были посвящены два храма около Спарты: один — в Терапнах, построенный на месте микенского поселения, а второй — в Дендре, связанный с культом деревьев, как и ее святилище на Родосе (см. 88,10). Поллукс^{67*} (X.191) упоминает о спартанском празднике, называемом *геленефория*. Во время этого праздника в специальной корзине, называемой *helene*, несли безымянные предметы. На сохранившихся рельефах такую корзину несет сама Елена в сопровождении диоскуров. Безымянными предметами, скорее всего, были фаллические символы, а Елена — оргиастической богиней.

4) Зевс обманул богиню пелопоннесского культа лебедя Немесиду и воспользовался ее жалостью точно так же, как обманул богиню критского культа кукушки Геру (см. 12,а). Возможно, эти мифы указывают на приход в критские или пеласгийские города эллинских воинов, которые для начала почитали Великую богиню и снабжали ее жриц послушными консортами, но в конце концов лишили ее прежнего главенства.

^{67*} Поллукс (Полидевк) Юлий (II в. н. э.), родился в египетском Навкратисе, пользовался покровительством императоров Марка Аврелия и его сына Коммода. Автор капитального труда, одного из первых дошедших до нас систематизированных толковых словарей, написанных на материале греческого языка, — «Ономастикон» (из 10 книг). Каждая книга, начинающаяся с приветственного обращения к Коммоду, представляет собой трактат и содержит наиболее важные слова на определенную тему — о богах и царях, о людях, их жизни и физиологическом строении, о родстве и гражданских отношениях и т. д. Опубликовано впервые в 1502 г. в Венеции.

[а] Иксион, сын лапифского царя Флегия, согласился взять в жены Дию, дочь Деионея, пообещав за нее богатый выкуп и пригласив Деионея на пир. Однако сам приказал вырыть яму перед дворцом и развести в ней большой костер, так что ничего не подозревавший Деионей упал в нее и заживо сгорел.

[б] Хотя боги признали этот поступок отвратительным и отказались очистить Иксиона, верховный бог Зевс, который, влюбляясь, вел себя так же недостойно, не только дал ему очиститься, но и пригласил его откусывать за своим столом.

[с] Однако Иксион оказался неблагодарным и задумал соблазнить Геру, которая, как он считал, будет рада возможности отомстить Зевсу за его многочисленные измены. Зевс, разгадав намерения Иксиона, придал облаку образ Геры, и уже подвыпивший Иксион, не заметив обмана, предался любовным утехам с псевдо-Герой. Неожиданно нагрянувший Зевс приказал Гермесу безжалостно сечь вероломца, пока тот не произнесет слова: «Благодетель заслуживает уважения», после чего привязать его к огненному колесу, которое будет безостановочно катиться по небу.

[d] Ложная Гера, которую затем назвали Нефела, родила Иксиону отверженного всеми кентавра, про которого говорят, что, когда он возмужал, магнесийские кобылы произвели от него несколько кентавров, из которых самым знаменитым был ученый Хирон¹.

¹ Схолии к Аполлонию Родосскому. III.62; *Гигин*. Мифы. 33, 62; *Пиндар*. Пифийские оды. II.33—89 и схолии; *Лукиан*. Разговоры богов. 6; Схолии к «Финикиянкам» Еврипида. 1185.

1) Луна-богиня культа дуба была известна под именем *Диа* («небесная»), и поскольку это был титул додонской богини культа дуба (см. 51, 1), то, следовательно, она была женой Зевса — Герой. Придерживавшиеся старины цари называли себя Зевсами (см. 43, 2; 45, 2; 68, 1; 156, 4) и вступали в брак с *Диа Дождливотучной*, что не могло не вызывать гнев олимпийских жрецов, которые неверно истолковывали ритуальное изображение распятого лапифского царя как наказание за нечестивость и придумали притчу об облаке. На одном этрусском зеркале Иксион изображен распятым на огненном колесе, а у ног его лежит трут. В других случаях он изображен связанным «пятью концами» (Филострат. *Жизнь Аполлония Тианского*. VII.12). Таким же способом ирландский герой Курои связывает Кухулина — тело его выгнуто дугой, а лодыжки, запястья и шея связаны вместе, как у Осириса в «Книге мертвых». Это напоминает обычай пускания с горок горящих колес на европейских праздниках летнего солнцеворота. Смысл этого обычая заключается в том, что солнце, достигнув своей наивысшей точки, теперь вплоть до зимнего солнцестояния должно опускаться на небе все ниже и ниже.

2) Древнейшее греческое изображение кентавров — двос мужчин, чьи тела на уровне пояса переходят в лошадиные, — было обнаружено на гемме микенской эпохи, найденной в аргосском храме Геры. Кентавры были изображены танцующими лицом друг к другу. Аналогичная пара имеется на критской бусине-печати, но поскольку на Крите не было собственного культа лошади, этот мотив был завезен на остров с материковой Греции. В архаическом искусстве сатиры также изображались верхом на игрушечных лошадях, и лишь позднее их стали изображать как козлов. Кентавр мог быть героем-прорицателем со змеиным хвостом, поэтому повествование о нем могло быть связано с рассказом о том, как Борей совокуплялся с кобылами (см. 48,е).

[а] Эндимион был прекрасным сыном Зевса и нимфы Калики. По роду он был эолийцем, по происхождению карийцем и сверг царя Элиды Климена. Его жена, которую называют и Ифианасса, и Гипериппа, и Хромия, и Неида, родила ему четырех сыновей, а безумно влюбленная в него Селена родила ему пятьдесят дочерей¹.

[б] Однажды тихой ночью, когда Эндимион спал в пещере на Карийской горе Латмос, Селена впервые увидела его. Она легла рядом с ним и нежно поцеловала его в закрытые глаза. Некоторые говорят, что после этого он вернулся в пещеру еще раз и опять забылся безмятежным сном. Сон этот, от которого он уже никогда не пробудился, либо одолел его по его же желанию (поскольку он боялся приближающейся старости), либо потому, что Зевс стал подозревать его в связи с Герой, либо потому, что Селена сочла его слишком плодовитым и предпочла нежно целовать во сне. Как бы там ни было, он больше не старел и со щек его так и не сходил юношеский румянец. Однако некоторые говорят, что он лежит погребенным в Олимпии, где четверо его сыновей соревновались в беге, чтобы занять освободившийся трон, и что победил сын его Эпей².

[с] Один из побежденных сыновей, Этол, потом участвовал в гонках колесниц во время погребальных игр, посвященных Азану, сыну Аркада. Это были первые игры такого рода, состоявшиеся в Греции. Из-за того, что зрители нечаянно оказались на дороге, колесница Этола наехала на Аписа, сына Форонея, смертельно ранив его. Присутствовавший при этом Салмоней изгнал Этола на другой берег Коринфского

залива, где тот убил Дора и его братьев и завосвал землю, которая теперь в его честь называется Этолия³.

¹ *Аполлодор*. I.7.5—6; *Павсаний*. V.81, I.2.

² *Аполлодор* I.7.6; Схоллии к «Идиллиям» Феокрита. III.49; *Цицерон*. Тускуланские беседы. I.8; *Павсаний*. V.1.3.

³ *Павсаний*. VIII.4.2—3, V.1.6; *Аполлодор*. I.7.6; *Страбон*. VIII.3.33.

1) Этот миф рассказывает о том, как один из эолийских вождей вторгся в Элиду и воспользовался результатами своего брака с представительницей пеласгийской лунной богини Геры — старшей из пятидесяти жриц культа воды, поскольку имена жен Эндимиона — это эпитеты луны (см. 60,3). Когда его правление завершилось, он был, как положено, принесен в жертву и, как герой, получил святилище в Олимпии.

2) Этол, как и Пелоп, должен был проехать на колеснице вокруг Олимпийского стадиона, имитируя путь солнца (см. 69,1). Сюжет с нечаянным убийством Аписа, вероятно, возник на основе картины, изображавшей ежегодное крушение колесницы, в котором погибал человек, заменявший царя (см. 71,1; 109,4). Однако соревнование в беге, выигранное Эпеем, является более древним событием (см. 53,3). Существование святилища Эндимиона на горе Латмос в Карии говорит о том, что здесь была эолийская колония выходцев из Элиды. Ритуальный брак Эндимиона с Герой, так же, как и брак Иксиона, вероятно, считался оскорбительным с точки зрения жрецов Зевса (см. 63,1).

3) *Апис* — существительное, происшедшее от слова *apios*. У Гомера это прилагательное означало «далекий».

[а] Пигмалион, сын Бела, влюбился в Афродиту, и поскольку она никогда бы не разделила с ним ложе, он создал ее статую из слоновой кости, положил ее с собой в постель и стал молить богиню, чтобы она сжалась над ним. Войдя в статую, Афродита оживила ее под именем Галатеи, которая и родила ему Пафоса и Метарму. Преемник Пигмалиона Пафос был отцом Кинира, который основал кипрский город Пафос и построил в нем знаменитый храм Афродиты¹.

¹ *Аполлодор*. III.14.3; *Овидий*. *Метаморфозы*. X.243 и след.; *Арнобий Милетский*. Против язычников. VI.22.

1) Пигмалион, женившийся на жрице Афродиты в Пафосе, вероятно, держал в постели белое культовое изваяние Афродиты (ср.1 Цар.19:13), для того чтобы сохранить за собой кипрский трон. Если Пигмалиону действительно наследовал сын, которого родила ему жрица, то он оказался бы первым царем, утвердившим среди киприотов патрилинейную систему наследования. Однако более вероятно, что он, как и его внук Кинир (см. 18,5), отказался вернуть изваяние богини в конце своего восьмилетнего царствования и, чтобы продлить его, вступил в брак с другой жрицей Афродиты, по сути со своей дочерью, которую звали Метарма («изменение»), что символизировало смену правителя на троне, поскольку именно женщина наследовала трон.

[а] Речной бог Асоп, которого некоторые считают сыном Океана и Тефии (хотя есть и такие, кто говорит, что он — сын Посейдона и Перо или Зевса и Эвриномы), женился на Метопе, дочери реки Ладон, и от нее родилось у него двое сыновей и двенадцать (а кто говорит двадцать) дочерей¹.

[b] Несколько его дочерей в разное время похитили Зевс, Посейдон и Аполлон, но когда исчезла его младшая дочь Эгина, сестра-близнец Фивы — одной из жертв Зевса, Асоп отправился на ее поиски. В Коринфе он узнал, что и на этот раз похитителем оказался Зевс и, пылая жаждой мести, нашел его в лесу обнимающим Эгину. Зевс, будучи небооруженным, постыдно скрылся в зарослях, где, никем не замеченный, превратился в камень и пролежал так, пока Асоп не прошел мимо. И лишь пробравшись на Олимп и почувствовав себя в безопасности, Зевс стал метать в Асопа перуны. Речной бог Асоп все еще еле течет от полученных им ран, а с его дна до сих пор часто достают куски угля².

[с] Расправившись так с отцом Эгины, Зевс тайно переправил ее на остров, который тогда назывался не то Энона, не то Энопия, где и разделил с ней ложе в образе орла или пламени, а над их ложем кружили эроты, ведавшие дарами любви³. По прошествии некоторого времени Гера обнаружила, что Эгина родила Зевсу сына по имени Зак, и в приступе ярости решила истребить всех обитателей Эноны, где в это время Зак был царем. В один из ручьев она пустила змея, который осквернил воду, отложил тысячи яиц, и вскоре все поля, ручьи и реки стали кипеть

змеями. Густая тьма и сонная жара окутали остров, который Эак переименовал в Эгину, а пагубный южный ветер дул над островом четыре месяца, не переставая. Нивы и пастбища высохли, и пришел голод. Но невыносимей всего для островитян была жажда, и, когда их вино иссякло, они стали ползти к ближайшим источникам и умирали там, испив отравленной воды.

[d] Тщетно они взывали к Зевсу: и истощенные просители, и их жертвенные животные падали замертво перед его алтарем до тех пор, пока в живых не осталось почти ни одного теплокровного существа⁴.

[e] Однажды в ответ на молитвы Эака раздался гром и блеснула молния. Воодушевленный этим благоприятным предзнаменованием, Эак стал умолять Зевса заполнить народом опустевшую землю и дать ему столько же подданных, сколько муравьев ползло по стоявшему поблизости дубу. Это дерево, выросшее из додонского желудя, было священным дубом Зевса. От молитвы Эака оно задрожало, ветви его зашелестели, хотя в воздухе даже не чувствовалось дуновения ветерка. Хотя Эак и испугался, но не убежал, а стал целовать ствол и землю под дубом. В ту же ночь во сне он увидел муравьиный дождь, падавший на землю со священного дуба, и, как только муравьи ударились о землю, они тут же превращались в людей. Когда он проснулся, то решил сразу же избавиться от этого наваждения, но его сын Теламон стал просить его выйти из дома, чтобы посмотреть на приближающуюся толпу людей, и когда Эак вышел, то признал в них людей, виденных во сне. Змеиная напасть кончилась, и пошел сильный дождь.

[f] Эак, поблагодарив Зевса, поделил опустевший город и земли среди пришельцев, которых он назвал мирмидонами, то есть муравьями. Их потомки до сих пор выказывают муравьиную бережливость, терпение и упорство. Позднее эти мирмидонцы последовали за Пелеем в изгнание из Эгины и сражались бок о бок с Ахиллом и Патроклом у Трои⁵.

[g] Однако некоторые утверждают, что союзники Ахилла — мирмидонцы получили свое имя в честь царя Мирмидона, дочь которого Эвримедузу в образе муравья соблазнил Зевс, и что именно поэтому муравьи считаются священными в Фессалии. Другие говорят, что нимфа по имени Мирмекс, узнав, что ее подруга Афина изобрела соху, стала хвастаться, будто это ее изобретение, за что и была превращена в муравья⁶.

[h] Эак, женившийся на Эндеиде из Мегары, завоевал всеобщую любовь за свое благочестие и был окружен таким почетом, что мужи считали его лицемерие радостью. Все благороднейшие герои Спарты и Афин наперебой утверждали, что сражались на его стороне, хотя он сделал Эгину самым неприступным островом Эгейского моря, окружив ее подводными скалами и опаснейшими рифами, чтобы обезопасить себя от пиратов⁷. Когда вся Греция страдала от засухи, возникшей из-за того, что Пелоп убил аркадского царя Стимфала или, как считают некоторые, из-за того, что афиняне убили Андрогейя, дельфийский оракул посоветовал грекам: «Просите Эака молить о вашем избавлении!» После этого каждый город отправил своего посланца к Эаку, который взошел на гору Панеллений — самую высокую вершину на острове, облаченный в одеяния жреца Зевса. Там он принес жертву богам и стал молить их о прекращении засухи. В ответ на его молитву раздался сильный удар грома, тучи заволокли небо, и сильный дождь обрушился на землю Греции. Затем он устроил святилище Зевса на Панеллении, и с тех пор каждый раз, когда вершину горы закрывали тучи, это служило верным признаком дождя⁸.

[i] Аполлон и Посейдон взяли Эака с собой, когда строили стены Трои, зная, что если смертный не присоединится к ним, то город окажется неприступным, а его жители смогут не подчиниться богам. Не успели они закончить работу, как три сероглазых змея тут же попытались взобраться на стены города. Два змея выбрали часть стены, построенную богами, но рухнули с нее и разбились насмерть. Третий с рыком бросился на ту часть стены, которую сложил Эак и проломил ее. После этого Аполлон предсказал, что Троя падет не однажды и что среди тех, кто захватит ее, будут сыновья Эака в первом и четвертом поколениях, и это пророчество сбылось в лице Теламона и Аякса⁹.

[j] Эак, Минос и Радамант были тремя сыновьями Зевса, которых он решил спасти от бремени старости. Однако богини судьбы воспротивились этому, и Зевс, милостиво согласившись с их запретом, дал другим Олимпийцам хороший пример для подражания¹⁰.

[k] Когда Эак умер, он стал одним из трех судей в Аиде, где издал законы для теней, и его даже приглашали решать споры, возникающие между богами. Некоторые добавляют, что он также хранил ключи от Аида, взимал с усопших дань и проверял, чтобы количество душ, отправляемых Гермесом в преисподнюю, совпадало с количеством, указанным Атропос¹¹.

- ¹ *Аполлодор*. III.12.6; *Диодор Сицилийский*. IV.72.
- ² *Диодор Сицилийский*. Там же; *Пиндар*. Истмийские оды. VIII.17 и след.; *Каллимах*. Гимн к Делосу. 78; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Лактанций*. Схолии к «Фиваиде» Стация. VII.215.
- ³ *Аполлодор*. III.12.6; *Пиндар*. Цит. соч.; *Пиндар*. Немейские оды. VIII.6; *Овидий*. *Метаморфозы*. VI.113.
- ⁴ *Гигин*. Мифы. 52; *Овидий*. *Метаморфозы*. VII.520 и след.
- ⁵ *Овидий*. *Метаморфозы*. VII.614 и след.; *Гигин*. Цит. соч.; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Павсаний*. II.29.2; *Страбон*. VIII.6.16, IX.5.9.
- ⁶ *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. II.7, IV.402; *Климент Александрийский*. Послание язычникам. II.39.6.
- ⁷ *Аполлодор*. III.12.6; *Пиндар*. Немейские оды. VIII.8 и след.; *Павсаний*. II.29.5.
- ⁸ *Диодор Сицилийский*. IV.61.1; *Климент Александрийский*. *Строматы*. VI.3.28; *Павсаний* II. 30. 4.
- ⁹ *Пиндар*. Олимпийские оды. VIII.30 и след. и схолии.
- ¹⁰ *Овидий*. *Метаморфозы*. IX.35 и след.
- ¹¹ Там же. XIII.25; *Пиндар*. Истмийские оды. VIII.22 и след.; *Аполлодор*. III.12.6; *Лукиан*. Разговоры в царстве мертвых. XX.1, Харон. 2.

1) Дочери Асопа, похищенные Аполлоном и Посейдоном, вероятно, входили в коллегию жриц луны-богини в долине реки Асоп на северо-востоке Пелопоннеса, плодородные земли по берегам которой захватили золийцы. Похищение Эгины, возможно, свидетельствует о последующем завоевании ахейцами Флиунта — города в верховьях Асопа, а также о том, как соседние племена безуспешно обращались за военной помощью к Коринфу.

2) Миф об Эаке касается завоевания Эгины фтиотийскими мирмидонцами, племенным тотемом которых был муравей. Первоначально остров, скорее всего, принадлежал отправляющим козий культ пеласгам, и их враждебное отношение к пришельцам запечатлелось в отравлении ручьев Герой. Согласно Страбону (который всегда искал разумное объяснение мифа, но ему явно не хватало проникательности), почва Эгины каменистая, и эгинеты называли себя мирмидонцами потому, что они, как муравьи, сначала должны были убрать камни, а уже потом обрабатывать свои поля, и еще потому, что они жили в ямах (Страбон. VIII.6.16). Однако фессалийская легенда о Мирмексе — это незамысловатый миф, объясняющий происхождение этого племени: фтиотийские мирмидонцы

считали себя автохтонами, как муравьев, и выказывали такую верность законам своей жрицы, Муравьиной царицы, что представитель поклонившихся Зевсу эллинов, вступавший с ней в брак, сам становился почетным муравьем. Если же *Мирмекс* — это эпитет матери-богини Северной Греции, то она могла утверждать, что изобрела соху, поскольку земледелие туда принесли переселенцы из Малой Азии еще до того, как эллины достигли Афин.

3) Со временем фтиотийские колонисты Эгины объединили свои мифы с мифами ахейцев, пришедших из Флиа, что на реке Асоп, и поскольку флиунты сохранили свою приверженность дубу-оракулу в Додоне (см. 51,а), муравьи изображены в мифе падающими с дерева, а не возникающими из земли.

4) В первоначальном мифе Эак, вероятно, вызвал ливень не путем обращения молитвы к Зевсу, а с помощью магии, к которой обращался Салмоней (см. 68,1). Установление им законов в Аиде предполагает, что свод законов, выработанный в Эгине, был принят и в других областях Греции. Скорее всего, он регулировал коммерческие, а не уголовные дела, поскольку в классическую эпоху в качестве стандартной меры драгоценных металлов был повсеместно принят эгинский талант, имевший критское происхождение и делившийся на сто равных частей.

[а] Сисиф, сын Эола, женился на дочери Атланта Меропе, которая была одной из плеяд и родила ему Главка, Орнитиона и Синона. В коринфском Истме ему принадлежало прекрасное стадо коров¹.

[б] Рядом с ним жил Автолик, сын Хионы. Его брат-близнец Филламмон был зачат Аполлоном, хотя сам Автолик считал своим отцом Гермеса².

[с] К этому времени Автолик стал уже непревзойденным похитителем скота, поскольку Гермес научил его искусству менять облик украденных им животных — из рогатых он мог делать комолых, из черных — белых, и наоборот. Поэтому, хотя Сисиф и замечал, что его стадо постоянно редееет, а стадо Автолика увеличивается, он поначалу не мог уличить своего соседа в краже. Но однажды он вырезал на нижней стороне копыт животных монограмму SS или, как утверждают некоторые, слова «украдено Автоликом». Той же ночью Автолик, как обычно, отправился на кражу скота, а утром отпечатки на дороге явились для Сисифа достаточным доказательством, чтобы созвать соседей в качестве свидетелей свершившейся кражи. Вместе они отправились в загоны Автолика, и там по меткам на копытах Сисиф признал свой скот. Оставив свидетелей разбираться с вором, он поспешил в его дом, вошел через парадный вход и, пока на дворе гудела ссора, разделил ложе с дочерью Автолика Антиклеей, которая была замужем за аргивянином Лаэртом. От Сисифа у нее родился Одиссей, причем то, как он был зачат, вполне объясняет его всегдашнее хитроумие³.

[d] Сисиф основал Эфиру, которую впоследствии стали называть Коринфом, и населил ее людьми, возникшими из грибов, если, конечно, неправы те, кто утверждает, что Медея вручила ему царство в качестве подарка. Современники считали его самым отвязавленным мошенником на земле, соглашаясь при этом, что он способствовал развитию коринфской торговли и мореплавания⁴.

[e] Когда после смерти Эола Салмоней захватил фессалийский трон, Сисиф, которому этот трон принадлежал по праву, обратился к дельфийскому оракулу и получил ответ: «Твои дети, рожденные от племянницы, отомстят за тебя!» Тогда он соблазнил дочь Салмоней Тиро, которая, узнав, что им двигала не любовь к ней, а ненависть к ее отцу, убила двух сыновей, которых родила от Сисифа. Тогда он отправился на рыночную площадь Лариссы [выставил тела убиенных, ложно обвинил Салмоней в инцесте и убийстве] и добился его изгнания из Фессалии⁵.

[f] После того как Зевс похитил Эгину, ее отец, речной бог Асоп, отправился на поиски и пришел в Коринф. Сисиф прекрасно знал, что случилось с Эгиной, но молчал до тех пор, пока Асоп не взялся обеспечить цитадель Коринфа непересыхающим ключом. Асоп, как обещал, сотворил источник Пирену за храмом Афродиты, где теперь стоят изваяния самой богини солнца во всеоружии, а также Эрота-Лучника. Лишь после этого Сисиф рассказал ему все, что знал⁶.

[g] Зевс, который лишь чудом избежал мести Асопа, приказал своему брату Гадесу бросить Сисифа в Аид и подвергнуть его вечной пытке за раскрытие божественных тайн. Однако Сисиф не очень-то испугался: он хитростью заключил Гадеса в колодки, попросив его показать, как ими пользоваться, а сам тут же замкнул их. Поэтому Гадесу пришлось в течение нескольких дней находиться в качестве пленника в доме Сисифа. Создалась невероятная ситуация, когда никто не мог умереть, даже те, кому отрубали головы или разрубали на куски. Наконец, Арес, интересов которого это касалось непосредственно, поспешил на помощь, освободил Гадеса и, крепко связав Сисифа, доставил его в преисподнюю.

[h] Сисиф, однако, приготовил еще одну хитрость. Прежде чем спуститься в Аид, он наказал своей жене Меропе, чтобы та не погребала его, а когда достиг дворца Гадеса, тут же поспешил к Персефоне и заявил ей, что поскольку он не погребен, то не имеет права здесь находиться, а должен быть на другом берегу реки Стикс. «Позволь мне

вернуться в верхний мир, — молил он, — чтобы позаботиться о своем погребении и отомстить за выказанное мне пренебрежение. Я присутствую здесь против правил и общаю вернуться через три дня». Персефона поддалась на уловку и позволила ему удалиться. Но как только Сисиф опять увидел солнечный свет, он тут же забыл о своем обещании, данном Персефоне. Пришлось, наконец, Гермесу водворять его в преисподнюю силой⁷.

[i] Неизвестно, случилось ли это потому, что он ранил Салмоней или потому, что выдал тайну Зевса, а может быть, потому, что всегда жил грабежом и часто убивал застигнутых врасплох путников, но Тессей, как утверждают некоторые, покончил с Сисифом (хотя этот подвиг и не значится среди деяний Тесея). Но, как бы там ни было, Сисиф получил примерное наказание⁸. Судьи мертвых показали ему огромную каменную глыбу, по размерам совпадающую с той, в которую превратился Зевс, скрываясь от гнева Асопа, и приказали ему катить ее на самый верх горы, а затем спускать по противоположному склону. Однако ему никогда не удалось достичь вершины. Как только Сисиф приближался к вершине, «бесстыдный камень» своим весом опрокидывал его и, подскокивая, скатывался в самый низ, где Сисиф опять отыскивал его и начинал все сначала, хотя по его телу, не переставая, лил пот, а над головой поднималось облако пыли⁹.

[j] Метропа, устыдившись того, что оказалась единственной из плеяд, муж которой очутился в преисподней, да еще считался преступником, покинула своих шестерых звездных сестер на ночном небе и никогда уже больше не появлялась. И так же как место, где на коринфском Истме был погребен Нелей, осталось тайной, которую Сисиф не открыл даже Нестору, так и коринфяне никогда не скажут, где могила самого Сисифа¹⁰.

¹ *Аполлодор*. I.9.3; *Павсаний*. II.4.3; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. II.79.

² *Гигин*. Мифы. 200.

³ *Полиэн*. VI.52; *Гигин*. Мифы. 201; *Суда* под словом *Sisyphus*; *Софокл*. Аякс. 190; *Схолии* к «Филоклету» Софокла. 417.

⁴ *Аполлодор*. I.9.3; *Овидий*. Метаморфозы. VII. 93; *Эвмел*. Цит. по: *Павсаний*. II.3.8; *Гомер*. Илиада. VI.153; *Схолии* к «Ахарнянкам» Аристофана. 390; *Схолии* к «Аяксу» Софокла. 190; *Цец*. *Схолии* к Ликофрону. 980; *Овидий*. Героини. XII.203; *Горацій*. Сатиры. II.17.12.

⁵ Гигин. Мифы. 60.

⁶ Павсаний. II.5.1.

⁷ Феогнид. 712 и след.; Евстафий. Схолии к «Илиаде» Гомера. 487,631,1702.

⁸ Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.616; Гигин. Мифы. 38.

⁹ Павсаний. X.31.3; Овидий. Метаморфозы. IV.459; Гомер. Одиссея. XI.593—600.

¹⁰ Овидий. Фасты. IV.175—176; Эвмел. Цит. по: Павсаний. II.2.2.

1) Хотя имя Сисиф и воспринималось греками, как означающее «очень мудрый», но Гесихий писал его как *Sesephus*, поэтому это слово можно считать греческим вариантом имени хеттского бога-солнца Тесупа, который отождествлялся с родосским солнечным богом Атабирием (см. 42,4; 93,1) и священным животным которого был бык. Бронзовые статуэтки и рельефы с изображением быка, датируемые XIV в. до н. э., имели также знаки в виде скипетра и двух дисков по бокам, а на бедре быка изображался трилистник. Описания набегов на скот, отмеченный тавром со знаками солнечного бога, часто встречаются в греческих мифах: их совершают спутники Одиссея (см. 170,u), Алкионей и его современник Геракл (см. 132,d,w). Однако обращение Автолика к магии при краже скота Сисифа напоминает рассказ об Иакове и Лаване (Быт. 29:30). Иаков, как и Автолик, имел дар менять цвет скота по своему желанию и, пользуясь этим, уменьшал размеры стад Лавана. Культурные связи между Коринфом и Ханааном, которые угадываются в мифе о Нисе (см. 91,1), Эдипе (см. 105,1; 6), Алкафое (см. 110,2) и Меликертe (см. 70,2), могли существовать благодаря хеттам. Алкионей — тоже выходец из Коринфа.

2) *Бесстыдный камень* Сисифа первоначально был солнечным диском, а гора, на которую Сисиф вкатывал его, была небесным сводом. Это изображение достаточно известно. Существование в Коринфе солнечного культа хорошо доказано: говорят, что Гелиос и Афродита поочередно владели местным акрополем и совместно построили там храм (Павсаний. II.4.7). Более того, Сисиф неизбежно оказывается в Аиде после Иксиона, а огненное колесо Иксиона — это не что иное, как символ солнца. Это объясняет, почему люди Эфиры возникли из грибов: грибы были ритуальным трутом для огненного колеса Иксиона (см. 63,1), а солнечный бог требовал, чтобы начало его года отмечалось сжиганием человеческой жертвы. Соблазнение Антиклеи, возможно, сюжетно возникло на основе изображения брака Гелиоса и Афродиты. Враждебность

мифograфа по отношению к Сисифу говорит о неприязни эллинов к имеющим стратегическое значение неэллиническим поселениям, возникавшим на узком перешейке, отделяющем Пелопоннес от Аттики. То, что Сисифу удалось обмануть Гадеса, возможно, указывает на отказ царя-жреца отречься от трона в конце своего царствования (см. 170,1).

3) Сисиф и Нелей были, вероятно, погребены в стратегически важных местах Истма в качестве защиты против нашествия врагов (см. 101,3; 146,2). В рассказе Гигина о том, как Сисиф отомстил Салмоню, имеется лакуна, поэтому я сделал добавление (см. выше [e]), которое возвращает рассказу утерянный смысл.

4) Пирена, источник в цитадели Коринфа, куда Беллерофонт водил Пегаса на водопой (см. 75,с), не имел стока и всегда был полон воды (Павсаний. II.5.1; Страбон. VIII.6.21). Пиреной назывался также родник за городскими воротами по дороге от рыночной площади к Лехею, где Пирена — ее мифograфы называют дочерью Ахелоя или Эбала (Павсаний. Цит. соч. II.2.3), Асопа и Мерыпы (Диодор Сицилийский. IV.72) — была, как утверждают, превращена в источник, когда оплакивала своего сына Кеихрея, нечаянно убитого Артемидой. «Коринфская бронза» приобретала свой особый оттенок потому, что ее раскаляли докрасна и погружали в этот источник (Павсаний. II.3.3).

5) Одна из семи плеяд исчезла в раннеклассическую эпоху, и ее исчезновение должно было получить объяснение.

6) Остается вопрос: было ли двойное S действительно монограммой Сисифа? На изображении, иллюстрировавшем миф, Сисиф, возможно, был показан изучающим следы украденных овец и коров, а поскольку у тех были «парные копыта», то и следы их были условно представлены в виде «подковок»: $\subset \supset$. В древнегреческом алфавите этот знак обозначал SS, его также можно было понимать как две смежные половины лунного месяца и все, что с этим связано: возрастание и убывание лунного диска, развитие и упадок, благословение и проклятие. Животные с «парными копытами» считались священными животными луны; именно их приносили в жертву на праздниках новолуния в Левите. Если это так, тогда знак SS будет относиться к Селене-луне, а значит — к Афродите, а не к Сисифу, который является царем-солнцем и которому доверено пасти ее священное стадо (см. 42,1). Знак $\subset \supset$, соответствовавший полной луне в отличие от знака O, символизировавшего солнечный диск, стоял на обоих боках коровы, которая привела Кадма к тому месту, где были построены Фивы (см. 58,f).

[а] Салмоней, сын или внук Эола и Энареты, царствовал какое-то время в Фессалии, а потом возглавил эолийскую колонию в восточной части Элиды, где построил город Салмону недалеко от истока реки Энипей, притока Алфея¹. Подданные ненавидели Салмоня, а сам он в своем царском высокомерии дошел до того, что стал переносить жертвы Зевсу на свои собственные алтари и объявил себя Зевсом. Он даже ездил по улицам Салмоны, волоча за своей колесницей бронзовые котлы с натянутыми на них шкурами, чтобы гром их напоминал гром Зевса, а еще он бросал в небо дубовые факелы, часть которых, падая, обжигала царских подданных, которые должны были принимать эти факелы за молнии. Однажды Зевс наказал Салмоня, метнув в него настоящий перун, который не только уничтожил его вместе с колесницей и всем остальным, но и сжег дотла весь город².

[b] Жена Салмоня Алкидика умерла от родов задолго до этих событий, произведя на свет прекрасную дочь Тиро. Тиро воспитывала ее приемная мать Сидеро, которая, после того как их семья была изгнана из Фессалии, стала относиться к Тиро жестоко. Изгнаны же они были потому, что Тиро убила двоих сыновей, которые у нее родились от злого родственника Сисифа. Теперь же она влюбилась в речного бога Энипея и день за днем ходила по берегам реки, жалуясь на свое одиночество. Хотя речной бог и был удивлен и польщен такой страстью, он даже намеком не ответил на ее любовь.

[с] Этой неловкой ситуацией решил воспользоваться Посейдон. Приняв облик речного бога, он пригласил Тиро встретиться с ним у слияния

Энипея и Алфея, а когда она явилась, наслал на нее волшебный сон. Чтобы никому не были видны его проделки с ней, огромная, как гора, волна поднялась над ними и опустила гребень по другую сторону. Когда Тиро пробудилась и обнаружила, что над ней было совершено насилие, то долго не могла прийти в себя от такого обмана, на что Посейдон только рассмеялся и посоветовал ей не показываться дома и помалкивать о том, что произошло. В награду, добавил он, ты родишь прекрасных близнецов, у которых будет отец познатнее, чем какой-нибудь простой речной бог³.

[d] Тиро умудрилась скрывать свою тайну до тех пор, пока не родила обещанных близнецов, но, не в силах противостоять нападкам Сидеро, она отпесла их на гору. Проходивший мимо табунищик взял детей домой, однако племенная кобыла успела лягнуть старшего из братьев в лицо. Жена табунищика выходила детей, причем того, которого лягнула кобыла, она кормила кобыльим молоком и назвала его Пелий, а второго, названного ею Нелей, она кормила молоком суки, которая была ему как бы «приемной матерью», откуда он и приобрел свой дикий нрав. Однако некоторые утверждают, что братьев обнаружили, когда они плыли вниз по Энипею в деревянном ковчеге. Как только Пелий и Нелей узнали, кто их настоящая мать и как жестоко с ней поступили, они решили отомстить за нее. Сидеро спряталась от них в храме Геры, но Пелий все равно настиг ее, когда она в поисках спасения вцепилась в выступы алтаря. Это была первая из множества обид, которые Пелий нанес богине⁴.

[e] Тиро впоследствии вышла замуж за своего дядю Кретея, основателя Иолка, и родила ему Эсона, отца аргонавта Ясона. Кретею усыновил Пелия и Нелея и относился к ним как к родным сыновьям⁵.

[f] После смерти Кретея близнецы поссорились: Пелий захватил трон Иолка, изгнал Нелея, а Эсона стал держать пленником во дворце. Нелей, призвав внуков Кретея — Мелампа и Бианта, — вместе с пестрой толпой ахейцев, фтиотийцев и эолийцев отправился в землю Мессению, изгнал лелегов из Пилоса и так прославил этот город, что сейчас даже считается его основателем. Он женился на Хлориде, однако всех их двенадцать сыновей, кроме Нестора, печально убил Геракл⁶.

¹ *Аполлодор*. I.7.3; *Гигин*. Поэтическая астрономия. II.20; *Страбон*. VIII.3.32.

² *Диодор Сицилийский*. IV.68.1; *Аполлодор* I.9.7; *Гигин*. Мифы. 61.

³ *Аполлодор*. I.9.8; *Гомер*. Одиссея. XI. 35 и след.; *Лукиан*. Морские разговоры 13.

⁴ *Аполлодор*: Цит. соч.; *Софокл*. Тиро. Цит. по: *Аристотель*. Поэтика. XVI. 1454b.

⁵ *Павсаний*. IV.2.3; *Аполлодор*. I.9.11; *Гигин*. Мифы. 12.

⁶ *Гесиод*. Теогония. 996; *Схолии* к «Алкестиде» Еврипида. 249; *Диодор Сицилийский*. IV.68.6; *Павсаний*. IV.2.3, 36.1, X.29.3; *Гомер*. Илиада. XI.682.

1) Антигон из Кариста^{68*} (*Свидетельство о чудесных вещах*. 15) пишет, что в Кранноне была приносящая дождь бронзовая повозка, которую во время засухи люди возили по ухабам, чтобы она тряслась и гремела, а также разливала воду (если судить по краннионским монетам) из стоявших на ней кувшинов. И, как утверждает Антигон, после этого всегда шел дождь. Отсюда следует, что магия, к которой прибегал, чтобы вызвать дождь, Салмоней, была, вероятно, общепринятой религиозной практикой наряду со стуком гальки в пустой тылке, постукиванием о дубовые двери, перекатыванием камней в сундуке, ритуальными плясками, бряцанием щитами и размахиванием поющими раковинами. Салмоней стали изображать как преступника только после того, как ахейцы запретили всякое олицетворение Зевса (см. 45,2). Судя по дырявому сосуду данаид (см. 60,6) и «коровьему» танцу аргиев (см. 56,1), вызывание дождя первоначально было чисто женским делом, что можно и сейчас еще наблюдать у некоторых первобытных африканских племен, например хереро и дамара. Лишь со временем, когда царица разрешила подменять себя царю-жрецу, дождевая магия оказалась в его руках (см. 136,4).

2) Тиро была матерью-богиней жителей Тира и тирренян, или, как их еще называли, тирсенян, а также, возможно, и тирифян. Вероятно, ее имя бытовало еще до прихода эллинов, но от него в греческом языке возникло слово *tyrsis* («укрепленный город») и близкое к нему понятие «тирании». Плохое к ней отношение со стороны Сидеро напоминает отношение Дирки к Антиопе в очень похожем мифе (см. 76,а); первоначально этот миф мог запечатлеть порабощение тирийцев их соседями сидонцами. Считалось, что речная вода оплодотворяет купающихся

^{68*} Антигон (ок. 290 — ок. 226), родился в Каристе, в Эвбее. Около 240 г. написал «Жизнеописания философов» — психологические портреты ранних философов и современников. Видимо, был скульптором. Известны труды о литейном деле и живописи.

в ней невест, кроме того, купание входило в очистительный ритуал после менструации или деторождения. Поэтому не исключено, что, как и Скамандр (см. 137,3), Энипей в связи с Тиро упоминается как лишаящий девственности. Притча о соблазнении Тиро Посейдоном — это попытка объяснить, почему потомки Салмоней иногда называются «сынами Энипея», где первоначально был их дом, а иногда — «сынами Посейдона» за их морскую славу. Тот факт, что ранее отцом детей Тиро был Сисиф, предполагает утверждение в Салмоне коринфского культа солнца, причем Антиопа также находится в брачных отношениях с Сисифом (см. 76,b).

3) Ковчег, в который Тиро положила близнецов, отправив их вниз по течению Энипея, скорее всего был сделан из ольхи, как и тот, в котором Рея—Сильвия отправила вниз по Тибру Ромула и Рема. Ссоры между Пелием и Нелеем, а также между Этеоклом и Полиником, Акрисием и Претом, Атреем и Фиестом, между другими парами царей, вероятно, свидетельствуют о распаде системы, согласно которой царь и его танист правили по очереди одним царством по пятьдесят месяцев каждый (см. 69,1; 73,a; 106,b).

4) Выступы алтаря, за которые держалась Сидеро, — это рога, которые обычно крепились к культовому изваянию коровы-богини Геры, Астарты, Ио, Исиды или Хатор. Пелий, вероятно, был ахейцем-завоевателем, который силой изменил культ эолийской богини, существовавший в Южной Фессалии. В Палестине украшенные рогами алтари, наподобие того, за который схватился Иоав (3 Цар. 2:28; и далее), сохранились даже после свержения луны-коровы и ее золотого тельца.

[а] Алкестида была самой прекрасной из дочерей Пелия, и ее руки добивались многие цари и юноши царского рода. Не желая ослабить свое политическое положение, отказав любому из них, и в то же время зная, что может дать согласие только одному, Пелий объявил, что отдаст Алкестиду замуж за того, кто сумеет запрячь дикого вепря и льва в его колесницу и проехать на ней круг по ипподрому. Услышав об этом, царь Фер Адмет обратился к Аполлону, которого Зевс отдал ему на год в пастухи, и спросил его: «Относился ли я к тебе как подобает относиться к божеству?» «Да, конечно, — согласился Аполлон, — и я ответил тебе благодарностью, сделав так, что все твои овцы приносили по паре ягнят». «Сослужи мне еще одну службу, — взмолился Адмет, — помоги мне завладеть Алкестидой на условиях Пелия». «Я буду рад это сделать», — ответил Аполлон. С помощью Геракла он укротил этих диких животных, и вот уже Адмет едет на колеснице по кругу ипподрома в Иолке, а в упряжке бежит свирепая пара¹.

[б] Непонятно, почему Адмет не принес положенной жертвы Артемиде накануне своей женитьбы на Алкестиде, однако богиня тут же наказала его. Когда, омытый вином, умащенный благовониями и украшенный цветами, он вошел в тот вечер в брачные чертоги, ему пришлось содрогнуться от ужаса. Не прекрасная обнаженная невеста ожидала его на супружеском ложе, а клубок шипящих змей. Адмет выскочил, зывая к Аполлону, и тот любезно вступился за него перед Артемидой. Стоило ему только совершить забытое жертвоприношение, как все закончилось благополучно, и Аполлону даже удалось заручиться обещанием

Артемиды, что, когда наступит последний день Адмета, смерть может пощадить его, если кто-нибудь из его семьи добровольно умрет из любви к нему.

[с] Этот день наступил раньше, чем Адмет предполагал. Однажды утром к нему во дворец прилетел Гермес и призвал его в Аид. Все были в ужасе, но Аполлон выиграл немного времени для Адмета, напоив богинь судьбы вином и не дав им тем самым вовремя перерезать нить его жизни. Адмет бросился бегом к своим престарелым родителям, обхватил их колени и стал поочередно упрашивать уступить ему конец жизни. Но оба наотрез отказались, заявив, что не перестали еще наслаждаться жизнью и что ему лучше смириться с выпавшим на его долю жребием, как это делают другие.

[d] Тогда из любви к Адмету Алкестида приняла яд и ее тень спустилась в Аид. Однако Персефона посчитала слишком жестоким, чтобы жена умирала вместо мужа, и приказала ей: «Возвращайся в верхний мир!»²

[е] Некоторые рассказывают об этом иначе. Они говорят, что за Адметом пришел сам Гадес, и, когда тот убежал, Алкестида добровольно решила занять его место, но неожиданно явился Геракл с новой дубиной из оливкового дерева и спас ее³.

¹ Гигин. Мифы. 50; Аполлодор. III.10.4; Каллимах. Гимн к Аполлону. 47—54; Схолии к «Алkestиде» Еврипида. 1; Фульгенций. I.27.

² Аполлодор. I.9.15.

³ Еврипид. Алкестида.

1) Запряжение дикого вепря и льва в одну колесницу — тема фиванского мифа (см. 106,d), в котором первоначальное значение этого сюжета одинаково неясно. Лев и вепрь были символическими животными, обозначающими соответственно первую и вторую половину священного года. Они часто изображались стоящими друг против друга на этрусских вазах. Оракул, вероятно, предложил мирное решение традиционного соперничества между царем и его танистом, т. е. царство должно быть разделено и оба персонажа должны царствовать одновременно — каждый на своей половине, как это со временем сделали Прет и Акрий в Аргосе (см. 73,a), а не править попеременно в одном царстве, как это делали Полиник и Этеокл в Фивах (см. 106,b). Признаком царственности был круг, проделываемый в колеснице по ипподрому (см. 64,3).

2) Артемида относилась враждебно к моногамным бракам, поскольку принадлежала к доэллинскому культу, в котором женщины беспорядочно вступали в брачные отношения с мужчинами, не связанными с ними родством. Поэтому эллины умилоствовали ее брачными жертвоприношениями и в ее честь носили факелы из боярышника, символизировавшего целомудрие. Патриархальный обычай сожжения вдовы вместе с трупом мужа нашел свое отражение как в этом мифе, так и в мифах об Эвадие (см. 106,l) и Поликсене (см. 168,k). Он возник из общего индоевропейского правила, запрещавшего вдове повторно выходить замуж. Смягчение этого запрета лишило обычай умерщвления супруги при смерти мужа всякой привлекательности (см. 74,a).

3) В первом варианте этого мифа Персефона, являвшаяся выразительницей матриархальных взглядов, отказалась принять жертву Алкестиды. Во втором варианте Алкестиде запретил умереть Геракл, который считался носителем воли Зевса, т. е. патриархальной этики, причем выбор на него пал потому, что он уже однажды спускался в преисподнюю и спас Тесея (см. 103,d). С помощью дикой оливы в Греции изгоняли злых духов (см. 119,2). В Италии и северной Европе в этих целях использовали березу (см. 52,3).

[a] Эолиец Афамант был братом Сисифа и Салмоней и правил Беотией. По велению Геры он женился на Нефеле, которую Зевс создал по образу и подобию Геры (когда захотел обмануть Иксиона — царя латпифов) и которая с тех пор безутешно блуждала по чертогам Олимпа. Она родила Афаманту двух сыновей, Фрикса и Левкона, и дочь Геллу. Но Афамант не стерпел того презрения, с каким Нефела относилась к нему, и, влюбившись в Ино, дочь Кадма, тайно привел ее во дворец у подножия горы Лафистий, где она родила от него Леарха и Меликерта.

[b] Узнав от служанок, что во дворце есть соперница, Нефела в ярости вернулась на Олимп и пожаловалась Гере о нанесенной ей обиде. Гера взяла ее сторону и поклялась: «Я вечно буду мстить Афаманту и его дому!»

[c] После этого Нефела вернулась на гору Лафистий, где всем объявила о клятве Геры и потребовала смерти Афаманта. Однако мужчины Беотии больше боялись Афаманта, чем Геры, и не стали слушать Нефелу. Женщины Беотии были преданы Ино, которая стала убеждать их, чтобы они втайне от мужчин поджарили посевное зерно и добились неурожая. Ино считала, что, когда в положенный срок зерно не даст ростков, Афамант пошлет гонцов к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать причину. К тому времени она уже подкупила гонцов Афаманта с тем, чтобы они принесли ложный ответ оракула, а именно: земля станет плодородной только тогда, когда сын Нефелы Фрикс будет принесен в жертву Зевсу на горе Лафистий.

[d] Этот Фрикс был красивый юношей, в которого влюбилась его собственная тетка Биадика, жена Кретея, а когда он отверг ее, она обвинила

его в попытке обесчестить ее. Мужчины Беотии, поверив Биадике, одобрили выбранную Аполлоном грехоискупительную жертву и стали требовать смерти Фрикса. Афамент, громко причитая, повел Фрикса на вершину горы. Он уже был готов перерезать сыну горло, когда явился находившийся поблизости Геракл и поспешил вырвать жертвенный кремневый нож из рук отца. «Мой отец Зевс, — воскликнул Геракл, — ненавидит человеческие жертвы!» Однако Фрикс все равно бы погиб, если бы неожиданно с Олимпа не слетел крылатый золотой баран, добытый Гермесом по велению Геры, а некоторые утверждают, что по велению самого Зевса.

«Взбирайся на мою спину!» — крикнул баран, и Фрикс повиновался. «Возьми и меня! — взмолилась Гелла. — Не оставляй меня на милость отца».

[e] Фрикс посадил сестру впереди себя на спину барана, и тот помчал их на восток, туда, где лежала земля Колхида и где Гелиос держал в конюшне своих лошадей. Долго ли коротко они так летели, но вдруг у Геллы закружилась голова, и руки ее разжались. Она упала в залив, который отделяет Европу от Азии, и теперь в ее честь залив называется Геллеспонтом. Фрикс благополучно достиг Колхиды и там принес жертву Зевсу-Избавителю. Поколением позже золотое руно этого барана стало знаменитым и на его поиски отправились аргонавты.

[f] В благоговейном страхе перед видением, которое им открылось на горе Лафистий, посланцы Афаманта признались, что были подкуплены Ино, чтобы принести неверный ответ из Дельф. Так все узнали об обмане Ино и Биадики. Нефела опять стала требовать смерти Афаманта, и на его голову повесили жертвенную ленту, которую до этого носил Фрикс. Только повторное вмешательство Геракла спасло Афаманта от смерти.

[g] Однако Гера была в такой ярости, что лишила Афаманта разума, причем не только в наказание за измену Нефеле, но и потому, что он, сговорившись с Ино, спрятал у себя младенца Диониса, которого ее сестра Семела родила от Зевса и который жил во дворце, переодетый в девочку. Однажды Афамент схватил свой лук и громко закричал: «Смотрите, белый олень! Расступитесь все, я стреляю!» Произнеся эти слова, он пронзил своего сына Леарха стрелой, а потом набросился на него и стал рвать еще трепещущее тело на части.

[h] Схватив своего младшего сына, Меликерта, Ино бежала, но ей вряд ли удалось бы избежать гнева Афаманта, если бы младенец Дионис на время не лишил его зрения, и тот по ошибке вместо Ино стал

стегать козу. Ино бросилась в море с Молурийской скалы и утонула. Место это впоследствии стало печально известным, потому что свирепый Скирон сбрасывал с этой скалы путников. Однако Зевс, памятуя о добром отношении Ино к Дионису, не отправил ее тень в Аид, а сделал из нее морское божество, известное под именем Левкофея. Ее сына Меликерта он сделал богом Палемоном и отправил в Коринфский Истм верхом на дельфине. В его честь Сисиф учредил Истмийские игры, которые до сих пор проводятся раз в четыре года.

[i] Изгнанный к тому времени из Беотии Афамант остался без детей, потому что его последний сын Левкон заболел и умер. На вопрос Афаманта, где ему поселиться, Дельфийский оракул ответил: «Там, где дикие звери угостят тебя ужином». Пойдя без всякой цели на север и не взяв с собой ни еды, ни питья, он вдруг наткнулся на волчью стаю, пожиравшую овец в пустынной Фессалийской долине. При его приближении волки разбежались, а он и его голодные спутники накинудись на остатки баранины. Тут Афамант вспомнил полученный им оракул и, усыновив своего внучатого племянника Галиарха и удочерив внучатую племянницу Коронею из Коринфа, основал город, названный им Алос или по причине своих странствий, или по имени своей служанки Алос. Область стала называться Афамания; потом он женился на Фемисто и вырастил рожденных ею детей¹.

[j] Другие рассказывают все иначе. Опуская все, что касается его брака с Нефелой, они говорят, что однажды, после рождения Леарха и Меликерта, его жена Ино отправилась на охоту и не вернулась. Пятна крови на изорванной тунике убедили Афаманта в том, что его жену задрали дикие звери. Однако правда заключалась в том, что ею овладел приступ вакханалии, когда на нее напала рысь. Ино задушила ее, зубами и ногтями сорвала с нее шкуру, подпоясалась ею и отправилась на гору Парнас, где устроила пир на много дней. Пробыв в трауре, сколько положено, Афамант женился на Фемисто, которая через год родила ему сыновей-близнецов. Со страхом он узнал, что Ино жива. Он тут же послал за ней, привел ее в детскую и сказал Фемисто: «У нас появилась миловидная кормилица, которую мы захватили в последнем набеге на гору Киферон». Фемисто, которой служанки вскоре рассказали всю правду, пришла в детскую, притворившись, будто она не знает, кто такая Ино, и сказала ей: «Пожалуйста, приготовь белые шерстяные одежды для двух моих сыновей и траурные одежды для сыновей моей несчастной предшественницы Ино. Эти одежды будут нужны завтра».

[k] На следующий день Фемисто приказала стражникам ворваться в детскую и убить близнецов, одетых в траурные одежды, но пощадить остальных двух. Однако Ино, догадавшись, что на уме у Фемисто, одела в белые одежды своих собственных сыновей, а в траурные одежды — сыновей своей соперницы. Так были убиты близнецы Фемисто, а Афанант, узнав об этом, сошел с ума: он убил Леарха, приняв его за оленя, а Ино с Меликертом успели бежать, бросились в море и стали бессмертными.

[l] Есть и такие, кто говорит, что Фрикс и Гелла были детьми Нефелы от Иксиона. Однажды, когда они бродили по лесу, их мать, будучи в вакхическом экстазе, подошла к ним, ведя за рога золотого барана. «Смотрите, — пробормотала она, — вот сын вашей кузины Теофаны. У нее было много женихов, поэтому Посейдон превратил ее в овцу, а сам стал бараном и покрыл ее на острове Крумисса».

«Что случилось с женихами?» — спросила у матери Гелла. — «Они стали волками, — ответила Ино, — и теперь ночи напролет воют, призывая Теофану. Не спрашивайте меня больше ни о чем, а садитесь на спину барану и скачите в Колхидское царство, где правит сын Гелиоса царь Ээт. Как только вы прибудете на место, принесите в жертву Аресу этого барана».

[m] Фрикс исполнил странные распоряжения своей матери и повесил золотое руно в храме Ареса в Колхиде под охраной дракона. Много лет спустя его сын Пресбон или Китиссор, придя в Орхомен из Колхиды, спас Афананта, когда его хотели убить в качестве грехоискупительной жертвы².

¹ Павсаний. I.44.11, IX.34.4—5, 23.3; Аполлодор. III.4.3; Гигин. Мифы. 2, 4; Поэтическая астрономия. II.20; Фрагменты из «Афананта» Софокла. Нонн. Деяния Диониса. X.1 и след.; Овидий. Метаморфозы. IV.480—541; Большой Этимологик. 70.8; Стефан Византийский под словом *Athamania*.

² Гигин. Мифы. I.3,5,88; Фрагменты из «Ино» Еврипида; Геродот. VII.197; Павсаний. IX.34.5.

1) В мифе имя Афананта связано с Афананией — областью, которую, как считают, он основал в пустынной части Фессалии. Конфликт между его соперничающими женами Ино и Нефелой, вероятно, является отголоском конфликта между древними ионийскими поселенцами

в Беотии, которые поклонялись богине пивы Ино, и вторгшимися эолийскими скотоводами.

2) Миф об Афаманте и Фриксе повествует о том, как каждый год на горе приносили в жертву царя или того, кто его олицетворял, первоначально мальчика, одетого в баранью шкуру, а затем просто барана. Происходило это во время новогоднего праздника дожда, который скотоводы праздновали в день весеннего равноденствия. Зевсу приносили в жертву барана на вершине горы Пелион недалеко от Лафистия в апреле, когда, согласно зодиаку, всходило созвездие Овна. Все предводители округа в этот день надевали белые бараньи шкуры и устраивали борьбу (Диккарх. II.8). Этот обряд до сих пор еще сохранился и существует в разыгрываемых сценах жертвоприношения и возрождения старика с черной овечьей маской на лице (см. 148,10). Траурные одежды, в которые должны были нарядить детей, приговоренных к смерти, указывают на то, что черное руно носила жертва, а белое руно — жрец и зрители. Любовь Биадики к Фриксу напоминает любовь жены Потифара к Иосифу, о которой рассказывает сходный ханаанейский миф. Очень похожую историю рассказывают об Антее и Беллерофонте (см. 75,а), Крефеиде и Пелее (см. 81,г), Федре и Ишполите (см. 101,а—г), Филономе и Тенне (см. 161,г).

3) Нефела («облако»), созданная по образу и подобию Геры и подаренная ею Афаманту, указывает на то, что первоначально Афамант был эолийским царем, олицетворяющим бога-громовержца, как и его предшественник Иксион и брат Салмоней (см. 68,1). Вступление в брак с Фемисто (в варианте мифа, приведенном Еврипидом, является соперницей Ино) означает, что Фемисто становится женой бога-громовержца.

4) Ино — это «белая богиня» Левкофея, которая доказывает свою тождественность триаде муз пиром на горе Парнас. В мифе говорится, что даже Зевс прощает Ино в благодарность за ее доброту к Дионису и в ее честь получает земледельческое имя Афамант. Другими словами, обосновавшиеся здесь ионийские земледельцы решают в свою пользу религиозные разногласия, возникшие у них с пастушескими эолийскими племенами.

5) Миф содержит в себе целый комплекс древних культовых элементов. Когда Афамант принимает Ино за козу — это можно считать намеком на таинства культа Загрея, который вырождается в культ Диониса-козленка (см. 30,3). Таинства культа Актеона можно разглядеть в том, как Афамант принимает Леарха за оленя, убивает и разрывает его на куски

(см. 22,1). Младший сын Ино Меликерт — это ханаанейский Геракл Мелькерт («защитник города»), или Молох, который в качестве новорожденного солярного царя плавает на спине дельфина в сторону Истма, его смерть по завершении четвертого года царствования отмечалась во время Истмийских погребальных игр. На острове Тенедос, а также, возможно, в Коринфе (см. 156,2) Меликерту в жертву приносили младенцев так же, как Молоху в Иерусалиме (Лев.18:21; 3 Цар.11:7).

6) Только после того как Зевс стал богом ясного неба и захватил солярные атрибуты богини, руно становится золотым. Так, первый ватиканский мифограф говорит, что это «то самое руно, в котором Зевс спустился с небес», однако, пока он был богом грозы, руно было пурпурным (Симонид. Фрагмент 21).

7) В одном из вариантов мифа (Гипсий. Фрагмент 14 Diels) Ино названа *Горгопидой* («мрачноликая»), а это, как известно, эпитет Афины.

8) Обнаруживается параллель между утонувшей в море Геллой и утонувшей Ино. Обе являются лунными богинями, и миф о них звучит амбивалентно: он одновременно означает ночной заход луны и вытеснение лунного культа Геллы солярным культом Зевса. Обе являются морскими богинями: Гелла дала имя проливу между двумя морями, а Ино-Левкофея явилась Одиссею в образе чайки и не дала ему утонуть (см. 170,е).

9) Скорее всего, племя Афаманта переселилось с беотийской горы Лафистий и Афамании в Фессалийскую Афаманию у горы Лафистий, а не наоборот. Имеются прочные связи между Афамантом и Коринфом — царством его брата Сисифа. Кроме того, считается, что Афамант основал город Акрефию к востоку от Копайдского озера, причем в этом городе имелось *поле Афаманта* (Стефан Византийский под словом *Асгаерфия*; Павсаний. IX.24.1). Несколько его сыновей также значатся как основатели беотийских городов. Об Афаманте довольно правдоподобно говорится, что он — сын Миния и царь Орхомена, что давало бы ему власть над Копайдской долиной и горой Лафистий (*Схолии к Аполлонию Родосскому*. I.230) и делало бы его союзником Коринфа против городов-государств Афин и Фив. Возможная причина северных странствий Афаманта и его прихода в Фессалию — жестокая война, которую вели Орхомен и Фивы и отголоски которой звучат в цикле мифов о Геракле (см. 121,d). Неистовства Нефелы на горе напоминают рассказ о дочерях Миния, про которых говорится, что на горе Лафистий ими овладел приступ вакхического экстаза (*Схолии к Ликофрону*. 1237). Так, как полагают, в Орхомене возник праздник *агриония*.

[а] Главк был сыном Сисифа и Мерыпы и отцом Беллерофонта. Жил он в Потниях около Фив, где, в насмешку над силой Афродиты, он запретил покрывать своих кобылиц. Он надеялся, что таким образом его кобылицы станут более резвыми и он победит на соревнованиях колесниц, которые были для него главным интересом в жизни. Однако Афродита обиделась и пожаловалась Зевсу на то, что Главк якобы зашел так далеко, что кормит лошадей человеческим мясом. Когда Зевс разрешил ей сделать с Главком все, что она захочет, она вывела ночью его кобылиц, дала им напиток из своего священного колодца и пустила пощипать травы под названием гиппоман, которая росла неподалеку. Афродита проделала это как раз накануне объявленных Ясоном погребальных игр в честь Пелия, которые должны были состояться на морском берегу у Иолка. Только запряг Главк своих кобылиц в колесницу, как они понесли, перевернули колесницу, протащили его, запутавшегося в упряжи, через весь стадион, а потом съели живьем¹. Некоторые, правда, утверждают, что это случилось в Потниях, а не в Иолке. Другие говорят, что Главк бросился в море, скорбя по Меликерту и Афананту, третьи считают, что Главком его назвали после смерти Меликерта².

[b] Дух Главка по имени Тараксинп, то есть пугающий лошадей, до сих пор еще бродит по коринфскому Истму (где его отец Сисиф впервые учил его искусству возничего) и развлекается тем, что пугает лошадей во время Истмийских игр, став тем самым причиной многих смертей. Кроме Главка, лошадей пугает еще и дух Миртила, убитого

Пелопом. Он бродит по стадиону Олимпии, где возничие приносят ему жертвы в надежде избежать смерти³.

¹ Гомер. Илиада. VI.154; Аполлодор. II.3.1; Павсаний. VI.20.9; Гигин. Мифы. 250, 273; Овидий. Ибис. 557; Схолии к «Оресту». 318 и «Финикийкам» Еврипида. 1124; Элиан. Происхождение животных. XV.25.

² Страбон. IX.2.24; Атены. VII.296—297.

³ Павсаний. VI.20.8.

1) Мифы о Ликурге (см.27,е) и Диомеде (см. 130,б) говорят о том, что в доэллинскую эпоху женщины, обряженные кобылицами, разрывали на куски царя-жреца в конце его царствования. В эллинские времена ритуал изменился и царя умерщвляли, волоча его по земле за квадригой, как в мифе об Ипполите (см. 101,г), Лае (см.105,д), Эномае (см. 109,j), Абдере (см. 130,1), Гекторе (см. 163,4) и др. Во время вавилонских новогодних празднеств, когда солнечный бог Мардук, которого олицетворял царь, сражался, как считалось, в преисподней с морским чудовищем Тиамат (см. 73,5), колесницу, запряженную четырьмя неуправляемыми лошадьми, пускали по улицам города, что должно было символизировать хаос, охвативший мир, когда корона передавалась от одного царя другому. Вполне возможно, что чучело возничего при этом запутывалось в упряжи. Если вавилонский и греческий ритуалы имеют общее происхождение, то царский трон и ложе на один день наследовал мальчик-интеррекс, а на рассвете следующего дня его привязывали к колеснице, и он умирал, как в мифе о Фаэтоне (см. 42,2) и Ипполите (см. 101,г), царь же снова возводился на трон.

2) Миф о Главке необычен. Главк не только жертва перевернувшейся колесницы, но и разъяренных лошадей, сожравших его. То, что Главк, презирая Афродиту, не разрешал покрывать своих кобылиц, говорит о патриархальных попытках искоренить фиванские эротические празднества в честь Потний («владычицы»), т. е. лунной триады богинь.

3) Тараксипп, вероятно, представлял собой архаическую царскую статую, отмечавшую первый поворот круга на ипподроме. Лошади-новички отвлекались на нее, когда возничий пытался срезать путь и перейти на внутреннюю дорожку. Кроме того, в этом месте устраивались крушения колесницы старого царя или интеррекса, для чего из колеса вынималась чека (см. 109,j).

4) Главк («серо-зеленый»), вероятно, с одной стороны, был минойским посланником, который прибывал в Истм (см. 90,6) с ежегодными распоряжениями, а с другой — *Меликертом* (Мелькарт — «хранитель города»). Этот финикийский титул носил царь Коринфа, который теоретически ежегодно возрождался и являлся верхом на дельфине из моря (см. 70,5; 87,2), а в конце царствования его вновь швыряли в море (см. 96,3).

[a] Миниец Меламп был внуком Кретея и жил в мессенском Пиле. Он был первым смертным, наделенным богами даром пророчества, первым врачом, первым строителем храмов Диониса в Греции и первым, кто стал разводить вино водой¹.

[b] Его брат Биант, к которому Меламп был крепко привязан, влюбился в свою двоюродную сестру Перо, однако требовать ее руки явилось так много женихов, что отец ее — Нелей — обещал отдать Перо тому, кто доставит ему прекрасных быков царя Филака. Филак любил своих быков больше всего на свете (после своего единственного сына — Ификла) и сторожил их сам, а в дозоре ему помогал недремлющий и неподступный пес.

[c] К этому времени Меламп научился понимать язык птиц, поскольку уши ему дочиста вылизал благодарный выводок молодых змей, чуть не убитых его же слугами. Родителей этих змей Меламп похоронил со всем надлежащим благочестием. Кроме того, Аполлон, которого он встретил однажды на берегу реки Алфей, научил его гадать по внутренностям жертвенных животных². Вот благодаря этим способностям Мелампу и удалось узнать, что тому, кто попытается украсть этих быков, отдадут их в подарок, но до этого угонщику стада придется отсидеть год у Филака в плену. Поскольку Биант был просто в отчаянии, Меламп решил посетить коровник Филака под покровом ночи. Но стоило ему только положить руку на коровий бок, как сторожевой пес укусил его за ногу, и спавший на соломе Филак проснулся, схватил вора и заточил его в темницу. Другими словами, все произошло именно так, как предсказал Меламп.

[d] Вечером того дня, когда исполнялся ровно год его заключения, Меламп подслушал разговор двух червей-древоточцев, сидевших на удивившей в стену балке прямо над его головой. Один с усталым вздохом произнес: «Сколько еще дней нам придется грызть ее, брат?»

Другой червь с набитым опилками ртом ответил: «Мы неплохо продвигаемся, и если не будем тратить время на пустые разговоры, то балка упадет завтра утром на рассвете».

Меламп тут же закричал: «Филак, Филак, умоляю, переведи меня в другой подвал!» Хотя Филак и посмеялся над объяснениями Мелампа, но в просьбе ему не отказал. Когда балка, как и было предсказано, упала, придавив женщину, которая помогала выносить постель, Филак подивился такому предвидению Мелампа. «Я подарю тебе свободу и быков, — сказал он, — если ты излечишь моего сына Ификла от мужской слабости».

[e] Меламп согласился. Прежде всего он принес в жертву Аполлону двух быков, сжег их бедренные кости вместе с жиром, а туши оставил около алтаря. Вдруг прилетели два стервятника, и один сказал другому: «Последний раз мы были здесь уже несколько лет назад, когда Филак кастрировал баранов, и нам кое-что досталось».

«Я хорошо помню, — сказал второй стервятник, — что Ификл был еще ребенком и сильно испугался, когда к нему подошел отец с окровавленным ножом. Он, очевидно, подумал, что его тоже оскопят, и истошно завопил. Филак воткнул нож в ближайшую священную грушу, чтобы потом не искать его, а сам бросился успокаивать Ификла. И с тех пор тот страдает мужской слабостью. Смотри, Филак так и забыл вытащить нож! Вот он торчит, почти весь корой зарос, только один кончик рукояти виден».

«В таком случае, — заметил первый стервятник, — Ификл излечится, если из дерева вытащить нож, соскрести с него ржавчину, оставшуюся после бараньей крови, и, размешав ее с водой, давать ему в течение десяти дней». — «Ты прав, — согласился второй стервятник. — Только кто окажется умнее нас и додумается дать ему такое лекарство?»

[f] Так Меламп смог вылечить Ификла, у которого вскоре родился сын по имени Подарк и, потребовав вначале стадо, а потом и Перо, вручил ее, все еще непорочную, своему обрадовавшемуся брату Бианту³.

[g] К тому времени Прет, сын Абанта, бывший, как и его брат Акрисий, соправителем Арголиды, женился на Сфенебее, которая родила

ему трех дочерей — Лисиппу, Ифиною и Ифианассу. Некоторые, правда, говорят, что двух младших дочерей звали Гиппоноя и Кирианасса. Может быть, потому, что они рассердили Диониса, а может быть, потому, что на них обиделась Гера за их любвеобилие, а быть может, потому, что они украли золото с ее изваяния в столице их отца Тиринфе, — все три дочери Прета волей богов лишились разума и отправились в иступлении бродить по горам, гонимые, как коровы, слепнями. Вели они себя самым непредсказуемым образом и нападали на путников⁴.

[h] Меламп, узнав об этом, пришел в Тиринф и заявил, что сможет излечить их, если только Прет в качестве платы отдаст ему треть своего царства.

«Плата слишком высока», — отрезал Прет, и Меламп удалился.

Помешательство распространилось на всех аргивянок, многие из которых стали убивать своих детей, бросать дома и, впадая в неистовство, присоединяться к трем дочерям Прета. Со временем все дороги стали опасными, всюду стали воровать овец и коров, поскольку обезумевшие женщины рвали их на куски и пожирали. Тогда Прет спешно послал за Мелампом, приняв его условия.

«Ну, нет, — сказал Меламп, — распространяется болезнь — растет и плата! Отдай третью часть своего царства мне, а третью часть — моему брату Бианту, и я избавлю тебя от этой напасти. Если не согласишься, то вскоре ни в одном из аргосских домов не останется женщин».

Когда Прет согласился, Меламп посоветовал ему: «Обещай в жертву Гелиосу двадцать красных быков, я подскажу тебе, что за это потребовать, и все будет хорошо».

[i] Прет пообещал быков Гелиосу при том условии, что тот поможет излечить его дочерей и всех, кого охватил недуг. Всевидящий Гелиос тут же пообещал Артемиде назвать тех царей, которые не принесли ей жертвы, но при условии, что та уговорит Геру снять свое проклятие с аргивянок. Поскольку Артемиды лишь недавно по просьбе Геры участвовала в смертельной охоте на нимфу Каллисто, ей было нетрудно выполнить условие Гелиоса. Вот так делаются дела и на небе, и на земле: рука руку моет.

[j] После этого Меламп с помощью Бианта и самых сильных юношей пригнали беспорядочную толпу женщин с гор в Сикнион, где безумие покинуло их, после чего они прошли очищение, окунувшись в священный колодец. Не найдя среди этой неприглядной толпы дочерей Прета, Меламп и Биант отправились на их поиски и добрались до самой Лусы,

что в Аркадии, где сестры спрятались в пещере на высоком берегу Стикса. Тут к Лисиппе и Ифианассе вновь вернулся рассудок и они очистились, однако Ифиноя не выдержала пути и умерла.

[к] Меламп после этого женился на Лисиппе, Биант, чья жена Перо только что умерла, женился на Ифианассе, а Прет наградил их обоих, как обещал. Некоторые, правда, говорят, что Прета по-настоящему звали Анаксагор⁵.

¹ *Аполлодор*. II.2.2; *Атений*. II.45.

² *Аполлодор*. I.9.11.

³ *Гомер*. *Одиссея*. XI.281—297 и схолии; *Аполлодор*. I.9.12.

⁴ *Гесиод*. *Перечень женщин*; *Аполлодор*. II.2.2; *Диодор Сицилийский*. IV.68; *Сервий*. *Комментарий к «Буколикам» Вергилия*. VI.48.

⁵ *Аполлодор*. II.2.1—2; *Вакхилид*. *Эпиникий*. XI.40—112; *Геродот*. IX.34; *Диодор Сицилийский*. IV.68.; *Павсаний*. II.18.4, IV.36.3, V.5.5, VIII.18.3.

1) Все чародеи утверждали, что их уши вылизаны змеями, которые считались вместилищем духов героев-оракулов (Дж. Фрэзер) и что благодаря этому они способны понимать язык птиц и насекомых (см. 105, g; 158, p). Жрецы Аполлона, вероятно, казались еще более проницательными, утверждая, что могут предсказывать будущее, используя такие способности.

2) Мужская слабость Ификла была скорее фактической, чем мифической; ржавчина с ножа для кастрации животных явилась бы неплохим лекарством от импотенции, вызванной внезапным испугом; при этом оно полностью соответствовало принципам симпатической магии. *Аполлодор* считает, что деревом, в которое воткнут нож, был дуб, однако более вероятным является предположение, что это была дикая груша — священное дерево Белой богини Пелопоннеса (см. 74, b), плодоносящее в мае, когда объявлялось половое воздержание. Филак нанес оскорбление богине, ранив ее священное дерево. Заявление чародея о том, что нужно лечение ему подсказали стервятники, занимавшие важное место в практике авгуров (см. 119, i), должно было еще больше убедить пациента в действенности лекарства.

3) Можно предположить, что Меламп, предводитель эолийцев из Пилоса, отторг часть Арголиты от ханаанейских поселенцев, которые называли себя «сыновьями Абанта» (семитское слово, означающее «отец»), а именно бога Мелькарта (см. 70, 5), и в результате возникло

двоецарствие. То, что ему удалось завладеть быками Филака («хранитель»), у которого был неусыпный пес, напоминает десятый подвиг Геракла, причем оба мифа основываются на эллинском обычае покупать невесту на деньги, вырученные от продажи угнанного скота (см. 132,1).

4) *Прет* — это, возможно, одно из имен Офиона-демиурга (см. 1, f). Матерью его дочерей была Сфенебея — луна-богиня в образе коровы, т. е. Ио. Причем обе богини очень сходным образом лишаются рассудка (см. 56, a), а их имена — это эпитеты одной и той же богини в ее разрушительной ипостаси, как Ламии (см. 61,1) и как Ипполиты, чьи дикие кобылицы разрывают на куски царя-жреца в конце его правления (см. 71, a). Оргии, для которых жрицы луны наряжались в кобылиц, следует отличать от танца овода из обряда призывания дождя, во время которого они наряжались в телок (см. 56,1), а также от осенних пиршеств козьего культа, когда жрицы разрывали младенцев и животных на куски, опьяненные медом, вином или приготовленным из плюща пивом (см. 27,2). Захват эолийцами святилища богини в Лусии, запечатленный здесь в мифической форме, вероятно, покончил с оргиями «диких кобылиц». Покрытие Посейдоном в образе жеребца Деметры в образе кобылицы (см. 16,5) свидетельствует об этом же событии. Возможно, ключ к смерти Ифиной следует искать в жертвенных возлияниях в честь змеи-богини в одном из аркадских святилищ, расположенном между Сикионом и Лусией.

5) Официальное признание Дельфами, Коринфом, Спартой и Афинами экстатического винного культа Диониса, которое произошло несколькими столетиями позже, было направлено против всех древних и более примитивных обрядов и, возможно, положило конец каннибализму и ритуальным убийствам повсюду, за исключением самых отдаленных районов Греции. В ахейских Патрах, например, Артемида Тридария («трижды жребий назначающая») ежегодно требовала принесения в жертву мальчиков и девочек во время оргий по случаю праздника урожая. При этом головы жертв украшались венками из плюща и колосьев. Этот обряд, который, как считалось, исполнялся, чтобы загладить перед богиней факт осквернения святилища Меланиппом, овладевшим жрицей Артемиды Комето, был отменен, когда Эврипил (см. 160,6) доставил из Трои сундук с изваянием Диониса (Павсаний. VII.9.1—3).

6) Меламподы («черноногие») — это общепринятое для классической эпохи прозвище египтян. Поэтому рассказы о том, что Меламп якобы понимал язык птиц и насекомых, скорее всего, имеют африканское, а не эолийское происхождение.

[а] Лбант, царь Арголиды и внук Данае, был таким известным воином, что даже после его смерти все, кто восставал против царского дома, бежали при одном виде его щита. Он женился на Аглае, двум ее сыновьям, Прету и Акрисию, завещал свое царство, потребовав, однако, чтобы они правили попеременно. Однако ссора между ними, которая началась еще в чреве матери, еще больше обострилась тогда, когда Прет разделил ложе с дочерью Акрисию Данаей и насилиу сбежал¹. Поскольку Акрисий теперь отказывался уступить трон, Прет бежал ко двору ликийского царя Иобата и женился на его дочери Сфенебее, или Антее. Став во главе ликийской армии, он отправился утверждать себя на троне своего отца. Состоялась кровавая битва, в которой ни одна из сторон не добилась успеха, и тогда Прет и Акрисий нехотя согласились разделить царство между собой. Акрисию достался Аргос со всеми окрестностями, а к Прету перешел Тиринф, Герей (теперь принадлежащий Микенам), Мидия и побережье Арголиды².

[b] Семь огромных киклопов, которых звали гастерохейры («брюхо-руки»), потому что они были каменщиками, зарабатывая этим на жизнь, пришли вместе с Претом из Ликии и возвели вокруг Тиринфа массивные стены, используя для этого такие огромные каменные блоки, что и несколько мулов не смогли бы их сдвинуть с места³.

[с] Акрисий, женившийся на Аганиппе, не имел сыновей, а только дочь Данаю, которую соблазнил Прет. Когда он обратился к оракулу с вопросом, как оставить после себя наследника по мужской линии, в ответ услышал: «У тебя не будет сыновей, а твой внук убьет тебя». Чтобы

избежать такой участи, Акрисий заключил Данаю в медный терем, который охраняли свирепые псы. Но, несмотря на эти предосторожности, в виде золотого дождя к ней сошел Зевс, и она родила от него сына по имени Персей. Когда Акрисий узнал об этом, он не поверил, что отцом Персея был Зевс, и решил, что это его брат Прет возобновил с Данасей любовную связь. Однако, не посмев умертвить собственную дочь, он заключил ее и младенца Персея в деревянный ящик и пустил его в море. Ящик понесло в сторону острова Сериф, около которого его поймал в свои сети рыбак по имени Диктис. Он вытащил ящик на берег, вскрыл его и обнаружил в нем еле живых Данаю и Персея. Диктис тут же отвел их к своему брату — царю Полидекту, в доме которого и вырос Персей⁴.

[d] Прошли годы, и возмужавший Персей защитил Данаю от Полидекта, который при поддержке своих людей пытался сделать ее своей женой. После этого Полидект собрал всех своих друзей, и, сделав вид, что отныне будет добиваться руки Гиподамии, дочери Пелопа, попросил каждого привести ему лошадь, чтобы он мог сделать достойный подарок своей невесте. «Сериф — всего лишь маленький островок, — заметил он, — но я не хочу казаться нищим среди богатых женихов с материка. Не сможешь ли ты мне, благородный Персей?»

«Увы, — ответил Персей, — у меня нет ни лошади, ни золота, чтобы ее купить. Но если ты действительно намерен жениться на Гиподамии, а не на моей матери, то я готов достать для тебя любой подарок — только назови». И опрометчиво добавил: «Если нужно, то и голову Медузы Горгоны».

[e] «Такой подарок пришелся бы мне по душе больше, чем любая лошадь в мире», — тут же ответил Полидект⁵. Как известно, у Медузы Горгоны вместо волос были змеи, а между огромных клыков высывался язык, и вид ее был так отвратителен, что всякий, кто посмел взглянуть на нее, превращался от ужаса в камень.

[f] Афина, подслушав разговор, состоявшийся на Серифе, и будучи заклятым врагом Медузы, в чьем ужасающем облике она сама была виновата, решила сопроводить Персея на этот подвиг. Сначала она отвела его в город Диэктерион на Самосе, где стояли изваяния всех трех горгон, чтобы Персей смог отличить Медузу от ее бессмертных сестер — Сфено и Эвриалы. Затем она предупредила его, чтобы он не глядел на Медузу, а лишь на ее отражение, и подарила ему отполированный до блеска щит.

[g] Гермес также помог Персею, вручив ему адамантовый серп, которым можно было отрезать голову Медузы. Однако Персею еще нужны были крылатые сандалии, волшебная сумка, в которой можно было бы хранить отрезанную голову, и черная шапка-невидимка, принадлежащая Гадесу. Все эти вещи хранились у стигийских нимф, и только они могли дать их Персею. Однако их местонахождение было известно только сестрам горгон — лебедеподобным граям, у которых на троих был всего один глаз и один зуб. Персей начал с того, что разыскал грай, которые восседали на тронах у подножья Атласских гор. Подкравшись к ним сзади, он выхватил глаз и зуб, когда одна из сестер передавала их другой, и согласился вернуть их, если узнает, где живут стигийские нимфы⁶.

[h] После этого Персей без труда забрал у нимф сандалии, сумку и шапку и полетел на запад, в землю гиперборсеев, где среди измытых дождями изваяний людей и животных, окаменевших при взгляде на Медузу, он обнаружил спящих горгон. Глядя на отражение Медузы в щите, Персей одним взмахом руки, направляемой Афиной, отрезал серпом голову Медузы, после чего, к его удивлению, из ее мертвого тела возникли крылатый конь Пегас и воин Хрисаор, сжимающий в руках золоченый меч. Персей не знал, что их зачала от Посейдона Медуза Горгона в одном из храмов Афины. Однако он не решился восстанавливать их еще больше против себя, а просто засунул отрезанную голову в сумку и бросился бежать, и хотя Сфено и Эвриала, разбуженные их новоявленными племянниками, бросились за Персеем в погоню, шапка сделала его невидимым, и он благополучно удалился к югу⁷.

[i] На закате дня Персей приземлился рядом с дворцом титана Атланта и в наказание за его негостеприимство показал ему голову горгоны, отчего тот тут же превратился в гору. На следующий день Персей повернул на восток и пересек Ливийскую пустыню. Тяжелую голову ему помогал нести Гермес. По дороге он швырнул в озеро Тритон глаз и зуб грай. Несколько капель крови горгоны упали на песок пустыни, и из них возник клубок ядовитых змей, одна из которых позднее стала причиной смерти аргонавта Мопса⁸.

[j] Персей решил остановиться и набраться сил в Хеммисе, что в Египте, где ему до сих пор поклоняются, а затем полетел дальше. Когда к северу от него уже оставалось побережье Филистии, он увидел обнаженную женщину, прикованную к прибрежной скале, и тут же влюбился в нее. Это была Андромеда, дочь Кефея, который был эфиопом и правил Ионной, и Кассиопей⁹. Кассиопея однажды похвасталась, что

она и ее дочь красивее nereид, которые тут же пожаловались своему заступнику Посейдону на такое оскорбление. Посейдон наслал на Филистию наводнение и морское чудовище. Когда Кефей обратился к оракулу в Аммоне, то в ответ услышал, что единственная надежда спастись от напастей — это пожертвовать Андромеду морскому чудовищу. Поэтому его подданные приковали Андромеду к скале, предварительно сняв с нее все одежды, кроме нескольких украшений, и ждали, пока ее проглотит чудовище.

[k] Когда Персей летел к Андромеде, он увидел Кефея и Кассиопею, стоявших в тревоге на берегу. Тогда он решил приземлиться рядом с ними и испросить совета, как ему поступить. Взяв с них обещание, что, если он спасет Андромеду, она станет его женой и они вместе отправятся в Грецию, Персей снова взмыл в воздух, выхватил свой серп и, стремительно бросившись вниз, обезглавил приближавшееся чудовище, которое обманулось тенью Персея, упавшей на море. На тот случай, если чудовище взглянет на него, он вытащил из сумки голову горгоны, а потом положил ее на подстилку из листьев и морских водорослей (они мгновенно превратились в кораллы). Смыл со своих рук кровь и возвел три алтаря, на которых заклал тельца, корову и быка соответственно в честь Гермеса, Афины и Зевса¹⁰.

[l] Кефей и Кассиопея нехотя назвали Персея зятем и по настоянию Андромеды во дворце тут же сыграли свадьбу. Однако празднества внезапно были прерваны, когда Агенор, брат-близнец царя Бела, явился во главе вооруженного отряда требовать руки Андромеды. Его, без сомнения, призвала Кассиопея, поскольку и она, и Кефей сразу же нарушили обещание, данное Персею, заявив, что обстоятельства вынудили их обещать руку дочери Персею, тогда как Агенору Андромеда была обещана много раньше.

«Персей должен умереть!» — с яростью воскликнула Кассиопея.

[m] В последовавшей затем битве Персей перебил много противников, но для окончательной победы он был вынужден поднять с коралловой подстилки голову горгоны и превратить с ее помощью две сотни оставшихся врагов в камень¹¹.

[n] Посейдон поместил изображение Кефея и Кассиопеи среди звезд. Причем Кассиопею, в наказание за ее предательство, связали и поместили в рыночную корзину, которая в определенное время года переворачивалась, — и Кассиопея становилась всеобщим посмешищем. Позднее Афина поместила образ Андромеды в более почетное созвездие за то, что

она настояла на свадьбе с Персеем вопреки проискам родителей. На скале неподалеку от Иоппы до сих пор видны следы, оставленные ее цепями, а окаменевшие кости чудовища находились в самом городе до тех пор, пока Марк Эмилий Скавр в бытность свою эдилом не отправил их в Рим¹².

[o] Персей, взяв с собой Андромеду, спешно вернулся на Сериф и обнаружил, что Даная и Диктис, боясь насилия со стороны Полидекта, который и не думал жениться на Гипподамии, спрятались от него в храме. Поэтому Персей тут же отправился во дворец, где со своими сообщниками пировал Полидект, и объявил, что принес обещанный им дар. Услышав в ответ множество насмешек, он выгащил голову горгоны, избегая, как и прежде, ее взгляда, и превратил присутствовавших в камень. На Серифе до сих пор еще показывают камни, образовавшие круг. Затем он отдал голову Афине, которая прикрепила ее к своей эгиде, а Гермес вернул сандалии, сумку и шапку на хранение стигийским нимфам¹³.

[p] Сделав Диктиса царем Серифа, Персей в сопровождении матери, жены и киклопов поплыл на корабле в Аргос. Услышав о его приближении, Акрисий сбежал в пеласгийскую Ларису, однако случилось так, что местный царь Тевтамид пригласил Персея участвовать в погребальных играх в честь его покойного отца. Персей стал соревноваться в пятиборье, и брошенный им диск, отклонившийся от своего пути по воле ветра или богов, попал Акрисию в ногу и поразил его насмерть¹⁴.

[q] Сильно скорбя, Персей похоронил своего деда в храме Афины, который венчал местный акрополь, и, стыдясь править в Аргосе, отправился в Тиринф, где правил сын Прета Мегапент; с ним он договорился обменяться царствами. В результате Мегапент отправился в Аргос, а Персей воцарился в Тиринфе и со временем присоединил к себе две другие части бывшего царства Прета.

[r] Персей укрепил Мидию и основал Микены, которые получили свое название потому, что, когда Персея мучила жажда, вырос гриб [*tykos*] и из него потекла струя воды. Стены обоих городов возвели киклопы¹⁵.

[s] Эту историю рассказывают и по-другому. Говорят, что Полидекту удалось жениться на Данае, а Персей вырос при храме Афины. Через несколько лет весть об их спасении дошла до Акрисию, и он отплыл на Сериф, решив на этот раз убить Персея своими руками. Вмешавшийся Полидект заставил их дать торжественную клятву в том, что они никогда не будут покушаться на жизнь друг друга. Однако поднявшаяся буря не дала кораблю Акрисию выйти в море, и, пока корабль бился

с волнами, Полидект скончался. Во время погребальных игр Персей швырнул диск так, что нечаянно попал Акрисию в голову и поразил его насмерть. После этого Персей отплыл в Аргос, чтобы предъявить свои права на трон. Однако к этому времени Прет уже захватил власть, и Персею пришлось обратиться в камень. Так он сразу оказался царем всей Аргolidы и правил ею до тех пор, пока Мегалент не убил его, отомстив за смерть своего отца¹⁶.

[t] О Медузе Горгоне говорят, что она была прекрасной дочерью Форка, который обидел Афины и повел в бой ливийцев с озера Тритон. Пришедший с армией из Аргоса Персей с помощью Афины умертвил Медузу. Ночью он отрезал ей голову и похоронил ее под холмом на рыночной площади Аргоса. Этот холм расположен рядом с могилой дочери Персея Горгофоны, известной тем, что она стала первой вдовой, вторично вышедшей замуж¹⁷.

¹ *Аполлодор*. II.2.1, 4.7.

² *Гомер*. Илиада. VI.160; *Аполлодор*. II.1; *Павсаний*. II.16.2.

³ *Павсаний*. II.25.7; *Страбон*. VIII.6.11.

⁴ *Гигин*. Мифы. 63; *Аполлодор*. II.4.1; *Гораций*. Оды. III.16.1.

⁵ *Аполлодор*. II.4.2.

⁶ *Аполлодор*. Там же.

⁷ *Пиндар*. Пифийские оды. X.31; *Овидий*. Метаморфозы. IV.780; *Аполлодор*. II.4.2—3.

⁸ *Еврипид*. Электра. 459—463; *Аполлоний Родосский*. IV.1513.

⁹ *Геродот*. II.91; *Страбон*. I.2.35; *Плиний*. Естественная история. VI.35.

¹⁰ *Аполлодор*. II.4.3; *Гигин*. Мифы. 64; *Овидий*. Метаморфозы. IV.740 и след.

¹¹ *Гигин*. Там же; *Овидий*. Метаморфозы. V.1—235; *Аполлодор*. Там же.

¹² *Иосиф Флавий*. История Иудейской войны. III.9.2; *Плиний*. Естественная история. IX.4.

¹³ *Страбон*. X.5.10; *Аполлодор*. II.4.3.

¹⁴ *Аполлодор*. II.4.4.

¹⁵ *Аполлодор*. II.4.4—5.

¹⁶ *Овидий*. Метаморфозы. V.236—241; *Гигин*. Мифы. 63,244.

¹⁷ *Павсаний*. II.21.6—8.

1) Две таких пары близнецов появляются в Книге Бытия: Исав и Иаков (25, 24—26), Фарес (см. 159,4) и Зара (38, 27—30), причем

и те и другие ссорятся из-за того, кто из них был в чреве матери первым, точно так же, как ссорились Акрисий и Прет. Спор двух близнецов из-за женщины напоминает персонажей кельтских мифов, например Гвин и Гвиту в «Мабиногион», которые накануне майского праздника встречались ежегодно в поединке — до окончания века, — сражаясь за руку Крейдилад, дочери Лира (дочь короля Лира Корделия).

2) Миф о Данае, Персее и ящике, кажется, связан с мифом об Исида, Осирисе, Сете и дитя-Горе. В древнейшем варианте мифа Прет — это отец Персея, т. е. аргосский Осирис, Даная — его сестра-супруга, т. е. Исида, Персей — дитя-Гор, а Акрисий — завистливый Сет, убивающий своего близнеца-брата Осириса и оказывающийся отмыщенным Гором. Ковчег, или ящик, — это сделанная из дерева акации ладья, в которой Исида и Гор плавали по Дельте в поисках тела Осириса. Похожая история возникает в одном из вариантов мифа о Семеле и в мифе о Рео (см. 160,6).

3) Династические споры в Аргосе осложнялись существованием аргосской колонии в Карию. Это видно и из данного мифа и из мифа о Беллерофонте (см. 75,б). Когда в XIV в. до н. э. пал Кносс, карийский флот некоторое время был одним из сильнейших на Средиземном море. Мифы о Персее и Беллерофонте тесно связаны. Персей убил страшную Медузу, обувшись в крылатые сандалии, а Беллерофонт использовал крылатого коня, рожденного из обезглавленной Медузы, чтобы убить ужасную Химеру.

4) Во втором и более простом варианте мифа Персей сражается с ливийской царицей, отрезает ей голову и хоронит отрезанную голову на рыночной площади Аргоса. Это свидетельствует о захвате Ливии аргивянами, искоренении в ней матриархальной системы и разглашении мистерий богини Нейт (см. 8,1).

5) Рассказ об Андромеде возник на основе палестинского или сирийского изображения, на котором солнечный бог Мардук или его предшественник Бел, оседлав белого коня, убивает морское чудовище Тиамат. Этот миф также вошел в древнееврейскую мифологию: Исайя говорит, что Яхве (Мардук) изрубил Раава мечом на куски (Ис. 51:9), но, согласно Книге Иова (9,13; 26,12), Раав — это море. На том же изображении украшенная камнями и обнаженная Андромеда стоит прикованная к скале. На самом же деле — это Афродита, Иштар или Астарта, похотливая морская богиня, «повелительница мужчин». Однако она не ждет, когда ее спасут. Сам Мардук приковал ее к скале после

того, как убил ее эманацию — морскую змею Тиамат, чтобы предупредить в будущем ее проделки. В вавилонском мифе творения именно она насылает потоп. Астарте как морской богине ставили храмы по всему побережью Палестины. В Трое ее звали *Гесиона* — «царица Азии»; о ней говорится, что Геракл якобы спас ее от другого морского чудовища (см. 137,2).

6) Греческая колония, обосновавшаяся в Хеммисе, очевидно, в конце II тысячелетия до н. э., отождествляла Персея с богом Хемом, чей иероглиф представлял собой крылатую птицу и солнечный диск. Геродот подчеркивал связь между Данаей, матерью Персея, и вторжением данайцев из Аргоса в Ливию. Миф о Персее и грибе, вероятно, рассказывался, чтобы объяснить изображение героя, глядящего на гриб. Под палящим солнцем из гриба появлялся огонь, который ошибочно был принят за воду, поскольку гриб — это трут для огненного колеса (см. 63,1).

7) Второй, более простой вариант мифа предполагает, что приход Персея к граям, овладение им глазом, зубом, сумкой, серпом и шапкой-невидимкой, а также погоня за ним других горгон, когда он отрубил голову Медузе, не относится к его ссоре с Акрисием. В книге «Белая богиня» я полагаю, что эти сказочные элементы являются результатом неправильного прочтения совершенно другого изображения, на котором Гермесу, обутому в известные крылатые сандалии и с шапкой на голове, три богини судьбы вручают волшебный глаз (см. 61,1). Этот глаз символизирует дар восприятия. Они также вручают ему зуб, с помощью которого можно предсказывать будущее. Кроме того, они вручили ему серп и сумку. Он получил и маску горгоны, чтобы отпугивать любопытных. Гермес летит по небу в Тартесс, где у горгон была священная роцца, сопровождаемый (а не преследуемый) тремя богинями с масками горгон. Внизу на земле изображена богиня, держащая в руках зеркало, в котором отражается лицо горгоны, чтобы еще раз подчеркнуть таинство полученного Гермесом знания (см. 52,7).

[a] Когда мужская линия дома Поликаона спустя пять поколений пресеклась, мессенцы пригласили Перьера, сына Эола, на царство, и он женился на дочери Персея Горгофоне. Она пережила своего мужа и оказалась первой вдовой, вторично вышедшей замуж, а мужем ее стал спартанец Ойбал¹. До этого считалось, что, когда муж умирал, жена должна была кончать жизнь самоубийством, как это сделала дочь Мелеагра Полидора, чей муж Протесилай первым ступил на берег, когда греческий флот достиг берегов Трои. Так же поступили Марпесса, Клеопатра и дочь Филака Эвадна, бросившаяся в погребальный костер, когда ее муж погиб в Фивах².

[b] От Перьера Горгофона родила Афарей и Левкиппа, а от Ойбала — сыновей Тиндарей и Икария³. Тиндарей унаследовал от отца спартанский трон, а Икарий был при нем соправителем, однако Гиппокоонт со своими двенадцатью сыновьями изгнал их обоих, хотя некоторые говорят, что Икарий, позднее ставший тестем Одиссея, принял сторону Гиппокоонта. Найдя убежище у этолийского царя Фестия, Тиндарей женился на его дочери Леде, которая родила ему Кастора и Клитемнестру и одновременно родила Елену и Полидевка от Зевса⁴. Позднее, усыновив Полидевка, Тиндарей вернул себе спартанский трон и был одним из тех, кого спас от смерти Асклепий. Могилу его до сих пор показывают в Спарте⁵.

[c] Тем временем сводный брат Тиндарей Афарей сменил Перьера на троне Мессены, где в качестве соправителя с меньшими полномочиями был Левкипп, по имени которого, как утверждают мессенцы, назван

город Левктры. Афарей взял в жены свою сводную сестру Арёну, которая родила ему Идаса и Линкея, хотя Идас на самом деле был сыном Посейдона⁶. Случилось так, что дочери Левкиппа — левкиппиды, а именно: Феба, которая была жрицей Афины, и жрица Артемиды Хилаейра, были обручены со своими двоюродными братьями Идасом и Линкеем. Однако Кастор и Полидевк, которые больше известны как Диоскуры, украли их, и те родили им сыновей. Это привело к еще большему соперничеству двух пар близнецов⁷.

[d] Диоскуры, которые никогда не расставались друг с другом, стали гордостью Спарты. Кастор был знаменит как воин и укротитель лошадей, а Полидевк был непревзойденным кулачным бойцом; оба завоевывали призы на Олимпийских играх. Их двоюродные братья и соперники были не менее преданы друг другу. Идас был сильнее, чем Линкей, но у Линкея был настолько зоркий глаз, что он видел в темноте и мог найти зарытые сокровища⁸.

[e] К этому времени сын Ареса Эвен женился на Алкиппе, и та родила ему дочь Марпессу. Желая сохранить девственность своей дочери, он приглашал всех ее женихов помериться с ним силой в гонках колесниц, причем победителю обещал Марпессу, а проигравшим отрубал голову. Скоро к стенам дома Эвена было прибито множество голов, однако влюбившийся в Марпессу Аполлон выразил свое неудовольствие таким варварским обычаем и сказал, что скоро покончит с ним, вызвав Эвена на состязание. Но сердце Идаса тоже было равнодушно к Марпессе, и он выпросил у своего отца Посейдона крылатую колесницу⁹. Прежде чем Аполлон успел что-либо предпринять, он отправился в Этолию и увез Марпессу, похитив ее, когда та плясала в хороводе. Эвен бросился в погоню, но не смог догнать Идаса, и им одолела такая кручина, что он сначала перебил всех своих лошадей, а потом бросился в реку Ликорман и утонул, а река с тех пор называется Эвен¹⁰.

[f] Когда Идас достиг Мессении, Аполлон попытался отнять у него Марпессу. Они сошлись в поединке, но их разнял Зевс и распорядился, чтобы Марпесса сама решила, за кого ей лучше выйти замуж. Боясь, что Аполлон бросит ее, когда она состарится, как он бросал многих других своих возлюбленных, Марпесса выбрала себе в мужа Идаса¹¹.

[g] Идас и Линкей были участниками Калидонской охоты и плыли на «Арго» в Колхиду. Однажды, после смерти Афарея, они и Диоскуры забыли о своих ссорах и устроили в Аркадии совместный набег, чтобы угнать скот. Набег удался, и Идас по жребию должен был разделить

добычу на четверых. Для этого он разрубил быка на четыре части и сказал, что половина угнанного скота достанется тому, кто первым съест свою часть мяса, а оставшийся скот будет принадлежать тому, кто съест свою долю вторым. Другие еще не успели приступить к еде, а Идас уже расправился со своей долей и принялся помогать Линкею. Проглотив последний кусок мяса, Идас с Линкеем погнались скот в Мессению. Диоскуры оставались на месте, пока самый медлительный из них — Полидевк — не закончил трапезу. Затем они отправились в Мессению и заявили жителям, что Линкей нарушил условия спора, приняв помощь от Идаса, который тоже обманул их, не став дожидаться, пока все участники спора примутся за еду. Идаса и Линкея не было в городе — они приносили жертву Посейдону на горе Тайгет. Поэтому Диоскурам удалось увести спорный скот и забрать другую добычу, после чего они забрались в дупло дуба и стали ждать возвращения соперников. Однако Линкей, стоя на вершине Тайгета, увидел их, а Идас сбегал с горы и, швырнув копьё в дерево, пронзил Кастора. В выскочившего из дупла Полидевка, который был готов отомстить за брата, Идас бросил вырванное из могилы Афаря резное надгробие. Полидевк тем не менее сумел поразить копьём Линкея, и в этот момент Зевс, принявший сторону своего сына, поразил Идаса перуном¹².

[h] Однако мессенцы рассказывают, что Кастор убил Линкея, и опечаленный Идас перестал сражаться, занявшись погребением брата. Тогда Кастор приблизился и нагло разрушил только что воздвигнутый Идасом монумент, считая, что Линкей не достоин его. «Твой брат вел себя в бою, как баба», — язвительно крикнул он. Идас обернулся и вонзил свой меч в живот Кастора, за что Полидевк тут же отомстил ему¹³.

[i] Одни говорят, что именно Линкей смертельно ранил Кастора в битве при Афидне, а другие считают, что Кастор был убит, когда Идас и Линкей напали на Спарту. Есть и такие, кто считает, что оба Диоскура в этой битве остались живы и невредимы, а Кастора позже убили Мелеагр и Полиник¹⁴.

[j] Тем не менее все сходятся на том, что последним из двух пар близнецов остался Полидевк и что, установив на спартанском ипподроме трофей в честь своей победы над Линкеем, он вознес молитву Зевсу: «Отец, не дай мне пережить своего брата!» Однако поскольку судьбе было угодно, чтобы только один из сыновей Леды умер, и поскольку отцом Кастора был смертный Тиндарей, Полидевк как сын Зевса был вознесен на небеса. Но Полидевк согласился на бессмертие лишь вместе

с Кастором, поэтому Зевсу пришлось разрешить им попеременно проводить свои дни на небесах и в преисподней близ Терапны. В награду за братскую любовь их образы были помещены среди звезд как созвездие Близнецов¹⁵.

[к] После обожествления Диоскуров Тиндарей призвал Менелая в Спарту и отрекся в его пользу от царства, а поскольку дом Афарея тоже остался без наследника, Нестор стал править всей Мессенией, за исключением той ее части, где правили сыновья Асклепия¹⁶.

[л] Спартанцы до сих пор показывают дом, где жили Диоскуры. После них он принадлежал некоему Формиону, которого они посетили однажды ночью под видом путников из Кирены. Они попросили разрешения на ночлег и пожелали переночевать в своей прежней комнате. Формион ответил, что весь дом в их распоряжении, но, к сожалению, в комнате, которая их интересует, сейчас живет его дочь. На следующее утро ни девушки, ни ее вещей в комнате не оказалось; комната была пуста, если не считать изваяния Диоскуров и пучка сушеного триллиума, лежавшего на столе¹⁷.

[м] Посейдон сделал Кастора и Полидевка спасителями потерпевших кораблекрушение мореплавателей и дал им право посылать попутные ветры. Если на носу судна им приносили в жертву белых ягнят, они тут же поспешали на помощь, и в небе их сопровождали стаи воробьев¹⁸.

[н] В битве при Эгоспотамах Диоскуры сражались на стороне спартанского флота, за что победители повесили в их честь две золотые звезды в Дельфах, однако накануне сокрушительного поражения под Левктрами эти звезды упали и исчезли¹⁹.

[о] Во время второй мессенской войны двое мессенцев вызвали гнев Диоскуров тем, что осмелились выступить в их роли. Случилось так, что спартанское войско праздновало день этих обожествленных близнецов, когда двое всадников, вооруженных копьями, ворвались на полном скаку в их лагерь. Спартанцы опустили перед ними на колени, воздавая им божественные почести, а одетые в белые туники, пурпурные плащи и яйцеподобные шлемы псевдо-Диоскуры, которыми оказались двое мессенских юношей по имени Гонипп и Панорм, перебили многих из них. Диоскуры, в отместку за случившееся, после сражения у Капрусемы (пещера вепря) забрались на дикую грушу и тайком похитили щит, принадлежавший победоносному мессенскому военачальнику Аристомену, что помешало ему теснить отступивших спартанцев и спасло многих из них. Во второй раз, когда Аристомен под покровом ночи решил напасть

на Спарту, духи Диоскуров и их сестры Елены заставили его повернуть вспять. Позднее Кастор и Полидевк простили мессенцев, которые стали приносить им жертвы, когда Эаминоид основал новый город Мессену²⁰.

[р] Диоскуры председательствовали на Спартанских играх и были покровителями всех рапсодов, певших о былых сражениях, поскольку считались основателями военных плясок и военной музыки. В спартанских святилищах Гилаейры и Фебы жрицы до сих пор называются Левкиппидами, а яйцо, из которого у Леды появились близнецы, было подвешено к кровле²¹. Спартапцы представляли Диоскуров в виде двух параллельных деревянных балок, соединенных двумя поперечными. Соправители Спарты всегда брали эти балки в битву, и, когда впервые за все время спартанское войско повел в бой один царь, было объявлено, что одна балка должна остаться в Спарте. Те, кто видел Диоскуров, говорят, что Полидевк отличался от своего брата лишь тем, что у него на лице был шрам от кулачного боя. Одевались они одинаково, каждый носил шлем в форме половины яичной скорлупы, увенчанный звездой, и у каждого было копье и белая лошадь. Некоторые говорят, что лошадей им дал Посейдон, другие считают, что фессалийского боевого коня Полидевку подарил Гермес²².

¹ Павсаний. IV.2.2, III.1.4; Аполлодор. I.9.5.

² Киприя. Цит. по: Павсаний. IV.2.5; Павсаний. III.1.4; Еврипид. Простительницы. 990—1071.

³ Аполлодор. I.9.5; Павсаний. Цит. соч.

⁴ Павсаний. Цит. соч.; Аполлодор. III.10.5—7.

⁵ Паниасид. Цит. по: Аполлодор. III.10.3; Павсаний. III.17.4.

⁶ Павсаний. III.26.3, IV.2.3; Аполлодор. II.10.3.

⁷ Аполлодор. III.11.2; Гигин. Мифы. 80.

⁸ Аполлодор. III.11.2, 10.3; Гомер. Одиссея. XI.300; Павсаний. IV.2.4; Гигин. Мифы. 14.

⁹ Гигин. Мифы. 242; Аполлодор. I.7.8; Евстафий. Схолии к «Илиаде» Гомера. IX.557.

¹⁰ Аполлодор. Цит. соч.

¹¹ Аполлодор. I.7.9; Евстафий. Схолии к «Илиаде» Гомера. Там же.

¹² Аполлодор. I.8.2, 9.16, III.11.2; Феокрит. Идиллии. XXII.137 и след.; Пиндар. Немейские оды. X.55 и след.

¹³ Гигин. Мифы. 80.

- ¹⁴ *Овидий*. *Фасты*. V.699 и след.; *Феокрит*. *Цит. соч.*; Схолии к «Одиссее» *Гомера*. XI.300.
- ¹⁵ *Павсаний*. III.14.7; *Аполлодор*. III.11.2; *Пиндар*. *Немейские оды*. X.55; *Лукиан*. *Разговоры богов*. 26.
- ¹⁶ *Аполлодор*. *Цит. соч.*; *Павсаний*. IV.3.1.
- ¹⁷ *Павсаний*. III.16.3.
- ¹⁸ *Еврипид*. *Елена*. 1503; *Гомеровский гимн к Диоскурам*. 7 и след.
- ¹⁹ *Цицерон*. *О дивинации*. I. 34.75, II.32.68.
- ²⁰ *Павсаний*. IV.27.1, 16.2.
- ²¹ *Пиндар*. *Немейские оды*. X.49; *Цицерон*. *Об ораторе*. II.8.352; *Феокрит*. *Идиллии*. XXII.215—220; *Павсаний*. III.16.1—2.
- ²² *Плутарх*. *О братской любви*. I; *Геродот*. V.75; *Лукиан*. *Разговоры богов*. 26.

1) Обычно, чтобы обосновать приоритет царя-жреца перед танистом, говорили, что царь — сын бога, рожденный матерью, чей муж считался отцом одновременно родившегося близнеца, причем первый из братьев считался бессмертным, а второй — смертным. Так, Геракл — это сын Зевса и Алкмены, а его близнец Ификл считался сыном мужа Алкмены — Амфитриона. Такую же историю рассказывали о Диоскурах из Лаконии и их соперниках Идасе и Линкее из Мессении. Полная гармония, существовавшая между братьями-близнецами, открывает новый этап в развитии царской власти, когда танист исполняет обязанности визиря и главнокомандующего (см. 94,1) и во власти лишь немногим уступает царю-жрецу. Поэтому именно Кастор, а не Полидевк является знатоком военных дел и даже служит наставником Геракла в военных вопросах, отождествляясь в этом с Ификлом, тогда как Линкей, но не Идас наделен острым зрением. Однако до тех пор пока система двоецарствия не получила своего окончательного развития, танист не считался бессмертным и не получал после смерти такого же положения, как его близнец.

2) Спартанцы вели частые войны с Мессенией и в классическую эпоху обладали значительной военной мощью и достаточным влиянием на дельфийского оракула, чтобы придать всегреческий характер своим близнецам-героям как пользующимся большей благосклонностью Зевса, чем любая другая пара близнецов. И действительно, Спартанское царство пережило всех своих соперников. Если бы случилось по-другому, то созвездие Близнецов было бы названо в честь Геракла и Ификала,

Идаса и Линкея или Акрисия и Прета, а не в честь Кастора и Полидевка; они не были даже единственными героями, которым было разрешено ездить на белых лошадях: любой герой, в честь которого устраивался праздник, считался всадником. Именно такие празднества на исходе дня, на которых потомки героя съедали целого быка, легли в основу рассказов об обжорстве Лепрея (см. 138, h) и Геракла (см. 143, a), а в этом мифе породили тему соревнования в обжорстве между Идасом, Линкеем и их соперниками.

3) Брак с Левкиппидами узаконивал царское положение спартанских соправителей. Они названы жрицами Афины и Артемиды и носят относящиеся к луне имена. На самом деле они представляли луну-богиню, и на вазописи Диоскуры часто сопровождают колесницу Селены.

4) Аналогичным образом следует понимать рассказ о Марпессе. Очевидно, мессенцы совершили набег на этолийцев, живших в долине Эвена, и украли их наследницу Марпессу. Против них выступили поклонившиеся Аполлону спартанцы, позавидовав их успеху. Чтобы решить конфликт, обратились к Микенам как к высшему авторитету, и Микены поддержали мессенцев. Однако соревнования колесниц, устроенные между Эвеном и Идасом, во многом напоминают мифы о Пелопе и Эномае (см. 109, j) и Геракле и Кикне (см. 143, e—g). Во всех этих случаях упоминаются головы соперников царя. Изображение, которое могло лечь в основу всех этих историй, вероятно, запечатлело старого царя, идущего навстречу неизбежному крушению колесницы (см. 71, 1) после того как вместо него богине уже было принесено несколько жертв заместителей (см. 42, 2). Его кони принесены в жертву как пролог к возведению на трон нового царя (см. 29, 1; 81, 4). Злополучный угон скота мог иметь в основе исторический случай — ссору между мессенцами и спартанцами за дележ добычи, полученной в результате совместного похода в Аркадию (см. 17, 1).

5) Появление Кастора и Полидевка в доме Формиона описано довольно хитро: автор сообщает о проделке, которую сыграли с глупыми спартанцами проходимцы, переодевшись в их национальных героев. Кирена, где поклонялись Диоскурам, поставляла траву — триллиум, из которой изготовляли нечто наподобие асафетиды, считавшейся, благодаря своему запаху и вкусу, ценной приправой. Киренские купцы были именно теми, кем они себя называли, и когда они покинули дом Формиона вместе с его дочерью, оставив в качестве платы свои товары, Формион решил, что лучше всего представить все как чудо.

6) Дикая груша была священным деревом луны благодаря своему белому цветению, и самое древнее изваяние богини смерти Геры в микенском храме Геры было сделано из дерева груши. Плутарх (*Греческие вопросы*. 51) и Элиан ^{69*} (*Пестрые истории*. III.39) упоминают грушу как плод, которому поклонялись в Аргосе и Тиринфе; именно поэтому Пелопоннес называли Апия («грушевый») (см. 64,4). Диоскуры забрались на грушу, чтобы показать, что они настоящие герои. Более того, плоды завязываются на груше в конце мая (см. 72,2), когда солнце находится в созвездии Близнецов, а в восточном Средиземноморье начинается сезон мореплавания. Воробьи, которые сопровождали Диоскуров, внимавших молитвам моряков, принадлежат морской богине Афродите. Ксуф («воробей»), отец Эола (см. 43,1), был поклонявшийся Афродите предок Диоскуров.

7) В гомеровском «Гимне к Диоскурам» (7 и след.) неясно, летят ли Кастор и Полидевк по небу в сопровождении воробьев или же они спешат по небу «на воробьиных крыльях», чтобы помочь морякам в беде. На этрусских зеркалах они иногда изображались крылатыми. Их спартанский символ, или *dosana*, представлен в виде двух колонн, поддерживающих святилище, другой символ — две обвитые змеями амфоры, причем змеи — это воплощение Диоскуров, которые пришли отведать пищи, помещенной в амфоры.

8) Выйдя вторично замуж, Горгофона нарушила индоевропейский обычай (см. 69,2; 74,а; 106,1).

^{69*} Элиан Клавдий (конец II — начало III в. н. э.) — римлянин, писавший на греческом языке. Увлекался риторикой, религиозной философией, мистицизмом. Литературное наследие его разнообразно. В сочинении «О природе животных» (в 17 книгах), приводя примеры из жизни животных, доказывает их превосходство над людской жизнью.

[а] Беллерофонт был сыном Главка и внуком Сисифа. Он вынужден был покинуть Коринф, убив перед этим некоего Беллера, за что и получил прозвище Беллерофонт, звучавшее потом как Беллерофон, а также собственного брата, которого обычно называют Делиадам¹. Он нашел приют у тирийского царя Прета, но, к несчастью, жена Прета Антея, которую некоторые называют Сфенебеей, влюбилась в пришельца с первого взгляда. Когда тот отклонил ее любовь, она обвинила его в том, что он пытался соблазнить ее, и Прет, поверив жене, пришел в ярость. Однако, не рискуя навлечь на себя гнев фурий за убийство человека, нашедшего приют в его доме, Прет отправил его к своему тестю Иобату, царю Ликии, с запечатанным посланием, в котором говорилось: «Прошу, убери подателя сего с этого света — он пытался обесчестить мою жену, твою дочь».

[b] Иобат, который также не решился обидеть царского гостя, попросил Беллерофонта сослужить ему службу и уничтожить Химеру — изрыгающую огонь женщину-чудовище с львиной головой, козьим туловищем и змеиным хвостом. «Она, — объяснил Иобат, — дочь Ехидны, которую приручил мой враг, карийский царь». Перед тем как отправиться выполнять порученное дело, Беллерофонт обратился к прорицателю Полииду, который посоветовал ему вначале поймать и обуздать крылатого коня Пегаса, которого музы с горы Геликон полюбили за то, что он выбил ударом копыта источник Гиппокрену².

[с] На Геликоне Пегаса не оказалось, но Беллерофонт обнаружил его в коринфском акрополе, когда тот пил из Пирены — одного из

созданных им источников, и накинул ему на голову золоченую уздечку, которую ему своевременно подарила Афина. Некоторые утверждают, что Афина привела Беллерофонту уже обузданного Пегаса. Есть и такие, кто говорит, что коня Беллерофонту подарил его настоящий отец Посейдон. Как бы там ни было, Беллерофонт одолел Химеру, сначала взлетев над ней на Пегасе и осыпав ее стрелами, а затем протолкнув концом копья кусок свинца меж ее челюстей. Огненное дыхание Химеры расплавало металл, и он потек ей в глотку, прожигая внутренности³.

[d] Однако Иобат не только не вознаградил Беллерофонта за его подвиг, но и отправил его против воинственных солимов и их союзников — амазонок. Беллерофонт победил и тех и других, летая над ними, недосягаемый для стрел, и сбрасывая большие камни на головы своих врагов. Затем в ликийской долине Ксанфа он разделался с шайкой карийских пиратов, возглавляемых Химарром — вспыльчивым и хвастливым воином, который плавал на корабле, носовая часть которого была украшена львиной головой, а корма имела форму змея. Иобат и на этот раз не выказал своей благодарности, а послал стражу, чтобы она из укрытия напала на возвращавшегося Беллерофонта. Сойдя с коня, Беллерофонт обратился к Посейдону с молитвой, чтобы тот прямо по его следам заливал водой Ксанфскую долину. Посейдон услышал молитву и послал огромные волны, которые медленно двигались вслед Беллерофонту, который направлялся во дворец Иобата. Поскольку ни один мужчина не мог бы заставить Беллерофонта повернуть вспять, ксанфские женщины задрали свои юбки выше пояса и бросились ему навстречу, наперебой предлагая себя, если только он сменит гнев на милость. Скромность Беллерофонта была столь велика, что он отвернулся от них и побежал, а вместе с ним отступили и волны.

[e] Убедившись, что Прет что-то напутал, обвинив Беллерофонта в посягательстве на честь Антеи, Иобат написал письмо, в котором потребовал, чтобы ему подробно описали этот случай. Узнав всю правду, он попросил у Беллерофонта прощения, дав ему в жены свою дочь Филоною и объявив его наследником ликийского трона. Он также похвалил ксанфских женщин за находчивость и распорядился, чтобы впредь все ксанфцы вели свой род не по отцу, а по матери.

[f] Опьяненный славой, Беллерофонт дерзнул взлететь на Олимп, как бессмертный, но Зевс наслал овода, который ужалил Пегаса под самый хвост, тот встал на дыбы, и Беллерофонт позорно упал на землю.

Сам Пегас благополучно долетел до Олимпа, и теперь Зевс возит на нем свои перуны, а Беллерофонт, упав на колючие кусты, стал хромым и слепым; одинокий и проклятый всеми, он бродил по земле, избегая дорог, по которым ходят люди, пока смерть не прибрала его⁴.

¹ *Аполлодор*. I.9.3; *Гомер*. Илиада. VI.155.

² *Гомер*. Илиада. VI.160; *Евстафий*. Схолии к этому месту «Илиады»; *Аполлодор*. II.3.1—2; *Антонин Либерал*. 9; *Гомер*. Илиада. XVI.328.

³ *Гесиод*. Теогония. 319 и след.; *Аполлодор*. II.3.2; *Пиндар*. Олимпийские оды. XIII.63 и след.; *Павсаний*. II.4.1; *Гигин*. Мифы. 157; Схолии к «Илиаде» Гомера. VI.155.

⁴ *Пиндар*. Олимпийские оды. XIII.87—95; Истмийские оды. VII.44; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Плутаох*. О доблестях женщин. 9; *Гомер*. Илиада. VI.155—203, XVI.328.

1) Попытка Антеи соблазнить Беллерофонта имеет в греческих мифах несколько параллелей (см. 70,2), не считая палестинской истории об Иосифе и жене Потифара и египетской «Повести о двух братьях». Происхождение мифа неизвестно.

2) Дочь Ехидны Химера, изображенная на одном из хеттских зданий в Кархемише, была символом трехсезонного священного года Великой богини: лев обозначал весну, коза — лето, а змея — зиму. Поврежденная стеклянная пластинка, найденная в Дендрах около Микен, изображает героя, борющегося со львом, а из-за его спины виднеется нечто, напоминающее козью голову и длинный змеевидный хвост. Поскольку пластинка датируется периодом, когда богиня была верховным божеством (само это изображение сходно с этрусской фреской из Тарквинии; хотя на фреске герой, как Беллерофонт, восседает на лошади), ее следует понимать как иллюстрацию входящей в обряд коронации схватки царя с мужчинами в нарядах зверей, обозначающих различные времена года (см. 81,2; 123,1).

3) Враги Беллерофонта, солимы, были детьми Салмы. Поскольку все города и мысы, названия которых начинаются со слога *salm*, имеют восточную ориентацию, не исключено, что Салма была богиней весеннего равноденствия. Однако вскоре она превратилась в мужское божество — солнечного бога Солиму, или Селима, Соломона или Аб-Салом (Авессалом), чье имя дало название городу Иерусалиму. Амазонки были сражающимися жрицами луны-богини (см. 100,1).

4) Имя Химарр происходит от *chimaros* или *chimaira* («коза»). И вспыльчивость, и корабль этого воина, украшенный на носовой части головой льва и с кормой в виде змея, появились в рассказе о Беллерофонте не без помощи какого-нибудь евгемериста, пытавшегося объяснить существование огнедышащей Химеры. Гора Химера («козья гора») — так назывался действующий вулкан около Фаселиды в Ликии (Плиний. *Естественная история*. V.28), и это название должно было объяснить его огненное дыхание.

[а] Некоторые люди говорят, что когда Зевс соблазнил дочь Никтея Фиванского Антиопу, она бежала к царю Сикиона, который согласился жениться на ней, что повлекло за собой войну, где Никтей был убит. Дядя Антиопы — Лик спустя некоторое время победил в кровавой битве войско Сикиона и вдовой вернул Антиопу в Фивы. Родив в придорожных кустах Амфиона и Зета, которых Лик тут же отнес на гору Киферон, Антиопа столкнулась с продолжавшейся много лет неприязнью своей тетки Дирки. Наконец она не вынесла своего заключения в темнице и сбежала в хижину, где теперь жили Амфион и Зет, спасенные в свое время проходившим мимо пастухом. Однако они отказались приютить Антиопу, приняв ее за сбежавшую рабыню. Тут прибежала Дирка, охваченная вакхическим экстазом, схватила Антиопу и поволокла ее назад.

«Ах, парни, — вскричал пастух, — теперь вам предстоит убоиться эриний!» — «Почему именно эриний?» — спросили они. — «Потому что вы отказались защитить вашу мать, которой теперь не избежать наказания от свирепой тетки».

Близнецы, не медля, пустились в погоню, спасли Антиопу, а Дирку привязали за волосы к рогам дикого быка, который тут же ее и прикончил¹.

[b] Другие говорят, что отцом Антиопы был речной бог Асоп и что однажды ночью царь Сикиона овладел ею, выдав себя за ее мужа Лика. За это Лик прогнал Антиопу и женился на Дирке, предоставив Зевсу возможность ухаживать за одинокой Антиопой, от которого та

и забеременела. Дирка, подозревая, что это проделки Лика, заключила Антиопу в мрачную темницу, из которой ее освободил Зевс, чтобы она в положенное время смогла родить на горе Киферон Амфиона и Зета. Братья-близнецы росли среди пастухов, которые предоставили Антиопе убежище, а когда они выросли и поняли, как жестоко поступили с матерью, она без труда убедила их отомстить за нее. Братья встретили Дирку, когда та, охваченная вакхическим экстазом, носилась по склонам горы Киферон, привязали ее за волосы к рогам дикого быка, а когда она скончалась, швырнули на землю. В том месте, где она упала, забил источник, который позднее назвали источником Дирки. Дионис не оставил смерть поклонявшейся ему Дирки неотмщенной: он отнял разум у Антиопы, и та стала бродить по всей Греции до тех пор, пока внук Сисифа Фок не излечил ее и не женился на ней.

[с] Амфион и Зет пришли в Фивы, изгнали царя Лая и построили нижний город. Верхний город был построен еще раньше Кадмом. Зет часто смеялся над Амфионом за его увлечение лирой, которую подарил ему Гермес. «Она отвлекает тебя от полезной работы», — говаривал он. Но когда братья стали каменщиками, под звуки Амфионовой лиры камни сами ложились куда надо, а Зет, которому приходилось надеяться только на свою силу, постоянно отставал от брата. Близнецы совместно правили Фивами и там же женились. Зет взял в жены Фиву, в честь которой город и получил свое название; раньше он назывался Кадмея. Амфион женился на Ниобе, всех детей которой, за исключением двух, убили Аполлон и Артемида за то, что Ниоба обидела их мать Лето. Самого Амфиона тоже убил Аполлон за то, что тот пытался отомстить жрецам в Дельфах, и обрек его на муки в Аиде². Амфион и Зет погребены в одной могиле в Фивах, и она надежно охраняется все время, пока солнце находится в созвездии Тельца, поскольку жители фокийской Титореи пытаются украсть землю из кургана и положить ее на могилу Фока и Антиопы. Однажды оракул сказал, что если удастся перенести землю, то плодородие Фокиды увеличится, а плодородие Фив упадет³.

¹ Гигин. Мифы. 8; Аполлодор. III.5.5; Павсаний. II.6.2; Еврипид. Антиопа, фрагменты; Аполлоний Родосский. IV.1090 и схолии к этому месту.

² Гомер. Одиссея. XI.260 и сл.; Гигин. Мифы. 7; Павсаний. IX.5.3, 17.4; Горацій. Послания. I.18.41; Аполлоний Родосский. I.735—741.

³ Павсаний. IX.17.3.

1) Эти два варианта мифа о Дирке показывают, как свободно чувствовали себя мифографы в стремлении привести повествование в соответствие с основными требованиями литературной традиции, которая в данном случае, вероятно, возникла на основе нескольких сакральных изображений. Радостная Антиопа, выходящая из темницы, за которой видна хмурая Дирка, напоминает ежегодное появление Керы в сопровождении Гекаты (см. 24,k). Она названа Антиопой («противостоящая») в этом контексте потому, что ее лицо обращено к небу, а не опущено вниз, к преисподней; второе ее имя — Никтеида, а не Никтей дано потому, что она возникает из мрака.

2) Лира Амфиона, с помощью которой он возвел стены нижних Фив, не может иметь более трех струн потому, что Амфиона нанял Гермес. Она была создана трехструнной в честь женской триады, которая правит в воздухе, на земле и в преисподней, так как именно ей молились при возведении городских фундаментов, ворот и башен.

[а] Ниоба была сестрой Пелопа и женой фиванского царя Амфиона, которому родила семерых сыновей и семерых дочерей. Она ими так гордилась, что однажды даже позволила себе нелестно отозваться о Лето, у которой было всего двое детей — Аполлон и Артемида. Дочь Тиресия, пророчица Манто, услышав такую необдуманную похвальбу, посоветовала фиванским женщинам тут же умиловать Лето и ее детей, для чего воскурить благовония и украсить головы лавровыми венками. Когда по воздуху разнесся запах благовоний, в сопровождении огромной свиты явилась Ниоба, облаченная в прекрасные фригийские одежды, поверх которых лежали ее длинные распущенные волосы. Она прервала церемонию жертвоприношений и со злобой спросила, почему Лето, женщину неизвестного происхождения, родившую мужеподобную дочь и женоподобного сына, предпочли ей, Ниобе, внучке Зевса и Атланта, наводившего ужас на фригийцев, и царице, принадлежащей царскому дому Кадма? Если даже несчастье унесет у нее двух-трех ее детей, станет ли она от этого беднее?

[б] Бросив жертвоприношения, испуганные фиванки стали шептать молитвы, чтобы умиловать Лето, но было уже поздно. Посланные ею Аполлон и Артемида вооружились луками и уже спешили, чтобы наказать Ниобу за самонадеянность. Аполлон обнаружил ее сыновей, когда те охотились на горе Киферон, и перебил их всех по одному, пощадив только Амикла, который благоразумно вознес Лето умиловательную молитву. Артемида застала дочерей Ниобы за прялками во дворце и выпустила в них целый колчан стрел, пощадив только Мелибею,

поступившую так же, как Амикл. Оставшиеся в живых брат и сестра поспешили построить храм Лето, причем Мелибея так побледнела от испуга, что получила прозвище Хлорида, сохранившеся за ней даже тогда, когда она несколькими годами позже выходила замуж за Нелея. Некоторые, правда, говорят, что никто из детей Ниобы не остался в живых и что ее муж Амфион был тоже убит Аполлоном.

[с] Девять дней и девять ночей Ниоба оплакивала своих мертвых детей и вдруг обнаружила, что их некому даже похоронить, потому что Зевс, встав на сторону Лето, превратил всех фиванцев в камень. На десятый день Олимпийцы сами сообразовали совершить погребение. Ниоба бежала за море, на гору Сипил, родину своего отца Тантала, где Зевс, движимый состраданием, превратил ее в изваяние, которое до сих пор ранним летом проливает обильные слезы¹.

[d] Все люди скорбели по Амфиону и жалели, что его род прекратился, но никто не скорбел по Ниобе, кроме ее такого же высокомерного брата Пелопа².

¹ *Лигин*. Мифы. 9, 10; *Аполлодор*. III.5.6; *Гомер*. Илиада. XXIV.612 и след.; *Овидий*. Метаморфозы. VI.146—312; *Павсаний*. V.16.3; VIII.2—3, I.21.5; *Софокл*. Электра. 150—154.

² *Овидий*. Метаморфозы. VI.401—404.

1) Количество детей Ниобы у Гомера равно двенадцати, у Гесиода (согласно некоторым схолиям) — двадцати, у Геродота — четырем, а у Сапфо — восемнадцати. Однако по свидетельству, которым пользовались Еврипид и Аполлодор и которое лучше всего согласуется со здравым смыслом, у Ниобы было семеро сыновей и семеро дочерей. В фиванском варианте мифа Ниоба называется внучкой титана Атланта, в аргосском мифе она дочь или мать Фородея (см. 57,а), который также назван титаном (*Аполлодор*. II.1.1), или Пеласга, а также может считаться первой смертной женщиной — возлюбленной Зевса (*Аполлодор*. Там же; *Павсаний*. I.22.6), поэтому этот миф может свидетельствовать о поражении, которое семеро титанов и семеро титанид потерпели от олимпийцев. Гора Сипил могла быть последним местом, где в Малой Азии еще сохранялся культ титанов, как он сохранялся в греческих Фивах. Изваяние Ниобы — это гора, которая чем-то напоминает человеческую фигуру, которая словно бы плачет, когда от солнечных лучей на ее вершине начинает таять снег. Сходство усиливает хеттская

мать-богиня, изваяние которой вырублено в скале примерно в конце XV в. до н. э. Ниоба, возможно, означает «снежная», а *b* соответствует *v* в латинском слове *nivis* или *ph* в греческом слове *nirha*. Одну из ее дочерей Гигии называет Хиадой, причем на греческом языке это слово может иметь смысл лишь в том случае, если оно произошло от редукции слов *chionos niphades* («снежинки»).

2) Пафений (*Любовные истории*. 33) рассказывает о наказании Ниобы по-другому. Якобы по наущению Лето отец Ниобы возжелал совершить с ней инцест, и, когда она отвергла его, он сжег всех ее детей. Поскольку мужа ее к тому времени растерзал дикий вепрь, Ниоба не снесла своего несчастья, бросилась со скалы и разбилась. Этот рассказ, подкрепленный схолиями к «Финикиянкам» Еврипида (159), возник под влиянием мифов о Кинире, Смирне или Мирре и Адонисе (см. 18,h) и обычая сжигать младенцев, принося их в жертву богу Молоху (см. 70,5; 156,2).

[а] Посейдон однажды разделил ложе с нимфой Кенидой, дочерью магнесийца Элата или, как говорят некоторые, лапифа Корона, и спросил ее, что она хочет за свою любовь. «Сделай из меня, — сказала она, — неуязвимого воина, а то мне надоело быть женщиной».

Посейдон, как и обещал, изменил ее пол, и она стала Кенеем, добившимся таких военных успехов, что лапифы вскоре избрали ее своим царем. Она даже родила сына Корона, которого позднее убил Геракл, когда сражался с дорийцем Эгимием. Кенею так понравилось его новое состояние, что он на рыночной площади, где собирался народ, установил копье и заставил людей приносить ему жертвы, как богу, и не почитать больше никаких богов.

[б] Зевс, прослышав о таком высокомерии Кеня, стал подстрекать кентавров, чтобы они убили его. На свадьбе Пирифоя они внезапно напали на Кеня, но тому без труда удалось убить пять или шесть из кентавров и остаться невредимым потому, что их оружие отскакивало от его заговоренной кожи, не причиняя никакого вреда. Но оставшиеся в живых кентавры стали бить его по голове стволами еловых деревьев, пока не вогнали в землю, а затем сложили над ним огромную поленницу. Кеней задохнулся и умер. Потом из поленницы вылетела птица с крыльями цвета песка, в которой присутствовавший при этом прорицатель Мопс признал душу Кениды, и, когда они решили похоронить труп, их глазам предстало тело женщины¹.

¹ *Аполлодор*. I.9.16, II.7.7, Эпитома. I.22; *Аполлоний Родосский*. I.57—64 и схолии; *Гигин*. Мифы. 14; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.48; *Овидий*. Метаморфозы. XII.458—531.

1) В мифе присутствуют три самостоятельных мотива. Во-первых, это обычай, который еще не исчез в Албании и согласно которому девушки, вступающие в военную дружину, облачались в мужские одежды, поэтому, когда они гибли в бою, враги удивлялись, обнаружив их истинный пол. Во-вторых, это отказ лапифов признать над собой эллинов. Установленное для поклонения копьё, скорее всего, было столпом, установленным в честь богини народившейся луны Кениды или Элаты («ель»), священным деревом которой считалась ель. Лапифы потерпели поражение от эолийцев из Иолка, которые с помощью своих союзников, кентавров, насадили среди них культ своего бога Посейдона, но оставили без изменений их родовые законы, за исключением того, что, как и в Аргосе, предводительница племени была обязана носить искусственную бороду, чтобы утвердить свое право гражданской и военной правительницы. Так Кенида стала Кенеом, а Элата-женщина превратилась в Элата-мужчину. Об аналогичном изменении пола до сих пор еще объявляет Южная царица — соправительница королевства Лози, что в бассейне реки Замбези. Вступая в дом совета, она провозглашает: «Я превратилась в мужчину!» Это происходит потому, что одна из ее родственниц по женской линии захватила в свое время патриархальный трон. В-третьих, это ритуал, запечатленный на чернофигурной амфоре (см. 9,1): обнаженные мужчины колотушками бьют по голове изваяние матери-Земли, очевидно, для того, чтобы освободить Кору, дух нового года, поскольку Кенида означает «новая».

2) Птицей с крыльями цвета песка могла быть любая птица, в зависимости от времени года, когда исполнялся этот обряд. Весной, например, такой птицей могла быть кукушка (см. 12,1).

[а] Хотя Ойнсей был первым смертным, которому Дионис вручил виноградную лозу, первым, кто стал делать вино, оказался Икарий. Он угостил первым своим вином нескольких пастухов в Марафонских лесах у подножия горы Пентеликон, и те, смешав вино с водой, как позднее советовал Энопион, так опьянели, что у них стало двоиться в глазах. Думая, что их околдовали, они убили Икария. Собака Икария Мера видела, как его погребли под сосной, и привела туда его дочь Эригону, ухватив зубами за подол платья. Эригона выкопала труп и с отчаяния повесилась на той же сосне, помолясь богам о том, чтобы все афинские девушки разделили с ней эту участь, пока Икарий лежит неотмщенным. Хотя слышали ее только боги, а пастухи, убившие Икария, бежали за море, вскоре молодых афинянок стали одну за другой находить повесившимися на сосне. Это продолжалось до тех пор, пока Дельфийский оракул не сказал, что их жизни требует Эригона. Виновных в гибели Икария пастухов нашли и повесили, потом учредили ныне отмечающийся праздник вина с жертвенными возлияниями в честь Икария и Эригоны. Девушки во время этого праздника перекидывали через ветви веревки и крепили к ним небольшие дощечки. Так были изобретены качели. С ветвей также свисали маски, которые вращались на ветру.

[б] Образ собаки Меры был помещен среди звезд, и она стала звездой Малый Пес. Поэтому некоторые отождествляют Икария с Боотом, а Эригону — с созвездием Девы¹.

¹ Схолии к «Илиаде» Гомера. XXII.29; *Нонн*. Деяния Диониса. XLVII.4—245; *Гигин*. Мифы. 130; *Аполлодор* I.8.1, III.14.7; Фест под словом

Oscillantes; *Стаций*. Фиваида. XI.644—647; *Сервий*. Комментарий к «Георгикам» Вергилия. II.388—389.

1) Мерой звали жену Приама Гекабу, или Гекубу, после того как она превратилась в собаку (см. 168,1), но поскольку Гекуба была трехголовой богиней смерти Гекатой (см. 31,7), жертвенные возлияния в честь Эригоны и Икария, вероятно, предназначались ей. Долина, в которой происходила эта церемония, теперь называется Дионис. Сосна Эригоны могла быть деревом, под которым был оскотлен и умер от потери крови Аттис Фригиец (Овидий. *Фасты*. IV.221; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. IX.116); поэтому смысл мифа, вероятно, заключается в том, что, когда звезда Малый Пес восходила на небосклоне, марфонские пастухи ежегодно приносили кого-нибудь из своих рядов в жертву богине по имени Эригона.

2) Икарий означает «из Икарийского моря», т. е. с Киклад, откуда культ Аттиса пришел в Аттику. Позднее к нему привился культ Диониса, и историю с самоубийствами афинских девушек могли рассказывать, чтобы объяснить, почему на сосны посреди виноградников вешали маски Диониса, которые вращались на ветру; считалось, что урожай винограда будет лучше в той стороне, куда повернута маска. Диониса обычно изображали длинноволосым женоподобным юношей, и его маски могли напоминать повешенных девушек. Не исключено, что первоначально на плодовые деревья вешали кукол, изображавших богиню плодородия Ариадну, или Елену (см. 88,10; 98,4). Качание девушек на качелях во время праздника вина первоначально имело магический смысл: возможно, полукруг полета качелей символизировал восхождение и закат новой луны. Этот обычай мог быть занесен в Аттику с Крита, поскольку терракотовая группа, найденная в Агия-Триада, изображает девушку, качающуюся меж двух деревьев, на которых сидит по птице.

3) Имя Эригона, как объясняли мифографы, означало «дитя вражды» из-за тех происшествий, которые с нею связывали. Однако совершенно очевидно, что это имя означает «плодовитая» и указывает на урожайность, которая связывалась с развешиванием кукол.

[а] Ойней был царем этолийского города Калидон и женат на Алфее. Сначала она родила ему Токсея, которого он убил собственными руками за то, что тот нарушил обычай и прыгал через ров, который вырыли, чтобы защитить город. Вторым родился Мелеагр, про которого говорили, что настоящим его отцом был Арес. Когда Мелеагру исполнилось семь дней, в спальню Алфеи пришли богини судьбы и объявили, что он будет жить до тех пор, пока не сгорит пылавшее в этот момент в очаге полено. Алфея тут же выхватила полено из огня, плеснула на него воду из кувшина и спрятала в ларец.

[b] Мелеагр вырос смелым и неуязвимым бойцом, которому не было равных в метании копья во всей Греции. Это он сумел доказать на погребальных играх в честь Акаста. Он бы и до сих пор был жив, если бы Ойней не забыл включить Артемиду в число двенадцати олимпийских богов, которым ежегодно приносились жертвы. Артемиде, узнавшая об этом небрежении от Гелиоса, послала огромного вепря, чтобы тот погубил скот, людей и нивы Ойнея. Но Ойней разослал во все концы глашатаев с приглашением всем храбрейшим воинам Греции принять участие в охоте на вепря, причем тот, кто убьет зверя, получал его шкуру и клыки.

[с] Среди тех, кто принял приглашение, были Кастор и Полидевк из Спарты, Идас и Линкей из Мессены, Тесей из Афин, Пирифой из Ларисы, Ясон из Иолка, Адмет из Фер, Нестор из Пилоса, Пелей и Эврипион из Фтии, Ификл из Фив, Амфиарай из Аргоса, Теламон с острова Саламина, Кеней из Магнесии и, наконец, Анкей и Кефей

из Аркадии в сопровождении своей землячки — непорочной и быстроногой Аталанты, единственной дочери Иаса и Климены¹. Иас мечтал о сыне-наследнике, и рождение Аталанты так раздосадовало его, что он отнес и оставил ее на Парфенийском холме, что около Калидона. Там ее вскормила медведица, которую прислала ей на помощь Артемида. Аталанта выросла среди охотников, которые нашли и воспитали ее, однако оставалась девственницей и никогда не расставалась с оружием. Однажды она, гонимая жаждой, пришла в Кифанту и там, призвав Артемиду, ударила острием копья по скале, откуда тут же забил источник. Однако она так и не смогла простить своего отца².

[d] Девять дней Ойней по-царски развлекал охотников, и, хотя Анкей и Кефей вначале отказались охотиться вместе с женщиной, Мелеагр от имени Ойнея объявил, что, если они будут настаивать на своем требовании, охота не состоится вообще. Дело в том, что Мелеагр, женатый на дочери Идаса Клеопатре, неожиданно влюбился в Аталанту и жаждал добиться ее взаимности. Его дядя, братья Алфеи, сразу невзлюбили девушку, убежденные, что ее присутствие может принести лишь несчастье, поскольку Мелеагр только и знал, что вздыхал и восклицал: «О, как счастлив будет тот, за кого она выйдет замуж!» Охота начиналась при плохих предзнаменованиях, и позаботилась об этом сама Артемида.

[e] Амфиарай и Аталанта были вооружены луками и стрелами, а у остальных были рогатины, копья или топоры, и каждый так хотел получить шкуру зверя, что о порядке на охоте уже никто и не помышлял. По предложению Мелеагра охотники двинулись при свете полумесяца и шли с интервалом в несколько шагов по направлению к лесу, где было логово вепря.

[f] Первая пролитая кровь оказалась человеческой. Когда Аталанта заняла место на правом краю, на небольшом расстоянии от остальных охотников, два присоединившихся кентавра, Гилей и Ройк, решили вдвоем овладеть ею. Но не успели они подбежать к ней, как она сразила их из лука и отправилась охотиться поближе к Мелеагру.

[g] Вдруг из заросшего ивами ручья выскочил вепрь. На своем пути он убил двух охотников, покалечил еще одного, а юного Нестора, который впоследствии будет сражаться у Трои, загнал на дерево. Ясон и другие, почти не целясь, метнули в вепря свои копья, и только Ификлу удалось слегка задеть его лопатку. Тогда Теламон и Пелей решили встретить вепря рогатинами, но Теламон зацепился за корень дерева и упал,

а пока Пелсей помогал ему встать на ноги, вепрь заметил их и напал. Но тут стрела, вовремя пушечная Аталантой, впилась зверю за ухом, и тот поспешил удрать. Анкей только презрительно усмехнулся: «Разве так охотятся! Смотри, как надо». Он замахнулся боевым топором на атакующего вепря, но промедлил и в следующее мгновение упал оскопленный и с распоротым животом. Разгоряченный охотой Пелсей поразил Эвритиона копьем, брошенным в зверя, которого Амфиарай успел ослепить стрелой. Тогда вепрь бросился на Тесея, который промахнулся, но копье подоспевшего Мелеагра вонзилось в правый бок зверя, и, когда тот завертелся от боли, стараясь избавиться от ненавистного снаряда, Мелеагр вогнал охотничье копьё глубоко под левую лопатку и попал в самое сердце.

Вепрь наконец упал замертво.

Не мешкая, Мелеагр содрал с него шкуру и подарил ее Аталанте со словами: «Ты пролила первую кровь, но если бы ты вышла на зверя в одиночку, то твоя стрела обязательно бы настигла его».

[h] Дядья посчитали себя глубоко оскорбленными. Старший из них, Плексипп, заявил, что Мелеагр по праву заслужил шкуру, но коль он от нее отказывается, то она должна принадлежать самому достойному из присутствующих, то есть ему, поскольку он приходится зятем Ойнею. Младший брат Плексиппа высказался в пользу старшего, так как первую кровь пролил, по его мнению, Ификл, а не Аталанта. Влюбленный Мелеагр, рассвирепев, убил их обоих.

[i] Алфея, при виде принесенных домой мертвых тел, прокляла своего сына, и тот не стал защищать Калидон, когда двое оставшихся в живых братьев его матери пошли войной на город и убили многих его защитников. Наконец, Клеопатра, жена Мелеагра, убедила его взяться за оружие, и он убил обоих своих дядьев, несмотря на то что тем помогал Аполлон. Увидев это, эринии повелели Алфее вынуть из ларца недогоревшее полено и бросить его в огонь. Как только полено оказалось в огне, Мелеагр почувствовал внутри невыносимое жжение, и враги легко одолели его. Алфея и Клеопатра повесились, и Артемида превратила всех сестер Мелеагра, за исключением двух, в цесарок и перенесла их на остров Лерос, прибежище всех грешников³.

[j] Обрадовавшись успеху Аталанты, Иас наконец признал ее своей дочерью, но, когда она прибыла во дворец, встретил ее словами: «Мое дитя, готовься выйти замуж!» Это не могло обрадовать ее, поскольку Дельфийский оракул предупреждал, чтобы она не вступала в брак.

Аталанта ответила: «Отец, я согласна, но при одном условии. Любой жених должен либо победить меня в беге, либо дать мне убить его». «Да будет так», — сказал Иас.

[k] Многие царские сыновья лишились из-за этого жизни, поскольку Аталанта была самой быстрой из всех смертных. Но Меланиону, сыну аркадца Амфидаманта, удалось заручиться помощью Афродиты. Она дала ему три золотых яблока и сказала: «Задержи Аталанту, уронив во время бега все три яблока по очереди». Уловка удалась. Аталанта нагибалась, чтобы поднять яблоки, и в результате закончила бег, не опередив Меланиона.

[l] Свадьба состоялась, но предостережение оракула сбылось. Случилось это так. Однажды, проходя мимо святилища Зевса, Меланион уговорил Аталанту войти внутрь и предаться там любви. Обидившись на то, что святилище теперь было осквернено, Зевс превратил их в львов — ведь львы никогда не спариваются с львами, а только с леопардами, и поэтому они были лишены радости наслаждаться друг другом. Так Афродита наказала Аталанту за то, что та сначала упорствовала в своем желании остаться девственницей, а потом не поблагодарила ее за золотые яблоки⁴. Однако некоторые рассказывают, что еще до этого Аталанта изменила Меланиону с Мелеагром и родила от него сына по имени Парфенопей, которого оставила на том же холме, где сама была вскормлена медведицей. Он не умер и впоследствии победил Идаса в Ионии и встал на стороне семерых против Фив. Другие говорят, что отцом Парфенопея был Арес, а не Мелеагр⁵; мужем Аталанты они называют не Меланиона, а Гиппомена, а ее считают дочерью Схенея, который правил Онхестом, что в Беотии. Добавляют также, что они оба осквернили святилище, но не Зевса, а Кибелы, которая превратила их во львов и запрягла в свою колесницу⁶.

¹ Элиан. Пестрые рассказы. XIII.1; Каллимах. Гимн к Артемиде. 215 и след.

² Аполлодор. III.9.2; Элиан. Цит. соч.

³ Гомер. Илиада. IX.527 и след.; Аполлодор. I.8.2—3; Гигин. Мифы. 171—174,273; Овидий. Метаморфозы. VIII.270—545; Павсаний. X.31.2; Каллимах. Гимн к Артемиде. 220—224; Антонин Либерал. 2.

⁴ Аполлодор. III.9.2; Гигин. Мифы. 185; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. III.113.

⁵ Гигин. Мифы. 70, 99,270.

⁶ Аполлодор. III.9.2; Овидий. Метаморфозы. X.565; Гигин. Мифы. 185.

1) Греческие врачеватели считали, что алтей (*althaia* от *althainein* — «лечить») обладает лечебными свойствами, и поскольку это был первый весенний цветок, с которого пчелы собирали мед, то он, как и цветок плюща, обладал особой мифической значимостью. Калидонская охота — это героическое сказание, в основе которого сюжет об известной охоте на вепря и последовавшем за ним племенном конфликте этолийцев. Вепрь был символом Калидона (см. 106,с) и считался священным зверем Ареса, который якобы был отцом Мелеагра.

2) Прыжки Токсея через ров находят параллель в прыжках Рема через стену, построенную Ромулом. Это говорит о широко распространенном обычае жертвовать царского сына при закладке города (3 Цар.16:34). История о Мелеагре и горящем полене несколько напоминает кельтские мифы, в которых герой умирает оттого, что погибает какой-то внешний объект — плод, дерево или животное.

3) Артемиде поклонялись как *meleagris*, или цесарке, на острове Лерос, а также в афинском Акрополе. Судя по тому, что цесарки на острове были синебородой породы, в отличие от краснобородой итальянской породы, завезенной из Нумидии, культ имел восточноафриканское происхождение, а крики этой птицы воспринимались как предвестники траура. Люди, не поклонявшиеся ни Артемиде, ни Исиде, могли употреблять цесарок в пищу. Репутация грешников, сохранившаяся за жителями острова Лерос, вероятно, объясняется их религиозным консерватизмом. Для сравнения: критяни считали лгунами (см. 45,2).

4) Медведицы считались священными животными Артемиды (см. 22,4), а соревнование в беге между Аталантой и Меланионом, вероятно, возникло на основе изображения, где обреченный царь с золотыми яблоками в руках (см. 32,1; 53,5) должен был принять смерть от преследовавшей его богини. Такое изображение могло соседствовать с изображением Артемиды, поддерживаемой двумя львами, как на воротах Микен или ряде микенских и критских печатей. Второй вариант мифа, вероятно, намного старше первого не только потому, что имя отца Аталанты — Схеней — произошло от эпитета Афродиты — *Схенида*, но и потому, что в нем не фигурирует Зевс.

5) Говоря о наказании возлюбленных, мифографы ошибочно обращаются к Плинию, хотя Плиний утверждает обратное: львы нещадно наказывали львиц, когда те спаривались с леопардами (*Естественная история*. VIII.17). Почему произошла такая путаница — это проблема значительно большей важности, чем допускает Дж. Фрэнсер в своем

комментарии к Аполлодору. Не исключено, что это свидетельство старого экзогамного правила, согласно которому члены одного тотема не могли вступать в брак между собой, как не могли люди льва вступить в брак с людьми леопарда, поскольку и те и другие принадлежали одной подфратрии. В Афинах не могли вступать между собой в брак люди ягненка и люди козы (97,3).

б) Ойней был не единственным царем элинов, кто отказался от жертв Артемиде (см. 69,b; 72,i). В жертвах она была намного кровавее, чем другие олимпийские боги. Даже в классическую эпоху приносимые ей в жертву животные сжигались живьем. Вряд ли Ойней отказал ей в такой жертве. Но дело в том, что в Аркадии и Беотии в жертву богине приносили самого царя или его заместителя, как в мифе об олене-Актеоне (см. 22,1), и не оказаться растерзанным на куски могло быть вполне естественным желанием Ойнея.

[а] Матерью двух старших сыновей Эака, которых звали Теламон и Пелей, была Эндейда, дочь Скирона. Младший, Фок, был сыном nereиды Псаматы, которая, не сумев избежать объятий Эака, превратилась в тюленя. Все они жили вместе на острове Эгина¹.

[б] Фок был любимчиком Эака, и успехи Фока в атлетических играх лишали Теламона и Пелея разума от зависти. Чтобы сохранить в доме мир, Фок во главе группы эгинцев отправился в Фокиду, где другой Фок, сын коринфца Орнитиона, основал колонию, простиравшуюся не дальше окрестностей Титорен и Дельф, но со временем его сыновья расширили владения Фокиды до их современных границ. Однажды Эак послал за Фоком, быть может, для того, чтобы завещать ему во владение остров, а Теламон и Пелей, подстрекаемые своей матерью, задумали убить Фока по возвращении. Они вызвали его на атлетическое пятиборье, и до сих пор неясно, то ли Теламон поверг его, будто бы нечаянно попав в голову каменным диском, а Пелей топором довершил дело, то ли Пелей начал, а Теламон покончил с Фоком. Как бы там ни было, но они оба в равной мере были виновны в братоубийстве, и оба прятали тело в лесу, где его нашел Эак. Фок лежит погребенный рядом со святилищем Эака².

[с] Теламон бежал на остров Саламин, где царем был Кихрей, и оттуда послал гонца, отрицая всякое участие в убийстве. Эак в ответ запретил ему когда-либо ступить на землю Эгинны, но разрешил доказывать свою правоту из-за моря. Чтобы не кричать с качающейся палубы корабля, Теламон однажды ночью приплыл к месту, которое

сейчас называется Тайной бухтой, высадил на берег каменщиков и приказал построить дамбу, которая могла служить ему трибуной. Дамбу построили еще до рассвета, и она существует до сих пор. Однако, несмотря на все красноречие Теламона, Эак отверг его версию о том, что смерть Фока была случайной, и Теламону пришлось возвратиться на Саламин, где он женился на царской дочери Главке и унаследовал трон Кихрея³.

[d] Этот Кихрей был сыном Поссидона и Саламины, дочери речного бога Асопа. Царем Саламина он стал после убийства змея, совершавшего опустошительные нашествия на остров. Но он сохранил у себя змееныша, поведение которого было не менее разрушительным. Царство Кихрея продолжалось до тех пор, пока его не изгнал с острова спутник Одиссея Эврилох. После изгнания Деметра приняла его в Элевсин и сделала своим служителем. Некоторые, правда, объясняют, что это самого Кихрея звали змеем за жестокость и что, изгнанный Эврилохом, он нашел убежище в Элевсине, где ему доверили небольшую должность при святилище Деметры. Как бы там ни было, а он стал героем — хранителем острова Саламин, или Змеиного острова, где и был похоронен лицом к западу. В образе змея его видели среди греческих кораблей во время славной победы при Саламине. На его могиле приносят жертвы, а, когда между афинянами и мегарцами вышел спор из-за острова, знаменитый законодатель Солон приплыл на остров ночью и принес Кихрею умиловительную жертву⁴.

[e] После смерти своей жены Главки Теламон женился на Перибсе, внучке Пелопа из Афин, которая родила ему Большого Аякса. Позднее пленница Гесиона, дочь Лаомедона, тоже стала его женой и родила ему не менее знаменитого Тевкра⁵.

[f] Пелей нашел убежище при дворе царя Фтии Актора, приемный сын которого, Эвритион, совершил над ним очищение. После этого Актор отдал ему в жены свою дочь Полимелу и треть царства впридачу. Однажды Эвритион, правивший другой третью царства, взял с собой Пелея на охоту на Калидонского вепря, но Пелей нечаянно попал в него копьем и вынужден был бежать в Иолк, где еще раз прошел через очистительный обряд, совершенный для него на этот раз сыном Пелия Акастом⁶.

[g] Жена Акаста Крефеида попыталась соблазнить Пелея и, когда тот отверг ее, солгала Полимеле: «Он хочет бросить тебя и жениться на моей дочери Стеропе». Полимела поверила коварной лжи Крефеиды

и повесилась. Посчитав, что зла, совершенного ею, недостаточно, Крефеида бросилась с плачем к Акасту и обвинила Пелея в том, что тот пытался обесчестить ее.

[h] Не смея убить человека, над которым он совершил очистительный обряд, Акаст пригласил Пелея принять участие в охоте на горе Пелион. В награду за его целомудрие боги вручили Пелею волшебный меч, выкованный Дедалом. Этот меч приносил его обладателю победу в бою и удачу на охоте. Имея такой меч, Пелей вскоре набил множество оленей, медведей и вепрей, но, когда он отправился пострелять еще дичи, спутники Акаста заявили, что это все добыча их хозяина, и стали смеяться над неумением Пелея охотиться. «Пусть мертвые звери сами скажут, кто их убил!» — вскричал Пелей, который заранее вырезал у всех убитых им зверей языки и теперь доставал их из сумки как доказательство своей легкой победы в соревновании⁷.

[i] После пира, на котором Пелей съел больше всех, его сморил сон. Воспользовавшись этим, Акаст украл у него волшебный меч, спрятал его в навозной куче, после чего он и его спутники покинули спящего Пелея. Когда Пелей проснулся, то увидел, что покинут, обезоружен и окружен дикими кентаврами, которые готовы его убить. Но их царь Хирон не только вмещался и спас ему жизнь, но и подсказал, где спрятан меч, тут же возвращенный владельцу⁸.

[j] Тем временем по совету Фемиды Зевс выбрал Пелея в мужья переиде Фетиде, на которой он хотел жениться сам, но испугался пророчества богинь судьбы, которые сказали, что любой рожденный Фетидой сын будет намного могущественней своего отца. Более того, он был обижен на Фетиду за то, что она ради своей приемной матери Геры отвергла все его ухаживания, и поэтому поклялся, что она никогда не выйдет замуж за бессмертного. Гера из благодарности решила выбрать ей в супруги самого благородного из смертных, пригласила всех Олимпийцев на свадьбу, которая должна была состояться в следующее полнолуние, а сама послала вестницу богов Ириду в пещеру царя Хирона с наказом, чтобы Пелей готовился к свадьбе⁹.

[k] Хирон, предвидя, что вначале Фетида, будучи бессмертной, откажется от брака, спрятал Пелея в обсыпанных пестрыми ягодами зарослях мирта на берегу фессалийского острова, куда, правя запряженным дельфином, часто приплывала обнаженная Фетида, чтобы насладиться дневным сном в пещере, полускрытой кустами, где и спрятался Пелей. Только Фетида вошла в пещеру и уснула, как туда последовал Пелей

и ждал ее в своих объятиях. Они боролись молча, но яростно. Фетида превращалась то в огонь, то в воду, то во льва, то в змею¹⁰, но предупрежденный об этом Пелей не выпускал ее из своих объятий даже тогда, когда она превратилась в скользкую каракатицу и выпустила чернила. Именно поэтому соседний мыс, посвященный теперь nereидам, стал называться Сепейдским. Истерзанный, покусанный и измазанный клейкой жидкостью, Пелей так и не дал ей уйти. Фетида сдалась, и ничто уже не могло разъединить их страстных объятий¹¹.

[I] Свадьбу сыграли у пещеры Хирона на горе Пелион, присутствовавшие Олимпийцы восседали на двенадцати тронах. Гера сама зажгла брачный факел, а смирившийся со своим поражением Зевс был на свадьбе посаженным отцом. Богини судьбы и музыки пели, Ганимед обносил всех нектаром, а пятьдесят nereид водили хоровод на белом песке. На свадьбе присутствовали толпы кентавров, украшенных гирляндами из трав, размахивавших еловыми лапами и предсказывавших новобрачным много счастья¹².

[m] Хирон подарил Пелею копыс, а Афина отполировала его древко, вырезанное из срубленного на вершине Пелиона ясеня. Наконец-ник к нему выковал Гефест. Боги все вместе преподнесли Пелею золоченые доспехи, а Посейдон добавил к ним двух бессмертных коней, Балия и Ксанфа, которых гарпия Подарга родила от Западного ветра¹³.

[n] Однако богиня Эрида, которую не пригласили на свадьбу, решила поссорить божественных гостей, и, когда Гера, Афина и Афродита мило беседовали между собой, взявшись под руки, она бросила к их ногам золоченое яблоко. Пелей поднял его и в нерешительности остановился, не зная, кому оно предназначалось, поскольку надпись на нем была «Прекраснейшей!». Это яблоко и стало толчком к Троянской войне¹⁴.

[o] Некоторые называют жену Пелея Фетиду дочерью Хирона, считают ее простой смертной и говорят, что Хирон, желая возвысить Пелея, распространил слух, что тот женился на богине¹⁵.

[p] Тем временем Пелей, к которому стараниями доброго Хирона вернулось богатство и который, благодаря жене, стал владельцем несметных стад, отослал часть скота во Фтию как плату за нечаянное убийство Эвритиона, но когда жители Фтии отказались принять скот, он оставил его пастись на воле. Это решение оказалось счастливым, потому что ужасный волк, посланный Псаматой, чтобы отомстить за смерть

своего сына Фока, с такой жадностью набросился на ничейный скот, что вскоре еле полз от обжорства. Когда Пелей и Фетида столкнулись лицом к лицу с волком, тот попробовал прыгнуть и вцепиться Пелею в горло, но Фетида сделала злоешие глаза, высунула язык и превратила волка в камень, который до сих пор показывают на дороге из Локриды в Фокиду¹⁶.

[q] Позднее Пелей вернулся в Иолк, где Зевс вручил ему муравьиное войско, превратив муравьев в настоящих воинов. Так Пелей стал известен как царь мирмидонов. Он в одиночку захватил город, убил сначала Акаста, а затем дрожавшую от страха Крефеиду и провел своих мирмидонов в город между кусками ее расчлененного тела¹⁷.

[r] Фетида сумела сжечь все, что было смертного в ее шести сыновьях от Пелея, чтобы сделать их бессмертными, как она сама, и отправила всех по одному на гору Олимп. Но седьмого Пелею удалось выхватить у нее, когда все его тело, за исключением лодыжки, Фетида уже сделала бессмертным, сначала закалив его на огне, а затем натерев амброзией. Почерневшая от огня лодыжка так и осталась пенатертой. Возмущенная вмешательством мужа, Фетида простилась с ним и вернулась домой в море, успев назвать сына Ахиллом, потому что он еще не прикасался губами к ее груди. Пелей снабдил Ахилла новой лодыжкой, взятой из скелета быстроногого гиганта Дамиса, но именно в ней таилась смерть Ахилла¹⁸.

[s] Будучи слишком старым, чтобы самому сражаться под Троей, Пелей позднее вручил Ахиллу золоченые доспехи, ясное копье и двух лошадей, подаренных ему на свадьбу. Узнав о смерти Ахилла, сыновья Акаста перестали бояться Пелея и изгнали его из Фтии. После изгнания Фетида наказала ему идти в пещеру у зарослей мирта, где он впервые овладел ею, и ждать, пока она не заберет его навеки к себе в морскую пучину. Пелей отправился в пещеру и оттуда стал жадно вглядываться в проходившие мимо корабли в надежде, что один из них привезет из Трои его внука Неоптолема¹⁹.

[t] Тем временем Неоптолем чинил свои потрепанные корабли в Молоссии, но, узнав об изгнании Пелея, под видом пленного троянца отплыл на корабле в Иолк, помышляя убить сыновей Акаста и захватить город. Однако Пелей, не выдержав ожидания, нанял судно до Молоссии. Бури отнесли его к острову Икос, что у Эвбеи, где он умер и был погребен, лишившись тем самым бессмертия, обещанного ему Фетидой²⁰.

- ¹ *Аполлодор*. III.12.6; *Пиндар*. Немейские оды. V.13.
- ² *Павсаний*. X.1.1, II.29.7; *Еврипид*. *Андромаха*. 687; *Цец*. Схолии к *Ликофрону*. 175; *Диодор Сицилийский*. IV.72.
- ³ *Аполлодор*. III.12.7; *Павсаний*. II.29.7; *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.
- ⁴ *Аполлодор*. Цит. соч.; *Гесиод*. Цит. по: *Страбон*. IX.1.9; *Стефан Византийский* под словом *Kuchreios*; *Плутарх*. *Солон*. 9; *Павсаний*. I.36.1.
- ⁵ *Аполлодор*. Цит. соч.
- ⁶ Там же. III.13.1—2; *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.; *Евстафий*. Схолии к «*Илиаде*» Гомера. II.648.
- ⁷ *Пиндар*. Немейские оды. V.26 и след., IV.59.
- ⁸ *Аполлодор*. III.13.3; *Пиндар*. Немейские оды. IV.59 и след.
- ⁹ *Аполлоний Родосский*. IV.790 и след.; *Пиндар*. Истмийские оды. VIII.41 и след.
- ¹⁰ *Овидий*. *Метаморфозы*. XI.221 и след.; *Аполлодор*. III.13.5; *Пиндар*. Немейские оды. IV.65; *Павсаний*. V.18.1.
- ¹¹ Схолии к *Аполлонию Родосскому*. I.582; *Геродот*. VII.191; *Филострат*. *Диалог о героях*. XIX.1.
- ¹² *Еврипид*. *Ифигения в Авлиде*. 703 и след., 1036 и след.; *Аполлоний Родосский*. IV.90; *Катулл*. LXIV.305 и след.
- ¹³ *Аполлодор*. III.13.5; *Гомер*. *Илиада*. XVI.143 и след., XVIII.84; *Киприи*. Цит. по: Схолии к «*Илиаде*» Гомера. XVI.140.
- ¹⁴ *Гигин*. *Мифы*. 92; *Фульгенций*. III.7.
- ¹⁵ Схолии к *Аполлонию Родосскому*. IV.816.
- ¹⁶ *Антонин Либерал*. *Превращения* 38.
- ¹⁷ *Гомер*. *Илиада*. XXIV.536; *Пиндар*. Немейские оды. III.34; *Аполлодор*. III.13.7; Схолии к *Аполлонию Родосскому*. I.224.
- ¹⁸ *Аполлодор*. III.13.6; Схолии к «*Илиаде*» Гомера. XVI.37.
- ¹⁹ *Гомер*. *Илиада*. XVIII.434, XVI.143 и след. *Еврипид*. *Троянки*. 1128, *Андромаха*. 1253 и след.
- ²⁰ *Диктис Критский*. VI.7—9; *Стефан Византийский* под словом *Icos*; *Палатинская антология*. VII.2.9 — 10.

1) Миф об Эаке, Псамате («песчаный берег») и Фоке («тюлень») можно найти в фольклоре почти всех европейских стран. Обычно герой видит стаю тюленей, плывущих к безлюдному берегу во время полнолуния, затем звери выходят из своих шкур и оказываются молодыми женщинами. Он прячется за скалой и видит, как они танцуют обнаженными на песке, потом хватает одну из тюленьих шкур, приобретая, таким

образом, власть над ее владелицей, которую он затем оставляет с ребенком. В конце концов между ними возникает ссора, она получает назад свою шкуру и уплывает. Танец пятидесяти персид на свадьбе Фетиды и ее возвращение в море после рождения Ахилла, очевидно, являются фрагментами того же мифа, который, вероятно, возник на основе ритуального танца пятидесяти жриц-тюленей, отправляющих культ луны, который предвещал выбор царя-жреца верховной жрицей. В нашем случае действие происходит на Эгине, но если судить по тому факту, что Пелей и Фетида боролись около мыса Сепейды, аналогичный обряд исполняли в Магнесии жрицы-каракатицы, причем каракатица часто фигурирует в критских произведениях искусства, в частности на мере веса из царской сокровищницы в Кноссе, а также на мегалитических сооружениях Карнака и в Бретани. У каракатицы восемь щупалец, а у священного анемона Пелиона восемь лепестков, поскольку восемь считалось числом плодородия в средиземноморском мифе. Пелей («грязный») могло быть не именем, а эпитетом царя-жреца после того, как его вымазывали сепией как сына Эндейды («заманивающая в ловушку»), причем Эндейда — это синоним каракатицы.

2) Охота Акаста с последующим пиром и потеря Пелеем волшебного меча, вероятно, являются результатом неправильного прочтения сакрального изображения, запечатлевшего подготовку к коронации: коронация предполагала брак с наследницей племенного титула. При этом обычно изображался поединок с переодетыми в зверей мужчинами и вытаскивание царского меча из трещины в скале, которая у мифографа превращается в кучу навоза. Этот мотив встречается в мифах о Тесе (см. 95,е) и о короле Лионесса Артуре. Однако ясеневое копьё, сделанное Хироном, срезавшим ясень на горе Пелион, является более древним символом власти, чем меч.

3) Превращения Фетиды указывают на сезонные явления богини, каждому из которых соответствовал определенный танец (см. 9, d; 32, b). Миртовые кусты, за которыми Пелей впервые увидел Фетиду, символизируют последний месяц правления его предшественника (см. 52, 3; 109, 4) и поэтому являлись местом встречи, когда его собственное правление заканчивалось.

Этот миф, возможно, запечатлел договор-брак, на котором присутствовали двенадцать представителей племен или кланов, образующих союз в качестве свидетелей бракосочетания фтиотийского принца и фессалийской жрицы луны из Иолка.

4) Не исключено, что автор древнеанглийского сочинения «Осада или битва при Трое» пользовался утерянным классическим источником, когда характеризовал Пелея как «получеловека-полуконя», что могло означать, что Пелей был принят в один из кланов Эака, поклонявшихся коню. Если это так, то такой ритуал «усыновления» предполагал ритуальное поедание коня. Это бы объяснило, почему в качестве свадебного подарка Пелей получил коней Баляя и Ксанфа без колесницы, в которую их можно было бы запрягать. Кентавры из Магнесии и фессалийцы из Иолка, вероятно, практиковали экзогамные союзы, на что указывает примечание, сделанное в схолиях к Аполлонию Родосскому, в котором говорится, что на самом деле женой Пелея была дочь Хирона.

5) Замешательство Пелея, в которое он пришел, подняв яблоко, брошенное богиней Эридой, предполагает изображение луны-богини в образе триады, вручающей яблоко бессмертия царю-жрецу (см. 32,4; 53,5; 159,2). Убийство Акаста и то, что Пелей с войском вошел в город, пройдя между кусками расчлененного тела Крефеиды, могло быть неправильно истолкованным сакральным изображением, на котором новый царь готовился к проезду по улицам своей столицы после того, как ритуально изрубил на куски топором тело своего предшественника.

6) Частые случайные и преднамеренные убийства, которые заставляли царских сыновей покидать дом и искать очищения у других царей, чьи дочери они потом брали в жены, это выдумка более поздних мифографов. Нет оснований предполагать, что Пелей покидал Эгину или Фтию тайно. В то время когда существовало матрилинейное наследование трона, кандидаты на трон всегда были пришлыми, и новый царь возрождался в царском доме после ритуального убийства своего предшественника. Затем он менял свое имя и племенную принадлежность, чтобы сбить со следа жаждущего отмщения духа убитого. Аналогичным образом Теламон из Эгины отправился на остров Саламин, был избран новым царем, убил своего предшественника, ставшего после смерти героем-оракулом, и женился на верховной жрице свиного культа. В более культурную эпоху, когда похожие обряды использовались для очищения обычных преступников, посчитали за лучшее забыть, что возведение на царство предполагало убийство, и предположить, что Пелей, Теламон и другие были замешаны в преступлениях или скандальных историях, не связанных с их восшествием на трон. Причиной скандала часто было ложное обвинение в покушении на честь царицы (см. 75,а; 101,е). Связь между Кихреем и Элевсинскими мистериями и брак Теламона с афинской

принцессой приобрели особую важность в 620 г. до н. э., когда Афины и Мегара претендовали на владение Саламином. В качестве судей в этом споре выступали спартанцы, а посланцы Афин обосновывали свои требования тем, что Теламон был связан с Аттикой (Плутарх. *Солон*. 8—10).

7) То, что диск явился причиной смерти Фока и Акрисия (см. 72,р), возможно, является результатом неправильного прочтения сакрального изображения, символизировавшего конец царства царя-тюленя, а падающий диск символизировал солнечный диск. Как явствует из мифа, жертвенным орудием был топор. Помимо Ахилла, многие другие герои умирали от раны в пятку (или лодыжку), причем не только в греческих, но и в египетских, кельтских, лидийских, индийских и скандинавских мифах (см. 90,8; 92,10; а также «Белая богиня»).

8) Сжигание сыновей Фетиды основывается на общепринятом обряде принесения в жертву ребенка вместо царя-жреца (см. 24,10; 156,2). После восьмого года правления погибал уже сам царь (см. 91,4; 109,3). Тот факт, что Актор разделил свое царство на три части, имеет параллель в мифе о Прете (см. 72,h): вместо того чтобы позволить принести себя в жертву, когда его правление приближалось к концу, царь-жрец оставлял за собой часть царства, а остальное получали его преемники. В дальнейшем цари стали настаивать на пожизненном правлении.

9) Смерть Пелея на острове Икос говорит о том, что его имя и здесь, как и во Фтии, Иолке и Саламине, было царским титулом. Пелей становится царем мирмидонов, потому что фтиотийцы поклонялись богине Мирмекс («муравей») (см. 66,2). Рассказ Антонина Либерала о Фетиде и волке, вероятно, основывался на изображении жрицы Волчьей Афродиты (Павсаний. II.31.6), носившей маску горгоны во время принесения в жертву скота своей повелительнице. Артемиду легко можно было спутать с Фетидой, потому что рыба считалась ее священным животным.

[а] Гипсей, верховный царь лапифов, которого наяда Креуса родила от речного бога Пенея, женился на Хлиданопе, другой наяде, родившей ему дочь Кирену. Кирена не любила прясть, ткать и делать другие домашние дела, предпочитая им охоту на диких зверей на горе Пелион. Она была готова охотиться весь день и почти всю ночь, объясняя это тем, что отцовские стада нуждаются в защите. Аполлон однажды увидел, как она боролась с могучим львом, и даже позвал царя кентавров Хирона понаблюдать за схваткой, из которой Кирена, как обычно, вышла победительницей. Аполлон спросил, как ее зовут и не хочет ли она выйти за него замуж. Хирон засмеялся, потому что знал, что Аполлон не только знает ее имя, но и давно хочет похитить ее — может, с тех самых пор, когда увидел, как она сторожит стада Гипсея, пасшиеся на берегу Пенея, а может быть, с тех пор, когда сам подарил ей двух охотничьих собак за победу в беге на погребальных играх в честь Пелия¹.

[b] Хирон также предрек, что Аполлон перенесет Кирену за море в самый прекрасный из садов Зевса и сделает ее царицей большого города, предварительно приведя людей этого острова к одинокому холму, возвышавшемуся в долине. Приглашенная в Ливию в золоченый дворец, она станет царицей страны, одинаково пригодной для охоты и для земледелия, где родит Аполлону сына. Роль повивальной бабки будет выполнять Гермес, который отнесет ребенка, названного Аристеем, орам и матери-Земле и упросит их кормить его нектаром и амбросией. Когда Аристей возмужает, его будут называть «бессмертный Зевс», «чистый Аполлон» и «хранитель стад»².

[с] Как и было предсказано, Аполлон унес Кирену в своей золотой колеснице туда, где сейчас стоит город Кирена. Там их уже ждала Афродита и без промедления приготовила им ложе в золоченых чертогах Ливии. В тот же вечер Аполлон пообещал Кирене долгую жизнь, утоление страсти к охоте и власть над плодородной страной. После этого он оставил ее на попечение миртовых нимф, приходившихся детьми Гермесу, и там, на ближайшем холме, она родила Аристея, а после второго посещения Аполлона у нее родился прорицатель Идмон. Но одну ночь она провела с Аресом, от которого у нее родился фракийский Диомед, владелец коней, пожиравших людей³.

[d] Миртовые нимфы прозвали Аристея Агреем и Номием, научили его, как заквашивать молоко для сыра, строить ульи и облагораживать дикую маслину. Эти нужные знания он передал другим людям, которые в благодарность воздают ему божественные почести. Из Ливии он отплыл в Беотию, после которой Аполлон отправил его в пещеру Хирона, где бы он мог познать всевозможные мистерии.

[e] Когда Аристей возмужал, музы женили его на Автоное, которая родила ему печально известного Актеона и кормилицу Диониса Макриду. Музы также научили его искусству врачевания и прорицания, а затем отправили его смотреть за овцами, которые паслись в Афамантской долине, что во Фтии, на склонах Отрийской горы, а также в долине реки Апидан. Именно здесь Аристей совершенствовал искусство охоты, которому научила его Кирена⁴.

[f] Однажды он отправился к Дельфийскому оракулу и узнал, что ему следует отправиться на остров Кеос, где его ждут великие почести. Пустившись без промедления в плавание, Аристей обнаружил, что нестерпимый свет звезды-Пса вызвал чуму на острове за то, что подлые убийцы Икария нашли приют у островитян. Аристей созвал всех людей, воздвиг на холмах великий алтарь и принес на нем жертвы Зевсу и одновременно умиловил звезду, предав смерти убийц. В благодарность Зевс приказал пассатным ветрам в дальнейшем нести прохладу всей Греции и прилегающим островам в течение сорока дней после появления на небе звезды-Пса (Сириус). Чума прекратилась, и кеосцы не только отплатили Аристею благодарностью, но и стали приносить умиловительные жертвы звезде-Псу каждый год накануне ее появления на небе⁵.

[g] После этого Аристей отправился в Аркадию, а затем поселился в Темпейской долине, где его пчелы погибли. Удрученный, он отправился

к глубокой заводи на реке Пеней и там узнал, что его мать Кирена живет со своими сестрами-наядами. Его тетка Аретуса, услышав из воды умоляющий глас, высунулась, узнала Аристея и пригласила его вниз, в прекрасный дворец наяд. Наяды обмыли его водой из неиссякающего источника, и после жертвенной трапезы Кирена посоветовала ему: «Свяжи моего двоюродного брата Протея и заставь его объяснить, почему погибли твои пчелы».

[h] Когда Протей предавался дневному отдыху в пещере на острове Фарос, прячась от зноя, который начинался с появления на небе звезды-Пса, Аристей, одолев его, несмотря на все превращения, узнал, что болезнью пчел он был наказан за то, что стал причиной смерти Эвридики. И это была правда, потому что, когда он позвал ее на берегу реки недалеко от Темпейской долины, она бросилась бежать и ее ужалила змея.

[i] Аристей вновь вернулся во дворец наяд, где Кирена велела ему воздвигнуть четыре алтаря в лесах и посвятить их спутникам Эвридики дриадам. На этих алтарях он должен был принести в жертву четырех бычков и четырех телок, взять их кровь для жертвенного возлияния, а туши оставить на месте. По прошествии девяти дней, утром, он должен вернуться, захватив с собой мак, несущий забвение, жирного бычка и черную овцу, чтобы умиловить дух Орфея, который уже соединился с Эвридикой в Аиде. Аристей повиновался советам матери, и на девятое утро из гниющих туш появился рой пчел и уселся на дерево. Он поймал этот рой и поместил его в улей. Теперь жители Аркадии чествуют Аристея как Зевса за то, что он научил их разводиться пчел⁶.

[j] Позднее, опечаленный смертью своего сына Актеона, вызвавшей в нем ненависть к Беотии, он отплыл со спутниками в Ливию, чтобы попросить у Кирены флот и уплыть в другую страну. Кирена тут же согласилась, и через некоторое время он вновь был в море и плыл на северо-запад. Очарованный дикой красотой Сардинии, на которую он высадился впервые за все плавание, Аристей остался там возделывать землю и стал отцом двух сыновей. Потом на острове появился Дедал. Однако говорят, что город на Сардинии не был основан⁷.

[k] Аристей посетил и другие далекие острова, несколько лет провел на Сицилии, где ему воздавали божественные почести, особенно те, кто выращивал оливы. Наконец, он отправился во Фракию, где расширил свои познания тем, что стал участвовать в мистериях Диониса. Прожив

некоторое время у горы Гем, он основал город Аристей, а затем исчез без следа, и теперь ему поклоняются как богу и варвары-фракийцы и цивилизованные греки⁸.

¹ Пиндар. Пифийские оды. IX.5 и след.; Аполлоний Родосский. II.500 и след.; Каллимах. Гимн к Артемиде. 206.

² Пиндар. Цит. соч.

³ Диодор Сицилийский. IV.81; Пиндар. Цит. соч.; Аполлоний Родосский. Цит. соч., Гигин. Мифы. 14; Аполлодор. II.5.8.

⁴ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлодор. III.4.4; Аполлоний Родосский. IV.1131, II.500 и след.; Пиндар. Цит. соч.

⁵ Аполлоний Родосский. II.500 и след.; Диодор Сицилийский. IV.82.

⁶ Вергилий. Георгики. IV.317—558; Пиндар. Цит. по: Комментарий Сервия к «Георгикам» Вергилия. I.14.

⁷ Сервий. Цит. соч.; Павсаний. X.17.3.

⁸ Диодор Сицилийский. Цит. соч.

1) Происхождение Аристея сочинено Пиндаром, чтобы польстить одному из потомков Батта, который в 691 г. до н. э. отправился во главе колонистов с острова Феры в Ливию и основал там город Кирену, став первым царем многочисленной династии. Согласно Юстину^{70*} (XIII.7), Батт («косноязычный») — это только прозвище Аристея, которого киренцы считали своим предком и сыном Аполлона, поскольку на острове Фера существовал культ Аполлона, а Ферский порт так и назывался — Аполлония. Однако Кирена — это мифологическая фигура, относящаяся к более древнему времени, чем Батт. Ее связь с кентаврами говорит о том, что она была богиней магнесийского культа лошади, в определенное время достигшего Феры, поскольку на Ферских наскальных надписях уже имеется имя Хирона.

2) Мирт первоначально был деревом смерти (см. 109,4), поэтому миртовые нимфы были пророчицами, которые могли наставлять юного Аристея. Однако со временем мирт стал символом колонизации, потому что колонисты брали с собой миртовые ветви, чтобы показать, что прежняя эпоха для них закончилась.

^{70*} Юстин (III в.) — римский историк, автор конспекта (44 книги) трудов другого римского историка, Помпея Трога (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.), написавшего обширную историю мира от легендарных ассирийских царей до римского императора Августа.

3) *Аристей* — культовый титул Аркадского и Кеосского Зевса; в других местах этот титул принадлежал Аполлону и Гермесу. Согласно Сервию (*Комментарий к «Георгикам» Вергилия*. I.14), Гесиод называл Аристея *пастушеским Аполлоном*. В Танагре, что в Беотии (Павсаний. IX.22.1), Гермес был известен как «приносящий баранов», а в ахейских Фарах его священным животным была рыба (Павсаний. VII.22.2). Так, на одном надгробии в Кирене Аристей показан в окружении овец, рыб и с бараном на руках. Его странствия описаны для того, чтобы объяснить культовый титул *Аристей*, распространенный в Сицилии, Сардинии, на Кеосе, в Беотии, Фессалии, Македонии и Аркадии. Звезда-Пес отождествлялась с египетским богом Тотом, которого греки называли Гермесом. Кеосцам он был известен под именем Аристей.

4) Рассказ о том, как Аристей получил пчел из туш жертвенных животных, неверно передан Вергилием. Рой пчел должен был возникнуть из туши льва, убитого самой Киреной или в ее честь. Этот миф, как и миф о пчелах Самсона, появившихся из туши льва, вероятно, возник на основе первобытного сакрального изображения обнаженной женщины в любовных объятиях льва и пчел, роящихся над тушей другого льва. Обнаженная женщина — это богиня-львица Кирена, хеттская Хепату, сирийская Аната или микенская богиня-львица Гера, а ее партнер — это царь-жрец, который должен умереть в день летнего солнцезаворота под знаком Льва, который в египетском зодиаке изображался в виде ножа. Как Тесей или Геракл, он носит львиную шкуру и маску. Лев, которого собственноручно убивает царь-жрец, как это делали Геракл и его друг Филий (см. 153,e—f) в Пелопоннесе, Кизик на горе Димдим в Мраморном море (см. 149,h), Самсон в Филистии (Суд.14:5), Давида в Вифлееме (1 Цар.17:35), — это один из зверей, который во время коронации вызывал царя на ритуальный поединок.

5) Рассказ Вергилия (*Георгики*. IV.315 и след.) о посещении реки Пеней Аристеом — это пример безответственного пользования мифом: Протей, живший на острове Фарос в дельте Нила, притянут к этой истории искусственно. В Темпе действительно был знаменитый оракул Аполлона, с которым, без сомнения, советовался его сын Аристей, однако пелопоннесский ручей Аретуса никакого отношения к Пенее не имеет. С мифологической точки зрения абсолютно абсурдным выглядит то, как Аристею показывали различные чертоги во дворце наяд, где якобы хранились истоки таких далеко расположенных друг от друга рек, как Тибр, По, Анио, Фасис и другие.

6) Ввоз масла на Сицилию был бы намного выгоднее для критян, чем ввоз черенков оливок. Но поскольку эллинские колонии появились на южном побережье острова в позднемикенскую эпоху, с ними вместе распространилась и культура оливы. Посетившего Сицилию Аристея можно отождествить с Зевсом Морием, который отвечал за распределение черенков священной оливы, происшедшей от той, которую посадила Афина в афинском Акрополе (см. 16,с). Не исключено, что с ним связано пчеловодство, которое пришло в Афины с минойского Крита, где символами пчеловодов были рукавица и пчела. Ульи изготовлялись из терракоты. Греческое слово со значением «перга»^{71*} (*cerinthos*) имеет критское происхождение так же, как и другие относящиеся к пчеловодству слова, например *cerion* («соты»), *cerinos* («воск») и *ceraphis* («восковая моль», представляющая собой определенный тип саранчи). Имя Кер, которое писалось также *Car* или *Q're*, в широком смысле означало «судьба», «рок», «удел». Во множественном числе это слово дало *ceres* («неудачи, напасти, незримое зло») и, очевидно, стало именем критской пчелы-богини, т. е. богини смерти-в-жизни. Так, фиванская богиня Сфинкс названа Эсхилом^{72*} (*Семеро против Фив. 777*) «мужей крадущая Кер».

^{71*} Перга — консервированная пчелами цветочная пыльца, собранная про запас.

^{72*} Эсхил (525—456 до н. э.) — один из трех великих греческих трагиков. Участвовал в сражениях при Марафоне и Саламине. Из 90 пьес большинство известны по названиям или в отрывках, целиком дошли 7, в том числе трилогия «Орестея» («Агамемнон», «Хоэфоры», «Эвмениды»), «Прометей Прикованный», «Семеро против Фив» — трилогия по мотивам мифов об Эдипе. Был убежден в справедливости божественного мироздания.

[а] Мидас был сыном Великой богини горы Иды и сатира, имени которого уже никто не помнит. Он проводил жизнь в удовольствиях, был царем македонского Бромия, где правил бригами (или мосхами, как их еще называют), и посадил свои знаменитые розовые сады¹. В младенчестве он лежал в колыбели, по которой, как видели люди, взобралась вереница муравьев и, пока он спал, сложила у него между губ пшеничные зерна. Это чудо прорицатели истолковали как знак, предвещающий огромное богатство, которое должно свалиться на Мидаса. Когда он повзрослел, его стал обучать Орфей².

[b] Однажды подвыпивший старый сатир Силен, бывший учитель Диониса, отстал от главной части буйного дионисийского воинства, шагавшего из Фракии в Беотию, и завалился спать в розовом саду. Садовники связали его гирляндами цветов и поставили перед Мидасом, которому он стал рассказывать чудесные сказки о том, что за потоком Океана есть огромный континент, полностью отделенный и от Европы с Азией, и от Африки, а там есть множество прекрасных городов, населенных высокими, счастливыми долгожителями, живущими по справедливым законам. Великая экспедиция — по меньшей мере десять миллионов человек — однажды отправилась на кораблях через океан, чтобы посетить гиперборцев, но, узнав, что их родная земля — самая лучшая в старом свете, они, разочарованные, вернулись. Среди других чудес Силен упомянул ужасный водоворот, который не может преодолеть ни один из путников. И еще есть место, где две реки текут рядом;

деревья, растущие по берегам одной реки, дают плоды, которые, если их съесть, заставляют человека стонать, плакать, пока он не исчахнет. Но плоды, растущие по берегам другой реки, возвращают молодость даже очень старым людям. Более того, сначала к ним возвращается средний возраст, затем молодость, юношество, отрочество, детство, затем младенчество — и наконец, они совсем исчезают! Мидас, очарованный выдумками Силена, держал его у себя целых пять дней и ночей, а потом дал людей, чтобы те сопровождали его к лагерю Диониса³.

[с] Дионис, который беспокоился о судьбе Силена, отправил к Мидасу людей — спросить, что он хочет в награду. Мидас, не раздумывая, ответил: «Прошу, сделай так, чтобы все, к чему я ни прикоснусь, превращалось в золото». После этого в его доме превратились в золото не только цветы, камни и вещи, но даже пища, которую он ел, и вода, которую он пил, стоило ему только сесть за стол. Вскоре Мидас взмолился, чтобы его освободили от необдуманной просьбы, ибо он умирал от голода и жажды. Дионис, которого это происшествие немало позабавило, сказал, чтобы Мидас отправился к истоку реки Пактол, что у горы Тмол, и там искупался. Он повиновался, и сразу же его способность превращать все в золото исчезла, но, говорят, что песок в реке Пактол до сих пор блестит от золота⁴.

[d] Мидас, пришедший в Азию с толпой бригов, был усыновлен бездетным фригийским царем Гордием. Будучи еще бедным крестьянином, Гордий однажды был немало удивлен, когда увидел, как царский орел сел на оглоблю его воловьей упряжки. Поскольку ему показалось, что орел собирается здесь сидеть целый день, он погнал своих волов в Тельмесс, что во Фригии (теперь эта часть принадлежит Галатии), где находился надежный оракул. Но уже у городских ворот он встретил юную предсказательницу, которая, увидев орла, продолжающего восседать на оглобле, настояла на том, чтобы Гордий тут же принес жертву Зевсу-царю. «Позволь мне отправиться с тобой, крестьянин, — сказала она, — чтобы помочь тебе правильно выбрать жертвы». «Конечно, — ответил Гордий, — ты, по-моему, мудрая и уважительная девушка. Может быть, ты выйдешь за меня замуж?» «Сразу же после жертвоприношений», — услышал он в ответ.

[e] Тем временем царь Фригии неожиданно скончался, не оставив потомства, и оракул провозгласил: «Фригийцы, ваш новый царь приближается со своей невестой, сидя в воловьей повозке!»

Когда повозка въехала на рыночную площадь Тельмесса, всех сразу привлек сидящий на оглобле орел, и в Гордии единодушно признали царя. В благодарность и повозку, и упряжь, которую он особым узлом привязал к оглобле, он посвятил Зевсу. После этого оракул объявил, что тот, кто сумеет развязать узел, станет владыкой всей Азии. Упряжь и оглоблю перенесли в акрополь Гордия — города, который тот основал, и там их веками зорко берегли жрецы Зевса, пока Александр Македонский не дерзнул разрубить его мечом⁵.

[f] После смерти Гордия трон достался Мидасу, который ввел культ Диониса и основал город Анкиру. Бриги, пришедшие с ним, стали называться фригийцами, а царь Фригии до сих пор носит имя то Гордия, то Мидаса, поэтому первого Мидаса сейчас ошибочно называют сыном Гордия⁶.

[g] Мидас присутствовал на знаменитом музыкальном состязании между Аполлоном и Марсием, судьей которого был речной бог Тмол. Тмол присудил приз Аполлону; а когда Мидас не согласился с его решением, наделил его ослиными ушами. Долгое время Мидасу удавалось прятать уши под высокой фригийской шапочкой, но его цирюльник, узнав о таком уродстве, не сумел сохранить тайну даже под страхом смерти. Страдая, оттого что никому не может доверить свою тайну, он выкопал на речном берегу ямку, огляделся, чтобы вокруг никого и было, и прошептал: «У царя Мидаса ослиные уши!» Затем он закопал ямку и со спокойной душой пошел домой. Но покой его длился недолго: из ямки вырос тростник, который передавал секрет всем прохожим. Когда Мидас узнал, что его уродство ни для кого не секрет, он приговорил цирюльника к смерти, напился бычьей крови и мученически умер⁷.

¹ Гигин. Мифы. 274; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. VI.27; Геродот. I.14, VIII.138.

² Цицерон. О дивинации. I.36; Овидий. Метаморфозы. XI.92—93.

³ Элиан. Пестрые рассказы III.18.

⁴ Овидий. Метаморфозы. XI.90 и след.; Гигин. Мифы. 191; Вергилий. Буколики. VI.13 и след.

⁵ Арриан. Анабасис Александра. II.3.

⁶ Павсаний. I.4.5; Элиан. Пестрые рассказы. IV.17.

⁷ Овидий. Метаморфозы. XI.146 и след.; Персий. Сатиры. I.121; Страбон. I.3.21.

1) Мидаса довольно надежно отождествляют с Митой, царем мосхов («люди тельца»), которых еще называли «мушки». Это был народ понтийского происхождения; в середине II тысячелетия до н. э. он занимал западную часть Фракии, которая позднее стала называться Македонией. Примерно в XIII в. до н. э. мосхи пересекли Геллеспонт, разгромили в Малой Азии империю хеттов и захватили их столицу Птерию. Слово «мосхи», возможно, связано с культом тельца как духа священного года. Розы в садах Мидаса и рассказ о его рождении предполагают оргиастический культ Афродиты, священным цветком которой считалась роза. Рассказ о том, что в золото превращалось все, к чему прирагивался Мидас, возник, навеянный огромными богатствами, принадлежавшими династии Мита, а также открытием золота на реке Пактол. Многократно указывалось, что ослиные уши возникли из-за изображения Мидаса в афинской комической драме как сатира с отвратительными длинными ушами.

2) Поскольку ослы были священными животными Диониса, который пару этих животных поместил среди звезд, не исключено, что первоначально Мидаса прославляли в образе осла. Пара ослиных ушей, прикрепленных к концу скипетра из камыша, были символом царской власти, который носили все египетские династические боги в память о том времени, когда ослухий Сет (см. 35,4) правил их пантеоном. Власть Сета резко шла на спад до тех пор, пока цари гиксосов в начале II тысячелетия до н. э. не предприняли попытку ее реставрировать.

3) Не исключено, что сакральное изображение, навеявшее рассказ о цирюльнике Мидаса, на самом деле описывало смерть царя-осла. Его волосы, олицетворявшие солнечные лучи, — вместилище царской власти — срезались, как у Самсона (см. 91,1). Отрубленную голову хоронили в яме как оберег города Анкиры от нашествия врагов. Тростник представляет собой амбивалентный символ: будучи «деревом» двенадцатого месяца (см. 52,3), он предвещает царю неминуемую смерть; с другой стороны, он наделяет царской властью преемника. Поскольку бычьей крови приписывалась огромная магическая сила, только жрицы матери-Земли могли пить ее, не причиняя себе вреда (см. 51,4; 155,а). Будучи кровью Осириса, бычья кровь была особенно ядовита для царя-осла.

4) Тайна гордиева узла, вероятно, имела религиозный смысл. Это мог быть сыромятный ремень, завязанный особым узлом, символизирующим

имя Диониса. Гордий был ключом к Азии (Малой Азии); поскольку его цитадель господствовала над практически единственным торговым путем из Трои в Антиохию, местная жрица или жрец обязательно должны были открывать секрет узла только царю Фригии (аналогичным образом непризносимое имя Яхве доверялось в Иерусалиме только одному верховному жрецу). Решительность, с какой Александр разрубил узел, когда его войско вошло в Гордию, чтобы захватить Азию, покончила с древним поверьем и вознесла власть меча над религиозным таинством.

5) О том, почему рассказ об Атлантическом континенте мы слышим из уст подвыпившего Силеня, можно догадаться по трем фактам, о которых упоминает Плутарх (Солон. 25—29). Во-первых, Солон много путешествовал по Малой Азии и Египту; во-вторых, он верил в рассказ об Атлантиде (см. 39,б) и даже написал на его основе эпическую поэму; в-третьих, он поссорился с драматургом Феспидом, который в своих пьесах о Дионисе вкладывал в уста сатиров нелепые речи с намеками на злободневные темы. Солон спросил: «Неужели ты не боишься, Феспид, говорить так много лжи такому большому количеству зрителей?» Когда Феспид ответил: «Какое это имеет значение, когда вся пьеса шутка?» — Солон сердито ударил посохом оземь: «Да, теперь мы так хвалим эту забаву, она у нас в почете, но скоро мы найдем ее и в договорах». Элиан, который ссылается на Теопомпа^{73*}, возможно, имел доступ через вторые или третьи руки к одной из комедий Феспиды или его ученика Пратина, в которой Солон высмеивался за утопическую ложь, высказанную им в своей эпической поэме. В этой комедии Солон был выведен как Силен, бесцельно бродивший по Египту и Малой Азии (см. 27,б). В именах Силен и Солон есть более чем сходство. Если Силен был учителем Диониса, то Солон был учителем Писистрата, который, вероятно, по его совету, основал культ Диониса в Афинах (см. 27,5).

6) Не исключено, что Солон во время своих путешествий собрал по крупицам устные предания об Атлантиде, на основе которых он создал свой эпос, ставший предметом театральной пародии. Так, гэльская

^{73*} Теопомп (Феопомп) (ок. 377—300 до н. э.) — древнегреческий историк, ученик Исократы. Противник демократии, странствующий софист. Автор «Греческой истории» (в 12 книгах), охватывающий по замыслу автора период с 411 по 394 г. до н. э., и «Истории Александра Македонского» (в 58 книгах). От сочинений остались фрагменты.

легенда говорит о лежащей за океаном Земле молодости, куда Ниамх-Златовласка взяла Ойсина и откуда он через несколько столетий вернулся навестить Ирландию. Нужно отметить, что Ойсин был страшно разочарован тем упадком, в котором пребывал его народ в сравнении с народом Ниамх, и очень сожалел о том, что вернулся. Опасный для судов водоворот — это тот знаменитый водоворот, который, по представлению древних физиков, образовывал Океан, перетекая за край мира в никуда. Похоже, что Солон тоже слышал, как географы обсуждали возможность существования Атлантического континента: Эратосфен, Мела, Цицерон и Страбон рассуждали на эту тему, а Сепска предсказал его открытие во втором акте своей «Медеи». Говорят, что это место в пьесе оказало большое влияние на молодого Колумба.

[а] Клеобис и Битон были аргосскими юношами, сыновьями жрицы Геры Аргосской. Когда ей настало время исполнить обряд богини, а белые быки, которые должны были везти священную колесницу, еще не прибыли с пастбища, Клеобис и Битон сами запряглись в колесницу и потащили ее в храм, находившийся на расстоянии около пяти миль. Обрадованная их сыновьей любовью, жрица обратилась к богине с молитвой, прося ее наградить сыновей высшим благом, доступным людям. Когда же она исполнила положенный обряд, ее сыновья уснули в храме, чтобы больше не проснуться¹.

[б] Так же были награждены сыновья Эргина — Агамед и Трофоний. Эти братья-близнецы построили входной порог храма, заложенного в Дельфах самим Аполлоном. Его оракул сказал им: «Живите весело и наслаждайтесь, как только сможете, в течение шести дней; на седьмой день ваше самое сокровенное желание будет исполнено». На седьмой день их обнаружили мертвыми в своих постелях. Вот почему говорят: «Те, кого любят боги, умирают в молодости»².

[с] Трофоний получил свой собственный оракул в Лейбадее, что в Беотии³.

¹ Геродот. I.31; Павсаний. II.20.2.

² Пиндар. Цит. по: Плутарх. Утешение к Аполлонию. 14; Гомеровский гимн к Аполлону. 294—299; Менандр. Фрагмент греческой комедии. II.111.

³ Геродот. I.46; Еврипид. Ион. 300.

1) Миф о Клеобисе и Битоне, очевидно, указывает на принесение человеческих жертв во время посвящения нового храма луне-богине: в Аргосе братья-близнецы были выбраны в качестве заместителей царей-соправителей и впряжены в лунную колесницу вместо белых быков, которые являлись обычной жертвой. Они, вероятно, были похоронены под порогом храма, чтобы отпугивать враждебные силы (см. 169,h). Жрецы Аполлона, очевидно, приняли этот обряд в Дельфах, несмотря на то что они отрицали луну-богиню, которой должны были приноситься жертвы, и не оставляли ей места в храме.

Превращения

[a] Нарцисс был феспийцем, сыном голубой нимфы Лириопы, которой однажды овладел речной бог Кефис, окружив ее со всех сторон водой своего потока. Предсказатель Тиресий сказал Лириопе, которая была первой, кто обратился к нему: «Нарцисс доживет до преклонного возраста, если он никогда не увидит своего лица». Даже когда Нарцисс был ребенком, в него нельзя было не влюбиться, а когда ему исполнилось шестнадцать, его путь был устлан безжалостно отвергнутыми влюбленными обоего пола, поскольку он был безмерно горд своей красотой.

[b] Среди отверженных оказались и нимфа Эхо, голос которой можно было слышать только в глупом повторении чужих выкриков — так она была наказана за то, что забавляла Геру длинными историями, позволив любовницам Зевса, горным нимфам, скрыться от ее ревнивых глаз и бежать. Однажды, когда Нарцисс отправился ставить сети на оленей, Эхо, крадучись, последовала за ним сквозь непроходимую чащу. Ей хотелось обратиться к нему, но она не могла заговорить первой. Наконец, Нарцисс, обнаружив, что отстал от своих спутников, закричал: «Есть кто-нибудь здесь?»

«Здесь!» — радостно ответила Эхо, крепко озадачив Нарцисса, — ведь никого не было видно. — «Приди!» — «Приди!» — «Почему ты избегаешь меня?» — «Почему ты избегашь меня?» — «Пойдем со мной!» — «Пойдем со мной!» — повторила Эхо и радостно выскочила из своего укрытия, чтобы обнять Нарцисса. Но он грубо оттолкнул ее и побежал. «Лучше я умру, чем лягу с тобой!»

«Лягу с тобой!» — умоляюще обещала Эхо.

Но Нарцисс ушел, а она всю оставшуюся жизнь провела в горных расщелинах, снедаемая любовью и обидой, пока от нее не остался один лишь голос¹.

[с] Однажды Нарцисс отправил меч Аминию, который преследовал его настойчивей других. Это тот Аминий, в честь которого назван приток реки Гелиссон, впадающий в Алфей. Аминий лишил себя жизни на пороге дома Нарцисса, призвав бога отомстить за его смерть.

[d] Артемида, услышав мольбу, сделала так, что Нарцисс влюбился, но не смог насладиться своей любовью. У Донакона, что в Феспии, он набрел на ручей. Тот тек чистый, как серебро, и его еще никогда не тревожили коровы, птицы, дикие животные и даже ветви, спускавшиеся с деревьев, в тени которых он протекал. Когда утомленный Нарцисс опустился на заросший травой берег, чтобы утолить жажду, он влюбился в свое отражение. Сначала он попытался обнять и поцеловать прекрасного юношу, глядевшего на него, но мгновением позже узнал себя, да так и остался лежать, час за часом завороченно глядя в воду. Как он сносил эту муку — созерцать предмет своих вожделений и никогда им не обладать? Печаль мучила его, но даже в муках своих он ощущал особую радость от сознания того, что его отражение никогда ему не изменит, что бы ни случилось.

[e] Хотя Эхо и не простила Нарцисса, она печалилась вместе с ним, сочувственно повторяя его стоны, когда кинжал уже пронзил его грудь, а затем — и слова, сказанные при последнем вздохе: «О юноша, безответно любимый, прощай!» На том месте, где кровь его пролилась на землю, вырос белый цветок нарцисса с красным венчиком. Из этого цветка в Херонее готовят лечебную мазь, применяемую для лечения болезней уха (хотя от ее применения часто возникает головная боль), а также как средство для лечения обморожений².

¹ Овидий. *Метаморфозы*. III.341—401.

² Павсаний. IX.31.6; Овидий. *Метаморфозы*. III.402—510; Плиний. *Естественная история*. XXI.75.

1) Нарцисс в древности влетали в венки Деметры и Персефоны (Софокл. *Эдип в Колоне*. 682—684), он также назывался *leirion* — это трехлепестковый голубой ирис, священный цветок женской триады. Эти венки носили для умиротворения трех Благомыслящих, или Евменид

(см. 115,с). Цветет это растение поздней осенью, перед тем как расцвести желтому нарциссу. Возможно поэтому Лириопа названа матерью Нарцисса. Эта поэтическая морализация, кроме того еще и объясняющая лечебные свойства масла нарцисса, — хорошо известного наркотика, как это следует из первого слога слова «нарцисс», — могла возникнуть на основе сакрального изображения, на котором отчаявшийся Алкмеон (см. 107,t) или Орест (см. 114,a) лежит, украшенный лилиями, на берегу водоема, безуспешно пытаясь совершить очистительный обряд после убийства своей матери, поскольку эринии не приняли умиловительной жертвы. Эхо на этом изображении соответствовала бы насмехающемуся духу его матери, а Аминий — духу убитого отца.

2) Следует отметить, что *-issos* и *-inthos*, являются критскими окончаниями слов, поэтому не исключено, что Наркисс (= нарцисс) и Гиакинт (= гиацинт) — это имена критского героя — весеннего цветка, чью смерть оплакивает богиня, как это изображено на золотом кольце, найденном в микенском акрополе. В других местах этот герой получил имя Антей (см. 159,3), которое является вторым именем Диониса. Более того, лилия была эмблемой кносских царей. На раскрашенном рельефе, обнаруженном в развалинах кносского дворца, царь изображен идущим со скипетром в руке по поросшему лилиями лугу. На голове его — корона, на груди — ожерелье из цветов ириса.

[а] Фракийская принцесса Филлида была влюблена в Афаманта, сына Тесея. Он ушел воевать под стенами Трои, а когда Троя пала и афинский флот вернулся, Филлида зачастила на берег моря в надежде увидеть корабль своего возлюбленного. Однако из-за течи в днище выход корабля задержался. Девять раз Филлида приходила на берег моря — и все напрасно. С горя она умерла в местечке под названием Эннеодос. Афина превратила ее в миндальное дерево, а прибывшему на следующий день Афаманту пришлось обнимать только шершавый ствол. В ответ на его ласку на ветвях распустились не листья, а цветы. Вот почему у миндального дерева такая особенность. Каждый год афиняне в честь Филлиды и Афаманта устраивают пляски¹.

[б] Дочь одного из лаконских царей, Кария, была возлюбленной Диониса, но неожиданно умерла в Кариин, и Дионис превратил ее в ореховое дерево. Артемиде принесла эту весть лаконцам, и те построили храм Артемиде Кариатиде. Отсюда пошло слово «кариатида» — колонна в виде женской статуи. В Кариинх тоже лаконские женщины каждый год плясали в честь богини, как их научили Диоскуры².

¹ Лукиан. О пляске. 40; Гигин. Мифы. 59; Сервий. Комментарий к «Буколикам» Вергилия. V.10.

² Павсаний. III.10.8, IV.16.5; Сервий. Комментарий к «Буколикам» Вергилия. VIII.29.

1) Оба мифа возникли, чтобы объяснить обрядовое использование миндаля и ореха в честь Кар или Кариин (см. 57,2), которая также известна

под именем Метиды (см. 1,d; 9,d) и была титанидой мудрости. Очевидно, эти мифы навеяны сакральным изображением, на котором юный поэт поклоняется ореховому дереву в присутствии богини, а девять молодых женщин ведут вокруг него хоровод. Эннеодос, который фигурирует и в легенде о том, как фракийская Филлида свела с ума Демофонта (см. 169,i), означает «девять путей». Следует отметить, что ирландские барды связывали число девять с ореховым деревом, а орехи — с поэтическим вдохновением. В их древесном алфавите (см. 52,3) буква *coll* (C) означала «лесной орех» и цифру девять. Согласно ирландским топонимическим преданиям «Диннхенхас», источник вдохновения, который находится на реке Войн, окружен девятью орехинами поэтического искусства, а в нем живет пятнистая рыба, которая поет. Другие Карии («ореховые деревья») в Аркадии расположены неподалеку от реки, в которой, как пишет Павсаний, живет такая же странная рыба (Павсаний. VIII.14.1—3, 21.1).

2) Богиня Кар, по имени которой названа Кария, превратилась в Италии в богиню прорицания Карменту («Мудрая Кар») (см. 52,5; 82,6; 95,5; 132,о), а кариатиды — это ее ореховые нимфы, по аналогии с ясеневыми нимфами мелиями (*melia* — ясень), яблоневыми нимфами мелиями (*melon* — яблоко) и дубовыми нимфами дриадами. Плиний придерживается традиции, утверждающей, что Кар изобрела искусство гадания (*Естественная история*. VIII.57). Филлида («лиственная») может представлять собой то небольшое, что сохранилось у греков от палестинской и месопотамской Великой богини Белили, поскольку в мифе о Демофонте она отождествляется с Реей (см. 169,j).

Арион

[а] Арион с острова Лесбос был сыном Посейдона и нимфы Онеи; он прекрасно владел лирой и сочинял дифирамбы в честь Диониса. Однажды его покровитель, коринфский тиран Периандр, нехотя разрешил ему отправиться в Тенар, город в Сицилии, куда его пригласили принять участие в музыкальном празднике. Ариону на нем досталась главная награда, а его поклонники сделали ему столько богатых подарков, что у матросов, взявшихся доставить его обратно в Коринф, разыгралась алчность.

«Нам жаль, Арион, но ты должен умереть», — сказал капитан судна. «Какое преступление я совершил?» — спросил Арион. «Ты слишком богат», — ответил капитан. «Поцадите мою жизнь, и я отдам вам все мои дары», — взмолился Арион. «Что тебе стоит отказаться от своего обещания, когда мы прибудем в Коринф?» — произнес капитан. — На твоём месте и я бы поступил так же. Вынужденный подарок — это уже не подарок». «Хорошо, — смирившись со своей судьбой, вскрикнул Арион, — только позволь мне спеть последнюю песню».

Получив разрешение, Арион оделся в свои лучшие одежды, взошел на нос корабля, и его исполненный чувством напев вознесся к богам. Закончив петь, он прыгнул за борт, а судно поплыло дальше.

[b] Однако его песня привлекла стаю дельфинов, любящих музыку, один из них взял Ариона к себе на спину, и в тот же вечер тот уже был в Коринфе, опередив на несколько дней свой корабль. Периандр обрадовался чудесному спасению Ариона, а дельфин, не желая расставаться с певцом, настоял на том, чтобы сопровождать его во дворец, где вскоре

нал жертвой дворцовой роскоши. Арион устроил дельфину пышные похороны.

Когда корабль, на котором плыл Арион, причалил к берегу, Периандр послал за капитаном и командой, а когда те явились, спросил их с притворной тревогой об Арионе.

«Его задержало в Тенаре чрезмерное гостеприимство жителей», — ответил капитан.

Периандр заставил их всех поклясться на могиле дельфина в том, что слова капитана — правда, а когда те поклялись, явил их глазам Ариона. Поскольку вину свою они отрицать не могли, их тут же предали казни. Позднее Аполлон поместил образ Ариона и его лиры среди звезд¹.

[с] Арион был не первым человеком, которого спас дельфин. Дельфин спас Энала, когда тот прыгнул за борт, чтобы не расставаться со своей возлюбленной Финейдой, которую по требованию оракула и по жребию бросили в море, чтобы умиловить Амфитриту. Это случилось, когда на корабле плыли люди, возглавляемые сыновьями Пентила, чтобы основать первую колонию на острове Лесбос. Вторым дельфин спас Финейду. В другой раз дельфин не дал утонуть Фаланту в Крисейском море, когда тот плыл на корабле в Италию. Аналогичным образом критянину Икадию, брату Иаписа, потерпевшему крушение на пути в Италию, дельфин указал путь в Дельфы, дав этому месту его имя, поскольку этим дельфином был сам Аполлон².

¹ Геродот. I.24; Гигин. Мифы. 194; Павсаний. III.25.5.

² Плутарх. Пир семи мудрецов. 20; Павсаний. X.13.5; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. III.332.

1) Арион и Периандр — исторические лица, жившие в VII в. до н. э. Сохранился даже фрагмент «Гимна к Посейдону», написанного Арионом. Рассказ, вероятно, основывается частично на легенде, согласно которой песни Ариона привлекли стаю дельфинов и, таким образом, заставили матросов отказаться от убийства Ариона с целью ограбления; ведь известно, что дельфины и тюлени особенно равнодушны к музыке. Частично же рассказ объясняется неверным толкованием статуи бога Палемона, который изображен прибывающим в Коринф на спине дельфина с лирой в руке (см. 70,5). Мифический оттенок придает истории тот факт, что Арион назван сыном Посейдона, как и его тезка — дикий

конь Арион (см. 16, f), а также то, что его имя добавлено к созвездию Лирь. Павсаний, спокойный и правдивый автор, сомневается в правдивости рассказа об Арионе, приводимого Геродотом, но сообщает, что в местечке Пороселена своими глазами видел дельфина, которого сильно покалечили рыбацкие сети. Один мальчик вылечил дельфина, после чего тот всегда приплывал на зов мальчика и в благодарность катал его на спине (III.25.7).

2) Миф об Энале и Финейде, вероятно, возник на основе ритуального изображения, на котором Амфитрита и Тритон плывут верхом на дельфинах. Энал у Плутарха связывается с культом осьминога, а его имя напоминает имя Эдип, именно так звали Дитя нового года в Коринфе (см. 105,1). В Митилене такого ребенка тоже звали Эналом, а в Италии — Фалантом. Тарант, сын Посейдона и дочери Миноса Сатирей («принадлежащая сатирам»), был новорожденным годом, являвшимся верхом на дельфине, в городе Таренте, который, как считается, он основал и в котором было его святилище как героя (Павсаний. X.10.4). Фалант, который в 708 г. до н. э. основал дорийский Тарент, перенял культ дельфина от сицилийских автохтонов, связанных некогда с Критом.

3) Имя Икадий, означающее «двадцатый», возможно, связано с днем в месяце, когда праздновалось его пришествие.

Минос и его окружение

[a] Когда. Зевс оставил на Крите Европу, родившую ему Миноса, Радаманта и Сарпедона, она вышла замуж за Астерия, который был тогда царем. Его отец Тектам, сын Дора, привел на остров смешанную колонию эолийцев и пеласгов, а потом женился на дочери эолийца Кретея¹.

[b] У Астерия от брака с Европой детей не было, поэтому он усыновил Миноса, Радаманта и Сарпедона и сделал их своими наследниками. Когда братья возмужали, они поссорились из-за любви к прекрасному мальчику по имени Милет, рожденному от Аполлона нимфой Арсей, которую одни называют Дионой, а другие Тесей². Милета, который решил, что Сарпедон ему нравится больше, Минос увез с Крита, когда с большим флотом отправился в малоазийскую Карию, где основал город и царство Милет. В течение двух предшествующих поколений этой страной, называвшейся тогда Анакторией, правил гигант Анакт, сын Урана и матери-Земли, а также его столь же огромный сын Астерий. Скелет Астерия, убитого Милетом и погребенного на островке неподалеку от Лады, впоследствии был выкопан и оказался десять локтей в длину. Некоторые, правда, утверждают, что Минос подозревал Милета в заговоре против него с целью захватить царство, но, убоясь Аполлона, позволил себе только предупредить Милета, который счел за лучшее бежать в Карию³. Есть такие, кто говорит, что ссора между братьями возникла не из-за Милета, а из-за некоего Атимния, сына Зевса и Касиопеи или сына Феникса⁴.

[c] После смерти Астерия Минос предъявил свои права на критский трон и в качестве доказательства справедливости своих требований

похвалялся, что ни одна из его молитв не останется не услышанной богами. Возведя сначала алтарь в честь Посейдона и приготовившись к жертвоприношению, он в молитве попросил, чтобы жертвенный бык явился из моря. Тут же к берегу приплыл ослепительно белый бык, но Минос настолько был поражен его красотой, что отправил быка пасть в собственные стада, а вместо него заклал другое животное. Право Миноса на критский трон признали все критяне, за исключением Сарпедона, который, так и не сумев забыть о Милете, объявил, что, согласно воле Астерия, его царство должно быть поделено поровну между тремя наследниками. К этому времени Минос уже сам разделил остров на три части и выбрал для каждой из них столицу⁵.

[d] Изгнанный Миносом с Крита, Сарпедон бежал в малоазийскую Киликию, где вступил в союз с Киликом против милиян, покорил их и стал их царем. Зевс даровал ему жизнь в течение трех поколений. После его смерти Милиада стала называться Ликией по имени его преемника Лика, который нашел у него приют после того, как был изгнан из Афин Эгеем⁶.

[e] В свое время Минос женился на Пасифае, дочери Гелиоса и нимфы Креты, известной еще под именем Персеиды. Но Посейдон в отместку за обиду, нанесенную ему Миносом, сделал так, что Пасифая влюбилась в белого быка, который не был принесен в жертву. Она рассказала о своей необычной страсти Дедалу, знаменитому афинскому мастеру, который теперь жил в изгнании в Кноссе, развлекая Миноса и его семью двигающимися деревянными куклами, которые он сам смастерил. Дедал обещал помочь ей и построил пустотелую деревянную корову, обтянул ее коровьей шкурой, поставил на спрятанные в копытах колеса и толкнул ее так, что та выкатилась на луг неподалеку от Гортины, где под дубами пасся бык Посейдона, окруженный коровами Мидаса. Затем, показав Пасифае, как открывать складную дверцу и залезать внутрь коровы, осторожно удалился. Скоро белый бык подошел, взобрался на корову, и Пасифая удовлетворила свою страсть. Через определенное время у нее родился Минотавр — чудовище с бычьей головой и человеческим телом⁷.

[f] Некоторые, однако, говорят, что Минос, ежегодно жертвуя Посейдону лучшего из имевшихся у него быков, однажды пожертвовал второго по красоте быка, разгневав тем самым Посейдона. Другие говорят, что он обидел Зевса. Третьи утверждают, что это Пасифая несколько лет подряд не умилостивляла Афродиту, которая и наказала ее, внушив

ей такую ужасную страсть. Позднее бык одичал и стал опустошать весь Крит, пока Геракл не поймал его и не отвез в Грецию, где его убил Тесей⁸.

[g] Минос обратился к оракулу, чтобы узнать, как ему поступить, чтобы скрыть позор Пасифаи. В ответ он услышал: «Поручи Дедалу построить тебе убежище в Кноссе». Дедал построил такое убежище, и всю оставшуюся жизнь Минос провел во дворце со сложнейшими переходами, который получил название Лабиринт. В самом центре его Минос спрятал Пасифаю и Минотавра⁹.

[h] Радамант был умнее, чем Сарпедон, и остался на Крите. Он жил в мире с Миносом и получил третью часть владений Астерия. Его уважали как справедливого и честного законодателя, неподкупного, когда дело касалось наказания виновных. Он придумывал законы как критянам, так и жителям островов в Малой Азии, многие из которых добровольно приняли свод его законов. Их примеру последовал и его брат Минос¹⁰. Однако некоторые считают, что Радамант не был братом Миноса, и называют его братом Гефеста. Другие считают, что Минос был сыном не Зевса, а Ликаста и нимфы Иды. Он завещал землю на Крите своему сыну Гортину, именем которого назван критский город. Тегейцы тем не менее настаивают на том, что Гортин был аркадцем, сыном Тегеата¹¹. Радамант завещал землю в Малой Азии своему сыну Эритру, а остров Хиос завещал сыну Ариадны Энопиону, которого Дионис первым научил делать вино. Лемнос получил второй сын Ариадны, Фоант; Курнос достался Эниею, Пепареф — Стафилу, Марония — Эванту, Парос — Алкею, Делос — Анию, а Андрос — Андру¹².

[i] Радамант в конце концов вынужден был бежать в Беотию из-за того, что убил соплеменника. В изгнании он жил в Окалеях, где женился на Алкмене, матери Геракла, когда Амфитриона уже не было в живых. В Галиарте показывают могилу его и Алкмены, расположенную рядом с посадками прочного тростника, завезенного с Крита. Этот тростник шел на изготовление копий и флейт. Некоторые говорят, что Алкмена вышла замуж за Радаманта на Островах Блаженных уже после своей смерти¹³. Ведь Зевс назначил Радаманта одним из трех судей мертвых. С ним вместе вершили суд Минос и Эак, а жил он на Островах Блаженных¹⁴.

¹ Диодор Сицилийский. IV.60, V.80.

² Диодор Сицилийский. IV.60; Аполлодор. III.1.2; Овидий. Метаморфозы. IX.442; Антонин Либерал. Превращения. 30.

- ³ Павсаний. VII.2.3, I.35.5; Овидий. *Метаморфозы*. IX.436—449. *Аполлодор*. Цит. соч.; Схолии к Аполлонию Родосскому. II.178.
- ⁵ Страбон. X.4.8.
- ⁶ Аполлодор. Цит. соч.; Геродот. I.173.
- ⁷ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Павсаний. VII. 4.5; Вергилий. *Буколики*. VI.45—46; Аполлодор. III.2, 1.3—4.
- ⁸ Диодор Сицилийский. IV.77.2, 13.4; Гигин. *Мифы*. 40.
- ⁹ Овидий. *Метаморфозы*. VIII.155 и след.; Аполлодор. III. 1.4.
- ¹⁰ Диодор Сицилийский. IV.60, V.79; Аполлодор. III.1.2; Страбон. Цит. соч.
- ¹¹ Кинетон. Цит. по: Павсаний. VIII.53.2; Диодор Сицилийский. IV.60; Павсаний. VIII.53.2
- ¹² Схолии к Аполлонию Родосскому. III.997; Диодор Сицилийский. V.79.1—2.
- ¹³ Аполлодор. II.4.11; Плутарх. *Лисандр*. 28; Ферекид. Цит. по: Антонин Либерал. *Превращения*. 33.
- ¹⁴ Диодор Сицилийский. V.79; Гомер. *Одиссея* VI. 564.

1) В предложенном Артуром Эвансом^{74*} делении доклассической критской культуры на минойскую I, II и III предполагается, что правителя Крита называли Миносом уже в начале III тысячелетия до н. э., однако это заблуждение. Минос, очевидно, это титул эллинской династии, которая правила Критом в начале II тысячелетия. Не соответствует хронологии и то, что Минос назван преемником Астерия, внука Дора, тогда как дорийцы не вторгались на Крит вплоть до конца II тысячелетия. Более вероятно, что эолийцы и пеласги (возможно, даже включая «ионийцев из Аттики»), пришедшие с Тектамом («ремесленник»), — имя, которое позволяет отождествлять его с Дедалом и Гефестом, считавшимся якобы отцом Радаманта, — были действительными спутниками Миноса. Исследования М. Вентриса и Дж. Чедвика, посвященные не расшифрованному до них линейному письму В^{75*}, образцы которого находили в Пилосе, Фивах и Микенах, а также в развалинах кносского дворца, разграбленного в XIV в. до н. э., говорят в пользу того, что в середине II тысячелетия до н. э. официальным языком в Кноссе был эолийский диалект древнегреческого. Вероятно,

^{74*} Эванс А. (1851—1941) — знаменитый английский археолог, исследователь культуры Крита.

^{75*} Вентрис М. (1922—1956), Чедвик Дж. (род. 1920) — английские ученые, расшифровавшие линейное письмо В.

письмо первоначально было изобретено для нужд какого-то неиндоевропейского языка, а затем с большим трудом приспособлено к греческому. (До сих пор не установлено, фиксирует ли линейное письмо А греческий или критский язык.) Большое количество имен из греческой мифологии обнаруживается на глиняных табличках, найденных как на Крите, так и в материковой Греции. Среди них такие имена, как Ахилл, Идомей, Тесей, Кретея, Нестор, Эфиальт, Ксуф, Аякс, Главк и Эол, что говорит о том, что эти мифы были созданы раньше, чем пала Троя.

2) Поскольку *Милет* — это мужское имя, знакомый миф о двух братьях, ссорящихся из-за женщины, приобретает здесь гомосексуальный характер. Правда, вероятно, заключается в том, что в период беспорядков, последовавших за разграблением Кносса ахейцами примерно в XIV в. до н. э., многочисленные говорящие по-гречески критские аристократы эоло-пеласгического или ионийского происхождения, для которых луна-богиня была верховным божеством, переселились вместе со своими местными подданными в Малую Азию, в частности в Карию, Ликию и Лидию. Даже отрицая традицию, согласно которой в Ликии существовала династия Сарпедона, Геродот свидетельствует, что в его время ликийцы вели свое происхождение по женской линии (Геродот. I.173; Страбон. XI.VIII. 5), как и карийцы (см. 75,5).

3) Гигантские правители Анактории напоминают Енаков из Книги Бытия, силачей (Иис. Н. 14:11), изгнанных Халевом из их удела, который некогда принадлежал Эфрону, сыну Хет (Тефиды?). Эфрон дал название Хеврону (Быт. 23:19) и, может быть, отождествлен с Фороном. Эти Енаки, возможно, прибыли из Греции в составе союза «народов моря», которые доставили много хлопот египтянам в XIV в. до н. э.

4) Утверждения Милета о том, что его отцом был Аполлон, свидетельствуют о наделении царей Милета солярными атрибутами, как это было в Коринфе (см. 67,2).

5) Победа сына Зевса Миноса над своими братьями указывает на то, что Критом в конце концов овладели дорийцы, однако то, что Минос первоначально жертвовал быка Посейдону, указывает на принадлежность титула *Минос* в более раннюю эпоху эолийцам. Крит веками оставался очень богатой страной, а в конце VIII в. до н. э. был поделен между ахейцами, дорийцами, пеласгами, кидонцами (эолийцы), а самую западную часть острова занимали «исконные критяне» — этеокритяне

(*Одиссея*. XIX.171—175). Диодор Сицилийский пытается различать Миноса, сына Зевса, и его внука, Миноса, сына Ликаста (IV.60); однако не исключено, что в Кноссе могли последовательно править две или даже больше династий Миносов.

6) О связи между Критом и мифом о Персее говорит имя матери Пасифаи — Персеида. Тот факт, что Зевс разрешил Сарпедону жить в течение трех поколений, вероятно, можно понять следующим образом: вместо обычных восьми лет царствования, составлявших Великий год и равнявшийся сроку правления Миноса, Сарпедону было разрешено сидеть на троне девятнадцать лет, поскольку девятнадцатилетний цикл лучше, чем восьмилетний, обеспечивает совпадение между солнечным и лунным календарем. Таким образом, получается, что царь правил два полных и третий неполный Великий год (см. 67,2).

7) Поскольку, согласно Павсанию (III.26.1), *Пасифая* — это эпитет луны, а ее второе имя *Итона* — это эпитет Афины, вызывающей дождь (Павсаний. IX.34.1), миф о Пасифае и быке указывает на ритуальный брак между жрицей луны, украшенной коровьими рогами, и царем-Миносом, носившим маску быка; причем брак совершался под дубами (см. 76,1). Согласно Гесихию (под словом *Garten*), Гортина происходит от слова *garten*, что по-критски означает «корова», поэтому священный брак воспринимался как брак между солнцем и луной, поскольку в Гортине было стадо коров, посвященное солнцу (Сервий. *Комментарий к «Буколикам» Вергилия*. VI.60). То, что Дедал удалился с луга, говорит о том, что брачный обряд совершался не принародно, как у пиктов или моссиников. Для более поздних греков было характерно неприятие мифа о Пасифае; они предпочитали верить в то, что она влюбилась не в быка, а в человека по имени Тавр (Плутарх. *Тесей*. 19; Паллефат. *О невероятных историях*. II). Белые быки, которые и были священными животными луны (см. 84,1) и приносились ежегодно в жертву на горе Албан в Риме, фигурировали в культе фракийского Диониса, в ритуале омель и дуба у гальских друидов (см. 50,1) и, согласно «Книге бурой коровы»^{76*}, в обрядовых гаданиях, которые предшествовали древним ирландским коронациям.

8) Дворец Миноса в Кноссе представлял собой комплекс комнат, прихожих, залов, переходов, в которых легко мог потеряться посторонний. Артур Эванс предполагает, что это и был Лабиринт, названный

^{76*} «Книга бурой коровы» — ирландская рукопись начала XII в., книга саг и преданий.

так от слова *labrys*, т. е. двойной топор, который был хорошо известной эмблемой царской власти на Крите, причем левая и правая части топора, символизирующие нарастающую и убывающую луну, олицетворяли созидательную и разрушительную сущность богини. Однако в Кноссе лабиринт существовал помимо дворца. Это был настоящий лабиринт, подобно Хэмптон-Корту; не исключено, что на земле были выложены фигуры ритуального танца, который встречается даже в столь географически удаленных друг от друга местах, как Уэльс и северо-восточная Россия. Танец-лабиринт исполнялся в Италии (Плиний. *Естественная история*. XXXVI.19), в Трое (Схолии к «Андромахе» Еврипида. 1139), а на Британских островах он, вероятно, появился в конце II тысячелетия вместе с неолитическими переселенцами из Северной Африки. Вот как Гомер описывает кносский лабиринт (*Илиада*. XVIII.590 и след.):

...хоровод разновидный... // в широкоустроенном Кноссе
Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосяй.

Следует отметить, что Лукиан указывал на существование на Крите народных танцев, связанных с Ариадной и Лабиринтом (*О пляске*. 13).

9) Культ Радаманта в Беотии может иметь критское происхождение, тогда как обратное невозможно. Галиарт, где ему принадлежало святилище как герою, был, очевидно, посвящен *Белой богине хлебной*, т. е. Деметре, поскольку Галия («морская») — это эпитет луны как Левкофеи, т. е. *Белой богини* (Диодор Сицилийский. V.55), а *artos* означает «хлеб». Алкмена («сильная в гневе») — это еще один эпитет луны. Хотя считается, что *Радамант* — это критское слово, оно может происходить от *rhabdomantis* («гадающий по прутуку») и относиться к посаженным в Галиарте камышам, верхушки которых якобы трогал дух Радаманта, на основе чего и делались предсказания (см. 83,3). Если это предположение верно, то тот факт, что Радамант изобретал законы для всего Крита и островов, принадлежащих Малой Азии, может означать, что к такому же оракулу на Крите обращались в начале каждого нового правления царя и что ответы оракула имели силу на всей территории, где были распространены критские меры длины, веса и условия торговли. Его называли сыном Зевса, а не Гефеста, бесспорно, потому, что происхождение оракулов Радаманта связано с Диктейской пещерой, посвященной Зевсу (см. 7, b).

10) В Петсофе на Крите было обнаружено огромное количество вылепленных из глины человеческих голов и конечностей, причем в каждом изделии имелось отверстие для продевания сквозь нее бечевы. Подвешенные к ветвям деревьев, они могут быть частью составных кукол Дедала, олицетворявших богиню плодородия. Предположительно их развешивали по фруктовым деревьям, а их конечности вращались и двигались на ветру, что, как считали, обеспечивало хороший урожай. Такая кукла, свешивающаяся с фруктового дерева, изображена на золотом кольце, найденном в кладе на территории микенского Акрополя. Поклонение деревьям является предметом различных произведений минойского искусства. Про критскую богиню Ариадну говорят, что она, как и аттическая Эригона (см. 79,а), повесилась (*Состязание Гомера и Гесиода*. 14). Артемида Висельница, святилище которой находилось в аркадской Кондилее (Павсаний. VIII.23.5), и Елена Древесная, святилище которой было на Родосе и о которой говорят, что ее повесила Поликсо (Павсаний. III.19.10), могут быть всего лишь вариантами одной и той же богини.

[а] Минос разделил ложе с нимфой Перией, сыновья которой поселились на Паросе и позднее были убиты Гераклом, а также с Андрогенией, матерью Астерия младшего¹, и многими другими. Однако дольше других он преследовал Бритомартис из Гортины, дочь Лето. Бритомартис изобрела охотничьи сети и была в большой дружбе с Артемидой, чьих собак она держала на привязи².

[б] Бритомартис пряталась от Миноса под густолиственными дубами, растущими на сочных лугах, потом он целых девять месяцев преследовал ее по скалистым горам и долинам, пока в отчаянии она не бросилась в море, где ее выловили и спасли рыбаки. Артемиде обожествили Бритомартис под именем Диктинны, однако на Эгине ей поклоняются как Афае, потому что она бесследно исчезла; в Спарте ее называют Артемидой Озерной; в Кефалонии она известна как Лафрия, а жители Самоса, обращаясь к ней, пользуются ее настоящим именем³.

[с] Частые супружеские измены Миноса настолько рассердили Пасифаю, что она его заколдовала: стоило ему возлечь с женщиной, как извергнутое им семя превращалось в скопище ядовитых змей и скорпионов, которые тут же набрасывались на предмет его вожделений⁴. Однажды Прокрида, дочь афинского царя Эрехтея, которую покинул муж, Кефал, появилась на Крите. Кефала же вынудила уйти от жены Эос, которая влюбилась в него. Когда он вежливо отказал богине на том основании, что не сможет обмануть Прокриду, с которой связан клятвой вечной верности, Эос возразила, что Прокрида, которую она знает лучше, чем он, легко нарушит клятву, если ей предложить золото. Кефал

отказался в это поверить, тогда Эос сделала его похожим на некоего Птелеона и посоветовала ему увлечь Прокриду на свое ложе, пообещав ей за это золотой венец. Он сделал все, как сказала Эос, и обнаружил, что Прокриду можно без усилий соблазнить. Тогда Кефал без угрызений совести решил стать возлюбленным Эос, которая вызывала в Прокриде болезненную ревность.

[d] Эос родила Кефалу сына по имени Фаэтон, но Афродита украла его, когда он был еще младенцем, чтобы сделать из него ночного стража в ее самом священном из всех святилищ. Критяне называют его Адимном, подразумевая под этим именем Утреннюю и Вечернюю звезду⁵.

[e] Тем временем Прокрида не смогла больше оставаться в Афинах, поскольку уход мужа вызвал множество пересудов, и приплыла на Крит, где Миносу удалось ее соблазнить так же легко, как и мнимому Птелеону. Он подкупил ее, подарив собаку, от которой никогда не ускользнет дичь, и дротик, который никогда не пролетит мимо цели. Оба подарка ему самому когда-то вручила Артемида⁶. Прокрида, будучи заядлой охотницей, с радостью приняла подарки, но настояла на том, чтобы Минос выпил особое зелье — отвар из волшебных трав, составленный волшебницей Киркой для того, чтобы рептилии и насекомые были для нее безопасны. Зелье сделало свое дело, но Прокрида, боясь, что Пасифая заколдует ее, поспешила вернуться в Афины, переодевшись в красивого юношу и изменив свое имя на Птерелая. Больше она Миноса не видела.

[f] Кефал, с которым она оказалась вместе на охоте, не узнал ее и так захотел получить гончую по кличке Лелап и меткое копьё, что предложил за них множество серебра. Прокрида согласилась расстаться с ними только в награду за его любовь, и, когда он согласился разделить с ней ложе, она со слезами открылась ему. Так они, наконец, помирились, и Кефал наслаждался охотой с надежной собакой и метким копьём. Однако Артемида обиделась на то, что ее столь ценные подарки так легко переходят из рук в руки, и задумала отомстить. Она заронила в голову Прокриды подозрение, что ее муж, отправляющийся в два часа ночи на охоту, все еще видится с Эос.

[g] Однажды ночью, надев темную тунику, Прокрида, крадучись, последовала при неясном свете за мужем. Спустя некоторое время Кефал услышал за спиной шорох, доносившийся из зарослей; Лелап зарычал и сделал стойку, а Кефал метнул на звук копьё, не знающее промаха, которое и пронзило Прокриду. Как и положено, Ареопаг приговорил его к вечному изгнанию за убийство⁷.

[h] Кефал удалился в Фивы, где царь Амфитрион, предполагаемый отец Геракла, выпросил Лелапа поохотиться на Тевмесскую лисицу, которая опустошала Кадмею. Эту лисицу, которую божественная воля сделала неуловимой, можно было умиловить, только жертвуя ей каждый месяц младенца. Но, поскольку та же божественная воля наделила Лелапа способностью не упускать любую преследуемую им добычу, на небесах возникли споры по поводу этого противоречия. Не придумав ничего лучшего, Зевс со злости превратил и лисицу, и Лелапа в камень⁸.

[i] Затем Кефал помог Амфитриону в ведении успешной войны против телебоев и тафийцев. Перед войной Амфитрион заставил всех своих союзников поклясться Афиной и Аресом, что никто из них не спрячет добычу. Только один Панопей нарушил эту клятву и был наказан тем, что его сын по имени Эней родился трусом⁹. Царем телебоев был Птерелай; на его голове был золотой локон бессмертия, подаренный ему дедом Посейдоном. Его дочь Комето влюбилась в Амфитриона и, стремясь вызвать в нем взаимность, выщипала золотой локон, из-за чего Птерелай умер, а Амфитрион быстро покорил телебоев с помощью Кефала, но при этом приговорил Комето к смерти за отцеубийство.

[j] От земель телебоев Кефалу достался остров Кефалления, который до сих пор носит его имя. Он никогда не простил Миносу того, что тот соблазнил Прокриду и подарил ей злополучное копье, но и себя не чувствовал невиновным, поскольку первым нарушил клятву верности, так как случай с Прокридой и Псевдо-Птелеоном нельзя было считать нарушением клятвы. «Нет, нет, — печалился он, — я никогда не должен был делить ложе с Эос!» Хотя он прошел очищение после своего проступка, за ним все время следовал дух Прокриды, поэтому, боясь принести несчастье своим спутникам, Кефал однажды отправился на Левкадский мыс, где построил храм Аполлону Белоскальному, и бросился в море с вершины высокой скалы. Падая, он громко звал Птерелая, ведь Прокрида была ему всего дороже, когда носила это имя¹⁰.

¹ *Аполлодор*. II.5.9, III.1.2; *Понн*. Деяния Диониса. XIII.222, XI..247—249.

² *Каллимах*. Гимн к Артемиде. 189; *Диодор Сицилийский*. V.76; *Аристован*. Лягушки. 1359.

³ *Павсаний*. II.30.3, III.14.2; *Антонин Либерал*. Превращения. 40; *Геродот*. III.59.

⁴ *Антонин Либерал*. Превращения. 41.

⁵ Гесиод. Теогония. 986; Ионн. Деяния Диониса. XI.131, XII.217.

⁶ Аполлодор. II.4.7; Овидий. Метаморфозы. VII.750 и след. Гигин. Мифы. 189.

⁷ Аполлодор. II.4.7, III.15.1; Антонин Либерал. Цит. соч.; Гигин. Мифы. 125, 189; Схолии к: Каллимах. Гимн к Артемиде. 209.

⁸ Павсаний. I.37.6, IX.19.1.

⁹ Цец. Схолии к Ликофрону. 933.

¹⁰ Аполлодор. II.4.7; Страбон. X. 2.9, 14.

1) Соблазнение Миносом нимф на манер Зевса, бесспорно, свидетельствует о ритуальном браке между кносскими царями и жрицами луны в различных городах-государствах его империи.

2) В восточном Крите луну-богиню называли Бритомартис, поэтому греки отождествляли ее с Артемидой (Диодор Сицилийский. V.76; Еврипид. *Ипполит*. 145; Гесихий. *Бритомартис*), а также с Гекатой (Еврипид. *Ипполит*. 141). В западном Крите эту богиню называли Диктинна, поскольку Вергилий знал: «Они называли луну Диктинна после ее имени» (Вергилий. *Кирис*. 305). Диктинна связана в мифе с *dictyon*. Это слово означает охотничью или рыболовную сеть, а *dicte* — это, бесспорно, редуцированная форма слова *dictynnaeon*, что означает «место Диктинны». После утверждения патриархальной системы смертельная охота на царя-жреца, которую устраивала богиня, вооруженная сетью, переродилась в любовное преследование богини царем-жрецом (см. 9,1; 32,b). Оба типа охоты часто фигурируют в европейском фольклоре (см. 62,1). Преследование Миносом Бритомартис, как и преследование Моксом, или Мопсом, Деркетом, о котором повествует филистийский миф, началось, когда на дубе полностью распускалась листва (возможно, во время восхождения на небе звезды Сириус), и когда Сет преследовал Исиду и дитя-Гора в плавнях дельты Нила, а кончалось девятью месяцами позже, в майский праздник. Соблазнение Зевсом Европы тоже приходится на майский праздник (см. 58, 3).

3) Похоже, что на Крите культ козы предшествовал культу быка и что Пасифья первоначально вступала в брак с царем-козлом. *Лафрия* («добытчица») — это эпитет, который Диктинна носила на Эгине, а также эпитет богини-козы Афины, на которую, как утверждают, напал козлоподобный Паллант, чья содранная шкура и стала эгидой (см. 9,a). Имя *Лафрия* говорит о том, что богиня была преследовательницей, а не преследуемой. Надписи в Эгине указывают, что большой храм Артемиды

принадлежал Артемиде Афасе («немрачная», причем этот эпитет должен был отличать ее от Гекаты). В данном мифе Афа́я связывается со словом *arhapes* («исчезающая»).

4) История Миноса и Прокриды из мифа выродилась в анекдот, на основе которого возникла любовная история в стиле городского фольклора, напоминающая один из сюжетов «Золотого осла» Апулея. Если эту историю связать с войной Миноса против Афин, приведшей к падению Кносса, то она, возможно, свидетельствует о желании критского царя вступить в ритуальный брак с верховной жрицей Афин, на что афиняне ответили отказом.

5) Прыжок Кефала с белой скалы на Левкадском мысе справедливо напоминает Страбону (X.2.9) о том, что левкадцы ежегодно сбрасывали со скалы в море мужчину с приделанными крыльями, которые должны были сдерживать его падение, или даже с привязанными к его телу живыми птицами. Жертва, т. е. фармак (*pharmacos*), или козел отпущения, избавление от которого вновь делало остров невинным, возможно, даже имела в руках солнечный зонг, действовавший как парашют (см. 70,7). Если жертва не разбивалась, то ее вылавливали из воды и отвозили на какой-нибудь другой остров (см. 96,3).

6) Миф о Комето и Птереласе напоминает о срезании волос с головы солнечного царя перед его смертью (см. 83,3; 91,1; 95,5), однако имя Птерелай подсказывает, что сбрасываемый со скалы крылатый фармак первоначально был царем. Корень в слове *elaos* или *elaios* означает дикую оливу, которая, как береза в Италии и северо-западной Европе, использовалась для изгнания злых духов (см. 52,3). На родосском диалекте *elaios* означает именно *pharmacos*.

Однако судьбы Птерелая и Кефала мифически связаны с принятием Прокридой имени Птерелая. Это указывает на то, что она в действительности была жрицей Афины, бросившей пернатого Кефала со скалы.

7) Лиса — это знак Мессены (*Аполлодор*. II.8.5; см. 49,2; 146,6). Возможно, эолийцы поклонялись луне-богине в образе лисицы, и миф о Тевмесской лисице может свидетельствовать о набегах эолийцев на Кадмею в поисках младенцев для жертвоприношений, которые были прекращены поклонявшимися Зевсу ахейцами.

8) Эпей, построивший деревянного коня (см. 167,d), в наиболее древних легендах называется воином необычайной храбрости, однако его имя иронически относят к хвостунам, и со временем оно стало синонимом трусости (Гесихий под словом *Epeius*).

[а] Среди детей Пасифаи и Миноса были Акакаллида, Ариадна, Андрогей, Катрей, Главк и Федра¹. Она также родила Кидона от Гермеса и ливийского Аммона от Зевса².

[б] Ариадна сначала была возлюбленной Тесея, а потом Диониса и родила много детей, которые стали знаменитыми. Сменивший Миноса на троне Катрей был убит на Родосе своим собственным сыном. Федра вышла замуж за Тесея и получила печальную известность из-за своей несчастной любви к своему пасынку Ипполиту. Акакаллида была первой возлюбленной Аполлона. Когда он со своей сестрой Артемидой пришел для очищения в Тарру из Эгиал, что на материке, то обнаружил Акакаллиду в доме Карманора, ее родственника по материнской линии, и соблазнил ее. Минос почувствовал себя оскорбленным и изгнал Акакаллиду в Ливию, где, как утверждают некоторые, она стала матерью Гараманта, хотя другие говорят, что он был первым человеком, который родился³.

[с] Когда Главк был еще маленьким, он играл в Кносском дворце с шариком или гонялся за мышкой, и вдруг пропал. Минос и Пасифая перевернули все вверх дном, но не нашли ребенка и решили обратиться к Дельфийскому оракулу. Им сказали, что тот, кто даст наилучшее сравнение удивительному рождению, которое недавно произошло на Крите, найдет пропажу. Минос стал расспрашивать и узнал, что в его стадах родилась телка, которая меняет масть трижды в день: белую на красную, а красную на черную. Царь призвал своих прорицателей во дворец, но никто из них не мог сравнить это чудо ни с чем на свете. Вдруг

Полиид, аргивянин и потомок Мелампа, сказал: «Эта телка больше всего напоминает спеющую ежевику [шелковицу]». Минос тут же приказал ему отправиться на поиски Главка⁴.

[d] Полиид бродил по запутанным переходам дворца, пока не наткнулся на сову, сидевшую у входа в подвал и отпугивавшую рой пчел. Полиид воспринял это как добрый знак и вниз, в подвале, обнаружил большой кувшин, в котором хранили мед, а в нем — Главка, упавшего головой вниз и утонувшего. Когда Миносу доложили о находке, он обратился к куретам и по их совету сказал Полииду: «Коль скоро ты нашел тело моего сына, ты же и должен вернуть его к жизни!» Полиид стал отказываться, говоря, что он не Асклепий и не может возвращать мертвых к жизни. «Я лучше знаю, — ответил Минос, — тебя запрут в склеп с телом Главка и дадут меч. Там ты будешь находиться до тех пор, пока не выполнишь мой приказ!»

[e] Когда глаза Полиида привыкли к мраку склепа, он увидел змея, ползшего к телу мальчика и, выхватив меч, убил его. Затем выползла вторая змея, которая при виде мертвого напарника уползла назад, но вскоре вернулась, неся во рту волшебную траву, которую положила на мертвого змея, и тот медленно стал возвращаться к жизни.

[f] Увиденное поразило Полиида. У него хватило сообразительности положить эту же траву на тело Главка, и результат оказался столь же счастливым. Затем они с Главком стали громко кричать о помощи, пока какой-то прохожий не услышал их и не побежал за Миносом, радость которого была безмерна, когда он открыл склеп и увидел там сына живым и невредимым. Он осыпал Полиида дарами, но не позволил ему вернуться в Аргос до тех пор, пока он не научит Главка искусству гадания. Полиид нехотя повиновался, а когда уже собирался отплыть домой, сказал Главку: «Мальчик, плюнь мне в рот!» Главк повиновался и тут же забыл все, что узнал⁵.

[g] Позднее Главк возглавил плавание на запад и потребовал от итальянцев, чтобы те сделали его своим царем, но они отвергли его за то, что он не столь велик, как его отец. Однако после Главка в Италии стали носить критские военные пояса и щиты, а его самого стали называть Лабик, что значит «подпоясанный»⁶.

[h] Андрогей приехал в Афины и выиграл все призы на Панафинейских играх. Однако царь Эгей знал о его дружбе с пятьюдесятью непокорными сыновьями Палланта и, боясь, что он сможет убедить своего отца Миноса поддержать их при открытом выступлении, вступил в сговор

с мегарейцами с целью напасть на него в Эное, что по дороге в Фивы, куда Андрогей отправлялся, чтобы принять участие в погребальных играх в честь Лая. Андрогей храбро защищался, но завязавшаяся битва закончилась для него трагически⁷.

[i] Весть о смерти Андрогеев пришла к Миносу, когда он приносил жертвы харитам на острове Парос. Он бросил наземь гирлянды и приказал флейтистам замолчать, но сам обряд довел до конца. С тех пор жертвоприношения харитам совершаются на острове Парос без музыки и цветов⁸.

[j] Сына Миноса Главка иногда путают с анфедонейским Главком, сыном Анфедона или Посейдона, наблюдавшим живительную силу травы, посеянной Кроном в Золотой век: на его глазах рыба, а некоторые говорят, что заяц, положенные на эту траву, снова вернулись к жизни. Он попробовал эту траву и, став бессмертным, бросился в море, где превратился в морского бога, известного своими любовными похождениями. Его подводный дом находится недалеко от берегов Делоса; каждый год он посещает все порты и острова в Греции и раздает оракулы, которые высоко ценят моряки и рыбаки. Даже Аполлона называют учеником Главка⁹.

¹ Павсаний. VIII.53.2; Диодор Сицилийский. IV.60; Аполлодор. III.1.2.

² Павсаний. Цит. соч.; Плутарх. Агид. 9.

³ Плутарх. Тесей. 20; Аполлодор. III.2.1 — 21; Еврипид. Ипполит; Аполлоний Родосский. IV.1493 и след.

⁴ Гигин. Мифы. 136; Аполлодор. III.3.1; Павсаний. I.43.5.

⁵ Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч.

⁶ Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VII.796.

⁷ Диодор Сицилийский. IV.60.4; Аполлодор. III.15.7; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.14; Гигин. Мифы. 41.

⁸ Аполлодор. III.15.7.

⁹ Атеней. VII.48; Цец. Схолии к Ликофрону. 754; Овидий. Метаморфозы. XIII.924 и след.; Павсаний. IX.22.6; Сервий. Комментарий к «Георгикам» Вергилия. I.437.

1) Пасифае как луне (см. 51,h) приписывали множество сыновей, это и Кидон, герой-эпоним Кидона, расположенного около Теги, а также кидонской колонии на Крите, и Главк, коринфский морской герой (см. 71,4), и Андрогей, в честь которого ежегодно проводились игры

в Керамике и которому афиняне поклонялись как Эвригиею, и Аммон, герой-оракул Аммонского оазиса, которого позднее приравнивали к Зевсу, а также Катрей. Ее дочери, Ариадна и Федра, — это ее копии.

2) Белый, красный и черный цвета телки Миноса были цветами лунной коровы Ио (см. 56,1), а также цветами священного быка Авгия (см. 127,1). Тот факт, что Главк преследовал мышшь, может указывать на конфликт между афинскими почитателями Афины, чей дух представлялся в виде совы (*glayx*) и почитателями Аполлона Сминфея (Мышиный Аполлон). С таким же успехом эта история могла возникнуть из-за того, что Минос дал Главку проглотить намазанную медом мышшь — средство, которое в отчаянном положении прописывали в древности больным детям на территории всего восточного Средиземноморья. То, как он умер, могло указывать также на использование меда при бальзамировании. В критских домах находили погребенных в сосудах детей, а сова была птицей смерти.

3) Полиид — это одновременно меняющий свой облик Загрей (см. 30,а) и полубог Асклепий, чьей травой жизни могла быть омела (см. 50,2). В вавилонской легенде о Гильгамеше мы находим аналогичное оживление змеи. Цветок вечной жизни у него украл змей, который с тех пор сбрасывает свою кожу и вновь становится молодым. Не сумев отнять цветок, Гильгамеш смиряется со смертью. По описанию трава напоминает крушину, которую греки применяли как слабительное перед участием в мистериях.

4) Плевок Главка в рот Полииду напоминает подобное действие, совершенное Аполлоном, когда Кассандра не заплатила ему за пророческий дар. В случае с Кассандрой плевков не привел к потере полученного дара — ей просто перестали верить (см. 158,q).

5) Богини, которым Минос приносил жертву без обычных цветов и флейтовой музыки (когда услышал о смерти своего сына), были, вероятно, тремя богинями судьбы, эфемистически названными харитами. Этот миф тоже превратился в расхожий анекдот. Смерть Андрогеея использовалась для объяснения конфликта, возникшего между Критом и Афинами (см. 98,с), с привлечением некоторой второстепенной традиции, в которой фигурировало убийство в Эное.

6) Пророческий дар анфедонийского Главка, его имя и любовные похождения, одно из которых связано со Скиллой (см. 170,г), указывают на то, что Главк был олицетворением морской мощи Крита. Как Минос, получавший свои оракулы от Зевса, так и Посейдон, считавшийся

покровителем Критской конфедерации (см. 39,7), были любовниками Скиллы (см. 91,2), а *Анфедон* («радующийся в цветах») был, очевидно, эпитетом критского героя — весеннего цветка, который возрождался в каждом позднсмийском царе (см. 85,2). Царь Кносса, вероятно, был связан посредством священных браков со всеми государствами — членами его конфедерации (см. 89,1). На этой основе и возникла репутация Главка как ветреного любовника. Не исключено, что посланник Кносса ежегодно объезжал зависимые от Крита территории, как это делал Талос (см. 92,6), и раздавал последние оракулы. Делос был принадлежавшим Криту островом и, возможно, центром, откуда расходились оракулы, полученные в Диктейской пещере Кносса. Однако этот Главк напоминает также Протея — морского бога-прорицателя с критского Фароса (см. 169,6) и Меликерта (коринфского морского бога, отождествлявшегося с другим Главком; см. 71,4). Трава, посаженная Кроном в Золотой век, могла быть магической *herbe d'or*^{77*} друидов.

7) Вариант мифа о Главке приводят со ссылкой на лидийского историка Ксанфа (Плиний. *Естественная история*. XXV.5; Нонн. *Деяния Диониса*. XXV.451 — 551). Кроме того, он запечатлен на серии монет из Сард.

^{77*} *Herbe d'or* — «золотая трава» (франц.).

[а] Минос был первым из царей, кто установил свою власть над всем Средиземным морем, которое он очистил от пиратов; на самом Крите под его властью было более девяноста городов. Когда афиняне убили его сына Андрогейя, он решил отомстить им и поплыл по Эгейскому морю, собирая корабли и войско. Жители одних островов соглашались помочь ему, других — отказывались. Сифнос согласился, не без помощи принцессы Арны, которую Минос подкупил золотом. За это боги превратили ее в галку, которая любит золото и все, что блестит. Минос заключил союз с народом Анафы, но получил отказ от Эака, царя Эгины, и отплыл, поклявшись отомстить. После этого Эак ответил на призыв Кефала присоединиться к афинянам против Миноса¹.

[b] Тем временем Минос опустошал коринфский Истм. Он осадил Нису, которой правил Нис, имевший дочь Скиллу. В городе была башня, построенная Аполлоном [и Посейдоном?], а у ее подножия лежал «музыкальный» камень; когда на него сверху бросали камешки, он звенел, как лира, потому что лира Аполлона когда-то лежала на этом месте в пору работы его каменщиком. Скилла любила проводить время на верху башни, исполняя на камне различные мелодии с помощью гальки, которую она предварительно набирала в подол. Когда началась война, она продолжала каждый день подниматься на башню, чтобы посмотреть на сражение.

[с] Осада Нисы затянулась, и Скилла вскоре могла назвать любого критского воина по имени. Пораженная красотой Миноса, его великолепными одеждами и белым скакуном, она воспылала к нему неукротимой страстью, одни говорят, по желанию Афродиты, другие обвиняют Геру².

[d] Однажды ночью Скилла прокралась в чертог своего отца и срезала у него знаменитый блестящий локон, от которого зависели его жизнь и трон. Затем, забрав у него ключи от городских ворот, она открыла их и вышла из города. Направившись к шатру Миноса, она предложила ему локон в обмен на его любовь. «Договорились!» — вскричал Минос и в ту же ночь захватил и разграбил город, а потом, как обещал, разделил со Скиллой ложе. Однако на Крит он ее не взял, испытывая отвращение к отцеубийству. Скилла бросилась в море и поплыла за кораблем, цепляясь за его корму, пока душа ее отца Ниса, принявшая образ морского орла, не налетела на нее сверху и не стала терзать когтями и крючковатым клювом. Испуганная Скилла отпустила корму и утонула, а душа ее отлетела и стала птицей кирис, которая хорошо известна благодаря своей пурпурной грудке и красным лапкам³. Одни, правда, говорят, что это Минос приказал ее утопить; другие утверждают, что ее душа превратилась в рыбу кирис, а не в птицу с таким же названием⁴.

[e] Ниса после этого стала называться Мегара — в честь Мегарея, одного из сыновей Энопы и Гиппомена. Мегарей был союзником Ниса и женился на его дочери Ифиное. Говорят также, что Мегарей унаследовал от него и трон⁵.

[f] Война тянулась до тех пор, пока Минос, видя, что ему не покорить Афины, не стал молить Зевса отомстить за смерть Андрогейя. И тогда на всю Грецию обрушились землетрясения и голод. Цари многих городов-государств собрались в Дельфах, чтобы обратиться к оракулу. Тот ответил, что нужно, чтобы от их имени молитвы богам возносил Эак. Боги услышали его молитвы, и землетрясения прекратились везде, кроме Аттики.

[g] Афиняне попытались избавиться себя от проклятья, для чего пожертвовали Персефоне дочерей Гиакинфа, которых звали Антеида, Эглеида, Ликтея и Ортея, умертвив их на могиле киклопа Гереста. Эти девушки пришли в Афины из Спарты. Однако землетрясения продолжались, а Дельфийский оракул, к которому обратились афиняне, сказал, что за смерть сына они должны дать Миносу все, что тот пожелает; в качестве дани он потребовал семь юношей и семь девушек, которых афиняне должны были посылать каждые девять лет на Крит на съединение Минотавр⁶.

[h] Потом Минос вернулся в Кносс, где в благодарность за свой успех совершил гекатомбу. Однако на девятый год его не стало⁷.

¹ Страбон. X.4.8, 15. Овидий. *Метаморфозы*. VII.480—VIII. 6.

² Гигин. *Мифы*. 198; Вергилий. *Кирис*.

³ Аполлодор. III.15.8; Гигин. *Цит. соч.*; Овидий. *Метаморфозы*. VIII.6—151; Вергилий. *Цит. соч.*; Павсаний. II.34.7.

⁴ Аполлодор. *Цит. соч.*; Павсаний. *Цит. соч.*

⁵ Павсаний. I.39.4—5.

⁶ Диодор Сицилийский. IV.61.

⁷ Овидий. *Метаморфозы*. VIII.152 и сл.; Гомер. *Одиссея*. XIX.178.

1) Историческим фоном мифа о Скилле, очевидно, служит конфликт между афинянами и их критскими повелителями, случившийся незадолго до разграбления Кносса в XIV в. до н. э. Сам миф почти полностью повторяет тафийскую историю Птерелая и Комето и во многом напоминает связанную с филистимлянами историю Самсона и Далилы.

2) Овидий (*Искусство любви*. I.331) отождествляет Скиллу с ее тезкой, которую Афродита превратила в собаку-чудовище за то, что Посейдон соблазнил ее (см. 16,2), и утверждает, что она прячет в своем чреве диких собак и львов в наказание за то, что отрезала локон у Ниса. Овидий редко допускает ошибки в мифологии, и здесь он, возможно, ссылается на легенду о том, как проклятие Пасифаи привело к тому, что Минос наполнил чрево Скиллы щенками, а не змеями и скорпионами. Пасифая и Амфитрита — это все та же луна-богиня, а Минос как владыка Средиземноморья начинает отождествляться с Посейдоном.

3) Принесение в жертву дочерей Гиакинфа на могиле Гереста может относиться к так называемым «садикам Адописа», которые создавали в честь обреченного на смерть царя, но поскольку «садики» состояли из срезанных цветов, они засыхали в течение нескольких часов. Однако Герест был еще доахейским киклопом (см. 3,b) и, согласно Большому Этимологику (под словом *Geraestides*), его дочери нянчили младенца Зевса в Гортине. Более того, Герестион был городом в Аркадии, где Рея пеленала Зевса. Тогда гиакинтиды, возможно, являются не дочерьми, а кормилицами Гиакинфа, т. е. жрицами Артемиды, которая в Книде носила титул *Гиакинфотрофос* — «кормилица Гиакинфа». Тогда их можно отождествлять с герестиадами, поскольку ежегодно умирающий Зевс Критский (см. 7,1) уже не отличался от Гиакинфа.

4) Семь афинских юношей, посвящаемых Минотавру, возможно, были призваны заменить царя Кносса в ежегодных жертвоприношениях. Приносить в жертву, конечно, было удобней чужестранцев, а не критян.

Так поступали, например, ханааняне во время обряда распятия, для которого в конце концов вместо Таммуза стали приносить в жертву пленников и преступников. «Каждый девятый год» означает, что действие происходило в конце Великого года, состоявшего из ста лунных месяцев. После того как вместо царя приносились в жертву семь юношей, наступал черед умирать самому царю (см. 81,8). Семь афинских девушек не приносились в жертву. Они, возможно, становились помощницами жрицы луны и выступали во время боя быков, который запечатлен на многих произведениях критского искусства. Это было опасное, но не всегда смертельное занятие.

5) Набор музыкальных камней, подобранных по типу ксилофона, мог существовать в Мегаре, поскольку в принципе его создать нетрудно. Но, возможно, здесь мы встречаемся с отголоском упоминаний о египетской поющей статуе Мемнона. Эта полая статуя с отверстием в глубине открытого рта звучала, когда нагретый воздух устремлялся наружу, стоило только солнцу своими лучами согреть камень (см. 164,2).

[а] О том, кто были родители Дедала, единого мнения нет. Одни называют его матерью Алкиппу, другие Меропу, третьи Ифиною; отца его также все называют по-разному и сходятся лишь в том, что он принадлежал к афинскому царскому дому, который ведет свой род от Эрехтея. Дедал был прекрасным кузнецом, причем этому искусству его обучила сама Афина¹.

[б] Один из учеников Дедала по имени Талос, или Пердикс, сын его сестры Поликасты, превзошел своего наставника в кузнечном искусстве, когда был еще двенадцатилетним мальчиком. Подобрал однажды змеиную челюсть или, как утверждают некоторые, рыбий позвоночник, и убедившись, что им можно перепилить пополам палку, Талос сделал железную копию челюсти и, таким образом, изобрел пилу. Это и другие его изобретения, например гончарный круг, а также приспособление для черчения окружностей, завоевали ему большой авторитет в Афинах, а Дедал, который утверждал, что сам выковал первую пилу, стал испытывать невыносимую зависть к Талосу². Однажды, поднявшись на крышу храма Афины на акрополе вместе с Талосом, он стал ему показывать открывавшиеся вдали виды и неожиданно столкнул его вниз. Несмотря на зависть, которую Дедал испытывал к Талосу, он бы никогда не сделал ему ничего плохого, если бы тот не вступил в кровосмесительные отношения со своей матерью Поликастой. Дедал поспешил к подножию акрополя и засунул труп Талоса в мешок в надежде похоронить его где-нибудь тайно. Когда прохожие стали спрашивать, что он несет, Дедал отвечал, что он из необходимости и, как того требует закон, подобрал мертвую змею, причем

слова его не были прямой ложью, потому что Талос был Эрехтеид. Однако пятна крови на мешке показались людям подозрительными, и преступление открылось, после чего Ареопаг изгнал его навеки из города за убийство. По другим свидетельствам, он бежал еще до суда³.

[с] Душа Талоса, которого некоторые называют Калусом, Киркином и даже Тапталом, вылетела из него в образе куропатки, а самого его похоронили в том месте, где он упал. Услышав о смерти сына, Поликаста повесилась, а афиняне в ее честь построили рядом с акрополем святилище⁴.

[d] Дедал бежал в один из демов в Аттике, народ которого стали называть по его имени — Дедалидами. Оттуда он бежал в критский Кносс, где царь Минос с радостью принял у себя такого умелого мастера. Дедал прожил на острове некоторое время, наслаждаясь покоем и почетом, пока однажды Минос не узнал, что он помог Пасифае удовлетворить ее страсть к белому быку Посейдона. За это он заточил Дедала и его сына Икара, чьей матерью была рабыня Миноса Навкрата, в лабиринте, откуда их освободила Пасифая⁵.

[e] Однако бежать с Крита было непростым делом, поскольку Минос держал все свои корабли под охраной, а сейчас даже предложил большую награду за поимку Дедала. Но Дедал сделал по паре крыльев себе и Икару, связав вместе крупные перья и склеив воском мелкие. Прикрепив крылья на спине у Икара, он со слезами на глазах сказал: «Мой сын, берегись! Не воспаряй высоко, чтобы солнце не растопило воск, и не опускайся слишком низко, чтобы перья не вымокли в море». После этих слов они проделали руки сквозь крепления крыльев и взлетели. «Держись ближе ко мне, — прокричал Дедал, — не лети, куда захочется!» Когда Дедал и Икар, надев крылья, поднялись в воздух и полетели на северо-восток от острова, им вслед глядели рыбаки, пастухи и пахари, принявшие их за богов.

[f] Уже слева от них за спиной остались Наксос, Делос и Парос, а справа проплывали Лебинф и Калимна, когда Икар послушался отца и стал подниматься все выше и выше к солнцу, радуясь силе, которая поднимала его вверх. Когда Дедал в очередной раз посмотрел через плечо, Икара уже не было видно — только волны внизу качали разлетевшиеся перья. Жар солнца растопил воск, Икар упал в море и утонул. Дедал все кружил и кружил над этим местом, наконец на поверхности моря появилось тело Икара, и отец бережно перенес его на ближайший остров, который теперь зовется Икария, и похоронил сына. На росший

рядом каменный дуб села куропатка и, радостно покрикивая, смотрела на Дедала — наконец-то душа его сестры Поликасты дождалась отпущения. По названию этого острова омывающее его море теперь называется Икарыйским⁶.

[g] Однако некоторые не верят в эту историю и говорят, что Дедал бежал с Крита на лодке, которую ему достала Пасифая, и что, когда они плыли на Сицилию и хотели высадиться на небольшой остров, Икар вывалился из лодки в море и утонул. Они добавляют, что Икара похоронил Геракл в благодарность за то, что в Писе Дедал сделал такую красивую статую Геракла, что тот принял ее за живого соперника и свалил ее камнем. Есть и такие, кто говорит, что Дедал изобрел паруса, а не крылья, для того чтобы галеры Миноса не смогли догнать его, и что Икар неумело правил лодкой и утонул, когда та перевернулась⁷.

[h] Дедал летел на запад до тех пор, пока не приземлился в Кумах, что под Неаполем. Там он посвятил свои крылья Аполлону и построил ему златоверхий храм. После этого он посетил Камик в Сицилии, где был гостеприимно встречен царем Кокалом, и стал жить среди сицилийцев, наслаждаясь громкой славой и построив множество великолепных зданий⁸.

[i] Тем временем Минос собрал большой флот и отправился на поиски Дедала. Он взял с собой раковину тритона и, куда бы ни приплывал, обещал наградить всякого, кто сможет продеть сквозь раковину нитку, зная наперед, что только Дедал сможет это сделать. Прибыв в Камик, он предложил раковину Кокалу, который взялся продеть через нее нить, и, разумеется, Дедал сразу понял, что для этого нужно сделать. Привязав паутину к муравью, он проделал в глухом конце раковины отверстие, смазал его медом, чтобы муравей, пройдя сквозь спираль раковины, вышел к приманке. После этого он привязал льняную нить к концу паутинки и протянул ее сквозь раковину. Кокал вернул раковину с продетой нитью и потребовал награду, а Минос, убедившись, что он наконец нашел, где скрывается Дедал, стал настаивать на выдаче беглеца. Но дочери Кокала никак не хотели расставаться с Дедалом, который делал для них прекрасные куклы, и вступили с ним в сговор. Дедал провел трубу через крышу бани, и, когда Минос наслаждался купанием в ней, вылил через эту трубу на него кипяток, а некоторые даже говорят — смолу. Кокал, который тоже мог быть посвящен в этот заговор, вернул труп царя критянам, заявив, что Минос споткнулся о коврик и упал в котел с кипящей водой⁹.

[j] Спутники Миноса похоронили его с большой пышностью, а Зевс назначил его судьей мертвых в Аиде. В этом деле ему должны были помогать его брат Радамант и его противник Эак. Поскольку Минос был погребен в центре храма Афродиты в Камике, его могила в течение многих поколений привлекала толпы паломников, приходивших поклониться Афродите. Затем его останки были возвращены на Крит Тероном, тираном города Акраганта.

[k] После смерти Миноса жизнь критян лишилась всякого порядка, потому что главные силы их флота были сожжены сицилийцами. Команды судов, которые вынуждены были остаться за морем, построили город Миною неподалеку от того места на берегу, где они высадились, а также город Гирию, что в Мессапии. Часть моряков ушли вглубь Сицилии и построили укрепления на холме, который вскоре превратился в город Энгион, названный так по протекавшему рядом ручью. В этом городе они построили Храм матерей, которых они чтили так же высоко, как и на своем родном Крите¹⁰.

[l] Однако Дедал покинул Сицилию и присоединился к Иолаю, племяннику и возничему тирифского Геракла, который возглавлял афинян и феснийцев, плывших на Сардинию. Многие из творений Дедала сохранились на Сардинии до сего времени и называются *дедалеи*¹¹.

[m] И еще. Талосом также звали быкоголового медного стража, которого Зевс подарил Миносу для охраны Крита. Некоторые говорят, что он один из тех людей Медного века, которые возникли из ясеня. Другие утверждают, что его на Сардинии выковал Гефест и что у него была одна-единственная жила, проходившая от шеи к лодыжкам, где ее затыкал медный гвоздь. Талос должен был трижды в день обегать Крит и швырять камни во все корабли чужестранцев, а трижды в год ему следовало не спеша обходить все критские деревни, знакомя их с законами Миноса, начертанными на бронзовых табличках. Когда жители Сардинии попытались вторгнуться на Крит, Талос раскалил себя докрасна и, злобно смеясь, уничтожил их всех в своих огненных объятиях. Отсюда и пошло выражение «сардонический смех». Причиной смерти Талоса стала Медея, которая вынула из жилы медный гвоздь и выпустила из него всю кровь. Некоторые, правда, говорят, что он погиб оттого, что аргонавт Пеант ранил его в лодыжку отравленной стрелой¹².

¹ *Аполлодор*. III.15.8; *Плутарх*. Тесей. 19; *Ферекид*. Цит. по: Схолии к «Эдипу в Колоне» Софокла. 472; *Гигин*. Мифы. 39.

- ² Аполлодор. Цит. соч.; Овидий. *Метаморфозы*. VIII.236—259; Гигин. *Мифы*. 274; Плиний. *Естественная история*. VI. 157.
- ³ Фульгенций. *Мифы*. III.2; Диодор Сицилийский. IV.76.6.; Гигин. *Мифы*. 39; Павсаний. VII.4.5.
- ⁴ Павсаний I.21.6; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия VI.14; Овидий. Цит. соч.
- ⁵ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлодор. *Эпитома*. I.12.
- ⁶ Исидор Севильский. *Начала*. XIV.6; Гигин. *Мифы*. 40; Овидий. *Метаморфозы*. VIII.182—235.
- ⁷ Диодор Сицилийский. IV.77; Аполлодор. II.6.3; Павсаний. IX.11.2—3.
- ⁸ Вергилий. *Энеида*. VI.14 и сл.; Павсаний. VII.4.5; Диодор Сицилийский. IV. 8.
- ⁹ Павсаний. Цит. соч.; Аполлодор. *Эпитома*. I.14—15; Диодор Сицилийский. IV. 9.
- ¹⁰ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Геродот. VII.170.
- ¹¹ Павсаний. VII.2.2; Диодор Сицилийский. IV.30.
- ¹² Суда под словом *Risus sardonicus* (сардонический смех); Аполлоний Родосский. *Аргонавтика*. IV.1639 и след.; Аполлодор. I.9.26; Платон. *Минос*. 320.

1) Гефеста иногда называют сыном Геры и Талоса (см. 12,с), а Талоса — юным племянником Дедала. Однако Дедал был младшим членом дома Эрехтеев, который был основан значительно позже рождения Гефеста. Такое хронологическое несоответствие является не исключением, а правилом в мифологии. Дедал или Талос и Гефест в силу схожести их атрибутики могут считаться различными эпитетами одного и того же мифического персонажа.

2) Вероятно, весной в честь луны-богини исполнялся эротический танец куропатки, в котором мужчины прихрамывали и надевали крылья. В Палестине такой обряд под названием *pesach* («хромота») продолжали исполнять, согласно Иерониму, в Бет-Хогла («святилище хромого»), где танец имел рисунок спирали. Анафа, остров к северу от Крита, с которым Минос заключил договор (см. 91,а), был в древности знаменит тем, что на нем отдыхали перелетные куропатки.

3) Миф о Дедале и Талосе, как и его вариант — миф о Дедале и Икаре, вероятно, возник на основе ритуалов: сжигание заместителя солярного царя, надевавшего орлиные крылья (см. 29,1) на весеннем костре, когда праздновался палестинский новый год; сбрасывание фармака

с крыльями куropатки, который также замещал царя-жреца, со скалы в море (см. 96,3); умерщвление царя уколом ядовитой иглы в пятку (см. 9).

4) В каком-то смысле лабиринт, из которого убегают Дедал и Икар, — это выложенная мозаикой площадка с обозначенным на ней рисунком танца, которому должны были следовать танцоры, исполняя танец куropатки (см. 98,2). Однако бегство Дедала в Сицилию, Кумы и на Сардинию относится, вероятно, к бегству местных бронзокузнецов с Крита в результате нападений эллинов. Смерть Миноса в купальне со всей очевидностью оторвана от основной канвы мифа о Нисе и Скилле (см. 91,b—d), но кельтский двойник Ниса по имени Лу-Лау был убит в купальне обманным путем. Аналогичная участь постигла другого царя-жреца, микенского Агамемнона (см. 112,1).

5) Имя Навкрата («морское владычество») свидетельствует об исторических последствиях поражения Миноса в Сицилии, в результате которого владычество на море перешло от критян к грекам. То, что Навкрата была одной из рабынь Миноса, говорит в пользу дворцового переворота, совершенного эллинскими наемниками в Кноссе.

6) Гесихий говорит, что Талос — это имя солнца, поэтому в первоначальном варианте мифа Талос должен был обходить Крит раз в день. Однако, возможно, что были три группы стражей, которые сторожили критские бухты от пиратов и выслали дозоры. И поскольку Талос-солнце звался также Тавр («бык»; ср. *Аполлодор*. I.9.26), его посещение деревень трижды в год предполагает шествие царя-солнца в ритуальной маске по стране, поскольку год на Крите делился на три сезона (75,2). Раскаленные докрасна объятия Талоса могут свидетельствовать о человеческих жертвоприношениях в честь Молоха, т. е. Мелкарта, которому в Коринфе поклонялись под именем Меликерта (см. 70,5) и который, вероятно, был известен и на Крите. Поскольку этот Талос появился из Сардинии, куда, как утверждают мифы, бежал Дедал, преследуемый Миносом, и поскольку он одновременно был подарком Зевса Миносу, мифологи упростили весь рассказ, приписав изготовление Талоса Гефесту, а не Дедалу. На самом деле Гефест и Дедал — это один и тот же персонаж. *Sardonicus risus*, или *gictus*, т. е. скручивание лицевых мускулов, характерно для челюстного тризма^{78*}.

^{78*} Челюстной тризм — периферический паралич лицевого нерва.

7) То, что у Талоса была единственная жила, относится к тайне древнего бронзового литья методом *cire-perdue*. Сначала мастер делал восковым слепок, который затем покрывался слоем глины и закладывался в печь. Как только глина обжигалась, мастер протыкал слепок в определенном месте — между пятой и щиколоткой, чтобы из формы полностью вытек воск. После этого в готовую форму можно было заливать расплавленную бронзу. Когда бронза заполняла весь объем, ей давали застыть, а затем глиняную форму разбивали; получалась бронзовая фигура, полностью копирующая восковой слепок. Критяне принесли с собой этот метод литья на Сардинию вместе с культом Дедала. Так как Дедал научился этому искусству от Афины, которую в Коринфе знали как Медею, рассказ о смерти Талоса можно считать результатом неправильного прочтения сакрального изображения, на котором Афина демонстрировала метод *cire-perdu*. Традиция, согласно которой расплавленный воск стал причиной смерти Икара, скорее должна относиться к мифу о его родственнике Талосе, поскольку Талос — медный человек — тесно связан со своим тезкой Талосом — кузнецом по меди, который изобрел циркуль.

8) Циркуль составляет одну из тайн искусства кузнеца по меди. Он особенно важен при точном нанесении окружностей на металл, когда необходимо выковать чашу, шлем или маску. Вот почему Талос еще известен под именем *Киркин* («круглый») — эпитет, который в равной мере относится и к движению солнца, и к использованию циркуля (см. 3,2). Правильно подчеркивается изобретение им пилы, поскольку для мелких работ у критян была двузубая лучковая пила, которой они пользовались с огромным мастерством. Талос — сын ясеновой нимфы, потому что древесный уголь, получаемый из ясеня, дает большой жар, необходимый при плавке. Этот миф проливает свет на то, почему Прометей сотворил людей из глины.

9) Убийство Талоса Пеантом напоминает убийство Парисом Ахилла, пораженного в пятку, а также смерть кентавров Фола и Хирона (см. 126,3). Эти мифы во многом взаимосвязаны. Фол и Хирон умирают от отравленных стрел Геракла. Пеант был отцом Филоктета, и после того как Геракл был отравлен другим кентавром, он приказал ему разжечь погребальный костер. В результате Филоктет получил те же стрелы (см. 145, b) и погиб от одной из них (см. 161, 1). Чтобы убить Ахилла, приемного сына Хирона, Парис берет смертоносные стрелы Аполлона Фессалийского (см. 164, j). И наконец, когда Филоктет мстит за Ахилла и убивает

Париса, он пользуется еще одной стрелой из колчана Геракла (см. 166,е). Похоже, что в Фессалии царь-жрец умерщвлялся стрелой, пропитанной змеиным ядом, которую танист вонзал ему в ногу между пяткой и щиколоткой.

10) В кельтских мифах *лабиринт* стал означать царское погребение (см. «Белая богиня»). О том, что это слово имело такое же значение у древних греков, говорится в Большом Этимологике, где это слово определяется как «горная пещера». У Евстафия (*Комментарий к «Одиссее» Гомера. XI.1688*) оно означает подземную пещеру. Этруск Ларс Порсена построил лабиринт на случай своей смерти (Варрон. Цит. по: Плиний. *Естественная история. XXXVI.91—93*). Были также лабиринты в «киклопских», т. е. доэллинических, пещерах неподалеку от Навплии (Страбон. VIII.6.2), на Самосе (Плиний. *Естественная история. XXXIV.27*) и на Лемносе (Плиний. Там же. 19). Сбежать из лабиринта означало родиться вновь

11) Хотя Дедал считается афинянином, так как аттический дем был назван его именем, искусство Дедала пришло в Аттику с Крита, а не наоборот. Игрушки, которые он делал для дочерей Кокала, вероятнее всего, были куклами с двигающимися конечностями, наподобие тех, которые так нравились Пасифае и ее дочери Ариадне (см. 88,е) и использовались в аттическом древесном культе Эригоны. В любом случае, сестра Дедала Поликаста повесилась, как повесились Эригона и Ариадна (см. 79,2; 88,10).

12) Обитатели Мессапии, жившие в Гирии, которая позднее называлась Урией, а теперь Орией, в классическую эпоху были известны тем, что сохранили критские обычаи: завитки на висках, одежды, вышитые цветами, двойной топор и т.п. Черепки, обнаруженные здесь, датируются XIV в. до н. э., что может служить подтверждением мифа.

[а] У Катрея, старшего из оставшихся в живых сыновей Миноса, было три дочери — Аэропа, Климена и Апемосина и сын Алтемен. Когда оракул предсказал, что Катрея убьет кто-нибудь из его детей, Алтемен и его сестра, быстроногая Апемосина, из благочестивых побуждений покинули Крит с большим количеством последователей в надежде избежать заклатья. Они высадились на острове Родос и основали город Критиния, названный так в честь их родного острова¹ Алтемен позднее осел в Камире, где местные жители оказывали ему большие почести, и воздвиг алтарь Зевсу на близлежащей горе Атабирий, с вершины которой в ясные дни вдалеке был виден его любимый Крит. Вокруг алтаря он установил медных быков, которые громко ревели, когда Родосу угрожала опасность².

[b] Однажды Гермес влюбился в Апемосину, которая не приняла его ухаживаний и сбежала. Вечером того же дня он подкараулил ее у ручья. Она опять бросилась бежать, но на этот раз он заблаговременно расстелил на ее пути скользкие шкуры; она упала, и Гермесу удалось овладеть ею. Когда Апемосина возвратилась во дворец и печально призналась Алтемену в том, что произошло, он оскорбил ее и ударил, отчего она скончалась.

[с] Тем временем Катрей, не доверяя Аэропе и Климене, двум оставшимся в живых дочерям, изгнал их с Крита, царем которого он к тому времени стал. Аэропа, после того как ее соблазнил Пелопид Фиест, вышла замуж за Атрея и родила ему Агамемнона и Менелая. Климена вышла замуж за Навплия, знаменитого мореплавателя. Состарившись в одиночестве и не имея, насколько ему было известно, ни одного наследника трона, Катрей отправился на поиски Алтемена, которого нежно любил. Высадившись однажды ночью на Родосе, Катрей и его спутники были

приняты за пиратов и атакованы камирскими пастухами. Катрей попытался объяснить, кто он такой и зачем прибыл, но его голос утонул в лае собак. Алтемен поспешил из дворца, чтобы отбить предполагаемый набег, и, не узнав своего отца, поразил его копьем. Когда выяснилось, что оракул все-таки сбывся, несмотря на долгую добровольную ссылку Алтемена, он стал умолять богов, чтобы его поглотила земля. Земля разверзлась, и он исчез в ней, однако ему до сих пор воздают почести как герою³.

¹ *Аполлодор*. III.2.1.

² *Аполлодор*. Цит. соч.; *Страбон*. XIV.2.2; Схолии к «Олимпийским одам» Пиндара. VII.159.

³ *Аполлодор*. III.2.1—2.

1) Этот искусственный миф, который запечатлел микено-минойский захват Родоса в XV в. до н. э., должен был объяснить, почему в одну из расщелин на острове совершались жертвенные возлияния в честь родосского героя, а также причину эротических игр, когда женщины танцевали на только что содранных шкурах жертвенных животных. Окончание *byrios*, или *burish*, появляется в царских титулах третьей вавилонской династии, основанной в 1750 г. до н. э., а божество Атабирий на Крите, как и божество Атабирий (гора Табор) в Палестине, фигурирующее в культе золотого тельца, было хеттским Тесупом — солнечным богом, владеющим стадами (см. 67,1). Родос первоначально принадлежал шумерской богине Дам-Кина, или Данае (см. 60,3), но впоследствии перешел во владение Тесупа (см. 42,4), а когда хеттская империя распалась, был колонизован говорящими по-гречески критянами, которые сохранили культ быка, но сделали Атабирия сыном Протея и Эвриномы, сотворившей мир (см. 1,а). В дорийскую эпоху Зевс Атабирий узурпировал родосский культ Тесупа. Рев быков воспроизводился вращением на веревке *rhomboi* — больших раковин (см. 30,1), с помощью которых отгоняли злых духов.

2) Смерть Апемосины в Камире может свидетельствовать о жестокости, с которой хетты (а не критяне) уничтожили институт жриц-пророкиц в Камире. Катрей, нечаянно убитый Алтеменом, как и Лай, нечаянно убитый своим сыном Эдипом (см. 105,d), и Одиссей, убитый своим сыном Телегоном (см. 170,k), должны быть не отцами, а предшественниками на жреческо-царском троне. Причем в данном случае история рассказана неверно: не отец, а сын должен высадиться на берег и поразить старого царя острием копья.

Жизнь и подвиги Тесея

[a] Когда афинский царь Эрехтей был убит Посейдоном, его сыновья Кекроп, Пандор, Метион и Орней поссорились из-за трона, а Ксуф, высказавшийся в пользу старшего из сыновей, Кекропа, должен был поспешно покинуть Аттику¹.

[b] Кекроп, которого Метион и Орней пригрозили убить, бежал сначала в Мегару, а затем на Эвбею, где к нему присоединился Пандор, и они основали колонию. Афинский трон достался сыну Кекропа Пандиону, матерью которого была Метиадуса, дочь Эвпалама². Однако он недолго наслаждался властью, поскольку, хотя Метион и умер, его сыновья от Алкиппы или Ифиной оказались такими же завистливыми, как и он сам. Сыновей Пандиона звали Дедал (некоторые, правда, считают его не сыном, а внуком), Евпалам, которого иногда называют отцом Дедала, и Сикион. Сикион также считается сыном то Эрехфея, то Пелопа, то Марафона, поскольку все родословные очень запутаны³.

[c] Когда сыновья Метиона изгнали Пандиона из Афин, он бежал ко двору Пиласа, Пилоса или Пилона, который был лелегским царем Мегары⁴, и женился на его дочери Пилии. Позднее Пилас убил своего дядю Бианта и, оставив Пандиона правителем Мегары, укрылся в Мессении, где и основал город Пилос. Теснимый Нелеем и пеласгами из Иолка, он вступил в Элиду и основал там второй Пилос. В Мегаре Пилия родила Пандиону четырех сыновей: Эгея, Паланта, Ниса и Лика, хотя завистливые братья Эгея распространили слух, что он якобы незаконнорожденный сын некоего Скирия⁵. Пандион никогда уже не

вернулся в Афины. В Мегаре ему построили святилище, как герою; там же, на утесе Афины-гагары, показывали его погребение, которое служит доказательством того, что эта территория некогда принадлежала Афинам. Говорят, что Афина превратилась в гагару, чтобы под крыльями спрятать Кекропа, отца Пандиона, и перенести его в целостности и сохранности в Мегару⁶.

[d] После смерти Пандиона его сыновья пошли войной на Афины, изгнали сыновей Метриона и разделили Аттику на четыре части, как повелел им отец. Эгею, как самому старшему, дали в правление Афины, а остальные части царства разделили по жребию между тремя младшими братьями. Нису досталась Мегара и земли, лежащие от нее к западу до самого Коринфа; Лик получил Эвбею, а Паллант — южную Аттику, где его потомками был суровый народ исполинов⁷.

[e] Сын Пилоса Скирон, женившийся на одной из дочерей Пандиона, оспорил право Ниса на Мегару, и Эак, призванный рассудить этот спор, оставил за Нисом и его потомками царскую власть, а командование войском присудил Скирону. В те дни Мегара называлась Нисой. Нис также назвал своим именем основанный им порт Нисею. Когда Минос убил Ниса, его погребли в Афинах, а его могилу до сих пор можно найти рядом с Ликеем. Мегарцы, однако, не желающие признать, что их город когда-либо захватывали критяне, утверждают, что Мегарей женился на дочери Ниса — Ифиное и унаследовал его трон⁸.

[f] Эгей, как Кекроп и Пандион, постоянно боялся заговоров со стороны своих сородичей, особенно Лика, которого он, как утверждают, отправил из Эвбеи в изгнание. Лик нашел убежище у Сарпедона и дал свое имя Ликии, правда, сначала он посетил Афарея в Арене и посвятил царский дом в мистерии великих богинь Деметры и Персефоны, а в древней мессенской столице Андании ввел мистерии Аттиды. Эта Аттида, давшая свое имя Аттике, была одной из трех дочерей Краная, царя-автохтона Афин, царствовавшего во время Девкалионова потопа. Дубовая роща в Андании, где Лик подверг очищению всех посвящаемых, до сих пор носит его имя⁹. Ему был дан пророческий дар, и именно его оракул позднее заявил, что, если мессенцы сумеют сохранить некую тайную вещь, они восстановят свои владения. Лик при этом имел в виду мистерии в честь Великой богини, выгравированные на листовом олове. Узнав пророчество, мессенцы зарыли этот лист в бронзовой урне между тисом и миртом на вершине горы Итоны. Ее отрыл фиванец Эпаминонд, когда с его помощью мессенцы обрели былую славу¹⁰.

[g] Афинский Ликей также назван в честь Лика; с древнейших времен он был посвящен Аполлону, который здесь впервые получил эпитет *Ликейский* и изгнал волков из Афин запахом жертвоприношений¹¹.

¹ *Аполлодор*. III.15.1, 5; *Плутарх*. Тесей. 32; *Павсаний*. VII.1.2.

² Там же. I.5.3; *Евстафий*. Комментарий к Гомеру. 281; *Аполлодор*. III.15.5.

³ *Ферекид*. Цит. по: Схолии к «Эдипу в Колоне» Софокла. 472; *Аполлодор*. III.15.8; *Диодор Сицилийский*. IV.76.1; *Павсаний*. II.6.3.

⁴ *Аполлодор*. III.15.5; *Павсаний*. IV.36.1, I.29.5.

⁵ *Аполлодор*. Там же; *Павсаний*. IV.36.1.

⁶ *Павсаний*. I.41.6, 5.3, 39.4; *Гесихий* под словом *Aethyia*.

⁷ *Аполлодор*. III.15.6; *Софокл*. Цит. по: *Страбон*. I.6; *Павсаний*. I.5.4, 39.4.

⁸ *Павсаний*. I.39.4—5, 19.5; *Страбон*. IX.1.6.

⁹ *Геродот*. I.173; *Павсаний*. I.2.5, IV.1.4—5.

¹⁰ *Павсаний*. X.12.5, IV.20.2, 26.6.

¹¹ Там же. I.19.4.

1) Мифические генеалогии, наподобие только что приведенных, часто цитировались, когда предметом спора становились суверенитет государств или наследственные привилегии. Разделение Мегары между царем-жрецом, который совершал соответствующие жертвоприношения, и его танистом, который командовал войском, имело свою параллель в Спарте (см. 74,1). Имя Эгей свидетельствует о козьем культе в Афинах (см. 8,1), а имя Лик — о культе волка, и любой афинянин, убивший волка, должен был похоронить его на общественные пожертвования (*Схолии к Аполлонию Родосскому*. II. 124). Гагара была священной птицей Афины как защитницы кораблей, и поскольку утес Афины возвышался над морем, это могла быть одна из скал, с которой жрица Афины сбрасывала крылатого фармака (см. 70,7; 89,5; и т. д.). *Аттида*, вероятно, — титул аттической женской триады, а ее сестер звали Краная и Кранехма (*Аполлодор*. III.14.5). Вероятнее всего, Аттида была связана с ритуалом, в котором фигурировала вершина скалы. Аттида, как и Афина, имела несколько воплощений в образе птиц у Гомера (см. 97,4).

[a] Первой женой Эгея была Мелита, дочь Гоплета, а второй женой — Халкиопа, дочь Рексенора, но ни одна не родила ему ребенка. Думая, что в этом, как и в злоключениях его сестер Прокны и Филомелы, виновата злая воля Афродиты, Эгей ввел в Афинах поклонение этой богине, а затем отправился к Дельфийскому оракулу. Оракул предупредил, чтобы он не развязывал концы винного меха, пока не поднимется на самую высокую точку Афин, или ему однажды придется умереть от печали. Эгей никак не мог истолковать полученный ответ¹.

[b] По дороге домой он заехал в Коринф, где Медя взяла с него торжественную клятву, что он защитит ее от любых врагов, если только она будет искать убежища в Афинах. За это она обещала с помощью магии не оставить его без наследника. Затем Эгей посетил Трезен, куда его старые товарищи, сыновья Пелопа, Питфей и Трезен, только что прибыли из Писы, чтобы разделить царство с царем Аетием. Аетий унаследовал трон от своего отца Антаса, сына Посейдона и Алкионы. Он основал Антею и Гиперею, а недавно плавал в Карию и основал Галикарнас. Однако Аетий, вероятно, был не слишком могущественным царем, поскольку Питфей после смерти Трезена объединил Антею и Гиперею в один город, посвятил его сразу Афине и Посейдону и назвал его Трезен².

[c] Питфей был самым ученым человеком своего времени, а одно из его наставительных изречений о дружбе часто цитировали: «Не разрушай надежды, рождаемой дружбой, но наполняй ее меру до краев!» Он основал прорицалище Аполлона в Трезене — древнейшее из

сохранившихся святилищ в Греции, а также посвятил алтарь триаде Фемиды. Три белых мраморных трона, стоящие сейчас над его могилой позади храма Артемиды Спасительницы, были предназначены для ведения судебных дел Питфесом и двумя его помощниками. Он также учил ораторскому искусству в святилище муз, находившемся в Трезене и основанном сыном Гефеста Ардалом, которому приписывается изобретение флейты. До сих пор сохранился трактат о риторике, написанный рукой Питфея³.

[d] В то время когда Питфей еще жил в Писе, Беллерофонт стал просить руки его дочери Эфры, но был с позором отослан в Карию, прежде чем успели сыграть свадьбу. Хотя Эфру и обещали Беллерофонту, она почти не питала надежд на его возвращение. Питфей, горюя о том, что его дочь вынуждена ходить в девушках, и испытывая на себе колдовство Медси, которая издалека насылала на них свои чары, напоил Эгея и уложил спать с Эфрой. Спустя некоторое время той же ночью Посейдон также наслаждался ее телом. Случилось это так: во исполнение сна, насланного на нее Афиной, она покинула пьяного Эгея и переправилась морем на остров Сферия, расположенный неподалеку от побережья Трезена, чтобы совершить жертвенные возлияния на могиле Сфера, возничего Пелопа. Здесь при потворстве Афины Посейдон овладел ею; Эфра впоследствии переименовала остров из Сферии в Гиеру, основала на нем храм Апатурийской Афины и установила обычай, по которому каждая трезенская девушка отныне должна была перед свадьбой посвящать свой пояс богине. Посейдон, однако, великодушно уступил Эгею право зваться отцом любого ребенка, которого в ближайшие четыре месяца родит Эфра⁴.

[e] Когда Эгей проснулся и увидел, что находится в постели Эфры, он сказал, что если у них родится сын, то его не следует бросать на произвол судьбы или куда-нибудь отправлять, а тайно воспитать в Трезене. После этого он отплыл в Афины, чтобы принять участие в Панафинейском празднике, но предварительно оставил свой меч и сандалии под полой скалой, известной как *Алтарь Сильного Зевса*. Скала находилась по дороге из Трезена в Гермий. Если мальчик, когда подрастет, сможет сдвинуть скалу и достать эти вещи, то его следует вместе с ними отослать в Афины. Все это время Эфра должна была хранить молчание, чтобы племянники Эгея, пятьдесят сыновей Палланта, не вступили в заговор с целью убийства ребенка. Меч достался Эгею в наследство от Кекропа⁵.

[f] В месте, которое сейчас зовется Генетлий и расположено на пути из города в гавань Трезена, Эфра родила мальчика. Некоторые говорят, что она сразу же назвала его Тесеем, потому что знаки его рождения были *положены* для него. Другие утверждают, что он впоследствии получил это имя в Афинах. Он рос в Трезене, где его опекун Питфей осторожно распространял слух, что его отцом является Посейдон. Некто Коннид, которому афиняне до сих пор жертвуют барана в канун Тесейских празднеств, был его педагогом. Однако есть и такие, кто говорит, что Тесей вырос в Марафоне⁶.

[g] Однажды Геракл, обдавший в Трезене с Питфеем, снял с себя львиную шкуру и повесил на спинку стула. Когда вошли дворцовые мальчишки, то при виде шкуры они с криком бросились прочь. Остался один лишь семилетний Тесей, который быстро схватил лежавший на поленице топор и смело вернулся, готовый напасть на настоящего льва⁷.

[h] В возрасте шестнадцати лет Тесей посетил Дельфы и пожертвовал свою прядь волос Аполлону. Однако он выбрил только переднюю часть головы, как это делают арабы и мисийцы или воинственные абанты, живущие в Эвбее, которые таким образом лишают своего противника каких бы то ни было преимуществ в рукопашной. Такой вид тонзуры и метод, каким он совершил эту церемонию, до сих пор называются тесейскими. Теперь он был сильным, умным и предусмотрительным юношей, и Эфра, ведя его к скале, под которой Эгей спрятал свой меч и сандалии, рассказала историю его появления на свет. Он без труда сдвинул с места скалу, которую с тех пор называют *Скала Тесея*, и забрал оставленные для него вещи. Вопреки предупреждениям Питфея и мольбам своей матери, он отправился в Афины не безопасным путем, по морю, а настоял на путешествии посуху, движимый желанием повторить подвиги своего двоюродного брата Геракла, в котором он души не чаял⁸.

¹ Схолии к «Медее» Еврипида. 668; *Аполлодор*. III.15.6; *Павсаний*. I.14.6.

² *Еврипид*. *Медей*. 660; *Страбон*. VIII.6.14; *Плутарх*. *Тесей*. 2.

³ *Плутарх*. *Цит. соч.*; *Павсаний*. II.31.3—4, 8—9.

⁴ *Павсаний* II.31.12, 33.1; *Аполлодор*. III.15.7; *Плутарх*. *Тесей*. 3; *Гигин*. *Мифы*. 37.

⁵ *Плутарх*. *Цит. соч.*; *Аполлодор*. *Цит. соч.*; *Павсаний*. III.2.7.

⁶ *Павсаний*. II.32.8; *Плутарх*. *Тесей*. 4,6; *Лактанций Плацид*. *Схолии к «Фиваиде»* Стация. XII.194.

⁷ Павсаний. V.27.8.

⁸ Гомер. Илиада. II.42; Павсаний. II.2.7; Плутарх. Тесей. 5,7.

1) *Питфей* — это форма мужского рода от имени *Питфея*. Названия городов, которые он объединил, получив Трезен, предполагают существование матриархальной календарной триады (см. 75,2): Антея («цветущая») — богиня весны, Гиперея («находящаяся над головой») — богиня лета (когда солнце находится в зените) и Питфея («сосна-богиня»), которой поклонялись осенью, когда Атгис—Адонис приносился в жертву на сосне (см. 79,1).

2) Первоначально у Тесея должен был быть брат-близнец, поскольку его мать разделила ложе с богом и смертным в одну ночь. В этом убеждают мифы об Идасе и Линкее, Касторе и Полидевке (см. 74,1), Геракле и Ификле (см. 118,3). Более того, Тесей, как и Геракл, носил львиную шкуру, поэтому должен был быть царем-жрецом, а не танистом. Но, когда после греко-персидских войн Тесей стал главным национальным героем Афин, ему оказался необходим отец-афинянин, поскольку его мать была из Трезена. Поэтому мифографы поступили так: он стал афинянином, сыном Эгея и смертным, но при необходимости мог утверждать, что его отец — Посейдон (см. 98, j; 101, b). Но в любом случае мать его оставалась уроженкой Трезена, поскольку Афины проявляли к этому городу большой интерес. Ему также разрешили иметь почетного близнеца в лице Пирифоя, который, будучи смертным, не смог избежать Аида, как это удалось Гераклу, Полидевку и самому Тесею (см. 74, j; 103, d; 134, d). Налицо стремление всеми силами показать связь между Тесеем и Гераклом, но афиняне не обладали достаточным могуществом, чтобы возвести Тесея в ранг олимпийского бога.

3) Не исключено, что существовало, по крайней мере, три мифологических персонажа по имени Тесей: один родом из Тесея, второй — из Марафона, что в Аттике, а третий — из страны лапифов. Слияние этих персонажей не могло произойти ранее VI в. до н. э., когда, как предполагает проф. Томсон ^{79*}, лапифский род Бутадов, составлявший аристократическую верхушку в Афинах и даже узурпировавший функции местного пеласгического жречества Эрехтеидов (см. 47,4), стал выдвигать афинского Тесея в противовес дорийскому Гераклу. *Питфей*

^{79*} Томсон Дж. (1903—1987) — английский ученый, автор трудов по истории Древней Греции и творчеству Эсхила.

очевидно является одновременно и элейским, и трезенским титулом, который также принадлежал герою-эпониму аттического дема, выходцу из племени Кекропа.

4) Тот факт, что Эфра посетила Сферию, говорит о том, что древний обычай храмовой проституции, которой занимались незамужние девушки, существовал в храме Афины еще некоторое время после утверждения патриархата. Этот обычай вряд ли мог появиться с Крита, поскольку Трезен не относится к микенской культуре. Скорее всего, он был заимствован у ханаанеян, как и в Коринфе.

5) Садали и меч являются древними символами царской власти и, вероятно, составляли часть обряда коронации в эпоху бронзы (см. 81,2). Один, Галахад и Артур, когда приходил их черед, должны были совершить аналогичный подвиг. Поскольку скала называлась *Алтарь Сильного Зевса* и *Скала Тесея*, можно предположить, что *Зевс* и *Тесей* были равноправными титулами царя-жреца, которого короновали на вершине этого камня. Однако вооружала его мечом богиня. На празднике, который назывался *комирия* («стрижка волос»), юноши жертвовали свои пряди волос во время ежегодного траура по этому божеству. Впоследствии таких юношей стали называть куретами (см. 7,4). Этот обряд, имеющий, возможно, ливийское происхождение (Геродот. IV.194), распространился на всю Малую Азию и Грецию. Выказывание против такого обряда встречается в Книге Левит (21:5). Однако во времена Плу-тарха Аполлону поклонялись как бессмертному богу солнца, и в подтверждение этого бессмертия ему ни в коем случае не позволялось стричь волосы.

6) Раздел Трезении между Трезеном, Питфеем и Аетием напоминает раздел, совершенный Претом, Мелампом и Биантом (см. 72,r). Питфей, который учил риторике и написал трактат, сохранившийся до классической эпохи, мог быть более поздним историческим лицом.

[а] Тесей решил очистить от разбойников прибрежную дорогу, ведущую из Трезена в Афины. Он решил не вступать в стычку, но и никому не давать спуска. Поступать, как Геракл, — чтобы наказание злодеев соответствовало преступлению¹. В Эпидавре его подстерег на дороге разбойник Перифет. Перифета одни называли сыном Посейдона, а другие — сыном Гефеста и Антиклеи. У него была огромная железная палица, которой он убивал путников. Поэтому его звали Корунет, что значит «человек-дубина». Тесей вырвал палицу из его рук и забил ею Перифета насмерть. Палица оказалась столь большой и тяжелой и так пришлась ему по вкусу, что он с тех пор всегда с гордостью носил ее с собой. И хотя ему самому удалось отразить ее смертоносный удар, в его руках она разила без промаха².

[b] В самом узком месте Истма, где сразу видны и Коринфский, и Саронический заливы, жил Синис, сын Пемона, или, как некоторые говорят, Полипемона и Селия, дочери Коринфа, утверждавшего, что он побочный сын Посейдона³. Его прозвали Питиокамптом — «сгибатель сосен» — за то, что он был человеком огромной силы и мог сгибать сосны так, что их вершины касались земли. Он часто просил ничего не подозревавших прохожих помочь ему в этом деле, а сам неожиданно отпускал сосну. Дерево разгибалось, высоко подбрасывая прохожего, и тот, падая, разбивался насмерть. Бывало, что он пригибал к земле вершины двух соседних деревьев так, что они касались друг друга, и привязывал свою жертву одной рукой к одному дереву, другой — к другому. Освобожденные деревья разрывали беднягу пополам⁴.

[с] Тесе́й стал бороться с Синисом, одолел его и поступил с ним так, как тот поступал с другими. В этот момент прекрасная девушка, стремясь спрятаться от него, бросилась в заросли тростника и дикого аспарагуса. Тесе́й последовал за ней и после длительных поисков увидел, как она умоляла цветы надежно спрятать ее, обещая за это не сжигать и не срывать их. Когда Тесе́й поклялся, что не сделает ей ничего дурного, девушка согласилась выйти из своего укрытия. Она оказалась дочерью Синиса Перигуной. Перигуна с первого взгляда влюбилась в Тесе́я, простила ему убийство своего ненавистного отца и в положенный срок родила ему сына Меланиппа. После этого он отдал ее в жены эхали́ду Деионею. Сын Меланиппа Иокс переселился в Карию, где стал предком Иоксидов, которые не жгли ни тростник, ни дикий аспарагус, но поклонялись обоим⁵.

[d] Некоторые, однако, говорят, что Тесе́й убил Синиса намного позже и за это Истмийские игры стали проводить в его честь, хотя учредил их Сисиф в честь Меликерта, сына Ино⁶.

[e] Затем в Кроммионе Тесе́й пошел на охоту и убил свирепую и страшную дикую свинью, которая перебила столько кроммионцев, что они больше не осмеливались выходить из дому, чтобы пахать свои поля. Этот зверь, названный по имени старухи, которая вскормила ее, был, как говорили, порождением Тифона и Ехидны⁷.

[f] Направляясь по прибрежной дороге, Тесе́й пришел к отвесным скалам, выступавшим прямо из моря. В них обосновался разбойник Скирон. Некоторые считали его коринфцем, сыном Пелопа или Посейдона, но были и такие, кто говорили, что он сын Гениохи и Канета⁸. Скирон обычно восседал на скале и вынуждал проходивших путников мыть ему ноги. Когда путник наклонялся к его ногам, Скирон сталкивал его со скалы в море, где уже плавала огромная черепаха, готовая пожрать очередную жертву. Морские черепахи ничем не отличаются от обычных, только крупнее и имеют лапы вместо ног. Тесе́й отказался мыть Скирону ноги, поднял его над скалой и бросил в море⁹.

[g] Мегарцы, правда, говорят, что единственный Скирон, с которым поссорился Тесе́й, — это честный и щедрый царский сын из Мегары, отец Эндейды, которая вышла замуж за Эака и родила ему Пелея и Теламона. Они добавляют, что он убил Скирона через много лет после захвата Элевсина и проводят в его честь Истмийские игры под покровительством Посейдона¹⁰.

[h] Скала Скирона возвышается недалеко от Молурийских скал, и по ним проходит тропа Скирона, которую он проложил, когда командовал

войском Мегары. Сильный северо-западный ветер, который дует с моря на этих высотах, зовется афинянами Скироном¹¹.

[i] Нужно сказать, что *sciron* означает «солнечный зонт», а месяц скирофорион назван так потому, что во время женского праздника Деметры и Коры, в двенадцатый день скирофориона, жрец Эрехфея несет белый зонт, а жрица Афины Скирады несет другой такой же зонт во время торжественного шествия, спускавшегося с Акрополя. По этому случаю изваяние богини обмазывалось *sciras* — особым гипсом, в память о белом изваянии богини, которое создал Тесей после того, как убил Минотавра¹².

[j] Продолжая свое путешествие в Афины, Тесей встретил Керкиона из Аркадии, которого некоторые считают сыном Бранха и нимфы Аргиопы, другие говорят, что он сын Гефеста или Посейдона¹³. Он вызывал прохожих на борьбу и душил их в своих могучих объятиях. Но Тесей схватил его за колени и, к удовольствию Деметры, наблюдавшей за схваткой, ударил головой оземь. Смерть Керкиона была мгновенной. Тесей не столько доверял силе, сколько ловкости, поэтому он изобрел искусство борьбы, основы которого до этого никто не понимал. Борцовская площадка Керкиона до сих пор еще видна около Элевсина. Она расположена по дороге в Мегару, рядом с могилой его дочери Алопы, по которую говорят, что ее обесчестил Тесей¹⁴.

[к] Когда он достиг Коридала, что в Аттике, то убил отца Синиса — Полипемона, прозванного Прокрустом. Тот жил у дороги, и в его доме было два ложа, одно большое, а другое — маленькое. Предлагая путникам ночлег, он низкорослых укладывал на большое ложе и вытягивал несчастных до тех пор, пока ноги жертвы не касались края, а высоким предлагал короткое ложе и отрубал им конечности. Некоторые говорят, что у него было только одно ложе, и в соответствии с ним он либо «удлинял», либо «укорачивал» тех, кто попадал к нему в руки. Как бы там ни было, а Тесей поступил с ним так же, как тот поступал с другими¹⁵.

¹ Диодор Сицилийский. IV.59.; Плутарх. Тесей. 7,11.

² Гигин. Мифы. 38; Аполлодор. III.16.1; Павсаний. II.1.4; Плутарх. Тесей. 8.

³ Павсаний. Цит. соч.; Овидий. Ибис. 407 и след.; Аполлодор. III.6.2; Схольии к «Ипполиту» Еврипида. 977.

⁴ Овидий. Метаморфозы. VII.433 и след.; Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. IV.59; Павсаний. Цит. соч.

⁵ Плутарх. Тесей. 8,29.

⁶ Плутарх. Тесей. 25.

⁷ *Плутарх*. Тесей. 9; *Диодор Сицилийский*. IV.59; *Овидий*. *Метаморфозы*. VII.433 и след.; *Аполлодор*. *Эпитома*. I.1; *Гиган*. *Мифы*. 38.

⁸ *Страбон*. IX.1.4; *Аполлодор*. *Эпитома*. I.2; *Плутарх*. Тесей. 25.

⁹ *Павсаний*. I.44.12; *Аполлодор*. *Эпитома*. I.2—3.

¹⁰ *Плутарх*. Тесей. 10,25.

¹¹ *Павсаний*. I.44.10—12; *Страбон*. IX.1.4.

¹² *Аристофан*. *Осы*. 925; *Большой Этимологик* под словом *Scirophorion*.

¹³ *Плутарх*. Тесей. 11; *Аполлодор*. *Эпитома*. I.3; *Гигин*. *Мифы*. 38; *Авл Гелли*. XV.2.1.

¹⁴ *Овидий*. *Ибис*. 407 и след.; *Аполлодор*. *Цит. соч.*; *Павсаний*. I.39.3; *Плутарх*. Тесей. 11,29.

¹⁵ *Диодор Сицилийский*. IV.59; *Аполлодор*. *Эпитома*. I.4; *Павсаний*. I.38.5; *Гигин*. *Мифы*. 38; *Плутарх*. Тесей. 11.

1) Убийство Перифета нужно для того, чтобы объяснить появление у Тесея железной палицы, наподобие той, которую всегда носил с собой Геракл (см. 120,4). Перифет изображается калекой, так как он был сыном кузнеца Гефеста, а кузнецам часто ритуально калечили нога (см. 92,1).

2) Поскольку считалось, что гнувший сосны северный ветер оплодотворял женщины, животных и поля, Питиокампт называется в мифе отцом Перигуны, которая была богиней нив (см. 48,1). Тот факт, что ее потомки по-особому относились к тростнику и дикому аспарагусу, говорит о том, что священные корзины, которые носили во время фесмофорий, были сплетены из этих растений; вот почему существовало табу на использование их в обыденной жизни. Кроммионская свинья, она же Фсея, — это белая свинья-Деметра (см. 24,7; 74,4), чей культ на Пелопоннесе перестал существовать еще в древности. Многих мифографов удивлял тот факт, что Тесей отклонился от своего пути, чтобы убить обычную свинью; Гигин и Овидий превратили ее в вепря, а Плутарх называет ее разбойницей, прозванной за безобразное поведение Свиньей. Однако она появляется и в древних уэльских мифах как Старая белая свинья по имени Хен-Вен, которую вскормил волшебник свинопас Колл из Коллфреура, про которого говорят, что он распространил пшеницу и пчел в Британии. Память же Евбулея, свинопаса Деметры, чтут в Элевсине: во время праздника фесмофорий в его честь в пропасть сбрасывали живых свицей, а их разложившимися останками удобряли посевное зерно.

3) Истории Скирона и Керкиона, очевидно, основаны на ряде сакральных изображений церемонии сбрасывания царя-жреца как фармака

с Белой скалы. Первым героем, который встретил здесь свою смерть, был Меликерт (см. 70, h), а точнее, Геракл Мелькерт из Тира, лишенный, очевидно, царских регалий — палицы, львиной шкуры и сандалий — и вместо этого получивший крылья, живых птиц и зонт, чтобы замедлить падение (см. 89,5; 92,3; 98,6). Отсюда следует, что Скирон, изображенный в тот момент, когда он готов столкнуть путника в море, на самом деле являлся фармаком, готовящимся к мукам во время *скирофории*, которая отмечалась в последний месяц года, а именно в день летнего солнцеворота. Вторая сцена, истолкованная как борьба Тесея с Керкионом, изображает царя-жреца, приподнятого над землей его преемником (как на терракоте царской колоннады в Афинах; см. Павсаний. I.3.1), а жрица богини смотрит на них одобрительно. Это общая мифологическая ситуация: Геракл, например, чтобы получить царство, боролся с Антеем в Ливии (см. 133, h) и с Эриksom в Сицилии (см. 132, q); Одиссей боролся с Филомелидом на острове Тенедос (см. 161, f). Третья сцена, которую считали мстью Тесея Скирону, изображает фармака, который летит вниз с зонтом в руке. На четвертом изображении показывается, как он достиг моря, а его зонт плавает на волнах: предполагаемая черепаха, ждущая жертвы, — это, конечно же, зонт, поскольку в Аттике не было отмечено культа черепахи.

4) Все перечисленные подвиги Тесея, очевидно, взаимосвязаны. Грамматика связывали белый зонт с гипсовым изваянием Афины. Это напоминает белые куклы в виде фармака, называемые *аргивы* («белые люди»), которые раз в год бросали в речной поток во время майского очищения храмов (см. 132, p). Кроме того, следует вспомнить белые лепешки в форме свиной, выпекавшиеся из смеси муки и гипса и использовавшиеся во время фесмофорий вместо останков свиной, доставаемых из пропасти Евбулея.

5) Синис и Скирон изображены как герои, в честь которых стали проводиться Истмийские игры. Прозвищем Синиса было Питиокампт, а Скирон, как и Питиокампт, был северо-восточным ветром. Однако поскольку Истмийские игры первоначально были учреждены в честь Геракла Мелькарта, убиение Питиокампта, вероятно, свидетельствует о подавлении культа Борея в Афинах, который, однако, возродился во время греко-персидских войн (см. 48, 4). В этом случае Истмийские игры аналогичны Пифийским играм, учрежденным в память о Пифоне, который одновременно был и оплодотворяющим северным ветром, и духом царя-жреца, убиваемого его соперником Аполлоном.

[а] Когда Тесей прибыл в Аттику, его встретили на берегу реки Кефис сыновья Фитала, чтобы совершить над ним обряд очищения от крови, которую тот пролил, в особенности от крови Синиса, который приходился им родственником по материнской линии. Алтарь Зевса Милосердного, где совершалась вся церемония, до сих пор стоит у реки. После этого Тесей стал гостем Фиталидов, и это было первое настоящее гостеприимство, оказанное ему с тех пор, как он покинул Трезен. Одетый в длинные одежды, с аккуратно уложенными волосами, он вошел в Афины в восьмой день месяца Крония, который теперь называется гекатомбеоном. Проходя мимо почти построенного храма Аполлона Дельфиния, он был принят каменщиками, работавшими на крыше, за девушку, и те его довольно нагло спросили, как это ему позволили ходить по улицам без сопровождающих. Вместо ответа Тесей выпряг быков из повозки и подбросил одного из них так, что тот взлетел над крышей храма¹.

[b] Пока Тесей рос в Трезене, Эгей сдержал обещание, данное им Мееде. Когда она бежала из Коринфа в знаменитой колеснице, запряженной крылатыми змеями, он дал ей убежище в Афинах, а затем женился на ней, будучи уверенным, что ее колдовские чары помогут ему обрести наследника, поскольку он не знал, что Эфра уже родила ему Тесея².

[с] Стоило только Тессю появиться в Афинах, как Медея тут же узнала его, и в ней проснулась тревога за родившегося у нее от Эгея сына Меда, считавшегося наследником афинского престола. Она убедила Эгея, что Тесей пришел как лазутчик или наемный убийца, и пригласила его

на пир в храм Аполлона Дельфиния. Эгей, который пользовался храмом как своим дворцом, должен был предложить Тесею чашу вина, заранее приготовленную Медсей. В чаше был аконит — яд из растения, которое она привезла из вифинской Ахерусии. Там оно впервые выросло из смертельной пены, стекавшей с Кербера, когда Геракл вытащил его из Аида. Крестьяне называют это растение *аконит*, потому что оно растет на голых скалах³.

[d] Одни говорят, что, когда в храме Аполлона Дельфиния подали жареное мясо, Тесей нарочито вытащил свой меч, словно желая отрезать кусок, как вдруг Эгей заметил вырезанных на рукояти меча змей — герб Эрехтеидов — и отшвырнул чашу с ядом. До сих пор показывают место, куда упала чаша, — оно отделено от остального храма.

[e] Тогда в Афинах воцарилось веселье, какого город еще не знал. Эгей обнял Тесея, собрал народное собрание и на нем объявил его своим сыном. Он зажег огни на всех алтарях и осыпал изваяния богов подарками, были принесены в жертву гекатомбы быков, украшенных гирляндами цветов. Во всем дворце и во всем городе аристократы и простолюдины пировали вместе и пели славу Тесею, который совершил уже больше подвигов, чем прожил лет в своей жизни⁴.

[f] После этого Тесей отправился, чтобы отомстить Медее, которая ускользнула от него, окутав себя волшебным облаком, и уже покинула Афины вместе с юным Медом и свитой, которую ей великодушно выделил Эгей. Некоторые, правда, говорят, что она бежала вместе с Поликсемом, ее сыном от Ясона⁵.

[g] Паллант и пятьдесят его сыновей, которые еще раньше заявляли, что Эгей не настоящий Эрехтеид и потому не имеет права на трон, открыто восстали, когда поняли, что этот чужак может лишить их всякой надежды когда-нибудь править Афинами. Они разделили свои силы: Паллант с двадцатью пятью сыновьями и множеством слуг пошли на город со стороны Сфетта, а другие двадцать пять сыновей залегли в засаде у Гаргетта. Однако Тесей, узнавший об их планах от вестника по имени Леос из рода Агниев, напал на скрывшихся в засаде и всех перебил. После этого Паллант взмолился о мире. Паллантиды так и не забыли предательства Леоса и до сих пор не вступают в брак с Агниями и не позволяют никому из глашатаев начинать объявление словами «*Akouete leoi!*» («Слушайте, люди!»), поскольку *leoi* звучит как Леос⁶.

[h] Этого Леоса нужно отличать от другого Леоса, сына Орфея и предка афинских Леонтидов. Однажды во время голода и чумы этот

Леос подчинился Дельфийскому оракулу и принес в жертву своих дочерей Теону, Праксифею и Эвбулу, чтобы спасти город. В их честь афиняне построили святилище Леокорий⁷.

¹ Павсаний. I.37.3, 19.1; Плутарх. Тесей. 12.

² Еврипид. Медея. 660 и след.; Аполлодор. I.9.28.

³ Плутарх. Тесей. 12; Аполлодор. Эпитома. 1.6; Овидий. Метаморфозы. VII.402 и след.

⁴ Плутарх. Цит. соч.; Овидий. Цит. соч.

⁵ Овидий. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. IV.55.6; Гелланик. Цит. по: Павсаний. II.3.7.

⁶ Плутарх. Тесей. 13.

⁷ Павсаний. I.5.2; Суда под словом *Leos*; Аристид. Панафинейская речь; Суда под словом *Leocorium*; Элиан. Пестрые рассказы. XII.28.

1) Эта искусственная любовная история с театральной развязкой в сцене с отравлением напоминает историю с Ионом (см. 44,а), а случай с подбрасыванием быка в воздух — это просто грубая имитация подвигов Геракла. Вопрос каменщиков звучит довольно анахронично, поскольку в героическую эпоху молодые женщины еще ходили без сопровождающих. Тесея также нельзя было принять за девушку, поскольку он уже пожертвовал свои волосы Аполлону и стал одним из куретов. Однако недостатки повествования говорят в пользу того, что оно возникло на основе сакрального изображения, запечатлевшего (коль скоро люди на крыше воспринимались как каменщики) жертвоприношение по случаю окончания строительства храма (см. 84,1).

2) Изгнание Медеи сначала из Коринфа, а потом из Афин указывает на искоренение элинами культа земли-богини. Ее запряженная змеями колесница свидетельствует о ней как о коринфской Деметре (см. 24,м). Поражение, нанесенное Тесем Палантидам, также указывает на подавление первоначального культа Афины (см. 49,1; 16,2) с ее пятьюдесятью жрицами; *pallas* может означать и «юноша», и «девушка». Другой вариант этой же истории мы находим в принесении в жертву трех дочерей Леоса, которые на самом деле были богинями в виде триады. Девственницей была Теопя («божественный лик»), олицетворявшая народившуюся луну; нимфой — Праксифея («богиня в действии»), олицетворявшая царицу-пчелу. В Эвбее так же звали мать Кекропа (Аполлодор. III.15.1). Старухой являлась Эвбула («добрый совет»), олицетворявшая богиню-оракула, которой Эвбулей-свинопас служил в Элвсине.

3) То, что Паллантиды и Агнии воздерживались от браков между собой, могло являться атавизмом экзогамии со сложной системой групповых браков между фратриями, причем каждая фратрия или подфратрия состояла из нескольких тотемных кланов. Если эта догадка справедлива, то Паллантиды и Агнии, вероятно, принадлежали одной подфратрии, тогда как браки разрешались только между представителями различных подфратрий (см. 80,5). Тотемом Паллантидов могла быть коза, Агниев — ягненок, Леонтидов — лев, а Эреxfеев — змей. В аттической мифологии называются и другие тотемные кланы, например: ворона, соловей, удоd, волк, вепрь и сова.

4) Судя по мифам о Тесеe и Геракле, верховные жрицы богини Афины в Афинах и богини Геры в Аргосе принадлежали к клану льва, в который они принимали царя-жреца. Золотое кольцо, найденное в Тиринфе, изображает четырех львов-мужчин, предлагающих сосуды для жертвенных возлияний сидящей богине, которой может быть Гера, так как за ее трном сидит кукушка (см. 12,4). Хотя на Крите не водились львы, их изображения как священных животных богини встречаются и здесь. Афина не ассоциировалась с кукушкой, но изображалась в образе других птиц, которые могут иметь тотемное происхождение. У Гомера ее можно встретить в образе морского орла (*Одиссея*. III.371) и ласточки (Там же. XXII.239); вместе с Аполлоном она появляется в образе ястреба (*Илиада*. VII.58), а вместе с Герой — в образе голубки (Там же. V.778). На небольшой афинской вазе, датируемой V в. до н. э., Афина изображена в виде жаворонка. Около Мегары существовало святилище, где ей поклонялись в образе гагары или баклана (Павсаний. I.5.3; см. 94,с). Однако ее основным птичьим образом была мудрая сова. Клан сов сохранил свой ритуал вплоть до классической эпохи: во время инициации наряженные совами молодые люди исполняли обряд поимки их тотемной птицы (Поллукс. IV.103).

5) Рассказ Плутарха об «*Akouete leoi*» достаточно достоверен: в первобытных религиях очень часто случалось так, что отдельные слова подвергались запрету из-за того, что они звучали как имя человека, название предмета или животного, упоминание которого считалось небезопасным. Особенно это относилось к именам умерших родственников, даже если они умирали естественной смертью.

6) То, что Паллантиды не считали Эгея и Тесея истинными Эреxfеидами, может указывать на протест, который в VI в. до н. э. в Афинах вызвала узурпация местного жречества Эреxfеидов (см. 95,3) семьей иммигрантов Бутадов, которые реставрировали легенду о Тесеe.

[а] До сих пор неясно, отправил ли Эгей Тесея против свирепого белого быка Посейдона по наущению Медуи или же он решил убить это огнедышащее чудовище уже после того, как Медуею изгнали из Афин, надеясь тем самым снискать еще большее расположение афиян. Привезенный Гераклом с Крита и отпущенный на волю в долине Аргоса, бык пошел по Истму в Марафон и стал сотнями убивать людей между городами Пробалиниф и Трикоринф, причем некоторые говорят, что среди погибших был сын Миноса Андрогей. Однако Тесей смело ухватил быка за смертоносные рога и победно протащил его по улицам Афин к крутому склону Акрополя, где принес его в жертву Афине или Аполлону¹.

[b] На пути в Марафон Тесей воспользовался гостеприимством старой пряжи по имени Гекала, или Гекалена, которая обещала принести в жертву Зевсу барана, если только Тесей останется живым. Но она умерла, не дождавшись победы Тесея, и тот учредил *гекалессии* в ее честь и в честь Зевса Гекалея. Эти обряды исполняются и сейчас. Поскольку Тесей был в то время всего лишь мальчиком, Гекала ласкала его, как ласкают детей, поэтому ее чаще зовут уменьшительным именем Гекалена, а не Гекала².

[с] Как плату за смерть своего сына Андрогея Минос приказал афиянам присылать на Крит семерых юношей и семерых девушек раз в девять лет, — а точнее, в конце Великого года, — где в лабиринте их пожирал Минотавр. Этот Минотавр, которого звали Астерием, или Астерионом, был быкоголовым чудовищем, которого Пасифая родила

от белого быка³. Вскоре после прибытия Тесея в Афины наступило время в третий раз посылать дань, и его охватила такая жалость к родителям, чьих детей по жребию должны были отправить на Крит, что он сам предложил себя в качестве жертвы, несмотря на самые искренние попытки Эгея разубедить его. Некоторые, правда, говорят, что на него выпал жребий. Другие считают, что царь Минос сам прибыл с большим флотом отбирать жертвы. Он прослезился, когда Тесей, хотя он был родом из Трезена, а не из Афин, сам вызвался отправиться на Крит при условии, что, если ему голыми руками удастся победить Минотавра, Афины больше не будут платить дань своими детьми⁴.

[d] В двух предыдущих случаях корабли, на которых плыли четырнадцать жертв, поднимали черные паруса, но Тесей был уверен, что бог на его стороне, и поэтому Эгей вручил ему белый парус, который в случае успеха он должен был по возвращении поднять на своем корабле. Некоторые говорят, что парус был пурпурным, окрашенным соком ягод кермесоносного дуба⁵.

[e] Когда в суде были брошены все жребии, Тесей повел своих спутников в Дельфиний, где от всех пожертвовал Аполлону масличную ветвь, увитую белой шерстью. Четырнадцать матерей закупили еду на дорогу и, чтобы поднять дух своих детей, стали рассказывать притчи и героические сказания. Тесей, однако, заменил двух девушек парой женственных юношей, обладавших тем не менее недюжинной храбростью и здравым умом. Им он наказал принимать теплые ванны, избегать солнечных лучей, не отличаться от девушек ни осанкой, ни повадками и ходить девичьей поступью. Так ему удалось обмануть Миноса и выдать их за девушек⁶.

[f] Феак, предок феаков, к которым попал Одиссей, стал у руля на носу тридцативесельного судна, на котором они отплыли, потому что никто из афинян не был знаком с наукой мореплавания. Одни говорят, что кормчим был Ферекл, но, пожалуй, правы другие, кто говорит, что кормщиком был Навсифой, потому что по возвращении Тесей воздвиг монументы Навсифою и Феаку в Фалерах — порту, из которого они отбыли, и в их честь стали проводить местный праздник кормчих⁷.

[g] Дельфийский оракул посоветовал Тесею взять на время плавания в путеводительницы Афродиту. Поэтому он принес ей жертвы на берегу, но — о, чудо! — принесенная в жертву коза превратилась во время предсмертных судорог в козла. Из-за этого чуда Афродита получила эпитет *Козлиная*⁸.

[h] Тесей отплыл в шестой день мунихиона (апрель). Каждый год в этот день афиняне отправляют девушек в Дельфиний, чтобы умиловать Аполлона, потому что Тесей забыл это сделать перед отплытием. Буря, насланная разгневанным богом, вынудила их укрыться в Дельфах и принести там запоздалые жертвы⁹.

[i] Когда через несколько дней корабль достиг Крита, Минос на колеснице спустился в бухту, чтобы пересчитать жертвы. Влюбившись в одну из афинских девушек, — до сих пор спорят, была ли это Перибей, мать Аякса, Эрибей или Феребей, поскольку у всех трех имена очень похожи, — он готов уже был овладеть ею, но вмешавшийся Тесей заявил, что ему как сыну Посейдона подобает защищать девиственниц от посягательств тиранов. Похотливо засмеявшись, Минос ответил, что про Посейдона никак нельзя сказать, чтобы он жалел приглянувшихся ему девушек¹⁰.

«Эй! — вскричал Минос. — Достань мне эту безделицу и докажи, что ты сын Посейдона!» — с этими словами он бросил в море свое кольцо с печатью. — «Сначала докажи, что ты сын Зевса!» — ответил ему Тесей.

[j] Минос доказал. Он вознес молитву: «Отец Зевс, услышь меня!» — и в ответ тут же сверкнула молния и раздался удар грома. После этого Тесей нырнул в море, где большая стая дельфинов с почетом сопровождала его в подводный дворец нерсид. Некоторые говорят, что нерсида Фетида вручила ему тогда украшенную камнями корону, подаренную ей на свадьбу Афродитой, которую впоследствии носила Ариадна. Другие утверждают, что это сделала морская богиня Амфитрита, пославшая во все стороны нерсид на поиски кольца. Как бы там ни было, когда Тесей появился из моря, у него были кольцо и корона, как это запечатлел Микон^{80*} в росписи на третьей стене святилища Тесея¹¹.

[k] Афродита действительно сопровождала Тесея, потому что не только Перибей и Феребей пригласили галантного Тесея разделить с ними ложе (и не были отвергнуты), но даже дочь Миноса Ариадна влюбилась в него с первого взгляда. «Я помогу тебе убить моего сводного брата Минотавра, — тайно пообещала она ему, — если ты позволишь мне отправиться в Афины твоей женой». Это предложение Тесей с радостью

^{80*} Имя, которое носили многие греческие художники. Здесь речь о художнике времен расцвета Афин (вторая половина V в. до н. э.).

принял и поклялся жениться на ней. Случилось так, что, прежде чем покинуть Крит, Дедал вручил Ариадне волшебный клубок ниток и научил ее, как входить и выходить из лабиринта. Она должна была открыть дверь и привязать свободный конец нити к дверной притолоке, клубок покатится впереди нее, становясь с каждым шагом все меньше, и приведет по хитрым поворотам и переходам к внутреннему помещению, где обитает Минотавр. Этот клубок Ариадна отдала Тесею и наказала ему следовать за клубком, пока тот не приведет его к спящему чудовищу, которого следует схватить за волосы и принести в жертву Посейдону. Обратную дорогу он найдет, сматывая нить в клубок¹².

[1] Той же ночью Тесей сделал все, как ему было сказано, но до сих пор спорят, убил ли он Минотавра мечом, данным ему Ариадной, просто голыми руками или своей знаменитой палицей. Скульптурный фриз в Амиклах изображает связанного Минотавра, которого ликующий Тесей ведет в Афины, однако не все верят, что все было именно так¹³.

[m] Когда Тесей вышел из лабиринта, забрызганный кровью, Ариадна страстно обняла его и повела всех афинян в бухту. К этому времени двое юношей, переселенных в девушек, убили стражей женских покоев и освободили пленниц. Они тайком пробрались на свой корабль, где их уже ждали Навсифой и Феак. Все дружно налегли на весла и поспешили прочь. Но, несмотря на то что Тесей заблаговременно пробил дно у многих критских судов, чтобы помешать погоне, на берегу прозвучала тревога, и ему пришлось уже в бухте вступить в морской бой, прежде чем им удалось (к счастью, без потерь) выскользнуть в открытое море под покровом темноты¹⁴.

[n] Через несколько дней Тесей высадился на остров, который тогда назывался Диа, а теперь известен как Наксос, и оставил спящую Ариадну на берегу, а сам уплыл. Почему он так поступил, до сих пор остается тайной. Одни говорят, что он покинул ее из-за новой возлюбленной по имени Эгла, дочери Панопися, другие — что пока ветер не давал ему уплыть с Диа, он все думал о неприятностях, которые вызовет приезд Ариадны в Афины¹⁵. Третьи считают, что Дионис, явившийся во сне Тесею, стал угрожать и требовать себе Ариадну и что, когда Тесей проснулся и увидел флот Диониса, державший курс на Диа, то, подавшись внезапному страху, поднял якорь, а Дионис, используя чары, заставил его забыть и обещание, данное Ариадне, и даже само ее существование¹⁶.

[o] Какой бы ни была правда, жрецы Диониса в Афинах подтверждают, что Ариадна стала горько причитать, обнаружив, что осталась одна, покинутая на острове, и вспоминая, как она дрожала, когда Тесей отправился убивать ее уродливого сводного брата, как она давала молчаливые обеты, чтобы только он победил, и как из-за любви к нему она бросила родителей и родину. Сейчас она призывала всю вселенную отомстить за нее, и отец Зевс согласился. Тогда для спасения Ариадны явился нежный и ласковый Дионис со своей веселой свитой сатиров и менад. Он без промедления женился на ней, надев на ее голову венец Фетиды, а она родила ему много детей¹⁷. Из них только Фоанта и Энопиона иногда называют сыновьями Тесея. Венец, который позднее Дионис вознес на небо как созвездие Северной Короны, изготовил Гефест из огненного золота и красных индийских камней, вставленных в оправу, словно розы¹⁸.

[p] Критяне, однако, отказываются признать, что Минотавр когда-либо существовал и что Ариадна досталась Тесею незаконно. Они считают, что лабиринт — это просто хорошо охраняемая тюрьма, в которой содержались афинские юноши и девушки, предназначенные в жертву на погребальных играх в честь Андрогеея. Некоторых из них приносили в жертву на его могиле, а остальных вручали победителям в качестве призов, как рабов. Случилось так, что жестокий и надменный военачальник Миноса, по имени Тавр, год за годом забирал их к себе, выигрывая все соревнования, в которых участвовал, к большому неудовольствию своих соперников. Он злоупотребил доверием Миноса, потому что пошла слухи, будто он вступил в любовную связь с Пасифаей, в чем ему помог Дедал, и что один из ее сыновей-близнецов очень похож на него. Поэтому Минос с радостью согласился, когда Тесей испросил разрешения побороться с Тавром. В древнем критском государстве игры разрешалось посещать и мужчинам и женщинам, и Ариадна влюбилась в Тесея, когда увидела, как тот трижды подряд перебрасывал через себя прежнего победителя и прижимал его плечами к земле. Миносу это зрелище доставило не меньшее удовольствие, и он вручил Тесею награду, объявил его своим названным сыном и отменил жестокую дань¹⁹.

[q] Традиционная песнь боттиеев подтверждает легенду в том, что не все жертвы умерщвлялись. В ней говорится, что критяне посылали в качестве жертвы своих детей-первенцев в Дельфы, причем в основном это были дети живших на Крите афинских рабов. Однако дельфийцы не могли прокормить их из-за скудости ресурсов своего небольшого

города и отправляли за море, чтобы они основали колонию в Япигии, что в Италии. Позднее они осели во фракийской Боттисе. А вызывающее тоску восклицание девушек из Боттисе: «О дай нам вернуться в Афины!» — постоянно напоминает об их происхождении²⁰.

[г] Совершенно иначе все рассказывают киприоты и другие. Они говорят, что Минос и Тесей достигли соглашения, закрепленного клятвой, что ни один корабль, кроме «Арго», — которым командовал Ясон, обещавший очистить море от пиратов, не имел права плавать в греческих водах с командой, превышающей пять человек. Когда Дедал бежал с Крита в Афины, Минос нарушил этот уговор, бросившись за ним в погоню на больших судах, чем вызвал гнев Посейдона, который был свидетелем клятвы. Он поднял бурю, отогнавшую корабли к Сицилии, где Минос нашел свою смерть. Сын Миноса Девкалион пригрозил, что если афиняне не выдадут Дедала, то он казнит всех заложников, которых оставил Тесей при заключении договора. Тесей ответил, что Дедал его кровный родственник, и спросил, нельзя ли прийти к обоюдному согласию как-нибудь по-другому. Они обменялись с Девкалионом несколькими посланиями, но все это время Тесей тайно строил военные корабли, частью — в Тиметадах (поскольку этот порт лежал в стороне от морских путей), а частью — в Трезене, где у Питфея была верфь, о которой критяне ничего не знали. Через месяц или два его корабли вышли в море, ведомые Дедалом и другими беглецами с Крита. Критяне приняли приближающиеся корабли за потерявшуюся часть флота Миноса и громко их приветствовали. Поэтому Тесей захватил бухту почти без сопротивления и тут же направился в Кносс, где перебил стражу Девкалиона, а его самого убил во внутренних покоях дворца. После этого критский трон перешел к Ариадне, с которой Тесей великодушно договорился. Она освободила афинских заложников, и между двумя народами был заключен дружеский союз и принесена клятва никогда более не начинать войну. На самом деле Ариадна просто вышла за Тесея замуж²¹.

[s] После продолжительных празднеств они отправились в Афины, но буря отнесла их к Кипру. Здесь Ариадна, будучи беременной от Тесея и боясь, что из-за морской качки случится выкидыш, попросила высадить ее на берег недалеко от Амафунта, что и было сделано. Но не успел Тесей вернуться на корабль, как сильный ветер стал уносить весь флот в открытое море. Женщины Амафунта очень хорошо приняли Ариадну и утешали ее письмами, которые якобы только что пришли от Тесея, чинящего корабли на берегу соседнего острова, а когда она умерла

от родов, они устроили ей пышные похороны. В Амафунте до сих пор показывают могилу Ариадны, расположенную в роще, где ей поклоняются под именем Ариделы. Когда Тесе́й все-таки вернулся на Кипр, проделав путь от сирийского берега, то очень опечалился, узнав о смерти Ариадны, и оставил много денег, наказав приносить ей жертвы. Киприоты до сих пор еще отмечают праздник Ариадны во второй день месяца горни́ся. Во время праздника какой-нибудь юноша ложится наземь в роще Ариадны и имитирует родовые муки. Они также поклоняются двум небольшим статуям Ариадны — одной из серебра, а другой — из бронзы, которые оставил Тесе́й. Они также говорят, что Дионис не только не женился на Ариадне, но и рассердился за то, что она с Тесеем осквернила Наксосский грот, и даже пожаловался Артемиде, которая и убила Ариадну во время родов безжалостными стрелами. Некоторые, правда, утверждают, что Ариадна сама повесилась, боясь Артемиды²².

[i] Вернемся, однако, к истории Тесе́я. Из Наксоса он отправился на Делос и там принес жертву Аполлону и устроил атлетические игры в его честь. Именно здесь он ввел новый обычай — украшать голову победителя пальмовым венком и вручать ему пальмовую ветвь. Он также благоразумно пожертвовал Аполлону небольшое изваяние Афродиты работы Дедала, которое Ариадна захватила из Крита и оставила на борту корабля, — оставь он его, это могло бы вызвать множество циничных замечаний афинян. Это изваяние, которое и сейчас показывают на Делосе, стоит на квадратном основании, заменяющем ноги богини, и постоянно украшено гирляндами цветов²³.

[ii] Неподалеку от круглого озера на Делосе стоит роговой жертвенник. Его построил сам Аполлон, когда ему было всего четыре года, сложив из бесчисленного количества рогов от коз, убитых Артемидой на горе Кинф. Это было первое архитектурное творение Аполлона. И основание жертвенника, и окружающие его стены полностью сделаны из рогов, причем все рога взяты с одного бока животных, только непонятно — с правого или левого²⁴. Если что делает это творение равным семи чудесам света, так это то, что ни раствор, ни другое связующее вещество не были использованы при его постройке. Именно вокруг этого жертвенника — или, как говорят другие, вокруг жертвенника Афродиты, на котором стояла статуя работы Дедала, — Тесе́й и его спутники исполняли пляску журавля: мерные движения то в одну сторону, то в другую как бы воспроизводят запутанные ходы лабиринта. Делосцы до сих пор танцуют этот танец, завезенный Тесеем из Кносса. Дедал

построил Ариадне площадку для этого танца, выложил все фигуры белым рельефным мрамором, скопировав их с египетского лабиринта. Исполнявшийся Тесеем и его спутниками танец журавля на Кноссе стал первым танцем, в котором вместе плясали мужчины и женщины. Во многих городах Греции и Малой Азии этот танец еще танцуют старые люди (особенно моряки), а в итальянских деревнях его танцуют дети. Кроме того, с него начались Троянские игры²⁵.

[v] Мечь Ариадны настигла Тесея. То ли печалась, что потерял ее, то ли от радости при виде аттического берега, но он забыл о своем обещании поднять белый парус²⁶. Эгей, который наблюдал за приближающимся кораблем с акрополя (где сейчас стоит храм крылатой Ники), заметил черный парус, лишился чувств, а потом, придя в себя, бросился вниз головой с акрополя и разбился насмерть. Некоторые, правда, говорят, что он бросился в море, которое с тех пор зовется Эгейским²⁷.

[w] Тесею не говорили об этом печальном событии до тех пор, пока он не совершил все жертвоприношения богам в благодарность за благополучное возвращение. После этого он похоронил Эгея и построил ему святилище, как герою. На восьмой день пианепсиона (октябрь), т. е. день, когда Тесей вернулся с Крита, благодарные афиняне спешат на берег моря с кухонными горшками и там варят всевозможные бобы, чтобы напомнить своим детям о том, как Тесей, который был вынужден из-за нехватки пищи держать команду корабля впроголодь, сойдя на берег сразу же сложил всю оставшуюся провизию в один котел и наконец-то наполнил пустовавшие желудки моряков. На этом же празднике поют благодарственные песни в честь окончания голода и приносят масличную ветвь, обвитую белой шерстью и увешанную по сезону плодами, в память о той оливе, которую Тесей пожертвовал богам, отправляясь в плавание. Поскольку это было временем сбора урожая, Тесей учредил праздник виноградных ветвей в благодарность то ли Афине, то ли Дионису, поскольку оба божества явились ему на Наксосе, а может быть, в честь Диониса и Ариадны. Двое несущих ветви олицетворяли тех двух юношей, которых Тесей взял на Крит, переодев девушками, и которые сопровождали его во время триумфального шествия после возвращения в Афины. Четырнадцать женщин несут провизию и принимают участие в жертвоприношении. Они олицетворяют матерей спасенных жертв и должны рассказывать притчи и древние мифы, как это делали настоящие матери накануне отплытия корабля²⁸.

[х] Тесей посвятил Артемиде Спасительнице храм на рыночной площади Трезена, а его самого сограждане почтили святилищем еще при жизни. Те семьи, с которых взималась дань Криту, обязались поставить необходимые жертвоприношения. Жрецами в новом храме Тесей позволил быть Фиталидам в благодарность за их гостеприимство. Судно, на котором он плывал на Крит, с тех пор раз в год отправлялось на Делос и обратно, но его так часто перебирали и перестраивали по мере ветшания, что оно стало обычным примером в рассуждениях философов, определяющих понятие самотождественности меняющегося объекта²⁹.

¹ *Аполлодор*. Эпитома. I.5; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VIII.294; *Павсаний*. I.27.9; *Плутарх*. Тесей. 14; *Гесихий* под словом *Bolynthos*.

² *Плутарх*. Цит. соч.; *Каллимах*. Гекала. Фрагмент 15 *Schneider*; *Овидий*. Лекарство от любви. 747.

³ *Диодор Сицилийский*. IV.61; *Гигин*. Мифы. 41; *Аполлодор*. Цит. соч. III.1.4; *Павсаний*. II.31.1.

⁴ *Плутарх*. Тесей. 17; *Аполлодор*. Цит. соч. I.7; Схолии к «Илиаде» Гомера. XVIII.590; *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.; *Гелланик*. Цит. по: *Плутарх*. Тесей. 17.

⁵ *Плутарх*. Цит. соч.; *Симонид*. Цит. по: *Плутарх*. Цит. соч.

⁶ *Плутарх*. Тесей. 18; *Демон*. История. Цит. по: *Плутарх*. Тесей. 23.

⁷ *Филохор*. Цит. по: *Плутарх*. Тесей. 17; *Симонид*. Цит. по: *Плутарх*. Цит. соч.; *Павсаний*. 172.

⁸ *Плутарх*. Цит. соч.18.

⁹ *Плутарх*. Цит. соч.

¹⁰ *Павсаний*. I.42.1; *Гигин*. Поэтическая астрономия. II.5; *Плутарх*. Тесей. 29.

¹¹ *Павсаний*. I.17.3; *Гигин*. Цит. соч.

¹² *Плутарх*. Тесей. 29; *Аполлодор*. Эпитома. I. 8.

¹³ *Гомер*. Илиада. XVIII.590; *Евстафий*. Комментарий к «Одиссее» Гомера. XI.320; *Аполлодор*. Эпитома. I.9; *Овидий*. Героини. IV.115; *Павсаний*. III.18.7.

¹⁴ *Павсаний*. II.31.1; *Ферекид*. Цит. по: *Плутарх*. Тесей. 19; *Демон*. Цит. по: *Плутарх*. Цит. соч.

¹⁵ Схолии к «Идиллиям» Феокрита. II. 45; *Диодор Сицилийский*. IV. 61.5; *Катулл*. LXIV. 50 и след.; *Плутарх*. Тесей. 29; *Гигин*. Мифы. 43.

¹⁶ *Павсаний*. X. 29.2; *Диодор Сицилийский* V.51.4; Схолии к Феокриту. Цит. соч.

- ¹⁷ Павсаний. I.20.2; Катулл. LXIV.50 и след.; Гигин. Поэтическая астрономия. II.5.
- ¹⁸ Плутарх. Тесей. 20; Псевдо-Эрастофен. Превращение в звезды. 5.
- ¹⁹ Плутарх. Тесей и Ромул; Филохор. Цит. по: Плутарх. Тесей 16; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.14; Филохор. Цит. по: Плутарх. Тесей.. 19.
- ²⁰ Аристотель. Государственное устройство боттиеев. Цит. по: Плутарх. Тесей. 16; Плутарх. Греческие вопросы. 35.
- ²¹ Клидем. Цит. по: Плутарх. Тесей. 19.
- ²² Гесихий под словом *Aridela*; Пеон. Цит. по: Плутарх. Тесей. 21.
- ²³ Плутарх. Цит. соч. 21; Павсаний. VIII.48.2, IX.40.2; Каллимах. Гимн к Делосу. 312.
- ²⁴ Каллимах. Гимн к Аполлону. 60 и след.; Плутарх. Цит. соч., Кто из животных самый ловкий? 35.
- ²⁵ Плутарх. Тесей. 21; Каллимах. Гимн к Делосу. 312 и след.; Гомер. Илиада. XVIII.591—592; Павсаний. IX.40.2; Плиний. Естественная история. XXXVI.19; Схолии к «Илиаде» Гомера. XVIII.590; Евстафий. Комментарии к «Илиаде» Гомера. 1166; Вергилий. Энеида. V.588.
- ²⁶ Катулл. LXIV.50; Аполлодор. Эпитома. I.10; Плутарх. Тесей. 22.
- ²⁷ Катулл. Цит. соч.; Павсаний. I.22.4—5; Плутарх. Цит. соч.; Гигин. Мифы. 43.
- ²⁸ Павсаний. I.22.5; Плутарх. Тесей. 22, 23.
- ²⁹ Павсаний. II.31.1; Плутарх. Цит. соч. 23.

1) Критская культура стала распространяться в Греции в конце XVIII в. до н. э., возможно, благодаря эллинской аристократии, которая захватила власть на Крите поколением или двумя раньше и оказалась у истоков новой культуры. Бесхитростный рассказ о набеге Тесея на Кносс, который приводит Плутарх со ссылкой на Клидема, звучит довольно правдоподобно. Он описывает, как афиныяне восстали против своего критского владыки, который захватил заложников как гарантию послушания Афин; стали тайно строить корабли, разграбили не защищенный крепостными стенами Кносс, когда основной критский флот был у Сицилии, а затем подписали мирный договор, скрепленный браком афинского царя с наследницей критского трона Ариадной. Эти события, которые могли произойти в XIV в. до н. э., имеют и мифологическое объяснение: дань в виде юношей и девушек, которая взималась с Афин как плата за убийство критского принца. Тесей, который ловко убил быка Миноса или

победил в борцовской схватке главного полководца Миноса, освобождает Афины от дани, женится на наследнице трона Ариадне и заключает мир с самим Миносом.

2) Убийство Тессем быкоголового Астерия по прозвищу Минотавр, или бык Миноса, его поединок в борьбе с Тавром («бык»), а также захват критского быка — это все версии рассказа об одном и том же событии. *Bolynthos*, давший название аттическому городу Пробалинфу, переводится с критского как «дикий бык». *Минос* — это титул кносской династии, чьей эмблемой был небесный бык; *Астерий* могло означать «солнечный» или «небесный». Именно в образе быка царь, вероятно, вступал в ритуальный брак с верховной жрицей луны-коровы (см. 88,7). Одним из элементов, составивших основу мифа о лабиринте, мог быть тот факт, что кносский дворец, т. е. дом Лабриса, или двойного топора, представлял собой комплекс комнат и переходов, в котором афинские воины, захватившие дворец, не сразу нашли и убили царя. Но это не все. Поле перед дворцом занимала площадка для танцев с выложенным лабиринтом фигур, которые были обязательны при исполнении эротического весеннего танца (см. 92,4).

3) Похоже, что древний танец журавля, — а журавли тоже исполняют брачные танцы, — имел фигуры, построенные по типу лабиринта. В некоторых лабиринтах танцоры держали в руках бечеву, которая помогла им сохранять нужную дистанцию и безошибочно исполнять все фигуры. Эта бечева могла навевать историю о клубке ниток. Следует отметить, что в Афинах и на горе Сипил танец с веревкой назывался *корлак* (Аристофан. *Облака*. 540). Зрелище, которое устраивали на Крите на арене для быков, включало акробатические выступления юношей и девушек, которые по очереди хватались за рога нападавшего на них быка и кувырком прокатывались между рогами и лопатками животного. Это, очевидно, был религиозный обряд, и не исключено, что в нем исполнители также олицетворяли планеты. Вряд ли это занятие было таким опасным, как об этом пишут многочисленные авторы. Достаточно вспомнить, как редко гибнут *banderilleros* в Испании во время боя быков. Кроме того, на критской фреске видно, что юношу и девушку, совершивших кувыркание, всегда готов поймать их партнер, как только они коснутся земли ногами.

4) Имя Ариадна, которое греки воспринимали как *Ариагна* («святая»), вероятно, было эпитетом луны-богини, в честь которой исполнялся танец и устраивались представления с быком. Ее также звали

Аридела, т. е. «яснейшая». Ношение увешанных плодами ветвей в честь Ариадны и Диониса, а также тот факт, что Ариадна повесилась, «боясь гнева Артемиды», говорит о том, что к этим ветвям крепились куклы Ариадны (см. 79,2). Беотийская кукла богиня, сделанная в форме колокола, языком которого служили ее ноги (из коллекции Лувра), — это Ариадна, Эригона или Артемида Висельница. Корона Ариадны, сделанная Гефестом в форме розового венка, — это не фантазия: тонкой работы золотые венки с цветами из драгоценных камней обнаружены в Мохлосском кладе.

5) Брак Тесея со жрицей луны сделал его владыкой Кносса. В этой связи интересно отметить, что на одной из кносских монет народившаяся луна помещена в центре лабиринта. Матрилинейный обычай лишал наследницу всех прав на землю, если она уплывала с мужем за море, и это объясняет, почему Тесей не взял Ариадну с собой в Афины и не увез дальше острова Диа, который принадлежал Криту и был даже виден с Кносса. Критский Дионис, изображавшийся в виде быка, был на самом деле Миносом и законным супругом Ариадны, поэтому на посвященных ей оргиях разносили критское вино. Этим же можно объяснить, почему, как свидетельствует Гомер, Дионис возмутился тем, что Ариадна разделила ложе с пришельцем Тесеем.

6) Многие древние афинские обряды микенского периода объясняются Плутархом и другими в свете посещения Тесеем Крита. Например, ритуальная проституция девушек и ритуальная содомия, характерная для культа Анаты в Иерусалиме (см. 61,1) и культа Сирийской богини в Иераполе, рудиментарно сохранились у афинян как умиловивление Аполлона, которому передавались в дар девушки, и двое юношей, переодетых в девушек, носили ветви нового урожая. Увешанные фруктами ветви напоминают *lulab*, который носили в Иерусалиме во время праздника кущей, также отмечавшегося ранней осенью. Праздник кущей был праздником лозы и соответствовал афинской *осхофории*, или «ношению виноградных гроздей», который был особенно интересен тем, что на нем устраивались соревнования в беге. Первоначально победитель становился новым царем-жрецом, как и в Олимпии, и получал смесь из пяти веществ — масла, вина, меда, рубленого сыра и муки, т. е. тот самый божественный нектар, или амбросию, богов. Плутарх связывал Тесея как нового царя с этим праздником, говоря, что он появляется неожиданно во время праздника, и это полностью снимает с него обвинение в участии в убийстве Эгея, его предшественника. Однако на самом деле

новый царь боролся со старым царем и сбрасывал его, как фармак, с Белой скалы в море (см. 96,3).

7) В доэллиническую эпоху мужчинам, вероятно, было запрещено есть бобы, а пифагорейцы продолжали воздерживаться от бобов на том основании, что в них вполне могут обитать души предков и что если мужчина, в отличие от женщины, съест боб, то может лишиться своего мужского или женского предка шанса родиться вновь. Народный праздник бобов говорит о том, что эллины насмеялись над богиней, которая ввела это табу. Об этом же говорит тот факт, что Тесею передал должность жрецов Фиталидам («садоводы»), причем форма женского рода от этого имени напоминает о том, что прежде выращивание фиговых пальм, как и выращивание бобов, представляло собой тайну, которую хранили женщины (см. 24,3).

8) Поклонение киприотов Ариадне как «богине рождения из Амафунта» говорит о том, что этот титул принадлежал Афродите. Ее осенний праздник отмечал приход нового года, на котором юноша, имитировавший родовые муки, был ее царственным возлюбленным Дионисом. Этот обряд известен под названием *кувады*^{81*} во многих районах Европы, включая отдельные места восточной Англии.

9) Сложенное из рогов святилище Аполлона на Делосе недавно было раскопано. Алтарь и основание святилища не сохранились, и, судя по каменным украшениям, бык как ритуальное животное вытеснил козу. Причем существуют сомнения относительно того, что коза была ритуальным животным. Так, на одной из минойских печатей изображена богиня, стоящая на алтаре, полностью сделанном из рогов быка.

10) Аллегорическая настенная роспись, сделанная Миконом, на которой Фетида вручает Тесею корону и кольцо, а Минос сердито смотрит на все с берега, вероятно, запечатлела переход власти на море из рук Крита в руки Афин. Однако не исключено, что на фреске изображен Минос, бросающий кольцо в море и тем самым символически вступающий в брак с богиней моря. В Средние века так же поступали венецианские дожи.

11) Энопион и Фоант иногда называются сыновьями Тесея, потому что они были героями Хиоса и Лемноса (см. 88, h), союзников Афин.

^{81*} Кувада (лат. cubatio — «лжание») — обычай, распространенный у многих первобытных народов, обязывающий мужчину, у которого жена готовится стать матерью, ложиться в постель, соблюдать определенную диету, имитировать роды и кормление ребенка. Цель кувады — отвлекать злых демонов от роженицы и ребенка.

[а] Когда Тесей унаследовал афинский трон от Эгея, то сразу же укрепил свою власть, казнив всех своих противников, кроме Палланта и тех, кто остался в живых из его пятидесяти сыновей. Спустя несколько лет он убил и их из предосторожности, а когда суд Аполлона Дельфиния обвинил его в убийстве, он предложил неслыханный до сих пор довод — «обоснованное убийство» — и был оправдан. В Трезене он прошел обряд очищения от их крови и провел там целый год, поскольку правил в этом городе его сын Ипполит. По возвращении Тесей заподозрил своего сводного брата, которого звали Паллант, в нелюбви к себе и тут же изгнал его. Впоследствии этот Паллант основал Паллантий в Аркадии, правда, некоторые говорят, что этот город основал Паллант, сын Ликаона, вскоре после Девкалионова потопа¹.

[б] Тесей оказался правителем, во всем уважающим закон и начавшим политику объединения, которая со временем стала основой благосостояния Афин. До этого Аттика была разделена на двенадцать общин, причем каждая решала свои дела самостоятельно, обращаясь к афинскому царю только в случае необходимости. Элевсинцы даже однажды объявили войну Эрехтею; хватало и других междоусобиц. Чтобы эти общины отказались от независимости, Тесею пришлось обратиться к каждой общине и каждому роду в отдельности. Как оказалось, простые граждане и бедняки готовы были признать его власть, остальных, в основном людей влиятельных, он убедил принять его план, обещав взамен отменить монархию и заменить

ее демократией. При этом он оставлял за собой должность военачальника и стража законов. Кого не убедили аргументы, он заставил уважать свою силу².

[с] Тесей таким образом получил право распустить все местные власти, призвав предварительно их представителей в Афины, где в их распоряжение он предоставил булевтерий и пританей^{82*}, которые сохранились до сего времени. Однако он воздержался от изменения законов, касавшихся частной собственности. Затем он объединил все пригороды непосредственно с самим городом, который до сих пор состоит из акрополя и прилегающей к нему южной территории, на которой стоят древние храмы Зевса Олимпийского, Пифийского Аполлона, матери-Земли, Диониса Болотного, а также акведуки девяти источников. Афиняне до сих пор называют акрополь «городом».

[d] Тесей назвал шестнадцатый день гекатомбеона (июль) «днем объединения» и сделал его всеобщим праздником в честь Афины, когда богине Эйрене приносились бескровные жертвы³. Переименовав Афинские игры, которые проводились в этот день, в Панафинейские, он сделал их доступными для всей Аттики. Кроме того, он ввел поклонение Всенародной Афродите и богине Убеждения — Пейто. Затем, отрекшись, как обещал, от трона, он дал Аттике новую конституцию, причем свершилось это при благоприятных предзнаменованиях: Дельфийский оракул предсказал, что отныне афинские корабли будут столь же безопасно плавать по морям, как «легкий бурдюк»⁴.

[e] Чтобы еще больше расширить город, Тесей пригласил достойных иностранцев и сделал из них сограждан. Разосланные им вестники использовали обращение, которое в ходу до сих пор, а именно: «Придите сюда, все народы!» Тогда огромные толпы устремились в Афины, и он разделал все население Аттики на три сословия: евпатриды, т. е. «те, кто достоин своей отчизны», геоморы, т. е. «земледельцы», и демиурги, т. е. «ремесленники». Евпатриды решали дела религии, занимали высшие должности, толковали законы и превосходили прочих достоинством. Земледельцы обрабатывали землю и считались опорой государства. Демиурги, которые были гораздо многочисленнее остальных, служили прорицателями, хирургами, вестниками, ковровщиками, скульпторами и кондитерами⁵. Так Тесей стал первым царем, образовавшим

^{82*} Общественные здания в Древней Греции для заседаний Совета правителей.

содружество, и именно поэтому Гомер в «Каталоге кораблей» только одних афинян называет «народом». Конституция Тесея действовала до тех пор, пока тираны не захватили власть. Некоторые, правда, не верят в правдивость этой истории. Они утверждают, что Тесей правил так, как правила до него, и что после смерти царя Менесфея, возглавлявшего поход афинян против Трои, основанная им династия правила еще три поколения⁶.

[f] Тесей стал первым афинским царем, который начал чеканить деньги, а на его монетах было изображение быка. Неизвестно, представлял ли он быка Посейдона или полководца Миноса — Тавра или же просто прославлял земледелие, но монеты эти стали эталоном и еще долгое время были в ходу выражения «стоимостью в десять быков», «стоимостью в сто быков» и т. д. Стараясь быть похожим на Геракла, который провозгласил своего отца Зевса покровителем Олимпийских игр, Тесей объявил своего отца Посейдона покровителем Истмийских игр. До этого времени такой чести был удостоен сын Ино Меликерт, а игры, которые проводились ночью, были скорее мистериями, чем народным зрелищем. Затем Тесей подтвердил право афинян на Мегару, после чего призвал пелопоннесских посланцев на Истм и уговорил их разрешить долгий пограничный спор со своими ионийскими соседями. В месте, которое устраивало обе стороны, он воздвиг столб. Надпись на стороне столба, обращенной к Пелопоннесу, гласила: «Это Пелопоннес, а не Иония!», а на стороне, обращенной к Мегарам: «Это не Пелопоннес, а Иония!» Он также добился согласия коринфян на то, что афинянам будет принадлежать почетное место на Истмийских играх, причем под него будет выделено столько земли, сколько покроет развернутый парус того корабля, на котором приплыт афиняне⁷.

¹ Гигин. Мифы. 244; Аполлодор. Эпитома. I.11; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VIII.54; Еврипид. Ипполит. 34—37; Павсаний. I.22.2, 28.10, VIII.3.1.

² Диодор Сицилийский. IV.61; Фукидид. II.15; Плутарх. Тесей. 24.

³ Фукидид. Цит. Соч.; Плутарх. Цит. соч.

⁴ Павсаний. VIII.2.1, I.22.3; Плутарх. Цит. соч.

⁵ Плутарх. Цит. соч., 25.

⁶ Плутарх. Цит. соч.; Гомер. Илиада. II.552 и след.; Павсаний. I.3.2.

⁷ Страбон. IX.6; Плутарх. Цит. соч.

1) Мифический элемент истории Тесея в данном случае утрачен за счет того, что можно назвать «конституционной историей» Афин. Однако объединение Аттики здесь происходит на несколько столетий раньше, чем в действительности. Демократические реформы Тесея — это прославление V в. до н. э., возможно, произведенное Клисфеном^{83*}. Правовые реформы, которые были введены в период поздней древнегреческой монархии, составители «Пятикнижия» аналогичным образом приписали Моисею.

2) «Бык» был денежным эталоном в Древней Греции, Италии и Ирландии и остается таковым у пастушеских племен восточной Африки. Афиняне начали чеканить монету почти через пятьсот лет после Троянской войны. Однако на Крите действительно были в ходу медные слитки определенного веса, на которых ставилось официальное клеймо в виде бычьей головы или лежащего телка. Афинские Бутады (поскольку, вероятно всего, именно они разрабатывали миф о Тесее) имели в виду именно эту легенду, когда стали чеканить монеты с изображением бычьей головы, которая была символом их рода.

3) Разделение Аттики на двенадцать общин совпадает с аналогичным делением дельты Нила и Этрурии и с распределением захваченной территории Ханаана между двенадцатью племенами Израиля. Это число, возможно, выбрано не случайно и соответствует ежегодному обходу монархом страны от рода к роду.

Греки героической эпохи не различали преднамеренное и непреднамеренное убийство. В любом случае род жертвы должен был получить плату за кровь, а убийца менял свое имя и покидал город навеки. Так, Теламон и Пелей не упали в глазах богов после предательского убийства Фока (см. 81,b), а Медея убила Апсирта, не вызвав ненависти со стороны своих новых коринфских подданных (см. 153,a; 156,a). В Афинах, в классическую эпоху, преднамеренное убийство (*phonos*) влекло за собой смертный приговор, а непреднамеренное убийство (*acoysia*) — изгнание, причем род отвечал за исполнение приговора. *Phonos hecoysios* («оправданное убийство») и *phonos acoysios* («случайное убийство») были более поздними дополнениями, которые, вероятно, в VII в. до н. э.

^{83*} Клисфен (VI в.) — афинский законодатель, выступивший с программой реформ государственного устройства Афин (509—500 до н. э.). Законы Клисфена завершили формирование афинского демократического полиса, ставшего образцом для многих древнегреческих государств.

ввел Драконт^{84*}, причем в последнем случае убийца подвергался только ритуальному очищению. Мифографы не поняли, что Тесей избежал изгнания за убийство Палантидов только потому, что истребил весь род, как поступил Давид с «домом Саула». Годичное пребывание в Трезене достаточно для того, чтобы город, в ритуальном смысле грязный после убийства, обрел прежнюю чистоту.

^{84*} Драконт (Дракон) — афинский законодатель, под его руководством в 621 г. до н. э. был составлен кодекс законов, отличавшихся чрезвычайной строгостью (самым распространенным видом наказания за различные нарушения была смертная казнь). Выражение «драконовские законы» или «драконовские меры» сохранились и по сей день.

[a] Некоторые говорят, что Тесей принимал участие в успешном походе Геракла против амазонок и в качестве своей доли добычи получил царицу амазонок Антиопу, которую также звали Меланишпой. Однако вряд ли ее судьба была, как многие считают, несчастной, потому что она отдала город Фемискиру на реке Фермодонт в руки Тессею в доказательство чувства, которое он успел разжечь в ее сердце¹.

[b] Другие говорят, что Тесей посетил страну амазонок несколько позже вместе с Пирифоем и его друзьями и что амазонки были обрадованы приездом такого большого количества красивых воинов и ни в чем им не противились. Антиопа пришла приветствовать Тесея дарами, но не успела подняться на корабль, как Тесей поднял якорь и похитил ее. Еще утверждают, что он оставался некоторое время в Амазонии и был гостем Антиопы. Они добавляют, что среди спутников Тесея были три брата-афинянина: Эвней, Фоант и Солоэнт, причем последний влюбился в Антиопу, но, не смея приблизиться к ней, попросил Эвнея порадеть за него. Антиопа отвергла эти ухаживания, но не стала относиться к Солоэнту хуже, и только когда он бросился в реку Фермодонт и утонул, Тесей узнал причину гибели юноши и очень опечалился. Помня о том, что Дельфийский оракул предупредил его, что если в чужой стране его охватит неизбывная скорбь и уныние, он должен основать на этом месте город и оставить часть своих спутников для управления им, Тесей построил Пифополь в честь Пифийского Аполлона, а соседнюю с ним реку назвал Солоэнт. В этом городе он оставил Эвнея, Фоанта и некоего Герма — афинского аристократа,

бывший его дом в Пифополе ошибочно назвали *дом Гермеса*. После этого Тесей отплыл вместе с Антиопой².

[с] Сестра Антиопы Орифия, которую некоторые ошибочно принимали за Ипполиту, чей пояс завоевал Геракл, решила отомстить Тесею. Она заключила союз со скифами и выступила во главе большого войска амазонок, перешла по льду Киммерийский Босфор, переправилась через Дунай и пересекла Фракию, Фессалию и Беотию. В Афинах она стала лагерем у Ареопага и совершила жертвоприношения в честь Ареса. Некоторые говорят, что в связи с этим событием холм и получил свое название. Но вначале один из ее отрядов совершил нападение на Лаконию, чтобы пелопоннесцы отказались от мысли соединиться с Тесеем, пройдя по Истму³.

[d] Хотя афинские войска уже выстроились для сражения, ни одна из сторон боевых действий не начинала. Наконец, по совету оракула, Тесей принес жертвы сыну Ареса Фобосу и начал сражение в седьмой день боэдромиона. Теперь в этот день в Афинах празднуют *боэдромию*, хотя некоторые говорят, что этот праздник был учрежден еще раньше в честь победы, которую Ксуф одержал над Евмоллом при царствовании Эрехтея. Боевое крыло амазонок растянулось от места, которое сейчас называют Амазонием, до холма Пникс, вдоль Хрисы. Правый фланг Тесея спустился с Мусея и напал на левый фланг противника, но был разгромлен и отступил до самого храма Эвменид. Об этом событии рассказывает святилище, воздвигнутое в честь местного полководца Халкодонта и стоящее на улице, вдоль которой находятся могилы павших в тот день, а сама улица носит имя Халкодонта. Афинский левый фланг атаковал с Палладия, горы Ардетт и Ликея и потеснил правый фланг амазонок до самого лагеря, нанеся большие потери⁴.

[e] Одни говорят, что амазонки предложили мир только после четырех месяцев кровопролитных боев, а перемирие, заключенное около святилища Тесея, до сих пор празднуется накануне праздника Тесея, когда совершаются жертвоприношения амазонкам. Другие говорят, что Антиопа, теперь уже жена Тесея, сражалась героически на его стороне, но была убита некоей Молпадией, которую Тесей впоследствии убил, а Орифия с горсткой своих людей бежала в Мегару, где и умерла от горя и отчаяния, оставшиеся в живых амазонки, гонимые из Аттики победоносным Тесеем, осели в Скифии⁵.

[f] В любом случае, в тот раз афиняне впервые отразили нападение чужестранцев. Раненых амазонок, которые остались на поле боя,

отправили на излечение в Халкиду. Антиопу и Молпадию похоронили неподалеку от храма Геи Олимпийской и отметили могилу Антиопы памятником. Остальные похоронены в Амазонии. Те амазонки, которые пали во время перехода через Фессалию, погребены между Скотуссами и Кинокефалами, есть их погребение близ Херонеи, на берегу реки Гемон. В Пиррихийской части Лаконии святилища отмечают те места, где амазонки остановили свое продвижение, там же установлены две деревянные статуи Артемиды и Аполлона. В Трезене победа Тесея над отступавшим из Ликии отрядом амазонок, пытавшихся переправиться через Истм, увековечена храмом Ареса⁶.

[g] По одному свидетельству, амазонки вторглись во Фракию из Фригии, а не Скифии, а когда продвигались вдоль побережья, основали святилище Артемиды Эфесской. По другому свидетельству, они укрывались в этом святилище в двух предыдущих случаях: во время бегства от Диониса и после победы Геракла над царицей Ипполитой, а само святилище основано Кресом и Эфесом⁷.

[h] Что касается правды об Антиопе, то она не погибла во время сражения, ее в конце концов убил Тесей, как и было предсказано Дельфийским оракулом. Это случилось, когда Тесей заключил союз с критским царем Девкалионом и женился на его сестре Федре. Развивая Антиопа, которая была его незаконной женой, нарушила свадебные празднества, ворвавшись во всеоружии на пир и угрожая перебить гостей. Тесей и его спутники поспешно закрыли двери, а Антиопа пала в жесткой схватке (хотя и родила Тесею сына Ипполита, которого также звали Демофооном, и никогда не ложилась с другим мужчиной)⁸.

¹ Аполлодор. Эпитома. I.16; Гегий Трезенский. Цит. по: Павсаний. I.2.1.

² Пиндар. Цит. по: Павсаний. I.2.1.; Ферекид и Бион. Цит. по: Плутарх. Тесей. 26; Менократ. Цит. по: Плутарх. Цит. соч.

³ Юстин. История. II.4; Гелланник. Цит. по: Плутарх. Тесей. 26—27; Диодор Сицилийский. IV.28; Аполлодор. Эпитома. I.16; Эсхил. Евмениды. 680 и сл.

⁴ Плутарх. Тесей. 27; Большой Этимологик под словом *Voedrotia*; Еврипид. Ион. 59; Клидем. Цит. по: Плутарх. Цит. соч.

⁵ Клидем. Цит. по: Плутарх. Цит. соч.; Павсаний. I.41.7; Диодор Сицилийский. IV.28.

⁶ Плутарх. Цит. соч.; Павсаний. I.2.1, 41.7, II.32.8, III.25.2.

⁷ Пиндар. Цит. по: Павсаний. VII.2.4.

⁸ Гигин. Мифы. 241; Аполлодор. Эпитома. I. 17; Диодор Сицилийский. IV.62; Овидий. Героини. 121 и след.; Павсаний. I.22.2; Пиндар. Цит. по: Плутарх. Цит. соч. 28.

1) Слово *амазонки* обычно производят от *a* и *тазон* («без груди»), потому что якобы они отрезали одну грудь, чтобы удобнее было стрелять, однако такое предположение фантастично. Скорее всего, это армянское слово, означающее «лунные женщины». Изображения амазонок, сохранившиеся в классическую эпоху на подножии трона Зевса в Олимпии (Павсаний. II.11.2), на щите Афины в святилище Тесея, в Афинах на средней стене пестрого портика (Павсаний. I. 15.2) и в других местах, запечатлели либо сражение между доэллиническими жрицами Афины за право называться верховной жрицей, либо нашествие эллинов на Аттику и оказанное им сопротивление. Орифия, вероятно, на несколько сот километров уклонилась от своего предполагаемого пути по Скифии. Это, возможно, объясняется тем, что Киммерийский Босфор, т. е. Крым, был местом жестокого культа Артемиды Таврической, жрицы которой приносили в жертву мужчин (см. 116,2).

2) Антиопа не была законной женой Тесея, потому что принадлежала обществу, в котором практиковались групповые браки (см. 131,к). Имена Меланиппа и Ипполит указывают на связь между амазонками и доэллиническим культом лошади (см. 43,2). *Боздромия* («бег за помощью») был праздником Артемиды, о котором известно немного. Возможно, в нем принимали участие вооруженные жрицы, как это было на Аргосском празднике под названием *гибристики*.

[а] Женившись на Федре, Тесей отослал своего незаконнорожденного сына Ипполита к Питфею, который усыновил его и сделал наследником трона в Трезене. Поэтому у Ипполита не было причин оспаривать право своих законных братьев Акаманта и Демофонта, рожденных Федрой, на трон в Афинах¹.

[b] Ипполит, унаследовавший от своей матери Антиопы особое благоговение перед девой-охотницей Артемидой, воздвиг ей новый храм в Трезене, неподалеку от театра. Усмотрев в этом оскорбление, Афродита решила наказать его и сделала так, что, когда он присутствовал на Элевсинских мистериях, Федра страстно полюбила его. Он пришел, одетый в черные полотняные одежды, голова его была украшена цветами, и, хотя в его внешности было что-то грубое, Федре он казался восхитительно суровым².

[с] Поскольку в это время Тесей был в отъезде в Фессалии вместе с Пирифоем или даже спустился в Лид, Федра последовала за Ипполитом в Трезен. Там она построила храм Подглядывающей Афродиты, обращенный к гимнасию, и целыми днями незаметно смотрела, как Ипполит упражняется в беге, прыжках, борьбе. Во дворе храма стояло старое миртовое дерево, листья которого она колола, из-за неразделенной страсти, украшенной камнями заколкой. Листья мирта до сих пор еще хранят множество дырок. Когда позднее Ипполит отправился на Панафинейский праздник и остановился во дворе Тесея, Федра с той же целью стала пользоваться храмом Афродиты в акрополе³.

[d] Федра никому не говорила о своем порочном чувстве; она плохо ела, мало спала и стала такой слабой, что ее старая кормилица в конце концов обо всем догадалась и стала упрашивать ее отослать Ипполиту письмо, что Федра и сделала. В письме она признавалась в любви и говорила, что окончательно уверовала в Артемиду и уже пожертвовала для нее два деревянных изваяния богини, привезенных с Крита. Не собирается ли он на охоту, спрашивала она. «Мы, женщины критского царствующего дома, — писала она, — словно обречены на позор во имя любви. Так случилось с моей бабушкой Европой, моей матерью Пасифаей и, наконец, с моей сестрой Ариадной. О, бедная Ариадна, покинутая твоим отцом, неверным Тесеем, который убил твою царственную мать, — почему эринии не покарают тебя за это неподобающее сыну безразличие к ее судьбе? Однажды он убьет и меня! Надеюсь, что ты отомстишь ему, воздав почести Афродите в моем обществе. Почему мы не можем уехать и пожить вместе хоть недолго под предлогом, например, охоты? Ведь никто не сможет заподозрить нас в искренних чувствах друг к другу. Мы уже живем под одной крышей, и наше внимание друг к другу воспримется всеми как невинное и даже достойное похвалы»⁴.

[e] Ипполит в страхе сжег это письмо и пришел в покои Федры, громко ее порицая. Она же стала рвать на себе одежды, раскрыла настежь все двери и закричала: «Помогите! Помогите! Меня хотят обесчестить!», — а затем повесилась на дверной раме, оставив записку, в которой обвиняла Ипполита в чудовищных преступлениях⁵.

[f] Получив записку, Тесей проклял Ипполита и приказал ему немедленно покинуть Афины и никогда не возвращаться. Потом он вспомнил, что его отец Посейдон обещал исполнить три его желания, и стал молить о смерти Ипполита. «Отец, — молил он, — пошли зверя навстречу Ипполиту, пока он едет в Трезен!»⁶

[g] Ипполит ехал из Афин быстро, как только мог. Когда он проезжал по узкому месту Истма, огромная волна, скрывшая под собой даже Молурийские скалы, ревя, обрушилась на берег, а из ее гребня возник огромный тюлень или, как говорят некоторые, белый бык, ревя и изрыгая воду. Четверка лошадей, охваченная ужасом, понесла Ипполита в сторону обрыва, но Ипполит был опытным возничим и не дал им упасть в пропасть. Зверь бросился вслед за колесницей, и Ипполит не справился с упряжкой. Неподалеку от святилища Саронической Артемиды еще показывают старую оливу, которую называют Скрученной (в Трезене неплодоносящую оливу называют *rhachos*); так вот, в ветвях этой

оливы и запутались вожжи Ипполитовой колесницы. От этого колесницу отбросило в сторону, и от удара о кучу камней она разлетелась на куски. Ипполит, запутанный в вожжах, сначала ударился о ствол дерева, потом о камни. Смерть настигла его, когда лошади волокли его по земле, и в тот же момент преследователь исчез⁷.

[h] Некоторые рассказывают уже совсем невероятное: что Артемида потом открыла Тесею правду и перенесла его в мгновение ока в Трезен, куда он прибыл как раз вовремя, чтобы успеть примириться с умирающим сыном, и что богиня отомстила Афродите, подстроив смерть Адониса. Что известно наверное, так это то, что Артемида повелела трезенцам отдавать Ипполиту божественные почести, а все трезенские невесты отныне жертвовали Ипполиту локон. Диомид воздвиг в честь Ипполита храм и поставил его изваяние в Трезене. Он был первым, кто стал совершать в честь Ипполита ежегодные жертвоприношения. Во дворе этого храма показывают могилы Федры и Ипполита, причем могила Ипполита расположена рядом с миртовым деревом, у которого исколоты листья.

[i] Сами трезенцы отрицают, что Ипполит погиб под копытами своих лошадей и погребен в этом храме, но скрывают, где находится его настоящая могила, утверждая лишь, что боги поместили его изображение среди звезд как созвездие Возничего⁸.

[j] Афиняне в честь Ипполита насыпали курган, расположенный рядом с храмом Фемиды, потому что его смерть была вызвана проклятием. Некоторые говорят, что в этом убийстве обвинили Тесея, признали его виновным, подвергли остракизму и изгнали на остров Скирос, где он прожил остаток жизни, влача бесславные и печальные дни. Однако падение Тесея чаще связывают с попыткой овладеть Персефоной⁹.

[k] Дух Ипполита спустился в Аид, но возмущенная Артемида упростила Асклепия оживить его труп. Асклепий открыл дверцы своего шкафчика для лекарств из слоновой кости и вынул из него траву, под действием которой в свое время ожил критянин Главк. Он трижды дотронулся ею до груди Ипполита, повторяя магические формулы, и мертвый человек поднял голову с земли. Однако Аид и три богини судьбы нашли себя уязвленными и заставили Зевса убить Асклепия перуном.

[l] Латиняне рассказывают, что тогда Артемида окутала Ипполита густым облаком, превратила его в старика и изменила его внешность. Не решившись спрятать его ни на Крите, ни на Делосе, Артемида перенесла его в свою священную рошу в италийской Ариции¹⁰. Там с ее

согласия он женился на нимфе Эгерии и до сих пор живет на берегу озера среди темных дубовых лесов, окруженных глубокими расщелинами. Чтобы ему не напоминали о его смерти, Артемида переименовала его в Вирбия, что означает *vir bis*, или «дважды человек». Лошадям же поблизости появляться запрещено. Жрецами местной Артемиды могут стать только беглые рабы¹¹. В ее роще растет старый дуб, ветви которого нельзя ломать, но если раб сделает это, то жрец, сам убивший своего предшественника и поэтому живущий в постоянном страхе, должен сразиться с ним на мечях; победитель становится жрецом. Жители Ариции говорят, что Тесей умолял Ипполита остаться с ним в Афинах, но тот отказался.

[m] Табличка в святилище Асклепия в Эпидавре гласит, что Ипполит пожертвовал ему двадцать лошадей в благодарность за оживление¹².

¹ Аполлодор. Эпитома. I.18; Павсаний. I.22.2; Овидий. Героини. IV.67 и след.

² Павсаний. II.31.6; Овидий. Цит. соч.

³ Овидий. Цит. соч.; Сенека. Федра. и след.; Павсаний. II.32.3, 22.2; Еврипид. Ипполит. 1 и след.; Диодор Сицилийский. IV.62.

⁴ Овидий. Цит. соч.; Павсаний. I.18.5.

⁵ Аполлодор. Эпитома. I.18; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Гигин. Мифы. 47.

⁶ Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.445.

⁷ Павсаний. II.32.8; Еврипид. Ипполит. 1193 и след.; Овидий. Метаморфозы. XV.506 и след. Диодор Сицилийский. Цит. соч.

⁸ Еврипид. Ипполит. 1282 и след., 1423 и след.; Павсаний II.32.1—2.

⁹ Павсаний. I.22.1; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. VII.42; Диодор Сицилийский. IV.62.

¹⁰ Овидий. Метаморфозы. XV.532 и след., Фасты. VI.745.

¹¹ Вергилий. Энеида. VII.775; Овидий. Фасты. V.312, Метаморфозы XV.545; Страбон. III.263 и след.; Павсаний. II.27.4.

¹² Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.136; Страбон. V.3.12; Светоний. Калигула. 35; Павсаний. Цит. соч.

1) Порочная любовь Федры к Ипполиту, как и любовь жены Потифара к Иосифу (см. 75,1), заимствована либо из египетской сказки «О двух братьях», либо из общего ханаанейского источника. Вожжи Ипполита должны были запутаться не в старой оливе, которая позднее стала ассоциироваться с крушением, а в мирте, поскольку именно мирт рос

неподалеку от его святилища и был знаменит дырявыми листьями. Мирт символизировал последний месяц правления царя — недаром он появляется в истории с крушением колесницы Эномая (см. 109, j). Дикая олива символизировала первый месяц правления нового царя. В книге «Золотая ветвь» Джеймс Фрэзер показал, что ветвь, которую так ревностно охранял жрец, была омелой, поэтому не исключено, что Главк, сын Миноса (см. 90, c), которого путают с Главком, сыном Сисифа (см. 71, f), был возвращен к жизни с помощью омелы. Хотя доэллинический культ омелы и дуба был уничтожен в Греции (см. 50, 2), жрецы, бежавшие с Истма, вполне могли перенести этот культ в Арицию. Имя Эгерия говорит о том, что она была богиней смерти, живущей в роще черных тополей (см. 51, 7; 170, 1).

2) Жертвование Ипполиту локона невесты — это, скорее всего, патриархальное нововведение, может быть, предназначенное для того, чтобы лишить женщин магической силы, которая, как полагали, находится у них в волосах. По той же причине мусульманки, выходя замуж, бреются.

3) Сокрытие могилы Ипполита напоминает историю Сисифа и Неллея (см. 67, 3). Этот факт свидетельствует о том, что Ипполит был похоронен в какой-нибудь стратегически важной точке Истма.

[a] Некоторые говорят, что лапиф Пирифой был сыном Иксиона и Дии, дочери Ионея; другие считают, что он был сыном Зевса, который, обратившись в жеребца, ходил кругами вокруг Дии, пока не соблазнил ее¹.

[b] Почти невероятные слухи о силе и храбрости Тесея достигли Пирифоя, который правил магнетами, жившими в устье реки Пеней. Однажды он решил испытать Тесея, напал на Аттику и угнал стадо коров, пасшихся у Марафона. Когда Тесей бросился следом за ними, Пирифой смело повернулся к нему лицом, и они были так поражены красотой и отвагой друг друга, что даже забыли про скот и поклялись друг другу в вечной дружбе².

[c] Пирифой женился на Гипподамии, или Дейдами, дочери Бута или, как некоторые утверждают, Адраста и пригласил на свою свадьбу всех олимпийских богов, кроме Ареса и Эриды, поскольку помнил, сколько бед принесла Эрида на свадьбе Пелея и Фетиды. Так как гостей оказалось больше, чем мог вместить дворец Пирифоя, его двоюродные братья-кентавры вместе с Нестором, Кенесом и другими фессалийскими владельцами уселись за столами в просторном гроте, расположенном по соседству в тени деревьев.

[d] Кентавры, ранее не знавшие вина, услышав его запах, оттолкнули стоявшее перед ними кислое молоко и бросились наполнять вином серебряные рога. По незнанию они с жадностью стали пить крепкое вино, не разбавляя его водой, и так напились, что, когда в грот привели невесту, чтобы приветствовать их, Эврит, или Эвритион, вскочил со стула,

опрокинул стол и поволок невесту, ухватив ее за волосы. Другие кентавры тут же последовали его дурному примеру и набросились на ближайших женщин и мальчиков³.

[e] Пирифой и его дружка Тесей бросились на помощь Гипподамии, отрезали Эвритиону уши и нос и с помощью лапифов вышвырнули его вон из грота. Последовавшая затем драка, в которой убили лапифа Кеня, продолжалась дотемна. Так началась длительная вражда между кентаврами и их соседями лапифами, а подстроили ее Арес и Эрида в отместку за пренебрежительное к ним отношение⁴.

[f] На этот раз кентавры потерпели серьезное поражение, и Тесей изгнал их с древних охотничьих угодий на горе Пелион. Они очутились в Этике, у горы Пинд. Но кентавров покорить непросто. Они и раньше оспаривали право Пирифоя на царство в Иксионе, а теперь, собрав все силы, напали на лапифов. Не ждавшие нападения лапифы были перебиты, а оставшиеся в живых бежали в горы Фолои, что в Элиде, однако мстительные кентавры изгнали их и оттуда и превратили Фолою в собственное разбойничье гнездо. В конце концов лапифы поселились на Малее.

[g] Как раз во время войны против кентавров Тесей, с детства не видевший Геракла, встретил его вновь и посвятил его в Элевсинские мистерии Деметры⁵.

¹ Диодор Сицилийский. IV.70; Евстафий. Комментарий к Гомеру. 101.

² Ватиканская Эпитома; Плутарх. Тесей. 30.

³ Аполлодор. Эпитома. I.21; Диодор Сицилийский. IV.70; Гигин. Мифы. 33; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VII.304.

⁴ Пиндар. Фрагмент 166 и след. Цит. по: Атсней. XI.476b; Аполлодор. Цит. соч.; Овидий. Метаморфозы. XII.210 и след.; Гомер. Одиссея. XXI.295; Павсаний V.10.2.

⁵ Плутарх. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Геродот. Цит. по: Плутарх. Цит. соч.

1) Как лапифы, так и кентавры утверждали, что они происходят от Иксиона, и имели общий культ лошади (см. 63,f,d). Это были примитивные племена горцев, населявшие Северную Грецию; их междоусобицей воспользовались эллины, вступив сначала в союз с одними, а затем с другими (см. 35,2; 78,1; 81,3). Эти горцы, вероятно, практиковали групповой брак и тем самым прослыли среди моногамных эллинов

неразборчивыми в половых отношениях. Остатки этого неолитического народа сохранялись в аркадских горах и на горе Пинд вплоть до классической эпохи. Следы их доэллинического языка можно обнаружить в современной Албании.

2) Мало вероятно, чтобы битва между лапифами и кентаврами, изображенная на фронтоне храма Зевса в Олимпии (Павсаний. V.10.2), в святилище Тесея в Афинах (Павсаний. I.17.3) и на эгиде Афины (Павсаний. I.28.2), была только сражением между двумя пограничными племенами. Поскольку она была связана с царским свадебным пиром, которому оказали честь боги и на котором дружкой был украшенный львиной шкурой Тесей, то, скорее всего, эта свадьба относится к какому-то ритуалу, имеющему особую важность для всех греков. Геракл в львиной шкуре тоже сражался с кентаврами на аналогичном празднике (см. 126,2). Гомер называет кентавров «косматыми дикими зверями», и поскольку в ранней греческой вазописи они не отличаются от сатиров, то сакральное изображение, вероятно, запечатлело нового царя — неважно кого, — сражающегося с танцорами, переодетыми в зверей. Это событие А. М. Хокарт^{85*} в книге «Царская власть» называет неотъемлемой частью древней церемонии коронации. Эвритион играет классическую роль похитителя (см. 142,5).

^{85*} Хокарт А. М. (1884—1939) — английский этнограф и археолог.

[а] После смерти Гипподамии Пирифой убедил Тесея, жена которого, Федра, недавно повесилась, отправиться вместе в Спарту и украсть Елену, сестру Диоскуров Кастора и Полидевка, с которой они оба мечтали вступить в брак. Там, где теперь в Афинах стоит святилище Сераписа, они поклялись стоять друг за друга в этом опасном предприятии. Если они добудут Елену, то пусть она достанется одному из них по жребию, а проигравшему они добудут какую-нибудь другую дочь Зевса, чем бы это им не грозило¹.

[б] Так порешив, они повели войско в Лакедемон, затем поскакали впереди основных сил, схватили Елену, когда она совершала жертвоприношения в храме Артемиды Ортии в Спарте, и поскакали назад. Вскоре они скрылись от преследователей, оторвавшись от них около Тегей, где, как было условлено, они бросили жребий, по которому Елена досталась Тесею². Тесей, однако, предвидел, что афиняне не одобряют возникающей ссоры с грозными Диоскурами. Он отправил Елену, которая в то время была еще девочкой двенадцати лет (а некоторые говорят, еще младше), в аттическую деревню под названием Афидны, доверив ее своему другу Афидну, наказывая денно и нощно сторожить Елену и держать в тайне место ее пребывания. Мать Тесея Эфра поселилась вместе с Еленой и хорошо к ней относилась. Некоторые пытаются обелить Тесея и говорят, что это Идас и Линкей украли Елену в отместку за похищение Диоскурами Левкиппид и что они просто оставили ее под защитой Тесея. Другие свидетельствуют, что отец Елены Тиндарей сам доверил ее Тесею, узнав, что его племянник Эпарефор, сын Гиппокоонта, собирался похитить ее³.

[с] Прошло несколько лет, и, когда Елена достигла возраста, достаточного, чтобы Тесей женился на ней, Пирифой напомнил ему об их уговоре. Вместе они обратились к оракулу Зевса, которого призывали в свидетели своей клятвы, и получили ироничный ответ: «Почему бы не посетить царство мертвых и не потребовать в невесты для Пирифоя Персефону, жену Аида? Она самая благородная из моих дочерей». Тесей рассердился, когда Пирифой, принявший это предложение серьезно, напомнил ему о клятве, но отказаться не мог, и вот они уже спустились в царство мертвых, держа наготове мечи. Они не решились воспользоваться переправой через Лету, а пошли окольным путем через расщелины в лаконском Тенаре и вскоре стучались в двери дворца Гадеса. Гадес спокойно выслушал их бесстыдное требование и, притворясь гостеприимным, предложил им сесть. Ничего не подозревая, они сели, куда было предложено, и оказались на троне забвения. Они приросли к нему настолько, что уже не могли с него встать, не покалечившись. Вокруг них шипели свернувшиеся в клубок змеи, их бичевали эринии, и терзал зубами Кербер. Аид же смотрел на все это и мрачно усмехался⁴.

[d] Так в муках они провели целых четыре года, пока Геракл, пришедший по велению Еврисфея забрать Кербера, не узнал их, когда они молча протянули к нему руки, моля о помощи. Персефона приняла Геракла как брата, любезно разрешив ему освободить злодеев и забрать их с собой на землю, если только он сможет⁵. Тогда Геракл ухватил Тесея обеими руками и стал тянуть, пока не отодрал его со страшным треском. Часть тела так и осталась прилипшей к камням, вот поэтому афинские потомки Тесея отличаются такими несуразно крохотными ягодицами. Затем Геракл схватил за руки Пирифоя, но земля угрожающе дрогнула, и он отпустил его. В конце концов, именно Пирифой был застрельщиком этого богохульного предприятия⁶.

[i] Некоторые считают, что Геракл освободил и Пирифоя, и Тесея; другие же, наоборот, говорят, что ему не удалось спасти никого, и Тесей остался навеки прикованным к трону забвения, а Пирифой лежал рядом с Иксионом на золоченом ложе и перед его голодным взором возникали столы, ломящиеся от яств, которые тут же уносила старшая из эриний. Говорили даже, что Тесей и Пирифой никогда не спускались в Аид, а напали на феспротский или молосский город под названием Кихир, царь которого Аидоней, обнаружив, что Пирифой хочет похитить его жену, бросил его на съедение собакам, а Тесея заключил в темницу, откуда его вызволил Геракл⁷.

¹ Диодор Сицилийский. IV.63; Павсаний. I.18.4; Пиндар. Цит. по: Павсаний. I.41.5.

² Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Гигин. Мифы. 79; Плутарх. Тесей. 31.

³ Аполлодор. Эпитома. I.24; Евстафий. Схолии к «Илиаде» Гомера. 215; Плутарх. Цит. соч.

⁴ Гигин. Мифы. 79; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Гораций. Оды. IV.7.27; Паниасид. Цит. по: Павсаний. X.29.4; Аполлодор. Эпитома. I. 24.

⁵ Сенека. Федра. 835 и след.; Аполлодор. II.5.12; Диодор Сицилийский. IV.26; Еврипид. Геракл. 619; Гигин. Цит. соч.

⁶ Аполлодор. Цит. соч.; Суда под словом *Lisroi*; Схолии к «Всадникам» Аристофана. 1368.

⁷ Диодор Сицилийский. IV.63; Вергилий. Энеида. VI.601—619; Элиан. Пестрые рассказы. IV.5; Плутарх. Цит. соч.

1) Многие главные герои в разных мифологиях посещают царство смерти: Тесей, Геракл (см. 134,с), Дионис (см. 170,т) и Орфей (см. 28,с) в Греции; Бел и Мардук в Вавилонии (см. 71,1); Эней в Италии; Кухулин в Ирландии; Артур, Гвидион и Амафаон в Британии; Ожьер Датчанин в Бретани. Миф, вероятно, зародился потому, что в конце своего обычного срока правления царь-жрец переживал как бы временную смерть, во время которой мальчик-интеррекс занимал его место на один день. Таким образом обходился закон, согласно которому царь не должен был править дольше тринадцати месяцев солнечного года (см. 7,1; 41,1; 123,4; и т. д.).

2) Бел и его преемник Мардук накануне воцарения сражались с морским чудовищем Тиамат, воплощением морской богини Иштар, насланшей потоп (см. 73,7). Как и древнеирландские короли, которые шли сражаться с океанскими волнами, Бел и Мардук ритуально были утоплены.

3) Афинским мифографам удалось замаскировать ожесточенное соперничество между Тесеем и его фактическим близнецом Пирифоем (см. 95,2) из-за руки богини смерти-в-жизни, которая появляется в мифе под именами Елены (см. 62,3) и Персефоны. Мифографы представили их как любящую друг друга царскую пару близнецов, которые, подобно Кастору и Полидевку, совершают набег на соседний город, чтобы похитить невесту (см. 74, с). Один из них, сумев доказать свое божественное происхождение, не умирает. Идас и Линкей, аналогичная пара близнецов, возникли в повествовании только для того, чтобы усилить этот момент.

4) Похищение Елены во время жертвоприношения напоминает похищение Орифии Бореем (см. 48, а). Не исключено, что святилище аттической богини Елены в Афидах имело изваяние или другой культовый предмет, принадлежавший аналогичной лаконской богине и похищенный афинянами, о чем стало известно спартамцам. Если посещение Аида — всего лишь повторение известного сюжета, то почему бы им не совершить морской набег на Тенар.

5) Четыре года, в течение которых Тесей оставался в Аиде, как раз соответствуют периоду правления таниста вместо царя. По их истечении воцаряется прежний царь-жрец — Тесей *redivivus*. Афиняне предприняли попытку поднять своего национального героя до уровня олимпийского бога, как это произошло с Дионисом и Гераклом. Для этого они утверждали, что Тесей избежал смерти, однако их пелопоннесские противники успешно противостояли этим попыткам, утверждая даже, что он вовсе не избежал смерти, а был обречен на вечные муки за свою дерзость, как Иксион и Сисиф. Другие придали истории рациональный оттенок, говоря, что он совершил набег на Кихир, а не в Аид, и даже пытались объяснять, что Пирифоя терзал не Кербер, а молосские гончие — наиболее крупная и свирепая порода собак в Греции. Самой большой уступкой, сделанной афинскому мифу, было согласие с тем, что Тесей был отпущен под залог после унижительного сидения на троне забвения (см. 37,2), а потом посвятил большинство своих храмов и святилищ Гераклу Спасителю, чьим подвигам и страданиям он пытался подражать.

6) Тем не менее Тесей был в какой-то степени важным героем. Ему нужно отдать должное, ибо он проник в царство мертвых, если его понимать как центр критского лабиринта, где его поджидала смерть, и вернулся живым и невредимым. Если бы афиняне обладали на суше такой же властью, какой они обладали на море, Тесей бы, бесспорно, стал олимпийским или, по крайней мере, национальным полубогом. Основным источником враждебности к Тессю, вероятно, были Дельфы, где оракул Аполлона был известен как послушное орудие спартамцев в борьбе с афинянами.

[a] Пока Тесей пребывал в Лиде, Диоскуры собрали войско из лаконцев и аркадян, выступили против Афин и потребовали выдачи Елены. Когда афиняне заявили, что они не укрывают Елену и даже не имеют ни малейшего представления, где она находится, Диоскуры начали грабить Аттику и продолжали до тех пор, пока жители Декелеи, которые не одобряли поведения Тесея, не указали им на Афидну, где братья-близнецы и нашли свою сестру. Диоскуры сровняли с землей Афидну. Декелейцы же до сих пор освобождаются от всех налогов Спарты и на всех спартанских праздниках имеют право сидеть на почетных местах. Во время Пелопоннесской войны спартанцы пощадил только их земли, опустошив остальную Аттику¹.

[b] Некоторые говорят, что место, где скрывали Елену, показал некто Академ, или Ахсдем, — аркадец, пришедший в Аттику по приглашению Тесея. Спартанцы относились к нему с большим почетом, пока он был жив, а в последующих нашествиях не трогали его небольшое владение у реки Кефис, в шести стадиях от Афин. Сейчас это место называется Академией. Это прекрасный, обильно орошаемый сад, где собираются философы, чтобы высказывать свои ученые суждения о природе богов².

[c] Отряд аркадцев в войске Диоскуров возглавлял Мараф, который, повинуясь оракулу, принес себя в жертву на глазах у своих воинов. Некоторые говорят, что это он, а не Марафон, отец Сикиона и Коринфа, дал свое имя городу Марафону³.

[d] Когда-то Петей, сын Орнея и правнук Эрехфея, был изгнан Эгеем из Афин, и Диоскуры назло Тесею вернули его сына Менесфея из

изгнания и сделали его правителем Афин. Этот Менесфей был первым демагогом ^{86*}. Пока Тесей был в Аиде, он списал себе расположение народа тем, что напомнил аристократам о той власти, которую те потеряли после объединения, а бедным говорил, что у них украли отечество и родные святыни, а сами они стали игрушкой в руках проходимца неизвестного происхождения, который, правда, уже освободил трон и, говорят, будто умер ⁴.

[е] Когда Афинны пали, а Афины оказались под угрозой, Менесфей убедил народ приветствовать Диоскуров в городе как своих благодетелей и освободителей. И вправду — братья вели себя пристойно, попросив только, чтобы их посвятили, как Геракла, в Элевсинские мистерии. Их просьбу удовлетворили, и Диоскуры стали почетными гражданами Афин. Афин стал их названным отцом так же, как Пилий стал названным отцом Геракла по такому же случаю. Диоскуры получили божественные почести, когда на небе поднялось их созвездие. Этой почести они были удостоены за милосердное отношение к простым людям. Радостные, они повезли Елену назад в Спарту, а мать Тесея Эфра и одна из сестер Пирифоя были при ней рабынями. Некоторые говорят, что Елена так и осталась девственницей, другие утверждают, что она была беременна от Тесея и в Аргосе, по дороге домой, родила девочку, названную Ифигенией, и в благодарность за благополучные роды воздвигла святилище Артемиды ⁵.

[Г] Тесей, вернувшийся из Аиды вскоре после описанных событий, немедленно построил алтарь Геракла Спасителя и посвятил ему все свои священные участки, кроме четырех. Однако он очень ослаб после перенесенных мучений, а Афины были так подорваны междоусобицей и мятежами, что он даже не смог поддерживать порядок ⁶. Он сначала тайно вывез своих детей из города на Эвбею, где сын Халкодонта Элпенор (или Элефенор) принял их, — правда, некоторые говорят, что его дети бежали еще до его возвращения, — а потом, прокляв афинян с горы Гаргетты, отплыл на Крит, где Девкалион обещал ему убежище.

[г] Буря отнесла корабль в сторону, и Тесею вначале пришлось высадиться на остров Скирос около Эвбеи, где царь Ликомед, который хотя и был приятелем Менесфея, принял его с достойной его славы и происхождения пышностью. Тесей, унаследовавший на Скиросе участок земли, попросил разрешения обосноваться на острове, но Ликомед,

^{86*} Демагог — здесь в первоначальном значении слова: «народный вождь».

привыкший считать этот участок своим, притворился, что хочет показать Тесею границы его владений, а сам заманил его на вершину высокого утеса и столкнул вниз. Представил же он все дело так, будто Тесей упал случайно, когда пьяный решил прогуляться после обеда⁷.

[h] Менесфей, которому на троне уже никто не угрожал, стал одним из женихов Елены и во главе афинского войска пошел на Трою, где прославился как стратег, но был убит в битве. Наследовали ему сыновья Тесея⁸.

[i] Говорят, что Тесей силой похитил Анаксо из Трезена, а также разделил ложе с Иопой, дочерью Ификла из Тиринфа. Его любовные похождения так часто вызывали неудовольствие афинян, что те не смогли по достоинству оценить величие его деяний даже через несколько поколений после его смерти. Во время Марафонской битвы дух Тесея восстал из земли, чтобы воодушевить афинян, и во всеоружии напал на персов. После окончания греко-персидских войн пифия приказала афинянам, вопрошавшим оракула, перенести кости Тесея на родину. Народ Афин очень долго страдал от дерзостей жителей Скироса, а Дельфийский оракул объявил, что это будет продолжаться до тех пор, пока кости Тесея будут оставаться на острове⁹. Однако обнаружить могилу было довольно трудной задачей, поскольку скиросцы были столь же угрюмы, сколь и свирепы; и когда Кимон захватил остров, они отказались показать ему, где могила Тесея. Но Кимон заметил орла, который долбил клювом и разрывал когтями землю; восприняв это как знак свыше, он приказал копать в этом месте. Почти сразу под холмом нашли огромный гроб, внутри которого он обнаружил скелет высокого человека, вооруженного бронзовым копьем и мечом. Этим человеком мог быть только Тесей. Скелет был благоговейно перевезен в Афины и помещен в святилище Тесея рядом с гимнасием¹⁰.

[j] Тесей был мастером игры на лире, и вместе с Гераклом и Гермесом стал покровителем всех гимнасиев и атлетических школ в Греции. Его сходство с Гераклом вошло в поговорку. Он принимал участие в Калидонской охоте, мстил за воинов, которые пали под Фивами, и только не оказался среди аргонавтов, потому что был в Аиде, когда те отплыли в Колхиду. Первая война между Пелопоннесом и Афинами произошла потому, что он похитил Елену, а вторая — из-за того, что отказался выдать сыновей Геракла царю Еврисфею¹¹.

[k] Страдавшие от угнетения рабы и батраки, чьи предки обращали свои взоры на Тесея как на защитника от угнетателей, теперь искали

убежища в его святилище, где ему приносились жертвы в восьмой день каждого месяца. Этот день, вероятно, был выбран потому, что Тесей впервые прибыл в Афины из Трезена в восьмой день гекатомбсона, а вернулся с Крита в восьмой день пнанепсиона. А может быть, и потому, что он был сыном Посейдона, а праздники Посейдона всегда отмечались восьмого числа каждого месяца, поскольку восемь — куб первого из четных чисел — олицетворяет нерушимую мощь Посейдона¹².

¹ *Аполлодор*. Эпитома. I.23; *Герей*. Цит. по: *Плутарх*. Тесей. 32; *Геродот*. IX.73.

² *Дикеарх*. Цит. по: *Плутарх*. Цит. соч.; *Диоген Лаэртский*. III.1.9; *Плутарх*. Кимон. 13.

³ *Дикеарх*. Цит. по: *Плутарх*. Тесей. 32; *Павсаний*. II.1.1.

⁴ *Павсаний*. X.35.5; *Аполлодор*. Эпитома I. 23; *Плутарх*. Цит. соч.

⁵ *Плутарх*. Тесей. 33; *Гигин*. Мифы. 79; *Павсаний*. II.22.7.

⁶ *Элиан*. Пестрые рассказы. IV.5; *Филохор*. Цит. по: *Плутарх*. Тесей. 35; *Плутарх*. Цит. соч.

⁷ *Павсаний*. I.17.6; *Плутарх*. Цит. соч.

⁸ *Плутарх*. Цит. соч.; *Аполлодор*. III.10.8.

⁹ *Плутарх*. Тесей. 29, 36; *Павсаний*. I.15.4, III. 3.6.

¹⁰ *Павсаний*. I.17.6; *Плутарх*. Цит. соч.

¹¹ *Павсаний*. V.19.1, IV.32.1, I.32.5; *Плутарх*. Тесей. 29, 36; *Аполлоний Родосский*. I. 101.

¹² *Плутарх*. Тесей. 36.

1) Эреxfейд Менесфей, который превозносится в «Илиаде» (II.552 и след.) за выдающееся военное мастерство и который царствовал в Афинах во время четырехлетнего пребывания Тесея в Аиде, был, вероятно, его смертным близнецом и соправителем, т. е. афинским аналогом лапифа Пирифоя. Здесь он появляется как прототип афинского демагога, который в течение всей Пелопоннесской войны добивался мира со Спартой любой ценой. Однако, хотя мифограф и осуждал его тактику, он стремился не обидеть Диоскуров, которым афинские моряки посылали молитвы о помощи во время бури.

2) Мифическая значимость марафа («фенхель») заключается в том, что стебли фенхеля использовались для переноса нового священного огня от общего очага к семейному (см. 39, g), после того как его раз в год гасили (см. 149, 3).

Фиванский цикл

[а] Лай, сын Лабдака, женился на Иокасте и правил Фивами. Опечаленный тем, что у него долгое время не было детей, он тайно обратился к Дельфийскому оракулу, который ответил, что его кажущееся несчастье на самом деле — благодеяние, поскольку любой ребенок, рожденный Иокастой, станет его убийцей. После этого Лай стал избегать Иокасты, не объясняя ей настоящей причины. Раздосадованная Иокаста напоила мужа допьяна, и не успела опуститься ночь, как он оказался в ее объятиях. Когда девять месяцев спустя Иокаста произвела на свет сына, Лай выхватил его из рук кормилицы, проткнул ему гвоздем лодыжки и, крепко связав их, отнес ребенка на гору Киферон.

[b] Однако богини судьбы распорядились, чтобы ребенок дожил до преклонного возраста. Один коринфский пастух нашел его, назвал Эдипом из-за искалеченных гвоздем ног, а затем отнес в Коринф, где в то время правил царь Полиб¹.

[с] По другой версии, Лай не отнес Эдипа на гору, а заключил в сундук, который затем бросили с корабля в море. Сундук прибило к берегу как раз в то время, когда там находилась жена Полиба, царица Перибей, отдававшая распоряжения царским прачкам. Она подобрала Эдипа, спрятавшись с ним в кустах и сделала вид, что переживает родовые муки. Поскольку занятым делом прачкам было не до царицы, той легко удалось убедить их, что она не нашла ребенка, а только что родила его. Правду Перибей открыла только своему мужу Полибу, который, будучи бездетным, обрадовался возможности воспитать Эдипа как своего сына.

Однажды, не стерпев насмешек одного коринфского юноши над тем, что он совсем не похож на своих родителей, Эдип отправился к Дельфийскому оракулу узнать, какое будущее его ожидает. «Прочь из святилища, несчастный! — вскричала с ужасом пифия, — ибо ты убьешь своего отца и женишься на матери!»

[d] Так как Эдип любил Полиба и Перибсею и не допускал мысли причинить им горе, он тут же решил больше не возвращаться в Коринф. Но на узкой дороге между Дельфами и Давлидой ему повстречался Лай, который грубо приказал ему уступить дорогу и пропустить тех, кому он должен поклоняться. Тут нужно заметить, что Лай был на колеснице, а Эдип шел пешком. Эдип ответил, что он поклоняется только богам и своим родителям.

«Тем хуже для тебя!» — вскричал Лай и приказал своему возничему Полифону трогать.

Колесо задело ногу Эдипа, и тот в ярости пронзил Полифонта копьем. Запутавшийся в упряжи Лай оказался сброшенным наземь, лошади под ударами Эдипа понесли, и царь погиб. Оба труна пришлось предать земле царю Платей².

[e] Лай оказался здесь потому, что ехал к оракулу, чтобы узнать, как освободить Фивы от Сфинкс. Это чудовище было дочерью Тифона и Ехидны или, по мнению некоторых, пса Орфа и Химеры, а в Фивы она прилетела из глубинных земель Эфиопии. Ее легко было узнать, потому что у нее была голова женщины, тело льва, хвост змея и крылья орла³. Гера наслала Сфинкс, чтобы покарать Фивы за то, что Лай похитил из Писы мальчика по имени Хрисипп. Обосновавшись неподалеку от города на горе Фикион, Сфинкс задавала каждому проходящему мимо фиванцу загадку, которой ее научили музы: «Кто из живых существ утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» Не сумевшего дать разгадку она убивала и тут же пожирала. Среди несчастных оказался и племянник Иокасты по имени Гемон, которого Сфинкс действительно сделала *haimon*, т. е. кровавым.

Эдип, отправившийся в Фивы после убийства Лая, правильно дал ответ. «Человек, — сказал он, — потому что он ползает на четвереньках в младенчестве, твердо стоит на двух ногах в молодости и опирается на палку в старости». В отчаянии Сфинкс бросилась с горы вниз и разбилась насмерть. За это благодарные фиванцы провозгласили Эдипа царем, и он стал супругом Иокасты, не подозревая, что она его мать.

[f] Тем временем в Фивах началась моровая язва, и Дельфийский оракул, к которому вновь обратились жители, ответил: «Прогоните убийцу Лая!» Эдип, не ведая, кого он убил по дороге, проклял убийцу Лая и приговорил его к изгнанию.

[g] Слепой Тиресий, который был в то время самым знаменитым предсказателем в Греции, потребовал свидания с Эдипом. Некоторые говорят, что Афина (ослепившая его за то, что он нечаянно подсмотрел, как она купалась) была тронута мольбами матери Тиресия и, достав из своей эгиды змея Эрихтония, приказала ему: «Вылижи Тиресию уши своим языком, чтобы он смог понимать язык вещей птиц».

[h] Другие говорят, что однажды на горе Киллене Тиресий застал двух спаривающихся змей. Когда обе змеи набросились на него, он стал отбиваться от них палкой и убил самку. В тот же момент он сам превратился в женщину и стал знаменитой гетерой. Ровно через семь лет на том же месте его глазам предстало точно такое же зрелище и он, на сей раз убив змея, вновь стал мужчиной. Еще говорят, что, когда Афродита и три хариты по имени Пасифея, Кале и Евфросина спорили, кто из них самая красивая, и Тиресий присудил первенство Кале, Афродита превратила его в старуху. Однако Кале взяла его с собой на остров Крит, где и наделила его прекрасными волосами. Спустя несколько дней Гера стала поносить Зевса за его многочисленные супружеские измены. Тот стал оправдываться, утверждая, что, даже когда он делит с ней ложе, она получает от этого неизмеримо больше удовольствия, чем он. «Конечно, женщины получают больше удовольствия от любви, чем мужчины», — в неистовстве повторял Зевс.

«Какая чушь! — вскричала Гера. — Все совсем наоборот, и ты это прекрасно знаешь».

Тиресий, призванный решить спор на основе того, что он знает свойства обоих полов, ответил:

Из десяти частей любовных наслаждений
У женщин — трижды три, а у мужчин — одна.

Гера так рассердилась при виде победной улыбки Зевса, что ослепила Тиресия, но Зевс восполнил потерю, наделив его внутренним зрением и продлив его жизнь до семи поколений⁴.

[i] Тем временем Тиресий явился во дворец Эдипа, опираясь на кизильовый посох, подаренный ему Афиной, и объявил Эдипу волю богов:

морская язва в городе прекратится, если кто-нибудь из «посеянных» людей пожертвует жизнью во имя города. Отец Иокасты, которого звали Менекей и который вырос из зубов змея, посеянных Кадмом, не мешкая, бросился с городской стены, и все фиванцы воздали ему хвалу за этот поступок.

Тиресий между тем продолжал: «Менекей поступил правильно, и чума теперь прекратится. Но боги имели в виду другого „посеянного“ человека, принадлежащего к третьему поколению, поскольку он убил своего отца и женился на матери. Знай же, царица Иокаста, что это твой муж Эдип!»

[j] Поначалу никто не поверил Тиресию, но вскоре его слова подтвердило письмо, пришедшее от Перибей из Коринфа. Она писала, что внезапная смерть царя Полиба теперь позволяет ей открыть обстоятельства, при которых Эдип был усыновлен, причем описала их, не пропустив никаких подробностей. От стыда и печали Иокаста повесилась, а Эдип ослепил себя золотой застежкой, снятой с ее одежд⁵.

[k] Одни говорят, что, мучимый эриниями, которые обвинили его в том, что он стал причиной смерти своей матери, Эдип еще какое-то время оставался царем Фив, пока не нашел славную смерть в битве⁶. Другие считают, что его изгнал брат Иокасты по имени Креонт, однако до этого он успел проклясть Этеокла и Полиника, которые одновременно были и его сыновьями, и его братьями, за то, что они прислали ему недостойный его положения кусок жертвенного животного — бедро, вместо полагающейся царю лопатки. Поэтому они нисколько не жалели, когда он покидал город, который когда-то освободил от власти Сфинкс. Пространствовав много лет по разным странам в сопровождении своей верной дочери Антигоны, Эдип наконец пришел в Колон, что в Аттике, где эринии, у которых была в этом городе священная роща, затравили его до смерти, и Тесей похоронил тело там, где в Афинах хоронили святых, и оплакал его вместе с Антигоной⁷.

¹ *Аполлодор*. III.5.7.

² *Гигин*. Мифы. 66; Схолии к «Финикиянкам» Еврипида. 13, 26; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Павсаний*. X.5.2.

³ *Аполлодор*. III.5.8; *Гесиод*. Теогония. 326; *Софокл*. Царь Эдип. 391; Схолии к «Лягушкам» Аристофана. 1287.

⁴ *Аполлодор*. III.6.7; *Гигин*. Цит. соч. 75; *Овидий*. Метаморфозы. III.320; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 682.

⁵ Аполлодор. III.5.8; Софокл. Царь Эдип. 447,713,731,774,1285 и след.

⁶ Гомер. Одиссея. XI.270, Илиада. XXIII.679.

⁷ Софокл. Эдип в Колоне. 166, Схолии. 1375; Еврипид. Финикиянки. Пролог; Аполлодор. III.5.9; Гигин. Цит. соч. 67; Павсаний. I.28.7.

1) Пастухи усыновляли или как-то по-другому участвовали в судьбе многих других легендарных и полубогатых принцев-младенцев, как, например, Гиппофой (см. 49, а), Пелий (см. 68, d), Амфион (см. 76,а), Эгисф (см. 111,и), Моисей, Ромул и Кир; всех их либо оставляли на вершине горы, либо пускали по воле волн в ковчеге, либо на их долю выпадало и то и другое сразу. Дочь фараона нашла Моисея, когда отправилась к реке вместе со своими прислужницами. Не исключено, что имя *Oedipus* («распухшая ступня») первоначально звучало как *Oedipais* («сын вспухшего моря»); именно так можно перевести имя соответствующего уэльского героя Дилана. Тогда протыкание лодыжек Эдипа гвоздем относится к концу повествования, а не к началу, как, например, в мифе о Талосе (см. 92,м; 154,h).

2) Убийство Лая — это свидетельство ритуальной смерти солнечного царя от рук преемника: Лай погиб потому, что его выбросило из колесницы и лошади потащили его по земле (см. 71,1). Похищение им Хрисиппа, возможно, относится к принесению в жертву мальчика, заменяющего собой царя (см. 29,1), по окончании первого года правления.

3) Патриоты Фив, не желая признавать, что Эдип был чужестранцем, взявшим их город приступом, предпочитают считать его пропавшим наследником фиванского престола. Правда открывается в факте смерти Менекея — представителя доэллинического племени, праздновавшего *пелорию* в память о демиурге Офione, из зубов которого, как утверждалось, возникло это племя. Он прыгает со стены и разбивается насмерть в тщетной надежде умиловить богиню. Аналогичным образом поступает Меттий Курций, бросившийся в открывшуюся на римском Форуме пропасть (Ливий. VII.6); такая же жертва принесена во время войны «семерых против Фив» (см. 106, j). Однако жертва Менекея была напрасной, иначе Сфинкс и ее верховной жрице Иокасте незачем было совершать самоубийство. Рассказ о том, что Иокаста повесилась, возможно, ошибочен. Оливковая Елсна, как и Эригона и Ариадна в культе лозы, тоже погибает аналогичным образом. Не исключено, что такая смерть навеяна фигурками лунной богини, которые свешивались с ветвей садовых деревьев в качестве магического средства, призванного

обеспечить высокий урожай (см. 79,2; 88,10; 98,4). Аналогичные фигурки использовались и в Фивах, а совершившая самоубийство Иокаста, бесспорно, как и Сфинкс, должна была прыгнуть со скалы вниз.

4) Распространение имени *Тиресий* — обычное название прорицателей — повсеместно в легендарной истории Греции, предполагает, что Зевс даровал ему долгую жизнь. Видеть змей во время брака до сих пор считается плохой приметой в южной Индии; очевидца, по выражению Геродота, поразит «женская болезнь», а именно гомосексуальность. В этом месте греческий мифолог пошел еще дальше, чтобы высмеять женщин. Кизил — вешее дерево, считавшееся священным деревом Крона (см. 52,3; 170, 5). Оно символизировало четвертый месяц, на который приходилось весеннее равноденствие. В эту пору был основан Рим на том месте, где кизиловое копьё Ромула воткнулось в землю. У Гесиода харит не две, как обычно, а три (см. 13,3), и зовут их Евфросина, Аглая и Талия (*Теогония*. 945). Спор о том, кто самая красивая, в изложении Сосистрата имеет мало смысла, поскольку *Pasithea Cale Euphrosyne* («Богиня радости, прекрасная всем»), вероятно, не что иное, как титул самой Афродиты. В основу этого сюжета мог лечь суд Париса (см. 159, 1; 2).

5) До нас дошло два противоречивых рассказа о смерти Эдипа. Согласно Гомеру, он доблестно сложил голову в битве. Однако *Аполлодор* и *Гигин* пишут, что он был изгнан братом Иокасты, принадлежавшим к кадмейскому царскому дому, и ходил нищим слепцом по городам Греции, пока не пришел в аттический Колон, где эринии затравили его до смерти. Самоослепление Эдипа в порыве раскаяния воспринималось сторонниками психологической трактовки как акт оскпления. Хотя слепота учителя Ахилла — Феникса (см. 160,1) — воспринималась греческими грамматиками как эвфемизм, обозначающий импотенцию, примитивный миф в этом всегда откровенен, и оскпление Урана и Аттиса так и осталось оскплением во всех классических сборниках текстов. Поэтому ослепление Эдипа воспринимается как театральное дополнение, а не оригинальный миф. Эринии олицетворяли совесть, но лишь в очень ограниченном смысле — просыпающуюся только при нарушении материнского табу.

6) В соответствии с версией, которой нет у Гомера, неповиновение Эдипа богине города было наказано изгнанием, и он в конце концов умер, став жертвой своих суеверных страхов. Не исключено, что его реформы встретили сопротивление со стороны консервативно настроенных

фиванцев. При этом нет сомнения в том, что нежелание братьев и сыновей Эдипа признать его право на лопатку жертвенного животного равносильно непризнанию его божественной власти. Лопатка традиционно доставалась жрецу в Иерусалиме (Лев. 7:32, 11:21; и далее), а Тантал подает богине Деметре лопатку Пелопа на знаменитом пире богов (см. 108, с).

Может быть, Эдип, как и Сисиф, пытался заменить матрилинейные законы наследования патрилинейными, но был за это изгнан своими подданными? Полностью такое предположение исключить нельзя. Тесе́й Афинский — еще один патриархальный реформатор из Истма, уничтоживший древний афинский род Паллантидов (см. 99,а), — связывался афинскими драматургами с погребением Эдипа и в последние годы своего правления сам был изгнан (см. 104, f).

7) Тиресий здесь предстает как драматическая фигура, предрекающая Эдипу его окончательный позор, однако этот сюжет в том виде, в каком он до нас дошел, вероятно, претерпел существенные изменения. Когда-то он мог иметь следующий вид.

Эдип Коринфский завоевал Фивы и стал царем, вступив в брак с Иокастой, жрицей Геры. Затем он объявил, что трон должен наследоваться по мужской линии — от отца к сыну, в соответствии с коринфским обычаем, — а не представлять собой дар Геры Душительницы. Эдип признался, что ему стыдно за то, что лошади, впряженные в колесницу, стали причиной гибели Лая, в котором видели его отца, а также за то, что он вступил в брак с Иокастой, сделавшись царем с помощью обряда повторного рождения. Однако, когда он попробовал изменить эти обычаи, Иокаста в знак протеста совершила самоубийство, а в Фивы пришла чума. По совету оракула фиванцы лишили Эдипа права поедать лопатку священного животного и изгнали его из города. Он погиб при одной из попыток вернуть себе трон силой.

[а] В Аргос приходило так много царских детей в надежде жениться на Аргии и Деипиле, дочерях царя Адраста, что царь, боясь нажить себе сильных врагов при выборе зятя, обратился к Дельфийскому оракулу. Аполлон ответил так: «Впряги в колесницу вепря и льва, которые дерутся в твоём дворце».

[b] Среди тех, кто неудачно просил руки царских дочерей, были Полиник и Тидей. Полиник и его брат-близнец Этеокл были провозглашены царями-соправителями Фив после изгнания их отца Эдипа. Они договорились царствовать поочередно по году, но Этеокл, которому выпало царствовать первому, по прошествии года отказался уступить трон своему брату. Он обвинил брата в том, что тот замышляет против него что-то недоброе, и изгнал его из города. Тидей, сын Ойнея из Калидона, убил во время охоты своего брата Меланиппа. Хотя он утверждал, что совершил убийство случайно, калидонцы знали, что Меланиппу было предсказано убить своего брата, поэтому они обвинили Тидея в попытке предвосхитить судьбу и изгнали его из города.

[с] Теперь вспомним, что символом Фив был лев, а символом Калидона — вепрь, которые красовались на щитах двух женихов-изгнанников. Той же ночью они во дворце Адраста затеяли спор о богатстве и величии своих городов, и могло бы совершиться убийство, если бы Адраст не разнял их и не примирил. После этого, вспомнив о пророчестве, Адраст отдал Аргию в жены Полинику, а Деипилу — в жены Тидею, пообещав зятьям восстановить их на троне и предупредив, что сначала пойдет против Фив, которые были ближе¹.

[d] Адраст призвал на помощь аргивских вождей — Капанея, Гиппомедонта, — своего шурина ясновидца Амфиарая и его аркадского союзника Парфенопея, сына Мелеагра и Аталанты, попросил их вооружиться и идти на восток. Из всех только один Амфиарай не спешил идти на помощь, предвидя, что в войне с Фивами погибнут все, кроме Адраста.

[e] Случилось так, что когда-то Адраст поссорился с Амфиараем из-за событий в царстве аргивян, и двое разъяренных мужчин наверняка бы убили друг друга, если бы не вмешательство сестры Адраста по имени Эрифилы, которая была женой Амфиарая. Схватив прялку, она бросилась между мужчинами, развела их мечи и взяла с них клятву всегда повиноваться ее решению во всех будущих спорах. Прознав про эту клятву, Тидей позвал Полиника и сказал ему: «Эрифилы боится, что начала терять свою привлекательность, поэтому, если ты предложишь ей волшебное ожерелье, которое Афродита подарила на свадьбу твоей прародительнице Гармонии, жене Кадма, она тут же все уладит между Амфиараем и Адрастом и убедит своего мужа идти с нами».

[f] Было сделано все, как сказано, и войско отправилось в поход, возглавляемое семью военачальниками: Полиником, Тидеем и пятью аргивянами². Некоторые, правда, не считают Полиника и среди семи имен называют аргивянина Этеокла, одного из сыновей Ифиды³.

[g] Поход привел их в Немею, где царем был Ликург. Когда войско испросило разрешения Ликурга пользоваться в его стране водой, тот согласился, а его рабыня по имени Гипсипила отвела всех к ближайшему ручью. Гипсипила была дочерью лемносского царя, но, когда женщины Лемноса поклялись перебить всех мужчин в отместку за нанесенную ими обиду, она спасла жизнь своего отца Фоанта. За это островитянки продали ее в рабство, и сейчас она была кормилицей сына Ликурга по имени Офельт. На какое-то мгновение она оставила мальчика без присмотра, пока показывала, где аргивское войско может напиться, но этого времени оказалось достаточно для того, чтобы змей обвился вокруг ног мальчика и нанес смертельный укус. Шедший от ручья Адраст и его люди смогли только убить змея и предать тело мальчика земле.

[h] Когда Амфиарай предупредил их, что это плохое предзнаменование, воины учредили Немейские игры в честь погибшего мальчика и назвали его Архемор, что значит «начинатель рока». Каждый из семи героев получил удовлетворение, выиграв по одному из семи видов соревнования. Судьбы на Немейских играх (которые стали проводиться раз

в три года) с тех пор носят темные одежды в знак траура по Офельту, а в венок победителя влетается зелень символизовавшей несчастье петрушки⁴.

[i] Прибыв в Киферон, Адраст отправил Тидея в качестве своего посла к фиванцам с требованием, чтобы Этеокл отрекся от престола в пользу Полиника. Получив отказ, Тидей стал вызывать всех фиванских вождей поочередно на поединок и каждый раз выходил победителем. Скоро уже никто из фиванцев не осмелился принять его вызов. Аргивяне подошли к городским стенам, и каждый из героев расположился у одних из семи городских ворот.

[j] Ясновидец Тиресий, к которому обратился Этеокл, предсказал, что фиванцы смогут победить лишь в том случае, если кто-нибудь из принцев царского дома сам принесет себя в жертву Аресу. Узнав об этом, Менекей, сын Креонта, лишил себя жизни у городских ворот, поступив так же, как его тезка и дядя, бросившийся ради спасения города со стены. Предсказание Тиресия сбылось: в завязавшейся схватке фиванцы потерпели поражение и отступили в город, но стоило только Капанею приставить к стене лестницу и начать по ней взбираться, как Зевс поразил его перуном. При виде этого фиванцы воспряли духом, совершили отчаянную вылазку и убили еще троих из семи героев, причем один из нападавших, по имени Меланипп, ранил Тидея в живот. Питавшая к Тидею слабость Афина, увидев его полумертвым, поспешила к Зевсу и выпросила у него живительный эликсир, который бы смог поставить Тидея на ноги. Но Амфиарай, испытывавший к Тидею неприязнь за то, что из-за него аргивяне стали участниками этой войны, быстро сообразил, что надо делать, подбежал к Меланиппу и отрубил ему голову. «Я отомстил! — вскричал он, протягивая голову умирающему Тидею. — Расколи его череп и проглоти мозги!» Тидей так и сделал, и прибывшая в этот момент Афина, увидев ярость и кровожадность Тидея, вылила эликсир и с отвращением удалилась.

[k] К этому времени из семи героев в живых остались только Полиник, Амфиарай и Адраст, причем Полиник, чтобы прекратить резню, предложил решить единоборством, кому — ему или Этеоклу — будет принадлежать власть над Фивами. Этеокл принял вызов, и в последовавшей затем жестокой схватке оба воина нанесли друг другу смертельные раны. После этого фиванское войско возглавил Креонт и изгнал растерявшихся аргивян. Амфиарай бежал в колеснице с поля боя вдоль берега реки Йемен, когда какой-то фиванец, преследовавший его, чуть

не поразил его копьем между лопаток, но вмешался Зевс: земля от его перуна разверзлась, и Амфиарай провалился туда вместе с колесницей. Теперь он правит мертвыми. Его возничий Батон последовал за ним⁵.

[1] Видя, что битва проиграна, Адраст сел верхом на своего крылатого коня Ариона и бежал. Позднее, когда он узнал, что Креонт не дал похоронить своих мертвых врагов, то отправился в Афины и убедил Тесея пойти в поход против Фив, чтобы наказать Креонта за его нечестивость. В результате неожиданного нападения Тесей взял город, заключил Креонта в темницу, а тела погибших передал их родственникам, которые устроили большой погребальный костер. Эвадна, жена Капанея, видя, что тело ее мужа стало священным, так как убил его сам громовержец, не захотела расстаться с ним. Поскольку обычай требовал, чтобы пораженных молнией людей хоронили отдельно в огороженной могиле, она бросилась в общий костер и сгорела заживо⁶.

[m] Еще до появления Тесея в Фивах Антигона, сестра Этеокла и Полиника, не послушалась Креонта и тайно предала труп Полиника огню. Выглянув из окна своего дворца, Креонт заметил вдали дымок, шедший, как ему показалось, от погребального костра. Отправившись узнать, в чем дело, он застал Антигону за совершением запрещенного им погребального обряда. Он призвал своего сына Гемона, помолвленного с Антигоной, и приказал ему закопать свою нареченную живьем в могилу Полиника. Гемон притворился, что готов исполнить все приказания, а сам тайно обручился с Антигоной и отправил ее к пастухам, которые пасли его стада. Она родила ему сына, который через много лет пришел в Фивы, чтобы участвовать в погребальных играх, но Креонт, все еще бывший царем фиванским, догадался, кто стоит перед ним, по родимому пятну в виде змея, которое было у всех потомков Кадма, и приговорил его к смерти. За жизнь юноши вступился Геракл, но Креонт оказался непреклонным, и Гемон в отчаянии убил Антигону, а потом себя⁷.

¹ Гигин. Мифы. 69; Еврипид. Финикиянки. 408 и след., Схолии. 409; Прокл. 132 и след.; Аполлодор. III.6.1.

² Эсхил. Семеро против Фив. 375 и след.; Гомер. Одиссея. XI.326 и след., XV.247; Софокл. Электра. 836 и след., Фрагменты Эрифилы; Гигин. Цит. соч. 73; Павсаний. V.17.4 и след., IX.41.2; Диодор Сицилийский. IV.65.5 и след.; Аполлодор. III.6.2—3.

³ Эсхил. Цит. соч. 458 и след.; Софокл. Эдип в Колоне. 1316; Павсаний. X.10.3.

- ⁴ *Аполлодор*. I.9.17, III.6.4.; *Гигин*. Мифы. 74, 273; Схолии к содержанию «Немеевских од» Пиндара.
- ⁵ *Эсхил*. Цит. соч. 375 и след.; *Еврипид*. Финикиянки 105, 1090 и след.; *Диодор Сицилийский*. IV.65.7—9; *Аполлодор*. III.6.8; *Гигин*. Цит. соч. 69, 70; Схолии к «Немеевским одам» Пиндара. X.14 и след.; *Павсаний*. IX.18.1; *Овидий*. Ибис. 427 и след., 515 и след.
- ⁶ *Гигин*. Цит. соч. 273; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Еврипид*. Просительницы; *Плутарх*. Тесей 29; *Исократ*. Панегирик. 54—58; *Павсаний*. I.39.2.
- ⁷ *Софокл*. Антигона, *passim*; *Гигин*. Цит. соч. 72; *Еврипид*. Антигона, фрагменты; *Эсхил*. Цит. соч. 1005 и след.; *Аполлодор*. III.7.1.

1) Первоначально предсказание Аполлона о союзе льва и вепря, вероятно, передавало мудрость организации соправления, предотвращающую политическую борьбу между священным царем и его танистом, результатом которой стало падение Фив (см. 69,1). Однако, действительно, эмблемой Фив был лев — возможно, из-за львиного тела бывшей богини города Сфинкс, а эмблемой Калидона был вепрь, вероятно, потому, что Арес, чье святилище было в городе, любил представлять именно в этом обличье (см. 18,j). Оракул оказался примененным к совершенно иной ситуации. В классическую эпоху часто использовались щиты с гербами в виде животных (см. 160,n).

2) Мифографы обычно обыгрывали слог *ep* в именах, предпочитая видеть в нем значение *epis* («вражда»), а не значение «обильный». Так возникли мифы об Эрихтонии (см. 25,1) и Эригоне (см. 79,3). Имя Эрифилы первоначально означало «многолиственная», а не «родовая вражда». Гесиод (*Труды и дни*. 161 и след.) говорит, что Зевс уничтожил два поколения героев: первый раз под Фивами «из-за Эдиповых стад», а второй раз — под Троей в войне, возникшей по вине «прекрасноволосой» Елены. Что значит «Эдиповы стада», не объясняется, но, без сомнения, Гесиод имеет в виду войну между Этеоклом и Полиником, в которой аргивяне поддержали кандидата-неудачника на фиванский трон. Причиной аналогичного спора между братьями было золотое руно, на обладание которым претендовали Атрей и Фист (см. 111,c—d); обладатель руна одновременно получал и микенский трон. Кроме того, у Зевса паслись золоторунные бараны на горе Лафистий. Не исключено, что они были символом царской власти в соседнем Орхомене и стали причиной большого кровопролития (см. 70,6).

3) *Гипсипила* («высоковратная») — это, вероятно, эпитет луны-богини, чей путь на небе имел форму высокой арки. Немейские игры, как и Олимпийские, очевидно, устраивались в конце срока правления царя-жреца, который царствовал в течение ста лунных месяцев в качестве супруга верховной жрицы. Миф сохранил отголосок традиции, согласно которой ежегодно в жертву богине приносился мальчик, заменявший собой царя, хотя слово *Opheltes*, означающее просто «благодетель», приобрело несвойственное для него значение «обвитый змеем», как если бы оно происходило от слов *orphis* («змея») и *eilein* («прижимать друг к другу»). *Archemorus* также не означает «начинатель рока», а всего лишь «ствол первооливы», что указывает на срезание веток со священной оливы Афины (см. 16,с), вероятно, для того, чтобы наградить ими победителей различных соревнований, проводившихся в рамках игр. После событий греко-персидских войн победителей Немейских игр перестали увенчивать оливой, а награждали венком из петрушки, которая была символом траура (*Схолии к содержанию «Немейских од» Пиндара*). Устойчивые мрачные ассоциации с петрушкой объясняются, вероятно, тем, что это растение было повсеместно известно как средство, вызывающее выкидыш. Есть даже английская поговорка: «Пышно растет петрушка в саду рогоносца». Пышно она росла и на острове мертвых — Оигии (см. 170,w).

4) Рассказ о том, как Тидей проглотил мозги Меланиппа, имеет отенок морализации. Однако этот древний способ повышения боевых качеств, введенный эллинами и практиковавшийся скифами даже в классическую эпоху (Геродот. IV.64), стал восприниматься как варварский. Утерянный эпос «Семеро против Фив», вероятно, во многом напоминал древнеиндийский эпос «Махабхарата», в котором прославляется каста воителей: в ней звучит та же тема вражды между родственниками, поведение сражающихся показано с большим благородством и трагизмом, нежели в «Илиаде», боги там не совершают проделок, самосожжение вдовы вместе с погибшим мужем приветствуется, а Бхима, подобно Тидею, пьет кровь своего врага.

5) Смерть Амфиарая является еще одним примером гибели царя-жреца в подстроенном крушении колесницы (см. 71,a; 101,g; 105,d; 109,j; и т. п.). То, что Батон («ежевика») спускается вместе с ним в Аид, похоже, свидетельствует о широко распространенном в Европе табу на употребление ежевики, которая ассоциировалась со смертью.

6) Самопожертвование Эвадны напоминает миф об Алкестиде (см. 69,d). Остатки царского погребения с сожженным трупом, обнаруженного в захоронении в Дендре неподалеку от Микен, говорят о том, что в этом конкретном случае царь и царица были погребены одновременно. А. В. Перссон^{87*} считает, что царица умерла добровольно. Не исключено, что их вместе убили или что они умерли от одной и той же болезни. Тем не менее второе подобное погребение в Микенах не обнаружено. Самосожжение вдовы, которое, вероятно, было эллинским обычаем, скоро забылось (см. 74,8). Молния была свидетельством присутствия Зевса, и поскольку «святой» и «ритуально нечистый» в первобытных религиях означают почти то же самое — табуированные животные в Книге Левит считались ритуально грязными потому, что были святыми, — могила человека, пораженного молнией, огораживалась так же, как огораживают место погребения скота, погибшего от сибирской язвы. Кроме того, в честь такого человека совершались обряды, как в честь героя. Могильник около Элевсина, где, по свидетельству Павсания, были погребены воины, сражавшиеся против Фив, обнаружен стараниями проф. Милонаса^{88*} и раскопан. Он вскрыл одно двойное захоронение внутри круглой каменной изгороди и пять одиночных могил. Скелеты, как того требовали обычаи XIII в. до н. э. (которым датируются найденные там же осколки ваз), не имели признаков кремации. Древние грабители могил, как и следовало ожидать, унесли бронзовое оружие и другие металлические предметы, первоначально захороненные вместе с телами. Не исключено, что обнаружение двух скелетов в одной могиле, окруженной каменной изгородью, и необычность самой изгороди убедили элевсинцев в том, что это могила погибшего от удара молнии Капанея и его верной жены Эвадны.

7) Миф об Антигоне, Гемоне и пастухах, вероятно, возник на основе того же сакрального изображения, что и миф об Арне (см. 43,d) или миф об Алопе (см. 49,f). Однако в нашем случае миф лишен традиционного конца, в котором Гемон должен убить своего деда Креонта диском (см. 73,ρ).

^{87*} Перссон А. В. (1888—1851) — шведский археолог, много лет вел раскопки в Греции.

^{88*} Милонас Дж. Э. (1898—1988) — американский археолог.

[а] Сыновья погибших под Фивами героев поклялись отомстить за своих отцов. Они стали известны как Эпигоны¹. Дельфийский оракул пообещал им победу, если сын Амфиарая Алкмеон возглавит поход. Однако у Алкмеона не было желания нападать на Фивы, и он энергично пытался разубедить своего брата Амфилоха в необходимости войны. Так и не придя ни к какому решению, они обратились к своей матери Эрифиле. Почувствовав, что ситуация повторяется, сын Полиника Ферсандр решил сделать то же, что в свое время сделал его отец. Он подкупил Эрифилу, подарив ей волшебный неплос — одеяние, которое Афина подарила его прародительнице Гармонии тогда же, когда Афродита вручила ей волшебное ожерелье. Эрифиле настояла на войне, и Алкмеон нехотя принял командование.

[b] В битве, которая произошла под стенами Фив, Эпигоны потеряли сына Адраста Эгиалея, а Тиресий предсказал фиванцам, что на этот раз их город будет захвачен и разграблен. Он объявил, что городские стены будут стоять до тех пор, пока будет жив хотя бы один из семи героев, шедших на Фивы в первый раз. Но дело в том, что в живых остался лишь один Адраст, который умрет от горя, узнав, что его сын погиб. Поэтому разумнее всего для фиванцев было бежать той же ночью. При этом Тиресий добавил, что ему все равно, послушаются они его совета или нет, поскольку ему самому суждено жить лишь до того момента, пока Фивы не окажутся в руках аргивян. Вняв совету, фиванцы под покровом темноты бежали на север, взяв с собой жен, детей, оружие и кое-какой скарб. Отойдя на безопасное расстояние, они решили

остановиться и основали город Гестиею. На рассвете Тиресий, ушедший с ними, испил воды из источника Тильфуссы и испустил неожиданно дух.

[c] В тот самый день, когда Адраст услышал о смерти Эгиалея, он умер от горя, а аргивяне, увидев, что город покинут, ворвались в него, сровняли с землей городские стены и забрали всю добычу. Самое лучшее из добычи они отпраздновали Аполлону Дельфийскому, включая оставшуюся в городе дочь Тиресия Манто, или Дафну, которая стала пифией.

[d] Однако дело этим не кончилось. Ферсандр в присутствии Алкмеона стал хвастаться, что, если бы не он, аргивянам не видать победы, поскольку именно он подкупил Эрифилу, как до этого сделал его отец Полиник, и она настояла на войне. Так Алкмеон впервые узнал, что тщеславие Эрифилы стоило жизни его отцу и могло стоить жизни ему самому. Он обратился к Дельфийскому оракулу, и Аполлон ответил, что Эрифилу заслуживает смерти. Ошибочно восприняв этот ответ как разрешение на матереубийство, Алкмеон по возвращении домой убил Эрифилу, причем некоторые добавляют, что сделал он это с помощью своего брата Амфилоха. Но Эрифилу прокляла Алкмеона и умерла со словами: «Земли Греции и Азии и всего мира, откажите в пристанище моим убийцам!» После этого мстительные эринии стали преследовать Алкмеона и свели с ума.

[e] Вначале Алкмеон бежал в Феспотию, где ему было отказано в приюте. Тогда он отправился в Псофиду, и там царь Фегей совершил над ним очистительный ритуал ради Аполлона. Фегей женил его на своей дочери Арсиное, которой Алкмеон вручил привезенные с собой волшебные ожерелье и пеплос. Однако эринии, невзирая на совершённый обряд очищения, продолжали его преследовать и земля Псофиды перестала плодоносить. После этого Дельфийский оракул посоветовал Алкмеону обратиться к речному богу Ахелюю, который повторно совершил над ним очистительный обряд. Алкмеон женился на дочери Ахелоя по имени Каллироя и обосновался на земле, недавно образованной речными наносами и не подпадающей под запрет Эрифилы. Здесь он и жил в мире и согласии некоторое время.

[f] Год спустя Каллироя, боясь, что может потерять свою красоту, сказала, что пустит Алкмеона на свое ложе лишь тогда, когда он подарит ей знаменитое ожерелье и пеплос. Из любви к Каллирое он отважился вновь посетить Псофиду и обмануть Фегея. Даже не обмолвившись о своем браке с Каллироей, он стал говорить, будто Дельфийский оракул сказал, что эринии будут преследовать его до тех пор, пока он

не подарит пеплос и ожерелье святилищу Аполлона. Фегей убедил Арсиною вернуть эти вещи, что она с радостью и сделала, надеясь, что Алкмеон вернется к ней сразу же, как только его перестанут преследовать эринии. Но один из слуг Алкмеона выболтал всю правду о Каллирое, и Фегей пришел в такую ярость, что приказал своим сыновьям устроить на Алкмеона засаду и убить его, как только он покинет дворец. Арсиноя видела всю сцену убийства из окна и, не ведая о двоеженстве Алкмеона, стала громко укорять своего отца и братьев за то, что они нарушили закон гостеприимства и сделали ее вдовой. Фегей умолял ее помолчать и выслушать его, но Арсиноя ничего не хотела слышать и лишь желала, чтобы и ее отец, и братья умерли самой мучительной смертью еще до наступления очередного новолуния. В отместку Фегей заключил ее в сундук и отдал в рабство немейскому царю, а своим сыновьям сказал: «Возьмите этот пеплос и ожерелье и отнесите Дельфийскому Аполлону. Пусть эти вещи больше не приносят бед».

[g] Сыновья Фегея повиновались, но тем временем Каллироя, узнав, что произошло в Псофиде, взмолилась, чтобы ее сыновья, которые еще лежали в колыбели, выросли за одну ночь и отомстили убийцам своего отца. Зевс услышал ее мольбу, превратил детей Каллирой в настоящих мужчин, которые, взяв оружие, отправились в Немею, где, как им было известно, сыновья Фегея остановились на пути из Дельф, чтобы убедить Арсиною снять с них свое проклятие. Они попытались рассказать ей всю правду об Алкмеоне, но она не стала их даже слушать. Сыновьям Каллирой удалось не только неожиданно напасть и перебить их, но и, поспешив в Псофиду, убить там Фегея еще до того, как на небосводе появилась новая луна. Поскольку ни один царь или речной бог в Греции не согласился совершить над ними очистительный обряд, они пошли на запад в Эпир и основали там колонию Акарнанию, названную так в честь старшего из двух братьев, Акарнана.

[h] Пеплос и ожерелье находились в Дельфах вплоть до начала Священной войны [IV в. до н. э.], когда фокийский разбойник Фаилл забрал их себе, поэтому неизвестно, было ли янтарное ожерелье в золотой оправе настоящим и принадлежало, как утверждали жители Амафунта, Эрифиле или же оно было поддельным².

[i] Некоторые утверждают, что у Тиресия было две дочери — Дафна и Манто. Дафна осталась девственницей и стала сивиллой, а Манто, до того как Алкмеон отправил ее Аполлону в Дельфы, зачала от него

Амфилоха и Тисифону. Алкмеон оставил детей на попечение коринфского царя Креонта. Спустя много лет жена Креонта, позавидовав необычайной красоте Тисифоны, продала ее в рабство, и Алкмеон, не зная, кто перед ним, купил ее себе в служанки, однако, к счастью, дело до инцеста не дошло. Что касается Манто, то Аполлон отправил ее в ионийский город Колофон, где она вышла замуж за Ракия, царя Карики. Их сыном был знаменитый прорицатель Мопс³.

¹ Диодор Сицилийский. IV.66; Павсаний. IX.5.13 и след., 8.6, 9.4 и след.; Гигин. Мифы. 70; Фрагменты «Эпигонов» Эсхила и Софокла.

² Аполлодор. III.7.5—7; Атеней. VI.232e; Овидий. Метаморфозы. X.413 и след.; Павсаний. VIII.24.8—10, IX.41.2; Парфений. Любовные истории. 25.

³ Аполлодор. III.7.7 со ссылкой: Еврипид. Алкмеон; Павсаний. VII.3.1, IX.33.1; Диодор Сицилийский. IV.66.

1) Это популярная поэтическая повесть, содержащая ряд мифических элементов. Ее могли рассказывать с одинаковым успехом и в Фивах, и в Аргосе, поскольку в ней не было ничего обидного для фиванцев или аргиев; она была интересна для жителей Псофиды, Немей и долины Ахелоя, свидетельствовала об основании Гестии и колонизации Акрании и, кроме того, имела нравоучительный характер. Она говорила о ненадежности женских решений, высмеивала такие человеческие пороки, как тщеславие и жадность, призывала прислушиваться к советам ясновидцев, напоминала об опасности, связанной с неверным толкованием оракулов, и о неизбежном проклятии, которое падет на голову любого сына, убившего свою мать, даже если это делалось для того, чтобы умиротворить дух мертвого отца (см. 114,а).

2) Наиболее интересным в этой истории является неоспоримый авторитет Эрифилы в решении вопросов войны и мира. Истинное значение ее имени, «многолиственная», позволяет сделать предположение, что она была аргосской жрицей Геры, в чьем ведении было вешнее дерево, как, например, в Додоне (см. 51,1). Если это так, то таким деревом была посвященная Гере груша (см. 74,6). Как поход Семерых против Фив, который Гесиод назвал войной «из-за Эдиповых стад», так и его продолжение, о котором повествуется здесь, вероятно, предшествовали путешествию аргонавтов и Троянской войне и могут быть условно датированы XIV в. до н. э.

Род Атридов

[а] О родителях и происхождении Тантала ведутся споры. Его матерью была Плуто, дочь Крона и Реи или, как считают некоторые, дочь Океана и Тефиды¹. Его отцом называют Зевса или Тмола — увенчанное дубовым венком божество горы Тмол; вместе со своей женой Омфалой он правил Лидийским царством, а однажды судил соревнование между Паном и Аполлоном². Одни называют Тантала царем Аргоса или Коринфа, другие говорят, что он отправился на север, из Сипила в Лидию, и стал царем Пафлагонии; там он навлек гнев богов и был изгнан Илом Фригийцем, у которого похитил младшего брата Ганимеда и склонил его к сожительству³.

[b] От дочери речного бога Пактола Эврианассы или от дочери речного бога Ксанфа Эвритемисты, а может быть, от дочери Амфидаманта Клитии или одной из плеяд по имени Диона у Тантала родились дети: Пелоп, Ниоба и Бротей⁴. Некоторые, правда, называют Пелопа незаконнорожденным или сыном Атланта и нимфы Линос⁵.

[с] Тантал был закадычным другом Зевса, который приглашал его на Олимпийские пиры, где боги пили нектар и амбросию. Так продолжалось до тех пор, пока удача не отвернулась от Тантала и он не разгласил тайны Зевса и не украл божественную пищу, чтобы поделиться ею со своими смертными друзьями. Еще никто не успел узнать об этом преступлении, как он совершил новое, еще более тяжкое. Пригласив олимпийских богов на пир, который должен был состояться на горе Сипил, а может быть, в Коринфе, Тантал обнаружил, что в его кладовых еды на всех не хватит. И то ли для того, чтобы проверить, насколько

Зевс всеведущ, то ли для того, чтобы выказать свою добрую волю, он разрубил своего сына Пелопа на куски и подложил его мясо под видом прекрасного блюда, приготовленного для богов, как до этого поступили сыновья Ликаона со своим братом Никтимом, когда угощали у себя в Аркадии Зевса⁶. Все боги тотчас постигли, каким блюдом их угощают, и отвернулись в ужасе. Лишь богиня Деметра, полная скорби по похищенной у нее дочери Персефоне и ничего не замечавшая вокруг, съела плечо юного Пелопа⁷.

[d] За эти два преступления Тантала царство его было разрушено, а сам он был низвергнут Зевсом в царство Аида и осужден на вечные муки, как Иксион, Сисиф, Титий, данаиды и другие. С тех пор он стоит в прозрачной воде, вечно томимый жаждой и голодом. Волны озера плещутся у его пояса, иногда даже достают подбородка, но стоит ему наклониться, чтобы утолить жажду, как вода бесследно исчезает, и только черная грязь остается у его ног. Даже если ему удастся зачерпнуть пригоршню воды, она сбегает у него между пальцев, и он лишь смачивает потрескавшиеся губы, от чего жажда начинает напоминать о себе еще сильнее, чем прежде. Над головой Тантала склоняются наливные яблоки, сладкие финики, спелые оливы и гранаты, но, как только он протягивает руку к лакомому плоду, налетает ветер, ветви отклоняются и плод становится недостижимым⁸.

[e] В дополнение к этому огромный камень — настоящий утес с горы Сипил — свисает над деревом и постоянно угрожает размозжить Танталу голову⁹. Так он наказан за третье преступление — кражу, отягощенную лжесвидетельством. Однажды, когда Зевс еще совсем ребенком находился на Крите и его вскармливала коза Амалфея, Гефест сделал для Рси золотого пса, который должен был сторожить ребенка. Впоследствии он стал сторожить храм Зевса в Дикте. Но сын Меропа Пандарей, бывший родом из Лидии, или критянин Милет, а может быть, даже Эфес решил украсть пса и отдать его Танталу, чтобы тот спрятал его на горе Сипил. Когда шум по поводу кражи стих, Пандарей потребовал у Тантала вернуть пса, но Тантал стал клясться Зевсом, что отродясь не только не видел, но и не слышал ничего о золотом псе. Эту клятву услышал Зевс и распорядился, чтобы Гермес узнал, как было дело. И хотя Тантал продолжал клясться, Гермес силой или хитростью обнаружил пса, и Зевс бросил Тантала под один из утесов горы Сипил. Это место до сих пор показывают, оно расположено неподалеку от Танталова озера, и там гнездится много белых орлов. После этого Пандарей

и его жена Гармотея бежали в Афины, а оттуда на Сицилию, где и кончили бесславно свою жизнь¹⁰.

[f] Другие утверждают, что золотого пса украл Тантал и доверил его сторожить Пандарсею. За ложную клятву в том, что он никогда не видел золотого пса, разъяренные боги убили Пандарся и его жену или превратили их в камень. Осиротевших дочерей Пандарся по имени Мерона и Клеотера (которую некоторые называют Камиро или Клития) вскормила Афродита творогом, медом и сладким вином. Гера наделила их красотой и сверхчеловеческой мудростью. Артемида сделала их высокими и сильными, а Афина научила всем известным ремеслам. Остается лишь догадываться, почему эти богини проявили такую заботу, послав от своего имени Афродиту, чтобы та смягчила сердце Зевса к этим сироткам и нашла хороших суженых для них (если, конечно, эти богини сами не подтолкнули Пандаря на кражу). Зевс, должно быть, что-то заподозрил, потому что, пока Афродита уединилась с ним на Олимпе, гарпии с его согласия выкрали трех девушек и передали их эриниям, которые заставили их жестоко страдать за отцовские прегрешения¹¹.

[g] Этот Пандарей был также отцом Аэдона, вышедшей замуж за Зета, которому она родила Итила. Аэдона изошла завистью к своей сестре Ниобе, имевшей шестерых сыновей и шестерых дочерей. Пытаясь убить старшего из них, Сипила, Аэдона по ошибке убила Итила. За это Зевс превратил ее в соловыху, которая в начале лета всегда оплакивает свое убитое дитя¹².

[h] Наказав Тантала, Зевс с радостью оживил Пелопа, для чего приказал Гермесу собрать все части его тела и снова сварить в том же котле, над которым Зевс произнес заклинание. Богиня судьбы Клото вернула всем частям прежний вид, Деметра дала ему прочную лопатку из слоновой кости вместо той, что она обглодала, Рея вдохнула в него жизнь, а козлоногий Пан стал танцевать вокруг него от радости¹³.

[i] Пелоп возник из волшебного котла таким красивым, что Посейдон тут же влюбился в него и унес с собой на Олимп в колеснице, запряженной золотыми лошадьми. Там он назначил Пелопа своим виночерпием и постельничим и стал кормить его амбросией. Позднее так же Зевс поступит с Ганимедом. Пелоп впервые обратил внимание на то, что его левое плечо сделано из слоновой кости, когда обнажил свою грудь в знак траура по своей сестре Ниобе. Все истинные потомки Пелопа имеют такую отметину. После его смерти лопатка из слоновой кости хранилась в Писе¹⁴.

[f] Мать Пелопа Эврианасса тем временем всюду искала своего сына, не зная, что он вознесся на Олимп. От поваров она узнала, что ее сына сварили и подали богам в качестве блюда и те, похоже, съели все до последнего кусочка. Так рассказывают эту историю повсюду в Лидии, причем многие считают, что Пелоп, которого Тантал сварил в котле, и Пелоп, который наследовал Танталу, — это разные люди¹⁵.

[k] Танталов сын-уродец Бротей вырезал самое древнее изваяние Матери богов, которое до сих пор стоит на утесе Коддина к северу от горы Сипил. Он был знаменитым охотником, но отказался воздать почести Артемиде, и та лишила его разума. Вскричав, что ему не страшно никакое пламя, он бросился в горящий погребальный костер и дал пламени истребить свою плоть. Некоторые, правда, говорят, что он совершил самоубийство из-за того, что все сторонились его безобразного облика. Сын и наследник Бротей был назван Танталом в честь своего деда¹⁶.

¹ Павсаний. II.22.4; Схолии к «Олимпийским одам» Пиндара. III.41; Гесиод. Теогония и схолии. 355.

² Павсаний. Цит. соч.; Схолии к «Оресту» Еврипида. 5; Плиний. Естественная история. V.30; Аполлодор. II.6.3.

³ Гигин. Мифы. 124; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.603; Диодор Сицилийский. IV. 4.

⁴ Цец. Схолии к Ликофрону. 52; Ферекид. Цит. по: Схолии к «Оресту» Еврипида. 11; Гигин. Цит. соч. 83; Павсаний. III.22.4.

⁵ Лактанций Плацид. Истории из «Метаморфоз» Овидия. VI. 6; Сервий. Цит. соч. VIII.130 и след.

⁶ Гигин. Цит. соч. 82; Пиндар. Олимпийские оды. I.38, 60; Сервий. Цит. соч. VI.603 и след.; Лактанций Плацид. Цит. соч.; Сервий. Комментарий к «Георгикам» Вергилия. III.7; Цец. Цит. соч. 152.

⁷ Гигин. Цит. соч. 83; Цец. Цит. соч.; Овидий. Метаморфозы. VI.406.

⁸ Диодор Сицилийский. IV.74; Платон. Кратил. 295e; Лукиан. Разговоры в царстве мертвых. 17; Гомер. Одиссея. XI.582—592; Овидий. Метаморфозы. IV.456; Пиндар. Цит. соч. I.60; Аполлодор. Эпитома. II.1; Гигин. Цит. соч. 82.

⁹ Павсаний. X.31.4; Архилох. Цит. по: Плутарх. Политические наставления. 6; Еврипид. Орест. 7.

¹⁰ Антонин Либерал. Превращения. 36,11; Павсаний. X.30.1.

¹¹ Павсаний. X.30.1; Гомер. Цит. соч. XX.66 и след.; Антонин Либерал. Цит. соч. 36.

¹² Гомер. Цит. соч. XIX.518 и след.; Аполлодор. III.5.6; Ферекид. Фрагмент 138.

¹³ Сервий. Цит. соч. VI.603; Пиндар. Цит. соч. I.26; Гигин. Цит. соч. 83.

¹⁴ Аполлодор. Цит. соч. II.3; Пиндар. Цит. соч. I.37 и след.; Лукиан. Харидем. 7; Овидий. Цит. соч. VI.406; Цец. Цит. соч. 152; Павсаний. V.13.3.

¹⁵ Пиндар. Цит. соч.; Еврипид. Ифигения в Тавриде. 387.

¹⁶ Павсаний. III.22.4; Аполлодор. Цит. соч. II.2; Овидий. Ибис. 517 и схолии.

1) Как указывает Страбон (XII.8.21), Тантал, Пелоп и Ниоба были фригийцами. Кроме того, он приводит слова Деметрия Скепсийского и Каллисфена (XIV.5.28) о том, что это семейство обязано своим богатством копиям Фригии и горы Сипил. Более того, в «Ниобе» Эсхила (цит. по: Страбон. XII.8.21) говорится, что у Танталидов «на холме Идейском» имелся алтарь Зевса и что Сипил расположен «в земле Идейской». Демокл, которого Страбон цитирует с чужих слов, рационализирует миф о Тантале, утверждая, что его царствование было отмечено сильными землетрясениями в Лидии и Ионии, вплоть до Трояды: исчезали целые деревни, гора Сипил разрушилась, болота превратились в озера, а Троя оказалась под водой (Страбон. I.3.17). Павсаний также сообщает, что город на горе Сипил исчез в разверзшейся бездне, которая впоследствии заполнилась водой и стала озером Салое или Танталида. Развалины города виднелись на дне озера до тех пор, пока их не скрыли наносы из горного ручья (Павсаний. VII.24.7). Плиний согласен с тем, что Танталида была разрушена землетрясением, но указывает, что на этом месте сменили друг друга три города, пока оно окончательно не скрылось под водой (*Естественная история*. V.31).

2) Однако изложение Страбона, сколь бы археологически обоснованно оно ни звучало, не объясняет связи между Танталом и Аргосом, Коринфом и критским Милетом. Скала, висевшая над Танталом в Аиде и в любой миг готовая упасть, роднит его с коринфским Сисифом, вечное наказание которого было навеяно священным изображением, на котором солнце-титан в поте лица толкало перед собой солнечный диск, пытаясь затащить его вверх по склону небес в точку зенита (см. 67,2). Отголоски такого отождествления заметны в схолиях к Пиндару, однако в них наказание Тантала объясняется рационалистически: утверждается, что некоторые понимают камень как представляющий солнце, а Тантал — физик, отбывающий наказание за убеждение, будто солнце —

это масса раскаленного добела металла (Схолии к «Олимпийским одам» Пиндара. I.97 и след.). Ошибочно это священное изображение солнца-титана объединили с другим, на котором человек, стоящий по горло в воде, с мукой во взоре смотрел на переплетение ветвей, согнувшихся под тяжестью плодов. Такое наказание риторы использовали как аллeгорию судьбы, выпадающей на долю богатых и жадных (Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.603; Фульгенций. Мифологический компендиум. II.18). Яблоки, груши, финики и другие плоды, висевшие у плеч Тантала, Фульгенций называет «плодами Мертвого моря», о которых Тертуллиан писал, что яблоко тут же превращается в тлен, если до него дотронуться пальцем.

3) Чтобы вся сцена обрела смысл, следует вспомнить, что отец Тантала Тмол был увенчан дубовым венком, а его сын Пелоп, одного из внуков которого также звали Тантал (см. 112,с), почитался как герой в Олимпии, где в обрядах участвовал «лесник Зевса». Поскольку — как это сейчас признается всеми — преступниками в Лиде были боги и герои доолимпийской эпохи, Тантал, очевидно, представлял собой царя-жреца, украшенного ветвями с висевшими на них плодами наподобие тех, что носили во время осхофории (см. 98,w); этого царя затем сбрасывали в реку как фармака. Такой обычай сохранился в балканских деревнях в обряде Зеленого Георгия, описанном Фрэзером. Возникший на основе этого мифа глагол *tantalizein* («мучить кого-либо, показывая желаемое и не давая его») помешал ученым понять, что муки Тантала вызваны не жаждой, а страхом перед тем, что его могут утопить или сжечь на костре, как это случилось с его безобразным сыном Бротеем.

4) Платон (*Кратил*. 395e), возможно, прав, произведя имя Тантал от *talantatos* («самый бесталаный»), образованного от того же корня *ila* («страдающий» или «стойкий»), что и имена Атлант и Теламон, причем оба эти персонажа были героями культа дуба. Однако *talanteuein* означает «отвешивать деньги» и может служить указанием на его богатства. Похоже, что Тантал одновременно и солнце-титан и лесной царь, культ которого из Греции через Крит (поскольку Пандарея называют критянином) достиг Малой Азии в середине II тысячелетия до н. э., а в конце этого тысячелетия вновь появился в Греции, когда крушение хеттской империи вынудило многих богатых греков-колонистов покинуть свои города в Малой Азии.

5) Когда мифографы свидетельствуют о том, что Тантал был частым гостем на Олимпе, они тем самым признают, что некогда его культ

доминировал на всем Пеллопоннесе. Хотя пиры, на которые боги приглашали Тантала, никогда не смешивались с пиром, на который он сам пригласил богов, в каждом случае главным блюдом оказывался тот же суп из потрохов, который аркадские пастухи-каннибалы, поклонявшиеся культу дуба, готовили для Волчьего Зевса (см. 38,6).

6) Древний миф разочаровал позднейших мифографов. Они не только сняли с Деметры обвинение в сознательном поедании человеческого мяса и с возмущением отвергли возможность того, что все боги съели все до последнего кусочка на поставленном перед ними блюде, но и предложили сверхрационалистическое объяснение мифа. Тантал, писали они, был жрецом, открывшим непосвященным тайны Зевса. За это боги лишили его жреческого сана и наслали на его сына ужасную болезнь, но хирурги сделали ему множество костных протезов, причем от операций остались шрамы, и создавалось такое впечатление, будто его сначала разрезали на куски, а потом вновь собрали в одно целое (Цец. *Схолии к Ликофрону*. 152).

7) Кражу Пандареем золотого пса следует воспринимать так же, как и кражу Гераклом Кербера, что говорит о том, что ахейцы не боялись грозящего смертью проклятия, символом которого был пес, и захватили культовый объект, который был посвящен Земле-богине Рее (бабка Тантала) и владелец которого обретал царскую власть. Олимпийские богини, судя по всему, отнеслись в краже Пандареем пса благосклонно, и хотя пес принадлежал Рее, он сторожил святилище ежегодно умирающего критского Зевса. Поэтому миф указывает не на первоначальное осквернение святилища Реи ахейцами, а на временный возврат предмета поклонения приверженцами Реи.

8) Природа украденного культового объекта неопределенна. Им мог быть золотой ягненок — символ царской власти Пелопидов, скипетр с навершием в виде кукушки, который, как известно, Зевс похитил у Геры, палладий или эгида. Маловероятно, чтобы это был золотой пес, поскольку пес был не предметом культа, но его хранителем, если, конечно, мы не имеем дело с вариантом уэльского мифа об Амафаон-ап-Доне, который похитил пса у Арауна («красноречие»), царя Аннума (Аид), благодаря чему он узнал тайное имя бога Брана (см. «Белая богиня»).

9) Три дочери Пандарея, одна из которых, Камиро, носит то же имя, что и младшая из родосских богинь судьбы (см. 60,2), являют собой триаду богинь, которую унижает Зевс в наказание за бунт их поклонников. О верности триаде Тантала говорят рассказы о его сыне Бротее,

изваявшем богиню на горе Сипил, а также рассказы о дочери Танта́ла Ниобе — жрице Белой богини, не признававшей олимпийских богов и имевшей в качестве священной птицы орла-лебедятника с озера Танта́лида. Омфала, как звали мать Танта́ла, говорит о наличии профетического святилища — «пу́па земли», подобно существовавшему в Дельфах.

10) Ежегодного фармака выбирали из числа самых некрасивых людей, что объясняется некрасивостью Бротейя. Есть свидетельства того, что в Малой Азии фармака сначала хлестали морским луком по гениталиям (см. 26,3) под звуки лидийских флейт — следует отметить, что и Танта́л (Павсаний. IX.5.4), и его отец Тмол в легендах ассоциируются с лидийскими флейтами, — а затем сжигали на костре, сложенном из хвороста, и пепел бросали в море (Цец [Хилиады. XXIII.726—756], цитирующий Гишонакта, VI в. до н. э.). В Европе, очевидно, порядок был иной: фармака в обряде Зеленого Георгия сначала опускали в воду, затем избивали и лишь потом сжигали.

[a] Пелоп унаследовал пафлагонский трон от своего отца Тантала: некоторое время он жил в Энете, что на берегу Понта Эвксинского, откуда правил лидийцами и фригийцами. Однако из Пафлагонии его изгнали варвары, и он обосновался на лидийской горе Сипил, своем родовом владении. Когда по требованию царя Трои Ила Пелоп был вынужден перебраться в другое место, он забрал с собой сказочные богатства и отправился через Эгейское море. Он был полон решимости найти для себя (и большого количества бежавших с ним людей¹) новый дом, но лишь после того, как добьется руки Гипподамии, дочери царя Эномая, который правил Писой, что в Элиде².

[b] Одни говорят, что Эномай родился от Ареса и Гарпины, дочери речного бога Асопа, или от Ареса и плеяды Астерии, Астеропы или дочери Даная Эврифои. Другие называют его сыном Алксиона или Гипероха³.

[c] Жена Эномая Стеропа, или Эварета, дочь Акрисия, родила ему Левкиппа, Гипподама и Диспонтея, основателя Диспонтия, а также единственную дочь Гипподамию⁴. Эномай славился своей любовью к лошадям и под страхом проклятия запретил своим подданным скрещивать кобыл с ослами. До сих пор, если элейцам нужны мулы, они вынуждены отправлять своих кобыл за пределы страны и держать их там, пока те не произведут потомство от ослов⁵.

[d] То ли оракул предупредил Эномая, что его должен убить зять, то ли он сам влюбился в Гипподамию, но, как бы то ни было, он придумал неслыханный доселе способ, как воспрепятствовать замужеству Гипподамии.

Всех женихов Гипподамии он приглашал принять участие в гонках колесниц, для чего даже проложил длинную дорогу, которая начиналась от Писы, что на берегу реки Алфей, напротив Олимпии, и заканчивалась у жертвенника Посейдона на Коринфском перешейке. Одни говорят, что колесницы были запряжены четверкой лошадей⁶, другие — что двойкой. Эномай настаивал на том, чтобы в каждом случае в колеснице была Гипподамия, чтобы отвлекать внимание женихов. При этом жених получал право начинать гонки на полчаса раньше, а Эномай в это время приносил в жертву барана на алтаре Зевса Воителя в Олимпии. Обе колесницы должны были следовать в сторону Истма. Если жених приходил вторым, он погибал; в случае победы он брал в жены Гипподамию, а умереть должен был Эномай⁷. Поскольку, однако, зачатые от ветра кобылы Псилла и Гарпина, врученные Эномаю отцом Пелопа Аресом, намного превосходили по скорости остальных лошадей Греции и могли мчаться быстрее северного ветра Борея⁸; его колесница, умело управляемая Миртилом, была сделана специально для соревнований, он ни разу не дал сопернику обойти его, а после гонок соперник падал, пораженный копьём, также подаренным Аресом⁹.

[e] Таким способом Эномай расправился с двенадцатью (а некоторые утверждают, что с тринадцатью) царевичами, головы и конечности которых он повесил над воротами своего дворца, а изуродованные тела оставил незахороненными. После убийства первого жениха, по имени Мармакс, он зарезал также и его кобыл — Парфению и Эрифу и захоронил их у реки Парфения; эту могилу показывают до сих пор. Некоторые говорят, что второй жених, по имени Алкафой, погребен у места под названием «Ужас коней» на ипподроме в Олимпии и что именно его злобный дух мешает возникшим¹⁰.

[f] Возничий Эномая Миртил был сыном Гермеса и Теобулы, или Клеобулы, или даже данаиды Фетусы. Другие говорят, что он был сыном Зевса и Клемены. Он тоже влюбился в Гипподамию, но не решился участвовать в соревновании¹¹. Тем временем олимпийские боги решили вмешаться и прекратить убийства, так как Эномай стал хвастаться, что в один прекрасный день он построит храм из черепов, как до него это сделали Эвен, Диомед и Антей¹². Когда высадившийся в Элиде Пелоп стал просить благоволящего к нему Посейдона (предварительно принеся ему жертву на морском берегу), чтобы тот подарил ему самую быструю в мире колесницу либо остановил полет бронзового копья Эномая, Посейдон с радостью согласился помочь. Вскоре Пелоп стал владельцем

золотой колесницы, которая могла промчаться по морю, даже не касаясь волн, а впряжена в нее была упряжка не знающих усталы крылатых бессмертных коней¹³.

[g] Посетив гору Сипил и посвятив там Темнийской Афродите изваяние, вырезанное из зеленого мирта, Пелоп испытал свою колесницу, направив ее прямо в Эгейское море. Не успел он и глазом моргнуть, как оказался на Лесбосе, где его возничий Килл, Келл или Киллант скончался от быстрой езды. Пелоп заночевал там и во сне увидел, как дух Килла оплакивал свою судьбу и умолял похоронить его с почестями, подобающими герою. На рассвете Пелоп сжег тело покойного, насыпал над пеплом курган и основал поблизости святилище Аполлона Киллейского. После этого он вновь отправился в путь и правил колесницей самостоятельно¹⁴.

[h] Прибыв в Пису, Пелоп встревожился при виде голов, прибитых к воротам дворца, и пожалел о своей затее. Поэтому он пообещал Миртилу, что если тот предаст своего хозяина, то получит половину царства и право провести брачную ночь с Гипподамией, когда ее рука будет завоевана¹⁵.

[i] Перед началом состязания, сцена из которого изображена на фронто-не храма Зевса в Олимпии, Пелоп принес жертву Кидонской Афине. Одни говорят, что ему явился дух Килла и пообещал свою помощь; другие утверждают, что его возничим был Сфер, однако наиболее распространено мнение, согласно которому он сам правил лошадьми, а подле него в колеснице стояла Гипподамия¹⁶.

[f] К тому времени Гипподамия уже влюбилась в Пелопа и решила не только не мешать ему править лошадьми, но и щедро наградить Миртила, если отец по какой-либо причине не сможет настичнуть жениха. Миртил заменил металлическую чеку в колеснице Эномая на восковую. Когда колесницы достигли самого узкого места Истма и Эномай в пылу погони уже замахнулся копьем, с тем чтобы поразить Пелопа в спину, колеса его колесницы соскочили, и он упал, разбившись насмерть. Его дух до сих пор бродит около Тараксиппа («ужас коней») в Олимпии¹⁷. Некоторые, правда, говорят, что колесница и крылатые кони Посейдона легко позволили Пелопу обогнать Эномая и первым достичь Истма, после чего Эномай либо сам в отчаянии покончил с собой, либо был убит Пелопом. По словам других, соревнование состоялось на ипподроме в Олимпии и Амфион подарил Пелопу некий волшебный предмет, который тот закопал около Тараксиппа, отчего лошади Эномая

понесли и колесница разбилась. Однако все сходятся на том, что Эномай перед смертью проклял Миртила, обещав ему скорую смерть от руки Пелопа¹⁸.

[k] По прошествии времени Пелоп, Гипподамия и Миртил отправились как-то вечером на морскую прогулку. «Ах! — воскликнула Гипподамия. — Я целый день ничего не пила. Меня мучит жажда». Солнце уже садилось, и Пелоп приказал причалить к пустынному острову Елене, расположенному неподалеку от острова Эвбея, и отправился на поиски воды. Когда он вернулся с наполненным водой шлемом, Гипподамия с плачем бросилась ему навстречу и пожаловалась, что в его отсутствие Миртил пытался овладеть ею. Пелоп строго выговорил Миртилу и ударил его по лицу, однако тот возмутился: «Это та самая брачная ночь, в которую, как ты поклялся, я смогу насладиться Гипподамией. Неужели ты нарушишь свою клятву?» Пелоп ничего не ответил, молча взял вожжи из рук Миртила и поехал дальше¹⁹. Когда они приближались к Герестскому мысу на южной оконечности Эвбей (теперь там высятся прекрасный храм Посейдона), Пелоп столкнул Миртила прямо в море. Падая, Миртил проклял Пелопа и весь его род²⁰.

[l] Гермес поместил образ Миртила среди звезд как созвездие Возничего, а его труп, выброшенный волнами на берег Эвбеи, был похоронен в аркадском Фенее позади храма Гермеса. Раз в год ему приносят ночные жертвы как герою. Миртойское море, простирающееся от Эвбеи к острову Елене и дальше к Эгейскому морю, по всеобщему убеждению, получило свое имя от Миртила, а не от нимфы Мирто, как на этом настаивают эвбейцы²¹.

[m] Пелоп мчался все дальше, пока не достиг западного потока Океана, где Гефест очистил его от пролитой крови. Затем он вернулся в Пису и унаследовал трон Эномая. Вскоре он подчинил себе всю землю, называвшуюся в то время Апией или Пеласгиотидой, назвав ее в свою честь Пелопоннесом, что значит «остров Пелопа». Его отвага, мудрость, богатство и многочисленное потомство снискали по всей Греции зависть и уважение²².

[n] Отобрав у царя Эпея Олимпию, Пелоп присоединил ее к своему царству со столицей в Писе. А царя Аркадии Стимфала он пригласил на «дружескую беседу» и сам разрубил его на куски и разбросал их. За это преступление всю Грецию постиг голод. Однако Олимпийские игры, установленные им в честь Зевса, спустя целое поколение после Эндимиона были пышнее, чем когда-либо.

[о] Чтобы загладить свою вину за смерть Миртила, который приходился сыном Гермесу, Пелоп построил первый на Пелопоннесе храм Гермесу. Он также пытался умиловить дух Миртила, построив ему кенотаф^{89*} на ипподроме в Олимпии и воздавая ему почести как герою. Говорят, что ни Эномай, ни злобный Алкафой, ни даже волшебный предмет, закопанный Пелопом, а дух Миртила является настоящим «ужасом коней»²³.

[р] Над могилой женихов-неудачников Гипподамии на противоположном берегу реки Алфей Пелоп воздвиг высокий курган и воздал им геройские почести. На расстоянии стадия от этого места стоит святилище Артемиды Кордак, названной так потому, что люди Пелопа праздновали здесь свои победы, танцуя танец кордакс, который они заимствовали из Лидии²⁴.

[q] Святилище Пелопа, где в бронзовом ларце сохраняются его останки, было посвящено Тиринфскому Гераклу, его внуку, когда тот принял участие в Олимпийских играх. Элейские правители до сих пор ежегодно приносят Пелопу в жертву черного барана, поджаренного на костре, сложенном из белого тополя. Вкусившим этой жертвы запрещалось входить в храм Зевса до тех пор, пока они не совершат омовения. Шея жертвенного барана традиционно принадлежала леснику Зевса. Каждый год в святилище стекались толпы народа, юноши бичевали себя перед жертвенником Пелопа, принося в жертву свою кровь. Его колесница была выставлена на крыше святилища, называемого Анактор, в Флиасии. У сикионцев хранится его меч с золотым эфесом, находящийся в сокровищнице в Олимпии. Копьепоподобный скипетр Пелопа в Херонее, вероятно, является единственной сохранившейся работой самого Гефеста. Зевс передал его Пелопу через Гермеса, а Пелоп завещал его царю Атрею²⁵.

[г] Пелопа также называют Кронидом, или Укротителем лошадей, а ахейцы считают его своим предком²⁶.

¹ *Аполлоний Родосский*. *Аргонавтика*. II.358, 790; *Софокл*. *Аякс*. 1328; *Павсаний*. VI.22.1; *Пиндар*. *Олимпийские оды*. I.24.

² *Сервий*. *Комментарий к «Георгикам» Вергилия*. III.7; *Лукиан*. *Харидем*. 19; *Аполлодор*. *Эпитома* II.4.

^{89*} Кенотаф — пустая гробница; кенотаф сооружался либо тогда, когда тело не найдено, либо для почитания памяти героя, помимо места его настоящего захоронения.

- ³ Диодор Сицилийский. IV.73; Гигин. Мифы 250; Поэтическая астрономия. II.21; Схолии к Аполлонию Родосскому. I.752; Павсаний. V.1.5. Цец. Схолии к Ликофрону. 149.
- ⁴ Гигин. Поэтическая астрономия II.21, Мифы. 84; Павсаний. VIII.20.2; VI.22.2; Лактанций Плацид о «Фиваиде» Стация II.186, 195; Диодор Сицилийский. Цит. соч.
- ⁵ Плутарх. Греческие вопросы. 52; Павсаний. V.5.2, 9.2.
- ⁶ Аполлодор. Цит. соч. II.4; Лукиан. Харидем. 19; Павсаний. V.10.2, 17.4, VI.21.6; Диодор Сицилийский. IV.73.
- ⁷ Аполлодор. Цит. соч. II.5; Лукиан. Цит. соч.; Павсаний. V.14.5; Диодор Сицилийский. Цит. соч.
- ⁸ Сервий. Цит. соч. III.7; Цец. Цит. соч. 166; Лукиан. Цит. соч.; Гигин. Мифы. 84; Аполлодор. Цит. соч.
- ⁹ Павсаний. VIII.14.7; Аполлоний Родосский. I.756; Аполлодор. Цит. соч.
- ¹⁰ Аполлодор. Цит. соч.; Пиндар. Цит. соч. I.79 и след.; Овидий. Ибис. 365; Гигин. Цит. соч. 84; Павсаний. VI.21.6—7, 20.8.
- ¹¹ Гигин. Цит. соч. 224; Цец. Схолии к Ликофрону. 156, 162; Схолии к Аполлонию Родосскому. I. 752; Схолии к «Оресту» Еврипида. 998; Павсаний. VIII.14.7, 11
- ¹² Лукиан. Харидем. 19; Цец. Цит. соч. 159.
- ¹³ Пиндар. Цит. соч. I.65 и след.; I.79; Аполлодор. Эпитома. II.3; Павсаний. V.17.4.
- ¹⁴ Павсаний. V.17.4, 10.2; Теон Александрийский. Схолии к Арату. 21; Схолии к «Илиаде» Гомера. I.38.
- ¹⁵ Гигин. Цит. соч. 84; Схолии к «Одам» Горация. I.14; Павсаний. VIII.14.7.
- ¹⁶ Павсаний. VI.21.5; V.10.2; Схолии к «Илиаде» Гомера. Там же; Аполлоний Родосский. I.53.
- ¹⁷ Аполлодор. Цит. соч. II.7; Цец. Схолии к Ликофрону. 156; Аполлоний Родосский. I.752 и след.; Павсаний. VI.20.8.
- ¹⁸ Пиндар. Цит. соч. I.87; Лукиан. Харидем. 19; Диодор Сицилийский. IV.73; Аполлодор. Цит. соч.
- ¹⁹ Аполлодор. Эпитома. II.8; Схолии к «Илиаде» Гомера. II.104; Павсаний. VIII.14.8; Гигин. Цит. соч. 84.
- ²⁰ Страбон. X.1.7; Софокл. Электра. 508 и след.; Аполлодор. Цит. соч.; Павсаний. VIII.14.7.
- ²¹ Гигин. Поэтическая астрономия. II.13; Павсаний. Цит. соч. VIII.14.8; Аполлодор. Цит. соч.

²² *Аполлодор*. Цит. соч. II. 9; *Диодор Сицилийский*. IV.73; *Фукидид*. I.9; *Плутарх*. Тесей. 3.

²³ *Павсаний*. V.1.5, V.8.1, VI.20.8; *Аполлодор*. III.12.6.

²⁴ *Павсаний*. VI.21.7, 22.1.

²⁵ *Павсаний*. V.13.1—2, VI.22.1, II.14.3, VI.19.3, IX.41.1; *Аполлодор*. II.7.2; *Пиндар*. Цит. соч. I.90 и след.; Схолии к «Олимпийским одам» Пиндара. I.146; *Гомер*. Илиада. II.100 и след.

²⁶ *Пиндар*. Цит. соч. III.23; *Гомер*. Цит. соч. II.4.

1) Согласно Павсанию и Аполлодору, Тантал никогда не покидал Малой Азии, однако другие мифографы называют его и Пелопа царями — уроженцами Греции. Это позволяет сделать предположение, что их имена были династическими титулами, которые пришли в Малую Азию вместе с первыми греческими колонистами, о чем свидетельствуют святилища героев, а в период нашествия ахейцев на Пелопоннес в XIII в. до н. э. вместе с эмигрантами эти титулы вновь появляются в Греции. Из хеттских надписей известно, что эллинические цари правили в Памфилии и на Лесбосе еще в XIV в. до н. э. Пелопо-Танталиды, вероятно, изгнали связанную с культурой Крита династию Эномая и захватили у нее трон верховного царя Пелопоннеса.

2) Лошадь, которая считалась священным животным в пеласгической Греции еще задолго до появления культа солнечной колесницы, принадлежала к малорослой европейской породе, посвященной луне, а не солнцу. Примерно в середине II тысячелетия колесницы, запряженные ослами, были вытеснены колесницами с конскими упряжками. Более крупные закаспийские лошади появились в Египте во время нашествия гиксосов в середине XVIII в. до н. э. и достигли Крита за столетие до падения Кносса. Введенный Эномаем культовый запрет на мулов следует, пожалуй, связывать со смертью Килла: в Греции, как и в Риме, культ осла был искоренен (см. 83,2), когда солнечная колесница стала символом царской власти. Похожая религиозная реформа произошла в Иерусалиме (4 Цар. 23:1,11), где даже в эпоху Иосифа существовала традиция, восходящая к древнему культу осла (Иосиф Флавий. *Иудейские древности*. II.7,10). Гелиос — ахейское божество солнечной колесницы; в различных городах он стал отождествляться с солнечным Зевсом или солнечным Посейдоном, тогда как осел стал животным Крона, которого свергли Зевс и Посейдон, или животным Пана, Силена и других стародавних пеласгических божков. Существовал также солнечный

Аполлон (его ненависть к ослам отмечена Пиндаром), поэтому он должен быть Киллейским Аполлоном, которому гиперборей приносили в жертву гекатомбы ослов (Пиндар. *Пифийские оды*. X.30 и след.).

3) Эномай, который представлял олицетворявшего солнце Зевса, считался сыном Астерии, правившей небесами (см. 88,1), а не сыном одной из плеяд, носившей то же имя. Царица Гипподамия, брак с которой делал Эномай царем, представляла собой Геру, олицетворявшую луну. Родство на Пелопоннесе оставалось матрилинейным, что гарантировало благосклонность консервативного крестьянства. Однако правление царя не могло длиться дольше Великого года, состоявшего из ста месяцев, по истечении которых происходило совпадение лунного и солнечного календаря. В этот день царь был обречен на смерть под копытами лошадей. В качестве уступки более древнему культу, существовавшему в Писе, представителя Зевса убивал танист в день каждого солнцеворота (см. 53,5). Мифографы впадают в ошибку, называя «двенадцать или тринадцать» женихов. Эти числа точно соответствуют количеству лунных месяцев — попеременно то двенадцать, то тринадцать — в солнечном году, а не количеству заместителей царя. Так, в Олимпии во время соревнований колесницы проходили по стадиону двенадцать кругов в честь луны-богини. Пелоп принадлежит к типу удачливого царевича, который избежал крушения колесницы и сумел расправиться с прежним царем с помощью своего скипетра-копья.

4) Ежегодное крушение колесницы устраивалось на ипподроме. Заместитель царя мог безбоязненно править своими лошадьми, которые, судя по мифу о Главке (см. 71,d), находились под влиянием дурмана, — пока ехал по прямой; на повороте, где стояла белая мраморная статуя, называемая Мармаранакс («мраморный царь») или Ужас коней, внешнее колесо колесницы соскакивало из-за отсутствия чеки, колесница разбивалась, и кони тащили заместителя царя до тех пор, пока тот не умирал. Мирт был деревом смерти, соответствовавшим тринадцатому месяцу, в конце которого устраивалось крушение колесницы (см. 101,1). Вот почему говорится, что Миртил вынул металлическую чеку, заменил ее восковой и проклял весь род Пелопа. Здесь нужно отметить, что расплавленный воск стал причиной гибели друга заместителя царя-солнца — Икара.

5) Во второй половине мифа Миртила путают с заместителем царя. Как интеррекс заместитель царя получал право править солнечной колесницей, стоя подле царицы, и провести с ней единственную ночь

своего правления. Но на рассвете следующего дня прежний царь убивал его и в метафорическом смысле отправлялся на крайний запад, где над ним совершали обряд очищения в потоке Океана. Сюжет с падением Миртила с колесницы в море является результатом слияния мифов: все-го в нескольких метрах к востоку от ипподрома, где проходили Истмийские игры (см. 71,b), заместителя царя — *Меликерта*, в чью честь эти игры проводились, сбрасывали со скалы в море (см. 96,3). Идентичная церемония, вероятно, совершалась у мыса Герест, где умер Миртил. Есть сведения о существовании статуй, пугавших лошадей, в Фивах и Иолке (см. 71,b). Это позволяет говорить о том, что на ипподромах устраивались крушения колесниц. Но поскольку ипподром в Олимпии, посвященный солнечному Зевсу, и ипподром в Истме, посвященный солнечному Посейдону, связываются с легендой о Пелопе, мифографы представляют это соревнование как проходившее между двумя этими городами.

6) Пелоп разрубает Стимфала на куски так же, как с ним самим ранее поступил Тантал. Эта древнейшая форма царского жертвоприношения совершенно определенно существовала в Аркадии. Судя по всему, Пелопиды действительно являлись патронами нескольких местных культов, помимо культа солнечной колесницы, — аркадский настушеский культ дуба и барана, о котором свидетельствует связь между Пелопом и Танталом, и принесение Пелопом в жертву черного барана в Олимпии; культ куропатки на Крите, в Трое и Палестине, о котором свидетельствует танец *кордакс*; культ титанов, поскольку одним из эпитетов Пелопа был *Кронид*; культ морской свиньи (см. 108,i); культ бога-осла, о чем можно судить по тому, что дух Килла помогал ему во время соревнования колесниц.

[а] В благодарность Гере за то, что она устроила ее брак с Пелопом, Гипподамия созвала шестнадцать замужних женщин — по одной от каждого города Элиды, — чтобы они помогли ей учредить Герейские игры. С тех пор каждые четыре года шестнадцать замужних женщин из тех же семейств ткали одеяние для Геры и устраивали игры, во время которых девушки различного возраста состязались в беге, причем соревнующиеся на старте располагались по возрасту — младшие впереди. Они бежали в туниках выше колен, с обнаженной правой грудью, а волосы развевались по ветру. Хлорида, единственная оставшаяся в живых дочь Ниобы, стала первой победительницей в этом беге, дистанция которого равнялась пяти шестым олимпийского круга. В качестве приза победительница получала оливковый венок и часть принесенной в жертву Гере коровы. Кроме того, победительница могла посвятить богине свое скульптурное изображение¹.

[б] Однажды шестнадцать замужних женщин примирили писейцев и элейцев. Они составили две группы танцовщиц: одна — в честь Гипподамии, а другая — в честь элейской Фиской. Фискоя родила Дионису Наркея, знаменитого воина, который основал святилище Афины Наркеи и стал первый элейцем, поклонявшимся Дионису. Поскольку некоторые из первоначальных шестнадцати городов больше не существовали, шестнадцать замужних женщин выбирались из восьми элейских племен, по две от каждого племени. Как и судьи, они подвергали себя церемонии очищения до начала игр, используя для этого кровь свињи, смешанную с водой из Пиерийского источника, расположенного на пути из Олимпии в Элиду².

[с] Детьми Пелопа и Гипподамии назывались Питфей из Трезен, Атрей и Фиест, Алкафой (но не тот, которого убил Эномай), аргонавт Гиппалм, Гиппалкм или Гиппалким, вестник Копрей, разбойник Скирон, аргиевнин Эпидавр (которого иногда считают сыном Аполлона)³, Плисфен, Диант, Кибосур, Коринфий, Гиппас, Клеонт, Арге́й, Элин, Астидамия (которую некоторые называют матерью Амфитриона), Лисидика (чья дочь, Гиппофоя, была унесена Посейдоном на Эхиадийские острова и там родила Тафия), Евридика (которую некоторые называют матерью Алкмены), Никиппа, Ангибия⁴ и, наконец, Архиппа (мать Эврисфея и Алкионы)⁵.

[d] Мегарцы, стремясь предать забвению захват Миносом их города и настаивая на том, чтобы царю Нису мирно наследовал его зять Мегарей, а ему, в свою очередь, его зять Алкафой, сын Пелопа, утверждают, что у Мегарея было двое сыновей. Старший, Тималк, был убит при Афиднах во время нашествия в Аттику Диоскуров. Младший, Евипп, погиб от Киферонского льва. Мегарей обещал свою дочь Евехму и свой трон любому, кто отомстит за смерть Евиппа. После этого Алкафой убил льва и, став царем Мегары, построил там храм Аполлона Охотника и Артемиды Охотницы. Однако дело в том, что Алкафой пришел из Элиды в Мегару сразу после смерти Ниса и разграбления города; Мегарей никогда не правил в Мегаре, а Алкафой приносил жертвы Аполлону и Посейдону как «прежним строителям» и на новом фундаменте заново построил городские стены, поскольку старая стена была снесена до основания критянами⁶.

[e] Алкафой был отцом Исхепола, Каллипола, Ифинои, которая умерла девушкой и на могиле которой между зданием Совета и святилищем Алкафоя мегарские невесты совершали ритуальные возлияния почти так же, как делосские невесты жертвуют свои волосы Гекаерге и Опис; он был отцом Автомедусы, которая родила Ификлу Июлая, и отцом Перибей, вышедшей замуж за Теламона, чей сын Большой Аякс унаследовал от Алкафоя царский трон Мегары. Старший сын Алкафоя Исхепол пал во время Калидонской охоты, а Каллипол, первым в Мегаре услышавший эту печальную весть, взбежал на акрополь, где Алкафой в это время приносил жертвы Аполлону, и сбросил с алтаря горевший хворост в знак траура. Не зная, что произошло, Алкафой возмутился таким оскорбительным для богов поведением сына и убил его ударом полена⁷.

[f] Исхепол и Евипп погребены в нижнем дворце, а могила Мегарея расположена справа от подъема на второй мегарский акрополь. Святилище героя Алкафоя стало затем хранилищем документов, а в святилище Тималка заседает Совет⁸.

[g] Хрисиппа тоже называют сыном Пелопа и Гипподамии, однако на самом деле он был незаконнорожденным: его от Пелопа родила нимфа дананда Астиоха⁹. Случилось так, что изгнанный из Фив Лай был хорошо принят Пелопом в Писе, но влюбился в Хрисиппа, которого обучал искусству возничего. Как только Лаю разрешили вернуться, прямо с Немейских игр он привез мальчика в колеснице в Фивы в качестве своего катамита¹⁰. Некоторые считают, что Хрисипп со стыда покончил с собой. Другие говорят, что Гипподамия, чтобы помешать Пелопу объявить Хрисиппа своим наследником в ущерб собственным сыновьям, явилась в Фивы, где пыталась заставить Атрея и Фиеста убить мальчика, сбросив его в колодезь. Когда оба отказались убить гостя своего отца, Гипподамия темной ночью пробралась в чертоги Лая и, застав его спящим, сняла со стены меч и вонзила его в лежавшего рядом мальчика. Подозрение в убийстве тут же пало на Лая, но Хрисипп, успевший увидеть убегающую Гипподамию, перед смертью назвал ее имя¹¹.

[h] Тем временем Пелоп выступил против Фив, чтобы вернуть мальчика, но, обнаружив, что Лай уже заточен Атреем и Фиестом, великодушно простил его, признав, что только безумная страсть могла заставить его нарушить законы гостеприимства. Некоторые говорят, что не Фамирид, не Минос, а Лай первым испытал страсть к мальчику, и поэтому фиванцы не только не заклеямили этот обычай, но создали даже так называемый «священный отряд», полностью состоявший из мальчиков и их возлюбленных¹².

[i] Гипподамия бежала в Арголиду и там лишила себя жизни. Однако позднее, по указанию оракула, ее останки были возвращены в Олимпию, где раз в год женщины входили в ее окруженное стенами святилище, чтобы принести жертву. На одном из поворотов ипподрома стоит бронзовая статуя Гипподамии с лентой в руках, которая должна быть отдана Пелопу за одержанную победу¹³.

¹ Павсаний. V.16.2—3.

² Там же. 3—5.

³ Аполлодор. II.5.1; III.12.6; Эпитома. II.10, 1.1; Гигин. Мифы. 84, 14; Схолии к «Олимпийским одам» Пиндара. I.144.

⁴ Схолии к «Оресту» Еврипида. 5; Аполлодор. II.4.5; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Тесей. 6; Диодор Сицилийский. IV.9.1; Схолии к «Илиаде» Гомера. XIX.119.

⁵ Цец. Хиляды. II.172,192; Схолии к Фукидиду. I.9; Аполлодор. Цит. соч.

⁶ Павсаний. I.43.4, 41.4—5, 42.2.

⁷ Павсаний. I.42.2,7, 43.4; Аполлодор. II.4.11.

⁸ Павсаний. I.43.2,4, 42.1,3.

⁹ Схолии к «Олимпийским одам» Пиндара. I.14; Гигин. Цит. соч. 85; Плутарх. Цит. соч. 33.

¹⁰ Аполлодор. III.5.5; Гигин. Цит. соч. 85, 271; Атеней. XIII. 602.1 и след.

¹¹ Схолии к «Финикиянкам» Еврипида. 1760; Плутарх. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч. 85; Схолии к «Оресту» Еврипида. 813.

¹² Гигин. Цит. соч.; Плутарх. Цит. соч.; Элиан. Пестрые рассказы. XIII. 5.

¹³ Гигин. Цит. соч.; Павсаний. VI.20.4,10.

1) Герейские игры начинались за день до начала Олимпийских игр. Они состояли лишь из бега девушек, соревновавшихся за звание верховной жрицы Геры (см. 60,4), а победительница, которую украшала оливковая ветвь как символ мира и плодородия, как бы сливалась с богиней, вкушая от ее священной коровы. Шестнадцать замужних женщин в определенное время могли выступать в качестве помощниц верховной жрицы, занимая этот пост по очереди в каждое из шестнадцати времен года, образующих четыре года Олимпиады. Каждое колесо царской колесницы соответствовало солнечному году и имело четыре спицы, как огненное колесо, или свастика. *Наркей*, бесспорно, произошел от эпитета *Афины Наркеи* («цепенящая»), являющейся богиней смерти. Женщины, организовавшие Герейские игры, во время которых некогда приносились человеческие жертвы, умилялись богиню кровью свиньи, а затем совершали омовение в проточной воде. Множество детей Гипподамии говорит о могуществе конфедерации, во главе которой стояла династия Пелопидов — все их имена связаны с Пелопоннесом или Истомом.

2) Убийство Алкафоем своего сына Каллипола у алтаря Аполлону, возможно, навеяно священным изображением, на котором он приносит своего сына в жертву на костре «прежнему строителю», т. е. городскому богу Меликерту или Молоху, во время строительства новой Мегары. Так же поступил и царь Моава (Нав. 6:25). Более того, он, как Самсон и Давид, убил льва в ритуальной схватке. Коринфская и палестинская мифологии имеют много общего (см. 67,1).

3) Миф о Хрисиппе дошел с чертами явного вырождения. То, что Хрисипп был прекрасным мальчиком из Писы, который правил колесницей и был унесен, как Ганимед или даже сам Пелоп (хотя, конечно,

не на Олимп), а затем убит Гипподамией, говорит о том, что первоначально он был заместителем царя, погибавшим во время крушения колесницы. Однако к мифу применилось обоснование любви к мальчикам в Фивах, а также легенда о споре по поводу Немейских игр между Писой и Фивами. *Гипподамия* («укротительница лошадей») — это эпитет луны-богини, статуя которой в Фигалии имела лошадиную голову, а в ее руках была морская свинья Пелопидов. Четверо сыновей и дочерей Пелопа имели имена, восходящие к слову «лошадь».

[a] Говорят, что Атрей, бежавший из Элиды после смерти Хрисиппа, к которой он мог быть причастен в большей степени, чем о том подозревал Пелоп, нашел убежище в Микенах. Судьба благоволила ему. Его племянник Эврисфей, собиравшийся в то время выступить против сыновей Геракла, на время своего отсутствия назначил его правителем, а когда пришла весть о поражении и гибели Эврисфея, микенская знать выбрала Атрея своим царем, поскольку видела в нем того воина, который сумел бы защитить их от Гераклидов. К тому же Атрей уже сумел завоевать симпатии простого народа. Так царский дом Пелопа прославился еще больше, чем дом Персея¹.

[b] Другие еще более авторитетно заявляют, что отец Эврисфея Сфенел, изгнав Амфитриона и захватив трон в Микенах, послал за Атреем и его сводным братом Фиестом и возвел их на царство в соседней Мидее. Несколько лет спустя, когда Сфенела и Эврисфея уже не было в живых, оракул посоветовал микенцам избрать себе в цари царевича из рода Пелопидов. Тогда горожане призвали Атрея и Фиеста из Мидеи и стали решать, кому из двоих (а им суждено было всегда враждовать друг с другом) вручить власть в Микенах².

[c] Атрей однажды поклялся, что пожертвует Артемиде самую лучшую из его отар, и Гермес, мечтавший отомстить Пелопидам за смерть Миртила, обратился к своему старому другу козлоногому Пану, по желанию которого в Акарнанской отаре, которую Пелоп оставил своим сыновьям Атрею и Фиесту, появился золоторунный барашек. Пан предвидел, что Атрей предъявит на барашка свои права и из-за нежелания

отдать Артемиде положенные почести окажется втянутым в братоубийственную войну с Фиестом. Правда, говорят, что барашка послала сама Артемиды, чтобы испытать Атрея³. Атрей сдержал свою клятву, по крайней мере частично, принеся в жертву мясо барашка, а из руна сделал чучело и спрятал его в сундук. Он так возгордился тем, что у него есть сокровище, которое выглядит как живое, что не мог не похвастаться этим на рыночной площади. Завистливый Фиест, к которому молодая жена Атрея Аэропа питала тайное чувство, согласился стать ее любовником, если она отдаст ему барашка (который, по его словам, был украден пастухами Атрея из его части отары). Это было проделкой Артемиды, которая наложила проклятье на барашка⁴.

[d] Во время споров в народном собрании Атрей объяснил свои претензии на микенский трон правом первородства и тем, что являлся владельцем барашка. Фиест спросил его: «Можешь ли ты публично заявить, что его владелец должен быть царем?» «Да!» — ответил Атрей. «И я так считаю», — мрачно улыбнувшись, произнес Фиест. Тем временем глашатай собирал жителей Микен, чтобы возвестить им имя нового царя, храмы украшались золотом, их двери открывались настежь, на всех алтарях в городе горели огни, и отовсюду слышались песни, прославлявшие «золоторунного барашка». Вдруг Фиест неожиданно встал, назвал Атрея тщеславным хвастуном и повел городских старшин в свой дом, где предъявил им барашка, доказал свое право на него и был провозглашен законным царем Микен⁵.

[e] Однако Зевс благоволил к Атрею и послал к нему Гермеса со словами: «Призови Фиеста и спроси, отречется ли он от трона в твою пользу, если солнце на небе пойдет вспять?» Атрей сделал, как ему было сказано, и Фиест согласился отречься, если такое произойдет. После этого Зевс с помощью Эриды изменил до этого нерушимые законы природы. Гелиос, уже проделавший полпути по небу, повернул свою колесницу и направил лошадей в сторону утренней зари. Семь плеяд и другие звезды из сочувствия изменили пути своего движения, и в тот вечер солнце в первый и в последний раз село на востоке. Так были доказаны обман и алчность Фиеста; Атрей взошел на трон Микен и изгнал его из города⁶.

Когда позднее Атрей узнал, что Фиест прелюбодействовал с Аэропой, он с трудом сдержал свой гнев. Тем не менее какое-то время ему удавалось изображать на своем лице прощенье⁷.

[f] Что касается Аэропы, которую некоторые называют Европой, то она была критяночкой, дочерью царя Катрея. Однажды Катрей застал ее

с любовником во дворце и уже готов был бросить в море, но поддался на уговоры Навплия и продал ее вместе с другой своей дочерью, Клименой, которая, как он считал, строит козни с целью убить его, в рабство Навплию за ничтожную плату, запретив обeim возвращаться на Крит. Навплий впоследствии женился на Климене, которая родила ему Эакса и изобретателя Паламеда⁸. Атрей, жена которого Клеола умерла, родив болезненного Плисфена (это была месть Артемиды Атрею за то, что он не сдержал клятвы), женился на Аэропе, которая родила ему Агамемнона, Менелая и Анаксибия. Плисфен тоже погиб: убийцы, которых Атрей подослал к своему тезке, незаконнорожденному сыну Фиеста и Аэропы, убили Плисфена по ошибке⁹.

[g] Тогда Атрей послал гонца, чтобы вновь заманить Фиеста в Микены, пообещав ему прощение и половину царства. Однако стоило Фиесту принять приглашение, как Атрей предал смерти Аглая, Орхомена и Каллилеонта — трех сыновей Фиеста от одной из наяд — на том же алтаре Зевса, где они искали спасения. После этого он разыскал и убил сыновей-близнецов Фиеста, Плисфена Второго и Тантала Второго. Он изрубил их на куски, сварил в котле и преподнес эту ужасную трапезу Фиесту в качестве угощения по случаю его возвращения. Когда Фиест вдоволь наелся, по приказу Атрея принесли другое блюдо, на котором лежали окровавленные головы, ноги и руки детей Фиеста, чтобы тот понял, что за кушанья он ел только что. Фиест упал, изрыгая пищу, и проклял весь род Атрея¹⁰.

[h] Вновь изгнанный Фиест сначала отправился к царю Феспроту в Сикион, где дочь Фиеста Пелопия, или Пелопея, была жрицей. Желая во что бы то ни стало отомстить Атрею, он обратился к Дельфийскому оракулу, и тот ответил, что для этого нужно, чтобы его дочь родила от него сына¹¹. Фиест застал Пелопию за совершением ночных жертвоприношений в честь Афины Колокасии и, не желая осквернить обряд, спрятался в соседней роще. В это время Пелопия, исполнявшая священный танец, поскользнулась на крови, вытекшей из горла принесенной в жертву черной овцы, и испачкала пеплос. Не мешкая, она побежала к храмовому пруду и стала отстирывать с одеяния кровь. В это время Фиест выскочил из рощи и овладел ею. Пелопия не узнала его, поскольку он скрывал свое лицо под маской, однако ей удалось тихонько вытащить его меч, отнести его в храм и спрятать под изваянием Афины. Фиест, обнаружив, что ножны пусты, испугался и сбежал в Лидию, землю своих отцов¹².

[i] Тем временем испугавшийся содеянного Атрей обратился к Дельфийскому оракулу и получил ответ: «Отзови Фиеста из Сикиона!» Однако к его приезду в Сикион Фиеста там не оказалось. Атрей, уже казвивший Аэропу, принял Пелопию за дочь царя Феспрота и, влюбившись в нее, предложил ей стать его третьей женой. Желая вступить в союз с таким могущественным царем, как Атрей, и в то же время сослужить службу Пелопии, Феспрот не стал говорить Атрею, что Пелопия не его дочь, и свадьба состоялась без промедления. В положенный срок у нее родился сын, зачатый от Фиеста, и она отнесла его на гору. Пастухи, пасшие козьи стада, спасли мальчика и вскормили его козьим молоком. От этого он и получил свое имя Эгисф, что значит «козья сила». Атрей был уверен, что Фиест бежал из Сикиона, узнав о его приближении, и что родившийся ребенок его сын, а Пелопия поступила так с новорожденным потому, что у нее временно помутился рассудок, что иногда бывает с женщинами после родов. Поэтому он забрал Эгисфа у пастухов и стал его воспитывать как своего наследника.

[j] В Микенах несколько раз подряд воцарялся голод, и Атрей отправил Агамемнона и Менелая в Дельфы, чтобы узнать, что с Фиестом. Фиест, который в это время шел от оракула, случайно встретил их на своем пути. Они силой отвели его в Микены, где Атрей, бросивший Фиеста в темницу, приказал семилетнему Эгисфу убить того во время сна.

[k] Фиест неожиданно проснулся и увидел, что Эгисф стоит над ним с мечом в руке. Ему удалось увернуться от удара и тем самым избежать смерти. В следующий момент он уже поднялся, резким ударом обезоружил мальчика и завладел мечом. Каково же было его удивление, когда он увидел, что это его собственный меч, потерянный им несколько лет назад в Сикионе! Он обнял Эгисфа за плечи и воскликнул: «Скажи мне немедленно, как меч попал к тебе?» Эгисф, заикаясь, ответил: «Моя мать Пелопия дала его мне». — «Я пощажу тебя, мальчик, — сказал Фиест, — если ты выполнишь три моих приказа». — «Я готов служить тебе во всем», — сквозь слезы произнес Эгисф, не чаявший уже остаться в живых. — «Сначала приведи сюда свою мать», — распорядился Фиест.

[l] После того как Эгисф привел Пелопию в темницу, она узнала его и разрыдалась у него на груди. «Откуда у тебя этот меч, дочь моя?» — спросил Фиест. — «Я выпула его из ножен незнакомца, который однажды

ночью овладел мною в Сикионе», — последовал ответ. — «Это мой меч», — признался Фиест. Охваченная ужасом, Пелопия схватила злощастный меч и вонзила себе в грудь. Ошеломленный Эгисф стоял, ничего не понимая. «Теперь отнеси меч Атрею, — отдал Фиест свой второй приказ, — и скажи ему, что ты выполнил свое поручение. После чего возвращайся!» Эгисф отнес окровавленный меч Атрею. Тот на радостях отправился к берегу моря и принес благодарственную жертву Зевсу, будучи уверенным, что наконец-то избавился от Фиеста.

[m] Когда Эгисф возвратился в темницу, Фиест открыл ему, что он его отец, и огласил свой третий приказ: «Убей Атрея, мой сын Эгисф, и на этот раз не оплошай!» Эгисф поступил, как ему было приказано, и Фиест вновь воцарился в Микенах¹³.

[n] В стадах Фиеста опять появился золоторунный барашек, который со временем вырос в настоящего барана. С тех пор таким божественным путем подтверждалось право владения золотым скипетром каждого нового царя из рода Пелопа, а золоторунные бараны паслись на выгоне, обнесенном неприступными стенами. Одни, правда, говорили, что символом царской власти было не живое существо, а серебряная чаша, дно которой было украшено золотым изображением барашка. Другие утверждали, что Эгисф не мог убить Атрея, поскольку был в то время еще младенцем, и что именно Агамемнон изгнал из Микен своего дядю Фиеста, отняв у него золотой скипетр¹⁴.

[o] Фиеста похоронили у дороги, ведущей из Микен в Аргос, неподалеку от святилища Персея. Над его могилой стоит каменное изваяние барана. Могилу Атрея и его подземную сокровищницу до сих пор показывают среди развалин в Микенах¹⁵.

[p] Фиест не был последним героем, которому подносили блюдо, изготовленное из тел его собственных детей. Несколько лет спустя то же приключилось с Клименом, сыном Схена из Аркадии, который воспылал страстью к Гарпалике, своей дочери от Эпикасты, и его любовь привела к инцесту. Соблазнив Гарпалику, он женил на ней Аластора, однако потом вновь взял ее к себе. В отместку Гарпалика убила рожденного ею сына, который одновременно приходился ей братом, сварила его и поставила это блюдо перед Клименом. Потом она превратилась в хищную птицу, а Климен повесился¹⁶.

¹ Схолии к «Оресту» Еврипида. 995; Фукидид. I.9.

² Аполлодор. II.4.6, Эпитома. II.11; Еврипид. Орест. 12.

- ³ *Аполлодор*. Эпитома. II.10; *Еврипид*. Орест. 813 и след., а также схолии; *Сенека*. Электра. 699 и след.; Схолии к «Оресту» Еврипида. 812, 990, 998; *Цец*. Хириады. I.433 и след.; *Ферекид*. Цит. по: Схолии к «Оресту» Еврипида. 995.
- ⁴ *Аполлодор*. Эпитома. II.11; Схолии к «Оресту» Еврипида. 812; Схолии к «Илиаде» Гомера. II.106.
- ⁵ *Аполлодор*. Цит. соч.; Схолии к «Илиаде» Гомера. II.106; *Еврипид*. Электра. 706 и след.
- ⁶ *Аполлодор*. Эпитома. II.12; Схолии к «Илиаде» Гомера; *Еврипид*. Орест. 1001; *Овидий*. Наука любви. I.327 и след.; Схолии к «Оресту» Еврипида. 812.
- ⁷ *Гигин*. Мифы. 86; *Аполлодор*. Эпитома. II.13.
- ⁸ *Лактанций Плацид*. Схолии к «Фиваиде» Стация. VI.226; *Аполлодор*. III.2.2, Эпитома. II.10; Схолии к «Аяксу» Софокла. 1331 и след.; Схолии к «Оресту» Еврипида. 432.
- ⁹ *Гигин*. Мифы. 86; *Еврипид*. Елена. 392; *Гомер*. Илиада. II.107 и след.
- ¹⁰ *Цец*. Хириады I.18 и след.; *Аполлодор*. Эпитома. II.13; *Гигин*. Мифы. 88, 246, 258; *Эсхил*. Агамемнон. 1590 и след.
- ¹¹ *Аполлодор*. Эпитома. II.13—14; *Гигин*. Мифы. 87—88; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. 262.
- ¹² *Гигин*. Цит. соч.; *Аполлодор*. Эпитома. II.14.
- ¹³ *Гигин*. Цит. соч.; *Аполлодор*. Цит. соч.
- ¹⁴ *Сенека*. Фиест. 224 и след.; *Цицерон*. О природе богов. III.26,68; *Геродот Гераклейский*. Цит. по: *Атеней*. 231; *Эсхил*. Агамемнон. 1603.
- ¹⁵ *Павсаний*. II.16.5, 18.2—3.
- ¹⁶ *Парфений*. Любовные истории. XIII; *Гигин*. Мифы. 242, 246, 255.

1) Миф об Атрее—Фиесте, сохранившийся в нескольких весьма театрализованных вариантах, вероятно, имеет в своей основе соперничество аргосских царей-соправителей и их борьбу за верховную власть, т. е. те же факты, что и миф об Акрисии и Прете (см. 73,а). Этот миф значительно старше сюжетов, построенных вокруг сыновей Геракла (см. 146,к), с которыми отождествляет этот миф Фукидид и которые сопоставимы с нашествием дорийцев на Пелопоннес в середине XI в. до н. э. Золотой барашек Атрея, которого тот не принес в жертву, напоминает белого быка Посейдона, которого не принес в жертву Минос (см. 88,с). Однако этот ягненок относится к той породе золоторунных баранов, которых приносили в жертву Зевсу на горе Лафистий или

Посейдону на острове Крумисса (см. 70,1). Обладание таким руном было символом царской власти, потому что царь пользовался им в ежегодной церемонии вызывания дождя (см. 70,2,6). Барашек является золотым в метафорическом смысле: в Греции говорили, что «вода — это золото», а руно магическим способом вызывало дождь. Эта метафора могла быть усилена еще и тем, что руно использовалось для сбора золотоносного песка в реках Малой Азии, а в восточном Средиземноморье периодически появлялись ягнята с золотыми зубами, происходящие якобы от тех, за которыми ухаживал юный Зевс на горе Ида. В XVIII в. М. У. Монтегю^{90*} исследовала этот аномальный факт, однако не смогла выяснить его происхождение. Не исключено также, что царский скипетр аргивян имел навершие в виде золотого барана. *Аполлодор* довольно туманно пишет о правовых основах этого спора, и, возможно, претензии Фиеста были такими же, что и право Мэва на спорного быка во время братоубийственной ирландской Войны быков, поскольку Фиест утверждал, что барашек был выкраден из его собственного стада сразу после рождения.

2) Еврипид ввел Эриду в повествование не в том месте, где следовало бы: она, вероятнее всего, спровоцировала ссору между братьями, а не помогала Зевсу изменить движение солнца, что было не в ее силах. Классические грамматик и философы объясняли этот факт различными и весьма оригинальными способами, предвосхитившими попытки протестантов XX в. дать научное объяснение обратному движению солнечной тени «на часах Ахаза» (4 Цар. 20:1,11). Лукиан и Полибий^{91*} пишут, что, когда Атрей и Фиест спорили, кому из них принять трон, аргивяне уже привыкли наблюдать за звездами и согласились избрать на царство того, кто окажется более способным астрономом. В последовавшем затем соревновании Фиест заявил, что солнце всегда встает в созвездии Овна во время праздника весны. Отсюда и история с золоторунным ягненком. Однако прорицатель Атрей сделал лучше: он доказал,

^{90*} Монтегю Мэри Уортли (1689—1762) — английская поэтесса. Известна более всего своей перепиской с видными литераторами того времени, которую она вела в течение двух лет, находясь с мужем, британским послом, в Турции. По возвращении в Англию способствовала введению в практику английской медицины прививок против оспы, к тому времени давно уже применявшихся на Востоке.

^{91*} Полибий (около 200—120 до н. э.) — греческий историк, политик и один из лучших кавалерийских начальников Аггичности. Из 40 книг его «Всемирной истории» уцелело только 5 первых, остальные дошли в отрывках.

что солнце и земля движутся в противоположных направлениях и то, что кажется заходом солнца, на самом деле является восходом земли. После этого аргивяне сделали его своим царем (Лукиан. *Об астрологии*. 12; Полибий. Цит. по: Страбон. I.2.15). Гигин и Сервий согласны с тем, что Атрей был астрономом, однако характеризуют его как первого человека, который математически предсказал солнечное затмение. Они говорят, что расчеты оказались верными и завистливый брат Атрея Фиест покинул город ни с чем (Гигин. *Мифы*. 258; Сервий. *Комментарий к «Энеиде» Вергилия*. I.568). Собеседник Сократа проявил буквализм в понимании мифа: он счел его свидетельством в пользу теории, утверждавшей, что Вселенная вращается то в одну, то в другую сторону, делая «много тысяч круговоротов», а смена движения в конце каждого цикла сопровождается «великим мором животных» (Платон. *Политик*. 268e—269b).

3) Для понимания данного повествования, однако, нужно мыслить не аллегорически, не философски, а мифологически, а именно: понятиями архаического конфликта между царем-жрецом и его танистом. Царь царствовал до летнего солнцестояния, когда солнце достигало своей самой северной точки и останавливалось, после чего танист убивал царя и занимал его место, остававшееся за ним все время, пока солнце перемещалось к югу, к точке зимнего солнцестояния. Эта взаимная ненависть усиливалась еще и потому, что танист вступал в брак с вдовой своего соперника. Аналогичная вражда возникла между царями-соправителями аргивян, которые царствовали в течение великого года и ссорились из-за Аэропы так же, как Акрисий и Прет спорили из-за Данаи. Миф об Иезекии, который был на грани смерти, когда, в знак расположения к нему Яхве, пророк Исаяя добавил десять лет к сроку его царствования, передвинув солнце на десять Ахазовых ступеней (4 Цар. 20:8,11; Ис. 38:7,8), предполагает наличие древнееврейской или филистимлийской традиции. В соответствии с ней царь после принятия календарной реформы, вызванной переходом на цикл Метона^{92*}, получил право продлевать срок царствования до девятнадцати лет, а не погибать по истечении девятого года. Возможно, что и Атрей в Микенах получил такую же отсрочку.

^{92*} Метон (ок. 430 до н. э.) — астроном из Афин, разработавший 19-летний цикл, призванный согласовать солнечный (365,5 дней) и лунный (354 дня) год. В конце каждого метонического цикла новолуния приходятся на те же дни, что и в первом году.

4) Каннибалистский праздник в честь Зевса, который описывается в мифе о Тантале (см. 108,с), здесь смешивается с ежегодным принесением в жертву ребенка, заменявшего царя, и изрыганием Кроном детей, которых ему родила Рея (см. 7,d). Тот факт, как Фиест овладел Пелопией, напоминает миф о Кинире и Смирне (см. 17,h) и лучше всего объясняется попыткой царя продлить свое царство, превысив традиционный срок, для чего он вступал в брак с приемной дочерью, наследовавшей трон. То, что Аэропу должны были бросить в море, родит ее с Диктинной—Бритомартис, которая, убегая от своего деда Миноса, бросилась в море (см. 89,b).

5) История Климена и Гарпалики — существовал еще один фракийский персонаж с таким именем, напоминавший Аталанту, — соединяет в себе миф о Кинире и Смирне (см. 18,h) и миф о Терее и Прокне (см. 46,f). Если только эта история не является искусственной композицией для театра, о чем говорит противоречащее мифу самоповешение Климена, то, вероятнее всего, перед нами попытка царя сохранить за собой трон по окончании срока царствования: выдать наследницу трона, которая, по сути, его дочь, за интеррекса, а затем убить его и жениться на вдове. *Аластор* означает «мститель», однако его месть не фигурирует в мифе; не исключено, что в первоначальном варианте мифа Аластора приносили в жертву богам.

[а] Одни говорят, что Агамемнон и Менелай к моменту пленения Фиеста в Дельфах были взрослыми; другие утверждают, что, когда Эгисф убил Атрея, они еще были младенцами, их сумела спасти нерастерявшаяся кормилица. Схватив одного в одну руку, а другого — в другую, она побежала с ними к Полифиду, двадцать четвертому царю Сикиона, по просьбе которого их отдали на попечение этолийцу Ойнею. При этом все сходятся на том, что после нескольких лет, проведенных при дворе Ойнея, спартанский царь Тиндарей вернул им престол. Выступив против Микен, он взял клятву с Фиеста, спасавшего свою жизнь у алтаря Геры, что тот передаст скипетр Агамемнону как наследнику Атрея, а сам покинет город и никогда больше не вернется. Фиест ушел в Киферу, а Эгисф, боящийся мести со стороны Агамемнона, бежал к царю Киларabu, сыну аргиевнина Сфенела¹.

[b] Говорят, что Зевс дал власть дому Эака, мудрость — дому Амифаона, а богатство — дому Атрея. И этот дом действительно был богат: цари Микен, Коринфа, Клеоны, Орней, Арефиреи, Сикиона, Гиперееи, Гоноессы, Пеллены, Эгия, Эгиалы и Гелики платили дань Агамемнону как на земле, так и на море².

[с] Сначала Агамемнон пошел войной на царя Писы Тантала, отцом которого был уродливый дядя Агамемнона Бротей. Он убил Тантала в битве и силой взял себе в жены вдову убитого Клитемнестру, которую Леда родила от спартанского царя Тиндарея. Братья Клитемнестры Диоскуры выступили против Микен, но ко времени их выступления Агамемнон уже был у своего благодетеля Тиндарея, который простил

его и разрешил оставить у себя Клитемнестру. После смерти Диоскуров Менелай женился на их сестре Елене, а Тиндарей отрекся от престола в его пользу³.

[d] Клитемнестра родила Агамемнону одного сына по имени Орест и трех дочерей: Электру, или Лаодику, Ифигению, или Ифианассу, и Хрисофемиду. Некоторые, правда, говорят, что Ифигения была племянницей Клитемнестры и дочерью Тесея и Елены, но Клитемнестра жалилась над ней и удочерила⁴.

[e] Когда Парис, сын царя Трои Приама, похитил Елену и тем самым стал причиной Троянской войны, Агамемнон и Менелай целых десять лет пробыли вдали от дома, тогда как Эгисф предпочел остаться на Аргосе и строить планы мести дому Атрея⁵.

[f] Тем временем Навплий, муж Климены, не получив удовлетворения от Агамемнона и других предводителей греков за то, что его сын Паламед был до смерти забит камнями, покинул Троию и стал плавать вдоль побережья Аттики и Пелопоннеса, подстрекая живших в одиночестве жен своих врагов к супружеской измене. Поэтому Эгисф, услышав, что Клитемнестра сама готова поддаться на уговоры Навплия, замыслил не только стать ее любовником, но и с ее помощью убить Агамемнона, как только закончится Троянская война⁶.

[g] Гермес, посланный к Эгисфу всезнающим Зевсом, потребовал, чтобы тот отказался от своих замыслов на том основании, что, когда Орест станет взрослым, он обязан будет отомстить за своего отца. Несмотря на все свое красноречие, Гермесу не удалось отговорить Эгисфа, и тот отправился в Микены с богатыми дарами в руках и ненавистью в сердце. Поначалу Клитемнестра отвергла его ухаживания, потому что Агамемнон, узнавший о появлении в Микенах Навплия, приказал своему придворному певцу не спускать глаз с царицы и сообщить письменно о любом проявлении супружеской неверности. Однако Эгисф оставил старого певца на необитаемом островке без пищи, и вскоре стервятники растащили его кости. После этого Клитемнестра попала в объятия Эгисфа, и тот отпраздновал неожиданный успех тем, что принес на костре жертвы Афродите, а ткани и золото подарил Артемиде, затаившей злобу на дом Атрея⁷.

[h] У Клитемнестры не было причин любить Агамемнона. Убив ее прежнего мужа Тантала и ее грудного младенца, он насильно взял ее в жены, а затем отправился на войну, которая, казалось, никогда не кончится. Кроме того, он потребовал принести в жертву Ифигению в Авлиде.

Но больше всего ее ранили разговоры о том, что Агамемнон возвращается с дочерью Приама, ясновидящей Кассандрой, с которой он давно жил как с женой. Это правда, что Кассандра родила Агамемнону близнецов Теледама и Пелопа, однако у него не было ни малейшего желания обидеть Клитемнестру. Узнала она обо всем от оставшегося в живых сына Навплия по имени Эакс, который, мстя за смерть своего брата, подталкивал ее к убийству мужа⁸.

[i] Поэтому Клитемнестра сговорила с Эгисфом убить и Агамемнона и Кассандру. Опасаясь, однако, что они могут появиться неожиданно, она написала Агамемнону письмо с просьбой зажечь костер на горе Ида, когда падет Троя, а сама договорилась, что по этому сигналу запылают другие костры на всем пути до Арголиды: на лемносском мысе Гермей, на вершинах Афон, Макист, Мессапий, Киферон, Эгипланкт и Арахна. На крыше дворца в Микенах также был выставлен наблюдатель. Это был верный слуга Агамемнона, который целый год проползал, как пес, на четвереньках, вглядываясь в сторону горы Арахна, полный дурных предчувствий. Наконец однажды темной ночью он увидел вдали сигнальный огонь и побежал будить Клитемнестру. Та отметила новость тем, что воздала благодарственные жертвы, хотя на самом деле мечтала о том, чтобы осада Трои никогда не кончалась. Эгисф же поставил одного из своих людей на сторожевой башне у моря, пообещав ему два золотых таланта, если тот первым сообщит о прибытии Агамемнона.

[j] Гера спасла Агамемнона во время ужасной бури, потопившей много греческих судов и отнесшей корабль Менелая в Египет. Наконец подул попутный ветер, и Агамемнон достиг Навплии. Высадившись, он сразу бросился целовать родную землю, плача от счастья. Тем временем страж уже спешил в Микены за обещанной ему платой, и Эгисф, отобрав двадцать храбрейших воинов, устроил во дворце засаду, приказал приготовить большой пир, а сам на колеснице отправился приветствовать Агамемнона⁹.

[k] Клитемнестра сделала вид, что обрадовалась мужу, уставшему с дороги, расстелила для него пурпурный ковер и отвела в баню, где молодые рабыни подогревали для него воду. Однако Кассандра не вошла во дворец; она забилась в пророческом экстазе, отказываясь войти и причитая, что слышит запах крови и что проклятие Фиеста нависло над пиршественным залом. Когда Агамемнон уже выходил из бассейна, предвкушая роскошную трапезу, Клитемнестра выступила вперед, словно собираясь оттереть его полотенцем, но вместо этого набросила на него сеть, которую

сплела сама. Пойманный, как рыба, Агамемнон пал от руки Эгисфа, который дважды ударил его обоюдоострым мечом¹⁰. Поверженный Агамемнон упал в бассейн, отделанный серебром, а Клитемнестра отрубила ему голову топором, отомстив за все свои обиды¹¹. Затем она решила тем же оружием убить Кассандру, не закрыв даже глаза и рот на отрубленной голове мужа. Она лишь обтерла его волосами брызнувшую на нее кровь, намекая тем самым, что он сам навлек на себя смерть¹².

[1] Во дворце тем временем уже разгорелась битва между дружиной Агамемнона и сторонниками Эгисфа, напоминавшая бойню свиней на богатом пире: раненые стонали, лежа в крови рядом с накрытыми столами. Победу одержал Эгисф. Во дворе скатилась наземь отрубленная голова Кассандры, а Эгисф еще раз испытал радость, убив ее близнецов, рожденных от Агамемнона. Однако еще один сын Агамемнона, по имени Галес, или Галиск, сумел бежать. После долгих странствий он основал италийский город Фалерии и научил его жителей мистериям Геры, которые до сих пор устраиваются там на манер аргиев¹³.

[m] Резня во дворце случилась в тринадцатый день месяца гамелион (январь), и, не боясь божественного возмездия, Клитемнестра объявила тринадцатый день каждого месяца праздником, который следовало отмечать танцами и приносить в жертву овец в честь ее богов-покровителей. Одни приветствовали ее решение, другие считали, что она навлекла вечный позор на всех женщин, даже самых добродетельных. Эгисф также возблагодарил помогавшую ему в этом деле богино¹⁴.

[n] Спартацы утверждают, что Агамемнон погребен в Амиклах, ставшей ныне крохотной деревенькой. Там показывают могилу Агамемнона и статую Клитемнестры, а также святилище и статую Кассандры. Жители даже верят в то, что именно здесь сложил свою голову Агамемнон. Но на самом деле могила Агамемнона находится среди развалин Микен и расположена рядом с могилами его возничего, его друзей, погибших от руки Эгисфа вместе с ним, а также могилой близнецов, рожденных Кассандрой¹⁵.

[o] Некоторое время спустя Менелай узнал об этом преступлении от Протея, прорицателя с острова Фарос. Пожертвовав гекатомбы духу своего брата, он построил в его честь «холм гробовой» на берегу реки Египет. Вернувшись через восемь лет в Спарту, он воздвиг храм в честь Зевса—Агамемнона. Существуют и другие храмы с таким названием в Лаперсах, что в Аттике, и в Клазомене, что в Ионии, хотя Агамемнон никогда не царствовал в этих местах¹⁶.

- ¹ Гигин. Мифы. 88; Евсевий. Хроники. I.177—180. Гомер. Илиада. II.107—108, Одиссея. III.263; Эсхил. Агамемнон. 529; Павсаний. II.18.4; Цец. Хириады. I.433 и след.
- ² Гесиод. Цит. по: Суда под словом *alce*; Гомер. Илиада. II.108, 569—580.
- ³ Аполлодор. III.10.6, Эпитома. II.16; Еврипид. Ифигения в Авлиде. 1148 и след.
- ⁴ Аполлодор. Цит. соч.; Гомер. Илиада. IX.145; Дурис. Цит. по: Цец. Схолии к Ликофрону.183.
- ⁵ Гомер. Одиссея. III.263.
- ⁶ Аполлодор. Эпитома. VI. 8—9.
- ⁷ Гомер. Цит. соч. I.35 и след.; III.263—275.
- ⁸ Еврипид. Ифигения в Авлиде. 1148 и след.; Софокл. Электра. 531; Павсаний. III.19.5, II.6.5; Гигин. Мифы. 117.
- ⁹ Гигин. Цит. соч.; Эсхил. Агамемнон. I и след., 282 и след.; Еврипид. Электра. 1076 и след.; Гомер. Цит. соч. IV.524—537; Павсаний. II.16.5.
- ¹⁰ Эсхил. Агамемнон. 1220—1391 и след., 1521 и след., Евмениды. 631—635; Еврипид. Электра. 157, Орест. 26; Цец. Схолии к Ликофрону. 1375; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. XI.267; Софокл. Электра. 195; Гомер. Цит. соч. III.193 и след., 303—305, XI.405 и след.
- ¹¹ Софокл. Электра. 99; Эсхил. Агамемнон. 1372 и след., 1535.
- ¹² Эсхил. Цит. соч.; Софокл. Электра. 445—446.
- ¹³ Гомер. Цит. соч. XI.400, 442; Павсаний. II.16.5; Вергилий. Энеида. VII.723; Сервий. Цит. соч. VII.695; Овидий. Наука любви. III.13.
- ¹⁴ Софокл. Электра. 278—281; Гомер. Цит. соч. III.263, XI.405.
- ¹⁵ Павсаний. II.16.5, III.19.5.
- ¹⁶ Гомер. Цит. соч. IV.512 и след., 581 и след.; Цец. Схолии к Ликофрону. 112—114, 1369; Павсаний. VII.5.5.

1) Миф об Агамемноне, Эгисфе, Клитемнестре и Оресте сохранился в такой стилизованной и драматизированной форме, что о его происхождении можно только догадываться. В трагедии такого типа развязкой обычно служит смерть царя: его либо сбрасывают со скалы, как Тесея, либо заживо сжигают, как Геракла, либо подстраивают крушение колесницы, как Эномаю, либо отдают на растерзание диким лошадям, как Диомеда, либо топят в озере, как Тантала, либо, наконец, поражают перуном, как Капанея. Агамемнон, однако, умирает довольно необычно: на него наброшена сеть, одна его нога еще в бассейне, другая — на полу, причем все события происходят в банной пристройке. Другими словами, он «не одет

и не раздет, не в воде и не на земле, не во дворце, но и не вне дворца». Здесь воспроизводится ситуация, напоминающая смерть царя-жреца Ллеу Ллау от рук изменницы жены Блодеуведд и ее любовника Грону, причем, как указывается в «Мобиногион», это происходит в день летнего солнцезворота. Похожую историю рассказал Саксон Грамматик в своей «Истории Дании», написанной в конце XII в. На основе этой истории можно предположить, что Клитемнестра тоже дала Агамемнону яблоко и убила его, как только он поднес яблоко к губам, поэтому он «не постился и не пировал» (см. «Белая богиня»). Отсюда можно сделать вывод, что в основе мифа лежит сюжет о царе-жреце, который умирает в день летнего солнцезворота, о богине, которая изменяет ему, о танисте, который наследует трон, и о сыне, мстящем за смерть отца. Топор Клитемнестры — это критский символ царской власти, а сам миф напоминает миф о смерти Миноса, которая также произошла в бане. Костры в горах, про один из которых Эсхил пишет, что он был сложен из вереска (см. 18,3), — это жертвенные костры в день летнего солнцезворота. Богиня, в честь которой был принесен в жертву Агамемнон, появляется в виде триады его «дочерей»: Электра («янтарь»), Ифигения («родительница сильного племени») и Хрисофемида («золотая справедливость»).

2) Эта древняя история предстает в сочетании с легендой о споре между соперничающими пелопоннесскими династиями. Клитемнестра была спартанской наследницей трона, и утверждение спартанцев, будто их предок Тиндарей возвел Агамемнона на микенский трон, указывает на то, что они вышли победителями в войне против микенцев за обладание Амиклами, где почитались и Агамемнон и Клитемнестра.

3) *Зевс—Агамемнон*, т. е. «очень решительный» Зевс, вероятно, являлся божественным титулом, который имели не только цари Микен, но и цари в Лаперсах и Клазомене и, возможно, цари данайского или ахейского поселения на берегу реки Египет, которую не следует путать с Нилом. Река Египет упоминается в книге Иисуса Навина (15:4) как граница между Палестиной и Египтом. Дальше по побережью, у Аскалона или неподалеку от Тира, были либо данайские, либо ахейские поселения (см. 169, f).

4) Тринадцатый день праздновался и в Риме, где этот праздник называли *идами*. Он соответствовал полнолунию, когда календарные месяцы равнялись лунным месяцам. Очевидно, царя всегда приносили в жертву в день полнолуния. Как гласит легенда, греческий флот, возвращавшийся в конце года из-под Трои, попал в зимние бури, поэтому Агамемнон погиб в январе, а не в июне.

[a] Орест воспитывался у любивших его Тиндарся и Леды, которым он приходился внуком, и еще мальчиком сопровождал Клитемнестру и Ифигению в Авлиду¹. Однако одни говорят, что Клитемнестра отправила его в Фокиду накануне возвращения Агамемнона. Другие утверждают, что Орест, которому было десять лет, в день убийства был спасен своей благородной кормилицей Арсиной, Лаодамией или Килиссой; она отправила в царскую детскую собственного сына, чтобы Эгисф убил его вместо Ореста². Некоторые считают, что сестра Ореста Электра тайком, с помощью старого воспитателя своего отца, вынесла его из города, завернув в плащ, на котором ее руками были вышиты дикие звери³.

[b] Скрываясь некоторое время у пастухов с реки Танаос, которая отделяет Арголиду от Лаконии, старый воспитатель отправился вместе с Орестом ко двору Строфия, надежного союзника дома Атрея, который правил Крисой, что расположена у подножия горы Парнас⁴. Этот Строфий был женат на сестре Агамемнона Астиохее, или Анаксибии, а может быть, Киндрагоре. В Крисе Орест нашел себе товарища по играм — сына Строфия проказника Пилада, который был несколькими годами младше. Их дружба впоследствии вошла в поговорку⁵. От старого воспитателя он с горечью узнал, что тело Агамемнона было выброшено из дома и поспешно погребено Клитемнестрой без подобающих жертвенных возлияний и миртовых венков. Кроме того, жителям Микен было запрещено присутствовать на похоронах⁶.

[c] Эгисф правил в Микенах семь лет, разъезжая в колеснице Агамемнона, пользуясь его троном и скипетром, облачась в его одеяния,

оскверняя его ложе и пуская на ветер его богатства. Однако, несмотря на внешние царские признаки, он оставался всего лишь рабом Клитемнестры — истинной правительницы Микен⁷. Напиваясь пьяным, он прыгал на могилу Агамемнона, швырял камни в надгробие и кричал: «Приди, Орест, и защити то, что принадлежит тебе!» Однако он жил в постоянном страхе перед возмездием. Несмотря на то что он всегда был в окружении чужеземной стражи, он не мог спать спокойно и обещал большую награду тому, кто убьет Ореста⁸.

[d] Электра была обручена со своим двоюродным братом, спартанцем Кастором, которого после смерти стали считать полубогом. Хотя ее руки в Греции добивались самые родовитые царевичи, Эгисф, боясь, что она родит сына, который отомстит за Агамемнона, объявил, что женихи не будут приняты. Он бы с удовольствием уничтожил Электру (которая, кстати, не скрывала своей ненависти к нему), чтобы та ненароком не родила внебрачного сына от кого-нибудь из дворцовой стражи. Но, хотя Клитемнестра и не испытывала мук совести из-за своей роли в убийстве Агамемнона, она старалась вести себя так, чтобы не навлечь гнева богов, и запретила ему это убийство. Она просто позволила ему выдать Электру замуж за микенского крестьянина, который, опасаясь Ореста и будучи честным человеком, так и не приблизится к своей высокородной жене⁹.

[e] Так, забывтая Клитемнестрой, которая к этому времени родила Эгисфу троих детей — Эригону, Алета и еще одну Елену, — жила Электра в оскорбительной нищете под неусыпным надзором. В конце концов было решено, что если она не смирится со своей судьбой, как сделала ее сестра Хрисофемиды, и не перестанет называть принародно Эгисфа и Клитемнестру «убийцами-прелюбодеями», то ее сошлют в далекие края и заключат в темницу. Однако Электра презирала Хрисофемиду за ее покорность, считала, что та изменила памяти покойного отца, и посылала частые напоминания Оресту о том, что отец остался неотмщенным¹⁰.

[f] Орест, ставший к этому времени взрослым, посетил Дельфийского оракула и спросил, стоит ли ему уничтожить убийц своего отца. Ответ Аполлона, подтвержденный Зевсом, гласил, что если он не отомстит за смерть Агамемнона, то превратится в отщепенца, для которого будет закрыт вход во все святилища и храмы, и заболит проказой, которая будет разъедать его плоть, оставляя белые язвы¹¹. Ему был дан совет совершить жертвенные возлияния у могилы Агамемнона, положить на нее прядь своих волос и без чьей-либо помощи, проявив изобретательность, покарать убийц. В то же время пифия предупредила, что эринии

не простят убийства матери, и от имени Аполлона вручила Оресту лук из рога, с помощью которого можно отразить их преследования, когда они станут невыносимыми. Выполнив все, как ему было сказано, Орест должен вернуться в Дельфы, где его защитит Аполлон¹².

[g] Семь лет спустя, а некоторые утверждают, что по прошествии двадцати лет, Орест тайно вернулся в Микены, посетив по пути Афины, полный решимости убить Эгисфа и собственную мать¹³.

Однажды утром в сопровождении Пилада он посетил могилу Агамемнона и отрезал прядь своих волос, чем вызвал сочувствие Гермеса — покровителя отцовства. Увидев приближающихся рабынь, перемазанных и растрепанных по причине траура, он спрятался в кустах и стал наблюдать за происходящим. Накануне ночью Клитемнестре приснился сон, что она родила змея, спеленала его и покормила грудью. Неожиданно она закричала во сне, переполошив весь дворец; ей приснилось, будто змей вместе с молоком высасывает у нее из груди кровь. Толкователи снов, к которым она обратилась, в один голос заявили, что она навлекла на себя гнев мертвеца. Вот почему рабыни в трауре пришли от ее имени на могилу Агамемнона, чтобы совершить возлияния и умиловить дух покойного. Электра, бывшая среди них, совершила возлияния от своего собственного имени, а не от имени матери и в обращенных к Агамемнону молитвах взывала к возмездию, а не к прощению. Она умоляла Гермеса, чтобы тот сделал так, чтобы мать-Земля и другие боги потустороннего мира услышали ее мольбы. Заметив на могиле прядь светлых волос, она поняла, что волосы могут принадлежать только Оресту, во-первых, потому, что цветом они напоминали ее собственные, а во-вторых, никто, кроме него, не осмелился бы совершить такое жертвоприношение¹⁴.

[h] Терзаемая надеждой и сомнением, она примерила свой след к следу на глине, оставленному рядом с могилой, и нашла в нем сходство со своим. Затем Орест вышел из своего укрытия, показал, что прядь волос на могиле срезана с его головы, и предъявил ей одеяние, в котором некогда он бежал из Микен.

Электра с радостью приветствовала его, и они вместе обратились к своему предку, отцу-Зевсу, напомнив ему о том, что Агамемнон всегда воздавал ему великие почести и что если дом Атрея вымрет, то в Микенах уже некому будет жертвовать ему традиционные гекатомбы, поскольку Эгисф поклоняется другим богам¹⁵.

[i] Когда рабыни пересказали Оресту сон Клитемнестры, он заявил, что готов превратиться в хитрого змея, чтобы пролить ее кровь. Затем

он отправил Электру во дворец, предупредив, чтобы та ничего не говорила Клитемнестре об их встрече. Через некоторое время он и Пилад последуют за ней и попросят приюта, притворившись странниками из Фокиды, говорящими на парнасском диалекте. Если им откажут, него- степринимство возмутит весь город, а если их впустят, они не станут мешать с осуществлением своей мести.

И вот уже Орест стучит в дворцовые ворота и просит, чтобы позвали хозяина или хозяйку. На голос вышла сама Клитемнестра, которая, однако, не признала Ореста. Тот назвался эолийцем из Давлиды и сказал, что пришел с печальным известием от некоего Строфия, которого случайно встретил по дороге в Аргос. Строфий просил передать, что ее сын Орест умер, а прах его хранится в бронзовой урне, поэтому он хотел узнать, стоит ли посылать урну в Микены или лучше предать ее земле в Крисе¹⁶.

[j] Клитемнестра, не мешкая, предложила Оресту войти и, скрывая свою радость от слуг, послала старую кормилицу Килиссу за Эгисфом, который в это время находился в храме рядом с домом. Однако Килисса без труда узнала Ореста и решила передать Эгисфу, чтобы он возрадовался, ибо теперь ему некого бояться, и он может идти один и безоружный, чтобы приветствовать тех, кто принес ему хорошую новость: его враг мертв¹⁷.

Ничего не подозревающий Эгисф вошел во дворец, куда, чтобы совсем уже развеять сомнения, пришел Пилад с бронзовой урной в руках. Клитемнестре он сказал, что это прах Ореста, который Строфий все же решился переслать в Микены. Такое подтверждение первого известия лишило Эгисфа последних сомнений, поэтому Оресту не стоило труда выхватить меч и поразить ничего не подозревавшего врага. Клитемнестра тут же узнала Ореста и попыталась смягчить его сердце, обнажив грудь и взывая к его сыновьему долгу. Орест не внял ее словам и тем же мечом отрубил ей голову. Став над трупами, он показал дворцовым слугам сеть, в которой погиб Агамемнон, еще хранившую следы крови. Такое напоминание о подлой измене Клитемнестры без труда оправдывало его в их глазах, и ему осталось лишь добавить, что Эгисф получил то, что предусмотрено для прелюбодеев законом¹⁸.

[k] Не удовлетворившись убийством Эгисфа и Клитемнестры, Орест разделался с их дочерью, которую также звали Елена, а Пилад отбил нападение сыновей Навплия, пришедших на помощь Эгисфу¹⁹.

[l] Некоторые, правда, говорят, что эти события произошли в Аргосе на третий день празднеств в честь Геры, перед началом шествия

девственниц. Эгисф устроил угощение для нимф вблизи луга, где паслись кони, и собирал миртовые ветви для венка, готовясь принести в жертву Гере быка. Говорят также, что Электра, встретив Ореста на могиле отца, поначалу не верила, что перед ней ее давно потерянный брат, хотя их волосы действительно были похожи и он показал ей одеяние, в котором бежал из Микен. Окончательно убедил ее шрам на лбу Ореста, оставшийся от удара об острый камень, когда они, еще детьми, охотились на оленя, а Орест оступился и упал.

[m] Орест решил поступить так, как ему шепотом подсказала сестра, и тут же отправился к алтарю, где уже лежал заколотый бык. Дождавшись того момента, когда Эгисф склонился над быком, чтобы рассмотреть его внутренности, Орест нанес ему удар по голове жертвенным топором. Тем временем Электра, которой Орест показал отрубленную голову, выманила Клитемнестру из дворца, сообщив ей, что десять дней назад она родила сына от своего мужа-крестьянина. Когда Клитемнестра, гонимая желанием увидеть своего первого внука, пришла в ее жилище, стоявший у дверей Орест убил ее безжалостной рукой²⁰.

[n] Другие, хотя и соглашаются, что убийство было совершено в Аргосе, утверждают, что Клитемнестра отправила Хрисофемиду на могилу Агамемнона для совершения жертвенных возлияний после того, как ей приснился сон, будто оживший Агамемнон выхватил скипетр из рук Эгисфа и так воткнул его в землю, что на нем появились почки, затем веточки, и, наконец, в тени этого дерева оказались все Микены. А в известии, которому поверили Эгисф и Клитемнестра, сообщалось, что Орест случайно погиб, участвуя в состязаниях колесниц во время Пифийских игр. Говорят также, что на могиле Агамемнона Орест показал Электре не отрезанный локон и не вышитое одеяние, а печать своего отца, сделанную из слоновой кости, которой была заменена лопатка Пелона²¹.

[o] Есть и такие, кто отрицает, что Орест сам убил Клитемнестру. По их словам, он привел ее в суд, и уже судьи приговорили ее к смерти. Сам он тоже был не прав, не выступив в ее защиту, хотя вряд ли это стоит вменять ему в вину²².

¹ *Еврипид*. Орест. 462; Ифигения в Авлиде. 622.

² *Эсхил*. Агамемнон. 877 и след., Хоэфоры. 732; *Еврипид*. Электра. 14 и след.; *Пиндар*. Пифийские оды. XI.22 и схолии.

³ *Аполлодор*. Эпитома. VI.24; *Еврипид*. Цит. соч. 542 и след.; *Эсхил*. Хоэфоры. 232.

- ⁴ *Еврипид*. Цит. соч. 409—412; *Софокл*. *Электра*. 11 и след.; *Пиндар*. *Пифийские оды*. XI.34—36.
- ⁵ *Гигин*. *Мифы*. 117; *Схолии к «Оресту» Еврипида*. 33,765,1233; *Еврипид*. *Ифигения в Тавриде*. 921; *Аполлодор*. Цит. соч. VI.24; *Овидий*. *Письма с Понта*. III.2.95—98.
- ⁶ *Еврипид*. *Электра*. 289,323—325; *Эсхил*. *Хоэфоры*. 431.
- ⁷ *Гомер*. *Одиссея*. III.305; *Еврипид*. Цит. соч. 320 и след., 931 и след.; *Софокл*. *Электра*. 267 и след., 651.
- ⁸ *Еврипид*. Цит. соч. 33, 320 и след., 617 и след.; *Гигин*. Цит. соч. 119.
- ⁹ *Еврипид*. Цит. соч. 19 и след.; 253 и след.; 312 и след.
- ¹⁰ *Гигин*. Цит. соч. 122; *Еврипид*. Цит. соч. 60—64; *Эсхил*. *Хоэфоры*. 130 и след.; *Софокл*. Цит. соч. 341 и след., 379 и след., 516 и след.
- ¹¹ *Аполлодор*. Цит. соч. VI.24; *Эсхил*. *Евмениды*. 622, *Хоэфоры*. 269 и след.
- ¹² *Софокл*. Цит. соч. 36—37, 51—52; *Еврипид*. *Орест*. 268—270; *Эсхил*. *Хоэфоры*. 1038.
- ¹³ *Гомер*. Цит. соч. III.306 и след.; *Краткое содержание «Электры» Софокла*; *Аполлодор*. Цит. соч. VI.25.
- ¹⁴ *Эсхил*. *Хоэфоры*.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Гигин*. Цит. соч. 119; *Эсхил*. *Евмениды*. 592, *Хоэфоры*. 973 и след.
- ¹⁹ *Павсаний*. I.22.6.
- ²⁰ *Еврипид*. *Электра*.
- ²¹ *Софокл*. Цит. соч. 326, 417 и след., 47—50,1223 и схолии.
- ²² *Сервий*. *Комментарий к «Энеиде» Вергилия*. XI.268.

1) Это важный миф, имеющий несколько вариантов. Олимпийская религия возникла как компромисс между доэллиническим матриархальным и эллиническим патриархальным принципами, причем поначалу божественная семья состояла из шести богов и шести богинь. Неустойчивое равновесие сил сохранялось до тех пор, пока Афина не родилась повторно из головы Зевса, а Дионис не родился второй раз из бедра Зевса и не занял место Гестии в Совете богов (см. 27,к); с этих пор при любых спорах богов мужскому полу было гарантировано большинство голосов, причем на земле ситуация была аналогичной, а все изначальные prerogatives богинь оказались под угрозой.

2) Матрилинское наследование — это одна из аксиом, доставшаяся в наследство от доэллинической религии. Поскольку каждый царь обязательно был пришлым и царствовал благодаря своему браку с наследницей престола, дети в царских семьях воспитывались в духе почитания матери как оплота царства, а матереубийство считалось немислимым преступлением. Они воспитывались на мифах, где богиня-жена всегда предавала своего мужа-жреца, которого убивал танист и за которого убийце всегда мстил его сын. Они также знали, что сын никогда не наказывает изменницу-мать, имеющую ту же власть, что и богиня, которой она служит.

3) Древность мифа об Оресте доказывается его дружбой с Пиларом, причем отношения между ними полностью повторяют отношения между Тесеем и Пирифоем. В архаической версии Орест наверняка был фокейским принцем, предающим ритуальной смерти Эгисфа в конце седьмого года правления, и становился новым царем, женись на Хрисофемиде, дочери Клитемнестры.

4) Другие следы архаической устной традиции можно найти у Эсхила, Софокла и Еврипида. Эгисфа убивают во время праздника в честь богини смерти Геры, когда он срезает миртовые ветви, причем, как и бык Миноса, он погибает от жертвенного топора. То, что на одежде, в которой Килисса спасла Ореста, «были вышиты дикие звери», а также то, что его воспитатель был пастухом с реки Танаос, напоминает известный сюжет о сыне царя, которого завернутым в царские одеяния оставляют «на горе» на милость диких зверей. Затем он попадает к пастухам, и в конце концов его узнают по одеждам, как это происходит в мифе об Гиппофее (см. 49,f). Тот факт, что Килисса жертвует своим сыном, чтобы спасти сына царя, свидетельствует о том, что миф принадлежит той эпохе в истории религии, когда ребенок, заменяющий царя на жертвеннике, уже не принадлежал царскому роду.

5) Насколько можно верить основным сюжетным элементам, которые дошли до нас в пересказе аттических драматургов? Трудно поверить в то, что эринии случайно появляются в мифе, который, как и миф об Алкмеоне и Эрифиле (см. 107,d), вероятно, служил моральным предостережением сыну против малейшего непослушания, а тем более оскорбления матери словом или поступком, как трудно поверить и в то, что Орест убил Клитемнестру. В противном случае Гомер не преминул бы сообщить об этом и не называл бы его «богоподобным». Однако он

сообщает лишь о том, что Орест убил Эгисфа и одновременно справил поминки и по нему, и по своей «преступнице матери» (*Одиссея*. III.306 и след.). В «Паросской хронике» обвинение Ореста также не содержит упоминания о матерубийстве. Поэтому очень вероятно, что точнее всех в пересказе сюжета оказался Сервий, который пишет, что, убив Эгисфа, Орест передал Клитемнестру на суд афинских старейшин. Так же рекомендовал поступить Тиндарей в «Оресте» Еврипида (496 и след.). Однако отказ выступить на стороне матери, как бы коварно она себя ни вела, по древним представлениям был достаточным основанием для того, чтобы оказаться преследуемым эриниями.

6) Вероятно, этот миф, имевший широкое хождение, при возникновении семейных ссор ставил хозяйку очага столь высоко, что жрецы Аполлона и Афины, рожденной Зевсом (и предавшей прежнюю религию), решили выступить против него. В их варианте мифа Орест уже не предает Клитемнестру суду, а собственноручно убивает ее, после чего его оправдывает самый уважаемый суд в Греции. Это происходит благодаря поддержке Зевса и личному вмешательству Аполлона, который в другом случае подстрекал Алкмеона на убийство его матери Эрифилы, совершившей предательство. Жрецы хотели раз и навсегда покончить с религиозной аксиомой, в соответствии с которой материнство ставилось выше, чем отцовство.

7) В измененном варианте мифа эндогамия и патрилинейная система родства воспринимались как нечто само собой разумеющееся, а эринии потеряли свое былое значение. Электра (значение имени «янтарь» свидетельствует о ее принадлежности к патернальному культу гиперборейского Аполлона) выгодно отличается от Хрисофемиды, имя которой напоминает о том, что древнее понимание матриархальных законов было все еще живо повсюду в Греции, и чье «послушание» матери все еще воспринималось как благочестие. Электра, напротив, всем своим существом была на стороне отца, как и Афина, Зевсом рожденная. Более того, эринии всегда выступали только на стороне матери, поэтому Эсхил грешит против правды, когда говорит о вмешательстве эриний в отщипение отцовской крови (*Хозэфоры*. 283—284). Угроза Аполлона наслать на Ореста проказу, если тот не убьет свою мать, звучала очень смело: до этого считалось, что насылать и лечить проказу было монопольным правом Белой богини Лепрен, или Альфито (см. «Белая богиня»). В результате не все эринии признали решение Аполлона, которое тот объявил через Дельфийского оракула, а Еврипид потрафил

женской аудитории, позволив Диоскурам заметить, что решения Аполлона никогда не отличались мудростью (*Электра*. 1246).

8) Различные вариации в сцене узнавания Ореста Электрой, а также в том, каким образом Орест замышляет убить Эгисфа и Клитемнестру, интересны лишь в том смысле, что доказывают свободу, с какой драматурги классической эпохи обращались с традицией. Они просто создавали свой вариант древнего мифа, причем и Софокл и Еврипид пытались улучшить Эсхила, который впервые обратился к этому мифу, и сделать действие более правдоподобным.

[а] Микенцы, поддержавшие Ореста в его неслыханном поступке, не позволили захоронить тела Клитемнестры и Эгисфа в черте города, а только за городской стеной¹. Той же ночью Орест и Пилад остались сторожить могилу Клитемнестры, чтобы никто не посмел ограбить ее. Когда они стояли на страже, перед ними появились змееволосые и собакоголовые эринии с крыльями, как у летучих мышей, и громко щелкающими кнутами. Обезумев от их яростных нападков, от которых не спасал и роговой лук Аполлона, Орест пал без чувств на ложе и оставался на нем с закутанной в плащ головой в течение шести дней, не принимая еды и не умываясь.

[b] Прибывший к этому времени из Спарты Тиндарей обвинил Ореста в матерубийстве, призывая микенских старейшин выступить в качестве судей. Он потребовал, чтобы до решения суда никто не смел заговаривать ни с Орестом, ни с Электрой и не давать им ни крова, ни огня, ни воды. Оресту не дали даже обмыть перепачканные кровью руки. Вдоль микенских улиц стояли вооруженные жители, а сын Навплия Эакс обрадовался возможности выступить против детей Агамемнона².

[с] Тем временем Менелай, собрав свои богатства, высадился в Навплии, где рыбак рассказал ему о смерти Эгисфа и Клитемнестры. Он отправил Елену, чтобы та проверила в Микенах верность этого сообщения, однако сделал это ночью, чтобы родственники погибших под Троей не забросали ее камнями. Елена, стесняясь на людях скорбеть по своей сестре Клитемнестре, поскольку из-за ее неверности было пролито еще больше крови, попросила Электру, ухаживающую за беспомощным

Орестом: «Умоляю, племянница, возьми мои волосы и возложи их на могилу Клитемнестры, предварительно совершив возлияние в честь ее духа». Электра, увидев, что из-за своего тщеславия Елена срезала только самые кончики волос, отказалась выполнить ее просьбу. «Отправь вместо себя свою дочь Гермioniу» — был ее ответ. После этих слов Елена позвала Гермioniу из дворца. Девочке было всего девять лет, когда ее мать бежала с Парисом, а с началом Троянской войны Менелай оставил ее на попечение Клитемнестры. Тем не менее долгая разлука не помешала ребенку сразу же узнать мать и послушно исполнить все, о чем ее попросили³.

[d] В это время во дворце появился Менелай, приветствуемый своим приемным отцом Тиндареем. Тиндарей был в глубоком трауре и потребовал, чтобы Менелай не смел ступить на спартанскую землю, не наказав своих преступных племянника и племянницу. Он считал, что Оресту достаточно было позволить своим согражданам изгнать Клитемнестру. А если бы они потребовали ее смерти, ему следовало бы встать на защиту матери. Дело же повернулось так, что теперь хочешь не хочешь, а и Ореста и Электру, подговорившую своего брата на убийство, следовало забросать камнями.

[e] Боясь обидеть Тиндарея, Менелай добился от суда нужного приговора. Но красноречивые мольбы Ореста, который присутствовал на суде и чувствовал поддержку Пилада (за участие в убийстве от него отказался его отец Строфий), заставили суд изменить решение и приговорить его к самоубийству. Из суда Ореста увел Пилад, благородство которого не позволило ему покинуть Ореста и Электру, с которой он был обручен. Он же предложил: раз уж им втроем суждено умереть, то сначала лучше покарать за трусость и измену Менелая, убив Елену, из-за которой на них свалилось столько бед. Электра осталась за городской стеной, вынашивая свой собственный план — перехватить Гермioniу, возвращающуюся с могилы Клитемнестры, и оставить ее заложницей, заставив тем самым Менелая поступать так, как ей было нужно. В это время Орест и Пилад, скрывая под одеждой мечи, вошли во дворец и, притворившись просителями, спрятались у главного алтаря. Елена, сидевшая за прялкой и занятая изготовлением красного одеяния, которое она в качестве дара хотела возложить на могилу Клитемнестры, была обманута их громкими причитаниями и вышла, чтобы позвать их во дворец. Тут Орест и Пилад обнажили мечи, и, пока Пилад старался прогнать ее фригийских рабов, Орест попытался убить Елену. Но Аполлон

по воле Зевса спрятал ее в облако и отнес на Олимп, где она стала бессмертной и вместе со своими братьями Диоскурами покровительствовала попавшим в беду морякам⁴.

[f] Тем временем Электра захватила Гермину, отвела ее во дворец и закрыла дворцовые ворота. Менелай, видя, что его дочери угрожает смерть, распорядился, чтобы ее немедленно спасли. Его люди выломали ворота в тот момент, когда Орест был уже готов поджечь дворец, убить Гермину, а сам погибнуть от меча или огня. Но тут явился Аполлон, вырвал факел из его рук и прогнал воинов Менелая. В благоговейной тишине, вызванной его присутствием, Аполлон повелел Менелаю найти себе другую жену, обручить Гермину с Орестом, а самому возвратиться и править Спартой. Убийство Клитемнестры не должно его больше заботить, коль скоро вмешались боги⁵.

[g] С лавровой ветвью, увитой шерстью, и венком, которые были признаком того, что он находился под защитой Аполлона, Орест отправился в Дельфы, все еще преследуемый эриниями. Пифийская жрица пришла в ужас при виде Ореста, распростертого в позе просителя на мраморном омфале, перепачканном кровью с его неомытых рук, и страшных черных эриний, спящих рядом с ним. Однако Аполлон убедил жрицу, что он обещал выступить на стороне Ореста, которому повелел мужественно встретить все муки. После положенного ему изгнания Орест должен был отправиться в Афины и молить древнее изваяние Афины, которая, как предсказали Диоскуры, защитит его своей горгоноликой эгидой и снимет висящее над ним проклятье⁶. Пока эринии крепко спали, Орест бежал от них, ведомый Гермесом, однако тут же явился дух Клитемнестры, разбудил эриний и напомнил им, что это из ее рук они часто получали возлияния и что именно она устраивала для них мрачные полуночные пиршества. После этих слов они возобновили свое преследование, невзирая на угрозы Аполлона уничтожить их всех⁷.

[h] Изгнание Ореста продолжалось год, по истечении которого убийца мог опять появиться среди своих сограждан. Он бродил по разным землям, плавал по разным морям, преследуемый неустанными эриниями, неоднократно подвергал себя очищению свиной кровью и проточной водой, однако все эти обряды держали его мучительниц на расстоянии всего на час-два, и вскоре он стал терять рассудок. Поначалу Гермес препроводил его в Трезен, где тот остановился в месте, которое теперь известно как *хижина Ореста*. Она располагалась как раз напротив

святилища Аполлона, и девять трезенцев совершили над ним очистительный обряд на священной скале неподалеку от храма Волчьей Артемиды. В обряде они использовали воду из источника Гиппокрены и кровь жертвенных животных. Древнее лавровое дерево растет на том месте, где затем были погребены жертвы, а потомки этих девятиерых мужчин до сих пор ежегодно пируют в этой хижине в определенный день⁸.

[i] Напротив острова Краная, в трех стадиях от Гитиона, есть нерукотворный камень, водворенный здесь в честь Зевса Избавителя, на котором восседал Орест, избавленный на время от помешательства. Говорят, что его подвергали очистительному обряду в семи ручьях близ италийского Регия, где он построил храм, в трех притоках фракийского Гебра и в Оронте, текущем в Антиохии⁹.

[j] Если пройти семь стадий по дороге из Мегалополя в Мессену, то слева находится святилище богинь безумия — так звали эриний, приведших Ореста к неистовому приступу безумия. Кроме того, там находится небольшой курган, увенчанный каменной колонной и известный как *могила пальца*. Она отмечает то место, на котором Орест с отчаяния откусил себе палец, чтобы умиловить черных богинь, тогда по крайней мере некоторые из них изменили свой цвет на белый и безумие отступило от него. После этого он побрил голову в соседнем святилище Аке и принес умиловительную жертву черным богиням и благодарственную жертву белым. Сейчас существует обычай приносить жертвы одновременно белым богиням и харитам¹⁰.

[k] Затем Орест поселился среди азанов и аркадцев Паррасинской долины, которая, вместе с соседним городом, некогда называвшимся Орестасием в честь своего основателя Орестея, сына Ликаона, стала называться Орестейон. Некоторые, правда, говорят, что Орестейон когда-то назывался Азания, а сам Орест поселился в тех краях после посещения Афин. Есть и такие, кто считает, что он провел год ссылки в Эпире, где основал город Орестов Аргос. Там же его именем были названы Оресты Парореи, т. е. те жители Эпира, которые обитали у подножия Иллирийских гор¹¹.

[l] По прошествии года Орест отправился в Афины, которыми в то время управлял его родственник Пандион или, как считают некоторые, Демофонт. Направившись сразу же к храму Афины, расположенному на Акрополе, он сел и обнял изваяние богини. Вскоре там же появились запыхавшиеся эринии, которые потеряли Ореста из виду, когда он пересек Истм. Если во время первого посещения никто не хотел принимать

Ореста, полагая, что его ненавидят боги, то сейчас некоторые уже набрались смелости пригласить его к себе, посадить за отдельный стол и напоить вином из отдельного кубка¹².

[m] К эриниям, которые уже начали убеждать афинян в виновности Ореста, присоединился Тиндарей с внучкой Эригоной, дочерью Эгисфа и Клитемнестры. Некоторые, правда, говорят, что с ним был двоюродный брат Клитемнестры Перилей, сын Икария. Но, находившаяся в Скамандре (незадолго до этого отвоеванном афинянами у троянцев), Афина услышала мольбы Ореста. Она поспешила в Афины, призвала к присяге старейшин города и созвала ареопаг, чтобы тот рассмотрел второе за все время дело об убийстве¹³.

[n] Суд состоялся как положено. Аполлон предстал в качестве защитника, а старшая из эриний — обвинительницей. В яркой речи Аполлон отрицал значение материнства, утверждая, что женщина не более чем борозда, в которую муж бросает семя, что содеянное Орестом имеет достаточно оправданий, поскольку лишь отец достоин называться родителем. Когда голоса разделились, Афина приняла сторону отца и отдала свой голос в защиту Ореста. Орест, оправданный с таким почетом, радостный вернулся в Арголиду, поклявшись до конца дней своих оставаться верным союзником афинян. Эринии, однако, оплакивали такое попрание древнего закона молодым поколением богов, а Эригона повесилась, посчитав себя униженной¹⁴.

[o] О том, что случилось с Еленой, есть три противоречивых свидетельства. Первое утверждает, что, как и предсказал Протей, она вернулась в Спарту и жила там с Менелаем в мире, согласии и довольстве до самого того дня, когда они — рука об руку — отправились на Острова Блаженных. Согласно второму свидетельству, она вместе с Менелаем оказалась в Тавриде, где Ифигения принесла их обоих в жертву Артемиде. А третье говорит, что Поликсо, вдова родосского царя Тлеполема, отомстила за смерть своего мужа, повесив Елену с помощью своих служанок, переодетых эриниями¹⁵.

¹ Павсаний. II.16.5.

² Еврипид. Орест.

³ Гомер. Одиссея. III.306 и след.; Аполлодор. Эпитома. III.3; Еврипид. Цит. соч.

⁴ Еврипид. Там же.

⁵ Там же.

- ⁶ *Гилл.* Мифы. 119; *Эсхил.* Хозфоры. 1034 и след., Евмениды. 34,64 и след., 166—167; *Еврипид.* Электра. 1254—1257.
- ⁷ *Эсхил.* Евмениды. 94 и след., 106—109, 179 и след.
- ⁸ *Асклепиад.* Цит. по: Схолии к «Оресту» Еврипида. 1645; *Эсхил.* Там же. 235 и след., 445 и след.; *Павсаний.* II.31.7,11.
- ⁹ *Павсаний.* III.22.1; *Лампридий.* Жизнь Гелиогабала. VII.809.
- ¹⁰ *Павсаний.* VIII.34.1—2.
- ¹¹ *Еврипид.* Орест. 1654—1657, Электра. 1254 и след.; *Павсаний.* VIII.3.1; *Стефан Византийский* под словом *Azania*; *Страбон.* VII.7.8.
- ¹² Схолии к «Всадникам» Аристофана. 95; Ахарняне. 960; Паросская хроника. 40 и след.; *Еврипид.* Ифигения в Тавриде. 947 и след.
- ¹³ *Аполлодор.* Цит. соч. VI.25; *Павсаний.* VIII.34.2; *Эсхил.* Цит. соч. 397, 410 и след., 681 и след.
- ¹⁴ *Еврипид.* Цит. соч. 961 и след.; *Эсхил.* Цит. соч. 574 и след., 734 и след., 778 и след.
- ¹⁵ *Гомер.* Цит. соч. IV.561; *Павсаний.* III.19.10.

1) Предание о том, что эринии Клитемнестры свели с ума Ореста, нельзя считать простой выдумкой аттических драматургов: оно уже в древнюю эпоху имело широкое хождение не только в материковой Греции, но и на островах. Как преступление Эдипа (за которое его довели до смерти эринии) заключалось не в том, что он убил свою мать, а в том, что он случайно стал причиной ее самоубийства (см. 105,к), так и Ореста считали убийцей, из-за того что он не исполнил сыновнего долга и не помешал микенцам привести в исполнение смертный приговор. По-видимому, суд легко менял свое мнение, так как Менелай и Тиндарей склонили его к вынесению смертного приговора Оресту.

2) Эринии — это олицетворение мук совести, которые и сейчас, в языческой Меланезии, способны убить человека, ненароком или случайно нарушившего табу. Такой человек или сходит с ума и бросается вниз головой с кокосовой пальмы, или, как Орест, заматывает голову и отказывается есть и пить, пока не умрет с голоду. И так было даже в тех случаях, когда никто, кроме самого виновника, не знал о проступке. Если бы не своевременное появление Анании, то аналогичная судьба ожидала бы и Савла (Деян. 9:9 и след.). Обычно в Греции, чтобы смыть с себя вину за пролитую кровь человека, приносили в жертву свинью, а пока дух убитого жадно пил свиную кровь, убийца омывался в проточной воде, брил голову, стремясь изменить внешний вид, и отправлялся

на год в изгнание, чтобы окончательно сбить со следа мстительного духа. Пока человек не совершит такой очистительный обряд, соседи избегают его как приносящего несчастье и не позволяют ему переступить порог дома или делить с ними трапезу, боясь оказаться причастными к его бедам. Кроме того, убийца должен был считаться с родственниками убитого, чей дух мог потребовать отмщения. Пролитие материнской крови было сопряжено с таким сильным проклятием, что здесь уже не годились обычные средства очищения. Не решаясь на самоубийство, убийца шел даже на такую крайность, как откусывание пальца. В случае с Орестом такое членовредительство помогло ему лишь частично. Чтобы умиловить обиженную Геру, Геракл тоже лишает себя пальца, который, как сообщается, был потерян во время схватки с Немейским львом (см. 123,е). В некоторых районах южных морей существует обычай отрубать фалангу пальца, когда умирает кто-нибудь из родственников естественной или насильственной смертью. В «Евменидах» (397 и след.) Эсхил, очевидно, затушевывает предание о том, что Орест бежал в Троаду, где жил, оставленный эриниями, под защитой Афины на острове, появившемся на реке Скаандр от наносов ила и земли, а потому свободном от проклятия (см. 107,е). Иначе вообще непонятно, почему стоило упоминать Троаду.

3) Использование вина вместо крови в жертвенных возлияниях, а также принесение в жертву прядей волос вместо бритья головы являются дополнениями классической эпохи к обряду умиротворения, значение которого уже забывалось. К примеру, современный обычай носить в знак траура черную одежду в сознании уже не связывается с древним желанием обмануть духов, изменив свой обычный вид.

4) Придуманное Еврипидом описание событий, происшедших с Еленой и Менелаем после их возвращения в Микены, не содержит мифических элементов, если не считать драматический апофеоз Елены. При этом Елена как луна-богиня была покровительницей моряков задолго до того, как божественные близнецы превратились в созвездие. Как и Эсхил, Еврипид пропагандировал совершенно определенную религиозную доктрину. Оправдание Ореста есть свидетельство окончательного триумфа патриархата, причем суд происходит в Афинах, где Афина — бывшая ливийская богиня Нейт или палестинская Аната, считавшаяся верховным матриархом, а теперь повторно рожденная из головы Зевса и, по свидетельству Эсхила, не признававшая божественной матери, — оправдывает человека, своими руками убившего мать. Афинские драматурги

знали, что эта революционная тема не могла быть воспринята нигде, кроме Афин. Вот почему Еврипид заставляет представляющего Спарту Тиндарея страстно желать смерти Ореста, а Диоскуров — винить Аполлона в том, что тот поддержал преступление.

5) Имя Ореста, означающее «горец», связывает его с дикими гористыми районами Аркадии, которую вряд ли мог посетить царь Микен.

6) Существование нескольких рассказов о смерти Елены имеет свои причины. В первом делается попытка объяснить культ Елены и Менелая в Терапне, второй — театрализованный вариант рассказа о том, как Орест посетил тавров (см. 116,а—g), а третий свидетельствует о родосском культе Елены Дендритис (Елена Древесная), которая является таким же персонажем, что и Ариадна или вторая Эригона (см. 79,2; 88,10). Эта Эригона тоже была повешена.

[a] В благодарность за оправдание Орест поставил алтарь в честь воительницы Афины, но эринии пригрозили, что, если решение суда не будет пересмотрено, они сделают так, что капля крови из их сердец падет на землю, отчего почва станет бесплодной, урожай погибнет, а у афинян не будет детей. Однако Афине удалось остудить их гнев, прибегнув к лести: убедив их в том, что они намного умнее ее, она предложила им поселиться в гроте в Афинах, куда будет стекаться такое количество паломников, о котором они не могут и мечтать. Кроме того, им должны принадлежать все алтари при очагах, поставленные божествам преисподней, а также все возлияния без применения вина, все возлияния при факелах, первые плоды, приносимые богам после совершения брака и рождения детей, и, кроме того, им должны принадлежать места в храме Эрехтея. Если они примут ее предложение, то она объявит, что ни один дом не будет процветать, если в нем не поклоняются эриниям. В ответ эринии должны обеспечивать попутные ветры ее судам, плодородие землям, детей супругам, поражение всем нечестивым и постоянные победы Афин в войнах. После короткого обсуждения эринии с радостью приняли все предложения Афины.

[b] С выражением благодарности, наилучшими пожеланиями, а также поставив обереги против суровеев, засух, неурожаев и бунтов, эринии, к которым отныне следовало обращаться со словом «благомыслящие», попрощались с Афиной и в сопровождении ее народа, устроившего факельное шествие с участием юношей, замужних женщин и старух (одетых в красные одежды и несших древнее изваяние Афины), отправились

к глубокому гроту, расположенному в юго-восточном углу ареопага. Затем в их честь были совершены соответствующие жертвоприношения, и они спустились в грот, который с этих пор стал и прорицалищем, и, как святилище Тесея, убежищем для всех просителей¹.

[с] Однако щедрое предложение Афины приняли только три эринии, а остальные продолжили преследование Ореста. Некоторые считают даже, что «благомыслящие» никогда не были эриниями. Имя Евмениды эриниям впервые дал Орест через год после своих невероятных приключений в Херсонесе Таврическом, когда он окончательно умилил эриний, будучи в Карнее, где сжег в их честь черную овцу. Евменидами их называли и в Колоне, где никто не мог входить в их древнюю священную рощу, и в ахейской Керинее, где Орест в конце своей жизни построил для них святилище².

[d] В гроте Евменид в Афинах, куда не допускались только те, кого преждевременно оплакали как мертвых, три их изваяния были не страшнее стоявших рядом богов преисподней, а именно Гадеса, Гермеса и матери-Земли. Здесь все, кого ареопаг посчитал невиновными в убийстве, должны были принести жертву черного цвета. В соответствии с обещанием Афины «благомыслящим» приносили и множество других жертв, причем каждой из них посвящалась одна из трех ночей каждого месяца, во время которой ареопаг рассматривал дела об убийстве³.

[e] Все обряды, связанные с «благомыслящими», совершались молча. Жрецы, отправляющие культ эриний, традиционно принадлежали роду Гесихидов, которые, прежде чем принять жреческий сан, приносили в жертву своему предку Гесиху барана у посвященного ему святилища, расположенного у Девяти Врат⁴.

[f] Очаг-алтарь, посвященный «благомыслящим», существовал также во Флии, небольшом аттическом городке, а в Титане, что на противоположном берегу реки Асоп, им была посвящена рощица вечнозеленых дубов. Во Флии на ежегодном празднике приносилась в жертву овца накануне окота, для возлияний использовался медовый напиток, а вместо обычных миртовых венков — цветы. Похожие обряды совершались перед алтарем богинь судьбы, который стоял в дубовой роще, открытый дождям и ветрам⁵.

¹ Павсаний. I.28.5—6; Порфирий. О пещере нимф. 3; Еврипид. Электра. 1272; Аристофан. Всадники.1312; Эсхил. Евмениды. 778—1047.

² Еврипид. Ифигения в Тавриде. 968 и след.; Филемон Комедиограф. Цит. по: Схолии к «Эдипу в Колоне» Софокла. 42; Краткое содержание к «Евменидам» Эсхила; Павсаний. VII.25.4; Софокл. Эдип в Колоне. 37,42—43.

³ Гесихий под словом *Deuteropotmoi*; Полемон. Цит. по: Схолии к Софоклу. Цит. соч. 89; Павсаний I.28.6; Схолии к «Против Тимарха» Эсхила. I.188; Лукиан. О доме. 18; Эсхил. Евмениды. 705.

⁴ Гесихий под словом *Hesychidae*.

⁵ Павсаний. I.31.2, II.11.4.

1) «Кровь из сердца» эриний, которой угрожали Аттике, вероятно, есть не что иное, как эвфемизм, означавший менструальную кровь. С незапамятных времен ведьмы, желавшие проклясть дом, поле или коровник, обнаженными обегали вокруг него против движения солнца девять раз во время месячных. Такое колдовство во время лунного затмения считалось очень опасным для урожая, скота и детей, а когда колдуньей была девушка, у которой месячные появлялись впервые, то считалось, что такое проклятие обязательно сбудется.

2) Филемон Комедиограф поступает правильно, сомневаясь в наличии связи между «благомыслящими» и эриниями, на которой настаивали афиняне. Самые авторитетные источники говорят, что было всего три эринии: Тисифона, Алекто и Мегара (см. 31,8), — постоянно пребывавшие в Эребе, а не в Афинах. У них были собачьи головы, крылья летучей мыши и змеи вместо волос. Однако, как указывает Павсаний, «благомыслящие» изображались в виде величественных матрон. Предложение Афины было совсем не таким, каким его изобразил Эсхил. Это был ультиматум жрецов Зевсорожденной Афины, предъявленный жречеству «благомыслящих», т. е. древней афинской женской триаде: если они не примут нового взгляда на отцовство как стоящее выше материнства и не согласятся разделить свой грот с такими богами преисподней, как Гадес и Гермес, то им вообще не станут поклоняться и они тем самым лишатся приношений в виде первых плодов.

3) Преждевременно оплаканные люди не имели права входить в грот богинь преисподней, чтобы не вызвать гнев этих богинь за то, что обещанный им человек все еще ходит по верхнему миру. Аналогичные традиции существовали в Индии: если человек приходил в себя после состояния, похожего на смерть, по дороге к погребальному костру, то ему отказывали в праве на существование. И он вынужден был пробираться

в тюремную колонию смертников, как об этом писал Редьярд Киплинг. Вечнозеленый дуб, который также называют кермесоносным, поскольку на нем появляются «кермесовые ягоды» (личинки кошенили), из которых греки получали ярко-красный краситель, считался деревом таниста, убивавшего царя-жреца. Поэтому посвящение такой дубравы «благомыслящим» вполне обоснованно. Приношения в виде еще не окотившейся овцы, меда и цветов были призывом к «благомыслящим» пощадить стада в период окота, оказать благотворное влияние на пчел и сделать более тучными пастбища.

4) Эринии продолжали преследование Ореста, несмотря на вмешательство Афины и Аполлона. Из этого можно сделать вывод, что в первоначальном варианте мифа он отправился в Афины и Фокиду для совершения обряда очищения, но безуспешно. Аналогичным образом в мифе об Эрифиле Алкмеон безуспешно отправлялся в Псофиду и Феспотию. Поскольку об Оресте не говорится, что он нашел покой на каком-то острове, намытом рекой (см. 107,е), если, конечно, не считать упоминания Скамандра (см. 114,2), то, вероятно, свою смерть он встретил в Херсонесе Таврическом или в Бравроне (см. 116,1).

[a] Все еще преследуемый эриниями, оставшимися глухими к красноречию Афины, отчаявшийся Орест отправился в Дельфы, где распростерся на полу храма и произнес, что лишит себя жизни, если Аполлон не спасет его от бичей эриний. В ответ пифийская жрица повелела ему отправиться в плавание по Босфору и пересечь Понт Эвксинский с юга на север, предсказав, что его невзгоды закончатся, когда он похитит древнюю деревянную статую Артемиды из храма, расположенного в Херсонесе Таврическом, и привезет эту статую в Афины или, как утверждают некоторые, в Арголиду¹.

[b] В то время царем тавров был быстроногий Фоант, сын Диониса и Ариадны и отец Гипсипилы. Таврами его народ звали потому, что однажды Осирис запряг быков (*tauroi*) и вспахал на них их землю, а происходил этот народ от скифов². Они и сейчас живут грабежом, как и во времена Фоанта. Если кто-либо из воинов-тавров захватывал пленника, то собственноручно обезглавливал его, нес голову домой и сажал ее на длинный шест над дымоходом, чтобы его домашние могли жить под защитой убитого. Более того, любой потерпевший кораблекрушение или укрывшийся в бурю у их берегов моряк приносился публично в жертву Артемиде Таврической. Совершая подготовительные обряды, они убивали пленника дубиной, отрубленную голову прибавляли к столбу, а тело или погребали, или бросали в море со скалы, на которой стоял храм Артемиды. Если же в их руки попадал пленник, принадлежавший к царскому роду, то его убивала мечом девственница — жрица богини, — и швыряла труп в священный огонь, пробивавшийся навверх из Аида

на принадлежавшем храму участке. Некоторые, правда, утверждают, что эта жрица руководит обрядами, предварительно приносит очистительную жертву и срезает волосы у жертвы, но не убивает самого пленника. Древняя статуя богини, которую пифийская жрица повелела выкрасть Оресту, упала с небес, а храм, в котором она находилась, опирался на мощные колонны. В него вели сорок ступеней, а на беломраморном алтаре никогда не высыхала кровь³.

[с] У Артемиды Таврической было несколько греческих эпитетов: например, Артемида *Тавропола*, или *Тавропольская*, Артемида *Диктинна*, Артемида *Ортия*, *Фоантея*, *Геката*; для латинян она была *Тривией*⁴.

[d] Ифигения, которая, как известно, была спасена с жертвенника в Авлиде Артемидой, окутана облаком и перенесена в Херсонес Таврический, сразу стала там верховной жрицей, и лишь ей одной позволялось прикасаться к священной статуе. После этого тавры называли ее Артемидой, Гекатой или Орсилохой. Ифигения чувствовала отвращение к человеческим жертвам, но смиренно подчинялась богине⁵.

[e] Орест и Пилад ничего об этом не знали. Они продолжали верить, что Ифигения умерла под жертвенным ножом в Авлиде. Тем не менее они направлялись к стране тавров на пятидесятивесельном корабле, который по прибытии поставили на якорь и оставили под охраной гребцов, а сами спрятались в прибрежной пещере. Они намеревались подождать до темноты и под покровом ночи проникнуть в храм, но их сразу же заметили легковверные пастухи и, решив, что перед ними Диоскуры или двое других бессмертных, молитвенно пали ниц. В этот момент Орест вновь потерял рассудок, начал мычать, как бык, и лаять, как собака. Приняв стадо бычков за эриний, он выбежал из пещеры с мечом в руке, намереваясь изрубить их. Разочарованные пастухи легко одолели двух друзей, и те по приказу Фоанта были отправлены в храм, где их немедленно должны были принести в жертву богине⁶.

[f] Во время исполнения предварительных обрядов Орест сумел поговорить по-гречески с Ифигенией. Брат и сестра узнали друг друга, а услышав о причине приезда Ореста, Ифигения спустила деревянный кумир вниз, чтобы Орест смог его унести. Тут неожиданно явился Фоант, желая узнать, что задерживает жертвоприношение, но находчивая Ифигения притворилась, будто успокаивает статую. Она объяснила Фоанту, что богиня отвратила свой взгляд от жертв, которых он прислал, поскольку один из присланных — матереубийца, а второй подстрекал его на это.

Поэтому оба не годятся для принесения в жертву. Она должна взять обо-их молодых людей и статую, которую они осквернили своим присутстви-ем, для омовения в море, а богине принести в жертву барашков при свете факелов. Сам же Фоант должен очистить храм от скверны с помощью факела, закрыть голову, а когда появятся чужеземцы, приказать всем оста-ваться дома, чтобы избежать осквернения.

[g] Фоант, обманутый Ифигенией, какое-то время стоял, поражен-ный ее пронизательностью, а затем приступил к очищению храма. Тем временем Ифигения, Орест и Пилад, освещая путь факелами, отнесли изваяние на морской берег, но не для омовения, а для того, чтобы, не теряя времени, погрузить его на корабль. Храмовые служители-тавры, отправившиеся с ними, почувствовали предательство, и началась битва. В яростной схватке они были побеждены, и гребцы Ореста налегли на весла. Налетевший ветер чуть было не бросил корабль на скалистый берег, но по просьбе Афины Посейдон успокоил море, и подгоняемый попутным ветром корабль вскоре оказался у острова Сминфий.

[h] Это был родной остров Хриса, жреца Аполлона, где сейчас жил его внук, которого звали так же. Его мать Хрисеида предложила выдать беглецов Фоанту. И хотя многие утверждали, что Афина посетила Фоан-та, собиравшего флот в погоню за беглецами, и так обольстила его, что тот даже согласился отпустить гречанок-рабынь Ифигении, его появление у Сминфия не обещало ничего хорошего. Хрис-старший, узнав, какие гости посетили его остров, открыл Хрису-младшему, что тот не является, как об этом твердит Хрисеида, сыном Аполлона и что настоящий его отец — Агамемнон, а это значит, что он — сводный брат Ореста и Ифигении. После этих слов Хрис и Орест плечом к плечу выступили против Фоан-та, павшего от их рук, а Орест, захватив с собой статую, благополучно приплыл в родные Микены, где эринии наконец оставили его в покое⁷.

[i] Правда, одни говорят, что буря отнесла Ореста на Родос, где, согласно оракулу Гелиоса, он установил статую богини на городской сте-не. Другие утверждают, что, поскольку Аполлон повелел ему привезти статую в Аттику, Афина посетила его на Сминфий и велела установить изваяние в пограничном городе Бравроне: оно должно находиться в храме Артемиды Таврополы и умиляться кровью из человеческого гор-ла. Ифигению Афина назначила жрицей этого храма, ставшего ее при-бежищем до конца дней. Кроме того, ей полагалось дарить одежды бо-гатых женщин, умерших при родах. Согласно этому источнику, корабль Ореста достиг Браврона, где Ифигения установила изваяние, а на время

строительства храма отправилась с Орестом в Дельфы. В дельфийском святилище она встретила Электру и вернула ее в Афины, чтобы выдать замуж за Пилада⁸.

[j] В Бравроне до сих пор еще показывают так называемую «настоящую» деревянную статую Артемиды Таврической. Кое-кто, правда, говорит, что это всего лишь копия, а оригинал захватил Ксеркс во время своего неудачного похода на Грецию и установил его в Сусах. После этого, добавляют они, сирийский царь Селевк подарил статую лаодикийцам, и они поклоняются ей по сей день. Есть и такие, кто считает, что Ксеркс тут ни при чем, а просто Орест, возвращаясь домой из Херсонеса Таврического, попал в бурю, которая отнесла его к местности, называемой сейчас Селевкия, где он и оставил изваяние, и что местные жители в честь Ореста переименовали гору Мелантий, где безумие окончательно его оставило, в гору Аманон, что значит «небезумный». Но лидийцы, у которых есть святилище Артемиды Анаитиды, также претендуют на обладание статуей. На том же настаивают и жители каппадокийской Команы. Такое название город получил в связи с обычаем в знак траура распускать волосы (*comai*), который ввел здесь Орест, когда утвердил в Каппадокии культ Артемиды Таврополы⁹.

[k] Некоторые говорят, что Орест спрятал статую в вязанке прутьев и отвез ее в италийскую Арицию. Там он умер и был погребен, а его останки позднее перенесли в Рим. В дальнейшем из Ариции статую отправили в Спарту, потому что спартанские обряды раздражали римлян своей жестокостью. Статуя была установлена в святилище Артемиды Ортии¹⁰.

[l] Однако спартанцы утверждают, что статуя принадлежала им задолго до основания Рима и что Орест принес ее с собой, когда стал их царем. Она была спрятана в зарослях ивы, и спустя столетия уже никто не знал, где она находится. Но однажды Астрабак и Алопек, два принца, принадлежащие местному царскому дому, забрели в эти заросли и потеряли рассудок при виде этого мрачного деревянного кумира, который стоял, поддерживаемый сплетенными ветками. Отсюда и произошло его название: Ортия и Лигодесма^{93*}.

[m] Стоило только статуе появиться в Спарте, как между соперничавшими поклонниками Артемиды, приносившими вместе жертвы на ее

^{93*} Ортия — «прямостоящая» (греч. *orthia*); Лигодесма — «обвязанная ивой» (греч. *lygos* — «ива» + *desmos* — «привязь»).

алтарь, возникла ужасная ссора: многие были убиты, а оставшиеся в живых спустя некоторое время умерли от чумы. Тогда оракул посоветовал спартамцам умилоствить кумира, окропив алтарь человеческой кровью. Жребий назвал жертву, которая и была принесена богине. Этот обряд исполнялся потом ежегодно до тех пор, пока царь Ликург, ненавидевший человеческие жертвы, не запретил его, повелев вместо этого сечь юношей на алтаре до тех пор, пока от алтаря не пойдет запах крови¹¹. Раз в год между спартанскими мальчиками велось соревнование: кто больше выдержит ударов. Жрица Артемиды стояла рядом с кумиром в руках. И хотя он был небольшим и легким, но приобрел такое пристрастие к крови со времен принесения ему человеческих жертв таврами, что даже сейчас, если кто-либо из поровших жалел мальчиков благородного происхождения или отличавшихся особой красотой, кумир наливался тяжестью и с трудом удерживавшая его жрица кричала: «Бейте сильней, а не то я его не удержу!»¹²

[п] Вряд ли следует верить рассказу о том, что Елена и Менелай отправились на поиски Ореста и, появившись среди тавров сразу после бегства Ореста, были принесены в жертву богине Ифигенией.

¹ *Аполлодор*. Эпитома. VI.26; *Еврипид*. Ифигения в Тавриде. 77, 970 и след.; *Гигин*. Мифы.

² *Еврипид*. Там же. 32; *Аполлодор*. Там же. VI.26.

³ *Геродот*. IV.103; *Овидий*. Письма с Понта. III.2.45 и след.; *Аполлодор*. Там же. VI.26; *Еврипид*. Там же. 40 и след., 88.

⁴ *Диодор Сицилийский*. IV.44.7; *Софокл*. Аякс. 172; *Павсаний*. I.23.9; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. II.116; *Валерий Флакк*. VIII.208; *Овидий*. Ибис. 384, Письма с Понта. III.2.71; Орфическая аргонавтика. 1065.

⁵ *Еврипид*. Цит. соч. 784, 1045; *Овидий*. Письма с Понта. III.2.45 и след.; *Геродот*. IV.103; *Гесиод*. Каталог женщин. Цит. по: *Павсаний*. I.43.1; *Аммиан Марцеллин*. XXII.8.34.

⁶ *Гигин*. Цит. соч. 120; *Аполлодор*. Цит. соч. VI.27. *Овидий*. Письма с Понта. Цит. соч.; *Гигин*. Цит. соч.; *Еврипид*. Цит. соч. 1037 и след.

⁷ *Гигин*. Цит. соч. 120, 121; *Еврипид*. Цит. соч. 1435 и след.; *Гигин*. Цит. соч. 121.

⁸ *Аполлодор*. Цит. соч. VI.27; *Еврипид*. Цит. соч. 89—91, 1446 и след.; *Павсаний*. I.33.1; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 1374.

⁹ *Павсаний*. I.23.9, III.16.6, VIII.46.2; *Цец*. Цит. соч.; *Страбон*. XII.2.3.

¹⁰ Сервий. Цит. соч. II.116, VI.13; Гигин. Цит. соч. 261.

¹¹ Павсаний. III.16.6—7.

¹² Гигин. Цит. соч. 261; Сервий. Цит. соч. II.116; Павсаний. Цит. соч.

1) В этом сюжете со всеми его вариантами проявилось стремление мифографов скрыть некоторые варварские обычаи. Среди элементов, не нашедших отражения в сюжете, можно назвать месть Артемиды Агамемнону за убийство Ифигении и месть Эакса также Агамемнону за убийство его брата Паламеда. Первоначально миф должен был звучать примерно так. Вожди племен, такие же, как сам Агамемнон, уговорили его предать смерти Ифигению как колдунью, когда поход греков против Трои задерживался в Авлиде из-за встречного ветра. Артемиды, жрицей которой была Ифигения, оплатила Агамемнону за нанесенное ей оскорбление: она помогла Эгисфу занять трон Агамемнона и убить его по возвращении домой. По ее совету Эакс предложил Оресту отправиться на землю, недавно отвоеванную у реки Скамандр, и тем самым спастись от преследования эриний, поскольку на этой земле Орест окажется под защитой Афины (см. 115,4). Однако вместо этого Эакс отправился в Браврон, где Ореста приняли как ежегодную жертву фармака («козел отпущения», искупавший вину жителей своей смертью) и дева-жрица Артемиды перерезала ему горло. Поэтому при встрече в Дельфах Эакс не солгал Электре, сказав, что Ореста принесла в жертву *Ифигения*, так как это имя могло быть одним из титулов Артемиды (см. 117,1).

2) Патриархальные греки более позднего времени, вероятно, уже не могли принять этот миф, вариант которого, где объектом мести Артемиды вместо Ореста становится Менелай, сохранился у Фотия. Они сняли с Агамемнона вину за убийство и скрыли то, что Артемиды противилась воле Зевса, заявив, что богиня, конечно же, спасла Ифигению и сделала ее жрицей обряда жертвоприношений не в Бравроне, а среди диких тавров, за действия которых они уже никакой ответственности не несли. И конечно же, она не могла убить Ореста или любого другого грека, которого прочили в жертву, а, наоборот, помогла ему привезти принадлежавшую таврам статую в Грецию, как повелел Аполлон.

3) Такой спасительный для репутации греков вариант, испытавший на себе влияние мифа о плавании Ясона по Понту Эвксинскому (у Сервия Орест похищает статую в Колхиде, а не в Херсонесе Таврическом),

объясняет существование в Бравроне обряда перерезания горла человеку. Он постепенно вытесняется обрядом орошения алтаря каплей крови из небольшой ранки, а также существование аналогичных обрядов в Микенах, Ариции, Родосе и Команах. *Таврополос* предполагает связь с критским культом принесения в жертву быка, сохраняющимся в афинской Буфонии (Павсаний. I.28.11). Первоначальной жертвой, скорее всего, был царь-жрец.

4) Спартанские обряды плодородия на каком-то этапе тоже не обходились без человеческих жертв и совершались в честь Артемиды Ортии. Судя по примитивным культам в других частях Средиземноморья, жертву привязывали ивовыми прутьями, фигурировавшими в лунной магии, к изваянию — священному пню, скажем, грушевого дерева (см. 74,6), — и стегали до тех пор, пока удары не вызывали эротическую реакцию и не происходила эякуляция, оплодотворявшая землю семенем и кровью. Имя Алопек («лиса») и хорошо известная легенда о том, как юноша молча дал лисе терзать свое тело, позволяют сделать вывод о том, что в Спарте существовало поклонение богине — Тевмесской лисице (см. 49,2; 89,7).

5) Метеоритам поклонялись довольно часто, как и другим небольшим предметам непонятного происхождения, которые можно было объяснить падением с небес. Так, тщательно обработанные неолитические наконечники копий греками более поздних эпох отождествлялись с перунами Зевса (аналогичным образом кремневые наконечники стрел в английских деревьях назывались «ядра эльфов»). Культовым предметом, например, стал бронзовый пестик, который прятали в головном уборе изваяния Артемиды Эфесской. Сами изваяния, как, например, Артемида Браврония и Оливковая Афина в Эрехтейоне, также считались упавшими с небес через отверстие в кровле храма (см. 158,к). Не исключено, что изваяние в Бравроне имело жертвенный обсидиановый нож, которым перерезалось горло жертвы, а само вулканическое стекло добывалось на острове Мелос.

6) Вспашка Осирисом Херсонеса Таврического (Крым) представляется маловероятной, однако Геродот настаивает на тесных связях между Колхидой и Египтом (II.104), а в этом сюжете просто произошла путаница с Колхидой и таврами. Осирис, как и Триптолем, считается богом, который ввел сельское хозяйство во многих иноземных странах (см. 24,т).

[а] Сын Эгисфа Алет к этому времени захватил власть в Микенах, поверив злобным слухам [возможно, распространяемым Эаксом], будто Орест и Пилад были принесены в жертву на алтаре Артемиды Таврической. Однако Электра, сомневаясь в правдивости этих слухов, отправилась за ответом к Дельфийскому оракулу. Ифигения тоже только что прибыла в Дельфы, и [может быть, Эакс] указал на нее как на убийцу Ореста. Обуреваемая мстью, Электра схватила головню с алтаря и, по прошествии стольких лет не узнав Ифигению, уже была готова ослепить ее, когда вдруг появился Орест и все объяснил. Вновь соединившиеся дети Агамемнона с радостью отправились в родные Микены, где Орест покончил с междоусобицей между домами Атрея и Фиеста, убив Лета. Говорят также, что его сестра Эригона тоже могла погибнуть от руки Ореста, не перенеси ее Артемида в Аттику. Однако впоследствии Орест не держал на нее зла¹.

[б] Кое-кто говорит, что Ифигения умерла то ли в Бравроне, то ли в Мегаре, где у нее сейчас есть святилище. Другие считают, что Артемида сделала ее бессмертной в образе молодой Гекаты. Электра вышла замуж за Пилада, родила ему Медона и Строфия Второго. Ее могила находится в Микенах. Орест женился на своей двоюродной сестре Гермione после того, как стал свидетелем смерти принесенного в жертву сына Ахилла Неоптолема, с которым была обручена Гермione². Она родила ему Тисамена, который стал его наследником и преемником. Его вторая жена Эригона родила ему Пенфила³.

[с] Когда Менелай умер, спартанцы пригласили Ореста на трон, предпочтя его как внука Тиндарея Никострату и Мегапенту, рожденным

от Менелая одной рабыней. Орест, который с помощью войска, предоставленного ему фокидскими союзниками, уже добавил к своим микенским владениям значительную часть Аркадии, решил стать еще и владыкой Аргоса, поскольку царь Килараб, внук Капанея, не оставил после себя наследника. Кроме того, он покорил Ахею, но, повинувшись Дельфийскому оракулу, переселился из Микен в Аркадию, где в возрасте семидесяти лет умер от укуса змеи в Орестее, или Орестии, — городе, который он основал во время изгнания⁴.

[d] Орест был погребен в Тегее, но в царствование Анаксандрида, соправителем которого был Аристон и который являлся единственным лаконцем, имевшим двух жен и жившим в двух домах в одно и то же время, спартанцы, отчаявшись из-за того, что не могут победить ни в одной битве тегейцев, отправили в Дельфы послов за советом. В полученном ответе говорилось, что для победы им нужно завладеть останками Ореста. Поскольку никто не знал, где они находятся, то отправили некоего Лихаса, помогавшего Спарте, чтобы тот получил дополнительные разъяснения. В ответ прозвучали такие строки:

Ровны долины аркадской Тегей. И ты в ней отыщешь
 Место, где дуют два ветра от нужды великой,
 Где от удара удар и от зла порождается злое;
 Там, в той земле всеобильной, покоится тот, кто вам нужен.
 В дом своей его принеси, и тогда покорится Тегея!

Благодаря заключенному перемирию Лихас без труда отправился в Тегею, где по дороге ему встретился кузнец, ковавший не бронзовый, а железный меч. Лихас так и застыл с открытым ртом при виде новинки. «Что, удивлен моей работой?» — спросил кузнец. — В моей кузнице не только этому можно подивиться. Вон, гроб семи локтей в длину, а в нем такой же большой скелет. Я его обнаружил под полом кузницы, когда копал яму».

[e] Лихас догадался, что ветры, упомянутые в стихах, есть не что иное, как кузнечные мехи, удары — это, конечно же, удары молота, а зло, порождающее зло, — наковальня, на которой куется железный меч, поскольку железный век несет с собой жестокость. С этим сообщением он вернулся в Спарту, где по его предложению судьи объявили о том, что он якобы совершил убийство. Бежав будто бы от наказания в Тегею, он убедил кузнеца спрятать его в кузнице. В полночь Лихас

выкрал останки из гроба и поспешил в Спарту, где и предал их снова земле около святилища богинь судьбы. Это надгробие показывают до сих пор. Спартаиское войско с тех пор непременно одерживало верх над тегейцами⁵.

[f] Скипетр-копье Пелопя, которым также владел его внук Орест, в Фокиде обнаружили примерно в то же время: оно лежало в золотом кладе, найденном на границе между Херонеей и Фанотеем и зарытом, возможно, Электрой. После раздела клада фанотейцам досталось золото, а херонейцы взяли себе скипетр и теперь поклоняются ему как верховному божеству. Жрец скипетра-копья назначался на год; он хранил копье в своем доме, совершая в его честь ежедневные жертвоприношения за столом, уставленным яствами⁶.

[g] Однако некоторые отрицают, что Орест умер в Аркадии. Они говорят, что, когда срок его изгнания истек, оракул повелел ему отправиться на Лесбос и Тенедос, чтобы основать там колонии из жителей различных городов, включая и Амиклы. Так он и сделал, а новый народ назвал эолийцами, поскольку Эол был их ближайшим общим предком. Он умер вскоре после постройки города на Лесбосе. Переселение, как утверждают, состоялось за четыре поколения до появления ионийцев. Есть, правда, и те, кто утверждает, что не сам Орест, а сын Ореста Пенфил освоил Лесбос и его внук Грас с помощью спартанцев захватил местность между Ионией и Мисией, которую теперь называют Эолией. Его второй внук Архелай привел эолийских переселенцев в город Кизикену, что около Даскилия, на южном берегу Мраморного моря⁷.

[h] Тем временем Тисамен унаследовал владения своего отца, но сыновья Геракла изгнали его из Спарты, Микен и Аргоса и вынудили вместе со всем войском искать убежища в Ахейе. Его сын Комет переселился в Азию⁸.

¹ Гигин. Мифы. 122.

² Еврипид. Ифигения в Тавриде. 1464,915; Павсаний. I.43.1; Павсаний. II.16.5; Гигин. Там же. 123; Страбон. IX.3.9. Аполлодор. Эпитома. VI.28.

³ Кинифон. Цит. по: Павсаний. II.18.5.

⁴ Павсаний. II.18.5, VIII.5.1—3; Асклепиад. Цит. по: Схолии к «Оресту» Еврипида. 1647; Аполлодор. Цит. соч.

⁵ Павсаний. VIII.54.3, III.3.3 и след.; Геродот. I.67—68.

⁶ Павсаний. IX.40.6.

⁷ Пиндар. Немейские оды. XI.33—35; Гелланик. Цит. по: Павсаний. III.2.1; Страбон. XIII.1.3.

⁸ Павсаний. II.18.5 и след., VII.6.2.

1) *Ифигения*, вероятно, эпитет древней Артемиды, которая была не просто девственницей, но и нимфой — Ифигения означает «родительница сильных людей», — и старухой, то есть воплощением «благомыслящих» и триады Гекаты. Про Ореста говорится, будто он правил в большом количестве мест, поэтому его имя следует тоже воспринимать как эпитет. Его смерть от укуса змеи в аркадской Орестее объединяет его с другими древними царями: сыном Акрисия Апесантом (см. 123,е), отождествляемым с немейским Офельтом (см. 106,г), сыном Афананта Мунитом (см. 168,е), лапифом Мопсом (см. 154,ф), укушенным ливийской змеей, а также одной из ипостасей Осириса — египетским Ра, который тоже был укушен ливийской змеей. Всякий раз укус приходится в пятку. Среди жертв мы находим кентавров Хирона и Фола, критянина Талоса, мирмидонянина Ахилла и эвбеяца Филоктета. Яд им, скорее всего, вводился кончиком стрелы (см. 92,9). По сути, аркадец Орест оказался пеласгом, связанным с Ливией.

2) То, что Артемида спасла Эригону от мести Ореста, представляет собой еще один случай вражды между домом Фиеста, которому благоволила Артемида, и домом Атрея, которому покровительствовал Зевс. Имя Тисамен («мстящая сила») говорит о том, что вражда передавалась от поколения к поколению, поскольку в одном месте Аполлодор указывает, что он был сыном не Гермियोны, а Эригоны (*Эпитома*. VI.28). На протяжении всего сюжета о вражде между этими домами необходимо помнить, что Артемида, которая здесь меряется силами с Зевсом, — это Артемида эпохи матриархата, а не пленительная сестра Аполлона, девственница и охотница. Мифографы приложили немало усилий, чтобы затушевать активное участие Аполлона, выступившего на стороне Зевса, в этой ссоре богов.

3) Останки гигантов, которые обычно отождествлялись с останками племенного прародителя, считались магическими средствами защиты города. Так, вдохновленные оракулом афиняне нашли на Скиросе то, что, по их утверждениям, было останками Тесея, и перезахоронили их вновь в Афинах (см. 104,и). Такие останки могли иметь необычайно большие размеры, поскольку в неолитическую эпоху в Европе обитали люди довольно высокого роста, чьи двухметровые и более скелеты находили

даже в Англии и чьими потомками считается хамитское племя ватуси, живущее в экваториальной Африке. К таким же людям принадлежали анаким в Палестине и Карию (см. 88,3). Однако если Орест был ахейцем эпохи Троянской войны, то афиняне не могли бы обнаружить и измерить его скелет, поскольку в гомеровской Греции среди знати практиковалась кремация, а не захоронения неолитического типа.

4) «Зло, порождающее зло» («зло, лежащее на зле») обычно трактовалось как железный меч, который ковали на железной наковальне, однако до относительно позднего времени существовали каменные наковальни, поэтому более вероятным объяснением была бы бьющая по мечу кувалда. Правда, железные кувалды вплоть до римской эпохи тоже встречались довольно редко. Железо не добывалось, но собиралось в форме «посланных богами» метеоритов, поэтому микенцы считали его священным и не могли широко использовать. Когда наконец железное оружие стали ввозить в Грецию из понтийской Тибарены, сама технология изготовления железных предметов оставалась в течение некоторого времени тайной. Железокузнецов продолжали называть «бронзоделами» даже в эллинскую эпоху. И как только железо получило широкое распространение, эпоха мифа завершилась. Об этом можно судить и по тому, что железо не фигурировало среди пяти металлов, посвященных богине и связанных с ее календарными обрядами, а именно серебро, золото, медь, олово и свинец (см. 53,2).

5) Копье-скипетр Пелопа, являвшееся символом власти, вероятно, принадлежало правившей жрице. Так, по свидетельству Еврипида, копье, которым убили Эномая, было спрятано в спальне Ифигении. Не исключено, что это копье тоже было скипетром. Впоследствии на владение им претендовала Клитемнестра (Софокл. *Электра*. 646—647). Павсаний пишет, что в Фокиду его принесла Электра. Малоазийские греки гордились тем, что первую эолийскую колонию основал Орест: его имя было одним из царских титулов. Вполне возможно, что они основывались на традиции, свидетельствовавшей о новом этапе в истории царской власти: когда срок царствования кончался, царя не убивали, а вместо него в жертву приносили другого. Такое убийство могло стать причиной второго изгнания Ореста, когда он во главе переселенцев отправился за море. Мифографы, объяснявшие, будто спартанцы предпочли Ореста сыновьям Менелая, потому что их матерью была рабыня, не отдавали себе отчета в том, что в то время родство считалось по материнской линии. Будучи микенцем, Орест мог стать царем, вступив

в брак со спартанской наследницей трона Гермией, а ее братья вынуждены были добывать себе трон в других местах. В Арголиде дети, рожденные принцессой от раба, считались свободными. Кроме того, ничто не мешало крестьянину мужу Электры предъявить свои права на микенский трон.

6) Библейская традиция, согласно которой человек должен жить семьдесят лет, основывалась не на наблюдениях, а на религиозной теории: семь считалось священным числом, а десять символизировало совершенство. Поэтому, согласно мифу, Орест тоже живет семьдесят лет.

7) Нарушение Анаксандридом моногамной традиции могло произойти по династическим соображениям. Возможно, его соправитель Аристон умер задолго до новой коронации, и Анаксандриду пришлось заменить его и как царя, и как супруга, особенно если учесть, что трон Аристону достался благодаря браку с наследницей.

8) Хеттские свидетельства упоминают ахейское царство, существовавшее на Лесбосе в конце XIV в. до н. э.

Жизнь и подвиги Геракла

[а] Электрион, сын Персея, верховный царь Микен и муж Анаксо, повел свое войско против тафийцев и телебоев в отместку за их успешный набег на его стада, задуманный неким Птерелаем, считавшим себя претендентом на микенский трон. В результате этого набега Электрион потерял восемь своих сыновей. В его отсутствие страной правил его племянник царь Амфитрион из Трезены. «Правь хорошо, а когда я вернусь с победой, ты получишь в жены мою дочь Алкмену», — сказал перед отъездом Электрион. Амфитрион, узнав от царя Элиды, что у того находится угнанный скот, заплатил весь запрошенный выкуп и пригласил Электриона опознать скот. Электрион, раздосадованный тем, что Амфитрион ожидает от него возмещения выкупа, спросил: «Какое право имели жители Элиды продавать краденую собственность и почему Амфитрион смирился с этим обманом?» Вместо ответа возмущенный Амфитрион швырнул дубину в одну из коров, отбившуюся от стада, палица попала по рогам, отскочила и убила Электриона. За это его родной дядя по имени Сфенел изгнал Амфитриона из Арголиды, захватил Микены и Тиринф, а остальную часть страны со столицей в Мидии передал сыновьям Пелопа Атрюю и Фиесту¹.

[b] Амфитрион вместе с Алкменой бежал в Фивы, где царь Креонт совершил над ним очистительный обряд, а свою сестру Перимеду отдал в жены единственному оставшемуся в живых сыну Электриона по имени Ликимний, родившемуся вне брака от фригийки по имени Мидея². Однако благочестивая Алкмена не пожелала разделить ложе с Амфитрионом, до тех пор пока тот не отомстит за смерть восьми ее братьев.

Для этой цели Креонт разрешил ему выступить с беотийской армией, но при условии, что он освободит Фивы от Тевмесской лисицы. Ему удалось выполнить это условие с помощью знаменитой собаки Лелая, принадлежавшей афинянину Кефалу. После этого, взяв в союзники афинян, фокейцев, аргивян и локров, Амфитрион одолел телебоев и тафийцев, а принадлежавшие им острова раздал своим союзникам, среди которых был и его дядя Гелей.

[с] Тем временем Зевс, воспользовавшись отсутствием Амфитриона, принял его обличье и, убедив Алкмену в том, что ее братья уже отмищены — что было правдой, поскольку утром именно этого дня Амфитрион одержал желанную победу, — провел с ней целую ночь, которая длилась как три обычные ночи³. Для этого Гермес по воле Зевса повелел Гелиосу затушить солнечные огни, распрячь колесницу и оставаться дома, поскольку зачатие такого великого воина, как задумал Зевс, должно было происходить без спешки. Гелиос повиновался, сетуя о старых добрых временах, когда день был днем, а ночь — ночью и когда Крон, бывший тогда всемогущим богом, не покидал свою законную жену ради любовных походов в Фивах. После этого Гермес приказал Луне двигаться медленней, а Сну сделать человечество таким сонным, чтобы никто ничего не заметил⁴. Ничего не подозревающая Алкмена с радостью внимала рассказу Зевса о сокрушительном поражении, которое потерпел Птерелай при Эхалии, и целых тридцать шесть часов предавалась любовным утехам с тем, кого она посчитала своим мужем. На следующий день, когда вернувшийся Амфитрион не жалел слов, рассказывая Алкмене о своей победе и о своем чувстве к ней, та вопреки его ожиданиям не спешила пригласить его на супружеское ложе. «Мы всю прошлую ночь не смыкали глаз, — пожаловалась она. — Не хочешь ли ты сказать, что я дважды должна выслушать рассказ о твоих подвигах?» Амфитрион, озадаченный таким ответом, обратился к прорицателю Тиресию, который ответил, что ночью его счастливым соперником был Зевс. После этих слов Амфитрион ни разу не разделил ложе с Алкменой, боясь божественной ревности⁵.

[d] Через девять месяцев, будучи на Олимпе, Зевс стал хвастаться, что скоро у него родится сын, которого назовут Гераклом, что означает «прославленный Герой», и который будет править благородным домом Персея. Услышав эти слова, Гера потребовала от Зевса обещания, что тот, кто до наступления темноты родится в доме Персея, станет верховным царем. Когда Зевс дал в этом нерушимую клятву, Гера тут же

отправилась в Микены и ускорила роды Никиппы — жены царя Сфенела. Затем она поспешила в Фивы и села на корточки у дверей Алкмены, причем одежды ее были завязаны в узлы, а пальцы плотно сжаты. Это означало, что она задержала появление на свет Геракла до тех пор, пока в люльку не лег семимесячный сын Сфенела Эврисфей. Когда через час родился Геракл, обнаружилось, что у него есть близнец по имени Ификл, зачатый Амфитрионом на одну ночь позже. Некоторые считают, что это Геракл был зачат на одну ночь позже, а не Ификл. Другие говорят, что близнецы были зачаты в одну ночь и родились одновременно, а отец-Зевс чудесным способом осветил чертог, где они появились на свет. Поначалу Геракла называли Алкидом или Палемоном⁶.

[e] Когда Гера вернулась на Олимп и стала хвастаться, как ей удалось не допустить богиню деторождения Илифию к дверям Алкмены, Зевс пришел в неопишемую ярость и, схватив свою старшую дочь Ату, из-за которой он попался на уловку Геры, поклялся, что никогда больше не допустит ее на Олимп. Зевс с силой швырнул Ату на землю, и лишь золотистые волосы ее на мгновение сверкнули над головой Громовержца. Хотя Зевс не мог нарушить свою клятву, чтобы поставить Геракла во главе дома Персея, он заставил Геру согласиться с тем, что его сын станет богом, если совершит двенадцать подвигов по поручению Эврисфея⁷.

[f] В отличие от остальных смертных женщин, ставших возлюбленными Зевса, начиная с Ниобы, его выбор, павший на Алкмену, объясняется не обычным желанием — хотя Алкмея⁸ превосходила всех своих современниц красотой, статью и мудростью, — а тем, что она могла родить сына, способного защитить и богов и людей от уничтожения. Алкмена, принадлежавшая к шестнадцатому колону, происходящему от Ниобы, была последней смертной женщиной, ставшей возлюбленной Зевса, поскольку он не хотел, чтобы какая-либо другая женщина родила героя, который бы мог сравниться с Гераклом. Он так высоко ценил Алкмену, что отказался овладеть ею силой, а принял образ Амфитриона и не пожалел на нее любовных ласк и нежных слов. Он знал о неподкупности Алкмены, и, когда на рассвете вручил ей большой прекрасный кубок, она приняла его, будучи полностью уверенной, что это военный трофей — наследство, доставшееся Телебою от его отца Посейдона⁹.

[g] Некоторые говорят, что Гера не сама задержала роды Алкмены, а послала для этой цели колдуний и что дочь Тиресия Гисторида обманула их, издав в чертоге, где проходили роды, громкий крик радости. Обманутые колдуньи ушли, позволив ребенку родиться, а сам чертог

показывают в Фивах до сих пор. Другие говорят, что по просьбе Геры роды задержала Илифия, а русоволосая Галантида, или Галена, верная служанка Алкмены, вышла из чертога и ложно объявила, что Алкмена родила. Когда удивленная Илифия вскочила, разжав пальцы и расставив ноги, Геракл действительно родился, а Галантида залилась веселым смехом, видя, что обман ей удался. Рассерженная Илифия схватила ее за волосы и превратила в ласку. Галантида продолжала бывать в доме Алкмены, но Гера наказала ее за ложь: во все времена она должна была производить на свет потомство, изрыгая его из пасти. Фиванцы, перед тем как отдать Гераклу божественные почести, совершали жертвоприношения в честь Галантиды, которую также называли Галинтия и считали дочерью Прета. При этом добавляли, что она была кормилицей Геракла и что в ее честь он построил святилище¹⁰.

[h]Афиняне смеются над этим фиванским рассказом. Они утверждают, что Галантида была гетерой, которую Геката превратила в ласку за приверженность к половым извращениям, и что случилось так, что, когда Гера задерживала роды Алкмены, ласка пробежала рядом и так перепугала Алкмену, что у нее начались роды¹¹.

[j] День рождения Геракла празднуется в четвертый день каждого месяца. Некоторые, правда, утверждают, что он родился под десятым знаком зодиака. Другие говорят, что Большая Медведица, смещаясь в полночь на запад к Ориону — а это значит, что солнце уже покидало двенадцатый знак зодиака, — глядела на Геракла свысока, когда он уже десятый месяц был в утробе матери¹².

¹ *Аполлодор*. II.4.5—6; *Гесиод*. Цит Геракла. 11 и след.

² *Аполлодор*. Цит. соч.

³ *Гесиод*. Цит Геракла. 1—56; *Аполлодор*. II.4.7—8; *Гигин*. Мифы. 29; *Пиндар*. Истмийские оды. VIII.5 и след.

⁴ *Лукиан*. Разговоры богов. X.

⁵ *Гесиод*. Цит Геракла. 1—56; *Аполлодор*. II.4.7—8; *Гигин*. Цит. соч. 29.

⁶ *Гомер*. Илиада. XIX.95 и след.; *Аполлодор*. II.4—5; *Плавт*. Амфитрион. 1096; *Диодор Сицилийский*. IV.10.

⁷ *Гомер*. Там же. XIX.115 и след., 91; *Диодор Сицилийский*. IV.9.

⁸ *Гесиод*. Цит. соч. 4 и след., 26 и след.; *Атней*. XI. 474e—475b, XI.99; *Плавт*. Амфитрион. 256 и след.

⁹ *Павсаний*. IX.11.1—2; *Овидий*. Метаморфозы. IX.285 и след.; *Элиан*. О животных. XII.5;

¹⁰ Антонин Либерал. Превращения. 29.

¹¹ Элиан. О животных. XV.11; Антонин Либерал. Цит. соч.

¹² Овидий. Цит. соч. IX.285; Феокрыт. Идиллии. XXIV.11—12.

1) *Алкмена* («сильная в ярости») — первоначально это имя, вероятно, было микенским титулом Геры, чей божественный суверенитет Геракл («прославленный Герой») защищал от нападок ее ахейского врага Персея («разрушитель»). Окончательная победа оказалась на стороне ахейцев, и их потомки стали считать Геракла принадлежащим царскому дому Персея. Неприязнь Геры к Гераклу, скорее всего, является более поздней выдумкой. Гераклу поклонялись дорийцы, подчинившие себе Элиду и уничтожившие власть Геры.

2) Диодор Сицилийский (III.74) сообщает о трех героях по имени Геракл: одном египтянине, критском Дактиле и сыне Алкмены. Цицерон доводит число таких героев до шести (*О природе богов*. III.16), Варрон — до сорока трех (Сервий. *Комментарий к «Энеиде» Вергилия*. VIII.564). Геродот (II.42) говорит, что, когда он спросил о первоначальной родине Геракла, египтяне назвали ему Финикию. Согласно Диодору Сицилийскому (I.17,24, III.74), египетского Геракла звали Сом или Хон и он жил за десять тысяч лет до Троянской войны, а его греческий тезка унаследовал от него все подвиги. Сюжет, в котором фигурирует Геракл, — это своего рода крючок, на который нанизано большое количество как связанных между собой, так независимых, а то и просто противоречивых мифов. В основном, однако, Геракл представляет собой традиционный образ царя-жреца эпохи ранней Греции.

3) Зевс принимает образ Амфитриона потому, что, когда царь-жрец во время коронации переживал ритуальное рождение, он приобретал титул сына Зевса и навсегда расставался со своим происхождением от смертных родителей (см. 74,1). Однако обычай требовал, чтобы военные походы возглавлял смертный танист, а не богом зачатый царь, считавшийся старшим из близнецов. То, что в случае с Гераклом мы сталкиваемся с исключением из правил, говорит о том, что Геракл некогда был танистом, а Ификл — царем-жрецом. Феокрыт совершенно четко называет Геракла младшим из близнецов, а Геродот (II.43), называя его сыном Амфитриона, добавляет, что он Алкид — по имени его деда Алкея, а не Кронид, т. е. происходящий от Крона. Более того, когда Ификл женится на младшей дочери Креонта, Геракл женится на старшей, хотя в матрилинейном обществе наследницей, как правило, являлась

младшая дочь, подтверждение чему можно найти во многих европейских сказках. Согласно Гесиоду (*Щит Геракла*. 89 и след.), Ификл унижается перед Эврисфеем, однако обстоятельства, при которых близнецы поменялись ролями, не объясняются. Между Гераклом и Ификлом не засвидетельствовано такой дружбы, которая существовала между Кастором и Полидевом или Идасом и Линкеем. Геракл присваивает себе функции и прерогативы своего брата-близнеца, превратив его в бесполезную и бездуховную тень, исчезновение которого происходит никем не замеченным.

4) Способ, примененный Герой, чтобы задержать роды, до сих пор применяют колдуньи в Нигерии, а наиболее «просвещенные» из них для усиления магии прячут под одеждой замок.

5) Было замечено, что ласки в момент опасности переносят своих детенышей в зубах, как кошки, что и породило легенду об их странном рождении. Апулей свидетельствует об ужасных обрядах, совершаемых фессалийскими колдуньями, обряженными в ласок, считавшихся спутницами Гекаты. Павсаний упоминает о человеческих жертвах, приносимых Тевмесской лисице (см. 89, h). Фиванский культ Галинтиады — это пережиток примитивного культа Геры, поэтому когда колдуньи задерживали рождение Геракла, они, скорее всего, должны были напоминать своим видом ласок. Этот миф искажен больше обычного, тем не менее из него следует, что олимпийству Зевса противостояли консервативные религиозные настроения в Фивах и Арголиде и что колдуньи единодушно подвергали нападкам дом Персея.

6) Судя по замечанию Овидия относительно десятого знака зодиака, день рождения Геракла праздновался в день зимнего солнцеворота, как и дни рождения Зевса, Аполлона и других календарных богов. Фиванский год начинался в день зимнего солнцеворота. Если, как говорит Феокрит^{94*}, Гераклу было десять месяцев, когда солнце покидало двенадцатое созвездие зодиака, то Алкмена родила его в день весеннего равноденствия, когда италийцы, вавилоняне и другие народы праздновали Новый год. Тогда понятно, почему про Зевса сказано, что он осветил чертог, где происходили роды. Четвертый день месяца посвящался Гераклу потому, что ему как основателю Олимпийских игр принадлежал каждый четвертый год.

^{94*} Феокрит (1-я пол. III в. до н. э.) — греческий поэт из Сиракуз. Сохранились 30 стихов (не все являются подлинными), получившие название «Идиллия», послужившие основой для возникновения буколической (пастушеской) поэзии.

[а] Алкмена, боясь ревности Геры, отнесла своего новорожденного в поле под стены Фив. Афина, по наущению Зевса, как бы невзначай предложила Гере прогуляться по этому полю. «Смотри, дорогая! Какой красивый и крепкий ребенок! — воскликнула Афина с выражением удивления на лице, поднимая ребенка на руки. — Его мать, должно быть, лишилась рассудка, оставив его среди этого усыпанного камнями поля! У тебя есть молоко. Подойди и покорми крошку!» Ничего не подозревавшая Гера взяла ребенка и обнажила грудь. Геракл принялся сосать с такой силой, что Гере стало невыносимо больно, и она отбросила его от себя. Струйка молока растеклась по небу и стала Млечным Путем. «Маленькое чудовище!» — воскликнула Гера. Но теперь Геракл стал бессмертным, и Афина с улыбкой вернула его Алкмене, наказав ей хорошо воспитывать ребенка. Фиванцы до сих пор показывают место, где была сыграна эта шутка с Герой; оно называется *долина Геракла*¹.

[b] Некоторые, правда, говорят, что Гермес отнес младенца Геракла на Олимп, что Зевс сам положил его на грудь Геры, когда та спала. А Млечный Путь возник, когда она проснулась и оттолкнула Геракла от своей груди или оттого, что он пожадничал и высосал молока больше, чем мог вместить его рот, и часть молока выплюнул. В любом случае, Гера оказалась приемной матерью Геракла, пусть даже на время. Поэтому фиванцы величают его сыном Геры и говорят, что, до того как Гера дала ему свою грудь, он звался Алкидом, а потом был переименован в ее честь².

[с] Однажды вечером, когда Гераклу уже было восемь или десять месяцев, а некоторые считают, что ровно год, но его еще не отняли от груди, Алкмена, помыв и накормив близнецов, уложила их под одеялом из овечьей шерсти на широком бронзовом щите, который Амфитрион отнял в бою у Птерелая. В полночь Гера послала в дом Амфитриона двух огромных змей с лазурной чешуей, строго наказав им извести Геракла. При их приближении ворота открылись, и они, проскользнув в дом, поползли по мраморному полу в детскую. Из их глаз вырывалось пламя, а с зубов стекал яд³.

[d] Проснувшиеся близнецы, благодаря тому что Зевс вновь чудесным образом осветил их чертог, увидели над собой чудовищных змей, выстреливавших свои раздвоенные языки. Ификл закричал, сбросил с себя одеяло и, пытаясь спастись, скатился со щита на пол. Его испуганные крики и странный свет, пробивавшийся под дверь, разбудили Алкмену. «Амфитрион, вставай!» — закричала она. В спешке не надев сандалий, Амфитрион спрыгнул со своего кедрового ложа и схватил висевший на стене меч. В это мгновение свет в детской погас. Ругая сонных рабов, чтобы те скорее несли светильники и факелы, Амфитрион вбежал в детскую. Геракл, который за все это время даже не вскрикнул, с гордостью показывал почти задушенных змей, которых он крепко сжимал по одной в каждой руке. Когда змеи умерли, он засмеялся, запрыгал от радости и бросил их к ногам Амфитриона.

[e] Пока Алкмена успокаивала охваченного страхом Ификла, Амфитрион вновь укрыл Геракла одеялом и опять вернулся в свою постель. На рассвете, когда петух прокричал три раза, Алкмена призвала Тиресия и рассказала ему о случившемся чуде. Предсказав Гераклу славное будущее, Тиресий посоветовал Алкмене сложить большой костер из сухих сучьев утесника, терновника и ежевики и в полночь изжарить на нем змей. Утром служанка должна собрать оставшийся от змей пепел, отнести его на скалу, где когда-то восседала Сфинкс, пустить прах по ветру и, не оглядываясь, бежать назад. К ее возвращению дворец необходимо очистить дымом серы и соленой родниковой водой, а крышу украсить дикой оливой. Наконец, на высоком алтаре Зевса нужно принести в жертву вепря. Алкмена сделала все, как было сказано. Некоторые, правда, утверждают, что змеи были совсем безобидные и в колыбель они были положены самим Амфитрионом: он хотел убедиться, кто из близнецов его сын, и после случившегося сомнений у него не осталось⁴.

[f] Когда Геракл немного подрос, Амфитрион научил его управлять колесницей и хорошо проходить повороты. Кастор давал ему уроки фехтования, учил оружейным приемам, тактике боя в пешем и конном строю, а также основам стратегии. Один из сыновей Гермеса учил его кулачно-му бою. Звали его Автолик или Гарпалик, а во время боя вид его был столь свиреп, что никто не осмеливался сразиться с ним. Эврит обучил его стрельбе из лука, не исключено, что среди его учителей был скиф по имени Тевтар, служивший у Амфитриона пастухом, и даже сам Аполлон⁵. Геракл сумел превзойти всех лучников, которые когда-либо рождались, включая своего спутника Алкона, отца аргонавта Фалера, который мог пустить стрелу через несколько колец, установленных на шлемах воинов, стоящих в затылок друг другу, или расщепить стрелу, укрепленную на конце меча или копья. Однажды, когда на сына Алкона напал змей и стал душить его, Алкон пустил стрелу так умело, что убил змея, не причинив ребенку вреда⁶.

[g] Евмолп учил Геракла пению и игре на кифаре, а Лин, сын бога реки Исмений, приобщил его к изучению литературы. Однажды в отсутствие Евмолпа Лин стал давать ему уроки игры на кифаре, но Геракл, не желая изменять принципам, в которых его утвердил Евмолп, и побитый за свое упрямство, убил Лина, ударив кифарой по голове⁷. Привлеченный к суду за убийство, Геракл привел на суде закон Радаманта, который допускал применение силы против нападающего, и был оправдан. Тем не менее Амфитрион, опасаясь, что мальчик и дальше будет склонен к насилию, отправил его подальше к пастухам, где он оставался, пока ему не исполнилось восемнадцать лет. К этому времени он уже значительно превосходил своих сверстников ростом, силой и храбростью. Тогда же ему доверили носить лавровый венок Аполлона Йеменского, и фиванцы до сих пор показывают треножник, который Амфитрион по этому случаю посвятил за него богу. Хотя неизвестно, кто учил Геракла астрономии и философии, он обладал обширными знаниями по обоим предметам⁸.

[h] Говорят, что ростом Геракл был четыре локтя. Он измерил шагами Олимпийский стадион, установив его длину в шестьсот футов. А поскольку позднейшая греческая стадия была номинально равна шестистам футам и значительно уступала олимпийской стадии, мудрец Пифагор решил, что длина шага Геракла и, следовательно, его рост должны находиться в таком же отношении к шагу и росту обычных людей, в каком длина олимпийского стадиона находится к длине любого другого

стадия. Эти расчеты показали, что ростом он был четыре локтя и один фут, хотя многие утверждают, что рост его был не выше среднего⁹.

[i] Глаза Геракла горели огнем, его копье и стрела никогда не знали промаха. В полдень он ел немного, на ужин любимым его блюдом было жареное мясо с дорийскими ячменными лепешками; если этому можно верить, то он съедал столько, сколько бы съел самый голодный батрак. Он носил короткий аккуратный хитон, а ночью предпочитал спать под звездами, а не под крышей¹⁰. Умея предсказывать будущее, он всегда радовался появлению стервятников перед тем, как ему предстояло совершить очередной подвиг. «Стервятники, — говаривал он, — самые праведные птицы, потому что они никогда не нападают даже на самых маленьких живых существ»¹¹.

[j] Геракл никогда не искал повода для ссоры, а с нападающими на него совершал то же, что они сами хотели совершить над ним. Некто Термер убивал путников, вызывая их на бой головами. У Геракла череп оказался крепче, и он раскрыл голову Термера, словно куриное яйцо. Обычно Геракл был учтивым и стал первым из смертных, кто позволил врагам хоронить своих мертвых¹².

¹ Диодор Сицилийский. IV.9; Павсаний. IX.25.2.

² Эратосфен. Превращения в звезды. 44; Гигин. Поэтическая астрономия. II.43; Диодор Сицилийский. IV.10.

³ Аполлодор. II.4.8; Феокрит. Идиллии. XXIV.

⁴ Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VIII.288; Феокрит. Цит. соч.; Пиндар. Немейские оды. I.35 и след.; Ферекид. Цит. по: Аполлодор. II.4.8.

⁵ Феокрит. Цит. соч.; Аполлодор. II.45; Диодор Сицилийский. IV.14.

⁶ Сервий. Комментарий к «Буколикам» Вергилия. V.11; Аполлоний Родосский. I.97; Гигин. Мифы. 14.

⁷ Павсаний. IX.29.3; Аполлодор. II.4.9; Диодор Сицилийский. III.67.

⁸ Аполлодор. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. IV.10; Павсаний. IX.10.4; Схолии к Аполлонию Родосскому. I.865; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. I.745.

⁹ Аполлодор. II.4.9; Плутарх. Цит. по: Авл Геллий. I.1; Пиндар. Истмийские оды. IV.5 2 и след.

¹⁰ Аполлодор. Цит. соч.; Феокрит. Идиллии. XXIV; Плутарх. Римские вопросы. 28.

¹¹ Плутарх. Там же. 93.

¹² Плутарх. Тесей. 11,29.

1) Согласно другому свидетельству, Млечный Путь образовался, когда Рея силой отняла Зевса от груди (см. 7,б). Кормление Герой Геракла — это миф, очевидно основанный на ритуальном рождении царя-жреца от царицы-матери (см.145,3).

2) Древнее изображение, на котором основывается послегомеровский рассказ об удушении змей, вероятно, запечатлело Геракла, ласкавшего змей, когда они язычками прочищали ему уши, как это случалось с Мелампом (см. 72,с), Тиресием (см. 105,г), Кассандрой (см. 158,р) и, возможно, сыновьями Лаокоона (см. 167,3). Без прочищения ушей змеями Геракл не сумел бы понять язык стервятников, а Гера, если бы она действительно хотела убить Геракла, направила бы к нему гарпию, которая бы и сделала это. Дикая олива в Греции, как береза в Италии и северо-западной Европе, была новогодним деревом, символом начала и использовалась для вязания метел, которыми изгоняли злых духов (см. 53,7). У Геракла палица была сделана из дикой оливы; саженец оливы он привез в Олимпию из земли гипербореев (см. 138,j). Костер, который Тиресий велел зажечь Алкмене, был сретенским костром, который до сих пор еще второго февраля зажигают в различных частях Европы: в нем сжигали старые кусты, чтобы облегчить рост молодой поросли.

3) Поедающий лепешки дорийский Геракл, в отличие от своих культурных эолийских и ахейских предшественников, был простым царем-скотоводом, наделенным приличествующими его положению добродетелями, но не претендующим на знание музыки, философии или астрономии. В классическую эпоху мифографы, памятуя о принципе *mens sana in corpore sano* («в здоровом теле здоровый дух»), сделали его образованным и объяснили убийство Лина как протест против тирании, а не против женственности. Однако он оставался воплощением физического, а не духовного здоровья, если не считать кельтов, которые почитали его как покровителя письменности и искусства бардов. Они придерживались традиции, согласно которой Геракл, т. е. идейский дактиль, которого они звали Огмий, представлял собой первую согласную букву гиперборейского древесного алфавита — березу или дикую оливу (см. 52,3; 125,1), а «на березовой ветви было вырезано первое из когда-либо отправлявшихся сообщений, а именно буква „береза“, повторенная семь раз» (см. «Белая богиня»).

4) Тот факт, что Алкон поразил стрелой змея, предполагает соревнование лучников, похожее на то, которое описано в сочинении XV в. «Молот ведьм», когда кандидат на вступление в гильдию лучников должен

был стрелять в предмет, установленный на шапке его собственного сына, причем таким предметом были или яблоко, или серебряная монета. Братья Лаодамии, соревновавшиеся за звание царя-жреца (см. 162,п), должны были попасть в кольцо, установленное на груди ребенка, однако этот миф, очевидно, передан неверно, поскольку перед ними не стояла задача убить ребенка. Вероятно, от кандидата в цари-жрецы первоначально требовалось попасть стрелой в свернувшегося кольцом золотого змея, символизировавшего бессмертие. Такая фигурка устанавливалась на шапке, которую носил царевич. У некоторых племен этот обычай превратился в стрельбу по яблоку, в просвет между двумя изогнутыми лезвиями двойного топора или через кольцо, венчающее шлем. Позднее, когда точность стрельбы повысилась, стали стрелять через целый ряд шлемных колец, как это делал Алкон, или целый ряд отверстий в топорах, как это делал Одиссей (см. 171,h). Лучники Робин Гуда, как и лучники в Германии, стреляли в серебряную монету, поскольку на ней был изображен крест. Гильдии лучников были откровенно антихристианскими.

5) Греческие и римские лучники натягивали тетиву к груди, как это делают дети, поэтому дальность полета стрелы была небольшой, копье оставалось основным метательным оружием в римских войсках вплоть до VI в. н. э., когда Велисарий^{93*} вооружил своих катафрактариев тяжелыми луками и научил их стрелять по-скифски, натягивая тетиву к уху. В легенде меткость Геракла объясняется тем, что его учителем был скиф Тевтар, причем это имя, очевидно, происходит от слова *teytacin* («усердно упражняться»), чем, похоже, пренебрегали обычные греческие лучники. Не исключено, что благодаря ловкости, с которой скифы обращались с луком, их называли потомками Геракла, а про него самого говорили, что он завещал свой лук Скифу, единственному из всех сыновей, кто мог согнуть лук на манер отца (см. 132,v).

^{93*} Велизарий (Велисарий) (ок. 504—565) — самый прославленный из византийских полководцев императора Юстиниана.

[а] В восемнадцатилетнем возрасте Геракл покинул пастухов и отправился на охоту за Киферонским львом, нападавшим на стада Амфитриона и его соседа царя Феспия, которого также называли Фестием и который принадлежал к афинскому роду Эрехтеидов. У льва было еще логово на горе Геликон, у подножия которой стоит город Феспии. На горе Геликон всегда царило веселье: феспийцы отмечали там древний праздник в честь муз и играли в любовные игры у ее подножья вокруг статуи их покровителя Эроса¹.

[b] У царя Феспия было пятьдесят дочерей от его жены Мегамеды, дочери Арнея, и все они были такими же веселыми, как и остальные феспийцы. Боясь, что дочери выберут себе плохих женихов, отец решил, что все они должны родить по ребенку от Геракла, который в то время проводил все дни, охотясь на льва. Поэтому Геракл провел в Феспиях пятьдесят ночей подряд. «Ты можешь разделить ложе с моей старшей дочерью Прокридой», — любезно предложил ему Феспий, однако каждую ночь к Гераклу приходили разные дочери, пока не перебывали у него все. Правда, некоторые говорят, что он познал их всех за одну ночь, кроме одной, которая отвергла его ласки и осталась девственницей до самой своей смерти, служа жрицей в феспийском святилище, поэтому до сих пор феспийские жрицы должны быть непорочны. Однако ее сестры родили Гераклу пятьдесят одного сына: старшая Прокрида родила близнецов Антилеона и Гиппея, а младшая родила еще двух близнецов².

[c] Выследив наконец льва и разделавшись с ним неотесанной дубиной из дикой оливы, которую он вырвал с корнем на Геликоне, Геракл

нарядился в его шкуру, а голову с зияющей пастью надел, как шлем. Кое-кто, правда, говорит, что он носил шкуру Немейского льва или какого-то другого зверя, которого убил близ Тевмеса, неподалеку от Фив, добавляя при этом, что Киферонского льва убил Алкафой³.

¹ *Аполлодор*. II.4.8—9; *Павсаний*. IX.26.4; 27.1; Схолии к «Идиллиям» Феокрита. XIII.6.

² *Аполлодор*. II.4.10,78; *Павсаний*. IX.27.5; *Диодор Сицилийский*. IV.29; Схолии к «Теогонии» Геснода. 56.

³ *Феокрит*. Идиллии. XXV; *Аполлодор*. II.4.10; *Диодор Сицилийский*. IV.11; *Павсаний*. I.41.4.

1) Гигин (Мифы. 162) упоминает только двенадцать Феспиад, скорее всего, потому, что именно такое количество латинских весталок охраняли фаллический палладий и справляли похожие ежегодные оргии на Альбанском холме в эпоху первых царей.

2) И младшая и старшая дочери Феспия родили Гераклу близнецов, а именно царя-жреца и таниста. Мифографы ошибаются здесь, пытаясь примирить более древнюю версию, согласно которой Геракл женился на младшей дочери (право младшей дочери на наследство), с патрилинейным правом первородства. В легенде классической эпохи Геракл — это патрилинейная фигура. Если не считать сомнительного свидетельства, где упоминается Макария (см. 146,b), у Геракла вообще не было дочерей. Его девственница-жрица в Феспиях, как и пифия Аполлона в Дельфах, теоретически становилась его невестой, когда впадала в пророческий транс, поэтому не могла иметь смертного мужа.

3) Павсаний, не удовлетворенный мифом, пишет, что Геракл не мог ни опозорить своего хозяина, совратив сразу всех Феспиад, ни построить храм в самом начале своего пути, как если бы он был уже богом. Поэтому он отказывается отождествлять царя города Феспии с отцом Феспиад.

Убийство льва было одним из брачных испытаний, которое должен был пройти кандидат на царство (см. 123,1).

4) Геракл делает себе дубину из дикой оливы — дерева первого месяца, которое традиционно использовалось для изгнания злых духов (см. 52,3; 89,6; 119,2; и т. д.).

[а] За несколько лет до описываемых событий во время праздника Посейдона в Оихесте одно незначительное происшествие обеспокоило фиванцев: возничий Менекея швырнул камень, которым смертельно ранил минийского царя Климена. Умиравшего Климена доставили назад в Орхомен, где, испуская последний вздох, он воззвал к своим сыновьям о мести. Старший, которого звали Эргин и чьей матерью была беотийская принцесса Будея, или Бузига, собрал войско и выступил против фиванцев, разбив их наголову. По условиям договора, скрепленного клятвами, фиванцы должны были платить Эргину ежегодную дань в виде ста голов скота как плату за смерть Климена, причем дань эта накладывалась на двадцать лет¹.

[b] Геракл, возвращаясь с Геликона, встретился с минийскими глашатаями, шедшими за фиванской данью. Когда Геракл спросил об их деле, они высокомерно ответили, что шли еще раз напомнить фиванцам, как милосердно с ними поступил Эргин, не отрубив уши, нос и руки всем жителям города. «Неужто Эргин действительно жаждал такой дани?» — сердито спросил Геракл. После этих слов Геракл искалечил глашатаев точно так, как они сказали, и отправил их назад в Орхомен, повесив им на шею окровавленные конечности².

[c] Когда Эргин потребовал, чтобы фиванский царь Креонт выдал человека, совершившего такое злодеяние, тот счел за лучшее повиноваться, потому что минийцы разоружили Фивы, а на дружеское вмешательство соседей не стоило и рассчитывать. Но Геракл уговорил своих юных товарищей бороться за свободу. Обойдя все городские

храмы, он сорвал все щиты, шлемы, нагрудники, наколенники, мечи и копья, хранившиеся в храмах как часть военной добычи. Афина, которой понравилась такая решительность, сама надела эти доспехи на Геракла и его друзей. Так Геракл вооружил всех фиванцев, способных воевать, обучил их владению оружием и встал во главе войска. Оракул обещал ему победу, если кто-нибудь из благородных фиванцев собственноручно лишит себя жизни. Все устремили свои выжидательные взоры на Антипена, потомка спартов, так называемых «посеянных людей», и, когда он не пожелал умереть за общее дело, его дочери Андроклея и Алкида с радостью сделали это вместо отца, за что их стали почитать как героинь в храме Эвклин — славной Артемиды³.

[d] Тем временем минийцы выступили против Фив, но Геракл устроил им засаду в узком проходе, убив Эргина и большое количество его военачальников. Победу в этой войне он одержал почти в одиночку, неожиданно напав на Орхомен, выломав ворота, разграбив дворец и вынудив минийцев платить двойную дань Фивам. Кроме того, Геракл перегородил два больших канала, в давние времена построенных минийцами, через которые река Кефис впадала в море. Из-за этого богатые нивы Копайдской долины оказались затопленными⁴. Сделал он это для того, чтобы не позволить вступить в бой грозной кавалерии минийцев и вести боевые действия в горах, где у противника не было преимущества. Но, дружески относясь ко всем людям, он впоследствии вновь открыл каналы. Святилище Геракла Связывателя Коней в Фивах напоминает об одном военном событии: под покровом ночи Геракл проник в минийский лагерь, запряг коней в колесницы, увел их и привязал далеко от лагеря к деревьям, а спящих воинов предал мечу. К сожалению, его приемный отец Амфитрион погиб в схватке⁵.

[e] Вернувшись в Фивы, Геракл поставил алтарь Зевсу Сохранителю, каменного льва — Артемиде Славной, а также два каменных изваяния — Афине Опоясывающей. Поскольку боги не наказали Геракла за жестокость по отношению к посланцам Эргина, фиванцы решили почтить его статуей, названной Геракл Обрезатель Носов⁶.

[f] Согласно другому свидетельству, Эргин не погиб, когда минийцы потерпели поражение, а стал одним из аргонавтов, которые привезли золотое руно из Колхиды. Через много лет, вернув себе былое богатство, он разбогател, но за делами остался без детей. Послушавшись

оракула, он обзавелся молодой женой, которая родила ему Трофония и Агамеда, ставших знаменитыми строителями⁷.

¹ *Аполлодор*. II.4.11; *Павсаний*. IX.37.1—2; Схолии к Аполлонию Родосскому. I.185—188а.

² *Диодор Сицилийский*. IV.10.

³ *Диодор Сицилийский*. Там же; *Аполлодор*. II.4.11; *Павсаний*. IX.17.1.

⁴ *Еврипид*. Геракл. 220; *Диодор Сицилийский*. Цит. соч. IV.18.7; *Павсаний*. IX.38.5; *Страбон*. IX.11.40; *Аполлодор*. II.4.11.

⁵ *Диодор Сицилийский*. IV.18.7; *Павсаний*. IX.26.1.

⁶ *Еврипид*. Геракл. 48—50; *Павсаний*. IX.17.1—2, 25.4.

⁷ *Павсаний*. IX.37.2—3; *Аполлодор*. II.4.11.

1) То, как Геракл обошелся с минийскими посланцами (посланник везде считался неприкосновенным, как бы вызывающе он себя ни вел), свидетельствует о том, что в данном случае он представлял собой дорийских завоевателей середины XI в. до н.э., не считавшихся ни с какими нормами поведения.

2) Согласно Страбону (IX.2.18), существовавшие в известняке подземные каналы, через которые стекали воды Кефиса, периодически то закупоривались, то освобождались землетрясениями, но, несмотря на два больших канала, пробитых минийцами эпохи бронзы, т. е. пеласгами, испытывшими на себе влияние минойской культуры, чтобы помочь естественным каналам, вся Копайдская долина превратилась в болото. Джеймс Фрэзер, посетивший долину, обнаружил, что три канала уже в древнюю эпоху были забиты камнями. Возможно, это сделали фиванцы, которые в 368 г. до н. э. разрушили Орхомен, предав всех мужчин мечу, а женщин продав в рабство (*Павсаний*. IX.15.2). Не так давно одна английская компания осушила болото и вернула долину в хозяйственный оборот.

3) Когда Фивам грозила опасность (см. 105,i; 106,j), фиванский оракул часто требовал фармака из царского рода, однако только в чисто патриархальном обществе Андроклея и Алкида могли пожертвовать жизнью. Их имена, как и имена дочерей Эрехтея, которых принесли в жертву похожим образом (см. 47,d), вероятно, были эпитетами Деметры и Персефоны, которые требовали принесения в жертву мужчин. Все выглядит так, словно две принцессы «принесли себя в жертву вместо» царя-жреца, получившего после этого имя Антипен и отказавшегося

следовать примеру Менекея. Именно поэтому Сфинкс бросается со скалы вниз и разбивается (см. 105,5).

4) Выражение *Геракл, связыватель коней* может говорить о захвате Гераклом диких кобыл Диомеда и обо всем, что связано с этим событием (см. 130,1).

5) Афина Опоясывающая была самой древней Афиной, которая раздавала оружие своим избранным сыновьям. В кельтских и германских мифах вручение оружия считалось матриархальной прерогативой, осуществлявшейся во время священного брака (см. 95,5).

[а] Поражение, нанесенное Гераклом минийцам, сразу сделало его самым известным героем. В награду за это он получил в жены старшую дочь царя Креонта, по имени Мегара, или Мегера, и был назначен защитником города. Ификлу досталась в жены младшая дочь царя. Одни говорят, что у Геракла было двое сыновей от Мегары, другие считают, что трое, четверо и даже восемь. Они известны как Алкиды¹.

[b] Затем Геракл разбил Пирехма, царя эвбеев, выступавших против Фив на стороне минийцев. Геракл навел ужас на всю Грецию, когда приказал, чтобы жеребцы разорвали тело Пирехма пополам и чтобы затем его оставили без погребения на берегу реки Гераклея в том месте, которое сейчас называют жеребцы Пирехма. В этом месте эхо всегда доносит ржание, когда кони приходят сюда на водопой.

[с] Гера, обеспокоенная выходками Геракла, наслала на него безумие. Сначала он напал на своего любимого племянника Иолая, старшего сына Ификла, которому все-таки удалось спастись, а потом, приняв шестерых своих детей за врагов, он перебил их всех, а тела побросал в огонь, как и тела двоих сыновей Ификла, упражнявшихся вместе с остальными в военном деле. Фиванцы ежегодно устраивают праздник в честь этих восьмерых одетых в кольчуги жертв. В первый день праздника совершаются жертвоприношения и всю ночь горят костры, на второй день устраиваются погребальные игры, победитель которых удостоивается венка из белого мирта. Участники праздника скорбят о том блестящем будущем, которое ждало сыновей Геракла. Один из них должен был править Аргосом, заняв дворец Эврисфея. Именно ему Геракл

набросил на плечи свою львиную шкуру. Другой сын должен был стать царем Фив, ему в правую руку Геракл вложил жезл защитника города — обманчивый дар Дедала. Третьему сыну была обещана Эхалия; Геракл позднее опустошил ее. Для всех них были отобраны самые лучшие невесты, обеспечивающие союз с Афинами, Фивами и Спартой. Геракл так горячо любил своих сыновей, что многие отрицают его причастность к их гибели, предпочитая верить в то, что они были предательски убиты гостями Геракла, возможно Ликом или, как предполагает Сократ, Авгием².

[d] Когда к Гераклу вернулся разум, он на несколько дней закрылся в темной комнате, избегая всякого общения с людьми, а затем, когда царь Феспий совершил над ним обряд очищения, отправился в Дельфы, чтобы спросить, что ему следует делать. Пифия, впервые назвав его Гераклом, а не Палемоном, посоветовала ему поселиться в Тиринфе, отслужить Эврисфею двенадцать лет и совершить любые подвиги, которые тот повелит совершить; в награду за это он станет бессмертным. Услышав эти слова, Геракл очень расстроился, не желая служить человеку, который, как он знал, во многом уступал ему самому. Вместе с тем он боялся ослушаться своего отца Зевса. Утешить его пришли многочисленные друзья, и со временем, когда боль несколько притупилась, он отдал себя во власть Эврисфея³.

[e] Кое-кто, правда, говорит, что Геракл потерял рассудок и убил своих детей лишь после того, как вернулся из Аида, что он убил и Мегару и пифия тогда сказала ему: «Ты не будешь больше зваться Палемоном! Феб — Аполлон называет тебя Гераклом, поскольку именно Гере ты будешь обязан бессмертной славой среди людей!» — как если бы он совершил великую службу Гере. Некоторые говорят, что Геракл был возлюбленным Эврисфея и совершил двенадцать подвигов в его честь. Есть и такие, кто говорит, что он совершил эти подвиги, чтобы Эврисфей отменил приговор, по которому изгнали Амфитриона⁴.

[f] Как уже говорилось, когда Геракл отправился совершать свои подвиги, Гермес вручил ему меч, Аполлон дал лук и стрелы с перьями орла. От Гефеста Геракл получил золотой панцирь, и сама Афина соткала для него одежду. Говорят, правда, что панцирь он получил от Афины, а Гефест сделал ему поножи и прочный шлем. Добавляют, что Афина и Гефест соревновались в том, чтобы сделать лучший подарок Гераклу: богиня дала ему возможность наслаждаться мирскими радостями, а Гефест оградил его от военных опасностей. От Посейдона он получил

упряжку лошадей, а от Зевса — великолепный несокрушимый щит. О многом повествовали его украшения из эмали, слоновой кости, электра^{96*}, золота, ляпис-лазури. Кроме того, двенадцать змеиных голов, расположенных вокруг центральной бляхи, гремели челюстями, когда Геракл шел в бой, и устрашали его противников⁵. Правда, однако, заключается в том, что Геракл с презрением относился к доспехам и после своего первого подвига редко пользовался даже копьем, полагаясь больше на дубину, лук и стрелы. Он почти не прибегал к помощи палицы с бронзовой головой, подаренной ему Гефестом, предпочитая ей вырезанную из дикой оливы дубину. Первую такую дубину он изготовил на Геликоне, а вторую — в Немее. Позднее на смену второй дубине пришла третья, тоже вырезанная из дикой оливы, росшей на берегу Саронического моря. Это та самая дубина, которую он во время посещения Трезены прислонил к изваянию Гермеса. Она дала корни, покрылась ветвями и теперь выглядит довольно внушительным деревом⁶.

[г] Его племянник Иолай принимал участие в подвигах как возничий или щитоносец⁷.

¹ Аполлодор. II.4.11; Диодор Сицилийский. IV.10; Гигин. Мифы. 31.

² Диодор Сицилийский. IV.11; Аполлодор. II.4.12; Еврипид. Геракл. 462 и след.

³ Диодор Сицилийский. IV.11; Аполлодор. Цит. соч.

⁴ Еврипид. Геракл. 1 и след., 992 и след.

⁵ Аполлодор. II.4.11; Гесиод. Цит Геракла. 122 и след., 141 и след., 318 и след.

⁶ Еврипид. Геракл. 159 и след.; Аполлоний Родосский. I.1196; Диодор Сицилийский. IV.14; Феоокрит. Идиллия. XXV.28 и след.; Аполлодор. II.4.11; Павсаний. II.31.13.

⁷ Плутарх. О любви. 17; Павсаний. V.8.1, 17.11; Еврипид. Гераклиды. 216.

1) Умопомрачение у греков классической эпохи извиняло принесение в жертву ребенка (см. 27,е; 70,г).

2) Смерть Пирехма, разорванного пополам дикими лошадьми, уже встречалась (см. 71,1). Эпитет Геракла *Палемон* отождествляет его с коринфским Меликертом, который был обожествлен под этим именем. Меликерт — это Мелькерт, «владыка города», или тирский Геракл.

^{96*} Электр — сплав золота и серебра.

Восемь Алкидов, вероятно, были участниками танца с мечами, который, как и английский рождественский танец, где тоже восемь участников переодевались в разбойников Робин Гуда, завершался воскрешением жертвы. Мирт был деревом тринадцатого, 28-дневного месяца, символизовавшим его конец; дикая олива была деревом первого месяца, символизовавшим его начало (см. 119,2). Восемь сыновей Электриона (см. 118,а) могли быть участниками аналогичного танца в Микенах.

3) Гомосексуальные связи Геракла с Гиласом, Иолаем и Эврисфеем, а также описание его великодушных доспехов должны были обосновать фиванский военный обычай. В первоначальном мифе он должен был полюбить не Эврисфея, а его дочь. Как указывает Сервий, двенадцать подвигов Геракла, очевидно, соответствовали двенадцати знакам зодиака. Правда, ни у Гесиода, ни у Гомера не говорится, что их было двенадцать. Кроме того, порядок совершения подвигов не совпадает с порядком знаков зодиака.

4) Причиной, по которой двенадцать олимпийских богов осыпали подарками Геракла, бесспорно, был его священный брак, причем все подарки, скорее всего, должна была вручать его жрица-невеста Афина, Авга, Иола или носящая любое другое имя. Подарки вручались либо ей лично, либо ее свитой (см. 81, j). Здесь Геракл получает доспехи за свои подвиги, другими словами — за ритуальные поединки и магические действия.

[а] Первый подвиг, который Эврисфей повелел совершить Гераклу, когда тот переселился в Тиринф, заключался в том, чтобы убить и содрать шкуру с Немейского, или Клеонейского, льва — огромного зверя, шкура которого надежно защищала от железа, бронзы и камня¹.

[b] Хотя некоторые называют этого льва потомком Тифона или Химеры и пса Орфра, есть и такие, кто считает, что Селена родила его в страшных судорогах и уронила на землю на горе Трет неподалеку от Немей, у пещеры с двумя входами, и что в наказание за несовершенство жертвоприношения Селена наслала его на свой собственный народ².

[c] Третьи говорят, что по желанию Геры Селена создала льва из морской пены, помещенной в большой ковчег, и что Ирида связала его своим поясом и привела в Немейские горы. Горы получили название по имени дочери Асопа или дочери Зевса и Селены, а пещеру, в которой жил лев, до сих пор показывают в двух милях от города Немей³.

[d] Прибыв в Клеоны, что расположены между Коринфом и Аргосом, Геракл остановился в доме поденщика или пастуха по имени Малорк, сына которого погубил лев. Когда Малорк собирался принести в жертву барана, чтобы умилостивить Геру, Геракл остановил его словами: «Подожди тридцать дней. Если я благополучно вернусь, принеси жертву Зевсу Спасителю, а если не вернусь, принеси жертву мне, как герою!»

[e] Геракл достиг Немей в полдень, но, поскольку лев пожрал многих, ему не у кого было спросить дорогу, да и следов людей не было видно. В поисках льва Геракл сначала обыскал всю гору Апес, названную

так по имени пастуха Апесанта, погубленного львом, — некоторые, правда, добавляют, что Апесант был сыном Акрисия, умершего от укуса змеи в пятку, — а затем направился на гору Трет и там увидел льва, возвращавшегося в свое логово и залитого кровью жертв дневной охоты⁴. Геракл выпустил в него колчан стрел, но они только отскакивали от толстой шкуры, а лев, позевывая, облизывался в предвкушении новой жертвы. Тогда Геракл прибегнул к мечу, но тот согнулся, словно был сделан из свинца. Наконец он взмахнул дубиной и нанес такой удар по голове зверя, что лев поплелся в пещеру, тряся головой, но не от боли, а от звона в ушах. Геракл, уныло взглянув на разбитую в щепки дубину, один из входов в пещеру завесил сетью, а через второй вошел внутрь. Зная, что чудовищу не может повредить никакое оружие, он вступил с ним в схватку. Лев откусил ему один палец, но Геракл сумел схватить зверя за шею и огромным усилием задушил его руками⁵.

[f] Взвалив на плечи убитого льва, Геракл вернулся в Клеоны как раз на тридцатый день после своего ухода и увидел, что Малорк уже готовится принести ему жертву как герою. Теперь они вдвоем совершили жертвоприношение Зевсу Спасителю. После обряда Геракл изготовил себе новую дубину и, внося некоторые изменения в Немейские игры, которые до того времени устраивались в честь Офельта, посвятил их Зевсу, а сам понес убитого льва в Микены. Пораженный и испугавшийся Эврисфей запретил ему вновь появляться в городе. Отныне все плоды своих подвигов он должен был демонстрировать за городскими воротами⁶.

[g] Геракл поначалу никак не мог додуматься, как ему содрать со льва шкуру, но боги надоумили его использовать для этой цели челюсти самого льва с острыми как бритва зубами. Вскоре он уже мог носить как доспех непробиваемую львиную шкуру, а голова зверя служила ему шлемом. Тем временем Эврисфей приказал кузнецам выковать бронзовый пифос^{97*}. Когда пифос был готов, он закопал его и прятался в нем всякий раз, когда дозорные докладывали ему о приближении Геракла к городу. Все свои распоряжения он передавал через глашатая — сына Пелопа по имени Копрей, над которым он совершил обряд очищения от пролитой крови⁷.

^{97*} Пифос (греч. *πίφος* — «бочка», «большой сосуд») — большой сосуд яйцевидной формы из керамики, металла, дерева для хранения зерна.

[h] Почести, которых удостоился в Немее за совершенный подвиг, Геракл позднее передал своим верным союзникам из Клеон, сражавшимся на его стороне во время Элейской войны и потерявшим триста шестьдесят своих сограждан. Что касается Малорка, то он основал неподалеку город Малоркию и посадил Немейский лес, в котором теперь проводятся Немейские игры⁸.

[i] В те времена не только Гераклу удалось задушить льва. Такой же подвиг совершил его друг Филий в качестве первого из трех положенных жениху испытаний, которые он обязан был выполнить по воле Кикна, сына Аполлона и Гирии. Филий, кроме того, должен был поймать живьем чудовищных птиц, питавшихся людьми и похожих на стервятников, и, сразившись со свирепым быком, привести его к алтарю Зевса. Когда все три условия были выполнены, Кикн потребовал еще и быка, которого Филий получил в награду за победу на каких-то погребальных играх. Геракл посоветовал Филию отказать в этом требовании и просто договориться с Кикном, но тот с отчаяния бросился в озеро, которое с тех пор стало называться Кикнейским. Примеру Кикна последовала его мать Гирия. Оба они после смерти превратились в лебедей⁹.

¹ Аполлодор. II.5.1; Валерий Флакк. I.34; Диодор Сицилийский. IV.11.

² Аполлодор. Цит. соч.; Гесиод. Теогония. 327 и след.; Элиан. О животных. XII.7; Плутарх. О лике на диске луны. 24; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VIII.295; Гигин. Мифы. 30; Феокрит. Идиллия. XXV.200 и след.

³ Павсаний. II.15.3.

⁴ Страбон. VIII.6.19; Аполлодор. II.5.1; Феокрит. Идиллия. XXV.211 и след.

⁵ Вакхилид. VIII.5; Феокрит. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. IV.11; Еврипид. Геракл. 153, 359 и след.

⁶ Аполлодор. Цит. соч. II.4.11.

⁷ Феокрит. Идиллия. XXV.272 и след.; Диодор Сицилийский. IV.11; Еврипид. Геракл. 359 и след.

⁸ Элиан. Пестрые рассказы. IV.5; Стефан Византийский под словом *Molorchia*; Вергилий. Георгики. III.19.

⁹ Антонин Либерал. Превращения. 12. Овидий. Метаморфозы. VII.371.

1) Ритуальный поединок царя-жреца с дикими животными являлся обязательным элементом обряда коронации в Греции, Малой Азии,

Вавилонии и Сирии, причем каждое животное символизировало определенное время года. Количество таких зверей зависело от календаря: в календарях с тремя временами года, как и в Химере, было три символических животных — лев, коза и змей (см. 75,3). Вот почему утверждалось, что Киферонский лев был рожден Химерой от Орфра, т. е. звезды-Пса (см. 34,3).

Укрощая этих зверей, царь приобретал власть над временами года, в течение которых царствовал. В родном городе Геракла Фивах богиня-Сфинкс стояла во главе двухсезонного года. Она представляла собой крылатую львицу с хвостом змеи. Вот почему Геракл носил львиную шкуру и маску льва, а не маску быка, как Минос (см. 98,2).

2) Фотий отрицает, что Геракл потерял палец, сражаясь со львом. Однако более вероятно, что Геракл откусил себе палец, чтобы умиловать духов своих детей так же, как это сделал Орест, преследуемый эриниями своей матери. Еще одна пещера с двумя входами между делом упоминается в «Одиссее» (XIII.103 и след.). Это та самая пещера, около которой Одиссей впервые уснул после своего возвращения в Итаку. Находилась пещера в глубине залива Форкия. В северный вход пещеры могли проходить люди, а в южный — только боги. В пещере стояли двояручные сосуды, использовавшиеся в качестве ульев, имелись каменные чаши и в изобилии ключевая вода. Там же были каменные ткацкие станки — сталактиты² — на которых наяды ткали пурпурное полотно. Если Порфирий (*О пещере нимф*) прав, утверждая, что это была пещера, в которой совершались обряды смерти и последующего божественного воскрешения, то чаши там служили для сбора крови, а ключевая вода — для очищения. Сосуды были погребальными урнами, над которыми, как пчелы, роились души умерших (см. 90,2), а наяды — богини судьбы — ткали одежды, предназначенные для воскресшего (см. 10,1). Немейский лев жил в пещере с двумя входами, потому что первый подвиг символизировал переживание Гераклом ритуальной смерти, после которой он уже становился бессмертным и вступал в брак с богиней Гебой.

3) Смерть трехсот шестидесяти клеонцев предполагает наличие календарной мистерии, поскольку это число соответствует числу дней в священном египетском году, который содержал еще дополнительные пять дней, посвященные Осирису, Исиде, Нефтиде, Сету и Гору. Геракл вносит изменения в Немейские игры потому, что, скорее всего, он изменил местный календарь.

4) Если царь Микен, как противник Ориона Энопион из Гирии (см. 41,с), спасался в бронзовом сосуде, зарытом в землю, и появлялся только тогда, когда опасности уже не было, то этим он ежегодно изображал свою смерть, и в этот день правил его заместитель. Затем прежний правитель появлялся вновь. Среди таких заместителей были и дети Геракла (см. 122,1).

5) Апесант был одним из древних героев, погибших от укуса в пятку ядовитой змеи (см. 177,1). Его можно отождествить с Офельтом Немейским (см. 106,г), правда, неизвестно, куда был укушен Офельт.

Второй подвиг: Лернейская гидра

[a] Второй подвиг, совершенный по велению Эврисфея, завершился уничтожением Лернейской гидры — чудовища, порожденного Тифоном и Ехидной и воспитанного Герой, чтобы угрожать Гераклу¹.

[b] Город Лерна стоит на берегу моря в пяти милях от Аргоса. С запада от Лерны находится гора Понтин с платановой рощей, тянущейся до самого моря. В роще, ограниченной с одной стороны рекой Понтин, на берегу которой Данай построил святилище Афины, а с другой стороны — рекой Амимоней, стояли изваяния Деметры, Диониса Спасителя и одной из кормилиц Геры по имени Просимна; на берегу моря находилась каменная статуя Афродиты, поставленная данаидами. Каждый год в Лерне совершались тайные ночные обряды в честь Диониса, спустившегося в этом месте в Аид, чтобы забрать оттуда Семелу. Неподалеку совершались мистерии Лернейской Деметры. Ограда отмечала то место, где спустились в Аид Гадес и Персефона².

[c] Это плодородное и святое место стала опустошать гидра, которая устроила себе логово под платаном у семи ключей, дающих начало реке Амимона, и рыскала по соседнему бездонному Лернейскому болоту. Император Нерон захотел измерить его глубину, но безуспешно. Для многих путников это болото стало могилой³. У гидры было огромное собачье туловище и восемь или девять змеиных голов, одна из которых была бессмертна. Некоторые считают, что у нее было пятьдесят, сто и даже десять тысяч голов. Во всяком случае, она была столь ядовита, что одно ее дыхание и даже запах ее следов могли уничтожить все живое⁴.

[d] Афина все обдумала, как Гераклу лучше всего убить чудовище, и, когда на колеснице, управляемой Иолаем, он достиг Лерны, богиня указала ему, где находится логово гидры. По совету Афины он заставил ее покинуть логово, пуская из лука горящие стрелы, а когда ему удалось ухватить чудовище, он задержал дыхание. Однако чудовище обвилось вокруг его ног, стремясь свалить его. Напрасно Геракл бил дубиной по головам гидры — стоило ему раскроить одну голову, как на ее месте вырастали две, а то и три новые⁵.

[e] На помощь гидре из болота выполз огромный рак и вцепился Гераклу в ступню, но Геракл в ярости растоптал его и призвал на помощь Иолая. Иолай поджег часть ближней рощи, а затем, чтобы у гидры не вырастали новые головы, стал прижигать горящими головнями обезглавленные шеи и тем самым остановил поток крови⁶.

[f] Тогда мечом или золотым коротким клинком Геракл отрубил бесмертную голову, которая частично была золотой, и все еще шипящую закопал ее в землю у дороги в Элеунт, навалив сверху огромную скалу. Туловище он разрубил на куски и погрузил свои стрелы в смертоносную желчь гидры. Отныне даже небольшая рана, причиненная такой стрелой, становилась смертельной.

[g] В благодарность за службу Гера поместила изображение рака среди двенадцати знаков зодиака. Эврисфей посчитал, что этот подвиг совершен не по правилам, поскольку Иолай таскал для Геракла головни⁷.

¹ Гесиод. Теогония. 313 и след.

² Павсаний. II.37.2,5; II.36.6—8.

³ Павсаний. II.37.4; Аполлодор. II.5.2.

⁴ Еврипид. Геракл. 420 и след.; Аполлодор. Цит. соч.; Симонид. Цит. по: Схолии к «Теогонии» Гесиода. 313; Диодор Сицилийский. IV.11; Гигин. Мифы. 30.

⁵ Гесиод. Теогония. 313 и след.; Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч.; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.287.

⁶ Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. IV.11; Гесиод. Цит. соч.

⁷ Еврипид. Ион. 192 и след.; Гесиод. Теогония. 313 и след.; Аполлодор. Цит. соч.

1) Лернейская гидра приводила в недоумение мифографов классической эпохи. Павсаний утверждал, что это могла быть большая ядовитая

водяная змея, но Писандр первым назвал ее многоголовой, желая сделать ее более устрашающей и в то же время придать еще больше веса своим стихам (Павсаний II.37.4). Согласно евгемеристу ^{98*} Сервию ^{99*} (Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.287), гидра была источником подземных рек, которые периодически выбивались на поверхность и затопляли землю: если перекрывался один из многочисленных выходов, вода пробивала себе дорогу в другом месте. Поэтому Геракл сначала использовал огонь, чтобы высушить землю, а затем перекрыв все выходы воды на поверхность.

2) В древнейшем варианте этого мифа Геракл, как претендент на престол, вероятно, должен был бороться поочередно с быком, львом, вепрем или скорпионом, а затем нырять в озеро, чтобы отобрать золото у живущего в водных глубинах чудовища. Ясон должен был выполнить примерно такие же задания, а роль помощницы, которую играла Медея, в мифе о Геракле отведена Афине как его будущей невесте. Гидра напоминает морского змея, которого убил Персей золотым клинком или серпом народившейся луны. Но, бесспорно, это было пресноводное чудовище вроде тех, что упоминают ирландские и уэльские мифографы под именем пиастров, или аванков (см. 148,5), или как «водяное чудовище», о котором можно догадаться по гомеровскому эпитету *Лакедемона*, а именно *celoessa*, обитавшее в каком-нибудь глубоком водосме Еврота (см. 125,3). Собачье туловище напоминает морское чудовище Скиллу (см. 16,2). Астрологи ввели рака в повествование для того, чтобы установить соответствие между двенадцатью подвигами Геракла и знаками зодиака, однако ему следовало бы появиться в рассказе о поединке с Немейским львом, соответствующим следующему знаку.

3) Этот ритуальный миф оказался связанным с данаидами, которые были древними жрицами воды в Лерне. Количество голов, приписываемых гидре, варьирует по следующим причинам. Как коллегия жриц,

^{98*} Евгемерист — последователь учения Евгемера (IV в. до н. э.) — греческого философа из Мессины Сицилийской, автора «Священной записи», известной в переложении (сохранилось во фрагментах). В книге излагается теория, согласно которой греческие боги — это всего лишь культовые образы обожествлявшихся некогда героев и царей. Учение Евгемера (евгемеризм) использовалось ранними христианами для дискредитации языческих богов, позднее — рационалистами и материалистами.

^{99*} Сервий — латинский грамматик, живший в Риме около 400 г. н.э. Издал подробный комментарий к произведениям Вергилия, долгое время служивший основой для изучения творчества поэта. Неизвестный автор позднее расширил этот комментарий ценными записями о римских древностях.

чудовище имеет пятьдесят голов; как священная каракатица, в которую превращалась Фетида (а у нее также было пятьдесят жриц), оно имеет восемь змееподобных рук, оканчивающихся головами, и еще одну голову на туловище, т. е. всего девять голов в честь луны-богини; сто голов предполагает *centuriae*, или военные отряды, которые нападали на Аргос из Лерны; десять тысяч — это обычное украшательство Еврипида, мало смыслившего в мифологии. На греческих монетах гидра обычно изображается с семью головами, что, бесспорно, указывает на семь источников реки Амимона.

4) Уничтожение Гераклом гидры, возможно, основано на реальном историческом событии — попытке искоренить лернейские обряды плодородия. Однако новые жрицы опять появлялись в платановой роще, пока ахейцы, а быть может, дорийцы не сожгли ее дотла, причем наличие платана и каракатицы предполагает религиозные критские влияния. Совершенно ясно, что первоначально Деметра существовала в виде триады, состоявшей из Гекаты, Кроны, которую здесь называли Просимной, т. е. той, «к которой обращают гимны», и девственной Персефоны. Однако Семела (см. 27,к) Диониса вытеснила Персефону. Кроме того, на побережье существовал отдельный культ Афродиты—Фетиды.

Третий подвиг:
Керинейская лань

[а] Третьим подвигом Геракла была поимка Керинейской лани, которую он живой принес на плечах из Энои в Микены. У этого быстрого пятнистого животного были медные копыта и золотые рога, как у оленя, поэтому некоторые называли его оленем¹. Это было священное животное Артемиды, которая еще ребенком видела пять ланей крупнее быков, пасшихся на берегах бежавшей по черным камням фессалийской реки Анавр у подножия Паррасийских гор. Солнце играло на рогах ланей. Бросившись в погоню, богиня поймала четырех своими руками и одну за другой впрягла плениц в свою колесницу. Пятой удалось бежать за реку Келадонт на Керинейский холм, как того пожелала Гера, уже замыслившая все подвиги Геракла. По другому свидетельству, эта лань никому не принадлежала, она устраивала набеги на поля, и Геракл после жестокой схватки принес ее в жертву Артемиде на вершине горы Артемисий².

[b] Не желая убить или даже ранить лань, Геракл совершил этот подвиг, не прибегая к силе. Он непрерывно преследовал лань в течение года, причем охота привела его в далекую Истрию и страну гипербореев. Когда, вконец измученная, лань укрылась на горе Артемисий, а затем спустилась к реке Ладон, Геракл выпустил стрелу, которая пригвоздила передние ноги лани одну к другой, пройдя между костью и сухожилием так, что не упало ни капли крови. После этого Гераклу удалось поймать лань, и, взвалив ее на плечи, он поспешил через Аркадию в Микены. Кое-кто, правда, говорит, что он использовал сети или преследовал лань до тех пор, пока не застал ее спящей под деревом.

Артемиде вышла навстречу Гераклу, порицая его за такое отношение к священному животному, однако тому удалось доказать необходимость своего поступка и свалить всю вину на Эврисфея. Гнев богини прошел, и она разрешила Гераклу принести живую лань в Микены³.

[с] По другой версии, эту лань плеяда по имени Тайгета, сестра Алкионы, посвятила Артемиде в благодарность за то, что она временно была превращена в лань, чтобы избежать объятий Зевса. Однако Зевс оставался обманутым совсем недолго, и она зачала от него Лакедемона. После этого она повесилась на вершине горы Амиклей, впоследствии названной гора Тайгет⁴. Племянница и тезка Тайгеты вышла замуж за Лакедемона и родила ему Гимера, который по желанию Афродиты лишил девственности свою сестру Клеодику, причем все произошло неумышленно на одной из ночных пирушек. На следующий день, узнав, что он совершил, Гимер бросился в реку, которую сейчас иногда называют его именем, и больше его никто не видел. Однако чаще эту реку называют Еврот, потому что предшественник Лакедемона царь Еврот, потерпев позорное поражение от афинян из-за того, что начал бой, не дождавшись полнолуния, утонул в водах этой реки. Еврот, сын Милета, изобретшего водяную мельницу, был отцом Амикла и дедом Гиакинфа и Евридики, вышедшей замуж за Акрисию⁵.

¹ *Аполлодор*. II.5.3; *Диодор Сицилийский*. IV.13; *Еврипид*. Геракл. 375 и след.; *Вергилий*. Энеида. VI.802; *Гигин*. Мифы. 30.

² *Аполлодор*. Цит. соч.; *Каллимах*. Гимн к Делосу. 103, Гимн к Артемиде. 100 и след.; *Еврипид*. Цит. соч.

³ *Аполлодор*. Цит. соч.; *Диодор Сицилийский*. IV.13; *Пиндар*. Олимпийские оды. III.24 и след.; *Гигин*. Цит. соч.

⁴ *Пиндар*. Олимпийские оды. Там же; *Аполлодор*. III.10.1, 3.

⁵ *Павсаний*. III.1.2—3, 20.2; *Аполлодор*. III.10.3.

1) Этот третий подвиг отличается от всех остальных. Исторически он может свидетельствовать о захвате ахейцами святилища, где Артемиде поклонялись как Элафисе («ланеподобная»); ее четыре впряженных в колесницу оленя соответствовали годам Олимпиад. По истечении каждого года жертву, одетую в оленьи шкуры, умерщвляли во время ритуальной охоты (см. 22,1). Про Элафию сказано, что она была кормилицей Артемиды, то есть, по существу, самой Артемидой (*Павсаний*. VI.22.5). Согласно мифу, однако, этот подвиг, вероятно, относится

к Гераклу-дактилю (см. 52,3), которого галлы отождествляли с Огмием (Лукиан. *Про Геракла*. 1). Преследование лани или косули символизирует погоню за мудростью, которая прячется, согласно ирландской мистической традиции, под дикой яблоней (см. «Белая богиня»). Это объяснило бы, почему никто, кроме плохо информированного Еврипида, не говорит, что Геракл причинил зло косуле. Наоборот, он преследовал ее в течение целого года, достигнув даже страны гипербореев, считавшихся знатоками именно таких мистерий.

2) В Европе рога были только у северного оленя, и сообщения о нем могли прийти из Балтики по Янтарному пути, причем северный олень, в отличие от других, мог ходить в упряжке.

3) То, что сын Тайгеты Гимер утонул так же, как и ее свекор Еврот, свидетельствует о том, что древних спартанских царей было принято приносить в жертву чудовищу, жившему в реке Еврот. Для этого их обвязывали ветвями и бросали в реку.

4) Эротические ночные пирушки устраивались в различных греческих государствах (см. 44,а), а также во время праздника Альбан в Риме, который был уступкой древним эротическим обрядам, предшествовавшим моногамии.

Четвертый подвиг: Эриманфский вепрь

[а] Четвертый подвиг, который должен был совершить Геракл, заключался в том, чтобы поймать живым Эриманфского вепря — огромных размеров свирепого зверя, который обитал на поросших кипарисами склонах горы Эриманф, а также в зарослях аркадской горы Лампей и совершал набеги на земли вокруг города Псофиды¹. Гора Эриманф названа по имени сына Аполлона, которого Афродита ослепила за то, что он подсматривал за ней, когда она купалась. Аполлон в отместку превратился в вепря и убил ее возлюбленного Адониса. Тем не менее гора осталась священной горой Артемиды².

[б] По дороге к Эриманфу Геракл, проходя через Фолою, где он убил некоего Савра, жестокого разбойника, был принят кентавром Фолом, которого одна из ясневых нимф родила от Силена. Фол поставил перед Гераклом жареное мясо, а сам предпочел есть сырое, не смея открыть сосуд с вином, принадлежавший всем кентаврам, до тех пор пока Геракл не напомнил ему, что это тот самый сосуд, который четырем поколениями раньше Дионис оставил в пещере как раз для такого случая³. Кентавры пришли в возбуждение, почуяв запах крепкого вина. Вооружившись большими камнями, вырванными из земли елями, головнями и топорами, они помчались к пещере Фола. Если Фол от страха спрятался, то Геракл смело отразил нападение первых двух кентавров — Анкия и Агрива⁴ — градом головней. Нефела, богиня облаков и бабка кентавров, пролила на землю сильный ливень, от которого у Геракла ослабла тетива, а земля под ногами стала скользкой. Однако он оказался достойным своей славы и убил нескольких кентавров, и среди

них Орея и Гилея. Остальные бежали до самой Малси, где нашли убежище у своего царя Хирона, которого лапифы изгнали с горы Пелион⁵.

[с] Уже на излете стрела, пущенная Гераклом, прошла через руку Элата и вонзилась в колено Хирона. Опечаленный тем, что стрела попала в его старого друга, Геракл вытащил из его колена наконечник стрелы, и хотя Хирон сам готовил снадобья для лечения ран, в этом случае они оказались бесполезными, и он, стелая, удалился в пещеру, но не умер, потому что был бессмертным. Прометей позднее согласился стать бессмертным вместо него, и Зевс утвердил этот обмен. Правда, некоторые говорят, что Хирон избрал смерть не потому, что страдал от боли в ране, а потому, что ему надосла его долгая жизнь⁶.

[d] Тем временем кентавры разбежались в разные стороны: одни с Эврителином отправились в Фолою, другие с Нессом — за реку Эвен, третьи — на гору Малей, а четвертые — в Сицилию, где их истребили сирены. Остальных Посейдон принял в Элевсине и спрятал в горе. Среди тех, кого позднее убил Геракл, был кентавр Хомад, который пытался обесчестить сестру Эврисфея Алкиону. Проявив благородство и таким образом отомстив врагу за нанесенное оскорбление, Геракл обрел большую славу⁷.

[e] Тем временем Фол хоронил своих мертвых сородичей. Он извлек одну из стрел Геракла и стал ее рассматривать. «Надо же, такое большое существо погибло от какой-то царапины», — удивился он. Но тут стрела выпала из его рук, пронзила ногу, и он упал замертво. Геракл прервал охоту, вернулся в Фолою и предал Фола земле с необычайной пышностью у подножия горы, которая теперь носит его имя. Именно после этих событий река Анигр приобрела свой ужасный запах, который исходит на всем ее протяжении от истока на горе Лапиф. Случилось так, что кентавр по имени Пиленор, которого Геракл ранил стрелой в руку, бежал и промыл здесь свою рану. Некоторые, однако, говорят, что смердящий дух появился несколькими годами раньше, когда в Анигр бросали дурно пахнущие предметы, использованные при очищении дочерей Прета⁸.

[f] Геракл тем временем преследовал вепря на реке Эриманф. Захватить живым такого свирепого зверя было делом исключительной трудности, однако Гераклу удалось громкими криками выгнать его из зарослей, загнать в глубокий сугроб и вскочить ему на спину. Геракл связал его цепями и живым отнес на плечах в Микены. Но когда он услышал, что аргонавты готовятся к плаванию в Колхиду, то сбросил вепря

наземь у рыночной площади и вместо того, чтобы ждать дальнейших распоряжений от Эврисфея, прятавшегося в медном пифосе, отправился с Гилом, чтобы присоединиться к отплывающим. Неизвестно, кто потом убил вепря, известно только, что его клыки хранятся в храме Аполлона в Кумах⁹.

[g] По некоторым свидетельствам, Хирон был случайно ранен стрелой, которая пронзила ему левую ногу, когда они вместе с Фолом и молодым Ахиллом принимали Геракла на горе Пелион. Через девять дней Зевс поместил изображение Хирона среди звезд как созвездие Кентавра. Другие, напротив, утверждают, что созвездием Кентавра Зевс отметил Фола, поскольку тот превосходил людей в искусстве предсказания по внутренностям. Стрелец среди знаков зодиака — это тоже кентавр, некто Крот, живший на горе Геликон и нежно любимый своими сводными сестрами — музами¹⁰.

¹ Овидий. Героиды. IX.87; Аполлоний Родосский. I.127; Аполлодор. II.5.4; Диодор Сицилийский. IV.12.

² Гомер. Одиссея. VI.102 и след.

³ Аполлодор. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. Цит. соч.

⁴ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч.

⁵ Вергилий. Энеида. VIII.293—294; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч.

⁶ Аполлодор. Цит. соч.; Лукиан. Разговоры в Царстве мертвых. 26.

⁷ Аполлодор. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. Цит. соч.

⁸ Аполлодор. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Павсаний. V.5.6.

⁹ Аполлодор. Цит. соч.; Павсаний. VIII.24.2; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлоний Родосский. I.122 и след.

¹⁰ Феокрит. Идиллия. VII.149—50; Овидий. Фасты. V.380 и след.; Гигин. Мифы. 224; Эратосфен. Превращения в звезды. 40.

1) Вепри были священными животными луны из-за своих клыков, напоминающих по форме полумесяц. Возможно, танист, убивавший и оскорявший своего двойника царя-жреца, был в это время наряжен вепрем (см. 18,7; 151,2). Гора Эримаф была священной горой Артемиды, а не Афродиты, и именно Артемида должна была быть той богиней, за которой подглядывал царь-жрец, а не его танист (см. 22,1).

2) Вполне возможно, что бой Геракла с кентаврами, как и аналогичная битва на свадьбе Пирифоя (см. 10,2), первоначально был ритуальной

схваткой между новым царем и его противниками, обряженными в зверей. Традиционным оружием Геракла были стрелы, которые он, чтобы утвердить свою власть, пускал по одной в каждую сторону света, а пятую — прямо в небо. Пограничные войны между элинами и доэллинскими горцами Северной Греции, возможно, тоже нашли отражение в этом мифе.

3) Ядовитые стрелы, вонзившиеся в колено и ступню, явились причиной смерти не только Фола и Хирона, но и Ахилла — ученика Хирона (см. 92,9; 164, j): все кентавры были магнесийскими царями-жрецами, чьи души, естественно, достались сиренам. Присутствие кентавра в Малее подтверждается местным преданием, утверждавшим, что Силен, отец Фола, родился именно там (Павсаний. III.25.2). Кентавры часто изображались не как полулошади, а как полукозы. Их пребывание в Элевсине, где Посейдон прятал их в горе, говорит о том, что, когда посвящаемый в Элевсинские мистерии праздновал ритуальный брак с богиней, в обряде принимали участие танцоры, скачущие верхом на палочках, увенчанных лошадиными головами.

**Пятый подвиг:
Авгиевы конюшни**

[а] Пятый подвиг Геракла заключался в том, чтобы за один день очистить от навоза конюшни царя Авгия. Эврисфей уже радостно представлял себе, с каким отвращением Геракл вынужден будет складывать в корзины навоз и носить их на плечах. Царь Элиды Авгий был сыном Гелиоса или Элея и Навпидамы, дочери Амфидаманта, или, по мнению некоторых, сыном Ифибои. Есть и такие, кто называет его сыном Посейдона. По величине стад и табунов он был самым богатым человеком на земле, потому что по божьей милости его скот не болел и хорошо размножался. Хотя приплод почти всегда был женского пола, у него было триста белоногих черных быков и двести краснопородных племенных; кроме того, у него было двенадцать прекрасных серебристо-белых быков, посвященных его отцу Гелиосу. Эта дюжина защищала его стада от нападения диких зверей, живущих на лесистых холмах¹.

[b] К тому времени навоз в Авгиевых конюшнях и овчарнях не убирался многие годы, и, хотя зловоние не сказывалось на самих животных, от него распространился мор по всему Пелопоннесу. Более того, пастбища в долине покрывал такой слой навоза, что их нельзя было пахать под зерновые².

[с] Геракл издали приветствовал Авгия и обещал ему еще дотемна очистить все конюшни в обмен на десятую часть скота. Авгий недоверчиво рассмеялся и позвал своего старшего сына Филя, чтобы тот стал свидетелем предложения Геракла. «Поклянись, что закончишь всю работу до наступления темноты», — потребовал Филей. Геракл поклялся именем своего отца, и это была первая и последняя клятва, которую он

давал в своей жизни. Авгий дал такую же клятву, что выполнит свое обещание. В этот момент бык Фаэтон, вожак двенадцати белых быков, бросился на Геракла, приняв его за льва. Тогда Геракл ухватил его за левый рог, пригнул и, собрав все силы, повалил на землю³.

[d] По совету элейца Менедема и при помощи Июлая Геракл для начала проломил в двух местах каменную стену, окружавшую конюшни. Затем повернул ближайšie реки Алфей и Пеней или Мений, так, чтобы их потоки устремились через скотный двор, начисто вымыли его и понеслись дальше, смывая навоз с загонов для овец и с пастбищ в долине. Так Геракл совершил подвиг за один день, вернув земле жизнь и не испачкав даже мизинца. Но Авгий, узнав от Копрея, что Геракл вычистил конюшни повинаясь Эврисфею, отказался дать обещанную награду за труд и даже осмелился отрицать, что он с Гераклом заключил сделку.

[e] Геракл предложил, чтобы дело передали на рассмотрение третейским судьям, но, когда судьи заняли свои места и Филей, вызванный Гераклом, под присягой показал правду, Авгий в ярости изгнал их обоих из Элиды, утверждая, что Геракл обманул его: ведь всю работу выполнили боги рек, а не он. Что еще хуже, Эврисфей объявил этот подвиг не идущим в счет положенных десяти, поскольку Авгий нанял Геракла.

[f] После этого Филей отправился в Дулихий, а Геракл — ко двору царя Дексамена Оленского, чью дочь Мнесимаху он позднее спасет от кентавра Евритиона⁴.

¹ *Аполлодор*. II.5.5, 7.2; *Диодор Сицилийский*. IV.13; *Павсаний*. V.1.7; *Гигин*. Мифы. 14.

² *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VII.300; *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.; *Павсаний*. Цит. соч.

³ *Павсаний*. Цит. соч.; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Плутарх*. Римские вопросы. 28; *Феокрит*. Идиллия. XXV.

⁴ *Гигин*. Цит. соч. 30; *Павсаний*. Цит. соч.; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.; *Каллимах*. Гимн к Делосу. 102.

1) Этот странный миф, вероятно, основан на легенде, повествующей о том, как Геракл, словно Ясон, должен был укротить двух быков, запрячь их, расчистить поросший лесом холм, вспахать его, засеять и собрать урожай, совершив все это за один день, — обычное испытание,

которое должен был пройти кандидат на царский трон (см. 152,3). В этом случае холм нужно было очистить не от деревьев и камней, как требовалось в кельтском варианте мифа, а от навоза — возможно, потому, что глашатай Эврисфея, который сообщал распоряжения, звали Копрей («навозный человек»). Джеймс Фрэзер в комментарии к Павсанию (V.10.9) приводит скандинавскую сказку «Хозяюшка», в которой принц, мечтающий жениться на дочери великана, должен сначала очистить три конюшни. Однако каждая куча навоза, поднимаемого на вилах, тут же становилась в десять раз больше. Тогда принцесса посоветовала герою перевернуть вилы вверх и пользоваться рукояткой. Послушавшись совета, он вскоре очистил конюшни. Фрэзер предполагает, что в первоначальном варианте мифа Афина могла дать Гераклу такой же совет. Более вероятно, однако, что скандинавская сказка является пересказом подвига Геракла. Скот Авгия не имеет никакого значения для мифа, если не считать того, что рассказ о его количестве помогает представить, сколько нужно было убрать навоза. Как показывает миф, навоз не ценился греческими земледельцами. Гесиод («Труды и дни») не упоминает о нем, а Г. Митчелл («Экономика Древней Греции») ^{100*} указывает, что некоторые древние своды законов запрещали выпас скота на парах. Действительно, пес Одиссея по кличке Аргус лежал на навозной куче, предназначенной для удобрения полей (Одиссея. XVII.296 и след.). Но, где бы ни была создана «Одиссея» — и уж конечно это не была материковая Греция, — все упоминания в ней о земледелии и садоводстве говорят о наличии критского влияния. Согласно некоторым мифографам, Авгий был сыном Элея, имя которого означает не что иное, как «царь Элиды», другие мифографы называют его сыном Посейдона, что также говорит в пользу того, что он был эолийцем. Однако в данном варианте мифа Элея спутали с Гелием — коринфским богом солнца. Поэтому Авгия и считали владельцем священного стада, аналогичного тому, которым владел Сисиф (см. 67,1). В таком стаде должно было быть 350 голов скота, причем это число соответствовало количеству дней в двенадцати лунных месяцах за вычетом священных пяти дней праздников, характерных для египетского года (см. 42,1). О том, что это был скот, посвященный луне, говорит его масть — красная, белая и черная (см. 90,2), причем белые быки соответствуют двенадцати лунным

^{100*} Митчелл Х. (1883—1966) — канадский ученый, автор трудов по экономике Канады и книги «Экономика Древней Греции» (1940).

месяцам. Такой священный скот часто угоняли — как, например, Геракл, совершая свой десятый подвиг, — поэтому подоплека ссоры с Авгием состоит в том, что Гераклу достались и эти двенадцать быков.

2) Пятый подвиг, который, по сути, был связан с пахотой, севом и сбором урожая, был перепутан с двумя другими: десятым подвигом — похищением коров Гериона — и седьмым — захватом белого критского быка Посейдона, который, однако, использовался не для пахоты. В культуре Посейдона, который назывался отцом Авгия, юноши боролись с быками, поэтому схватку Геракла с Фаэтоном, как и схватку Тесея с Минотавром, лучше всего понимать как обряд коронации: благодаря магическому прикосновению к рогу быка царь становился способным оплодотворять землю и получал титул *Потидан*, или Посейдон. Аналогичным образом во время брачного испытания Геракл сражался с рекой Ахелой в виде человека с бычьей головой, которому он отломил рог изобилия (см. 141,d).

Шестой подвиг:
Стимфалийские птицы

[а] Шестой подвиг Геракла заключался в том, чтобы уничтожить птиц с бронзовыми клювами, когтями и крыльями, поедавших людей и считавшихся священными птицами Ареса. Испугавшись волков в Волчьем овраге, что у Орхоменской дороги, эти птицы перелетели на Стимфалийское болото¹. Там они кормились и бродили вдоль реки под тем же названием, а иногда большими стаями поднимались в воздух, чтобы ливнем бронзовых перьев убивать людей и зверей, а ядовитым пометом портить урожай.

[b] Прибыв на болото, которое было окружено густыми лесами, Геракл обнаружил, что птиц было несметное множество и что рассчитывать на то, чтобы выгнать их из болота стрелами, было бесполезно. Кроме того, по болотной трясине человек пройти не мог, а воды в болоте было явно недостаточно, чтобы воспользоваться лодкой. Когда Геракл сидел в нерешительности на берегу реки, Афина вручила ему пару бронзовых трещоток, сделанных Гефестом. Другие говорят, что это была погремушка. Стоя на выступе горы Киллены, возвышающейся над болотом, Геракл стал издавать трещотками или погремушкой такой шум, что птицы сбились в одну стаю и вне себя от страха поднялись в воздух. Ему удалось перебить множество птиц, когда те летели на остров Ареса в Понте Эвксинском, где их позднее обнаружили аргонавты. Некоторые добавляют, что Геракл в тот момент был с аргонавтами и опять перебил множество птиц².

[с] Стимфалийские птицы были размером с журавля и очень напоминали ибисов, если не считать, что своим клювом они могли пробить

металлический нагрудник и клюв у них не был загнут. Они также водились в Арабской пустыне и наводили больше страха, чем львы и леопарды, когда камнем падали человеку на грудь, пронзая ее клювом. Арабские охотники научились изготавливать защитные нагрудники, плетенные из лыка, в которых застревали смертоносные клювы, и человек мог свернуть голову напавшей на него птице. Может быть, стая этих птиц перелетела из Аравии в Стимфал, и по имени этого места стали называться все птицы³.

[d] По некоторым свидетельствам, стимфалийские птицы были женщинами, дочерьми Стимфала и Орниты, которых Геракл убил за то, что они отказали ему в гостеприимстве. В Стимфале, в древнем храме Артемиды Стимфалийской, фигурки этих птиц свешивались с крыши, а за зданием храма стояли статуи девушек с птичьими лапами. В этом же месте сын Пеласга Темен построил три святилища в честь Геры: в первом она была объектом поклонения как дитя, поскольку Темен нянчил ее, во втором — как невеста, поскольку она вышла замуж за Зевса, а в третьем — как вдова, потому что она отреклась от Зевса и удалась в Стимфал⁴.

¹ Павсаний. VIII.22.4—6; Аполлодор. II.5.6; Гигин. Мифы. 30.

² Аполлоний Родосский. II.1052 и след.; Павсаний. Цит. соч.; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. III.300; Аполлоний Родосский. II.1037 и след., схолии; Диодор Сицилийский. IV.13; Аполлодор. Цит. соч.

³ Павсаний. VIII.22.4.

⁴ Мнасей. Цит. по: Схолии к Аполлонию Родосскому. II.1054; Павсаний. VIII.22.2,5.

1) Хотя Афина продолжает помогать Гераклу, этот подвиг не относится к брачным испытаниям, а прославляет его как врача, изгоняющего демонов лихорадки, отождествляемых с болотными птицами. Хохлатые птицы, изображенные на стимфалийских монетах, — это колпицы, принадлежащие к семейству ибисов. На средневековых английских барельефах они изображены высасывающими душу у больных людей. По сути дела, они были птицепогоими сиренами, олицетворявшими лихорадку, а трещотки или погремушки в древности, да и сейчас, среди примитивных народов использовались для изгнания демонов лихорадки. Артемида была богиней, которая могла наслать или лечить лихорадку своими «милосердными стрелами».

2) Стимфалийское болото обычно увеличивалось в размерах, когда подземный канал, по которому из него стекала вода, оказывался заблокированным. Так случилось во времена Павсания (VIII.22.6). Ификрат, когда осадил город, уже собирался засыпать этот канал, но небесное знамение помешало ему это сделать (Страбон. VIII.8.4). Не исключено, что существовал вариант мифа, в котором Геракл осушил болото, освободив подземный канал, точно так же, как перед этим он осушил Темпейскую долину (Диодор Сицилийский. IV.18) .

3) Миф, однако, имеет, вероятно, и историческое и ритуальное значение. Очевидно, сообщество аркадских жриц, поклонявшихся женской триаде в образе девы, невесты и Кроны, нашло приют в Стимфале после того, как были изгнаны из Волчьего оврага пришельцами, поклонявшимися Волчьему Зевсу, и Мнасей^{101*} довольно правдоподобно объяснил изгнание или избивание стимфалийских птиц как искоренение этого сообщества колдуний Гераклом, т. е. племенем ахеян.

4) Встречающиеся у Павсания крепкоклювые аравийские птицы могли быть демонами солнечного удара, от которых спасались сплетенным из коры защитным покрытием. Их можно было спутать с крепкоклювыми страусами, на которых арабы продолжают охотиться.

Leuc-erodes («белая цапля») — так греки называли колпиц. Предок Ирода Великого, как сообщают, был храмовым рабом Тирского Геракла (Африкан. Цит. по: Евсевий. *Церковная история*. 1.6.7), и это объясняет возникновение его родового имени. Колпица принадлежит к тому же отряду, что и ибис — еще одна болотная птица, посвященная богу Тоту, изобретшему письменность, а Тирский Геракл, как и его кельтский двойник, был покровителем учености, благодаря чему Тир стал знаменитым городом (Иез. 28:12). В древнееврейской легенде его жрец Хирам Тирский обменивается загадками с Соломоном.

^{101*} Мнасей (II в. до н. э.) — историк из греческого города Патр.

Седьмой подвиг:
Критский бык

[а] Эфрисфей приказал Гераклу совершить седьмой подвиг и поймать Критского быка, однако до сих пор нет ясности: был ли это бык, посланный Зевсом, чтобы похитить Европу, или тот, которого Минос не захотел пожертвовать Посейдону и от которого Пасифея родила Минотавра. В то время этот бык опустошал Крит, особенно берега реки Тефрин, вырывая с корнем посевы и разрушая садовые ограждения¹.

[б] Когда Геракл отплыл на Крит, Минос предложил ему любую помощь, которая только была в его власти, но Геракл предпочел поймать быка в одиночку, несмотря на то что тот изрыгал всеиспепеляющее пламя. После длительного поединка ему удалось одолеть быка и переправить его за море в Микены, где Эврисфей посвятил его Гере и отпустил на свободу. Гера, однако, отказавшись от подарка, который лишь еще больше увеличил славу Геракла, отправила быка сначала в Спарту, а затем опять в Аркадию и через Истм — в аттический Марафон, откуда Тесей позднее привел его в Афины, чтобы пожертвовать Афине².

[с] Тем не менее многие до сих пор отказываются отождествлять Критского и Марафонского быков³.

¹ *Аполлодор*. II.5.7; *Диодор Сицилийский*. IV.13; *Павсаний*. I.27.8.

² *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VIII.294; *Аполлодор*. Цит. соч.

³ *Теон Александрийский*. Комментарий к Арату.

1) Схватка с быком или человеком, обряженным в быка, была одним из ритуальных испытаний, которое должен был пройти кандидат на царский престол (см. 123,1). Она фигурирует в истории с Тесеем и Минотавром (см. 98,2), так же как в истории с Ясоном и огнедышащими быками царя Ээта (см. 152,3). Когда бессмертие, являвшееся атрибутом должности царя-жреца, стало доступно любому посвященному в Дионисийские мистерии, одолеть быка и посвятить его Дионису Плутодоту («дающий богатство») стало широко распространенным обрядом.

Основной ипостасью Диониса был бык, но он появлялся и в образе льва, и в образе змея (см. 27,4). Прикосновение к рогу быка (см. 127,2) позволяло царю-жрецу оплодотворять землю, вызывая дождь. С точки зрения магии это объяснялось тем, что мычание быка предвещало грозу. Для этой же цели раскачивали большие «бычьи» раковины, издававшие звуки, похожие на мычание. Для имитации молний размахивали факелами (см. 68,а), из-за которых быки казались наделенными огненным дыханием.

2) Дионис назван Плутодотом потому, что держит в руке рог изобилия, вырванный из головы быка. Первоначально с помощью этого магического средства вызывали дождь (см. 142,б). Культ Диониса возник из культа критского Загрея, а, как известно, Загрей превращался во льва, рогатого змея, быка и Крона, вызывающего дождь (см. 30,3).

**Восьмой подвиг:
кобылицы Диомеда**

[а] Восьмым подвигом должна была стать, по распоряжению Эврисфея, поимка четырех диких кобылиц фракийского царя Диомеда, о котором спорят: был ли он сыном Ареса и Кирены или родился от кровосмесительной связи между Астерией и ее отцом Атлантом. Диомед правил воинственными бистонами. Его конюшники наводили ужас на всю Фракию, поскольку Диомед держал кобылиц прикованными железными цепями к медным стойлам и кормил их мясом чужеземцев. В одном из вариантов рассказа лошадей этих называют жеребцами, а не кобылицами, и были у них клички Подарг, Лампон, Ксанф и Дин¹.

[б] С несколькими добровольцами Геракл отплыл во Фракию, посетив по дороге своего друга Адмета, царя Фер. Прибыв в Тириду, он одолел конюхов Диомеда, отвел кобылиц на корабль, привязал их и оставил на попечение своего любимца Абдера, а затем вернулся на берег и приготовился отразить нападение бросившихся за ним в погоню бистонов. Поскольку его людей было намного меньше, чем преследователей, он одолел тех, прибегнув к хитрости: был прорыт канал, по которому море устремилось в низину. Когда преследователи обратились в бегство, Геракл напал на них, поразил Диомеда ударом дубины, протащил его тело по берегу только что образовавшегося озера и бросил перед его собственными кобылицами, принявшимися рвать еще живую плоть. После этого они уже полностью насытились, так как перед этим сожрали неосторожно приблизившегося к ним Абдера².

[с] По другому свидетельству, Абдер служил Диомеду, хотя и был родом из Опунта, что в Локриде. Одни называют его сыном Гермеса, а другие — сыном друга Гермеса по имени Менетий и, таким образом, братом Патрокла, погибшего под Троей. Основав город Абдеры у могилы Абдера, Геракл взял колесницу Диомеда, запряг в нее кобылиц, которые до этого не знали ни вожжей, ни узды, и отправился прямехонько через горы в Микены, где Эврисфей посвятил их Гере и выпустил на свободу на горе Олимп. В конце концов их разорвали дикие звери³. Правда, утверждают, что их потомки существовали и во время Троянской войны и даже при Александре Македонском. Развалины дворца Диомеда показывают в Картера Коме, а в Абдере устраиваются атлетические игры в честь Абдера, включающие все обычные соревнования, кроме соревнований колесниц, — как память о том, что Абдер погиб, когда питавшиеся человеческим мясом кобылицы опрокинули колесницу, в которую он их запряг⁴.

¹ *Аполлодор*. II.5.8; Гигин. Мифы. 250, 30; *Диодор Сицилийский*. IV.15.

² *Аполлодор*. Цит. соч.; *Еврипид*. Алкеста. 483; *Гомер*. Илиада. X.390 и след.; *Еврипид*. Геракл. 380 и след.

³ *Аполлодор*. Цит. соч.; *Диодор Сицилийский*. IV.15; *Еврипид*. Геракл. 380 и след.

⁴ *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. I.752; *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.; *Филострат*. Картины. II.25.

1) Надевание уздечки на дикую лошадь, предназначенную для праздничных жертвоприношений в культе лошади (см. 75,3), вероятно, было частью обряда коронации в некоторых районах Греции. Так же как Онкий и Адраст (Павсаний. VIII.25.3 и след.), Геракл объездил Ариона (см. 138,g). Этот факт имеет параллель в сюжете с поимкой Беллерофонтом Пегаса. Ритуальный миф здесь объединен с легендой о том, как Геракл, возможно представляющий теосцев, захвативших Абдеры во Фракии (Геродот. I.168), покончил с обычаем, в соответствии с которым женщины в экстагическом состоянии, скрытые под масками кобылиц, преследовали и пожирали царя-жреца в конце его правления (см. 27,d); вместо этого царь стал погибать в результате подстроенного крушения колесницы (см. 71,1; 101,g; 109,j). Отсутствие соревнований колесниц на погребальных играх в Абдерах свидетельствует о существовании запрета на эту видоизмененную форму жертвоприношения.

Подарг назван так по имени гарпии Подарги, матери Ксанфа — бес-
смертного скакуна, врученного Посейдоном Пелею в качестве свадеб-
ного подарка (см. 81,m); кличка Ламп напоминает кличку Лампон —
одной из лошадей из упряжки Эос (см. 40,a). Утверждения Диодора о том,
что эти кобылицы были отпущены на свободу на Олимпе, может ука-
зывать на то, что каннибалистский культ лошади существовал здесь
вплоть до эпохи эллинизма.

2) Каналы, туннели и естественные подземные русла часто счита-
лись делом рук Геракла (см. 127,d; 138,d; 142,3).

[a] Чтобы совершить девятый подвиг, Геракл должен был добыть для дочери Эврисфея Адметы золотой пояс бога войны Ареса, который носила царица амазонок Ипполита. Погрузившись на корабль (а другие говорят, на девять кораблей) и взяв с собой добровольцев, среди которых были Иолай, Теламон из Эгины, Пелей из Иолкаи, по некоторым свидетельствам, Тесей из Афин, Геракл поплыл по реке Фермодонт¹.

[b] Амазонки были детьми Ареса и наяды Гармонии, которая родила их в долинах фригийской Акмонии. Правда, некоторые считают их матерью Афродите или дочь Ареса Отреру². Поначалу они жили по берегам реки Амазон, теперь называемой именем Танаиса — сына амазонки Лисиппы, которая обидела Афродите пренебрежением к браку и приверженностью к войне. В отместку Афродита сделала так, что Танаис влюбился в собственную мать. Но, не поддавшись кровосмесительной страсти, он бросился в реку и утонул. Чтобы избавиться от упреков его духа, Лисиппа повела своих дочерей вдоль побережья Понта Эвксинского в долину реки Фермодонт, которая течет высоко в Амазонских горах. Здесь они разделились на три племени, каждое из которых основало свой город³.

[c] Тогда, как и сейчас, амазонки вели свое происхождение по материнской линии, а Лисиппа установила так, что мужчины должны делать все домашние дела, а женщины — сражаться и править. Поэтому мальчикам в младенческом возрасте ломали руки и ноги, чтобы лишить их возможности воевать и путешествовать. Эти необычные женщины, которых скифы называли «эорпата» («мужеубийцы»), не признавали справедливости или стыда, но были известны как воительницы, впервые применившие

кавалерию⁴. У них были медные луки и небольшие щиты в форме полумесяца. Шлемы, плащи и пояса они делали из шкур диких зверей⁵. Лисиппа, до того как пала в бою, построила огромный город Фемискиру и нанесла поражение всем племенам вплоть до самого Танаиса. На добычу от своих походов она строила храмы Аресу и Артемиде Таврополе, чей культ она установила. Ее потомки расширили владения Амазонской империи на запад за реку Танаис до Фракии, а по южному берегу — на запад за Фермодонт до Фригии. Три знаменитые амазонские царицы — Марпесса, Лампадо и Гиппо — захватили большие владения в Малой Азии и Сирии и основали города Эфес, Смирну, Киму и Мирину. Кроме того, ими основаны города Фиба и Синопа⁶.

[d] В Эфесе они установили изваяние Артемиды под буквым деревом, где Гиппо совершала жертвоприношения, после которых ее соплеменницы исполняли сначала танец со щитами, а затем водили хоровод, одновременно ударяя о землю ногой под аккомпанемент дудочек, потому что Афина еще не изобрела флейты. Над этим изваянием позднее был воздвигнут храм Артемиды Эфесской, который по своему великолепию превосходит даже дельфийский храм Аполлона и является одним из семи чудес света. Окружают храм два текущих в противоположном направлении потока с одинаковым названием Селен. Именно во время этого похода амазонки захватили Троию. Приам в то время был еще ребенком. Когда отряды амазонского войска стали с большой добычей отходить, тех, кто остался в Малой Азии, чтобы укрепить свою власть, изгнал союз варварских племен, а в одном из боев амазонки потеряли царицу Марпессу⁷.

[e] К тому времени, когда Геракл отпиривился к амазонкам, они уже успели вернуться на реку Фермодонт, а в их трех городах правили Ипполита, Антиопа и Меланиппа. По дороге Геракл посетил знаменитый своим мрамором остров Парос, который царь Радамант завещал некоему Алкею, сыну Андрогоя, но четыре сына Миноса — Евримедон, Хрис, Нефалион и Филолай — тоже поселились на острове. Когда двое спутников Геракла, высадившись на берег, чтобы набрать воды, были убиты сыновьями Миноса, он, возмущенный, убил всех четырех сыновей и стал так теснить паросцев, что они сочли за лучшее прислать послов и предложить в обмен за убитых моряков двух местных мужчин по выбору в качестве рабов. Удовлетворенный таким предложением, Геракл снял осаду и выбрал царя Алкея и его брата Сфенела, взяв их с собой на корабль. Затем он поплыл через Гелеспонт и Босфор в мизийский Мариандин, где его принял царь пафлагонцев Лик — сын Даскила и внук Тантала⁸. В ответ на это Геракл

поддержал Лика в его войне с бебриками, убив многих, включая царя Мигдона, приходившегося братом Амику, и вернул пафлагонцам обширные земли, ранее захваченные у них бебриками. Эти земли он передал во владение Лику, и тот в благодарность назвал их Гераклеей. Позднее в Гераклее создали свои колонии мегарцы и жители Танагры. Это было сделано по совету пифии в Дельфах, которая сказала, что им следует основать колонию у Понта Эвксинского на земле, посвященной Гераклу⁹.

[f] Прибыв к устью реки Фермодонт, Геракл бросил якорь в бухте Фемискиры, где Ипполита нанесла ему визит и, плененная его мускулистым телом, предложила ему пояс Ареса как дар в знак ее любви. Однако Гера была уже тут как тут и, нарядившись амазонкой, стала распространять слух, что чужеземцы хотят похитить Ипполиту. Заслышав такие слова, возбужденные воительницы сели на лошадей и поспешили к кораблю. Геракл, подозревая предательство, тотчас же убил Ипполиту, снял с нее пояс, схватил ее топор и другие доспехи и приготовился постоять за себя. Он по очереди перебил всех предводительниц амазонок и после большого побоища обратил их войско в бегство¹⁰.

[g] Некоторые, правда, утверждают, что Меланиппа попала в засаду и была выкуплена Ипполитой за пояс или, наоборот, Меланиппа выкупила Ипполиту. Говорят также, что Тесей захватил Ипполиту и подарил ее пояс Гераклу, который в ответ позволил ему взять в рабство Антиопу, или что Ипполита отказалась отдать Гераклу пояс и они сразились на специально приготовленном для этого месте. Он выбил ее из седла и стал над ней с занесенной дубиной, предлагая пощаду, но она предпочла не уступить и умереть. Говорят даже, что пояс принадлежал одной из дочерей Бриарея Сторукого¹¹.

[h] По возвращении из Фемискиры Геракл снова пришел в Мариандин и принял участие в погребальных играх в честь убитого мисийцами брата царя Лика по имени Приол, которому до сих пор поют погребальные песни. Геракл встретился в кулачном бою с лучшим бойцом мариандинов Титием, выбил ему все зубы и убил ударом в висок. В подтверждение того, что он сожалеет о случившемся, Геракл покорил мисийцев и фригийцев, сражаясь на стороне Даскила. Он также покорил вифинян, живших до самого устья реки Ребей и вершины горы Колона, и потребовал их царство себе. Пафлагонцы Пелопы добровольно подчинились ему. Однако стоило только Гераклу покинуть эту страну, как бебрики под предводительством сына Посейдона Амика вновь отняли у Лика земли и расширили свои границы до реки Гипий¹².

[i] Подплывая к Трое, Геракл спас Гесиону от морского чудовища и продолжил свой путь во фракийский Эн, где был принят Полтисом. Когда он вновь собирался выйти в море, то на берегу поразил стрелой наглого брата Полтиса по имени Сарпедон, сына Посейдона. Затем он покорил фракийцев, поселившихся на Фасосе, а сам остров завещал сыновьям Андрогее, вывезенным им с Пароса. В Тороне его вызвали побороться сыновья Протея по имени Полигон и Телегон, и в схватке он убил их¹³.

[j] Вернувшись наконец в Микены, Геракл передал пояс Эврисфею, который подарил его Адмете. С остальной добычей, взятой у амазонок, он поступил так: богатые плащи подарил храму Аполлона в Дельфах, топор Ипполиты вручил царице Омфале, которая сделала его одной из священных регалий лидийских царей. В конце концов топор оказался в карийском храме Зевса Лабрандского и был вложен в руки стоявшего там изваяния¹⁴.

[k] Амазонок до сих пор еще можно встретить в Албании, рядом с Колхидой, куда их оттеснили из Фемискиры одновременно с их соседями гаргарейцами. Почувствовав себя в безопасности в Албанских горах, оба народа разделились: амазонки поселились у подножия Кавказских гор вдоль реки Мермод, а гаргарейцы осели немного севернее. В назначенный день весной группы молодых амазонок и гаргарейцев встречаются на вершине горы, разделяющей их земли, и, после совершения совместного жертвоприношения, проводят вместе два месяца, наслаждаясь под покровом темноты любовью. Как только амазонки обнаруживают, что беременны, они сразу же отправляются домой. Все рождающиеся девочки становятся амазонками, а мальчиков отправляют к гаргарейцам и там по жребию распределяют по хижинам, поскольку неизвестно, кто чей отец¹⁵. В недавние времена царица амазонок Минифия отправилась из своего албанского дворца, чтобы встретиться с Александром Великим в изобилующей тиграми Гиркании. Там она провела в его обществе тринадцать дней в надежде родить от него ребенка, но вскоре после возвращения умерла бездетной¹⁶.

[l] Этих понтийских амазонок нужно отличать от ливийских союзниц Диониса, некогда населявших Гесперу — остров на озере Тритон, столь богатый фруктовыми деревьями, овцами и козами, что амазонкам даже не нужно было выращивать зерно. Захватив все города на острове, за исключением священной Мены, где жили эфиопские поедатели рыбы (они добывали изумруды, рубины, топазы и сердолик), амазонки победили соседних ливийцев и кочевников, основали великий город

Херсонес, названный так потому, что он был построен на полуострове¹⁷. Отсюда они нападали на жителей Атлантиды — самый культурный народ к западу от Нила, имевший свою столицу на атлантическом острове Керна. Царица амазонок Мирина собрала тридцать тысяч всадниц и три тысячи пехоты. Все они были вооружены луками, из которых при отступлении попадали точно в своих преследователей. Доспехами им служили шкуры невероятно больших ливийских змей.

[m] Вторгшись в землю атлантов, Мирина нанесла им сокрушительное поражение и, переправившись на остров Керну, захватила город. Она предала мечу всех мужчин; женщин и детей захватила в качестве рабов и сровняла с землей городские стены. Когда оставшиеся в живых жители Атлантиды согласились сдаться, она отнеслась к ним очень хорошо, подружилась с ними и в возмещение захваченного у них острова Керна построила новый город Мирину, где поселила всех пленников и тех, кто согласился жить в этом городе. Атланты предложили воздавать ей отныне божественные почести, и Мирина защитила их от соседнего племени горгонов — многих из них она перебила и не менее трех тысяч взяла в плен¹⁸. Однако в ночь, когда амазонки праздновали победу, пленники похитили отобранные у них мечи, и по сигналу основные силы горгонов, собравшиеся и спрятавшиеся в дубраве, бросились со всех сторон избивать соплеменниц Мирины.

[n] Соплеменницы Мирины погребены под тремя огромными курганами, которые до сих пор называют *курганами амазонок*, но ей самой удалось бежать, и она, пройдя большую часть Ливии, с новой армией вторглась в Египет, помогла царю Гору, сыну Исиды, и приступила к завоеванию Аравии. Кое-кто утверждает, что именно ливийские амазонки, а не те, что жили у Попта Эвксинского, сумели покорить Малую Азию и что Мирина на самых удобных местах в своей новой империи основала большое количество прибрежных городов, включая Мирину, Киму, Питану, Приену, а также другие города вдали от моря. Кроме того, она покорила несколько островов в Эгейском море, в частности Лесбос, где построила город Митилену, названный так по имени ее сестры, участвовавшей в этом походе. В то время когда Мирина покоряла острова, ее флот попал в бурю, но Мать богов благополучно отнесла все суда к острову Самофракия, который в то время был необитаемым. Поэтому Мирина посвятила эту землю Матери богов, поставила ей многочисленные жертвенники и принесла обильные жертвы.

[o] После этого Мирина переправилась в материковую Фракию, где царь Мопс и его союзник скифский царь Сипил победили ее в честном

бою, а сама она была убита. Войско амазонок уже никогда не оправилось от этого поражения, и, уступая фракийцам в мелких стычках, оставшиеся в живых амазонки окончательно ушли в Ливию¹⁹.

¹ *Аполлодор*. II.5.9; *Пиндар*. Немейские оды. III.35, фрагмент 172; *Филохор*. Цит. по: *Плутарх*. Тессей. 26.

² *Аполлоний Родосский*. II.990—992 и схолии; *Цицерон*. В защиту Флакка. 15; *Гигин*. Мифы. 30.

³ *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. XI.659; *Аполлоний Родосский*. II.970 и след.

⁴ *Диодор Сицилийский*. II.45.1; *Геродот*. IV.110; *Аполлоний Родосский*. II.987—989.

⁵ *Пиндар*. Цит. соч. III.38; *Страбон*. XI.5.1.

⁶ *Диодор Сицилийский*. II.45—46; *Страбон*. XI.5.4.

⁷ *Каллимах*. Гимн к Артемиде. 237 и след.; *Гигин*. Цит. соч. 223, 225; *Плиний*. Естественная история. V.31; *Гомер*. Илиада. III.183 и след.

⁸ *Диодор Сицилийский*. V.79; *Геродот*. VII.72; Схолии к Аполлонию Родосскому. II.752.

⁹ *Страбон*. XII.3.4; *Аполлодор*. II.5.9; *Павсаний*. V.26.6.

¹⁰ *Диодор Сицилийский*. IV.16; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Плутарх*. Греческие вопросы. 45.

¹¹ *Аполлоний Родосский*. II.966 и след.; *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.

¹² *Аполлоний Родосский*. II.776 и след.

¹³ *Аполлодор*. II.5.9.

¹⁴ *Аполлодор*. Цит. соч.; *Еврипид*. Геракл. 414 и след., *Ион*. 1140 и след.; *Плутарх*. Греческие вопросы. 45.

¹⁵ *Страбон*. XI.5.1—2,4; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. XI.659.

¹⁶ *Страбон*. XI.5.4.

¹⁷ *Диодор Сицилийский*. III.52—53.

¹⁸ Там же. III.54.

¹⁹ Там же. III.55.

1) Если Адметой звали принцессу, ради которой Геракл должен был пройти сквозь брачные испытания, то снятие с нее пояса в брачном чертоге должно было означать конец его подвигам. Но перед этим Адмета должна была вступить в поединок так, как это сделала Ипполита или как Пентесилея боролась с Ахиллом (см. 164, а;2), а Фетида с Пелеем

(см. 81,k). Это объяснило бы появление Ипполиты в рассказе. В таком случае она должна была претерпеть все обычные превращения, свидетельствующие о том, что похожая на каракатицу гидра была Адметой, т. е. охранявшим золото змеем, которого Геракл одолел в образе Ладона (см. 133,а). Кроме того, она могла превратиться в рака (см. 124,е), лань (см. 125,с), дикую кобылицу (см. 16,ф) и облако (см. 126,б), прежде чем Гераклу достанется ее рука.

2) Традиция, в соответствии с которой жрицы были вооружены, еще существовала в Эфесе и других городах Малой Азии. Однако греческие мифографы, забыв о том, что аналогичная практика существовала в Афинах и других городах собственно Греции, отправляют Геракла в поисках пояса Ипполиты на Понт Эвксинский, где еще имелись племена с матриархальной организацией (см. 100,1). Матриархат, как правило, предполагал трехплеменную организацию. То, что пояс принадлежал дочери Бриарей («сильный»), т. е. одного из Сторуких, указывает на то, что местом действия данного повествования о брачных испытаниях была Северная Греция.

3) Адмета — одно из имен Афины, изображавшейся, вероятно, во всеоружии и наблюдавшей за подвигами Геракла, чтобы помочь ему в случае необходимости. Афина была Нейт — ливийской богиней любви и битвы (см. 8,1); в Малой Азии ей соответствовала великая луна-богиня Мариан, Мирина, Ай-Мари, Мариамна или Мариенна, давшая имя Мариандине («дюны Марианы») и Мирине — городу, где жили управляемые женщинами лесбосцы (см. 149,1). Троянцы поклонялись ей как «быстрой Мирине» (Гомер. *Илиада*. II.814). Смирна — это тоже *Мирина*, только в данном случае перед именем поставлен определенный артикль. Шумерская форма Марисенна означает «высокая плодоносящая мать». У эфесцев богиней плодородия была Артемида.

4) Сказано, что Мирина попала в бурю и была спасена Матерью богов, в честь которой она поставила жертвенники в Самофракии. Однако на самом деле она сама была матерью богов, и посвященные ей обряды должны были уберечь моряков от кораблекрушения (см. 149,2). Очень похожей Матери-богине в древности поклонялись во Фракии, в районе реки Танаис (Дон), в Армении, а также повсеместно в Малой Азии и Сирии. Поход Тесея в Амазонию — это миф, созданный на основе мифа о Геракле, который еще больше запутал вопрос и позволил мифографам придумать мнимое вторжение в Афины одновременно и амазонок и скифов (см. 100,с).

5) Сообщение о том, что амазонки установили изваяние под эфесским буком — это ошибка Каллимаха, который, будучи родом из Египта, не мог знать, что буки не растут так далеко к югу; скорее всего, это была финиковая пальма, символизовавшая плодородие (см. 14,2) и напоминавшая о ливийском происхождении богини, статуи которой обвешивались большими золотистыми финиками, как правило ошибочно принимаемыми за груди. Поражение, нанесенное Мопсом амазонкам, свидетельствует о том, что примерно в XII в. до н. э. хетты были разбиты мосхами. Первоначально хетты были патриархальным народом, но под влиянием матриархальных обществ Малой Азии и Вавилонии стали поклоняться женскому божеству. В их столице Хаттушаше Гарстанг^{102*} обнаружил скульптурный рельеф с изображением богини-воительницы. Он считает, что культ Артемиды Эфесской имеет хеттское происхождение. Победы над амазонками, одержанные Гераклом, Тесеем, Дионисом, Мопсом и другими, на самом деле свидетельствуют о вытеснении матриархальной системы из Греции, Малой Азии, Фракии и Сирии.

6) Стефан Византийский (под словом *Paros*) упоминает о предании, согласно которому Парос считался критской колонией. Появление Геракла на острове говорит о захвате острова элинами. Тот факт, что он завещал Фасос сыновьям Андрогоя, указывает на захват этого острова отрядом паросцев, о чем упоминается в «Истории» Фукидида (IV.104). Причем произошло это событие в конце VIII в. до н. э. Примерно в то же время эвбейцы основали колонию на Тороне. Торону они считали дочерью Протея (Стефан Византийский под словом *Torone*). Двойной топор Ишполиты никогда не вкладывался вместо перуна в руку Зевса Лабрандского. Сам топор символизировал перун, и Зевс носил его с разрешения критской богини, правившей в Лидии.

7) Гаргарейцы — это гогарены, Иезскииль называет их Гог (Иез. 38:39).

8) Сообщая о Мирине, Диодор Сицилийский пересказывает древние ливийские предания, в которых уже просматривается сказочный элемент. Установлено, что в III тысячелетии до н. э. неолитические племена покинули Ливию в разных направлениях, возможно, из-за того, что их поля оказались затопленными водой (см. 39,3—6). Много ливийцев появилось в дельте Нила.

^{102*} Гарстанг Дж. (1876—1956) — английский археолог, автор книг по истории Египта, Палестины, государства хеттов.

9) Согласно Аполлонию Родосскому (I.1126—1129), Титий был одним из трех идейских дактилей («пальцы»), вершивших судьбу. Он упоминает еще одного дактиля — Килления. Я уже показывал (см. «Белая богиня»), что в магии пальцев дактиль Титий соответствовал среднему пальцу, а Киллений, или, иначе, Геракл, был большим пальцем; третий дактиль, по имени Даскил, был указательным пальцем, о чем говорит и его имя (см. 53,1). Эти три вытянутых вверх пальца и загнутые безымянный и мизинец составляли «фригийское благословение». Такое благословение, возникшее вначале как символ Мирины, затем перешло к католическим священникам для обозначения христианской Троицы.

10) Титий, убитый Аполлоном (см. 21,d), мог быть дублетом имени Титий. Захват острова Керне Мириной, вероятно, представляет собой более позднее, инородное дополнение к сюжету. Керну отождествляют с Федаллахом неподалеку от Феса, или с Санта-Крусом у мыса Гир, или, что более вероятно, с Аргином, расположенным чуть южнее Кабо-Бланко. Он был обнаружен и колонизирован карфагенянином Ганноном, который сообщал, что этот остров расположен на таком же расстоянии от Геркулесовых Столпов, как Столпы от самого Карфагена.

11) Вот что можно сообщить о мифических элементах, содержащихся в рассказе о девятом подвиге. Однако поход Геракла на Фермодонт и его войны в Мисии и Фригии нельзя отвести как не имеющие исторической основы. Как и плавание «Арго», они свидетельствуют о греческих торговых связях в районе Понта Эвксинского еще в середине II тысячелетия до н. э. Появление минийцев из Иолка, экидов с Эгины и аргиев в этих водах говорит о том, что, хотя Елена и могла быть прекрасной и сбежать с троянцем Парисом, тысяча кораблей отправилась в плавание не из-за ее красоты, а по чисто коммерческим соображениям. Сын Пелея Ахилл, сын Теламона Аякс и аргиев Диомед были среди союзников Агамемнона, который настаивал на том, чтобы Приам разрешил им свободно плавать через Геллеспонт, как это делали их отцы. В противном случае они хотели разграбить город, как это случилось с Лаомедонтом, павшим по той же причине (см. 137,1). Вот почему возникли сомнительные утверждения афинян о том, что в походе Геракла их представлял Тесей, в плавании «Арго» таким представителем был Фалер, а под Троей — Менесфей, Демофонт и Акамант. Таким способом они хотели обосновать свое право на контроль над торговлей в Понте Эвксинском, которая полностью перешла в их руки после падения Трои и заката Родоса (см. 160,2—3; 162,3).

Десятый подвиг: коровы Гериона

[а] Десятым подвигом Геракла должно было стать похищение знаменитых коров Гериона с острова Эрифия, расположенного далеко на западе в Океане. Причем Гераклу запрещалось требовать этих коров или платить за них. Герион был сыном Хрисаора и Каллирои — дочери титана Океана — и царем иберийского Тартесса. Он считался самым сильным из живших тогда людей¹, ибо родился с тремя головами, шестью руками и тремя телами, сросшимися в поясище. Ленивых красномастных коров Гериона, отличавшихся необычайной статью, пас Эврителион, сын Ареса, а сторожил двуглавый пес Орфр, ранее принадлежавший Атланту и родившийся от Тифона и Ехидны².

[b] Во время своего пути через всю Европу Геракл перебил много диких зверей и, когда наконец достиг Тартесса, воздвиг на противоположных берегах пролива, отделяющего Европу от Африки, две каменные стелы. Одни утверждают, что некогда оба континента представляли одно целое и что Геракл прорубил между ними канал или раздвинул скалы. Другие говорят, что, наоборот, он сузил существовавший пролив, чтобы по нему не могли плавать киты и другие морские чудовища³.

[с] Страдая от палящих лучей Гелиоса, Геракл направил на него свой лук. «Ну, это уж слишком!» — сердито закричал Гелиос. Геракл извинился за свою несдержанность и тут же ослабил тетиву. Не желая отставать в вежливости, Гелиос дал ему на время путешествия свой золотой челн в форме водяной лилии, в котором он и переправился на Эрифию, но титан Океан, чтобы испытать его, устроил ужасную качку. Геракл вновь достал свой лук, при виде которого Океан тут же успокоился.

По другому рассказу, Геракл переправился на Эрифию в бронзовом погребальном сосуде, а в качестве паруса использовал львиную шкуру⁴.

[d] Прибыв на остров, он поднялся на гору Абант. Пес Орфр с лаем бросился на него, но обрушившаяся дубина Геракла тотчас же лишила его жизни. Поспешивший на помощь Орфру пастух Гериона Эвритион погиб той же смертью. После чего Геракл погнал коров в сторону моря. Менет, пасший поблизости скот Гадеса, оставленный Гераклом в живых, рассказал о случившемся Гериону. Вызванный Герионом на поединок, Геракл сразу пробил все три его туловища одной стрелой. Некоторые, правда, говорят, что он выпустил три стрелы не сходя с места. Так как Гера поспешила на помощь Гериону, Геракл ранил ее стрелой в правую грудь, и она бежала. Так, не требуя коров и не заплатив за них, он стал их владельцем, сел в золотой челн, на котором приплыл в Тартесс, а затем с благодарностью вернул его Гелиосу. Из крови Гериона выросло дерево, которое, когда восходят Плеяды, приносит похожие на вишни плоды без косточек. Однако Герион умер не бездетным: его дочь Эрифия родила от Гермеса Норакса, который возглавил колонию на Сардинии еще задолго до Гилла и основал самый древний на острове город Нора⁵.

[e] Местоположение Эрифии, называемой еще Эритрея или Эритрия вызывает споры. Хотя одни называют ее островом за Океаном, другие помещают ее в море напротив побережья Луситании⁶. Некоторые отождествляют ее с островом Леон или с соседним с ним островком, на котором был построен древнейший город Гадес, а пастбища столь хороши, что молоко пасущихся там овец не дает сыворотки, а один чистый творог, коровам же через каждые пятьдесят дней пускают кровь, чтобы они не задохнулись от ее избытка. Этот островок, где почитают Геру, называется Эрифия или Афродисия. Леон, остров, на котором находится нынешний город Гадес, некогда назывался Котинуса — за росшие там оливы, — но финикийцы переименовали его в Гадиры, что значит «укрепленный город». На западном мысе находится храм Крону и город Гадес; на восточном — храм Геракла, известный своим источником, который во время приливов иссякает, а во время отливов наполняется. Герион погребен в городе, который не менее известен своим тайным деревом, принимающим различные формы⁷.

[f] По другому свидетельству, однако, коров Гериона пасли не на островах, а на склонах гор наиболее удаленной части Иберии, омываемой Океаном. *Герион* — это титул знаменитого царя Хрисаора, который правил всей землей, а в охране царства ему помогали трое его отважных

сыновей, причем каждый выступал во главе войска, набранного из воинственных племен. Чтобы сразиться с ними, Геракл собрал большие силы на Крите, где родился его отец Зевс. Критяне устроили Гераклу пышные проводы, а по возвращении он избавил их остров от медведей, волков, змей и других вредных животных, которые с тех пор на острове не водятся. Поначалу он отплыл в Ливию, где убил Антея, уничтожил диких зверей, расплотившихся в пустыне, и сделал этот край изобильным. Затем он посетил Египет, где убил Бусириса. После чего пошел на запад, пересекая Северную Африку и по пути уничтожив горгон и ливийских амазонок, основал город Гекатомпил, называемый ныне Капса, что на юге Нумидии, и около Гадеса вышел к Океану. Здесь по обе стороны пролива он воздвиг столпы, переправил свою армию в Испанию и обнаружил, что сыновья Хрисаора — каждый со своим войском — стоят лагерем недалеко друг от друга. Он покорил и убил их поочередно и, наконец, угнал знаменитые Герионовы стада, передав Иберию в правление самому достойному из оставшихся в живых жителей⁸.

[g] Геракловы столпы обычно отождествляют с выдающимися в пролив мысами Кальпа в Европе и Абиле, или Абиликс, в Африке. Другие отождествляют их с островами около Гадира, самый крупный из которых посвящен Гере. Все испанцы и ливийцы, однако, воспринимают слово *столпы* буквально и считают, что они расположены в Гадире. Это якобы бронзовые колонны в честь Геракла высотой восемь локтей. На них написано, сколько стоила их постройка. Там, где они стоят, мореходы, благополучно вернувшись из плавания, всегда совершают жертвоприношения. Сами жители Гадира говорят, что по велению оракула царь Тира должен был основать колонию около Геракловых столпов. Для этой цели он отправил три отряда, чтобы исследовать местность. Первый отряд, считая, что оракул имел в виду Абиле и Кальпу, высадился непосредственно в проливе, в том месте, где сейчас стоит город экситанов. Второй отряд прошел пролив и в двухстах милях от него высадился на острове, считавшемся священным островом Геракла и расположенном напротив испанского города Оноба. Однако оба отряда получили неблагоприятные предзнаменования во время совершения жертвоприношений и вернулись домой. Третий отряд достиг Гадира и воздвиг святилище в восточной части острова, а на западной был благополучно заложен город Гадир⁹.

[h] Кое-кто, правда, отрицает, что эти столпы воздвиг Геракл, и утверждает, что Абиле и Кальпа первоначально назывались Столпами Крона, а потом Столпами Бриаря — гиганта, чья власть простиралась так

далеко. Но затем, когда имя Бриарея (которого также звали Эгеон) было забыто, их переименовали в честь Геракла, возможно потому, что расположенный в пяти милях от Кальпы город Тартесс был основан Гераклом и когда-то назывался Гераклеей. Здесь еще показывают массивные древние стены и овчарни¹⁰. Однако не следует забывать, что древнейшего Геракла также звали Бриареем. Обычно говорят о двух Геракловых столпах, но некоторые считают, что их было три или четыре¹¹. Говорят, что так называемые Геракловы столпы имеются на северном берегу Германии, на Понте Эвксинском, на западной оконечности Галлии и в Индии¹².

[i] Один из храмов Геракла стоит на священном мысе в Луситании, самой западной оконечности мира. Посетителям запрещено вступать в пределы храма ночью, потому что «в это время им владеют боги». Возможно, когда Геракл воздвиг свои столпы, чтобы отметить предел, до которого разрешалось пускаться в плавание, он выбрал именно это место¹³.

[j] Вопрос о том, как ему потом удалось пригнать скот в Микены, вызывает много споров. Одни говорят, что он временно сдвинул Абилю и Кальпу и по образовавшемуся мосту переправился в Ливию. Согласно более правдоподобному свидетельству, он прошел по той территории, которая сейчас называется Абдера — одно из финикийских поселений, — а затем через всю Испанию, оставляя по дороге своих спутников в качестве колонистов¹⁴. В Пиренях он ухаживал за принцессой бебриков Пиреной, но похоронил ее. Этот горный хребет назван ее именем. Говорят, что там находится исток реки Дунай — у города, также носящего имя этой принцессы. После этого он посетил Галлию, где покончил с варварским местным обычаем убивать чужеземцев и завоевал столько сердец своими благородными делами, что мог основать большой город, которому дал название Алесия, что значит «блуждающая», в память о своих путешествиях. Галлы до сего дня почитают Алесию как центр всех их земель и мать всех городов, которая оставалась непокоренной вплоть до правления Калигулы. Сами же галлы утверждают, что происходят от союза Геракла с высокого роста принцессой по имени Галата, выбравшей его своим возлюбленным и взрастившей этот воинственный народ¹⁵.

[k] Когда Геракл гнал коров Гериона через Лигурийский мыс, двое сыновей Посейдона по имени Иалебион и Деркин попытались похитить их и заплатились за это жизнью. Во время сражения с враждебно настроенными лигурийцами у Геракла кончились стрелы, и он в слезах пал на колени — раненый и изможденный. Но земля под ним оказалась мягкой, и он не нашел ни одного камня, которым бы можно

было швырнуть в противника — им был брат Иалебиона по имени Лигис. Тогда Зевс, вняв его слезам, наслал на землю тучу, из которой пролился каменный дождь, и с помощью этих камней Геракл обратил лигурийцев в бегство. Зевс поместил среди звезд изображение Геракла, сражающегося с лигурийцами. Еще одно напоминание об этом сражении сохранилось на земле в виде широкой круглой долины, расположенной между Массалией и устьем Родана, примерно в пятнадцати милях от моря. Она называется Каменной равниной, потому что вся покрыта камнями размером в человеческий кулак; там же есть соленые источники¹⁶.

[1] Переpravляясь через Лигурийские Альпы, Геракл прорубил дорогу, по которой могло пройти его войско и обозы. Кроме того, он разгромил все шайки разбойников, орудовавших на перевале, ведущем в местность, которая сейчас называется Цизальпийская Галлия и Этрурия. Только пройдя по всему побережью Италии и переправившись в Сицилию, он понял, что идет неверной дорогой. Римляне говорят, что, достигнув Альбулы, которая впоследствии стала называться Тибром, он был встречен царем Эвандром, некогда изгнанным из Аркадии. Вечером Геракл перешел через реку, гоня стадо перед собой, и лег отдохнуть на траву¹⁷. А рядом, в глубокой пещере, жил огромный ужасный трехглавый пастух по имени Как, сын Гефеста и Медузы, который слыл несчастьем и позором Авентинского леса и изрыгал пламя из всех своих трех ртов. Человеческие черепа и руки свисали со сводов его пещеры, а пол был выстлан костями его жертв. Пока Геракл спал, Как похитил у него двух самых лучших быков и четырех телок, которых, держа за хвосты, приволок в свое логово¹⁸.

[m] С первыми лучами солнца Геракл проснулся и сразу же заметил пропажу скота. Проведя какое-то время в бесплодных поисках, он уже собирался погнать оставшихся животных дальше, но тут одна из похищенных телок замычала от голода. Пойдя на звук, Геракл пришел к пещере, вход в которую загораживала скала, да такая большая, что ее вряд ли могли бы сдвинуть десять запряженных вместе быков. Но Геракл отодвинул скалу, словно это был небольшой камушек, и, не убоявшись пламени, которое извергал Как, схватился с ним и сделал из него настоящее месиво¹⁹.

[n] Затем с помощью царя Эвандра Геракл воздвиг алтарь Зевсу и принес на нем в жертву одного из возвращенных быков, после чего отдал распоряжение относительно того, как нужно поклоняться ему

самому. Однако римляне рассказывают эту историю, чтобы прославить самих себя. Правда же заключается в том, что Кака убил не Геракл, а огромного роста пастух по имени Гаран или Рекаран, бывший союзником Геракла. Он же и принес жертву Зевсу²⁰.

[о] Царя Эвандра скорее уважали, чем боялись. Особый почет принесло ему знание букв, которое он унаследовал от своей пророчицы-матери — аркадской нимфы Никостраты или Фемиды. Она была дочерью реки Ладон, и, хотя мужем ее был Эхен, Эвандра она родила от Гермеса. Никострата уговорила Эвандра убить своего мнимого родителя, а когда аркадцы изгнали их обоих, она отправилась с ним в Италию в сопровождении отряда пеласгов²¹. Там примерно за шестьдесят лет до начала Троянской войны они основали городок под названием Палантий, расположенный на холме на берегу реки Тибр. Позднее этот холм назвали Палатин. Место это выбрала Никострата, и вскоре Эвандр стал самым могущественным царем в Италии. Никострата, теперь ее звали Кармента, создала на основе пеласгийского алфавита, насчитывавшего тринадцать согласных и привезенного Кадмом из Египта, латинский алфавит с пятнадцатью согласными. Некоторые, правда, утверждают, что это Геракл обучил письму народ Эвандра, и поэтому ему совместно с музами принадлежит алтарь²².

[р] По словам римлян, Геракл освободил царя Эвандра от дани, которую тот платил этрускам, и убил царя фавна, в обычае которого было приносить чужеземцев в жертву на алтаре своего отца Гермеса. От Геракла вдова или дочь Фавна родила Латина, предка латинов. Правда, греки утверждают, что Латин родился от Кирки и Одиссея. Во всяком случае, Геракл искоренил ежегодные жертвоприношения в честь Крона (когда двух людей бросали в воды Тибра) и заставил римлян вместо людей бросать кукол. И по сей день в мае при полной луне главная весталка, стоя на дубовых сваях *Pons Sublicius*^{103*}, бросает в желтый поток сплетенные из камыша побеленные фигурки стариков, называемых аргивянами²³. Считается также, что Геракл основал Помпеи и Геркуланум, сражался с гигантами во флегрейской равнине у города Кум, построил дамбу длиной в одну милю поперек Лукринского залива — теперь ее называют Гераклеийской дорогой, — по которой он погнал Герионовых коров²⁴.

^{103*} *Sublicius pons* (лат. «мост на сваях») — построенный при Анке Марции на сваях деревянный мост через Тибр. Анк Марций — один из семи легендарных царей Рима (по традиции 641—616 до н. э.).

[q] Далее говорится, что он устроил отдых у границы Регия и эпизефирских Локр и, устав от стрекотанья цикад, стал молить богов, чтобы те заставили цикад замолчать. Боги тут же удовлетворили его мольбу, и с тех пор никто никогда не слышал цикад на регийской стороне реки Алек, хотя на локридском берегу они все еще слышны. В тот день от стада отбился бык и, бросившись в море, поплыл к Сицилии. Погнавшийся за ним Геракл обнаружил, что бык спрятался среди стад царя Эрикса, правившего элиманами. Тот был сыном Афродиты и Бута²⁵. Эрикс, кичившийся своей славой борца, вызвал Геракла на поединок в пятиборье. Геракл вызов принял, но при условии, что Эрикс поставит свое царство против сбежавшего быка. Выиграв первые четыре соревнования, Геракл поднял Эрикса и так ударил оземь, что противник пал замертво, — и сицилийцы увидели, что не всякий рожденный богиней бессмертен. Так царство Эрикса досталось Гераклу, но он перепоручил его местным жителям до тех пор, пока кто-нибудь из его потомков не придет и не предъявит свои права на престол²⁶.

[r] Некоторые говорят, что Эрикс, чье ристалище показывают до сих пор, имел дочь по имени Псофида, родившую Гераклу двух сыновей — Эхефрона и Промаха. Воспитывались они в Эримапфе, который решили переименовать в Псофиду в честь их матери. Там же они построили святилище Афродиты Эрицины, от которого сейчас остались только руины. Святилища в честь героев Эхефрона и Промаха давно потеряли всякое значение, а Псофиду обычно считают дочерью Ксанфа, приходившегося внуком Аркаду²⁷.

[s] Продолжив свой путь по Сицилии, Геракл пришел в то место, где сейчас находится город Сиракузы. Там он совершил жертвоприношения и учредил ежегодный праздник, отмечаемый на краю священной пропасти Киана, через которую Гадес увез Кору в преисподнюю. Тем, кто возносит почести Гераклу в долине Леонтина, он оставил неувыдающую память о своем посещении. Неподалеку от города Агирия на каменной дороге остались отпечатки копыт его животных, как если бы эта дорога была покрыта воском. Восприняв это как признак собственного бессмертия, Геракл принял от местных жителей божественные почести, которых он до этого дня избегал. Затем в ответ на хорошее к нему отношение он за городскими стенами выкопал для жителей пруд, имеющий четыре стадии в окружности, и воздвиг местные святилища в честь Июлая и Герциона²⁸.

[t] Вернувшись в Италию в поисках другой дороги в Грецию, Геракл погнал свое стадо по восточному берегу в сторону Лакинийского мыса,

где местный правитель, царь Лакиний, похвалялся тем, что ему удалось обратить Геракла в бегство. На самом деле причиной «бегства» Геракла было то, что Лакиний построил храм Геры, при виде которого Геракл повернул в сторону, испытывая отвращение. Пройдя шесть миль, Геракл случайно убил некоего Кротона. Он предал его земле со всеми полагающимися почестями и изрек, что придет время, когда на этом месте возникнет великий город, названный его именем. Предсказание Геракла осуществилось, когда Геракл стал богом: он явился во сне одному из своих потомков, аргивянину Мискелу, и пригрозил ему страшными карами, если тот не возглавит колонистов, отправлявшихся в Италию, и не построит там город. Когда аргивяне уже готовы были предать Мискела смерти за то, что тот нарушил их запрет на эмиграцию, он чудесным образом превратил все черные камни, предназначенные для голосования, в белые²⁹.

[u] Геракл предполагал погнать стадо Гериона через Истрию в Эпир, а оттуда на Пелопоннес через Истм. Однако там, где Адриатический залив больше всего вдается в сушу, Гера наслала на стадо овода, который погнал коров через Фракию в Скифскую пустыню. Геракл отправился за коровами. Одной холодной ночью, в непогоду, он завернулся в львиную шкуру и крепко уснул на склоне каменистого холма. Проснувшись, он обнаружил, что кобылы, которых он накануне выпряг из своей колесницы, чтобы дать им попасть, исчезли. Он обыскал всю округу и наконец пришел в лесистую местность под названием Гилея, где странное существо полудева-полузмея прокричало ему из пещеры, что его кобылы у нее и что она готова их отдать, если Геракл согласится стать ее супругом. Геракл с неохотой согласился и трижды поцеловал ее. После чего змеехвостая дева страстно обняла его, а когда он вновь стал свободен от ее объятий, спросила: «Что мне делать с тремя сыновьями, которых я уже несу в своем чреве? Когда они возмужают, поселить их там, где я являюсь владыкой, или отправить тебе?»

[v] «Когда они вырастут, будь внимательна! — ответил Геракл. — Если кто-либо из них согнет этот лук так, как это делаю сейчас я, и подпоясается так, как это делаю сейчас я, то назначь его правителем своей страны».

Сказав эти слова, он отдал ей один из двух своих луков и пояс, с пряжки которого свисала золотая чаша, и пошел своей дорогой. Родившуюся тройню она назвала Агафирсом, Гелоном и Скифом. Двое старших не справились с условием, которое определил им отец, и мать прогнала их. Скиф же преуспел и в том и в другом случае и стал предком всех царей, правивших скифами, которые до сих пор носят на поясах золотые чаши³⁰.

Правда, говорят, что не Геракл, а Зевс вступил в связь со змеехвостой девой и что, когда три сына, рожденные ею, еще правили страной, с неба упало четыре золотых предмета: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым бросился их поднимать Агафирс, но стоило ему подойти, как золото запылало и обожгло ему руки. То же случилось и с Гелоном. Но, когда подошел самый младший, Скиф, пламя сразу же погасло. После чего он принес домой четыре золотых сокровища, а старшие братья согласились уступить ему царство³¹.

[w] Геракл, вернув таким образом кобыл и почти всех сбежавших коров, погнал их назад через реку Стримон, которую он для этой цели перегородил камнями. Дальше с ним уже ничего не случилось, пока великан пастух Алкионей, завладевший проходом через коринфский Истм, не швырнул скалу в войско, которое вновь шло за Гераклом, разрушил ею не менее двенадцати колесниц и убил дважды двенадцать воинов. Это был тот самый Алкионей, который дважды похищал священное стадо Гелиоса — первый раз с Эрифии, а второй — с коринфского акрополя. Он бросился вперед, вновь подобрал скалу и на этот раз запустил ее в Геракла. Но тот отбил ее своей дубиной, и она, отлетев, погубила великана. Эту скалу до сих пор показывают на Истме³².

¹ Павсаний. IV.36.3; Аполлодор. II.5.10; Гесиод. Теогония. 981 и след.

² Гесиод. Теогония. 287 и след.; Аполлодор. Цит. соч.; Ливии. I.7; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VIII.300.

³ Аполлодор. II.5.10; Диодор Сицилийский. IV.18; Помпоний Мела. I.5, II.6.

⁴ Аполлодор. Цит. соч.; Сервий. Цит. соч. VII.662, VIII.300.

⁵ Аполлодор. Цит. соч.; Еврипид. Геракл. 423; Сервий. Цит. соч. VII.662; Павсаний. X.17.4.

⁶ Гесиод. Теогония. 287 и след.

⁷ Страбон. III.5.3—4,7 и след.; Полибий. Цит. по: Страбон. III.5.7; Павсаний. I.35.6.

⁸ Диодор Сицилийский. III.55, IV.17—19.

⁹ Страбон. III.5.5.

¹⁰ Евстафий. Комментарий к «Описанию Земли» Дионисия Периегета. 64 и след.; Схолии к «Немейским одам» Пиндара. III.37; Аристотель. Цит. по: Элиан. Пестрые рассказы. V.3; Плиний. Естественная история. III.3 и след.; Тимофей. Цит. по: Страбон. III.1.7.

¹¹ Эсхил. Прикованный Прометей. 349, 428.

¹² Тацит. Германия. 34; Сервий. Цит. соч. XI.262; Страбон. III.5.6.

- ¹³ Страбон. III.1.4; Пиндар. Немейские оды. III.21 и след.
- ¹⁴ Аполлодор. II.5.10; Страбон. III.4.3; Асклепиад Миртейский. Цит. по: Страбон. Цит. соч.
- ¹⁵ Силий Италик. II.415 и след.; Геродот. II.33; Диодор Сицилийский. IV.19, 24.
- ¹⁶ Аполлодор. II.5.10; Эсхил. Прометей Освобожденный. Цит. по: Гигин. Поэтическая астрономия. II.6 и по: Страбон. IV.1.7.
- ¹⁷ Диодор Сицилийский. IV.21; Овидий. Фасты. I.543; Ливии. I.7.
- ¹⁸ Пропорций. Элегии. IV.9.10; Овидий. Фасты. I.545 и след.; Ливии. Цит. соч.; Вергилий. Энеида. VIII.193 и след.
- ¹⁹ Ливии. Цит. соч.; Вергилий. Энеида. Цит. соч.; Овидий. Цит. соч.
- ²⁰ Плутарх. Римские вопросы. 18. Овидий. Цит. соч.; Ливии. Цит. соч.; Валерий Флакк. Цит. по: Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VIII.203; Аврелий Виктор. О происхождении римлян. 8 и след.
- ²¹ Сервий. Цит. соч. VIII.51.130,336; Ливии. I.7; Плутарх. Цит. соч. 56; Павсаний. VIII.43.2; Дионисий Галикарнасский. Римские древности. V.90 и след.
- ²² Сервий. Цит. соч. VIII.130,336; Гигин. Мифы. 277; Юба. Цит. по: Плутарх. Римские вопросы. 59.
- ²³ Плутарх. Цит. соч. 18,32; Гесиод. Цит. соч. 1013; Овидий. Фасты. V.621 и след.
- ²⁴ Диодор Сицилийский. IV.21—22,24; Страбон. III.4.4.
- ²⁵ Диодор Сицилийский. IV.22; Страбон. VI.1.6; Аполлодор. II.5.10; Сервий. Цит. соч. I.574.
- ²⁶ Павсаний. IV.36.3; Диодор Сицилийский. IV.23; Аполлодор. Цит. соч.; Сервий. Цит. соч. X.551.
- ²⁷ Павсаний. VIII.24.1,3.
- ²⁸ Диодор Сицилийский. IV.23—24, V.4.
- ²⁹ Диодор Сицилийский. IV.24; Сервий. Цит. соч. III.552; Овидий. Метаморфозы. XV.12.
- ³⁰ Диодор Сицилийский. IV.25; Геродот. IV.8—10.
- ³¹ Геродот. IV.5.
- ³² Аполлодор. II.5.10, I.6.1; Пиндар. Немейские оды. IV.25 и след.; Истмийские оды. VI.32 и след.

1) Основная тема подвигов Геракла — это совершение ряда поединков для того, чтобы стать возлюбленным Адметы, Авги, Афины или Ипполиты — одним словом, царицы, какое бы имя она ни носила. Совершение десятого подвига первоначально могло иметь очень большое

значение для данной темы, особенно если этот подвиг свидетельствует об обычае патриархальных эллинов выкупать невесту за деньги, вырученные от продажи угнанного скота. В гомеровской Греции женщин оценивали в определенное количество голов скота, как это до сих пор делается в некоторых регионах в Восточной и Центральной Африке. Однако постепенно миф оброс чужеродными элементами, включая посещение западного Острова смерти и благополучное возвращение оттуда с добычей. В одиннадцатой табличке вавилонского мифа творения Гильгамеш совершает путешествие, аналогичное тому, которое совершил Геракл на Эрифнию, а именно на остров-усыпальницу, переплыв для этого воды смерти и используя свою одежду как парус. Это совпадение еще раз указывает на сходство между мифами о Геракле и Гильгамеше. Возможно, в их основе лежит общий шумерский источник. Как и Геракл, Гильгамеш убивает чудовищного льва и носит его шкуру (см. 123,е); схватив за рога, одолевает небесного быка (см. 129,б); находит таинственный цветок вечной молодости (см. 135,б); совершает путешествие вместе с богом солнца (см. 132,д); посещает сад Инанны, где, убив змею, поселившуюся в чудесном дереве, получает в качестве вознаграждения два священных предмета из подземного мира (см. 133,е). Отношения между Гильгамешем и его другом Энкиду во многом напоминают отношения между Тесеем, афинским Гераклом, и его сотоварищем Пирифоем, который отправляется в Аид и не может вернуться оттуда (см. 103,с,д).

2) Дофиникийские греческие колонии, возникшие в Испании, Галлии и Италии под покровительством Геракла, способствовали развитию этого мифа. В географическом смысле Геракловы столпы, в районе которых первые поселенцы появились примерно в XI в. до н. э., — это Сеута и Гибралтар.

3) Гесиод (*Теогония*. 287) называет Герiona *tricephalon* («трехголовый»). То же значение имело слово *tricarenon*, напоминающее имя кельтского бога *Tarvos Trigaranus*, который на алтаре Париса изображен рубящим ивовое дерево двумя левыми руками в окружении журавлей и быка. Слово Герион, возможно, является искаженным вариантом слова *Trigaranus*. Поскольку в ирландской и греческой традиции журавли ассоциируются с тайнами алфавита (см. 52,б) и с поэтами, не исключено, что Герион исполнял при богине роль хранителя древнего алфавита, т. е. Крона в окружении дактилей. На острове-усыпальнице Эрифия Крон—Герион, бывший некогда солнечным героем типа Геракла—

Бриарей, превратился в бога мертвых, а Орфр стал его Кербером. Поэтому десятый подвиг путали с двенадцатым.

4) Вероятно, Сервий неправильно цитирует Валерия Флакка^{104*}. Правдоподобней было бы так: «Не Как, а трехголовый Гаран (Герийон) звали жертву Геракла, а помогал Гераклу Эвандр». Тогда бы это хорошо согласовалось с рассказом о том, как мать Эвандра Кармента расправилась с имевшим тринадцать согласных алфавитом Крона, т. е. Бет-Луис-Нионом, и ввела вместо него алфавит Геракла — Огма под названием Бой-бель-Лот, в котором содержалось пятнадцать согласных (см. «Белая богиня»). Царь Юба, который, по словам Плутарха, утверждал, что Геракл научил народ Эвандра пользоваться буквами, был почетным магистратом Гадеса и должен был хорошо знать местные предания, касающиеся алфавита. В истории с Эвандром Геракл откровенно изображается как противник культа Крона, поскольку запрещает приносить в жертву людей. Его кружной путь по Италии и Сицилии был выдуман для того, чтобы объяснить наличие множества храмов, воздвигнутых в его честь. Пятиборье («пентатл»), в котором он соревновался с Эриком, должно было объяснить экспедицию колонистов, которая в VI в. до н. э. отправилась в Эрик во главе с гераклидом Пептатлом из Книда и спартанцем Дорием. Гераклу поклонялись в сицилийском городе Агирии, и не исключено, что он был тем предком, который в середине XI в. до н. э. провел сицилийцев через пролив в Италию (Фукидид. VI.2.5). Про Геракла говорят, что он посетил Скифию, поскольку греческие колонисты, жившие на северном и западном берегах Понта Эвксинского, включили во всеобъемлющий десятый подвиг даже скифского Геракла — героя-лучника (см. 119,5). Его невеста — змееногая женщина — была Землей-богиней, матерью трех основных скифских племен, упомянутых Геродотом.

5) Рассказ об Алкионее, вероятно, пришел из мифа о том, как гиганты осаждали Олимп и оказались побежденными Гераклом (см. 35,а—е). Однако кража Алкионеем коров Гелиоса на острове Эрифия, а затем из коринфской цитадели — это всего лишь более древний вариант мифа о том, как Геракл похитил коров Герийона.

6) Стрела, которую Геракл выпускает в полуденное солнце, затем должна пасть с небес во время церемонии возведения его на трон (см. 126,2; 135,1).

^{104*} Валерий Флакк Гай (умер ок. 90 н. э.) — римский эпический поэт, автор неоконченной поэмы «Аргонавтика» (в 8 книгах), созданной по образцу произведений Аполлония Родосского, Вергилия и Варрона.

Одиннадцатый подвиг: яблоки гесперид

[а] Геракл совершил эти десять подвигов за восемь лет и один месяц, но Эврисфей не засчитал ему второй и пятый подвиги и назначил два новых. Одиннадцатым подвигом должно было стать похищение плодов с золотой яблони, которую мать-Земля в качестве свадебного подарка вручила Гере. Гера пришла в такой восторг от подарка, что посадила дерево в своем волшебном саду. Этот сад находился на склонах Атласских гор, где завершали свой путь уставшие лошади из солнечной колесницы и где тысяча овец и тысяча коров Атланта паслись на его пастбищах. Когда однажды Гера обнаружила, что дочери Атланта геспериды, которым она доверила дерево, потихоньку крадут яблоки, она послала охранять яблоню неусыпного стража дракона Ладона¹.

[b] Одни говорят, что Ладон был отпрыском Тифона и Ехидны, другие — что он был младшим сыном Кетона и Форкиды, а третьи утверждают, что он был партеногенным сыном матери-Земли. У него было сто голов и сто говорящих языков².

[с] Нельзя с точностью сказать, жили ли геспериды на Атласских горах в земле гипербореев, или на Атласских горах в Мавритании, или еще где-нибудь за потоком Океана, или на двух островах, лежащих у мыса под названием Западный Рог неподалеку от эфиопских Гесперий, что на берегах Африки. Хотя яблоки принадлежали Гере, Атлант, как настоящий садовник, гордился ими, а когда Фемида предупредила его: «Однажды, титан, один из сыновей Зевса лишит твое дерево злата», — то он, поскольку еще не держал в наказание на своих плечах небесный свод, построил вокруг сада толстые стены и изгнал из своей

земли всех чужестранцев. Не исключено, что именно он посадил Ладона сторожить яблоки³.

[d] Геракл, не имея представления о том, где находится сад гесперид, отправился через Иллирию к реке По, где жил великий морской бог Нерей. По дороге он переправился через Эхедор — реку в Македонии, где сын Ареса и Пирены по имени Кикн вызвал его на поединок. Арес действовал как сотоварищ Кикна и свел противников, но Зевс прекратил бой, ударив между ними перуном. Когда наконец Геракл пришел к реке По, речные нимфы, дочери Зевса и Фемиды, указали ему на спящего Нерея. Геракл схватил седого морского старца и, не выпуская его из рук, несмотря на все его многочисленные превращения, заставил сказать, как добыть золотые яблоки. Некоторые, правда, утверждают, что за советом Геракл отправился к Прометею⁴.

[e] Нерей посоветовал Гераклу не рвать яблок самому, а использовать для этого Атланта, на время освободив его от непомерного бремени. Поэтому, явившись в сад гесперид, Геракл попросил Атланта оказать ему любезность и сорвать яблоки. Атлант был готов на все, что угодно, лишь бы получить небольшую передышку, но боялся Ладона. Поэтому Геракл убил Ладона, пустив в него стрелу поверх садовой стены. После этого Геракл подставил свои плечи под небесный свод, а Атлант через некоторое время вернулся с тремя яблоками, сорванными его дочерьми гесперидами. Свобода показалась ему сказочно прекрасной. «Я сам доставляю эти яблоки Эврисфею, — сказал он, — если ты согласишься поддержать небо еще несколько месяцев». Геракл сделал вид, что согласился, но, предупрежденный Нереем о том, что соглашаться ни в коем случае нельзя, попросил Атланта поддержать небосвод, пока он не подложит себе под плечи подушку. Легко поддавшись на обман, Атлант положил яблоки на траву, а сам вновь подставил плечи под небосвод. Тогда Геракл подобрал яблоки и был таков, напоследок посмеявшись над легковерным Атлантом.

[f] Несколько месяцев спустя Геракл доставил яблоки Эврисфею, который, однако, не посмел их взять. Геракл отдал плоды Афине, а та вернула их нимфам, поскольку было бы несправедливо, чтобы из-за них Гера лишилась своей собственности⁵. Почувствовав жажду, Геракл топнул ногой, и из этого места забил ключ. Позднее благодаря этому источнику спасут свою жизнь аргонавты, которых судьба занесет на безжизненный ливийский берег. В это время Гера, оплакивавшая Ладона, поместила его изображение среди звезд в виде созвездия Змеи⁶.

[g] Геракл не стал возвращаться в Микены прямой дорогой. Сначала он отправился в Ливию, где царь Антей, сын Посейдона и матери-Земли, имел обычаем заставлять всех путников бороться с ним до полного изнеможения, а затем убивал своего противника. Ведь он был не только искусным атлетом, но и восстанавливал силы, прикасаясь к земле. Черепами своих жертв он украшал кровлю храма Посейдона⁷. Неизвестно, то ли Геракл, решивший покончить с этим варварским обычаем, вызвал Антея на поединок, то ли его самого вызвал Антей. Этот гигант жил в пещере под высокой скалой, питался львиным мясом и спал на голой земле, чтобы не только сохранить, но и увеличить свою и без того непомерную мощь. Мать-Земля, не потерявшая способности рожать после того, как произвела на свет гигантов, зачала Антея в ливийской пещере и гордилась им больше, чем своими ужасными старшими детьми — Тифоном, Титием и Бриареем. Олимпийцам не поздоровилось бы, если бы Антей сражался против них в долинах Флегры.

[h] Перед поединком оба участника сбросили с себя львиные шкуры, но если Геракл на олимпийский манер натер свое тело маслом, то Антей посыпал свои ноги горячим песком на тот случай, если его прикосновение к земле через подошвы ног окажется недостаточным. Геракл хотел приберечь свои силы и утомить Антея и очень удивился, когда, бросив его на землю, увидел, как наливаются мышцы гиганта и как сила вливается в его тело. Это мать-Земля вернула ему истраченные силы. Соперники вновь схватились, и на этот раз Антей упал сам, не дожидаясь, когда соперник бросит его наземь. Тогда Геракл, поняв, в чем дело, поднял Антея над землей, сломал ему ребра и, несмотря на стенания матери-Земли, держал его в могучих объятиях до тех пор, пока тот не испустил дух⁸.

[i] Некоторые утверждают, что это произошло в Ликсе, небольшом маврусском городке в пятидесяти милях от Танжера, неподалеку от моря, где стоит холм, считающийся могилой Антея. Местные жители полагают, что если с этого холма взять несколько корзин земли, то начнется дождь, который будет идти до тех пор, пока землю не вернут на место. Считают также, что сад гесперид находится на близлежащем островке, где воздвигнут алтарь Гераклу, однако следов сада на нем не осталось, если не считать нескольких диких олив. Когда Серторий взял Танжер, он вскрыл могилу, чтобы убедиться, действительно ли скелет Антея столь велик, как о нем говорят. И вправду скелет имел в длину шестьдесят локтей. Закрыв могилу, он воздал Антею почести как герою. Местные жители говорят также, что Танжер основал Антей и что раньше этот

город назывался Тингис. Добавляют также, что Софакс, которого вдова Антея Тинга родила от Геракла, правил своей страной и дал городу имя матери. Сын Софакса Диодор покорил много африканских народов с помощью греческого войска, набранного из числа микенских колонистов, которых поселил здесь Геракл⁹. Маврусии — люди восточного происхождения, как и фарусии, происходящие от персов, сопровождали Геракла в походе по Африке. Правда, кое-кто утверждает, что они были потомками тех ханаанеев, которых Иисус Навин — израильтянин изгнал из их страны¹⁰.

[j] После этого Геракл посетил оракула в Аммоне, где просил о разговоре со своим отцом Зевсом, но Зевс не пожелал явить себя, а когда Геракл стал настаивать, Зевс ободрал барана и, натянув на себя руно, показался Гераклу и дал ему несколько советов. Вот поэтому египтяне изображают Зевса Аммона с ликом барана. Фиванцы приносят в жертву баранов только раз в год, когда в конце праздника, посвященного Зевсу, режут барана и, сняв руно, надевают его на статую Зевса. После этого начинают оплакивать жертву и потом погребают ее в священной гробнице¹¹.

[k] Затем Геракл отправился на юг и основал стовратный город Фивы в честь города, в котором он родился. Некоторые, правда, говорят, что этот город уже был основан Осирисом. Все это время царем Египта был брат Антея Бусирис, сын Посейдона и Лусианассы, дочери Эпафа, или, как считают некоторые, сыном Посейдона и Аниппы, дочери реки Нил¹². К тому времени царство Бусириса уже поражали засуха и голод, длившиеся то ли восемь, то ли девять лет, и он посылал за греческими авгурами, чтобы те сказали, что делать. Его племянник, ученый прорицатель с Кипра по имени Фрасий, Трасий или Тасий, сын Пигмалиона, заявил, что голод прекратится, если ежегодно жертвовать одного чужеземца Зевсу. Бусирис начал с самого Фрасия, а потом приносил в жертву других случайных гостей до тех пор, пока не явился Геракл. Он позволил жрецам связать себя, подвести к алтарю, дал повязать свои волосы лентой, и Бусирис, взывая к богам, уже был готов занести свой жертвенный топор, но тут Геракл порвал все путы и зарубил Бусириса, его сына Амфидаманта и всех присутствовавших при этом жрецов¹³.

[l] Затем Геракл пошел в Азию и встал на якорь в Фермидрах, бухте родосского Линда, где он выпряг одного быка из крестьянской повозки, принес его в жертву, а из мяса устроил пиршество, тогда как владелец быка стоял на вершине холма и издали проклинал Геракла. Вот почему

жители Лида до сих пор произносят проклятья, совершая жертвоприношения в честь Геракла. Наконец, Геракл достиг Кавказа, где в течение тридцати — или тысячи, или тридцати тысяч — лет находился прикованный Прометей, к которому каждый день прилетал орел-стервятник, рожденный от Тифона и Ехидны, и терзал его печень¹⁴. Зевс уже давно сожалел о наказании, которому подвергался Прометей, поскольку тот уже доброму предупредил Зевса о нежелательности брака с Фетидой, если Зевс не хочет, чтобы она родила существо могущественнее, чем он сам. Зевс немедленно простил Прометея, когда Геракл попросил его об этом. А так как Прометей однажды уже был обречен на вечное мучение, Зевс повелел ему, чтобы всегда походить на узника, носить кольцо, сделанное из цепей и украшенное кавказским камнем. Так появилось первое кольцо с камнем. Однако мучения Прометея должны были длиться до тех пор, пока кто-нибудь из бессмертных не отправится вместо него добровольно в Аид. Поэтому Геракл напомнил Зевсу о Хироне, который мечтал расстаться с дарованным ему бессмертием, с тех пор как получил неизлечимую рану. Ничто больше не могло задержать освобождения Прометея, и Геракл, призвав на помощь охотника Аполлона, поразил орла стрелой прямо в сердце и дал Прометею свободу¹⁵.

[m] С тех пор в честь Прометея люди стали носить перстни и венки, поскольку после освобождения Прометею велено было носить ивовый венок, а Геракл, чтобы составить ему компанию, стал носить венок, сплетенный из веток дикой оливы¹⁶.

[n] Всемогущий Зевс поместил изображение стрелы среди звезд в виде созвездия Стрелы, а население Кавказских гор до сих пор считает орла-стервятника врагом человечества. Они сжигают его гнезда горящими стрелами и ставят на него ловушки, чтобы отомстить за мучения Прометея¹⁷.

¹ *Аполлодор*. II.5.11; *Еврипид*. Геракл. 396; *Ферекид*. Брак Геры. II. Цит. по: Схолии к Аполлонию Родосскому. IV.1396; *Эратосфен*. Превращения в звезды. III; *Гигин*, Поэтическая астрономия. II.3; *Германик Цезарь*. О «Феноменах» Арата, Дракон.

² *Аполлодор*. II.5.11; *Гесиод*. Теогония. 333—335; Схолии к Аполлонию Родосскому. IV.1396.

³ *Аполлодор*. Цит. соч.; Схолии к «Энеиде» Вергилия. IV.483; *Гесиод*. Теогония. 215; *Плиний*. Естественная история. VI.35—36; *Овидий*. Метаморфозы. IV.637 и след.

- ⁴ Аполлодор. Цит. соч.; Геродот. VII.124—127; Гигин. Цит. соч. II.15.
- ⁵ Аполлодор. Цит. соч.; Ферекид. Цит. по: Схолии к Аполлонию Родосскому. IV.1396; Аполлоний Родосский. IV. 1396—1484.
- ⁶ Гигин. Цит. соч. II.3.
- ⁷ Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Мифы. 31; Диодор Сицилийский. IV.17.
- ⁸ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч.; Пиндар. Истмийские оды. IV.52—55; Лукиан. IV.589—655.
- ⁹ Плиний. Естественная история. V.1; Страбон. XVII.3.2; Помпоний Мела. III.Х.6; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Серторий. 9.
- ¹⁰ Страбон. XVII.3.7, 3.9; Плиний. Естественная история. V.8; Прокопий. О войне с вандалами. II.10.
- ¹¹ Каллисфен. Цит. по: Страбон. XVII.1.43; Геродот. II.42.
- ¹² Диодор Сицилийский. I.15, IV.18; Овидий. Ибис. 399; Аполлодор. II.5.11; Гигин. Мифы. 56.
- ¹³ Филаргирий. Комментарий к «Георгикам» Вергилия. III.5; Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч. 31,56; Овидий. Наука любви. I.649.
- ¹⁴ Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч. 54; Страбон. XI.5.5; Эсхил. Цит. по: Гигин. Поэтическая астрономия. II.15; Гесиод. Теогония. 529.
- ¹⁵ Сервий. Комментарий к «Буколикам» Вергилия. VI.42; Гигин. Цит. соч.; Плиний. Естественная история. XXXIII.4, XXXVII.1; Эсхил. Прикованный Прометей. 1025, Освобожденный Прометей. Фрагмент 195. Цит. по: Плутарх. О любви. 14; Аполлодор. Цит. соч.
- ¹⁶ Атений. XV.674; Эсхил. Фрагменты 202, 235. Цит. по: Атений. 674d; Аполлодор. Цит. соч.
- ¹⁷ Гигин. Поэтическая астрономия. II.5; Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. II.3.

1) Разные места нахождения гесперид соответствуют различию в понимании того, что считать дальним Западом. Один из источников считает, что этот подвиг был совершен в Беренике, который раньше называли городом гесперид (Плиний. *Естественная история*. V.5), евесперид (Геродот. IV.171) или евесперит (Геродот. IV.198) или именем жены Птолемея Эвергета. Он был построен на Псевдопениаде (Страбон. XVII.3.20), западном мысе залива Сирт. Город омывался рекой Латон, или Летон, имел священную рощу, называвшуюся *Сад гесперид*. Река Латон впадала в Гесперийское озеро, расположенное недалеко от озера Тритониада, на котором особенно замечателен островок со святилищем Афродиты (Страбон. Цит. соч.; Плиний. Цит. соч.). Именно

Афродите, по некоторым свидетельствам, принадлежала яблоня (Сервий. *Комментарий к «Энеиде» Вергилия*. IV.485). Геродот называет эту область одним из немногих плодородных мест в Ливии. В некоторые годы земля здесь приносила урожай сам-сто.

2) Кроме этих географических споров, были еще попытки дать мифу рациональную трактовку. По одной из версий яблоки были прекрасными овцами (слово *melon* означает одновременно и «яблоко» и «овца») или овцами с особой золотистой шерстью, которых пас пастух по имени Дракон и которому дочери Геспера, геспериды, приносили еду. Геракл увел овец (Сервий. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. IV.26) и убил (Сервий. Цит. соч.) или похитил пастуха (Палефат. 19). Палефат говорит, что Геспер был родом из карийского Милета, который до сих пор славится своими овцами, и утверждает, что, хотя сам Геспер ко времени набега Геракла был уже мертв, две его дочери все еще были живы^{105*}.

3) По другой версии Геракл спас дочерей Атланта, которых из родительского сада похитили египетские жрецы, а Атлант в благодарность не только вручил ему предмет, ради которого и совершался подвиг, но в придачу научил астрономии, поскольку Атлант был первым астрономом и знал так много, что даже держал на своих плечах небесный свод. Вот почему говорят, что Геракл принял от него на время небесный свод (Диодор Сицилийский. III.60, IV.27). Геракл действительно стал Властелином Зодиака, однако астрономом-титаном, которого он заменил, был не Атлант (см. 1,3), а Кой.

4) Истинное объяснение этого мифа следует, однако, искать не в аллегории, а в ритуале. Как будет показано далее (см. 148,5), кандидат на царский престол должен был одолеть змея и забрать у него золото, что и совершает Геракл в этом мифе и в битве со змеем. Однако золото, которым он овладевает, по сути, не должно иметь форму золотых яблок. Яблоки он получает как пропуск в райский сад от триады богинь, когда кончается его правление. В погребальном контексте змей не является его противником, а той формой, которую примет его собственный вещий дух, когда его тело будет принесено в жертву. Ладон был стоголовым и говорил множеством языков, потому что многие вещие герои могли называть себя *Геракл* в том смысле, что представляли Зевса и посвящали свою жизнь службе Гере. Сад трех гесперид, чьи имена отождествляют

^{105*} Палефат (псевдоним; IV в. до н. э.) — древнегреческий автор. Сохранились извлечения из книги «Невероятные истории», в которой автор пытается рационалистически объяснить значение мифов.

их с закатом (см. 33,7; 39,1), располагался на далеком Западе потому, что закат был символом смерти царя-жреца. Геракл получает яблоки в конце своего правления, точно соответствующего ста лунным месяцам Великого года. Он берет на себя бремя сакральной и светской власти, перенимая его от своего предшественника, причем вместе с ним ему достается имя Атлант, т. е. «сильностраждущий». Весьма вероятно, что первоначально бремя это имело не форму свода, а форму солнечного диска (см. 67,2).

5) Нерей ведет себя так же, как Протей (см. 169,а), к которому на острове Фарос обратился за советом Менелай (Гомер. *Одиссея*. IV.460 и след.). Про Геракла сказано, что он поднялся по реке По, потому что эта река вела в страну гипербореев (см. 125,б). Известно, что жертвенные дары от гипербореев, обернутые в солому, поступали на остров Делос именно этим путем (Геродот. IV.33). Их страна в одном смысле была Британией, т. е. центром культа Борея, а в другом — Ливией или даже Кавказом. Поэтому райский сад располагался либо на далеком Западе, либо за северным ветром, в таинственном краю, куда на лето улетали дикие гуси (см. 161,4). Странствия Геракла отражают именно такую многозначность. Если бы он искал этот сад в Ливии, то ему следовало обратиться к царю Фароса Протею (см. 169,а), если на Кавказе — то к Прометею, что, собственно, и передано в варианте мифа, сообщенном Аполлодором. Если же он устремился на север, то ему действительно имело смысл обратиться к жившему у истоков По Нереею, поведение которого напоминает поведение Протея.

6) Останками Антея, вероятно, были кости выбросившегося на берег кита, породившие в Танжере целую легенду: «Конечно, это был великан, которого мог убить только Геракл. Тот самый Геракл, который воздвиг огромные столбы в Сеуте и Гибралтаре!» Поединок между кандидатом на царский трон и местными силачами был широко распространенным обычаем. Поединок с Антеем за обладание царством, как и поединок Тесея и Скирона (см. 96,3) или Одиссея и Филомелида (см. 161,ф), следует понимать именно в таком контексте. Пракситель, скульптор, создавший Парфенон, считал свержение Антея отдельным подвигом (Павсаний. IX.11.4).

7) Между Додоной и Аммоном существовали древние религиозные связи, и Зевс, которому поклонялись в обоих городах, был первоначально пастухом-царем, которого ежегодно приносили в жертву так же, как на горе Пелион и в Лафистии. Геракл правильно поступил, навестив своего

отца Зевса, когда проходил Ливию. Так же поступил устремившийся на восток Персей, а спустя много веков их примеру последовал Александр Великий.

8) У бога Сета были рыжие волосы, поэтому бусириям необходимы были жертвы с волосами именно такого цвета, так как они приносились убитому Сетом Осирису. Люди с рыжими волосами редко встречались в Египте, но были распространены среди эллинов (Диодор Сицилийский. I.88; Плутарх. *Об Исиде и Осирисе*. 30,33,73). Убийство Гераклом Бусириса может отражать некоторую карательную акцию, предпринятую эллинами в ответ на то, что их соплеменники были схвачены и убиты. Следует отметить, что вблизи Хеммита сохранились следы древнегреческой колонии.

9) Проклятия, произносимые во время жертвоприношений в честь Геракла (см. 143,а), напоминают хорошо известный обычай проклинать и оскорблять царя с соседнего холма во время коронации, чтобы не вызвать зависти богов. Аналогичным образом во время триумфов оскорбляли римских военачальников, олицетворявших собой Марса. Сеятели также проклинают зерно, разбрасывая его по борозде.

10) Освобождение Прометея, вероятнее всего, было притчей-морализацией, придуманной Эсхилом, а не настоящим мифом (см. 39,h). Ношение им ивового венка, подтвержденное изображением на этрусском зеркале, говорит о том, что Прометей был принесен в жертву луне-богине Анате, Нейт или Афине (см. 9,1). Возможно, первоначально его привязывали прутьями к жертвенному алтарю во время весеннего праздника, посвященного луне (см. 116,4).

11) По одной из легенд, Тифон убил Геракла в Ливии, а Иолай вернул ему жизнь, поднеся к его носу перепелку (Евдокс Книдский. *Описание земли*. I. Цит. по: Атеней. IX.392d). Однако это был тирский Геракл — Мелкарт, которого бог Эсмун («поминаемый»), или Асклепий, вернул к жизни таким способом. Это следует понимать так, что год начинался в марте, когда с Синая прилетали перепелки и начинались перепелиные оргии в честь женского божества (см. 14,3).

Двенадцатый подвиг: пленение Кербера

[а] Последний и самый трудный подвиг Геракла состоял в том, чтобы привести из Аида пса Кербера. Вначале Геракл отправился в Элевсин, где испросил разрешения принять участие в мистериях и надеть миртовый венок¹. В наше время любой эллин, прославивший добропорядочным человеком, может быть посвящен в мистерии, но, поскольку во времена Геракла к мистериям допускались только афиняне, Тесей предложил, чтобы Геракла усыновил некто Пилий. Пилий так и поступил, а когда над Гераклом совершили обряд очищения, из-за того что он перебил кентавров — а видеть таинства не мог человек с обагрёнными кровью руками, — сын Орфея Мусей исполнил обряд посвящения по всем правилам. Поручителем Геракла выступил Тесей². Однако основатель великих мистерий Евмолп повелел, чтобы к таинствам не допускали чужеземцев, поэтому элевсинцы, не решаясь отказать Гераклу и сомневаясь в том, стал ли он настоящим афинянином после усыновления его Пилием, решили организовать для него малые мистерии. Некоторые говорят, что сама Деметра оказала ему честь, основав по этому поводу малые мистерии³.

[б] Каждый год проводились два разных типа элевсинских мистерий: большие — в честь Деметры и Коры и малые — в честь одной только Коры. Малые мистерии служили подготовкой для больших; во время них элевсинцы в месяц анфестерион шли в Агры на берег реки Илосс, чтобы разыграть события из жизни Диониса. Среди главных обрядов было принесение в жертву свиньи, которую посвящаемые в таинства сначала купали в реке Канфар, затем над ней совершал обряд

очищения жрец по имени Гидран⁴. После этого участники инициации не меньше года ждали, чтобы получить право участия в больших мистериях, проходивших уже в самом Элевсине в месяце боэдромион. Мистагог, готовивший неофитов к большим мистериям, брал с них клятву о неразглашении тайны. Все это время им запрещалось посещать святилище Деметры и они были вынуждены ждать окончания торжеств у входа в храм⁵.

[с] Геракл, очищенный и подготовленный таким образом, спустился в Аид с лаконского Тенара. Некоторые говорят, что он спускался с Ахерусийского полуострова около понтийской Гераклеи, где на большой глубине до сих пор видны следы его спуска. Вели его Афина и Гермес, и стоило ему, измученному подвигами, воззвать в отчаянии к Зевсу, Афина тут же спешила утешить его⁶. Испугавшись свирепого взгляда Геракла, Харон переправил его через реку Стикс, не потребовав даже платы. За это Гадес на целый год заковал его в колодки. Когда Геракл ступил на берег, выйдя из неустойчивого челнока, все тени мертвых бросились бежать, кроме Мелеагра и Медузы Горгоны. При виде Медузы Геракл выхватил меч, но Гермес убедил его, что перед ним только тень, а когда он нацелил стрелу в Мелеагра, тот только засмеялся. «Тебе нечего бояться мертвых», — сказал он, и некоторое время они провели в дружеской беседе, в конце которой Геракл пообещал жениться на сестре Мелеагра Деянире⁷.

[d] У ворот Аида Геракл обнаружил своих друзей Тесея и Пирифоя, присосших к скале. Он освободил Тесея, но вынужден был оставить Пирифоя. Затем он откатил в сторону камень, под которым Деметра заточила Аскалафа, после чего, решив порадовать тени теплой кровью, зарезал одну из коров Гадеса. Пастух Менет, или Менетий, сын Кевтонима, вызвал Геракла на борцовский поединок, но Геракл сжал его такой хваткой, что у пастуха затрещали ребра. Тогда вмешалась вышедшая из своего дворца и приветствовавшая Геракла как брата Персефона, которая стала умолять не лишать Менета жизни⁸.

[e] Когда Геракл потребовал Кербера, стоявший рядом с женой Гадес мрачно заметил: «Он твой, если ты сумеешь приручить его, не прибегая к своей дубине и стрелам». Геракл нашел пса сидящим на цепи у ворот Ахерона и решительно взял его за шею, на которой росли три головы, а вместо шерсти извивались змеи. Колючий хвост взвился вверх для удара, но защищенный львиной шкурой Геракл не ослабил своей хватки до тех пор, пока Кербер не стал задыхаться и уступил⁹.

[f] По дороге из Аида Геракл сплел себе венок из веток дерева, которое Гадес посадил на Елисейских полях в память о своей возлюбленной прекрасной нимфе Левке. Листья на этом венке, смотрившие наружу, почернели, поскольку черный — это цвет преисподней, а те, которые были прижаты к челу Геракла, стали серебристо-белыми. Вот почему священным деревом Геракла считается белый тополь или осина: цвет листьев означает, что Геракл совершал подвиги в обоих мирах¹⁰.

[g] С помощью Афины Геракл переправился через реку Стикс, а затем, где волоча Кербера на веревке, а где неся на руках, вышел на белый свет через расщелину у Трезена, сквозь которую Дионис провел свою мать Семелу. В храме Артемиды Спасительницы, построенном Тесеем там, где расщелина выходит на поверхность, теперь стоят алтари, посвященные божествам потустороннего мира. В Трезене тоже показывают найденный Гераклом источник, который носит его имя и расположен перед бывшим дворцом Ипполита¹¹.

[h] По другому свидетельству, Геракл притащил Кербера, закованного в прочнейшие цепи, через подземный проход, который шел из мрачной пещеры Аконы, что рядом с поитийской Мариандиной. Кербер сопротивлялся, отводил глаза от дневного света, а его неистовый лай доносился из всех его трех глоток. Слюна его текла по зеленеющим полям, и от нее произошло ядовитое растение *акинит*, которое также называют *гекатина*, поскольку первой его использовала Геката. Согласно третьему рассказу, Геракл поднялся наверх через Тенар, известный своим пещерным храмом, перед входом в который стояла статуя Посейдона. Однако если когда-то там и была дорога в преисподнюю, ее давно уже нет. Наконец, кое-кто говорит, что Геракл появился во дворе храма Лафистийского Зевса на горе Лафист, где стоит изваяние Геракла, именуемое *Геракл с Блестящими глазами*¹².

[i] Тем не менее все склонны считать, что, когда Геракл привел Кербера в Микены, Эврисфей, совершавший в это время жертвоприношения, отдал герою долю, полагающуюся рабам, а куски получше приберег для своей родни. В справедливом гневе Геракл убил трех сыновей Эврисфея: Перимеда, Еврибия и Еврипила¹³.

[j] Кроме аконита, Геракл обнаружил такие травы: лечащий все болезни гераклеон, или *дикий ориган*; сидерийский гераклеон, имеющий тонкий стебель, красный цветок и листья, похожие на листья кориандра, растущий по берегам озер и рек и хорошо заживляющий все раны,

нанесенные железом; белену, вызывающую головокружение и умопомрачение. Нимфейский гераклеон, имеющий корень, похожий на палицу, назван так по имени нимфы, покинутой Гераклом и умершей от ревности. Мужчин он лишает силы на двенадцать дней¹⁴.

¹ Гомер. Одиссея. XI.624; Аполлодор. II.5.12.

² Геродот. VIII.65; Аполлодор. Цит. соч.; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Тесей. 30, 33; Диодор Сицилийский. IV.25.

³ Цец. Схолии к Ликофрону. 1328; Диодор Сицилийский. IV.14.

⁴ Стефан Византийский под словом *Agra*; Плутарх. Цит. соч. Деметрий. 26, Фокион. 28; Аристофан. Ахарняне. 703; Варрон. О сельском хозяйстве. II.4.11; Гесихий под словом *Hydranus*; Полиэн. V.17.

⁵ Плутарх. Цит. соч. Фокион. 28.

⁶ Аполлодор. Цит. соч.; Ксенофонт. Анабасис. I.2.2; Гомер. Одиссея. XI.626, Илиада. VIII.362 и след.

⁷ Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.392; Аполлодор. Цит. соч.; Вакхилид. Эпипикий. V.71 и след., 165 и след.

⁸ Аполлодор. Цит. соч.; Цец. Хириады. II.396 и след.

⁹ Аполлодор. Цит. соч.

¹⁰ Сервий. Цит. соч. VIII.369; Аполлодор. Цит. соч.; Павсаний. II.31.12, 32.3.

¹¹ Гомер. Илиада. VIII. 369; Аполлодор. Цит. соч.; Павсаний. II.31.12, 32.3.

¹² Овидий. Метаморфозы. VII.409 и след.; Германий Цезарь. Комментарий к «Георгикам» Вергилия. II.152; Павсаний. III.25.4, IX.34.4.

¹³ Антиклид. Цит. по: Атений. IV.157.

¹⁴ Плиний. Естественная история. XXV.12,15,27,37.

1) Не исключено, что этот миф возник на основе изображения, на котором Геракл спускается в Аид, где богиня мертвых Геката приветствует его в образе трехглавого чудовища. В ответ на врученные ей золотые яблоки она провожает Геракла на Елисейские поля. Кербер был изображен ведущим Геракла, а не наоборот. Известный вариант мифа логически вытекает из возведения Геракла в ранг божества: герой должен остаться в преисподней, но бог может избежать этой участи и взять своего стража с собой. Более того, обожествление героя в обществе, где до этого поклонялись только богине, означает, что царь нарушил извечную традицию и отказался умирать во имя богини. Вот почему обладание золотым псом подтверждало власть верховного царя ахейцев и его отказ от матриархальной опеки (см. 24,4). Присутствие в Аиде Менета

и похищение Гераклом одной из коров, принадлежавших Гадесу, говорит о том, что двенадцатый подвиг — это вариант десятого, т. е. посещение царства мертвых (см. 132,1).

2) Большие элевсинские мистерии имели критское происхождение и устраивались в месяц боэдромион («бегущий за помощью»), который на Крите совпадал примерно с сентябрем и назывался так, согласно Плутарху (*Тесей*. 27), в память победы Тесея над амазонками, что означало ликвидацию им матриархальной системы. Первоначально мистерии, вероятно, устраивались в период осеннего равноденствия, чтобы подготовить царя-жреца к назначаемой на день зимнего солнцеворота смерти, предвестником которой был миртовый венок (см. 109,4). Сами мистерии имели вид сакральной драмы, в которой говорилось, что ожидает царя в потустороннем мире. После отмены принесения в жертву царя, равносильной падению матриархата, мистерии оказались доступны для всех, кого считали достойным инициации. Аналогичные сведения можно найти в египетской «Книге мертвых»: любой добропорядочный мужчина мог стать Осирисом, полностью очистившись от всякой скверны и переживя ритуальную смерть. В Элевсине Осириса отождествляли с Дионисом. Листья белого тополя были шумерским символом возрождения, а в древесном календаре белый тополь означал осеннее равноденствие (см. 52,3).

3) Малые мистерии, которые устраивались как преддверие к большим, похоже, были у пеласгов самостоятельным праздником, тоже связанным с надеждой на возрождение, но отмечавшимся раньше, в феврале, во время сретенья, когда появлялись первые листья на деревьях. Отсюда и пошло название *анфестерион*.

4) Итак, поскольку Дионис отождествлялся с Осирисом, Семела должна быть Исидой, а мы знаем, что не Осирис спасал Исиду из царства мертвых, а она его. Отсюда следует, что трезенское священное изображение должно было показывать Семелу, которая возвращает Диониса в мир живых. Богиня, которая таким же образом сопровождала Геракла, тоже была Исидой, а то, что он спас Алкестиду, следует объяснять тем же изображением, где вели его, а не он. Его появление на горе Лафистий весьма интересно. На вершине горы не может быть пропасти, поэтому миф должен свидетельствовать о смерти и воскресении царя-жреца, которые праздновались на этом месте, причем именно об этом обряде говорится в легенде о золотом руне (см. 70,2; 148,10).

5) Аконит, обладающий ядом парализующего действия, использовался фессалийскими колдуньями для изготовления мази «для полетов»: от нее немели ступни и руки, что давало ощущение оторванности от земли. Но поскольку это было еще и жаропонижающее средство, Гераклу, изгнанному из Стимфала разносивших лихорадку птиц, вполне могли приписать открытие этого цветка.

6) Для подвигов Геракла не существует определенной последовательности. Диодор Сицилийский и Гигин (*Мифы*. 30) описывают все двенадцать подвигов в том же порядке, что и Аполлодор, за исключением того, что у них четвертый стоит перед третьим, а шестой перед пятым. Кроме того, Диодор ставит двенадцатый подвиг перед одиннадцатым. Почти все мифографы единодушны в том, что убийство Немейского льва составило первый подвиг, но в предлагаемой Гигином последовательности «Двенадцати подвигов Геракла, совершенных на службе у Эврисфея» (Там же) убийству льва предшествует удушение змей. В одном месте Диодор Сицилийский включает убийство Антея и Бусириса в десятый подвиг (IV.17—18), а в другом — в одиннадцатый (IV.27). И хотя у многих авторов Геракл в юные годы отправляется в плавание с аргонавтами (Силий Италик. III.512), есть авторы, у которых Геракл совершает это плавание после четвертого подвига (Аполлоний Родосский. I.122) или даже после восьмого (Диодор Сицилийский. IV.15). Есть и такие авторы, у которых он сначала совершает девятый и двенадцатый подвиги и обламывает рога «обоим быкам» (Валерий Флакк. *Аргонавтика*. V.91, II.382, I.36), а потом отплывает с аргонавтами. Некоторые напрочь отрицают возможность отплытия с аргонавтами на том основании, что в это время Геракл был рабом царицы Омфалы (Геродот. Цит. по: Аполлодор. I.9.19).

7) Согласно схолиям к Ликофрону (1328), Геракл был посвящен в Элевсинские мистерии до того, как совершил девятый подвиг, однако Филохор (цит. по: Плутарх. *Тесей*. 26) говорит, что Тесей посвятил Геракла в мистерии тогда, когда тот совершал свой девятый подвиг (Там же. 30), а спасение Тесея из Аида произошло во время совершения двенадцатого подвига (Аполлодор. II.5.12). Согласно Павсанию (I.27.8), Тесей был семилетним мальчиком, когда Геракл, украшенный львиной шкурой, пришел в Трезен, а Истм он избавил от разбойников по дороге в Афины, когда служил Омфале (Аполлодор. II.6.3). Еврипид считал, что Геракл сразился с сыном Ареса Кикном до того, как отправился совершать свой восьмой подвиг (*Алкеста*. 501 и след.).

Проперций^{106*} (IV.19.41) полагал, что Геракл уже побывал в Аиде, когда убил Кака, а Овидий (*Фасты*. V.388) думал, что Хирон умер случайно — не в результате четвертого подвига, а когда Геракл уже почти завершил все свои подвиги.

8) Альбрик^{107*} предлагает следующий порядок совершения Гераклом двенадцати подвигов, сопровождая их описание аллегорическим объяснением: победа над кентаврами во время свадебного пиршества; убийство льва; спасение Алкестиды из Аида (когда Кербер был посажен на цепь); получение яблок у гесперид; убийство Гидры; поединок с Ахелоем; убийство Кака; похищение кобылиц Диомеда; победа над Антеем; пленение вепря; угон коров Герiona и подпирание небес.

9) Различные подвиги и деяния Геракла изображены на троне Аполлона в Амиклах (Павсаний. III.18.7—9), а также на бронзовом святилище Афины в спартанском акрополе (Павсаний. III.17.3). Скульптуры, выполненные Праксителем для фронтона фиванского святилища Геракла, изображали почти все двенадцать подвигов, за исключением Стимфалийских птиц, а вместо чистки Авгиевых конюшен был изображен поединок с Антеем. Явное желание многих городов показать свою причастность к двенадцати подвигам Геракла говорит о том, что ритуальные драмы, в которых фигурировали брачные испытания, предшествовавшие коронации, имели широкое распространение.

^{106*} Проперций Секст (50 — между 16 и 2 до н. э.) — римский поэт. Жил в Риме. Дошли 4 книги стихов — любовные элегии, стихи на случай, описание достопримечательностей Рима, эпизоды героического прошлого страны. Заново открыт в эпоху Возрождения.

^{107*} Альбрик — английский философ и медик XI в., автор популярных в Средние века трактатов по мифологии — «Поэтические аллегории» и «Об изображении богов».

[а] Когда Геракл вернулся в Фивы, совершив подвиги, то отдал свою жену Мегару, которой к тому времени исполнилось тридцать три года, в жены своему племяннику и колесничему Иолаю, которому исполнилось только шестнадцать, объяснив свой поступок тем, что его браку с Мегарой не сопутствовали благоприятные предзнаменования¹. Поступив таким образом, он стал подыскивать более молодую жену, которая принесла бы ему счастье. Услышав, что его друг Эврит, сын эхалийского царя Меланея, предлагает в жены свою дочь Иолу тому, кто окажется более искусным стрелком из лука, чем он сам и его четыре сына, Геракл направился к Эвриту². У того был прекрасный лук, а пользоваться им его учил сам Аполлон, которого, как утверждал Эврит, он уже превосходил в меткости. Однако Геракл без труда победил его. Такой исход безмерно раздосадовал Эврита, и он, прознав, что Геракл избавился от Мегары, предварительно уничтожив ее детей, отказался отдавать ему в жены Иолу. Выпив для большей уверенности изрядное количество вина, Эврит произнес такие слова: «Тебе никогда бы не сравниться со мной и моими сыновьями в стрельбе из лука, если бы ты не использовал волшебные стрелы, которые сами летят в цель. Это соревнование недействительно, и я ни в коем случае не доверю мою любимую дочь такому злодею, как ты! Кроме того, ты раб Эврисфея и заслуживаешь лишь побоев от свободного человека». Сказав это, он выпроводил Геракла из дворца. Геракл не стал мстить тотчас же, хотя никто не мешал ему это сделать, но поклялся совершить возмездие³.

[b] Трое сыновей Эврита по имени Дейоней, Клитий и Токсей поддерживали отца в его бесчестных обвинениях, а старший, которого звали

Ифит, заявил, что если быть справедливым, то Иола должна принадлежать Гераклу. И когда вскоре после случившегося в Эвбее пропали двенадцать крепконогих племенных кобыл и столько же выносливых молодых мулов, он отказался поверить в то, что похитителем был Геракл. По правде говоря, животные были похищены известным вором Автоликом, который с помощью магии изменил их внешний вид и продал ничего не подозревавшему Гераклу, выдав их за своих⁴. Ифит пошел по следам кобыл и мулов и обнаружил, что следы ведут в Тиринф. Это навело его на мысль, что все-таки Геракл украл животных, желая таким образом отомстить за нанесенное ему оскорбление. Столкнувшись неожиданно лицом к лицу с Гераклом, только что вернувшимся после спасения Алкестиды, он скрыл свои подозрения и решил просто посоветоваться с Гераклом. В животных, купленных им у Автолика, Геракл не признал тех, которых ему описал Ифит, и со свойственным ему чистосердечием обещал всяческую помощь в поисках скота, если Ифит согласится стать его гостем. Но теперь он уже догадывался, что его подозревают в краже, и очень огорчился. После большого пира он отвел Ифита на самую высокую скалу в Тиринфе. «Посмотри вокруг, — потребовал он, — и скажи, видишь ли ты, чтобы где-нибудь паслись твои кобылы». — «Я их не вижу», — признался Ифит. — «Тогда ты по ошибке держал на меня в своем сердце обвинение в краже!» — взревел вне себя от гнева Геракл, и Ифит полетел вниз⁵.

[с] После этого Геракл отправился к царю Пилосу Нелею и попросил его совершить над ним обряд очищения, но Нелей отказался, потому что Эврит был его союзником. Никто из сыновей Нелея, кроме младшего Нестора, не согласился принять у себя Геракла, которому в конце концов удалось уговорить Дейфоба, сына Ипполита, подвергнуть его очищению в Амиклах. Однако Геракла не перестали мучить ночные кошмары, и он отправился к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать, как избавиться от них⁶. Пифия Ксеноклея отказалась отвечать на его вопрос. «Ты убил своего гостя, — сказала она. — У меня нет оракулов для таких, как ты!» — «Тогда я вынужден основать свое собственное прорицалище!» — вскричал Геракл. После этих слов он лишил святилище всех вотивных даров^{108*} и даже утащил треножник, на котором восседала

^{108*} Вотивный дар (лат. votivus — «торжественно обещанный, посвященный богам») — посвячительное приношение божеству, приносимый из благодарности или по обету малый или большой предмет (например, вотивный камень, сосуд, табличка, статуэтка и др.) в зависимости от состоятельности посвящающего.

Ксеноклея. «Да, Геракл из Тиринфа совсем другой, чем Канопский», — сурово произнесла пифия, глядя вслед исчезающему треножнику. Она намекала на то, что Египетский Геракл, посетив однажды Дельфы, вел себя вежливо и относился к ней со всяческим почтением⁷.

[d] Тогда в битву вступил возмущенный Аполлон и бился с Гераклом до тех пор, пока Зевс не развел противников с помощью перуна и не заставил их пожать друг другу руки в знак примирения. Геракл вернул на место священный треножник, после чего они вместе основали город Гитион, где сейчас на рыночной площади рядом стоят изваяния Аполлона, Геракла и Диониса. После всего случившегося Ксеноклея дала Гераклу такой оракул: «Чтобы избавиться от того, что тебя мучает, ты должен на целый год продаться в рабство, а полученные за это деньги вручить детям Ифита⁸. Зевс возмущен тем, что ты нарушил законы гостеприимства, чем бы ты при этом ни руководствовался». — «Чьим рабом я должен стать?» — смиренно спросил Геракл. — «Лидийская царица Омфала купит тебя», — ответила Ксеноклея. — «Я повинуюсь», — продолжил Геракл, — но когда-нибудь сделаю рабом человека, из-за которого так страдаю, да и всю его семью продам в рабство»⁹. Некоторые, правда, говорят, что Геракл не вернул треножник. Тысячу лет спустя, прослышав, что он оказался в городе Фенее, Аполлон наказал фенейцев, завалив канал для отвода дождевых вод, который прорыл Геракл, и город залило водой¹⁰.

[e] Есть еще один рассказ об этих событиях, совсем непохожий на предыдущие, согласно которому эвбеец Лик, сын Посейдона и Дирки, напал на Фивы в смутное для города время, убил царя Креонта и захватил трон. Поверив сообщению Копрея о том, что Геракл умер, Лик попытался соблазнить Мегару, а когда та ответила отказом, он уже было собрался убить и ее, и ее детей, но тут из Аида вернулся Геракл и свершил возмездие. Гера, чьим любимцем был Лик, лишила Геракла разума, и тот убил Мегару и всех своих сыновей, причем не пощадил даже любимого им этолийца Стихия¹¹. Фиванцы, которые показывают могилу его детей, говорят, что Геракл убил бы и своего приемного отца Амфитриона, если бы не Афина, которая ударила его камнем так, что он потерял сознание. Они показывают этот камень, добавляя: «Мы прозвали его *приводящий в разум*». Но на самом деле Амфитрион умер задолго до этих событий в орхоменском походе. Афиняне утверждают, что Тесея, благодарный Гераклу за освобождение из Аида, прибыл в этот момент с афинской армией, чтобы помочь Гераклу в борьбе против Лика.

Его поразило совершенное Гераклом убийство, но, несмотря на это, Тесей обещал устраивать в его честь всевозможные почести в течение всей жизни и после смерти. А еще он привез Геракла в Афины, где Медея с помощью лекарств вылечила его от безумия, а Сикал еще раз совершил над ним очистительный обряд¹².

¹ Плутарх. О любви. 9; Аполлодор. II.6.1; Павсаний. X.29.3.

² Диодор Сицилийский. IV.31; Павсаний. IV.33.5; Софокл. Трахинянки. 260 и след.

³ Гигин. Мифы. 14; Аполлоний Родосский. 1.88—89; Гомер. Одиссея. VIII.266—228; Аполлодор. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Софокл. Цит. соч.

⁴ Гесиод. Цит. по: Схолии к «Трахинянкам» Софокла. 266; Гомер. Цит. соч. XXI.15 и след.; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлодор. II.6.2; Схолии к «Одиссее» Гомера. XXI.22.

⁵ Аполлодор. Цит. соч.; Софокл. Цит. соч. 271; Гомер. Цит. соч. и схолии, цитирующие Ферекида; Диодор Сицилийский. Цит. соч.

⁶ Аполлодор. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. Цит. соч.

⁷ Аполлодор. Цит. соч.; Павсаний. X.13.4; Гигин. Цит. соч. 32.

⁸ Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч.; Павсаний. II.21.3; Диодор Сицилийский. Цит. соч.

⁹ Софокл. Цит. соч. 248 и след., 275 и след.; Гигин. Цит. соч.; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VIII.300.

¹⁰ Плутарх. О медлительности божественного возмездия. 12; Павсаний. VIII.14.3.

¹¹ Гигин. Цит. соч. 32; Еврипид. Геракл. 26 и след., 533; Сервий. Цит. соч. VIII.300; Схолии к «Трахинянкам» Софокла. 335.

¹² Еврипид. Цит. соч. 26 и след., 1163 и след., 1322; Павсаний. IX.11.2; Диодор Сицилийский. IV.55; Менократ. Цит. по: Схолии к «Истмийским одам» Пиндара. IV.104 и след.

1) В матрилинейном обществе развод с женой означал отказ от трона, который считался ее приданым. Поэтому очень вероятно, что к какому-то времени, когда древние устои в Греции достаточно расшатались, царь-жрец мог уже избегать смерти в конце своего правления, покидая царство, в котором он правил, и вступая в брак с наследницей другого трона. Если это так, то отказ Эврита назвать Геракла своим зятем объяснялся не тем, что тот убил своих детей, совершая ежегодные жертвоприношения

богам, пока правил в Фивах, а тем, что Геракл не выполнил долг царя и не умер. Соревнования в стрельбе из лука, в которых в качестве награды фигурировала невеста, — это индоевропейский обычай: в «Махабхарате» Арджуна таким образом получает Драупади, а в «Рамаяне» Рама сгибает огромный лук Шивы и получает Ситу. Более того, пускание стрел во все стороны света и в небо (см. 126,2; 132,6) являлось частью обрядов царского бракосочетания в Индии и Египте. Кобылы могли упоминаться в связи с жертвоприношениями во время брака Геракла и Иолы, когда он стал царем Эхалии (см. 81,4). Как бы там ни было, а Ифит был одним из тех, кого вместо царя в конце каждого года сбрасывали с фиванских стен. Его могли сбросить и по другому поводу — например, чтобы умилостивить кого-нибудь из рассерженных богов (см. 105,6; 106,j; 121,3).

2) Захват Гераклом дельфийского треножника, очевидно, свидетельствует о разграблении святилища дорийцами, а перун, пущенный в разгар схватки между Аполлоном и Гераклом, означает договор, согласно которому оракул остается у Аполлона, а не переходит к Гераклу при условии, что Аполлон будет отстаивать интересы дорийцев как покровитель лиманов — одного из племен, принадлежавших Дорийскому союзу. Общеизвестен тот факт, что спартанцы, которые принадлежали к дорийцам, контролировали Дельфийский оракул в классическую эпоху. Еврипид не упоминает инцидент с треножником в своем «Геракле», поскольку в 421 г. до н. э. афиняне в Никийском договоре не смогли отстоять власть Фокиды над Дельфами, а спартанцам удалось настоять на том, чтобы Дельфы стали подконтрольным им марионеточным государством. В середине IV в. до н. э., когда конфликт разгорелся вновь, фокидцы захватили Дельфы и овладели частью сокровищ, чтобы на них набрать войско для обороны страны, но в результате были наголову разбиты, а их города не избежали разрушения.

3) Выговор пифии следует понимать так, что дорийцы, захватившие Пелопоннес, называли себя «сыновьями Геракла» и не выказывали ей того уважения, что их ахейские, эолийские и ионийские предшественники, тяготевшие в своей религии к ливийским земледельцам дельты Нила, а не к эллинским царям-пастухам. Предшественница Ксеноклеи по имени Герофила («любимица Геры») была дочерью Зевса и Ламии. Ливийцы, которыми она правила, называли ее Сивиллой (Павсаний. X.12.1; Еврипид. *Пролог к «Ламии»*). Цицерон придерживается той же точки зрения, когда отрицает, что сын Алкмены (т. е. додорийский Геракл)

сражался с Аполлоном из-за треножника (*О природе богов*. III.42). Позднее предпринимались попытки во имя религиозной благопристойности затушевать ссору между фокидцем Аполлоном и дорийцем Гераклом. Так, Плутарх, который был дельфийским жрецом, предполагает (*Диалог о «Е» в Дельфах*. 6^{109*}), что Геракл «решил выдернуть силой у пифии треножник и сразиться с богом в искусстве прорицания». Описывая мечь Аполлона народу Фенея, он тактично умалчивает о том, что канал для них прорыл Геракл (см.138,d).

^{109*} Буква Σ («эпсилон») в греческом алфавите обозначала привычку, способную много сказать о носителе культуры, обозначала сильное присутствие божества и формулу обращения к божеству.

[а] Геракла отправил в Азию Гермес, покровительствовавший всем важным денежным сделкам, и выставил его на продажу как безымянного раба. Он же затем передал вырученные от продажи деньги — три серебряных таланта — сиротам Ифита. Однако Эврит запретил своим внукам принимать любую денежную компенсацию, заявив, что за кровь можно отплатить только кровью. Поэтому, что стало с тем серебром, знает один Гермес¹. Как и предсказала пифия, Геракла купила Омфала, лидийская царица, про которую говорили, что она не упустит своего. Геракл верно служил ей год или три, избавив за это время Малую Азию от разбойников, которых было там в большом количестве².

[б] Эта Омфала была дочерью Иардана, а по мнению некоторых знающих людей — матерью Тантала. Она унаследовала царство от своего несчастного мужа Тмола, сына Ареса и Теогоны. Однажды, охотясь на горе Карманорий (названной так по имени Карманора — сына Диониса и Алексирои, — погубленного здесь диким вепрем), Тмол влюбился в охотницу Ариппу, целомудренную служанку Артемиды. Глухая к угрозам и мольбам Тмола, Ариппа укрылась в храме своей госпожи, где, поправ священность этого места, Тмол овладел ею на ложе самой богини. Обезумев от горя, Ариппа повесилась на стропилах, успев перед смертью обратиться к Артемиде, и та в ответ на ее мольбу выпустила свирепого быка. Подброшенный быком, Тмол упал на камни и острые колья и умер в муках. Феоклимен, его сын от Омфалы, предал его земле в том месте, где тот скончался, и переименовал гору в *Тмол*,

а город с таким же названием, построенный на склоне горы, был разрушен сильным землетрясением во времена императора Тиберия³.

[с] Среди разных деяний, совершенных Гераклом во время службы Омфале, было пленение эфесских керкопов, которые постоянно мешали ему спать. Это были братья-близнецы по имени то ли Пассал и Акмон, то ли Ол и Еврибат, то ли Силл и Трибалл. Их родителями были Океан и Тейя, и слыли они самыми отъявленными лгунами и обманщиками, каких только знали люди. Они бродили по свету, придумывая все новые и новые обманы. Тейя советовала им держаться подальше от Геракла, а ее слова: «Мои маленькие белозадики, вам придется встретить большой черный зад!» — вошли в поговорку, и «белый зад» теперь означает трусость, низость и похотливость⁴. В виде трупных мух они жужжали над ложем Геракла, пока однажды ночью он не схватил их и не заставил принять свой обычный облик. Тогда он перекинул их через большой шест так, что головы их свисали вниз, а сам взял шест на плечо и пошел. Нужно сказать, что ягодицы Геракла, которые не прикрывала львиная шкура, так потемнели от солнца, что напоминали старый кожаный щит. На их цвет повлияло также и огненное дыхание Кака и Критского быка. Поэтому керкопы, висевшие вниз головой, не смогли удержаться от смеха при виде открывшегося им зрелища. Поначалу их веселость удивила Геракла, но, поняв ее причину, он уселся на скалу и сам стал хохотать; так братьям удалось вымолить себе свободу. И хотя известный нам город Керкопия расположен в Азии, пещеру Керкопов и скалу под названием Чернозадая показывают в Фермопилах; отсюда можно сделать вывод о том, что описанный случай к ним, вероятно, никакого отношения не имеет⁵.

[d] Одни говорят, что керкопы в конце концов превратились в камень за то, что хотели обмануть самого Зевса, другие утверждают, что за обман он превратил их в обезьян с длинной желтой шерстью и отправил на италийские острова, которые называются Пифекуссы⁶.

[e] В Лидийской долине жил некто Силей, который заставлял всех чужестранцев работать на своих виноградниках, но Геракл вырвал все лозы винограда с корнем. Когда лидийцы из Итоны стали совершать набеги на землю Омфалы, Геракл вернул все ими награбленное, а город сровнял с землей⁷. В Келенах жил Литиерс — земледелец, незаконнорожденный сын царя Миноса, приглашавший к себе в дом путников, а потом заставлявший их соревноваться с ним в уборке урожая. Когда они отставали, он бил их плетьюми, а вечером, выиграв соревнование,

отрубал им головы, а тела прятал в снопы, распевая при этом печальные песни. Геракл пришел в Келены, чтобы спасти пастуха Дафниса, сына Гермеса, который, обойдя весь свет в поисках своей возлюбленной Пимплеи, похищенной пиратами, наконец нашел ее среди рабынь Литиерса. Тот вызвал Дафниса посоревноваться в жатве, но Геракл, занявший его место, победил Литиерса, отрубил ему серпом голову, а тело бросил в реку Меандр. Дафнис получил не только Пимплею, но и дворец Литиерса, врученный ей Гераклом в качестве приданого. В честь Литиерса фригийские жнецы до сих пор поют во время страды погребальные песни, очень напоминающие те, что поют в честь Манера, сына первого египетского царя, умершего на сжатом поле⁸.

[f] Наконец, на берегу лидийской реки Сангарий Геракл поразил стрелой огромного змея, уничтожающего людей и урожай. Омфала, узнав наконец, кто он и откуда родом, в благодарность освободила его и отправила назад в Тиринф с богатыми дарами. Зевс в ознаменование этого события создал созвездие Офиух — Змеедержец. Река Сангарий, между прочим, была так названа в честь сына Миндона и Алексирои, который, лишенный рассудка Матерью богов за неуважение, проявленное к ее мистериям, и оскорбление ее внухов-жрецов, решил утопиться в водах этой реки⁹.

[g] Омфала купила Геракла с целью приобрести себе любовника, а не воина. Она родила от него троих сыновей по имени Лам, Агелай (потомком которого был знаменитый царь Крез, решивший сгореть на костре, когда персы захватили Сарды) и Лаомедонт¹⁰. Некоторые считают, что был еще и четвертый сын — Тиррен или Тирсен. Он изобрел музыкальную трубу и повел лидийских поселенцев в Этрурию, где они стали называть себя тирренцами или тирсенами. Но более вероятно, что Тиррен был сыном царя Атиса и отдаленным потомком Геракла и Омфалы¹¹. Одна из служанок Омфалы по имени Малида родила от Геракла Клеодая или Клеолая и еще Алкея, основавшего лидийскую династию, которую царь Крез изгнал с сардского трона¹².

[h] Грецию достигли вести о том, что Геракл расстался со своей львиной шкурой и венком из белого тополя, а вместо них носит ожерелья, золотые браслеты, женский тюрбан, красный платок и меонийский пояс. Говорили, что он сидит в кругу распутных ионийских красавиц, расчесывает шерсть или прядет ее, вздрагивая при каждом окрике хозяйки. Ему не раз доставалось от нее золоченой тувелькой, когда его неловкие пальцы ломали веретено; иногда же, в хорошем настроении, она развлекалась,

слушая его воспоминания о былых подвигах. При этом он даже не испытывал стыда. Вот почему художники изображают Геракла в желтой юбке или в окружении причесывающих его служанок Омфалы, которая носит его львиную шкуру, дубину и лук¹³.

[i] Произошло, однако, всего лишь вот что. Однажды, когда Геракл и Омфала прохаживались по виноградникам Тмола — она в пурпурном, вышитом золотом платье, с напوماженными локонами, а он — с золоченым зонтиком в руках, раскрытым над ее головой, — с высокого холма их увидел Пан. Влюбившись в Омфалу и наскоро попросившись с горными богинями, он побежал за ней с криком: «Теперь только ей будет принадлежать мое сердце!» Тем временем Омфала и Геракл пришли к одинокому гроту, ради которого и предприняли эту прогулку, где им в голову пришла мысль поменяться одеждой. Она подвязала ему плетеный пояс, не сошедшийся на его широкой талии, и надела на него свое платье. И хотя она распустила шнуровку платья как можно свободнее, рукава на Геракле лопнули и шнурки на сандалиях оказались коротки.

[j] После ужина, принеся закатные жертвы Дионису, который требовал от поклонявшихся ему брачной чистоты, они отправились спать — каждый на свое ложе. В полночь Пан пробрался в грот и в темноте ощупью нашел то, что показалось ему ложем Омфалы, поскольку на спящем были шелковые одежды. Дрожащими руками он приподнял покрывало и нырнул под него. Проснувшийся в это время Геракл вытянул одну ногу и лягнул ею так, что Пан отлетел к противоположной стене грота. Услышав тяжелый удар и вопль, Омфала вскочила и приказала принести огонь. Когда огонь принесли, они с Гераклом смеялись до слез при виде распростертого в углу Пана, потирающего свои ушибы. С этого дня Пан невзлюбил одежду и созывал участников своих обрядов обнаженными. Именно он отомстил Гераклу, распространив про него слух, что тот постоянно обменивается с Омфалой одеждой, находя в этом особое удовольствие¹⁴.

¹ *Аполлодор*. II.6.3; *Диодор Сицилийский*. IV.31; *Ферекид*. Цит. по: Схолии к «Одиссее» Гомера. XXI.22.

² *Софокл*. Трахинянки. 253; *Аполлодор*. II.6.2; *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.

³ *Аполлодор*. II.6.3; *Плутарх*. О реках. 7; *Тацит*. Анналы. II.47.

⁴ *Аполлодор*. Цит. соч.; *Суда* под словом *Sergores*; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 91.

- ⁵ Roscher W.H. Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. II.1166 ff; Мюллер К.О. Дорийцы. I.464; Птоломей Клавдий. V.2; Геродот. VII.216.
- ⁶ Суда под словом *Cercopes*; Евстафий. Схолии к «Одиссее» Гомера. XIX.247; Овидий. Метаморфозы. XIV.91.
- ⁷ Цец. Хиляды. II.432 и след.; Диодор Сицилийский. IV.31; Дионисий Периегет. Описание Земли. 465; Стефан Византийский под словом *Итопе*.
- ⁸ Схолии к «Идиллиям» Феокрита. X.41; Атеней. XIV.619; Гесихий, Фотий и Суда под словом *Lityerses*.
- ⁹ Гигин. Поэтическая астрономия. II.14; Плутарх. О реках. 12.
- ¹⁰ Диодор Сицилийский. IV.31; Вакхилид. III.24—62; Аполлодор. II.6.3; Палефат. 45.
- ¹¹ Павсаний. II.21.3; Геродот. I.94; Страбон. V.2.2; Дионисий Галикарнасский. Древности. I.28.
- ¹² Гелланик. Фрагмент 102; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Евгений. Евангельское приурочивание. II.2.25; Геродот. I.7.
- ¹³ Овидий. Героиды. IX.54 и след.; Лукиан. Разговоры богов. 13; Плутарх. Следует ли старику заниматься государственными делами. 4.
- ¹⁴ Овидий. Фасты. II.305.

1) Карманор, вероятно, был титул Адониса (см. 18,7), также убитого вепрем. Осквернение Тмолем храма Артемиды датировать нельзя, как нельзя датировать повеление Гераклу возместить Эвриту смерть сына. Оба события тем не менее кажутся вполне исторически верными. Не исключено, что Омфала была пифией, хранительницей дельфийского омфала, которая предложила выплатить за Геракла надлежащую сумму и сделала его на время отработки храмовым рабом. Тот факт, что в мифе Омфала предстает лидийской царицей, объясняется тем, что мифографы решили изменить место действия, чтобы согласовать его с другими преданиями.

2) Керкопы были, как о том говорят различные пары их имен, керы, или Злобы, приходящие в виде обманчивых и злых снов, которых можно было избежать, взывая к Гераклу — единственному, кто имел власть над ночными кошмарами (см. 35.3—4). Сначала представленные как простые призраки, наподобие керкопов (их имя является всего лишь вариантом слова *cercops*), в более поздних произведениях они уже фигурируют как *cercopithesoi* («обезьяны»). Причиной тому, возможно, связь между Гераклом и Гибралтаром, где находился один из установленных им столпов, откуда карфагенские купцы привозили ручных обезьян для

богатых греческих и римских дам. Маловероятно, чтобы на двух маленьких островках — Исхии и Прохите, расположенных к северу от Неаполитанского залива и называемых греками Питекуссами, — водились обезьяны. Название этих островков на самом деле происходит от слова *pithei*, «сосуды», которые на этих островах изготовлялись (Плиний. *Естественная история*. III.6).

3) Обычай виноградарей убивать путников в пору виноделия, когда совершался обряд в честь духа Лозы, был широко распространен в Сирии и Малой Азии, а аналогичные жертвоприношения во время сбора урожая встречались повсеместно и в Азии и в Европе. Джеймс Фрэзер подробно рассмотрел этот вопрос в «Золотой ветви». Здесь Гераклу приписывается наложение запрета на человеческие жертвы, т. е. социальная реформа, которой особенно гордились греки, несмотря на то что войны между ними становились все более жестокими и разрушительными.

4) Писатели классической эпохи воспринимают служение Геракла Омфале как аллегорию, отражающую то, как легко сильного мужчину может поработить похотливая, честолюбивая женщина, а поскольку пупок воспринимался как вместилище женской страсти, то имя Омфала становится еще более красноречивым. Однако этот сюжет повествует об очень древнем этапе в развитии идеи царя-жреца, когда происходил переход от матриархата к патриархату, и царь, будучи возлюбленным царицы, получил возможность замещать ее во время церемоний и жертвоприношений; при этом он должен был носить ее одежды. Э. Ревийю^{110*} показал, что в древнюю шумерскую эпоху такая система существовала в Лагаше. Более того, некоторые сюжеты критского искусства изображают мужчин в женских одеждах во время жертвоприношений, причем на них не только пятнистые штаны-юбочки, как на саркофаге из Хагия-Триада, но даже юбки с оборками, как, например, на дворцовой фреске в Кноссе. Рабство Геракла объясняется исконными матриархальными обычаями, существующими в западной Африке: в Лоанго, Дауре и Аброне, как указывал Р. Брифф, царь происходит из рабов и не имеет власти; в Агонне, Латуке, Убембе и других местах вообще имеется только царица, которая не вступает в брак, а выбирает себе любовников из рабов. Более того, аналогичная система существовала вплоть до классической эпохи среди древней локрийской знати, из числа которой

^{110*} Ревийю Э. (1843—1913) — французский профессор-востоковед.

выбирались жрицы Троянской Афины (см. 158,8). В 683 г. до н. э. локрийцы вынуждены были переселиться из Центральной Греции в Эпизефирские Локры^{111*}, расположенные на южной оконечности Италии, «из-за скандала, разразившегося в связи с неразборчивыми любовными связями между женщинами из благородных семей и рабами» (см. 18,8). Эти локрийцы вели свое происхождение не от эллинов, считали добродетелью добрачные связи (как это было принято среди критян, карийцев и аморитов) (Клеарх. 6) и настаивали исключительно на матрилинейном наследовании (Дионисий Периегет. *Описание Земли*. 365—367; Полибий. XII.6b). Подобная практика должна была быть повсеместно распространена в доэллинской Греции и Италии, но только в Багнаре, неподалеку от развалин Эпизефирских Локр, еще помнят о существовавшей некогда матриархальной традиции. Женщины из Багнары носят длинные юбки в складку и ходят босиком, совершая торговые сделки и по несколько дней оставляя детей на попечение мужей. На голове они могли носить поклажу весом до двух «квинталов». Мужчины получали «отпуск» весной, когда шла меч-рыба и они могли показать свое искусство владения острогой, а также летом, когда они отправлялись в горы и жгли древесный уголь. Хотя официальным покровителем Багнары является святой Николай, никто из багнаротов не признает его существования, а местный священник жалуется, что жители больше внимания уделяют Святой Деве, чем Сыну. Святая Дева заменила им девственную Кору, чей прекрасный храм в классическую эпоху принес большую известность Локрам.

^{111*} Локры Эпизефирские — греческая колония, основанная в Южной Италии в VII в. до н. э.

[а] Когда рабство Геракла у царицы Омфалы закончилось, он, уже не терзаемый безумием, вернулся в Тиринф и сразу же стал собираться в поход против Трои¹ по следующим причинам. Он и Теламон (то ли по дороге из страны амазонок, то ли когда аргонавты сошли на берег у Сигейского мыса) были поражены, увидев дочь Лаомедонта Гесиону, прикованную к скале у троянского берега², совсем нагую, если не считать нескольких украшений. Оказалось, что Посейдон наслал морское чудовище, чтобы покарать Лаомедонта за неуплату денег ему и Аполлону за то, что те построили городские стены и пасли его стада. Некоторые, правда, говорят, что Лаомедонт обязался принести им в жертву всех коров, родившихся в тот год в его царстве. Другие утверждают, что он обещал им жалкую плату как поденщикам, но и ту заплатил не полностью, а присвоил себе тридцать троянских драхм. В отместку Аполлон наслал чуму, а Посейдон приказал морскому чудовищу пожрать людей, живших в долине, и разрушить их поля морскими волнами. По другому свидетельству, Лаомедонт выполнил свои обязательства перед Аполлоном, но не перед Посейдоном, который и наслал на его царство чуму и чудовище³.

[b] Лаомедонт посетил оракул Зевса Аммона, где услышал, что должен выставить Гесиону на морском берегу, чтобы чудовище пожрало ее. Но он упрямо отказывался сделать это до тех пор, пока все знатные троянские семейства не принесут в жертву своих дочерей. В отчаянии они обратились к Аполлону, который, будучи разгневан не меньше Посейдона, не стал их успокаивать. Тогда родители отправили своих детей

в безопасные места за пределы страны, но Лаомедонт попытался заставить некоего Фенодама, оставившего трех своих дочерей дома, отдать одну из них на растерзание чудовищу. Фенодам произнес пламенную речь перед собранием, утверждая, что только один Лаомедонт виновен в нынешних несчастьях и должен пострадать, пожертвовав своей дочерью. В конце концов было решено бросить жребий, в соответствии с которым Гесиону приковали к скале, где ее и обнаружил Геракл⁴.

[с] Геракл тем временем разорвал ее путы, поднялся в город и предложил расправиться с чудовищем в обмен на двух несравненных, бессмертных белоснежных коней или кобылиц, которые могли мчаться над водой или хлебным полем как ветер и которых Зевс вручил Лаомедонту как возмещение за похищенного им Ганимеда. Лаомедонт тут же согласился на это условие⁵.

[d] Затем троянцы с помощью Афины построили Гераклу высокий насыпной вал, который должен был защитить его от чудовища, когда тот высунет свою голову из воды и направится к долине. Когда чудовище достигло стены и широко раскрыло пасть, Геракл во всеоружии прыгнул ему в глотку. Целых три дня он провел в желудке чудовища, но тем не менее стал победителем, хотя этот бой стоил ему потери всех волос на голове⁶.

[e] О том, что случилось дальше, спорят до сих пор. Одни говорят, что Лаомедонт отдал Гесиону Гераклу в жены, но в то же время убедил оставить ее и кобылиц в Трое на время плавания с аргонавтами, но, когда золотое руно было добыто, жадность взяла верх, и он отказался отдать Гераклу Гесиону и кобылиц. Другие считают, что он объявил о своем отказе месяцем или двумя раньше — когда Геракл явился в Трою, разыскивая Гиласа⁷.

[f] Наиболее правдоподобный рассказ гласит, что Лаомедонт обманул Геракла, подменив бессмертных лошадей обычными, после чего Геракл пригрозил Трое войной и, разъяренный, отправился через море. Сначала он посетил остров Парос, где воздвиг алтарь Зевсу и Аполлону, затем коринфский Истм, где предсказал Лаомедонту конец, и уже в своем родном Тиринфе набрал себе войско⁸.

[g] За это время Лаомедонт убил Фенодама и продал трех его дочерей сицилийским купцам, покупавшим жертвы для зрелищ с дикими зверями. Но в Сицилии их спасла Афродита, и старшая из дочерей, Эгеста, разделила ложе с богом реки Кримисс, принявшим облик пса. От этого брака у нее родился сын Эгест, которого латиняне называли

Акестом⁹. Эгест с помощью Элима, незаконнорожденного сына Анхиса, привезенного им из Трои, основал город Эгесту, который позднее стал называться Сегеста, а потом города Энтелла (названный так по имени его жены), Эрикс и Аска. Говорят, что в конце концов Эгеста вернулась в Трою и вышла замуж за некоего Каписа, от которого у нее родился сын по имени Анхис¹⁰.

[h] До сих пор спорят, отплыл ли Геракл в Трою с восемнадцатью кораблями по пятьдесят весел на каждом или же у него было всего шесть небольших судов с малым количеством воинов¹¹. Тем не менее среди его союзников называют Иолая, сына Эака по имени Теламон, Пелея, аргивянина Оиклея и беотийца Димаха¹².

[i] На острове Саламин Геракл нашел Теламона пирующим со своими друзьями. Ему тут же дали золоченый кубок и предложили совершить первое возлияние в честь Зевса. Совершив обряд, Геракл простер руки к небесам и произнес такую молитву: «О, Отец, пошли Теламону прекрасного сына с кожей крепкой, как львиная шкура, и храбростью льва!» Он видел, что жена Теламона вот-вот должна родить. В ответ Зевс отправил на землю своего орла, и Геракл заверил Теламона, что просьба будет исполнена. И действительно, закончился пир и Перибей произвела на свет великого Аякса, которого Геракл завернул в свою львиную шкуру, сделав его тем самым неуязвимым, за исключением шеи и подмышек, поскольку под шкуру попал колчан¹³.

[j] Высадившись на берег близ Трои, Геракл оставил Оиклея сторожить корабли, а сам повел остальных воинов к стенам города. Застигнутый врасплох Лаомедонт не успел собрать войско, зато раздал горожанам мечи и факелы и отправил их жечь корабли Геракла. Оиклей сопротивлялся, пока не пал в бою, выказав большую доблесть, а его соратники, столкнув в воду корабли, бежали. Тогда Лаомедонт поспешил в город и после стычки в бою с не успевшим перестроиться войском Геракла сумел снова войти в город и запретить за собой ворота.

[k] Зная, что ему не хватит терпения на длительную осаду, Геракл подал сигнал к приступу. Первым проломил стену и ворвался в город Теламон, посчитавший самым слабым местом западную стену, построенную его отцом Эаком. За ним следом, терзаясь от зависти, ворвался Геракл. Теламон, вдруг понявший, что обнаженный меч Геракла предназначен для него, не растерялся и, не обороняясь, стал собирать большие камни, вывалившиеся из стены. «Что ты делаешь?» — взревел Геракл. — «Строю алтарь Гераклу Победителю, Гераклу Отвратителю

Зла!» — был ответ находчивого Теламона. — «Отдаю тебе Трою на разграбление»¹⁴, — ответил благородный Геракл и поспешил прочь. Он поразил стрелами Лаомедонта и всех его сыновей, кроме Подарка, который, единственный из всех, настаивал на передаче Гераклу бессмертных кобылиц. Город был разграблен. Утолив жажду мести, Геракл вознаграждал Теламона, отдав ему в жены Гесиону, которой позволил выкупить любого из пленных. Она выбрала Подарка. «Хорошо! — сказал Геракл. — Но сначала он должен быть продан, как раб». Когда Подарка выставили на продажу, Гесиона выкупила его, отдав за него золотое покрывало, украшавшее ее голову. Так Подарк получил имя Приам, что значит «купленный». Некоторые, правда, говорят, что в то время Приам был еще младенцем¹⁵.

[1] Предав Трою огню и не оставив людей на ее дорогах, Геракл посадил Приама на трон, а сам отплыл в море. Гесиона сопровождала Теламона до самого Саламина, где родила ему Тевкра. Был ли он законным сыном Теламона или нет — неизвестно¹⁶. Позднее Гесиона покинула Теламона, бежала в Малую Азию, а потом приплыла в Милет, где царь Арион нашел ее, когда она пряталась в лесу. Там она родила от Теламона второго сына по имени Трамбел, которого Арион воспитывал как своего собственного и сделал царем живших в Азии соплеменников Теламона лелегов или, как говорят некоторые, лесбосцев. Когда во время Троянской войны Ахилл напал на Милет, он убил Трамбела, слишком поздно узнав, что тот был сыном Теламона. Он сильно горевал об этом¹⁷.

[m] Некоторые говорят, что Оиклей не погиб под Троей, а был жив еще тогда, когда эринии свели с ума его внука Алкмеона. Его могилу показывают в Аркадии, около мегалополисного храма Борея¹⁸.

[n] Потом Геракл отплыл в Троаду, взяв с собой Главкию, дочь речного бога Скамандра. Во время осады она была любовницей Димаха, а когда тот пал в бою, обратилась за покровительством к Гераклу. Геракл посадил ее на свой корабль, радуясь тому, что род его прекрасного друга не пресечется: ведь Главкия была беременной и спустя определенное время родила сына по имени Скамандр¹⁹.

[o] Пока Зевс под влиянием бога сна спал, Гера призвала Борея и повелела ему поднять бурю, которая отнесла корабль Геракла далеко в сторону, к острову Кос. Пробудившийся Зевс рассердился и пригрозил богу сна отправить его с небес в царство Эреба, но Гера поспешила за помощью к богине Ночи, которую не решался злить даже Зевс.

В бессильной злобе он стал гонять богов вокруг Олимпа. Некоторые даже говорят, что именно за это он приковал Геру за запястья к стропилам и повесил между небом и землей, привязав к ногам наковальни. Гестеста же в сердцах швырнул на землю. Дав таким образом волю чувствам, он спас Геракла на Косе и помог ему добраться до Аргоса. Что с ним случилось потом, об этом говорят по-разному²⁰.

[р] Одни говорят, что жители Коса по ошибке приняли его за пирата и пытались помешать ему подойти к берегу, обстреливая корабль из пращи. Однако Геракл все-таки высадился, ночным приступом взял город Астипалею и убил царя Эврипила, сына Посейдона и Астипалеи. Сам же был ранен Халкодонтом, но в самый последний момент спасен Зевсом²¹. Другие утверждают, что он напал на Кос, потому что влюбился в дочь Эврипила Халкиопу²².

[q] Третьи рассказывают вот что. Пять из шести кораблей Геракла в бурю потонуло, а оставшийся сел на мель у Пакеты, что на острове Кос. При крушении Гераклу и его спутникам удалось спасти только оружие. Когда они выжимали мокрую одежду, мимо них прошло стадо овец и Геракл попросил меропского пастуха, некоего Антагора, подарить им барана. Тогда Антагор, отличавшийся могучим телосложением, вызвал Геракла на поединок, предложив барана в качестве награды. Геракл вызов принял, и, когда два борца сошлись, Антагору пришел на помощь друг, а греки поспешили помочь Гераклу; возникла всеобщая свалка. Измотанный бурей и уставший от множества противников, Геракл оставил поле боя, вбежал в дом фракийской женщины мощного телосложения и сумел скрыться, переодевшись в ее платье.

[r] В тот же день, восстановив свои силы после сытной еды и сна, он снова вступил в бой с жителями Коса и обратил их в бегство. После чего над ним совершили обряд очищения от пролитой накануне крови, и он, как был в женских одеждах, женился на Халкиопе, которая родила ему Фессала²³. На поле, где произошла эта битва, до сих пор Гераклу приносятся ежегодные жертвы, а косские женихи носят женские одежды, когда приводят в свой дом невест. Таким же образом одевается и жрец Геракла в Антимахии на Косе перед тем, как совершить жертвоприношение²⁴.

[s] Обиженные Гераклом жительницы Астипалеи обругали его, за что Гера наградила их коровьими рогами. Некоторые, правда, утверждают, что рогами их наказала Афродита за то, что они превозносили свою красоту больше, чем ее²⁵.

[1] Опустошив Кос и истребив его жителей, Геракл, ведомый Афиной, отправился во Флегру, где помог богам выиграть битву с гигантами²⁶. Оттуда он пришел в Беотию, где по его настоянию Скамандра избрали царем. Скамандр назвал реку Инах своим именем, а соседний ручей — именем своей матери Главкии. Источник он назвал именем своей жены Акидусы, родившей ему трех дочерей, которым местные жители до сих пор поклоняются, называя их непорочные²⁷.

¹ Аполлодор. II.4.6.

² Аполлодор. II.5.9; Гигин. Мифы. 89; Диодор Сицилийский. IV.42; Цец. Схолии к Ликофрону. 34.

³ Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч.; Лукиан. О жертвоприношениях. 4; Цец. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. III.3.

⁴ Сервий. Цит. соч. V.30, 1.554; Цец. Цит. соч. 472; Гигин. Цит. соч. 89.

⁵ Диодор Сицилийский. IV.42; Цец. Цит. соч. 34; Валерий Флакк. II.487; Гигин. Цит. соч.; Аполлодор. II.5.9; Гелланик. Цит. по: Схолии к «Илиаде» Гомера. XX.146.

⁶ Гомер. Илиада. XX.145—148; Цец. Цит. соч.; Гелланик. Цит. соч.

⁷ Диодор Сицилийский. IV.42, 49; Сервий. Цит. соч. I.623.

⁸ Аполлодор. II.5.9; Гелланик. Цит. соч.; Пиндар. Истмийские оды. VI.26 и след.

⁹ Цец. Цит. соч. 472, 953, 965; Сервий. Цит. соч. I.554, V.30.

¹⁰ Цец. Цит. соч. 472, 953, 965; Сервий. Цит. соч. I.554, V.30, 73.

¹¹ Диодор Сицилийский. IV.32; Аполлодор. II.6.4; Гомер. Цит. соч. V.638 и след.

¹² Схолии к «Немейским одам» Пиндара. III.61, Истмийские оды. I.21—23; Аполлодор. Цит. соч. и I.8.2; Гомер. Одиссея. XV.243; Плутарх. Греческие вопросы. 41.

¹³ Аполлодор. III.12.7; Пиндар. Истмийские оды. VI.35 и след.; Цец. Цит. соч. 455; Схолии к «Аяксу» Софокла. 833; Схолии к «Илиаде» Гомера. XXIII.821.

¹⁴ Аполлодор. II.6.4; Гелланик. Цит. по: Цец. Цит. соч. 469.

¹⁵ Диодор Сицилийский. IV.32; Цец. Цит. соч. 337; Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч. 89; Гомер. Илиада. V.638; Сервий. Цит. соч. III.3.

¹⁶ Аполлодор. III.12.7; Гомер. Цит. соч. VIII.283 и след., схолии к 284.

¹⁷ Цец. Цит. соч. 467; Атеней. II.43; Парфений. Любовные истории. 26.

¹⁸ Аполлодор. III.7.5; Павсаний. VIII.36.4.

¹⁹ *Плутарх*. Цит. соч. 41.

²⁰ *Гомер*. Цит. соч. XIV.250 и след., XV.18 и след.; *Аполлодор*. I.3.5, II.7.1.

²¹ *Аполлодор*. II.7.1.

²² Схолии к «Немейским одам» Пиндара. IV.40.

²³ *Аполлодор*. II.7.8; *Гомер*. Цит. соч. II.678—679.

²⁴ *Плутарх*. Цит. соч. 58.

²⁵ *Овидий*. *Метаморфозы*. VII.363—364; *Лактанций Плацид*. Изложение Овидиевых «Метаморфоз». VII.10.

²⁶ *Аполлодор*. II.7.1; *Пиндар*. Истмийские оды. VI.31 и след.

²⁷ *Плутарх*. Цит. соч. 41.

1) Эта легенда повествует о разграблении пятой, или доэллинической, Трои, возможно, микенцами, т. е. эолийскими греками, поддержанными отрядом лелегов, чьи предки помогали строить стены этого города (см. 158, 8). Из легенды о золотом руне мы узнаем, что Лаомедонт препятствовал торговле лелегов и минойцев в Понте Эвксинском (см. 148, 10) и что единственным способом вразумить его было разграбление города, имевшего ключевое значение для Геллеспонта и долины Скамандра, где ежегодно производилась торговля между Востоком и Западом. Девятый подвиг Геракла повествует о таком же предприятии в Понте Эвксинском (см. 131, 11).

2) Спасение Гераклом Гесионы напоминает спасение Персеом Андромеды (см. 73, 7). Вероятнее всего, этот сюжет навеян изображением, широко распространенным в Сирии и Малой Азии: пленение Мардуком морского чудовища Тиамат — одной из эманаций богини Иштар, которую он лишает власти, приковав к скале. Геракл оказывается проглоченным Тиамат и исчезает на три дня, прежде чем ему удастся выбраться наружу. То же самое происходит и в древнееврейской притче, бесспорно основанной на том же сюжете: Иона проводит три дня в чреве кита. Так же и наместник Мардука царь Вавилона каждый год на определенное время отрекается от престола, и считается, что все эти дни он сражается с Тиамат (см. 71, 1; 73, 5; 103, 1). Белые солярные лошади Мардука или Персея в этом мифе превращаются в награду за спасение Гесионы. Солярный характер Геракла подчеркивается потерей волос: срезание волос с головы царя-жреца в конце года означало уменьшение его магических сил, как в рассказе о Самсоне (см. 91, 1). Когда царь вновь появлялся, волос у него было не больше, чем у младенца. Значение этого мифического поединка для исторического захвата Трои, вероятно,

заключается в том, что эллины ввели патриархальные институты в этом прежде матриархальном городе.

3) Три дочери Фенодама представляли собой триаду богини-луны, правящей треугольным островом Сицилия. Пес был ее священным животным, как Артемиды, Афродиты и Гекаты. Говорящие по-гречески сицилийцы были яркими поклонниками гомеровского эпоса (как, впрочем, и римляне) и стремились доказать, что ведут свое происхождение от Трои, как бы шатко ни выглядели их доводы. Три дочери Скамандра представляли ту же богиню, но в Беотии. Рождение Главкией ребенка от Скамандра не является чем-то необычным. Согласно Эсхину (*Письма*. 10.3), троянские невесты купались в реке и кричали: «Скамандр, возьми мою девственность!» Это свидетельствует о том архаическом периоде, когда считалось, что речная вода может проникать во чрево (см. 68,2).

4) Нельзя с уверенностью сказать, к какому захвату эллинами эладского острова Кос относится посещение его Гераклом, но облачение жениха в женские одежды, когда он вводит невесту в дом, воспринимается как уступка прежнему матриархальному обычаю, в соответствии с которым невеста приводила жениха к себе в дом (см. 160,3).

5) Кобылы Лаомедонта были той же породы, что и кобылы, рожденные в Трое от Борея (см. 29,е).

6) Инах был аргосской рекой. Беотийский Инах, или Скамандр, встречается, пожалуй, только у Плутарха.

[а] Через некоторое время после возвращения Геракл собрал войско тиринфцев и аркадцев и, поддержанный добровольцами из самых лучших греческих семей, пошел войной против Авгия, царя Элиды, на которого он затаил злобу еще со времени пятого подвига¹. Авгий предвидел такой оборот событий. Он подготовился к отражению нападения, назначив своими военачальниками Эврита и Ктеата, сыновей своего брата Актора и Молионы или Молины, дочери Мола. Кроме того, он допустил к управлению Элидой храброго Амаринкея, которого обычно считают сыном фессалийского переселенца Питтия².

[б] Сыновей Актора звали Молионами или Молионидами, по имени их матери, чтобы отличать их от сыновей Актора, который был женат на Эгине. Они были близнецами, родившимися из серебряного яйца, и превосходили всех своих современников в силе, но в отличие от Диоскуров были с рождения сросшимися от пояса книзу³. Молионы женились на близнецах-дочерях кентавра Дексамена, и через поколение их сыновья правили в Элиде совместно с внуком Авгия и сыном Амаринкея. Каждый из этой четверки во время похода на Трою владел десятью кораблями. Актору уже принадлежала часть царства благодаря его матери Гирмине, дочери Нелея, имя которой он дал теперь уже не существующему городу Гирмина⁴.

[с] Геракл не добыл себе славы в Элейской войне. Он заболел, и, когда Молионы разбили наголову его армию, находившуюся в самом сердце Элиды, вмешались коринфцы и провозгласили так называемый Истмийский мир. Среди раненных Молионами был брат-близнец

Геракла Ификл. Друзья отнесли его, истекающего кровью, в Феней, что в Аркадии, где он после смерти был провозглашен героем. Триста шестьдесят воинов из Клеона также пали, храбро сражаясь на стороне Геракла. Им он передал все почести, которыми наградили его немейцы за то, что он убил льва⁵. Потом Геракл отправился в Олен, в дом своего друга Дексамена, тестя Молионов, чью младшую дочь Деяниру он лишил девственности, обещав на ней жениться. Когда Геракл покинул ее, к ней посватался кентавр Эвритион, которому Дексамен побоялся отказать. Но в день свадьбы Геракл без предупреждения явился вновь, убил Эвритиона и его братьев и увел Деяниру с собой. Некоторые, правда, говорят, что невесту Геракла звали Мнесимаха или Ипполита на том основании, что Деяниру чаще называют дочерью Ойнея. Дексамен был родом из Буры, известной своим прорицалищем Геракла, где гадали на костях⁶.

[d] Когда Геракл вернулся в Тиринф, Эврисфей обвинил его в желании завладеть тронном верховного царя, на котором его утвердил сам Зевс, и изгнал из Арголиды. Со своей матерью Алкменой и племянником Иолаем Геракл присоединился к Ификлу в Фенес, где его возлюбленной стала Лаонома, дочь Гуней. Посредине Фенейской долины он вырыл канал длиной пятьдесят стадиев и не менее тридцати футов глубиной и пустил по нему реку Ароаний, но река не потекла по просевшему во многих местах каналу и вернулась в прежнее русло. Кроме того, он вырыл глубокие ямы у подножия Фенейских гор для сбора талых вод. Эти ямы сослужили хорошую службу, правда, однажды после сильного ливня уровень воды в Ароании поднялся, и река затопила древний город Феней. Следы этого наводнения до сих пор видны на склонах гор⁷.

[e] Заслышав, что элейцы отправляют процессию для воздания почестей Посейдону на третьем Истмийском празднике, а Молионы собираются посмотреть игры и принять участие в жертвоприношениях, Геракл устроил им засаду в придорожных зарослях под Клеонами, застрелил из лука близнецов и убил их двоюродного брата, тоже по имени Эврит, который был сыном царя Авгия⁸.

[f] Молиона вскоре дозналась, кто убил ее сыновей, и заставила элейцев потребовать от Эврисфея платы за убийство на том основании, что Геракл был родом из Тиринфа. Когда Эврисфей отказался отвечать за проступки изгнанного им Геракла, Молиона обратилась к коринфцам, чтобы те не допускали никого из аргивян к Истмийским играм до тех пор, пока она не получит возмещения за совершенное убийство. Коринфцы ей

отказали, и Молиона прокляла каждого элейца, который примет участие в празднике. Ее проклятия боятся до сих пор: ни один элейский атлет с тех пор не участвовал в Истмийских играх⁹.

[q] Тем временем Геракл попросил у Онка черногривого коня Ариона, объездил его, собрал новое войско в Аргосе, Фивах и Аркадии и разграбил город Элиду. Одни говорят, что он убил Авгия и его сыновей, вернул престол законному царю Филею, который и стал править Элидой. Другие утверждают, что он пощадил по крайней мере самого Авгия. Когда Геракл пожелал сделать Элиду вновь многолюдной, он распорядился, чтобы вдовы павших элейцев разделили ложе с его воинами, и вдовы стали сообща молиться Афине, чтобы та помогла им зачать при первых же объятиях. Их мольба была услышана, и благодарные вдовы основали святилище Афины-матери. Их радость по поводу этого счастливого события была столь велика, что место, где они повстречались со своими новыми мужьями, и протекающий там ручей они нарекли словом *Бади*, что у элейцев означает «сладкий». После этого события Геракл отдал коня Ариона Адрасту, заявив, что он все-таки предпочитает сражаться в пешем строю¹⁰.

[h] Примерно в то же время Геракл заслужил титул *Буфал*, что значит «поедатель быков». А случилось вот что. Лепрей, сын Кавкона и Астидамии, основавший в Аркадии город Лепрей (эта местность получила свое название от того, что некогда живших здесь людей поразила проказа), по глупости посоветовал царю Авгию надеть на Геракла кандалы, если тот будет просить плату за чистку конюшен. Узнав, что Геракл уже идет к городу, Астидамия заставила Лепрея принять героя как можно радушнее и просить его о прощении. Простить Геракл простил, но вызвал Лепрея на соревнование в троеборье: метание диска, питье воды ведрами и поедание быка. Хотя Геракл победил в метании диска и питье воды, Лепрею удалось покончить с быком раньше, чем Гераклу. Довольный таким успехом, он вызвал Геракла на поединок и тут же был поражен его дубиной насмерть. Могилу Лепрея показывают в Фигалии. Лепрейцы, поклонявшиеся Деметре и Зевсу — белому тополю, всегда считали себя подданными Элиды, и если кто-либо из них выигрывал приз в Олимпии, то глашатай объявлял, что победил элеец из Лепрея. Элейцы до сих пор поклоняются царю Авгию как герою, и только в царство спартанца Ликурга их заставили забыть вражду к Гераклу и совершать жертвоприношения также и в его честь. Так им удалось избежать мора¹¹.

[i] После завоевания Элиды Геракл собрал войско у Писы и использовал военную добычу для того, чтобы основать знаменитые четырехгодичные Олимпийские празднества и игры в честь своего отца Зевса, причем, по мнению некоторых, это было всего лишь восьмое подобное атлетическое соревнование¹². Измерив обитель Зевса и обнеся забором священную рощу, он измерил шагами стадион, назвал соседний холм холмом Крона и воздвиг шесть алтарей олимпийским богам: по одному на каждую пару. Совершая жертвоприношения в честь Зевса, он поджарил бедро жертвенного животного на костре, сложенном из стволов белого тополя, которые он срубил на берегу феспротской реки Ахеронт. Кроме того, он основал жертвенный очаг в честь своего прапрадеда Пелопса и выделил ему одно святилище. Поскольку ему в это время очень надоедали мухи, вторую жертву он принес в честь Зевса — отвратителя мух, и тот отправил их жужжать за реку Алфей. Элейцы до сих пор приносят жертвы этому Зевсу, когда изгоняют мух из Олимпии¹³.

[j] К первому полнолуннию после летнего солнцестояния все было готово к празднествам, если не считать того, что в долине было мало деревьев, поэтому они давали мало тени. Тогда Геракл вернулся на землю гипербореев, где некогда любовался дикими оливами, росшими у истоков Дуная, и уговорил жрецов Аполлона дать ему одну оливу, чтобы посадить в обители Зевса. Вернувшись в Олимпию, он распорядился, чтобы этолийский судья венчал победителя оливковой ветвью. Ветвь должна стать единственной наградой, поскольку он сам совершил свои подвиги, не получив платы от Эврисфея. Это дерево, называемое *олива справедливого увенчания*, до сих пор растет в священной роще позади храма Зевса. Ветви для венков срезает с него золотым серпом мальчик благородного происхождения, оба родителя которого должны быть живы¹⁴.

[k] Кое-кто говорит, что Геракл оказался победителем во всех соревнованиях, поскольку никто не осмелился бороться с ним, однако правда заключается в том, что все соревнования горячо обсуждались. Тогда Зевс, сменив обличье и войдя в круг, стал соперником в борьбе с Гераклом. Поединок закончился вничью, Зевс открылся своему сыну Гераклу, а все зрители рукоплескали. Случилось это в полнолунние, и от лунного света было светло как днем¹⁵.

[l] Однако более древняя легенда утверждает, что Олимпийские игры были основаны Гераклом-дактилем и что именно он принес дикую оливу

из земли гипербореев. Волшебные предметы и амулеты, посвященные Гераклу-дактилю, широко используются колдуньями, хотя им и дела нет до Геракла, сына Алкмены. Алтарь Зевса, стоящий на равном удалении от святилища Пелопса и святилища Геры, но немного впереди них, говорят, был построен этим более древним Гераклом (как и алтарь в Пергаме) из золы бедренных костей животных, принесенных в жертву Зевсу. Раз в год, на девятнадцатый день элейского месяца элафия, прорицатели берут золу из здания совета и, смочив ее водой из реки Алфей (поскольку другая вода не годится), наносят образовавшуюся кашичу на алтарь¹⁶.

[m] Это, однако, говорится не для того, чтобы отказать Гераклу, сыну Алкмены, в возрождении игр (ведь в Элиде до сих пор еще показывают обнесенный стеной древний гимнасий, в котором тренируются атлеты). Между беговыми дорожками растут высокие платаны, а все обнесенное стенами место зовется Ксис — «выскобленный», потому что Геракл упражнялся здесь тем, что полоч чертополох. Но Климен-Критянин, сын Кардиса, ведущего свой род от дактиля, отмечал этот праздник через пятьдесят лет после Девкалионова потопа, а позже это делали Эндимион, Пелопс, Амифаон — сын Крефея, Пелий, Нелей и, как говорят некоторые, Авгий¹⁷.

[n] Олимпийский праздник отмечается попеременно через сорок девять и пятьдесят месяцев, согласно календарю, и сейчас длится пять дней: с одиннадцатого по пятнадцатое число того месяца, на который он придется. Глашатаи объявляют по всей Греции общее перемирие на весь этот месяц, и ни одному атлету не разрешается принимать участие в соревнованиях, если он обвиняется в преступлении против богов. Первоначально праздник устраивали писанцы, но потом, после окончательного возвращения Гераклидов, их этолийские союзники обосновались в Элиде и стали выполнять эту обязанность¹⁸.

[o] На северной стороне холма Крона в святилище Илифии жил змей по имени Сосипол. Кормила его медовыми лепешками и водой девственница-жрица в белом покрывале. Этот обычай увековечил чудо, с помощью которого были изгнаны аркадяне, напавшие на святую землю Элиды: неизвестная женщина пришла к элейским военачальникам с грудным ребенком и сказала, что он защитит их. Они поверили, и когда она посадила ребенка между двумя армиями, он превратился в змея. Аркадяне, преследуемые элейцами, бежали, неся большие потери. Святилище Илифии отмечает то место, где змей скрылся на холме Крона.

На вершине холма совершаются жертвоприношения в честь Крона. Происходит это в день весеннего равноденствия в месяце элафий, а приносят жертвы жрицы, называемые *царицами*¹⁹.

¹ *Аполлодор*. II.7.2; *Пиндар*. Олимпийские оды. X.31—33.

² *Павсаний*. V.1.8, 2.2; *Евстафий*. Схолии к «Илиаде» Гомера. XXIII.638.

³ *Гомер*. Илиада. XI.709; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Ивик*. Цит. по: *Атены*. II.57; *Плутарх*. О братской любви. I.

⁴ *Павсаний*. V.1.8, 3.4; *Гомер*. Цит. соч. II.615—624; Схолии к Аполлонию Родосскому. I.172.

⁵ *Аполлодор*. Цит. соч.; *Пиндар*. Цит. соч. X.31—33; *Павсаний*. V.2.1, VIII.14.6; *Элиан*. Пестрые рассказы. IV.5.

⁶ *Гигин*. Мифы. 33; *Аполлодор*. II.5.5, 7.5; *Диодор Сицилийский*. IV.33; *Павсаний*. VII.25.5—6.

⁷ *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.; *Павсаний*. VIII.14.1—3.

⁸ *Аполлодор*. II.7.2; *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.; *Павсаний*. II.15.1; *Пиндар*. Цит. соч. X.26 и след.

⁹ *Павсаний*. V.2.2—3.

¹⁰ *Павсаний*. VIII.25.5, V.3.1; *Аполлодор*. II.7.2; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VII.666; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 40.

¹¹ *Атены*. X.412; *Павсаний*. V.4.1, 5.3—4.

¹² *Пиндар*. Цит. соч. X.43 и след.; *Цец*. Цит. соч. 41; *Гигин*. Цит. соч. 273.

¹³ *Пиндар*. Цит. соч.; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Павсаний*. V.13.1, 14.2—3.

¹⁴ *Пиндар*. Цит. соч. III.11 и след.; *Диодор Сицилийский*. IV.14; *Павсаний*. V.15.3.

¹⁵ *Диодор Сицилийский*. Цит. соч.; *Пиндар*. Цит. соч. X.60 и след.; *Павсаний*. V.8.1; *Цец*. Цит. соч. 41.

¹⁶ *Павсаний*. V.7.4, 13.5; *Диодор Сицилийский*. V.64.

¹⁷ *Павсаний*. VI.23.1, V.8.1.

¹⁸ Схолии к «Олимпийским одам» Пиндара. III.35, V.6; *Страбон*. VIII.3.33.

¹⁹ *Павсаний*. VI.20.1—3.

1) Этот миф, очевидно, свидетельствовал о неудачном нашествии ахейцев на западный Пелопоннес, происшедшем в конце XIII в. до н. э., за которым последовало более удачное нашествие, перепутанное с нашествием дорийцев в XI в. до н. э. — Геракл одновременно был и дорийским героем. Убийство Эвритиона могло быть навеяно тем же брачным изображением убийства Фола. Прокладывание Гераклом канала

среди Фенейской равнины напоминает аналогичные деяния в Элиде (см. 121,d), Беотии (см. 142,3) и Фракии (см. 130,b); почести, которые он воздает тремстам шестидесяти клеонцам, вероятно, относятся к календарным мистериям, поскольку число триста шестьдесят — это количество дней в египетском году, если не принимать во внимание пять дней, считавшихся священными днями Осириса, Гора, Сета, Исиды и Нефтиды.

2) Проказа, упоминаемая в связи с Лепреем, — это лишай, возникающий от несвежих продуктов. Его могла лечить луна-богиня, ассоциирующаяся с белым тополем (см. «Белая богиня»); настоящая проказа появилась в Европе не раньше I в. до н. э.

3) Титул Геракла *Буфаз* первоначально относился к поеданию быка поклоняющимися ему людьми.

4) Сосипол, вероятно, был духом Крона, именем которого назван холм; его голова погребена на северном склоне, чтобы защитить лежащий за холмом стадион, — у слияния рек Кладея и Алфея. Английский двойник Крона, Бран, аналогичным образом охранял холм Тауэр, возвышавшийся над всем Лондоном (см. 146,2). Весеннее равноденствие, когда рождаются олени, по древесному календарю приходится на месяц ольхи, называемый также элафий («олений») и считавшийся священным месяцем Крона—Брана (см. «Белая богиня»). Это говорит о том, что первоначально элейский новый год начинался во время весеннего равноденствия, как это было в отдельных местах Италии, когда царь старого года, украшенный рогами, как Актеон (см. 22,1), умирал от рук экстатических женщин, или *цариц*. Геракл-дактиль также принадлежит этому культу (см. 53,b).

5) Дикая олива, которую в Греции использовали для изгнания демонов и злых духов старого года, принимавших образ мух, была привезена из Ливии, где возник культ северного ветра (см. 48,1; 133,5), а не с севера. В Олимпии таким растением, вероятно, была омела (или лорантус), а не дикая олива. Именно омелу должен был срезать мальчик золотым серпом (см. 7,1; 50,2); дикая олива фигурировала в гиперборейском древесном календаре (см. 119,3). Соревнование девушек в беге за право получить должность жрицы Геры идет издревле. Когда одногодичное правление царя-жреца было продлено на срок до одного Великого года, примерно равного ста месяцам, — поскольку этот срок обеспечивал лучшее согласование солнечного и лунного календарей, — половину срока правил царь, а половину — его танист. Позднее оба правили

одновременно под именем Молионов и были не менее связаны между собой, чем цари Спарты (см. 74,1). Не исключено, что рождение в Греции сиамских близнецов только подкрепляло эту метафору. Однако раздел Элиды Авгием, о чем сообщает Гомер, показывает, что за покидающим трон царем-жрецом в более ранний период сохранялась треть царства. То же самое Прет совершил в Аргосе. Доля Амаринкея, очевидно, была приобретена захватническим способом.

6) *Молиона* — это, возможно, титул элейской луны-богини, покровительницы игр, означавший «царица моли», где слово *molū* означало определенное растение, которое в других местах использовалось против лунной магии (см. 170,5). Молиону также знали под именем Агамеды («многоумная»); так звали и колдунью, дочь Авгия, которая знала «все травы целебные, сколько земля их рождает» (Гомер. *Илиада*. XI.739—741). В классической Греции *Афина-мать* было понятием странным и даже в чем-то срамным и требующим объяснения (см. 25,2; 141,1), однако элейская традиция говорит о том, что в ее честь на берегу реки Бади устраивались эротические оргии.

7) Укрощение Ариона выглядит как часть обряда коронации в аркадском Онке (см. 130,1).

[а] После описанных событий Геракл разграбил и сжег город Пилос за то, что его жители пришли на помощь Элиде. Он убил всех сыновей Нелея, кроме младшего Нестора, который в то время был в Герении, правда, самому Нелею удалось спастись¹.

[б] Стоящая на страже справедливости Афина сражалась на стороне Геракла, а Пилос защищали Гера, Посейдон, Гадес и Арес. Пока Афина сражалась с Аресом, Геракл выступил против Посейдона; дубина встретилась с трезубцем — и владыке морей пришлось уступить. После этого Геракл с копьем в руке поспешил на помощь Афине и третьим ударом копья пронзил щит Ареса, а его самого опрокинул наземь. Копье уперлось в бедро Ареса, и Геракл с силой вогнал его в божественную плоть. Арес, страдая от боли, бежал на Олимп, где Аполлон смазал ему рану и залечил ее в течение часа. После чего Арес вновь ринулся в бой и сражался, пока стрела Геракла не пронзила ему плечо, и он счел за лучшее покинуть поле боя. Тем временем Геракл успел ранить Геру в правую грудь «трехконечной» стрелой².

[с] Старшего сына Нелея аргонавта Периклимена Посейдон наделил огромной силой и способностью принимать по желанию любое обличье — будь то птица, зверь или дерево. На этот раз он вначале обернулся львом, потом змеем, а затем, через некоторое время, сделал так, чтобы его никто не нашел, усевшись на мундштук бывшей под Гераклом лошади, приняв образ муравья, мухи или пчелы³. Геракл по подсказке Афины узнал Периклимена и уже потянулся за своей

дубиной. Тут Периклимен превратился в орла и чуть не выклевал Гераклу глаза, но случайная стрела, пущенная Гераклом, вонзилась ему под крыло. От падения на землю стрела прошла дальше к его горлу — и Периклимен умер. Некоторые, правда, говорят, что он благополучно улетел, а с Посейдоном Геракл схватился раньше, после убийства Ифита, когда Нелей отказался совершить над ним очистительный обряд; с Гадесом же у него был бой у другого Пилоса, что в Элиде, когда Геракл был вызван на поединок за то, что без спроса увел Кербера ⁴.

[d] Геракл отдал город Мессену Нестору с правом передачи его потомкам, памятуя о том, что Нестор не участвовал в похищении у него коров Гериона. Вскоре он возлюбил его даже больше, чем Гила или Июлая, поскольку Нестор первым поклялся именем Геракла ⁵.

[e] Хотя элейцы и помогли отстроить Пилос заново, но воспользовались слабостью его жителей и стали их всячески притеснять. Нелей терпел как мог, пока не узнал, что посланную им четверку превосходных коней для участия в соревнованиях за треножник на Олимпийских играх забрал себе Авгий, а колесничего отправил домой пешком. Тогда он повелел своему сыну Нестору совершить ответный набег на Элейскую долину. Нестору удалось угнать пятьдесят стад коров и овец, пятьдесят стад коз и свиней, сто пятьдесят «светломастных кобылиц», многие из которых были с жеребятами, отбить нападение элейцев, которые попытались помешать ему, и обагрить свое копьё кровью в первой в его жизни битве. Вестники Нелея тем временем созвали всех, «кто долг лишь имел на Элиде священной», в Пилос. Разделив добычу между всеми просителями, Нелей львиную долю отдал Нестору, а остальное не скупясь пожертвовал богам. Три дня спустя войска элейцев двинулись к Пилосу и пересекли долину со стороны Триессы. Среди воинов были и два осиротевших сына Молионов, наследовавшие отцовский титул. Но Афина под покровом ночи предупредила жителей Пилоса и выстроила их для боя. Когда битва началась, Нестор, сражавшийся в пешем строю, поразил элейского военачальника Амаринкея и, захватив его колесницу, промчался, как черный ураган, сквозь ряды элейцев, захватив еще пятьдесят колесниц и убив сто человек. Молионам тоже не удалось бы избежать его вездесущего копья, если бы Посейдон не окутал их непроницаемым туманом и не унес прочь. Преследуемые по пятам войском Нестора, элейцы бежали до самой Оленийской скалы, где Афина остановила погоню ⁶.

[f] После этого был заключен мир, Амаринкея предали земле близ Бупрасия и устроили погребальные игры, в которых приняло участие множество жителей Пилоса. Молионы выиграла соревнование колесниц, обойдя на повороте Нестора, но говорят, что во всех остальных соревнованиях победителем вышел он: и в кулачном бою, и в борьбе, и в беге, и в метании копья. Стоит добавить, что об этих событиях рассказывал сам Нестор, будучи уже совсем в почтенном возрасте, поскольку по милости Аполлона, который даровал ему годы, не прожитые его дядьями по материнской линии, он жил три века, и ни один из его современников не остался в живых, кто бы мог опровергнуть его слова⁷.

¹ Павсаний. II.2.2; III.26.6, V.3.1; Аполлодор. II.7.3; Диодор Сицилийский. IV.68.

² Павсаний. VI.25.3; Схолии к «Илиаде» Гомера. XI.689; Гесиод. Цит. Геракла. 359; Пиндар. Олимпийские оды. X.30—31; Гомер. Илиада. V.392 и след.; Цец. Схолии к Ликофрону. 39.

³ Аполлоний Родосский. I.156—160; Евстафий. Комментарий к «Одиссее» Гомера. XI.285; Схолии к «Илиаде» Гомера. II.336, XI.286.

⁴ Аполлодор. I.9.9; Гесиод. Цит. по: Схолии к Аполлонию Родосскому. I.156; Овидий. Метаморфозы. XII.548 и след.; Гигин. Мифы. 10; Схолии к «Олимпийским одам» Пиндара. IX.43 и след.

⁵ Павсаний. II.18.6; Филострат. Диалог о героях. 2.

⁶ Павсаний. VI.22.3; Гомер. Илиада. XI.671 и след., 756.

⁷ Гомер. Цит. соч. XXIII.630—642; Гигин. Цит. соч. 10.

1) Захват Пилоса, вероятно, является еще одним событием в нашествии ахейцев на Пелопоннес в XIII в. до н. э. Гера, Посейдон, Гадес и Арес, т. е. более древние божества, помогали Элиде. Молодые божества Афина, повторно рожденная из головы Зевса, и Геракл, как сын Зевса, противостояли им. Ранение Гадеса представляет Геракла как воина, которому было суждено обмануть смерть и стать бессмертным (см. 145,h). Более того, согласно Гомеру, Геракл ранил Гадеса «у Пилоса среди трупов» (Илиада. V.397 и след.), что могло означать — «у врат подле мертвых», причем ворота были воротами подземного мира, возможно на далеком Севере (см. 170,4). Если это так, то Гадес — это тот же Крон, которого Геракл победил на Эрифии — острове мертвых (см. 132,d), а сам поединок дублирует двенадцатый

подвиг, во время которого он посетил преисподнюю. Пилосские союзники Геракла, которым во многом помогала Афина, характеризуются Гомером (Там же. XI.627,760) как ахейцы, хотя династия Нелея на самом деле была эолийской.

2) Ранение Гераклом Геры в правую грудь «трехконечной» стрелой, вероятно, является аллегорией дорийского нашествия на западный Пелопоннес, когда три племени, называвших себя «детьми Геракла», лишили власти элейскую богиню (см. 146,1).

[а] Геракл решил напасть на Спарту и наказать сыновей Гиппокоонта. Они не только отказались совершить над ним очистительный ритуал после смерти Ифита, но и сражались против него под командованием Нелея и даже убили его друга Ойона. Случилось так, что сын Ликимния Ойон, сопровождавший Геракла в Спарту, гулял по городу как раз напротив дворца Гиппокоонта, когда на него набросилась огромная молосская собака. Защищаясь, он швырнул в нее камень и попал в собачью морду. Но тут выскочили сыновья Гиппокоонта и стали избивать его палками. Геракл помчался на помощь Ойону с другого конца улицы, но прибежал слишком поздно. Ойона успели забить до смерти, а Геракл, раненный в ладонь и бедро, бежал в святилище Элевсинской Деметры у горы Таигет, где Асклепий спрятал его и залечил раны¹.

[b] Собрав небольшое войско, Геракл отправился в аркадскую Тегею и там стал просить Кефея, сына Алея, присоединиться к нему со своими двадцатью сыновьями. Поначалу Кефей отказывался, боясь за Тегею. Но Геракл, которому Афина дала заключенный в бронзовый сосуд локон горгоны, подарил его дочери Кефея Аэропе. «Если на город нападут, — сказал он, — ей достаточно трижды показать этот локон с городских стен, стоя к противнику спиной, и враг побежит». Но, как показали дальнейшие события, Аэропе не понадобилось это магическое средство².

[с] Так Кефей стал участником похода против Спарты, в котором, к несчастью, он и семнадцать его сыновей пали. Кое-кто говорит, что Ификл был также убит, но, скорее всего, это был этолийский аргонавт

с таким же именем, а не сын Амфитриона. Войско Геракла потеряло еще несколько человек, а спартанцы недосчитались Гиппокоонта и всех его двенадцати сыновей, а также множества других мужей высокого звания: город их был взят штурмом. Геракл восстановил на троне Тиндарея и доверил ему власть до тех пор, пока на нее не предъявит права кто-либо из потомков³.

[d] Поскольку Гера по непонятной причине не смогла воспрепятствовать Гераклу в этом походе, он построил ей святилище в Спарте и принес в жертву коз за неимением ничего другого. Поэтому спартанцы, единственные из греков, называют Геру «поедающей коз» и приносят ей коз в жертву. Геракл также построил храм Афине Воздающей по Заслугам, а по дороге в Терапну поставил святилище Котилейскому Асклепию в память о своей раненой руке. Святилище в Тегее, названное *Общий очаг аркадцев*, известно статуей Геракла, раненного в бедро⁴.

¹ *Аполлодор*. II.7.3; *Павсаний*. III.15.3, 19.7, 20.5, VIII.53.3.

² *Аполлодор*. Цит. соч.; *Павсаний*. VIII.47.4.

³ *Аполлодор*. Цит. соч. и III.10.5; *Диодор Сицилийский*. IV.33.

⁴ *Павсаний*. III.15.7, 19.7, VIII.53.3.

1) Здесь миф о Геракле потерян в саге и введен псевдомиф, для того чтобы объяснить такие аномалии, как «поедающая коз» Гера, Котилейский Асклепий, «Геракл, раненный в бедро» и Тегея, долго избегающая захвата врагами. Однако жрицы Геры уже однажды съели Загрея, Зевса и Диониса в козлином облике. Асклепий мог в пригоршне держать снадобье, а Геракла ранить в бедро мог вепрь (см. 157,е). У тегейцев на городских воротах в качестве оберега могла быть изображена голова Медузы Горгоны. Напасть на такой город означало обесчестить богиню-девственницу Афину. Этот предрассудок насаждался афинянами.

2) Всякий раз, когда Геракл оставлял ахейский, этолийский, сицилийский или пеласгийский город для последующей передачи своим потомкам, это служило основанием для захвата этого города дорийцами (см. 132,q; 4; 143,d; 146,e).

[а] Тегейский царь Алей, сын Афида, женился на Неере, дочери Перея, которая родила ему Авгу, Кефея, Ликурга и Афейдана. В древнем святилище Афины Алей, основанном в Тегее Алеем, до сих пор сохранилось ложе богини¹.

[б] Когда, будучи в Дельфах, Алей был предупрежден оракулом, что двое братьев Нееры падут от руки сына ее дочери, он поспешил домой и назначил Авгу жрицей Афины, пригрозив ей смертью, если она лишится целомудрия. Появился ли Геракл в Тегее, когда шел воевать с Авгием или когда возвращался из Спарты, точно неизвестно. Во всяком случае, Алей принимал его со всем радушием в храме Афины. Там, опьянев от возлияний, Геракл овладел девственницей-жрицей прямо у источника, который до сих пор виден к северу от святилища. Поскольку Авга не кричала, многие полагают, что у них была назначена встреча².

[с] Геракл продолжил свой путь, и в Стимфале Парфенона, дочь Стимфала, родила ему Эвера. Тем временем в Тегею пришел мор и голод, и Алей, узнав от пифии, что в храме Афины совершено преступление, пришел туда и увидел, что Авга на сносях. Хотя она плакала и говорила, что Геракл овладел ею потому, что был пьян, Алей ей не поверил. Он потащил ее на рыночную площадь Тегей, и она упала на колени как раз в том месте, где сейчас стоит храм Илифии, известный своим изваянием *Авга коленопреклоненная*³. Не посмея убить собственную дочь при людях, Алей призвал царя Навплия, чтобы утопить ее. В соответствии с уговором Навплий отправился с Авгой в Навплию, но на

горе Парфении у нее начались схватки, и она под каким-то предлогом удалилась в лес. Там у нее родился сын, и, спрятав его в зарослях, она вернулась к тому месту, где Навплий терпеливо ждал ее. Однако, не желая топить царскую дочь, когда ее можно было продать за хорошую цену на невольничьем рынке, он сторговал ее только что прибывшим в Навплию карийским купцам, которые, в свою очередь, перепродали ее Тевфранту, царю мисийской Тевфрании⁴.

[d] Сына Авги вскормила лань, живущая на горе Парфении, где сейчас ему отведен священный участок; какие-то пастухи нашли его, назвали Телефом и отнесли своему хозяину, царю Корифу. По совпадению в то же самое время пастухи Корифа нашли грудного сына Аталанты, которого она родила от Мелеагра и бросила на том же склоне. Они назвали его Парфенопей, что значит «сын пронзенной невинности», поскольку Аталанта все еще притворялась девственницей⁵.

[e] Когда Телеф возмужал, он отправился к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать, кто его родители. В ответ он услышал: «Плыви и отыщи мисийского царя Тевфранта». В Мисии он нашел Авгу, к тому времени уже бывшую женой Тевфранта, и от нее узнал, что она его мать, а отец его — Геракл. Этому он легко поверил, потому что ни одна женщина еще не рожала Гераклу сына, так похожего на отца. Тевфрант отдал Телефу в жены свою дочь Аргиопу и сделал его наследником престола⁶.

[f] Другие говорят, что Телеф, хранивший обет молчания и убивший своих дядьев по матери Гиппофоя и Неря, отправился в Мисию на поиски матери. *Молчание Телефа* вошло в поговорку. Но при нем был говоривший за него Парфенопей⁷. Случилось так, что знаменитый аргонавт Идас, сын Афаря, уже почти захватил мисийский трон. Тевфрант в отчаянии пообещал его Телефу и отдал ему в жены свою приемную дочь, умоляя изгнать Идаса. Тогда Телеф с помощью Парфенопея наголову разгромил Идаса в одном сражении. Оказалось, что приемной дочерью Тевфранта была Авга, которая не узнала Телефа, и он тоже не признал в ней мать. Верная памяти Геракла, она в брачную ночь принесла в спальню меч и убила бы Телефа, если бы боги не послали большого змея, оказавшегося между ними. Встревоженная Авга отбросила меч и призналась в намерении убить Телефа. После чего стала взывать к Гераклу. Телеф, который чуть не стал матеревубийцей, вдруг вскричал: «О, мать, мать!» Плача, они бросились друг другу в объятия, а на следующий день, с благословения Тевфранта, вернулись на родину. Могила Авги

показывают в Пергаме на берегу реки Каик. Пергамцы считают себя аркадскими переселенцами, пришедшими в Азию с Телефом, и приносят ему жертвы как герою⁸.

[g] Третьи считают, что Телеф женился на Астиохе или Лаодике, дочери троянца Приама. Четвертые — что Геракл разделил ложе с Авгой в Трое, куда он пришел, чтобы забрать бессмертных лошадей Лаомедонта. А пятые — что Алсей заключил Авгу с младенцем в ящик, пустив его по воле волн, и что благодаря постоянным заботам Афины ящик понесло к Малой Азии и прибило к берегу у устья реки Каик, где царь Тевфрант женился на Авге и усыновил Телефа⁹.

[h] Этот Тевфрант, однажды охотясь на горе Тевфр, погнался за ужасным вепрем, который скрылся в храме Артемиды Ортосийской. Тевфрант уже был готов вломиться в храм, как услышал голос вепря: «Пощади меня, мой господин! Я — питомец богини!» Тевфрант не обратил на эти слова внимания и убил вепря, так обидев этим Артемиду, что та не только оживила вепря, но и наказала Тевфранта, наслав на него проказу и отправив в горы. Однако его мать Левкиппа поспешила в лес, взяв с собой прорицателя Полиида, и постаралась умиловить Артемиду обильными жертвоприношениями. Тевфрант излечился от проказы с помощью камня антипафа^{112*}, подобный которому можно найти и сейчас на вершине горы Тевфр, где Левкиппа построила алтарь Артемиде Ортосийской и сделала из чистого золота механического вепря с человеческой головой. Когда его преследовали, он прятался в храме и произносил слова: «Пощади меня!»¹⁰.

[i] Когда Геракл был в Аркадии, он посетил гору Остракина, где соблазнил Фиало, дочь героя Алкимедонта. Когда у нее родился сын по имени Эхмагор, Алкимедонт выгнал их обоих из своей пещеры и оставил умирать от голода. Эхмагор жалобно заплакал, и полная благих намерений сорока полетела на поиски Геракла. Закричав, как плачут дети, она привела Геракла к дереву, где сидела связанная своим жестоким отцом Фиало с заткнутым ртом. Геракл спас их, а их ребенок со временем вырос. Соседний ручей с тех самых пор зовется *Кисса* в честь сороки¹¹.

¹ *Аполлодор*. III.9.1; *Павсаний*. VIII.4.5—6, 47.2.

² *Диодор Сицилийский*. IV.33; *Аполлодор*. II.7.4; *Павсаний*. VIII.4.6, 47.3.

^{112*} Антипаф — лекарство (греч. anti — «против», pathos — «страдание, боль»).

³ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлодор. II.7.8; Павсаний. VIII.48.5.

⁴ Каллимах. Гимн к Делосу. 70; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлодор. I.7.4, III.9.1.

⁵ Павсаний. VIII.54.5; Аполлодор. III.9.1; Диодор Сицилийский. IV.33; Гигин. Мифы. 99.

⁶ Павсаний. X.28.4; Аполлодор. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. Цит. соч.

⁷ Гигин. Цит. соч., 244; Аристотель. Поэтика. 24.1460a; Алексис. Цит. по: Атеней. X.421; Амфис. Цит. по: Атеней. VI.224.

⁸ Павсаний. I.4.6; V.13.2, VIII.4.6.

⁹ Гигин. Цит. соч. 10; Диктис Критский. II.5; Гекатей. Цит. по: Павсаний. VIII.4.6; Еврипид. Цит. по: Страбон. XIII.1.69.

¹⁰ Плутарх. О реках. 21.

¹¹ Павсаний. VIII.12.2.

1) Ложе Афины в Тегее и тот факт, что Гераклом якобы была обеспечена ее жрица Авга, отождествляют Афины с Нейт или Анатой — оргиастической лунной-богиней, жрица которой ежегодно вступала в брак с царем-жрецом, чтобы обеспечить хороший урожай. Якобы божественные дети, рождавшиеся от такого союза, становились духами нивы наступающего года. Поэтому Афина Алея — это богиня нивы, покровительница мельниц. Многочисленные дети, рождавшиеся от Геракла у различных нимф, свидетельствуют о широком распространении подобных религиозных взглядов. Гераклу приписывают только одну дочь по имени Макария («блаженная»).

Миф об Авге объясняет переселение аркадцев в Мисию, произведенное, возможно, под нажимом ахейцев, а также празднества в честь нового года, принимавшего образ олененка, что, если судить по фрагменту из Гесиода, было характерно и для Трояды.

2) Авга с ребенком, плывущая в ящике по реке Каик, — эта сцена фигурировала на пергамском алтаре и пергамских монетах. Это говорит о том, что культ Авги и Телефа пришел в Мисию с тегейскими колонистами и что Авга в качестве луны-богини должна была, как считалось, приплывать на новогодние празднества в Лунном челноке. Последующее превращение Афины из оргиастической невесты в благочестивую целомудренную воительницу внесло путаницу в рассказ: в некоторых вариантах Тевфрант становится женихом Авги, а в некоторых — скромно удочеряет ее. Вариант, приводимый Гигином, основывается на какой-то более поздней, искусственной драме.

3) Миф о золотом вепре частично касается целебных свойств камня антипафа на горе Тевфрант, а частично, возможно, мисийского обычая мстить за смерть Адониса, убитого Аполлоном в образе вепря. Похоже, что представителя Адониса, т. е. человека в шкуре вепря и с золотыми клыками, щадил, если он убежал от своих преследователей и прятался в святилище сестры Аполлона Артемиды. Цари Теги, где родилась Авга, вероятно, погибали, как это было принято, от вепря (см. 140,1; 157,е).

4) Злоключения Фиало и сороки — это выдумка-притча, призванная объяснить название ручья, который первоначально мог быть священным ручьем клана тотема сороки.

[a] Проведя четыре года в Фенее, Геракл решил оставить Пеллопоннес. Во главе мощного аркадского войска он отправился за море в Калидон, что в Этолии, где и решил обосноваться. Не имея законных наследников и жены, он стал ухаживать за Деянирой, предполагаемой дочерью Ойнея, решив тем самым сдержать обещание, данное тени ее брата Мелеагра. Но на самом деле Деянира была дочерью бога Диониса и Алфеи, жены Ойнея, что открылось после того, как брат Деяниры Мелеагр умер, а его причитавших с горя сестер Артемида обратила в царсарок. Ведь именно Дионис убедил Артемиду вернуть Деянире и ее сестре Горге человеческое обличье¹.

[b] Много женихов приходили во дворец Ойнея в Плевроне, чтобы просить руки прекрасной Деяниры, умевшей править колесницей и освоившей военное искусство. Но тут же отказывались от своих намерений, как только узнавали, что среди их соперников Геракл и речной бог Ахелой. Всем известно, что бессмертный Ахелой являлся в одном из трех обличий: быка, пятнистого змея и человека с бычьей головой. С его косматой бороды постоянно стекали струи воды, и Деянире казалось, что она лучше бы умерла, чем стала его женой².

[c] Когда Ойней призвал Геракла, чтобы узнать достоинства жениха, тот стал хвастаться, что если Деянира выйдет за него замуж, мало того что ее свекром станет сам Зевс, но и она сама будет купаться в лучах его славы за двенадцать совершенных им подвигов.

Ахелой, представший в быкоголовном обличье, лишь хмыкнул и заметил, что и ему не занимать славы, ведь он отец всех греческих вод,

а не беспутный бродяга вроде Геракла, и что оракул в Додоне учит всех посетителей приносить ему жертвы. После чего он, издеваясь, заметил Гераклу: «Или ты не Зевсов сын, или твоя мать была распутницей!»

Геракл нахмурился. «В бою я лучше, чем в споре, — сказал он, — и не потерплю, чтобы мою мать оскорбляли!»

[d] Ахелой сбросил свой зеленый наряд и стал бороться с Гераклом до тех пор, пока тот не бросил его спиной наземь. Тогда он, не мешкая, обернулся змеем и пополз прочь.

«Я еще в колыбели душил змей!» — засмеялся Геракл, стремясь схватить его за шею. Тогда Ахелой превратился в быка и бросился на противника. Геракл спокойно отступил в сторону и, ухватив быка за оба рога, с такой силой ударил его оземь, что правого рога как не бывало. Опозоренный Ахелой ретировался, скрывая недостающий рог под венком из ивовых ветвей³. Одни говорят, что Геракл вернул Ахелоею отломанный рог в обмен на рог козы Амалфеи. Другие говорят, что наяды обменяли этот рог на рог Амалфеи и Геракл вручил его Ойнею для подарка невесте⁴. Третьи утверждают, что, совершая свои двенадцать подвигов, Геракл взял этот рог в Анд, чтобы сделать подарок Плутосу, помощнику Тихе, и что геспериды наполнили его золотыми плодами; сейчас этот рог зовется *рогом изобилия*⁵.

[e] Женившись на Деянире, Геракл выступил с калидонцами против города Эфира, что в Феспротии, позднее названном Кихир, там он одолел и убил царя Филея. Среди пленных оказалась дочь Филея по имени Астиоха, впоследствии родившая Гераклу Тлеполема. Правда, некоторые говорят, что матерью Тлеполема была Астидамия, дочь Аминтора, которую Геракл похитил из элейской Эфиры, известной своими ядами⁶.

[f] По совету оракула Геракл отправил такое послание своему другу Феспию: «Оставь семерых сыновей в Феспиях, трех отправь в Фивы, а оставшимся сорока прикажи заселить остров Сардиния!» Феспий повиновался. Потомки тех, кто отправился в Фивы, до сих пор пользуются почетом, а потомки тех, кто остался в Феспиях, так называемые демухи, правили городом до недавнего времени. Среди тех, кого повел на Сардинию Иолай, были и феспийские и афинские отряды. Это была первая греческая экспедиция по выводу колоний, в которую вошли цари, принадлежавшие различным племенам одного народа. Победив в битве сардинцев, Иолай разделил остров на две провинции, посадил оливковые деревья и сделал остров таким плодородным, что карфагеняне готовы были пойти на что угодно, лишь бы завладеть им. Он основал город

Ольбию и вдохновил афиинян на строительство города Огрилы. С согласия сыновей Феспия, которые почитали Иолая как своего отца, он назвал колонистов своим именем. И они до сих пор приносят жертвы отцу Иолаю, как персы приносят жертвы отцу Киру. Говорят, что Иолай в конце концов вернулся в Грецию, побывав на Сицилии, где часть тех, кто был с ним, осели и стали совершать в его честь обряды как в честь героя. Но фиванцы, которые должны это знать, утверждают, что никто из колонистов не возвращался⁷.

[g] По прошествии трех лет во время пира Геракл рассердился на молодого соплеменника Ойнея, которого называют по-разному: Евном, Еврином, Энном, Архий или Херий, сын Архитела. Случилось так, что, вместо того чтобы полить водой на руки Гераклу, он по неловкости облил ему ноги. Геракл ответил оплеухой, но перестарался и убил юношу. Хотя Архител простил его, Геракл решил, как полагается, отправиться в изгнание и ушел от Деяниры и сына Гилла в Трахину, родину племянника Амфитриона Кеика⁸.

[h] Похожий случай произошел во Флиунте, городе, расположенном на востоке Аркадии, когда Геракл возвращался из сада гесперид. Ему не понравилось поставленное перед ним питье, и он одним пальцем ударил виночерпия Киафа, но тем не менее убил его. Киафу поставлен памятник напротив храма Аполлона во Флиунте⁹.

[i] Одни говорят, что Геракл боролся с Ахелоем до убийства Ифита, из-за которого он вынужден был бежать в Трахину, другие — что он пришел туда, когда впервые был изгнан из Тиринфа¹⁰. Во всяком случае, когда Геракл и Деянира переправлялись через реку Эвен во время половодья, кентавр Несс, утверждая, что боги поставили его в том месте паромщиком за его благочестие, предложил Гераклу за небольшую плату перевести Деяниру так, что та и ног не замочит, а сам Геракл пусть добирается вплавь. Геракл согласился, заплатил, что положено, перебрисил дубину и лук на другой берег, а сам прыгнул в воду. Но Несс, вопреки уговору, поплыл в противоположном направлении, держа Деяниру на спине. Затем он бросил ее наземь и попытался овладеть ею. Та закричала, призывая на помощь; Геракл быстро достал свой лук, тщательно прицелился и поразил Несса прямо в грудь с расстояния в полмили.

[j] Умирая, Несс сказал Деянире: «Если ты смешаешь семя, которое я пролил на землю, с моей кровью, добавишь оливковое масло и тайно натрешь этой смесью одежду Геракла, то тебе никогда не придется жаловаться на его супружескую неверность». Деянира быстро собрала все,

на что он указал, в кувшин, запечатала его и спрятала на себе, не сказав Гераклу ни слова о случившемся¹¹.

[к] Рассказывают также, что Несс предложил Деянире шерсть, пропитанную его кровью, и сказал, чтобы нити этой шерсти она вплела в одежду Геракла. Третий вариант гласит, что он дал ей свою собственную испачканную кровью одежду в качестве любовного амулета, а сам бежал к соседнему племени локров, где и умер от раны. Его тело осталось непогребенным у подножия холма Тафиасс, наполняя всю округу ужасным зловонием. Поэтому локров называют озолийцами («зловонные»). Источник, близ которого умер Несс, до сих пор несет зловонную воду со сгустками крови¹².

[П] Деянира родила Гераклу Гилла, Ктесиппа, Глена и Онита, а также единственную дочь Макарию¹³.

¹ Диодор Сицилийский. IV.34; Аполлодор. I.8.1, II.7.5; Вакхилид. Эпипикий. V.165 и след.; Антонин Либерал. Превращения. 2.

² Овидий. Метаморфозы. IX.1—100; Аполлодор. I.8.1; Софокл. Трахинянки. 1 и след.

³ Овидий. Цит. соч.; Эфор. Цит. по: Макробий. V.18; Цец. Схолии к Ликофрону. 50.

⁴ Аполлодор. Цит. соч. и II.7.5; Овидий. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. IV.35; Страбон. X.2.19.

⁵ Гигин. Мифы. 31; Лактанций Плацид. Схолии к «Фиваиде» Стация. IV.106.

⁶ Страбон. VII.7.5, VIII.3.5; Аполлодор. II.7.6; Диодор Сицилийский. IV.36; Пиндар. Олимпийские оды. VII.23 и след., схолии; Гомер. Илиада. II.658—660, Одиссея. I.259—261.

⁷ Аполлодор. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. IV.29—30; Павсаний. VII.2.2, X.17.4, IX.23.1.

⁸ Диодор Сицилийский. IV.36; Аполлодор. Цит. соч.; Цец. Цит. соч. 50; Евстафий. Схолии к «Илиаде» Гомера. 1900; Схолии к «Трахинянкам» Софокла. 39.

⁹ Павсаний. II.13.8.

¹⁰ Софокл. Трахинянки. 1—40; Павсаний. I.32.5.

¹¹ Аполлодор. II.7.6; Софокл. Цит. соч. 555—561; Овидий. Цит. соч. IX.101 и след.; Диодор Сицилийский. IV.36.

¹² Овидий. Цит. соч.; Павсаний. X.38.1; Страбон. IX.4.8.

¹³ Аполлодор. II.7.8; Диодор Сицилийский. IV.37; Павсаний. I.32.5.

1) О сестре Мелеагра рассказывают, чтобы объяснить культ цесарок Артемиды на Леросе (см. 80,3).

2) Деянира, освоившая военное искусство, представляет доолимпийскую богиню-воительницу Афину, с которой связаны священные браки, совершаемые повсеместно. Именно о них повествует эта часть легенды о Геракле (см. 141,1).

3) Поединок Геракла с Ахелоем, как и поединок Тесея с Минотавром, следует рассматривать как часть царского брачного ритуала. Бык и змей означают первую и вторую половины года — «бык, который есть отец змея, и змей, чьим сыном является бык». Причем над обоими царь должен показать свою власть. Бычий рог, который с древнейших времен считался вместилищем плодородия, возводил в царский сан кандидата на царство, если тому удавалось добыть его в борьбе либо с настоящим быком, либо с противником, наряженным быком. Вавилонский герой Энкиду, смертный двойник Гильгамеша, поклонявшийся царице небес, поймал небесного быка за рога и убил его своим мечом. На Крите культ быка пришел на смену культу дикого козла, чей рог обладал такими же свойствами. Но похоже, что изображение этого ритуального поединка прочитывалось греками как иллюстрация поединка Геракла с речным богом Ахелосом, а именно: отгораживание дамбой и осушение Парахелоитиды — полоски земли, образованной наносами реки Ахелой, благодаря чему острова Эхинады постепенно соединились с материком и сельскохозяйственные угодья были расширены. Гераклу часто приписывают сооружения такого рода (Страбон. X.2.19; Диодор Сицилийский. IV.35).

4) Евном или Киаф, вероятно, были мальчиками, которых приносили в жертву вместо царя-жреца в конце его правления.

5) Попытка Несса силой овладеть Деянирой напоминает безобразную сцену на свадьбе Пирифоя, когда Тесей (афинский Геракл) вмешался, чтобы спасти Гипподамию от нападения кентавра Эвритиона (см. 102,d). Эвритион — это тот, кто вмешивается не в свои дела, персонаж, хорошо известный по комедиям Аристофана и до сих пор появляющийся на свадьбах в Северной Греции. Самым древним мифическим примером такого персонажа служит Энкиду: он прерывает священный брак Гильгамеша с богиней Эрех и вызывает его на бой. Другим подобным персонажем является Агенор, который пытается во время свадьбы отнять Андромеду у Персея (см. 73,1).

6) Первые поселенцы на Сардинии — неолитические ливийцы — сохранились в горах. Более поздние переселенцы — критяне, греки,

карфагеняне, римляне и древние евреи — пытались захватить прибрежные районы, но всякий раз малярия оказывалась сильнее их. Только в последние годы удалось победить малярию, опыляя места, где размножались малярийные комары.

7) Озолийские («зловонные») — это прозвище было дано локрам — поселенцам около Фокиды, чтобы отличать их от опунтских и эпизефирских соплеменников. Возможно, прозвище возникло из-за их привычки носить невыделанные козьи шкуры, которые смердят в сырую погоду. Сами локры предпочитают, чтобы их прозвище шло от слова *ozoi* («побеги лозы») (Павсаний. X.38.1) — из-за первых виноградников, появившихся в их землях (см. 38,7).

[а] Все еще сопровождаемый аркадскими союзниками, Геракл пришел в Трахину, где обосновался ненадолго под защитой Кеика. Перед этим он прошел через страну дриопов, к которой обращена гора Парнас, и увидел, что их царь Тейодамант, сын Дриопа, пашет на быках¹. Будучи голодным, а также отыскивая предлог, чтобы напасть на дриопов, у которых, как всем известно, не было прав на эту землю, Геракл потребовал себе одного из быков, а когда Тейодамант отказался, он убил его. Зарезав быка и наевшись его мяса, Геракл увез с собой младенца сына Тейодаманта по имени Гилас, матерью которого была нимфа Менодика, дочь Ориона². Правда, некоторые говорят, что отцом Гиласа был Кеик, Эвфем или Тейомен, и настаивают на том, что Тейодамант был родосским пахарем, который издавала посылал проклятья Гераклу, принесшему в жертву одного из его быков³.

[b] Вероятно, Филант, преемник Тейодаманта, осквернил храм Аполлона в Дельфах. Возмутившийся от лица Аполлона Геракл убил Филанта и увел его дочь Меду; она родила ему Антиоха, основавшего афинский дем, носящий его имя⁴. Потом Геракл изгнал дриопов из их города на Парнасе и передал его малийцам, помогавшим ему в захвате города. Вождей дриопов он привел в Дельфы и подарил их храму как рабов. Но поскольку Аполлон не нашел для них работы, их отправили в Пелопоннес, где они обратились к милости верховного правителя Эврисфея. По его повелению и при помощи других изгнанных соплеменников они основали три города: Асину, Гермину и Эйон. Кое-кто из дриопов бежал в Эвбею, другие — на Кипр и на остров Кифн. Но мужчины Асины

до сих пор горды тем, что принадлежат к дриопам. Они построили святилище своему предку Дриопу, украсили его древним изваянием и через год устраивают в его честь мистерии⁵.

[с] Дриоп был сыном Аполлона и Ди, дочери царя Ликаона, испугавшись которого она спрятала младенца в дупле дуба. Отсюда и пошло его имя^{113*}. Некоторые говорят, что Дриоп сам привел свой народ с фессалийской реки Сперхей в Асину и что он был сыном Сперхея и нимфы Полидоры⁶.

[d] Как-то возник пограничный спор между дорийцами из Гестиеотиды, управлявшейся царем Эгимием, и лапифами с горы Олимп, бывшими союзниками дриопов; их царем был Корон, сын Кеней. Дорийцы, значительно уступавшие лапифам по количеству, бежали к Гераклу и попросили его о помощи, предложив ему за это треть их царства. Тогда Геракл и его аркадские союзники победили лапифов, убили Корона и большинство его подданных и заставили их отказаться от спорной земли. Кое-кто из оставшихся в живых лапифов обосновался в Коринфе. До прихода потомков Геракла третью часть полагавшегося ему царства получил в свое правление Эгимий⁷.

[e] Тогда Геракл пошел в Итону, город в Фтиотиде, где стоит древний храм Афины. Там он встретился с Кикном (сын Ареса и Пелопии), который любил предлагать гостям ценные призы, если они решатся сразиться с ним на колесницах. Всегда выходивший победителем Кикн отрезал им головы, а черепами украшал храм своего отца Ареса. Между прочим, это не тот Кикн, которого Пирена родила от Ареса и который, когда умер, превратился в лебедя⁸.

[f] Аполлон, все более недовольный Кикном за то, что тот устраивал засады и угонял скот, посылаемый в Дельфы для принесения в жертву, уговорил Геракла принять вызов Кикна. Было оговорено, что Гераклу будет помогать его колесничий Иолай, а Кикну — его отец Арес. Геракл, для которого такой поединок был необычным, надел сияющие бронзовые наколенники, сделанные для него Гефестом, изящно выкованный золоченый нагрудник, подаренный Афиной, и пару железных наплечников. Вооружившись луком и стрелами, копьем, шлемом и прочным щитом, который Зевс повелел изготовить Гефесту, он легко взошел на колесницу.

[g] Афина, сошедшая с Олимпа, предупредила Геракла, что хотя Зевс и позволил ему убить Кикна и взять его добро, но, сражаясь против

^{113*} Дриоп — схожий с дубом (*дреч. drys* — «дуб», *ops* — «лицо, вид»).

Ареса и даже побеждая его, он не должен брать ни его лошадей, ни его прекрасные доспехи. С этими словами она устроилась на колеснице позади Геракла и Иолая, потрясла своей эгидой, и мать-Земля застонала, когда колесница понеслась вперед. Кикн, не сбавляя хода, несся им навстречу. От удара копьями о щиты и он и Геракл оказались на земле. Они тут же вскочили на ноги, и после короткой схватки Геракл поразил Кикна в шею. Затем он смело вступил в бой с Аресом, который швырнул в него копье, но Афина, сердито нахмурившись, отвела копье в сторону. Арес бросился на Геракла с мечом в руке, но за все свои старания получил лишь рану в бедро. Геракл был готов уже нанести еще удар, когда Арес свалился на землю от первой раны, но Зевс развел сражавшихся, ударив между ними перуном. После этого Геракл и Иолай сняли все, что было на Кикне, и продолжили прерванное путешествие, а Афина отвела ослабевшего Ареса на Олимп. Кикн был погребен Кеиком в долине реки Анавр, но по велению Аполлона разлившаяся река унесла его надгробный камень⁹.

[h] Кое-кто говорит, что Кикн жил в Амфанах и что Геракл пронзил его стрелой на берегу реки Пеней или в Педасах¹⁰.

[i] Проходя по Пеласгиотиде, Геракл тем временем достиг Ормения, небольшого городка у подножия горы Пелион, где царь Аминтор отказал ему в руке своей дочери Астидамии. «Ты уже женат, — сказал он, — и обманул уже слишком много царских дочерей, чтобы я мог доверить тебе еще одну». Геракл напал на город и, убив Аминтора, увел с собой Астидамию, которая родила ему Ктесиппа или, как считают некоторые, Тлеполема¹¹.

¹ Диодор Сицилийский. IV.36; Проб. Комментарий к «Георгикам» Вергилия. III.6; Схолии к Аполлонию Родосскому. I.131.

² Аполлодор. II.7.7; Аполлоний Родосский. I.1212 и след.; Гигин. Мифы. 14.

³ Никандр. Цит. по: Антонин Либерал. 26; Гелланик. Цит. по: Схолии к Аполлонию Родосскому. I.131, 1207; Филострат. Картины. II.24.

⁴ Диодор Сицилийский. IV.37; Павсаний. I.5.2.

⁵ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Геродот. VIII.43,46,73; Павсаний. IV.34.6.

⁶ Цец. Схолии к Ликофрону. 480; Аристотель. Цит. по: Страбон. VIII.6.13; Антонин Либерал. Превращения. 32.

⁷ Аполлодор. II.7.7; Диодор Сицилийский. IV.37.

⁸ *Еврипид*. Геракл. 389—393; *Павсаний*. I.27.7; *Евстафий*. Схолии к «Илиаде» Гомера. 254.

⁹ *Гесиод*. Цит Геракла. 57—138, 320—480; *Гигин*. Мифы. 31; *Аполлодор*. II.7.7; *Диодор Сицилийский*. IV.37; *Еврипид*. Цит. соч.

¹⁰ *Павсаний*. I.27.7; *Гесиод*. Цит. соч. 320—480.

¹¹ *Диодор Сицилийский*. IV.37; *Страбон*. IX.5.18; *Аполлодор*. III.13.8, II.7.7—8; *Пиндар*. Олимпийские оды. VII.23 и след., схолии.

1) Принесение Гераклом в жертву быка из упряжи, проклятия Тейодаманта и появление младенца Гиласа из борозды — это все элементы доэллинского ритуала сева. Бычья кровь должна была напитать Землю-богиню, проклятия — отвлечь божий гнев от прорастающих семян, ребенок, а именно Плутос, которого Деметра родила от Иаснона, когда они легли на трижды вспаханном поле (см.24,а), символизировал новый урожай. Тейодамант — это дух старого года, который уже уничтожен. Ежегодный плач по обреченному древесному духу Гиласу (см.150,d,e) здесь перепутан с трауром по обреченному духу нивы.

2) Изгнание Гераклом дриопов с Парнаса с помощью дорийцев и переселение дриопов в Южную Грецию могло произойти в XII в. до н. э., до нашествия дорийцев на Пелопоннес (см.146,1). Поединок Геракла с Кикном напоминает соревнование Пелопа с Эномаем (см. 109,d—j), другим сыном Ареса, который тоже был известен как охотник за головами. И в том, и в другом случае в одной из колесниц находилась женщина, а именно дочь Эномая Гипподамия (за обладание которой и устроился поединок с Пелопом) и Афина, которая, очевидно, исполняла ту же роль — невесты нового царя. Кикн, как и спартанец Полидевк, был царем лебединого культа, чья душа после смерти отправлялась в расположенный на севере иной мир (см. 161,4).

3) Кипсел, тиран Коринфа, знаменитый своим резным ларцом, считал, что происходит от лапифского царского дома Кенея (см.78,1).

[а] В Трахине под командованием Геракла оказалось войско аркадцев, мелийцев и эпикнеидских локров. Геракл пошел против Эхалии, чтобы отомстить царю Эвриту за то, что тот отказался выдать за него свою дочь Иолу, чью руку он честно выиграл в соревновании лучников. Однако своим союзникам он сказал лишь то, что Эврит нечестно взимает дань с эвбеев. Взяв приступом город, поразив стрелами Эврита и его сына, предав земле нескольких своих товарищей, павших в этой битве, а именно сына Кеика Гиппаса и сыновей Ликимния по имени Аргий и Мелан, Геракл разграбил Эхалию, а Иолу взял в плен¹. Но Иола не покорилась Гераклу, позволила ему перебить всю ее семью у нее на глазах, а затем бросилась с городской стены. Однако она не разбилась, а осталась жива благодаря юбкам, которые раздулись от ветра и смягчили удар. Тогда Геракл отправил ее вместе с другими эхалийками к Деянире в Трахину, а сам пошел на эвбейский мыс Кеней². Нужно отметить, что, прощаясь с Деянирой, Геракл провозгласил пророчество: по прошествии пятнадцати месяцев ему либо суждено умереть, либо прожить остаток жизни без тревог и волнений. Эту весть принесли ему два голубя с древнего вещего дуба в Додоне³.

[б] Неясно, какой из городов, называвшихся Эхалия, был разграблен в тот раз: мессенский, фессалийский, эвбейский, трахинский или этолийский⁴. Мессенская Эхалия наиболее вероятна, поскольку отец Эврита по имени Меланей, царь дриопов, меткий лучник (за что он был назван сыном Аполлона), пришел в Мессению во время правления Периера, сына Эола, который разрешил ему обосноваться в Эхалии. Эхалия была

названа по имени жены Меланея. Там, в священной кипарисовой роще, мистерии в честь великой богини начинались с принесения жертв Эвриту как герою, чьи останки хранились в бронзовой урне. Кое-кто отождествляет Эхалию с Анданией, расположенной в миле от кипарисовой рощи, где ранее совершались мистерии. Эврит был одним из героев, которых мессены пригласили к себе жить, когда Эпаминонд восстановил на пелопоннесский манер наследование по отцовской линии⁵.

¹ Атеней. XI. 461; Аполлодор. II.7.7.

² Гигин. Мифы. 35; Софокл. Трахинянки. 283 и след.; Аполлодор. Цит. соч.

³ Софокл. Цит. соч. 44—45.

⁴ Гомер. Илиада. II.596,730; Одиссея. XXI.13—14; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VIII.291; Страбон. IX.5.17, X.1.10.

⁵ Антонин Либерал. Превращения. 4; Павсаний. IV.2.2, 3.6, 33.5—6, 27.4; Страбон. XI.1.8.

1) Эврит отказался отдать Иолу на том основании, что Геракл был рабом (см.135,а). Тот факт, что Иола хотела лишиться себя жизни, но осталась жива, звучит довольно правдоподобно, тем более что микенские юбки действительно имели колоколообразную форму. (В средне-викторианские времена мой отец был свидетелем того, как решившую покончить с жизнью девушку спас широкий кринолин.) Тем не менее вполне вероятно, что этот рассказ навеян изображением, на котором богиня парила над войском, осаждавшим ее родной город.

[а] Посвятив все мраморные алтари и священную рощу на Кенейском мысе своему отцу Зевсу, Геракл готовился к благодарственной жертве за взятие Эхалии. Он уже отправил посла Лихаса к Деянире, чтобы та передала с ним нарядный хитон и плащ, которые он обычно надевал по таким случаям¹.

[б] Деянира, которой хорошо жилось в Трахине, уже свыклась с тем, что у Геракла время от времени появлялись новые любовницы, и когда она признала в Иоле последнюю из них, то не почувствовала никакой обиды, а лишь жалость к красивой девушке, из-за которой была разрушена Эхалия. Но невыносима была сама мысль о том, что Геракл решил поселить их под одной крышей. Поскольку сама Деянира была уже немолода, она решила использовать то, что, по словам кентавра Несса, было любовным талисманом, чтобы приворожить к себе мужа. Соткав Гераклу новый хитон для жертвоприношений, она тайком раскрыла хранившийся у нее сосуд, смочила кусочек ткани и натерла им одежду. Когда прибыл Лихас, она дала ему ларец со словами: «Пусть даже луч солнца не коснется хитона, прежде чем Геракл не наденет его, когда будет приносить жертву Зевсу». Лихас уже мчался во весь дух на своей колеснице, когда Деянира, глядя на кусок ткани, брошенный ею на залитый солнцем двор, пришла в ужас: ткань горела, как стружка, а из камней, которыми был вымощен двор, пузырями поднималась красная пена. Поняв, что Несс обманул ее, она отправила гонца вдогонку Лихасу и, проклиная свою глупость, поклялась, что не переживет Геракла ни на день².

[с] Гонец прибыл на Кенейский мыс слишком поздно. Геракл успел уже надеть присланный хитон и принести в жертву двенадцать отборных быков в качестве первых плодов своей военной добычи. Всего же он принес богам в жертву сто голов различного скота. Он поливал вино из чаши на алтари и бросал в огонь благовония, как вдруг издал истошный вопль, словно его укусила змея. Тепло растопило яд гидры в крови Несса, и хитон прилип к телу героя, вызывая страшные судороги. Ничего не сознавая от невыносимой боли, Геракл опрокинул алтари. Он рвал с себя одежду, но она приросла к нему так крепко, что вместе с ней потянулась плоть, обнажая белые кости. Кровь его шипела и пузырилась, словно родниковая вода, в которой закаляют раскаленный докрасна металл. Геракл бросился в ближайший поток, но яд стал жечь еще сильнее. С тех пор воды потока обжигают горячи и места, где он течет, называются Фермопилы, что значит «горячие врата»³.

[d] Бросившись в горы и вырывая по пути деревья с корнем, Геракл набрел на испуганного Лихаса, который, спрятав лицо и закрыв голову руками, сидел в какой-то расщелине. Напрасно Лихас оправдывался: Геракл схватил его, трижды прокрутил над своей головой и зашвырнул в Эвбейское море. В море Лихас превратился в невысокую скалу, напоминавшую очертаниями человека. Моряки до сих пор зовут ее Лихас и не ступают на нее ногой, опасаясь, что она живая. Наблюдавшие за всем происходящим воины издали громкий вопль. Никто не посмел приблизиться к Гераклу, пока тот не позвал Гилла и не попросил отнести его куда-нибудь прочь, где бы он смог умереть в одиночестве. Гилл отнес отца к подножию горы Эта в Трахине, в край, известный белым морозником, который Дельфийский оракул давно указал Ликимнию и Иолаю как место, где их другу суждено умереть⁴.

[e] Услышав обо всем, Деянира повесилась или, как говорят, зарезалась мечом на супружеском ложе. Геракл думал лишь о том, как успеть отомстить ей до смерти, но когда Гилл убедил его, что Деянира невинна, как то показало ее самоубийство, он вздохом простил ее и изъявил желание, чтобы его мать Алкмена и все сыновья пришли к нему, чтобы выслушать его последнюю волю. Но Алкмена с некоторыми из детей была в Тиринфе, а остальные его дети — в Фивах. Поэтому он смог открыть уже свершившееся пророчество Зевса одному только Гиллу: «Ни один живой человек не сможет убить Геракла, только мертвый враг станет причиной его гибели». Гилл спросил, что ему делать, и услышал: «Покайся головой Зевса, что отнесешь меня на самую вершину

этой горы и там без слез сожжешь меня на костре из дубовых ветвей и стволов дикой оливы. Поклянись также жениться на Иоле, как только достигнешь брачного возраста». Хотя ему не понравились услышанные слова, Гилл обещал выполнить их в точности⁵.

[f] Когда все было готово, Иолай и его спутники отошли на некоторое расстояние. Геракл взобрался на громадную поленницу. Но никто из друзей не решался ее поджечь, и лишь пастух из Эолии по имени Пелант, проходивший мимо, повелел своему сыну от Демонассы Филоктету исполнить то, что приказывает герой. В благодарность Геракл завещал Филоктету колчан, лук и стрелы, а когда пламя стало лизать бревна, он расстелил свою львиную шкуру и лег на поленницу, подложив под голову дубину. Со стороны он казался счастливым гостем, украшенный цветами, в окружении винных чаш. С небес упали несколько перунов, и костер мгновенно превратился в кучку пепла⁶.

[g] На Олимпе Зевс радовался, что его любимый сын вел себя так достойно. «Вечного начала в Геракле, — объявил он, — не коснется смерть, и скоро я буду приветствовать его в стране блаженных. И если какому-то богу или богине придется не по нраву его обожествление, столь заслуженное, им придется смириться с этим!»

Все олимпийские боги согласились, а Гера проглотила обиду, ибо последние слова предназначались ей одной. Однако она уже придумала, как наказать Филоктета за его благое деяние, и подстроила укус лемносской змеи.

[h] Перуны поглотили смертное начало Геракла. Ничто более не родило его с Алкменой; подобно змею, который сбрасывает кожу, он явил себя во всем величии своего божественного отца. Облако скрыло Геракла от глаз его спутников, и среди раскатов грома Зевс доставил его на небеса в своей запряженной четверкой колеснице. Там Афина взяла его за руку и торжественно представила бессмертным⁷.

[i] Зевс уготовил Гераклу место в сонме двенадцати олимпийских божеств, однако не посмел изгнать никого из богов, чтобы освободить место своему сыну. Поэтому он убедил Геру усыновить Геракла, совершив обряд повторного рождения: отправиться в постель, притвориться, что у нее начались родовые схватки, а потом извлечь Геракла из-под юбок и показать всем. Такой обряд усыновления до сих пор еще существует у многих варварских племен. После этого Гера стала считать Геракла своим сыном и полюбила его больше, чем кто-либо, за исключением, быть может, Зевса. Все бессмертные приветствовали прибытие

Геракла, а Гера женила его на своей прекрасной дочери Гебе, которая родила ему Алексиара и Аникета. Гера действительно была благодарна Гераклу за то, что тот во время бунта гигантов убил пытавшегося обесчестить ее Пронома⁸.

[j] Геракл стал небесным привратником и на закате дня не уставал ждать возвращения Артемиды с охоты. Он весело приветствовал ее и выгаскивал из колесницы добычу, хмурясь и грозя пальцем, когда находил только безобидных коз и зайцев. «Стреляй диких вепрей, — говорил он, — которые травят хлеба и портят садовые деревья; стреляй быков, львов и волков, которые убивают людей! А какой им вред от коз и зайцев?» После этих слов он сдирал с добычи шкуру и с жадностью поедал приглянувшийся ему кусочек⁹. Правда, в то время когда бессмертный Геракл пировал за столом богов, его смертная тень бродила по Аиду, держа в руках натянутый лук. Через его грудь проходила золоченая перевязь, украшенная коваными фигурками львов, медведей, диких вепрей и сценами битв и сражений¹⁰.

[k] Когда Иолай и его спутники вернулись в Трахину, Менетий, сын Актора, принес в жертву барана, быка и вепря в честь Геракла и учредил его культ как героя в Опунте — городе локров. Его примеру вскоре последовали фиванцы, но афиняне во главе с марафонцами стали первыми поклоняться ему как богу, и все люди теперь следуют их славному примеру¹¹. Сын Геракла Фест обнаружил, что сикионцы поклоняются его отцу как герою, и настоял на том, чтобы ему приносили жертвы как богу. До сего дня жители Сикиона после того, как зарежут ягнят и сожгут их бедра на алтаре Зевса, часть мяса жертвуют Гераклу-герою. На Эте ему поклоняются под именем Корюпион потому, что он отпугнул саранчу, которая была уже готова напасть на город. Но ионийцы в Эрифрах поклоняются ему как Гераклу Ипюктону потому, что он уничтожил *ipes* — червей, которые почти повсеместно портят лозу.

[l] Тирское изваяние Геракла, которое ныне стоит в его святилище в Эрифрах, говорят, изображает Геракла-дактиля. Эту статую обнаружили, когда она плыла на плоту в Ионийском море недалеко от мыса Месата, что примерно на полпути между бухтой Эрифр и островом Хиос. Эрифрейцы, с одной стороны, и хиосцы — с другой, предприняли все возможное, чтобы притащить плот к своему берегу, но напрасно. Наконец эрифрейский рыбак по имени Формион, который потерял зрение, решил, что женщины Эрифр должны сплести канат, отрезав свои косы, и с его помощью мужчины смогут притащить плот к своему берегу.

Женщины одного фракийского племени, которое некогда поселилось в Эрифрах, согласились, и плот притянули к берегу. Поэтому только их потомкам сейчас разрешается входить в святилище, где лежит этот канат. Формион вновь обрел зрение и уже не терял его до самой смерти¹².

¹ Софокл. Трахинянки. 298,752—754; Аполлодор. II.7.7; Диодор Сицилийский. IV.38.

² Софокл. Цит соч. 460—751; Гигин. Мифы. 36.

³ Софокл. Цит. соч. 756, след.; Цец. Схолии к Ликофрону. 50—51.

⁴ Овидий. Метаморфозы. IX.155 и след.; Гигин. Цит. соч. 36; Софокл. Цит. соч. 783 и след.; Аполлодор. II.7.7; Плиний. Естественная история. XXV.21; Диодор Сицилийский. IV.38.

⁵ Аполлодор. Цит. соч.; Софокл. Цит. соч. 912 до конца.

⁶ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч. 102; Овидий. Метаморфозы. IX.209 и след.

⁷ Овидий. Цит. соч. IX.241—273; Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч.; Павсаний. III. 18.7.

⁸ Диодор Сицилийский. IV.39; Пиндар. Истмийские оды. IV.59, Немейские оды. X.18; Аполлодор. Цит. соч.; Цец. Цит. соч. 1349—1350.

⁹ Каллимах. Гимн к Артемиде. 145 и след.

¹⁰ Гомер. Одиссея. XI.601 и след.

¹¹ Диодор Сицилийский. IV.39; Павсаний. I.15.4.

¹² Павсаний. II.10.1, IX.27.5, VII.5.3; Страбон. XIII.1.64.

1) Прежде чем принести в жертву и тем самым сделать бессмертным царя-жреца — как обещала сделать бессмертным Одиссея Калипсо (см. 170,w), царица, вероятно, должна была лишить его одежд и регалий. В данном случае нет оснований полагать, что он подвергался бичеванию или пыткам, прежде чем его клали на погребальный костер, чтобы сделать бессмертным. Однако изображения, которые могли послужить основой для создания подобного рассказа, предполагают наличие истекающего кровью и агонизирующего персонажа, которого стараются запихнуть в белую льняную одежду для принесения в жертву богине смерти.

2) Предание, согласно которому Геракл умер на мысе Кеней, здесь объединено с другим преданием, повествующим о том, что он умер на горе Эта. Найденные надписи и статуэтки говорят о том, что изваяние царя-жреца сжигали еще в течение нескольких веков, после того как

перестали сжигать заживо. Дуб правильно выбран для майского костра, а дикая олива — это дерево, символизировавшее новый год, когда царь начинал свое правление с того, что изгонял злых духов ушедшего года. Пеант или Филоктет, зажегший костер, — это танист царя и его преемник. Он наследует его оружие и ложе. Именно так нужно понимать и брак между Иолой и Гиллом.

3) Первоначально душа Геракла отправилась в сад гесперид, что на крайнем Западе. Причисление Геракла к двенадцати богам на Олимпе, где ему, в отличие от Диониса (см. 27, 5), так и не нашлось места, является более поздней концепцией. Геракл фигурирует как небесный привратник, потому что он умирает в день летнего солнцестояния, поскольку год сравнивается с дубовой дверью, поворачивающейся на петлях, самый широкий раствор соответствовал летнему солнцестоянию, а затем дверь как бы затворялась, по мере того как дни начинали уменьшаться (см. «Белая богиня»). Стать олимпийцем Гераклу помешал, пожалуй, авторитет Гомера: в «Одиссее» говорится, что его тень бродила по Аиду (XI.601 и след.).

4) Если эрифрейская статуя Геракла была тирского происхождения, то канат, хранившийся в храме, был сплетен не из женских волос, а из волос царя-жреца, срезанных перед его смертью накануне зимнего солнцестояния. Так Далила срезала волосы тирского солнечного героя Самсона. Подобного солнечного героя приносили в жертву фракийские женщины, которые переняли этот культ (см. 28, 1). Статую, вероятно, перевозили на плоту, потому что в этом случае не нужно было освящать корабль и изымать его из торговых операций. *Ипоктон* мог быть местным вариантом более известного титула Геракла — *Офиоктон*, «змееубийца». Перерождение, которое Геракл претерпевает в смерти, «подобно змею, который сбрасывает кожу», очевидно, почерпнуто из египетской «Книги мертвых». Считалось, что змеи избегали старости, сбрасывая старую кожу. Следует отметить, что в греческом языке слова «змеиная кожа» и «старость» обозначались словом *geras* (см. 160, 9). Геракл отправляется на небеса в квадриге как солнечный герой и покровитель Олимпийских игр, поскольку каждая лошадь соответствовала одному году между играми или одному времени года, разделенного на четыре части равноденствиями и солнцестояниями. Четырехугольная колонна солнца, именуемого Спасителем, и Геракла стояли на священном участке Великой богини в Мегалополисе (Павсаний. VIII.31.4). Это, вероятно, был древний алтарь, как и те несколько блоков, обнаруженных в Кносском дворце, или алтарь, найденный на западном дворе дворца в Фесте.

5) Невеста Геракла Геба могла и не быть вечно юной богиней, а божеством, упомянутым в 48-м и 49-м орфических гимнах под именем *Гипта* — *матерь земная*, которой был отдан на попечение Дионис. Прокл утверждает (Комментарий к «Тимею» Платона. II.124), что она носила его на голове в корзине, которой веют зерно. Гипта отождествляется с Зевсом Сабазисом (см.27,3) в двух древних надписях из Меонии, которую некогда населяло лидийско-фригийское племя. П. Кречмер^{114*} отождествляет ее с богиней Гепа, Гепит или Геба из Митанни. Эта богиня упоминается в текстах из Богаз-кей^{115*}. Очевидно, в Меонию этот культ пришел из Фракии. Если Геракл женится на Гебе, то миф относится к Гераклу, свершившему великие деяния во Фригии (см.131,h), Мисии (см.131,t) и Лидии (см.136,a—f), и его можно отождествить с Зевсом Сабазием. Гипта была хорошо известна на всем Ближнем Востоке. Наскальный рисунок в Хаттусе, в Ликаонии (см. 13,2), изображает ее верхом на льве перед вступлением в священный брак с хеттским богом бури. Здесь ее зовут Гепату — считается, что это хурритское слово, — и проф. Б. Грозный^{116*} («Цивилизация хеттов и субареев») приравнивает ее к богине Хавва («Матерь всего живого»), которая в Книге Бытия 2 появляется под именем Евы. Б. Грозный упоминает ханаанейского принца Абдихепа из Иерусалима, а Адам, который женится на Еве, был героем-хранителем Иерусалима (Иероним. Толкования на «Послание к Ефессянам». V.15).

^{114*} Кречмер П. (1866—1956) — немецкий филолог, автор трудов по сравнительному языкознанию, греческому языку и малоазиатским языкам.

^{115*} Богаз-кей (Богазкёй) — Хаттусас, столица хеттского государства, располагавшаяся в излучине реки Галис (Центральная Турция). На месте раскопок в первой трети XX в. были найдены не только фрагменты многих храмовых и светских сооружений, но и свыше 1000 глиняных табличек с надписями, благодаря которым были получены основные знания о хеттах.

^{116*} Грозный Берджих (1879—1952) — чешский археолог, историк, лингвист, известный специалист по Древнему Востоку.

[а] Алкмена, мать Геракла, ушла в Тиринф, взяв с собой нескольких сыновей Геракла. Остальные оставались в Фивах и Трахине. Эврисфей решил всех их изгнать из Греции, чтобы не дожидаться, когда они вырастут и свергнут его. Поэтому он отправил послание к Кеику, требуя выдачи не только всех Гераклидов, но и Иолая, весь дом Ликимния и аркадских союзников Геракла. Не имея сил противостоять Эврисфею и веря, что Кеик не в силах им помочь, они толпой покинули Трахину и стали ходить от одного большого города к другому, умоляя оказать им гостеприимство. Лишь одни афиняне под началом Тесея осмелились послушаться Эврисфея: присущее им чувство справедливости взяло верх, когда они смотрели на Гераклидов, сидящих у алтаря милосердия¹.

[b] Тесей поселил Гераклидов и их спутников в Трикоринфе — городе аттического Четырехградия — и не выдал их Эврисфею, что послужило причиной первой войны между Афинами и Пелопоннесом. Случилось так, что, когда Гераклиды возмужали, Эврисфей собрал войско и выступил против Афин; Иолай, Тесей и Гилл стали во главе объединенных сил афинян и Гераклидов. Некоторые, правда, говорят, что Тесея к тому времени сменил его сын Демофонт. Поскольку оракул объявил, что афиняне будут разбиты, если кто-нибудь из детей Геракла не будет принесен в жертву Персефоне, Макария, единственная дочь Геракла, согласилась пожертвовать собой, что и было сделано в Марафоне. Протекающий там источник с тех пор называется именем Макарии².

[с] Афиняне, для которых выступление на стороне Гераклидов до сих пор воспринимается как гражданская доблесть, победили Эврисфея

и убили его сыновей Александра, Ифимедонта, Эврибия, Ментора и Перимеда и многих его союзников. Эврисфей, которого преследовал Гилл, покинул поле боя на колеснице. Гилл нагнал его у Скироновых скал и отрубил ему голову, у которой Алкмена выколола глаза. Неподалеку показывают его могилу³. Кое-кто говорит, что Эврисфей у Скироновых скал взял в плен Иолай и отдал Алкмене, которая повелела его казнить. Афиняне просили за него, но бесполезно, и, пока не свершилась кара, Эврисфей лил слезы, называл себя верным другом афинян и заклятым врагом Гераклидов. «Тесей, — кричал он, — не стоит лить возлияния или кровь на мою могилу, я и без таких жертв обязуюсь изгнать всех врагов с земли Аттики!» Но он был казнен и погребен перед святилищем Афины в Пеллене, что на полдороге между Афинами и Марафонном. Согласно другому рассказу, афиняне помогали Эврисфею в битве с Гераклидами при Марафоне, а Иолай отрубил ему голову у источника Макарии, неподалеку от дороги, где ездят колесницы. Голову Эврисфея он закопал в Трикоринфе, а обезглавленное тело отправил для погребения в Гаргетт⁴.

[d] Тем временем Гилл и Гераклиды, поселившиеся у ворот Электры в Фивах, вторглись в Пелопоннес и внезапным ударом захватили все его города. Когда на следующий год разразилась чума, оракул объявил: «Гераклиды вернулись не вовремя!» — и Гилл отступил в Марафон. Во исполнение последней воли отца он уже женился на Иоле, а потом его усыновил дориец Эгимий. Теперь он поспешил к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать, когда наступит время возвращения, и услышал: «После третьего плода». Полагая, что нужно ждать три года, Гилл устроил себе на это время отдых, а потом вновь выступил с войском. В Истме его встретил Атрей, который унаследовал микенский трон и теперь стоял во главе ахейского войска⁵.

[e] Чтобы избежать излишнего кровопролития, Гилл вызвал на поединок любого человека, равного ему по происхождению. «Если победителем окажусь я, пусть трон и царство станут моими, а если я потерплю поражение, то мы, сыновья Геракла, не вернемся этой дорогой еще пятьдесят лет». Эхем, царь Тегей, принял вызов, и на коринфо-мегарской границе состоялся поединок. Гилл пал и был погребен в городе Мегара. Памятуя о его обещании, Гераклиды вновь вернулись в Трикоринф, а оттуда — в Дориду, где потребовали от Эгамия часть царства, которую тот получил в управление от Геракла. На Пелопоннесе к этому времени остались только Ликимний с сыновьями и сын Геракла Тлептолем,

которого пригласили поселиться в Аргосе. Дельфийский оракул, чей, на первый взгляд, неопределенный совет вызвал много споров, объяснил, что под «третьим плодом» он имел в виду третье поколение⁶.

[f] Алкмена вернулась в Фивы, а когда, будучи уже в почтенном возрасте, умерла, Зевс приказал Гермесу выкрасть гроб, который Гераклиды отнесут к могиле. Гермес, ловко подменив тело большим камнем, отнес покойницу на Острова Блаженных. Там, воскреснув и помолодев, Алкмена стала женой Радаманта. Тем временем Гераклиды, обнаружив, что гроб стал сильнее давить на плечи, открыли его и увидели подмену. Тогда они установили камень в священной роще Фив, где Алкмене теперь поклоняются как богине. Правда, некоторые говорят, что она вышла замуж за Радаманта в Окалеях еще до своей смерти. Другие утверждают, что она умерла в Мегаре (где до сих пор показывают ее могилу) во время путешествия из Аргоса в Фивы. При этом добавляют, что, когда среди Гераклидов возник спор, везти ли тело в Аргос или продолжить путь, Дельфийский оракул посоветовал предать его земле в Мегаре. Еще одну так называемую могилу Алкмены показывают в Галиарте⁷.

[g] Фиванцы почли Июлая как героя святилищем, расположенным неподалеку от святилища Амфитриона, где влюбленные клянутся в верности именем Геракла, хотя все признают, что Июлай умер в Сардинии⁸.

[h] В Аргосе Тлеподем случайно убил своего любимца Ликимния, которому приходился внучатым племянником. Он решил проучить слугу дубинкой из оливкового дерева, а тут Ликимний, который был стар и слеп, подвернулся ему под руку и получил удар по голове. Боясь, что его убьют другие Гераклиды, Тлеподем построил флот, набрал себе много спутников и по совету Аполлона бежал на Родос. Там он и поселился после продолжительных странствий и множества пережитых невзгод⁹. В те дни на Родосе жили выходцы из Греции, во главе которых стоял Триоп, сын Форбанта, с чьего согласия Тлеподем разделил остров на три части и, говорят, основал города Линд, Иалис и Камир. Зевс благоволил к его людям и обогащал их. Позднее Тлеподем отплыл в Трою с флотом из девяти родосских кораблей¹⁰.

[i] Водяная нимфа Мелисса, дочь речного бога Эгея, проживавшего в стране феаков, родила Гераклу еще одного сына по имени Гилл. Геракл появился в той стране после убийства своих детей в надежде, что над ним совершат обряд очищения царь Навсифой и Макрида, кормилица Диониса. Это тот самый Гилл, который с группой феакских поселенцев уплыл в Кронийское море и дал свое имя гиллеям¹¹.

[j] Младшим из всех Гераклидов считался фасосский атлет Феаген, мать которого однажды ночью в храме Геракла посетил некто, кого она приняла за жреца и своего мужа Тимосфена, но оказалось, что это был сам бог¹².

[k] В конце концов Гераклиды отвоевали себе Пелопоннес. Случилось это уже в четвертом поколении под предводительством Темена, Кресфонта и близнецов Прокла и Эврисфена, когда они убили верховного правителя Микен Тисамена, сына Ореста. Им бы удалось сделать это еще раньше, если бы не случилось так, что один из владетельных лиц убил Карна — прорицателя из Акарнании, когда тот шел им навстречу, декламируя пророческие стихи. По ошибке они приняли его за колдуна, которого направил на них Тисамен. В наказание за такое святотатство корабли Гераклидов затонули, а начавшийся после этого голод заставил войска разойтись. Дельфийский оракул в этот раз посоветовал: «Изгоните убийцу на десять лет, а вместо него возьмите проводником Триопа». Они уже собирались привезти с Родоса сына Форбанта Триопа, когда Темен увидел этолийского вождя по имени Оксил, только что отбывшего год в изгнании в Элиде за какое-то убийство, который ехал верхом на одноглазой лошади. Поскольку *Триоп* означает «трехглазый», то Темен решил нанять встреченного человека проводником и, высадившись на берег Элиды с остальными Гераклидами, вскоре завоевал весь Пелопоннес и разделил его по жребию. Жребий, отмеченный жабой, означал Аргос и достался Темену; отмеченный змеем — означал Спарту и достался близнецам Проклу и Эврисфену, а жребий, отмеченный лисой, означал Мессену и выпал Кресфонту¹³.

¹ Софокл. Трахинянки. 1151—1155; Гекатей. Цит. по: О возвышенном. 27; Диодор Сицилийский. IV.57; Аполлодор. I.8.1, III.7.1; Павсаний. I.32.5.

² Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлодор. II.8.1; Павсаний. Цит. соч.; Ферекид. Цит. по: Антонин Либерал. Превращения. 33.

³ Лисий. II.11—16; Исократ. Панегирик. 15—16; Аполлодор. II.8.1; Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Павсаний. I.44.14.

⁴ Еврипид. Гераклиды. 843 и след., 928 и след., 1026 и след.; Страбон. VIII.6.19.

⁵ Ферекид. Цит. по: Антонин Либерал. Превращения. 33; Страбон. IX.4.10.

⁶ Павсаний. I.44.14, 41.3; Диодор Сицилийский. IV.58; Аполлодор. II.81.2.

⁷ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Аполлодор. II.4.11, III.1.2; Павсаний. I.41.1; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Лисандр. 28.

⁸ Пиндар. Пифийские оды. IX.79 и след.; Плутарх. О любви. 17; Павсаний. IX.23.1.

⁹ Гомер. Илиада. II.653—670; Аполлодор. II.8.2; Пиндар. Олимпийские оды. VII.27.

¹⁰ Диодор Сицилийский. IV.58; Гомер. Цит соч.; Аполлодор. Эпитома. III.13.

¹¹ Аполлоний Родосский. IV.538 и след.

¹² Павсаний. VI.11.2.

¹³ Аполлодор. II.8.2—5; Павсаний. II.18.7, III.13.4; Страбон. VIII.3.33.; Геродот. VI.52.

1) Разорительное нашествие на микенский Пелопоннес стоящих на низком уровне культуры патриархальных горных племен из Центральной Греции, которое, согласно Павсанию (IV.3.3) и Фукидиду^{117*} (I.12.3), произошло примерно в XI в. до н. э., называется дорийским, потому что его предводители были выходцами из небольшого государства Дориды. Три племени входили в Дорийскую лигу: гиллеи, поклонявшиеся Гераклу; диманты, поклонявшиеся Аполлону, и памфилы («люди всех племен»), которые поклонялись Деметре. Покорив южную Фессалию, дорийцы, вероятно, заключили союз с афинянами, прежде чем напасть на Пелопоннес. Первая попытка оказалась неудачной, хотя Микены были сожжены примерно в XI в. до н. э., но веком позже им покорились южные и восточные районы, и древняя культура Арголиты оказалась окончательно разрушенной. Нашествие, которое породило волну переселений с Арголиты на Родос, из Аттики на ионийский берег Малой Азии и, очевидно, из Фив на Сардинию, означало для Греции начало «темных веков».

2) Погребение головы героя в стратегических целях встречается повсеместно в мифах. Так, в «Мабиногион» говорится, что голова Брана погребена на холме Тауэр, чтобы охранять Лондон от нашествий со стороны Темзы. Амвросий^{118*} пишет (Письма. VII.2.), что голова Адама

^{117*} Фукидид (460—396 до н. э.) — афинский историк, владелец богатых приисков во Фракии. Автор «Истории Пелопоннесской войны» (в 8 книгах). Наряду с подробным описанием военных событий и их оценкой характеризует политические события и политических деятелей. В античные времена его труды считались образцом, несмотря на трудный для восприятия язык, которым он писал.

^{118*} Амвросий (около 339—397 н. э.) — епископ Медиоланский (Миланский), один из главных иерархов западной Церкви. В своих трудах и проповедях использовал идеи Цицерона, неоплатоников, Оригена и др. Автор гимнов, в том числе так называемой Амвросиевой песни — «Тебя, Бога, хвалим».

погребена на Голгофе, чтобы защитить Иерусалим с севера. Более того, Еврипид (*Рес.* 413—415) вкладывает в уста Гектора слова о том, что даже тени странников могут служить духами-хранителями Трои (см. 28,5). И Трикоринф, и Гаргетт расположены в долинах и защищают подходы к Аттике. Преследование Иолаем Эврисфея около Скироновых скал, вероятно, порождено тем же изображением, которое навяло миф об Ипполите (см. 101,8).

3) Землей феаков (см. 170,у) была Коркира или Дрепана, которую теперь называют Корфу; неподалеку от нее расположен священный островок Макрида (см. 154,а). Кронийское море — это Финский залив, откуда в Коркиру привозили янтарь. Коркира также упоминается в связи с плаванием аргонавтов за янтарем на север Адриатического моря (см. 148,9).

4) По другим источникам, города Линд, Иалис и Камир основаны не Тлеполемом, а телхинами (см. 54,а) или Данаем (см. 60,д).

5) Алкмена — это всего лишь одно из имен Геры, поэтому нет ничего необычного в том, что ей был посвящен храм.

6) Полигнот ^{119*} на своей знаменитой картине в Дельфах изобразил Менелая со змеем на щите (*Павсаний.* X.26.1), быть может, это водяной змей Спарты (см. 125,3). Лиса помогла мессенскому герою Аристомену бежать из ямы, куда его бросили спартацы (*Павсаний.* IV.18.6); богиня в образе лисы была хорошо известна в Греции (см. 49,2; 89,7). Жаба, вероятно, была эмблемой аргиев, и не только потому, что считалось, будто ее опасно трогать руками, а ее вид вызывал у многих неприязнь (*Плиний. Естественная история.* XXXII.18), но и потому, что Аргос первоначально назывался Фороник (см. 57,а), и в силлабрии ^{120*}, который предшествовал алфавиту в Аргосе, корень *PHRN* мог обозначаться рисунком жабы, *phryne*.

^{119*} Полигнот (V в. до н. э.) — греческий художник с острова Фасос, живший и работавший в Афинах. Его работы известны по описанию Павсания, который особенно восхищался фресками в Афинах и Дельфах.

^{120*} Силлабрий — слоговое письмо, в котором каждый знак обозначает слог.

[а] Младенца Лина аргосского следует отличать от Лина, сына Йеме-на, которого Геракл убил ударом лиры. Аргивяне считают, что Псамафа, дочь Кротопа, родила от Аполлона младенца Лина и, боясь отцовского гнева, отнесла его на гору. Лина нашли и воспитали пастухи, но потом он был разорван на куски собаками Кротопа. Поскольку Псамафа не могла скрыть своей печали, Кротоп вскоре догадался, что она была матерью Лина, и приговорил ее к смерти. За это двойное преступление Аполлон покарал Аргос, наслав на него страшную гарпию по имени Пойна, которая крала маленьких детей, и это продолжалось до тех пор, пока человек по имени Кореб не взялся известить ее. Тогда в город пришла чума, и, не видя ее конца, жители Аргоса обратились к Дельфийскому оракулу, который посоветовал им умиловить Псамафу и Лина. Жители сделали все, как было сказано, и принесли жертвы их духам. Матери и их дети пели погребальные песни, которые с тех пор называются *lipoi*. Поскольку Лин воспитывался среди овец, то и праздник называли *arnis*, а месяц, в котором его отмечали, — *arneios*^{121*}. Но чума не прекращалась. Тогда Кореб отправился в Дельфы и признался в убийстве Пойны. Пифия не позволила ему вернуться в Аргос, но сказала: «Возьми мой треножник и носи его, а там, где он выпадет из твоих рук, построй храм Аполлону!» Треножник упал на горе Герания, где Кореб основал сначала храм, а затем город Триподиский. Там же он и поселился. Его могилу показывают на рыночной площади Мегары: она окружена

^{121*} Arneios от arnos (греч.) — «баран», «ягненок».

статуями, изображающими сцену убийства Пойны. Это самая древняя скульптурная группа, до сих пор сохранившаяся в Греции¹. Этого второго Лина иногда называют Ойтолином, и арфисты оплакивают его во время пиров².

[b] Третий Лин также погребен в Аргосе. Он был поэтом, которого некоторые называют сыном Эагра и музы Каллиопы, что делает его братом Орфея. Другие называют его сыном Аполлона и музы Урании или дочери Посейдона Аретусы, третьи говорят, что родителями его были Гермес и Урания или же сын Посейдона Амфимар и опять же Урания, а четвертые — Магнет и муза Клио³. Лин был величайшим музыкантом, который когда-либо рождался среди людей, и завистливый Аполлон убил его. Лин сочинял песни в честь Диониса и других древних героев, а потом записывал их пеласгийскими буквами, включая и эпос о творении мира. На самом деле Лин изобрел ритм и мелодию, был мудр во всем и учил Фамирида и Орфея⁴.

[c] Плач по Лину распространился по всему свету и стал темой, например, египетской песни Манероса. На горе Геликон, со стороны рощи муз, в небольшом гроте есть изображение Лина, которому ежегодно приносят жертвы ранее, чем музам. Утверждают, что он похоронен в Фивах и что Филипп, отец Александра Македонского, победив греков под Херонеей, перенес его останки в Македонию во исполнение своего сна, но потом ему привиделось противоположное, и он отправил останки на прежнее место⁵.

¹ Павсаний. I.43.7, II.19.7; Конон. Повествования. 19; Атеней. IV.618.

² Сапфо. Цит. по: Павсаний. IX.29.3; Гомер. Илиада. XVIII. 569—570.

³ Аполлодор. I.3.2; Гигин. Мифы. 161; Состязание Гомера и Гесиода. Фрагмент 192; Диоген Лаэртский. Вступление. 4; Павсаний. IX.29.3; Цец. Схолии к Ликофрону. 831.

⁴ Диодор Сицилийский. III.67; Диоген Лаэртский. Цит. соч.; Гесиод. Цит. по: Климент Александрийский. Строматы. I.121.

⁵ Павсаний. Цит. соч.

1) Павсаний связывает миф о младенце Лине с мифом о Манеросе, египетском духе зерна, которому во время урожая пели печальные песни. Однако Лин, вероятно, был духом льна (*lines*), который сеяли весной и убирали летом. Его матерью считалась Псамафа, потому что, согласно Плинию (*Естественная история*. XIX.2), «они сеяли лен в песчаную

почву». Его дедом и убийцей был Кротоп, потому что, опять же согласно Плинию, желтеющие стебли льна сначала вырывали с корнем из земли, развешивали на открытом воздухе, а потом нещадно трепали «тяжелой пятой». Аполлон, жрецы которого носили льняную одежду и который считался покровителем любой греческой музыки, фигурирует в качестве его отца. Гибель Лина от собак является, вероятно, пересмыслением процесса вымачивания льна и его трепания железными мялками, процесс, который Плиний описал в том же месте. Фрэзер предполагает, хотя и не приводит примеров, что Лин — это неверное прочтение финикийского *ai lanu* («плачьте о нас»). Ойтолин означает «обремененный Лин».

2) Миф, однако, был сведен к известной конструкции, когда ребенка оставляют где-нибудь из-за страха перед его дедом, а потом его находят и воспитывают пастухи. Тем не менее миф свидетельствует о том, что производство льна в Арголиде постепенно отмирало из-за нашествия дорийцев или появления дешевого египетского льна, а может быть, по той и другой причине. Но ежегодные песнопения в честь дитя Лина все еще оставались. Производство льна, скорее всего, было налажено критянами, которые принесли свою культуру в Арголиду. Греческое слово, означающее льняную веревку, пишется *merinthos*, а все слова, оканчивающиеся на *-inthos*, имеют критское происхождение.

3) Возможно, когда Кореб убил Пойну («наказание»), он запретил приносить в жертву детей во время праздника Лина, и вместо детей стали жертвовать ягнят, а месяц этого праздника переименовали в «месяц ягненка». Кореба отождествляют с элейцем, который носил то же имя и победил в беге на первой Олимпиаде в 776 г. до н. э. *Триподиск*, вероятно, не имеет никакого отношения к треножнику, а происходит от слова *tripodizein* («трижды связать»).

4) Поскольку сбор льна был порой жалобных песнопений и ритмических ударов, а также поскольку в день летнего солнцеворота, если судить по швейцарским и швабским примерам, приведенным Фрэзером в книге «Золотая ветвь», молодежь прыгала вокруг костра, чтобы лен рос выше, то появляется другой, мистический Лин — выросший и ставший знаменитым музыкантом, изобретателем ритма и мелодии. Матерью этого Лина становится одна из муз, а отцом — аркадский Гермес, фракийский Эагр или Магнет, эпоним магнесийцев. Он, по сути, не принадлежал эллинам, а был хранителем доэллинской, пеласгической культуры, включая древесный календарь и мифы творения. Аполлон,

не терпевший соперничества в музыке — как это видно из случая с Марсисм (см. 21,b), — говорят, тут же убил Лина. Однако это неверно: Аполлон не убивает, а усыновляет его. Со временем в его смерти более обоснованно обвиняют Геракла, покровителя стоявших на более низком уровне культуры дорийцев (см. 146,1).

5) Лина называют братом Орфея из-за сходства их судеб (см. 28,1). В Австрийских Альпах (эту информацию я получил от Маргариты Шонвельс) мужчин не допускают к собиранию льна, вымачиванию, сушке, отбиванию, а также в прядильни. Над всем царит *Harpatsch* — страшная ведьма с измазанными сажей руками и лицом. Любого мужчину, который с ней нечаянно встретится, обнимают, заставляют плясать, подвергают всяким непристойным насмешкам и напоследок мажут сажей. Женщин, отбивающих лен, зовут *Bechlerinnen*. Они преследуют и окружают любого путника, который оказался рядом. Они заставляют его лечь, переступают через него, связывают ему руки и ноги, волокут по земле, трут лицо и руки колючей кострой, корой спиленного дерева и наконец скатывают с горы. Около местечка Фельдкирх прохожего только заставляют лечь и переступают через него. Но в других местах прохожему в штаны наталкивают костру, уколы которой столь болезненны, что многие предпочитают ретироваться без штанов. Неподалеку от Зальцбурга *Bechlerinnen* сами снимают с прохожего штаны и грозят оскотить его, а когда тот убегает, очищают это место, сжигая веточки и звеня серпами.

6) Мало известно о том, что происходит в прядильнях, поскольку женщины умеют хранить секреты. Известно только, что они поют *Flachses Qual* («Муки льна») или *Leinen Klage* («Плач льна»). Похоже, что во время собирания льна женщины ловили, подвергали насилию и четвертованию мужчину, который представлял духа льна, и поскольку такова же была судьба Орфея, протестовавшего против человеческих жертвоприношений и распутных оргий (см. 28,d), Лина называют его братом. *Harpatsch* также известный персонаж: это ведьма — жена хлебного урожая, представляющая Землю-богиню. Серпами звенели в честь луны, тем более что ими не пользуются при собирании льна. Лину приписывают изобретение музыки, поскольку песни вкладывались в уста духу льна, а в лире отдельные струны делались из льняных нитей.

Плавание аргонавтов

[a] После смерти эолийского царя Кретья Пелий, сын Посейдона, будучи уже стариком, захватил трон в Иолке у своего сводного брата и законного наследника Эсона. Поскольку оракул в то время предупредил, что Пелий погибнет от руки потомка Эола, он перебил всех мало-мальски известных эолийцев, которые попали к нему в руки, кроме Эсона, которого он пощадил ради матери Тиро, не перестав при этом держать его пленником при дворце и силой заставляя отказаться от наследства.

[b] К тому времени Эсон был женат на Полимеле, известной также под именем Амфиномы, Перимеды, Алкимеды, Полимеды, Полифемы, Скарфы или Арны, и она родила ему сына по имени Диомед¹. Пелий безжалостно уничтожил бы ребенка, если бы Полимела не собрала своих родственниц, чтобы оплакать его как мертворожденного, а потом тайком не отнесла его на гору Пелион, где кентавр Хирон вырастил мальчика, как до этого или после этого он вырастил Асклепия, Ахилла и других знаменитых героев².

[c] Второй полученный Пелием оракул предупреждал, чтобы тот боялся человека, обутого на одну ногу, и, когда однажды на морском берегу к нему присоединилась толпа его царственных союзников, чтобы принести жертву Посейдону, его взгляд упал на длинноволосого юношу из Магнесии, одетого в облегающую тунику и пеструю шкуру пантеры. Тот был вооружен двумя копьями с широкими наконечниками и обут лишь в одну сандалию³.

[d] Вторую сандалию он потерял в грязи реки Анавр, которую некоторые неправильно называют Эвен или Энипей. И все это из-за старухи,

которая стояла на противоположном берегу и умоляла прохожих перенести ее через поток. Никто не сжалился над ней, кроме этого молодого незнакомца, который вежливо подставил ей свою широкую спину. Однако он зашатался под ее весом, потому что это была не кто иная, как сама богиня Гера, изменившая свой облик. Пелий обидел Геру тем, что отказал ей в традиционной жертве, и богине захотелось наказать его за небрежение ⁴.

[e] Поэтому, когда Пелий грубо спросил незнакомца: «Кто ты и как зовут твоего отца?» — тот ответил, что Хирон, его приемный отец, называет его Ясоном, хотя прежде его знали как Диомеда, сына Эсона.

Пелий злобно глянул на него. «Что бы ты сделал, — неожиданно спросил он, — если бы в оракуле было сказано, что одному из твоих сограждан суждено тебя убить?» — «Я отправил бы его добывать золотое руно в Колхиду», — ответил Ясон, не зная, что эти слова вложила ему в уста Гера. — А с кем, скажи, пожалуйста, я имею честь говорить?»

[f] Когда Пелий открылся, Ясон не растерялся, а смело потребовал от него вернуть незаконно захваченный трон. При этом Ясон обещал оставить Пелию все богатства, отнятые вместе с ним. Поскольку требования Ясона решительно поддержали его дядя Фер, царь города Феры, и Амифаон, царь Пилоса, которые пришли, чтобы принять участие в жертвоприношениях, Пелий побоялся отказать Ясону в законном требовании. «Хорошо! — ответил он. — Но вначале я хочу, чтобы ты избавил нашу любимую страну от проклятья!»

[g] Ясон услышал, что Пелия преследует тень Фрикса, бежавшего поколение назад из Орхомена верхом на божественном баране, чтобы избежать принесения в жертву. Он нашел приют в Колхиде, где после смерти ему было отказано в должном погребальном обряде; поэтому, предупредил Дельфийский оракул, страна Иолка, где поселилось много минийских родственников Ясона, не будет знать процветания до тех пор, пока тень Фрикса не доставят на корабле на родину вместе с золотым руном. Золотое руно в то время находилось в священной роще колхидского Ареса, день и ночь охраняемое никогда не дремлющим драконом. Как только этот благочестивый подвиг будет совершен, объявил Пелий, он тут же откажется от трона, поскольку в его возрасте трудно справиться с царскими обязанностями ⁵.

[h] Ясон не мог отказать Пелию и отправил глашатаев во все царские дворы Греции в поисках добровольцев, готовых отправиться с ним.

Он также уговорил феспийца Арга построить пятидесятивесельный корабль, который и стали сооружать в гавани Пагасы из выдержанного дерева, срубленного на горе Пелион. Когда корабль был готов, Афина сама вделала в корму «Арго» кусок священного дуба из роуци оракула Зевса в Додоне⁶.

[1] В различные времена составлялись разные списки аргонавтов — как стали называть спутников Ясона, — но самые достоверные источники приводят вот какой список имен:

Авгий, сын царя Форбанта из Элиды
 Адмет, сын царя из города Феры
 Акаст, сын царя Пелия
 Актор, сын фокидца Диона
 Амфиарай, прорицатель из Аргоса
 Анкей Большой из Теген, сын Посейдона
 Анкей Малый, лелег с острова Самос
 Арг, феспиец, строитель «Арго»
 Аскалаф из Орхомена, сын Ареса
 Астерий, сын Комета, из земли Пелопа
 Аталанта из Калидона, дева-охотница
 Бут из Афин, бортник^{122*}
 Геракл Тиринфский, самый сильный из живших на земле людей, ныне бог
 Гилас, друп, оруженосец Геракла
 Зет, крылатый сын Борея
 Идас, сын Афарея из Мессены
 Идмон, аргивянин, сын Аполлона
 Ификл, сын Фестия Этолийца
 Ифит, брат царя Эврисфея из Микен
 Калаид, брат Зета, сын Борея
 Канф, эвбеец
 Кастор, спартанский борец, один из Диоскуров
 Кеней, лапиф, побывавший женщиной
 Кефей, сын Алея аркадского
 Крон, лапиф из Гиртона, что в Фессалии;
 Лаэрт, сын аргивянина Акрися
 Линкей, впередсмотрящий, брат Идаса

^{122*} Бортник — обычно пчеловод, занимающийся лесным пчеловодством.

Меламп из Пилоса, сын Посейдона
 Мелеагр из Калидона
 Мопс, лапиф
 Навиллий, аргивянин, сын Посейдона, известный мореплавателем
 Оилей из Локриды, отец Аякса
 Орфей, фракийский поэт
 Палемон, сын Гестаста, этолиец
 Пелей, мирмидонянин
 Пенелей, сын Гиппалкима, беотиец
 Периклимен из Пилоса, обладающий даром преображения, сын Посейдона
 Пеант, сын магнесийца Тавмака
 Полидевк, спартанский кулачный боец, один из Диоскуров
 Полифем, сын Элата, аркадца
 Стафил, брат Фана
 Тифис, кормчий, из беотийских Сиф
 Фалер, афинский лучник
 Фан, критянин, сын Диониса
 Эвриал, сын Мекистея, один из эпигонов
 Эвридамант, долоп, с озера Ксиниада
 Эвфем из Тенара, пловец
 Эргин из Милета
 Эхион, сын Гермеса, глашатай
 Ясон, предводитель аргонавтов

Никогда раньше или позже на одном корабле не собиралась такая достойная компания⁷.

[j] Аргонавтов часто называют *миниями*, потому что они вернули на родину тень Фрикса, внука Миния, и руно его барана, а также потому, что многие из них, включая самого Ясона, имели в своих жилах кровь дочерей Миния. Этот Миний, сын Хриса, переселился из Фессалии в беотийский Орхомен, где основал царство и стал первым царем, построившим сокровищницу⁸.

¹ Схолии к «Одиссее» Гомера. XII.70; Диодор Сицилийский. IV.50.1; Аполлоний Родосский. I.232; Аполлодор. I.9.16; Схолии к Аполлонию Родосскому. I.45; Цец. Схолии к Ликофрону. 872.

² Пиндар. Пифийские оды. V.103 и след., Немейские оды. III.61 и след.; Гомер. Илиада. XVI.143.

³ Аполлоний Родосский. I.7; Аполлодор. Цит. соч.; Пиндар. Цит. соч. IV.128 и след.

⁴ Аполлоний Родосский. I.8—17; Аполлодор. Цит. соч.; Пиндар. Цит. соч.; Гигин. Мифы. 13; Валерий Флакк. I.84.

⁵ Аполлодор. Цит. соч.; Пиндар. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. IV.40; Схолин к «Одиссее» Гомера. XII.70; Гесиод. Теогония. 992 и след.

⁶ Пиндар. Цит. соч.; Валерий Флакк. I.39; Аполлодор. Цит. соч.

⁷ Аполлодор. Цит. соч.; Пиндар. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч. 12, 14—23; Аполлоний Родосский. I.20; Диодор Сицилийский. IV.40—49; Цец. Цит. соч. 175; Овидий. Метаморфозы. VII.1 и след; Валерий Флакк. Аргонавтика. I.

⁸ Аполлоний Родосский. I.229; Павсаний. IX.36.3.

1) Во времена Гомера цикл песен о плавании «Арго» в страну Ээта был у всех на устах (Одиссея. XII.40 и след.). Гомер помещает Планкты (блуждающие скалы), где «Арго» побывал еще задолго до Одиссея, около острова сирен, недалеко от скал Скиллы и Харибды. Все эти невзгоды более подробно описаны в рассказе о возвращении «Арго» из Колхиды.

2) Согласно Гесиоду (Теогония. 992 и след.), Ясон, сын Эсона, совершив множество опасных дел, порученных ему Пелием, женился на дочери Ээта Медее, которая пришла с ним в Иолк и стала его «цветущей супругой», родив от него сына Меда, которого учил Хирон. Похоже, что Гесиод имел неверные сведения: в героическую эпоху царские дочери не приходили в дом к мужу, а приводили его самого в свой дом (см. 137,4; 160,3). Так, Ясон либо женился на дочери Ээта и обосновался при его дворе, либо женился на дочери Пелия и осел в Иолке. Эвмел^{123*} (VIII в. до н. э.) пишет, что Коринф умер, не оставив наследника, и Медея не без успеха предъявила свои права на пустующий трон в Коринфе, будучи дочерью Ээта, не удовлетворившегося наследством и уехавшего в Колхиду. С того момента Ясон, как муж Медеи, становится царем.

3) Ни Колхида, ни ее столица Эя не упоминаются в этих древних источниках, называющих Ээта сыном Гелиоса и братом ээйской Кирики. Нельзя также предполагать, что история, известная Гомеру, имела много общего с той, которую передают Аполлодор и Аполлоний Родосский.

^{123*} Эвмел — эпический поэт, легендарный предшественник Гомера.

Путь «Арго» из дому, не говоря уже о возвращении, не был окончательно определен даже во времена Геродота, поскольку Пиндар в «Пифийской оде IV» (462 г. до н.э.) дает вариант, во многом отличающийся от варианта Геродота (IV.179).

4) Миф о Пелии и Диомеде, как поначалу звали Ясона, вероятно, рассказывал о царском ребенке, брошенном на горе и воспитанном табунщиками, которого царь соседнего города подвергает, на первый взгляд, неисполнимым испытаниям, причем такой царь мог и не быть узурпатором. Среди испытаний требовалось, скорее всего, запрячь огнедышащего быка, заполучить сокровища, охраняемые морским чудовищем. В пользу последнего говорит тот факт, что полумертвый Ясон изображался на этрусских произведениях искусства в утробе морского чудовища. В награду за все исполненное он должен был получить наследницу царского трона. Аналогичные мифы во множестве присутствуют в кельтской мифологии. Вспомним подвиги, которые должен был совершить Килхвух, герой «Мабиногиона», когда захотел жениться на волшебнице Ольвен. Очевидно, это все свидетельства ритуальной проверки царской храбрости перед коронацией.

5) Именно на основе «Повести о Килхвухе и Ольвен» и похожей на нее «Повести о Передуре — сыне Эвравка», также входящей в «Мабиногион», можно сделать самые реальные предположения о характере испытаний, которые должен был пройти Диомед. Влюбившемуся в Ольвен Килхвуху ее отец поручил запрячь желтого с пятнами быка, очистить от зарослей холм, засеять его и собрать урожай, причем все это нужно было успеть сделать за один день (см. 127,1; 152,3). Кроме того, ему нужно было добыть рог изобилия и волшебный ирландский котел.

6) Ирландский котел, добытый Килхвухом, вероятно, был котлом, упомянутым в «Повести о Передуре», т. е. котел возрождения, наподобие того, которым впоследствии пользовалась Медея. В Ирландии котел достает со дна озера гигант. От Диомеда, вероятно, тоже могли потребовать добыть подобный котел для Пелия. Местом действия, где Диомед совершил бы свои подвиги, должна была стать не указанная ни на одной карте страна, лежащая там, «где восходит солнце». В легенде об аргонавтах рог изобилия не упоминается, но Медея по непонятной причине омолаживает нимфу Макриду и ее сестер, бывших нянек Диониса, когда встречает их на Дрепане или Коркире. Поскольку между Дионисом и младенцем Зевсом много общего, а его кормилица коза Амалфея и была первоначальной владелицей рога изобилия (см. 7,b), то Медея могла

помочь Диомеду добыть другой рог изобилия у нимф, оказав им свои услуги. Подвиги Геракла, как и подвиги Тесея и Ориона, лучше всего понимаются как брачные испытания и включают в себя «отламывание рогов у обоих быков», т. е. критского и этолийского (см. 134,6).

7) Этот миф о брачных испытаниях, в каком-то из вариантов существовавший в Иолке со злодеем Пелием и в Коринфе со злодеем Коринфом, очевидно, оказался связанным с полуисторической легендой о морском походе миниев, который начался в Иолке с помощью орхоменцев. Орхомен принадлежал к древней Амфикионии или лиге Калаврии (Страбон. VIII.6.14), во главе которой стоял эолийский бог Посейдон. В лигу входило шесть прибрежных государств Арголиды и Аттики. Орхомен — единственный из семи городов — располагался вдали от моря и занимал стратегически важное положение между Кориинфским и Фессалийским заливами. Население в нем, как и население Беотии в эпоху Гесиода, зимой могло заниматься земледелием, а летом плавать по морю.

8) Предполагаемой целью похода аргонавтов была добыча священного руна, которое увез в «страну Ээта» царь Фрикс, внук Миния, после того как его чуть не принесли в жертву на горе Лафистий (см. 7,d). Кроме того, участники похода должны были препроводить тень Фрикса назад в Орхомен. Предводителем в плавании должен был быть тоже миний, каковым Ясон, сын Эсона, не являлся. Скорее всего, им мог быть Китиссор (Геродот. VII.197), сын Фрикса, которому Аполлоний Родосский отводит центральное место в повествовании (см. 151,f; 152,b) и который в Орхомене получил прозвище Ясон («врачеватель») за то, что прекратил засуху и чуму, разразившиеся после побега Фрикса. Тем не менее Диомед оставался минием по материнской линии, а в Орхомене, как и в пеласгийском Иолке, вероятнее всего, практиковалась матрилинейность.

9) В минийской легенде земля Ээта не могла располагаться на дальнем побережье Понта Эвксинского; наиболее древние свидетельства говорят о том, что она была на севере Адриатики. Считалось, что аргонавты плыли по реке По, около устья которой, на другой стороне залива, лежал остров Кирки Ээя, называющийся теперь Луссин. Потом аргонавты были схвачены колхами Ээта у истока реки Истр, а не Дуная. Как полагал Диодор Сицилийский, это была небольшая речка Истр, которая дала название Истрии. Далее, Медея убивает своего брата Апсирта, который похоронен на соседних островах Апсиртидах. Когда Медея и Ясон бегут к Алкиною, царю Дрепаны (Коркир), — всего

в нескольких днях плавания на юг, — колхи, обманутые опасностью возмездия и боявшиеся вернуться с пустыми руками и навлечь на себя гнев Ээта, построили город Пола на побережье материковой Истрии. Более того, острова сирен, утесы Симплегады, Скилла и Харибда — все они расположены недалеко от Сицилии, мимо которой прошел «Арго», отнесенный сильным северо-восточным ветром.

Колхидой могла по ошибке оказаться Коликария в низовьях реки По, неподалеку от Мантуи, которая, очевидно, была городом, стоявшим на Янтарном пути. Ведь не случайно в рассказе появляются дочери Гелиоса, льющие янтарные слезы, как только «Арго» входит в реку По (см. 42, d). Янтарь был камнем, посвященным солнцу, и Электра («янтарь») — остров, к которому пристал «Арго», вряд ли был Самофракией, как считают некоторые ученые. Более вероятно, что это была «земля Ээта», т. е. торговый пункт в самом конце Янтарного пути, принадлежавший, скажем, коринфянам, поскольку Ээт заимствовал культ солнца в Коринфе, или пеласгам — ведь, согласно Дионисию Периегету (*Описание Земли*. I.18)^{124*}, колония пеласгов — выходцев из Додоны некогда имела мощный флот, стоявший где-то в устье По.

10) К не имеющему географической основы мифу о Диомеде, который слился с легендой о плавании миниев в страну Ээта, был добавлен еще и третий элемент: легенда о древнем пиратском набеге на южное побережье Понта Эвксинского, совершенном по велению другого царя миниев. Пятая Троя, контролируя проход по Геллеспонту, обладала монополией на понтийскую торговлю, для которой подобный пиратский набег представлял угрозу (см. 137, 1). Получается, что предполагаемой целью адриатического плавания миниев было не золотое, а, как указывает Симонид^{125*} (цит. по: *Схолии к Аполлонию Родосскому*. IV.177), пурпурное руно. По другому варианту это было черное руно, которое носил царь, совершая обряд вызывания дождя, наподобие того, что до сих пор совершается в праздник весны на вершине горы Пелион: старика в черной овечьей маске убивают, а затем возвращают к жизни

^{124*} Дионисий Периегет (II в.) — греческий поэт, автор дидактической поэмы «Описание мира [земли]», которая выполнена в форме путевых заметок и воспроизводит устаревшие к тому времени сведения Эратосфена (III в. до н. э.). В Средние века сочинение Дионисия Периегета использовалось в качестве школьного учебника.

^{125*} Симонид (556—469 до н. э.) — греческий лирический поэт с острова Кеос. Жил в Афинах и на Сицилии. В стихах прославлял победы греков над персами, победителей в спортивных играх, писал эпиграммы, застольные песни и гимны.

остальные участники церемонии, одетые в белые овечьи шкуры (*Анналы Британской школы в Афинах*. XVI.244—249, 1909—1916). Согласно Дикеарху (II.8)^{126*}, в классическую эпоху этот обряд совершался под предводительством Зевса Актея, или Акрея («вершинный»). Первоначально человеком в черной овечьей маске был царь, олицетворявший Зевса и становившийся жертвой в конце своего правления. Появление одинаковой традиции на горе Пелион и на горе Лафистий могло бы объяснить слияние двух иолкских преданий, а именно мифа о Диомеде и легенды о понтийском набеге с преданием, повествующим о плавании миниев, решивших поправить неправое дело Фрикса.

11) Однако минии вряд ли собирались вернуть утерянное руно с горы Лафистий, которое легко можно было бы заменить. Более вероятно, что они отправились на поиски янтаря, с помощью которого собирались умиротворить обиженную горную богиню. Нужно помнить, что минии удерживали «песчаный Пилос» на западном побережье Пелопоннеса. Этот город Нелей захватил у лелегов с помощью иолкских пеласгов (см. 94,с). Кроме того, согласно Аристотелю (*О чудесах*. 81), жители Пилоса привозили янтарь из устья реки По. На месте этого Пилоса (теперь деревня Каковатос) недавно археологи обнаружили большое количество янтаря.

12) В восточном варианте плавания руно превращается в «золотое» потому, что нужно было включить рассказ о том, как Диомед добыл сокровища у морского чудовища, и, как утверждает Страбон, потому, что появившиеся в Понте Эвксинском аргонавты устремились на поиски аллювиального золота в колхидской реке Фасис (теперь Риони), которое местные жители моют, используя расстилаемые на дне реки овечьи шкуры. Две различные традиции переплелись не только потому, что Коликария стала Колхидой, Эя — Эей («земля»), а руно с горы Лафистий — черным пелионским. Дело в том, что утренний дворец Гелиоса, отца Ээта, располагался в Колхиде (см. 42,а), самой дальней из известных Гомеру стран на Востоке, и греки знали о ясониках — святилищах Геракла Целителя, построенных на восточном берегу Понта Эвксинского эолийцами, ведущими там торговлю. Некоторые авторы утверждают,

^{126*} Дикеарх (III—II вв. до н. э.) — греческий ученый и писатель, ученик Аристотеля и Теофраста, создатель биографий ранних греческих авторов, философских, политических и географических трудов, важнейший из которых «Жизнь Эллады» (в 3 книгах) — своеобразная история греческой культуры.

что понтийское плавание возглавлял именно Геракл. Более того, поскольку Гомер упоминает Ясона только лишь как отца Эвнея, снабжавшего греков вином во время осады Трои (см. 162, i), и поскольку Лемнос расположен к востоку от Фессалии, то и считалось, что «Арго» тоже плыл на восток. Так Планкты, или блуждающие скалы, помещенные Гомером в сицилийских водах, превратились в Босфор.

13) Каждый город должен был иметь своего представителя среди аргонавтов, чтобы обосновывать свое право на торговлю в Понте Эвксинском, а бродячие поэты не прочь были вставить одно-два имя в этот балладный цикл. Поэтому существует несколько основных списков аргонавтов, никак не совпадающих друг с другом, правда, все они основаны на том соображении, что корабль имел пятьдесят весел, что в микенскую эпоху было вполне возможно. Только один Цец приводит сотню имен. Тем не менее даже самые большие скептики не сомневаются, что легенда имеет под собой определенную историческую основу или что путешествие состоялось до Троянской войны, где-нибудь в XIII в. до н. э.

14) Одна сандалия, в которой появился Ясон, говорит о том, что он был воином. Этолийские воины были известны тем, что в походе обували только левую ногу (Макробий. V.18—21; Схолии к «Лифийским одам» Пиндара. IV.133). Этот же способ во время Пелопоннесской войны применяли платейцы — так легче было идти по грязи (Фукидид. III. 22). Остается только гадать, почему нога со стороны щита была обутой, а со стороны оружия — голой. Быть может, потому, что во время рукопашной левая нога была выдвинута вперед и могла быть использована для удара противника в пах. Тем не менее левая нога считалась «плохой», и с нее никогда не вступали на крыльцо дружеского дома. Кроме того, в современной Европе сохранился обычай, согласно которому солдаты всегда начинают маршировать с левой ноги.

15) Ссора Геры с Пелием из-за его отказа приносить ей жертвы предполагает определенную напряженность отношений между поклонявшейся Посейдону ахейской династией в Иолке и ее эоло-магнесийскими подданными, поклонявшимися Гере.

Лемносские женщины и царь Кизика

[а] Геракл, после того как поймал Эриманфского вепря, неожиданно появился в Пагасах и единогласно был избран старшим на «Арго». Однако он великодушно согласился служить под началом Ясона, ибо Ясон, хотя и был новичком, задумал поход. Когда корабль был спущен на воду и стали бросать жребий, кому и в какой паре сидеть на веслах, именно Ясон пожертвовал пару быков Аполлону — покровителю посадки на суда. Когда дым от его жертвы поднялся к небесам темными клубами, аргонавты устроили свой прощальный пир, на котором Орфей звуками лиры усмирил несколько пьяных ссор. Отплыв утром с первыми лучами солнца, аргонавты взяли курс на Лемнос¹.

[б] Примерно за год до этого лемносцы поссорились со своими женами, заявив, что от них дурно пахнет, и предпочли жить с фракийскими девушками, которых брали в плен во время набегов. В отместку лемнианки убили всех мужчин, не пожалев никого, ни старых ни малых, кроме царя Фоанта, которому жизнь спасла его дочь Гипсипила, оставив его в лодке без весел и пустив по воле волн. Завидев «Арго», женщины приняли его за вражеский фракийский корабль и, надев доспехи, оставшиеся от покойных мужей, смело бросились к берегу, чтобы отразить возможное нападение. Но красноречивый Эхион, высадившийся на берег с жезлом глашатая Ясона, без труда успокоил всех, и Гипсипила собрала совет, на котором предложила отправить аргонавтам в подарок еду и вино, но не пускать их в город Мирину из-за боязни, что герои узнают об их злодеянии. Поликсо, престарелая кормилица Гипсипилы, встала и сказала, что без мужчин жители острова скоро вымрут.

«Мудрее всего, — продолжала она, — предаться любви с этими благородными странниками и тем самым не только обеспечить острову надежную защиту, но и родить новый, крепкий народ».

[c] Этот бескорыстный совет был с готовностью принят, и аргонавтов пригласили в Мирину. Гипсипила, конечно, не сказала Ясону всю правду, а, заикаясь и краснея, поведала, что, устав от плохого обращения с ними мужей, лемнианки взялись за оружие и заставили мужчин уехать. Пустующий лемносский трон, добавила она, будет принадлежать Ясону, стоит лишь ему об этом попросить. Ясон отнесся с благодарностью к ее предложению, но заявил, что, прежде чем обосноваться на плодородном Лемносе, он должен добыть золотое руно. Однако Гипсипиле быстро удалось уговорить аргонавтов отложить свой отъезд — ведь каждого мореплавателя окружало множество молодых женщин, готовых тут же разделить с ним ложе². Гипсипила выбрала себе Ясона и привела его истинно по-царски. Именно от него родился Эвней и его близнец Неброфон, которого иногда называют Деифилом или Фоантом-младшим. Эвней позднее стал царем Лемноса и снабжал греков вином во время Троянской войны.

[d] Другие аргонавты также стали отцами многих детей, и вряд ли золотое руно было бы похищено из Колхиды, если бы не оставшийся сторожить «Арго» Геракл, который, рассердившись, отправился в Мирину и стал колотить дубинкой в двери, напоминая аргонавтам об их долге. Вскоре ему удалось привести всех на берег, и в ту же ночь аргонавты отплыли на Самофракию, где были посвящены в мистерии Персефоны и ее слуг кабиров, спасавших тонущих в море моряков³.

[e] Когда лемносские женщины узнали, что Гипсипила нарушила клятву и пощадила Фоанта — а его лодку прибило к острову Сикину, и потом ему суждено было стать царем тавров, — они продали ее в рабство немецкому царю Ликургу. Некоторые, правда, говорят, что однажды фракийские пираты напали на Мирину и захватили ее. Став совершеннолетним, Эвней совершил над островом обряд очищения от пролитой крови, и все его обряды до сих пор повторяют на ежегодном празднике кабиров. На целых девять дней гаснут все очаги на Лемносе, и совершаются приношения мертвым, после чего корабль доставляет новый огонь с алтаря Аполлона на Делосе⁴.

[f] Аргонавты поплыли дальше, оставив по правому борту Имброс, и, поскольку все хорошо знали, что троянский царь Лаомедонт охраняет вход в Геллеспонт и не позволит ни одному греческому судну войти

в него, они прошли через пролив ночью, прижимаясь к фракийскому берегу. Так они благополучно достигли Мраморного моря. Приближаясь к земле долионов, герои высадились у перешейка сурового полуострова под названием Арктон, над которым возвышалась гора Диндим. Здесь их приветствовал царь Кизик, сын Энея, бывшего союзника Геракла. Он только что женился на Клите из фригийского города Перкоты и пригласил всех принять участие в свадебном пире. Когда празднество было в самом разгаре, на сторожей «Арго» напали с дубинами и камнями шестирукие гиганты, рожденные Землей. Они пришли из глубины полуострова, но были отбиты.

[g] После этого аргонавты посвятили свои якорные камни Афине, в храме которой их показывают до сих пор, и, взяв на борт более тяжелый камень и сердечно попросившись с хозяином, направились в открытое море, взяв курс на Босфор. Вдруг на корабль налетел северо-восточный ветер и погнал его назад. Тифис решил спрятаться от ветра под берегом полуострова. Он сбился с курса, и аргонавты, пытавшиеся в кромешной тьме пристать к берегу, подверглись нападению хорошо вооруженных воинов. Лишь после того как аргонавтам удалось в яростной схватке одолеть нападавших, убив некоторых из них и обратив в бегство остальных, Ясон обнаружил, что они пристали к восточному берегу Арктона и благородный царь Кизика, принявший их за пиратов, лежит мертвый у его ног. Клита от этой вести потеряла рассудок и повесилась, а нимфы местной рощи плакали так жалостно, что из их слез образовался источник, который носит имя погибшей.

[h] Аргонавты устроили погребальные игры в честь Кизика, но еще долго из-за непогоды они не могли выйти в море. Наконец над головой Ясона появился зимородок и, щебеча, уселся на нос «Арго». Тогда Мопс, понимавший язык птиц, объяснил, что все будет хорошо, если они умолят богиню Рею. Именно она устроила смерть Кизика в отместку за совершенное им убийство священного льва, обитавшего на горе Диндим, а сейчас сердится на аргонавтов за то, что они перебили столько ее шестируких братьев. Узнав причину немилости, аргонавты воздвигли изваяние богини, вырезанное Аргом из древней лозы, и во всеоружии стали плясать на вершине горы. Рея оценила их чувства и сотворила родник, который сейчас называют *родник Ясона*; он бьет из ближайшей к вершине скалы. Наконец поднялся легкий ветер, и герои продолжили путь. Долионы скорбели еще целый месяц, не зажигая огня и питаясь сырой пищей. Этот обычай до сих пор соблюдается во время ежегодных Кизикских игр⁵.

¹ *Аполлоний Родосский*. I.317 и след.

² *Аполлоний Родосский*. I.1—607; *Геродот*. VI.138; *Аполлодор*. I.9.17; Орфическая аргонавтика. 473 и след.

³ *Гомер*. Илиада. VII.468 и схолии; *Стаций*. Фиваида. VI.34; *Аполлоний Родосский*. Цит. соч.; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Гигин*. Мифы. 15.

⁴ *Аполлодор*. III.6.4; *Гигин*. Цит. соч.; *Филострат*. Диалог о героях. XX.24.

⁵ *Аполлоний Родосский*. I.922 и след., 935—1077; Орфическая аргонавтика. 486 и след.; *Валерий Флакк*. Аргонавтика. II.634; *Гигин*. Цит. соч. 16.

1) Ясон потому появляется на острове Лемнос, что, согласно Гомеру, Эвней, который правил этим островом во время Троянской войны, был его сыном, а также потому, что еще один аргонавт, Эвфем, считается отцом Левкофана, матерью которого была жительница Лемноса (Цец. Схолии к Ликофрону. 886; Схолии к «Пифинским одам» Пиндара. IV.455), и, следовательно, предком долго просуществовавшей киренской династии. Убийство лемносцев говорит о том, что на острове сохранялась гинократическая форма общества с вооруженными жрицами, характерная для некоторых ливийских племен во времена Геродота (см. 8,1), и что прибывшие на остров эллины могли воспринять такую аномалию лишь как феминистскую революцию. Мирина — это имя островной богини (см. 131,3). Не исключено, что запах, который, как утверждали, шел от лемносских женщин, объяснялся тем, что они занимались изготовлением вайды^{127*}. Их фракийские соседи пользовались ею для нанесения татуировки. Вайда обладает таким неприятным и стойким запахом, что в Норфолке, например, семьи, занимающиеся ее изготовлением, вынуждены вступать в браки только между собой.

2) Самофракия была центром эладской религии, и все, кого посвящали в мистерии луны-богини, надежно скрытые от посторонних, имели право носить пурпурный амулет (*Аполлоний Родосский*. I.197; *Диодор Сицилийский*. V.49), ценившийся как оберег от всех напастей, но особенно от кораблекрушений. Филипп Македонский и его жена Олимпиада были посвящены в эти мистерии (*Плутарх*. *Сравнительные жизнеописания*. *Александр*. 2). Германику Цезарю не позволили участвовать в мистериях по причине неблагоприятного знамения, и действительно, вскоре

^{127*} Вайда красильная (*Isatis tinctoria* L.), крутик, синиль, синильник — широко распространенное двулетнее растение семейства крестоцветных, использовалось для получения синей и зеленой краски.

он скончался (Тацит. *Анналы*. II.54). В Самофракии находили древние бронзовые сосуды, которые, как считалось, были посвящены аргонавтам.

3) Братья Реи, шестирукие гиганты, которых Земля родила от Медвежьей горы, возможно, возникли в повествовании потому, что были подсказаны изображениями косматых людей в медвежьих шкурах с огромными когтями. Рассказ о смерти Кизика вполне мог иметь реальное основание, однако оно вряд ли связано с обычаем ежегодно гасить все огни в Кизике, как и с аналогичной церемонией в Мирине во время девятидневного праздника в честь кабиров. В конце года, когда приносили в жертву царя-жреца, огни по традиции гасились во многих царствах и зажигались вновь во время совершения одного из обрядов в честь нового царя.

4) Убийство священного льва Реи, возможно, относится к искоренению ее культа в Кизике и введению олимпийской религии.

5) Зимородки были посланцами богини моря Алкионы (см. 45,1—2).

[а] По предложению Геракла аргонавты решили устроить соревнование на самого выносливого гребца. После множества часов изнурительной гребли, скрашиваемых только звуками лиры Орфея, не сдались лишь Ясон, Диоскуры и Геракл. Остальные один за другим вынуждены были признать свое поражение. Кастор вскоре тоже начал сдавать, и Полидевк, не зная, как остановить брата, втащил его весло в судно. Лишь Ясон и Геракл, сидевшие по разным бортам, продолжали двигать «Арго» вперед. Близ устья реки Киос, что в Мисии, силы оставили Ясона, и почти тут же у Геракла сломалось весло. Он с гневом оглянулся — и его уставшие спутники снова вставили весла в ключины. Миг — и «Арго» стоял у берега почти в том месте, где в море впадала река.

[б] Когда все готовились к вечерней трапезе, Геракл отправился на поиски дерева, которое сгодилось бы для нового весла. Вырвав из земли огромную ель и подтянув ее к костру, где ее легче было обтесать, он вдруг узнал, что его оруженосец Гилас час или два назад ушел за водой к ближайшему источнику Пеги и до сих пор не вернулся. На его поиски отправился Полифем, но пока тоже не пришел. Геракл относился к Гиласу с особой нежностью с того самого дня, когда убил его отца Тейо-даманта, царя дриопов, отказавшегося подарить ему быка.

С криком «Гилас! Гилас!» Геракл бросился в лес и спустя некоторое время наткнулся на Полифема, который сообщил: «Увы, я услышал, как Гилас звал на помощь, и побежал на голос. Но вблизи родника не обнаружил признаков борьбы ни с дикими зверями, ни с какими другими врагами. Только оброненный Гиласом кувшин лежал у воды». Геракл

и Полифем всю ночь продолжали поиски вместе с мисийцами, которых им удалось повстречать, но все впустую. Оказалось, что Дриопа и ее сестры, нимфы источника, влюбились в Гиласа и уговорили его жить с ними в подводном гроте.

[с] На рассвете подул попутный ветер, и Ясон, несмотря на то что Геракл и Полифем не вернулись, хотя их звали так, что соседние горы отзывались эхом, повелел продолжить поход. Такое решение вызвало громкое недовольство, а когда «Арго» уже отошел от берега, несколько аргонавтов обвинили Ясона в том, что он отомстил Гераклу за поражение в гребле. Они уже были готовы заставить Тифиса повернуть корабль, но им помешали Калаид и Зет. Вот почему позднее Геракл убил их на острове Тенос и поставил на их могиле качающуюся скалу.

[d] Пригрозив разорить всю Мисию, если ее жители не найдут Гиласа живым или мертвым, а потом совершив успешный набег на Трою, Геракл возобновил свои подвиги, а Полифем осел возле Пег и построил город Киос, где правил до тех пор, пока халибы не убили его в сражении¹. Ради Геракла мисийцы продолжают совершать ежегодные жертвоприношения в честь Гиласа в городе Пруса, около Пег, при этом их жрец громко выкрикивает имя Гиласа, а все участники обряда делают вид, что идут искать его в лес².

[e] Гилас действительно разделил судьбу Борма или Борима, сына Тития. Этот мариандинский юноша необычайной красоты однажды во время урожая направился к колодцу, чтобы принести воды жнецам. Его тоже утащили на дно колодца нимфы, и больше его никто не видел. Сельские жители Вифинии во время страды каждый год отмечают его память, распевая грустные песни под звуки флейт³.

[f] Некоторую, правда, смеются над историей Гиласа, рассказывая, что на самом деле это просто был Борм и что Геракла оставили в магнесийских Афетах, неподалеку от Пагас, когда он сошел на берег, чтобы набрать воды, в самом начале плавания, ибо кусок священного дуба на корме «Арго» провецал, что не в силах вынести его тяжесть. Есть и такие, которые утверждают, что Геракл не только доплыл до Колхиды, но и во время всего похода был предводителем⁴.

[g] Потом «Арго» пристал к берегу у земли бебриков, где правил грубый царь Амик, сын Посейдона. Этот Амик возомнил себя кулачным бойцом и вызывал чужеземцев на поединок, который для них всегда заканчивался плачевно. Если же те отказывались, он без долгих разговоров сбрасывал их со скалы в море. И на этот раз он пришел к аргонавтам

и отказал им в воде и питье до тех пор, пока самый достойный из них не встретится с ним в бойцовском круге. Полидевк, который был победителем в кулачном бою на Олимпийских играх, с готовностью вышел вперед и надел перчатки из сыромятной кожи, предложенные ему Амиком.

[h] На цветущей поляне, неподалеку от берега, Амик и Полидевк с яростью набросились друг на друга. На перчатках Амика были нашиты бронзовые шипы, а мускулы на его волосатых руках выдавались, словно подводные камни, поросшие водорослями. Он был намного тяжелее и чуть моложе Полидевка, но тот, поначалу осторожничая и уклоняясь от его грозных атак, нашел слабые места в обороне своего противника, и вскоре Амик уже сплевывал кровь из разбитого рта. После длительного боя, в котором ни один не явил своей слабости, Полидевк воспользовался ошибкой Амика и расплющил ему нос прямым ударом слева. Потом удары безжалостно посыпались на него со всех сторон. От боли и отчаяния Амик зажал левый кулак Полидевка и, отведя его левой рукой, нанес правой сокрушительный боковой удар. Полидевк устремился навстречу удару, но Амик промазал и в ответ получил невероятной силы удар справа в ухо, за которым последовал другой удар снизу в висок, кость у Амика треснула, и он мгновенно скончался.

[i] Увидев, что их царь лежит мертвым, бебрики схватились за оружие, но Полидевк, призвав своих спутников, без труда разгромил их и разграбил царский дворец. Чтобы умиловить Посейдона, который был отцом Амика, Ясон предал огню двадцать красных быков, оказавшихся среди остальной добычи⁵.

[j] На следующий день аргонавты вновь вышли в море и прибыли к Салмидессу, что в восточной Фракии, где Финей, сын Агенора, был правителем. Боги ослепили его за то, что он слишком точно предсказывал будущее. Кроме того, ему досаждали две гарпии — отвратительные крылатые существа женского пола, которые, как только Финей усаживался за трапезу, спешили во дворец, хватали со стола что попало, а оставшуюся пищу заражали таким зловонием, что се невозможно было есть. Одну гарпию звали Аэллопа, а другую Окипета⁶. Когда Ясон спросил у Финея, как им добыть золотое руно, то в ответ услышал: «Сначала избавьте меня от гарпий!» Слуги Финея накрыли для аргонавтов стол, и тут же явились гарпии, проделав свои обычные штучки. Но Калаид и Зет, крылатые сыновья Борея, выхватили мечи, бросились за ними в погоню по воздуху и улетели за море. Одни говорят, что они поймали гарпий над Строфадскими островами, но не убили, потому что те взмолились

о пощаде; в это время посланная Герой Ирида пообещала, что гарпии вернутся в свою пещеру на критской Дикте и никогда больше не будут обижать Финея. Другие говорят, что договаривалась Окипета, а Аэлопа полетела дальше и утонула в пелопоннесской реке Тигрет, которая ныне стала зваться Гарпис.

[к] Финей научил Ясона, как плыть через Босфор, и подробно рассказал ему, какая его ждет погода, какой прием и что ему придется испытать по дороге в Колхиду, страну, которая лежит на восточном побережье Понта Эвксинского под сенью Кавказских гор, поначалу ее заселили египтяне. И еще добавил: «Когда достигнете Колхиды, доверьтесь Афродите!»⁷

[l] К тому времени Финей уже был женат сначала на Клеопатре, сестре Калаида и Зета, а после ее смерти на Идее, скифской царевне. Идея невзлюбила двух сыновей Клеопатры и, представив лжесвидетелей, обвинила их во всевозможных злодеяниях. Калаид и Зет узнали про заговор, освободили из темницы своих племянников, которых ежедневно бичевала скифская стража, и Финей не только стал к ним относиться как прежде, но и отправил Идею назад к ее отцу⁸.

[m] Кое-кто утверждает, что Финея ослепили боги уже после посещения аргонавтов за то, что тот предсказал им будущее⁹.

¹ *Аполлоний Родосский*. I.1207 и след.; *Феокрит*. Идиллии. XIII; Орфическая аргонавтика. 646 и след.; *Валерий Флакк*. Аргонавтика. III.521 и след.; *Гигин*. Мифы. 14; *Аполлодор*. I.9.19.

² *Феокрит*. Идиллии. XIII.73 и след.; *Страбон*. XII.4.3; *Антонин Либера*. Превращения. 26.

³ *Атений*. XIV.620; *Эсхил*. Персы. 941; *Поллукс*. IV.54.

⁴ *Геродот*. VII.193; *Аполлодор*. I.9.19; *Феокрит*. Цит. соч. XIII.73.

⁵ *Аполлодор*. I.9.20; *Аполлоний Родосский*. II.1 и след.; *Феокрит*. Цит. соч. XXII. 27 и след.; Орфическая аргонавтика. 661 и след.; *Валерий Флакк*. Цит. соч. IV.99 и след.; *Гигин*. Цит. соч. 17; *Лактанций Плацид*. Схолии к «Фиваиде» Стация. III.353.

⁶ *Аполлодор*. I.9.21; *Гесиод*. Теогония. 265—269.

⁷ *Геродот*. II.147; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Аполлоний Родосский*. II.176 и след.; *Валерий Флакк*. Цит. соч. IV.22 и след.; *Гигин*. Цит. соч. 19; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. III.209.

⁸ *Диодор Сицилийский*. IV. 44.

⁹ *Аполлодор*. Цит. соч.

1) В легенде о плавании иолкцев к восточному побережью Понта Эвксинского (но не в легенде, рассказывающей о плавании миниев в Истрию) Геракл действительно мог быть предводителем на корабле. Рассказ о пропаже Гиласа мог возникнуть как объяснение мисийских обрядов, которые совершались в Прусе, что около Пег, даже в римские времена и касались оплакивания Адониса. Судьба Гиласа, которой распорядились Дриопа и ее нимфы, очевидно, была судьбой Левкиппа (см. 21,5), Актеона (см. 22,i), Орфея (см. 28,d) и любого другого царя-жреца культа дуба, а именно: его поедали в экстатическом состоянии женщины, которые затем совершали очистительное омовение в ручье и объявляли, что царь бесследно пропал. *Дриопа* означает «дятел» (буквально «дубовый лик»), т. е. птица, стук которой по стволу дуба говорил как бы о поисках Гиласа (также дриопа по происхождению), а имитация этого стука должна была вызвать дождь (см. 56,1). Основная цель этого жертвоприношения — обеспечить выпадение осенних дождей. Геракл, будучи новым царем, тоже делал вид, что занят поисками своего предшественника. Борм или Борим — это, возможно, варианты имени Брим, сын Бримоны (см. 24,6).

2) История Амика могла возникнуть на основе рисунка, изображавшего погребальные игры, после того как старый царь был сброшен со скалы в море (см. 96,3,5). Кулачный бой был критским видом спорта, упомянутым в «Илиаде» и «Одиссее», и проходил достаточно честно до тех пор, пока соперничество на Олимпийских играх не привнесло долю профессионализма. Кулачные бойцы, выступавшие в римских амфитеатрах, использовали перчатки с шипами и кастеты, а не традиционные сыромятные ремни на руках. Феокрит, который со знанием дела описывает поединок Полидевка и Амика, льет слезы по былой славе кулачного боя.

Гарпии первоначально были олицетворением критской богини смерти в образе бури (Гомер. *Одиссея*. I.237, XX.66,77), но в данном контексте они появляются в образе священных птиц, коршунов или морских орлов, которым фракийцы постоянно оставляли пищу. Диодор Сицилийский, описывая появление аргонавтов во дворце Финея, старается не упоминать гарпий — может, из боязни навлечь их гнев, — но намекает, что вторая, скифская, жена слепого Финея обманывает его, утверждая, будто гарпии крадут пищу и заражают зловонием ее остатки, хотя на самом деле совершали все это слуги по ее приказу. Финей медленно умирал с голоду, когда Калаид и Зет — братья первой жены —

разоблачили происки новой жены и освободили из темницы своих пленников, заточенных туда Финеем по наговору скифянки.

3) Строфады («поворачивающие»), возможно, названы так потому, что приближавшиеся корабли могли ожидать смену ветра.

4) Качающиеся скалы — огромные монолиты, установленные так, что было достаточно малейшего прикосновения, чтобы они закачались из стороны в сторону, — были погребальными сооружениями, которые, вероятно, воздвигали строители дорог, переселившиеся из Ливии в конце III тысячелетия. Некоторые такие сооружения еще сохранились в Корнуолле и Девоне, а многие были сброшены развлекавшимися солдатами и туристами. Установка такого камня на могиле Калаида и Зета, крылатых сыновей Борея, означает, что духи героев в образе ветра раскачивают монолит и убивают подложенную под него жертву.

[а] Финей предупредил аргонавтов об ужасных скалах, называемых Симплегадами, Планктами или Кианеями, которые постоянно окутаны туманом и стоят, охраняя вход в Босфор. Когда корабль пытается пройти между ними, они смыкаются, сокрушая его корпус. Но по совету Финея Эвфем выпустил впереди «Арго» голубя или, как говорят некоторые, цаплю. Как только сомкнувшиеся скалы, вырвав несколько перьев из птичьего хвоста, стали расходиться, аргонавты налегли на весла, вдохновленные Афиной и звуками лиры Орфея, и потеряли среди скал только кормовое украшение. После этого, как гласило пророчество, скалы застыли навеки на своих местах по обе стороны пролива. Хотя течение в проливе было таким сильным, что корабль оказался почти неуправляемым, аргонавты гребли так, что весла гнулись, как луки, и благополучно вошли в Понт Эвксинский¹.

[b] Идя вдоль южного берега, они пристали к островку Тиниада, где Аполлон соблаговолил снизойти к ним во всем своем божественном великолепии. Орфей тут же воздвиг алтарь и принес ему в жертву дикого козла как Аполлону Утреннему. В это мгновение аргонавты поклялись не оставлять друг друга в минуту опасности, а в память об этой клятве на острове был построен храм Гармонии.

[с] Отсюда они поплыли к городу Мариандине, знаменитому имеющей рядом пропастью, через которую Геракл выволок из преисподней пса Кербера. Там мореплаватели были радушно встречены царем Ликом. О том, что его враг, царь Амик, мертв, Лик уже знал от скорохода, и в благодарность предложил аргонавтам в качестве проводника своего

сына Даскила. На следующий день, когда корабль уже был готов к выходу, на ясновидца Идмона напал ужасный вепрь, обитавший в камышовых зарослях реки Лик, и клыками нанес ему глубокую рану в бедро. Идас бросился на помощь Идмону и, когда зверь рванулся в новом прыжке, насадил его на свое копье. Несмотря на все заботы, Идмон умер от потери крови, и аргонавты оплакивали его три дня. Затем заболел и умер Тифис, и товарищи его в глубокой печали насыпали холм над его останками рядом с холмом, под которым был погребен Идмон. Сначала Большой, а потом Эргин, Навплий и Эвфем предложили себя в кормчие вместо Тифиса, но аргонавты выбрали Анкея, и не ошиблись².

[d] Из Мариандины они продолжили свое плавание на восток и плыли под парусом много дней, пока не достигли Синопы, что в Пафлагонии. Этот город назван по имени дочери речного бога Асопа, любое желание которой обещал исполнить влюбившийся в нее Зевс. Хитроумная Синопя изъявила желание остаться девственницей, поселилась здесь и остаток жизни провела в счастливом одиночестве. В Синопе Ясон набрал добровольцев на три опустевших места на скамьях гребцов. Ими стали братья Деилеонт, Автолик и Флогий из Трикки, которые уже сопровождали Геракла в его походе против амазонок, но, случайно отстав от него, оказались в этой диковинной стране.

[e] Затем «Арго» миновал страну амазонок и страну железокузнецов халибов, которые не обрабатывают земли и не пасут стада, а живут лишь кузнечным ремеслом, затем страну тибаренов, у которых по обычаю, когда женщины рожают, их мужья кричат, как в родовых муках, и страну моссинеков, живущих в деревянных домах, беспорядочно совокупляющихся и носящих неопишущей длины копья и белые щиты в форме листьев плюща³.

[f] Близ островка Аресанад «Арго» пролетела большая стая птиц, сбросив вниз бронзовые перья, одно из которых ранило Оилея в плечо. Аргонавты, памятуя, что им сказал Финей, надели шлемы и стали криком отгонять птиц. Половина людей продолжала грести, а половина защищала их щитами и шумом ударов по ним мечами. Финей также посоветовал аргонавтам высадиться на этот островок, что они и сделали, изгнав птиц всех до единой. Той же ночью у них была возможность отблагодарить Финея за мудрый совет. Разразилась сильная буря, и рядом с их лагерем выбросило на берег четырех эолийцев, спасшихся на бревне. Потерпевшими крушение оказались Китиссор, Арг, Фронтис и Мелас, сыновья Фрикса и Халкиопы, дочери колхидского царя Ээта,

и поэтому близкие родственники многим аргонавтам. Их корабль затонул на пути в Грецию, где они хотели предъявить свои права на Орхоменское царство, принадлежавшее их деду Афаманту. Ясон тепло их приветствовал, и все вместе они принесли жертвы на черном камне без возлияний в храме Ареса, где его основательница амазонка Антиопа некогда приносила в жертву коней. Когда Ясон сообщил, что хочет вернуть тень Фрикса в Грецию и возратить шкуру золотого барана, на котором тому удалось бежать, Китиссор и его братья испытали некоторое затруднение: с одной стороны, они дорожили памятью отца, а с другой — боялись обидеть своего деда требованием о выдаче руна. Но были у них иной выбор, кроме как разделить общую судьбу с их двоюродными братьями, спасшими им жизнь?⁴

[g] «Арго» пристал к берегу острова Фибира, где некогда Крон разделил ложе с дочерью Океана Фибирой и был застигнут в неподходящий момент Реей. Он обернулся жеребцом и умчался прочь, оставив Фибиру с ребенком в виде получеловека-полуконя, оказавшимся впоследствии ученым кентавром Хироном. Придя в ужас от вида чудовища, которого ей приходится теперь кормить грудью, Фибира взмолилась, чтобы боги изменили ее обличье, и превратилась в липу. Правда, некоторые говорят, что это случилось в Фессалии или Фракии, а не на острове Фибира⁵.

[h] Вскоре над аргонавтами уже высился Кавказский хребет, и они вошли в устье широкой реки Фасис, которая течет по Колхиде. Совершив возлияния из вина, смешанного с медом, в честь богов этой земли, Ясон спрятал «Арго» в мелкой заводи, где и созвал военный совет⁶.

¹ Аполлоний Родосский. II.329; Орфическая аргонавтика. 688; Гомер. Одиссея. XII.61 и след.; Геродот. IV.85; Плиний. Естественная история. VI.32; Валерий Флакк. IV.561 и след.; Аполлодор. I.9.22.

² Аполлоний Родосский. II.858—898; Орфическая аргонавтика. 729 и след.; Цец. Схолии к Ликофрону. 890; Валерий Флакк. V.13 и след.; Гигин. Мифы. 14, 18; Аполлодор. I.9.23.

³ Аполлоний Родосский. II.946—1028; Валерий Флакк. V.108; Орфическая аргонавтика. 738—746; Ксенофонт. Анабасис. V.4.1—32, 5.1—3.

⁴ Аполлоний Родосский. II.1030—1230.

⁵ Аполлоний Родосский. II.1231—1241; Гигин. Цит. соч. 138; Филаргирий. Комментарий к «Георгикам» Вергилия. III.93; Валерий Флакк. V.1 53.

⁶ Аполлоний Родосский. II.1030—1285; Орфическая аргонавтика. 747—755; Валерий Флакк. V.153—183.

1) Планкты, или блуждающие скалы, окутанные туманом, вероятно, были льдинами, принесенными в Понт Эвксинский реками Русской равнины. Сообщения о них в данном случае сочетаются с мрачным описанием Босфора, сквозь который во время разлива рек вода течет со скоростью до пяти узлов. Торговцам янтарем были знакомы другие плавающие острова в Балтийском море (см. 170,4).

2) Кенотафы, позднее воздвигнутые греческими колонистами в честь героев Идмона и Тифиса, могут быть обязаны рассказу об их смерти во время путешествия. Про Идмона сказано, что его погубил вепрь, как критского Зевса, Анкея и Адониса, которые были древними царями-жрецами (см. 18,7). Имя Идмон («знающий») свидетельствует о том, что его святилище было вещим. Кроме того, Аполлоний Родосский называет его «ясновидцем».

3) Мариандина названа в честь Ма-ри-энна (по-шумерски «высокая плодоносная мать небес»), иначе Мирина, Ай-мари или Мариамнеа — богиня, хорошо известная в восточном Средиземноморье. *Chalybs* по-гречески означало «железо», а халибы, вероятно, было другим именем тибаренов, известных как первые железокузнецы древности. В Быт. 4:22 их страна называется Тувал (*Tubal=Tibar*), и Тувал Каин означает тибаренов, которые пришли из Армении в Ханаан вместе с ордами гиксосов. Различные измененные формы кувады, бытовавшей среди тибаренов, сохранились во многих частях Европы. Обычаи моссинок, описанные Ксенофонтом, «Анабасис» которого изучал Аполлоний Родосский, во многом похожи на обычаи шотландских пиктов и ирландских сидхов, которые переселились на Британские острова в эпоху ранней бронзы с берегов Понта Эвксинского.

4) Встреча Ясона с птицами у острова Ареса или Аретиады свидетельствует о том, что «Арго» добрался до этих мест в начале мая. «Арго» прошел Босфор, когда течение еще позволяло, и достиг острова ко времени перелета птиц с Синайского полуострова. Очевидно, птицы, выбившиеся из сил после перелета через горы Малой Азии по пути к Волге, отдыхали на острове Ареса и на этот раз во множестве уселись на «Арго», чем вызвали суеверный страх у мореплавателей. В книге Николья «Птицы Египта» среди таких перелетных птиц названы пустельга, жаворонок, лунь, утка и болотные птицы^{128*}, но поскольку этот остров

^{128*} Николь М. Дж. (1880—1925) — английский натуралист, путешественник. Книга «Птицы Египта» — его основной труд.

был посвящен Аресу, то мифографы снабдили этих птиц бронзовыми перьями и злыми намерениями. Изгнание Гераклом Стимфалийских птиц на какой-то остров в восточной части Понта Эвксинского, скорее всего, было навеяно рассказами об аргонавтах, чем наоборот, как это обычно считается.

5) Слава Хирона как врачевателя, ученого и прорицателя принесла ему имя сын *Филиры* («липа»), его также называют потомком Иксиона (см. 63,d). Цветы липы в классическую эпоху широко использовались, как и сейчас, в качестве тонизирующего средства. Кроме того, на обратной стороне липовой коры было удобно писать, а разорванное на полоски мочало использовалось при гаданиях (Геродот. IV.67; Элиан. *Пестрые рассказы*. XIV.12). Однако остров Филира, вероятнее всего, получил свое название от росших там лип, чем благодаря каким-то связям с Фессалией или Фракией. Ни один из этих прибрежных островков не превышает в длину и сотни метров.

6) Колхида сейчас называется Грузия, а река Фасис — Риони.

[а] На Олимпе Гера и Афина взволнованно обсуждали, как помочь их любимцу Ясону добыть золотое руно. Наконец, они обратились к Афродите, которая согласилась сделать так, чтобы ее капризный мальш Эрос пробудил у Медуи, дочери царя Ээта, неожиданную страсть к Ясону. Афродита нашла Эроса, игравшего в кости с Ганимедом и плутовавшего при каждом броске, и упросила его пустить одну из стрел в сердце Медуи. За это она обещала ему золотой шар с голубыми эмалевыми кольцами, которым в свое время играл Зевс. Если подбросить шар в небо, то, падая, он оставляет за собой след, как комета. Эрос с радостью согласился, а Афродита обещала своим божественным подругам, что будет поддерживать страсть в Медуе с помощью нового любовного приворотного средства: живой вертишейки, распластанной на раскаленном колесе.

[b] Тем временем на созванном у заводи совете Ясон предложил идти вместе с сыновьями Фрикса в соседний колхидский город Эя, где правил Ээт, и попросить руно в подарок. Если же им будет отказано, то они прибегнут к хитрости или силе. Все согласились с этим, и Авгий, сводный брат Ээта, присоединился к отряду. Они подошли к Эе со стороны располагавшегося вдоль реки места, которое называлось кладбищем Кирки. Там трупы мужчин, завернутые в недубленные бычьи шкуры, выставлялись на вершинах ив на съедение птицам — колхи предавали земле только покойниц. Эя расстилалась у их ног, когда они стояли на холме, посвященном Гелиосу, отцу Ээта. Здесь в конюшне стояли его белые лошади. Гефест в благодарность за то, что Гелиос спас его, когда гиганты хотели взять приступом Олимп, построил прекрасный царский дворец Ээта.

[с] Первая жена царя Ээта кавказская нимфа Астеродея (мать Халкиопы, вдовы Фрикса, и Медеи, чародейки-жрицы Гекаты) к тому времени уже несколько лет как умерла, а его вторая жена Идия успела родить ему сына Апсирта.

[d] Когда Ясон и его спутники вошли во двор дворца, их встретила Халкиопа, которая очень удивилась, увидев среди пришедших Китиссору и других трех своих сыновей, а когда они поведали ей свою историю, она стала от всей души благодарить Ясона за спасение ее детей. Затем вышел Ээт в сопровождении Идии, всем своим видом выражавший недовольство — ведь Лаомедонт обязался не пускать греков в Понт Эвксинский. Он спросил Арга, своего любимого внука, как объяснить появление здесь незваных гостей. Арг ответил, что Ясон, которому он и его братья обязаны жизнью, пришел забрать золотое руно, как того требует оракул. Видя, что от этих слов лицо Ээта стало еще более сердитым, он поспешил добавить: «За эту любезность доблестные греки с радостью приведут под твою власть савроматов». Ээт презрительно засмеялся и повелел Ясону и Авгию, в котором он не признал своего брата, возвращаться туда, откуда они пришли, если не хотят, чтобы им отрубили языки, а заодно и руки.

[e] В этот момент из дворца появилась царица Медея, а когда Ясон встретил ее вежливо и с почтением, Ээт, несколько смутившись, согласился отдать руно, но при условии, которое казалось невыполнимым. Чтобы получить руно, Ясон должен был запрячь двух огнедышащих медноногих быков, сотворенных Гестом, вспахать поле, посвященное Аресу, а затем засеять его зубами дракона, подаренными Ээту Афиной и оставшимися после того, как их когда-то засеял Кадм. Ясон стоял в задумчивости, размышляя, как совершить этот неслыханный подвиг; в это время Эрос пустил одну из своих стрел в Медею, и она вошла в ее сердце по самое оперение.

[f] Халкиопа, пришедшая в спальню к Медее, чтобы заручиться ее помощью Китиссору и его братьям, убедилась, что та по уши влюбилась в Ясона. Когда Халкиопа предложила себя в качестве посредницы, Медея с готовностью обещала свою помощь Ясону и в том, чтобы запрячь огнедышащих быков, и в том, чтобы добыть золотое руно, при единственном условии — Ясон должен сделать ее своей женой и взять с собой на «Арго».

[g] Ясона позвали, он пришел и поклялся всеми богами Олимпа оставаться верным Медее до конца своих дней. Она вручила ему волшебное

зелье — сок корней растения, выросшего из крови Прометея. Ясон с благодарностью принял сосуд с зельем и, совершив возлияние меда, откупорил его, омыл его содержимым тело, копье и щит. Так ему удалось подчинить своей воле быков и впрячь их в плуг с очень прочным ярмом. Весь день он пахал, а ночью посеял зубы, из которых тут же выросли могучие воины. Так же как и Кадм, он подстроил между ними драку, бросив в самую гущу воинов камень, а потом добил своим мечом тех, кто остался жив.

[h] Царь Ээт не желал расставаться с золотым руном и беззащитно нарушил свое обязательство. Он стал грозить, что сожжет «Арго», теперь стоявший в море напротив Эй, и перебьет всех людей, находящихся на нем. Но Медея, на которую он неразумно положился, отвела Ясона и нескольких аргонавтов к священной роще Ареса в шести милях от города. Там находилось руно, охраняемое бессмертным драконом, свернувшимся в тысячи колец. Он был больше самого «Арго» и родился из крови чудовища Тифона, убитого Зевсом. Медея с помощью колдовских чар успокоила шипящего дракона и, взяв свежесрезанные веточки можжевельника, брызнула сонными каплями ему на веки. Ясон осторожно снял руно с дуба, и все вместе они поспешили на берег, где стоял «Арго».

[i] Жрецы Ареса подняли тревогу, и во время погони колхи ранили Ифита, Мелеагра, Арга, Аталанту и Ясона, но не смогли помешать им взойти на борт ожидавшего их «Арго», который поспешно вышел в море, преследуемый судами Ээта. Лишь один Ифит умер от ран, а остальных Медея быстро вылечила своими снадобьями¹.

[j] Савроматы, которых Ясон обязался покорить, были потомками амазонок с трех кораблей, захваченных Гераклом, когда тот совершал свой девятый подвиг. Амазонки порвали свои оковы, уничтожили моряков, которые были поставлены сторожить их, но, поскольку они ничего не понимали в морском деле, их корабли стали дрейфовать в сторону киммерийского Босфора, где они высадились на берег у города Кремни, что в стране свободных скифов. Там им удалось поймать табун диких лошадей, оседлать их и приступить к опустошению окрестных земель. Вскоре скифы, узнав по попавшим в их руки трупам, что это женщины, решили не убивать амазонок, а отправить к ним юношей с предложением любви, но не войны. Это оказалось делом нетрудным, но амазонки согласились выйти замуж за этих юношей лишь в том случае, если они переколют на восточный берег реки Танаис (где их потомки — савроматы —

живут до сих пор, сохраняя некоторые из обычаев амазонок, например такой: девушка сначала должна убить врага, а потом искать себе мужа)².

¹ *Аполлодор*. I.9.23; *Аполлоний Родосский*. II.1260—IV.246; *Диодор Сицилийский*. IV.48.1—5; *Валерий Флакк*. V.177—VIII.139; *Гигин*. Мифы. 22; *Пиндар*. Пифийские оды. IV.221 и след.; *Овидий*. *Метаморфозы*. VII.1.138—139; *Орфическая аргонавтика*. 755—1012.

² *Геродот*. IV.110—117.

1) Эта часть легенды содержит в себе первобытный миф об испытаниях, которые должен был пройти Диомед, чтобы получить царскую дочь, на которой хотел жениться.

2) Приворотное зелье Афродиты, подробно описанное Феокритом (*Идиллии*. II.17), использовалось по всей Греции, включая окружение Сократа (*Ксенофонт*. *Меморabilia*. III.11.17). Поскольку вертишейка живет на ивах, пищит, как змея, и откладывает белые яйца, она всегда была священной птицей луны; Ио посылает ее своим вестником к любвеобильному Зевсу (см. 56,а). В Европе одно из ее народных названий — «кукушкин муж», а кукушка включена в историю о том, как Зевс ухаживал за луной-богиней Герой (см. 12,а). Получение огня трением было симпатической любовной магией. Так, английское слово *ripk* означает одновременно «трут» и «шлюха». Эрос с факелом и стрелами относится к послегомеровскому периоду, но во времена Аполлония Родосского его капризное поведение и отчаяние Афродиты превратились в литературную шутку (см. 18,а), которую Апулей только развил в своих «Метаморфозах» (*Сказка об Амуре и Психее*).

3) Бытовавший у колхов обычай заворачивать покойников в шкуры и оставлять их на вершинах ив напоминает обычай парсов оставлять покойников на площадках, где их поедают стервятники, чтобы не осквернять священный огонь — дар солнца — актом сожжения. Аполлоний Родосский напоминает об этом, очевидно, для того, чтобы подчеркнуть заботу Пелия о тени Фрикса: будучи греком, он никак не мог согласиться с оправданностью такого погребального обряда. Огнедышащие быки Ээта напоминают тех бронзовых быков, в которых заживо зажаривал пленников тиран Фаларид из Агригента, родосской колонии, — вероятно, в честь бога Гелиоса, чьим символом был бронзовый бык (*Пиндар*. *Пифийские оды*. I.185 и схолии). Правда, посеянные люди, с которыми сражался Ясон, являются инородным вкраплением в рассказ. Если

понятно, почему Кадм, будучи ханаанейским пришельцем, должен был сражаться с пеласгами-автохтонами, когда вторгся в Беотию (см. 58, g), то Ясон как местный кандидат в цари скорее должен был исполнить задания, которые получил Килхвух, а именно: вспахать поле, засеять его и сжать урожай в один день (см. 148, 5). Этот ритуал разыгрывался в день летнего солнцезворота. После этого он должен был побороться с быком и разыграть бой с мужчинами, одетыми в диких зверей. Добывание им золотого руна аналогично добыванию Гераклом золотых яблок, которые охранял такой же недремлющий дракон (см. 133, a). По крайней мере, четыре подвига Геракла Ясон обязан был совершить как кандидат в цари (см. 123, 1; 124, 2; 127, 1; 129, 1).

4) Ясон и Геракл, по сути дела, один и тот же персонаж, по крайней мере в контексте мифа о брачных испытаниях. Элементы первого и седьмого подвигов Геракла сохраняются здесь в убийстве Мариандинского вепря и Кизикского льва, причем оба убийства должен был совершить Ясон.

5) Колхидский крокус Медуи — это ядовитый *colchicum*, или луговой шафран, который древние использовали, как и сейчас, в качестве верного средства против подагры. Колдовские представления о нем обязаны Медуе и ее репутации.

6) Савроматы были скифскими лучниками и конниками, кочующими по степям (см. 132, 4), поэтому нет ничего удивительного в том, что Ээт засмеялся, услышав, что Ясон собирается покорить их с помощью своей тяжеловооруженной пехоты.

[а] Сохранилось много различных рассказов о возвращении «Арго» в Фесалию, хотя принято считать, что по совету Финея аргонавты поплыли по Понту Эвксинскому против движения солнца. Некоторые говорят, что, когда Ээт нагнал их близ устья Дуная, Медея убила своего сводного брата Апсирта, которого она заманила на корабль и, разрезав его на куски, побросала их за борт. Эта жестокая выдумка задержала преследователей, поскольку Ээт вынужден был вылавливать куски тела своего сына, чтобы похоронить его в Томах¹. Говорят, что по-настоящему сводного брата Меден звали Эгиалей, а *Апсирт* означает «изрубленный» и свидетельствует о том, что с ним произошло после смерти². Есть и такие, кто считает, будто преступление совершилось в Эе, и добавляют, что Ясон так же убил Ээта³.

[b] В самом обстоятельном и толковом рассказе говорится, что Апсирт, посланный Ээтом в погоню за Ясоном, нагнал «Арго» у устья Дуная. Там аргонавты решили оставить Медею на несколько дней на близлежащем острове, посвященном Артемиде, на попечение местной жрицы. За это время царь бригов должен был рассудить дело и решить, возвращаться ли ей домой или следовать с Ясоном в Грецию, а также объявить, кому будет принадлежать золотое руно. Но Медея отправила тайное послание Апсирту, в котором говорила, будто ее насильно похитили, и умоляла спасти. Ночью, когда Апсирт появился на острове и тем самым нарушил перемирие, Ясон поразил его ударом меча в спину. После чего он обрубил его конечности и, трижды слизывая пролившуюся кровь, сплевывал ее, чтобы сбить со следа дух убитого. Как только

Медеея вновь оказалась на борту «Арго», аргонавты напали на оставшихся без предводителя колхов, рассеяли их корабли и бежали⁴.

[с] Одни поговаривают, что после смерти Апсирта «Арго» повернул назад и поднялся по реке Фасис в Каспийское море, а оттуда в Океан на востоке и вернулся в Средиземное море через озеро Тритон⁵. Другие говорят, что он поднялся по Истру, а затем спустился по реке Эридан в Адриатическое море⁶. Но бури понесли его вдоль всего побережья Италии к острову Кирки под названием Эя. Третьи настаивают на том, что корабль поплыл вверх по Истру и по реке Эридан спустился прямо к острову Кирки, пройдя еще довороты в том месте, где Эридан соединяется с могучим Роданом⁷.

[d] Четвертые заявляют, что аргонавты прошли вверх по Танансу до самого его истока, а затем волоком перетащили судно в другую реку, которая течет на север и впадает в Финский залив, или что они поднялись по Истру и волоком перебрались к истоку Эльбы, потом, несомые этой рекой, оказались в Ютландии. Оттуда они взяли курс на запад, к Океану, миновали Британию и Гиберию и достигли острова Кирки, пройдя между Геракловыми столпами и вдоль побережья Иберии и Галлии⁸.

[e] Однако вряд ли такие пути были возможны. На самом деле «Арго» вернулся через Босфор своим прежним путем и благополучно миновал Геллеспонт потому, что троянцы уже не могли им помешать. Дело в том, что Геракл по пути из Мисии собрал флот из шести кораблей (предоставленных долионами и их союзниками перкотами) и, поднявшись по реке Скамандр, под покровом темноты неожиданно напал на троянский флот и уничтожил его. Затем он проложил себе путь в Трою и потребовал, чтобы царь Лаомедонт вернул ему питавшихся людьми кобыл царя Диомеда, которых тот оставил ему на попечение несколько лет назад. Когда Лаомедонт ответил, что даже слыхом о таких кобылах не слыхивал, Геракл убил его и всех его сыновей, кроме младенца Подарка или Приама, которого поставил вместо Лаомедонта царем⁹.

[f] Ясона и Медееи больше не было на «Арго». Кусок священного дуба на корабле вновь стал пророчествовать. На этот раз он отказался везти аргонавтов до тех пор, пока они не очистятся от совершенного убийства. Поэтому от устья Истра они отправились в Эю пешком. На этом острове жила тетка Медееи Кирка. Это была не кампанская Эя, куда Кирка перебралась на жительство потом, а ее бывшее истрийское владение. Медеея повела туда Ясона по пути, которым гипербореи ежегодно отправляют на Делос свои завернутые в солому дары. Кирка,

к которой они пришли просителями, нехотя совершила над ними очистительный обряд, используя для этого кровь молодой свиньи¹⁰.

[g] Преследовавшие их колхи, которым был дан наказ не возвращаться без Медей и руна, догадались, что она отправилась к Кирке, чтобы очиститься от совершенного убийства, поэтому решили следовать за «Арго» по всему Эгейскому морю, вокруг Пелопоннеса и вдоль всего Иллирийского побережья, правильно рассчитав, что Медея и Ясон условились, чтобы «Арго» забрал их с Эи¹¹.

[h] Некоторые, правда, говорят, что Апсирт все еще был во главе колхидского флота и что Медея заманила его в ловушку и убила на одном из Иллирийских островов, которые теперь называются Апсиртидами¹².

¹ Аполлодор. I.9.24; Овидий. Трестии. III.9; Стефан Византийский под словом *Toteus*. Цицерон. О природе богов. III. 19; Юстин. XLII.3; Диодор Сицилийский. IV.45,48.

³ Еврипид. Медея. 1334; Диодор Сицилийский. IV.48.

⁴ Аполлоний Родосский. IV.212—502.

⁵ Пиндар. Пифийские оды. IV.250 и след.; Мимнерм. Цит. по: Страбон. I.2.40.

⁶ Аполлодор. I.9.24; Диодор Сицилийский. IV.56.7—8.

⁷ Аполлоний Родосский. IV.508—660.

⁸ Тимей. Цит. по: Диодор Сицилийский. IV.56.3; Орфическая аргонавтика. 1030—1204.

⁹ Диодор Сицилийский. IV.48; Гомер. Одиссея. XII.69 и след., Илиада. V.638. и след.

¹⁰ Аполлодор. Цит. соч.; Геродот. IV.33; Аполлоний Родосский. IV.659—717.

¹¹ Гигин. Мифы. 23; Аполлодор. Цит. соч.

¹² Страбон. VII.5.5.

1) Сочетание западного и восточного путешествий никого не смущало до тех пор, пока географические знания греков не расширились и не открылось непримиримое противоречие основных элементов повествования, а именно: добыча золотого руна на берегах реки Фасис и очищение Медей и Ясона Киркой, которая жила или в Истрии, или на западном побережье Италии. Но поскольку ни один историк не мог обидеть публику, объявив плавание аргонавтов сказочным, то сначала предположили, что аргонавты возвращались из Понта Эвксинского через Истр в Адриатическое море, потом было сделано предположение о некоем пути из Истра по реке Эридан (ныне По), по которому «Арго» мог спуститься к морю.

Еще позднее, когда оказалось, что Истр судоходен только до Железных ворот и не соединяется с Эриданом, «Арго» пришлось подниматься вверх по Фасису в Каспийское море, оттуда — в Океан на востоке и возвращаться домой по «потoku Океана» и озеру Тритон.

2) Поскольку третий путь также был признан невозможным, мифографы предложили для «Арго» путь к верховьям Танаиса (ныне Дон), который, как считалось, вытекал из Финского залива, откуда «Арго» мог обогнуть Европу и вернуться в Грецию через Гибралтар. Можно было еще каким-нибудь образом достичь Эльбы, плывя по Истру, а потом, воспользовавшись продолжительным волоком по Эльбе, достичь моря и плыть вдоль берега мимо Гибернии и Иберии. Диодор Сицилийский, которому хватило здравого смысла признать, что «Арго» мог вернуться только через Босфор, т. е. тем же путем, которым он шел в Понт Эвксинский, подходит к этой проблеме наиболее реалистично и делает блестящую догадку, утверждая, что Истр, нынешний Дунай, часто путают с Истром — небольшой речушкой, впадающей в Адриатическое море около Триеста. Действительно, даже во времена Августа географ Помпоний Мела мог писать (II.3.13, 4.4), что западный приток Истра—Дуная впадает в Адриатическое море мощным потоком, сходным с По. Захват руна, преследование колхами и смерть Апсирта первоначально должны были произойти в северной части Адриатического моря. Овидий предпочитал верить, что Апсирт был убит в устье Истра и погребен в Томах, поскольку именно там было суждено умереть ему самому.

3) Эя (см. 170,i—1; 5), как утверждают, принадлежала Хрису, отцу Миния и прадеду Фрикса, а *chrysoys* означает «золотой». Вполне может быть, что именно дух Хриса, а не дух Фрикса распорядился, чтобы минийцы умилоствовали его, захватив руно. Согласно Страбону, Фриксу как герою принадлежало святилище мосхов на Понте Эвксинском, «где не приносят в жертву барана». Такое утверждение могло иметь более позднюю основу в виде славы, которую обрел рассказ о плавании «Арго». Даже римляне строили храмы греческим героям, фиктивно введенным в их собственную историю.

4) Имя Апсирт, запечатлевшее разбрасывание его останков по течению, возможно, было местным именем Орфея, после того как тот был расчленен менадами (см. 28,d).

5) Валерий Флакк и Диодор Сицилийский свидетельствуют о том, что Геракл разграбил Трою на пути в Колхиду, а не при возвращении домой, но такое утверждение может быть и ошибочным.

[а] Прибыв в Коркиру, которая тогда называлась Дрепаной, колхи обнаружили, что «Арго» стоит напротив островка Макрида, а вся команда весело празднует благополучное окончание плавания. Предводитель колхов отправился к царю Алкиною и царице Арете, требуя от имени Ээта выдачи Медеи и золотого руна. Арета, к которой Медея обратилась за защитой, всю ночь жаловалась Алкиною на то, как часто отцы бывают жестоки к своим заблудшим дочерям, и приводила такие примеры, как жестокость Никтея к Антиопе или Акрисия к Данае. «Даже сейчас, — сказала она, — бедная царевна Метопы томится в тюрьме в Эпире по приказу своего млодоеда-отца — царя Эхета! Сначала ее ослепили медной спицей, а потом усадили молотить железные зерна тяжелой ручной мельницей. „Когда зерна превратятся в муку, я верну тебе зрение“, — посмеялся над бедной девушкой Эхет. Ээт способен столь же варварски отнестись к милой Медее, если ты ему, конечно, позволишь»¹.

[b] Наконец Арета добилась, чтобы наавтра Алкиной вынес следующее решение: «Если Медея все еще девушка, то ей надлежит вернуться в Колхиду, а если нет, то она может остаться с Ясоном». Оставив его досыпать, Арета отправила к Ясону глашатая с сообщением о решении Алкиной. Узнав все, Ясон без промедления женился на Медее в пещере Макриды, дочери Аристия и бывшей кормилицы Диониса. Аргонавты отпраздновали свадьбу, устроив богатый пир и расстелив на брачном ложе золотое руно. Утром, как и было сказано, царь объявил свое решение. Ясон признался, что Медея — его жена, и колхи оказались ни с чем. Не сумев выполнить приказа Ээта и боясь вернуться

домой с пустыми руками, часть их осела в Коркире, а остальные заселили те Илирийские острова Кирки рядом с Эей, которые теперь называют Аписиртидами, а затем на Истрийском материке построили город Пола².

[c] Когда год или два спустя Ээт узнал обо всем происшедшем, он чуть не умер от злости и отправил глашатая в Грецию с требованием выдать Медею и возместить причиненный ему ущерб. В ответ же он услышал, что никто еще не заплатил за Ио, похищенную людьми из племени Ээта (хотя на самом деле она бежала, потому что ее преследовал овод), поэтому никто не будет платить и за добровольный отъезд Медеи³.

[d] Ясону оставалось только обогнуть мыс Малей и вернуться с руном в Иолк. Он благополучно проплыл мимо острова сирен, где восхитительное пение этих женщин-птиц Орфей заглушил еще более прекрасной игрой на лире. Только лишь Бут прыгнул за борт, желая добраться до берега, но его спасла Афродита, отнесла его в Лилибей, а оттуда — на гору Эрикс, где он стал ее возлюбленным. Кое-кто говорит, что сирены, уже потерявшие крылья из-за поражения в песенном соревновании с музами, устроенном Герой, совершили самоубийство, не сумев очаровать Орфея, однако когда спустя целое поколение Одиссей посетил их остров, они все еще были там⁴.

[e] Аргонавты, пользуясь прекрасной погодой, поплыли дальше вдоль берега восточной Сицилии. Там они увидели белоснежных быков Гелиоса, пасшихся на берегу, но не стали их похищать⁵. Неожиданно налетел ужасный северный ветер, который за девять дней отнес их к самой дальней части Ливии. Там огромная волна перенесла «Арго» через опасные скалы, стоявшие вдоль побережья, а потом откатилась, осторожно опустив корабль в миле от берега. Везде, куда ни глянешь, лежала безжизненная пустыня, и аргонавты уже приготовились к смерти, но трехликая богиня Ливия, явившаяся Ясону во сне одетой в козьи шкуры, вселила в него надежду. Аргонавты вновь ободрились и, подняв «Арго» на плечи, в течение двенадцати дней несли его к соленому озеру Тритон, которое располагалось в нескольких милях. Все они умерли бы от жажды, если бы не источник, забивший благодаря Гераклу, который побывал в этих местах, когда шел за яблоками гесперид⁶.

[f] Здесь Канфа убил Кафавр, гарамантский пастух, защищая свою отару, но спутники Канфа отомстили за его смерть⁷. Не успели мертвецов предать земле, как Мопс наступил на ливийскую змею, и та укусила

его в пятю. Его глаза заволокло туманом, волосы стали выпадать, и он умер в агонии. Аргонавты, предав Мопса земле как героя, вновь пали духом, потеряв надежду найти путь к озеру⁸.

[g] Однако Ясон, прежде чем отправиться в плавание, обратился к пифии в Дельфах, которая дала ему медный треножник. Им Орфей посоветовал умиловить богов этой земли. Когда они так и поступили, явился бог Тритон и, сказав лишь слова благодарности, забрал треножник, но Эвфем загородил ему путь: «Умоляю, мой господин, укажи нам путь к Средиземному морю!» Вместо ответа Тритон показал рукой в сторону реки Такапы, но потом, подумав, дал ему комок земли, который по сей день сохраняет за потомками Эвфема власть над Ливией. Эвфем отблагодарил бога за этот дар, принеся в жертву овцу. Тритон же согласился тянуть «Арго» за киль до самого моря, а уходя, предсказал, что, если потомок одного из аргонавтов унесет медный треножник из его храма, вокруг озера Тритон возникнет сто греческих городов. Ливийские троглодиты^{129*}, услышав эти слова, тут же спрятали треножник в песке, и пророчество Тритона до сих пор не сбылось⁹.

[h] Взяв курс к северу, аргонавты достигли Крита, где им помешал высадиться на берег бронзовый великан Талос, созданный Гефестом; по своему обычаю, Талос стал швырять в «Арго» камни. Тогда Медея, ласково обратившись к чудовищу, пообещала сделать его бессмертным, если он пригубит ее волшебный напиток. Но напиток был снотворным, и пока великан спал, она вытащила бронзовый гвоздь, который затыкал единственную вену, шедшую от шеи к щиколотке. Из отверстия полился божественный ихор — бесцветная жидкость, служившая Талосу кровью, и он умер. Некоторые, правда, говорят, что очарованный глазами Медеи Талос зашпатель, задел пятой за скалу и умер оттого, что потерял много крови. Другие считают, что Пеант поразил его в пятю стрелой¹⁰.

[i] На следующую ночь «Арго» попал в палетевшую с юга бурю, но Ясон призвал Аполлона, который послал луч света, осветивший с правого борта остров Анафа — один из Sporадских островов, и Анкею удалось пристать к берегу. В благодарность Ясон воздвиг алтарь Аполлону, а двенадцать девушек-рабынь, подаренных Медее царицей Арейтой, весело смеялись при виде того, как Ясон и его товарищи из-за

^{129*} Троглодиты (греч. troglodyti — «жители пещер») — в древности общее название народов, находившихся на низком уровне развития культуры, живущих в землянках и пещерах. Геродот так называет племя в Эфиопии, питавшееся пресмыкающимися.

отсутствия жертвы совершали возлияния водой на горящие поленья жертвенного костра. В ответ аргонавты стали над ними посмеиваться и распускать руки — этот обычай сохранился до сих пор в обряде праздника осени в Анафе.

[j] На пути в Эгину аргонавты придумали соревнование: кто первым наполнит кувшин водой и принесет его на корабль. Жители Эгины до сих пор состязаются в таком беге. Добраться же от Эгины до Иолка было уже совсем нетрудно — множество судов проходят этот путь ежегодно. Воспользовавшись хорошей погодой, они благополучно добрались до своего города ¹¹.

[k] Некоторые поэты располагают эти события в другой последовательности. Одни говорят, что аргонавты заселили Лемнос не тогда, когда плыли в Колхиду, а на пути домой ¹². Другие считают, что они оказались в Ливии до начала плавания в Эю, когда Ясон отправился на «Арго» за советом к Дельфийскому оракулу и внезапная буря отнесла его далеко в сторону ¹³. Третьи утверждают, что они плыли вдоль западного побережья Италии, и называют бухту на острове Эфалия, где высаживались аргонавты, Аргойской — в честь корабля «Арго», а капли пота, которые они стирали с себя на берегу, превратились в камешки различной формы. Говорят также, что они основали храм Аргивской Геры в Левкании и, как Одиссей, проплыли между Скиллой и Харибдой, а Фетида и ее нерсиды провели их мимо огнедышащих Планкт, или блуждающих скал, которые теперь прочно прикреплены к морскому дну ¹⁴.

[l] Четвертые утверждают, что Ясон и его спутники обследовали земли вокруг колхидской Эи, дошли до Мидии, а один из них, фессалиец Армен с озера Беба, осел в Армении и дал название всей стране. В подтверждение этого они говорят, что героические монументы в честь Ясона, воздвигнутые Арменом у Каспийских ворот, очень почитались варварами, а сами армяне до сих пор носят древние фессалийские одежды ¹⁵.

¹ *Аполлоний Родосский*. IV.1090—1095; *Гомер*. *Одиссея*. XVIII.83, XXI.307 и схолии;

² *Страбон*. I.2.39, VII.5.5; *Аполлоний Родосский*. IV.511—521; *Гигин*. *Мифы*. 23; *Аполлодор*. I.9.25; *Каллимах*. Цит. по: *Страбон*. I.2.39.

³ *Геродот*. I.1.

⁴ *Павсаний*. IX.34.2; *Страбон*. VI.1.1; Орфическая аргонавтика. 1284; *Гомер*. Цит. соч. XII.1—200.

- ⁵ *Аполлоний Родосский*. IV.922—979; Орфическая аргонавтика. 1270—1297; *Гигин*, Цит. соч. 14.
- ⁶ *Аполлоний Родосский*. IV.1228—1460.
- ⁷ *Гигин*. Цит. соч.; *Аполлоний Родосский*. IV.1461—1495; *Валерий Флакк*. VI.317, VII.422.
- ⁸ *Цец*. Схолии к Ликофрону. 881; *Аполлоний Родосский*. IV.1518—15.36.
- ⁹ *Пиндар*. Пифийские оды. IV.17—39, 255—261; *Аполлоний Родосский*. IV.1537—1628; *Диодор Сицилийский*. IV.56.6; Орфическая аргонавтика. 1335—1336; *Геродот*. IV.179.
- ¹⁰ *Аполлодор*. I.9.26; *Аполлоний Родосский*. IV.1639—1693; Орфическая аргонавтика. 1337—1340; *Лукиан*. О пляске. 49.
- ¹¹ *Аполлоний Родосский*. IV.1765—1772; *Аполлодор*. Цит. соч.; Орфическая аргонавтика. 1344—1348.
- ¹² *Пиндар*. Цит. соч. IV.252.
- ¹³ *Геродот*. VII.193.
- ¹⁴ *Страбон*. V.2.6, VI.1.1; *Аполлодор*. I.9.24; *Аполлоний Родосский*. IV.922.
- ¹⁵ *Страбон*. XI.14.12, 13.10.

1) Миф о Метопе, который и Гомер и Аполлоний Родосский приводят не полностью, очень похож на миф об Арне (см. 43,2) и Антиопе (см. 76,b). Вероятно, этот персонаж был навеян изображением богини судьбы, сидящей в глубинах земли; ее ручная мельница — это мировая мельница, вокруг которой вращается звездная система. Аналогичная мельница появляется в скандинавской Эдде, где ее вращают великанши Фенья и Менья. В Библии (Суд. 16:2) мельницу вращает ослепленный тирский солнечный герой Самсон. Деметра, богиня мельниц, считалась подземной богиней.

2) Свидетельство Геродота о посольстве Ээта к грекам не имело бы смысла, если бы он не заявил, что аргивянка — царская дочь Ио — не бежала в Колхиду, потеряв рассудок, в образе телки (после египтяне стали ее почитать как богиню Исиду; см. 56,b), а была захвачена колхами во время набега (сами колхи, по Геродоту, происходят из воинов Сесострисова войска, вторгшегося в Азию) и затем продана в Египет.

3) Три сирены (правда, Геродот называет только двух) были поющими дочерьми Земли, которые заманивали моряков на «светлые луга» своего острова, где «человечьих белесет много костей» (*Одиссея*. XII.45,184 и след.). Их изображали в виде женщин-птиц, и они имеют много общего с птицами Рианнона, которые встречаются в уэльских мифах. Эти

птицы оплакивают Брана и других героев. Землю сирен разумнее всего представить как остров мертвых, который встречает тень царя-жреца, как, например, остров Авалон короля Артура (см. 31,2). Сирены были одновременно жрицами, которые оплакивали царя, и птицами, которые обитали на острове и прислуживали богине смерти. Как таковые они принадлежали доолимпийскому культу. Вот почему говорят, что они потерпели поражение в состязании с дочерьми Зевса — музами. Их помещают то у мыса Пелориады, то на скале Сиренусы близ Капреи (Страбон. I.2.12). Изображение двух сирен вырезали на надгробьях еще во времена Еврипида (Елена. 167). Изображение сирен в виде русалок появилось уже в послеклассическую эпоху.

4) Стадо Гелиоса состояло из трехсот пятидесяти голов; это был подарок его матери, луны-богини (см. 41,1; 170,10). Несколько колоний выходцев из Коринфа и Родоса, где поклонялись небесному быку Гелиоса, существовало на Сицилии. Одиссею Гелиос известен под именем Гиперион (см. 170,и).

5) Озеро Тритон некогда было огромным внутренним морем, которое поглотило неолитическую Атлантиду и с тех пор постоянно уменьшалось. Хотя в классическую эпоху оно еще имело значительные размеры — географ Скиллакс^{130*} считал, что его площадь равна девятистам квадратным милям, — сейчас это лишь полоска соленых болот (см. 39,6). Нейт, одетая в шкуры трехликая ливийская богиня, предшествовала Афине с ее эгидой (см. 8,1).

6) Мопс, смерть которого от укуса в пятку типична в мифологии (см. 106,г; 117,с; 168,е), появляется также в мифе о Деркетто (см. 89,2), т. е. Диктинне филистимлян. Другой Мопс, внук Тиресия, остался жив во время Троянской войны (см. 169,с).

7) Кафавр — довольно странное имя для Ливии; *carphaura*, по-арабски «камфара», не растет в Ливии, однако мифографам всегда не хватало географических знаний.

8) Талос — медный гигант. Он представляет собой довольно сложный персонаж: частью небесный бык, частью царь-жрец с уязвимой пяткой, а частью — результат бронзового литья с помощью восковой модели (см. 92,8).

9) Принесение в жертву воды в Анафе напоминает жертвы, которые древние евреи приносили в день ивы — вершины праздника кущей,

^{130*} Скиллакс из Карианды (умер после 480 до н. э) — мореплаватель и географ.

когда из Силоамского источника торжественно приносили воду, устраивая пышное шествие. Бег с водой в Эгипте мог быть похожей церемонией. Праздник кущей начинался как праздник осеннего урожая, и, согласно Талмуду, фарисеи с трудом могли справиться с традиционным «легкомыслием» женщин.

10) «Камешки различной формы» — самородное железо, которое до сих пор находят на берегах острова Эльба.

11) Фетида провела «Арго» между Планкт, стоящих у входа в Мессинский пролив, так же, как Афина провела корабль через Планкты у входа в Босфор. Одиссей обошел их, выбрав путь через Скиллу и Харибду (см. 170,t). Западные Планкты — это Липарские острова вулканического происхождения.

12) Армения означает Ар-Минни («горная страна Минни»). Иеремия призвал Минни (51, 27) сразиться против Вавилона. Исторически Армения никакого отношения к Армену с озера Беба не имеет. Но Минни — это, очевидно, Миний, которого Иосиф^{131*} (*Древности*. I.1.6) упоминает при описании Носва потопа, и имя фессалийского Миния, предка миниев, предполагает довольно обоснованную связь между Арменией и Фессалией.

^{131*} Иосиф Флавий (Йосеп бар-Матитьяху; около 37—100 н. э.) — еврейский историк из Иерусалима. Участвовал в Иудейской войне, в 67 г. попал к римлянам в плен и состоял у них на службе. До конца своих дней жил в Риме. Писал на греческом языке. Самые знаменитые и авторитетные исторические сочинения — «Иудейская война» (в 7 книгах) и «Иудейские древности» («Древняя история Израиля»; в 20 книгах).

|
Судьба Медеи
|

[а] Одним осенним вечером аргонавты вновь пристали к запомнившемуся им навсегда берегу Пагасейского залива, но увидели, что никто их не встречает. В Фессалии действительно поговаривали, что аргонавтов уже нет в живых. Пелий даже осмелился убить родителей Ясона — Эсона и Полимелу — и их маленького сына Промаха, родившегося уже после отплытия «Арго». Эсон испросил разрешения лишить себя жизни самому и, получив его, выпил бычьей крови и испустил дух. При виде мертвого супруга Полимела зарезалась или, как некоторые говорят, повесилась, успев проклясть Пелия, безжалостно разбившего голову Промаха об пол дворца¹.

[б] Ясон, услышав эту скорбную историю от одинокого лодочника, запретил ему сообщать о возвращении «Арго» и созвал военный совет. Все его товарищи были того мнения, что Пелий заслуживает смерти, но, когда Ясон потребовал немедленно пойти на приступ Иолка, Акаст сказал, что он вряд ли сможет пойти против своего отца; тогда другие заметили, что лучше будет разойтись по домам, а потом, если возникнет необходимость, собрать отряды для войны на стороне Ясона. Иолк действительно имел слишком большой гарнизон, чтобы его мог взять приступом такой небольшой отряд, как аргонавты.

[с] Медея же пообещала взять город в одиночку. Она велела аргонавтам спрятать корабль и спрятаться самим на каком-нибудь лесистом и пустом берегу в пределах видимости Иолка. Если над крышей дворца в Иолке станут размахивать факелом, то это будет означать, что Пелий мертв, ворота открыты и они могут делать с городом все, что угодно.

[d] Во время посещения Анафы Медея обнаружила полуую статую Артемиды и погрузила ее на «Арго». Теперь она одела своих двенадцать феакийских рабынь в довольно странные одежды и пошла во главе их к Иолку, причем статую Артемиды рабыни несли по очереди. Подойдя к городским воротам, Медея, придавшая себе вид дряхлой старухи, потребовала от стражей пропустить их. Она кричала пронзительным голосом, что богиня Артемида явилась из туманной земли гипербореев в колеснице, запряженной крылатыми змеями, чтобы принести счастье Иолку. Озадаченные стражи не посмели послушаться, а Медея со своими рабынями стала носиться по улицам, подобно менадам, приводя жителей в религиозное неистовство.

[e] Пробудившись ото сна, Пелий со страхом спросил, что хочет от него богиня. Медея ответила, что Артемида хочет отблагодарить его за благочестие и вернуть ему молодость, чтобы он смог зачать наследников вместо блудного сына Акаста, который недавно утонул вместе с кораблем у берегов Ливии. Когда Пелий засомневался в правдивости ее слов, Медея, стерев с лица следы старости, вновь стала юной на его глазах. «Такова сила Артемиды!» — вскричала она. Затем Пелий стал свидетелем того, как она на его глазах разрежала на тринадцать кусков старого барана и сварила его в котле. С помощью колхидских заклинаний, которые царь принял за гиперборейские, и торжественных призывов в помощницы Артемиды Медея сделала вид, что омолодила мертвого барана, а на самом деле ей удалось спрятать резвого ягненка внутри полого изваяния богини. Пелий, теперь уже полностью поверивший обману, согласился лечь на ложе, где под чарами Медеи он погрузился в глубокий сон. Затем она приказала его дочерям, Алкестиде, Эвадне и Амфиноме, разрезать его на куски так же, как она только что разрежала барана, и сварить все куски в том же котле.

[f] Алкестиде отказалась пролить кровь родного отца, какими бы благиими ни были намерения Медеи, но та, еще раз продемонстрировав свою магическую силу, убедила Эвадну и Амфиному решительно взяться за ножи. Когда все было сделано, она отправила их на крышу с факелами в руках и объяснила, что они должны взывать к луне, пока вода в котле закипит. Из своего укрытия аргонавты увидели свет факелов и, обрадовавшись сигналу, ринулись в Иолк, где не встретили никакого сопротивления.

[g] Ясон, боясь мести со стороны Акаста, оставил ему трон и не оспаривал решение совета Иолка изгнать его, поскольку у него была надежда найти себе где-нибудь трон побогаче².

[h] Кое-кто отрицает, что Эсон был вынужден лишить себя жизни, утверждая, что, наоборот, Медея, выпустив из него старую кровь, с помощью волшебного эликсира вернула ему молодость, как она вернула молодость Макриде и ее сестре — нимфе с острова Коркира. Представив его крепким и бодрым перед Пелием у ворот дворца, она убедила царя сделать с собой то же самое, но обманула его, пропустив нужные заклинания, и он умер жалкой смертью³.

[i] На погребальных играх в честь Пелия, состоявшихся на следующий день, Эвфем выиграл в состязании колесниц, запряженных парой лошадей, Полидевк стал победителем в кулачном бою, Мелеагр дальше всех метнул копье, Пелей победил в борьбе, Зет — в беге на короткие расстояния, его брат Калаид или, как некоторые считают, Ификл победил на длинной дистанции, а Геракл, к тому времени вернувшийся от гесперид, выиграл бой на выносливость. Но в состязаниях на квадригах победителем стал колесничий Геракла Иолай. Главк, сын Сисифа, был пожран его же лошадьми, которых богиня Афродита лишила рассудка с помощью гипномана⁴.

[j] Что до дочерей Пелия, то Алкестида вышла замуж за Адмета из Фер, которому она давно была обещана; Эвадну и Амфиному Акаст изгнал в Мантинию, что в Аркадии, где после очищения они нашли себе почтенных мужей⁵.

¹ Диодор Сицилийский. IV.50.1; Аполлодор. I.9.16,27; Валерий Флакк. I.777.

² Аполлодор. I.9.27; Диодор Сицилийский. IV.51.1—53.1; Павсаний. VIII.11.2; Плавт. Псевдол. III.868 и след.; Цицерон. О старости. XXIII.83; Овидий. Метаморфозы. VII.297—349; Гигин. Мифы. 24.

³ Краткое содержание «Медеи» Еврипида; Овидий. Цит. соч. VII.251—350.

⁴ Павсаний. V.17.9; Гигин. Цит. соч. 278.

⁵ Диодор Сицилийский. IV.53.2; Гигин. Цит. соч. 24; Павсаний. VIII.11.2.

1) Критяне и микенцы использовали сильно разведенную бычьую кровь как магическое средство для повышения урожая хлебов и деревьев. Не боясь отравиться, бычьую кровь без разведения могли пить только жрицы матери-Земли (см. 51,4).

2) Мифографы классической эпохи не могли для себя решить, что было в Медее от иллюзионистки, что от надувательства, а что от магии. «Котел омоложения» встречается повсеместно в кельтских мифах

(см. 148,5—6). Вот почему Медея называет себя гиперборейской богиней, т. е. богиней с Британских островов.

3) Запряженная змеями — змеи обитают в подземном мире — колесница Меден была крылатой, потому что Медея одновременно была и богиней земли, и богиней луны. Здесь она появляется в виде триады Персефона—Деметра—Геката, т. е. трех дочерей Пелия, умерщвляющих своего отца. В классическую эпоху запряженная змеями колесница была уже бесспорной собственностью Гелиоса, и в поздних мифах о Медее и Тессе (см. 154,d) Гелиос на время отдает ее своей внучке Медее, да и то потому, что ей угрожает смерть (см. 156,d).

4) Каллимах склонен был отдать первенство в беге на погребальных играх в честь Пелия охотнице Кирене (см. 82, а) .

[а] Ясон сначала отправился в беотийский Орхомен, где повесил золотое руно в храме Зевса Лафистия; затем он причалил на «Арго» к берегу близ коринфского Истма, где принес корабль в жертву Посейдону.

[b] Теперь Медея была единственной из оставшихся в живых детей Ээта, законного наследника коринфского трона, который он, переселившись в Колхиду, оставил некоему Буну. Поскольку Коринф, сын Марафона, называвший себя «сыном Зевса» и захвативший коринфский трон, умер, не оставив наследников, Медея предъявила свои права на трон, и жители Коринфа признали Ясона царем. Но, просидев на троне десять удачных и счастливых лет, Ясон стал подозревать, что Медея добыла ему этот трон, отравив Коринфа. Поэтому он решил развестись с ней и жениться на Главке Фиванской, дочери царя Креонта.

[с] Хотя Медея и не отказалась от совершенного ею преступления, но напомнила Ясону о том, как в Эе он клялся ей в верности всеми богами. Когда же он заявил, что силой вырванная клятва недействительна, она заметила, что коринфский трон также достался ему с ее помощью. На что он ответил: «Это правда, но жители Коринфа привыкли уважать меня, а не тебя». Видя, что он упорствует, Медея с притворным покорством отправила Главке свадебный подарок, изготовленный руками царских детей (ведь к тому времени Медея родила Ясону семерых сыновей и семерых дочерей), — золотую корону и длинное белоснежное одеяние. Стоило Главке надеть их на себя, как незатухающее пламя охватило не только ее (хотя она с головой бросилась в дворцовый фонтан), но и царя Креонта, многих других уважаемых гостей из Фив

и всех других, оказавшихся во дворце. Самому Ясону удалось спастись, выпрыгнув из окна верхнего этажа.

[d] Зевс, оценивший мужество Медеи, влюбился в нее, но она отвергла его домогательства. Гера была рада: «Я сделаю твоих детей бессмертными, — заявила она, — если ты положишь их на жертвенный алтарь моего храма». Медея так и поступила, а потом бежала на колеснице, запряженной крылатыми змеями, которую ей одолжил ее дед Гелиос. Перед тем как скрыться, она завещала трон Сисифу¹.

[e] Сохранилось имя только одной дочери Медеи и Ясона — Эриопида. Ее старший сын Мед или Поликсен, учившийся у Хирона на горе Полион, стал впоследствии правителем Мидии. Правда, отцом Меда иногда называют Эгея². Остальных сыновей звали Мермер, Фер или Фессал, Алкимен, Тисандр и Арг. Всех их побили камнями коринфцы, возмущенные убийством Главки и Креонта. В искупление этого преступления семь девушек и семеро юношей в черных одеждах и с бритыми головами провели целый год в храме Геры на холмах, где было совершено убийство³. По велению Дельфийского оракула трупы умерщвленных детей были погребены в храме, а их души стали бессмертными, как и обещала Гера. Есть и такие, кто обвиняет Ясона в том, что он потворствовал убийству детей, но добавляют в его оправдание, что он был безмерно опечален ужасным поступком Медеи⁴.

[f] Другие же, ошибочно следуя за драматургом Еврипидом, которого коринфцы подкупили, заплатив пятнадцать талантов серебром, верят, что Медея убила только двоих своих детей⁵, а остальные погибли в огне подожженного ею дворца. В живых остались только Фессал, который потом бежал и правил Иолком (его именем стала называться вся Фессалия), и Ферет, сын которого Мермер унаследовал от Медеи искусство отравления⁶.

¹ Диодор Сицилийский. IV.54; Аполлодор. I.9.16; Овидий. *Метаморфозы*. VII.391—401; Птолемей Гефестион. II; Апулей. *Золотой осел*. I.10; Цец. *Схолии к Ликофрону*. 175; Еврипид. *Медея*.

² Гесиод. *Теогония*. 981 и след.; Павсаний. II.3.7, III.3.7; Гигин. *Мифы*. 24,27.

³ Аполлодор. I.9.28; Павсаний. II.3.6; Элиан. *Пестрые рассказы*. V.21; *Схолии к «Медее» Еврипида*. 9,264; *Филострат*. *Диалог о героях*. XX.24.

⁴ Диодор Сицилийский. IV.55; *Схолии к «Медее» Еврипида*. 1387.

⁵ Гигин. *Цит. соч.* 25; Еврипид. *Медея*. 1271; Сервий. *Комментарий к «Буколикам» Вергилия*. VIII.45.

⁶ Диодор Сицилийский. IV.54; Гомер. *Одиссея*. I.255 и след., *схолии*.

1) Количество детей у Медеи похоже на количество титанов и титанид (см. 1,3; 43,4), но четырнадцать мальчиков и девочек, которые круглый год содержатся в храме Геры, могут обозначать четные и нечетные дни первой половины священного месяца.

2) Смерть Главки, возможно, была навеяна изображением ежегодного сожжения жертв в храме Геры, наподобие того, который Лукиан описал в Гиераполе (*О сирийской богине*. 49). Но Главка должна была быть жрицей, украшенной диадемой, которая руководила сожжением, а не жертвой. Источник служил для ритуального омовения. Лукиан объясняет, что сирийская богиня была в целом такой же, как Гера, хотя кое-что в ней напоминало Афину и других богинь (Там же. 32). В данном случае Эриопида («большеглазая») указывает на волоокую Геру, а Главка («сова») — на совоокую Афину. Во времена Лукиана домашних животных вешали на ветки деревьев, сложенных кучами во дворе храма в Иерополе, и сжигали живьем. Однако смерть четырнадцати детей Медеи и искупительный обряд, совершаемый в связи с этим, говорят о том, что первоначально в жертву приносились люди. Меликерт, критский бог, который председательствовал на Истмийских играх в Коринфе (см. 70,h; 96,5), был Мелкартом («защитник города»), т. е. финикийским Гераклом, в честь которого, как можно с уверенностью утверждать, в Иерусалиме сжигали живых детей (Лев. 18:21; 20:2; 3 Цар. 11:7; 4 Цар. 23:10; 32:35). Огонь был священной стихией, делавшей жертвы бессмертными, как он сделал бессмертным самого Геракла, взошедшего на костер на горе Эта и поглощенного пламенем (см. 145,f).

3) Кто принес в жертву детей — Медея, Ясон или жители Коринфа, — этот вопрос обрел значимость позже, когда Медею перестали отождествлять с Ино, матерью Меликерта, а человеческие жертвы стали символом варварства. Поскольку любая драма, завоевывавшая приз на афинском празднике в честь Диониса, тут же приобретала религиозное значение, не исключено, что коринфяне хорошо заплатили Еврипиду за то, что он нужным образом изменил позорный для них миф.

4) Любовь Зевса к Медее, как и любовь Геры к Ясону (Гомер. *Одиссея*. XII.72; Аполлоний Родосский. III.66), говорит о том, что Зевс и Гера были титулами царя и царицы в Коринфе (см. 43,2; 68,1). Коринф, будучи сыном Марафона, называл себя «сын Зевса», а у отца Марафона Эпопея («всевидящий») жену звали так же, как и жену Зевса (Павсаний. II.1.1).

[а] Медея сначала бежала к Гераклу в Фивы, где он обещал укрыть ее, если Ясон изменит ей. В этом городе она излечила Геракла от безумия, когда он убил своих детей. Однако фиванцы не разрешили ей поселиться в их городе, потому что Креонт, которого она убила, был их царем. Тогда она отправилась в Афины, и царь Эгей с радостью на ней женился. Когда ее изгнали из Афин за попытку отравить Тесея, она поплыла в Италию и научила марубов заклинать змей. Они до сих пор поклоняются ей как богине Ангитии¹. После короткой остановки в Фессалии, где Медея потерпела неудачу, попытавшись сравниться красотой с Фетидой, о чем судил Идоменей Критянин, она вступила в брак с царем из Азии, имя которого не сохранилось и которого считают настоящим отцом Меда.

[б] Узнав, наконец, о том, что принадлежавший Эту колхидский трон захвачен ее дядей Персом, Медея отправилась вместе с Медом в Колхиду. Мед убил Перса, вновь посадил на трон Ээта и расширил царство колхов, присоединив к нему Мидию. Кое-кто считает, что к этому времени Медея уже примирилась с Ясоном, но история Медеи, конечно, была приукрашена и искажена выдумками многих авторов трагедий². На самом деле Ясон, злоупотребив благосклонностью к нему богов, чьи имена он всуе назвал, нарушив клятву, данную Медее, бродил бездомным из города в город, презираемый людьми. В старости он еще раз побывал в Коринфе, прилег в тени «Арго», вспоминая былую славу и обрушившиеся на него несчастья. Он уже было повесился на носу судна, но нос рухнул и придавил его. Корму «Арго» Посейдон поместил среди звезд, поскольку на ней не было вины в убийстве человека³.

[с] Медея не умерла, а стала бессмертной и правит на Островах Блаженных; некоторые утверждают, что это она, а не Елена вышла замуж за Ахилла⁴.

[d] Что же касается Афаманта, оказавшегося неспособным принести в жертву Фрикса, что и стало причиной плавания аргонавтов, то его самого чуть было не принесли в жертву в Орхомене во искупление греха, как того потребовал оракул Зевса Лафистия, но вовремя вернувшийся из Эи его внук Китиссор спас его. Это обидело Зевса, который объявил, что отныне старший сын Афамантидов под угрозой смерти не должен входить в пританей (совет), и это требование соблюдается до сих пор⁵.

[e] Возвращение аргонавтов породило много рассказов. Но самый поучительный из них — это рассказ о кормчем Большом Анкее. Пройдя через множество невзгод и опасностей, он вернулся в свой дворец в Тегее, где прорицатель предсказал, что ему никогда не испить вина из того винограда, который родит ранее посаженная им лоза. В день возвращения Анкея его слуга уже собрал первые грозди и приготовил вино. Анкей наполнил этим вином кубок, поднес его к губам и призвал прорицателя, чтобы опровергнуть его за неверное предсказание. Прорицатель ответил: «Господин мой, вино не во рту, пока губ не утру!» В этот момент вбежал слуга Анкея с криком: «Господин, дикий вепрь портит твой виноградник!» Анкей отставил нетронутый кубок, схватил рогатину и побежал. Притаившийся в кустах вепрь напал на него и убил⁶.

¹ Диодор Сицилийский. IV.54; Аполлодор. I.9.28; Плутарх. Тесей. 12; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VII.750.

² Диодор Сицилийский. IV.55—66; Гигин. Мифы. 26; Юстин. XII.2; Тацит. Анналы. VI.34.

³ Диодор Сицилийский. IV.55; Схолии к краткому содержанию «Медеи» Еврипида; Гигин. Поэтическая астрономия. II.XXXV.

⁴ Схолии к «Медее» Еврипида. 10, к Аполлонию Родосскому. IV.814.

⁵ Геродот. VII.197.

⁶ Схолии к Аполлонию Родосскому. I.188.

1) Аттический культ Деметры как Земли-богини породил рассказ о пребывании Медеи в Афинах (см. 97,b). Аналогичные культы объясняют ее пребывание в Фивах, Фессалии и Малой Азии. Правда, марубы могли эмигрировать в Италию из Ливии, где псиаллы хорошо владели искусством заклинания змей (Плиний. *Естественная история*. VII.2). То, что

Медя царствует на Островах Блаженных, вполне понятно: как богиня, владеющая «котлом омоложения», она может предоставить возможность героям прожить вторую жизнь (см. 31,с). Елена («луна») — это, возможно, одно из ее имен (см. 159,1).

2) Вероятно, в героическую эпоху царя Орхомена по окончании срока его правления вели на вершину горы Лафистий для принесения в жертву. Такой царь был одновременно жрецом Зевса Лафистия, причем эта должность передавалась по наследству в матрилинейном клане миниев. Согласно Геродоту (VII.197), во время Персидских войн предводитель клана все еще должен был находиться в пританее, когда его призывали присутствовать при жертвоприношениях. Правда, никто не настаивал, чтобы он следовал этим призывам, и, судя по рассказу Геродота, вместо него всегда присутствовал его представитель, кроме случаев бедствия, например чумы или засухи, и он считал своим долгом присутствовать при обряде жертвоприношения лично.

Смерть Ясона и Аникая — это притчи, подчеркивавшие опасность излишней славы процветания или гордости. Но Анкей умирает как царь в своем родном городе от клыков напавшего на него вепря (см. 18,7), тогда как Ясон, наподобие Беллерофонта (см. 75,f) и Эдипа (см. 105,k), бродит от города к городу, ненавидимый всеми и в конце концов погибает от несчастного случая. В Истме, где правил Ясон, по обычаю царствующего фармака сбрасывали со скалы в море, где его поджидала лодка, после чего его изгоняли, обрекая на жизнь безымянного нищего, уносившего из города все несчастья (см. 89,5; 98,6).

3) Исаак Ньютон^{132*}, насколько мне известно, был первым, кто указал на связь между знаками зодиака и плаванием «Арго». В Александрии на формирование легенды вполне могли оказать влияние знаки зодиака: Овен — Фрикс, Телец — Ээт, Диоскуры — небесные Близнецы, Лев — Рся, Весы — Алкиной, Водолей — Эгина, Геракл — Стрелец, Медя — Дева; Козерог — как символ распутства, как напоминание о привольной жизни на Лемносе. Если использовать египетские знаки зодиака, то появятся недостающие элементы: змей — для Скорпиона, Скарабей, символ возрождения, — для Рака.

^{132*} Ньютон, сэр Исаак (1643—1727) — английский математик и физик, традиционно считается величайшим ученым всех времен и народов. Окончил Кембриджский университет. Главные книги: «Математические начала натуральной философии» (1687), создавшая основы классической механики, где также изложены закон всемирного тяготения и теория движения небесных тел; «Оптика» (опубликована в 1704) — посвящена теории света.

Троянская война

[а] Одна из историй основания Трои гласит, что во время голода треть критян под предводительством царевича Скамандра отправилась основывать колонию. Приплыв во Фригию, они разбили лагерь на берегу моря неподалеку от города Гамаксита¹, под высокой горой, которую они называли Ида в честь критского дома Зевса. До этого Аполлон посоветовал им поселиться там, где под покровом темноты на них нападут «порождения земли». В ту же ночь несметное количество голодных полевых мышей перегрызло всю кожу на их оружии и утвари. Тогда Скамандр решил остаться здесь, построил храм Аполлону Сминфейскому, вокруг которого быстро вырос город Сминфий, а сам женился на нимфе Идее, которая родила ему сына Тевкра. С помощью Аполлона критяне победили их новых соседей бебриков, но во время битвы Скамандр бросился в реку Ксанф, которая с тех пор носит его имя. Ему наследовал Тевкр, по имени которого переселенцы стали называть себя тевкрами. Некоторые, правда, говорят, что Тевкр сам возглавлял критских колонистов и был приглашен во Фригию Дарданом, который дал ему в жены дочь и стал называть своих собственных подданных тевкрами².

[б] Афиняне рассказывают совсем иную историю. Они отрицают, что тевкры пришли с Крита, и говорят, что некий Тевкр, принадлежавший дому Троса, переселился из Афин во Фригию и что Дардан, сын Зевса и плеяды Электры, родившийся в аркадском Фенее, был приглашен во Фригию этим самым Тевкром, а не наоборот. О правдоподобии этой легенды, по их мнению, говорит тот факт, что Эрихтоний появляется в генеалогии и афинского и тевкрского царских домов³. Дардан,

продолжают афиняне, женился на Хрисе, дочери Палланта, которая родила ему двух сыновей — Идея и Дейма. Некоторое время они правили Аркадским царством, основанным Атлантом, но расстались из-за бед, причиненных Девкалионовым потопом. Дейм остался в Аркадии, а Идей со своим отцом Дарданом отправились в Самофракию, которую они заселили совместно, и остров стал называться Дарданием. Хриса принесла Дардану в качестве приданого священные изваяния великих божеств, жрицей которых она была. Дардан ввел их культ в Самофракии, но держал их истинные имена в тайне. Он основал также сообщество салийских жриц для отправления необходимых обрядов, которые были похожи на те, что совершались в честь критских куретов⁴.

[c] Печаль, вызванная смертью брата Иасиона, привела Дардана за море в Троаду. Он прибыл один, управляя плотом из надутой шкуры, нагруженной четырьмя камнями. Тевкр принял его радушно и при условии, что Дардан поможет ему покорить некоторые соседние племена, дал ему часть царства и женил на своей дочери царевне Батии. Одни говорят, что Батия была теткой Тевкру, а другие считают, что она его дочь⁵.

[d] Дардан предложил основать город на небольшом холме Ата, возвышавшемся над долиной, где сейчас стоит Троя, или Илион. Но когда оракул Аполлона Фригийского предупредил его, что несчастья будут преследовать жителей города, Дардан выбрал место на нижних склонах горы Ида и назвал город Дарданисей⁶. После смерти Тевкра Дардан унаследовал от него остальную часть царства, дал всему царству свое имя и распространил свою власть на многие азиатские народы. Он также выносил колонии во Фракию и дальше⁷.

[e] Тем временем младший сын Дардана Идей отправился следом за ним в Троаду, неся с собой священные изваяния. Это позволило Дардану обучить свой народ самофракийским мистериям. Оракул убедил его, что город, который он хочет основать, будет неприступным ровно столько, сколько просуществует приданое его жены под покровительством Афины⁸. Его могила видна до сих пор в той части Трои, которая называлась Дардания до слияния с поселениями Илион и Трои, образовавшими единый город. Идей обосновался на Идейских горах, которые, по мнению некоторых, названы его именем. Там он ввел поклонение фригийской Матери богов и ее мистерии⁹.

[f] По преданию латинян, отцом Иасиона был тирренский царевич Кориф, а его брат-близнец Дардан был сыном Зевса и жены Корифа Электры. Оба были выходцами из Этрурии и, поделив священные

изваяния между собой, Иасион отправился в Самофракию, а Дардан в Троаду. Сражаясь с бербриками, которые хотели сбросить тирренцев в море, Дардан потерял свой шлем, и, хотя его войско отступало, он повел его вперед, чтобы вернуть себе шлем. На этот раз он победил и основал город, названный Кориф, прямо на поле боя: название города было выбрано в равной мере в память о шлеме (corus) и об отце¹⁰.

[g] У Идея было два старших брата, Эрихтоний и Ил, или Закинф, и дочь Идея, которая стала второй женой Финся. Когда Эрихтоний унаследовал от Дардана царство, то женился на Астиохе, дочери Симониса, родившей ему Троса¹¹. Эрихтония называют также царем Крита, самым богатым человеком, владельцем трех тысяч кобыл, которые полюбились Борею. Трос наследовал своему отцу Эрихтонию, и не только Троя, но и вся Троада стала называться его именем. От жены Каллирои, дочери Скамандра, у него родились Клеопатра младшая, Ил младший, Ассарак и Ганимед¹².

[h] Тем временем Ил, брат Эрихтония, ушел во Фригию, где, вступив в уже начавшиеся игры, стал победителем в борьбе и получил в качестве награды пятьдесят юношей и пятьдесят девушек. Фригийский царь, чье имя уже забыто, также дал ему пятнистую корову и посоветовал основать город там, где корова первый раз ляжет на землю. Ил пошел за ней, и корова легла у холма Ата. Там он основал город Илион, но из-за предупреждения, полученного от оракула отцом Дарданом, не стал строить городские укрепления. Одни говорят, что Ил шел за своей собственной мисийской коровой по велению Аполлона. Другие — что Илион основали переселенцы из Локриды и дали эолийскому городу Кима имя своей горы Фрикоиды¹³.

[i] Когда был обозначен круг, который должен был стать границей города, Ил обратился с молитвой к Зевсу Всемогущему, чтобы тот явил знамение, и на следующее утро увидел перед своим шатром полузакопанный деревянный предмет, поросший травой. Это был палладий — фигура в три локтя высотой, которую Афина сделала в память о своей покойной ливийской подруге Палладе. Паллада, имя которой Афина добавила к своему собственному, держала в правой руке копье, готовое к бою, а в левой — прялку и веретено, на грудь была накинута эгида. Поначалу Афина установила изваяние на Олимпе рядом с тронном Зевса, где палладию воздавались большие почести. Но когда прабабка Ила, плеяда Электра, была обесчещена Зевсом и осквернила изваяние своим прикосновением, Афина в гневе сбросила на землю и ее и изваяние¹⁴.

[f] Аполлон Сминфейский дал Илу такой совет: «Сохрани богиню, падающую с небес, — и ты сохранишь свой город. Ведь куда бы ни пришла богиня, она несет с собой власть!» Согласно совету, Ил воздвиг в цитадели храм, куда поместил изваяние¹⁵.

[k] Одни говорят, что храм уже строили, когда палладий упал с небес как дар богини. Изваяние упало в храм через отверстие в недостроенной крыше как раз в то место, которое для него готовили¹⁶. Другие утверждают, что Электра вручила палладий Дардану, своему сыну от Зевса, а после его смерти палладий перенесли из Дардании в Илион¹⁷. Третьи считают, что оно упало с небес в Афинах, что афинянин Тевкр принес изваяние в Трояду. Четвертые утверждают, что было два палладия — афинский и троянский, причем последний был вырезан из костей Пелопа, так же как изваяние Зевса в Олимпии было вырезано из слоновой кости, или что было много палладиев, аналогичным образом упавших с небес, включая самофракийские изваяния, принесенные Идеем в Трояду¹⁸. Коллегия весталок в Риме теперь хранит то, что считается истинным палладием. Ни один мужчина не может взглянуть на него безнаказанно. Однажды, когда палладием еще владели троянцы, Ил бросился спасти его во время пожара и за все свои муки лишился зрения. Позднее, правда, ему удалось умоли- лостивить Афины, и зрение вернулось к нему¹⁹.

[l] Евридика, дочь Адраста, родила Илу Лаомедонта и Фемисту, которая вышла замуж за фригийца Каписа и, как говорят некоторые, стала матерью Анхиса²⁰. Стримона, дочь Скамандра и Левкиппы, Зевксиппы или Тоосы, родила Лаомедонту пять сыновей, а именно Тифона, Лампа, Клития, Гикетаона и Подарка, и трех дочерей: Гесиону, Киллу и Астиоху. Кроме того, у него появились незаконнорожденные близнецы от нимфы-пастушки Калибы. Именно он решил построить знаменитые стены вокруг Трои. Ему повезло: Зевс, разгневанный тем, что Аполлон и Посейдон восстали против него, заставил богов служить простыми поденщиками, и Лаомедонт воспользовался их службой. Посейдон строил, а Аполлон играл на лире и кормил овец Лаомедонта. Лелег Эак помогал Посейдону. Но Лаомедонт обманул богов и не заплатил им положенное, чем вызвал их ужасное негодование. Вот почему он и все его сыновья, кроме Подарка, переименованного в Приама, пали, когда Геракл разграбил Трою²¹.

[m] Приам, которому Геракл великодушно оставил троянский трон, подумал, что несчастья, которые обрушивались на Трою, объясняются ее несчастливым местоположением, а не гневом богов, и поэтому отправил

своего племянника к пифии в Дельфы, чтобы узнать, лежит ли еще проклятье на холме Ата. Но жрец Аполлона Панфой, сын Офрия, оказался таким красивым, что племянник Приама забыл о данном ему поручении, влюбился в жреца и увел его в Трою. Разгневанный Приам не нашел в себе силы наказать племянника. Чтобы загладить его вину, он назначил Панфоя жрецом Аполлона, а сам постеснялся второй раз обратиться к пифии и отстроил Трою заново на прежнем месте. Первой женой Приама была Арисба, дочь прорицателя Меропа. Когда она родила ему Эсака, он выдал ее замуж за Гиртака, от него она стала матерью Гиртакидов — Асия и Ниса²².

[п] Этот Эсак, усвоивший искусство толкования снов от своего деда Меропа, знаменит большой любовью к Астероие, дочери бога реки Кеберен. Когда она умерла, он несколько раз пытался покончить с собой, бросаясь со скалы в море, и боги наконец ждали над ним. Они превратили его в нырка, чтобы придать охватившему его желанию благопристойность²³.

[о] Гекаба — вторая жена Приама, которую латиняне называют Гекуба, была дочерью Диманта и нимфы Евной или, как говорят некоторые, Киссея и Телеклеи, бога реки Сангария и Метопы. Еще ее матерью называют дочь Ксанфа Главкиппу²⁴. Она родила Приаму девятнадцать из его пятидесяти сыновей, а остальные были сыновьями «других любезных жен». Все пятьдесят имели расположенные рядом опочивальни из полированного камня. Двенадцать дочерей Приама спали со своими мужьями в дальнем конце того же двора²⁵. Старшего сына Гекабы звали Гектор, отцом которого некоторые считают Аполлона. После Гектора она родила Париса, затем Креусу, Лаодику и Поликсену, затем Деифоба, Гелена, Кассандру, Паммона, Полита, Антифа, Гишпоноя и Полидора. Но Троила она, конечно, зачала от Аполлона²⁶.

[р] Среди младших детей Гекабы Кассандра и Гелен были близнецами. Во время праздника по случаю их дня рождения, который был устроен в святилище Аполлона Фимбрейского, они устали от игр и уснули в уголке, а их выпившие слишком много вина родители забыли про них и, пошатываясь, пошли домой. Когда Гекаба вернулась в храм, то увидела, что священные змеи лизут уши ее детей, и закричала от ужаса. Змеи тут же скрылись в куче лавровых ветвей, но с этого мгновенья Кассандра и Гелен стали обладать даром пророчества²⁷.

[q] Вот как еще рассказывают об этом. Однажды Кассандра уснула в храме, ей явился Аполлон и обещал научить ее искусству ясновидения,

если она разделит с ним ложе. Кассандра, приняв от него дар, в остальном отказала. Аполлон уговорил ее на один поцелуй, и когда она поцеловала его, он плюнул ей в рот и тем самым сделал так, что никто никогда не верил ее пророчествам²⁸.

[Г] Когда несколько лет спустя Приаму удалось благодаря разумному правлению вернуть Трое былое богатство и могущество, он созвал совет, чтобы решить, как быть с Гесионой, которую Эакид Теламон увез в Грецию. Хотя сам он был сторонником применения силы, совет решил, что сначала нужно воспользоваться убеждением. Зять Приама Антенор и его двоюродный брат Анхис отправились в Грецию и предъявили требования троянцев перед толпой греков, собравшихся во дворце Теламона, но их с позором изгнали. Этот случай и стал главной причиной Троянской войны²⁹, печальный конец которой уже предсказывала Кассандра. Чтобы избежать неприятностей, Приам запер ее в троянской цитадели на высоком холме, а служанке, которая ходила за ней, наказал сообщать обо всех ее пророчествах³⁰.

¹ Страбон. XIII.1.48.

² Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. III.108; Страбон. Цит. соч.; Цец. Схолии к Ликофрону. 1302.

³ Аполлодор. III.12.1; Сервий. Цит. соч. III.167; Страбон. Цит. соч.

⁴ Дионисий Галикарнасский. Римские древности. I.61, II.70—71; Евстафий. Схолии к «Илиаде» Гомера. 1204; Конон. Повествования. 21; Сервий. Цит. соч. VII.285.

⁵ Аполлодор. III.12.1; Ликофрон. 72 и след., схолии Цеца; Схолии к «Илиаде» Гомера. XX. 215; Сервий. Цит. соч. III.167; Цец. Схолии к Ликофрону. 29.

⁶ Цец. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. V.48; Гомер. Илиада. XX.215 и след.

⁷ Аполлодор. Цит. соч.; Сервий. Цит. соч.; Диодор Сицилийский. Цит. соч.

⁸ Дионисий Галикарнасский. I.61; Евстафий. Схолии к «Илиаде» Гомера. 1204; Конон. Повествования. 21; Сервий. Цит. соч.

⁹ Цец. Схолии к Ликофрону. 72; Дионисий Галикарнасский. Цит. соч.

¹⁰ Сервий. Цит. соч. VII.207, III.15.

¹¹ Аполлодор. III.12.2, 15.3; Дионисий Галикарнасский. I.50.3.

¹² Гомер. Цит. соч. XX.220 и след.; Дионисий Галикарнасский. I.62; Аполлодор. III.12.2.

¹³ Аполлодор. III.12.3; Цец. Цит. соч. 29; Лесс Лампсакский. Цит. по: Цец. Цит. соч.; Страбон. XIII.1.3, 3.3.

- ¹⁴ Овидий. Фасты. VI.420 и след.; Аполлодор. Цит. соч.
- ¹⁵ Овидий. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч.
- ¹⁶ Диктис Критский. V.5.
- ¹⁷ Схолии к «Финикиянкам» Еврипида. 1136; Дионисий Галикарнасский. I.61; Сервий. Цит. соч. II.166.
- ¹⁸ Климент Александрийский. Увещание. IV.47; Сервий. Цит. соч.; Ферекид. Цит. по: Цеу. Цит. соч. 355; Большой Этимологик под словом *Palladium*. 649—650.
- ¹⁹ Деркилл. Основания городов. I. Цит. по: Плутарх. Малые сравнительные повествования. 17.
- ²⁰ Аполлодор. III.12.2, 3.
- ²¹ Аполлодор. II.59, 6.4, III.12.3; Схолии к «Илиаде» Гомера. III.250; Гомер. Цит. соч. VI.23—26, XXI.446, VII.452; Гораций. Оды. III.3.21; Пиндар. Олимпийские оды. VIII.41, схолии; Диодор Сицилийский. IV.32.
- ²² Сервий. Цит. соч. II.319; Аполлодор. III.12.5; Гомер. Цит. соч. II.831, 837; Вергилий. Энеида. IX.176—177.
- ²³ Сервий. Цит. соч. V.128; Аполлодор. Цит. соч.; Овидий. Метаморфозы. XI. 755—795.
- ²⁴ Ферекид. Цит. по: Схолии к «Илиаде» Гомера. XVI.718, к «Гекубе» Еврипида. 32; Афенион. Цит. по: Схолии к «Илиаде» Гомера. XVI.718; Аполлодор. Цит. соч.
- ²⁵ Гомер. Илиада. XXIV.495—497, VI.242—250.
- ²⁶ Стесихор. Цит. по: Цеу. Цит. соч. 266; Аполлодор. Цит. соч.
- ²⁷ Антиклид. Цит. по: Схолии к «Илиаде» Гомера. VII.44.
- ²⁸ Гигин. Мифы. 93; Аполлодор. III.12.5; Сервий. Цит. соч. II.247.
- ²⁹ Бенуа де Сен-Мор. Роман о Трое. 385, 3187 и след., Осада, или Баталия Тройская. 349 и след., 385; Цеу. Цит. соч. 340; Дарес. 5; Сервий. Цит. соч. III.80.
- ³⁰ Эсхил. Агамемнон. 1210; Цеу. Краткое изложение «Александров» Ликофрона; Цеу. Цит. соч. 29, 350.

1) Хотя расположение Трои на хорошо увлажненной равнине у входа в Геллеспонт и позволило городу стать крупнейшим центром торговли между Востоком и Западом в эпоху бронзы, оно же провоцировало нападения со всех сторон. Утверждения греков, критян и фригийцев, будто все они основали город, не впадают в непримиримое противоречие: до классической эпохи город разрушался и восстанавливался довольно часто. На месте Трои стояло семь городов, причем гомеровская

Троя была шестой. Троя, о которой рассказывает Гомер, скорее всего, была населена федерацией трех племен: троянцев, илионцев и дарданцев, что весьма характерно для эпохи бронзы.

2) Аполлон Сминфейский указывает на Крит, поскольку *sminthos* по-критски означало «мышь», она считалась священным животным не только в Кноссе (см. 90,2), но и в Филистии (4 Цар. 6:4) и Фокиде (Павсаний. X.12.5). Оплодотворяющему северному ветру Эрихтонию одинаково поклонялись и пеласги в Афинах, и фракийцы (см. 48,3). Но притязания афинян как основателей Трои можно отвергнуть, считая их не более чем политической пропагандой. Белые мыши, которых содержали в храмах Аполлона, считались предупредительным средством против чумы и нашествия мышей, о которых упоминают Элиан (*О природе животных*. XII.5,41) и Аристотель (*О происхождении животных*. VI.370). Дардан мог быть тирренцем из Лидии (см. 136,g) или Самофракии. Сервий ошибается, когда пишет, что он выходец из Этрурии — там тирренцы поселились много позже окончания Троянской войны. *Закинф* — критское слово, фигурирующее в троянских царских списках. Кроме того, так назывался остров, входивший в царство Одиссея. Это говорит о том, что под Троей Одиссей отстаивал свои наследственные права.

3) Палладий, который весталки хранили в Риме как залог благополучия города, имел огромное значение для римских мифографов. Они утверждали, что из Трои его вывез Эней (Павсаний. II.23.5) и доставил в Италию. Вполне возможно, что он был вырезан из кости морской свиньи (см. 108,5). *Палладий* означает каменный или другой культовый объект, вокруг которого танцуют девочки из определенного клана, как в Фесниях (см. 120,a), или прыгают юноши, причем *pallas* мог принадлежать и тому и другому полу. Римская коллегия жрецов-салиев была сообществом пляшущих жрецов. Когда такие культовые объекты начинают отождествляться с процветанием племени и тщательно охраняться, то *palladia* можно воспринимать в значении *palta*, т. е. «предметы, упавшие с небес». *Palta* можно было не хранить под крышей. Так, священный «громовой камень» Термина в Риме стоял напротив отверстия в крыше храма Юпитера. Можно предположить наличие аналогичного отверстия в троянском храме.

4) Поклонение метеоритам легко переходило в поклонение древним монолитам, погребальный смысл которых забывался. Монолиты постепенно замещались каменными изваяниями, а те, в свою очередь, — изваяниями

из дерева, кости. Однако падение с небес щитов, из которых самый известный *ancile* Марса (Овидий. *Фасты*. III.259—273), требует специального объяснения. Поначалу метеориты, как единственные настоящие *palla*, воспринимались как первопричина молний, ударявших в деревья. Далее, неолитические каменные топоры, наподобие того, который был обнаружен в микенском святилище Асины, а также долота и пестики эпохи ранней бронзы, например пестик Кибелы в Эфесе (Деяния. 19:35), ошибочно принимались за перуны. Инструментом, воспроизводящим гром, был щит. Доэллинские вызыватели дождя вращали на шнурке большие раковины, имитируя звук усиливающегося ветра, а гром возникал от ударов барабанными палками с двумя головками (похожими на те, что изображены в руках у жрецов-салиев на рельефе в Аналии) по огромным щитам с плотно натянутой бычьей шкурой. Единственный способ заставить раковину непрерывно звучать — вращать ее восьмеркой так, как поступают дети, играя вертушками. И поскольку факелы, имитировавшие молнии, вероятно, вращали аналогичным образом, то и щит, который использовали в церемонии вызывания дождя, разрезался так, чтобы получилась фигура, по форме напоминающая цифру восемь, и по обеим ее половинам наносили удары двуглавыми палками. Вот почему на сохранившихся критских изображениях дух грома спускается в образе похожего на восьмерку щита, а сами щиты почитались как *palla*.

5) Кассандра и змеи напоминают миф о Мелампе (см. 122,с), а плевков Аполлона похож на миф о Главке (см. 90,ф). Ее темница, вероятно, была сооружена в виде пчельника, из которого Кассандра оглашала свои пророчества от имени героя, погребенного на этом месте (см. 43,2; 154,1).

6) Эсак (так звали ясновидящего сына Приама) значит «миртовая ветвь», которую на греческих пирах передавали друг другу, вызывая на соревнование в пении или стихосложении. Мирт — это дерево смерти (см. 101,1; 109,4), поэтому такими стихами первоначально были пророчества, оглашавшиеся на пире, посвященном герою. Нырок был священной птицей Афины в Аттике и связывался с тонушим царем-фармаком (см. 94,1). Скаандр (утонувший в реке Ксанф) должен указывать на троянский обычай топить прежнего царя (см. 108,3).

7) У Приама было пятьдесят сыновей, из которых только девятнадцать законных. Это говорит о том, что в Трое правление царя определялось девятнадцатилетним циклом Метона, а не циклом из ста лунных

месяцев, во время которых по очереди правил царь и его тапист, как на Крите (см. 138,5) и в Аркадии (см. 38,2). Его двенадцать дочерей были, возможно, хранительницами месяцев.

8) Роль Эака в строительстве стен вокруг Трои нельзя преуменьшать: Аполлон предсказал, что потомки Эака будут присутствовать при захвате города. Это относилось к потомкам в первом и четвертом поколении (см. 66,1), причем разрушить можно будет только ту часть стены, которую построил Эак (Пиндар. *Пифийские оды*. VIII.31—46). Андромаха напомнила Гектору, что построенная Эаком часть — это западная стена твердыни, «у смоковницы: там наншаче город приступен врагам и восход на твердыню удобен. Трижды туда пристуная, на град покушались герои, оба Аякса могучие, Идоменей знаменитый, оба Атрея сыны и Тидид, дерзновеннейший воин. Верно, о том им сказал прорицатель какой-либо мудрый или, быть может, самих устремляло их вещее сердце» (Гомер. *Илиада*. VI.433—439). Раскопки Дерпфельда^{133*} в Трое подтвердили, что стена в этой точке действительно была наиболее слабой по непонятным причинам. Правда, Аяксу или Эакидам не нужен был прорицатель, чтобы узнать об этом, поскольку, как предполагает Полибий, Эак был родом из города, где жил Аякс, т. е. Опунтской Локриды, которой гомеровская Троя обязана илионским элементом и которая пользовалась правом назначать троянскую жрицу (см. 168,2). Это был район расселения доэллинских лелегов, имевших матрилинейные и даже матриархальные институты (см. 136,4). Еще одно племя лелегов, возможно происходивших из Локриды, жило в Педасе, что в Троаде. Одна из их царевен, Лаофоя, пришла в Трою и даже родила ребенка от Приама (Гомер. *Илиада*. XXI.86). Не исключено, что именно готовность локридских жриц похитить палладий для Локриды помогла грекам захватить город (см. 168, 4).

9) Поскольку один Тевкр был сыном Скамандра, а второй — внуком Эака и сыном сестры Приама Гесионы, то тевкрский элемент в Трое можно отождествить с лелегами, эаками или илионцами. Остальными двумя элементами были лидийский, или дарданский, или тирренский, а также троянский, или фригийский.

^{133*} Дерпфельд Вильгельм (1853—1940) — немецкий археолог, профессор. Вел раскопки в Афинах, Олимпии, Трое и др. Сотрудник Шлимана, его советчик и друг.

[а] Когда Елена, прекрасная дочь Леды, достигла брачного возраста и жила в Спарте во дворце своего приемного отца Тиндарея, все цари Греции пришли свататься к ней с богатыми дарами или отправили сватами своих родственников. Только что одержавший под Фивами победу Диомед был здесь вместе с Аяксом, Тевкром, Филоктетом, Идоменеем, Патроклом, Менесфеем и многими другими. Пришел туда и Одиссей, но не принес ничего, так как у него не было никакой надежды на успех. По его сведениям, братья Елены Диоскуры хотели, чтобы она вышла замуж за афинца Менесфея, но Елене все равно пришлось бы стать женой Менелая, самого богатого ахейца, сватом которого был зять Тиндарея могущественный Агамемнон¹.

[b] Тиндарей никого из женихов не отсылал, но и не брал ни у кого даров, боясь, что любой его выбор неизбежно вызовет ссору. Однажды Одиссей спросил его: «Если я скажу тебе, как избежать ссоры, сможешь ли ты мне жениться на дочери Икария Пенелопе?» «Договорились!» — обрадовался Тиндарей. «Тогда, — продолжал Одиссей, — мой совет таков: заставь всех женихов Елены поклясться, что они будут защищать избранника Елены, кем бы он ни был». Тиндарей нашел совет вполне разумным. Принеся в жертву лошадь и расчленив ее, он поставил всех женихов на кровоточащие куски мяса и заставил их произнести клятву, сочиненную Одиссеем. После чего все мослы были зарыты в месте, которое до сих пор называется *Лошадиная могила*.

[с] Неизвестно, сам ли Тиндарей выбрал для Елены мужа или же она сама объявила о своем выборе, возложив на своего супруга венок².

В любом случае, она вышла замуж за Менелая, который после смерти Тиндарея и обожествления Диоскуров стал царем Спарты. Однако их брак был обречен: за много лет до этого, принося жертвы богам, Тиндарей случайно забыл об Афродите, которая поклялась в отместку сделать так, что все три его дочери: Клитемнестра, Тимандра и Елена — печально прославятся любовными изменами³.

[d] От Елены у Менелая была одна дочь, которую он назвал Гермiona, и сыновья Этиол, Марафий (от него происходит персидская семья Марафионов) и Плисфен. Этолийская рабыня по имени Пиерида позднее родила Менелаю двух внебрачных сыновей — Никострата и Мегалента⁴.

[e] Почему, спрашивается, Зевс и Фемида устроили Троянскую войну? Уж не для того ли, чтобы прославить Елену как причину ссоры между Европой и Азией? Или чтобы возвеличить род полубогов и одновременно истребить многочисленные племена, под тяжестью которых изнывала мать-Земля? Какой бы ни была причина, но решение о войне было принято, когда Эрида бросила золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей» во время свадьбы Пелея и Фетиды. Всемогущий Зевс отказался решить спор, возникший между Герой, Афиной и Афродитой, но разрешил Гермесу отвести богинь на гору Ида, где их должен был рассудить сын Приама Парис, выросший вне родительского дома⁵.

[f] Как раз накануне рождения Париса Гекаба увидела сон, будто она родила пылающий факел, грозивший уничтожить Троию. Проснувшись, она рассказала свой сон мужу. Приам тут же обратился к своему ясновидящему сыну Эсаку, который изрек: «Ребенок, который вот-вот родится, станет погибелью для своей страны! Заклинаю вас избавиться от него»⁶.

[g] Спустя несколько дней Эсак изрек вновь: «Троянка царского рода, производящая сегодня на свет ребенка, должна быть убита вместе со своим отпрыском!» Услышав эти слова, Приам убил свою сестру Киллу и ее новорожденного сына Мунита, который тем утром появился на свет от тайного союза с Тимоитом, и предал их земле в святилище Троса. Но еще до наступления ночи Гекаба родила сына, и Приам пощадил их обоих, несмотря на то что жрица Аполлона Герофила и другие ясновидцы требовали, чтобы Гекаба убила хотя бы свое чадо. Но она не смогла заставить себя совершить убийство, и тогда Приаму пришлось послать за своим главным пастухом, нским Агелаем, и поручить ему это дело. Мягкосердие Агелая не позволило ему воспользоваться веревкой или мечом —

он просто оставил ребенка на горе Иде, где его вскормила медведица. Вернувшись на гору через пять дней и увидев живого ребенка, Агелай был так поражен, что решил подобрать брошенного ребенка и принес его домой в котомке, от которой и пошло его имя *Парис*. В доме пастуха он стал расти вместе с его только что родившимся сыном⁷. В подтверждение того, что он все-таки выполнил повеление Приама, Агелай принес царю отрезанный собачий язык. Некоторые, правда, говорят, что Гекуба подкупила Агелая, чтобы тот не убивал Париса, но Приам не был посвящен в их тайну⁸.

[h] Благородное происхождение Париса было раскрыто благодаря его необычайной красоте, живости ума и силе. Еще совсем мальчиком он обратил в бегство шайку похитителей коров и вернул похищенных животных, за что прозвали его Александром («защитник мужей»)⁹. Хотя в то время он еще был на положении раба, это не помешало ему стать избранником родниковой нимфы Эноны, дочери реки Эней. Искусству предсказания ее научила Рея, врачеванию — Аполлон, когда тот служил пастухом у Лаомедонта. Парис и Энона вместе пасли овец и охотились. Ее имя он часто вырезал на коре буков и тополей¹⁰. Больше всего он любил развлекаться тем, что стравливал друг с другом быков Агелая, украшая потом победителя цветами, а побежденного соломой. Если один из быков постоянно побеждал остальных, он выставлял его против быков-победителей из соседних стад, и его бык всегда брал верх. Кончилось тем, что Парис объявил, что возложит золотую корону на рога того быка, который сможет одолеть его собственного быка-победителя. Тогда, шутки ради, Арес превратился в быка и выиграл награду. То, что Парис, не раздумывая, вручил полагающуюся награду Аресу, приятно удивило богов, наблюдавших за всем с Олимпа. Вот почему именно Париса избрал Зевс, чтобы решить спор трех богинь¹¹.

[i] Парис пас коров у скалы Гаргар, венчавшей гору Ида, когда Гермес в сопровождении Геры, Афины и Афродиты принес ему золотое яблоко и слова Зевса: «Парис, поскольку ты так же красив, как и умен в делах сердечных, Зевс повелел тебе стать судьей в споре этих богинь. Отдай яблоко самой прекрасной из них».

Парис в нерешительности принял яблоко и воскликнул: «Как может простой пастух вроде меня судить о божественной красоте? Вот разделю сейчас яблоко на три части!» «Нет, нет, ты не можешь послушаться всемогущего Зевса! — поспешно вмешался Гермес. — Я же не могу давать тебе советов, поэтому воспользуйся своим природным умом!»

«Делать нечего, — вздохнул Парис. — Но сначала пусть проигравшие обещают мне не таить на меня обиды. Я всего лишь человек и способен совершить самую глупую ошибку».

Все богини согласились подчиниться его решению.

«Должен ли я судить богинь по их одежаниям, — спросил Парис Гермеса, — или они должны предстать предо мной обнаженными?» — «Правила таковы, что ты должен все решать сам», — сказал Гермес улыбаясь. — «В таком случае не могли бы они разоблачиться?»

Гермес передал просьбу богиням, а сам вежливо повернулся к ним спиной.

[j] Первой была готова Афродита, но Афина настояла на том, чтобы та сняла свой знаменитый волшебный пояс, благодаря которому всякий влюблялся в его обладательницу. «Хорошо, — не без злорадства произнесла Афродита, — но только после того, как ты снимешь свой шлем, без которого на тебя просто страшно смотреть».

«Теперь, если вы не возражаете, предстаньте предо мной по одной, чтобы избежать ненужных споров. Подойди сюда, божественная Гера! Пусть остальные покинут нас на некоторое время».

«Смотри на меня внимательно, — Гера не спеша поворачивалась к нему то одним, то другим боком, стремясь показать все достоинства своего великолепного тела, — и помни, что, если ты признаешь меня прекраснейшей, я сделаю тебя повелителем всей Азии и самым могущественным из живущих ныне людей»¹².

«Меня не должно подкупать, моя госпожа... Я уже видел все, что должен был видеть. Войди теперь, божественная Афина!»

[k] «Я здесь, — и Афина поспешила приблизиться к Парису. — Послушай, Парис, если у тебя хватит здравого смысла, чтобы присудить мне награду, я сделаю так, что ты выйдешь победителем во всех своих битвах, а также будешь самым красивым и мудрым человеком в мире».

«Я ничтожный пастух, а не воин, — произнес Парис. — Можешь сама убедиться, что во всей Лидии и Фригии царит мир и никто не угрожает царю Приаму. Но я все равно обещаю честно решить, кому отдать яблоко. А теперь надень все одежды и шлем. Готова ли Афродита?»

[l] Афродита робко подошла к нему, и Парис залился краской от близости оказавшейся с ним рядом богини.

«Смотри внимательно, ничего не упусти... Между прочим, как только я увидела тебя, то сказала себе: „Честное слово, это самый красивый

юноша во всей Фригии! Почему он должен прозябать в этой глуши и пасти этот дурацкий скот?» Почему бы тебе, Парис, не перебраться в город и не зажить более пристойной жизнью? Что ты потеряешь, если женишься, скажем, на Елене Спартапской, которая красива, как я, и такая же страстная? Я уверена, что стоит только вам встретиться, как она бросит все — и дом, и семью, чтобы стать твоей любовницей. Ты хоть что-нибудь слышал о Елене?» — «Никогда, моя госпожа. Я буду премного благодарен, если ты опишешь мне ее».

[m] «Елена красива и хрупка; она появилась на свет из лебединого яйца. Она может считать Зевса своим отцом, любит охоту и борьбу, а в младенческом возрасте уже стала причиной войны. Когда она достигла брачного возраста, все царевицы Греции добивались ее руки. Сейчас она замужем за Менеласом, братом верховного царя Агамемнона, но это ничего не значит — если захочешь, она будет твоей». — «Как же она может стать моей, если она замужем?» — «О небеса! Какая наивность! Неужели ты никогда не слыхивал, что в мои обязанности как богини как раз и входит устраивать такие дела? Предлагаю тебе взять моего сына Эрота в проводники и отправиться в странствие по Греции. Когда ты достигнешь Спарты, мы с ним сделаем так, что Елена без памяти влюбится в тебя».

«Поклянись в этом!» — Парис сгорал от нетерпения.

Афродита произнесла торжественную клятву, и Парис, не раздумывая, присудил ей золотое яблоко.

Узнав о его решении, Гера и Афина, затаив гнев, удалились, взявшись за руки и строя планы разрушения Трои, а Афродита, победно улыбаясь, осталась на месте, раздумывая, как ей лучше сдержать свое обещание¹³.

[n] Спустя некоторое время Приам отправил своих слуг поймать быка из стада Агелая. Бык должен был стать наградой победителю погребальных игр, которые ежегодно устраивались в честь его умершего сына. Когда слуги выбрали быка, который одолевал всех остальных, Парису захотелось присутствовать на играх, и он бросился догонять слуг Приама. Агелай попытался удержать его: «У тебя свои бои быков не хуже, чего тебе еще желать?» Но Парис настоял на своем, и Агелая не оставалось ничего, кроме как отправиться вместе с Парисом в Трою.

[o] У троянцев был такой обычай: после шестого заезда в состязаниях колесниц перед царским тронном начинался кулачный бой. Парис решил принять в нем участие и, несмотря на уговоры Агелая, вошел в круг

и одержал победу благодаря не столько мастерству, сколько отваге. Затем он первым закончил поединок в беге. Это так рассердило сыновей Приама, что они вновь вызвали его на поединок в беге, который Парис вновь выиграл, получив третью награду кряду. Обиженные тем, что принародно проиграли, сыновья Приама решили убить Париса. Для этого у каждого входа на стадион была поставлена вооруженная стража, а Гектор и Дсифоб, обнажив мечи, напали на Париса. Тот бросился искать спасения у алтаря Зевса, а Агелай устремился к Приаму с криком: «О царь, этот юноша — твой давно пропавший сын!» Приам тут же позвал Гекабу, которая при виде погремушки, которую показал ей Агелай, нашедший ее когда-то вместе с Парисом, признала в нем своего сына. С большим почетом Парис был препровожден во дворец, где Приам отпраздновал возвращение сына большим пиром и жертвоприношениями богам. Но когда весть об этом дошла до жрецов Аполлона, те объявили, что Париса следует немедленно предать смерти, иначе Троя погибнет. Их слова были доложены Приаму, который ответил: «Лучше пусть падет Троя, чем погибнет мой прекрасный сын!»¹⁴

[р] Женатые братья Париса стали требовать, чтобы тот взял себе жену, на что он ответил, что в выборе жены доверился Афродите, которой не устает каждый день возносить молитвы. Когда вновь собрался совет, чтобы обсудить, как спасти плененную Гесиону, мирных настроений уже не было и Парис вызвался возглавить поход, если Приам снабдит его большим флотом и нужным количеством людей. При этом он хитро добавил, что если ему не удастся вернуть Гесиону, то как выкуп за нее он, быть может, привезет греческую царевну одного с Гесионой положения. Конечно же, его сердце горело желанием поскорее отправиться в Спарту, чтобы заполучить Елену¹⁵.

[q] В тот же день Менелай неожиданно появился в Трое и стал спрашивать, где находятся могилы Лика и Химера, сыновей Прометея и дочери Атланта Келено. Он объяснил, что Дельфийский оракул повелел ему принести им жертвы как героям, чтобы избавить Спарту от свирепствовавшей там чумы. Парис принял у себя Менелая и попросил того оказать любезность и совершить над ним в Спарте обряд очищения, поскольку он нечаянно убил игрушечным мечом Анфея, младшего сына Антенора. Когда Менелай согласился, Парис по совету Афродиты поручил сыну Гармонида Тектона Фереклу построить обещанный Приамом флот, причем нос главного корабля должен был быть украшен фигурой Афродиты, держащей в руках маленького Эрота. Париса согласился

сопровождать его двоюродный брат Эней, сын Анхиса¹⁶. Распустившая волосы Кассандра предсказала, что этот поход приведет к огромному пожарищу, и ее слова подтвердил Гелен. Но Приам не обратил внимания на то, что говорили его ясновидящие дети. Даже Эноне не удалось отговорить Париса от рокового путешествия, хотя он и уронил слезу, прощаясь с ней. «Если тебя когда-нибудь ранят, приходи ко мне, — сказала Энона, — только я смогу вылечить тебя»¹⁷.

[r] Когда флот вышел в море, Афродита послала ему благоприятный ветер, и вскоре Парис уже был в Спарте, где Менелай устроил в честь гостя пир, длившийся целых девять дней. На пиру Парис одарил Елену привезенными из Трои дарами, а его откровенные взгляды, громкие вздохи и смелые знаки ввергли ее в смятение: то он взял кубок из ее рук и прижался губами к тому месту на ободке, которого только что касались ее губы, то она вдруг увидела слова «Я люблю тебя, Елена», выведенные вином на столешнице. Ей стало страшно оттого, что Менелай может заподозрить ее в том, что она нарочно подогревала страсть Париса. Но муж ее, не отличавшийся большой наблюдательностью, оставил ее развлекать гостей и править в его отсутствие царством, а сам в хорошем расположении духа отплыл на Крит, чтобы присутствовать на похоронах своего деда с материнской стороны Катрея¹⁸.

[s] Той же ночью Елена сбежала с Парисом и стала его возлюбленной, как только они первый раз сошли на берег. Этим местом оказался остров Краная. На материке против этого острова стоит святилище Афродиты Соединительницы, построенное Парисом в честь такого события¹⁹. Некоторые идут против истины, когда пишут, что Елена отвергла ухаживания Париса, что он увез ее силой, захватив или неожиданно напав на город Спарту, когда она была на охоте, или с помощью Афродиты приняв образ Менелая. Елена оставила свою девятилетнюю дочь Гермioniу, но взяла с собой сына Плисфена, большую часть дворцовых сокровищ, три таланта золота, украденного из храма Аполлона, а также пятерых служанок, среди которых были две бывшие царицы — мать Тесея Эфра и сестра Пирифоя Фисадия²⁰.

[t] По пути к Трое сильная буря, насланная Герой, вынудила Париса пристать к Кипру. Оттуда он отправился к Сидону, где был принят местным царем. Уже освоившись с правами, которые царили в греческом мире, Парис предательски убил и ограбил царя в его собственном зале для пиров. Во время погрузки богатой добычи на корабли на них напала группа сидонцев. Парис отбил нападение и, потеряв два корабля в завязавшейся

кровавой схватке, благополучно вышел в море. Боясь преследования Менелая, Парис несколько месяцев пробыл в Финикии, на Кипре и в Египте. Наконец благополучно добравшись до Трои, он отпраздновал свадьбу с Еленой²¹. Троянцы приветствовали Елену, пораженные ее божественной красотой. Однажды, обнаружив в троянской цитадели камень, из которого от трения о другой сочилась кровь, Елена открыла в нем сильноедействующее приворотное средство и стала пользоваться им, чтобы не дать страсти Париса утихнуть. Более того, не только Парис, но и все жители Трои были влюблены в нее, и Приам поклялся никуда ее не отпускать²².

[u] Есть и совершенно противоположное свидетельство, согласно которому Гермес похитил Елену по велению Зевса и отдал ее на попечение египетскому царю Протею. Тем временем призрак Елены, созданный Герой (или, как говорят некоторые, Протеем) из облаков, был с Парисом послан в Трою с единственной целью — вызвать войну²³.

[v] Столь же невероятно свидетельство египетских жрецов, будто троянский флот отнесло далеко в сторону и Парис сошел на берег у Канобского устья Нила близ города Канопы. Там стоит храм Геракла, где находят убежище беглые рабы, которые по прибытии посвящают себя богу наложением священных знаков. Слуги Париса бежали в это святилище, а когда жрецы пообещали им всяческую защиту, они обвинили Париса в том, что тот похитил Елену. Об этом стало известно наместнику Канопы. Он тут же сообщил обо всем царю Протею в Мемфис и доставил туда Париса и Елену вместе с похищенными сокровищами. После допроса с пристрастием Протей изгнал Париса, а Елену и сокровища оставил в Египте, чтобы их мог получить Менелай. В Мемфисе есть храм Чужеземной Афродиты, который якобы воздвигла сама Елена.

Елена родила Парису трех сыновей: Бунома, Агана и Идея, которые еще в раннем детстве погибли в Трое под упавшей на них крышей, — и одну дочь, которую тоже называли Еленой²⁴. У Париса был старший сын от Эноны по имени Кориф, которого ревнивая мать отправила проводником, чтобы тот привел жаждущих отмщения греков к Трое²⁵.

¹ *Аполлодор*. III.10.8; *Гигин*. Мифы. 81; *Овидий*. Героини. XVII.104 и след.

² *Аполлодор*. III.10.9; *Павсаний*. III.20.9; *Гигин*. Цит. соч. 78.

³ *Стесихор*. Цит. по: Схолии к «Оресту» Еврипида. 249; *Гигин*. Цит. соч.; *Аполлодор*. III.11.2.

- ⁴ Гомер. Одиссея. IV.12—14; Схолии к «Илиаде» Гомера. III.175; Киприи. Цит. по: Схолии к «Андромахе» Еврипида. 898; Павсаний. II.18.5.
- ⁵ Киприи. Цит. по: Прокл. Хрестоматия. I; Аполлодор. Эпитома. III.1—2; Киприи. Цит. по: Схолии к «Илиаде» Гомера. I.5.
- ⁶ Аполлодор. III.12.5; Гигин. Цит. соч. 91; Цеу. Схолии к Ликофрону. 86.
- ⁷ Цеу. Цит. соч. 224,314; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. II.32; Павсаний. X.12.3; Схолии к «Андромахе» Еврипида. 294, к «Ифигении в Авлиде». 1285; Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч. 91 и след.
- ⁸ Диктис Критский. III.
- ⁹ Аполлодор. Цит. соч.; Овидий. Цит. соч. XVI.51—52, 359—360.
- ¹⁰ Овидий. Цит. соч. V.12—30, 139; Цеу. Цит. соч. 57; Аполлодор. III.12.6.
- ¹¹ Падение Трои.
- ¹² Овидий. Цит. соч. XVI.71—73, V.35—36; Лукиан. Разговоры богов. 20; Гигин. Цит. соч. 92.
- ¹³ Гигин. Цит. соч.; Овидий. Цит. соч. XVI.149—152; Лукиан. Цит. соч.
- ¹⁴ Гигин. Цит. соч. 91; Сервий. Цит. соч. V.370; Овидий. Цит. соч. XVI.92,361—362.
- ¹⁵ Дарес. 4—8.
- ¹⁶ Цеу. Цит. соч. 132; Киприи. Цит. по: Прокл. Хрестоматия. I; Гомер. Илиада. V.59 и след.; Аполлодор. Эпитома. III. 2; Овидий. Цит. соч. XVI.115—116.
- ¹⁷ Киприи. Цит. по: Прокл. Цит. соч.; Овидий. Цит. соч. XVI.119 и след., 45 и след.; Аполлодор. III.12.6.
- ¹⁸ Овидий. Цит. соч. XVI.21—23, XVII.74,83,155 и след.; Аполлодор. Эпитома. III.3; Киприи. Цит. по: Прокл. Цит. соч.
- ¹⁹ Овидий. Героини. XVI.259—262; Киприи. Цит. по: Прокл. Цит. соч.; Павсаний. III.22.2; Аполлодор. Цит. соч.; Гомер. Цит. соч. III.445.
- ²⁰ Сервий. Цит. соч. I.655; Евстафий. Комментарий к «Илиаде» Гомера. 1946; Аполлодор. Цит. соч.; Киприи. Цит. по: Прокл. Цит. соч.; Дарес. 10; Цеу. Цит. соч. 132 и след.; Гигин. Цит. соч. 92.
- ²¹ Гомер. Одиссея. IV.227—230; Прокл. Цит. соч. I; Диктис Критский. I.5; Аполлодор. Эпитома. III.4; Цеу. Цит. соч. 132 и след.
- ²² Сервий. Цит. соч. II.33.
- ²³ Аполлодор. Эпитома. III.5; Еврипид. Электра. 128, Елена. 31 и след.; Сервий. Цит. соч. I.655, II.595; Стесихор. Цит. по: Цеу. Цит. соч. 113.
- ²⁴ Геродот. II.112—115; Диктис Критский. V.5; Цеу. Цит. соч. 851; Птолемей Гефестион. IV.
- ²⁵ Конон. Повествования. 22; Цеу. Цит. соч. 57 и след.

1) Стесихору, сицилийскому поэту VI в. до н.э., приписывают рассказ о том, что Елена никогда не отправлялась в Троию, а вся война велась «только за призрак». Написав поэму, представлявшую Елену в самом невыгодном свете, он потерял зрение и впоследствии узнал, что таким образом он был наказан уже умершей Еленой (см. 164,м). Этим объясняется палинодия^{134*} в его начальных строках: «На корабли ты не всходила, в Пергам троянский не плыла», публичная декламация которой якобы вернула ему зрение (Платон. *Федр.* 243а—b; Павсаний. III.19.11). Вполне возможно, что троянцы совершили набег на Спарту и захватили наследницу трона и дворцовые сокровища в отместку за разграбление греками Трои, на которое намекает история с Гесионой. При этом если Елена из рассказа о набеге Тесея была реальным человеком (см. 103,4), то троянская Елена могла быть «только призраком», как утверждает Стесихор.

2) Рождение Париса обставлено так же, как и в мифе об Эоле (см. 43,с), Пелии (см. 68,d), Эдипе (см. 105,d), Ясоне (см. 148,b) и других героях. Известен и сюжет, когда он побеждает в беге пятьдесят сыновей Приама (см. 53,3; 60,м).

3) В XIV в. до н.э. Египет и Финикия страдали от частых набегов кефтиу, или «людей моря», в которых троянцы, вероятно, играли не последнюю роль. «Кровоточивший» камень, обнаруженный Еленой в цитадели Трои, объясняется умерщвлением на этом месте племянника Приама Мунита: Парис оставался возлюбленным царицы благодаря ежегодному принесению в жертву ребенка. Анфей («двустуций») представляет собой аналогичную жертву. Его имя — титул весеннего Диониса (см. 85,2). Его получали несчастные царевичи, «срезашные» в расцвете жизни, среди них был также Антей Галикарнасский, утопленный в колодце Класобидой (Парфений. *Любовные истории.* 14).

4) Килла, чье имя означает «жребии для гадания, сделанные из ослиной кости» (Гесикий под словом *Sille*), должна быть Афиной, богиней троянской цитадели, которая изобрела искусство предсказания (см. 17,3) и руководила умерщвлением Мунита.

^{134*} Палинодия (греч. *palin* — «обратно, против», *ode* — «песнь, лирическое стихотворение») — в древнегреческой поэзии стихотворение, в котором автор отрекается от сказанного им в прежнем произведении; а также: частая смена взглядов, мнений.

[а] Когда Парис решил сделать Елену своей женой, он не предполагал, что ему придется отвечать за то, что он отплатил черной неблагодарностью Менелаю за его гостеприимство. Разве критяги призвали к ответу, когда они от имени Зевса похитили Европу финикийцев? Пришлось ли аргонавтам платить за похищение Медеи из Колхиды? Или, может быть, афиняне платили за похищение критянки Ариадны? А фракийцы платили за похищенную афинянку Орифию?¹ Однако в случае с Парисом все оказалось по-другому. Гера отправила Ириду на Крит с вестью о бегстве Елены, и Менелай поспешил в Микены, где стал упрашивать своего брата Агамемнона собрать причитающуюся дань и отправить войско против Трои.

[b] Агамемнон согласился на эти просьбы при том условии, что послы, которых он отправит в Троию с требованием возвратить Елену и возместить нанесенный Менелаю ущерб, вернуться ни с чем. Приам сказал, что знать ничего не знает — ведь Парис все еще был в южных водах, — и сам спросил у послов, что получили троянцы за похищение Гесионы. Тогда Менелай отправил глашатаев ко всем царевичам, которые поклялись ему на окровавленных членах принесенной в жертву лошади, с напоминанием о том, что поступок Париса оскорбил всю Грецию. До тех пор пока это преступление не будет должным образом наказано, никто не может быть спокоен за безопасность своих жен. Забрав в Пилосе старого Нестора, Менелай вместе с ним стал путешествовать по всей Греции, сзывая предводителей похода².

[c] Затем Агамемнон, в сопровождении Менелая и сына Навплия по имени Паламед, посетил Итаку, где с большим трудом уговорил

Одиссея присоединиться к войску. Этого Одиссея, которого считают сыном Лаэрта, Антиклея, дочь «великого клятвoprеступника и вора» Автолика, тайно зачала от Сисифа. Вскоре после его рождения Автолик пришел на Итаку и в первый же вечер своего пребывания, когда ужин уже кончился, взял ребенка к себе на колени. «Отец, дай ему имя», — попросила Антиклея. Автолик ответил: «За свою жизнь я настроил против себя многих царевичей, поэтому назову-ка я этого внука Одиссеем, что значит „свирепый“, потому что быть ему жертвой моей вражды. Но если он придет однажды на гору Парнас попрекнуть меня, то я отдам ему часть того, чем владею сам, и умерю его гнев». Когда Одиссей возмужал, он, как подобает, посетил Автолика, но, охотясь со своими дядьями, получил от вепря рану в бедро и до самой смерти ходил со шрамом. Автолик выхаживал его, и Одиссей вернулся на Итаку с множеством обещанных даров³.

[d] Одиссей женился на Пенелопе, дочери Икария и нимфы Перибей. Некоторые говорят, что он это сделал по просьбе брата Икария по имени Тиндарей, который помог Одиссею победить в беге среди претендентов на руку Елены (состязания проходили на спартапской улице, называемой Афета). Пенелопу, которую прежде звали Арнея или Арнакия, Навплий по приказу ее отца бросил в море, но стая уток с розовыми полосками на оперении не дала ей утонуть, накормила ее и помогла добраться до берега. Пораженные увиденным, Икарий и Перибей смилостивились, и Арнея получила новое имя — Пенелопа, что значит «утка»⁴.

[e] Выдав Пенелопу замуж за Одиссея, Икарий стал упрашивать его остаться в Спарте, а когда тот отказался, он долго шел за колесницей, в которой уезжали молодожены, и умолял свою дочь остаться. Одиссей, который до этого времени хранил молчание, повернулся к Пенелопе и произнес: «Или ты отправляешься на Итаку по своей воле, или, если тебе дороже твой отец, оставайся здесь, но уже без меня!» Вместо ответа Пенелопа лишь ниже опустила покрывало. Икарий, понимая правоту Одиссея, разрешил дочери уехать, а сам воздвиг изваяние в честь скромности, которое до сих пор можно увидеть в четырех милях от города Спарты как раз в том месте, где происходила эта сцена⁵.

[f] Нужно сказать, что Одиссей получил следующее предупреждение оракула: «Если ты отправишься под Трою, то вернешься домой только через двадцать лет одиноким и нищим». Когда Агамемнон, Менелай и Паламед прибыли на Итаку, он решил обмануть их, представ перед ними

в войлочной, в виде половинки яйца, крестьянской шапке, пахал свои поля, запрягши в плуг осла и вола и засевая поле солью. Паламед, первым разгадавший его хитрость, выхватил из рук Пенелопы младенца Телемаха и посадил его на землю перед приближающейся упряжкой. Одиссей поспешил остановить животных, чтобы не погубить своего единственного сына. Так было доказано, что Одиссей в здравом уме, и ему пришлось присоединиться к походу и идти под стены Трои⁶.

[g] Затем Менелай и Одиссей вместе с глашатаем Агамемнона Талфибием отправились на Кипр, где царь Кинир — тоже один из бывших женихов Елены — передал им в подарок Агамемнону нагрудный доспех и поклялся дать еще пятьдесят кораблей. Он сдержал свое обещание, но своеобразно — отправил только один настоящий корабль, а сорок девять других были крохотными глиняными сосудами, на которых матросами были куклы. Кормчий спустил их на воду, когда подплыл к греческому берегу. По просьбе возмущенного таким обманом Агамемнона Аполлон, как говорят, погубил Кинира, отчего его пятьдесят дочерей бросились в море и превратились в зимородков; на самом же деле Кинир сам покончил с собой, когда обнаружил, что вступил в кровосмесительную связь со своей дочерью Смирной⁷.

[h] Калхас, жрец Аполлона, предсказал, что Троию можно будет взять только с помощью молодого Ахилла, седьмого сына Пелея. Мать Ахилла Фетида погубила его младших братьев, предав огню их бранные тела, и ему самому была уготована такая же участь, но Пелей выхватил Ахилла из огня и заменил почерневшую от огня лодыжку выкопанной из земли лодыжкой великана Дамиса. Некоторые, правда, говорят, что Фетида окунула Ахилла в реку Стикс, и тело его стало бессмертным, кроме пяты, за которую она его держала⁸.

[i] Когда Фетида покинула Пелея, он отнес ребенка кентавру Хирону, который вырастил его на горе Пелион, кормя потрохами львов, диких вепрей и костным мозгом медведей, чтобы мальчик вырос смелым. По другому свидетельству, он кормил мальчика медом и мозгами дичи, чтобы тот стал хорошим бегуном. Хирон учил воспитанника искусству верховой езды, охоты, игре на свирели и врачеванию. Муза Каллиопа учила его пению. В шестнадцатилетнем возрасте он впервые убил вепря и с тех пор стал постоянно приносить туши вепрей и львов в пещеру Хирона. Афина и Артемида с удивлением взирали на этого белокурого ребенка, который был столь быстроногим, что легко догонял оленей даже без помощи гончих⁹.

[j] Нужно сказать, что Фетида знала, что ее сын никогда не возвратится из-под Трои, если присоединится к походу, поскольку ему было суждено либо прославиться под Троей и умереть в раннем возрасте, либо прожить долгую и бесславную жизнь у домашнего очага. Она нарядила его девочкой и оставила на попечение царя Скироса Ликомеда, в чьем дворце он жил под именем Керкисеры, Аиссы или Пирры. Ахилл вступил в связь с дочерью Ликомеда Дейдамией, родившей ему Пирра, позднее названного Неоптолемом. Правда, некоторые говорят, что Неоптолем был сыном Ахилла и Ифигении¹⁰.

[k] Одиссей, Нестор и Аякс были посланы, чтобы забрать Ахилла со Скироса, где, по слухам, его прятали. Ликомед позволил им обыскать весь дворец, но им никогда бы не найти Ахилла, если бы Одиссей не додумался разложить дары — большей частью драгоценности, пояса, вышитые платья и тому подобное, а между ними положили меч и щит, — в дворцовом зале и не пригласил живших при дворце женщин выбрать себе подарок по вкусу. Вдруг, по приказу Одиссея, раздался звук боевой трубы и звон оружия, а одна из девушек, обнажившись до пояса, схватила щит и меч, предусмотрительно положенные между дарами. Это и был Ахилл, который пообещал повести мирмидонян на Трою¹¹.

[l] Некоторые авторитеты считают всю эту историю досужей выдумкой и говорят, что Нестор и Одиссей отправились собирать войско и оказались во Фтии, где их принял Пелей, который, не раздумывая, разрешил Ахиллу, в то время пятнадцатилетнему юноше, отправиться из дому под присмотром Феникса, сына Аминтора и Клеобулы. Фетида подарила ему прекрасный инкрустированный сундук, полный одеяний, непродуваемых плащей и толстых подстилок, необходимых в путешествии¹². В свое время Фтия, наложница отца Феникса, обвинила последнего в том, что тот ее обесчестил. Аминтор ослепил Феникса и своим проклятьем обрек на бездетность. Было ли обвинение истинным или ложным — неизвестно, но Феникс так и остался бездетным. Однако ему удалось бежать в Фессалию к Пелею, который не только упросил Хирона вернуть ему зрение, но и сделал его царем соседей долопов. После этого Феникс вызвался стать наставником Ахилла, который питал к нему большую привязанность. Некоторые утверждают, что Феникс был слеп не в прямом смысле, а метафорически: под слепотой скрывалось его мужское бессилие — следствие проклятия отца, — которое Пелею удалось снять, сделав Феникса вторым отцом Ахилла¹³.

[m] У Ахилла был постоянный спутник, его родич Патрокл, который хоть и был старше, но уступал Ахиллу в силе, быстроте и знатности происхождения. Иногда отцом Патрокла называют Менестия из Опунта, иногда Эака, а матью — и Сфенелу, дочь Акаста, и Периопиду, дочь Фера, и Полимелу, дочь Пелея, и Филомелу, дочь Актора¹⁴. Патрокл нашел убежище при дворе Пелея после того, как убил сына Амфидама по имени Клитоним или Эан, когда они поссорились, играя в кости¹⁵.

[n] Когда греческий флот собрался в Авлиде, в удобной бухте в Эвбейском проливе, явились критские послы, чтобы объявить, что их царь Идомней, сын Девкалиона, поведет на Трою сто кораблей, если Агамемнон согласится разделить с ним власть над всем войском, и это условие было принято. Идомней был бывшим женихом Елены и считался очень красивым; он избрал своим заместителем Мериона, сына Мола, который, по слухам, был одним из незаконнорожденных сыновей Миноса. На щите у Идомenea красовался петух как знак того, что он происходил родом от Гелиоса, а шлем его украшали клыки вепря¹⁶. Так путь в Трою превратился в крито-эллинский поход. Сухопутными силами эллинов командовал Агамемнон, которому помогали Одиссей, Паламед и Диомед, а во главе эллинского флота стояли Ахилл и его помощники — Большой Аякс и Феникс¹⁷.

[o] Из всех своих советников Агамемнон больше всего ценил Нестора, царя Пилоса, отличавшегося беспримерной мудростью и «сладкоречием». Он правил уже третьим поколением своих современников и, несмотря на почтенный возраст, оставался смелым бойцом, а как военачальник превосходил афинского царя Менесфея в тактике пешего и конного строя. Его разумные мысли всегда разделял Одиссей, и эти двое во всем придерживались одного мнения относительно успешного ведения войны¹⁸.

[p] Большой Аякс, сын Теламона и Перибей, был родом из Саламина. В храбрости, силе и красоте Большой Аякс уступал только Ахиллу, был на голову выше любого соперника и владел надежным щитом из семи бычьих шкур. Его тело было неуязвимо, если не считать подмышки и, как говорят некоторые, шеи, по причине заговора, который совершил над ним Геракл¹⁹. Когда Большой Аякс всходил на корабль, Теламон дал ему такой совет на прощание: «Всегда думай о победе — и боги помогут тебе». Аякс хвастливо ответил: «С помощью богов любой трус и глупец сможет обрести славу; я надеюсь, что смогу достичь всего и без

их помощи!» Такой похвальбой он и навлек на себя гнев богов. Однажды, когда Афина явилась, чтобы приободрить его в бою, он воскликнул: «Не мешай, богиня, лучше ободри моих соратников ахейцев, ведь там, где я, враг не пройдет!»²⁰ Сводный брат Аякса по имени Тевкр, незаконнорожденный сын Теламона и Гесионы и самый меткий лучник во всей Греции, привык сражаться, прячась за щитом Аякса и возвращаясь в свое укрытие, «как к матери сын»²¹.

[q] Малый Аякс — локридец, сын Оилея и Эриопиды, хотя и был мал ростом, лучше всех в Греции метал копье, а в беге уступал только Ахиллу. Он был третьим в отряде Большого Аякса. Его легко было узнать по «бронне полотняной» и прирученному змею, который в длину превосходил человека и всюду следовал за своим хозяином, как собака²². Его сводный брат Медон, незаконнорожденный сын Оилея и нимфы Рены, пришел из Филаки, откуда был изгнан за то, что убил брата Эриопиды²³.

[r] Диомед, сын Тидея и Дипилы, пришел из Аргоса в сопровождении двух друзей эпигонов по имени Сфенел, сын Капанея, и Эвриал, аргонавт и сын Мекистея. Диамед очень любил Елену и воспринял ее похищение Парисом как личное оскорбление²⁴.

[s] Аргивянин Тлеполем, сын Геракла, привел с собой с Родоса девять кораблей²⁵.

[t] Прежде чем покинуть Авлиду, греческий флот получил запасы зерна, вина и другой провизии от Ания, царя Делоса, которого от Аполлона тайно родила Рео, дочь Стафила и Хрисофемиды. Когда отец Рео обнаружил, что она беременна, он заточил ее в сундук и отправил по воле волн. Но сундук благополучно прибило к берегу Эвбеи, где Рео родила сына, названного ею Аний — из-за несчастья, которое она перенесла в связи с его появлением. Аполлон сделал мальчика ясновидящим царем-жрецом в Делосе. Некоторые говорят, что сундук Рео сразу прибило к Делосу²⁶.

[u] Жена Дориша родила Анию трех дочерей — Элаиду, Спермо и Эно, прозванных «виноградарками», и сына Андрона, царя Андроса, которого Аполлон обучил искусству предсказания. Будучи жрецом Аполлона, Аний посвятил своих дочерей Дионису, желая, чтобы его семья оказалась под покровительством еще одного бога. В благодарность за это Дионис сделал так, что все, к чему бы ни прикоснулась Элаида, призвав его на помощь, превращалось в масло, все, к чему прикоснется Спермо, — в зерно, а все, к чему прикоснется Эно, — в вино²⁷. Поэтому для Ания не представляло большого труда снабдить греческий

флот всем необходимым. Но Агамемнон не довольствовался этим. Он послал Менелая и Одиссея на Делос, чтобы те уговорили Анию отпустить «виноградарок» в поход вместе с ними. Аний отказал, заявив Менелая, что по воле богов Троя падет только на десятый год. «Почему бы все это время вам не провести на Делосе? — гостеприимно предложил он. — Мои дочери кормили бы и поили вас, а потом на десятый год, если будет нужно, отправились бы с вами в Трою». Но поскольку у них был строгий приказ Агамемнона привезти сестер, будет на то согласие Ания или нет, Одиссей связал «виноградарок» и силой заставил их взойти на свой корабль²⁸. Когда сестрам удалось бежать и две из них укрылись на Эвбее, а третья на Андросе, Агамемнон послал за ними корабли и пригрозил войной, если те не покорятся. Все три повиновались, но воззвали к Дионису, который превратил их в голубиц. Вот почему до сего дня голуби на Делосе находятся под защитой богов²⁹.

[v] В Авлиде, когда Агамемнон приносил жертвы Зевсу и Аполлону, голубой змей с кроваво-красными пятнами на спине выскользнул из-под алтаря и пополз к росшему рядом платану. На самой верхней его ветви было гнездо с восемью птенцами и самкой-воробьиной. Змей пожрал их всех и как был на ветви, так и остался, превращенный Зевсом в камень. Калхас объяснил это чудо как подтверждение пророчества Ания: девять лет пройдет, пока будет взята Троя, но взята она будет. Затем Зевс ободрил их всех, ударив перуном по правую сторону от уходившего в море флота³⁰.

[w] Одни говорят, что греки отплыли из Авлиды через месяц после того, как уговорили Одиссея присоединиться к ним, а Калхас, пользуясь своим ясновидением, повел их к Трое. Другие утверждают, что Энона отправила своего сына Корифа, чтобы тот стал проводником ахейцев³¹. По мнению третьих, которое разделяют очень многие, флот вести было некому, и они по ошибке приплыли в Мисию, где сошли на берег и стали опустошать страну, приняв ее за Троаду. Царь Телеф заставил их отступить и даже убил отважного Ферсандра, сына фиванца Полиника, единственного, кто не оставил поле боя. Тогда на помощь пришли Ахилл и Патрокл, при виде которых Телеф повернул назад и бежал вдоль берега реки Каик. Нужно сказать, что греки принесли жертву Дионису и Авлиде, а мисийцы позабыли это сделать. В наказание за это неожиданно выросшая из земли лоза опрокинула Телефа, и Ахилл ранил его в бедро знаменитым копьём, которым, кроме него, никто не владел. Это был подарок Хирона его отцу Пелею³².

[х] Ферсандр был погребен в мисийской Элее, где ему как герою было построено святилище; командование беотийцами сначала перешло к Пенелею, а потом, когда тот был убит сыном Телефа по имени Эврипил, — к сыну Ферсандра Тисамену, который к моменту гибели отца уже считался взрослым. Некоторые, правда, настаивают на том, что Ферсандр остался жив и был среди тех, кто прятался в деревянном коне³³.

[у] Омыв своих раненых в горячих ионийских ключах под Смирной, называемых купальня Агамемнона, греки вновь вышли в море, где их корабли раскидала ужасная буря, посланная Герой, и, оказавшись в одиночестве, каждый корабль отправился к своим родным берегам. Как раз тогда Ахилл причалил к Скиросу и официально женился на Дейдами³⁴. Кое-кто считает, что Троя пала через двадцать лет после похищения Елены и что свой первый неудачный поход греки совершили на второй год после этого события, и прошло еще восемь лет, прежде чем они собрались вновь. Однако более правдоподобно, что их военный совет в спартанском Эллении состоялся в том же году, что и их возвращение из Мисии. Сдерживало их все то же препятствие: никто не знал морского пути в Трою³⁵.

[z] Тем временем Телеф все еще страдал от незаживающей раны, и Аполлон объявил ему, что рану может вылечить лишь тот, кто ранил его. Телеф, в лохмотьях, под видом нищего, отправился в Микены к Агамемнону и, по совету Клитемнестры, выхватил младенца Ореста из колыбели. «Я убью твоего сына, — кричал он, — если ты не исцелишь меня!» Агамемнон, предупрежденный оракулом, что греки могут взять Трою только с помощью Телефа, взялся помочь ему при условии, что тот согласится повести флот на Трою. Когда Телеф дал согласие, Ахилл, которого Агамемнон просил об исцелении Телефа, соскреб немного ржавчины с копья, нанесшего рану, присыпал рану, и она зажила, правда не без помощи травы *achilleos* — целебного растения, которое Ахилл сам отыскал³⁶. Позднее Телеф отказался участвовать в походе на том основании, что его жена Лаодика, которую еще звали Гиерой и Астихой, была дочерью Приама. Но он тем не менее показал грекам, какого курса нужно держаться, и Калхас подтвердил правильность его совета с помощью гадания³⁷.

¹ Геродот. I.1—4; Овидий. Героини. XVI.341—350.

² Геродот. I.3; Киприи. Цит. по: Прокл. Хрестоматия. I; Аполлодор. Эпитома. III.6.

- ³ Гигин. Мифы. 95; Гомер. Одиссея. XXIV.115—119, XIX.399—466; Аполлодор. Цит. соч. III.12; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.529.
- ⁴ Аполлодор. III.10.6,9; Павсаний. III.12.2; Цец. Схолии к Ликофрону. 792; Дидим. Цит. по: Евстафий. Комментарий к «Илиаде» Гомера. 1422.
- ⁵ Павсаний. III.20.2.
- ⁶ Гигин. Цит. соч; Сервий. Цит. соч. II.81; Цец. Цит. соч. 818; Аполлодор. Цит. соч. III.7.
- ⁷ Аполлодор. Цит. соч. III.9; Евстафий. Цит. соч. XI.20; Нонн. Деяния Диониса. XIII.451; Гигин.
- ⁸ Аполлодор. III.13.8; Птолемей Гефестион. VI; Ликофрон. Александра. 178 и след., схолии; Схолии к «Илиаде» Гомера. XVI.37; Схолии к «Облакам» Аристофана. 1068; Схолии к Аполлонию Родосскому. IV.816.
- ⁹ Сервий. Цит. соч. VI.57; Фульгенций. Три книги мифологии. III.7; Аполлодор. III.13.6; Филострат. Героические деяния. XX.2, XIX.2; Орфическая аргонавтика. 392 и след.; Стаций. Ахиллеида. I.269 и след.; Гомер. Илиада. XI.831—832; Пиндар. Немейские оды. III.43 и след.
- ¹⁰ Аполлодор. III.13.8; Гомер. Цит. соч. IX.410 и след.; Птолемей Гефестион. I; Цец. Цит. соч. 183.
- ¹¹ Аполлодор. Цит. соч.; Схолии к «Илиаде» Гомера. XIX.332; Овидий. Метаморфозы. XIII.162; Гигин. Цит. соч. 96.
- ¹² Гомер. Цит. соч. IX.438 и след., XI.769 и след.
- ¹³ Аполлодор. Цит. соч.; Цец. Цит. соч. 421; Гомер. Цит. соч. IX. 447 и след., 485.
- ¹⁴ Гомер. Цит. соч. XI.786—787; Пиндар. Олимпийские оды. IX. 69—70; Гесиод. Цит. по: Евстафий. Схолии к «Илиаде» Гомера. I.337; Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч. 97; Схолии к Аполлонию Родосскому. IV.816.
- ¹⁵ Аполлодор. Цит. соч.; Страбон. IX.4.2.
- ¹⁶ Аполлодор. III.3.1; Филострат. Цит. соч. 7; Диодор Сицилийский. V.79; Гигин. Цит. соч. 81; Павсаний. V.25.5; Гомер. Цит. соч. X.61 и след.
- ¹⁷ Диктис Критский. I.16; Аполлодор. Эпитома. III.6.
- ¹⁸ Гомер. Илиада. I.247—252, II.21, 553—555, IV.310, Одиссея. III. 244,126—129.
- ¹⁹ Гомер. Илиада. XVII.279—280, Одиссея. III.226—227; Софокл. Аякс. 576, 833 и схолии; Схолии к «Илиаде» Гомера. XXIII.821; Цец. Цит. соч. 455 и след.
- ²⁰ Софокл. Цит. соч. 762—777.

- ²¹ Гомер. Илиада. VIII.266—272.
- ²² Гомер. Илиада. II.527—530, XIII.697,701 и след., XIV.520 и след.; Гигин. Цит. соч. 97; Филострат. Диалог о героях. VIII.1. Цит. соч. 242.
- ²³ Гомер. Цит. соч. II.728, XIII.694—697.
- ²⁴ Аполлодор. I.8.5; Гигин. Цит. соч.; Гомер. Цит. соч. II.564—566.
- ²⁵ Гомер. Цит. соч. II.653—654; Гигин. Цит. соч.
- ²⁶ Диктис Критский. I.23; Сервий. Цит. соч. III.80; Диодор Сицилийский. V.62; Цец. Цит. соч. 570.
- ²⁷ Цец. Цит. соч.; Аполлодор. Эпитома. III.10; Овидий. Метаморфозы. XIII.650 и след.; Сервий. Цит. соч.
- ²⁸ Стесихор. Цит. по: Схолии к «Одиссее» Гомера. VI.16; Цец. Цит. соч. 583; Сервий. Цит. соч.; Ферекид. Цит. по: Цец. Схолии к Ликофрону. 570.
- ²⁹ Овидий. Цит. соч. XIII.643—674; Сервий. Цит. соч.
- ³⁰ Аполлодор. Эпитома. III.15; Гомер. Цит. соч. II.303—353; Овидий. Цит. соч. XII.13—23.
- ³¹ Гомер. Одиссея. XXIV.118—119, Илиада. I.71; Цец. Цит. соч. 57.
- ³² Аполлодор. Цит. соч. III.17; Пиндар. Олимпийские оды. IX.70 и след.; Цец. Цит. соч. 206—209; Схолии к «Илиаде» Гомера. I.59; Гомер. Илиад. XVI.140—144.
- ³³ Павсаний. IX.5.7—8; Вергилий. Энеида. II.261.
- ³⁴ Филострат. Цит. соч. III.35; Аполлодор. III.18; Киприи. Цит. по: Прокл. Хрестоматия. I.
- ³⁵ Гомер. Цит. соч. XXIV.765; Аполлодор. Цит. соч.; Павсаний. III.12.5.
- ³⁶ Аполлодор. Цит. соч. III.19—20; Гигин. Цит. соч. 101; Плиний. Естественная история. XXVI.9.
- ³⁷ Гигин. Цит. соч.; Филострат. Цит. соч. II.18; Схолии к «Одиссее» Гомера. I.520; Аполлодор. Цит. соч. III.20.

1) После падения Кносса, т. е. в начале XIV в. до н. э., завязалась борьба за власть на море между народами Восточного Средиземноморья. Это нашло отражение в свидетельстве Геродота, которое разделяет Иоанн Малала (см. 58,4), о том, что похищению Елены предшествовали многочисленные набеги, а также в описании Аполлодором того, как Парис совершил набег на Сидон (см. 159,t), а люди Агамемнона напали на Мисию. Троянская конфедерация представляла собой самое большое препятствие на пути греческих торговых планов до тех пор, пока верховный царь Микен не собрал своих союзников (включая греческих

правителей Крита), чтобы совершить совместное нападение на Трою. Война на море, в отличие от осады Трои, вполне могла длиться и девять и десять лет.

2) Среди независимых союзников Агамемнона были жители островов Итака, Сама, Дулихий и Закинф, ведомые Одиссеем южные фесалийцы во главе с Ахиллом, а также их родичи Эакиды из Локриды и Саламина, ведомые двумя Аяксами. Этими вождями оказалось трудно руководить, и Агамемнону только интригами удавалось удержать их от того, чтобы они не перерезали друг другу глотки. В этом ему помогали пелопоннесские подручные: спартанец Менелай, Диомед из Аргоса и Нестор из Пилоса. Непризнание Аяксом олимпийских богов и оскорбление, нанесенное им Афине, рожденной Зевсом, неверно воспринималось как свидетельство атеизма. Скорее это было проявлением религиозного консерватизма: Эакиды происходили из лелегов и поклонялись доэллинской богине (см. 158,8; 168,2).

3) Фиванцы и афиняне, похоже, держались в стороне от этой войны, хотя афинский отряд упоминается в «Перечне кораблей»^{135*}. Заметной роли под Троей они не сыграли. Но присутствие царя Менесфея всячески подчеркивалось, чтобы оправдать позднейшую афинскую экспансию на побережье Понта Эвксинского (см. 162,3). Одиссей является ключевой фигурой греческой мифологии. Несмотря на то что он был рожден дочерью солнечного коринфского бога и в соответствии со старыми традициями получил руку Пенелопы, победив в беге, он нарушает древнее экзогамное правило, настаивая на том, чтобы Пенелопа отправилась в его царство, а не он остался в ее (см. 137,4). Кроме того, он, как и его отец Сисиф (см. 67,2) и критянин Кинир (см. 18,5), отказывается умирать в конце оговоренного для него срока правления. Этот момент составляет центральную аллегорическую «Одиссею» (см. 170,1; 171,3). Одиссей, в дополнение ко всему, является первым мифическим персонажем, снабженным такой несущественной физической характеристикой, как коротконогость, в результате которой «сидящим он выглядел благородней, чем стоящим». Шрам на бедре следует считать признаком того, что он избежал смерти, обязательной для царей культа вепря (см. 18,3; 151,2).

4) Хотя притворное безумие Одиссея и не противоречит его новому желанию не поступать так, как подобает царю, вероятно, оно истолковано

^{135*} «Перечень кораблей» — см.: Гомер. Илиада. Песнь вторая «Сон. Бесотия, или Перечень кораблей».

ошибочно. На самом деле он пророчески предсказывал бесполезность войны, на которую его призывали. В конической шапке, которую носили мистагоги, или прорицатели, он пахал и перепахивал поле, причем каждая борозда, засеянная солью, означала напрасно потерянный год. Паламед, который тоже обладал способностью к прорицанию (см. 52,6), схватил Телемаха и тем самым остановил пахоту, без сомнения, на десятой борозде, посадив ребенка перед самой упряжкой. Этим он показал, что решающая битва — а именно это означает слово *Телемах* — состоится тогда, когда пройдет указанный срок.

5) До Трои все предводители греков были царями-жрецами. Прирученный змей Малого Аякса не мог сопровождать его в бою, поскольку змей у Аякса мог появиться только после того, как он стал вещим героем. Украшенный клыками вепря плем Идоменей, существование которого подтверждается находками на Крите и в микенской Греции, первоначально должен был принадлежать танисту (см. 18,7). Громоздкие щиты изготавливались из спитых бычьих шкур; все, что выступало, обрезалось. По ритуальным соображениям средняя часть щита была уже, отчего щит приобретал форму восьмерки. Такой щит закрывал всего человека от подбородка до лодыжки.

6) Рео, дочь Стафила и Хрисофемиды («гранатовый плод, дочь виноградной грозди и золотого порядка»), явившаяся на Делос в сундуке, представляет собой хорошо известную богиню плодородия с челноком в форме народившегося месяца. Она также предстает в виде триады внучек «виноградарок», чьи имена означают «оливковое масло», «зерно» и «вино». Поскольку «виноградарки» были праправнучками Ариадны, то они должны были явиться на Делос с Крита (см. 27,7).

7) Трудности, с которыми сталкиваются греки при поиске путей в Трою, никак не соответствуют той легкости, с которой Менелай плывал в этот город. Возможно, в первоначальной легенде троянская Афродита с помощью заклинания лишила их памяти так же, как сй потом удалось разбросать весь греческий флот, плывший к родным берегам (169,2).

8) То, как Ахилл лечил нанесенную копьём рану, основывается на древнем гомеопатическом принципе — «подобное лечится подобным» и напоминает использование Мелампом ржавчины с ножа для кастрации животных, чтобы вылечить Ификла (см. 72,е).

9) До сих пор ни один из комментаторов не дал точного объяснения, почему птичье гнездо, о котором говорит Калхас, было на платане уничтожено змеем. Дело в том, что змеи сбрасывают кожу каждый год и как

бы омолаживаются. То же происходит и с платанами, поэтому они оба являются символами возрождения. Калхас знал, что съеденные птицы означали не месяцы, а годы. Это дерево, позднее присвоенное Аполлоном, было священным деревом богини на Крите и в Спарте (см. 58,3), поскольку его листья напоминали зеленую ладонь с пальцами, вытянутыми для благословения. На статуэтках эпохи архаики богиня делает именно такой жест рукой. Голубой цвет змея говорит о том, что его послал Зевс, который как бог неба обладал голубым нимбом. Игрушечные корабли Кинира, возможно, отражают заимствованный киприотами у египтян обычай класть в могилу царя терракотовые кораблики для путешествия в мир мертвых.

10) Пятьдесят дочерей Кинира, превратившиеся в зимородков, вероятно, были сообществом жриц Афродиты. Одним из ее наименований было Алкиона, т. е. «царица, отводящая [бури]», а ее священные птицы — зимородки — предвещали тихую погоду (см. 45,2).

[а] Калхас, брат Левкишпы и Феонии, научился искусству прорицания от своего отца Фестора. Однажды Феония гуляла по морскому берегу вдоль стен Трои, и ее схватили карийские пираты. Так она стала наложницей царя Икара. Фестор, не мешкая, пустился в погоню, но потерпел кораблекрушение у карийских берегов, и Икар заключил его в темницу. Несколько лет спустя Левкиппа, которая была еще ребенком, когда произошли эти печальные события, отправилась в Дельфы, чтобы узнать о судьбе своего отца и сестры. Пифия посоветовала ей переодеться в жреца Аполлона и отправиться на их поиски в Карию. Левкиппа послушно побрила себе голову и пришла ко двору царя Икара. Феония, не узнав сестру в таком обличье, влюбилась в нее и сказала одному из стражей: «Приведи этого молодого жреца в мою опочивальню!» Левкиппа, тоже не узнав Феонией, испугалась, что ее предадут смерти за мошенничество, и отказалась. Тогда Феония, которая знала, что не может приказать дворцовым слугам совершать святотатство и убить жреца, распорядилась, чтобы убийство совершил кто-нибудь из узников-чужеземцев, посыл для этой цели меч.

[б] Выбор пал на Фестора, который, отправившись в спальню, где была закрыта Левкиппа, и обнажив меч, в отчаянии рассказал, зачем он пришел. «Я не убью тебя, — произнес он, — ведь я тоже поклоняюсь Аполлону, и мне лучше самому лишиться жизни, чем убить его жреца. Но сначала я открою тебе свое имя: я — Фестор, сын аргонавта Идмона и троянский жрец». Он уже был готов вонзить меч себе в грудь, но Левкиппа вырвала меч и отбросила его в сторону. «Отец! Отец! —

вскричала она, — я дочь твоя Левкиппа! Не обращай это оружие против себя, лучше убей им омерзительную наложницу царя Икара. Пойдем, я проведу тебя!» Они поспешили в чертог, где Феоноя занималась вышиванием. «Ага, похотливая баба, — закричала Левкиппа, ворвавшись в комнату и таща за собой Фестора. — Готовься умереть от руки моего отца Фестора, сына Идмона!» Тут наступил черед Феонои воскликнуть: «Отец! Отец!» И когда слезы радости полились из их глаз и зазвучали слова благодарности Аполлону, царь Икар великодушно отпустил их всех домой, одарив богатыми подарками¹.

[с] Тем временем Приам отказал Агамемнону в требовании вернуть Елену и послал сына Фестора Калхаса, жреца Аполлона, в Дельфы к пифии. Предсказав падение Трои и конец дома Приама, пифия приказала Калхасу присоединиться к грекам и помешать им снять осаду раньше, чем они одержат победу. Калхас поклялся в дружбе Ахиллу, предоставившему ему свой дом и приведшему его к Агамемнону².

[d] Когда греческий флот во второй раз собрался в Авлиде и в течение многих дней не мог выйти в море из-за встречного ветра, Калхас предрек, что корабли не смогут отплыть до тех пор, пока Агамемнон не принесет в жертву Артемиде самую прекрасную из своих дочерей. Правда, споры идут до сих пор, почему нужно было умиловить Артемиду. Одни говорят, что, попав с большого расстояния в оленя, Агамемнон похвастался: «Сама Артемида не выстрелила бы лучше!» — или что он убил ее священную козу, или что поклялся принести в жертву богине самое прекрасное существо, которое появится на свет в его царстве в течение года, и таким существом оказалась Ифигения, или что его отец Атрей пожалел для богини причитавшегося ей золотого ягненка³. Как бы там ни было, Агамемнон отказался принести такую жертву, заявив, что Клитемнестра никогда не согласится отпустить от себя Ифигению. Но когда греки поклялись, что изберут над собой Паламеда, если Агамемнон будет упорствовать, а Одиссей, изобразив на своем лице гнев, стал готовиться к отплытию домой, Менелай выступил как миротворец. Он предложил Одиссею и Талфибию привезти Ифигению в Авлиду якобы для того, чтобы выдать ее замуж за Ахилла в награду за отвагу, проявленную им в Мисии. Агамемнон согласился на эту хитрость, но тут же отправил тайное послание Клитемнестре с предупреждением, чтобы она не верила Одиссею. Менелая удалось перехватить послание, и Ифигению обманом привезли в Авлиду⁴.

[e] Когда Ахилл обнаружил, что обманщики воспользовались его именем, он обязался защитить Ифигению от любого обидчика, но она благородно согласилась умереть во славу Греции, молча положив голову под жертвенный топор. Одни говорят, что в то же мгновение Артемиды отнесла ее в земли тавров, положив вместо нее на алтарь лань, медведицу или, может быть, старуху. Другие считают, что при этом раздался раскат грома и, по велению Артемиды, а также вняв мольбам Клитемнестры, вмешался Ахилл, спас Ифигению и отправил ее в Скифию или что он женился на ней и она, а не Дейдамия родила ему Неоптолема⁵.

[f] Неизвестно, умерла Ифигения или осталась жива, но подул северо-восточный ветер, и флот смог выйти в море. Сначала они пристали к Лесбосу, где Одиссей решил помериться силой с царем Филомелидом, который любил побороться с чужеземцами. Подбадриваемый криками всех присутствовавших греков, Одиссей опозорил хозяина, бросив его наземь. Затем флот пристал к Тенедосу, который был виден из Трои и в то время был под властью Тенеса, который, по слухам, был сыном Кикна и Прокли, дочери Лаомедонта, но мог считать своим отцом Аполлона.

[g] Этот Кики, сын Посейдона и Калики, или Гарпалы, правил в Колонах. Он был рожден втайне и оставлен на морском берегу, но его обнаружили рыбаки, которые заметили, как около ребенка опустился лебедь и стал его успокаивать⁶. После смерти Прокли он женился на Филономе, дочери Трагаса. Она же влюбилась в Тенеса, своего приемного сына, бесполезно пыталась соблазнить его и в отместку обвинила его в том, что он попытался обесчестить ее. В свидетели она призвала флейтиста Молпа, и Кики, поверив им, заключил Тенеса и его сестру Гимитею в сундук и бросил его в море. Сундук прибило к острову Тенедос, который до тех пор называли Левкофрис, что значит «белая бровь»⁷. Позднее, когда Кики узнал всю правду, он приказал забросать Молпа камнями, Филоному заживо похоронил, а услышав, что Тенес жив и находится на Тенедосе, поспешил туда, чтобы признать свою ошибку. Но Тенес, не желая ничего прощать, топором обрубил канаты корабля, на котором приплыл Кики. Отсюда поговорка, означающая резкий отказ: «Он отрубил его топором от Тенедоса». В конце концов Тенес смягчился, и Кики поселился рядом с ним на Тенедосе⁸.

[h] Нужно сказать, что Фетида предупредила Ахилла, что если он убьет сына Аполлона, то и сам умрет от руки Аполлона, поэтому при нем всегда находился слуга по имени Мнемон с единственной целью —

напоминать ему о предупреждении Фетиды. Но, увидев, как Тенес швырнул огромный камень со скалы в греческие корабли, Ахилл бросился в море, доплыл до берега и, не раздумывая, поразил Тенеса в самое сердце. После этого греки высадились и разграбили Тенедос. Слишком поздно поняв, что он только что совершил, Ахилл покарал Мнемона смертью за то, что тот забыл напомнить ему о словах Фетиды. Он предал Тенеса земле там, где теперь стоит его святилище и куда не допускаются флейтисты, а имя Ахилл произносить запрещено⁹. Кроме того, Ахилл убил Кикна, ударив его по голове — единственно уязвимой части тела, и стал преследовать Гимитею, бежавшую от него, как лань. Когда, казалось, уже ничто не в силах было ей помочь, земля расступилась и поглотила ее. Здесь же, на Тенедосе, Ахилл впервые поссорился с Агамемноном, обвинив в том, что тот с опозданием пригласил его участвовать в походе¹⁰.

[i] Паламед совершил гекатомбу в честь Аполлона Сминфея в благодарность за победу на Тенедосе, но во время жертвоприношения к алтарю приблизилась водяная змея и укусила знаменитого лучника Филоктета в ногу. Не помогли ни мази, ни припарки — рана становилась все ужаснее, вопли Филоктета все громче, и войско не могло уже выносить ни того ни другого. Поэтому Агамемнон приказал Одиссею высадить несчастного на пустынном берегу Лемноса. Там он прожил несколько лет, стреляя птиц, а командовать его войском стал Медон¹¹.

[j] По другому свидетельству, все это случилось на Хрисе — небольшом островке неподалеку от Лемноса, который уже давно поглотило море. То ли нимфа Хриса влюбилась в Филоктета, а когда он отверг ее ухаживания, она сделала так, что змея укусила его, когда он очищал от земли засыпанный алтарь Афины Хрисы, то ли змея, охранявшая храм Афины, укусила его, когда он неосмотрительно приблизился к храму¹².

[k] По третьему свидетельству, Филоктета на Лемносе укусила змея, посланная Герой за то, что тот в свое время осмелился поджечь погребальный костер Геракла. Случилось это тогда, когда Филоктет был поглощен созерцанием алтаря, воздвигнутого Афине Ясоном, и собирался построить такой же Гераклу¹³.

[l] По четвертому свидетельству, Филоктета укусила змея, когда он любовался усыпальницей Троила в храме Аполлона Фимбрейского¹⁴. Пятый источник говорит, что в него попала одна из отравленных стрел Геракла. Рассказывают, что Геракл взял с него клятву не разглашать местонахождение его могилы, но когда греки узнали, что Троию можно

одолеть только с помощью стрел Геракла, они отправились на поиски Филоктета. Хотя он сначала утверждал, что ничего не знает о Геракле, но не выдержал и рассказал обо всем, что случилось на горе Эта. Тогда греки стали спрашивать его о том, где расположена могила. На этот вопрос он отказался отвечать, но, не устояв перед их настойчивостью, пошел и молча встал на то место, где в земле покоился Геракл. Позднее, когда Филоктет проходил мимо этой могилы, отправляясь на Троянскую войну, одна из стрел Геракла выпала из колчана и воцелилась ему в ногу, предупреждая остальных о том, что нельзя раскрывать божественные секреты ни знаком, ни намеком¹⁵.

¹ Гигин. Мифы. 190.

² Бенуа де Сен-Мор. Роман о Трое.

³ Птолемей Гефестион. V. Цит. по: Фотий. 483; Еврипид. Ифигения в Тавриде; Аполлодор. Эпитома. III.21.

⁴ Птолемей Гефестион. Цит. соч.; Еврипид. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч. III.22; Диктис Критский. I.20.

⁵ Еврипид. Ифигения в Авлиде; Софокл. Электра. 574; Аполлодор. Цит. соч.; Диктис Критский. 119; Цеу. Схолии к Ликофрону. 183.

⁶ Гомер. Одиссея. IV.342—344; Аполлодор. Цит. соч. III.23—24; Павсаний. X.14.2; Гигин. Цит. соч. 157; Схолии к «Олимпийским одам» Пиндара. II.147; Цеу. Цит. соч. 232—233.

⁷ Аполлодор. Цит. соч. III. 24; Павсаний. Цит. соч.; Цеу. Цит. соч.

⁸ Аполлодор. Цит. соч. III. 25; Павсаний. X.14.2; Цеу. Цит. соч.

⁹ Цеу. Цит. соч.; Плутарх. Греческие вопросы. 28.

¹⁰ Цеу. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч. III.31; Киприи. Цит. по: Прокл. Хрестоматия. I.

¹¹ Диктис Критский. II.14; Киприи. Цит. по: Прокл. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч. III.27; Гомер. Илиада. II.727.

¹² Павсаний. VIII.33.2; Цеу. Цит. соч. 911; Софокл. Филоктет. 1327; Филострат. Картины. 17; Евстафий. Схолии к Гомеру. 330.

¹³ Гигин. Цит. соч. 102; Схолии к «Филоктету» Софокла. 2,194,267.

¹⁴ Филострат. Цит. соч.

¹⁵ Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. III.402.

1) Утерянная пьеса, из которой Гигин взял историю Фестора и его дочерей, больше всего говорит о сценической стороне греческих драматургов и мифологического значения не имеет.

2) Похоже, что произвол Агамемнона оскорбил консервативное общественное мнение, поскольку у греков женщины традиционно в жертву не приносились. Тавры, к ним, как утверждают, Артемида отправила Ифигению, жили в Крыму и поклонялись Артемиде — губительнице мужчин. К ним в руки попадает сын Агамемнона Орест (см. 116,е).

3) Борьба Одиссея с царем Филомелидом, имя которого означает «возлюбленный яблонево́й нимфы», возможно, связана с известным сакральным изображением, там прежний царь побеждается новым царем в ритуальном поединке, при этом победитель получает яблоневую ветвь (см. 53,б).

4) Ахилл убивает второго Кикна (см. 162,ф), Геракл убивает третьего (см. 143,г), и Эвсв мешает ему убить четвертого (см. 133,д). Видимо, лебеди переносили царственные тени в Северный Парадиз. Аполлон, направляющийся в гости к гиперборейцам на спине лебедя или в колеснице, запряженной лебедями, — это всего лишь деликатный способ изображения в древних произведениях искусства ежегодной смерти представителя этого божества в день летнего солнцеворота (Overbeck J. A. *Griechische Kunstmythologie*^{136*}). Поющие лебеди затем улетают на север к местам своих гнездований за полярным кругом, сопровождая свой полет трубными звуками. Вот почему Павсаний (I.30.3) говорит, что лебеди причастны к миру муз. «Лебеди поют перед смертью» — душа царя-жреца расстается с телом под звуки музыки.

5) Ранние Филоктета связывалось с различными географическими пунктами, потому что изображение, навешившее этот сюжет, было широко распространено. Он был царем-жрецом Тенедоса, Лемноса, Эвбеи или любого другого эладского государства и получал укол отравленной стрелой в ногу (см. 126,3; 154,г; 164,и; 166,е) рядом с алтарем богини.

6) Геракл был не единственным царем-жрецом, чья могила сохранялась в тайне. Подобные тайны имели место на коринфском Истме (см. 67,и) (ср. также у древних евреев — Втор. 34:6).

7) Бросание Тенесом камней может быть связано с сакральным изображением, на котором солнечный герой толкает солнце-камень вверх, к зениту (см. 67,2). Талос, критский солнечный герой, также швырял камни в приближающиеся корабли (см. 154,г). Корабли на таких изображениях могли просто означать, что Крит или Тенедос были морскими державами.

^{136*} Овербек Иоганн Адольф (1826—1895) — немецкий археолог, автор книги «Греческое мифологическое искусство».

[а] Точно неизвестно, когда греки направили к Приаму послов с требованием вернуть Елену Менелая. Одни говорят, что это случилось спустя некоторое время после того, как корабли причалили к Троеде, другие — что еще до того, как корабли собрались в Авлиде. Однако все сходятся на том, что посольство в составе Менелая, Одиссея и Паламеда отправилось из Тенедоса¹. Троянцы, которые были полны решимости оставить Елену у себя, перебили бы все посольство, если бы Антенор, в доме которого они остановились, не запретил совершить это позорное дело².

[б] Греки, обиженные таким упрямством, отплыли из Тенедоса и вытащили свои корабли на берег так, чтобы их было видно из Трои. Троянцы толпами отправились к морю и обрушили на пришельцев град камней. Пока все пребывали в растерянности — даже Ахилл, которого Фетида предупредила, что первый ахейец, сошедший на берег, погибнет, — Протесилай спрыгнул на берег, убил нескольких троянцев и был поражен копьем Гектора. Говорят также, что это был Евфорб или друг Энея Ахат³.

[с] Этот Протесилай, дядя Филоктета и сын того Ификла, которого Менелай вылечил от мужской слабости, был наречен сначала Июлаем, но потом переименован из-за обстоятельств его смерти⁴. Он погребен во фракийском Херсонесе, около города Элеунта, и ему оказывают почести как герою. Высокие вязы, посаженные нимфами, стоят внутри священного участка и отбрасывают тень на могилу. Ветви, обращенные в сторону лежащей за морем Трои, рано покрываются листвой, но вскоре опадают, а ветви с противоположной стороны еще зеленеют в зимнее

время. Когда вязы вырастают настолько, что забравшийся на верхушку человек может разглядеть стены Трои, они начинают сохнуть, а им на смену от корней пробиваются новые ростки⁵.

[d] Жена Протесилая Лаодамия, дочь Акаста (некоторые называют ее Полидорой, дочерью Мелеагра), так скучала без него, что, когда он отплыл в Трою, она сделала его бронзовую или восковую статую и клала ее с собой в постель. Но это было слабым утешением, и, когда до нее дошла весть о смерти мужа, она стала умолять богов сжалиться над ней и позволить ей еще хоть раз встретиться с ним хотя бы на три часа. Всемогущий Зевс исполнил просьбу Лаодамии, и Гермес привел тень Протесилая, чтобы оживить статую. Вещая устами статуи, Протесилай стал умолять ее не медлить и последовать за ним; по истечении трех часов их встречи Лаодамия закололась мечом в его объятьях⁶. Другие говорят, что отец Лаодамии Акаст силой заставил ее вновь выйти замуж. Однако она продолжала спать со статуей, пока слуга, принесший яблоки для утренней жертвы, не заглянул в щель двери спальни и не принял статую за лежащего в ее объятиях любовника. Он обо всем доложил Акасту, который ворвался в комнату к Лаодамии и увидел все как есть. Чтобы дочь не мучила себя дольше, Акаст приказал сжечь статую, но Лаодамия бросилась в костер и погибла⁷.

[e] По другому преданию, Протесилай не погиб во время Троянской войны и даже отплыл домой, взяв с собой в качестве пленницы сестру Приама Этилла. По дороге он причалил к македонскому полуострову Пеллена, но, когда сошел на берег в поисках воды, Этилла уговорила других пленниц сжечь корабли. Так Протесилай вынужден был остаться на Пеллене и основать город Скиона. Однако это неверно: Этилла с Астихой и другими пленницами подожгли корабли у италийской реки Навет, что означает «сжигание кораблей», а среди тех, кто захватил их, имени Протесилай не было⁸.

[f] Ахилл вторым сошел на троянский берег; за ним последовали его мирмидонцы. Метко пущенным камнем он убил Кикна, сына Посейдона. При этом ряды троянцев дрогнули, и они поспешили назад в город, а остальные греки сошли с кораблей и по дороге учинили ужасный разгром. По другому свидетельству, Ахилл, помня о судьбе, постигшей Протесилая, сошел на берег последним и так прыгнул с корабля, что в том месте, где его ноги коснулись земли, забил ключ. Рассказывается, что в завязавшейся битве Кикн, который был неуязвимым, истреблял греков сотнями, но Ахилл, безуспешно испробовав против него меч

и копье, стал яростно избивать его рукояткой меча. От ударов по лицу Кикн попятился, споткнулся о камень и упал. Тогда Ахилл стал ему коленом на грудь и задушил ремешком шлема. Посейдон превратил дух Кикна в лебедя, который скрылся в небе. После боя греки осадили Троию, а вытасканные на берег корабли спрятали за частоколом⁹.

[g] Нужно сказать, что городу было предназначено остаться неприступным, если царевич Троиил доживет до двадцатилетнего возраста. Одни говорят, что Ахилл влюбился в него во время сражения и сказал: «Я убью тебя, если ты не уступишь моей страсти!» Троиил бежал и спрятался в храме Аполлона Фимбрейского, но Ахилл, видя нежелание и застенчивость Троиила, не побоялся божественного гнева и отрубил ему голову рядом с алтарем, причем в том самом месте, где спустя некоторое время погиб сам¹⁰. Другие утверждают, что Ахилл поразил Троиила копьем, когда тот занимался лошадьми в окрестностях храма, или что он выманил Троиила, предложив ему в подарок голубей, и так по-медвежьи стал выражать свою страсть, что Троиил побагровел, ребра его треснули и он скончался. Третьи говорят, что после смерти Мемнона жаждавший мести Троиил совершил вылазку из Трои и вступил в единоборство с Ахиллом, который и поразил его, или что он был взят в плен и по приказу Ахилла принародно казнен, добавляя при этом, что в то время Троиил уже был в годах, отличался темным цветом лица, носил длинную бороду и вряд ли мог разжечь страсть Ахилла. Но, какой бы ни была его смерть, причиной ее был Ахилл, а скорбь троянцев по Троиилу была такой же глубокой, как и по Гектору¹¹.

[h] Говорят, что Троиил был влюблен в Брисеиду, прекрасную дочь Калхаса, которую тот оставил в Трое. Поскольку она не сыграла никакой роли в предательстве отца, то и почтительное отношение к ней в городе сохранилось. Калхас, зная, что Троя должна пасть, убедил Агамемнона обратиться к Приаму от его имени с просьбой выдать дочь, чтобы она не стала военной добычей. Приам великодушно согласился, и несколько его сыновей препроводили Брисеиду в греческий лагерь. Несмотря на то что Брисеида поклялась Троиилу в вечной верности, вскоре у нее возникло чувство к аргивянину Диомеду, который воспылал к ней любовью и мечтал лишь о том, чтобы убить Троиила, как только замечал его среди сражающихся¹².

[i] Во время ночной вылазки Ахилл захватил в плен Ликаона, неожиданно напав на него в саду его отца Приама, где Ликаон срезал побеги смоковницы, чтобы «в круги согнуть колесницы». Патрокл отвез

Ликаона на остров Лемнос и продал его сыну Ясона, царю Эвнее, который снабжал греческое войско вином. Платой за пленника была серебряная финикийская чаша для смешивания вина и воды. Но Эйтион с острова Имброса выкупил Ликаона, и тот вернулся в Трою лишь для того, чтобы двенадцатью днями позже пасть от руки Ахилла¹³.

[j] Тем временем Ахилл с группой добровольцев устроил набег на окрестности Трои. На горе Ида он оттеснил дарданца Энея от его стада, стал преследовать его по лесистым склонам и, перебив пастухов, среди которых был сын Приама Местор, захватил стада и разграбил город Лирнесс, где Эней пытался найти убежище. В этом сражении погибли сыновья царя Эвена по имени Мин и Эпистроф, но самому Энею Зевс помог бежать. Жена Мина — тоже Брисеида, дочь Брисея, — попала в плен, из-за чего ее отец повесился¹⁴.

[k] Хотя Эней помог Парису похитить Елену, первые несколько лет войны он пытался сохранять нейтралитет. Будучи сыном Афродиты и Анхиса, внука Троса, он считал, что его двоюродный брат Приам относится к нему с большим пренебрежением¹⁵. Но набег Ахилла подтолкнул дарданов на союз с троянцами. Эней показал себя умелым воином, и даже Ахилл не отзывался о нем с пренебрежением: если Гектор был правой рукой троянцев, то Эней был их душой. Его мать-богиня часто помогала ему в битве, а однажды, когда Диомед камнем сломал ему бедро, спасла от верной смерти. Когда же Диомед ранил и ее, поразив копьем в запястье, Аполлон унес Энея с поля боя, чтобы Лето и Артемида смогли его вылечить. В другой раз жену Энея спас Посейдон, который, хотя и относился враждебно к троянцам, уважал предначертания судьбы и знал, что в конце концов царский род Энея должен воцариться в Трое¹⁶.

[l] Ахилл к этому времени захватил уже много городов — союзников Трои: Лесбос, Фокею, Колофон, Смирну, Клазомены, Киму, Эггил, остров Тенос, Адрамиттий, Сиду, Эндий, Линней, Колону, Лирнесс, Антандрию и несколько других, включая Гипоплакийские Фивы, где киликийцами правили еще один Эйтион, отец жены Гектора Андромахи, и его товарищ Подес. Ахилл убил Эйтиона и семерых его сыновей, но не стал снимать с мертвого доспехи, а предал тело огню во всеоружии; вокруг насыпанной им могилы горные нимфы посадили целую рощу вязов¹⁷. Среди пленных оказалась Астинома, или Хрисеида, дочь Хриса, жреца Аполлона на острове Сминфос. Одни говорят, что Астинома была женой Эйтиона, а другие — что Хрис отправил ее под защиту лирнесских стен или для участия в празднике Артемиды. Во время дележа добычи

она досталась Агамемнону, а Брисеида — Ахиллу. Из Гипоплакийских Фив Ахилл также привел быстрого коня Педаса и впряг его в свою бессмертную упряжку¹⁸.

[т] Большой Аякс отплыл во фракийский Херсонес, где захватил кровного брата Ликаона по имени Полидор, чьей матерью была Лаофоя, а в Тевфрании убил царя Тевфра и забрал большую добычу, включая и царевну Текмессу, которую сделал своей наложницей¹⁹.

[п] С приближением десятого года войны грски стали воздерживаться от набегов на побережье Малой Азии и собрали все силы под Троей. Троянцы бросили против них своих союзников — дарданов, ведомых Энеем и двумя сыновьями Антенора, фракийских киконов, пеонов, пафлагонцев, мисийцев, фригийцев, меонийцев, карийцев, ликийцев и других. Сарпедон, которого дочь Беллерофонты Лаодамия родила от Зевса, повел ликийцев. Вот история Сарпедона. Когда брат Лаодамии Исандр и Гишлох стали спорить из-за престола, было решено, что царем станет тот, кто пустит стрелу через золотое кольцо, укрепленное на груди ребенка. Каждый захотел стрелять не в своего ребенка, и спор разгорался с новой силой. Тогда Лаодамия не дала им убить друг друга и предложила, чтобы кольцо привязали к шее ее собственного сына, Сарпедона. Пораженные таким благородством, оба решили отказаться от трона в пользу Сарпедона, соправителем которого стал сын Гипполоха Главк²⁰.

[о] Агамемнон отправил Одиссея на поиски продовольствия во Фракию, а когда тот вернулся с пустыми руками, сын Навплия Паламед стал бранить его за лень и трусость. «Не моя вина, — вскричал Одиссей, — в том, что мы не нашли зерна. Если бы Агамемнон вместо меня послал тебя, твой поход вряд ли был бы успешней». Восприняв это как вызов, Паламед тут же вышел в море и вскоре вернулся с кораблем, груженным зерном²¹.

[р] Проведя несколько дней в мучительных раздумьях, Одиссей наконец придумал, как ему взять верх над Паламедом, считая свою честь глубоко задетой. Он сообщил Агамемнону: «Боги предупредили меня во сне, что готовится предательство и что войску нужно на сутки уйти из лагеря». Когда Агамемнон отдал необходимые распоряжения и все было сделано, Одиссей тайно закопал мешок с золотом в шатре Паламеда. Потом он заставил пленного фригийца написать письмо, будто бы от Приама к Паламеду, в котором говорилось: «Посланное мной золото — это плата, которую ты запросил за измену греческому лагерю». Приказав пленнику вручить это письмо Паламеду, Одиссей не дал

доставить его, а убил пленника тут же у лагеря. На следующий день, когда войско вернулось на прежнее место, труп пленника был обнаружен, а письмо передано Агамемнону. Паламеда предали суду, а когда он с жаром стал отрицать, что получал золото от Приама или от кого бы то ни было другого, Одиссей предложил обыскать его шатер. Золото нашли, и греки забили Паламеда камнями как предателя²².

[q] Одни говорят, что в этом заговоре участвовал не только Одиссей, но и Агамемнон и Диомед и что они вместе диктовали подложное письмо фригийцу, а потом подкупили слугу, чтобы тот спрятал письмо и золото под ложем Паламеда. Когда Паламеда вели на казнь, он сказал такие слова: «Истина, скорблю по тебе, почившей раньше меня!»²³

[r] Другие утверждают, что Одиссей и Диомед, сделав вид, что нашли клад в глубоком колодезе, спустили Паламеда вниз на веревке, а затем забросали его камнями. Говорят также, что они утопили его во время рыбной ловли. Третьи говорят, что Парис поразил его стрелой. Нет единодушия даже относительно места его гибели. Называют троянские Колоны, Герест и Тенедос, но святилище ему как герою находится рядом с лесбосской Метимной²⁴.

[s] Паламед заслужил благодарность своих товарищей тем, что придумал игру в кости, за которой те убивали время под Троей, а самые первые кости он подарил храму богини Случая Тихе в Аргосе. Однако все завидовали его мудрости, превосходящей всех, — ведь он также изобрел меры длины и веса, счет времени по годам, месяцам и дням, алфавит и искусство трехступенчатого деления войска²⁵.

[t] Когда Навплий прослышал об убийстве, он отплыл в Трою и потребовал платы за сына. Агамемнон, бывший соучастником Одиссея и пользовавшийся доверием всех греческих вождей, отказал ему. Тогда Навплий вернулся в Грецию со своим оставшимся в живых сыном Эаксом и каждой из жен убийц Паламеда сообщил: «Твой муж возвращается из Трои с наложницей, которая будет новой царицей». Одни несчастные от этих слов покончили с собой, другие изменили мужьям. Так, жена Агамемнона Клитемнестра сошлась с Эгисфом, жена Диомеда Эгиалия — с Кометом, сыном Сфенела, а жена Идомоней Меда — с неким Левком²⁶.

¹ Киприи. Цит. по: *Прокл. Хрестоматия. I; Цец. События до Гомера (Antichomerica)*. 154 и след.; Схолии к «Илиаде» Гомера. III. 206.

² *Диктис Критский. I.4; Аполлодор. Эпитома. III.28.29; Гомер. Илиада. III.207.*

- ³ *Аполлодор*. Цит. соч. III.29—30; *Гигин*. Мифы. 103; *Евстафий*. Комментарии к Гомеру. 325,326.
- ⁴ *Гигин*. Цит. соч.; *Евстафий*. Цит. соч. 245.
- ⁵ *Павсаний*. I.34.2; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 532—533; *Филострат*. Диалог о героях. III.1; *Квинт Смирнский*. События после Гомера (*Posthomerika*). VII.408 и след.; *Плиний*. Естественная история. XVI.88.
- ⁶ *Гигин*. Цит. соч. 103,104; *Киприи*. Цит. по: *Павсаний*. IV.2.5; *Овидий*. Героини. XIII. 152; *Евстафий*. Цит. соч. 325; *Аполлодор*. Эпитома. III.30; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VI.447.
- ⁷ *Евстафий*. Цит. соч.; *Гигин*. Цит. соч. 104.
- ⁸ *Конон*. Повествования. 13; *Страбон*. VI. 1.12.
- ⁹ *Аполлодор*. Цит. соч. III.31; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 245; *Овидий*. Метаморфозы. XII.70—145.
- ¹⁰ *Цец*. Цит. соч. 307.
- ¹¹ *Евстафий*. Схолии к «Илиаде» Гомера. XXIV.251.1348; *Сервий*. Цит. соч. I.478; *Диктис Критский*. IV. 9; *Цец*. Цит. соч.
- ¹² *Бенуа*. Роман о Трое.
- ¹³ *Аполлодор*. Цит. соч. II.32; *Гомер*. Илиада. XXI.34 и след., 85—86; XXIII.740—747, VII.467—468.
- ¹⁴ *Аполлодор*. Цит. соч. III.32; *Гомер*. Цит. соч. II.690—693; XX.89 и след., 188 и след.; *Евстафий*. Цит. соч. II.58; Схолии к «Илиаде» Гомера. I.184; *Киприи*. Цит. по: *Прокл*. Хрестоматия. I; *Диктис Критский*. II.17.
- ¹⁵ *Гигин*. Цит. соч. 115; *Гомер*. Илиада. XIII.460 и след., XX.181 и след.; *Гесиод*. Теогония. 1007.
- ¹⁶ *Гомер*. Цит. соч. V.305 и след.; XX.178 и след.; *Филострат*. Цит. соч. 13.
- ¹⁷ *Гомер*. Цит. соч. IX.328—329; I.395—397; XVII.575—577, VI.413—428; *Аполлодор*. Цит. соч. III. 33.
- ¹⁸ *Диктис Критский*. II.17; *Гомер*. Цит. соч. I.366 и след., XVI.152—154; *Евстафий*. Комментарии к Гомеру. 77,118,119.
- ¹⁹ *Диктис Критский*. II.18; *Софокл*. Лякс. 210; *Гораций*. Оды. II.4.5.
- ²⁰ *Гомер*. Цит. соч. VI.196 и след.; *Аполлодор*. Эпитома. III.34—35; *Евстафий*. Цит. соч. 894.
- ²¹ *Киприи*. Цит. по: *Прокл*. Цит. соч.; *Сервий*. Цит. соч. II.81.
- ²² *Аполлодор*. Цит. соч. III.8; *Гигин*. Цит. соч. 105.
- ²³ Схолии к «Оресту» Еврипида. 432; *Филострат*. Цит. соч. 10.
- ²⁴ *Диктис Критский*. II.15; *Киприи*. Цит. по: *Павсаний*. X.31.1; *Цец*. Цит. соч. 384 и след., 1097; *Дарес*. 28.

- ²⁵ Павсаний. X.31.1, II.20.3; *Филострат*. Цит. соч.; Схолии к «Оресту» Еврипида. 432; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. II.81; *Цец*. Цит. соч. 384.
- ²⁶ *Аполлодор*. Цит. соч. VI.8—9; *Цец*. Цит. соч. 384 и след.; *Евстафий*. Цит. соч. с. 24; *Диктис Критский*. IV.2.

1) «Илиада» последовательно рассказывает только о десятом годе осады, а все события предшествующих лет каждый мифограф излагает в своем собственном порядке. Согласно Аполлодору (*Эпитома*. III.32—33), Ахилл убивает Троила, берет в плен Ликаона, угоняет скот Энея и захватывает множество городов. Согласно «Киприям»^{137*} (цит. по: *Прокл. Хрестоматия*. I), греки, не сумев взять Троию приступом, опустошили все ее окрестности и соседние города; Афродита и Фетида устроили встречу Ахилла и Елены. Греки решили вернуться домой, но их удержал Ахилл, который затем угнал скот Энея, захватил множество городов и убил Троила; Патрокл продал Ликаона на Лемнос; добычу разделили, а Паламеда забросали камнями.

2) Согласно *Цецу* (*Схолии к Ликофрону*. 307), Троила жил дольше Мемнона и Гектора. Согласно *Даресу* из Фригии^{138*}, Троила после Гектора принял командование троянскими войсками (*Дарес*. 30) и находился во главе их до тех пор, пока одна из лошадей в его колеснице не оказалась раненой. Ахилл догнал Троила и поразил копьем; при попытке унести его тело Ахилла ранил Мемнон, которого Ахилл убивает; троянцы спаслись за городскими стенами, и Приам устроил пышные похороны Троилу и Мемнону (Там же. 33).

3) Троянская война является историческим событием, и, что бы ни послужило поводом для нее, это была торговая война. Троя контролировала выгодную понтийскую торговлю золотом, серебром, железом, киноварью, корабельным лесом, льном, пенькой, вяленой рыбой, растительным маслом и китайским нефритом. После падения Трои греки

^{137*} «Киприи» (VII в. до н. э.) — цикл небольших эпических поэм о событиях, предшествующих действию в «Илиаде» и раскрывающих первопричину Троянской войны. Приписывается Стасиу с Крита, Хигегию из Саламина с Крита и Гомеру.

^{138*} Дарес из Фригии, или Дарес Фригиец, — под этим именем фигурирует автор псевдомемуарного романа «История падения Трои» (известен в латинском переводе VI в.). Написанный от лица одного из участников войны (Дарес Фригиец упоминается в «Илиаде» Гомера как троянский жрец в храме Гефеста), роман повествует о многих известных событиях с «троянской» точки зрения, и, в отличие от Гомера, в нем ни разу не упоминается о вмешательстве богов в дела людей.

получили возможность выводить свои колонии вдоль всего восточного торгового пути. По богатству эти колонии соперничали с колониями в Малой Азии и Сицилии. Афины как сильнейшая морская держава получали солидные барыши от торговли в Понте Эвксинском, особенно дешевым зерном. Эта держава рухнула в 405 г. до н.э. В битве при Эгоспотамах Афины потеряли почти весь свой флот, и длительная Пелопоннесская война закончилась. Может быть, именно поэтому непрерывные переговоры между Агамемноном и Приамом касались не столько возвращения Елены, сколько восстановления прав греков на вход в Гелеспонт.

4) Вероятно, греки для подготовки решающего приступа совершили ряд набегов на побережье Фракии и Малой Азии, чтобы уменьшить морскую мощь Троянского союза, и встали военным лагерем в устье Скамандра, чтобы не пускать средиземноморских купцов в Трою и препятствовать проведению ежегодной ярмарки между Востоком и Западом, устраиваемой в долине этой реки. Однако в «Илиаде» совершенно четко сказано, что осада Трои не означала отсутствия всякой связи с внешним миром. Поэтому, хотя троянцы и боялись днем пользоваться Дарданскими воротами, когда Ахилл был рядом — эти ворота открывали путь в глубь материка (*Илиада*. V.789), а троянские женщины опасались стирать белье в ручье, текущем на расстоянии полета стрелы от городских стен (Там же. XXII.154—156), это не мешало доставке в город провианта и подкреплений, и кроме того, троянцы удерживали Сест и Абидос, через которые они поддерживали тесные связи с Фракией. Тот факт, что греки похвалялись угоном скота с горы Ида и набегом на финиковый сад Приама, говорит о том, что они редко углублялись во внутренние районы. Побег смоковницы, использованные для поручней колесницы Ликаона, были, вероятно, нужны для того, чтобы распространить на колесницу покровительство Афродиты. На табличках, датированных эпохой до Троянской войны и обнаруженных в Кноссе, упоминается несколько пышно украшенных кидонских колесниц, отличающихся искусной столярной работой. При этом указывалось только, из какого дерева сделаны поручни: это всегда была смоковница. Нужно отметить, однако, что эта древесина была не самой удобной из тех, что имелась у критян и троянцев.

5) Агамемнон начал войну на истощение, в успехе которой признается Гектор (*Илиада*. XVII.225, XVIII.287—292), когда говорит, что троянские запасы быстро расходуются из-за упадка торговли

и необходимости оказывать помощь союзникам. Пафлагонцы, фракийцы и мисийцы были производителями товаров, а не купцами, поэтому они были готовы вступать в прямые сделки с греками. Лишь ликийцы, склонные к коммерции и импортировавшие товары с юго-востока, были всерьез озабочены судьбой Трои, обеспечивавшей им торговый путь на север. Действительно, когда Троя пала, торговлю в Малой Азии монополизировали союзники Агамемнона — родосцы, а ликийцы потерпели настоящий крах.

б) Рассудочное отношение к женщинам, клиентам^{139*} и союзникам служит напоминанием о том, что «Илиада» — это не миф эпохи бронзы. С падением Кносса (см. 39,7; 89,1) и последующим распадом критского союза (*раx Cretenensis*), включавшим в себя все страны, на которые распространялось влияние критской морской богини, приходит новая мораль эпохи железа. Выразителем ее был тиран-завоеватель, мелочный Зевс, который не признавал божественной умеренности. Принесение в жертву Ифигении, низкая месть Одиссея Паламеду, продажа Ликаона в обмен на серебряную чашу, бесстыдное преследование Ахиллом Троила, появление взятых силой наложниц в лице Брисиды и Хрисеиды — все это характерно для варварских сказаний. Паламед должен был стать невинной жертвой порочного союза, возникшего между Агамемноном, Одиссеем и Диомедом, поскольку Паламед был представителем критской культуры, существовавшей в Арголиде, — все изобретения, которые ему приписывались, имеют критское происхождение. Версия о его смерти в колодце могла быть подсказана его криком: «Истина, скорблю по тебе, почившей раньше меня!», ведь связь между идеей истины и колодца общеизвестна^{140*}. Паламед означает «древняя мудрость», и, как и его лемносский двойник Гефест, он был героем-оракулом. Его изобретения позволяют отождествить его с Тотом или Гермесом (см. 17,г). Игра в кости имеет такую же историю, что и игра в карты: прежде чем стать игральными инструментами, кости и карты использовались для предсказания будущего (см. 17,3).

^{139*} Клиенты (*лат. cliens* — «послушный») — в древней Италии, в первую очередь у римлян, сабинов и этрусков, лично свободные люди, переходившие под покровительство главы рода или другого могущественного патрона, от которого получали земельные надель, взамен несли в его пользу сельскохозяйственные и военные повинности. В императорскую эпоху клиентелла не вела никакой полезной деятельности, живя щедротами патрона.

^{140*} Здесь имеется в виду приписываемое Демокриту высказывание «Истина обитает на дне колодца».

7) Вяз, который не фигурирует в древесном календаре (см. 53,3), в основном ассоциируется с культом Диониса, поскольку греки сажали вязы, чтобы вокруг них могла обвиваться виноградная лоза. В данном случае нимфы сажают вязы вокруг могил Протесилая и Этиона, вероятно, потому, что листья и кора вязов использовались как лекарственное средство (Плиний. *Естественная история*. XXIV.33). При этом считалось, что изготовленные из них лекарства будут эффективнее, если для их изготовления взято сырье с деревьев, растущих на могилах царей, скончавшихся от множества ран.

8) Такая неестественная привязанность Лаодамии к статуе Протесилая, наверное, навеяна картинами, изображавшими священный брак: на некоторых хеттских брачных печатях лежащий царь изображался так неестественно, что был похож на статую. Принесенные слугой яблоки и внезапное появление Акаста говорят о том, что в этой сцене царица изменяет царю с новым возлюбленным, танистом, который срывает с ветви яблоко, являющееся вместилищем царской души. Аналогичная сцена встречается в ирландской легенде о Кухулине, Дехтире и Курои.

Брисеиду путают с Хрисой и Хрисеидой, дочерью Хриса, которая родила внебрачного сына от Агамемнона (см. 116,h). Очень плодотворно разрабатывалась средневековая латинская легенда о Крисеиде — вплоть до появления «Завещания Крессеиды» Генрисона^{141*} и «Троила и Крессиды» Шекспира.

9) Название Тевфрания, возможно, происходит от слова *teuthis*, что значит «осьминог» — священное животное критской богини (см. 81,1), главной жрицей которой была Текмесса («предписывающая»).

Хотя миф о Сарпедоне несколько запутан, его отдельные элементы хорошо известны. Очевидно, Ликийское царство основал другой Сарпедон — дядя другого Главка. И тот и другой были грекоговорящими критянами, происходившими от эолийцев или пеласгов, которых ахейцы оттеснили за море. В Ликии, вероятно, практиковалось двоецарствие, матрилинейность, а жрица луны носила имя Лаодамия — «укротительница людей». Царь-жрец, скорее всего, ритуально «рождался кобылой» (см. 81,4; 167,2). Отсюда его имя — Гипполох, а Исандр («справедливый человек») был танистом. Имя Сарпедон («радующийся в деревянном ковчеге»), очевидно, указывает на ежегодное прибытие в ладье дитя

^{141*} Генрисон Р. (умер в 1508) — автор незаурядного продолжения поэмы Д. Чосера «Троил и Хризеида».

нового года. В данном случае дитя — это интеррекс, в пользу которого Гипполох отрекается от царства на один день. На следующий день его уже должны утопить в меду, как критского Главка (см. 71,d), или убить во время крушения колесницы, как истмийского Главка (см. 90,1), или пронзить стрелой с помощью воскресшего Гипполоха, как Леарха, сына Афананта (см. 70,5).

10) Стрельба в яблоко, установленное на голове собственного сына, или в монету на его шапке входила в обязательное испытание средневековых лучников, чья гильдия (как это видно из *Malleus Maleficarum* и *A Little Geste of Robin Hood*^{142*}) принадлежала языческому колдовскому культу как в Англии, так и в кельтской Германии. В Англии это испытание, возможно, проводили, чтобы выбрать *guideman*^{143*} для девы Мариан, благодаря браку с которой избранник становился Робинем Гудом, хозяином Гринвуда. Поскольку северный колдовской культ имеет много общего с неолитической религией эгейцев, то не исключено, что ликийцы помещали кольцо не на груди мальчика, а на его голове. Само кольцо символизировало золотого змея (см. 119,4) или являлось отверстием топора, который мальчик держал в руках. Через такое кольцо стрелял Одиссей, когда освобождал Пенелопу от ее женихов (см. 171,h). Мифографы в данном случае, возможно, не сделали различия между испытанием в стрельбе из лука, обязательным для претендента на престол, и жертвой интеррекса.

11) Этилла означает «горящее дерево», поэтому легенда о Скионе могла возникнуть из-за обычая ежегодно сжигать корабль.

Протесилай («первый из людей»), вероятно, не что иное, как обычный титул царя, поэтому столько городов претендуют на то, что именно там находится его могила.

^{142*} *Malleus maleficarum*, «Молот ведьм» (1486) — трактат папских инквизиторов Якоба Шпренгера и Генриха Инститориса, излагающий учение католической церкви о колдовстве и являвшийся руководством в ведьмовских процессах. *A Little Geste of Robin Hood*, «Малое деяние Робин Гуда» (1495) — баллада о легендарном английском разбойнике.

^{143*} Здесь: достойнейший (англ. «примерный, образцовый человек»).

[а] Шла зима, и, поскольку среди культурных народов в это время года воевать было не принято, греки проводили время, укрепляя лагерь и практикуясь в стрельбе из лука. Иногда они встречались с троянской знатью, приходившей в храм Фимбрейского Аполлона, который считался нейтральной территорией. Однажды, когда Гекаба совершала в нем жертвоприношения, явился Ахилл и влюбился без памяти в ее дочь Поликсену. Поначалу он промолчал о своем чувстве, но, вернувшись в свою хижину и испытывая душевные муки, послал к Гектору галантного Автомедона спросить, на каких условиях можно жениться на Поликсене. Гектор ответил: «Скажите, что она станет принадлежать ему в тот же день, как он передаст греческий лагерь в руки моего отца Приама». Ахилл уже был готов принять условие Гектора, но тут ему сообщили, что если он пойдет на предательство, то пусть поклянется, что убьет своего двоюродного брата Большого Лякса и сыновей афинянина Плисфена, и он скрепя сердце отказался от своих замыслов¹.

[б] Пришла весна, и боевые действия возобновились. В первой же схватке Ахилл бросился на поиски Гектора, но бдительный Гелен пронзил ему руку стрелой, пущенной из лука, сделанного из слоновой кости, подарка Аполлона, и вынудил его оставить поле боя. Сам Зевс направил эту стрелу. Потом ему захотелось облегчить положение троянцев, совсем павших духом от набегов греков и сокращения числа союзников в Азии. Он наслал на греков чуму и, кроме того, поссорил Ахилла с другими вождями². Поэтому, когда Хрис явился выкупать Хрисеиду, Зевс заставил Агамемнона прогнать его бранными словами, а Аполлон,

к которому воззвал Хрис, мстя за своего жреца, расположился около кораблей, день за днем пуская в стан греков смертоносные стрелы. Уми­рали сотнями, хотя, так уж получилось, никто из царей и царевичей не пострадал. На десятый день Калхас узнал о присутствии бога. По его настоянию Агамемнон нехотя отправил Хрисеиду ее отцу с уми­лостивительными дарами, но решил восполнить потерю, забрав у Ахилла Брисеиду, доставшуюся тому при дележе добычи. Разгневанный Ахилл объявил, что больше не будет участвовать в войне, а его мать Фетида явилась к Зевсу, и тот обещал все уладить. Некоторые правда, говорят, что Ахилл вышел из войны, чтобы показать свое расположение Приаму как отцу Поликсены³.

[с] Когда троянцы узнали, что Ахилл и его мирмидонцы оставили поле боя, они воспрянули духом и совершили смелую вылазку. Перепуганный Агамемнон согласился на перемирие, во время которого Парис и Менелай должны были сразиться за обладание Еленой и украденными сокровищами. Поединок, однако, ничем не закончился, потому что Афродита, видя, что Парис попал в переплет, окутала его волшебным облаком и доставила назад в Трою. После чего Гера отправила Афи­ну, чтобы прервать перемирие. Для этого Пандар, сын Ликаона, должен был пустить стрелу в Менелая. Одновременно Гера заставила Диомеда убить Пандара и ранить Энея и его мать Афродиту. Главк, сын Гиппо­лоха, теперь противостоял Диомеду, но оба в знак дружбы, которая некогда связывала их отцов, галантно обменялись оружием⁴.

[d] Гектор вызвал Ахилла на поединок, а когда Ахилл ответил, что он больше не воюет, греки вместо него решили выставить Большого Аякса. Эти два воина сражались без отдыха до наступления темноты, а когда их развели, каждый как мог восхвалял ловкость и отвагу друго­го. Аякс подарил Гектору «блистающий пурпуром пояс», за который по­влекут его бездыханное тело, а Гектор вручил Аяксу «среброгвоздный» меч, которым он в будущем совершит самоубийство⁵.

[e] Во время заключенного перемирия греки соорудили над телами погибших огромную насыпь, а на ней — стену, за которой устроили глу­бокий, обнесенный частоколом ров. Но они не стали уми­лостивлять бо­гов, поддерживавших троянцев, и когда сражение возобновилось, то оказались оттесненными за ров и стену. Той ночью троянцы стали лаге­рем близ греческих кораблей⁶.

[f] В отчаянии Агамемнон отправил Феникса, Аякса, Одиссея и двух вестников, чтобы задобрить Ахилла бесчисленными дарами и обещанием

возвратить Брисеиду (при этом оба должны были поклясться, что она еще девственница), если он только вновь вступит в войну. Нужно сказать, что Хрис к тому времени вернул свою дочь, которая считала, что греки с ней обходились очень хорошо, и хотела остаться с Агамемноном. К тому времени она была беременна и в срок родила Хриса-второго, в отношении отца которого имелись сомнения. Ахилл приветствовал всех пришедших милой улыбкой, но от их даров отказался и объявил, что следующим утром отплывает домой⁷.

[g] Той же ночью, примерно во время третьей стражи, когда луна была высоко, Одиссей и Диомед, воодушевленные благоприятным знаком, полученным от Афины, — цаплей по правую руку от себя, решили напасть на троянцев. Сразу же они столкнулись с Долоном, сыном Евмела, которого противник послал в дозор. Силой получив от него нужные сведения, они перерезали ему горло. Затем Одиссей спрятал в кустах тамариска хорьковую шапку Долона, плащ из волчьего меха, лук, копье и поспешил с Диомедом к правому флангу троянцев, где, как они узнали, стал лагерь фракиец Рес. Его называют сыном музы Евтерпы или Каллиопы от Эйонея, Ареса или Стримона. Бесшумно убив Реса и двенадцать его спящих товарищей, они увели принадлежавших ему прекрасных белоснежных лошадей, про которых говорили, что те быстрее ветра. Не забыли они на обратном пути и о добыче в кустах⁸. Захват лошадей Реса имел огромное значение, поскольку оракул предсказал, что Троя останется неприступной, если этим лошадям дадут троянского корма и напоят из реки Скамандр, но ни того ни другого люди Реса сделать не успели. Когда оставшиеся в живых фракийцы проснулись и увидели, что их царь Рес убит, а его лошади исчезли, они в страхе бежали, и греки персбили почти всех бегущих⁹.

[h] На следующий день, однако, после жаркой схватки, в которой Агамемнон, Диомед, Одиссей, Эврипил и врачеватель Махаон получили ранения, греки обратились в бегство, а Гектор разрушил их стену¹⁰. Вдохновленный Аполлоном, он устремился к греческим кораблям и, несмотря на то что двум Аяксам и Идоменею помогал Посейдон, прорвал оборону греков. В этот момент ненавидевшая троянцев Гера позаимствовала у Афродиты волшебный пояс и увлекла Зевса на супружеское ложе. Благодаря этой уловке Посейдону удалось переломить ход сражения в пользу греков. Но Зевс, быстро распознавший уловку Геры, оживил Гектора, которого Аякс чуть не убил огромным камнем, повелел Посейдону покинуть поле боя и вернул троянцам их

отвагу. Те снова пошли вперед, при этом Медон убил Перифета, сына Копрея, и многих других воинов¹¹.

[i] Даже Большой Аякс вынужден был отступить, а Ахилл, увидев, что корабль Протесилая подожен троянцами и с кормы охвачен огнем, позабыл все обиды и поспешил со своими мирмидонцами на помощь Патроклу. Патрокл метнул копье в гущу троянцев, собравшихся вокруг корабля Протесилая, и пронзил царя пеонов Пирехма. Троянцы, перепугав его с Ахиллом, бежали, а Патроклу удалось потушить огонь и спасти по крайней мере нос корабля. Тогда же от его руки пал Сарпедон. Хотя Главк пытался сплотить вокруг себя ликийцев и не позволить грекам снять с тела Сарпедона доспехи, Зевс дал Патроклу возможность оттеснить троянцев к городу, причем первым покинул поле боя Гектор, получивший ужасную рану от Аякса.

[j] Греки сняли с Сарпедона доспехи, но по велению Зевса Аполлон вынес тело, подготовил его к погребению, а потом Сон и Смерть отнесли его в Ликию. Тем временем Патрокл продолжал наступать и один бы взял Трою, если бы Аполлон не соорудил стену и трижды не отбросил его щитом, когда тот пытался перелезть через нее. Бой продолжался до темноты, под покровом которой Аполлон, закутавшись в плотный туман, подкрался сзади к Патроклу и нанес ему удар между лопаток. Глаза Патрокла вылезли из орбит, шлем свалился, копье разлетелось на мелкие кусочки, а щит упал наземь. С мрачной улыбкой Аполлон снял с него латы. Эвфорб, сын Панфоя, видя, что случилось с Патроком, нанес ему еще одну рану, не боясь ответного удара; Патрокл еще пытался идти, когда вернувшийся в бой Гектор разделался с ним одним ударом¹².

[k] Поспешивший к этому месту Менелай убил Эвфорба — про которого, кстати, говорится, что через несколько веков он воплотился в философа Пифагора^{144*}, — а всю доставшуюся добычу с важным видом отнес в свой шатер, позволив Гектору снять с Патрокла доспехи. Менелай и Большой Аякс появились уже вдвоем и до вечера защищали

^{144*} Пифагор (ок. 582—500 до н. э.) — греческий философ и математик, основатель школы своего имени. Путешествовал в Египет и Вавилон, основал в Кротоне на юге Италии общину аскетов, члены которой считали его гиперборейским Аполлоном. Разработал учение о числе («все есть число») и переселении душ, определил основные музыкальные интервалы, выдвинул концепцию музыки сфер. Был первым европейским вегетарианцем и первым мыслителем, который именовал себя словом «философ». Был сторонником устного преподавания, не вел записей; основные элементы его учения сохранились только в пересказе других лиц.

тело Патрокла, а с наступлением темноты отнесли его к кораблям. Узнав о гибели Патрокла, Ахилл стал кататься в пыли и впадал в состояние глубокой печали¹³.

[I] Фетида вошла в шатер сына с новыми доспехами, включая дорогие поножи из олова, спешно изготовленные Гефестом. Ахилл надел доспехи, помирился с Агамемноном, который вернул ему девственную Бризеиду, поклявшись, что взял ее из-за гнева своего, а не похоти ради. Теперь Ахилл был готов мстить за Патрокла¹⁴. Никто не мог устоять против его гнева. Троянцы дрогнули и бежали к Скамандру. Здесь Ахиллу удалось разделить троянское войско, половину которого он погнал через долину к городу, а другую половину — к излучине реки. Бог реки в гневе бросился на него, но Гефест принял сторону Ахилла и высушил реку испепеляющим пламенем. Оставшиеся в живых троянцы возвратились в город, как стадо испуганных оленей¹⁵.

[m] Когда Ахилл наконец встретился с Гектором и сошелся с ним в поединке, обе враждующие стороны разошлись и смотрели на сражающихся. Гектор повернулся и побежал вдоль городской стены. Он надеялся таким образом измотать Ахилла, который долго бездействовал и должен был скоро выдохнуться от бега. Однако он ошибся. Ахилл трижды обежал вокруг стены, преследуя Гектора, и каждый раз, когда Гектор пытался спрятаться за ворота, где ему могли прийти на помощь братья, Ахилл гнал его дальше. Наконец Гектор остановился, чтобы встретить Ахилла, но тот нанес ему удар в грудь и отказал в последней просьбе — позволить выкупить его тело для погребения. Завладев его доспехами, Ахилл проколол сухожилия у пяток Гектора, продел в них кожаные ремни, привязал их к колеснице и, подгоняя кнутом Балия, Ксанфа и Педаса, погнал колесницу, волоча тело убитого к кораблям. Голова Гектора и его черные разметавшиеся кудри поднимали облако пыли. Некоторые, правда, говорят, что Ахилл протащил тело трижды вокруг городских стен, волоча его за перевязь, подаренную Гектору Аяксом¹⁶.

[n] Ахилл начал церемонию погребения Патрокла. Пять знатных ахейцев отправились на гору Ида в поисках дров для погребального костра, на котором Ахилл принес в жертву не только лошадей и две принадлежавшие Патроклу своры собак по девять в каждой, но и двенадцать знатных троянских пленников, среди которых было несколько сыновей Приама, перерезав им горло. Он даже грозился отдать тело Гектора на съедение остальным собакам Патрокла, но Афродита удержала его от этого шага.

На погребальных играх в честь Патрокла Диомед выиграл состязания колесниц, а Эпей, известный своими коварными приемами, стал победителем в кулачном бою. Аякс и Одиссей победили в борьбе¹⁷.

[о] Все еще продолжая печалиться, Ахилл каждое утро вставал на рассвете и трижды протаскивал за своей колесницей тело Гектора вокруг могилы Патрокла. Но Аполлон предохранил тело от разложения и увечий, и наконец по велению Зевса Гермес привел Приама в греческий лагерь, когда опустилась тьма, и уговорил Ахилла принять выкуп¹⁸. Приам проявил великодушие по отношению к Ахиллу, которого он застал спящим в шатре и мог легко умертвить. Выкуп определили в такое количество золота, сколько весил Гектор. Для этого греки у городских стен установили весы, на одну чашу которых положили тело Гектора, а на другую предложили троянцам насыпать золото. Когда в сокровищнице Приама уже не осталось слитков и драгоценных камней, а тело покойного перевешивало, Поликсена, которая наблюдала за всем со стены, бросила вниз свои браслеты и тем самым дополнила недостающий вес. Восхищенный Ахилл сказал Приаму: «Я с радостью обменяю Гектора на Поликсену. Оставь свое золото, но пожени нас, а если ты еще вернешь Менелаю Елену, то я берусь помирить твой и наши народы». Приам уже смирился с тем, что отдаст за Гектора обещанное количество золота, но добавил, что отдаст Поликсену Ахиллу просто так, если он убедит греков отплыть без Елены. Ахилл ответил, что сделает все что сможет, и Приам забрал тело Гектора для погребения. На похоронах троянцы устроили такой громкий плач, а греки так старались ревом и визгом заглушить его, что пролетавшие над ними в это время птицы падали из-за невыносимого шума¹⁹.

[р] По велению оракула останки Гектора в конце концов отправили в беотийские Фивы, где до сих пор можно увидеть его могилу у источника Эдипа. Некоторые приводят такие слова оракула:

Фивяне, в граде живущие древнего Кадма, внимлите:
Если хотите вы жить на родине в полном довольстве,
Кости Гектора, сына Приама, из Азии взявши
В дом свой, по Зевса веленью, его как героя почтите.

Говорят также, что, когда в Греции разразилась чума, Аполлон повелел перезахоронить останки Гектора в каком-нибудь знаменитом греческом городе, который не принимал участия в Троянской войне²⁰.

[q] Есть и такое предание, по которому Гектора называют сыном Аполлона, убитого амазонкой Пентесилеей²¹.

¹ *Диктис Критский*. III.1—3.

² *Птолемей Гефестион*. VI; *Диктис Критский*. III.6; Киприи. Цит. по: *Прокл*. *Хрестоматия*. I.

³ *Гомер*. *Илиада*. I.10 и след.; *Диктис Критский*. II.30.

⁴ *Гомер*. *Илиада*. III.253—255, IV.1—129, V.1—417, VI.119—236.

⁵ *Атней*. I.8; *Гомер*. *Илиада*. VII.205—305; *Гигин*. *Мифы*. 112.

⁶ *Гомер*. *Илиада*. VII.436—450, VIII.

⁷ *Диктис Критский*. II.47; *Гигин*. *Мифы*. 121; *Гомер*. *Илиада*. Там же. IX.

⁸ *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. I.473; *Аполлодор*. I.3.4; *Гомер*. *Илиада*. X.

⁹ *Сервий*. Цит. соч.; *Диктис Критский*. II.45—46.

¹⁰ *Гомер*. *Илиада*. XI, XII.

¹¹ *Гомер*. *Илиада*. XII—XIV.

¹² *Диктис Критский*. II.43; *Гомер*. *Илиада*. XVI.

¹³ *Гигин*. *Мифы*. 112; *Филострат*. *Жизнь Аполлония Тианского*. I.1, Диалог о героях. 19.4; *Павсаний*. II.17.3; *Гомер*. *Илиада*. XVII.

¹⁴ *Диктис Критский*. II.48—52; *Гомер*. *Илиада*. XVIII—XIX.

¹⁵ *Гомер*. *Илиада*. XXI.

¹⁶ *Гомер*. *Илиада*. XXII.

¹⁷ *Гигин*. Цит. соч.; *Вергилий*. *Энеида*. I.487; *Диктис Критский*. III.12—14; *Гомер*. *Илиада*. XXIII.

¹⁸ *Гомер*. *Илиада*. XXIV.

¹⁹ *Сервий*. Цит. соч. I.491; *Дарес*. 27; *Диктис Критский*. III.16,27.

²⁰ *Павсаний*. IX.18.5; *Цец*. *Схолии к Ликофрону*. 1194.

²¹ *Стесихор*. Цит. по: *Цец*. Цит. соч. 266; *Птолемей Гефестион*. VI. Цит. по: *Фотий*. 487.

1) Согласно Проклу (*Хрестоматия*. 99.19—20), *Notegus* означает «слепой», а не «заложник», как это слово переводилось обычно. Пение было обычным занятием слепых, поскольку слепота и одухотворенность часто совпадали (см. 105, h). Споры вокруг личности Гомера идут уже две с половиной тысячи лет. В древности его довольно убедительно считали ионийцем с острова Хиос. Клан Гомеридов, т. е. «сыновей слепца», которые пересказывали традиционные гомеровские поэмы и постепенно превратились в сообщество певцов (*Схолии к «Немейским одам»*

Пиндара. II.1), обосновался на острове Делос, считавшемся центром ионийского мира и островом, где пел сам Гомер (*Гимн к Аполлону Делосскому*. III.165—173). Отдельные части «Илиады» можно датировать X в. до н.э. Эпос рассказывает о событиях XII в. до н.э. К VI в. до н.э. из-за неустойчивой устной традиции текст стал искажаться. Поэтому афинский правитель Писистрат приказал четверем известным ученым пересмотреть и исправить текст. Ученые, скорее всего, хорошо справились с работой, но, поскольку к Гомеру часто обращались при решении споров между городами, враги обвинили Писистрата в том, что он по политическим соображениям искажал стихи (Страбон. IX.1.10).

2) Двадцать четыре песни «Илиады» выросли из поэмы «Гнев Ахилла», которую, вероятно, рассказывали за один вечер. В ней говорилось о ссоре между Ахиллом и Агамемноном из-за желания обладать пленной царевной. Нет оснований считать, что текст, повествующий об основных событиях, претерпел значительные изменения с момента его создания. Однако ссоры выглядят столь безнравственными, а все предводители греков ведут себя столь вероломно, предательски и постыдно, а троянцы, наоборот, столь примерны, что можно не сомневаться, на чьей стороне находятся симпатии автора. Унаследовав традиции минойских придворных певцов, автор оказывается ближе душой к бывлой славе Кносса и Микен и чувствует себя неуютно у походных костров пришедших с севера варваров.

Гомер честно описывает жизнь своих новых властителей, которые присвоили себе древние религиозные титулы, вступив в браки с наследницами племенных традиций, и, хотя и называет их божественными, мудрыми и благородными, питает к ним глубокое отвращение. Они живут сражаясь и умирают сражаясь, презирают любовь, дружбу, верность и мирные ремесла. Они почти не придают никакого значения именам богов, которыми клянутся, и автор в их присутствии позволяет себе подшучивать над жадностью, коварством, сварливостью, распутством и трусостью олимпийских богов, которые все поставили с ног на голову в этом мире. Гомера можно было бы воспринимать как несчастного человека, лишенного религиозных чувств, если бы он совершенно явно не был тайным поклонником азиатской Великой богини, которую греки унизили в этой войне, и не скрывал тепла и благородства своей природы, описывая семейную жизнь во дворце Приама.

3) Истеричное поведение Ахилла, когда он узнал о смерти Патрокла, должно было поразить Гомера, но он облек все варварство погребального обряда в псевдогероические слова, уверенный, что его властители

не разглядят едкость его сатиры. Однако направленность сатиры в «Илиаде» оказалась несколько затушеванной, в связи с тем что Гомеридам нужно было выказывать почтение богам, которым поклонялись на Делосе. Поэтому Аполлон и Артемида оказывают поддержку троянцам и являют собой образец благородства и благоразумия, в отличие от богов, поддерживавших греческий лагерь. После того как греческие города стали воспринимать «Илиаду» как национальный эпос, никто уже не мог серьезно относиться к олимпийской религии. Греки не преодолели варварства своей морали, если не считать тех мест, где сохранился критский культ мистерий и мистагог требовал от посвящаемого предъявить доказательства его хорошего поведения. Хотя Великая богиня и оказалась официально в подчинении у Зевса, она продолжала оказывать большое духовное влияние на Элиду, Коринф и Самофракию вплоть до того времени, когда ее мистерии были искоренены первыми византийскими императорами. Лукиан, любивший Гомера и занявший его место как главный критик олимпийской религии, тоже поклонялся богине, которой пожертвовал пряди своих волос в Гиераполе.

4) Считалось, что останки Гектора были перенесены в Фивы из Трои, однако *Гектор* — это титул фиванского царя-жреца, который принадлежал ему еще до Троянской войны. Когда правление царя кончалось, его ждала обычная судьба — он должен был погибнуть под обломками колесницы, как Главк (см. 71,а), Ипполит (см. 101,г), Эномай (см. 109,г) и Абдер (см. 130,б).

[а] Царица амазонок Пентесилея, дочь Отреры и Ареса, укрылась в Трое от преследования эриний за убийство своей сестры Ипполиты, которую иногда называют Главкой или Меланипшой. Пентесилея нечаянно застрелила ее то ли на охоте, то ли, как считают афиняне, во время схватки, которая произошла после свадьбы Тесея и Феды. Приам совершил над Пентесилеей очистительный обряд, а она сумела проявить себя в войне, убив многих греков, включая, как утверждают некоторые, и Махаона, хотя большинство считают, что он пал от руки Эврипила, сына Телефа¹. Несколько раз она заставляла Ахилла бежать с поля боя. Утверждают даже, что она убила его, но Зевс, вняв мольбе Фетиды, вернул ему жизнь, и в конце концов Ахилл поразил Пентесилею и, влюбившись в ее мертвое тело, предался некрофилии². Когда затем он стал искать добровольцев, которые бы согласились похоронить Пентесилею, Терсит, сын этолийца Агрия (самый уродливый из всех греков, сражавшихся под Троей), выколол у умершей глаза копьем и обвинил Ахилла в страсти, противной природе человека. Ахилл обернулся и так ударил Терсита, что, выбив ему все зубы, отправил его тень прямехонько в Аид³.

[б] Случившееся очень возмутило всех греков, и Диомед, приходившийся Терситу двоюродным братом, решил показать свое презрение к Ахиллу. Он схватил тело Пентесилеи за ногу и бросил его в Скамандр. Правда, одни говорят, что Ахилл, а другие — что троянцы выловили тело из реки и похоронили его с большими почестями. После этих событий Ахилл отплыл на Лесбос, где принес жертвы

Аполлону, Артемиде и Лето, а Одиссей, бывший заклятым врагом Терсита, совершил над Ахиллом очистительный обряд. На троне Зевса в Олимпии изображена умирающая Пентесилея, которую поддерживает Ахилл⁴. Кормилица покойной амазонка Клета, узнав, что после смерти Ипполиты ее воспитанница бежала в Троию, отправилась на поиски, но ветры отнесли ее корабль в Италию, где она основала город Клесту⁵.

[с] К этому времени Приаму удалось уговорить своего сводного брата Тифона Ассирийского отправить своего сына Мемнона Эфиопского под Троию. В качестве платы за это он предложил золотую лозу⁶. Так называемый дворец Мемнона еще виден в Эфиопии. Правда, когда Тифон переселился в Ассирию и основал город Сусы, Мемнон, еще совсем ребенком, ушел вместе с ним. Сусы сейчас всем известны как город Мемнон, а населяют его киссийцы, получившие свое название по имени матери Мемнона Киссии. На акрополе его дворец простоял вплоть до прихода персов⁷.

[d] Тифон был наместником ассирийского царя Тевтама в Персии (Приам тоже платил дань этому царю) и поставил Мемнона во главе тысячи эфиопов, тысячи киссийцев и двухсот колесниц. Фригийцы до сих пор показывают прямую дорогу, всю в ухабах, с местами стоянок, расположенными примерно через каждые пятнадцать миль, по которой Мемнон, подчинив себе все народы, оказавшиеся на его пути, шел к Трою. Его кожа цвета черного дерева не мешала ему быть красивым, и на нем, как на Ахилле, были доспехи, выкованные Гефестом⁸. Говорят также, что он шел во главе большого эфиопского и индийского войска через Армению, а другой отряд, по его приказу, отправился морем из Финикии под командованием сидонца по имени Фалант. Пристав к Родосу, жители которого были на стороне греков, Фалант принародно услышал вопрос: «Не стыдно ли тебе помогать Парису Троянскому и другим явным врагам твоего родного города?» Финикийские моряки, впервые услышавшие, куда они плывут, забросали Фаланта камнями как предателя, а сами осели в Иалисе и Камире, предварительно поделив между собой сокровища и военные припасы, которые вез с собой Фалант⁹.

[e] Тем временем под Троей Мемнон убил нескольких греческих вождей. Среди них был Антилох, сын Нестора, пришедший на помощь отцу, когда Парис убил одну из лошадей в колеснице Нестора, а остальные от страха стали неуправляемыми¹⁰. Антилоха ребенком

оставила на горе Ида его мать Анаксибия или Эвридика, и там его вскормила сука. Хотя он был слишком юн, чтобы отправиться вместе со всеми из Авлиды, когда началась война, через несколько лет он присоединился к греческому войску и просил Ахилла заступиться за него перед Нестором, разгневанным его неожиданным приездом. Ахилл, довольный воинственностью Антилоха, согласился примирить его с отцом; позже Нестор представил его Агамемнону¹¹. Антилох был одним из самых красивых юных быстроногих и отважных греков, сражавшихся под Троей. Нестор, предупрежденный оракулом, что должен беречь сына от эфиопа, приставил к нему телохранителя, но все оказалось напрасным¹². Останки Антилоха погребли рядом с его друзьями, Ахиллом и Патроклом, за тенью которых он последовал на Асфоделевы луга¹³.

[f] В тот же день троянцы при помощи эфиопов Мемнона почти сумели сжечь греческие корабли, но с наступлением темноты они отступили. Похоронив убитых, греки выбрали Большого Аякса для поединка с Мемноном. На следующее утро, когда поединок уже начался, Фетида отыскала Ахилла, которого не было в лагере, и сообщила ему о смерти Антилоха. Ахилл поспешил, горя желанием мести, а пока Зевс, затребовав весы, взвешивал его судьбу и судьбу Мемнона¹⁴, он оттолкнул Аякса и сам вступил в поединок. Чаша с судьбой Мемнона пошла вниз в руках Зевса, Ахилл нанес смертельный удар, и вскоре черная голова и блестящие доспехи Мемнона легли на вершину погребального костра Антилоха¹⁵.

[g] Некоторые, правда, говорят, что Мемнон попал в засаду, устроенную фессалийцами, и что его эфиопы сожгли тело, а прах отправили Тифону. Его могила возвышается над устьем реки Эсеп в том месте, где стоит деревня, названная его именем¹⁶. Эос, которую называют матерью Мемнона, уговорила Зевса подарить сыну бессмертие и воздать ему другие почести. Из дыма и горячих углей его погребального костра возникли призрачные куропатки, названные мемнонидами. Поднявшись в небо, они трижды облетели вокруг костра, а на четвертый раз, разделившись на две стаи, стали драться между собой когтями и клювами, а потом попадали на его прах в виде погребальной жертвы. Мемнониды до сих пор сражаются и падают на его могилу, когда солнце пройдет через все знаки зодиака¹⁷.

[h] Согласно другой легенде, птицами стали спутники Мемнона. Они так оплакивали смерть своего господина, что боги, проникнувшись к ним

жалостью, превратили их в птиц. Они ежегодно прилетают на его могилу, плачут и терзают себя до тех пор, пока кто-нибудь из них не упадет замертво. Жители Геллеспонта говорят, что, когда мемноиды посещают могилу Мемнона на берегу Геллеспонта, они своими крыльями орошают ее водой из реки Эсеп, а Эос продолжает каждое утро плакать, и слезы ее ложатся утренней росой. Полигнот изобразил Мемнона спящим лицом к своему сопернику Сарпедону и одетым в плащ, вышитый изображениями этих птиц. Говорят, что боги отмечают днями траура каждую годовщину смерти и того и другого¹⁸.

[i] Есть и такие, кто считает, что останки Мемнона были увезены в кипрский Пафос, а оттуда — на Родос, где его сестра Гимера или Гемера забрала их себе. Финикийцы, восставшие против Фаланта, позволили ей сделать это при условии, что она не будет требовать себе возвращения похищенных сокровищ. Она согласилась и привезла урну в Финикию. Там она похоронила прах Мемнона, а сама исчезла¹⁹. Можно услышать, что могила Мемнона находится около Пальта в Сирии, на берегу реки Бада. Его бронзовый меч висит на стене храма Асклепия в Никомедии, а египетские Фивы знамениты огромной статуей из черного камня, изображающей сидящего человека. Каждый день на рассвете эта статуя издает звук, похожий на звучание струны лиры. Все люди, говорящие на греческом языке, называют статую *Мемнон*, но египтяне зовут ее иначе²⁰.

[j] Ахилл разгромил троянцев и преследовал их до самого города, но и его жизненный путь был прерван. Посейдон и Аполлон решили отомстить за смерть Кикна и Троила, наказать Ахилла за его похвальбу над телом Гектора. Укрытый от всех облаком, Аполлон стоял у Скейских ворот и искал Париса глазами в гуще битвы. Увидев его, он повернул его лук и направил роковую стрелу. Стрела попала в единственное уязвимое место на теле Ахилла — правую пяту, и он умер в страшных мучениях²¹. Некоторые, правда, говорят, что это сам Аполлон принял обличье Париса и поразил Ахилла и что сын Ахилла, Неоптолем, считал, что было именно так. Над телом поверженного Ахилла жаркая схватка продолжалась весь день. Большой Аякс свалил с ног Главка, снял с него доспехи, отправил его в лагерь и, несмотря на град стрел, пронес мертвого Ахилла через гущу врагов, а Одиссей прикрывал его отход. Бой прекратила только буря, посланная Зевсом²².

[k] Согласно другой легенде, Ахилл стал жертвой заговора. Приам предложил ему в жены Поликсену при условии, что осада Трои будет

снята. Но Поликсена, которая не могла простить Ахиллу смерть ее брата Троила, узнала, что его пята уязвима, поскольку нет таких тайн, которые бы не узнали женщины у мужчины, желающего доказать свою любовь. По ее просьбе он пришел босиком и без оружия, чтобы закрепить договор принесением жертвы Аполлону Фимбрейскому. Деифоб, брат Гектора, прижал его к своей груди, будто бы в знак дружбы, а скрывавшийся за изваянием бога Парис уколол его в пяту отравленной стрелой или, как считают некоторые, мечом. Перед смертью Ахилл успел схватить с алтаря факелы и стал наносить ими удары направо и налево, погубив много троянцев и храмовых слуг²³. Тем временем Одиссей, Аякс и Диомед, подозревавшие Ахилла в предательстве, проникли в храм. Когда Парис и Деифоб пробежали мимо них, вошли внутрь и скончавшийся на их руках Ахилл успел попросить, чтобы после падения Трои они принесли Поликсену в жертву на его могиле, Аякс поднял тело Ахилла и понес в лагерь. Троянцы попытались помешать ему, но греки отогнали их и донесли тело до кораблей. Кое-кто утверждает, что троянцам удалось выиграть эту стычку и они выдали тело Ахилла только тогда, когда Приаму был возвращен выкуп, уплаченный им за тело Гектора²⁴.

[1] Греки были испуганы понесенной потерей. Посейдон, однако, обещал Фетиде, что подарит Ахиллу остров на Понте Эвксинском, где прибрежные племена будут вечно приносить ему жертвы, как добавляет богу. Вместе с Фетидой поднялись из морской пучины nereиды, чтобы оплакать Ахилла. Девять муз пели по нему погребальный гимн. Траур по убитому продолжался семнадцать дней и ночей, но, хотя Агамемнон и другие вожди пролили много слез, никто из простых воинов не скорбел по поводу смерти этого изменника. На восемнадцатый день тело Ахилла было сожжено на погребальном костре, а прах его, смешанный с прахом Патрокла, был положен в золотую урну, сделанную Гефестом и подаренную Дионисом Фетиде в день свадьбы. Урну зарыли у мыса Сигей, господствующего над всем Геллеспонтом, а над могилой воздвигли «холм погребальный великий»²⁵. В соседней деревне, которая называется Ахиллея, есть святилище Ахилла, а в нем — его статуя, изображающая его с женской серьгой в ухе²⁶.

[m] Пока ахейцы участвовали в погребальных играх — Эвмел победил в состязании колесниц, Диомед в беге, в метании диска, а Тевкр в соревновании лучников, — Фетида выхватила душу Ахилла из костра

и отнесла ее на Левку — остров, имеющий примерно двадцать стадиев в окружности, в многочисленных лесах которого водится множество диких и прирученных зверей, а сам остров находится в устье Дуная и теперь считается священным островом Ахилла. Однажды, когда некий кротонец по имени Леоним, тяжело раненный в грудь во время сражения со своими соседями — эпизефирийскими локрами, пришел в Дельфы, чтобы узнать, как ему излечиться, пифия ответила ему: «Плыви на Левку. Там Малый Аякс, чью тень твои враги призвали сражаться на их стороне, явится тебе и излечит рану». Через несколько месяцев Леоним вернулся живым и здоровым и сказал, что видел Ахилла, Патрокла, Антилоха, Большого Аякса и, наконец, Малого Аякса, который и излечил его. Елена, которая там была женой Ахилла, молвила ему: «Леоним, плыви к Гимере и скажи тому, кто оклеветал Елену, что зрение свое он потерял потому, что она на него сердита». Моряки, плававшие на север от Босфора к Ольвии, часто слышали, как Ахилл где-то за морем читал стихи Гомера, причем звук его голоса сопровождался стуком конских копыт, криками воинов и звоном оружия²⁷.

[п] Ахилл впервые разделил ложе с Еленой незадолго перед своей смертью во сне, который послала на него его мать Фетида. Пережитое так понравилось ему, что он упросил Елену показаться ему на стене Трои. Она исполнила его просьбу, и он без ума влюбился. Поскольку он стал ее пятым мужем, его прозвали Пемпт, что на Крите означает «пятый». Предшественниками его были Тесей, Менелай, Парис и, наконец, Деифоб²⁸.

[о] Но другие утверждают, что Ахилл остался во власти Гадеса и горько сетует на свою судьбу, бродя по Асфоделевым лугам. Третьи считают, что он женился на Медее и по-царски живет в Элисии или на Островах Блаженных²⁹.

[р] По велению оракула в древнем гимнасии Олимпии был установлен кенотаф Ахилла. Когда начинался праздник, элейские женщины чтили его на закате погребальными обрядами. Фессалийцы по велению Додонского оракула также ежегодно приносили жертвы в честь Ахилла. А на дороге, ведущей из Спарты на север, есть святилище, построенное в честь Ахилла его правнуком Праксом. Святилище было закрыто для всех, кроме мальчиков, которым предстояло сражаться в соседней платановой роще. Накануне они входили в святилище и приносили жертвы Ахиллу³⁰.

- ¹ Квинт Смирнский. События после Гомера (*Posthomerica*). I.18 и след.; Аполлодор. Эпитома. V.1—2; Лесс Митиленский. Малая Илиада. Цит. по: Павсаний. III.26.7.
- ² Евстафий. Комментарии к Гомеру. 1696; Аполлодор. Цит. соч.
- ³ Аполлодор. I.8.6; Гомер. Илиада. II.212 и след., Схолии. 219; Цец. Схолии к Ликофрону. 999.
- ⁴ Цец. Цит. соч.; Сервий. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. I.495; Трифиодор. 37; Арктин Милетский. Эфиопида. Цит. по: Прокл. Хрестоматия. II; Павсаний. X.31.1, V.11.2.
- ⁵ Цец. Цит. соч. 995.
- ⁶ Сервий. Цит. соч. I.493; Аполлодор. III.12.4, Эпитома. V.3.
- ⁷ Диодор Сицилийский. II.22; Павсаний. I.42.2; Геродот. V.54; Страбон. XV.3.2; Эсхил. Цит. по: Страбон. Цит. соч.
- ⁸ Диодор Сицилийский. Цит. соч.; Павсаний. X.31.2; Гомер. Одиссея. XI.522; Арктин. Цит. по: Прокл. Хрестоматия. II.
- ⁹ Диктис Критский. IV.4.
- ¹⁰ Аполлодор. Эпитома. V.3; Пиндар. Пифрийские оды. VI.28 и след.
- ¹¹ Аполлодор. I.9.9, III.10.8; Гомер. Цит. соч. III.452; Гигин. Мифы. 252; Филострат. Диалог о героях. III.2.
- ¹² Гомер. Одиссея. III.112, XXIV.17, Илиада. XXXIII.556; Евстафий. Цит. соч. 1697.
- ¹³ Гомер. Одиссея. XXIV.16,78; Павсаний. III.19.11.
- ¹⁴ Диктис Критский. IV.5; Квинт Смирнский. Цит. соч. II.224; Филострат. Картины. II.7; Эсхил. Взвешивание душ. Цит. по: Плутарх. Как юноше слушать поэтические произведения. 2.
- ¹⁵ Диктис Критский. IV.6; Филострат. Цит. соч. III.4.
- ¹⁶ Диодор Сицилийский. II.22; Страбон. XIII.1.11.
- ¹⁷ Аполлодор. III.12.4; Арктин Милетский. Эфиопида. Цит. по: Прокл. Хрестоматия II; Овидий. Метаморфозы. XIII.578 и след.
- ¹⁸ Сервий. Цит. соч. I.755,493; Павсаний. X.31.2; Схолии к «Облакам» Аристофана. 622.
- ¹⁹ Диктис Критский. VI.10.
- ²⁰ Симонил. Цит. по: Страбон. XV.3.2.; Павсаний. III.3.66 I.42.2.
- ²¹ Арктин Милетский. Цит. соч.; Овидий. Цит. соч. XII.580 и след.; Гигин. Цит. соч. 107; Аполлодор. Цит. соч. V.3.
- ²² Гигин. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч. V.4; Гомер. Одиссея. XXIV.42.
- ²³ Дарес. 34; Диктис Критский. IV.11; Сервий. Цит. соч. VI.57; Второй ватиканский мифограф. 205.

- ²⁴ *Диктис Критский*. IV.10—13; *Сервий*. Цит. соч. III.322; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 269.
- ²⁵ *Квинт Смирнский*. III.766—780; *Аполлодор*. Цит. соч. V.5; *Диктис Критский*. IV.13—14; *Цец*. События после Гомера (*Posthomerika*). 431—467; *Гомер*. Цит. соч. XXIV.48—84.
- ²⁶ *Страбон*. XI.2.6; *Арктин Милетский*. Цит. соч.; *Аполлодор*. Цит. соч.
- ²⁷ *Павсаний*. III.9.11; *Филострат*. Диалог о героях. XX.32—40.
- ²⁸ *Цец*. Схолии к Ликофрону. 143, 174; *Сервий*. Цит. соч. I.34.
- ²⁹ *Гомер*. Цит. соч. XI.471—540; *Ивик*. Цит. по: Схолии к Аполлонию Родосскому. IV.815; *Аполлодор*. Цит. соч.
- ³⁰ *Филострат*. Цит. соч. XIX.14; *Павсаний*. VI.23.2, III.20.8.

1) Пентесилея была одна из амазонок, потерпевших поражение от Тесея и Геракла, т. е. одна из жриц-воительниц Афины, побежденная вторгшимися в Грецию эолийцами (см. 100,1; 131.2). Это событие переносится под Трою потому, что конфедерация Приама считалась союзом всех племен Малой Азии. Пентесилея не фигурирует в «Илиаде», но глумление Ахилла над ее телом изображено с деталями, характерными для Гомера. Поскольку ее имя упоминается во многих классических текстах, не исключено, что редакторы Писистрата могли исключить рассказ о ней из эпоса. Диктис Критский (IV.2—3)^{145*} модернизирует этот рассказ: он пишет, что Пентесилея шла во главе большой армии, но, обнаружив, что Гектор убит, повернула было назад, однако Парис уговорил ее остаться, предложив за это золото и серебро. Ахилл в первой же стычке поразил Пентесилею копьем и за волосы стащил с седла. Когда она лежала на земле и умирала, греческие воины кричали: «Бросьте эту воительницу собакам, чтобы она не занималась тем, что по природе не положено женщине!» Хотя Ахилл требовал, чтобы ее похоронили с почестями, Диомед взял ее тело за ногу и отволоч в реку Скамандр.

2) *Киссия* («плющ»), вероятно, было одним из древних имен богини, которая стояла во главе оргий в честь плюща и виноградной лозы, бытовавших в Греции, Фракии, Малой Азии и Сирии (см. 168,3); кисийцы Мемнона — это, вероятно, сусийцы — *люди-лилии*, названные

^{145*} Диктис из Крита — мнимый автор «Дневника Троянской войны», очевидцем которой он якобы являлся, будучи спутником Идомея. Латинский перевод этого вымышленного сочинения, выполненный неким Луцием Септимием около IV в., послужил источником для средневековых сказаний о Троице. Автором дневника, вероятно, был сам Луций.

так в честь богини-лилии Сусанны, или Астарты. Приам, вероятно, обращался за помощью не к ассирийцам, а к хеттам, которые вполне могли посылать подкрепления из Сирии и по земле и морем. Мемнон («решительный») — это часто употребляемое наименование греческих царей, еще более усиленное в варианте Агамемнона («очень решительный»). В данном случае Мемнон — это, скорее всего, искаженное *Мнемон* — титул царя Ассирии Артаксеркса или Аменофиса — фараона, в честь которого была воздвигнута знаменитая поющая черная статуя в Фивах (первые лучи солнца нагревали полый камень, воздух внутри расширялся и устремлялся наружу через узкую горловину).

3) Ахилл, судя по его рождению, юности, смерти, мифологически объясним как древний царь-жрец пеласгов, которому суждено стать «безгубым» геросем-оракулом. Его мифический противник носит различные имена: Гектор, Парис и Аполлон. В данном случае его противником выступает Мемнон, сын Киссии. Поединок Ахилла с Мемноном, которым помогают их матери, изображен на ларце Кипсела и на троне Аполлона в Амиклах (Павсаний. V.19.1, III.18.7). Кроме того, они фигурируют в большой группе статуй скульптора Ликия. Эту группу статуй жители Аполлонии подарили храму в Олимпии (Павсаний. V.22.2). Пара Ахилл — Мемнон олицетворяет царя-жреца и его таниста. Ахилл — это сын морской богини, светлый дух первой половины года, а Мемнон — сын плющевой богини, темный дух второй половины года, священным растением которого является золотая лоза. Они убивают друг друга попеременно во время зимнего и летнего солнцестояния, причем царь всегда погибает от раны в пяту, а танисту отрубает голову мечом. В древнейшем понимании Ахилл, к которому никакого отношения не имеет непристойное поведение ахейских и дорийских вождей, присвоивших себе его имя, повсеместно почитался как герой. Отсутствующий у Гомера рассказ о том, как он был предан Поликсеной, выведавшей у него тайну уязвимого места, ставит его в один ряд с Ллеу-Ллау, Кухулином, Самсоном и другими идеальными героями эпохи бронзы. Его борьба с Пентесилеей, скорее всего, аналогична борьбе Пелея с Фетидой (см. 81,к). Человеком, которому адресовала свое послание Елена с острова Левка — ныне это безлесый остров-тюрьма в Румынии, — был поэт Стесихор (см. 31,9; 159,1).

4) Поскольку Мемнон пришел с востока, чтобы помочь Приаму, его называют сыном Эос («рассвет»), и поскольку он нуждался в отце, то для этой роли вполне подошел возлюбленный Эос Тифон (см. 40,с).

Бои, устраивавшиеся во время зимнего солнцестояния между девушками в обличье птиц, о которых говорит Овидий, — это более правдоподобное объяснение мемноид, нежели то, что они якобы являются олицетворением искр, которые устремлялись вверх из тела, сжигаемого на погребальном костре. Первоначально такие бои могли вестись за право обладания саном верховной жрицы, как это было в Ливии (см. 8,1).

5) Ахилл как царь-жрец Олимпии оплакивался после летнего солнцестояния, когда устраивались Олимпийские погребальные игры в его честь. Его таниста, которого здесь называли Крон, оплакивали после зимнего солнцестояния (см. 138,4). На Британских островах эти праздники приходится соответственно на *ламмас* (праздник урожая) и день св. Стефана. Хотя до сих пор в сельской местности в день св. Стефана все еще носят тушку золотоголового крапивника, т. е. птицы Крона, британские «мемноиды» «падают, вздыхая и всхлипывая», но только по малиновке, а не по ее жертве — крапивнику, т. е. оплакивается танист, а не царь-жрец.

6) Святилище Ахилла-героя на Крите, вероятно, было построено переселенцами-пеласгами, но платан — это критское дерево. Поскольку лист платана символизировал зеленую руку Реи, Ахилла могли называть Пемпт («пятый»), отождествляя его с Акесидом, пятым из дактилей богини, а именно *вещим мизинцем*. Геракла же отождествляли с большим пальцем, символизировавшим мужское начало (см. 53,1).

7) Золотая лоза, подаренная Приамом Тифону за то, чтобы он послал на помощь Мемнона, возможно, являлась той самой лозой, которую Трос получил от Зевса как компенсацию за похищение Ганимеда (см. 29,b).

[а] Когда Фетида решила вручить доспехи Ахилла самому отважному греку, уцелевшему под Троей, только Аякс и Одиссей, храбро защищавшие тело Ахилла от посягательств врагов¹, осмелились претендовать на эти доспехи. Одни говорят, что Агамемнон из-за нелюбви ко всему дому Эака отказал Аяксу и разделил все доспехи между Менелаем и Одиссеем, покладистость которого он ценил выше всех других достоинств². Другие утверждают, что Агамемнон не стал вмешиваться в этот спор, а передал его на суд вождей греков, и они выразили свою волю тайным голосованием; что он обратился за советом к критянам и другим союзникам; или даже заставил троянских пленных объявить, кто из двух претендентов нанес им больший урон³. Однако на самом деле, пока Аякс и Одиссей хвастались своими успехами, Нестор посоветовал Агамемнону ночью отправить лазутчиков к троянским стенам и подслушать непредвзятое мнение противника. До лазутчиков донесся разговор девушек. Одна из них стала хвалить Аякса за то, что он под градом стрел вынес тело Ахилла с поля боя. Другая, по наущению Афины, возразила: «Чепуха! Даже рабыня смогла бы это сделать, если у нее на плечах мертвый, но стоит ей в руки вложить оружие — она со страха забудет, на что способна. Не Аякс, а Одиссей принял на себя всю мощь нашего удара»⁴.

[b] Вот почему Агамемнон вручил доспехи Одиссею. Если бы Ахилл был жив, никто бы из них не посмел так обидеть Аякса: Ахилл всегда стоял на стороне своего доблестного двоюродного брата. Но всю эту ссору затеял не кто иной, как Зевс⁵.

[с] Разобиженный Аякс задумал той же ночью отомстить своим соратникам-грекам. Но Афина лишила его разума, и он с мечом в руке напал на стадо овец и коров, согнанных с окрестных троянских деревень и считавшихся общей добычей. Перебив огромное количество животных, он сковал остальных одной цепью, отогнал в лагерь и там завершил бойню. Выбрав двух белоногих баранов, он отрубил голову и язык одному, приняв его за Агамемнона или Менелая, а второго привязал к вкопанному столбу, взял недоуздок и стал стегать, перемежая удары громкой бранью и называя бедное животное вероломным Одиссеем⁶.

[d] Придя наконец в себя, он в отчаянии призвал Эврисака, своего сына от Текмессы, и отдал ему тяжелый семикожный щит, по которому он и получил свое имя. «Все остальные мои доспехи пусть похоронят со мной, когда я умру», — сказал он. Сводный брат Аякса Тевкр, сын захваченной в плен сестры Приама Гесионы, был в это время в Мисии, поэтому Аякс оставил ему послание, объявляя его опекуном Эврисака, которого следовало отправить домой к деду Теламону и бабке Эрибее, жившим на Саламине. После чего, сказав Текмессе, что отведет от себя гнев Афины, искупавшись в соленой воде и найдя клочок земли, куда еще не ступала нога человека и где можно надежно зарыть меч, отправился куда глаза глядят с единственным желанием найти смерть.

[е] Он воткнул меч — тот самый, который получил от Гектора в обмен на пурпурную перевязь, — в землю, взывая к Зевсу, чтобы передали Тевкру, где искать его труп, упросил Гермеса отвести его тень на Асфоделевы луга, а эриний — отомстить за него. Когда он бросился на меч, тот, вопреки своей природе, согнулся в дугу. Когда Аякс покончил с собой, направив его в свое уязвимое место — подмышку, уже рассвело⁷.

[f] Тем временем Тевкр, вернувшийся из Мисии, только чудом избежал смерти от рук греков, возмущенных избиением скота. Калхас, веющее сердце которого не подозревало ничего дурного, отвел Тевкра в сторону и посоветовал ему не выпускать Аякса из дома, пока разгневанная Афина не вернет ему разум. Подалирий, сын Асклепия, согласился с этим; он был таким же опытным врачевателем, как и его брат Махаон, и первым распознал безумие Аякса по неестественному блеску в глазах⁸. Тевкр в ответ только кивнул головой, а сам с Текмессой отправился на поиски тела брата, поскольку Зевс уже сообщил ему о смерти Аякса.

[g] Аякс лежал в луже крови, и страх овладел Тевкром. Как ему теперь вернуться на Саламин и предстать перед отцом Теламоном? Он стоял и рвал на себе волосы от горя, когда подбежал Менелай и запретил ему

хоронить Аякса, которого следовало оставить на растерзание жадным коршунам и усердным стервятникам. Тевкр прогнал его прочь и, оставив Эврисака в одежде просителя показывать всем срезанные локоны Текмессы и свои собственные и таким образом сторожить тело Аякса, которого Текмесса накрыла плащом, разгневанный предстал перед Агамемноном. Одиссей вмешался в начинающуюся ссору и не только убедил Агамемнона разрешить совершение погребальных обрядов, но и вызвался помочь Тевкру. Тевкр поблагодарил Одиссея, но от услуг отказался. Наконец Агамемнон, вняв совету Калхаса, позволил похоронить Аякса на условиях, подобающих самоубийцам, на мысе Ретей, запретив при этом сожжение на костре, поскольку погибший не пал на поле боя⁹.

[h] Одни говорят, что Аякс и Одиссей поссорились из-за того, кому обладать палладием, и что ссора произошла уже после того, как Троя пала¹⁰. Другие отрицают, что Аякс совершил самоубийство; они утверждают, что, поскольку он был неуязвим для металла, троянцы убили его кусками глины, как им посоветовал оракул. Но здесь речь могла идти и о другом Аяксе¹¹.

[i] Впоследствии, когда Одиссей явился в царство мертвых на Асфodelевы луга, Аякс был единственной тенью, так и не подошедшей к нему и не простившей его, несмотря на заверения, что в ссоре виноват Зевс. К этому времени Одиссей благоразумно вручил все доспехи сыну Ахилла Неоптолему. Правда, эолийцы, которые позднее поселились на месте Трои, говорят, что Одиссей потерял эти доспехи во время кораблекрушения, когда плыл домой, и что Фетида устроила так, что волны подняли эти доспехи и положили их рядом с могилой Аякса на мысе Ретей. Во время правления императора Адриана море размыло могилу и обнажило кости, которые оказались грандиозных размеров. Одна коленная чашечка была больше, чем диск, который юноши метают в пятиборье. По велению императора останки были тут же вновь похоронены¹².

[j] Саламинцы сообщают, что, когда Аякс умер, на их острове появился новый цветок: белый с красноватым оттенком, меньше лилии; подобно гиацинту, на его лепестках были начертаны буквы, которые читались: «Ай! Ай!» («Горе! Горе!»). По общему мнению, новый цветок возник из крови Аякса в тех местах, где она оросила землю, поскольку буквы на нем также обозначают слова *Aias Aiakides* («Аякс Эакид»). На саламинской рыночной площади есть храм Аяксу с изваянием из черного дерева. А неподалеку от бухты виден валун, на котором сидел Теламон, провожавший взглядом корабль, который увозил его сыновей в Авлиду¹³.

[к] Тевкр в конце концов вернулся на Саламин, но Теламон обвинил его в косвенном братоубийстве, поскольку он не поддержал Аякса в его желании завладеть спорными доспехами. Тевкру было запрещено сходить на берег, поэтому он объяснялся, находясь на корабле, а судьи слушали его, стоя на берегу. В свое время отец Теламона Эак заставил его проделать то же самое, обвинив в убийстве его брата Фока. Поскольку Теламон был признан виновным и изгнан, то и Тевкра тоже посчитали виновным на том основании, что он не привез назад ни останков Аякса, ни Текмессу, ни Эврисака, что говорит о его полном небрежении к Аяксу. Тогда Тевкр отплыл на Кипр, где, по милости Аполлона и с разрешения сидонского царя Бела, основал город Саламин¹⁴.

[l] Афиняне почитают Аякса одним из своих героев-эпонимов и настаивают на том, что Филей, сын Эврисака, стал афинским гражданином и передал им право на Саламин¹⁵.

¹ Гомер. Одиссея. XI.543 и след.; Краткое изложение содержания «Аякса» Софокла.

² Гигин. Мифы. 107.

³ Пиндар. Немейские оды. VIII.26 и след.; Овидий. Метаморфозы. XII.620; Аполлодор. Эпитома. V.6; Схолии к «Одиссее» Гомера. XI.547.

⁴ Лесс Митиленский. Малая Илиада. Цит. по: Схолии к «Всадникам» Аристофана. 1056.

⁵ Гомер. Цит. соч. XI.559—560.

⁶ Софокл. Аякс, с кратким изложением трагедии.

⁷ Софокл. Аякс; Эсхил. Цит. по: Схолии к «Аяксу». 833 и «Илиаде». XXIII.821; Арктин Милетский. Эфиопида. Цит. по: Схолии к «Истмийским одам» Пиндара. III.53.

⁸ Арктин. Разрушение Илиона. Цит. по: Евстафий. Схолии к «Илиаде» Гомера. XIII.515.

⁹ Аполлодор. Эпитома. V.7; Филострат. Диалог о героях. XIII.7.

¹⁰ Диктис Критский. V.14—15.

¹¹ Краткое изложение трагедии «Аякс» Софокла.

¹² Гомер. Цит. соч. XI.543 и след.; Павсаний. I.35.3; Филострат. Цит. соч. I.2.

¹³ Павсаний. I.35.2—3; Овидий. Цит. соч. XIII.382 и след.

¹⁴ Павсаний. I.28.12, VIII.15.3; Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. I.619. Пиндар. Немейские оды. IV.60.

¹⁵ Геродот. VI.35; Павсаний. I.35.2; Плутарх. Солон. XI.

1) В данном сюжете мифологический элемент незначителен. Аякс мог на одном из кипрских изображений привязывать барана к столбу, но не потому, что потерял разум, а потому, что это была одна из форм жертвоприношений, пришедшая на Кипр из Крита (см. 39,2).

2) Гомеровский гиацинт — это голубой цветок живокости, *hyacinthos grapha*, который у основания лепестков имеет рисунок, напоминающий древнегреческие буквы *a* и *i*; он также считался священным цветком критского Гиакинфа (см. 21,7).

3) Как и останки Тесея (см. 104,i), останки Аякса, перезахороненные Адрианом, скорее всего, принадлежали какому-то более древнему герою. Писистрат якобы использовал связь Аякса с Атикой, чтобы утвердить свое право на остров Саламин, прежде принадлежавший Мегаре, и отстаивал свои права, используя стихи, никогда не входившие в гомеровский канон (*Илиада*. II.458—559; Аристотель. *Риторика*. I.15; Плутарх. Солон. 10). *Aia* — это древняя форма слова *gaia* («земля»), поэтому *aias* (Аякс) могло означать «крестьянин».

4) По древним представлениям, убить человека не мечом, а кусками глины — это способ избежать вины за пролитие крови. Поэтому второй вариант убийства Аякса предполагает, что его убили не троянцы, а соплеменники.

5) Спор между Одиссеем и Аяксом за обладание палладием имеет историческую важность, однако Софокл по небрежности перепутал Большого и Малого Аяксов (см. 166,2).

[а] Ахилл был мертв, и греков стало одолевать отчаяние. Калхас стал предсказывать, что Троию нельзя захватить без лука и стрел Геракла. Поэтому Одиссей и Диомед были посланы на Лемнос, чтобы отыскать Филоктета, их нынешнего хозяина¹.

[b] Одни говорят, что пастух царя Актора укрыл Филоктета и все десять лет перевязывал его смердящую рану. Другие свидетельствуют, что часть войска мелибеев, которыми командовал Филоктет, осела вместе с ним на Лемносе, где Асклеиады вылечили его лемносской землей еще до приезда послов, или что вылечил его Пилий, сын Гефеста. Говорят, что после выздоровления Филоктет отнял у карийцев и передал царю Эвнесю несколько небольших островов вдоль Троянского побережья. За это Эвней отдал ему часть Лемноса, называемую Акеса². Объясняют, что у Одиссея и Диомеда не было нужды соблазнять Филоктета возможностью лечения. Он отправился на войну по своей воле, прихватив лук и стрелы, готовый выиграть ими войну, а себе славу. Еще один рассказ утверждает, что приехавшие послы узнали, что он давно умер, поэтому стали уговаривать его наследников отдать им на время лук³.

[с] Правда, однако, заключается в том, что Филоктет остался на Лемносе, тяжело страдая от незаживающей раны, а Одиссей хитростью выманил у него лук и стрелы, тогда как Диомед, а не Неоптолем (как ошибочно иногда утверждают) отказался участвовать в похищении и посоветовал Филоктету требовать возвращения принадлежавшей ему собственности. Но в этот момент вмешался уже преобразенный в бога

Геракл: «Иди с ними к Трое, Филоктет, а я пошлю кого-нибудь из Асклепиадов, чтобы вылечить тебя. Троя должна во второй раз пасть под моими стрелами. Греки назовут тебя самым смелым воином. Тебе предстоит убить Париса, принять участие в разграблении Трои и отправить добычу домой, предусмотрев самую благородную награду своему отцу Пеанту. Но помни: ты не сможешь захватить Трою без сына Ахилла Неоптолема и ему одному без тебя этого тоже не сделать!»⁴

[d] Филоктет повиновался, а по прибытии в греческий лагерь его омыли пресной водой и положили спать в храме Аполлона. Во время сна Махаон очистил рану ножом от омертвевших тканей, залил ее вином, приложил лечебные травы и камень змеевик. Некоторые, правда, говорят, что рану лечил брат Махаона врачеватель Подалирий⁵.

[e] Как только Филоктет выздоровел, он сразу же вызвал Париса на поединок в стрельбе из лука. Первая стрела пролетела мимо. Вторая пронзила Парису руку, в которой он сжимал лук, третья выбила правый глаз, а четвертая поразила его в лодыжку, нанеся смертельную рану. Менелай уже хотел разделаться с Парисом, но тому удалось кое-как вернуться в Трою. Той же ночью троянцы отнесли его на гору Ида, где он стал умолять свою бывшую возлюбленную Энону вылечить его. Но та из жгучей ненависти к Елене лишь покачала головой в знак отказа, и Париса снова понесли в город умирать. Спустя какое-то время Энона отошла сердцем и с корзиной лечебных трав бросилась в Трою, но Парис к ее приходу был уже мертв. С отчаяния она то ли бросилась с городской стены, то ли повесилась или же сгорела на его погребальном костре (никто точно не помнит, что же с ней случилось). Некоторые оправдывают Энону тем, что она бы вылечила Париса, если б ей не запретил отец. Поэтому она сначала ждала, когда он уйдет из дому, чтобы взять лекарства. Только было уже поздно⁶.

[f] Гелен и Деифоб после смерти Париса стали претендовать на руку Елены, причем Приам выступил на стороне Деифоба на том основании, что тот проявил больше доблести. Несмотря на то что богам удалось устроить брак между Парисом и Еленой, она никак не могла забыть, что все еще является царицей Спарты и женой Менелая. Однажды ночью дозорный поймал ее в тот момент, когда она привязывала веревку к зубцу стены, чтобы сбежать. Ее поймали, привели к Деифобу, и он насильно женился на ней, вызвав тем самым большое неудовольствие троянцев. Гелен тут же покинул город и решил поселиться с Арисбой на склонах Иды⁷.

[g] Узнав от Калхаса, что только Гелен знает тайные оракулы, защищающие Трои, Агамемнон отправил Одиссея в засаду, приказав привести Гелена в греческий лагерь. Когда Одиссей отправился на поиски Гелена, тот гостил у Хриса в храме Аполлона Фимбрейского и сказал, что готов раскрыть тайну всех оракулов, если ему разрешат спокойно поселиться где-нибудь в отдаленном месте. Он объяснил, что покинул Трои не из страха смерти, а потому, что ни он, ни Эней не могли простить Парису святотатственного убийства Ахилла в этом самом храме, где еще ничего не сделано, чтобы загладить вину перед Аполлоном⁸.

[h] «Да будет так. Открой нам тайны, и я обещаю сохранить тебе жизнь и не чинить тебе вреда», — сказал Одиссей.

«Оракулы коротки и ясны, — отвелил Гелен. — Троя падет летом, если в ваш лагерь будет доставлена любая кость Пелопа, если в войну вступит Неоптолем и если из цитадели будет украден палладий Афины, поскольку, пока он в городе, нельзя разрушить его стены⁹».

Агамемнон тут же послал людей в Пису, чтобы доставить лопатку Пелопа. Тем временем Одиссей, Феникс и Диомед отплыли на Скирос, где уговорили Ликомеда отпустить в Трои Неоптолема. Кое-кто говорит, что Неоптолему в то время было всего двенадцать лет. По прибытии ему явилась тень Ахилла, после чего Неоптолем достойно проявил себя и на военном совете, и в бою, а Одиссей с радостью уступил ему доспехи Ахилла¹⁰.

[i] Эврипил, сын Телефа, привел на помощь троянцам войско мисийцев, и Приам, подкупивший его мать золотой лозой, обручил его с Кассандрой. Эврипил доказал, что он решительный воин, убив врача Махаона. Вот почему в пергамском святилище Асклепия, где каждая служба начинается с гимна в честь Телефа, имя его сына Эврипила произносить нельзя. Останки Махаона Нестор привез назад в Пилос и поместил в святилище, куда теперь приходят ищущие исцеления. Над священным участком, называемым *Роза*, возвышается украшаемая гирляндами цветов бронзовая статуя Махаона. Самого Эврипила убил Неоптолем¹¹.

[j] Перед самым падением Трои разногласия между сыновьями Приама обострились настолько, что он отправил своего советника Антенора вести переговоры о мире с Агамемноном. Прибыв в греческий лагерь, Антенор, из ненависти к Деифобу, согласился помочь Одиссею в овладении палладием и городом. За это он потребовал царский трон

и половину сокровищ Приама. Агамемнону он добавил, что Эней также может рассчитывать на его помощь¹².

[к] Вместе они составили план, для осуществления которого Одиссей попросил Диомеда отстегать его кнутом. После чего, окровавленный, грязный, одетый в лохмотья, он проник в Троию под видом беглого раба. Только Елену не обманул его наряд, но, когда она стала разговаривать с ним с глазу на глаз, Одиссею удалось уйти от ответов. Тем не менее он не смог отказаться от приглашения посетить ее дом, где она омыла его, натерла маслом и одела в прекрасные одежды. У Елены сразу же отпали все сомнения относительно личности сидевшего перед ней человека, и она поклялась не выдавать его троянцам, если он поведаст ей все свои планы, тем более что до этого она доверяла одной лишь Гекабе. Елена объяснила, что чувствует себя сейчас в Трое пленницей и мечтает вновь оказаться дома. При этих словах вошла Гекаба. Одиссей бросился к ее стопам, стелая от ужаса и умоляя не открывать его имени. Совершенно неожиданно она согласилась. После чего в сопровождении Гекабы он поспешил назад и благополучно вернулся к своим друзьям с множеством сведений, утверждая при этом, что убил нескольких троянцев, которые отказались открыть ему ворота¹³.

[л] Одни говорят, что именно в тот раз Одиссей похитил палладий, что способствовало взятию Трои. Другие утверждают, что Одиссей и Диомед были специально избраны для этого дела, поскольку оба слыли любимцами Афины. В цитадель троянцев они пробрались по узкому и грязному потайному ходу, перебили уснувшую стражу и захватили изваяние, которое жрица Феано — жена Антенора, — не задумываясь, отдала им¹⁴. Большинство, однако, считают, что Диомед перелез через стену, встав на плечи Одиссея, поскольку их лестница оказалась короткой, и в одиночку проник в город. Когда он вновь появился, неся в руках палладий, они вдвоем отправились в лагерь при ярком свете луны. Но Одиссей захотел, чтобы вся слава досталась ему. Он поотстал от Диомеда, который нес статую на плечах, и убил бы его, если бы Диомед не заметил тень от занесенного над ним меча, поскольку луна была еще невысоко. Он развернулся, обнажил свой меч, обезоружил Одиссея, скрутил ему руки и ударами и пинками погнался к кораблям. Отсюда выражение «диомедово принуждение», часто используемое в тех случаях, когда кто-то поступает вынужденно¹⁵.

[m] Римляне делают вид, будто Одиссей и Диомед унесли только поддельный палладий, который был выставлен на всеобщее обозрение,

и что Эней, когда пала Троя, спас подлинную святыню, тайком вынес ее вместе с другими священными предметами и благополучно доставив в Италию¹⁶.

¹ *Аполлодор*. Эпитома. V.8; *Цец*. Схолии к Ликофрону. 911; *Софокл*. *Филоктет*. 1 и след.

² *Гигин*. Мифы. 102; *Евстафий*. Комментарии к Гомеру. 330; *Филострат*. Диалог о героях. 5.

³ *Павсаний*. I. 22.6.

⁴ *Аполлодор*. Цит. соч.; *Филострат*. Цит. соч. и *Филоктет*. 915 и след., 1409 и след.

⁵ Орфей и Дионисий. Цит. по: *Цец*. Цит. соч. 911; *Аполлодор*. Цит. соч.

⁶ *Цец*. Цит. соч. 61—62, 64,911; *Аполлодор*. III.12.6

⁷ *Аполлодор*. Цит. соч. V.9; *Цец*. Цит. соч. 143,168; *Еврипид*. Троянки. 955—960; *Сервий*. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. II. 166.

⁸ *Аполлодор*. Цит. соч. V.9—10; *Софокл*. *Филоктет*. 606; Орфей. Цит. по: *Цец*. Цит. соч. 911; *Диктис Критский*. IV.18.

⁹ *Софокл*. *Филоктет*. 1337—1342; *Павсаний*. V.13.3; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Цец*. Цит. соч.

¹⁰ *Аполлодор*. Цит. соч. V.11; *Гомер*. Одиссея. XI.506 и след.; *Филострат*. Картины. 2; *Квинт Смирнский*. События после Гомера (*Posthomerica*). VI.57—113, XII.169—430.

¹¹ Схолии к «Одиссее» Гомера. XI.520; *Диктис Критский*. IV.14; *Малая Илиада*. Цит. по: *Павсаний* III.26.7; *Аполлодор*. Цит. соч. V.12.

¹² *Диктис Критский*. IV.22, V.8.

¹³ *Еврипид*. Гекуба. 239—250; *Гомер*. Цит. соч. IV.242 и след.

¹⁴ *Аполлодор*. Цит. соч. V.13; *Сервий*. Цит. соч. II.166; Схолии к «Илиаде» Гомера. VI.311; *Сула* под словом *Palladium*; *Диктис Критский*. V.5,8.

¹⁵ *Конон*. Повествования. 34; *Сервий*. Цит. соч.

¹⁶ *Дионисий Галикарнасский*. I. 68 и след.; *Овидий*. *Фасты*. VI.43.

1) Все в этом сюжете имеет вид романического повествования или драмы, за исключением похищения палладия, странного отказа Гекабы выдать Одиссея (см. 168,5) и смерти Париса от раны в лодыжку (см. 92,9; 126,3; 164, j). Лопатка Пелопа была, вероятно, костью морской свиньи (см. 109,5). Рассказ о том, как Филоктет погиб от яда, т. е. стрел Геракла, смоченных в крови Гидры, вероятно, является самым древним (см. 162,1).

2) Павсаний сообщает (V.13.3) о том, что, когда греки возвращались из-под Трои, корабль, на котором находилась плечевая кость Пеллопа, затонул в бурю у берегов Эвбеи. Много лет спустя эритрейский рыбак по имени Дамармен вытащил сетью кость такого большого размера, что счел за лучшее спрятать ее в песке, а сам отправился к Дельфийскому оракулу спросить, чья это кость и что подобает с ней сделать. Аполлон устроил так, что в тот же день явились посланцы из Элеи, желавшие узнать о том, как избавиться от моровой язвы. Пифия ответила элейцам: «Найдите лопатку Пеллопа». Дамармену она сказала: «Отдай эту кость посланцам». Элейцы щедро его наградили и сделали должность хранителя этой реликвии наследственной в его семье. К моменту посещения Элиды Павсанием реликвия уже пропала, вероятно, под действием времени и морской воды, в которой кость долго лежала.

[а] Тем временем Афина внушила Прилу, сыну Гермеса, мысль о том, что в Троию можно проникнуть с помощью деревянного коня, и мастер Эпей, сын Панопея, фокиец из Парнаса, вызвался построить такого коня с помощью Афины. Впоследствии, понятно, Одиссей присвоил все заслуги себе¹.

[б] Эпей привел с Киклад к Трое тридцать кораблей. В доме Атрея ему принадлежала должность водоноса, что отобразено на фризе храма Аполлона в Карфее. И хотя он был умелым кулачным бойцом и искусным ремесленником, но родился трусом. Так наказали боги его отца за нарушение клятвы — Панопей ложно поклялся именем Афины не прикасаться к тафосской добыче, доставшейся Амфитриону. С тех пор трусость Эпея вошла в поговорку².

[с] Эпей построил огромного пустотелого коня, используя словые доски, а сбоку предусмотрел откидную дверцу. С другого бока были вырезаны большие буквы, означавшие, что конь посвящается Афине: «В благодарность за будущее благополучное возвращение домой греки посвящают этот дар богине»³. Одиссей уговорил самых храбрых греков надеть все доспехи и по веревочной лестнице забраться через откидную дверцу внутрь коня. Количество воинов внутри коня называют по-разному: двадцать три, тридцать, даже пятьдесят и, что вообще невероятно, три тысячи. Среди них были Менелай, Одиссей, Диомед, Сфенел, Акамагт, Фоант и Неоптолем. Угрозами и посулами удалось уговорить присоединиться к отряду и Эпея. Он поднялся последним, поднял после себя лестницу и, поскольку лишь ему был известен секрет двери, сел рядом с запором⁴.

[d] Ночью оставшиеся с Агамемноном греки выполнили все, что им велел Одиссей, а именно: сожгли свой лагерь, вышли в море и затаились у берегов Тенедоса и Калиднийских островов в ожидании вечера. Лишь племянник Одиссея Синон, внук Автолика, не уплыл с ними, чтобы было кому разжечь сигнальный огонь для возвращающихся кораблей⁵.

[e] На рассвете троянские лазутчики сообщили, что греческий лагерь полностью сгорел, а сами греки ушли, оставив на берегу огромного коня. Приам с несколькими сыновьями отправился туда, чтобы убедиться во всем самому, и, когда они стояли, пораженные зрелищем, Тимоэт нарушил молчание. «Раз это дар Афине, — сказал он, — предлагаю взять его в город и установить в посвященной богине цитадели». — «Ни за что! — вскричал Капис. — Афина слишком долго благоволила грекам. Мы должны или тут же сжечь коня, или взломать его и посмотреть, что внутри». Приам поддержал Тимоэта. «Мы поставим коня на катки, — сказал он, — никто не смеет осквернять собственность Афины». Конь оказался слишком большим и не мог пройти в ворота. Даже когда разобрали часть стены, он четыре раза застревал. С невероятным трудом троянцы втащили коня в город, из соображений безопасности заложив снова проход в стене. Вокруг коня еще раз возник жаркий спор, когда Кассандра объявила, что в коне прячутся вооруженные люди. Ее поддержал ясновидец Лаокоон, сын Антенора, которого по ошибке иногда называют братом Анхиса. С криком: «Глупцы, не верьте грекам, дары приносящим!» — он бросил в коня свое копьё и оно, дрожа, вонзилось ему в бок, отчего оружие внутри коня зазвенело. Раздались крики: «Разрушить его! Сбросить со стены!» Но сторонники Приама стояли на своем: «Пусть останется»⁶.

[f] Споры стихли с приходом закованного Синона, которого привели двое троянских воинов. При допросе он показал, что Одиссей долгое время пытался уничтожить его за то, что он знает тайну убийства Паламеда. Греки, продолжал он, действительно устали от войны и давно бы уже отплыли домой, если бы им не мешала погода. Аполлон посоветовал им умиловить ветры кровавой жертвой, как тогда, когда они долго не могли отплыть из Авлиды. «После этого, — продолжил Синон, — Одиссей поставил перед всеми Калхаса и потребовал, чтобы тот назвал имя жертвы. Калхас не стал сразу давать ответ, а удалился на десять дней, после чего, бесспорно подкупленный Одиссеем, вошел туда, где заседал Совет и указал на меня. Все присутствовавшие приветствовали его слова, поскольку каждый с облегчением вздохнул, узнав, что не стал

„козлом отпущения”, а меня заключили в колодки. Неожиданно подул благоприятный ветер, все поспешили на корабли, и при всеобщей суматохе я сумел бежать».

[g] Так удалось провести Приама, который принял Синона за жертву и велел снять с него колодки. «А теперь расскажи нам про этого коня», — ласково спросил он. Синон объяснил, что греки лишились поддержки Афины, от которой они зависели, после того как Одиссей и Диомед похитили палладий из ее храма. Как только они принесли статую в лагерь, пламя трижды охватило ее, а на членах появился пот — знак гнева богини. После этого Калхас посоветовал Агамемнону отплыть домой и собрать в Греции новое войско, получив более благоприятные предзнаменования, а коня оставить как умиловительный дар Афине. «Почему коня сделали таким большим?» — вопрошал Приам. Синон, хорошо наученный Одисеем, ответил: «Чтобы не дать вам втащить его в город, Калхас предсказал, что, если вы презреете эту священную статую, Афина уничтожит вас, но если статуя окажется в Трое, то вам удастся объединить все силы Азии, вторгнуться в Грецию и покорить Микены»⁷.

[h] «Это все ложь! — вскричал Лаокоон. — Все это придумал Одиссей. Не верь ему, Приам!» И добавил: «Владыка, позволь мне удалиться, чтобы принести быка в жертву Посейдону, а когда я вернусь, надеюсь увидеть лишь пепел, оставшийся от этого деревянного коня». Нужно сказать, что троянцы, девять лет назад забросавшие камнями жреца храма Посейдона, решили не искать ему замены до тех пор, пока не кончится война. И вот их жребий пал на Лаокоона как на человека, который должен умиловить Аполлона Фимбрейского, рассерженного тем, что вопреки данной им клятве женился и обзавелся детьми. Что еще хуже: он возлег со своей женой Антионой в самом храме⁸.

[i] Лаокоон удалился, чтобы найти жертву и подготовить алтарь, а в это время Аполлон, предупреждая Троию об ожидающей ее печальной судьбе, послал двух огромных морских змей. Змеи приплыли к Трое со стороны Тенедоса⁹ и Камеднийских островов.

Они выбрались на берег и, обвинившись вокруг сыновей-близнецов Лаокоона по имени Антиф и Фимбрей (которого кое-кто называет Меланфом), раздавили их. Поспешившего к ним на помощь Лаокоона ждал такой же страшный конец. После этого змеи вползли в храм Афины, одна обвилась вокруг ног богини, а другая спряталась под ее эгидой. Некоторые, правда, говорят, что только один сын Лаокоона погиб,

причем не у алтаря Посейдона, а в храме Аполлона Фимбрейского. Есть и такие, кто считает, что сам Лаокоон избежал смерти¹⁰.

[j] Этот ужасный знак убедил троянцев в том, что Синон говорил правду. Приам ошибочно решил, что Лаокоона наказали за то, что он вонзил копье в деревянного коня, даже не подумав, что причиной могло стать оскорбление, нанесенное жрецом Аполлону. Он тут же посвятил коня Афине, и, хотя все люди Энея в тревоге вернулись к своим очагам на горе Ида, почти все троянцы Приама решили пирами и весельем отпраздновать победу. Женщины собирали цветы по берегам, плели из них гирлянды и украшали гриву коня, а около его копыт выложили целый ковер из роз¹¹.

[k] Тем временем греки, сидевшие внутри коня, дрожали от страха, а Эпей с испугу тихо плакал. Только Неоптолем не выказывал никаких чувств — даже тогда, когда копье Лаокоона пробило доску рядом с его головой. Время от времени он просил Одиссея, поставленного во главе отряда, дать знак к нападению, угрожающе сжимая копье и меч. Но Одиссей не соглашался. Вечером Елена вышла из дворца и трижды обошла вокруг коня, поглаживая его бока и, словно желая позабавить гулявшего с ней Деифоба, стала дразнить спрятавшихся греков, подражая голосам каждой из их жен по очереди. Менелай и Диомед, сидевшие на корточках в середине коня рядом с Одиссеем, уже были готовы выскочить из коня, услышав свои имена, но Одиссей удержал их, а когда Антикл собирался уже было ответить, зажал ему рот ладонью, а некоторые даже говорят, что задушил его¹².

[l] Ночью, устав от пиров и веселья, троянцы наконец утомнились и крепко уснули. Тишину не нарушал даже лай собак. Лишь Елена лежала с открытыми глазами, а над ее спальней как сигнал грекам горела яркая круглая лампа. В полночь, как раз перед тем, как полной луне появиться на небе — это было седьмое полнолуние в том году, — Синон выбрался из города и зажег сигнальный огонь на могиле Ахилла, а Антенор стал размахивать факелом¹³.

Агамемнон ответил на эти сигналы, запалив сосновые щепки, заранее приготовленные на палубе его корабля, который уже был всего в нескольких полетах стрелы от берега. Без промедления весь флот направился к берегу. Антенор, осторожно приблизившись к коню, тихим голосом сообщил, что все идет нормально, и Одиссей приказал Эпею открыть дверцу коня¹⁴.

[m] Эхион, сын Портея, выпрыгнул первым, упал и сломал себе шею. Остальные спустились по припасенной Эпеем веревочной лестнице.

Часть воинов побежали к городским воротам, чтобы открыть их для приближавшихся греков, остальные перебили сонную стражу цитадели и дворца. Но Менелай мог думать только о Елене и сразу побежал к ее дому¹⁵.

- ¹ Гигин. Мифы. 108; Цец. Схолии к Ликофрону. 219 и след.; Аполлодор. Эпитома. V.14.
- ² Еврипид. Троянки. 10; Диктис Критский. I.17; Стесихор. Цит. по: Евстафий. Eреius к Гомеру. 1323; Атеней. X.457; Гомер. Илиада. XXIII. 665; Цец. Цит. соч. 930; Гесихий под словом Комментариин.
- ³ Гомер. Одиссея. VIII. 493; Аполлодор. V.14—15.
- ⁴ Цец. Цит. соч. и События после Гомера (*Posthomerica*). 641—650; Квинт Смирнский. События после Гомера. XII.314—315; Аполлодор. Цит. соч. V.14; Малая Илиада. Цит. по: Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч.
- ⁵ Аполлодор. Цит. соч. V.14—15; Цец. Цит. соч. 344.
- ⁶ Вергилий. Энеида. II.13—249; Лесс Митиленский. Малая Илиада; Цец. Цит. соч. 347; Аполлодор. Цит. соч. V.16—17; Гигин. Цит. соч. 135.
- ⁷ Вергилий. Цит. соч.
- ⁸ Эвфорион. Цит. по: Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. II.201; Гигин. Цит. соч.; Вергилий. Цит. соч.
- ⁹ Аполлодор. Цит. соч. V.18; Гигин. Цит. соч.; Цец. Цит. соч.; Лисимах. Цит. по: Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. II.211.
- ¹⁰ Сервий. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч.; Квинт Смирнский. События после Гомера. XII.444—497; Арктин Милетский. Разрушение Илиона; Цец. Цит. соч.; Вергилий. Цит. соч.
- ¹¹ Гомер. Одиссея. VIII.504 и след.; Аполлодор. Цит. соч. V.16—17; Арктин Милетский. Цит. соч.; Лесс Митиленский. Цит. соч.; Трифиодор. Взятие Трои. 316 и след., 340—344.
- ¹² Гомер. Цит. соч. XI.523—532, IV.271—289; Трифиодор. Цит. соч. 463—490.
- ¹³ Трифиодор. Цит. соч. 487—521; Сервий. Цит. соч. II. 255; Лесс Митиленский. Цит. соч. Цит. по: Цец. Цит. соч. 344; Аполлодор. Цит. соч. V.19.
- ¹⁴ Вергилий. Энеида. II.256 и след.; Гигин. Цит. соч. 108; Аполлодор. Цит. соч. V.20; Цец. Цит. соч. 340.
- ¹⁵ Аполлодор. Цит. соч.

1) Комментаторы Гомера, жившие в классическую эпоху, были разочарованы историей с деревянным конем. Каждый стремился понять ее по-своему: это была и стенобитная машина греков в виде коня (Павсаний. I.23.10); Антенор провел греков в Троию через ход, на двери которого

была нарисована лошадь; лошадь была знаком, с помощью которого греки отличали себя от противника в сумерках и во всеобщей панике; когда Троя пала, оракулы запретили грабить дома, на которых была нарисована лошадь, благодаря чему остался цел дом Антенора; Троя пала в результате атаки кавалерии; наконец, греки, спалив свой лагерь, спрятались на горе Гиппий («конская»).

2) Можно вполне допустить, что при нападении на Трою была использована башня на колесах, обитая мокрыми конскими шкурами для защиты от стрел. С ее помощью удалось разрушить часто упоминаемую слабую часть стены, т. е. западную, построенную Эаком (см. 158,8). Однако это вряд ли объясняет легенду, согласно которой предводители греков спрятались в «чреве» коня. Возможно, Гомериды придумали этот ход, чтобы объяснить уже мало понимаемое ими священное изображение: обнесенный стенами город, царица, ритуальное собрание и царь-жрец, изображенный в момент нового рождения — появляющимся головой вперед из кобылы, которая была священным животным как троянцев (см. 48,3), так и Эакидов (см. 81,4). Деревянная кобыла, изготовленная из еловых досок (известно, что ель была деревом, символизирующим рождение (см. 51,5)), могла иметь обрядовое значение, как, например, деревянная корова, с помощью которой совершался священный брак между Миносом и Пасифаей (см. 88,у). Не наваяна ли борьба между Одиссеем и Антиклом изображением близнецов, ссорящихся в чреве матери (см. 73,1)?

3) Сюжет с сыном или сыновьями Лаокоона напоминает рассказ о том, как Геракл задушил двух змей (см. 119,2). Согласно некоторым вариантам, братья умерли в храме Аполлона, а сам Лаокоон, как и Амфитрион, сумел благополучно бежать. Не исключено, что мы опять встречаем сюжет со змеями, которые вылизывают мальчикам уши, чтобы наделить их даром пророчества. Антиф, очевидно, означает «пророк», т. е. «тот, кто говорит вместо бога».

4) На уровне богов эта война велась между троянской морской богиней Афродитой и греческим морским богом Посейдоном (см. 169,1). Вот почему Приам уничтожает жрецов Посейдона.

5) После падения Трои сюжет с «потеющими» статуями встречается довольно часто. Этот предупреждающий сигнал сначала переняли боги римлян, а позднее вытеснившие их католические святые.

6) В древнейших произведениях репутацию Эпея как храбреца стали иронически применять к хвастунам. Известно, что от хвастовства до трусости один шаг (см. 88,10).

[а] Судя по всему, Одиссей обещал Гекабе и Елене, что греки пощадят всех, кто не окажет сопротивления. Но победители растекались по залитым лунным светом улицам, врываются в никем не охраняемые дома и резали горло всем, кто попадал под руку. Гекаба с дочерьми спряталась под древним лавровым деревом у алтаря в честь Зевса и удержала Приама от желания броситься прямо в гущу боя. «Останься с нами, господин, — умоляла она, — в этом безопасном месте. Ты слишком стар и немогуч для битвы»¹. Приам нехотя остался и просидел под деревом до тех пор, пока мимо них не пробежал их сын Полит, преследуемый греками, он упал, пронзенный копьем прямо на их глазах. Проклиная Неоптолема, который нанес смертельный удар, Приам метнул в него копье, которое никому не причинило вреда. После этого его стащили со ступеней алтаря, уже обгаренных кровью Полита, и зарубили на пороге его собственного дворца. Но Неоптолем, памятуя о своем сыновьем долге, оттащил тело Приама на могилу Ахилла на Сигейском мысе, где и оставил догнивать с отрубленной головой и непогребенного².

[b] Тем временем Одиссей и Менелай устремились к дому Деифоба и там вступили в самую кровавую схватку за всю их жизнь. Победа им досталась только благодаря вмешательству Афины. Кто из них убил Деифоба, точно неизвестно. Некоторые даже говорят, что это Елена вонзила кинжал ему в спину. Этот поступок и божественная красота Елены так поколебали прежнюю решимость Менелая, поклявшегося убить ее, что он отбросил в сторону меч и повел ее целой и невредимой

к кораблям. Тело Деифоба было жестоко изрублено и изувечено, но впоследствии Эней воздвиг ему кенотаф на мысе Ретей³.

Одиссей, увидев Главка, одного из сыновей Антенора, бежавшего от преследовавших его по пятам греков, заступился за него и тогда же спас еще и брата Главка по имени Геликаон, получившего серьезное ранение. После этого Менелай повесил на дверях дома Антенора шкуру леопарда как знак того, что этот дом «не должно разрушать»⁴. Антенор с женой Теано и четырьмя сыновьями был отпущен на все четыре стороны с таким количеством вещей, которое они могли унести. Через несколько дней они отплыли на корабле Менелая и поселились сначала в Кирене, затем во Фракии и наконец в Генетике на Адриатическом море⁵. Генетика получила свое название потому, что Антенор стал во главе беглецов из пафлагонской Энеты (царь которой Пилемен пал под Троей) и с успехом воевал вместе с ними против эвганеев, живших на севере Итальянской долины. Порт и область, где они высадились, были переименованы в Новую Троию, а самих их теперь называют венетами. Говорят также, что Антенор основал город Падую⁶.

[с] Согласно римлянам, единственной семьей троянцев, которую пощадили греки, была семья Энея, который, как и Антенор, со временем потребовал выдачи Елены и заключения справедливого мира. Агамемнон, видя, как Эней взвалил на плечи почтенного Анхиса и понес его, не оглядываясь, к Дарданским воротам, приказал, чтобы этого благочестивого сына никто не трогал. Одни, правда, говорят, что Эней отсутствовал, когда город пал⁷. Другие утверждают, что он до последней минуты защищал Троию, затем ушел в пергамскую цитадель и после отважной обороны отправил своих людей под прикрытием темноты на гору Ида, где вскоре присоединился к ним со своей семьей, сокровищами и статуями богов. После чего, получив от греков почетные условия, он отправился во фракийскую Пеллену и умер либо там, либо в аркадском Орхомене. Правда, римляне говорят, что во время своих странствий он достиг, наконец, Лациума, основал город Лавинию, пал в бою и был вознесен на небеса. Все это басни, а правда заключается в том, что Неоптолем увез Энея на своем корабле как пленника — это была самая почетная добыча, доставшаяся грекам, а потом держал его у себя в ожидании выкупа, который и был внесен за него дарданами⁸.

[d] Жена Геликаона Лаодика — некоторые называют ее женой Телефа — разделила ложе с афинянином Акамантом, когда тот приезжал в Троию с посольством Диомеда десятью годами раньше; в положенный

срок она тайно родила ему сына по имени Мунит, которого вырастила рабыня Елены по имени Эфра — мать Тесея, а значит, прабабка ребенка. Когда Троя пала, Лаодика стояла в святилище Троса рядом с могилой Киллы. Вдруг земля разверзлась и поглотила ее на глазах у всех⁹.

[e] В замешательстве Эфра бежала с Мунитом в греческий лагерь, где Акамонт и Демофонт признали в ней давно для них утерянную бабушку, которую они поклялись либо спасти, либо выкупить. Демофонт тут же пришел к Агамемнону и потребовал ее возвращения на родину вместе с еще одной пленницей — сестрой Перифоя. Афинянин Менесфей поддержал его просьбу, и, поскольку Елена часто выражала свое недовольство Эфрой, пиная ее ногами или таская за волосы, Агамемнон согласился, но обязал Демофонта и Акамонта отказаться от всякой другой добычи в Трое. К сожалению, когда Акамонт по дороге домой высадился во Фракии, сопровождавший его Мунит умер от укуса змеи¹⁰.

[f] Как только в Трое началось побоище, вещая Кассандра бежала в храм к статуе Афины, обняв ее изображение, которое заменило похищенный палладий. Там и нашел ее Малый Аякс. Он попытался выволочь ее из храма, но она так крепко держалась за статую, что ему пришлось тащить женщину вместе со статуей богини. Троянки стали наложницами. Агамемнон потребовал Кассандру себе как награду за особую доблесть, а Одиссей услужливо сообщил, что Аякс надругался над Кассандрой прямо в святилище и поэтому глаза статуи обращены к небу, как бы выражая неимоверный страх¹¹. Так Кассандра досталась Агамемнону, а Аякс вызвал ненависть всего войска. Вот почему Калхас предупредил Совет, что греки, прежде чем отправиться домой, должны умиловить Афины за оскорбление, нанесенное ее жрице. Чтобы угодить Агамемнону, Одиссей предложил закидать Аякса камнями, но тот бежал, найдя убежище у алтаря той же Афины, где поклялся, что Одиссей, как всегда, врет. Кассандра также не поддержала обвинение в том, что ее обесчестили. Однако пренебречь пророчеством Калхаса было нельзя, поэтому Аякс выразил свое сожаление по поводу того, что вытащил из храма изваяние богини, и предложил искупить свою вину. Однако ему не удалось сдержать обещание: корабль, на котором он плыл домой в Грецию, разбился о Гирейские скалы. Когда он выбрался на берег, Посейдон расколол скалы трезубцем и утопил Аякса. Некоторые, правда, говорят, что Афина взяла на время у Зевса

перун и поразила его. Но Фетида предала его тело земле на острове Микон, а его соотечественники носили черное целый год и теперь ежегодно спускают корабль с черными парусами и полный даров и сжигают его в честь Аякса¹².

[g] Затем гнев Афины обрушился на землю опунтской Локриды, и Дельфийский оракул предупредил бывших подданных Аякса, что им не избавиться от голода и мора, если они в течение тысячи лет не будут отправлять двух девушек каждый год в Трою. С тех пор сто семей Локриды несут это бремя в доказательство своего высокого происхождения. Девушек выбирают по жребию и в глухую полночь высаживают на мысе Ретей, причем это происходит в разное время года. Вместе с ними идут их сородичи, которые знают страну и могут незаметно доставить девушек в храм Афины. Тех девушек, которых троянцам удавалось поймать до входа в храм, забрасывали камнями, сжигали, чтобы не осквернять землю, а пепел развеивали над морем. Но если девушкам удавалось добраться до храма, вреда им уже не причиняли. В храме им срезали волосы, давали рубахи рабынь, после чего они должны были проводить все дни, выполняя черную работу до тех пор, пока им на смену не придут другие. Много лет назад случилось так, что когда трары захватили Трою и убили локридскую жрицу в самом храме, локридцы решили, что срок наказания истек, и перестали посылать девушек. Однако начавшийся голод и мор заставили их тут же изменить свое решение и восстановить древний обычай, установленный срок для которого лишь сейчас приближается к концу. Девушки попадали в храм Афины по подземному ходу, находившемуся на некотором расстоянии от городских стен. Этот ход вел к грязному водостоку, которым воспользовались Одиссей и Диомед, когда похитили палладий. Троянцы не имели представления о том, как девушки попадают в храм, и никогда не знали, в какую ночь прибудет смена, поэтому ловили девушек очень редко, да и то случайно¹³.

[h] После устроенного побоища люди Агамемнона разграбили и сожгли Трою, поделили между собой добычу, разрушили городские стены и принесли множество жертв своим богам. Совет вождей какое-то время решал, что сделать с грудным сыном Гектора по имени Астианакс, которого еще называли Скамандрием, но потом встал Одиссей и предложил истребить род Приама. Окончательно судьба ребенка была решена, когда Калхас предсказал, что если ребенка оставить в живых, то он со временем отомстит за своих родителей и за город. Все греческие

цари пытались уклониться от совершения детоубийства, тогда Одиссей по своей воле сбросил Астианакса с городской стены¹⁴. Некоторые, правда, говорят, что Неоптолем, которому при дележе добычи досталась вдова Гектора Андромаха, будучи уверенным в решении Совета, выхватил у нее Астианакса, раскрутил тело ребенка над головой и бросил его вниз на скалы¹⁵. Рассказывают также, что Астианакс спрыгнул со стены и разбился, когда Одиссей объявлял о пророчестве Калхаса, взывая к богам для оправдания жестокого обряда¹⁶.

[i] Совет вождей также решил судьбу Поликсены. Умирая, Ахилл умолял, чтобы ее принесли в жертву на его могиле, а совсем недавно явился во сне Неоптолему и другим вождям, угрожая встречными ветрами задерживать греческий флот у троянских берегов до тех пор, пока греки не исполнят его волю. Однажды слышали, как из могилы раздавался жалобный голос: «Разве это справедливо, что мне не выделили ничего из добычи?» Кроме того, на мысе Сигей объявился призрак в золоченых доспехах, кричавший: «Куда вы, греки? Неужели вы оставите мою могилу, не воздав ей почестей?»¹⁷

[j] На этот раз Калхас провозгласил, что Поликсена должна достаться Ахиллу, который любил ее. Агамемнон воспротивился, заявив, что уже было достаточно пролито крови стариков, младенцев и воинов, чтобы считать Ахилла отмищенным, и что мертвые, какими бы знаменитыми они ни были, не имеют никаких прав на живых женщин. Но Демофонт и Акамант, которые были лишены причитавшейся им добычи, уверяли, что Агамемнон так говорит лишь для того, чтобы потрафить сестре Поликсены Кассандре и скорее заполучить ее в свои объятия. «Что, — спросили они, — заслуживает большего уважения: меч Ахилла или ложе Кассандры?» Стала назревать ссора, и вмешавшийся Одиссей убедил Агамемнона пойти на уступку¹⁸.

[k] Тогда Совет поручил Одиссею привести Поликсену, а Неоптолему выполнить обязанности жреца. Поликсену принесли в жертву на могиле Ахилла на глазах у всех воинов, которые поспешили с честью похоронить ее. После похорон сразу же задули попутные ветры¹⁹. Правда, одни говорят, что греческий флот уже успел достичь Фракии, когда появился призрак Ахилла, угрожавший встречным ветром, и именно во Фракии было решено принести Поликсену в жертву²⁰. Другие свидетельствуют, что она по собственной воле взошла на могилу Ахилла еще до падения Трои и бросилась грудью на острие меча, тем самым искупив зло, которое совершила по отношению к нему²¹.

[1] Хотя Ахилл убил Полидора — сына Приама и Лаофои, который был самым младшим и горячо любимым в семье, — другой царевич с таким именем сумел избежать смерти. Это был сын Приама и Гекабы, которого решили спасти, отправив во фракийский Херсонес, где его тетка Илиона, жена царя Полиместора, стала ему воспитательницей. Илиона относилась к Полидору так, словно он был братом Деифила, которого она родила от Полиместора. Агамемнон, поддерживавший Одиссея, решившего искоренить род Приама, отправил послов к Полиместору, пообещав отдать ему в жены Электру и золото в придачу, если он разделается с Полидором. Полиместор принял плату, но, не решившись причинить зло ребенку, которого он поклялся защищать, убил в присутствии послов своего сына Деифила, и те, обманутые, отправились назад. Полидор, не зная тайны своего рождения, но понимая, что стал причиной разлада между Илионой и Полиместором, отправился в Дельфы и спросил пифию: «Что беспокоит моих родителей?» Пифия ответила: «Неужели тебе мало того, что твой город испепелен, твой отец зарезан, а мать отдана в рабство, и ты пришел сюда с таким вопросом?» Обеспокоенный, он вернулся во Фракию и увидел, что за время его отсутствия никаких перемен не произошло. «Неужели Аполлон ошибся?» — удивился он. Илиона рассказала Полидору всю правду, и тот, возмущившись тем, что Полиместор за золото и обещание прислать ему новую царицу решил убить своего собственного и единственного сына, сначала ослепил его, а потом и зарезал²².

[m] Другие говорят, что греки угрожали Полиместору войной до тех пор, пока он не выдаст Полидора, и что, когда он уступил, они привели мальчика в лагерь и предложили обменять его на Елену. Поскольку Приам отказался обсуждать с ними такое предложение, Агамемнон приказал забросать Полидора камнями под стенами Трои, а тело отправить Елене с посланием: «Покажи это Приаму и спроси, не жалеет ли он о своем решении». Это был шаг, свидетельствующий о безумной злобе, ведь Приам поклялся не выдавать Елену, пока она находится под защитой Афродиты, и был готов отдать за Полидора в качестве выкупа богатый город Антандрий²³.

[п] При дележе добычи Гекаба досталась Одиссею, который отвез ее во фракийский Херсонес, где она стала рассказывать про него и других греков такие ужасные истории (обвиняя их в варварстве и попрании веры), что им не оставалось ничего другого, как предать ее смерти. Тень Гекабы приняла облик одной из черных сук, которые следуют повсюду

за Гекатой; эта сука прыгнула в море и уплыла в сторону Геллеспонта. Место, где она была похоронена, называется Киноссема — *Сучья могила*²⁴. Эти события передают и по-другому. Якобы, после того как Поликсена была принесена в жертву, Гекаба обнаружила выброшенное волнами на берег тело Полидора. Это ее зять Полиместор убил его, чтобы овладеть золотом, которое Приам передал ему как плату за обучение своего сына. Тогда Гекаба позвала Полиместора, обещая ему показать, где в развалинах Трои спрятан клад, а когда он пришел с двумя сыновьями, она выхватила кинжал, который прятала у себя на груди, заколола обоих мальчиков, а Полиместору выколола глаза. Учитывая ее возраст и обрушившиеся на нее несчастья, Агамемнон простил ей все содеянное. Но фракийская знать хотела отомстить Гекабе, забросав ее дротиками и камнями. Тогда-то она превратилась в суку по кличке Мера и стала с лаем носиться вокруг, отчего фракийцы в замешательстве бежали²⁵.

[о] Одни говорят, что Антенор основал новое Троянское царство на развалинах старого. Другие — что Астианакс не погиб, а стал после отъезда греков царем Трои и, хотя Антенор и его союзники изгнали его, Эней вновь посадил его на трон, в конце концов, как и было предсказано, перешедший к сыну Энея по имени Асканий. Как бы там ни было, Трое уже никогда не удалось достичь своего бывшего величия²⁶.

¹ *Аполлодор*. Эпитома. V.21; *Еврипид*. Гекуба. 23; *Вергилий*. Энеида. II.506—557.

² *Лесс Митиленский*. Малая Илиада. Цит. по: *Павсаний*. X.27.1; *Вергилий*. Цит. соч.; *Аполлодор*. Цит. соч.; *Еврипид*. Троянки. 16—17.

³ *Гомер*. Одиссея. VIII.517—520; *Аполлодор*. Цит. соч. V.22; *Гигин*. Мифы. 240; *Павсаний*. V.18.1; *Лесс Митиленский*. Цит. соч. Цит. по: *Схолии к «Лисистрате» Аристофана*. 155; *Вергилий*. Цит. соч. VI.494; *Диктис Критский*. V.12.

⁴ *Аполлодор*. Цит. соч. V.21; *Гомер*. Илиада. III.123; *Лесс Митиленский*. Цит. соч. Цит. по: *Павсаний*. X.26.3; *Сервий*. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. I.246; *Софокл*. Разрушение Илиона. Цит. по: *Страбон*. XIII.1.53.

⁵ *Павсаний*. X.27.2; *Пиндар*. Пифийские оды. V.82 и след.; *Сервий*. Цит. соч. I.246; *Страбон*. XIII.1.53.

⁶ *Ливий*. I.1; *Сервий*. Цит. соч. I.246.

⁷ *Ливий*. Цит. соч.; *Аполлодор*. Цит. соч. V.21; *Дионисий Галикарнасский*. I.48.

- ⁸ Дионисий Галикарнасский. I.48,49,64; Элиан. Пестрые рассказы. III.22; Гигин. Цит. соч. 254; Страбон. XIII.1.53; Павсаний. VIII.12.5; Вергилий. Энеида, всюду; Плутарх. Ромул. 3; Ливий. I.2; Лесс Митиленский. Цит. соч. Цит. по: Цец. Схолии к Ликофрону. 1268.
- ⁹ Гигин. Цит. соч. 101; Гомер. Цит. соч. III.123—124; Цец. Цит. соч. 495 и след., 314; Аполлодор. Цит. соч. V.23.
- ¹⁰ Схолии к «Троянкам» Еврипида. 31; Аполлодор. Цит. соч. V.22; Лесс Митиленский. Цит. соч. Цит. по: Павсаний. X.25.3; Гигин. Цит. соч. 243; Павсаний. V.19.1; Дион Хрисостом. Речи. XI.1.179; Цец. Цит. соч. 495; Парфений. Любовные истории. 16.
- ¹¹ Арктин Милетский. Разрушение Илиона; Вергилий. Цит. соч. II.406; Аполлодор. Цит. соч.; Схолии к «Илиаде» Гомера. XIII.66.
- ¹² Цец. Цит. соч. 365; Аполлодор. Цит. соч. V.23; Павсаний. X.31.1, I.15.3, X.26.1; Гомер. Одиссея. IV. 99.
- ¹³ Гигин. Цит. соч. 116; Схолии к «Илиаде» Гомера. XIII.66; Ликофрон. 1141—1173 и схолии Цеца; Полибий. XII.5; Плутарх. О медлительности божественного возмездия. XII; Страбон. XIII.1.40; Элиан. Пестрые рассказы. Фрагмент 47; Эней Тактик. XXXI.24.
- ¹⁴ Гомер. Илиада. VI.402; Аполлодор. Цит. соч.; Еврипид. Троянки. 719 и след.; Гигин. Цит. соч. 109; Сервий. Цит. соч. II.457; Трифиодор. Взятие Трои. 644—646.
- ¹⁵ Аполлодор. Цит. соч.; Лесс Митиленский. Цит. соч. Цит. по: Цец. Схолии к Ликофрону. 1268; Павсаний. X.25.4.
- ¹⁶ Сенека. Троянки. 524 и след., 1063 и след.
- ¹⁷ Сервий. Цит. соч. III.322; Цец. Цит. соч. 323; Квинт Смирнский. События после Гомера (*Posthomerica*). XIV.210—328; Еврипид. Гекуба. 107 и след.
- ¹⁸ Сервий. Цит. соч. Цит. по: Еврипид. Цит. соч.
- ¹⁹ Еврипид. Цит. соч. 218 и след., 521—582.
- ²⁰ Овидий. Метаморфозы. XIII.439 и след., Павсаний. X.25.4.
- ²¹ Филострат. Диалог о героях. XIX.11.
- ²² Гомер. Илиада. XXII.48, XX.407 и след.; Гигин. Цит. соч. и 240.
- ²³ Диктис Критский. II.18,22,27; Сервий. Цит. соч. III. 6.
- ²⁴ Аполлодор. Цит. соч.; Гигин. Цит. соч. III; Диктис Критский. V.16; Цец. Цит. соч. 1176.
- ²⁵ Еврипид. Гекуба, всюду; Овидий. Цит. соч. XIII.536.
- ²⁶ Диктис Критский. V.17; Абант. Цит. по: Сервий. Цит. соч. IX.264; Ливий. I.1.

1) Хорошему отношению Одиссея к таким изменникам, как Антенор и Калхас, Гомер противопоставляет предательство с его стороны таких верных товарищей, как Паламед, Большой Аякс, Малый Аякс и Диомед, и его жестокость по отношению к Астианаксу, Полидору и Поликсене. Но поскольку Юлий Цезарь и Август настаивали на своем происхождении от Энея — еще одного предателя, которого пощадил Одиссей и который считался в Риме образцом благочестия, — современный читатель уже не замечает первоначальной сатиры. Очень жаль, что до нас не дошли слова, которыми Гекаба бранила Одиссея и его товарищей по бесчестию и которыми Гомер, вероятно, выразил свое истинное чувство. Однако превращение Гекабы в критскую Гекату, Меру или морскую суку Скиллу (см. 16,2; 91,2; 170,f) говорит о том, что Гомер все еще верил ее проклятьям — царства, основанные на варварстве и попрании веры, не могут процветать. Мера была символом Скиллы на небесах, т. е. малая собака-звезда, и, когда она появлялась на небе, в аттическом Марафоне в ее честь приносили в жертву людей. Самой знаменитой жертвой был царь Икарий (см. 79,1), на дочери которого женился Одиссей. В первоначальном варианте мифа (см. 159,b) Одиссей должен был разделить его судьбу.

2) Хорошо известный обычай отправлять локридских девушек в Троию наиболее странный в греческой истории — ведь самые авторитетные мифографы считали, что Малый Аякс не обесчестил Кассандру и что все обвинения против него — это выдумки Одиссея. Кроме того, совершенно очевидно, что локридские девушки получили право доступа в Трою не как наказание, а как почесть. Если верить Энею Тактику^{146*}, то троянцы действительно пытались не допустить их к себе. Он пишет об этом, рассуждая об опасности строительства городов, имеющих потайные ходы. Его взглядам полностью соответствует тот факт, что пойманных девушек воспринимали как «оскверняющих землю», а тех, кто все-таки проник в город, делали рабынями. Малый Аякс был сыном локридца Оилея. Это имя носил также один троянский воин, которого убил Агамемнон (*Илиада*. XI.93). Оно представляет собой более древнюю форму имени Ил. На основе этого можно предположить, что Илион Приама был частично заселен локрами, т. е. доэллиным племенем лелегов (Аристотель. *Фрагмент 560*; Дионисий Галикарнасский. I.17; Страбон.

^{146*} Эней Тактик — очевидно, политический деятель и полководец Аркадийского союза в 367 г. до н. э. Один из греческих писателей, сохранился его труд об осадном искусстве.

XIII.1.3, 3.3). Имя локридской горы Фрикий они дали месту, которое позже называлось *Кима*. Кроме того, им принадлежало наследственное право поставлять Афине установленное число жриц (см. 158,8). Этим правом они пользовались намного позже завершения Троянской войны, когда город уже окончательно потерял свое политическое значение и превратился в место сентиментального паломничества — к большому недовольству троянцев, которые считали этих девушек своими исконными врагами.

3) Проклятье, существовавшее тысячу лет, потеряло свою силу примерно в 264 г. до н. э., что соответствует делосской, а значит, и гомеровской датировке Троянской войны, хотя Эратосфен^{147*} считает, что она случилась столетием позже. Тайный лаз, которым пользовался Одиссей, был обнаружен в развалинах Трои и описан Уолтером Лифом в книге «Троя: Исследование по гомеровской географии» (Лондон, 1912, с. 126—144). Однако почему Теано стала предательницей и выдала палладий? Может быть, потому, что сама была локрийкой, — ведь была же знаменитая поэтесса из эпизефирийской Локриды по имени Теано, — и имела основания быть недовольной антилокийской торговой политикой Приама или была уверена в падении Трои и хотела, чтобы статуя оказалась в безопасном месте, а не была захвачена Агамемноном. Гомер называет ее дочерью фракийца Киссея, а во Фракии была как минимум одна локрийская колония, а именно Абдера (см. 130,с). Будучи локрийкой, Теано должна была вести свою родословную по материнской линии (Полибий. XII.5.6) и могла иметь прозвище Киссеида («плющевая женщина») в честь Афины, основной праздник которой приходился на месяц плюща (см. 52,3).

4) В кратком изложении трагедии Софокла «Аякс» упоминается о ссоре между Одиссеем и Аяксом из-за палладия, возникшей после падения Трои. Однако речь должна идти о Малом Аяксе, поскольку Большой Аякс к тому времени уже покончил жизнь самоубийством. Поэтому можно предположить, что Малый Аякс, а не Диомед водил Одиссея по лазу, чтобы добыть палладий с помощью своей соотечественницы Теано. Можно также представить, что Одиссей обвинил Малого Аякса

^{147*} Эратосфен из Кирены (ок. 282—202 до н. э.) — греческий ученый, ученик Каллимаха. С 246 до н. э. заведовал Александрийской библиотекой. Имел труды в области филологии, истории, литературы, математики, астрономии и географии, сохранившиеся во фрагментах. Содержание «Географии» Эратосфена дошло благодаря трудам Страбона.

г попытке обесчестить жрицу, которая не являлась локрийкой и всеми силами вцепилась в статую, которую Теано помогала ему утащить. Сам же Малый Аякс после всего происшедшего мог признать свою ошибку и объяснить, что при тех обстоятельствах он не мог быть менее грубым по отношению к той жрице. Это событие через несколько столетий могло послужить поводом для троянцев, старавшихся лишить локрийских девушек права служить жрицами Афины в храме. Для этого троянцы и представляли прибытие девушек как плату за проступок Аякса, не смотря на то что Афина в конце концов сама наказала его, поразив перуном; более того, эти девушки использовались на самой черной работе. Одиссей мог настоять на своем праве сопровождать Малого Аякса в цитадель на том основании, что Закинф, эпоним-предок приведенных им закинфов, фигурировал в одном из списков древнейших троянских царей.

5) Это же могло объяснить, почему Гекаба не выдала Одиссея троянцам, когда тот проник в город как лазутчик. Ее также называют дочерью Киссея. Быть может, она была другой локрийкой родом из Фракии, которая помогла Аяксу завладеть палладием? У Гекабы не было причин для особой любви к Одиссею, поэтому, помогая ему бежать, она заботилась лишь о том, чтобы он не рассказал о ее предательстве троянцам. Бесспорно, Одиссей покинул город по водосток, а не через ворота, «убив множество троянцев», как он потом хвастал. При дележе добычи Одиссей мог требовать себе престарелую Гекабу, потому что она была живым свидетелем того, что произошло при похищении палладия, и, держа ее около себя, мог заткнуть ей рот. Похоже, что, прежде чем умереть, она успела все рассказать кому-то.

б) Одной из главных причин возникновения Троянской войны (см. 158,г; 160,б) было похищение Теламоном сестры Приама Гесионы, матери Тевкра и, следовательно, родственницы Малого Аякса. Это указывает на наличие продолжительных трений между Приамом и локрами в Греции. Патрокл, нанесший троянцам такие тяжелые потери, также был локром; его называют братом Абдера.

Имя Астианакс («царь города»), а также уровень, на котором решался вопрос о его смерти, предполагает наличие изображения, навеявшего сам рассказ. Оно, должно быть, изображало обряд принесения в жертву ребенка при освящении нового города. Такой обычай издревле существовал в Восточном Средиземноморье (Пар. 16:34).

7) Союзники Агамемнона недолго пользовались плодами своей победы над Троей. Между 1100 и 1050 гг. до н.э. нашествие дорийцев разрушило микенскую культуру на Пелопоннесе, и наступили темные времена. Прошло одно или два столетия, прежде чем ионийцы, вынужденные под давлением дорийцев переселиться в Малую Азию, не начали свое культурное возрождение, о чем надежно свидетельствует Гомер.

8) Странствия Энея принадлежат не греческой, а римской мифологии, поэтому здесь они рассматриваться не будут.

[а] «Поплывем, не теряя времени, — произнес Менелай, — пока дуют попутные ветры». — «Нет, нет! — ответил Агамемнон, — сначала совершим жертвоприношение Афине». — «Мы, греки, ничем не обязаны Афине! — был ответ Менелая. — Она слишком долго защищала троянскую цитадель». Братья расстались в ссоре, чтобы уже никогда не встретиться: если Агамемнон, Диомед и Нестор добрались домой вполне благополучно, то Менелай попал в бурю, насланную Афиной, и из всех его кораблей осталось только пять. Их прибило к критскому побережью, откуда Менелай пересек море и приплыл в Египет. Целых восемь лет пробыл он в южных водах, не имея возможности вернуться. Он посетил Кипр, Финикию, Эфиопию и Ливию, цари которых принимали его очень гостеприимно, одаривая богатыми дарами. Наконец он прибыл на Фарос, где нимфа Эйдофея посоветовала ему поймать ее отца, ясновидца и морского бога Протея, который лишь один знал, как разрушить чары и добиться того, чтобы дул попутный южный ветер.

Менелай и три его спутника, спрятавшись под вонючими тюленьими шкурами, лежали на морском берегу. В полдень к ним присоединились сотни тюленей — стадо Протея. Потом появился сам Протей и лег спать среди тюленей. Менелай со своими спутниками схватили его и, хотя он превращался во льва, змея, пантеру, вепря, текущую воду и лиственное дерево, держали его крепко и заставили объявить пророчество. Он объявил, что Агамемнон убит и что Менелая следует вновь посетить Египет, чтобы умилиستивить богов, принеся им в жертву гекатомбы животных. Менелай сделал, как было сказано, и не успел он на берегу реки

Египет воздвигнуть кенотаф Агамемнону, как задули попутные ветры. Он прибыл в Спарту в сопровождении Елены в тот самый день, когда Орест отомстил за убийство Агамемнона¹.

[b] Множество кораблей, на которых не было знаменитых вождей, потерпели крушение у Эвбейского побережья из-за того, что Навплий зажег маяк на горе Кафарей, чтобы погубить своих врагов, которые должны были принять этот огонь за маяк, указывавший вход в безопасный Пагасейский залив. Но это преступление стало известно Зевсу, и много лет спустя жизнь Навплия закончилась из-за такого же ложного маяка².

[c] Амфилох, Калхас, Подалирий и другие отправились по земле до Колофона, где Калхас умер, как и было предсказано, встретив «прорицателя, более могучего, чем он». Им оказался не кто иной, как Мопс, сын Аполлона и дочери Тиресия Манто. Дикая плодоносящая смоковница росла в Колофоне. Калхас, желая привести Мопса в замешательство, спросил: «Не скажешь ли мне, дорогой, сколько смокв принесет это дерево?» Мопс закрыл глаза, как человек, который больше доверяет своему внутреннему голосу, чем простым вычислениям, и ответил: «Ну, конечно, десять тысяч смокв и еще одна смоква». Когда плоды собрали, то оказалось, что Мопс не ошибся. «Перейдем теперь от тысяч к меньшим количествам, — с недоброй улыбкой произнес Мопс. — Как ты думаешь, сколько поросят в утробе этой супоросой свиньи, какого они пола и когда она принесет приплод?»

«Восемь поросят, все они самцы, а приплод будет через девять дней», — произнес первое, что пришло в голову, Калхас в надежде, что ему удастся уйти раньше, чем можно будет проверить его слова. «Я думаю, что будет три поросенка и только один из них кабанчик — причем родятся они завтра ровно в полдень и ни минутой раньше». Мопс еще раз оказался прав, сердце Калхаса не выдержало — и он умер. Друзья похоронили его у мыса Нотия³.

[d] Робкий Подалирий, чтобы не обращаться к своим друзьям ясно-видцам за советом, где ему лучше поселиться, предпочел спросить об этом Дельфийскую пифию, которая довольно раздраженно посоветовала ему идти туда, где он будет жив и невредим, если даже рухнут небеса. После длительных раздумий он выбрал место в Карии, которое называлось Сирн. Со всех сторон оно было окружено горами, вершины которых, как он надеялся, не дадут упасть голубой тверди, если даже небосвод соскользнет с плеч Атланта. Итальянцы построили Подалирию святилище героя на горе Дрий в Давнии; на вершине этой горы призрак Калхаса через сновидения раздает оракулы⁴.

[e] Между Мопсом и Амфилохом разгорелся спор. Вместе они основали город Малл в Киликии, и, когда Амфилох вернулся в свой родной город Аргос в Акарнании, Мопс стал единоличным правителем. Амфилох, которому не нравилась жизнь в Аргосе, через двенадцать месяцев вновь вернулся в Малл в надежде получить прежнюю власть, но Мопс грубо заявил, чтобы он убирался. Когда разгневанные маллийцы предложили решить спор поединком, соперники схватились и оба пали замертво. Погребальные костры были сложены таким образом, чтобы противники не касались друг друга во время сожжения, однако их тени были столь дружны, что решили основать общий оракул, который за правдивость предсказаний уважают сейчас даже больше, чем Дельфийский оракул Аполлона. Все вопросы, задаваемые оракулу, записываются на восковых дощечках, а ответы даются через сновидения всего за два медяка⁵.

[f] Неоптолем отплыл сразу же, как принес жертвы богам и тени своего отца. Благодаря пророческому совету своего друга Гелена ему удалось избежать бури, в которую попали Менелай и Идоменей, и укрыться в Молоссии. Убив царя Феникса и выдав его жену за Гелена, ставшего таким образом царем молоссов, затем основав новую столицу, Неоптолем, наконец, добрался до Иолка⁶. Там он унаследовал царство от своего деда Пелея, изгнанного сыновьями Акаста⁷. По совету Гелена он не остался в этом царстве, а сжег корабли и отправился в глубь материка в Эпир к Додонскому оракулу, где его приветствовали сородичи. Они стояли лагерем, ночуя под растянутыми на остриях копий шерстяными одеялами. И тут Неоптолем вспомнил слова Гелена: «Там, где найдешь дом с основанием из железа, деревянными стенами и шерстяной крышей, останись, принеси жертвы богам и построй город!» Здесь Андромаха родила ему еще двух сыновей, которых называли Пиелом и Пергамом.

[g] Однако его ждал бесславный конец. Отправившись в Дельфы, он потребовал удовлетворения за убийство своего отца Ахилла, которого Аполлон, принявший обличье Париса, как говорят, убил в троянском храме. Когда пифия холодно отклонила его претензию, он ограбил и сжег святилище. Потом Неоптолем отправился в Спарту и заявил, что еще до войны под Троей Менелай обручил его с Гермиейной, но, несмотря на это, ее дед Тиндарей отдал ее сыну Агамемнона Оресту. Поскольку Ореста преследуют сейчас эринии, а боги прокляли, то будет лишь справедливо, рассуждал он, если Гермияна станет его женой. Несмотря на протесты Ореста, спартанцы удовлетворили просьбу Неоптолема, и свадьба состоялась в Спарте. Гермияна, однако, оказалась бесплодной, и Неоптолем

вернулся в Дельфы и, войдя в закопченное языками пламени святилище, которое Аполлон решил заново отстроить, спросил, почему у Гермियोны нет потомства.

[h] Ему повелели принести умиловительные жертвы богу, совершая которые он встретился у алтаря с Орестом. Орест разделался бы с ним, но Аполлон не дал этому свершиться, поскольку решил, что Неоптолем должен пасть от руки другого человека, но в тот же день. В Дельфах было заведено, что мясо жертвенных животных всегда доставалось храмовым слугам, но Неоптолем по незнанию не смог перенести одного вида того, как на его глазах куда-то тащат жирные туши освежаванных им быков, и решил помешать этому. «Пора избавиться от этого беспокойного сына Ахилла!» — коротко произнесла пифия, после чего некто по имени Махарей из Фокиды убил Неоптолема жертвенным ножом.

«Похороните его под порогом нашего нового святилища, — приказала жрица. — Он был знаменитым воином, и его тень будет защищать вас от всех, кто ни нападет. А если он искренне раскаялся в оскорблении, нанесенном Аполлону, то пусть дух его возглавляет шествия и жертвоприношения в честь таких же героев, как он сам».

Некоторые, правда, говорят, что убийство подстроил Орест⁸.

[i] Афинянин Демофонт, возвращаясь домой, причалил к фракийскому берегу, где в него влюбилась Филлида, царевна бисалтов. Он женился на ней и стал царем. Когда ему надоела Фракия, он захотел возобновить свои странствия, и Филлида оказалась бессильной удержать его. «Я должен отправиться в Афины, чтобы поклониться матери, которую я в последний раз видел одиннадцать лет назад», — сказал Демофонт. — «Ты должен был подумать об этом до того, как занять трон, — отвечала заплаканная Филлида. — Ты сейчас не можешь отсутствовать более чем несколько месяцев». Демофонт поклялся всеми богами Олимпа, что вернется через год, но Филлида знала, что он лжет. Она проводила его до самого порта под названием Эннеоды и там вручила ему ларец. «В нем, — сказала она, — талисман. Открой его, когда совсем потеряешь надежду вернуться ко мне».

[j] У Демофонта не было никакого желания возвращаться в Афины. Он повел корабль на юго-восток к Кипру, где и обосновался. Когда год прошел, Филлида прокляла его именем матери Реи, приняла яд и умерла. В тот же самый час любопытство одолело Демофонта, он открыл ларец и, увидев его содержимое, вскочил на коня и в страхе поскакал, выхватив меч и пласмя колотя им по голове лошади. Лошадь споткнулась,

упала, меч выпал у него из рук, воткнулся в землю острием вверх и пронзил его, когда он летел через голову лошади.

Рассказывают еще об одной фракийской царице по имени Филлида, которая влюбилась в брата Демофонта по имени Акамант, и, когда бури задержали его возвращение из Трои, умерла от печали и была превращена в миндальное дерево. Очень часто этих двух цариц путают между собой⁹.

[k] Диомед, как Агамемнон и другие, испытал на себе враждебность Афродиты.

Сначала его корабль выбросило на ликийский берег, где царь Лик наверняка бы принес его в жертву Аресу, если бы царица Каллироя не помогла Диомеду бежать. Оказавшись в Аргосе, он узнал, что по наущению Навплия его жена Эгиалея сожительствует с Кометом или, как утверждают некоторые, с Ипполитом. В Коринфе до него дошла весть, что его дед Ойней нуждается в помощи против каких-то людей, восставших с оружием. Тогда Диомед отправился в Этолию и устранил все опасности для дедовского трона. Правда, некоторые говорят, что Диомед вынужден был покинуть Аргос задолго до Троянской войны, когда вернулся из успешного похода эпигонов против Фив, и что заполучить назад свое царство ему помог Агамемнон¹⁰. Остаток жизни он провел в италийской Давнии, где женился на Евиппе, дочери царя Давна, и сумел построить много знаменитых городов, включая Брундисий. Может быть, поэтому Давн из зависти убил Диомеда, когда тот был уже в пожилом возрасте, и похоронил его на одном из островов, называемых теперь Диомедовы острова. По другому свидетельству, он неожиданно исчез, по воле богов, а его спутники превратились в кротких и ручных птиц, которые до сих пор гнездятся на этих островах. Золотые доспехи Диомеда удалось сохранить жрецам Афины в Апулийской Лукерии, и ему, как богу, поклоняются в Венетии и на юге Италии¹¹.

[l] Навплий заставил изменить мужу и жену Идоменея Меду. Она взяла себе в любовники некоего Левка, который вскоре изгнал ее из дворца вместе с дочерью Идоменея Клисифирой и убил их в храме, где они пытались найти убежище. После этих событий Левк убедил десять городов уйти из-под власти своего законного царя, а сам захватил трон. Застигнутый бурей на пути к Криту, Идоменей поклялся принести в жертву Посейдону первого встречного. Этим встречным оказался его собственный сын или, как говорят некоторые, одна из его дочерей. Когда он уже готовился выполнить свое обещание, на страну напал мор,

и жертвоприношение было отложено. У Левка теперь появился хороший предлог, чтобы изгнать Идоменея, и тот переселился в Салентинскую область Калабрии, где и прожил до самой смерти¹².

[т] Лишь немногим грекам удалось вернуться домой, да и тех ждали одни лишь беды. Восставшие горожане изгнали Филоктета из его города Мелибси, что в Фессалии. Он вынужден был бежать на юг Италии, где основал Петелию и Кримиссу около Кротона. Несколько своих спутников он отправил на помощь Эгесту, чтобы укрепить сицилийский город Эгесту. Свой знаменитый лук он подарил святилицу Обезумевшего Аполлона в Кримиссе. Когда он умер, его похоронили на берегу реки Сибарис¹³.

[п] Встречные ветры отнесли Гунея в Ливию, где он и решил остаться. Филипп вместе с жителями Коса сначала отправился к берегам Андроса, а потом на Кипр, где, кроме него, осел Агапенор. Менесфей не вернулся на царский трон в Афины, а занял пустовавший в то время трон Мелоса. Некоторые, правда, считают, что он погиб под Троей. Спутники Элпенора потерпели крушение у побережья Эпира и захватили Аполлонию. Спутники Протесилая разбились у Пеллены во фракийском Херсонесе, родосцы Тлептолема потерпели крушение у Иберийских островов, откуда часть их вновь поплыла на запад, в Италию. В войне против варваров луканов им помог Филоктет¹⁴. Повесть о странствиях Одиссея в изложении Гомера рассказывают двадцать четыре вечера подряд.

[о] Только Нестор, который всегда был честен, осторожен, добр, вежлив и почтительно относился к богам, благополучно вернулся в Пилос, где счастливо дожил до старости, ни с кем не воюя, окруженный смелыми и разумными сыновьями. Такова была воля всемогущего Зевса¹⁵.

¹ *Аполлодор*. Эпитома. VI.1; *Гомер*. Одиссея. III.130 и след., IV.77—592; *Агий* (изд. Кинхелем). Цит. по: *Прокл*. Фрагменты греческих эпиков. 53.

² *Аполлодор*. II.1.5, Эпитома. VI.11; *Еврипид*. Елена. 766 и след., 1126 и след.; *Гигин*. Мифы. 116; *Сервий*. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. XI.260.

³ *Аполлодор*. Цит. соч. VI.2—4; *Страбон*. XIV.1.27 (цит. из *Гесиода*, *Софокла* и *Ферекида*); *Цец*. Схолии к Ликофрону. 427, 980.

⁴ *Аполлодор*. Цит. соч. VI.18; *Павсаний*. III.26.7; *Стефан Византийский* под словом *Сута*; *Страбон*. VI.3.9; *Цец*. Цит. соч. 1047.

- ⁵ *Аполлодор*. III.7.7. Эпитома. VI.19; *Цец.* Цит. соч. 440—442; *Страбон*. XIV.5.16; *Павсаний*. I.34.3; *Лукиан*. Александр. 19; *Плутарх*. Почему молчат оракулы. 45; *Цицерон*. О дивинации. I.40.88; *Дион Кассий*. LXXIII.7.
- ⁶ *Аполлодор*. Эпитома. VI.12,13; *Агий*. Цит. соч.; *Сервий*. Цит. соч. II.166; Схолии к «Одиссее» Гомера. III.188.
- ⁷ *Диктис Критский*. VI.7—9.
- ⁸ *Гомер*. Одиссея. IV.1—9; *Аполлодор*. Цит. соч. VI.13—14; *Еврипид*. Андромаха. 891—1085, Орест. 1649, схолии; *Гигин*. Цит. соч. 123; *Евстафий*. Комментарий к «Одиссее» Гомера. IV.3; Схолии к «Андромахе» Еврипида. 32,51; *Овидий*. Геронни. VIII.31 и след.; *Павсаний*. X.7.1, X.24.4—5; *Пиндар*. Немейские оды. VII.50—70, схолии; *Вергилий*. Энеида. III.330; *Страбон*. IX.3.9.
- ⁹ *Аполлодор*. Цит. соч. VI.16; *Цец.* Цит. соч. 495; *Лукиан*. О пляске. 40; *Гигин*. Цит. соч. 59; *Сервий*. Комментарии к «Эклогам» Вергилия. V.10.
- ¹⁰ *Диктис Критский*. VI.2; *Цец.* Цит. соч. 609; *Сервий*. Комментарий к «Энеиде» Вергилия. VIII.9; *Гигин*. Цит. соч. 175; *Аполлодор*. I.8.6; *Павсаний*. II.25.2.
- ¹¹ *Павсаний*. I.11; *Сервий*. Цит. соч. VIII.9, XI.246; *Цец.* Цит. соч. 602, 618; *Страбон*. Цит. соч. VI.3.8—9; Схолии к «Немейским одам» Пиндара. X.12; *Скилакс*. 6.
- ¹² *Аполлодор*. Цит. соч. VI.10; *Цец.* Цит. соч. 384—386; *Сервий*. Цит. соч. III.121, XI.264; *Вергилий*. Энеида. 121 и след., 400 и след.
- ¹³ *Цец.* Схолии к Ликофрону. 911. Цит. по: *Аполлодор*. Эпитома. VI.158; *Гомер*. Илинада. II.717 и след.; *Страбон*. VI.1.3; *Аристотель*. О чудесах. 107.
- ¹⁴ *Цец.* Цит. соч. 911; *Павсаний*. I.17.6.
- ¹⁵ *Гомер*. Одиссея. IV.209 и след.; *Павсаний*. IV.3.4; *Гигин*. Цит. соч. 10.

1) У мифографов Афродита сражается против греков, потому что, будучи богиней любви, она помогла Парису похитить Елену. Но она одновременно была морской богиней, к которой троянцы взывали, чтобы уничтожить торговое сообщество под покровительством Посейдона. Поэтому бури, которые якобы поднимали Афина или Посейдон, чтобы мешать победителям вернуться домой, первоначально приписывались именно Афродите. Благодаря такому возмездию многие города Италии, Ливии, Кипра и других мест получили возможность считать своими основателями героев, которые терпели крушение по возвращении из Трои, а не беженцев, которые покидали Грецию, спасаясь от нашествия дорийцев.

2) Хоронить юного воина под порогом храма — широко распространенная практика, и, поскольку Неоптолем сжег старое святилище в Дельфах, пифия, по вполне понятным причинам, выбрала его в качестве жертвы при закладке нового здания на руинах святилища. До этого хранителями дельфийского порога были Агамед и Трофоний (см. 84,6).

3) Рея, которая освятила таинственный предмет, находившийся в ларце Демфонта, также носила имя Пандора. Поэтому миф открытия ларца мог быть древним вариантом мифа о том, как жена Эпиметея Пандора открыла ящик со злом (см. 39,j): предупреждение мужчинам, которые пытались проникнуть в тайну женских мистерий, а не наоборот, как это пыгается изобразить Гесиод.

4) Птицы, в которых превратились спутники Диомеда, называются «кроткими», вероятно, для того, чтобы отличить их от соседей — сирен (см. 154,d ,3; 170,7).

5) Таковую же клятву, как Идомений, дал Меандр, когда обещал царице небес принести в жертву первого человека, который поздравит его с взятием Пессинунта, и этим человеком оказался его собственный сын Архелай. Меандр убил его, а потом с горя бросился в реку (Плутарх. *О реках*. IX.1). Более известный вариант этого мифа можно найти в Книге Судей (11:30; и далее), где Иеффай обещает Яхве сжечь свою дочь на костре, если одержит победу в войне. Эти варианты говорят в пользу того, что Идомений обещал принести в жертву мужчине не Посейдону, а Афродите, как и Меандр, принесший жертву царице небес, или Иеффай, который, скорее всего, принес такую жертву Анафе, в честь которой жертвы сжигались на священных Иудейских горах. Все это выглядит так, словно в определенный период принесение в жертву царевича в благодарность за удачно завершённый военный поход было широко распространено. Ионафан тоже был бы принесен в жертву своим отцом царем Саулом, если бы не запротестовал народ. Ритуал жертвоприношения, прерванный Идомением, как и жертвоприношение Авраама, не состоявшееся на горе Мория, или жертвоприношение Афанта на горе Лафистий (см. 70,в), следует понимать как предупреждение о том, что этот обряд более не угоден небесам. Замена царевича на царевну, как о том повествуется в рассказе о Иеффе или в рассказе о первой клятве Идомения, не что иное, как антиматриархальная реакция, характерная для героической саги.

6) Странствия Менелая в южном Средиземноморье — свидетельство ахейского пиратства и попыток создать свои колонии. Согласно

Ксанфу, древнему лидийскому историку, финикийский город Аскалон был основан Аскалом, братом Пелопа, а поэтому приходящимся побочным родственником Менелая. Опять же когда Иисус Навин завоевал Ханаан (XIII в. до н.э.), люди Гаваона (Агавон в тексте Септуагинты означает *Astu Achaivon* — «город ахейцев») на греческий манер пришли как просители к Иисусу Навину, утверждая, что они относятся не к ханаанеям, а к евеям, т. е. ахеенам из-за моря. Иисус Навин признал за ними права зрителей священных роц и разносчиков священной воды. Из стиха 9 следует, что они напомнили Иисусу Навину о древней морской лиге народа кефтиу, во главе которой стоял кносский Минос, к ней некогда принадлежали и ахейцы, и народ Авраама. Авраам, пришедший в дельту Нила вместе с гиксосами, выдал свою сестру Сару за «фараона», т. е. кносского правителя Фароса, который в то время был центром торгового союза. Но ко времени Менелая Кносс уже лежал в руинах, а сами участники союза, превратившись в пиратов, были разгромлены Рамсесом II в битве при Кадеше (1286 г. до н.э.): «Я поймал их, как диких птиц, их волокли, окружали и убивали на берегу, а суда и товары сбросили в море». Так Фарос перестал быть крупнейшим портом древнего мира и превратился в лежбище тюленей. Подводное извержение разрушило портовые постройки (см. 39,2), и в раннюю классическую эпоху торговля велась через Навкратис — милетский перевалочный пункт (см. 26,6).

7) Борьба Менелая и Протея — выродившаяся версия известного мифа о том, как богиня-тюлениха Фетида превращается в мужской персонаж по имени Протей. Менелай, вместо того чтобы дожидаться того момента, когда будет сброшена шкура и он в любовном порыве соединится с богиней, как это сделал Пелей (см. 81.1—3), пользуется шкурой как укрытием и зовет трех мужчин на помощь. От самого пленника ему не нужно ничего, кроме оракула. Протей быстро меняет свое обличье, как это делала Фетида, боровшаяся с Пелеем, или Дионис—Загрей, ассоциировавшийся с Фаросом (см. 27,6), когда ему угрожали титаны. Превращения Протея являются хорошим украшением рассказа, но полностью выпадают из контекста пророчества. Это несоответствие можно ликвидировать лишь в том случае, если в первоначальном варианте все звучало иначе: после восьмилетнего царствования и ежегодного умерщвления интэррекса, как это было принято на Крите, Менелай превратился в героя-оракула некоторого поселения, возникшего на берегу реки Египет (см. 112,3).

Мифы о возвращении

[а] Одиссей отплыл из Трои, полностью уверенный в том, что ему суждено странствовать еще целых десять лет, прежде чем он доберется до Итаки. Сначала он пристал к берегу у киконского Исмара и овладел им приступом. Из всех жителей он пощадил только Марона, жреца Аполлона, в благодарность преподнесшего ему несколько кувшинов со сладким вином. Но киконы, жившие дальше от берега, напали на греков, пьянствовавших на берегу, и разогнали их в разные стороны. Когда Одиссей вновь собрал оставшихся в живых и погрузился на корабль, сильный северо-восточный ветер понес его через все Эгейское море к Кифере¹. На четвертый день во время небольшого затишья он попытался обогнуть мыс Малей и плыть на север к Итаке, но ветер задул с еще большей силой. После девяти дней опасного плавания появился ливийский берег, на котором жили лотофаги. Нужно сказать, что величиной плод лотоса приблизительно равен плоду мастикового дерева, а по сладости несколько похож на финик; он имеет одну особенность: тот, кто отведал этот плод, забывает о своей родине навсегда. Некоторые путешественники говорят, что этот плод похож на яблоко и из него делают крепкое вино. Одиссей пристал к берегу, чтобы набрать воды, и отправил дозор из трех человек, которые отведали предложенный им местными жителями лотос и забыли, зачем их послали. Спустя некоторое время Одиссей отправился на их поиски во главе небольшого отряда. Хотя ему очень хотелось отведать лотос, он все-таки воздержался. Беглецов силой привели на корабль, привязали к корабельным скамьям, и корабль отплыл без лишних хлопот².

[b] Затем он приплыл к плодородному лесистому острову, на котором паслось бесчисленное количество коз, часть которых путешественники съели на обед. Были вытащены на берег все корабли, кроме одного, на котором Одиссей отправился исследовать остров. Оказалось, что это остров свирепых и диких киклопов, которых прозвали так за то, что у них был один круглый глаз, расположенный прямо посреди лба. Они забыли о кузнечном искусстве, которым владели их предки, работавшие на Зевса, и стали пастухами, жившими без законов, собраний, кораблей, рынков, не зная земледелия. Жизнь их скучна и уединенна и проходила в пещерах среди скал. Увидев вход в одну из таких пещер, «густо одетую лавром», Одиссей и его спутники вошли во двор, обнесенный стеной из огромных камней, не подозревая, что это была собственность киклопа Полифема — сына Посейдона и нимфы Тоосы, отличавшегося огромным ростом и любившего к тому же полакомиться человечинной. Греки быстро освоились, запалили большой костер и стали жарить козлят, обнаруженных в загоне в глубине пещеры. В тростниковых корзинах, висевших на стенах, они, к своему удовольствию, обнаружили сыр и устроили веселый пир. Ближе к вечеру появился Полифем. Он загнал в пещеру свое стадо, заложил выход камнем, который вряд ли бы сдвинули «двадцать два воза четырехколесных», и, не замечая, что в его доме гости, стал доить овец и коз. Наконец, он поднял голову и увидел вокруг очага Одиссея и его спутников. Тогда Полифем грубо спросил, что их к нему привело. Одиссей ответил: «Мы — ахейцы. Плыдем из-под Трои. Различные ветры сбили далеко с пути нас... едем домой... Молим, — прими, угости нас радушно... Умоляем ведь мы о защите». Вместо ответа Полифем зарычал и, схватив за ноги двух моряков, ударил их головой оземь так, что из них дух вон, и сожрал их тут же, «ни кости, ни мяса куска, ни утроб не оставив».

[c] Одиссей еще до рассвета сумел бы отомстить чудовищу, но не осмелился: только один Полифем мог сдвинуть камень, закрывавший вход. Всю ночь он провел в раздумьях над планом побега, сжимая голову руками, чтобы не слышать страшного храпа киклопа. На завтрак чудовище разможило головы еще двум спутникам Одиссея. После чего Полифем молча выгнал стадо и задвинул камень на место. Тогда Одиссей взял ствол дикой маслины, заострил и обжег один конец на огне, а потом спрятал его под кучей навоза. Вечером киклоп вернулся и съел еще двоих товарищей Одиссея. Тогда Одиссей вежливо предложил ему полную чашу крепкого вина, подаренного Мароном в киконском Исмаре.

К счастью, Одиссей захватил с собой на берег полный мех такого вина. Не испробовав в своей жизни ничего крепче пахты, Полифем с жадностью выпил вино и потребовал еще одну чашу. Выпив и ее, подобрел и даже спросил у Одиссея его имя. «Я называюсь *Никто*, — ответил Одиссей, — мне такое название дали мать и отец, и товарищи все так меня величают». «Знай же, *Никто*, мой любезный, что будешь самый последний ты съеден», — пообещал Полифем.

[d] Поскольку вино не было разбавлено водой, киклоп вскоре опьянел и заснул, а Одиссей и его оставшиеся в живых товарищи раскалили ствол в углях костра, вонзили его в единственный глаз великана и начали вращать его, как вертит «корабельный строитель, толстую доску пронося». Глаз зашипел, и Полифем издал ужасный вопль, от которого к нему поспешили все его соседи, чтобы узнать, не гибнет ли он «силою или обманом».

«*Никто!* Но своей я оплошностью гибну. *Никто* бы силой не мог повредить мне», — ревел великан. — «Если *Никто*, — отвечали соседи, — для чего же один так реवेशь ты? Но если ты болен, то воля на это Зевеса, ее не избежнешь. В помощь отца своего призови, Посейдона-владыку».

Соседи, ворча, удалились, а Полифем на ощупь отыскал вход в пещеру, отодвинул камень и раскинул широко руки в надежде схватить своих пленников, если те попытаются бежать. Но Одиссей все предусмотрел: он связал по три барана, а своих спутников подвязал им под брюхо; для себя же он присмотрел огромного вожака стада, чтобы, когда придет время, уцепиться за него снизу, держась за шерсть руками.

[e] На рассвете Полифем выпустил свое стадо на пастбище, нежно поглаживая их спины, чтобы убедиться, что никто не едет верхом на баранах. Он несколько помедлил, печально обратившись к животному, под которым притаился Одиссей: «Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний ныне покинул?.. Знать, чувствуешь ты сам, что око мое за тобой уж не смотрит». Но вот уже и этот баран оказался на воле.

[f] Так Одиссею удалось освободить своих спутников и пригнать на корабль стадо жирных баранов. Как только корабль был спущен на воду и гребцы взялись за весла, Одиссей не сдержался и решил в насмешку попрощаться с Полифемом. Вместо ответа Полифем швырнул в море огромную скалу, которая упала далеко впереди корабля и волной чуть снова не прибила его к берегу. Одиссей рассмеялся и закричал: «Если,

киклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит, как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй: царь Одиссей, городов сокрушитель... знаменитый властитель Итаки».

Разгневанный киклоп громко взмолился Посейдону: «Царь Посейдон, земледержец... не дай, чтоб достигнул землю свою Одиссей... чтоб дом свой царский достигнул... чтоб во многих напастях, утратив союзников, поздно прибыл туда на чужом корабле он и встретил там горе». После этих слов он швырнул скалу еще больших размеров, которая упала далеко за кормой корабля, и поднятая ею волна быстро понесла корабль Одиссея к острову, где, волнуясь, ждали остальные его спутники. Но Посейдон услышал Полифема и обещал осуществить испрошенную месть³.

[g] Одиссей тем временем правил к северу и уже достиг острова Эола — повелителя ветров, который с большим почетом принимал его целый месяц, а в последний день вручил ему «мех с заключенными в нем буреносными ветрами» и объяснил, что, пока мешок завязан серебряной нитью, все будет хорошо. При этом Эол добавил, что он не заключил в мешок ласковый западный ветер Зефир, чтобы он нес корабли по Ионийскому морю в сторону Итаки. Правда, Одиссей может освободить ветры по одному, если ему вдруг нужно будет изменить курс. Одиссей уже мог различить огни пылавших костров на родном острове, как вдруг усталость одолела его, и он уснул. Спутники Одиссея, только и ждавшие этого момента, развязали мешок, в котором, по их мнению, должны были быть богатые дары. В ту же минуту ветры вырвались и понеслись домой, подгоняя впереди себя корабль, и Одиссей скоро вновь очутился на острове Эола. Одиссей с извинениями стал опять просить помощи у Эола, но в ответ услышал, чтобы они плыли домой на веслах, а Эол не даст им даже легкого дуновенья Зефира. «Ненавистный блаженным богам и для нас ненавистен», — вскричал Эол, захлопнув перед ним дверь⁴.

[h] Через семь дней пути Одиссей приплыл в страну лестригонов, которой правил царь Лам. Некоторые считают, что она расположена в северо-западной части Сицилии. Есть и такие, кто помещает ее рядом с Формиями в Италии, где благородный род Ламии считает, что происходит от царя Лама. Этому можно верить, ведь кто бы стал признаваться в том, что ведет свое происхождение от каннибалов, если б об этом не говорилось в известном предании?⁵ В стране лестригонов светало так быстро, что пастухи, гнавшие домой свои стада на закате, здоровались с теми, кто гнал стада из дому на рассвете. Кормчие Одиссея смело вошли в бухту Телепила, которая имеет не только узкий вход, но и окружена острыми

скалами, и причалили к тому месту, где к воде подходила гладкая дорога. Сам Одиссей из осторожности привязал свой корабль к скале, не входя в бухту, предварительно послав трех лазутчиков узнать, что это за остров. Они шли до тех пор, пока не повстречали девушку, набравшую воду из источника. Она оказалась дочерью вождя лестригонов Антифата, в дом которого она их и повела. Но у дома на них напала толпа дикарей, схватила и сожрала одного, тогда как двое других сумели убежать. Дикари не бросились в погоню, а взобрались на скалы и, прежде чем корабли удалось спустить, забросали их градом камней. Затем, спустившись на берег, они не спеша «как рыб нанизали» убитых на колья «и в город всех унесли на съеденье». Одиссею удалось бежать, перерубив канат, которым был привязан корабль. При этом он умолял своих спутников грести изо всех сил, если они хотят остаться в живых⁶.

[i] Он плыл на единственном оставшемся судне строго на восток и достиг острова Эи, или острова Зари, которым правила богиня Кирка, дочь Гелиоса и Персы. Следовательно, она приходилась сестрой Эту, злому царю Колхиды. Кирка преуспела во всяком колдовстве и не любила людей. Когда бросили жребий, кому сторожить корабль, а кому идти обследовать остров, другу Одиссея Еврилоху выпало вместе с двадцатью двумя другими спутниками идти на берег. Эя изобиловала дубовыми рощами и другими видами деревьев; наконец ближе к середине острова, на широкой поляне, они увидели дворец Кирки. Вокруг него бродили волки и львы, но, вместо того чтобы напасть на Еврилоха и его людей, они приветствовали пришельцев, махая хвостами, и ластились к ним, подобно собакам. Тот, кто принял бы этих животных за людей, не ошибся — это и были люди, но только заколдованные Киркой.

[j] Кирка, «сидя за тканью», напевала песню. Когда люди Еврилоха подняли шум, она вышла к ним, улыбаясь, и приветливо предложила откусать за ее столом. Все с радостью согласилось, кроме Еврилоха, который, подозревая ловушку, в дом не вошел, а стал подглядывать в окна. Перед проголодавшимися мореплавателями богиня поставила сыр, ячменную муку, мед и вино, подсыпав туда волшебного зелья. Как только гости стали есть, она прикоснулась к их плечам волшебным жезлом и превратила их в свиней. С мрачной ухмылкой она открыла свинарник, бросила туда несколько пригоршней желудей и кизила, упавших на грязный пол, а потом впустила туда свиней.

[k] Еврилох вернулся со слезами на глазах и рассказал об этой беде Одиссею, который выхватил меч и отправился выручать своих спутников,

правда пока без готового плана. К своему удивлению, он столкнулся с богом Гермесом, который вежливо приветствовал его и предложил оберег против волшебства Кирки. Им оказался пахучий белый цветок с черным корнем, называемый *моли*. Только богам мог открыться этот цветок. Одиссей с благодарностью принял дар и, продолжив свой путь, вскоре оказался в гостях у Кирки. Когда он отведал отравленную пищу, она подняла свой волшебный жезл и прикоснулась к его плечу. «Иди и свиньею валяйся в закуте с другими», — повелела она. Но благодаря цветку *моли*, который Одиссей тайно нюхал все время, колдовство не подействовало, он вскочил, занеся над Киркой меч. Богиня, плача, упала к его ногам. «Я в изумлении! — воскликнула она. — Со мною ложе мое раздели». Хорошо зная, что колдуньи могут постепенно лишать силы и уничтожать своих возлюбленных, Одиссей заставил Кирку поклясться в том, что она больше не будет строить ему никаких козней. Она поклялась всеми богами, и, приготовив ему омовение, напоив вином из золотых кубков и угостив вкусным ужином, принесенным степенной ключницей, она стала готовиться к тому, что проведет с ним ночь на пурпурном ложе. Но Одиссей не стал отвечать ей на любовные ласки до тех пор, пока она не освободила всех его спутников и других моряков, заколдованных ею. Как только она сделала все, что он просил, у него уже не было сил ей отказать, и он прожил на Эе ровно столько, сколько нужно, чтобы у него родились сыновья Агрий, Латин и Телегон⁷.

[1] Одиссей вновь стал собираться в дорогу, и Кирка согласилась отпустить его. Но сначала ему следовало побывать в Аиде и найти ясновидца Тиресия, чтобы узнать, что судьба готовит ему на Итаке, если ему удастся до нее добраться. Они поплыли по течению вод Океана к месту, которое указала Кирка. Рошу Персефоны легко было узнать по черным тополям и старым ивам. В том месте, где реки Флегетон и Кокит вливаются в Ахеронт, Кирка велела выкопать яму и принести в жертву корову и черного барана, чтобы умиловить Гадеса и Персефону. Кровь жертвенных животных должна стечь в яму и соединиться с толпою душ усопших. Все тени нужно отгонять мечом, пока не придет тень Тиресия. Она должна вволю напиться крови, а потом пророчествовать.

[m] Одиссей силой загнал на корабль всех своих спутников, которые никак не хотели покидать приветливую Эю, и они поплыли в страну Гадеса. Кирка позаботилась о попутном ветре, который быстро понес их по водам Океана к тому краю мира, где никогда не видят солнца живущие в тумане киммерийцы — люди вечных сумерек. Увидев рошу

Персефоны, Одиссей сошел на берег и сделал все так, как советовала ему Кирка. Первой явилась тень Эльпенора — одного из его спутников, который всего несколько дней назад напился пьяным, уснул на крыше дворца Кирки, а проснувшись, не понял, где находится, шагнул вниз и разбился насмерть. Одиссей так быстро покинул Эю, что поначалу не заметил отсутствия Эльпенора и лишь сейчас обещал ему устроить, как положено, похороны. «Скоро же, друг Эльпенор, оказался ты в царстве Аида! Пеший проворнее был ты, чем мы в корабле быстроходном!» — воскликнул он, добавив, что, как бы жалостливо ни просил у него Эльпенор крови, он не даст сделать ему даже крохотного глотка.

[п] К яме собрались тени мужчин и женщин, умерших в разное время; среди них была и мать Одиссея Антиклея. Но даже ей он не дал прикоснуться к крови до тех пор, пока не пришел Тиресий. Напившись крови, он предупредил Одиссея, чтобы тот ни в коем случае не дал своим людям похитить скот солнечного Гипериона, когда их глазам предстанет остров Сицилия. На Итаке его ждут большие беды, но ему удастся отомстить за себя негодяям, которые проживают его добро. На этом его странствия не кончатся. Он должен взять корабельное весло и странствовать так до тех пор, пока не встретит людей, «моря не знающих, пищи своей никогда не солящих». Если его весло примут за лопату, странствия его закончатся. Пусть тогда он принесет жертву Посейдону, вернет себе Итаку и, благополучно дожив до глубокой старости, получит свою смерть из-за моря.

[о] Поблагодарив Тиресия и пообещав ему кровь еще одной черной овцы, когда доберется до Итаки, Одиссей наконец разрешил своей матери утолить жажду. Она сообщила ему о новостях из дома, но ни слова не сказала о женихах, осаждающих ее невестку. Когда они простились, тени супруг и дочерей славных героев поспешили допить оставшуюся кровь. Одиссей был рад встретить таких знаменитых женщин, как Антиопа, Эпикаста, Хлорида, Тиро, Леда, Ифимедея, Федра, Прокрида, Ариадна, Мера, Климена и Эрифилы.

[р] После этого Одиссей побеседовал со своими бывшими друзьями. Агамемнон посоветовал ему высадиться на Итаку тайно. Ахилла он обрадовал рассказами о подвигах Неоптолема, а Большой Аякс, который так и не простил его, ушел в мрачном молчании. Кроме того, Одиссей видел, как, держа золотой скипетр, судит умерших Минос, охотится Орион, страдают Тантал и Сисиф, а Геракл — точнее, его дух, ведь сам Геракл пирует среди бессмертных богов — погоревал вместе с ним обо всем, что пришлось пережить Одиссею⁸.

[q] Одиссей благополучно доплыл до Эи, где похоронил Эльпенора, а вместо памятника установил на могиле весло. Кирка радостно приветствовала его. «Люди железные, заживо зревшие область Аида! — воскликнула она. — Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды». Она предупредила Одиссея, что ему придется теперь миновать остров сирен, прекрасные голоса которых очаровывают всякого, кто проплывает мимо. Их считают детьми Ахелоя или, как полагают некоторые, Форкия и музы Терпсихоры или дочери Портаона по имени Стеропа. У них лица женщин, а тела птиц. Эту странность объясняют по-разному. Говорят, что они играли с Корой, когда ее похитил Гадес, и Деметра, обидевшись за то, что они не пришли ей на помощь, дала им крылья со словами: «Идите и ищите мою дочь по всему миру!» Рассказывают также, что в птиц их превратила Афродита за то, что они из гордости не позволяли лишиться себя девственности ни богам, ни людям. Они уже давно не могут летать — с тех самых пор, как проиграли музыкальное состязание музам, а из своих крыльев они выдергивают перья, чтобы сделать себе головные украшения. Они очаровывают сладким пением, «на светлом сидя лугу; а на этом лугу человечьих белеет много костей». Кирка посоветовала Одиссею залепить своим спутникам уши воском, чтобы они не слышали пения сирен, но если Одиссей хочет «роковой» услышать голос, пусть прикажет своей команде накрепко привязать себя к мачте и поклясться, что в ответ на его просьбы и приказы они еще крепче привяжут его. Кирка предупредила Одиссея и о других опасностях, которые его поджидают. И вот он отплыл, вновь подгоняемый попутным ветром.

[r] Когда корабль приблизился к острову сирен, Одиссей вспомнил о совете, данном Киркой. Сирены пели так сладко, призывая его к себе, что Одиссей закричал на своих спутников, угрожая им смертью, если они его не развяжут. И, повинувшись его прежним наставлениям, те лишь крепче привязали его к мачте. Так корабль благополучно проплыл мимо, а сирены с досады лишили себя жизни⁹.

[s] Одни считают, что было всего две сирены, другие называют трех: Парфенопа, Лавкосия и Лигия, или Писиноя, Аглаопа и Телксиопея, или Аглаофона, Телксиопа и Мольпе. Третьи считают, что их было четыре: Телета, Редна, Телксиопа и Мольпе¹⁰.

[t] Следующая опасность, подстерегавшая Одиссея, заключалась в том, что ему нужно было пройти между двумя стоящими в море утесами, на одном из которых живет Скилла, а на другом такое же чудовище — Харибда. Харибда, дочь матери-Земли и Посейдона, была женщиной-

чудовищем, которую Зевс перуном сбросил в море, и теперь она трижды в день всасывает в себя огромное количество воды, а потом выпускает ее обратно. Скилла, некогда прекрасная дочь Гекаты Кратейды и Форкия или Форбанта, или Ехидны и Тифона, Тритона или Тиррения, была превращена в собакоголовое чудовище с шестью ужасными головами и двенадцатью ногами. Это сделала либо Кирка, завидуя тому, что в Скиллу влюбился морской бог Главк, или Амфитрита — из зависти, что Скиллу любит Посейдон. Скилла ловила моряков, ломала им кости и не спеша проглатывала их. «Без умолку лая визгом пронзительным, визгу щенка молодого подобным», она оглашает всю окрестность. Пытаясь спастись от Харибды, Одиссей приблизился чуть ближе к Скилле, и та похитила шесть самых лучших моряков — по одному на каждую глотку — и унесла их в пещеру, чтобы потом пожрать их, уже не спеша. Моряки кричали и протягивали руки к Одиссею, но он не решился прийти им на помощь и поплыл дальше¹¹.

[u] Одиссей выбрал такой путь, чтобы избежать плавающих в море и сталкивающихся скал, между которыми до сих пор удалось пройти только «Арго». Он не знал, что теперь скалы прочно удерживаются на одном месте. Вскоре их глазам предстала Сицилия, где солнечный титан Гиперион, которого некоторые называют Гелиос, пас семь стад прекрасных быков, по пятьдесят животных в каждом стаде. Кроме того, у него были на этом острове большие отары крепких овец. Одиссей заставил своих спутников поклясться, что они будут довольствоваться той пищей, которую им заготовила Кирка, и не похитят ни быка, ни барана. Путешественники все высадились и вытащили на берег корабль. Но южный ветер дул тридцать дней не переставая, еды становилось все меньше, и, хотя моряки целые дни проводили на охоте и рыбной ловле, им так и не удалось ничем поживиться. Наконец Еврилох, мучимый голодом, отозвал своих друзей в сторону и уговорил их зарезать нескольких отборных быков, при этом поспешил добавить, что за это они воздвигнут храм в честь Гипериона, как только вернутся на Итаку. Они подождали, пока Одиссей уснет, поймали нескольких быков, зарезали их, принесли в жертву богам бедренные кости и жир; целых шесть дней они жарили быков и ели их мясо.

[v] Одиссей пришел в ужас, когда проснулся и узнал, что произошло, пока он спал. Те же чувства одолели и Гипериона, узнавшего обо всем от Лампетии, которая приходилась ему дочерью и была старшей пастушкой. Гиперион пожаловался Зевсу, который, видя, что корабль Одиссея уже

опять в море, наслал неожиданный сильный западный ветер, сломавший мачту, которая упала на голову кормчему. Попавший в палубу перун довершил дело. Корабль пошел ко дну, а все, кто на нем был, кроме Одиссея, утонули. Ему удалось связать плававшую мачту и киль сыромятным ремнем и довериться воле волн. Но вот задул южный ветер, и Одиссей обнаружил, что его несет к водовороту Харибды. Ухватившись за корни смоковницы, которая росла на одной из скал, он повис и оставался в таком положении до тех пор, пока вода не поглотила мачту и киль и не извергла их через некоторое время назад. Тогда он оседлал их снова и стал руками грести в противоположную от водоворота сторону. Через девять дней его прибило к острову Огигия, где жила нимфа Калипсо, дочь Фетиды и Океана или, возможно, Нерея или даже Атланта¹².

[w] Заросли ольхи, черных тополей и кипарисов, в ветвях которых гнездились рогатые совы, кобчики и бакланы, скрывали огромную пещеру Калипсо. Вход в нее был увит виноградной лозой. Вокруг зеленели густые луга, полные фиалок и сочных злаков, рядом, журча, текли четыре источника. Здесь прекрасная Калипсо приветствовала выбравшегося на берег Одиссея, предложила ему обильную еду, крепкого вина и часть своего мягкого ложа. «Ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище, — просительно сказала она. — Был бы тогда ты бессмертен». Кое-кто говорит, что не Кирка, а Калипсо родила ему Латина, кроме того, близнецов Навсифоя и Навсиноя.

[x] Калипсо держала Одиссея на Огигии целых семь лет или, может быть, всего пять и все старалась, чтобы он забыл Итаку. Но он вскоре устал от ее объятий и подолгу сидел на берегу, вглядываясь в море. Наконец, воспользовавшись отсутствием Посейдона, Зевс отправил Гермеса к Калипсо с повелением освободить Одиссея. Ей не оставалось ничего, кроме как повиноваться, поэтому она сказала, чтобы он строил плот, который она обеспечит всем необходимым: хлебом, несколькими мехами с вином и водой. Поскольку Одиссей боялся подвоха, Калипсо поклялась рекой Стикс, что не обманет его, и вручила ему медный топор, острый скобель, бурав и другой нужный инструмент. Его не пужно было поторапливать: из стволов деревьев он связал плот, спустил его с помощью могучих рычагов на воду, поцеловал на прощание Калипсо и отплыл, подгоняемый легким ветром.

[y] Посейдон был в гостях у своих верных друзей эфиопов и, возвращаясь на своей крылатой колеснице через море домой, увидел плот. В тот же момент огромная волна смыла Одиссея за борт, а дорогие

одежды, которые были на нем, стали увлекать его все глубже и глубже, и ему уже казалось, что у него нет сил для спасения. Но он сумел избавиться от одежд, выплыть на поверхность и вновь залезть на плот. Милостивая богиня Левкофея, которая была женой Афананта и ее раньше называли Ино, опустилась рядом с ним в образе легкокрылого нырка. В клюве у нее было чудотворное покрывало, обернувшись которым, перед тем как вновь прыгнуть в море, Одиссей спасется. Сначала он засомневался, стоило ли так поступать, но, когда вторая волна потрясла плот, «грудь он немедля свою покрывалом одел чудотворным» и поплыл прочь. Коль скоро Посейдон уже вернулся в свой подводный дворец близ Эвбеи, Афина решила послать ветер, чтобы успокоить волны на пути Одиссея. Через два дня он, почти выбившийся из сил, оказался на берегу острова Дрепана, на котором в то время жили феаки. Он спрятался в рощице у ручья, засыпал себя сухими листьями и крепко уснул¹³.

[z] На следующее утро прекрасная Навсикая, дочь царя Алкиноя и царицы Ареты, которые в свое время оказали гостеприимство Ясону и Медее, пришла к ручью стирать свои одежды. Когда работа была закончена, она стала играть в мяч со своими подругами. Случилось так, что их мяч упал в воду. Женщины закричали, и Одиссей в испуге проснулся. Одежд на нем не было, и, прикрыв свою наготу свежими ветвями, он вышел вперед. Его сладкие речи тронули Навсикаю, и она взяла его под свою защиту и велела привести во дворец. Там Алкиной одарил Одиссея богатыми дарами и, выслушав историю его странствий, отправил на прекрасном корабле на Итаку. Его провожатые хорошо знали остров. Якорь они бросили в бухте Форкия, но потом решили не нарушать крепкий сон Одиссея, отнесли его к берегу и уложили на песок, сложив дары Алкиной неподалеку под деревом. Посейдон так рассердился на доброту, которую проявили феаки по отношению к Одиссею, что ударил по кораблю ладонью, когда тот возвращался домой, и превратил его вместе с командой в камень. Алкиной сразу же принес в жертву Посейдону двенадцать лучших быков в ответ на угрозу лишить город портов, обрушив на них огромную гору. Некоторые говорят, что он сдержал свое слово. «С этой поры мы не станем уже по морям, как бывало, странников, наш посещающих град, провожать», — с горечью сказал Алкиной феакам¹⁴.

¹ Гомер. Одиссея. IX.39—66.

² Аполлодор. Эпитома. VII.2—3; Гомер. Цит. соч. IX.82—104; Геродот. IV.177; Плиний. Естественная история. XIII.32; Гигин. Мифы. 125.

- ³ Гомер. Цит. соч. IX.105—542; Гигин. Цит. соч.; Еврипид. Киклоп; Аполлодор. Цит. соч. VII.4—9.
- ⁴ Гомер. Цит. соч. X.1—76; Гигин. Цит. соч.; Овидий. Метаморфозы. XIV.223—232.
- ⁵ Фукидид 1—2; Плиний. Цит. соч. III.9; Схолии к Ликофрону. 662,956; Силий Италик. VII.410, XIV.126; Цицерон. Письма Аттику. II.13; Гораций. Оды. III.17.
- ⁶ Гомер. Цит. соч. X. 80—132; Гигин. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч. VII.12; Овидий. Цит. соч. XIV.233—244.
- ⁷ Гомер. Цит. соч. X.133—574, XII.1—2; Гигин. Цит. соч.; Овидий. Цит. соч. XIV. 246—440; Гесиод. Теогония 1011—1014; Евстафий. Комментарии к «Одиссее» Гомера XVI.118.
- ⁸ Гомер. Цит. соч. XL. Гигин. Цит. соч.; Аполлодор. Цит. соч. VII.17.
- ⁹ Гомер. Цит. соч. XII; Аполлодор. Цит. соч. VII. 19; Аполлоний Родосский. IV.898; Элиан. О животных. XVII.23; Овидий. Цит. соч. 552—562; Павсаний IX. 34.2; Гигин. Цит. соч. 125,141.
- ¹⁰ Плутарх. Застольные вопросы. IX.14.6; Схолии к «Одиссее» Гомера. XII.39; Гигин. Цит. соч. и Предисловие; Цец. Цит. соч. 712; Евстафий. Цит. соч. XII.167.
- ¹¹ Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. III.420; Аполлодор. Цит. соч. VII.21; Гомер. Цит. соч. XII.73—126, 222—259; Гигин. Цит. соч. 125,199, Вступление; Аполлоний Родосский. IV.828, схолии; Евстафий. Комментарии к Гомеру. 1714; Цец. Цит. соч. 45,650; Овидий. Цит. соч. XIII.732 и след., 906.
- ¹² Гомер. Цит. соч. XII. 127—453; Аполлодор. I.2.7, Эпитома. VII.22—23; Гесиод. Цит. соч. 359.
- ¹³ Гомер. Цит. соч. V.13—493, VII.243—266; Гигин. Цит. соч. 125; Гесиод. Цит. соч. 1111 и след.; Схолии к Аполлонию Родосскому. III.200; Евстафий. Комментарии к «Одиссее» Гомера. XVI.118; Аполлодор. Цит. соч. VII.24.
- ¹⁴ Гомер. Цит. соч. VI, XIII.1—187; Аполлодор. Цит. соч. VII.25.

1. Аполлодор пишет, что «Одиссей... блуждал вокруг Сицилии» (Эпитома. VII.1). Самюэль Батлер независимо от Аполлодора пришел к такой же точке зрения и считал Навсикаю автопортретом автора «Одиссеи». — молодой и талантливой знатной женщины, жившей на Сицилии в области Эрике. В своей книге «Автор Одиссеи» он указывает на прекрасное знание автором жизни при дворе, которое не согласуется с обрывочными сведениями о мореплавании или скотоводстве,

и подчеркивает «преобладание женских интересов». Он также указывает на то, что только женщина могла бы предварить разговор Одиссея со знаменитыми женщинами прошлого разговору со знаменитыми мужчинами и в своей прощальной речи к феакам выразить пожелание: «...А вы благоденствуйте каждый с своею сердцем избранной супругой и с чадами» (Одиссея. XIII.44—45), — упомянув сначала жен, потом детей, а не наоборот. Батлер также привлекает наше внимание к тому, как Елена гладит деревянного коня и дразнит мужчин, сидящих внутри (см. 167,к). С Батлером трудно не согласиться. Почти с полной уверенностью можно сказать, что легкость, веселость и в чем-то наивность «Одиссеи» — это заслуга женщины. Правда, Навсикая объединила и связала со своей родной Сицилией две различные легенды, ни одна из которых не является ее выдумкой. Это полусторическое возвращение Одиссея из Трои и аллегорические приключения другого героя, — назовем его Улиссом, — который, подобно деду Одиссея Сисифу (см. 67,2), не умирает, когда кончается его срок правления. Легенда об Одиссее должна была включать набег на Исмар, бурю, которая отнесла его далеко на юго-запад, возвращение с посещением Сицилии и Италии, кораблекрушение у Дрепаны (Корфу) и его месть женихам. Все или почти все остальные события принадлежали рассказу об Улиссе. Страна лотоса, пещера киклопа, бухта Телепила, Эя, роща Персефоны, остров сирен, Скилла и Харибда, Огигия, глубины моря, даже залив Форкия — это все различные метафоры смерти, которую ему удалось избежать. Как избежание смерти следует понимать, вероятно, убийство старой Гекабы, известной также как Мера или малая собака-звезда, в честь которой должен был приноситься в жертву преемник Икария (см. 168,1).

2) И Скилакс (*Перипл.* 10), и Геродот (IV.1.77) знали, что лотофаги — это народ, живущий в западной Ливии по соседству с матриархальными гинданами. Они питались в основном вкусной и полезной *cordia туха*^{148*}. Это сладкий и липкий на ощупь плод, растущий гроздьями, его давили и смешивали с мукой (Плиний. *Естественная история.* XIII.32; Теофраст. *История растений.* IV.3.1). Однажды им удалось накормить целое войско, выступившее против Карфагена. *Cordia туха* здесь перепутана с *rhamnus ziziphus*^{149*}, т. е. одним из сортов дикой

^{148*} *Cordia туха* (лат. из греч.) — разновидность сливы.

^{149*} *Rhamnus ziziphus* — дерево ююба, плодовое дерево, распространенное в субтропической Азии и Африке, плоды желтого цвета по виду напоминают маленькие яблочки, по вкусу похожи на финики.

яблони, из плодов которой делают крепкое вино, а сами плоды вместо зерен имеют косточки. Забвение, которое связывают с употреблением в пищу лотоса, иногда объясняют свойством этого напитка. Но следует отметить, что поедание лотоса не совсем то же, что употребление изготовленного из него напитка. Осторожный Одиссей, хорошо знавший, что бледные цари и воины бродят по преисподней, вкусив яблок, должен был отказаться от предложенного ему плода *rhamnus*. В шотландской балладе, относящейся к культу ведьм, Томас Рифмач знает, что не должен прикасаться к райским яблокам, которые ему показывает царица Элфамы.

3) Пещера киклопа — это, конечно, место, где обитает смерть, причем весь отряд Одиссея состоит из двенадцати человек. Это число как раз соответствует количеству месяцев, в течение которых у первобытных народов правил царь. Образ одноглазого Полифема, которому иной раз приписывают мать-колдунью, встречается в народных сказках по всей Европе. Истоки этих сказок следует искать на Кавказе, правда, двенадцать спутников присутствуют только в «Одиссее». А. Б. Кук в книге «Зевс» (с. 302—323) показывает, что глаз киклопа был греческой солярной эмблемой. Однако когда Одиссей ослепляет Полифема, солнце продолжает сиять как обычно. Следует сказать, что только у бога Ваала, Молоха, Тесупа или Полифема («знаменитый»), требующего человеческих жертв, выкалывали глаз, и совершивший это деяние царь с триумфом гнал к себе украденных у него ранее баранов. Поскольку пастушеские атрибуты, характерные для кавказской сказки, сохранены в «Одиссее», в которой чудовище тоже имеет один глаз, не исключено, что здесь произошла путаница с доэллиническими киклопами, т. е. знаменитыми кузнецами, культура которых достигла Сицилии, они, возможно, посредине лба татуировали глаз как отличительный знак их клана (см. 3,2).

4) Телепил (что значит «дальние ворота [страны мертвых]») располагается на самом севере Европы, т. е. в стране полночного солнца, где пастухи, возвращающиеся домой, здороваются с пастухами, которые гонят стада из дома. Где-то там живут и киммерийцы, у которых мрак в полдень компенсируется тем, что в июне солнце светит даже в полночь. Быть может, именно у Телепила Геракл сразился с Гадесом (см. 139,1). Если это так, то битва произошла во время его посещения гипербореев (см. 125,1).

5) Эя — это типичный остров мертвых, где уже известная богиня смерти поет под звуки прялки. В легенде об аргонавтах этот остров

помещен у входа в Адриатическое море, поэтому таким островом может быть Лусин, расположенный около Полю (см. 148,9). Кирка означает «сокол», и погребена она в Колхиде. На ее могиле растут ивы, которые считались священными деревьями богини Гекаты. Превращение людей в зверей говорит об идее метемпсихоза, но при этом следует отметить, что свинья чаще всего была священным животным богини смерти, которая кормит ее кизилом Крона, т. е. красной пищей мертвых, что, скорее всего, означает, что это просто тени умерших (см. 24,11; 33,7). Ученые не могли решить, что это за цветок моли у Гомера. Цец (*Схолии к Ликофрону*. 679) говорит, что знахари называют его «дикой рутей», хотя описание, данное в «Одиссее», позволяет опознать в нем дикий цикламен, который трудно отыскать. Кроме того, для него характерны белые лепестки, черная луковица и очень сладкий запах. Позднеклассические авторы обозначают словом «моли» растение, похожее на чеснок и имеющее желтый цветок. По преданию, оно растет (как лук, морской лук и обычный чеснок) при убывающей луне, поэтому его и использовали против лунной магии Гекаты. Вавилонский герой Мардук нюхает волшебную траву, чтобы не слышать отвратительного запаха морской богини Тиамат, правда, в эпосе нет описания этой травы (см. 35,5).

6) Принадлежавшая Персефоне роща тополей расположена на дальней западной оконечности Аида, но Одиссей не «спускался» в него, как Геракл (см. 134,с) или Эней, хотя Кирка считала это делом свершившимся (см. 31,ф). Флегетон, Кокит и Ахерон принадлежат непосредственно Аиду. Однако автор «Одиссеи» имела слабые географические познания и произвольно указывала то западный, то южный, то северный ветры^{150*}. Одиссей должен был плыть, подгоняемый восточными ветрами, чтобы достичь Оигии и рощи Персефоны; южные ветры должны были отнести его к Телепилу и Эе. Тем не менее у нее были основания писать, что Одиссей плыл на восток к Эе, поскольку это страна зари, где герои Орион и Тифон встретили свою смерть. Микенские ульи всегда стояли летком к востоку. Кроме того, следует сказать, что Кирка, будучи дочерью Гелиоса, приходилась племянницей Эос («заря»).

7) Сирены (см. 154,3) вырезались на каменных надгробьях в виде ангелов смерти, поющих погребальные песни под звуки лиры. Кроме того, им приписывали эротические помыслы в отношении героев, которых

^{150*} Р. Грейвс был склонен разделять гипотезу С. Батлера, согласно которой автор «Одиссеи» женщина, а именно Навсикая, героиня эпоса.

они оплакивали. Поскольку считалось, что душа расстается с телом в образе птицы, то и сирен, подобно гарпиям, изображали в виде хищных птиц, которые только и ждут, чтобы овладеть вылетевшей душой. Будучи дочерьми Форкия и двоюродными сестрами гарпий, они тем не менее обитали не под землей или в пещерах, а на зеленом острове-усыпальнице, напоминающем Эю или Огигию. Считалось, что они особенно опасны в безветренную погоду, в полдень, т. е. тогда, когда чаще всего случались солнечные удары и снились кошмары во время дневного сна. Поскольку их также называют дочерьми Ахелоя (см. 142,3), то, возможно, первоначально это был один из островов архипелага Эхинады, расположенного в устье реки Ахелой. Сицилийцы помещают его у мыса Пелориады (теперь Фаро) в Сицилии, латиняне — около Сиренусских островов рядом с Неаполем или отождествляют его с островом Капрея (Страбон. I.2.12; см. 154,d,3).

8) Огигия — название еще одного острова-усыпальницы. Не исключено, что это слово происходит, как и слово *Океан*, от промежуточной формы *Ogen*, а Калипсо («скрытая» или «скрывающая») — это еще одна богиня смерти, о чем говорит и ее пещера, вокруг которой растет ольха — священное дерево бога смерти Крона или Брана; в ее ветвях нашли приют бакланы, а также принадлежащие этой богине кобчики и рогатые совы. Калипсо обещала Одиссею вечную юность, но ему хотелось сохранить жизнь, а не обрести бессмертие героя.

9) Скилла («раздирающая»), дочь Форкия или Гекаты, и Харибда («засасывающая») — это имена разрушительной морской богини. Они были даны скалам и течениям по обе стороны Мессенского пролива, но их следует понимать и в более широком смысле (см. 16,2; 91,2). Левкофея (см. 70,4) в образе нырка — это морская богиня, оплакивающая потерпевших кораблекрушение (см. 45,2). Поскольку критская морская богиня изображалась также в виде осьминога (см. 81,1), а Скилла стакивает моряков с корабля Одиссея, не исключено, что критяне, торговавшие с Индией, знали о тропических разновидностях осьминогов, неизвестных в Средиземном море. Более того, им приписывали нападения на людей.

10) Только два события, происшедшие между стычкой Одиссея с киконами и его прибытием в Феакию, не имеют отношения к его девятикратному отрицанию смерти, а именно посещение им острова Эола и похищение коров Гипериона. Следует, правда, отметить, что ветры, повелителем которых был Эол, — это духи мертвых (см. 43,5). Коровы

Гипериона — это стадо, похищенное Гераклом, когда тот совершал свой десятый подвиг, т. е. посещал Аид (см. 132,1). То, что Одиссей утверждал, будто не участвовал в похищении скота, не имеет никакого значения. Его дед (см. 160,с; 171,f) по материнской линии Автолик также не признавался, что похитил солнечных коров (см. 67,с).

11) Одиссей — это красноликий царь-жрец (см. 27,11), а данное ему латинянами имя Улисс или Уликс, возможно, произошло от *oulos* («рана») и *ischion* («бедро») — еще одно указание на шрам от нанесенной вепрем раны, по которой его узнала старая кормилица, когда он вернулся на Итаку. По широко распространенному обряду царь погибал от раны, нанесенной вепрем, однако Одиссею каким-то образом удалось выжить (см. 18,7; 151,2).

[а] Когда Одиссей проснулся, он поначалу не узнал свой родной остров, который «покрыла мглой туманною дочь громовержца Афина». Скоро явилась и она сама, приняв образ пастуха, и выслушала его длинную и лживую историю о том, что он якобы критянин, который, убив Орсилоха, сына Идоменея, вынужден был бежать на север на корабле финикийян, но был высажен спящим на берег. Афина засмеялась и погладила Одиссея по щеке: «Должен быть скрытен и хитр несказанно, кто сидит с тобою, — произнесла она. — Я первая между бессмертных мудрым умом и искусством на хитрые вымыслы. Как же мог не узнать ты Паллады Афины, в тяжких трудах подкреплявшей, хранившей в напастях и ныне всем феакиянам сердце к тебе на любовь преклонившей?.. Но неприлично мне было вражду заводить с Посейдоном, братом родителя Зевса, тобой оскорбленным». Она помогла ему спрятать «нетленную медь и богатые платья и золото», подаренные феаками, в глубине грота, а затем изменила его до неузнаваемости: кожа его стала морщинистой, голова полысела и некогда «златотемные кудри» стали седыми, на нем оказались воноchie отрепья. В таком виде она отвела его к хижине Евмея, верного старого свинопаса, служившего при дворце. Афина только что вернулась из Спарты, куда перед тем отправился Телемах, чтобы спросить у недавно вернувшегося из Египта Менелая, есть ли какие вести об Одиссее.

Здесь нужно сказать, что, думая, будто Одиссей умер, целых сто двенадцать знатных молодых людей с островов, которые находились под владычеством Одиссея, — из Дулихия, Зама, Закинфа и Итаки — стали

нагло ухаживать за его женой Пенелопой в надежде жениться на ней и заполучить трон. Поэтому они сговорились между собой убить Телемаха, как только тот вернется из Спарты¹.

[b] Когда они первый раз попросили Пенелопу сделать выбор, она заявила, что Одиссей без сомнения жив, поскольку его возвращение домой предсказал надежный оракул. Когда позднее женихи проявили больше настойчивости, она сказала, что даст ответ, как только соткет саван на случай смерти старого Лаэрта, ее свекра. Целых три года она сидела над саваном, днем ткала, а вечером распускала работу. Так продолжалось до тех пор, пока женихи не разгадали ее хитрость. Все это время они развлекались во дворце Одиссея, пили его вино, ели его свиней, овец и коров и совращали служанок².

[c] Тепло принявшему его Евмею Одиссей рассказал о себе еще одну живую историю, но поклялся, что Одиссей жив и находится на пути домой. Неожиданно на острове высадился Телемах и, несмотря на заговор женихов с целью убить его, сумел прийти прямо в хижину Евмея. Это Афина заставила его поспешить домой из Спарты. Одиссей не раскрывал своего имени до тех пор, пока Афина не произнесла нужные слова и не вернула ему прежнее обличье. Сын и отец узнали друг друга. Но Евмей не был еще посвящен в их тайну, и кроме того, Одиссей запретил Телемаху рассказывать обо всем Пенелопе.

[d] Вновь переодевшись нищим бродягой, Одиссей отправился поглядеть, что делают женихи. По дороге он встретил козопаса Меланфия, который накинулся на него с бранью и даже ударил. Но Одиссей воздержался от наказания обидчика. Придя на двор, он увидел старого Аргуса, некогда знаменитую охотничью собаку, которая сейчас растянулась на куче навоза — плешивая, дряхлая, мучимая мухами. Аргус вильнул обрубком хвоста и повел рваными ушами в знак того, что признал Одиссея, и тот украдкой смахнул слезу, видя, как собака вздрогнула и навеки затихла³.

[e] Евмей привел Одиссея в пиршественную залу, где Телемах, притворившись, что не знает, кто перед ним, оказал ему гостеприимство. Тут — неслышная и невидимая — явилась Афина и предложила Одиссею обойти вокруг стола, прося у женихов объедки, чтобы самому убедиться, что это за люди. Одиссей так и поступил и убедился, что они столь же жадные, сколь и прожорливые. Самым бесстыдным из всех был Антиной из Итаки — Одиссей рассказал ему выдуманную историю своих странствий, — он запустил в Одиссея скамейкой, на которую

ставят ноги. Одиссей, потирая ушибленное плечо, обратился к остальным женихам, которые признали, что Антиною следовало бы быть поучтивее. Пенелопа, узнав о том, что в ее доме оскорбили чужеземца, очень возмутилась и тут же послала за человеком, который выдавал себя за нищего, чтобы узнать от него хоть что-нибудь о потерянном муже. Одиссей обещал прийти во дворец в тот же вечер и рассказать ей все, что только она пожелает⁴.

[f] Тем временем местный нищий, прозванный Иром за то, что он, как и богиня Ирида, был у всех на посылках, пытался прогнать Одиссея с дворцового порога. Когда у него ничего не получилось, он вызвал Одиссея на кулачный бой, и Антиной, рассмеявшись от всего сердца, предложил победителю козьи желудки, которые женихи отложили для себя, и место за столом, когда женихи сядут обедать. Одиссей, «пристойность храня», опоясал себя рубищем и двинулся на Ира. Мошеник попятился при виде огромных мускулов Одиссея, но насмешки женихов все-таки не позволили ему бежать. Одним ударом кулака Одиссей свалил его наземь, проявив при этом осторожность и не убив соперника, чтобы не привлекать к себе внимания. Женихи, «всплеснувшие руками, все помирали со смеха», а потом, усевшись за стол, стали пить за здоровье Пенелопы, вышедшей к ним, чтобы принять свадебные дары ото всех сразу (хотя у нее не было никакого намерения сделать выбор). С наступлением темноты все разошлись по своим жилищам⁵.

[g] Одиссей велел Телемаху снять со стен зала и сложить в кладовой все висевшее там оружие, а сам отправился к Пенелопе.

Она не узнала его, и он стал долго и обстоятельно рассказывать, как встретился с Одиссеем и как тот, по его словам, отправился к оракулу Зевса в Додоне, но скоро должен возвратиться на Итаку. Пенелопа внимательно его выслушала и велела Евриклее, старой кормилице Одиссея, обмыть ему ноги. Евриклея вдруг увидела шрам на бедре и вскрикнула от радости и удивления. Тогда Одиссею пришлось слегка сдавить ей горло и приложить палец к губам, требуя молчания. Афина отвлекла внимание Пенелопы, и та ничего не заметила⁶.

[h] На следующий день во время очередного пира Агелай с острова Зама, который тоже был среди женихов, спросил Телемаха, почему бы ему ни убедить мать, что пора сделать выбор. Тогда Пенелопа объявила, что согласна выйти замуж за того, кто согнет могучий Одиссеев лук и чья стрела пролетит через отверстия в двенадцати топорах. Это был лук, подаренный Одиссею Ифитом двадцать пять лет назад, когда Одиссей

пришел в Мессену, возмущенный тем, что с Итаки похитили триста быков вместе с пастухами. Некогда этот лук принадлежал Эвриту, отцу Ифита, которого сам Аполлон учил стрельбе из лука, но тем не менее Ифит потерпел поражение в состязании с Гераклом и был убит. Несколько женихов попытались согнуть лук, но не смогли. Лук не гнулся даже после того, как его смазали жиром, поэтому испытание решили перенести на следующий день. Телемах, которому почти удалось согнуть лук, отложил его в сторону под предупреждающим взглядом Одиссея. Тогда Одиссей, несмотря на протесты и грубые оскорбления, из-за которых Телемаху пришлось увести Пенелопу во внутренние покои, схватил лук, легко натянул его и дернул тетиву так, что «она провизжала, как ласточка звонкая в небе». Тщательно прицелившись, он пустил стрелу через отверстия всех двенадцати топоров. Телемах немедля взял боевое копьё и с мечом в руках встал рядом с отцом, а Одиссей, поразив Антиноя в шею, открыл всем свое настоящее имя.

[i] Женихи повскакали с мест и бросились к стенам за копьями и щитами, но увидели, что их нет на своих привычных местах. Эвримах взмолился о пощаде, а когда Одиссей ответил ему отказом, выхватил меч и двинулся на Одиссея, но стрела пронзила ему печень, и он упал, чтобы больше никогда не подняться. Началась жаркая схватка между женихами, вооруженными мечами, и Одиссеем, у которого не было ничего, кроме лука, с которым он стоял, обороняя главный вход в зал. Тогда Телемах быстро отправился в кладовую, где хранилось оружие, принес щиты, копья и шлемы для своего отца и двух верных слуг Евмея и Филойтия, которые сражались рядом со своим хозяином. Одиссей перестрелял многих женихов, и стрел у него уже почти не осталось. Кроме того, козопасу Меланфию удалось проникнуть через боковой вход в оружейную и вооружить нескольких человек из врагов Одиссея. Но большего он сделать не успел: когда он прокрался в оружейную второй раз, его связали и «вздернули вверх по столбу». Избиение женихов продолжалось, и Афина, приняв вид ласточки, сидела на балке под потолком и поглядывала вниз до тех пор, пока не были перебиты все женихи и их сторонники, кроме глашатая Медона и «славного песнями» Фемиа. Одиссей пощадил их потому, что они сами не причинили ему никакого вреда; кроме того, они пользовались священной неприкосновенностью. Одиссей перевел дух и спросил у Евриклей, запершей дворцовых женщин в их покоях, многие ли из них сохранили верность его дому? Она ответила: «Двенадцать из них, поведением развратных, не только против меня,

но и против царицы невежливы были». Всех виновных позвали и заставили убирать трупы и отмывать зал от крови губками и водой. Когда все было вымыто, Одиссей всех их повесил. «Немного подергав ногами, все разом утихли». Евмей и Филойтий вывели во двор Меланфия «и уши и нос отрубили ему... вырвали срам... руки и ноги... отсекали» и бросили на съедение собакам⁷.

[j] Наконец Одиссей остался в своей опочивальне наедине с Пенелопой и рассказал ей о своих приключениях. Утром он отправился в сад своего отца Лаэрта, где наконец встретился и с ним. Но вот к дворцу подошли восставшие жители Итаки — в основном сородичи Антиноя и других погибших женихов — и, увидев, что Одиссей с Телемахом оказались в меньшинстве, Лаэрт смело бросился в битву. Она продолжалась до тех пор, пока не вмешалась Афина и не объявила перемирие⁸. Тогда восставшие совместно подали в суд на Одиссея, выбрав своим судьей царя Эпира и близлежащих островов Неоптолема. Одиссей согласился подчиниться решению Неоптолема, и тот потребовал, чтобы Одиссей на десять лет покинул свое царство, а за эти годы наследники женихов должны были оплатить ущерб, нанесенный ими Одиссею, выплачивая положенные суммы Телемаху, ставшему теперь царем⁹.

[k] Осталось теперь только умиловить Посейдона, и Одиссей отправился пешком, как ему советовал Тиресий, через горы в Эпир, неся на плечах весло. Когда он достиг Феспротии, сельчане закричали: «Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?» Как и было сказано Тиресием, Одиссей принес в жертву Посейдону барана, быка и вепря и был прощен¹⁰. Поскольку он даже и после этого не мог вернуться на Итаку, то женился на царице феспротов Каллидике, выступил во главе ее войска против бригов, которыми командовал Арес, но вмешался Аполлон и призвал их к миру. Через девять лет Полипойт, сын Одиссея и Каллидики, унаследовал царство феспротов, а Одиссей отправился домой на Итаку, которой правила теперь от имени своего младшего сына Полипорта его мать Пенелопа. Телемаха изгнали в Кефаллению, поскольку оракул возвестил: «Одиссей, твой собственный сын убьет тебя!» На Итаке смерть пришла к Одиссею, как и предсказывал Тиресий, из-за моря. Его сын от Кирки Телегон отплыл на его поиски, напал на Итаку, приняв ее за Коркиру, и Одиссей вышел, чтобы отразить нападение. Телегон убил его на берегу копьем, у которого вместо наконечника был шип ската. Проведя положенное время в изгнании, Телегон женился на Пенелопе, а Телемах — на Кирке. Так соединились обе ветви семейства¹¹.

[1] Некоторые не считают, что Пенелопа сохраняла верность Одиссею. Ее обвиняют в том, что она сошлась с Амфиномом из Дулихия или даже со всеми женихами по очереди. Говорят, будто плодом этого союза стал неприглядный бог Пан, при одном виде которого Одиссей со стыда бежал в Этолию, предварительно с позором отправив Пенелопу назад к своему отцу Икарию в Мантинею, где и сейчас видна ее могила. Есть и такие, кто считает, что она родила Пана от Гермеса, а Одиссей женился на этолийской царевне, дочери царя Фоанта, которая родила ему самого младшего его сына Леонтофона, и умер в очень почтенном возрасте¹².

¹ Гомер. Одиссея. VIII.187 и след., XVI.245—255; Аполлодор. Эпитома. VII.26.30.

² Гомер. Цит. соч. XIX.136—158, XIV.80—109; Гигин. Мифы. 126; Аполлодор. Цит. соч. VII.31.

³ Гомер. Цит. соч. XIV—XVII.212—236, 290—327; Аполлодор. Цит. соч. VII.32.

⁴ Гомер. Цит. соч. XVII; Аполлодор. Цит. соч.

⁵ Гомер. Цит. соч. XVIII.

⁶ Гомер. Цит. соч. XIX.

⁷ Гомер. Цит. соч. XX—XXII; Гигин. Цит. соч. 126; Аполлодор. Цит. соч. VII.33.

⁸ Гомер. Цит. соч. XXII—XXIV.

⁹ Плутарх. Греческие вопросы. 14.

¹⁰ Гомер. Цит. соч. XI.119—131; Аполлодор. Цит. соч. VII.34.

¹¹ Аполлодор. Цит. соч.; Евгаммон Киренский. Цит. по: Прокл. Фрагмент греческих эпиков 57 и след; Гигин. Цит. соч. 127; Павсаний. VIII.12.3; Схолии к «Одиссее» Гомера. XI.134; Евстафий. Комментарии к «Одиссее» Гомера. XI.133; Парфений. Любовные истории. 3; Цеу. Схолии к Ликофрону. 794; Диктис Критский. VI.4 и след.; Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. II.44.

¹² Сервий. Цит. соч.; Павсаний. VIII.12.3 и след.; Цицерон. О природе богов. III.22.56; Цеу. Цит. соч. 772 (цит. из Дуриса Самосского).

1) Убийство Одиссеем женихов аллегорично. Это еще один случай нежелания царя расставаться с жизнью по истечении срока его правления. Он вмешивается в состязание по стрельбе из лука, результаты которого должны определить преемника (см. 135,1), и убивает всех

претендентов. Вероятно, у первобытных народов существовал обычай испытывать претендента на царский трон стрельбой через кольцо, установленное на голове мальчика (см. 162,10).

2) В «Одиссее» нигде прямо не говорится, что Пенелопа была неверна Одиссею во время его длительного отсутствия, правда, в XVIII песне (281—283) указывается, что она обворожила женихов, требует от них подарков и выказывает предпочтение Амфиному из Дулихия (*Одиссея*. XVI.394—398). Однако Одиссей не очень-то ей доверяет и открывает-ся лишь тогда, когда уже перебил всех своих соперников. Его мать Антиклея тоже считает нужным что-то скрыть, ни словом не обмолвившись о женихах (*Одиссея*. XI.180 и след.). Архаический сюжет, в котором Пенелопа предстает матерью Пана от Гермеса или сразу от всех женихов, вероятно, имеет в виду богиню Пенелопу и ее первобытные весенние оргии (см. 26,2). То, что она изменяет Одиссею и в конце концов возвращается на Мантинею, — еще один архаический сюжет, напоминающий о дерзости, с какой Одиссей вынудил ее отправиться с ним на Итаку, вопреки древнему матриаллокальному обычаю (см.160,t). Но Навсикая, если только она является автором, рассказывает все по-другому, стараясь обелить Пенелопу. Навсикая принимает патриархальную систему, в которой родилась, и предпочитает мягкую иронию язвительной сатире, которую мы обнаруживаем в «Илиаде». Вместо богини появляется всемогущий Зевс, цари больше не приносятся в жертву в честь богини, и эпоха мифа на этом благополучно заканчивается. Это не особо трогает Навсикаю, пока она может шутить и играть в мяч с милыми подругами, таскать за волосы тех, кто ее разозлил, слушать сказки старой Евриклеи и морочить голову отцу Алкиною.

3) Итак, «Одиссея» завершается тем, что Лаэрт, Одиссей и Телемах, представляющие собой патриархальную мужскую триаду героев, пользующихся поддержкой дочери громовержца Афины, торжествуют над своими врагами, а распутные служанки повешены за неразумное поведение, чтобы показать, что Навсикая не одобряет добрачный промискуитет, поскольку он снижает цену невесты.

Конец сохранился и у других мифографов. Одиссей изгнан в Феспотию, а Телемах — на Кефаллению; Пенелопа, вполне довольная, остается во дворце, правя от имени своего сына Полипорта. Необходимо, чтобы пророчество Тиресия сбылось: Одиссей не должен умереть спокойно от старости, как уважаемый и разговорчивый Нестор. Смерть должна поразить его тем способом, которого он так старался избежать.

Почти такая же судьба ожидала родосца Катрея: его сын Алтемен нечаянно поразил его копьем на морском берегу (см. 93,2). Копья с шипом ската, использующиеся также и в Полинезии, наносят долго гноящиеся раны, которые греки и латиняне считали неизлечимыми (Элиан. *О животных*. I.56); скат (*trygon pastinaca*) встречается в Средиземном море повсеместно.

4) Брак Телемаха с Киркой и Телегона с Пенелопой на первый взгляд удивляет. Джеймс Фрэзер связывает эти явно кровосмесительные союзы с правилом, согласно которому в полигамном обществе царь наследует всех наложниц своего отца, кроме своей матери (3 Цар. 16:21). Но полигамия никогда не была греческим институтом, и ни Телемах, ни Телегон, ни Эдип, который убивает отца и вступает в брак с вдовой Иокастой (см. 105,е), ни сын Геракла Гилл, женившийся на своей приемной матери Иоле (см. 145,е), не практиковали полигамию. Каждый из них просто убивал царя старого года и наследовал ему по древнему мифическому обычаю и после этого назывался его сыном.

5) Кто знает, имеют ли «золотые кудри», т. е. рыжие волосы Одиссея, какую-нибудь мифическую значимость (см. 133,8) или это случайная индивидуальная особенность, как и короткие ноги, принадлежавшие какому-то сицилийскому авантюристу, которого Навсикая изобразила как Одиссея? Автолик, конечно, назвал его «свирепым» сразу после рождения (см. 160,с), а «золотые кудри» традиционно являются признаком плохого характера. Имея вполне пристойную маску эпоса, «Одиссея» — это первый греческий роман, и поэтому в нем заметно небрежное отношение ко всему, что касается мифа. О возможных обстоятельствах его создания я рассказал в другом романе — «Дочь Гомера» (1955).

Абант 112, 117, 336, 338, 340

Абдер 333, 648, 649, 874, 912

Абдихеп 746

Абзу 176

Авга 622, 669, 723—727

Авгий 431, 620—642, 687, 709—711, 713, 716, 718, 723, 761, 785, 786

Авессалом 358

Авраам 921, 922

Автолик 80, 314, 317, 781, 836, 941, 949

Автолика 216

Автомедон 866

Автомедуса 545

Автоноя 386

Агава 130, 291

Агамед 256, 397, 617, 921

Агамеда 716

Агамемнон 442, 445, 551—553, 558—568, 573, 587, 590, 592, 659, 825, 829,
835—837, 839, 841, 842, 844, 845, 849, 851, 853, 856, 858, 859, 862—
864, 866—868, 870, 873, 877, 879, 883, 885—887, 892, 893, 897—899,
903—908, 910, 913—916, 918, 931

Аган 832

Аганиппа 340

Агапенор 919

Агафирс 667, 668

Агелай 696, 826, 827, 829, 830, 944

Агенор 280, 282—288, 293, 297, 343, 732, 776

Агней 255

- Аглавра 120—123
 Аглай 551
 Аглаопа 932
 Аглаофона 932
 Аглая 340, 512
 Агнии 465
 Агнитас 249
 Агрый 635, 875, 930
 Агриопа 139, 142
 Адам 19, 34, 143, 258, 746, 751
 Адимн 424
 Адмет 7, 58, 98, 101, 323, 324, 370, 648, 651, 654, 656, 657, 669, 761, 805
 Адонис 85—89, 116, 118, 135, 286, 365, 455, 490, 635, 698, 727, 778, 783
 Адраст 493, 514—517, 521, 522, 649, 711, 818
 Адрастея 44, 47, 160
 Адриан 889
 Аетий 452, 456
 Азан 306
 Аид 174, 490, 497
 Аисса 838
 Айдос 159
 Академ 500
 Акакаллида 428
 Акамант 488, 659, 896, 904, 906, 918
 Акарнан 523
 Акаст 370, 377, 378, 380, 382, 383, 761, 804, 805, 839, 855, 864, 916
 Аксид 269, 884
 Акест 703
 Акидуса 706
 Акмон 270, 695
 Акрей 767
 Акрисий 101, 187, 197, 244, 322, 324, 336, 340, 341, 344—346, 354, 384, 554, 556,
 595, 624, 633, 761, 794
 Актей 120, 767
 Актеон 105, 106, 141, 157, 160, 273, 330, 375, 386, 387, 715
 Актый 208, 211
 Актор 377, 384, 743, 761
 Актор 890

- Акхат 206
Алалкомен 37
Алалкоменей 36, 37
Аластор 553, 557
Алей 723, 725
Александр 748
Алексиар 743
Алексироя 694, 696
Алекто 41, 155, 583
Алет 565, 592
Алкафой 317, 536, 539, 545, 547, 614
Алкей 417, 605, 652
Алкестида 323, 324, 689, 804, 805
Алкид 603, 616, 617
Алкидика 319
Алкиды 619, 622
Алкимеда 759
Алкимедонт 725
Алкимен 808
Алкиной 765, 794, 812, 935, 948
Алкиона 225, 226, 452, 545, 633, 636, 773, 847
Алкионей 171, 173, 317, 668, 671
Алкиппа 90, 91, 349, 437, 449
Алкифоя 130
Алкмена 353, 417, 421, 545, 601—608, 611, 692, 713, 741, 742, 747—749, 752
Алкмеон 403, 521—523, 570, 584, 704
Алкон 609, 611, 612
Алксион 535
Алос 328
Алоады 173, 177—179
Алоей 90, 178, 179
Алопа 243, 244, 459, 520
Алонек 588, 591
Алтемен 445, 446, 949
Алфей 104, 106, 263
Алфесибея 286, 287
Алфито 266, 300, 370, 372, 571
Амалфея 44, 47, 48, 124, 150, 528, 729, 764

- Амариикей 709, 716—719
 Амафаон-ап-Дон 533
 Амик 653, 775, 776, 778, 780
 Амикл 364
 Амимона 75, 77, 294, 296
 Амипий 402, 403
 Амиптор 729, 736, 838
 Амифаон 558, 713, 760
 Аммон 129, 176, 258, 428, 431
 Амфиарай 256, 370—372, 515, 516, 519, 521, 761
 Амфидам 839
 Амфидамант 373
 Амфиктион 112, 116, 185, 187
 Амфиктионида 187
 Амфилох 256, 260, 521, 522, 524, 915, 916
 Амфимар 754
 Амфином 947, 948
 Амфинома 759, 804, 805
 Амфион 360—364, 511, 538
 Амфис 97
 Амфисса 217
 Амфитрион 286, 353, 417, 425, 545, 549, 601—603, 605, 608, 609, 616, 620, 690,
 722, 730, 749, 896, 901
 Амфитрита 73, 75, 76, 234, 410, 411, 435, 468, 933
 Анаксандрид 593, 597
 Анаксибий 551
 Анаксибия 564, 877
 Анаксо 502, 601
 Анакт 415
 Анания 578
 Ананке 58
 Аната (Апат) 57, 206, 300, 389, 477, 579, 680, 726
 Ангития 810
 Андр 343, 417
 Андрогей 311, 428—431, 433, 434, 466, 470, 654, 658
 Андрогения 423
 Андроклея 616, 617
 Андромаха 824, 857, 906, 916

- Андромеда 342, 343, 346
Андрон 840
Алий 417, 840, 841
Аникет 743
Анипп 675
Анкей 89, 370—372, 811
Анкей Большой 761, 781, 783, 796, 811, 812
Анкей Малый 761
Анкий 635
Аншум 157, 533
Антагор 705
Антас 452
Анте 679, 901
Антеворт 170
Антеида 434
Антеи 271, 330, 403, 461, 536, 662, 674, 675, 679, 686, 687, 834
Антенор 820, 830, 854, 858, 892, 893, 897, 899, 900, 903, 908, 910
Антея 340, 356—358, 455
Антибия 545
Антигона 5, 510, 517
Аптикал 899, 901
Аптикаля 314, 317, 457, 836, 931, 948
Аптилеон 613
Антилох 876, 877, 880
Антиной 943, 944
Аптиола 219, 321, 322, 360—362, 484—488, 652, 653, 782, 931
Антиох 734
Антишен 616, 617
Антиф 819, 901, 898
Антифат 929
Апу 42, 43, 176
Анубис 81, 157, 169
Апфедон 430, 432
Апфей 834
Апхиала 269
Апхиноя 293
Апхис 85, 87, 88, 259, 703, 818, 820, 831, 857, 897, 903
Апмосина 445, 446

Апесант 595, 624, 627

Апис 280, 306, 307

Аполлон 14, 15, 26, 30, 42, 58, 66, 68—70, 75, 78—82, 84, 86, 92, 93, 95—103, 122, 125, 134, 139, 140, 142, 146, 172, 174, 178, 202, 204, 209, 217—219, 221, 222, 247—249, 251, 255, 258, 265, 270, 273, 288, 290, 294, 299, 302, 309, 311, 312, 323, 324, 327, 335, 336, 349, 361, 363, 372, 385, 386, 389, 393, 397, 410, 419, 428, 430, 431, 433, 443, 454, 456, 465, 467, 468, 472, 486, 514, 518, 552—524, 527, 542, 545, 565, 566, 571, 573—575, 577, 580, 585, 587, 590, 595, 606, 609, 620, 625, 635, 659, 676, 688, 690, 692, 693, 701, 702, 717, 719, 727, 734—736, 738, 749, 751, 753, 754, 755, 769, 780, 796, 815, 817—819, 822—824, 827, 837, 840—842, 849—851, 853, 857, 866, 868, 869, 871, 874, 876, 878, 883, 888, 892, 895, 897, 898, 907, 916, 917, 945, 946

Аппу 10

Апсирт 482, 765, 786, 790—793

Араун 533

Арахна 121, 123, 560

Арг 30, 32, 104, 761, 781, 786

Аргей 545

Аргий 738

Аргиопа 285, 287, 459

Аргия 514

Аргус 166, 279, 641, 943

Ардал 453

Арджуна 692

Арейон 75, 77, 167

Арена 349

Арес 26, 62, 63, 71, 72, 83, 84, 86, 89, 90, 119, 172, 174, 178—180, 201, 205, 231, 237, 287, 288, 290, 291, 315, 329, 349, 370, 373, 374, 386, 485, 486, 493, 494, 518, 535, 536, 643, 648, 651, 652, 660, 673, 686, 694, 717, 719, 735, 736, 760, 761, 827, 868, 875, 946

Аресфан 248

Арета 794

Аретуса 106, 387, 389

Арея 239, 415

Ариагна 476

Ариадна 130, 134, 185, 186, 369, 417, 421, 422, 428, 431, 444, 468—473, 475, 476, 477, 489, 511, 580, 931

Аридела 477

- Арион 7, 407, 409, 410, 517, 649, 704, 711, 716
Ариппа 694
Арисба 819
Аристей 97, 105, 139, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 794
Аристида 264
Аристомен 351, 752
Аристон 593, 597
Ария 97, 101
Аркад 105, 306
Армен 797, 800
Арна 215, 216, 218, 433, 520, 759, 798
Арней 613, 836
Арнея 836
Арсиноя 523, 564
Арсиппа 130
Артаксеркс 883
Артемида 47, 68, 69, 70, 72, 80, 92, 95, 103—107, 121, 172, 174, 176, 178, 204, 206, 215, 216,
247, 273, 295, 302, 318, 323, 324, 325, 337, 339, 354, 361, 363, 370, 371, 372, 374, 375,
384, 402, 404, 422, 423, 424, 426, 428, 472, 474, 477, 486, 487, 489, 490, 529, 530,
550, 559, 586, 588, 589, 590, 591, 592, 595, 632, 633, 637, 644, 652, 657, 694, 708, 725,
727, 728, 732, 743, 804, 837, 849, 850, 853, 857, 874, 876
Артур 5, 157, 382, 456, 498, 799
Аруру 34, 197
Архелай 594, 921
Архемор 515
Архий 730
Архиппа 545
Архител 730
Асий 819
Аскал 922
Аскалаф 114, 118, 761
Асканий 908
Аскланий 30, 42, 97, 98, 101, 204, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 256, 348, 351, 429,
431, 490, 680, 721, 722, 759, 886
Асон 18, 309, 312, 315, 316, 318, 360, 377
Ассарак 817
Астар 150
Астарта 281, 322, 346, 347, 883

- Астерий 415, 416, 417, 418, 423, 466, 761
 Астерион 74, 466
 Астерия 476
 Астеродея 786
 Астеропа 535, 819
 Астианакс 905, 906, 908, 910, 912
 Астидамия 545, 711, 729
 Астинома 857
 Астиоха 546, 729
 Астиохея 564
 Астипалея 705
 Астрабак 588
 Астрей 201, 202, 237
 Ата 816
 Атабирий 317, 446
 Аталанта 371, 372, 373, 374, 557, 724, 761
 Атимний 415
 Атис 696
 Атлант 23, 45, 168, 189, 191, 192, 194, 197, 204, 226, 314, 342, 363, 364, 527, 532,
 648, 660, 672, 673, 678, 679, 816, 830, 915, 934
 Атре 550
 Атрей 322, 445, 518, 539, 545, 546, 549—556, 558, 559, 564, 566, 592, 595, 601,
 748, 824, 849, 896
 Атрий 172
 Атропос 58, 59, 297, 311
 Аттида 450, 451
 Аттис 369, 455, 512
 Луксо 67
 Афамант 115, 128, 132, 326—332, 404, 595, 782, 811, 865, 921, 935
 Афамантиды 811
 Афарсей 348—351, 450, 724, 761
 Афая 423, 427
 Афейдан 723
 Афидн 501, 723
 Афина 17—19, 33, 36, 37, 53—57, 74—76, 82, 86, 90, 92, 96, 100, 101, 107,
 109, 119—123, 148, 150, 165, 167, 171—174, 192, 193, 195, 198, 236, 238,
 248, 250, 251, 286, 290, 293—295, 300, 310, 331, 341, 343, 344, 357, 379,
 390, 404, 437, 443, 450, 451, 453, 455, 465, 473, 509, 516, 521, 529, 569,

571, 577, 579, 587, 591, 607, 616, 618, 620, 622, 629, 641, 643, 644, 652, 657, 682, 690, 716—719, 721, 726, 735—737, 742, 761, 785, 800, 817, 826, 828, 829, 837, 840, 886, 896—898, 904, 912, 920, 935, 942—946

Афродита 10, 19, 26, 42, 58, 60, 61, 64, 66, 71, 72, 83—86, 88, 89, 90, 96, 108, 109, 140, 159, 161, 168, 174, 201, 208, 218, 275, 290, 308, 317, 318, 332, 333, 346, 355, 373, 379, 386, 424, 433, 435, 452, 467, 468, 488, 490, 509, 515, 521, 529, 631, 633, 635, 651, 666, 678, 702, 705, 708, 785, 788, 795, 805, 826, 828—831, 846, 857, 861, 862, 867, 870, 901, 907, 918, 920, 932

Ахат 854

Ахей 215, 218, 221

Ахелой 48, 318, 642, 728, 729, 940

Ахерон 157

Ахилл 132, 154, 310, 380, 419, 443, 659, 704, 759, 811, 837—842, 845, 846, 849—851, 853—857, 861, 862, 866—871, 873, 875, 877—880, 882—885, 887, 890, 892, 899, 902, 906, 907, 916, 917, 931

Аштарот 60

Лэдона 529

Лэллона 776

Лэропа 445, 550, 557

Лякс 545, 825, 839, 840, 858, 867, 868, 869, 878, 885—887, 889

Лякс Большой 311, 377, 419, 659, 703, 824, 838, 866, 869, 871, 877, 879, 885—887, 889, 910, 931

Лякс Малый 762, 824, 846, 880, 889, 904, 905, 910

Балий 379, 383, 870

Банба 115

Батия 816

Батон 517, 519

Батт 388

Баубо 112, 117

Бафира 140

Бел 25, 35, 176, 280, 282, 285, 293, 297, 300, 308, 343, 346, 498

Белили 35, 297, 405

Беллер 356

Белсерофонт 14, 318, 330, 332, 346, 356—358, 453

Белтида 25

Бенфесикима 73, 234

Беот 216, 218

- Бероя 86
 Биа 54, 327
 Биадика 326, 330
 Биант 320, 335, 337, 338, 449, 456
 Бивасват 77
 Битон 397, 398
 Блодеуведд 563
 Боот 368
 Борей 23, 24, 99, 122, 202, 234, 236—239, 305, 679, 704, 708, 761, 776, 779, 817
 Борм, Борим 775, 778
 Бран 42, 143, 250, 533, 715, 751, 799, 940
 Бранх 459
 Бриан 115
 Бриарей 30, 31, 66, 653, 657, 662, 671, 674
 Брим 778
 Бримо 116
 Бримон 116
 Бримона 778
 Брисеида 856—858, 863, 864, 867, 868, 870
 Брисей 857
 Бригомартис 423, 426, 557
 Бриффо 699
 Бромий 134, 135, 391
 Бромия 128
 Бронт 30, 32, 104, 106
 Бротей 527, 530, 532, 533, 558
 Бузига 615
 Буи 807
 Буном 832
 Бусирис 662, 675, 680, 686
 Бут 86, 231, 233—236, 251, 493, 666, 761, 795
 Бутады 482
 Бугейды 236
 Бхима 519

 Ваал 150, 297, 938
 Вакха 128
 Варуна 15, 31, 48

Венера 26

Вран 250

Вулкан 110

Гавриил 157

Гадес 29, 44, 45, 48, 65, 73, 75, 80, 82, 90, 98, 112—116, 124, 139, 153—156, 158,
168, 172, 248, 284, 315, 318, 324, 342, 497, 582, 628, 661, 666, 682, 685, 717,
719, 880, 930, 932, 938

Галантида, Галена 604

Галата 663

Галатея 308

Галахад 456

Галес, Галиск 561

Галиарх 328

Галия 208, 211, 421

Галлирофий 90, 91

Галлирофия 122

Гансимед 63, 144—147, 201, 379, 527, 529, 547, 702, 785, 817, 884

Ганнон 659

Гарамант 30, 32, 428

Гаран 665, 671

Гармонид Тектон 830

Гармония 83, 89, 111, 290—292, 515, 521, 651, 780

Гармотея 529

Гарпала 850

Гарпалика 553, 557

Гарпии 166, 167, 237, 286, 379, 529, 650, 753, 776, 778, 940

Гарпина 535, 536

Гвин 346

Гвиту 346

Геба 62, 63, 144, 626, 743, 746

Гегемона 67

Гекаба 169, 369, 819, 826, 866, 893, 902, 907, 910, 912

Гекаба 819

Гекаерга 545

Гекала 466

Гекала, Гекалена 466

Гекат 786

- Геката 10, 76, 112—114, 124, 141, 142, 155—158, 169, 172, 187, 210, 251, 275, 362, 369, 426, 427, 586, 592, 595, 604, 606, 631, 683, 684, 708, 806, 908, 910, 933, 939, 940
- Гекатей 99, 110
- Гектор 333, 752, 819, 824, 830, 854, 856, 857, 861, 862, 866—871, 874, 878, 879, 882, 883, 886, 905
- Гекуба 369
- Геланор 294
- Гелен 819, 831, 866, 891, 892, 916
- Гелий 641
- Гелика 143, 221, 222, 288
- Геликаон 903
- Гелиос 26, 27, 29, 74, 81, 83, 113, 140, 155, 171, 178, 201, 203, 207—210, 317, 327, 337, 370, 416, 541, 550, 587, 602, 639, 660, 668, 671, 763, 766, 767, 785, 788, 795, 799, 806, 808, 929, 933, 939
- Гелла 326, 327, 329, 331
- Гелле 288, 303
- Геллотиды 288
- Гелон 667, 668
- Гемера 10, 201, 202, 878
- Гемон 486, 508, 517, 520
- Гециоха 458
- Гепа 746
- Гепату 746
- Гепта 67
- Гера 10, 14, 15, 17, 19, 36, 44, 62—66, 68, 69, 73, 74, 84, 87, 90, 96, 99, 103—105, 108, 118, 128, 131—133, 135, 144, 165, 171, 172, 174, 176, 178—180, 217, 219, 225, 256, 259, 271, 275, 279, 281, 283, 294, 300, 303, 304, 306, 307, 309, 312, 322, 326, 327, 330, 337, 355, 378, 379, 389, 401, 433, 441, 465, 508, 509, 529, 560, 602—604, 607, 608, 611, 619, 629, 632, 646, 653, 661, 667, 672, 673, 690, 704, 705, 717, 719, 722, 742, 760, 785, 808, 809, 826, 828, 829, 835, 867, 868
- Геракл 8, 17, 19, 48, 63, 90, 114, 118, 157, 166, 171—173, 192, 194, 197, 206, 256, 265, 269, 270—272, 286, 288, 298, 317, 320, 323—325, 327, 331, 339, 347, 353, 354, 366, 389, 417, 423, 425, 439, 443, 444, 454, 455, 457, 460, 461, 463, 464, 466, 485, 495, 497, 498, 517, 562, 579, 603—605, 607—611, 613—626, 629, 630, 632, 634—636, 639, 640, 642—646, 648, 649, 651—654, 656, 659—668, 670—676, 678—684, 686, 688—690, 692, 694—697, 702—707, 709—715, 717—719, 721—725, 728—730, 732, 734—736, 738—747, 749, 753, 756,

761, 765, 768—770, 774, 775, 778, 780, 781, 784, 787, 789, 791, 793, 805,
809, 810, 812, 818, 839, 851, 853, 882, 884, 890, 891, 901, 931, 938, 939,
941, 945, 949

Гераклиды 549, 747—750

Герей 340

Герест 434, 435, 543, 859

Герион 158, 169, 642, 660, 661, 663, 666, 667, 670, 671, 687

Герм 484

Гермафродит 84, 89

Гермес 26, 56, 68, 69, 71, 72, 78—82, 84, 90, 101, 113, 114, 120, 123—126, 128, 130,
133, 144, 153, 172, 174—176, 179, 184, 205, 238, 247, 263—265, 270, 279—
281, 285, 290, 295, 301, 311, 314, 316, 324, 342—344, 347, 352, 361, 362, 385,
389, 428, 445, 528, 536, 538, 549, 559, 575, 583, 602, 607, 620, 661, 665, 682,
694, 696, 749, 754, 755, 762, 826—828, 832, 855, 871, 886, 896, 930, 934,
947, 948

Гермиона 574, 592, 826, 831, 916

Герне 157

Герофил 84

Герофила 692, 826

Герса 120, 123, 238

Гесиона 347, 377, 654, 701, 702, 704, 707, 818, 820, 824, 834, 835, 840, 886, 912

Гесих 582

Геспер 165, 168, 678

Геспера 201

Геспериды 19, 33, 62, 165, 166, 168, 192, 672—674, 677, 678, 687, 729, 730, 745, 795

Гестия 9, 17, 44, 49, 66, 92, 93, 131, 134, 158, 172, 569

Гэфест 19, 56, 62, 64, 83, 84, 87, 95, 104, 108—110, 119, 122, 144, 192, 198, 203,
243, 255, 290, 379, 418, 421, 440—442, 457, 459, 470, 477, 528, 538, 539, 620,
643, 664, 705, 735, 762, 785, 786, 863, 870, 879, 890

Гея 33, 44, 45, 48, 55, 56, 67, 71, 97

Ги Варвикский 5

Гиady 194

Гиакинф 97, 101, 434, 435, 633, 889

Гибрис 124

Гигнея 249, 250

Гидра 169, 294, 298, 630, 894

Гидран 682

Гиера 842

- Гисс 30, 31
 Гикетаон 818
 Гил 718
 Гиладельра 352
 Гилас 116, 622, 702, 734, 737, 761, 774, 775, 778
 Гилей 371
 Гилл 661, 730, 731, 741, 745, 747—749, 949
 Гильгамеш 34, 206, 431, 670, 732
 Гимер 633, 634
 Гимера, Гемера 878
 Гимитея 850, 851
 Гиперенор 287, 288
 Гиперея 455
 Гиперион 23, 201, 207, 209
 Гипериппа 306
 Гипермнестра 295, 298
 Гиперох 535
 Гиподамия 341
 Гиопофой 244
 Гиппалким 545, 762
 Гиппалм 545
 Гиппас 130, 135, 545, 738
 Гишпей 613
 Гиппо 652
 Гипподам 535
 Гипподамия 341, 344, 494, 496, 535—539, 542, 544—548, 732, 737
 Гиппокоонт 348, 496
 Гипполох 858, 864, 867
 Гиппомедонт 515
 Гиппомен 373, 434
 Гишоной 819
 Гишоноя 337
 Гишофой 243, 244, 511, 570, 724
 Гишофоя 545
 Гипсей 385
 Гиссипила 515, 519, 585, 769, 770
 Гигта 746
 Гириэй 205

- Гирия 625
Гирмина 709
Гиртак 819
Гисторида 603
Главк 210, 248—250, 314, 332, 333, 356, 428—432, 492, 823, 864, 865, 867,
874, 878, 903
Главка 377, 809, 875
Главкия 704
Глен 731
Годе 87
Голг 86
Гонипп 351
Гоплет 452
Гор 99, 101, 206, 209, 346, 426, 626, 655, 715
Горга 728
Горгоны 165, 167
Горгофона 345, 348, 355
Гордий 392, 393, 395
Горгин 417
Грас 594
Гратион 172
Греина 10
Грону 563
Гуней 710, 919
- Давид 17, 389, 483, 547
Давн 918
Дактили 269, 270
Далила 435, 745
Дамарх 185
Дамис 380, 837
Дамкина 297
Дамнаменсей 270
Данай 25, 282, 293—298, 340, 535, 628
Даная 211, 219, 271, 274, 297, 340, 341, 344, 346, 347
Дардан 111, 237, 815, 816, 818, 822
Даскил 652, 653, 659, 781
Дафна 14, 97, 100, 255, 523

- Дафнис 80—82, 696
 Дафойна 100
 Девкалион 5, 183—187, 194, 215, 471, 501, 839
 Дедал 5, 17, 62, 63, 88, 378, 387, 416—418, 420—422, 437—444, 449, 469—472, 620
 Дедалиды 438
 Деилеонт 781
 Деионой 304, 458
 Деишила 514
 Деифил 770, 907
 Деифоб 819, 830, 879, 880, 891, 892, 899, 902
 Дейдамия 272, 493, 838, 842, 850
 Дейм 816
 Деймос 83
 Дейоной 688
 Дексамен 640, 709, 710
 Делиад 356
 Дельфина 95, 100, 174—176
 Деметра 44, 49, 68, 75, 77, 91, 111—118, 136, 141, 158, 167, 172, 218, 233, 234, 256,
 281, 283, 287, 290, 294, 339, 377, 402, 421, 450, 459, 460, 494, 513, 528, 529,
 617, 628, 631, 681, 682, 711, 721, 737, 751, 798, 806, 811, 932
 Демокл 531
 Демонасса 742
 Демофонт 112, 117, 197, 405, 488, 576, 659, 747, 904, 906, 917, 921
 Демофоон 486
 Деркетто 426, 799
 Деркин 663
 Десмонт 215, 216
 Деспойна 75, 77
 Дехтире 864
 Деянира 682, 710, 728—732, 738, 740, 741
 Диа 258, 304, 305
 Диана (Диона) 46
 Диант 545
 Диармайт 89
 Дике 159
 Диктинна 423, 426, 557, 586
 Диктис 341, 344
 Димант 819

Димах 703, 704

Дини 297, 648

Дина 297

Дино 165, 168

Диодор 675

Диокл 114, 116

Диомед 333, 386, 536, 562, 618, 648, 649, 659, 687, 759, 760, 764, 765—767, 788,
791, 825, 839, 840, 845, 856, 857, 859, 863, 867, 868, 870, 875, 879, 882, 890,
892, 893, 896, 898, 899, 903, 905, 910, 911, 914, 918, 921

Диона 23, 60, 68, 258, 527, 761

Диона (Диана) 46

Дионис 17, 18, 29, 43, 56, 67—70, 74, 84, 86, 125, 128—136, 140—142, 150, 172—
174, 185, 203, 291, 327, 330, 337, 339, 361, 368, 369, 391, 392, 394, 403, 404,
417, 420, 469, 470, 472, 473, 477, 498, 569, 635, 647, 683, 685, 728, 746, 762,
764, 794, 834, 840, 841, 879, 922

Диоскуры 349—351, 354, 355, 404, 500, 501, 558, 575, 586, 774, 812, 825

Дипила 840

Дирка 321, 360—362

Дисавл 113

Диспонтей 535

Додона 188

Долон 868

Донакон 402

Дор 97, 215, 218, 221, 307, 415, 418

Дорида 165

Дориппа 840

Дориэй 671

Дракон 483, 678

Драушади 692

Дриант 129, 133, 231, 233

Дриоп 735

Дриона 97, 101, 124, 282, 734, 775, 778

Ева 19, 34, 746

Евбулей 460

Евехма 545

Евипп 545

Евиппа 918

Евмей 942, 943, 945, 946

Евмел 868

Евмениды 402, 582

Евмоп 485, 609, 681

Евном 730, 732

Евноя 819

Евпалам 449

Еврибат 695

Еврибий 683

Евридика 545, 633, 818

Евриклея 944, 945, 948

Еврилох 929, 933

Евримедон 652

Еврином 730

Еврипил 683

Еврисфе 497, 502

Евритион 640

Европа 285, 287—290, 415, 426

Еврот 633, 634

Евтерпа 868

Евфорб 854

Евфросина 509, 512

Единорог 6

Ейре 115

Елена 154, 156, 159, 187, 218, 288, 301, 303, 369, 422, 496, 497, 501, 511, 518, 567, 573, 574, 579, 580, 589, 659, 799, 811, 812, 825, 826, 829, 831, 832, 834, 880, 883, 893, 899, 902, 904, 937

Енаки 419

Ехидна 165, 166, 169, 294, 356, 358, 458, 508, 628, 660, 672, 676, 933

Забани 34

Загр 139

Загрей 132, 135, 141, 145, 148—150, 330, 431, 647, 722, 922

Закиф 817, 822, 845, 912, 942

Зара 345

Зевксипа 233, 818

Зевс 15, 17, 18, 26, 28, 29, 34, 36, 42—48, 51, 54—56, 58—60, 62, 64—74, 76, 79, 80, 83—86, 89, 90, 92, 95, 96, 98, 99, 101—104, 106, 108, 111—116, 119,

124, 128, 129, 131, 141, 144—148, 150, 155, 158—160, 167, 171, 172, 174—176,
183—187, 192, 193, 197, 201, 205, 207—209, 211, 217, 220, 225—227, 235,
236, 248, 249, 251, 255, 258, 269—273, 279—282, 285, 287—291, 295, 300—
304, 306, 307, 309—311, 313, 315, 316, 319, 321, 323, 325—328, 330—332, 341,
343, 348—351, 353, 357, 360, 361, 363, 364, 366, 373, 374, 378—380, 385,
386, 415—417, 419—421, 425, 426, 434, 435, 440, 446, 456, 468, 470, 509,
512, 516—518, 523, 528, 529, 533, 539, 541, 550, 555, 558, 563, 595, 602, 603,
605—608, 633, 636, 637, 658, 662, 664, 668, 673, 675, 676, 679, 690, 692,
696, 702—704, 710—712, 728, 735, 742, 749, 781, 785, 788, 808, 809, 818,
826, 827, 841, 847, 853, 855, 857, 863, 866, 868, 869, 875, 877, 885—887,
933, 934, 938, 948

Зелос 54

Зет 237, 360, 361, 529, 761, 775—779, 805

Зефир 71, 98, 928

Иаков 198, 317, 345

Иакх 111, 112, 117

Иалебион 663

Иалиса 211, 274, 297

Иапет 34, 194, 280

Иаиис 410

Иардан 694

Иас 283, 284, 371, 372

Иасий 111, 269, 270, 290

Иасион 111, 112, 116, 290, 737, 816, 817

Ида 417, 815, 816, 826, 827, 857, 862, 870, 877

Идас 97, 197, 349, 350, 353, 354, 370, 371, 373, 455, 496, 498, 606, 724, 761, 781

Идей 816—818, 832

Идея 777, 815

Идия 786

Идмон 386, 761, 781, 783, 848

Идоменей 419, 810, 824, 825, 839, 859, 916, 918, 921

Иезскиль 658

Иезекия 556

Иеремия 800

Иеффай 921

Иинкс 125, 279

Иисус Павин 675, 922

- Икадий 410, 411
 Икар 145, 438, 439, 442, 443, 542, 848, 849
 Икарый 271, 348, 368, 369, 577, 825, 836, 910, 947
 Иксион 247, 250, 304, 305, 307, 317, 326, 329, 330, 493, 494, 499, 528, 784
 Ил 85, 136, 201, 535, 817, 818, 910
 Илиона 907
 Илифия 71, 72, 603, 604
 Иллирий 291
 Иллиушка 176
 Ипаина 670
 Инара 176
 Инах 74, 279, 280, 283, 287, 294, 706, 708
 Индра 15, 48
 Ино 115, 128, 208, 259, 326—331, 458, 481, 809, 935
 Ио 44, 47, 48, 57, 68, 117, 263, 264, 279—281, 283, 287, 322, 339, 431, 788, 795, 798
 Иоав 322
 Иоанн Креститель 187
 Иобат 340, 356, 357
 Иодама 55, 57
 Иокаста 507, 510—513, 949
 Иокс 458
 Иола 622, 689, 738, 739
 Иолай 440, 545, 619, 621, 622, 629, 651, 680, 688, 703, 710, 718, 729, 735, 736,
 741—743, 747—749, 752, 805, 854
 Ион 215, 218, 221, 235, 464
 Иона 707
 Ионафан 921
 Ионей 493
 Иосиф 330, 358, 491, 800
 Ишполит 172, 210, 248, 330, 333, 428, 479, 486—492, 683, 689, 752, 874, 918
 Ишполита 339, 485, 486, 489, 490, 651, 652, 653, 654, 656, 658, 669, 710, 875, 876
 Ирида 71, 113, 378, 623, 777, 835, 944
 Ирод 645
 Исав 345
 Исаяя 346, 556
 Исандр 858, 864
 Исида 87, 99, 107, 176, 187, 206, 209, 280, 281, 322, 346, 374, 426, 626, 655,
 685, 715

Исхепол 545

Исхий 250, 251

Исхий (Хил) 247

Итил 529

Итис 231, 232, 233, 234

Итон 55, 57

Итона 420

Иухар 115

Иухарба 115

Ифианасса 306, 337, 338, 559

Ифибоя 639

Ифигения 501, 559, 563, 564, 577, 586, 587, 589, 590, 592, 595, 596, 838, 849,
850, 853, 863

Ифида 515

Ификал 197, 272, 335, 336, 338, 353, 370—372, 545, 603, 605, 608, 619, 710, 721,
761, 805, 854

Ификрат 645

Ифимедия 178, 179

Ифимедонт 748

Ифиноя 337—339, 434, 437, 449, 450

Ифит 109, 269, 689, 690, 692, 718, 721, 730, 761, 787, 944, 945

Иштар 60, 118, 145, 186, 258, 346, 498, 707

Йемен 753

Кавкон 711

Кадм 69, 70, 111, 175, 263, 285, 286, 288, 290, 291, 318, 326, 361, 363, 510, 517,
665, 786, 787, 789

Как 341, 664, 671, 687, 695

Калаид 237, 761, 775—779, 805

Кале 67, 509

Кали 281

Калиба 818

Калика 306, 850

Калипсо 744, 934, 940

Каллидика 946

Каллилеонт 551

Каллиопа 86, 89, 139, 754, 837, 868

- Каллипол 545, 547
 Каллироя 522, 523, 660, 817, 918
 Каллисто 105, 106, 337
 Калус 438
 Калхас 837, 841, 842, 846, 848, 849, 856, 867, 886, 887, 890, 892, 897, 898, 904—
 906, 910, 915
 Камира 211, 274, 297
 Камиро 529, 533
 Кампа 45
 Канака 217
 Кандаон 204
 Канет 458
 Канф 761, 795
 Капаней 248, 515—517, 520, 562, 593, 840
 Капис 703, 818, 897
 Кар 32, 149, 283, 284, 404, 405
 Кардея 170
 Кардис 713
 Кариатида 284
 Карий 284
 Кария 404
 Карманор 89, 95, 428, 694, 698
 Карменга 263, 265, 405, 665, 671
 Карн 750
 Карпо 67
 Карфо 67
 Кассандра 431, 560, 561, 611, 819, 820, 823, 831, 892, 897, 904, 906, 910
 Кассиопея 342, 343, 415
 Кастор 197, 301, 302, 348—355, 370, 455, 609, 761, 774
 Катрей 428, 431, 445, 446, 550, 831, 949
 Кафавр 795, 799
 Кедалион 203
 Кек 225, 227, 730, 734, 736, 738, 747
 Кекроп 74, 90, 116, 120, 122, 185, 234, 236, 449, 450, 453, 456, 464
 Кекроп Второй 215
 Келей 112—114, 234, 281
 Келено 830
 Келл 537

- Кельмис 270, 271
Келпей 366, 367, 370, 493, 494, 735, 737, 738, 744, 761
Кенида 366, 367
Кентавр 305, 383, 493, 635, 637, 638
Кенхрей 318
Кер 284, 390
Кер (Кре, Кар) 32
Кера 71
Керамб 184, 188
Кербер 139, 153, 157, 169, 497, 499, 682—684, 687, 718, 780
Кердо 117, 283
Керикс 235
Керкион 243, 459, 460
Керкисера 838
Кето 165, 166, 168
Кетон 672
Кефал 7, 109, 201, 202, 234, 423—425, 427, 433, 602
Кефей 293, 342, 343, 370, 371, 721, 723, 761
Кефис 74, 401
Киамит 114
Киаф 730, 732
Кибела 96, 146, 373, 823
Кибосур 545
Кидон 428, 430
Кизик 389, 771, 773
Кизикский лев 789
Киклоп 203, 205
Кики 354, 625, 673, 735—737, 850, 855, 856, 878
Килараб 558, 593
Килик 285—287, 416
Килисса 564, 567, 570
Килл 537, 541, 543
Килла 818, 826, 834, 904
Киллант 537
Киллений 659
Килхвух 764, 789
Кимош 502
Кингу 176, 197

- Киндрагора 564
Кинир 85, 88, 89, 308, 365, 557, 837, 845, 847
Кипсел 737
Кир 511
Кирена 97, 385—389, 648, 806
Кирианасса 337
Кирка 143, 210, 282, 424, 665, 765, 785, 791, 792, 929, 930, 932—934, 939, 946, 949
Киркии 438, 443
Киссеида 911
Киссей 819, 911, 912
Киссия 876, 882, 883
Китиссор 329, 765, 781, 786, 811
Кихрей 376, 377
Клемена 536
Клеобида 834
Клеобис 397, 398
Клеобула 536, 838
Клеодея 696
Клеодика 633
Клеола 551
Клеолай 696
Клеонт 545
Клеопатра 226, 237, 348, 371, 372, 777
Клеопатра младшая 817
Клеотера 529
Клета 876
Климен 306, 553, 557, 615, 713
Климена 191, 208, 371, 445, 551, 559, 931
Клио 754
Клисифира 918
Клит 201, 295, 839
Клита 295, 771
Клитемнестра 302, 348, 559—561, 563—565, 567, 568, 596, 826, 849, 859
Клитий 172, 688, 818
Клития (Камиро) 529
Клитоним 839
Клото 58, 59, 297, 529

Кой 23, 68, 678

Кокал 439, 444

Кокит 153, 157

Колей 116

Кола 460

Комет 594, 761, 859, 918

Комето 339, 425, 427, 435

Коннид 454

Кора 56, 111—115, 118, 136, 362, 367, 459

Короб 753, 755

Корибант 102

Коринф 315, 452, 457, 507, 508, 763, 807, 809, 874

Коринфий 545

Кориф 724, 816, 832, 841

Корон 250, 366, 735

Короней 328

Коронида 97, 101, 236, 247, 248, 250, 251

Корунет 457

Котитто 31, 132, 133

Котт 30, 31

Кранай 450

Краная 451

Кранехма 451

Кратос 54

Крез 696

Крейдилад 346

Креонт 510, 516, 517, 520, 524, 601, 615, 619, 690, 807, 810

Кресфонт 750

Крета 416

Кретеида 377, 378, 380

Кретей 320, 326, 335, 415, 419, 759

Креуса 215, 221, 222, 234, 385, 819

Крефеида 330, 383

Крий 23

Кримисс 702

Крисеида 864

Крон 24, 26, 36, 41, 42, 44—47, 55, 56, 60, 62, 73, 75, 92, 124, 135, 148, 150,
154, 156, 158, 192, 197, 250, 257, 260, 269, 272, 273, 284, 430, 432, 527,

541, 602, 605, 647, 662, 665, 670, 671, 712, 713, 715, 719, 761, 782, 884,
939, 940

Крона 105, 117, 122, 188, 512, 670, 671

Кронид 149

Кротос 125

Ксанф 648, 819, 870

Ксанфа 379, 383, 527, 650, 666

Ксеноклея 689, 690, 692

Ксеркс 238, 588

Ксисуф 186

Ксуф 215, 218, 219, 221, 233, 355, 419, 449, 485

Ктеат 709

Ктесипп 731, 736

Кумарби 42, 43, 134, 176

Курон 305, 864

Кухулин 305, 498, 864, 883

Лабдак 507

Лаван 317

Лавкося 932

Ладон 165, 166, 309, 657, 665, 672, 673, 678

Лай 333, 446, 507, 508, 511, 546

Лакедемон 496

Лакиний 667

Лам 696, 928

Ламия 300, 339, 692

Ламп 201, 650

Лампадо 652

Лампетия 207

Лампон 648, 650

Лаодамия 564, 612, 855, 858, 864

Лаодика 725, 819, 842, 903

Лаокоон 5, 611, 897—899, 901

Лаомедонт 66, 145, 696, 701—703, 707, 725, 770, 786, 791, 818, 827, 850

Лаонома 710

Лаофоя 824, 858, 907

Лат 70, 99, 107, 302

Латин 665, 930, 934

- Латона 70, 302
Латромида 131, 134
Лафрия 423, 426
Лахаму 48
Лакесис 58, 59, 207, 297
Лакхму 48
Лаэрт 314, 761, 836, 943, 946, 948
Лсарх 128, 132, 326—330, 865
Левк 859, 918, 919
Левка 154, 157, 918
Левкипп 97, 100, 348
Левкиппа 130, 348, 349, 535, 725, 778, 818, 848
Левкиппиды 352, 354, 496
Левкон 326, 328
Левкофан 772
Левкофея 208, 211, 328, 330, 331, 421, 935, 940
Леда 160, 301, 302, 348, 352, 558, 564, 825, 931
Лелан 424, 425, 602
Лемнос 110
Леоним 880
Леонтиды 463, 465
Леонтофон 947
Леос 463, 464
Лепрей 354, 711, 715
Лепрея 571
Лета 157
Лето 29, 68, 70, 95, 98—100, 102, 103, 302, 361, 363—365, 423, 857, 876
Ливия 280, 282, 285, 287, 293, 795
Лигис 664
Лигия 932
Лик 360, 417, 449—451, 652, 690, 780, 830, 918
Ликаон 104, 183, 185—187, 856, 858, 861—863, 867
Ликаст 420
Ликий 883
Ликимний 601, 738, 741, 747—749
Ликомед 501, 838, 892
Ликоферс 291
Ликтея 434

Ликург 129, 248, 333, 711, 723, 770

Лилит 275

Лин 116, 609, 611, 753—756

Линда 211, 274, 297

Линкей 197, 295, 298, 349, 350, 353, 354, 370, 455, 496, 498, 606, 761

Линос 527

Лир 5, 346

Лириопа 401, 403

Лисидика 545

Лисиппа 337, 338, 651

Литиэрс 46, 116

Лихас 593, 740, 741

Лихиос 122

Ллеу-Ллау 883

Лу-Ллау 145, 146, 442

Луг 145

Луж 206

Лусианасса 675

Магнет 754, 755

Майя 68, 69, 78, 79

Макарей 217, 219

Макария 614, 726, 731, 747

Макрида 128, 133, 386, 749, 764, 794, 805

Малида 696

Малорк 623—625

Манер 46

Манерос 754

Манто 363, 522, 523, 915

Мараф 500

Марафий 826

Марафон 449, 500, 807, 809

Мардук 14, 35, 48, 173, 333, 346, 498, 707, 939

Мариан 657, 865

Мариандиинский вспрь 789

Мармакс 536

Марон 925, 926

Марпесса 97, 117, 348, 349, 354, 652

- Марс 26, 136
Марсий 96, 100, 393, 756
Матхи 197
Махаон 249, 868, 875, 886, 891
Махарей 917
Меандр 696, 921
Мегамеда 613
Мегапент 344, 345, 592, 826
Мегар 184
Мегара 583, 619, 748
Мегарей 434, 450, 545
Мегера 41, 155, 619
Мед 462, 463, 763, 808, 810
Меда 734, 918
Медея 117, 315, 440, 452, 462—464, 466, 482, 630, 691, 763—765, 785—792,
794—796, 803—812, 835, 880, 935
Медон 840, 851, 869, 945
Медуза 14, 55, 165, 167, 248, 341, 342, 345—347, 664, 682
Мекистей 762, 840
Меламп 201, 320, 335—339, 429, 456, 762, 846
Мелан 458, 487, 514, 519, 652, 653, 738
Меланей 688, 738
Меланида 88
Меланион 373, 374
Меланипп 458, 514, 516, 519
Меланиша 31, 215, 218, 487, 652, 653, 875
Меланф 898
Меланфий 943, 945, 946
Мелас 781
Мелеагр 226, 348, 350, 370—372, 374, 682, 728, 762, 805, 855
Мелибея 363, 364
Мелии 41
Меликерт 208, 317, 326—329, 331, 332, 432, 458, 461, 547
Мелисса 47, 749
Мелиссей 44, 47
Мелита 452
Мелия 283
Мелкарт 442

- Мелос 591, 919
 Мелькарт 334, 338
 Мемнон 856, 861, 876—878, 883
 Мемноиды 877
 Менедем 640
 Менекей 510, 511, 516, 615, 618
 Менелай 156, 551, 552, 558, 559, 561, 573—575, 578, 589, 590, 592, 679, 825,
 826, 829—832, 835—837, 841, 845, 846, 849, 854, 867, 869, 871, 880, 885,
 886, 891, 896, 899, 900, 902, 903, 914, 916, 922
 Менесфей 501—503, 659, 825, 904, 919
 Менет 661
 Менетий 191, 192, 649, 743
 Менетий (Менет) 682
 Менодика 734
 Менон 264
 Мента 154, 158
 Ментор 748
 Менья 798
 Мера 368, 369, 908, 910, 931, 937
 Мерион 839
 Меркурий 24, 26, 270
 Мермер 808
 Мероп 528, 819
 Метропа 203, 314—316, 318, 332, 437, 529
 Метанира 112, 116
 Метапонт 216
 Метарма 308
 Метиадуса 449
 Метида 18, 23, 33, 45, 55, 56, 160
 Метион 449, 450
 Метона 309, 794, 819
 Мигдон 653
 Мидас 96, 391—394, 416
 Милет 97, 415, 416, 419, 528, 633
 Мимант 172
 Мин 857
 Миндон 696
 Миний 130, 331, 793, 800

Мишифия 654

Миннос 146, 149, 154, 204, 249, 285, 311, 411, 413, 415—419, 423—429, 431, 433—
435, 438—441, 445, 450, 466, 468, 470, 471, 476, 478, 546, 554, 626, 646,
839, 901, 922, 931

Минотавр 416, 417, 434, 435, 459, 466, 468—470, 476, 642, 646, 647, 732

Мирмекс 310, 312, 313, 384

Мирмидон 310

Мирра 365

Миртил 332, 536—539, 542, 543

Мита 394

Митра 15, 48

Михаил 34

Млечный Путь 607, 611

Мнасей 645

Мнемозина 65

Мнемон 850, 883

Мнссимаха 710

Моав 547

Моисей 150, 482, 511

Мойры 58, 59, 297

Мол 611, 709, 839, 865

Молиона 710, 716

Молионы (Молиониды) 709, 710, 719

Молох 331, 365, 442, 547

Молп 850

Молпадия 485

Мопс 256, 260, 342, 366, 426, 524, 595, 655, 658, 762, 771, 795, 799, 915,
916

Мумму 176

Мунит 595, 826, 834, 904

Мусей 149, 485, 681

Навкрата 438, 442

Навнидама 639

Навлиий 263, 296, 445, 551, 559, 723, 781, 835, 836, 858, 859, 915, 918

Навсикая 935, 937, 948, 949

Навсиной 934

Навсифой 467, 469, 749, 934

- Напет 33, 191
 Наркей 544, 547
 Нарцисс 7, 101, 125, 401—403
 Неброфон 770
 Неера 723
 Неида 306
 Нейт 53, 195, 300, 346, 579, 726, 799
 Нелей 47, 244, 251, 316, 318, 320, 322, 335, 364, 449, 492, 689, 709, 713, 717, 718, 720, 721, 767
 Немейский лев 169, 579, 614, 626, 630, 686
 Немесида 19, 33, 47, 56, 77, 159, 160, 301—303
 Неоптолем 380, 592, 838, 850, 878, 887, 890—892, 896, 899, 902, 903, 906, 916, 917, 921, 931, 946
 Нергал 25
 Неренда 75, 166
 Нерей 75, 165—167, 673, 679, 724
 Несс 636, 730—732, 740, 741
 Нестор 316, 320, 351, 370, 419, 689, 717—719, 838, 839, 845, 876, 877, 885, 892, 914, 919, 948
 Нефалнион 652
 Нефела 304, 326, 327, 329—331, 635
 Нефтид 715
 Нефтида 157, 209, 626
 Ниамах-Златовласка 396
 Ника 54, 473
 Никиша 545, 603
 Никострат 826
 Никострата 665
 Никтеида 362
 Никтей 360, 362
 Никтим 183, 528
 Нил 293, 675
 Нииниб 25
 Ниоба 26, 361, 363—365, 527, 529, 531, 534, 544, 603
 Нис 317, 433—435, 442, 449, 450, 819
 Ниса 128, 545
 Ной 186, 194
 Номя 81

Норакс 661

Ночь 28, 29, 33, 58, 165, 168, 704

Огмий 265, 611, 634

Один 42, 456, 910

Одиссей 8, 16, 30, 76, 117, 205, 207, 259, 314, 317, 331, 348, 377, 446, 461, 467,
612, 626, 679, 763, 795, 797, 800, 822, 825, 836—839, 841, 845, 849—851,
853, 854, 858, 859, 863, 865, 867, 868, 871, 876, 878, 879, 885—887, 890,
892—894, 896—899, 902—907, 910—912, 919, 925—949

Оилей 762, 781, 840, 910

Ойбал 348

Ойней 368, 370—372, 375, 728, 918

Ойноя 124, 126

Ойон 721

Ойсин 396

Океан 24, 28, 33, 45, 60, 161, 309, 660, 695, 782, 934

Окигета 776, 777

Оксил 750

Ол 695

Олен 710

Олимпиада 772

Ольвен 764

Омфала 8, 534, 690, 694, 696—699

Онся 409

Онит 731

Онк 75, 112

Онка 286

Онкий 649

Опис 545

Орест 403, 559, 564—582, 585—588, 590, 592—597, 626, 853, 915, 917

Орессфей 185, 187

Орион 153, 201, 203—206, 248, 931, 939

Орифия 234, 237—239, 485, 487

Орк 168

Орней 449, 558

Орнита 644

Орнитгон 314

Орсенда 215

- Орсилохоя 586
 Ортея 434
 Орфей 126, 139—143, 149, 269, 387, 391, 498, 762, 769, 780, 795, 796
 Орфр 169, 660, 661, 671
 Орхомен 551, 615—617, 762, 765, 807
 Осирис 46, 87, 89, 99, 133, 175, 187, 188, 206, 209, 305, 346, 394, 585, 591, 626, 685, 715
 От 178
 Отиония 234—236
 Отрера 875
 Офельт 515, 627
 Офион 23—25, 28, 238, 339
- Пагас 255, 775
 Пактол 394
 Паламед 57, 80, 263, 265, 559, 590, 835, 836, 839, 846, 851, 858, 859, 863, 910
 Палемон 328, 603, 621, 762
 Паллада 54
 Паллант 53—55, 100, 172, 429, 449, 453, 463
 Пан 8, 44, 45, 49, 80, 82, 95, 97, 104, 124—127, 175, 279, 282, 527, 529, 549, 697, 947
 Пандар 867
 Пандарей 112, 116, 528, 529, 533
 Пандион 231, 234, 449, 450, 576
 Пандор 449
 Пандора 34, 193, 197, 234—236, 921
 Пандроса 120
 Панкратида 179
 Панопей 469
 Панорм 351
 Панфой 819, 869
 Парис 19, 443, 559, 826—832, 834, 835, 844, 859, 867, 876, 879, 880, 882, 883, 891
 Парнапиштим 186
 Парнас 184
 Парфенона 723
 Парфенона 932
 Парфенопей 373, 724

- Пасифая 97, 100, 256, 259, 416, 420, 423, 424, 426, 428, 430, 435, 438, 439, 444,
466, 470, 489
- Пасифея 67, 509
- Пассал 695
- Патрокл 310, 825, 839, 841, 856, 861, 869, 912
- Пафос 208, 308, 878
- Пант 176
- Пвилл 135
- Пеант 440, 443, 742, 745, 762, 796
- Пегас 14, 165, 167, 318, 342, 356, 358
- Педас 870
- Пейто 480
- Пеласг 24, 27, 63, 183, 283, 284, 364
- Пелей 73, 75, 145, 160, 291, 310, 330, 370, 371, 376—380, 382—384, 458, 482, 651,
762, 805, 837, 838, 922
- Пелий 244, 320, 322, 323, 332, 377, 511, 713, 759, 760, 803, 804
- Пелиона 226, 379, 382
- Пелоп 5, 210, 272, 307, 311, 333, 341, 354, 363, 364, 377, 449, 452, 529, 542, 544
- Пелопиды 543, 549
- Пелопия (Пелопея) 551
- Пелопо-Танталиды 541
- Пелор 287, 289
- Пемон 457
- Пемфредо 165, 168
- Пеней 97, 100, 385, 387, 493, 736
- Пенелей 762
- Пенелопа 16, 124, 126, 825, 836, 845, 944, 946—948
- Пентсися 656, 875, 876, 882
- Пенфей 130, 133, 291
- Пенфил 594
- Пеон 269
- Пергам 834
- Пердикс 63, 437
- Периандр 409, 410
- Перибся 377, 468, 507, 703, 836
- Перигула 458, 460
- Периср 348
- Перилей 577

- Перимеда 601, 683, 748, 759
 Перифет 457, 460
 Перия 423
 Перо 309, 335, 336, 338
 Персеида 420
 Персей 14, 55, 131, 133, 165, 192, 341—348, 630, 680
 Персефатта 115
 Персефона 65, 68, 75, 85, 86, 88, 89, 114, 115, 117, 118, 124, 128, 131, 135, 136, 148,
 153—157, 234, 260, 316, 324, 325, 402, 434, 450, 497, 617, 628, 682, 806
 Петей 500
 Пигмалион 308
 Пиерида 826
 Пикус 282
 Пилад 567, 570, 573, 574, 586, 587, 592
 Пилас 449
 Пилемес 903
 Пиленор 636
 Пилий 501, 681, 890
 Пилия 449
 Пирена 318, 735
 Пирифой 180, 366, 370, 455, 493, 494, 496, 497
 Пирра 183, 184, 186, 838
 Писандр 630
 Писиноя 932
 Писой 535
 Питиокамит 460, 461
 Питис 126
 Питфей 452—456, 545
 Пифия 286, 620, 689, 753, 848, 895, 907
 Пифон 14, 68, 95, 99, 100, 102, 175, 255, 288, 461
 Плейона 204
 Плексипп 372
 Пляяды 226, 661
 Плисфен 545, 551, 826, 831, 866
 Плисфен Второй 551
 Плутто 527
 Плутос 111, 116, 737
 Подалирий 249, 886, 891, 915

Подарга 379, 650

Подарк 336, 704, 791, 818

Подес 857

Пойна 753

Полиб 507, 508, 510

Полибут 172

Полигон 654

Полидевк 197, 298, 301—303, 348—355, 370, 455, 606, 737, 762, 774, 776, 778,
805

Полидект 341, 344

Полидор 819, 858, 907, 910

Полидора 348, 855, 908

Полиид 249, 250, 356, 429, 431, 725

Поликаон 348

Поликаста 437—439, 444

Поликсен 463, 808

Поликсена 325, 819, 866, 871, 878, 879, 883, 906, 908, 910

Поликсо 422, 577, 769

Полимеда 759

Полимела 377, 759, 803, 839

Полиместор 907, 908

Полиник 197, 244, 322, 324, 350, 510, 514—518, 522

Полицемон 457, 459

Полипойт 946

Полипорт 946, 948

Полит 902

Полита 819

Полифем 762, 774, 775, 926, 927, 928, 938

Полифема 759

Полифид 558

Полифонг 508

Полтис 654

Поит 166, 585

Портаон 932

Портей 899

Порфирион 171

Посейдон 15, 37, 44—48, 55, 57, 66, 73—76, 84, 90—93, 104, 112, 114, 115, 119,
120, 122, 135, 165, 167, 172, 173, 178, 184, 191, 194, 203, 205, 208, 211, 215—

217, 220, 234—237, 243, 273, 284, 285, 287, 293, 294, 296, 309, 311, 312, 319, 322, 329, 339, 343, 351, 352, 357, 366, 377, 379, 409, 411, 416, 419, 425, 431, 435, 449, 452—455, 458, 459, 468, 469, 471, 489, 529, 536, 541, 545, 587, 620, 636, 638, 642, 646, 650, 653, 663, 674, 675, 690, 701, 705, 710, 717—719, 759, 761, 762, 765, 776, 807, 810, 818, 856, 857, 868, 878, 879, 898, 901, 904, 918, 920, 926—928, 932—935, 946

Постворт 170

Потифар 330, 358, 491

Пракс 880

Праксифея 234, 237, 464

Праматы 197

Пресбон 329

Прет 197, 244, 322, 324, 336—341, 344—346, 354, 356, 357, 384, 456, 556, 604, 636, 716

Приам 369, 560, 652, 659, 704, 791, 818, 819, 820, 823, 824, 826, 828—832, 834, 835, 849, 855—858, 861, 862, 866, 870, 871, 875, 876, 878, 883, 891, 892, 897—899, 901, 902, 907, 908, 910

Приап 72, 84, 86, 87, 92, 93

Придери 135

Прил 896

Приол 653

Прозерпина 115

Прокл 750

Прокля 850

Прокна 231—234, 452, 557

Прокрида 7, 234, 423—425, 427, 613, 931

Прокруст 459

Промах 666, 803

Прометей 33, 34, 36, 56, 183, 191—193, 197, 198, 279, 443, 636, 673, 676, 679, 680, 787, 830

Проном 743

Просимна 628, 631

Прота 208

Протей 129, 134, 167, 387, 389, 432, 577, 654, 658, 679, 832, 914, 922

Протесилай 348, 854, 855, 864, 865, 919

Протогония 234—236

Псамата 376, 381

Псамафа 753, 754

Псилла 536

Псофида 666

Птелеон 424

Птерелай 424, 425, 427, 435, 601, 602, 608

Путь 607

Ра 206, 211, 595

Раав 166, 346

Радамант 154, 285, 311, 415, 417, 418, 421, 440, 652, 749

Рак 49, 812

Ракий 524

Рама 692

Рассвет 204

Редна 932

Рескаран 665

Рексенор 452

Рем 322, 374

Рена 840

Рео 346, 840, 846

Рес 868

Рея 24, 28, 29, 41, 44—46, 48, 49, 62, 65—67, 75, 114, 124, 128, 129, 134, 135, 136,
148—150, 197, 236, 269—271, 273, 322, 405, 435, 527—529, 533, 557, 611,
771, 773, 812, 827, 884, 917, 921

Риммон 135

Робин Гуд 5, 13, 612, 622, 865

Род 84, 525

Рода 73, 207, 208

Ройк 371

Ромул 102, 322, 374, 511, 512

Сабазий 46, 133, 135

Савл 578

Савр 635

Саламин 704

Саламина 377

Салма 358

Салмоней 307, 313, 315, 316, 318, 319, 321, 326, 330

Самсон 389, 394, 435, 547, 798, 883

- Саранью 77
Сарпедон 285, 415—417, 419, 420, 654, 858, 864, 869, 878
Сатирея 411
Сатурн 24, 26, 42, 46, 270
Селевк 588
Селена 10, 26, 125, 126, 171, 187, 201, 207, 303, 306, 318, 354, 623
Селим 358
Селин 221
Селия 457
Семела 18, 69, 70, 131, 132, 135, 136, 327, 346, 628, 631, 683, 685
Серторий 674
Сет 87, 89, 99, 175, 206, 209, 346, 394, 426, 626, 715
Сидеро 319—322
Сикал 691
Сикион 449, 551
Силей 695
Силен 78, 82, 128, 172, 391, 395, 638
Силл 695
Син 25
Сипис 457—459, 461, 462
Синон 314, 897—899
Синопа 781
Сипил 529, 655
Сиринга 125
Сирнус 13, 169, 180, 386, 426
Сисиф 205, 314—318, 322, 326, 328, 332, 356, 361, 458, 499, 513, 528, 531, 641, 845
Сита 692
Сифнос 433
Скамандр 322, 704, 706, 708, 815, 817, 818, 823
Скарфа 759
Скилла 74, 76, 300, 431, 433—435, 442, 766, 932, 937, 940
Скирий 449
Скирон 109, 328, 376, 450, 458, 460, 461, 545, 679
Скиф 667
Скорпион 204, 206
Смицфей 100
Смирна 85, 88, 365, 557, 657
Солим 358

- Соломон 358
Солоэнт 484
Сом 605
Сон 845, 869
Сосипол 713, 715
Софакс 675
Спермо 840
Сперхей 735
Стафил 131, 134, 417, 762, 840, 846
Стерои 30, 32, 104
Стеропа 377, 535, 932
Стесихор 834, 883
Стикс 54, 65, 179
Стимфал 311, 644, 723
Стимфалийские птицы 643, 784
Стримон 868
Стримона 818
Строфий 564, 567, 574
Строфий Второй 592
Сусапна 883
Сфенебея 336, 339, 340, 356
Сфенел 295, 549, 558, 601, 603, 652, 840, 859, 896
Сфенела 295, 839
Сфено 165, 341, 342
Сфер 453, 537
Сфинкс 6, 18, 169, 390, 508, 510, 511, 518, 608, 618, 626
Схен 553
Схеней 373, 374
- Тавмак 762
Тавмаит 166, 167
Тавр 288, 420, 442, 470, 476, 481
Тавропол 131, 134
Тайгета 633, 634
Талия 97, 100, 512
Талло 67
Талос 62—64, 109, 432, 437, 438, 440—443, 511, 595, 796, 799, 853
Талфибий 837, 849

- Таммуз 88, 89, 118, 127, 135
 Тамус 125, 127
 Танаис 651
 Тантал 364, 438, 513, 527—534, 541, 543, 557, 558, 694, 931
 Тантал Второй 551
 Тараксипп 332, 333
 Тарант 411
 Тартар 33, 71
 Тафия 545
 Теано 903, 911
 Тевкр 377, 815, 816, 818, 824, 825, 840, 886—888
 Тевтам 876
 Тевтамид 344
 Тевтар 609, 612
 Тевфрант 724—727
 Тегеат 417
 Тегирий 234, 236
 Тейодамант 734, 737, 774
 Тейомен 734
 Тейя 23, 201, 207, 695
 Текмесса 858, 864, 886—888
 Тектам 415, 418
 Теламон 310, 311, 370, 371, 376, 377, 383, 384, 458, 482, 532, 651, 701, 703, 820, 839, 887, 888
 Телебой 603
 Телегон 280, 446, 654, 930, 946, 949
 Теледам 560
 Телеклея 819
 Телемах 837, 846, 942—946, 948, 949
 Телета 932
 Телеф 724—726, 841, 842, 875, 892, 903
 Телефасса 285—287
 Телксиеня 932
 Телксиопа 932
 Тельхины 273
 Темен 62, 644, 750
 Тенес 850, 851, 853
 Тенн 330

- Теобула 536
Теогона 694
Теопа 464
Теофана 329
Терамб 188
Терей 231, 232, 233, 557
Терон 440
Терпсихора 932
Терсит 875, 876
Тесей 8, 130, 180, 236, 243, 288, 316, 325, 370, 372, 382, 389, 404, 417, 419, 420, 428, 454—475, 477—486, 488, 489, 491, 493—503, 510, 513, 517, 570, 595, 642, 646, 647, 651, 653, 659, 679, 681, 683, 686, 690, 732, 747, 748, 765, 834, 875, 880, 904
Тесуп 209, 211, 317, 446
Тесфида 28, 104, 166
Тесфия 24, 60, 309
Тся 215
Тиамат 14, 35, 48, 166, 173, 176, 333, 346, 498, 707, 939
Тиант 85
Тидей 514—516, 519
Тидид 824
Тималк 545
Тимандра 826
Тимойт 826
Тимосфен 750
Тимозт 897
Тинга 675
Тиндарей 248, 301, 302, 348, 350, 351, 496, 558, 559, 563, 571, 573, 574, 577, 578, 825, 836, 916
Тиона 131, 132, 135
Тиресий 17, 121, 363, 401, 509, 510, 512, 513, 516, 521, 603, 608, 611, 799, 915, 930, 931, 946, 948
Тиро 315, 319—322, 759, 931
Тиррен (Тирсен) 696
Тиррений 933
Тисамен 594, 595, 750, 842
Тисандр 808
Тисифона 41, 155, 583

- Титий 95, 287, 528, 653, 659, 674, 775
 Титон 145, 201, 202
 Тифис 762, 771, 781, 783
 Тифон 99, 166, 169, 174—177, 239, 458, 623, 628, 660, 672, 674, 676, 680, 787,
 818, 876, 877, 883, 884, 933, 939
 Тихе 729
 Тлеподем 577, 729, 749, 840
 Тмол 393, 527, 532, 534, 694, 697, 698
 Токсей 370, 374, 688
 Тоон 172
 Тооса 818, 926
 Торона 658
 Тот 81, 176, 265, 389, 645, 863
 Трагас 850
 Трамбел 704
 Трезен 452, 456
 Трибалл 695
 Тригей 27
 Триоп 111, 116, 178
 Триптолем 113, 114, 116, 117, 280, 591
 Тритон 54, 73, 411, 654, 796, 933
 Троил 819, 851, 856, 861, 863, 878, 879
 Трос 144, 145, 201, 815, 817, 884
 Трофоний 256, 257, 259, 397, 921
 Тюме 159
- Удей 287, 288
 Улисс 937
 Улликумми 43, 176
 Уран 28—31, 41, 42, 44, 55, 160, 174, 273, 415, 512
 Урания 754
 Урион 205
- Фавн 282, 665
 Фаилл 523
 Фалант 410, 411, 876, 878
 Фаларид 788
 Фалер 609, 659, 762

- Фамирид 97, 98, 146, 546, 754
Фан 762
Фанет (Эрос) 28, 29
Фарес 345
Фасос 285—287, 752
Фаэтон 29, 143, 201, 208, 210, 333, 424
Фаэтон (Эрикепай) 28
Фавтуса 207
Фсаген 750
Фсак 467, 469
Фсано 216, 893
Фсб 620
Фсба 23, 68, 70, 255, 349, 352
Фсгей 522, 523
Фсдра 330, 428, 431, 486, 488—491, 496, 875, 931
Фсмида 24, 60, 65, 67, 73, 95, 184, 187, 255, 378, 453, 665, 672, 673, 826
Фсмий 945
Фсмисто 328—330
Фсник 285, 287, 415, 838, 839, 867, 892, 916
Фсник из Библоса 85
Фснисса 287
Фснодам 702, 708
Фснья 798
Фсоклимен 694
Фсоноя 848, 849
Фср 323, 648, 760, 805, 808
Фсребся 468
Фсрек 467, 830
Фсрсандр 521, 522, 841, 842
Фсспиады 614
Фспий 613, 620, 729
Фспрот 551, 552
Фссал 808
Фсст 743
Фсстор 8, 848, 849, 852
Фсстида 66, 73, 75, 108, 109, 117, 129, 145, 160, 165, 166, 291, 378, 380, 382, 384, 468, 470, 478, 631, 656, 797, 800, 810, 826, 837, 838, 850, 854, 861, 867, 870, 877, 879, 880, 885, 887, 905, 922

- Фея 460
 Фиало 725, 727
 Фива 309, 361
 Фиест 322, 445, 518, 545, 546, 549—558
 Филак 335, 336, 338, 339, 348
 Филаммон 314
 Филант 734
 Филей 639, 640, 888
 Филий 389, 625
 Филера 782
 Филлида 197, 404, 405, 917, 918
 Филойтий 946
 Филоктет 443, 745, 825, 851, 852, 890, 891, 894, 919
 Филолай 652
 Филомела 231—234, 452, 839
 Филомелид 461, 850, 853
 Филонома 330, 850
 Филоноя 357
 Филохор 686
 Фимбрей 898
 Финседа 410, 411
 Финей 17, 237, 285, 286, 776—778, 780, 781
 Финн-Мак-Коол 89
 Фисадия 831
 Фискоя 544
 Фитал 114, 118, 462
 Фиталнды 462, 474, 478
 Флегий 247, 248, 304
 Флогий 781
 Флора 63
 Фоант 131, 134, 417, 470, 585, 586
 Фобос 83, 485
 Фодла 115
 Фок 233, 361, 376, 377, 380, 381, 384, 888
 Фол 443, 595, 635—638, 714
 Форбант 749, 750, 761, 933
 Форкида 168, 672
 Форкиды 165

Форкий 74, 165, 166, 168

Форкис 117

Формион 351, 354, 743

Фороней 210, 250, 263—265, 283, 306, 364, 419

Фороня 136

Фрасий 675

Фрикс 326, 327, 329, 330, 765, 812

Фронгис 781

Фтия 97, 838

Хавва 746

Халев 419

Халкиопа 452, 705, 781, 786

Халкодонт 485, 501, 705

Ханаан 287, 783

Харибла 766, 932, 937, 940

Харон 139, 153, 682

Хатор 322

Хем 347

Хен-Вен 460

Хепату 389

Херий 730

Хет 419

Хиада 365

Хиласйра 349

Химарр 357, 359

Химера 6, 7, 14, 18, 81, 169, 346, 356—358, 508, 626, 830

Хиона 234, 237, 314

Хирон 215, 247, 248, 249, 251, 304, 378, 379, 382, 383, 385, 443, 595, 636—638,
687, 759, 760, 763, 784, 808, 837

Хлиданопа 385

Хлорида 320, 364, 544, 931

Хнас 287

Хойре 117

Хо.ме 87

Хомад 636

Хон 605

Хрис 587, 652, 762, 793, 857, 864, 866, 868, 892

Хриса 816, 851

Хрисаор 165, 167, 342, 660

Хрисеида 587, 857, 863, 864, 866, 867

Хрисипп 145, 295, 508, 511, 546, 549, 547

Хрисиппа 295

Хрисофемиды 563, 565, 568, 840

Хромия 306

Хтоний 287, 288

Хтония 234

Шамаш 25

Шеол 118

Эа 42, 176, 177, 197

Эагр 754, 755

Эак 17, 154, 309—311, 313, 376, 377, 381, 417, 433, 434, 440, 450, 458, 558, 703,
818, 824, 839, 885, 888

Эакс 551, 560, 573, 590, 592, 859

Эан 839

Эбал 318

Эвади 325

Эвадна 348, 517, 520

Эвандр 263, 664, 665, 671

Эвант 131, 134, 417

Эварета 535

Эвбула 464

Эвбулей 113, 117, 464

Эвен 349, 354, 536

Эвер 723

Эвиппа 215, 218, 249

Эвмей 117

Эвмел 763, 879

Эвмениды 155

Эвмолп 113, 114, 116, 117, 234, 235, 237

Эвнсий 484, 768, 770, 772, 890

Эвпалам 449

Эвриал 762, 840

Эвриала 165, 203, 341, 342

- Эврианасса 530
Эврибий 748
Эврибия 166
Эвригией 431
Эвридамант 762
Эвридика 139, 142, 143, 166, 387, 877
Эврилох 377
Эвримах 945
Эвримедонт 24, 191
Эвримедуза 310
Эвринома 23, 28, 65, 67, 108, 109, 166, 202, 238, 309, 446
Эврипил 339, 705, 842, 868, 875, 892
Эврисак 886—888
Эврисфей 143, 549, 603, 606, 620, 623, 624, 629, 639, 640, 646, 649, 672, 683,
710, 747, 748, 752
Эврисфен 750
Эврит 172, 493, 609, 688, 689, 694, 710, 738, 739
Эвритемиста 527
Эвритион 370, 377, 493, 495, 636, 660, 661, 710, 714, 732
Эврифаесса 207, 209
Эврифоя 535
Эвфем 734, 762, 772, 780, 781, 796, 805
Эвфема 125
Эвфорб 869
Эгей 416, 429, 449—455, 462, 463, 465—467, 473, 810
Эгеон 31
Эгерия 492
Эгест 919
Эгеста 702
Эгиала 225
Эгиалей 790
Эгиалия 859
Эгида 31
Эгимий 366, 735, 748
Эгина 309, 312, 315, 812
Эгипт 282, 293, 294, 296—298
Эгисф 511, 552, 553, 558—561, 564—568
Эгла 165, 469

Эглеида 434

Эдип 317, 402, 411, 507—511, 513, 949

Эйдофея 914

Эйоней 868

Эйрен 480

Элаида 840

Элат 247, 251, 366, 367, 636, 762

Элата 126, 367

Элей 639, 641

Электра 166, 290, 563—566, 568, 571, 574, 575, 592, 766, 817, 818

Электрио 208, 211

Электрион 601

Элим 703

Эллин 185, 187, 213, 215, 218, 219

Эльпенор 931, 932

Эмпусы 275, 300

Энал 410, 411

Энарета 217, 219, 319

Энарэфор 496

Энденда 311, 376, 382, 458

Эндимион 201, 306, 307, 539, 713

Эпей 85, 87, 250, 259, 498, 822, 827, 831, 857, 869, 892—894, 903, 908, 910, 939

Энией 417

Энио 165, 168

Энипей 319, 322

Энкелад 172

Энкиду 670, 732

Энном 730

Эно 840

Эномай 97, 272, 333, 354, 535—537, 539, 542, 545, 874

Энона 5, 309, 827, 831, 841, 891

Энопа 434

Энопион 130, 134, 203—205, 368, 417, 470, 478, 627

Энопия 309

Эол 26, 215—219, 225, 314, 315, 319, 348, 419, 594, 834, 928, 940

Эос 120, 144, 145, 171, 201—204, 207, 237, 423—425, 650, 877, 878, 883, 939

Эпаминонд 352, 450, 739

Эпаф 280, 282, 675

- Эпей 306, 425, 427, 871, 896, 899
Эпидавр 248, 545
Эпикаста 553, 931
Эпимед 269, 270
Эпиметей 183, 191—193, 197
Эпир 523, 667, 916
Эпистроф 857
Эпопей 809
Эрато 128
Эратосфен 911
Эргин 256, 397, 615, 616, 762, 781
Эреб 33, 58
Эрех 732
Эрехтеиды 122, 438, 455, 463, 465, 613
Эрехтей 221, 231, 233, 423, 437, 449
Эрехфеиды 236
Эрехфей 122, 123, 215, 221, 235, 238, 449
Эрибей 468
Эрибея 178, 179, 180
Эригона 368, 369, 422, 444, 477, 511, 565, 577, 580, 592
Эрида 62, 63, 90, 119, 379, 383, 493, 494, 550, 555, 826
Эрикс 461, 666, 671, 703, 795
Эринии 77, 578, 583
Эриопида 808, 809, 840
Эрисихтон 111, 116
Эритр 417
Эрифилла 8, 515, 518, 521, 522, 524, 570, 571, 931
Эрифия 165, 661
Эрихтоний 120, 122, 237, 239, 248, 250, 251, 815, 817
Эрос 28, 29, 172, 173, 785, 786, 788
Эрот 71
Эсак 819, 823, 826
Эскулап 249
Эсмун 680
Эсон 320, 759, 803, 805
Этана 145
Этеокл 197, 244, 322, 324, 514—516, 518
Этилла 855, 865

Этиол 826

Этол 306, 307

Эфес 528, 652

Эфиал 172

Эфиальт 178, 179, 419

Эфра 453, 454, 456, 462, 496, 501, 831, 904

Эфрон 419

Эхалия 620, 738, 740

Эхем 748

Эхен 665

Эхет 794

Эхефрон 666

Эхион 80, 82, 287, 288, 762, 769, 899

Эхнатон 142

Эхо 7, 125, 279, 401—403

Эшмун 288

Ээт 766, 785—787, 789, 790, 794, 812

Ээтион 857, 864

Юба 671

Юпитер 26, 270

Ямба 112, 117

Янус 169, 180

Яо 29

Ясон 289, 320, 332, 370, 371, 463, 471, 630, 640, 760, 762—765, 768—772, 774—
776, 781, 782, 785—790, 792, 794, 796, 797, 803, 804, 807, 809, 810, 812

Ятпан 206

Яфет 194

Яхве 34, 57, 258, 346, 395, 556, 921

Оглавление

<i>Введение</i>	5
Мифы творения	
1. Пеласгический миф творения	23
2. Гомеровский и орфический мифы творения	28
3. Олимпийский миф творения	30
4. Два философских мифа творения	33
5. Пять веков человечества	36
Старшие боги	
6. Оскопление Урана	41
7. Свержение Крона	44
Зевс и его родичи	
8. Рождение Афины	53
9. Зевс и Метидя	55
10. Мойры	58
11. Рождение Афродиты	60
12. Гера и ее дети	62
13. Зевс и Гера	65
14. Рождение Гермеса, Аполлона, Артемиды и Диониса	68
15. Рождение Эроса	71
16. Происхождение и деяния Посейдона	73
17. Происхождение и деяния Гермеса	78
18. Происхождение и деяния Афродиты	83
19. Происхождение и деяния Ареса	90

20. Происхождение и деяния Гестии	92
21. Происхождение и деяния Аполлона	95
22. Происхождение и деяния Артемиды	103
23. Происхождение и деяния Гефеста	108
24. Происхождение и деяния Деметры	111
25. Происхождение и деяния Афины	119
26. Происхождение и деяния Пана	124
27. Происхождение и деяния Диониса	128
Орфей, Ганимед и Загрей	
28. Орфей	139
29. Ганимед	144
30. Загрей	148
Боги подземного мира и судьбы	
31. Боги преисподней	153
32. Тюхе и Немесида	159
Чудовища	
33. Дети моря	165
34. Дети Ехидны	169
35. Бунт гигантов	171
36. Тифон	174
37. Алоады	178
Потоп	
38. Девкалионов потоп	183
Титаны, Атлант и Прометей	
39. Атлант и Прометей	191
Небесные боги	
40. Эос	201
41. Орион	203
42. Гелиос	207
Эллин и его потомство	
43. Сыновья Эллина	215
44. Ион	221
Алкиона и Кеик	
45. Алкиона и Кеик	225
Род Афинских царей	
46. Терей	231

47. Эрехфей и Эвмолп	234
48. Борей	237
Алопа	
49. Алопа	243
Асклепий	
50. Асклепий	247
Оракулы	
51. Оракулы	255
Алфавит	
52. Алфавит	263
Демонические существа	
53. Дактили	269
54. Тельхины	273
55. Эмпусы	275
Старшее поколение героев	
56. Ио	279
57. Фороней	283
58. Европа и Кадм	285
59. Кадм и Гармония	290
60. Бел и Danaиды	293
61. Ламия	300
62. Леда	301
63. Иксион	304
64. Эндимион	306
65. Пигмалион и Галатея	308
66. Эак	309
67. Сисиф	314
68. Салмоней и Тиро	319
69. Алкестида	323
70. Афамант	326
71. Кобылицы Главка	332
72. Меламп	335
73. Персей	340
74. Соперничество близнецов	348
75. Беллерофонт	356
76. Антиопа	360
77. Ниоба	363
78. Кенида и Киней	366
79. Эригона	368

80. Калидонский вепрь	370
81. Теламон и Пелей	376
82. Аристей	385
83. Мидас	391
84. Клеобис и Битон	397
Превращения	
85. Нарцисс	401
86. Филлида и Кария	404
Арион	
87. Арион	409
Минос и его окружение	
88. Минос и его братья	415
89. Возлюбленные Миноса	423
90. Дети Пасифаи	428
91. Скилла и Нис	433
92. Дедал и Талос	437
93. Катрей и Алтемен	445
Жизнь и подвиги Тесея	
94. Сыновья Пандиона	449
95. Рождение Тесея	452
96. Подвиги Тесея	457
97. Тесей и Медея	462
98. Тесей на Крите	466
99. Объединение Аттики	479
100. Тесей и амазонки	484
101. Федра и Ипполит	488
102. Лапифы и кентавры	493
103. Тесей в Аиде	496
104. Смерть Тесея	500
Фиванский цикл	
105. Лай	507
106. Семеро против Фив	514
107. Эпигоны	521
Род Атридов	
108. Тагтал	527
109. Пелоп и Эномай	535
110. Дети Пелопа	544
111. Атрей и Фиест	549
112. Агамемнон и Клитемнестра	558
113. Месть Ореста	564

114. Суд над Орестом	573
115. Умиротворение Эринии	581
116. Ифигения в Тавриде	585
117. Царствование Ореста	592

Жизнь и подвиги Геракла

118. Рождение Геракла	601
119. Юность Геракла	607
120. Дочери Феспия	613
121. Эргин	615
122. Безумие Геракла	619
123. Первый подвиг: Немейский лев	623
124. Второй подвиг: Лернейская гидра	628
125. Третий подвиг: Керинейская лань	632
126. Четвертый подвиг: Эриманфский вепрь	635
127. Пятый подвиг: Авгиевы конюшни	639
128. Шестой подвиг: Стимфалийские птицы	643
129. Седьмой подвиг: Критский бык	646
130. Восьмой подвиг: кобылицы Диомеда	648
131. Девятый подвиг: пояс Ипполиты	651
132. Десятый подвиг: коровы Гериона	660
133. Одиннадцатый подвиг: яблоки гесперид	672
134. Двенадцатый подвиг: пленение Кербера	681
135. Убийство Ифита	688
136. Омфала	694
137. Гесиона	701
138. Завоевание Элиды	709
139. Захват Пилоса	717
140. Сыновья Гиппокоонта	721
141. Авга	723
142. Деянира	728
143. Геракл в Трахине	734
144. Иола	738
145. Апофеоз Геракла	740
146. Дети Геракла	747
147. Лин	753

Плавание аргонавтов

148. Сбор аргонавтов	759
149. Лемносские женщины и царь Кизика	769
150. Гилас, Амик и Финей	774
151. От Симплегад к Колхиде	780
152. Похищение Руна	785
153. Убийство Алсирта	790
154. «Арго» возвращается в Грецию	794

Судьба Медеи	
155. Смерть Пеллея	803
156. Медея в Коринфе	807
157. Медея в изгнании	810
Троянская война	
158. Основание Трои	815
159. Парис и Елена	825
160. Первый сбор в Авлиде	835
161. Второй сбор в Авлиде	848
162. Девять лет войны	854
163. Гнев Ахилла	866
164. Гибель Ахилла	875
165. Безумие Дякса	885
166. Оракулы Трои	890
167. Деревянный конь	896
168. Разграбление Трои	902
169. Возвращение домой	914
Мифы о возвращении	
170. Странствия Одиссея	925
171. Возвращение Одиссея	942
Указатель имен мифологических персонажей	950